ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ

ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И УЧЕНИКОВЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

составлена
Я. Г. ГУРЕВИЧЕМЪ,
директоромъ С.-Петербургской частной гимназіи и реальнаго училища Гуревича.

Часть третья.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 2 руб. 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія В. А. Вацлика, Спб., Литейный пр., № 45—8.
1897.

Берегите книги!

Не перегибайте книгу во время чтения.
Не загибайте углов.
Не делайте надписей на книге.
Не смачивайте пальцев слюною,
перелистывая книгу.
Завертывайте книгу в бумагу.

1-я Сов. тип. Зак. № 79—3.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ПОСОБІЕ

ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И УЧЕНИКОВЪ СТАРШИХЪ КЛАССОВЪ СРЕДНЕ-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СОСТАВЛЕНА

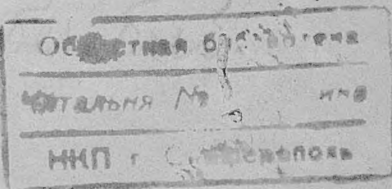
Я. Г. ГУРЕВИЧЕМЪ,

директоромъ С.-Петербургской частной гимназіи и реальнаго училища Гуревича.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Цѣна 2 руб. 25 коп.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1897.

Типо-Литографія В. А. Вацлика, Спб., Литейный пр., № 45—8.

Предисловіе къ первому изданію.

Наша историческая литература о Петрѣ Великомъ не отличается, какъ извѣстно, богатствомъ и разнообразіемъ: „Исторія царствованія Петра Великаго“ Устрялова, къ сожалѣнію, незаконченная, отдѣлъ „Исторіи Россіи“ Соловьева, обнимающій эпоху Петра Великаго и „Публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ“ того же автора, „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Императора Петра Великаго“ Погодина, шестой выпускъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ главнѣйшихъ ея дѣятелей“ Костомарова и „Исторія Петра Великаго“ Брикнера—вотъ все, или почти все, что представляетъ наша историческая литература крупнаго и доступнаго по изложенію относительно самой выдающейся эпохи въ исторіи Россіи, именно эпохи Петра Великаго. Есть, правда, масса мемуаровъ, дневниковъ современниковъ Петра Великаго, русскихъ и иностранцевъ, начато уже изданіе писемъ и бумагъ самого Петра Великаго, имѣются и другіе разнообразные первоначальные источники въ видѣ регламентовъ воинскаго, морского, духовнаго, доклады и приговоры сената, документы для исторіи сvнода, флота и др. подобные источники, но этотъ матеріалъ, по многимъ причинамъ, не можетъ быть доступенъ учащемуся юношеству въ его первоначальномъ видѣ. Есть, наконецъ, цѣлая серія капитальныхъ трудовъ историко-литературнаго, церковнаго и въ особенности историко-юридическаго характера, въ которыхъ заключается очень цѣнный матеріалъ для изученія эпохи Петра Великаго, но эти сочиненія какъ по своему содержанію, такъ и по своему изложенію еще менѣе могутъ быть доступны учащемуся юношеству даже самыхъ старшихъ классовъ гимназіи, въ ихъ цѣльномъ видѣ, и притомъ многіе изъ этихъ капитальныхъ трудовъ успѣли уже сдѣлаться библіографическою рѣдкостью. Вотъ почему составленіе издаваемаго нынѣ третьяго тома историческ-кой хрестоматіи по русской исторіи представляло для состави-

теля очень много трудностей. Наиболѣе трудностей встрѣтилъ онъ при составленіи того отдѣла, который представляетъ изложеніе внутреннихъ реформъ Петра Великаго и который обнимаетъ большую часть всего третьяго тома „Исторической хрестоматіи". Всякому, изучавшему эпоху Петра Великаго по вышеназваннымъ сочиненіямъ Устрялова, Соловьева, Брикнера и др. извѣстно, какъ мало разработана въ нихъ внутренняя исторія царствованія Петра Великаго: Устряловъ въ обширномъ изложеніи „Исторія царствованія Петра Великаго", далъ намъ только подробное описаніе дѣтства и воспитанія Петра Великаго, эпохи правленія Софьи, первыхъ годовъ самодержавнаго правленія Петра Великаго, описаніе Великой Сѣверной войны (до 1706 г. включительно) и въ шестомъ томѣ подробное изложеніе дѣла царевича Алексѣя Петровича; внутреннихъ реформъ Петра Великаго Устряловъ вовсе не коснулся (если не считать главы о преобразованіи духовнаго вѣдомства въ періодѣ отъ 1700 до 1706 г.); Погодинъ въ своемъ сочиненіи „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго" (1672—1689 г.), какъ показываетъ и самое заглавіе этого сочиненія, вовсе не могъ коснуться преобразовательной дѣятельности Петра Великаго", Брикнеръ въ своемъ объемистомъ сочиненіи „Исторія царствованія Петра Великаго" останавливается главнымъ образомъ на первой эпохѣ царствованія Петра Великаго и затѣмъ на его внѣшней политикѣ и дипломатіи и оказывается весьма скупымъ на подробное изложеніе государственныхъ и сословныхъ реформъ Петра Великаго, имѣющихъ такое громадное значеніе. Немного болѣе мѣста удѣлено этимъ вопросамъ и Костомаровымъ въ его біографіи Петра Великаго, при чемъ, скажемъ мимоходомъ, взглядъ талантливаго историка на геніальнаго реформатора страдаетъ значительною односторонностью. Наиболѣе мѣста удѣлено изложенію внутреннихъ реформъ Петра Великаго въ капитальномъ трудѣ незабвеннаго историка Соловьева „Исторія Россіи", въ которой шесть томовъ (XIII—XVIII) заключаютъ въ себѣ подробное изложеніе "Исторіи Россіи въ эпоху преобразованій Петра Великаго". Но извѣстно, какъ трудно слѣдить за изложеніемъ реформъ Петра Великаго въ „Исторіи Россіи" Соловьева, благодаря хронологическому порядку изложенія событій, вслѣдствіе чего матеріалъ, относящійся къ каждой изъ реформъ Петра Великаго, является чрезвычайно дробнымъ и разбросаннымъ по различнымъ томамъ и не даетъ цѣлостнаго о ней представленія, какое получается отъ чтенія „Публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ". Но въ этихъ замѣчательно талантливыхъ по своему изложенію

„Публичныхъ лекціяхъ“ нашъ знаменитый историкъ задался всего болѣе цѣлью выяснить значеніе совершеннаго Петромъ Великимъ переворота, и потому въ этихъ лекціяхъ читатель найдетъ скорѣе правильное освѣщеніе произведенныхъ геніальнымъ реформаторомъ преобразованій, чѣмъ фактическое изложеніе ихъ.

Въ виду всего вышесказаннаго составитель предлагаемаго читателямъ тома хрестоматіи былъ поставленъ въ необходимость черпать матеріалъ для изложенія внутреннихъ роформъ Петра Великаго преимущественно изъ разнообразныхъ сочиненій по юридической литературѣ, въ которыхъ разработана та или другая сторона преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, каковы сочиненія: *Петровскаго* („О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“), *Градовскаго* („Высшая администрація и генералъ-прокуроры въ XVIII в.“), *Сергѣевича* („Лекціи по исторіи русскаго права“), *Лохвицкаго* („Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія“), *Дмитріева* („Судебныя инстанціи отъ Уложенія до Наказа Императрицы Екатерины II“), *Дитятина* („Устройство и управленіе городовъ Россіи“), *Романовича-Славатинскаго* („Дворянство въ Россіи“), *Бобровскаго* („Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ“), *Бѣляева* („Крестьяне на Руси“), *Горчакова* („Монастырскій приказъ“), *Владимірскаго-Буданова* („Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII в.“) и нѣкоторыя другія подобныя сочиненія. При этомъ составитель заботился о включеніи въ хрестоматію изъ названныхъ историко-юридическихъ сочиненій въ компилятивной формѣ или въ цѣльныхъ отрывкахъ только того матеріала, который, по убѣжденію его, можетъ быть доступенъ ученикамъ самыхъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній при помощи преподавателя, а въ большей части случаевъ даже при самостоятельномъ чтеніи *).

Придавая важное значеніе возможности для учащагося юношества знакомиться съ личностью Петра Великаго и съ его эпохою не только по отрывкамъ, заимствованнымъ изъ современныхъ историческихъ трудовъ и изслѣдованій, но и по первоначальнымъ источникамъ, составитель не поскупился также и на выдержки, заимствованныя изъ разнородныхъ первоисточниковъ, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго.

Въ третьемъ томѣ „Исторической Хрестоматіи“ ученики найдутъ отрывки и изъ „Записокъ Матвѣева“ и изъ дневника Корба, а также и Берхгольца, и изъ „Дѣяній“ Голикова, и

*) Какъ и въ предъидущихъ томахъ „Исторической Хрестоматіи“, статьи, доступныя ученикамъ только при помощи объясненій преподавателя, напечатаны мелкимъ шрифтомъ и отмѣчены въ оглавленіи звѣздочкою.

изъ мемуаровъ Вебера, и изъ „Записокъ“ Неплюева, и изъ „Достапамятныхъ повѣтствованій“ Нартова, и изъ „Журнала“ Петра Великаго, и изъ бумагъ и писемъ его, и изъ „Разговора о пользѣ наукъ и училищъ“ Татищева и изъ его же „Духовной“, и изъ уставовъ морского и воинскаго, и изъ „Духовнаго регламента“, и изъ рѣчей Өеофана Прокоповича, и даже изъ руководствъ Петровскаго времени, каковы „Ариөметика“ Магницкаго и „Земноводнаго круга описаніе“ Гибнера, и изъ многихъ другихъ первоисточниковъ, рельефно рисующихъ въ заимствованныхъ изъ нихъ отрывкахъ замѣчательную, во многихъ отношеніяхъ своеобразную и во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно интересную эпоху Петра Великаго. Въ общей сложности число статей, заимствованныхъ изъ первоначальныхъ источниковъ, составляетъ въ предлагаемомъ третьемъ томѣ около третьей части всего числа статей, заключающихся въ означенномъ томѣ.

Чтобы дать возможность учащимся составить себѣ наиболѣе правильный и разносторонній взглядъ на личность и дѣятельность Петра Великаго, въ концѣ книги дается цѣлый рядъ статей, заключающихъ въ себѣ оцѣнку преобразовательной дѣятельности геніальнаго реформатора съ разныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ въ послѣдней статьѣ объясняются причины противорѣчивыхъ взглядовъ на Петра Великаго.

Глубоко убѣжденный въ громадномъ воспитательномъ значеніи для русскаго юношества по возможности обстоятельнаго и серьезнаго изученія грандіозной личности великаго преобразователя и его неутомимой многосторонней дѣятельности, составитель старался дать возможность ученикамъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній познакомиться какъ можно болѣе обстоятельно съ его преобразовательною дѣятельностію, коснувшеюся всѣхъ сторонъ жизни русскаго народа. Это-то стремленіе составителя и увлекло его при составленіи 3-го тома далеко за тѣ рамки, въ которыя необходимо было бы втиснуть содержаніе этого тома, принимая во вниманіе постановку курса исторіи даже въ старшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній. Но да послужатъ составителю оправданіемъ слѣдующія знаменетельныя слова, которыми характеризуетъ Петра Великаго въ своихъ запискахъ Неплюевъ: „Однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, то отъ сего источника черпать будутъ“. Во всякомъ случаѣ, въ слѣдующихъ изданіяхъ 3-го тома, которыя, судя по первымъ двумъ томамъ, раньше или позже могутъ понадобиться, легко будетъ сдѣлать необходимыя сокращенія.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность В. Д. Сиповскому, принимавшему нѣкоторое участіе въ составленіи хрестоматіи *), а также Е. Ф. Шмурло, отборная библіотека котораго по русской исторіи служила для меня значительнымъ подспорьемъ при составленіи этого третьяго тома „Исторической хрестоматіи".

Я. Гуревичъ.

1-го іюня 1898 года.

---

*) Изъ 110 статей, вошедшихъ въ третій томъ, 14 статей, обнимающихъ въ общей сложности около четырехъ печатныхъ листовъ, составлены В. Д. Сиповскимъ. Статьи эти напечатаны подъ слѣдующими нумерами: статья 6, 8, 25, 55, 58, 69, 70, 71, 72, 73, 82, 87 и 88-я.

Предисловіе ко второму изданію.

Со времени появленія въ свѣтъ перваго изданія третьяго тома составленной нами Исторической хрестоматіи по русской исторіи прошло восемь лѣтъ. Пользованіе этой книгой, какъ пособіемъ при изложеніи эпохи Петра Великаго, за этотъ періодъ времени указало намъ на необходимость сокращенія нѣкоторыхъ статей, а также на необходимость устраненія тѣхъ изъ нихъ, которыя или оказывались слишкомъ тяжеловѣсными для учениковъ по множеству подробностей и по своему изложенію, или же такихъ статей, которыя хотя и были вполнѣ доступны пониманію учениковъ, но заключали въ себѣ слишкомъ мало новаго матеріала сравнительно съ другими однородными по содержанію статьями. Пользуясь указаніями опыта, мы и сдѣлали во второмъ, нынѣ выпускаемомъ нами, изданіи соотвѣтственныя измѣненія. Такъ, выпущена нами въ этомъ новомъ изданіи статья, заимствованная изъ сочиненія Бобровскаго: „Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ“, озаглавленная въ первомъ изданіи: „Учрежденіе регулярныхъ войскъ и устройство ихъ содержанія“, какъ статья, оказавшаяся слишкомъ тяжелою для чтенія даже ученикамъ самыхъ старшихъ классовъ. Съ другой стороны, мы считали необходимымъ воспользоваться для второго изданія третьяго тома нашей „Исторической хрестоматіи“ капитальнымъ трудомъ П. Милюкова, вышедшимъ въ 1893 г. подъ заглавіемъ: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформы Петра Великаго“. Изъ этого сочиненія заимствовано нами нѣсколько страницъ, озаглавленныхъ „Меркантилистическія идеи въ проектахъ современниковъ Петра Великаго и усвоеніе ихъ правительствомъ“.

Во второмъ изданіи исправлены нами также нѣкоторыя стилистическія и корректурныя погрѣшности, вкравшіяся въ первое изданіе. Улучшена также и внѣшность изданія: второе изданіе напечатано на лучшей бумагѣ и при томъ глазированной; печать болѣе четкая.

Первое изданіе третьяго тома „Исторической хрестоматіи по русской исторіи“ удостоилось рекомендаціи Ученаго Комитета Министерства Народнаго просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста“. Смѣемъ думать, однакожъ, судя по отзывамъ печати о первомъ изданіи, что появляющійся нынѣ вторымъ изданіемъ третій томъ нашей „Исторической хрестоматіи“ можетъ служить пособіемъ не только для внѣкласснаго, но и для класснаго чтенія учениковъ старшаго возраста подъ руководствомъ преподавателя, освѣщая имъ многія стороны въ личности и разносторонней преобразовательной дѣятельности Петра Великаго, которыхъ при спѣшномъ вообще прохожденіи курса приходится поневолѣ касаться только слегка, и которыя въ нашихъ руководствахъ по русской исторіи, при ихъ по необходимости крайне сжатомъ объемѣ, выяснены слишкомъ мало и поверхностно. Мы убѣждены, что эпоха Петра Великаго, болѣе чѣмъ какой-либо отдѣлъ русской исторіи, и по существу, и съ точки зрѣнія методики, заслуживаетъ того, чтобы именно на этой эпохѣ возможно дольше и серьезнѣе сосредоточить вниманіе учащихся, ибо, выражаясь словами извѣстнаго историка Погодина. «нынѣшняя Россія, т. е. Россія Европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная—еснь произведеніе Петра Великаго. Какое явленіе въ сихъ сферахъ гражданской жизни ни стали бы мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали бы мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непременно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы всѣхъ нашихъ нитей соединяются въ одномъ узлѣ».

Я. Гуревичъ.

С.-Петербургъ, 20 Августа 1897 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

„ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРЕСТОМАТІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ".

Время Петра Великаго.

Стран.

Стран.

Стран.

Время Петра Великаго.

I. Рожденіе и отрочество Петра Великаго.

(*Изъ «Исторіи царствованія Петра Великаго», Устрялова, т. I.*)

Отецъ Петра, царь Алексѣй Михайловичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, въ молодыхъ лѣтахъ сочетался бракомъ съ дочерью незнатнаго дворянина Ильи Даниловича Милославскаго и двадцать одинъ годъ жилъ съ нею въ любви и согласіи. Пять сыновей и восемь дочерей были плодомъ этого брака. Первенецъ ихъ, Димитрій, скончался младенцемъ; второй сынъ, Алексѣй, достигъ совершеннолѣтія, былъ торжественно объявленъ народу по обычаю, принималъ пословъ, какъ наслѣдникъ престола, и уже началъ раздѣлять съ отцомъ труды правленія, когда жестокіе удары одинъ за другимъ поразили сердце государя: въ 1669 году онъ потерялъ любимую супругу, скончавшуюся вслѣдствіе несчастныхъ родовъ; чрезъ три мѣсяца—четырехлѣтняго сына Симеона, чрезъ полгода—шестнадцатилѣтняго царевича Алексѣя.

Царь овдовѣлъ сорока лѣтъ. Грустно смотрѣлъ онъ на двухъ оставшихся у него сыновей, Ѳеодора и Іоанна, больныхъ, хилыхъ, страдавшихъ скорбутою или цынгою, видѣлъ въ нихъ преемниковъ ненадежныхъ, и чрезъ два года по кончинѣ царицы, еще крѣпкій силами, далекій отъ старости преклонной, рѣшился вступить въ новый бракъ. Выборъ его палъ на жившую въ домѣ Матвѣева дѣвицу, юную и прекрасную: то была Наталія Кирилловна, дочь Тарусскаго помѣщика, стольника и полковника рейтарскаго строя, Кирилла Полуектовича Нарышкина. Алексѣй Михайловичъ обвѣнчался съ Наталіею Кирилловною 22 января 1671 года, въ Успенскомъ соборѣ, съ обычными обрядами.

Чрезъ шестнадцать мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія, 30 мая 1672 года, въ день преподобнаго Исаакія Далмацкаго, въ первомъ часу по полуночи, молодая царица обрадовала государя рожденіемъ сына, нареченнаго Петромъ: (имя, небывалое въ царскомъ семействѣ, но и не чуждое русскому слуху, ежедневно возглашаемое въ св. храмахъ.) Рано утромъ колокольный звонъ возвѣстилъ Москвѣ о рожденіи царевича. Въ 5 часовъ радостный отецъ былъ уже въ Успенскомъ соборѣ на молебствіи, которое совершалъ митрополитъ новгородскій, Питиримъ, съ духовенствомъ. По окончаніи молебствія, царь, принявъ поздравленіе духовенства, бояръ и людей ближнихъ, ходилъ въ Архангельскій соборъ и Вознесенскій дѣвичій монастырь на поклоненіе праху родителей; послѣ того молился въ Чудовомъ монастырѣ надъ гробомъ святи-

теля Алексѣя митрополита и, приложившись къ св. иконамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, возвратился во дворецъ, гдѣ сказалъ чинъ окольничаго отцу царицы, Кириллу Полуектовичу, и Артамону Сергѣевичу Матвѣеву.

Между тѣмъ, бояре и думные люди, также полковники и головы стрѣлецкіе собрались съ столовую палату. Царь жаловалъ ихъ водкою, фряжскими винами, яблоками, дулями и другими плодами. На 3-й день былъ столъ въ царицыной золотой палатѣ для бояръ и ближнихъ людей, безъ зову и безъ мѣстъ. Предъ обѣдомъ царь жаловалъ водкою, спальники подносили закуску, коврижки, яблоки, дули, инбирь. При столѣ служили царицыны стольники.

Святое крещеніе новорожденный принялъ въ день своего тезоименитства, на праздникъ св. апостолъ Петра и Павла 29 іюня, въ Чудовомъ монастырѣ, въ трапезѣ церкви св. митрополита Алексѣя, до литургіи. Воспріемниками его были: старшій братъ, царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и тетка, царевна Ирина Михайловна. На другой день въ Грановитой палатѣ былъ родильный столъ, а чрезъ три дня крестильный. Въ оба раза царь угощалъ до 400 человѣкъ, какъ знатныхъ сановниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, такъ равно и выборныхъ людей изъ черныхъ сотенъ и слободъ дворцовыхъ.

«Когда родится царевичъ»,—говоритъ русскій писатель XVII вѣка,—«на воспитаніе его избираютъ жену добрую, чистую, млекомъ сладостную и здоровую, и живетъ она въ Верху у царицы съ годъ, а по прошествіи года отпускается съ награжденіемъ. Для присмотра же приставляютъ мамку, боярыню честную, вдову старую, да няньку съ прислужницами. А какъ будетъ царевичъ лѣтъ пяти, для береженья и наученья опредѣляютъ къ нему боярина, честью великаго, тихаго и разумнаго, съ товарищемъ изъ окольничихъ или думныхъ людей; въ слуги же и въ стольники выбираютъ изъ боярскихъ дѣтей такихъ же молодыхъ, какъ и царевичъ. А когда приспѣетъ время учить его грамотѣ, опредѣляютъ къ нему въ учители, изъ посольскихъ подъячихъ, людей тихихъ и не бражниковъ; учатъ же только русскому языку; а ученія латинскому, греческому, нѣмецкому или другимъ языкамъ въ Россіи не бываетъ. У каждаго изъ царевичей свои хоромы и люди особые, и до 15 лѣтъ, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, никто ихъ видѣть не можетъ: когда же исполнится 15 лѣтъ, кажутъ его всему народу».

Такъ разсказываетъ Котошихинъ о воспитаніи царскихъ дѣтей въ старое время. Такъ, по всей вѣроятности, воспитывали и Петра. Кормилицею его была боярыня, княгиня Неонила Іероѳеевна Львова; мамками: боярыня Матрена Романовна Леонтьева и верховая боярыня, престарѣлая вдова князя Ивана Васильевича Голицына, княгиня Ульяна Ивановна, исполнявшая ту же обязанность при царевичѣ Симеонѣ Алексѣевичѣ: дядьками—Стрешневы: бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ и думный дворянинъ Тихонъ Никитичъ; оба они являются въ этомъ званіи впослѣдствіи, во время коронаціи Петра. Родіонъ Матвѣевичъ, бывшій стольникомъ въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича, умеръ въ глубокой старости, когда питомецъ его достигъ 15-ти-лѣтняго возраста; современники отзываются о немъ съ похвалою, какъ о мужѣ честномъ, умномъ и правдивомъ. Тихонъ Никитичъ занималъ впослѣдствіи, въ царствованіе Петра, важныя должности въ государствѣ, и своимъ прямодушіемъ, безкорыстіемъ, знаніемъ дѣла заслужилъ ува-

женіе государя; впрочемъ, любилъ шумную бесѣду. Учителемъ юнаго царевича былъ подъячій приказа Большаго прихода Никита Моисеевичъ Зотовъ, извѣстный участіемъ въ заключеніи Бахчисарайскаго договора, еще болѣе знаменитый впослѣдствіи, какъ первый князь-папа, человѣкъ грамотный, но ограничившій всѣ свои свѣдѣнія одною Русскою грамотою, и далеко не небражникъ. Чему научилъ онъ своего питомца — увидимъ впослѣдствіи. Первые сверстники отрока Петра достовѣрно не извѣстны, за исключеніемъ двухъ: Григорія Лукина и Екима Воронина. Оба они положили свои головы подъ стѣнами Азова.

Къ сожалѣнію, современники оставили намъ немногія, отрывистыя замѣтки о Петровой юности. Есть сверхъ того нѣсколько преданій позднѣйшихъ, въ которыхъ бытописатели видятъ и узнаютъ будущаго героя, но эти преданія частью маловажны, частью невѣроятны. До пятнадцатилѣтняго возраста Петра, до того времени, о которомъ онъ самъ заговоритъ съ потомствомъ и раскроетъ свои тайныя думы, мы не имѣемъ никакихъ средствъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его душевныхъ способностей и можемъ только догадываться, какое вліяніе на его юность имѣли люди и событія. Радостно и весело встрѣтилъ онъ жизнь. Нѣжно любимый матерью, онъ былъ при ней безотлучно, забавлялъ ее рѣзвостью дѣтскихъ игръ, сопутствовалъ ей во всѣхъ выѣздахъ, и уже трехлѣтнимъ младенцемъ обнаруживалъ ту пылкую живость, которая впослѣдствіи была отличительною чертою его характера: однажды, когда въ селѣ Коломенскомъ царица тайно смотрѣла на аудіенцію цесарскаго посла изъ сосѣдняго покоя, нетерпѣливый Петръ настежъ распахнулъ дверь и далъ случай иноземцамъ увидѣть московскую государыню. Первые годы младенчества онъ провелъ большею частью въ подгородномъ селѣ Преображенскомъ, въ трехъ верстахъ отъ Москвы, за рѣкою Яузою. Сюда каждую осень переселялся царь Алексѣй Михайловичъ со всѣмъ семействомъ; здѣсь онъ тѣшился драматическими представленіями, при звукѣ нѣмецкой музыки, еще болѣе соколиною охотою, которую любилъ до страсти. Здѣсь родились первыя впечатлѣнія въ душѣ Петра, и Преображенское осталось навсегда любезнымъ его сердцу. Удаляясь придворныхъ крамолъ и дерзкаго властолюбія царской няньки, Наталія Кириловна жила большею частью въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, подъ нѣжнымъ, неусыпнымъ надзоромъ матери, развились отроческія силы Петра: онъ росъ не по днямъ, а по часамъ: въ десять лѣтъ казался пятнадцатилѣтнимъ юношею; на щекахъ игралъ румянецъ, какъ у красной дѣвицы; большія черныя очи сверкали огнемъ; темнорусыя, природныя кудри украшали чело; во всѣхъ движеніяхъ его обнаруживалась смѣлая живость.

II. Обученіе Петра грамотѣ.

(Изъ «Опытовъ» Забѣлина).

Среди дѣтскихъ игръ и потѣхъ наступило наконецъ время книжнаго ученія и писанія. Крекшинъ разсказываетъ, что книжное ученіе,

подъ руководствомъ Зотова, началось 12 марта 1677 года, т. е. когда царевичу былъ на исходѣ пятый годъ. Дѣйствительно, въ царскомъ быту обученіе грамотѣ начиналось съ пятилѣтняго возраста. Но принимая въ соображеніе дѣтство Петра, которое весьма рано выразило силу способностей ребенка, можно предположить, что обученіе маленькаго Петра началось еще раньше. Это подтверждается нижеслѣдующимъ оффиціальнымъ указаніемъ, которое хотя и не представляетъ прямого свидѣтельства по этому предмету, но тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія. Изъ расходныхъ книгъ Тайнаго приказа узнаемъ, что подъячій тайныхъ дѣлъ, Григорій Гавриловъ, въ октябрѣ и ноябрѣ 1675 года писалъ въ хоромы къ государю азбуку и часословъ. 25 ноября, когда, вѣроятно, онъ окончилъ свой трудъ, ему выдано въ награду 10 рублей, а 27 числа въ соборѣ Николы Гостунскаго служили молебенъ для многолѣтняго здравія царевича Петра Алексѣевича, за что причту выдано: протопопу 10 рублей, тремъ священникамъ по 5 р., двумъ дьяконамъ по 3 р., дьячку полтора рубля, тремъ пономарямъ по 26 алтынъ. Извѣстно, что ученіе всегда начиналось молебномъ, который служили не только дома, но и по церквамъ. Совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ наводитъ на мысль, не началось ли ученье грамотѣ съ этого времени, то есть слишкомъ за годъ раньше, чѣмъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ. Къ тому же, былъ обычай ученье начинать съ пророка Наума, т. е. съ 1 декабря. Что же касается до того, что азбука и часословъ были написанные, а не печатные, какихъ уже передъ тѣмъ временемъ было нѣсколько изданій, то, безъ сомнѣнія, они были написаны крупнымъ уставомъ и съ разными украшеніями, что́ на первый разъ для ребенка было даже необходимо. Впрочемъ, наше предположеніе требуетъ еще болѣе крѣпкихъ подтвержденій, за неимѣніемъ которыхъ остановимся на разсказѣ Крекшина. Наступило пять лѣтъ царевичу, но возрастомъ и остротою разума онъ одаренъ былъ не по лѣтамъ. Отца онъ лишился еще на четвертомъ году. Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, старшій братъ Петра, «вельми любяше царевича и зрѣнія его ради часто приходя къ вдовствующей царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ», посовѣтовалъ однажды, что время посадить его за грамоту. Нужно было сыскать учителя, кроткаго, смиреннаго и вѣдущаго божественное писаніе. Бывшій при этомъ вмѣстѣ съ государемъ бояринъ Θедоръ Соковнинъ донесъ ихъ величествамъ, что имѣется мужъ кроткій и смиренный и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писаніи искусенъ, изъ приказныхъ, Никита Моисеевъ Зотовъ. Государь повелѣлъ представить его. Не объявляя Зотову о царскомъ рѣшеніи, Соковнинъ привезъ его во дворецъ, ввелъ въ переднюю комнату и велѣлъ дожидаться. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ комнатныхъ вышелъ и спросилъ:—«Кто здѣсь Никита Зотовъ?» Зотовъ объявилъ себя.—«Государь изволитъ тебя спрашивать, пойди вскорѣ»,—сказалъ комнатный. При этихъ словахъ Зотовъ пришелъ въ страхъ и безпамятство, такъ что не могъ двинуться съ мѣста. Онъ вовсе не подозрѣвалъ, по какому случаю долженъ былъ предстать предъ свѣтлыя очи государя. Комнатный взялъ за руку кроткаго и смиреннаго учителя и въ утѣшеніе объявилъ ему, что милости ради государь его требуетъ. Но оробѣвшій учитель просилъ, чтобъ дали хоть малое время, когда придетъ въ память. Постоявъ немного, сотворилъ онъ крестное знаменіе и пошелъ за

комнатнымъ во внутренніе покои къ царскому величеству. Государь милостиво принялъ его, пожаловавъ къ рукѣ. Началось испытаніе: Зотову велѣли писать и потомъ честь книги. Къ испытанію былъ призванъ Симеонъ Полоцкій, мужъ премудрый въ писаніи, который, разсмотря писаніе и слушавъ чтеніе Зотова, объявилъ государю, «яко право то писаніе и глаголъ чтенія». Проэкзаменованный учитель былъ отведенъ Соковнинымъ къ царицѣ. Когда Соковнинъ представилъ его, царица, держа за руку маленькаго Петра, обратилась къ избранному учителю съ слѣдующею рѣчью:—«Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благаго, божественное писаніе знаешь,—вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Прими его и прилежи къ наученію божественной мудрости и страху Божію, и благочинному житію, и писанію». До сихъ поръ Зотовъ мало понималъ, въ чемъ дѣло. Услышавъ повелѣніе царицы,—весь обліяся слезами, упалъ къ ея ногамъ и, тресяся отъ страха и слезъ, проговорилъ:—«Нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище». Государыня, повелѣвъ встать, продолжала:—«Пріими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять. О добродѣтели и смиреніи твоемъ я извѣстна». Зотовъ же не возста, лежа у ногъ, помышляя свое убожество. Государыня, снова повелѣвъ встать, пожаловала его къ рукѣ и приказала явиться наутріе для ученія царевича. На другой день утромъ, въ присутствіи царя Θеодора, патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручилъ его Зотову. Зотовъ, посадя цесаревича на мѣсто, сотворилъ ему земное поклоненіе и началъ ученіе. Въ то же время учитель былъ щедро награжденъ: патріархъ пожаловалъ ему сто рублей, государь—дворъ, государыня—двѣ пары богатаго платья и весь уборъ. Царевичъ учился прилежно и охотно. Главный и первый предметъ преподаванія заключался въ чтеніи и ученіи часослова, псалтыря, Дѣяній и Евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зотовъ же училъ царевича и писать. Обученіе письму началось, кажется, на восьмомъ уже году, на что указываетъ извѣстіе о переплетѣ въ червчатый бархатъ царевичевой букварi (прописи) 15 марта 1680 года. Читать и писать царевичъ учился на особомъ учительномъ налоѣ, который въ 1680 году былъ обитъ на хлопчатой бумагѣ червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ, а въ 1682 году алымъ атласомъ. Не встрѣтилось намъ извѣстій о томъ, учился ли царевичъ церковному пѣнію, которое, какъ извѣстно, составляло необходимую и неотмѣнную часть тогдашняго начальнаго образованія. Отсутствіе положительнаго указанія по этому предмету не можетъ служить доказательствомъ, что пѣніе не входило въ первое ученіе Петра. При томъ, кромѣ Зотова, въ современныхъ расходныхъ запискахъ (1683 г.) упоминается еще учитель—Афанасій Алексѣевъ Нестеровъ, который, можетъ быть, и былъ учителемъ пѣнія. Но обыкновенный курсъ ученія значительно пополнялся при руководствѣ Зотова другими средствами образованія. Въ праздное время царевичъ съ любопытствомъ слушалъ исторіи, дѣла храбрыхъ и премудрыхъ царей, любилъ смотрѣть книги съ кунштами, т. е. съ рисунками, съ которыми онъ былъ уже знакомъ еще до начала обученія грамотѣ. Книги эти, составляемыя для забавы дѣтей, назывались обыкновенно потѣшными. Но умный учитель обратилъ на это особенное вниманіе, и представилъ царицѣ, что такимъ легкимъ и занятнымъ способомъ можно познакомить царевича со многими полезными

знаніями, и просилъ, чтобъ были избраны искуссные художники для составленія подобныхъ книгъ и училищъ, т. е. иллюстрированныхъ тетрадей. Государыня весьма обрадовалась этому предложенію, повелѣла выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія «книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками градовъ и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ». При помощи тогдашнихъ живописцевъ Зотовъ составилъ значительное собраніе разныхъ кунштовъ, приказавъ написать лучшимъ, драгимъ мастерствомъ, красками: грады, палаты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исторіи лицевыя съ прописьми, т. е. съ текстомъ, и распредѣлилъ всѣ эти книги и училища по разнымъ покоямъ царевичевыхъ хоромъ. Когда царевичъ въ ученіи книжномъ слишкомъ утруждался, Зотовъ бралъ изъ рукъ его книгу и въ увеселеніе сказывалъ: «О блаженныхъ дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича, и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла и дальные нужные походы, бои, взятье городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простаго народа, и тѣмъ коликія благополучія государству пріобрѣли, и государство Россійское распространили. Такъ повѣдалъ дѣла в. к. Дмитрія Донскаго, и дѣла князя Владиміра, и Александра Невскаго, и о прочихъ». А чтобъ представить все это наглядно, показывалъ ему изображеніе разсказанныхъ исторій и подвиговъ и, переходя изъ комнаты въ комнату, знакомилъ его съ различными науками, присовокупляя, что безъ нихъ державнымъ монархомъ невозможно быть. Разсказъ Крекшина вполнѣ подтверждается современными оффиціальными свидѣтельствами. Въ описаніи царскаго домашняго быта мы уже имѣли случай замѣтить, что обученіе дѣтей, или, точнѣе, передача имъ разныхъ свѣдѣній, доступныхъ тому времени, была ведена посредствомъ картинокъ и имѣла довольно правильный составъ. Книги съ картинками историческаго содержанія назывались царственными, потому что излагали исторіи царствъ. Всѣ другіе предметы, изображенные въ картинкахъ свѣтскаго содержанія, носили имя потѣшныхъ, увеселительныхъ, служившихъ для забавы, ибо назидательнымъ, учительнымъ въ собственномъ смыслѣ почиталось одно только Св. Писаніе и вообще книги церковно-учительныя. Поэтому и всѣ эстампы, гравюры, привозимые съ запада, также носили названіе потѣшныхъ фряжскихъ и нѣмецкихъ листовъ. Такимъ образомъ, Зотовъ не былъ первымъ вводителемъ этой методы знакомить дѣтей съ разными предметами быта и тогдашнихъ знаній посредствомъ картинокъ. Онъ могъ сдѣлать только болѣе обширное приложеніе этой методы при обученіи Петра.

Потѣшныя книги и потѣшные фряжскіе листы по своему содержанію принадлежали также большею частью къ историческому отдѣлу свѣдѣній. Подъ словомъ „потѣшный", разумѣли тогда все, что не входило въ кругъ церковной книжности. Поэтому потѣшныя книги и потѣшные листы могли быть сказачнаго, забавнаго содержанія, а также изображали и описывали предметы болѣе или менѣе назидательные или, какъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ, грады, палаты, зданія, великіе корабли, дѣла военныя, бои, взятіе городовъ, исторіи лицевыя и т. п. Впрочемъ, доступныя намъ оффиціальныя указанія о потѣшныхъ книгахъ и листахъ рѣдко обмолвливаются объ ихъ содержаніи, и потому мы совершенно лишены возможности опредѣлить, какими именно изоб-

раженіями начались образовательныя забавы маленькаго Петра. Извѣстно только, что потѣшныя книги очень рано вошли въ кругъ этихъ забавъ. Такъ, 8 января 1675 года, когда царевичу былъ третій еще годъ, иконописецъ Тимоѳей Резанецъ писалъ ему потѣшную книгу въ четверть листа, разцвѣтивъ ее шафраномъ, виницейскою ярью и бѣлилами. Написать приказала боярыня Матрена Васильевна Блохина. 2 іюня 1676 года иконописецъ Никифоръ Бовыкинъ также написалъ книгу шафраномъ па толстой и гладкой бумагѣ, по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьовой. 20 іюня иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ писалъ потѣшную книгу и разцвѣчивалъ сусальнымъ золотомъ по приказу боярина оружейничаго Б. М. Хитрово. Но само собою разумѣется, что эти отрывочныя свѣдѣнія, случайно сохранившіяся, не даютъ полнаго отчета о всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, какія въ разное время были изготовлены царевичу. Они не могутъ также положительно указывать, что забавы царевича этими книжками начались на третьемъ году; потѣшныя книги, тетради и листы поступали въ число игрушекъ съ того времени, какъ ребенокъ начиналъ смыслить. Сестрѣ Петра, царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, потѣшная книжка была написана, когда ей было только полтора года, 7 февраля 1675 года.

О потѣшныхъ листахъ оффиціальныя записки сообщаютъ, что въ 1680 году 11 марта царевичу въ хоромы было куплено потѣшныхъ листовъ на гривну, а въ 1682 году 29 апрѣля стольникъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ въ хоромы взялъ сто листовъ фряжскихъ. Нужно замѣтить, что фряжскими листами убирались также и стѣны въ комнатахъ,—слѣдовательно, въ настоящемъ случаѣ эти листы могли быть употреблены и на такую уборку. Но все равно,—на стѣнахъ ли, въ рукахъ ли ребенка,—эти листы были весьма важнымъ и по времени въ высшей степени полезнымъ руководствомъ для обогащенія дѣтскаго ума разнородными болѣе или менѣе практическими свѣдѣніями, которыя восполняли въ тогдашнемъ образованіи весьма ощутительное отсутствіе науки. Къ этимъ гравированнымъ листамъ присоединились и рисованные, вѣроятно пополнявшіе выборъ печатныхъ листовъ. Въ 1679 году 19 декабря живописецъ Карпъ Ивановъ писалъ царевичу «на александрѣйскомъ листѣ красками и золотомъ: двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ написано», т. е. въ плафонѣ столовой комнаты.

Такимъ образомъ, курсъ обученія былъ по преимуществу практическій, болѣе увеселительный или потѣшный, какъ тогда говорили. По содержанію онъ былъ слишкомъ бѣденъ и не имѣлъ накакой заранѣе опредѣленной системы, но за то какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ вкусамъ и потребностямъ даровитаго ученика,—соотвѣтствовалъ именно тою стороною, которая, вмѣстѣ съ первыми его играми, присваивала такой дѣльный и дѣятельный характеръ дальнѣйшимъ потѣхамъ и забавамъ царевича.

Скоро и легко маленькій Петръ прошелъ всѣ науки. «По немногомъ ученіи и трудахъ богодарованною премудростію все совершенно обучи,—замѣчаетъ Крекшинъ,—а книжное ученіе толико мнѣ въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ наизусть или памятью остро прочиталъ..... Егда сѣмя благихъ ученій вкоренися въ сердце юнаго отрока, тогда разжегся любовію, еже бы вся, предлагаемая во ученіи, дѣйствомъ

исполнить, созидать грады, и таяжде брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть, и красная зданія созидать». Если съ одной стороны къ тому же самому вели первыя его игры, то съ другой—книги съ рисунками, фряжскіе листы и разные куншты съ изображеніемъ военныхъ дѣлъ болѣе и болѣе укрѣпляли преобладающее направленіе въ занятіяхъ и забавахъ ребенка, съ каждымъ днемъ расширяли кругъ его свѣдѣній объ этихъ любимыхъ предметахъ. Потѣхи шли впередъ и впередъ, становились серьезнѣе, принимали видъ дѣйствительнаго служебнаго дѣла.

III. Характеръ воспитанія и образованія Петра Великаго.

(Изъ „Исторіи Россіи", Соловьева).

Трехъ лѣтъ остался Петръ по смерти отца, и съ восшествіемъ на престолъ старшаго брата, подвергся удаленію, гоненію вмѣстѣ съ матерью и ея родственниками. Спокойная, правильная обстановка во время младенчества способствуетъ правильности развитія, не ускоряетъ его въ ребенкѣ; напротивъ, печальная доля въ младенчествѣ, гоненія, бури способствуетъ раннему развитію въ дѣтяхъ способныхъ. Передъ глазами постоянно печальная мать, толкующая съ ближними людьми о своей невзгодѣ, ссылкѣ братьевъ, благодѣтеля Матвѣева; ребенокъ пламенный, воспріимчивый питается, раздражается семейною враждою; то, что другія дѣти узнаютъ только изъ нянькиныхъ сказокъ, какъ злые родственники гонятъ невинныхъ дѣтей, какъ послѣднія или гибнутъ, или торжествуютъ,—то маленькій Петръ испытываетъ въ дѣйствительности: онъ уже герой драмы, дѣйствующее лицо, онъ ненавидитъ гонителей настоящею, дѣйствительною ненавистью, и сочувствіе его къ героямъ посильнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей къ ихъ сказочнымъ героямъ, ибо эти герои—онъ самъ, его мать, дядя. Царевича начали учить грамотѣ, призвали, по обычаю, дьяка, умѣвшаго хорошо читать и писать. Дьякъ былъ Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, знаменитый впослѣдствіи пресбургскій патріархъ.

Петру оканчивался десятый годъ, когда умеръ царь Ѳеодоръ. Петра выбираютъ въ цари; но этотъ выборъ ведетъ къ стрѣлецкому бунту. До сихъ поръ удаленіе, гоненіе раздражали ребенка; теперь страшныя, кровавыя сцены передъ глазами, мучительная смерть родныхъ, отчаяніе матери, власть похищается, переходитъ въ руки прежнихъ гонителей. Послѣ приближенные къ Петру люди разсказывали иностранцамъ, что во время стрѣлецкаго бунта маленькій Петръ сохранилъ удивительное спокойствіе, нисколько не измѣнился въ лицѣ, и указывали на это, какъ на признакъ будущаго величія. Но какъ бы ни держалъ себя Петръ во время стрѣлецкаго бунта, кровавыя сцены не могли остаться безъ вліянія, и чувства, возбужденныя ими, должны были дѣйствовать разрушительно, хотя бы и сдержаны были на время. Опять удаленіе и гоненіе, опять передъ глазами вѣчно печальная мать и вѣчныя жалобы, вѣчные толки о томъ, что власть похищена, и дѣлается, Богъ знаетъ что въ государствѣ. Грустно и скучно! страшно скучно для ребенка,

которому уже «начинаетъ быть грузно отъ симрики, какъ отъ тяжелаго бремени». Ученье кончилось съ уходомъ Зотова; у старшихъ братьевъ Петра послѣ дьяка, выучившаго грамотѣ, былъ другой учитель, Симеонъ Полоцкій; Петру не дали такого учителя. Что же дѣлать огненному мальчику, который, когда и выросъ, не умѣлъ ходить, а только бѣгать? Оставалось одно занятіе—«ходить по улицѣ широкой, съ ребятами тѣшиться», какъ говорила старинная пѣсня. И Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобъ больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки. Въ потѣхахъ съ ребятами на улицѣ, въ воинскихъ играхъ, новый Ромулъ кличетъ кличь по новую дружину, и дружина собирается—удалые потѣшные конюхи, будущіе образцовые полки. Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно грусть и скука выгоняютъ молодого царя изъ дворца на улицу, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ—вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца, чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла. Образуется новое общество, новое государство,—и, какъ обыкновенно бывало при этомъ, является дружина съ своимъ вождемъ, которая и движется, разрушая старое, созидая новое; царь по происхожденію (rex ex nobilitate) становится вождемъ дружины по личной доблести (dux ex virtute) и удерживаетъ за собою преимущественно этотъ характеръ. Въ немъ не было ничего, что старинные русскіе люди привыкли соединять съ значеніемъ царя; это—герой въ античномъ смыслѣ; это въ новое время единственная исполинская фигура, какихъ мы видимъ много въ туманной дали, при основаніи и устроеніи человѣческихъ обществъ. Слѣдя за дѣятельностью Петра, мы не должны ни на минуту забывать, что имѣемъ дѣло не съ государемъ только, а съ начальникомъ новаго общества, съ вождемъ дружины, основывающей новое государство, съ человѣкомъ, проникнутымъ исключительно одною мыслью, служащимъ одному началу. Новыя отношенія не могли не высказаться въ новыхъ формахъ: отсюда перемѣна въ обращеніи у Петра съ своими, простой, совершенно товарищескій тонъ его переписки съ новыми людьми, на какихъ бы ступеняхъ они ни находились, какого бы происхожденія ни были, лишь бы только принадлежали къ новому обществу, были товарищами царя въ дѣлѣ преобразованія. Современное общество хорошо понимало эти отношенія: когда русскіе люди раздѣлились и пошла борьба, тѣ, которые стали за старину, обратили свою вражду на эту дружину, на этихъ новыхъ людей, окружавшихъ Петра.

Такое значеніе имѣло то обстоятельство, что молодой царь выгнанъ былъ грустью и скукою изъ дворца и выбѣжалъ на улицу, гдѣ въ потѣхахъ, столько соотвѣтствовавшихъ его натурѣ, онъ расправилъ свои силы и получилъ тѣ дружинныя привычки, которыя такъ соотвѣтствовали его дѣятельности, его историческому значенію. Но дружинная жизнь, если съ одной стороны предполагаетъ сильную дѣятельность, подвиги, то съ другой предполагаетъ веселую, разгульную жизнь, опять соотвѣтствующую природѣ людей, способныхъ къ дружинной

жизни. Такъ жилось въ старой Руси, гдѣ князь прежде всего былъ вождемъ дружины; поработать и потомъ сѣсть пить съ дружиною,—таковъ былъ день стараго русскаго князя, который не могъ принять магометанства, потому что «Руси есть веселіе пити». Слѣдовательно, нечему удивляться, если и новая дружина петровская не разнилась въ этомъ отношеніи отъ старыхъ дружинъ. Но здѣсь мы должны припомнить еще и другія условія, которыя намъ объяснятъ дѣло во всѣхъ подробностяхъ. Припомнимъ, что для Петровыхъ—дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской женщины—охранялъ нравственную чистоту, хотя мы знаемъ, что болѣе живой по природѣ царь Алексѣй Михайловичъ любилъ иногда попировать, напоить бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою, выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы видѣли, какъ грязна была русская улица въ концѣ XVII вѣка, справимся съ извѣстіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся. Но неужели молодой Петръ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ? Неужели при немъ не было ни одного человѣка, могшаго силою своего характера и значенія удержать его отъ крайностей, къ которымъ влекла страстная, огненная природа? Самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи могъ быть кравчій, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ знаменитаго князя Василія. Князь Борисъ, человѣкъ умный, энергическій, распорядительный, образованный не менѣе князя Василія, знавшій латинскій языкъ и любившій говорить на немъ, честно исполнялъ свои обязанности къ Петру въ томъ отношеніи, что оставался непоколебимо ему вѣренъ, берегъ его интересы, оказалъ важныя услуги въ борьбѣ съ Софьею и послѣ съ стрѣльцами,—съ достоинствомъ относился къ своему воспитаннику, когда тотъ уже началъ свою славную дѣятельность; вотъ, напримѣръ, какъ онъ отвѣчалъ ему на письмо, извѣщавшее о побѣдѣ: «Милостивое письмо твое истинное и побѣдительное принялъ съ великимъ благодареніемъ, за что не по малу воздамъ хвалу Богу. Ласкать и манить не буду, только прошу у Бога всегда такое одолженіе и славу, чтобъ всегда одержать». Но этого самаго князя Бориса иностранцы и русскіе не иначе называютъ, какъ пьяницею. Одинъ изъ иностранцевъ разсказываетъ, что князь Борисъ и молодой Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ набились къ нему на обѣдъ и привели съ собою своихъ друзей, датскаго коммисcара и нѣсколько иностранныхъ купцовъ; они остались такъ довольны кушаньями, что нѣсколько блюдъ отослали къ своимъ женамъ и безъ церемоніи унесли съ собою конфекты. Эти извѣстія очень важны для насъ, потому что лучше всего изображаютъ тогдашнее общество: вотъ передовые люди, одни изъ первыхъ повернувшіе на новую дорогу, сознавшіе необходимость образованія и преобразованія; но какъ они не далеко еще ушли! двувѣры, двуглавые Янусы: одна голова обращена впередъ, другая назадъ, говорятъ по-латыни и пьянствуютъ, уносятъ съ собою конфекты съ чужого обѣда!

Вотъ еще любопытный разсказъ о томъ же князѣ Борисѣ,

Знатокъ латинскаго языка позвалъ къ себѣ иностранцевъ и изумилъ ихъ своимъ грубымъ обращеніемъ съ музыкантами-поляками, привелъ

въ ужасъ выходкой противъ несчастнаго учителя дѣтей своихъ, также поляка. Князь Борисъ не любилъ, какъ видно, сдерживаться; онъ былъ также очень откровененъ и въ письмахъ своихъ къ Петру; онъ начинаетъ ихъ обыкновенно латинскими фразами, но одно оканчиваетъ такъ: «Бориско, хотя быть пьянъ». Съ княземъ Борисомъ Голицынымъ соединяется въ разсказахъ иностранцевъ молодой человѣкъ, также близкій къ Петру, Андрей Матвѣевъ, сынъ знаменитаго Артамона. О двадцатидвухлѣтнемъ Матвѣевѣ говорятъ, что онъ былъ очень уменъ, хорошо говорилъ по-латыни, любилъ читать и съ жадностью слушалъ повѣсти обо всемъ, что происходило въ Европѣ, имѣлъ особенное расположеніе къ иностранцамъ, жена его была единственная русская женщина, которая не румянилась. Люди самые приближенные къ Петру такъ тянутъ къ западу, такіе охотники до иностранцевъ; Петръ, сгоравшій неудовлетворяемою жаждою знанія и дѣятельности, не могъ долго оставаться въ удаленіи отъ людей, которые могли его кой-чему научить, могли о многомъ поразсказать.

Однажды императрица Елизавета Петровна, войдя въ комнату племянника своего Петра Ѳеодоровича, который занимался черченіемъ, поцѣловала его и сказала со слезами:—«Не могу на словахъ разсказать того удовольствія, какое я чувствую, когда вижу, что ты хорошо употребляешь свое время, и вспоминаю, какъ батюшка, заставъ однажды меня съ сестрою за уроками, сказалъ со вздохомъ:—«Ахъ, еслибъ я въ моей молодости былъ выученъ, какъ должно!».

Петра не учили, какъ должно, по его собственному признанію; но онъ много зналъ. Какъ же онъ пріобрѣлъ эти знанія? Пусть разскажетъ самъ.

Князь Яковъ Долгорукій, передъ отъѣздомъ своимъ во Францію, въ посольствѣ разговорился съ четырнадцатилѣтнимъ Петромъ и между прочимъ сказалъ, что у него былъ важный инструментъ, да жаль,—украли: можно было этимъ инструментомъ брать дистанціи, не доходя до того мѣста. Искра упала въ порохъ: «купи мнѣ инструментъ во Франціи». Долгорукій купилъ, привезъ; астролябія—въ рукахъ Петра, но что онъ съ нею станетъ дѣлать: не умѣетъ, какъ взяться, а у кого спросить? Къ дохтуру нѣмцу,—не знаетъ-ли? Дохтуръ самъ не знаетъ, но говоритъ, что сыщетъ знающаго, голландца Франца Тиммермана. Учитель нашелся, а ученикъ «гораздо присталъ съ охотою учиться геометріи и фортификаціи».—«И тако», говоритъ Петръ, «сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно въ компаніяхъ съ нами». Нашелся знающій человѣкъ, и дѣло не ограничивается ученіемъ въ четырехъ стѣнахъ; ученикъ не умѣетъ ходить, а только бѣгаетъ. Огненный мальчикъ таскаетъ Тиммермана всюду, и при видѣ всякаго новаго предмета—разспросы: что это? зачѣмъ? Предметовъ новыхъ мало, и безпокойный мальчикъ всюду пробирается, заглядываетъ, нѣтъ-ли гдѣ чего, все ему надобно, все отопри и покажи. Въ Измайловѣ забрался въ амбары, гдѣ лежали старыя негодныя вещи двоюроднаго дяди царскаго, Никиты Ивановича Романова, и вдругъ судно особаго рода, иностранное!—запросъ Тиммерману: Что это за судно?—Ботъ англійскій.—Гдѣ его употребляютъ?—При корабляхъ для ѣзды и возки.—Чѣмъ лучше нашихъ?—Ходитъ на парусахъ не только-что по вѣтру, но и противъ вѣтра.—Противъ вѣтра? быть не можетъ! Надо посмотрѣть; есть-ли такой

человѣкъ, который бы починилъ ботъ и ходъ его мнѣ показалъ?—Есть. Сейчасъ отъискали голландца Карштенъ-Бранта, который при царѣ Алексѣѣ вызванъ былъ для постройки кораблей въ Дѣдиновѣ. Брантъ починилъ ботъ, сдѣлалъ мачту и паруса и началъ лавировать на Яузѣ. «Это мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало», говоритъ Петръ. «Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ его: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ (въ Измайловѣ), но и тамъ немного авантажу съискалъ, а охота стала отъ часу быть болѣе». Разсказывая, какъ возбуждена была въ немъ эта охота, Петръ разсуждаетъ: «Монархію Русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отмщеніе жъ (врагамъ) и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлахъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его».

Что было тайною для Петра, то уже не тайна для потомства. Прежде него была сознана необходимость моря и флота для Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдиновѣ; мало того, предлагалъ герцогу курляндскому, нельзя-ли строить русскіе корабли въ его гаваняхъ? Но мы видѣли, какъ строили корабли въ Дѣдиновѣ, съ какою медленностью, съ какими остановками; одни приказывали, другіе исполняли, не умѣя и не хотя, и дѣло не пошло. Чтобы оно пошло, нельзя было сидѣть въ Кремлевскомъ дворцѣ и слать указы: надобно было, чтобъ въ царѣ разгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобъ онъ самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли, чтобъ ему печальныя болотистыя мѣста при устьяхъ Невы казались земнымъ раемъ, парадизомъ, потому только, что они были близки къ морю, что на нихъ можно было строить корабли. Необходимость преобразованій, новыхъ учрежденій была сознана до Петра; но привести въ исполненіе то, на что прежде только покушались, могъ одинъ Петръ.

«Охота стала отъ часу болѣе». Началъ провѣдывать, гдѣ больше воды? Отвѣчали, что ближе нѣтъ большаго озера, какъ Переяславское въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать прямо матери, что идетъ на большое озеро плавать и суда строить—не отпустятъ. Надобно уѣхать обманомъ. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробрался въ Переяславль. Видъ обширнаго красиваго озера, гдѣ ботъ уже не будетъ стукаться о берега, разумѣется, еще болѣе разманилъ Петра; онъ сталъ просить у матери завести новую потѣху на озерѣ,—царица согласилась, и Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправились въ Переяславль строить Корабли.

Молодой богатырь рвался изъ дому, отъ матери,—поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія, только не въ чисто поле, а на широкое озеро; мать употребила сильное средство, чтобъ привязать его къ дому: Петру не минуло еще 19 лѣтъ, какъ его женили 27 января 1689 года на дочери окольничаго Лопухина,

Евдокіи; отецъ царской невѣсты, по обычаю, перемѣнилъ старое имя Илларіона на новое Ѳеодора.

Русская пословица «женится—перемѣнится» не исполнилась на Петрѣ: онъ по-прежнему рвался изъ дому, отъ матери и отъ молодой жены. Въ апрѣлѣ 1689 года онъ уже былъ на Переяславскомъ озерѣ, откуда писалъ матери: «Вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дражайшей моей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ. Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю; а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами станетъ: и о томъ милости прошу, чтобы тѣ канаты, по семи сотъ саженъ, изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, присланы были. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу». Любопытно видѣть, какъ Петръ хитритъ: чтобъ получить поскорѣе канаты, онъ стращаетъ мать, что иначе не скоро возвратится: «А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится».

IV. Избраніе Петра на престолъ.

(Изъ соч. Щебальскаго «Царевна Софья»).

27 апрѣля печальный звонъ большаго колокола возвѣстилъ о кончинѣ Ѳеодора. По этому сигналу всѣ бросились въ Кремль—люди всѣхъ званій и всѣхъ партій. Умы были полны смущенія; всѣхъ безпокоила неизвѣстность будущаго, и всякій спѣшилъ узнать рѣшеніе важнаго вопроса о престолонаслѣдіи. Тѣло покойнаго царя было уже выставлено на парадномъ одрѣ. Богатые и бѣдные, знатные и черные, всѣ были допущены въ чертоги царскіе. Но пока народъ, жадный до всякаго рода зрѣлищъ, веселыя ли они или печальныя, толпился вокругъ праха вчерашняго своего владыки и прощался съ нимъ, цѣлуя его руку,—патріархъ съ духовенствомъ и знатнѣйшіе свѣтскіе сановники удалились въ переднюю палату, чтобъ совѣщаться о томъ, кому быть царемъ на Руси. Патріархомъ въ то время былъ Іоакимъ. Положивъ одну руку на святое Евангеліе, въ другой держа животворящій крестъ, онъ сказалъ собравшимся вокругъ него сановникамъ:—«Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ отошелъ въ вѣчное блаженство; чадъ по немъ не оставалось, но остались братія его, царевичи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Царевичъ Іоаннъ шестнадцатилѣтенъ, но одержимъ скорбію и слабъ здоровьемъ; царевичъ же Петръ девятилѣтенъ. Изъ сихъ двухъ братьевъ кто будетъ наслѣдникомъ? Кого наименуемъ въ цари всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи? Единый или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобъ сказали истину по совѣсти, какъ предъ престоломъ Божіимъ; кто же изречетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды». Не взирая на увѣщаніе и угрозу первосвятителя, позволительно думать, что страсти въ эту минуту не дремали: для той и другой партіи рѣшался вопросъ—быть или не быть? Поэтому мы не можемъ допустить, чтобъ рѣшеніе этого собранія было произнесено такъ единодушно

и спокойно, какъ свидѣтельствуютъ дошедшіе до насъ, большею частью оффиціальные документы. Большинство присутствующихъ было расположено къ Петру, ибо состояло почти исключительно изъ вельможъ и духовенства, и потому весьма понятно, что младшій царевичъ восторжествовалъ въ этомъ собраніи. Но зачѣмъ рѣшеніе перваго собранія было потомъ предложено на утвержденіе народу? Какъ извѣстно, обычай совѣщаній народныхъ давно исчезъ въ России; кто же могъ сдѣлать подобное предложеніе? Очевидно, приверженцы Софьи, которые, опираясь на расположеніе нѣкоторой части стрѣльцовъ,могли ожидать въ приговорѣ массы народной болѣе благопріятнаго для себя рѣшенія. Мы ничѣмъ иначе не можемъ объяснить намѣреніе собранія подвергнуть новымъ случайностямъ утвержденное уже рѣшеніе, какъ вліяніемъ партизановъ Софьи. Отважившись на это, патріархъ вышелъ на Красное крыльцо, у котораго густою толпою стоялъ народъ. При видѣ святителя, сопровождаемаго важнѣйшими сановниками духовнаго и свѣтскаго чина, смолкнулъ смутный говоръ толпы, головы обнажились, и посреди глубокаго безмолвія патріархъ произнесъ: — «Извѣстно вамъ, благочестивые христіане, что благословенное Господомъ царство Русское было подъ державою блаженныя памяти великаго государя царя Михаила Ѳеодоровича, а по немъ державу наслѣдовалъ блаженныя же памяти царь Алексѣй Михайловичъ. По его преставленіи былъ воспріемникомъ престола благочестивый государь, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, самодержецъ всея Россіи. Нынѣ же, изволеніемъ Всевышняго, переселился онъ въ безконечный покой, оставя братьевъ, царевичей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Изъ нихъ, царевичей, кому быть царемъ всея Россіи? Да объявятъ о томъ свое единодушное рѣшеніе». Не безъ надежды и не безъ тревоги ожидали обѣ партіи народнаго приговора. Но еще Софья не успѣла преклонить на свою сторону большинство; тщетно нѣкоторые ея агенты, набранные изъ буйной сволочи, которою обильны всегда большіе города, пытались провозгласить Іоанна: изъ всей этой густой толпы возвысился одинъ голосъ, одинъ приговоръ:— «Да будетъ царемъ Петръ!» Патріархъ благословилъ народъ и произнесъ:—„Ему единому, или вмѣстѣ съ братомъ царствовать?“ И шумный голосъ народа еще разъ отвѣтствовалъ ему.—„Да будетъ царь Петръ единымъ самодержцемъ всея Россіи!“ Съ этимъ рѣшеніемъ патріархъ возвратился въ палаты царскія, чтобъ волею народа наречь на царство Петра. Благословивъ его, онъ сталъ на колѣна и сказалъ;—„Престолъ всероссійскій вдовствуетъ по кончинѣ государя Ѳеодора Алексѣевича. Отъ имени всего народа православнаго молю тебя, пріими скипетръ прародителей твоихъ и благоволи быть нашимъ царемъ!“ Петръ поднялъ престарѣлаго святителя, говорилъ, что чувствуетъ себя еще слишкомъ юнымъ для управленія царствомъ, и просилъ предоставить престолъ старшему брату. Но патріархъ, поддерживаемый присутствующими повторилъ, что таково желаніе народа, и упомянулъ объ умственныхъ и физическихъ несовершенствахъ Іоанна. — „Государь“, говорилъ онъ: „не презри моленія рабовъ твоихъ!“ И не ожидая отвѣта, осѣнилъ его крестомъ и нарекъ царемъ всея Россіи, а архидіаконъ возгласилъ ему многолѣтіе. Весь бывшій при этомъ святительскій ликъ повторилъ его, а думный дьякъ, вышедъ на Красное крыльцо, объявилъ народу о соизволеніи Петра принять державу и скипетръ Мономаха.

Въ тотъ же день Москва цѣловала крестъ новому царю и во всѣ концы государства были разосланы гонцы съ этимъ извѣстіемъ. Такъ совершилось избраніе Петра. Возведенный на престолъ волею народа, онъ могъ ожидать спокойствія и тишины.

Нарышкины торжествовали; но партія противная не считала еще своего дѣла окончательно проиграннымъ. Окруженная своими сестрами, на которыхъ она имѣла сильное вліяніе, царевна Софья въ мучительномъ безпокойствѣ ожидала рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи. Пока происходили совѣщанія бояръ и духовенства, она не теряла надежды, полагаясь на преданность къ ней народа. Но, когда до нея долетѣло имя Петра, произнесенное тысячью устъ, тогда, не въ состояніи будучи владѣть собою, она воскликнула:—„Избраніе это неправо! Петръ еще юнъ и неразуменъ; Іоаннъ же совершеннолѣтенъ: онъ долженъ быть царемъ!" Не ограничиваясь этимъ протестомъ, невольно вырвавшимся изъ уязвленной груди, царевна пригласила къ себѣ патріарха и требовала, чтобъ онъ, во имя законности и первородства, уничтожилъ народное избраніе. Пылкая кровь Софьи кипѣла, затмѣвая разсудокъ. Патріархъ, разумѣется, отвѣчалъ, что избраніе совершено уже, и что измѣнить его нельзя.—„Пусть, по крайней мѣрѣ, оба царствуютъ!" воскликнула царевна —„Многоначаліе погубно", отвѣчалъ благоразумный старецъ: „да будетъ единъ царь: такъ угодно Богу!".

V. Царевна Софья и подготовленіе перваго стрѣлецкаго бунта.

(Изъ сочиненія Щебальскаго „Царевна Софья".)

Событія, послѣдовавшія за смертью царя Ѳеодора Алексѣевича, составляютъ одну изъ самыхъ кровавыхъ и въ то же время самыхъ интересныхъ страницъ нашей древней, до-петровской исторіи. Тутъ есть все, что̀ привлекаетъ вниманіе любопытнаго наблюдателя минувшихъ временъ: драматическое движеніе, игра страстей, зародышъ нововведеній, борьба партій, первыя попытки обширныхъ политическихъ соображеній, отдаленные походы посреди безводныхъ, пылающихъ степей, полузакрытые отъ насъ таинственною завѣсой... Царевна Софья, Голицынъ, великій министръ, и отрокъ Петръ,—вотъ лица, стоящія на первомъ планѣ этой картины: ихъ однихъ довольно, чтобы приковать наше вниманіе; но позади этихъ ярко выдающихся фигуръ мы замѣчаемъ достойнаго и несчастнаго Матвѣева, Милославскаго, интригующаго даже у дверей гроба, Хованскаго съ фантастическими его замыслами, и вдали буйную массу стрѣльцовъ съ одной стороны, съ другой—Лефорта, Шереметева, Меньшикова, ряды потѣшныхъ и флаги первыхъ судовъ русскихъ: это—панорама всей исторіи нашего отечества. Дѣйствительно, независимо отъ собственнаго обширнаго интереса, эпоха, къ описанію которой приступаемъ, какъ грань между до-петровскою и новою Россіею, есть черта, гдѣ сходятся та и другая, и откуда легко и ясно обозрѣваемъ мы то, что лежитъ позади ея и что передъ нею, то-есть послѣдки старины и зачатки нововведеній. Эпоха Петра помрачаетъ эпоху Софьи, но въ общемъ

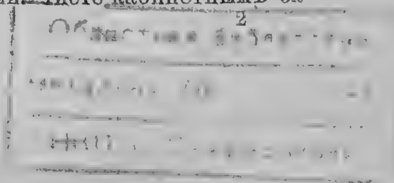
движеніи общественной исторіи онѣ нераздѣльны и взаимно объясняютъ одна другую. Какъ будемъ мы судить о дѣлахъ Петра, если сначала не опредѣлимъ со всевозможною отчетливостью того положенія, въ которомъ прянялъ Россію этотъ великій человѣкъ—исходнаго пункта, изъ котораго двинулъ онъ ее далѣе? Стрѣлецкіе мятежи и правленіе Софьи суть вступительныя главы въ исторіи Петра. Ознакомимся съ этимъ новымъ и главнѣйшимъ лицомъ вновь завязывавшейся драмы.

Въ высшей степени было бы любопытно прослѣдить психологически развитіе этого сильнаго и необыкновенно самобытнаго характера. Въ настоящее время женщинамъ открыты многія поприща: художество, литература, наука, даже политика, цѣлый вѣкъ могущества женщинъ во Франціи, и нѣсколько разъ возобновлявшіяся женскія царствованія, громкія и славныя, пріучили насъ видѣть женщинъ въ высокихъ политическихъ роляхъ, а какъ скоро извѣстность и слава стали доступны имъ, честолюбіе сдѣлалось въ нихъ довольно естественнымъ чувствомъ. Но въ XVII вѣкѣ русскимъ женщинамъ едва ли было возможно мечтать о власти даже въ домашнемъ, хозяйственномъ быту; дочерямъ же и супругамъ царей еще, можетъ быть, менѣе, чѣмъ въ частной сферѣ. Сочетаться бракомъ съ иностранными принцами не позволяли нашимъ царевнамъ господствовавшія понятія и нравы; выходить же замужъ за простыхъ гражданъ считалось ниже ихъ достоинства. Поэтому онѣ обрекались безрадостному и безполезному одиночеству; жизнь ихъ должна была протекать въ тихомъ уединеніи; однообразною нитью проходили ихъ грустные дни, посвященные вышиванію шелкомъ и золотомъ, или ничтожнымъ сплетнямъ съ боярынями и сѣнными дѣвушками. Онѣ рождались, жили и умирали, не вѣдая ничего, что вокругъ нихъ совершалось, и сами никому неизвѣстныя. Даже въ церковь ходили онѣ,—говоритъ современный иностранецъ Мейербергъ,—по особой галлереѣ; прогуливаться ѣздили въ плотно-закрытыхъ экипажахъ, окруженныя всегда штатомъ придворныхъ дамъ и дѣвицъ, недоступныя даже взору мужчины, такъ что,—прибавляетъ тотъ же путешественникъ,—изъ множества придворныхъ сановниковъ, безпрестанно наполнявшихъ дворецъ, весьма немногимъ случалось во всю свою жизнь мелькомъ увидѣть дочь или супругу царя. Стольники, состоявшіе при нихъ, были отчисляемы въ другую службу съ наступленіемъ извѣстнаго возраста. Самъ царь, вслѣдствіе полувосточныхъ нравовъ старинной Россіи, рѣдко позволялъ себѣ раздѣлять трапезу съ супругою своею, съ дочерьми же почти никогда того не случалось. Какимъ же образомъ, при такомъ строгомъ отчужденіи отъ всякаго внѣшняго вліянія, могла царевна Софья войти въ сношенія съ политическою партіею? Какъ вообще могли въ душѣ ея родиться властолюбивые помыслы? Откуда могла взяться въ ней жажда дѣятельности? Къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало данныхъ для разрѣшенія этого любопытнаго вопроса и принуждены здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, ограничиться соображеніями и догадками. При царѣ Алексѣѣ было нѣсколько людей въ Москвѣ, которые начинали чувствовать какую-то смутную потребность развитія нѣсколько болѣе широкаго, чѣмъ-старинно-русское, — которые инстинктивно скорѣе, чѣмъ по сознанію, сочувствовали глухо достигавшимъ до нихъ отраженіямъ западныхъ идей. Замѣчательнѣйшимъ изъ такихъ людей былъ Матвѣевъ, поставленный своимъ положеніемъ, какъ начальникъ

Посольскаго приказа, въ довольно частыя сношенія съ иностранцами. Доказательствомъ его хоть нѣсколько европейскаго развитія служитъ то, что онъ первый въ Россіи завелъ драматическія представленія и оркестръ музыки. Разумѣется, и въ сочиненіи и въ исполненіи этихъ пьесъ было весьма мало художественнаго; но подобныя занятія, по крайней мѣрѣ, отнимали время у бражничества, и уже въ этомъ отношеніи приносили свою пользу. Самъ царь, какъ было уже сказано, любилъ эти забавы, эти западныя ухищренія и, не сознавая, безъ сомнѣнія, того самъ, поддавался вліянію проникавшаго въ Россію просвѣщенія.

Въ то же время былъ другой человѣкъ, едва ли не болѣе еще Матвѣева содѣйствовавшій успѣхамъ начинавшагося движенія при московскомъ дворѣ. Это былъ извѣстный Симеонъ Полоцкій. Уроженецъ нынѣшнихъ западныхъ губерній нашихъ, онъ получилъ воспитаніе нѣсколько отличное отъ того, которое обыкновенно получали русскіе духовные; его обвиняли въ привязанности къ латинской церкви; по каковы бы ни были его религіозныя убѣжденія, онъ принесъ съ собою ко двору московскому любовь къ литературѣ и ученію. Астрологъ, духовный писатель, поэтъ и ораторъ, Полоцкій есть весьма замѣчательное лицо при дворѣ Алексѣя Михайловича. Царь любилъ его, поддерживалъ противъ непріязни къ нему другихъ духовныхъ; онъ приблизилъ его къ своей особѣ и допустилъ до короткости, какою не пользовались весьма многіе, несравненно высшіе его именемъ и званіемъ. Будучи, такъ сказать, домашнимъ человѣкомъ во дворцѣ, онъ имѣлъ случай видѣть и короче ознакомиться съ царевной Софьей.

Пылкій духъ и своеобразный умъ этой царевны должны были съ трудомъ умѣщаться въ предѣлахъ тѣсной теремной жизни. Симеонъ Полоцкій могъ открыть и, дѣйствительно, открылъ передъ нею обширный міръ мысли, и царевна съ жаромъ, свойственнымъ пылкой ея природѣ, предалась чтенію, ученію, поэзіи. Ея наставникъ читалъ ей свои произведенія и даже ставилъ нѣкоторыя изъ нихъ на сцену въ собственныхъ ея комнатахъ. Онъ представилъ ей нѣкоторыхъ другихъ людей, занимавшихся тогда въ Москвѣ ученіемъ и литературою, каковъ былъ, напримѣръ, Медвѣдевъ, оставившій намъ любопытныя записки о первыхъ мѣсяцахъ послѣ кончины Θеодора. Полагаютъ, что царевна и сама сочиняла стихи: достовѣрно, по крайней мѣрѣ, что первые шаги ея внѣ стези обыкновенныхъ женщинъ того времени имѣли литературное направленіе; казалось, она должна была стать Меценатомъ рождавшагося въ Россіи просвѣщенія... Между тѣмъ, и образъ жизни царевны естественно долженъ былъ измѣниться съ измѣненіемъ ея привычекъ и занятій. Она позволила себѣ во многомъ преступать строгость теремныхъ законовъ и принимала въ своихъ покояхъ мужчинъ, которыхъ общество ей было пріятно. Милославскій, родной ея дядя, безъ сомнѣнія, былъ одинъ изъ людей, имѣвшихъ къ ней доступъ. Вслѣдъ за нимъ и, вѣроятно, нѣкоторыми другими, былъ ею принимаемъ и князь В. Голицынъ въ минуты, которыя дѣятельная его служба на украинской границѣ позволяла ему проводить въ Москвѣ. Рѣчи этихъ людей, посвятившихъ всю свою жизнь политической дѣятельности, должны были произвести большое впечатлѣніе на умъ царевны, по природѣ своей болѣе практическій и положительный, чѣмъ созерцательный. Чисто кабинетнымъ за-



нятіямъ притомъ не благопріятствовалъ духъ времени и общества, отнюдь не направленный къ умственнымъ интересамъ; въ дѣятельности же политической, въ управленіи массами, въ идеѣ власти есть какая-то неотразимая прелесть, столь осязательная, если можно такъ выразиться, что ни въ какую эпоху человѣкъ не оставался ей чуждымъ. Царевна отдалась обаятельной прелести честолюбія. Эта новая, или доселѣ таившаяся безвѣстно въ глубинѣ ея души страсть вспыхнула,—и среди жгучихъ ощущеній надежды, страха, заботъ, среди сильнѣе и сильнѣе запутывавшихся отношеній, забыты, навсегда забыты были мирныя наслажденія, открытыя ей Полоцкимъ!..

И выборъ лицъ, окружившихъ царевну, и давнишнее нерасположеніе ея къ Натальѣ Кирилловнѣ, и кровная связь съ Іоанномъ, и, наконецъ, увѣренность во имя его управлять государствомъ, а съ другой стороны невозможность одолѣть Матвѣева и вдовствующую царицу съ ея родственниками,—все это рѣшило ея политическую роль.

Въ первый разъ является она на сценѣ политической у постели умирающаго царя, и является здѣсь такою, какою осталась на всю жизнь: вкрадчивою, неотразимою для тѣхъ, кѣмъ она хотѣла овладѣть. Скоро успѣла она почти совершенно отдалить царицу отъ ея супруга, который естественно находилъ болѣе отрады въ разумныхъ попеченіяхъ своей сестры, нежели въ безполезныхъ рыданіяхъ царицы. Чтó говорила Софья Ѳеодору Алексѣевичу, склонясь надъ его изголовьемъ,—осталось тайной для исторіи. Смерть поспѣшила пресѣчь дѣло царевны: она не успѣла склонить царя къ назначенію себѣ преемникомъ старшаго изъ двухъ братьевъ, но и Петръ не былъ признанъ наслѣдникомъ. Это былъ уже важный успѣхъ: рѣшеніе великаго вопроса отсрочивалось,—а выиграть время для царевны значило увеличить вѣроятность побѣды; отнынѣ вопросъ о престолонаслѣдіи могъ разрѣшиться не иначе, какъ борьбою двухъ партій. Вникнемъ внимательнѣе въ составъ каждой изъ нихъ.

Приверженцы Петра считали въ рядахъ своихъ лучшія имена тогдашней аристократіи, каковы были Одоевскіе, Голицины, Долгорукіе, Черкасскіе, Троекуровы, Ромодановскіе, Куракины, Лыковы, Урусовы, Репнины, Шереметевы и многіе другіе. Въ старой Россіи, гдѣ такъ строго соблюдались разграниченія, гдѣ простолюдины кланялись до земли всякому боярину, много значило имѣть на своей сторонѣ большую часть родовой и служебной аристократіи; духовенство, и во главѣ его патріархъ, было также расположено къ Петру, сыну щедрой къ церквамъ, набожной Наталіи Кирилловны; къ нему же, наконецъ, какъ уже сказано, было обращено и народное сочувствіе. Но многіе изъ приверженцевъ Петра и его матери не любили Нарышкиныхъ, и отъ этого партія эта не имѣла цѣлости; народъ напримѣръ, преданный молодому царевичу и царицѣ, не любилъ ихъ родню, непривѣтливую и надменную; тоже самое должны были чувствовать весьма многіе вельможи, которые не безъ основанія считали себя выше Нарышкиныхъ, какъ по происхожденію, такъ и по заслугамъ и живо сохранившимся еще разсчетамъ мѣстничества. Наконецъ, главнымъ несчастіемъ партіи было то, что она не имѣла руководителя. Петръ былъ еще почти младенецъ, дѣдъ же и дядя его, какъ люди слишкомъ посредственные, не могли стать во главѣ партіи, особенно при трудныхъ обстоятельствахъ того времени. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, надежды партіи об-

ратились на Артамона Сергѣевича Матвѣева, котораго и по опытности его въ дѣлахъ, и по любви къ нему народной, и по близкимъ отношеніямъ къ Натальѣ Кирилловнѣ, всѣ признавали единственнымъ человѣкомъ, способнымъ управлять интересами и силами приверженцевъ Петра. Совсѣмъ другое зрѣлище представляла противная партія. Въ ней насчитывалось мало именъ: сама царевна Софья, Иванъ Милославскій, племянникъ его Александръ, да двое другихъ его родственниковъ, Толстыхъ,—и только. Но эта партія имѣла на своей сторонѣ то важное преимущество, что она была сильно связана единствомъ цѣли и воли. Притомъ она опиралась на вооруженную и организованную массу стрѣльцовъ. Чтобы хорошенько уразумѣть, какимъ образомъ Софья и Милославскій могли привить свои интересы стрѣльцамъ, необходимо нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Стрѣлецкое войско, учрежденное Іоанномъ IV, много потеряло своей прежней значительности. Самая организація этого войска заключала въ себѣ причины будущаго его упадка. Это была первая рать, нѣсколько регулярная и существовавшая на иждивеніи государства. Стрѣльцы получали жалованье; но такъ какъ тогдашняя Россія была слишкомъ бѣдна монетою, то жалованья этого было имъ недостаточно для содержанія въ постоянной исправности своего оружія и для продовольствія себя съ семействами. Поэтому имъ разрѣшено было заниматься земледѣліемъ и торговлею, въ которой даже пользовались они многими льготами. На такомъ основаніи жили стрѣльцы отдѣльными слободами въ Москвѣ, въ нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ и по границамъ, въ крѣпостяхъ и острогахъ. Можно вообразить себѣ, что этимъ осѣдлымъ и осемьянившимся людямъ не было большой охоты выступать по призыву царскому въ походъ; война была для нихъ уже не ремесломъ, а помѣхою въ главныхъ ихъ занятіяхъ. Поэтому-то они приносили съ собою въ рать лишь печаль объ оставленныхъ ими семействахъ и равнодушіе къ славѣ оружія, а въ дома свои, въ гражданскую сферу—буйныя привычки лагерной жизни.

По всѣмъ этимъ причинамъ мнѣніе общественное не было въ пользу стрѣльцовъ; никто изъ людей, нѣсколько значительныхъ, не шелъ даже въ начальники стрѣлецкіе; самыхъ полковниковъ надобно было назначать туда силою, либо брать ихъ безъ всякаго разбора. Такъ, дѣйствительно, и было: командиры стрѣлецкихъ полковъ были люди далеко не строгой честности, и поступали на эти мѣста съ своекорыстными видами. Они заставляли своихъ подчиненныхъ работать у себя на огородахъ, на подворьяхъ, позволяли имъ за деньги откупаться отъ службы, жестоко наказывали ихъ и даже заставляли на свой счетъ чинить и строить лафеты артиллерійскихъ орудій, барабаны и т. п. Если такія злоупотребленія совершались въ полкахъ московскихъ, то что же должно было происходить на украинской, на сибирской, на шведской границахъ! И это были злоупотребленія не случайныя или мѣстныя, но всеобщія и давно укоренившіяся. Слѣдовательно, вполнѣ признавая, что между стрѣльцами царствовалъ духъ буйства и своеволія, что военныя доблести ихъ были невелики, нельзя не согласиться, что они съ своей стороны имѣли причины жаловаться на своихъ начальниковъ. Приказомъ стрѣлецкимъ управляли въ послѣднее время князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и бояринъ Языковъ. Первый изъ нихъ, заслуженный воинъ,

былъ уже слишкомъ старъ, чтобы дѣятельно участвовать въ управленіи обширнымъ своимъ вѣдомствомъ; Языковъ же былъ слишкомъ занятъ сохраненіемъ власти своей при дворѣ, чтобы имѣть время заниматься всѣми обязанностями, возложенными на него довѣренностью царя. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Θеодора, была подана челобитная отъ стрѣльцовъ полка Пыжова на притѣсненія этого полковника. Государь передалъ челобитную по принадлежности Языкову, а Языковъ, не думая долго, велѣлъ жестоко наказать челобитчиковъ, и тѣмъ кончилось дѣло. Разумѣется, такое рѣшеніе не могло удовлетворить стрѣльцовъ; начальниковъ же ихъ только поощрило къ злоупотребленіямъ. За нѣсколько дней до смерти Θеодора Алексѣевича была подана новая жалоба отъ имени всего полка на полковника Семена Грибоѣдова. Это упорство стрѣльцовъ изумило и обезпокоило Языкова; но царь былъ тогда при смерти, и какъ на очереди стояли вопросы большей важности, то любимцу не достало времени заняться разборомъ челобитной. Онъ велѣлъ посадить въ тюрьму Грибоѣдова на одинъ день и поспѣшилъ къ одру умирающаго царя.

Такой судъ, безъ всякаго разбирательства, приговоръ на скорую руку раздражилъ стрѣльцовъ, и неудовольствіе ихъ готово было обнаружиться какимъ-нибудь энергическимъ образомъ не только противъ своихъ полковниковъ, но противъ самого правительства. Партія царевны поспѣшила воспользоваться этимъ состояніемъ умовъ стрѣлецкаго войска. Первоначальныя сношенія между этою партіею и недовольными были открыты посредствомъ Александра Милославскаго и Толстыхъ, Ивана и Петра. Они обратились къ полковникамъ Цыклеру и Озерову, людямъ, пользовавшимся вліяніемъ между стрѣльцами. Склонить ихъ на свою сторону было не трудно: люди небогатые, незнатные, но честолюбивые, они легко могли податься на приманку повышеній, корысти, извѣстности; на обѣщанія же въ подобныхъ случаяхъ не скупятся. Цыклеръ и Озеровъ охотно приняли сторону царевны и обѣщали употребить все свое вліяніе, чтобы расположить и все войско въ ея пользу.

VI. Стрѣлецкій бунтъ 15 Мая 1682 г.

(По «запискамъ» Андрея Артамоновича графа Матвѣева).

Въ 1682 г., 27 апрѣля, скончался царь Θеодоръ Алексѣевичъ. Тотчасъ же о кончинѣ государя былъ извѣщенъ патріархъ Іоакимъ, а потомъ, по обычаю, колоколъ-вѣстникъ возвѣстилъ о ней и народу.

Тогда всѣ думные бояре и царедворцы съѣхались въ Кремль въ великомъ множествѣ для провозглашенія новаго царя. Уже раньше всѣ согласились избрать на престолъ Петра Алексѣевича, который и былъ нареченъ «Царемъ-государемъ и великимъ княземъ московскимъ и всея Россіи самодержцемъ». Въ это же время бояре и прочіе чины начали присягать Его Величеству, какъ законному и природному наслѣднику Всероссійской короны... и Петръ, будучи всего десяти лѣтъ отъ роду, вступилъ на царство.

Тогда бояре и служилые дворяне раздѣлились на двѣ партіи. Приверженцы новаго царя, опасаясь мятежа, пріѣхали въ Кремль. Между ними были князья

Голицыны, Долгорукіе и многіе другіе,—всѣ они въ эту пору выказали большую ревность и преданность царю. Они надѣли панцыри, скрывъ ихъ подъ одеждой своей, и готовы были стоять за царя непоколебимо до смерти. Эта партія понимала, что двоевластіе въ государствѣ есть зло. Избраніе Петра было утверждено... Знатнѣйшіе бояре и сановники, дворяне и народъ, всѣ, кромѣ московскихъ стрѣльцовъ, готовы были вѣрно служить Петру. Но уже при избраніи и провозглашеніи царя, нѣкій Максимъ Сумбуловъ, во время общаго собранія въ Кремлѣ дерзко кричалъ со своими единомышленниками, что «по первенству надлежитъ быть на царствѣ государю-царевичу Іоанну Алексѣевичу». Но его заявленіе не имѣло успѣха, ибо разныя болѣзни и недостатки царевича не позволяли ему вступить на царскій престолъ... Тѣмъ не менѣе, избраніе Петра возбудило противъ него другую партію, во главѣ которой стояла Софія Алексѣевна, сестра царевича Іоанна, съ которымъ она была отъ одной матери (Марьи Ильинишны Милославской). Царевна обладала великимъ, проницательнымъ умомъ, болѣе мужскимъ, чѣмъ женскимъ. Хотя она и знала, что братъ ея Іоаннъ, удрученный съ младенческихъ лѣтъ недугами и недолговѣчный, не въ состояніи будетъ снести тяжелые труды государя, но увлеченная честолюбіемъ, она задумала доставить ему тронъ. Она разсчитывала, во-первыхъ, возвысивъ брата, женить его и закрѣпить за его потомствомъ царскую власть; во-вторыхъ, она сама разсчитывала править именемъ брата подобно тому, какъ при греческомъ императорѣ Өеодосіи властвовала именемъ его сестра Пульхерія; а въ третьихъ, Софія опасалась возвышенія своей мачихи, царицы Наталіи Кириловны и Нарышкиныхъ, чтобы они, въ царствованіе Өеодора Алексѣевича терпѣвшіе отъ коварныхъ сплетень, лжи, клеветы, отъ гоненій,—не отомстили бы за свои обиды... Наконецъ честолюбивой царевнѣ представился удобный случай исполнить свои завѣтныя мечты.....

Послѣ кончины Өеодора Алексѣевича многіе стрѣлецкіе полки жили въ самой Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ, въ Бѣломъ и Земляномъ городахъ,—жили вольными слободами. Незанятые службой и воинскимъ обученіемъ, стрѣльцы занимались торговлей, даже чрезмѣрно вдались въ купеческіе промыслы, покупали себѣ въ рядахъ многочисленныя лавки, обогащались. Вслѣдствіе такого порядка вещей, многіе стрѣльцы обратились совсѣмъ въ купцовъ, предавались пьянству, привыкали къ своевольству и непорядку... Не довольствуясь этимъ, они еще болѣе увлеклись своеволіемъ, составили какъ бы свою республику, или рѣчь посполитую, забыли и свое подданство, и службу, и обязанности... Затѣмъ, якобы за причиненныя имъ обиды и неправды, стали они своихъ полковниковъ всячески поносить и ругать, грозя имъ местью... Ослушаніе стрѣльцовъ въ эту пору дошло до крайности... Стали они денно и нощно при своихъ съѣзжихъ избахъ собираться многолюдными шайками въ круги, подобно донскимъ казакамъ. Стрѣлецкій приказъ, учрежденный для стрѣлецкихъ дѣлъ, правителей приказа, князей Юрія Алексѣевича и сына его Михаила Юрьевича Долгорукихъ, ни во что ставили, посмѣшищемъ сдѣлали... Наконецъ, дошли до такой дерзости, что начали нѣкоторыхъ полковниковъ своихъ, пріѣзжавшихъ къ съѣзжимъ избамъ, отгонять палками, камнями въ нихъ метать, при чемъ скверно словили и поносили ихъ, такъ что полковники спѣшили уходить отъ нихъ, спасая свою жизнь... Это было преддверіемъ настоящаго возмущенія... Благоразумныхъ пятисотныхъ, сотенныхъ, десятниковъ и другихъ, которые старались по своей обязанности сдержать неистовства своевольныхъ стрѣльцовъ и обличали ихъ, стрѣльцы нагло хватали, выводили на самыя высокія каланчи (караульныя) и, взявъ за руки и за ноги, раскачавъ, бросали сверху на землю. При чемъ всѣ радостно кричали по тогдашнему обычаю:—«Любо, любо, любо!» Ни одинъ изъ этихъ несчастныхъ не уцѣлѣлъ....

Погубивши главныхъ и лучшихъ изъ среды своей и вдавшись въ полное самовластіе, злонамѣренные стрѣльцы стали опасаться возмездія и прекращенія самоуправства своего со стороны царя Петра Алексѣевича, предугадывая, что этотъ монархъ, крѣпкая надежда Россіи и опора, истребитъ ихъ пагубныя сонмища. Волнуясь въ страхѣ ожидаемаго наказанія, стрѣльцы начали сами «безопасной пристани» себѣ искать, часто сходились въ тайныя сходки, и многіе стрѣлецкіе полки твердо рѣшились поддерживать сторону старшаго царевича Іоанна Алексѣевича и вѣрно стоять за него. Однако-же, сначала не всѣ полки пристали къ этому рѣшенію, колебались, «шатаясь еще, и хромая на обѣ колѣни». Всѣхъ стрѣльцовъ въ Москвѣ въ то время было 14,198, раздѣленныхъ на девять полковъ.

Намѣреніе стрѣльцовъ (держать сторону Іоанна Алексѣевича), открытое царевнѣ Софіи, было для нея радостною вѣстью, какъ «вѣтвь, принесенная голубицей въ Ноевъ ковчегъ во время потопа». Эта вѣсть возбудила у царевны твердую надежду на успѣхъ, давала ей въ руки удобныя и самыя дѣйствительныя мѣры, и она рѣшилась соединиться со стрѣльцами и дѣйствовать съ ними за одно...

Царевна довѣрила это дѣло надежному лицу, свойственнику своему, боярину Ивану Михайловичу Милославскому, человѣку хитрому и ловкому. Онъ навербовалъ себѣ сообщниковъ, Александра Ивановича Милославскаго, Ивана и Петра Андреевичей Толстыхъ, Ивана Цыклера и другихъ... Прежде всего на совѣтѣ своемъ они положили завести тайныя сношенія со всѣми московскими полками и вліятельными стрѣльцами; сноситься же съ ними порѣшили при посредствѣ упомянутыхъ совѣтниковъ Милославскаго, чтобы на него лично не было никакихъ уликъ и чтобы не подать подозрѣнія. Онъ же притворился внезапно больнымъ и долгое время не выѣзжалъ со двора и не принималъ никого изъ пріѣзжавшихъ къ нему, отказывая всѣмъ, чтобы ему со своими клевретами и совѣтниками безъ всякой помѣхи привести замыселъ къ счастливому концу.

По общему согласію, для болѣе успѣшнаго веденія дѣла, назначили стрѣльцы изъ каждаго полка по нѣскольку выборныхъ лицъ, болѣе ловкихъ, смышленыхъ и вліятельныхъ. А такими были тогда Борисъ Одинцовъ, Обросимъ Петровъ, Козьма Чермной и другіе. Они тайкомъ по ночамъ приходили къ Милославскому и его сообщникамъ и доводили до ихъ вѣдома о намѣреніяхъ стрѣльцовъ и состояніи дѣлъ.

Сперва эти выборные стрѣльцы начали склонять на свою сторону стрѣлецкіе полки и ихъ возмущать, говоря имъ, что «бояре неправедно учинили, выбравъ меньшаго брата на царство, обошедши старшаго». Такимъ способомъ они скоро склонили стрѣльцовъ къ мятежу, хотя нѣкоторые полки еще раздумывали; однако и они прельстились обѣщаніемъ денежныхъ наградъ и повышеній въ чинахъ. Всѣ полки пришли въ смятеніе, кромѣ одного сухаревскаго, въ которомъ пятидесятникъ Иванъ Борисовъ и пятисотенный Василій Бурмистровъ непоколебимо и вѣрно держались присяги со всѣмъ полкомъ.

Условившись съ выборными (заговорщиками), Милославскій предложилъ имъ, чтобы въ то самое время, какъ стрѣльцы начнутъ бунтъ въ Москвѣ, возвести на царскій престолъ государя-царевича Іоанна Алексѣевича, а бояръ, которые вѣрно держали сторону Петра и могли помѣшать этому намѣренію, — подъ разными вымышленными предлогами избить.

Съ этого времени уже ежедневно во всѣхъ стрѣлецкихъ полкахъ и при съѣзжихъ избахъ стало ясно сказываться скрываемое прежде намѣреніе поднять мятежъ. Особенно же обнаруживалось оно не только въ томъ, что стрѣльцы стали повседневно собираться многочисленными толпами, но и становиться подъ ружье безъ

приказа полковниковъ, всячески самовольничать и безъ надобности бить въ барабаны и въ набатъ; даже стали всенародно говорить и безстрашно кричать о своемъ мятежѣ съ похвальбой по кабакамъ и торговымъ банямъ...

15 мая,—въ день, въ который нѣкогда совершилось убіеніе царевича Димитрія,—стали всѣ стрѣлецкіе полки собираться, какъ бы на службу, у своихъ съѣзжихъ избъ подъ ружье и ожидали приказа дѣйствовать. Въ эту пору явились Александръ Милославскій и Петръ Толстой. Они скакали на борзыхъ коняхъ по рядамъ стрѣлецкихъ полковъ, громко кричали, что «Нарышкины царевича Іоанна Алексѣевича задушили» и требовали, чтобы стрѣльцы спѣшили въ Кремль на службу...

Стрѣльцы тотчасъ же стали у своихъ съѣзжихъ избъ и начали въ церковныхъ приходахъ бить въ набаты и барабаны, и соединяться полки съ полками... Внезапно въ девятомъ часу со всѣхъ сторонъ побѣжали они въ Кремль, со знаменами, барабанами, съ полковыми пушками. Хотя въ то время при царскомъ дворѣ извѣстно было о стрѣлецкомъ движеніи, но, не зная причинъ его, не приняли надлежащихъ мѣръ предосторожности.

Того же 15 числа, около полудня, когда бояринъ Матвѣевъ (только-что вернувшійся въ Москву изъ ссылки), выйдя изъ дворца, собирался ѣхать домой, на лѣстницѣ встрѣтилъ его бояринъ, князь Ѳеодоръ Семеновичъ Урусовъ, и объявилъ ему, что стрѣльцы уже вошли въ Земляной городъ со своими полками и входятъ въ Бѣлый городъ. Оба боярина тотчасъ вернулись во дворецъ и донесли обо всемъ царицѣ, государынѣ Наталіи Кирилловнѣ. Тотчасъ же данъ былъ приказъ караульному подполковнику Стремяннаго полка по всему Кремлю ворота запереть, чтобы не допустить стрѣльцовъ; но было уже поздно. Многіе бояре, пріѣхавши во дворецъ, донесли, что «стрѣльцы вошли уже цѣлыми многолюдными полками въ Кремль и стали кричать съ великимъ безчинствомъ, будто измѣнники-бояре, Нарышкины и Матвѣевъ, погубили царевича Іоанна Алексѣевича».

Услышавъ объ этомъ, бояре, Кириллъ Полуектовичъ и сынъ его Иванъ Кирилловичъ Нарышкины и Матвѣевъ, стали слезно просить у ея величества, государыни-царицы, чтобы тотчасъ же показать (мятежникамъ) царевича Іоанна, который находился во дворцѣ въ полной неприкосновенности... Тогда по всему дворцу услышаны были шумъ и крики стрѣльцовъ, которые съ наглостью и безчинствомъ требовали, чтобы «показали имъ царевича Іоанна Алексѣевича».

При такой опасности, грозившей самой царской власти, ихъ величества принуждены были сами, выйдя изъ хоромъ своихъ, идти на Красное крыльцо, гдѣ обыкновенно стоитъ караулъ, и поставили впередъ государя-царя (Петра) и царевича (Іоанна). Хотя деревянная рѣшетка въ дверяхъ у крыльца была заперта, однако же злочестивые измѣнники, незнающіе Бога, отпавшіе отъ подданства и послушанія, подставивъ лѣстницы, дерзали говорить съ царскими особами и «съ великою невѣжливостью и, какъ львы рыкая», нагло спрашивали самого царевича;—«есть ли онъ подлинный царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ, и кто изъ бояръ-измѣнниковъ изводитъ его?» На что онъ отвѣчалъ имъ, что «онъ ни отъ кого никакой злобы къ себѣ не видалъ, никто его не изводитъ и жаловаться ни на кого онъ не можетъ».

Но безстыдная чернь, возбужденная къ бунту Милославскимъ и его сообщниками, даже видя самого царевича, живаго и невредимаго, не унималась, безпрестанно кричала, требуя выдачи бояръ, Ивана Нарышкина, братьевъ его и боярина Матвѣева, подъ разными вымышленными предлогами, будто онъ, бояринъ Нарышкинъ, корону, діадему и платье царское въ мастерской палатѣ надѣвалъ на себя и считалъ себя способнымъ къ царскому достоинству... Предъявлялись и другія подобныя

несообразныя обвиненія... Тогда бояринъ Матвѣевъ безстрашно, исполненный ревности вѣрноподданнаго, вышелъ къ стрѣльцамъ внизъ за рѣшетку и, какъ ни въ чемъ неповинный, сталъ смѣло предъ лицомъ оскорблявшихъ его и говорилъ имъ безъ всякаго страха, напоминая объ ихъ подданствѣ, о покореніи своимъ природнымъ и законнымъ государю-царю и государынѣ-царицѣ; напомнилъ прежнія службы ихъ и вѣрность; указывалъ, что они, стрѣльцы, теперь своимъ злымъ дѣломъ всѣ тѣ заслуги утратили... Нѣкоторые стрѣльцы стали раздумывать надъ словами Матвѣева, успокаиваться, и начали даже, въ разсчетѣ на прежнюю свою службу съ бояриномъ Матвѣевымъ, искать его заступничества и разбора дѣла. Обо всемъ этомъ онъ обстоятельно донесъ ихъ величествамъ. Послѣ него бояринъ, князь Михайлъ Юрьевичъ Долгорукій, выйдя къ стрѣльцамъ, сталъ еще ихъ унимать «жестокими словами», чтобъ они сейчасъ назадъ шли въ свои полки изъ Кремля, приказывалъ имъ строго, такъ какъ онъ, князь Долгорукій, въ то время правилъ Стрѣлецкимъ Приказомъ. За это жестокосердые стрѣльцы, схвативъ его, бросили съ крыльца на копья и бердышами изрубили. Съ него началось кровопролитіе и человѣкоубійство.

Узнавъ, что стрѣльцы послѣ словъ Матвѣева стали воздерживаться отъ мятежа, главные коноводы, которымъ нужна была смерть Матвѣева, направили на него стрѣльцовъ другихъ полковъ (не слышавшихъ его увѣщаній), которые ворвались изъ сѣней Грановитой палаты. Они свирѣпо кинулись на него, безстыдно вырвали его изъ царскихъ рукъ, хотя государыня-царица не хотѣла отдавать его. Тогда бояринъ, князь Михаилъ Черкасскій, выказалъ большое великодушіе: забывъ о страшной опасности для жизни, онъ отнялъ Матвѣева изъ рукъ стрѣльцовъ и, упавъ на него, прикрывалъ его собою. Но расходившіеся стрѣльцы, вырвавъ его изъ-подъ Черкасскаго, бросили его съ Краснаго крыльца на площадь, и тѣло его съ такимъ варварскимъ тиранствомъ разрубили бердышами, что ни одинъ членъ не остался въ цѣлости... Тотчасъ же послѣ этого, разсвирѣпѣвшіе измѣнники закричали громогласно:—«Пришла уже самая пора, кто намъ надобенъ, разбирать!» И, склонивъ копья впередъ, побѣжали всѣ съ неистовыми криками въ царскія палаты искать еще другихъ яко-бы измѣнниковъ. Государыня-царица Наталія Кирилловна, при видѣ этого жестокаго мятежа, взявъ съ собою сына своего царя Петра, отъ страха ушла въ Грановитую палату, въ ужасѣ и съ горькимъ плачемъ.

Стрѣльцы-же начали бѣгать съ наглостью не только по царскимъ палатамъ, но и по всѣмъ внутреннимъ компатамъ,—по комнатамъ всѣхъ государынь-царевенъ, и по церквамъ, входили даже безстыдно въ святые алтари, окровавленными руками ощупывали ихъ, копьями подъ святыми жертвенниками шарили, отъискивая свои жертвы...

Во дворцѣ-же, не стыдясь даже царственныхъ лицъ, они всюду отъискивали мнимыхъ измѣнниковъ, не пропуская не только комнатъ и чулановъ, но и кроватей и постелей церскихъ. Въ это время, бѣгая съ бердышами по царскимъ покоямъ, стрѣльцы убили стольника Ѳеодора Петровича Салтыкова, принявъ его за Аѳанасія Кирилловича Нарышкина. Тѣло его отвезли къ отцу его, боярину Петру Михайловичу, при чемъ учтиво передъ нимъ извинялись, говоря, что по незнанію убили его сына...

Увидѣли въ одной комнатѣ карлу, по прозвищу Хомяка, и спросили у него:—«Гдѣ утаенные царицыны братья Нарышкины?» Онъ тотчасъ же указалъ имъ въ дворцовой церкви, въ алтарѣ подъ престоломъ, спрятаннаго средняго царицына брата Аѳанасія Кирилловича, подражая словмъ и дѣломъ древнему Іудѣ Искаріоту; этотъ карла, по милости Аѳанасія Кирилловича, изъ богадѣльни взятъ былъ въ царскую комнату. Бунтовщики, какъ звѣри, не устыдились, не ужас-

нулись Святой Христовой церкви, приступили къ престолу, вытащили изъ-подъ него Нарышкина и, притащивъ на паперть той же церкви, безчеловѣчно разсѣкли и тѣло его оттуда съ ругательствомъ сбросили съ высоты, на площадь соборной церкви... Того-же дня побили стрѣльцы нѣсколькихъ бояръ и думныхъ дьяковъ подъ разными ложными предлогами... Провозглашая вины всякаго, кого они побивали и разсѣкали, они кричали:—«Любо-ли?» Бывшія при этомъ печальномъ зрѣлищѣ толпы народа волей или неволей должны были со стрѣльцами шапками махать и кричать вмѣстѣ съ ними:—«любо!» Если же кто изъ народа, изъ жалости, молчалъ или вздыхалъ, тѣхъ стрѣльцы били, а нѣкоторыхъ боярскихъ слугъ побили немилосердно до смерти. Во все это время въ Кремлѣ не умолкали набатъ и барабаны... Вечеромъ этого печальнаго дня, бунтовщики разошлись по домамъ своимъ, а въ Кремлѣ оставили многолюдный караулъ, приказавъ ему никого безъ ихъ согласія ни въ Кремль не пускать, ни изъ Кремля не выпускать. Въ Китаѣ и Бѣломъ городахъ, при всѣхъ воротахъ, мятежники тоже утвердили свои караулы.

16-го мая стрѣльцы пришли въ домъ боярина Юрія Алексѣевича Долгорукаго, лукаво заявляя, что они виноваты предъ нимъ, убивши въ запальчивости его сына, и какъ бы просили прощенія у него. Старый, восьмидесятилѣтній бояринъ, украшенный сѣдинами, лежалъ въ ту пору въ параличѣ. Получивъ злополучную вѣсть о смерти сына, подобно древнему Іову, скрылъ горе въ своемъ сердцѣ и учтиво отпустилъ отъ себя стрѣльцовъ, которые вышли отъ него довольные... Но лукавый рабъ Долгорукаго услышалъ, что бояринъ, всегда ему довѣрявшій, не удержавшись отъ невыносимой скорби о смерти сына своего, горько заплакалъ и сказалъ народную пословицу:—«Хотя-де щуку они и съѣли, но зубы ея остались», и прибавилъ: «если Богъ поможетъ, то они, воры и бунтовщики, сами будутъ всѣ перевѣшаны по зубцамъ стѣнъ по Бѣлому и Земляному городамъ въ Москвѣ»... Упомянутый рабъ и доносчикъ не преминулъ стать лютымъ предателемъ своего господина и тотчасъ же, выйдя за стрѣльцами, пересказалъ имъ слова князя. Они въ ту-же минуту воротились, въ ярости не постыдились сѣдинъ старца, схватили его съ постели, вытащили, разсѣкли тѣло его, и ругаясь надъ нимъ, кинули его на навозной кучѣ.

Въ то же утро, въ 10 или 11 часовъ, тѣ же стрѣльцы съ крикомъ, набатнымъ и барабаннымъ боемъ, придя съ большой наглостью къ самой рѣшеткѣ царскаго дома, требовали немедленной выдачи боярина Ивана Кирилловича Нарышкина; при чемъ грозили боярамъ, что всѣхъ ихъ предадутъ лютой смерти, если они не выдадутъ его на слѣдующій день... Но какъ стрѣльцы ни старались, въ этотъ день желаніе ихъ не было исполнено. Во второмъ часу пополудни стрѣльцы, разставивши свои караулы, вышли изъ Кремля. Въ оба указанные дня они, вслѣдствіе своевольства и крайняго пьянства, на пути по Бѣлому и Земляному городамъ многихъ незнатныхъ людей кололи и побивали, какъ скотъ безсловесный; вся Москва въ ту пору трепетала отъ ужаса.

Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ въ это время со своимъ отцомъ, родичами и съ Андреемъ Артамоновичемъ Матвѣевымъ скрывались по разнымъ потаеннымъ мѣстамъ при комнатахъ государыни царевны Наталіи Алексѣевны. Потомъ всѣ они вмѣстѣ отведены были въ дальніе покои, которые были обращены глухою стѣною къ патріаршему двору... Объ этомъ знала только одна постельница царевны, вполнѣ преданная ей...

Когда же наступило назначенное стрѣльцами время (т. е. время выдачи И. К. Нарышкина), упомянутая постельница хотѣла всѣхъ скрывавшихся спрятать въ особомъ чуланѣ въ сѣняхъ и замкнуть. Всѣ-было на это согласились, но одинъ

изъ скрывавшихся, семнадцатилѣтній Матвѣевъ (авторъ этого разсказа), сильно воспротивился, говоря, что чрезъ это мѣсто съ самаго начала бунта стрѣльцы проходили, ища ихъ, и не только въ запертыхъ, но и въ пустыхъ хоромахъ отбивали двери, и если они скроются въ замкнутомъ чуланѣ, то ихъ постигнетъ неминуемая гибель. Всѣ единодушно согласились, положились на Божье милосердіе, вошли въ чуланъ, въ которомъ только одно окно было наглухо заметано постелями и подушками, и отъ этого въ чуланѣ было такъ темно, что ни одной стѣны не видно было. Надѣясь на Божью помощь, пріотворивъ дверь чулана на четверть въ лѣвую сторону, сами прижавшись другъ къ другу, стали направо...

Стрѣльцы по приходѣ своемъ въ Кремль, большими толпами, съ яростью и громкимъ крикомъ быстро пробѣжали по упомянутымъ переходамъ, словно бурный потокъ, и никто изъ нихъ въ отворенный чуланъ не заглянулъ, только раза два или три нѣкоторые изъ стрѣльцовъ, бѣжавшихъ въ лѣвую сторону совали свои копья чрезъ пріотворенную дверь въ подушки и, ругаясь, кричали:—«Наши тамъ вездѣ были и измѣнниковъ тутъ нѣтъ». Такъ сила Божья спасла неповинныхъ ни въ чемъ отъ нечестивыхъ злодѣевъ...

17 мая московскіе стрѣльцы снова направились въ Кремль съ неистовыми криками, вооруженные бердышами и копьями... Большая часть ихъ отъ черезмѣрнаго пьянства, по свирѣпости своей походили болѣе на звѣрей, чѣмъ на людей... Громкимъ крикомъ, нагло требовали они у бояръ, жестоко угрожая имъ, выдачи брата царицы, И. К. Нарышкина; безъ него они ни въ какомъ случаѣ не хотѣли уходить въ этотъ день... Тогда бояре доложили царицѣ объ этомъ требованіи... Царевна Софія тогда впервые вызвала на себя подозрѣніе; она рѣшительно сказала царицѣ, «что никакимъ образомъ того избыть не возможно, чтобъ брата ея, царицы, стрѣльцамъ въ тотъ день не выдать».

Царица принуждена была вмѣстѣ съ царевною Софіей идти въ церковь Нерукотвореннаго образа, что на сѣняхъ, близъ золотой рѣшетки, гдѣ стояло безчисленное множество стрѣльцовъ... Туда же, въ церковь, приведенъ былъ братъ царицы, который всѣми таинствами,—покаяніемъ, причащеніемъ и елеопомазаніемъ приготовилъ уже себя къ смерти. Когда вошелъ Нарышкинъ, царевна Софія, наружно выказывая скорбь и сожалѣніе о немъ, объявила ему, почему необходимо выдать его стрѣльцамъ; но онъ, готовый съ чистой совѣстью пострадать, безъ трепета и рѣшительно сказалъ:—«Государыня-царевна, воистину не боюся на смерть свою иду, токмо усердно желаю, чтобы моею невинною кровью всѣ тѣ бывшія кровопролитія до конца прекратились». Затѣмъ онъ отдалъ ей послѣдній поклонъ. Они вышли. Государыня и царевна пришли къ золотой рѣшеткѣ. Всякій можетъ понять, какою нестерпимою болью страдало многоскорбное сердце ея величества, государыни-царицы, при видѣ роднаго брата, котораго приходилось своими руками выдавать не только злочестивымъ ворамъ, но клятвопреступникамъ, Божьимъ врагамъ... Однако государыня-царица мужественно, собравши всѣ свои силы, принявъ изъ рукъ царевны образъ Пресвятой Божьей Матери, вручила его брату своему въ напутствіе на мученическое страданіе. Царевна же, въ оправданіе себя предъ людьми, старалась показать, что она вынуждена лишь необходимостью рѣшиться на выдачу Нарышкина стрѣльцамъ. При этомъ она высказывала надежду, «будто бы они, стрѣльцы, устрашатся предъ иконой, устыдятся своего требованія и отпустятъ Нарышкина». Но при этомъ у нея была «политика италіанская; ибо они, италіанцы, одно говорятъ, другое же думаютъ и дѣлаютъ».

Не смотря на то, что все къ выдачѣ Нарышкина стрѣльцамъ было уже готово,—одинъ изъ бояръ, знатный и престарѣлый мужъ, князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, по природѣ человѣкъ боязливый и торопкій, торопилъ госуда-

рыню, царевну и Нарышкина, говоря:—«Сколько вамъ, государыня, ни жалѣть, отдавать вамъ его нужно будетъ, а тебѣ Ивану (Нарышкину) скорѣе отсюда идти надобно, чтобы намъ всѣмъ за тебя одного не погибнуть!»

Лишь только царица и царевна съ Нарышкинымъ приблизились къ золотой рѣшеткѣ, какъ вдругъ растворились двери и кровопійцы-бунтовщики, не постыдясь царскихъ лицъ, забывъ свое вѣрноподданничество и свою виновность, какъ львы на добычу, какъ вороны на кровь, устремились съ бранью и укоризнами, словно иконоборцы, не почтили образа, звѣрски ухватили Нарышкина за волосы и за что попало, и потащили по ступенямъ лѣстницы до площади. Затѣмъ повели его съ ругательствами чрезъ весь Кремль-городъ до застѣнка, называемаго Константиновскимъ, истязали его пытками безъ всякихъ винъ и показаній, необходимыхъ для истиннаго правосудія; безвинно, по одному своему варварству и своеволію, послѣ тиранскихъ мученій, вывели они Нарышкина изъ Кремля за Спасскія ворота, на Красную площадь, и тутъ, по своей обычной звѣрской жестокости, обступивъ его со всѣхъ сторонъ, подняли его на копья, затѣмъ опустивъ, отсѣкли ему руки, ноги и голову, а тѣло его съ дикимъ крикомъ звѣрски разрубили на мелкія части и съ грязью смѣшали. Такимъ образомъ, мужественно пострадавъ, получилъ онъ мученическій вѣнецъ.

Въ тотъ же день боярина Ивана Максимовича Языкова, который скрывался у духовника своего, священника церкви Святителя Николая на Хлыновѣ, погубили по навѣту одного холопа, изъ дома знакомаго Языкову. Къ его несчастью, этотъ холопъ встрѣтилъ его; Языковъ далъ ему перстень, снявъ его съ руки своей, и просилъ, чтобы онъ не говорилъ о немъ. Но холопъ, уподобясь древнему предателю, сказалъ о Языковѣ стрѣльцамъ и указалъ мѣсто, гдѣ онъ скрывался. Стрѣльцы звѣрски напали на него, съ ругательствомъ привели на Красную площадь и, поднявъ на копья, всё тѣло его разсѣкли бердышами... (На той-же недѣлѣ стрѣльцы погубили двухъ докторовъ-иноземцевъ). Желая привлечь себѣ на помощь холопей и слугъ боярскихъ домовъ, стрѣльцы внезапно напали на Холопій приказъ, отбили замки, разломали сундуки и всѣ записи, крѣпости, холопьи книги и другіе государевы указы разодрали и уничтожили. Совершивъ это, стрѣльцы въ большой радости, ходя толпами по всему Кремлю, Китаю и Бѣлому городамъ, по улицамъ и по дворамъ боярскимъ, кричали:—«Всѣмъ слугамъ боярскимъ дана отъ насъ полная воля на всѣ стороны и всякія крѣпости на нихъ разодраны и разбросаны». Но, къ великому удивленію, стрѣльцы ошиблись въ своихъ разсчетахъ: боярскіе слуги съ непоколебимой твердостью сохранили вѣрность своимъ господамъ и даже, ничѣмъ не прельщаясь, еще ревностнѣе стали служить имъ...

18-го числа, стрѣльцы избрали по первенству царевича Іоанна Алексѣевича и нарекли его первымъ царемъ и государемъ россійскимъ вмѣстѣ съ Петромъ, который уже считался вторымъ... Бояре, которые держались партіи Нарышкиныхъ, побоялись стрѣльцовъ и страха ради цѣловали крестъ Іоанну Алексѣевичу. Теперь высказалось явно и властолюбіе Софіи; ибо на помощь двумъ царямъ она стала правительницей; значеніе же царицы Наталіи Кирилловны скоро послѣ того умалилось... Царевна тогда, по милостивому обѣщанію своему, стрѣльцовъ всѣхъ полковъ удовольствовала значительной прибавкой жалованья, выборнымъ ихъ людямъ открыла къ себѣ доступъ, обогатила ихъ всякими доходами и держала въ великой чести...

VII. Первый бунтъ стрѣльцовъ.

(Изъ соч. Погодина: „Первыя 17 лѣтъ царствованія Петра В.“).

15-го мая, съ ранняго утра, стрѣльцы, вооруженные съ ногъ до головы копьями, бердышами, ружьями, начали собираться у своихъ церкѣей одновременно во всѣхъ противоположныхъ частяхъ города: за Москвою рѣкой, за Яузой у Серпуховскихъ воротъ, передъ мѣщанскими слободами. Они какъ-будто ожидали условленнаго знака. И вотъ въ 9-мъ часу дня посланцы Милославскихъ скачутъ верхомъ на лошадяхъ и кричатъ:—«Царевича Ивана задушили Нарышкины. Въ Кремль! Нарышкины хотятъ извести весь царскій домъ. Къ оружію! Казнить измѣнниковъ! Спасайте царя!» По всѣмъ улицамъ проскакали они съ этими криками. Произошло общее смятеніе. Ударили въ набатъ, забили тревогу въ барабаны, зазвонили въ колокола, привезено нѣсколько полковыхъ пушекъ. Изготовясь, стрѣльцы со всѣхъ сторонъ бросились съ распущенными знаменами въ Кремль, какъ бы на непріятеля. Полковниковъ заставили они ѣхать впереди и вести себя.

Встрѣчные недоумѣвали, видя ихъ буйное движеніе съ шумомъ, гамомъ и дикими воплями, и спрашивали, дрожа отъ страха, что случилось. „Идемъ выводить измѣнниковъ и губителей царскаго рода“, кричали они по улицамъ.

Большинство вѣрило отъ души, что царскому роду угрожаетъ опасность, что Нарышкины съ своими друзьями хотятъ захватить власть въ свои руки, и стрѣльцы должны спѣшить въ Кремль спасать отечество и казнить измѣнниковъ, ненавистныхъ бояръ.

Повѣренные, посвященные въ тайны заговора, старались, разумѣется, поддерживать ихъ въ этихъ мысляхъ, и дорогою раздували пламя выдумками, одна другой нелѣпѣе.

Длинныя древки у копій стрѣльцы обрубили, чтобы удобнѣе управляться ими.

Бояре сидѣли спокойно въ приказахъ, не подозрѣвая, что дѣлается въ городѣ и какая громовая туча несется въ Кремль. Кончивъ дѣла около полудня, они собирались уже разъѣзжаться по дворамъ къ обѣду.

Матвѣевъ сходитъ съ постельнаго крыльца по лѣстницѣ; на встрѣчу ему, увидѣлъ онъ, спѣшитъ снизу князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ... Они сблизились;—тотъ, въ попыхахъ, едва можетъ вымолвить:—«Стрѣльцы взбунтовались. . всѣ полки... въ полномъ вооруженіи... идутъ они съ барабаннымъ боемъ въ Кремль». Удивленный Матвѣевъ оборачивается назадъ и вмѣстѣ съ Урусовымъ бѣжитъ къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ предупредить ее...

Не успѣли они вымолвить слова,—вслѣдъ за ними являются другіе Іовлевы вѣстники, съ вѣстями, одна другой страшнѣе. Стрѣльцы уже въ Бѣломъ городѣ. Они грозятся.

На Верху произошло общее замѣшательство. Никакой защиты въ Кремлѣ не было, и обороняться нечѣмъ. Велятъ запереть всѣ Кремлевскія ворота, посылаютъ за патріархомъ, чтобы онъ пришелъ къ царю

и царицѣ немедленно. Намѣренія стрѣльцовъ неизвѣстны, но, судя по наружности, должно ожидать только худаго.

Караульный офицеръ Григорій Горюшкинъ прибѣгаетъ съ донесеніемъ, что воротъ запереть не успѣли, стрѣльцы ворвались и разсыпались по Кремлю. Всѣ колымаги боярскія согнаны на Ивановскую площадь, на иныхъ убиты возчики или переранены, у другихъ зарублены лошади. Никому нельзя уже было выѣхать изъ Кремля, ни пріѣхать въ Кремль.

Перепуганные бояре собираются всѣ, одинъ за другимъ, въ Грановитую палату.

Стрѣльцы окружаютъ ее и останавливаются передъ Краснымъ крыльцомъ. Шумъ и гамъ, крики и вопли; едва можно разобрать слова:—„Гдѣ царевичъ Іоаннъ? подайте намъ Нарышкиныхъ, Матвѣева. Смерть измѣнникамъ"!

На общемъ совѣтѣ въ Грановитой палатѣ рѣшено выслать къ стрѣльцамъ бояръ, которые спросили бы ихъ, чего имъ надобно. Бояре: князь Черкасскій, Хованскій, Голицынъ, Шереметевъ—выходятъ къ стрѣльцамъ и спрашиваютъ о причинѣ ихъ буйнаго появленія.—„Мы хотимъ казнить измѣнниковъ,—кричатъ стрѣльцы въ отвѣтъ:—они погубили царевича. Замышляютъ извести царскій родъ... Дайте Нарышкиныхъ, Матвѣева, Долгорукаго, Языкова, Ромодановскаго".

Когда высланные бояре принесли этотъ отвѣтъ, то отецъ царицынъ, Матвѣевъ и другіе подали совѣтъ, чтобы царицѣ Наталіи Кирилловнѣ выйти на Красное крыльцо и показать стрѣльцамъ царя и царевича.

Царица, трепещущая отъ страха, взявъ за руки сына и пасынка, въ сопровожденіи патріарха, бояръ и прочихъ сановниковъ выходитъ на Красное крыльцо.

— „Вотъ царь Петръ Алексѣевичъ, вотъ царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ!" провозглашаютъ громко бояре, пришедшіе съ царицей, и указываютъ на нихъ стрѣльцамъ, „милостіею Божьею они здравствуютъ. Измѣнниковъ въ государевомъ дому нѣтъ. Успокойтесь. Васъ обманули".

Стрѣльцы подставляютъ лѣстницы, влѣзаютъ наверхъ, на площадку, гдѣ стояло царское семейство имъ на показъ...

Они увидѣли Петра. Петръ увидѣлъ стрѣльцовъ лицомъ къ лицу.

Подступая къ царевичу Іоанну, стрѣльцы спрашиваютъ:—„Ты ли царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ"?—„Я", отвѣчаетъ почти обезпамятѣвшій слабый молодой человѣкъ.—„Ты ли?" повторяютъ вопросъ другіе.—„Я,я!" Русскіе послы разсказывали послѣ въ Голландіи, что ребенокъ Петръ во все это время нисколько не измѣнился въ лицѣ, не показывалъ страха.

Патріархъ хочетъ сойти внизъ съ крыльца для увѣщанія, но снизу раздается крикъ:—„Не надо намъ совѣтовъ, мы сами знаемъ, что намъ дѣлать". Многіе бросились наверхъ мимо его.

Царица, видя ихъ „неуклонную дерзость и злое устремленіе", удалилась съ сыномъ и царевичемъ Иваномъ во внутренніе покои. Матвѣевъ, нѣкогда любимый начальникъ стрѣльцовъ, которые привезли ему надгробные камни съ отеческихъ могилъ на постройку новаго дома, рѣшается сойти къ нимъ внизъ, за рѣшетку. Ласковымъ голосомъ старается онъ образумить ихъ и усовѣстить, напоминаетъ имъ ихъ прежнюю вѣрную службу, особенно во время Коломенскаго мятежа, которую

они теперь помрачают, и объясняет имъ, что они волнуются напрасно, вѣря ложнымъ слухамъ, и тревожатъ по пустому царское семейство, совершенно спокойное и безопасное, какъ видѣли и удостовѣрились они сами своими глазами.

Матвѣевъ совѣтуетъ имъ повиниться и обѣщаетъ выпросить прощеніе у государя. Толковая, ласковая рѣчь подѣйствовала. Передніе стрѣльцы пріутихли. Видно было, что на нихъ находило раздумье. Въ серединѣ послышались толки, споры, переговоры; какъ-будто водворялось лучшее настроеніе. Стало тише. Матвѣевъ поспѣшилъ наверхъ успокоить царицу, но коноводы, замѣтивъ опасный для нихъ оборотъ дѣла, которое могло кончиться ничѣмъ, даютъ знакъ своимъ повѣреннымъ, чтобъ тѣ бѣжали съ другой стороны наверхъ управиться съ Матвѣевымъ,—а между тѣмъ съ верху выходитъ князь Михаилъ Алексѣевичъ Долгорукій, второй начальникъ Стрѣлецкаго приказа. Полагая со словъ Матвѣева, что стрѣльцы смирились, онъ относится къ нимъ съ грубостью: — „Ступайте по домамъ, здѣсь вамъ дѣлать нечего, полно буянить, все дѣло разберется безъ васъ“.

Этими безвременными угрозами испорчено было все хорошее впечатлѣніе, произведенное рѣчью Матвѣева во многихъ стрѣльцахъ, готовыхъ образумиться, а зачинщики съумѣли воспользоваться неудовольствіями.

— „Вотъ слышите ли,—подхватили они,—что ужъ говоритъ онъ? бояре всѣ такіе: надѣяться на нихъ нечего, они доканаютъ насъ. Надо раздѣлаться съ нимъ, братцы“. И болѣе дерзкіе, пьяные, вскочили на крыльцо, другіе взбѣжали за ними, схватили Долгорукова за туловище—онъ былъ очень тученъ,—сбросили съ крыльца на площадь, восклицая: „любо-ли?“ а оставшіеся внизу стрѣльцы приняли его на копья, отвѣчая; „любо, любо“, и изрубили бердышами. „Любо, любо!“ раздалось въ толпѣ. Это первое убійство послужило какъ-будто знакомъ къ началу кровопролитія. „И воздухъ въ тое время,—замѣчаетъ очевидецъ,—премѣнися тихости, и воздвижеся буря велія и облака мрачныя народу вящшій страхъ дѣяша“.

Убійцы, склоня копья, бросились въ покои, куда съ другой стороны набѣжали уже товарищи, подосланные прежде зачинщиками справиться съ Матвѣевымъ. Онъ стоялъ въ сѣняхъ предъ Грановитой палатой при царицѣ и ея сынѣ. Стрѣльцы кинулись на него. Царица хотѣла заслонить его собою, но напрасно. Они схватили старика, князь Черкасскій началъ отнимать у нихъ. Завязалась борьба. Кафтанъ на Черкасскомъ былъ весь изодранъ. Наконецъ, вырвали они Матвѣева, не смотря на крики царицы, потащили на Красное крыльцо и съ кликами радости бросили на площадь противъ Благовѣщенскаго собора. Товарищи, стоявшіе внизу, приняли его на копья и разрубили на части.

Покончивъ съ Матвѣевымъ и Долгорукимъ, какъ бы не чувствуя ужъ никакой узды, разгорячаясь часъ отъ часу, стрѣльцы разсыпались по царскимъ покоямъ искать измѣнниковъ, кого имъ надо.

Бояре попрятались, куда кто могъ; патріархъ едва добрался до Успенскаго собора; царица Наталія Кирилловна съ сыномъ отошла въ Грановитую палату.

Что чувствовалъ этотъ пылкій, воспріимчивый мальчикъ, видя предъ собою любимую мать, дрожащую отъ страха, умоляющую со слезами

свирѣпыхъ убійцъ пощадить ея друга и благодѣтеля, старца убѣленнаго сѣдинами, видя предъ собою общее смятеніе, слыша дикіе вопли стрѣльцовъ, предававшихся предъ его глазами всякимъ неистовствамъ! Онъ понималъ, что мать, всѣ родные и близкіе къ нему люди,—боятся за его жизнь, какъ и за свою собственную, ибо никто изъ нихъ не могъ предвидѣть, чѣмъ кончится эта кровавая драма. Смерть летала, кажется, надъ всѣми головами. Какія мысли пробѣгали у него въ головѣ, какими чувствами волновалось его сердце?

А что впечатлѣніе было сильно, тому служитъ доказательствомъ вся его жизнь: голова у него тряслась послѣ, при всякомъ особенномъ раздраженіи, и судорогами подергивались его плечи. Образъ буйныхъ стрѣльцовъ, подновленный впослѣдствіи, запалъ глубоко ему въ душу, и онъ, даже послѣ страшныхъ казней надъ ними, никогда не могъ имени ихъ слышать равнодушно.

Стрѣльцы бѣгали по всѣмъ внутреннимъ комнатамъ, заглядывали въ чуланы, лазили подъ кровати, не оставили и придворныхъ церквей безъ осмотра, проникали въ алтари, искали подъ престолами, подъ жертвенниками. Въ мастерскихъ сеняхъ увидали они издали шедшаго въ церковь стольника, Ѳедора Петровича Салтыкова. Кто-то закричалъ:—„Вонъ идетъ Иванъ Нарышкинъ!“ Они накинулись на него, а тотъ несчастный такъ испугался, что не могъ произнести ни одного слова, не могъ даже назвать себя по имени. Они убили и сбросили тѣло внизъ. Тамъ узнали, что это не Нарышкинъ, и послали тѣло къ старому Салтыкову съ извиненіемъ, что сынъ его убитъ по ошибкѣ. „Воля Божья“, промолвилъ старикъ.

Въ церкви Воскресенія на сѣняхъ встрѣтили стрѣльцы придворнаго карлу, по прозванью Хомяка.—„Говори, гдѣ спрятались Нарышкины царицыны братья?“ приступили они къ нему съ вопросами. Онъ указалъ имъ молча на престолъ въ алтарѣ, и они вытащили оттуда Аѳанасія Нарышкина, проволокли за волосы до паперти, тамъ зарубили и сбросили.

Меньшіе его братья съ отцомъ и прочими родственниками, и сынъ Матвѣева, описавшій это страшное событіе, укрылись въ покояхъ младшей царевны Натальи Алексѣевны.

Между патріаршимъ дворомъ и Чудовымъ монастыремъ, противъ Посольскаго приказа, поймали стрѣльцы боярина, князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго, схватили его за бороду и потащили къ Разряду. Тамъ подняли вверхъ на копьяхъ и, опустивъ на землю, изрубили за то, что въ походѣ подъ Чигириномъ онъ былъ къ нимъ строгъ.

Мертвыя тѣла съ вонзенными въ нихъ копьями, волочили они за ноги въ Спасскія ворота, на Красную площадь и кричали:—„Се бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ѣдетъ, се бояринъ князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, се думный дьякъ ѣдетъ, давайте дорогу.“ Притащивъ трупы къ лобному мѣсту, рубили ихъ бердышами на куски съ костями и приговаривали:—„Любили величаться, вотъ вамъ и награжденіе“.

Стоявшій кругомъ народъ долженъ былъ выражать свое удовольствіе. Молчавшихъ били, называя измѣнниками.

Кого изъ бояръ и прочихъ лицъ, поименованныхъ въ данномъ имъ спискѣ, не нашли они въ царскихъ палатахъ, въ Кремлѣ,—тѣхъ пошли искать по дворамъ въ городѣ.

Петръ Ѳомичъ Нарышкинъ застигнутъ былъ врасплохъ, въ домѣ у себя за Москвой-рѣкой, и преданъ мучительной смерти.

Съ особенными усиліями искали стрѣльцы доктора, Данилу фонъ-Гадена, который будто отравилъ покойнаго царя Ѳеодора. Жилъ онъ около Поганаго пруда, близъ Покровки. Они побѣжали туда и взяли его жену беременную; также обыскали домъ его товарища, доктора Ивана Гутменша; не найдя никого, оставили его въ покоѣ, но позднѣе пришла другая ватага, а тотъ несчастный со страху ушелъ отъ нихъ на чердакъ, и тамъ спрятался. Стрѣльцы эти нашли его, заподозрили и отвели въ Кремль, вмѣстѣ съ женою Данила, пригрозивъ, что будутъ держать ихъ до тѣхъ поръ, пока найдется Данило, а если онъ не найдется, то они будутъ вмѣсто его казнены.

Желая привлечь къ себѣ крѣпостныхъ людей, чтобы они не поднялись со своими господами, и не мѣшали хозяйничать въ городѣ, отряды стрѣльцовъ отправились въ Судный и Холопій приказы, разломали тамъ сундуки съ бумагами, передрали крѣпостныя книги и повыкидали въ окна.—„Мы сами уставимъ правду“, кричали они, ходя потомъ по улицамъ, забѣгая на боярскіе дворы, объявляя всюду, что всѣ кабалы уничтожены.

Къ вечеру наконецъ стрѣльцы утомились, проведя цѣлый день на ногахъ, въ безпрестанныхъ поискахъ и тревогахъ. Они разставили въ Кремлѣ у всѣхъ воротъ крѣпкіе караулы, со строгимъ запретомъ, чтобы никого ни впускать туда, ни выпускать оттуда, и отправились домой въ свои слободы съ криками „до завтра!“ Караулы поставлены были также въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ. Разсыпавшись по улицамъ, на возвратномъ пути заходили въ дома и требовали угощенія. Никто не смѣлъ имъ поперечить или отказывать; пьяные и разгоряченные, они кололи людей и лошадей, и на всѣхъ нагоняли ужасъ“.

Мертвая тишина воцарилась въ Кремлѣ, замѣнивъ шумъ, гамъ, громъ, раздававшіеся въ продолженіе всего дня. Только караульные сторожа перекликались между собою, да часы на Спасскихъ воротахъ глухимъ и протяжнымъ своимъ звономъ оглашали уснувшую окрестность.

Царскія палаты остались въ тѣсной осадѣ.

Страшную ночь провели тамъ плѣнники, и едва-ли кто изъ нихъ могъ вскорѣ сомкнуть глаза. Увидя себя однихъ, они образумились, нашли языкъ. Воспоминанія о прошедшемъ днѣ переходили изъ устъ въ уста со всѣми ужасными подробностями. Вопросы, безъ сомнѣнія, слѣдовали одни за другими. Отчего, зачѣмъ, какъ поднялись стрѣльцы, и что было на площади, что было на Лобномъ мѣстѣ, въ городѣ? Что сталось съ родными, присными людьми? Кто и какъ погибъ, кто спасся? Отецъ царицынъ, старшій братъ и меньшіе братья успѣли, кажется, спрятаться: объ ихъ смерти ничего не слышно, но уцѣлѣютъ ли они завтра? Неизвѣстность и страхъ мучили всѣхъ. Вѣрныхъ свѣдѣній получить было невозможно. Страшно было и спрашивать, и отвѣчать, чтобъ не подать повода кому-нибудь къ открытію, чтобъ не подвергнуть дорогихъ людей лишнимъ опасностямъ; никакихъ совѣтовъ ни отъ кого ожидать нельзя. Что будетъ завтра? О, если возобновятся страданія и муки! Какія потребуются еще жертвы?

Усталость взяла наконецъ свое. Несчастные уснули. Какіе сны видѣлись имъ при воспоминаніи о прошедшихъ и въ ожиданіи будущихъ истязаній? Петръ вздрагивалъ, вѣроятно, часто въ объятіяхъ своей матери.

Разсвѣтало. Плѣнники проснулись для новыхъ страстей. Стрѣльцы явились рано опять въ полномъ вооруженіи съ барабаннымъ боемъ, и, пришедъ къ золотой рѣшеткѣ у самыхъ царскихъ покоевъ, съ крикомъ начали требовать Ивана Нарышкина, думнаго дьяка Аверкія Кириллова, докторовъ Степана жида, да Яна.

Кирилловъ былъ выданъ имъ, также докторъ Янъ (Иванъ Гутменшъ). Царевны выходили уговаривать ихъ и упрашивать, но напрасно: они твердили свое. Только беременную жену доктора Данила, приведенную наканунѣ, удалось спасти молодой царицѣ Марѳѣ Матвѣевнѣ. Прочіе были убиты.

Потомъ побѣжали на патріаршій дворъ, приступали не только къ служителямъ, но и къ самому патріарху, грозя копьями и бердышами, чтобъ онъ выдалъ измѣнниковъ, у него схоронившихся, обыскали погреба и подмостья, ошарили сундуки и постели и, не найдя ничего, пришли опять къ нему выборомъ и требовали непремѣнно выдачи. Патріархъ, облаченный въ омофоръ, отвѣчалъ, что въ домѣ у него никакихъ измѣнниковъ нѣтъ, а самъ онъ умереть готовъ.

Одна толпа отправилась еще прежде къ датскому резиденту, услышавъ отъ кого-то, что докторъ съ сыномъ у него укрываются. „Стрѣльцы, на разсвѣтѣ 16-го мая“,—разсказываетъ онъ самъ,—„явились въ домъ мой съ окольничимъ Хлоповымъ и требовали выдачи. Я отвѣчалъ, что у меня нѣтъ никого, и напоминалъ имъ о своемъ званіи. Не слушая ничего, они принялись обыскивать домъ, и грозили убить меня, имущество взять въ казну, если кто нибудь найдется въ домѣ... въ эту минуту къ окольничему приносится извѣстіе, что докторовъ сынъ пойманъ на улицѣ переодѣтый, а самъ онъ бѣжалъ, и за нимъ погоня. Стрѣльцы бросились вонъ, но чрезъ часъ пріѣхалъ ко мнѣ капитанъ съ 50 стрѣльцами взять меня во дворецъ для очной ставки съ докторскимъ сыномъ, который показалъ будто, что отецъ его спрятанъ у меня. Мы отправились; Кремлевскія ворота намъ отворили и тотчасъ за нами заперли. На встрѣчу намъ показался вскорѣ отрядъ стрѣльцовъ, тащившихъ изуродованный трупъ докторова сына. Капитанъ, шедшій подлѣ моей лошади, сказалъ: „Вотъ докторовъ сынъ, съ кѣмъ же давать очную ставку?“ Мы подъѣзжали, между тѣмъ, къ площади, усыпанной вооруженными стрѣльцами. Увидя меня, они ударили въ барабаны и зазвонили въ колокола. Это служило у нихъ обыкновенно знакомъ къ побіенію. Мои провожатые закричали: „это посланникъ!“ Меня пропустили, я подъѣхалъ къ крыльцу и поднялся на площадку, гдѣ увидѣлъ царицу Марѳу Матвѣевну, царевну Софію Алексѣевну и нѣсколько бояръ. Мнѣ хотѣлось пробраться къ нимъ, но шедшіе за мною стрѣльцы меня остановили; народу было тамъ множество, хоть по головамъ ходи. Въ это время вошелъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и спросилъ у стрѣльцовъ: оставлять ли царицу Наталію Кирилловну во дворцѣ? „Не надо“, отвѣчали они. Хованскій оглянулся въ мою сторону, увидѣлъ меня въ лицо и спросилъ съ удивленіемъ: „зачѣмъ ты здѣсь, Иванъ Андреевичъ?“—такъ звали меня при дворѣ. Я указалъ на приведшихъ меня стрѣльцовъ; онъ подошелъ къ царицѣ и царевнѣ, сказалъ имъ нѣсколько словъ, которыхъ я не могъ разслышать. Царевна сдѣлала знакъ, чтобъ я скорѣе шелъ вонъ, а Хованскій приказалъ моимъ стрѣльцамъ отвести меня опять домой и беречь, какъ глазъ“. По дорогѣ резидентъ былъ охраняемъ именемъ царевны Софьи.

Иванъ Нарышкинъ, котораго съ такимъ упорствомъ искали стрѣльцы, съ отцомъ, меньшими братьями, нѣсколькими родственниками и 17-ти-лѣтнимъ сыномъ Матвѣева, укрывались сначала по темнымъ мѣстамъ, при комнатахъ малолѣтней царевны Наталіи Алексѣевны, а потомъ сведены были въ дальніе деревянные покои младшей царицы Мароы Матвѣевны, обращенные глухою стѣною къ патріаршему двору. Иванъ Нарышкинъ остригъ длинные свои волосы. Постельница Клуша, которая одна знала, куда они спрятались, хотѣла укрыть ихъ къ утру въ чуланъ въ проходныхъ сѣняхъ, и запереть. „Тамъ мы не уцѣлѣемъ,— сказалъ молодой Матвѣевъ,—стрѣльцы проломаютъ дверь, увидятъ насъ и перебьютъ. Его послушались: рѣшено оставить дверь растворенною „на четверть или меньше"; въ чуланѣ было одно окно, заваленное перинами и подушками, такъ что въ темнотѣ человѣка разглядѣть тамъ было нельзя. Ни живые, ни мертвые, говоритъ самъ Матвѣевъ, стали мы въ уголъ къ правой сторонѣ... лишь только мы убрались, какъ послышались стрѣльцы, они пробѣжали мимо, „какъ бы быстрая вода протекла", нѣкоторые сунулись въ отворенную дверь, посовали копьями въ подушки и побѣжали прочь, крича про себя:—„Наши здѣсь, видно, были!"

Толпа пришла въ домъ князя Долгорукаго, чьего сына стрѣльцы наканунѣ убили; они извинялись въ запальчивости и просили прощенія. Старикъ, разбитый параличомъ, лежалъ въ постели. Скрѣпя сердце, онъ выслушалъ ихъ и велѣлъ гостей угостить. Когда они ушли, оставшись одинъ съ слугою, старикъ не утерпѣлъ и промолвилъ:—„Злодѣи! щуку вы съѣли, да зубы ея остались; придетъ пора, что и сами по городу развѣшаны будете". Холопъ выбѣжалъ, догналъ стрѣльцовъ и передалъ имъ слова княжьи; стрѣльцы осердились, воротились, стащили старика съ кровати, выволокли за ворота, убили и бросили тѣло на навозную кучу, а сами принялись грабить домъ. Найдя въ погребѣ соленую рыбу, они набросали ее на мертвое тѣло: „на, вотъ тебѣ, ѣшь", говорили они въ отвѣтъ на пословицу, которую передалъ имъ слуга.

Стрѣльцы злились, что до сихъ поръ не могли нигдѣ найти Ивана Нарышкина, какъ ни искали какъ ни домогались, и объявили въ царскихъ полатахъ, что если не выдадутъ имъ его завтра, то они перебьютъ всѣхъ, кто имъ попадется.

Въ тотъ же день нашли они на Никитской улицѣ боярина Ивана Максимовича Языкова. Онъ шелъ къ духовнику своему, священнику церкви Св. Николы, въ Хлыновѣ; съ нимъ повстрѣчался чей-то холопъ, его знавшій. Языковъ, испуганный, снялъ съ руки дорогой перстень и отдалъ ему, умоляя не сказывать никому, гдѣ его видѣлъ. Подлый человѣкъ обѣщался, но тотчасъ повѣстилъ стрѣльцовъ, которые сбѣжались, отыскали Языкова въ церкви, и съ ругательствомъ отвели на Красную площадь, гдѣ и былъ онъ убитъ.

Въ этотъ самый день, не смотря на продолжавшійся бунтъ, перемѣнено было все правительство и назначены новые начальники по приказамъ: въ Посольскій—князь Василій Васильевичъ Голицынъ, въ Стрѣлецкій—князь Иванъ Андреевичъ Хованскій и т. д.

Кто сдѣлалъ эти распоряженія?

Одно это назначеніе среди общаго смятенія показываетъ, что власть захвачена была въ свои руки партіей Софіи, которая и по свидѣтельству датскаго резидента является впереди, на первомъ планѣ.

На третій день, во вторникъ, 17-го мая, пришли стрѣльцы въ Кремль также съ барабаннымъ боемъ, обступили кругомъ царскій дворъ, многіе вбѣжали прямо на Постельное крыльцо и требовали настоятельно Ивана Нарышкина. Всѣмъ служителямъ грозили смертью, если не отыщутъ его, и твердили, что не выйдутъ изъ Кремля до тѣхъ поръ, пока не получатъ его въ свои руки. Партія, видно, боялась оставить его въ живыхъ, опасаясь его характера или способностей, чтобъ не получилъ онъ со временемъ возможности отмстить за зло, содѣянное его семейству. Дѣлать было нечего. Дольше беречь было невозможно. Стрѣльцы принимали болѣе и болѣе грозное положеніе. Должно было опасаться отъ нихъ всякихъ неистовствъ. Царица Наталія Кирилловна привела брата въ церковь къ Спасу за золотою рѣшеткой. Тамъ онъ, приготовляясь къ близкой смерти, пріобщился Святыхъ Тайнъ и помазался елеемъ. Царевна Софія Алексѣевна, принимая на себя печальный видъ, сказала ему, что „великая необходимая нужда требуетъ отдаться стрѣльцамъ". Нарышкинъ отвѣчалъ: — „Я иду на смерть, лишь бы моей невинной кровью утолились мои ненавистники",—и „оборотясь, простительнымъ цѣлованіемъ поклонъ свой отдалъ". Софія, съ притворнымъ участіемъ, подала царицѣ образъ Божьей Матери надѣть на брата: „Можетъ быть, стрѣльцы устыдятся святаго образа и отпустятъ его".

Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, человѣкъ добрый, но торопливый и робкій, который тутъ случился, видя длинные проводы, подошелъ къ царицѣ и сказалъ:—„Сколько вамъ, государыня, брата ни держать, а отдать его надо будетъ", и потомъ, оборотясь къ Нарышкину, сказалъ:—„иди скорѣе, Иванъ Кирилловичъ, не погибать же намъ всѣмъ здѣсь изъ-за тебя".

Царица вывела его до порога къ золотой рѣшеткѣ, за которой стрѣльцы дожидались его, какъ вороны крови; они схватили его, осыпая скверными словами и всякими ругательствами, потащили предъ ея глазами за ноги по лѣстницѣ, а потомъ по площади къ Константиновскому застѣнку. Его начали мучительски пытать. Нарышкинъ стиснулъ зубы и не произнесъ ни одного слова на всѣ ихъ вопросы. Туда же приведенъ былъ тогда докторъ Данило, пойманный въ нищенскомъ платьѣ, въ лаптяхъ, съ котомкой за плечами; бѣжавъ за городъ, онъ скрывался въ лѣсу двое сутокъ и проголодался, воротился въ городъ попросить хлѣба у пріятеля въ Нѣмецкой слободѣ, былъ узнанъ и приведенъ въ застѣнокъ. Данило, среди пытокъ, попросилъ срока трехъ дней, обѣщаясь назвать тѣхъ, которые заслужили смерть больше, чѣмъ онъ. Слова его записывались, но другіе закричали, „что его слушать", разорвали запись, и потащили вмѣстѣ съ Нарышкинымъ изъ Кремля на Красную площадь, подняли обоихъ на копьяхъ вверхъ, и потомъ, опустя внизъ, отсѣкли имъ руки и ноги, изрубили тѣла на мелкія части и ногами своими смѣшали съ грязью.

Иваномъ Нарышкинымъ и докторомъ Даниломъ кончились убійства. Тѣла убитыхъ съ перваго дня лежали на площади. 17 мая было объявлено, что желающіе могутъ погребать ихъ. Вѣрный арапъ боярина Матвѣева пришелъ съ простынею на площадь и собралъ изуродованные останки своего господина; онъ отнесъ ихъ въ свою приходскую церковь Св. Николы въ Столпахъ, гдѣ оно было отпѣто и предано землѣ.

18-го числа приходили во дворецъ изъ всѣхъ стрѣлецкихъ приказовъ выборные люди, безъ оружія, и били челомъ государю, чтобъ онъ велѣлъ отца царицы, Кирилла Полуектовича Нарышкина, постричь въ монахи. Старикъ тотчасъ отведенъ былъ въ Чудовъ монастырь, постриженъ подъ именемъ Кипріана, и на простой телегѣ отвезенъ подъ крѣпкое содержаніе въ Кирилловъ монастырь, па Бѣло-озеро.

Меньшіе его сыновья, Левъ, Мартемьянъ и Ѳедоръ, успѣли уйти йзъ Москвы въ людскомъ сѣромъ платьѣ, подъ охраною вѣрныхъ слугъ своихъ, и укрылись въ дальнихъ мѣстахъ, также какъ и нѣкоторые изъ ихъ родственпиковъ.

Дѣтская душа Петрова въ продолженіе этихъ несчастныхъ трехъ дней получила такія глубокія впечатлѣнія, дѣтское сердце испытало такія сильныя ощущенія, прирожденныя страсти вызвались къ жизни съ такой силой,—что онъ навсегда, кажется, остался подъ вліяніемъ этой грозы, пронесшейся надъ его головою, и многія позднѣйшія дѣйствія его носятъ явные слѣды потрясенія, произведеннаго ею во всемъ умственномъ и тѣлесномъ его организмѣ.

Не успѣла царица Наталія Кирилловна съ молодымъ царемъ и уцѣлѣвшими друзьями опомниться послѣ трехдневныхъ тревогъ и опасностей, не успѣли они оплакать свои горестныя потери и узнать объ нихъ всѣ ужасныя подробности,—какъ огласилось, что въ послѣдній день кровопролитія смѣнены были всѣ начальники приказовъ, имъ преданные, и установилось новое управленіе. Кто же такъ распорядился? Какая участь ихъ ожидаетъ? Что будетъ дальше? Причемъ они останутся?

Чрезъ три дня, мая 20-го, стрѣльцы бьютъ челомъ, чтобъ государь указалъ сослать въ ссылку братьевъ Лихачевыхъ, остальныхъ Нарышкиныхъ, молодаго Матвѣева, и нѣкоторыхъ другихъ приверженцевъ Петровой стороны изъ дьяковъ и думныхъ дворянъ.

Чрезъ недѣлю, мая 26-го, стрѣльцы, собравъ между собою подписку, предъявляютъ требованіе, чтобы старшій царевичъ Иванъ Алексѣевичъ царствовалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Петромъ Алексѣевичемъ, который долженъ при немъ считаться вторымъ,—угрожая, если это не будетъ исполнено, придти опять въ Кремль съ оружіемъ и „учинить мятежъ велій“.

Созываются чины государственные. Патріархъ предъявляетъ грозное требованіе стрѣльцовъ. Всѣ считаютъ необходимостью согласиться, и патріархъ въ Успенскомъ соборѣ совершаетъ тотчасъ торжественное молебствіе о двухъ нареченныхъ царяхъ.

Бояре и дьяки, державшіе сторону Петра, присягаютъ по неволѣ второму царю, опасаясь возобновленія страшныхъ явленій 15-го мая.

По крайней мѣрѣ, Петръ оставленъ былъ на престолѣ; самые отчаянные враги, при всемъ своемъ озлоблепіи, не осмѣливались, видно, думать о нарушеніи признаннаго права, о посягательствѣ на царскій родъ, который считался въ общемъ народномъ мнѣніи священнымъ и неприкосновеннымъ. Можетъ быть, и значительность его партіи, количество его приверженцевъ, внушало опасенія раздражать ихъ и доводить до крайностей.

Еще чрезъ недѣлю стрѣльцы объявляютъ чрезъ своего новаго начальника, князя Хованскаго, чтобъ царевна Софія Алексѣевна приняла на себя управленіе государствомъ, по причинѣ малолѣтства ея брать-

евъ. По усиленнымъ просьбамъ всѣхъ чиновъ, она изъявляетъ согласіе, и во всѣ города тотчасъ разсылаются извѣстительныя граматы, съ примѣромъ изъ Римской исторіи, гдѣ по кончинѣ императора Ѳеодосія, въ малолѣтство сыновей его, Аркадія и Гонорія, управляла имперіей сестра ихъ Пульхерія.

Такимъ образомъ, царевна Софія сдѣлалась правительницей государства.

VIII. Раскольничье движеніе въ правленіе Софіи.

(„О поданіи челобитной иноками Сергіемъ, Савватіемъ и прочими, самодержцемъ—Іоанну Алексіевичу и Петру Алексіевичу, о древнецерковныхъ законѣхъ и Никоновыхъ новинахъ". Саввы Романова).

Въ лѣто 1682 г.. мая въ 15 день, по смерти царя Ѳеодора Алексіевича, по Божьему попущенію, въ царствующемъ градѣ Москвѣ произошло великое и ужасное смятеніе. Возстали стрѣльцы на князей и бояръ и многихъ губили: Юрія, князя Долгорукаго, Ивана Нарышкина и прочихъ знаменитыхъ господъ. На третій день послѣ мятежа усердно совѣщались они между собой о древнемъ благочестіи, какъ бы его опять возобновить въ Россійскомъ государствѣ и привести въ прежнее состояніе, въ которомъ русскіе чудотворцы Богу угодили и прежніе великіе князья, православные цари и святѣйшіе патріархи и весь русскій народъ православно пребывали до Никона патріарха. Порѣшили написать челобитную, въ которой подробно изложить о перемѣнахъ Никоновыхъ, и подать ее съ мольбою самодержцамъ... Не нашедъ въ своей средѣ людей, свѣдущихъ въ Св. писаніи, призвали нѣкоего Симеона Никонова Калашникова и спросили его, не знаетъ ли онъ кого изъ купцовъ или изъ иного званія такихъ свѣдущихъ—«хитрыхъ» людей, которые могли бы взять на себя вышеупомянутое дѣло. Онъ же отвѣчалъ имъ:—«знаю такихъ хорошо свѣдущихъ въ законѣ христіанскомъ и могущихъ обо всемъ достаточно отвѣчать». Стрѣльцы убѣдительно молили его, чтобы онъ привелъ ихъ въ полкъ. Тогда Симеонъ пошелъ къ своимъ «единоревнителямъ»—къ Никитѣ Борисову, Ивану Иванову Курбатову и Саввѣ Романову, который былъ въ монастырѣ у преподобнаго Макарія келейникомъ, передалъ ему все, что сказали ему стрѣльцы, и умолялъ, чтобы показали къ этому дѣлу ревностное усердіе, а стрѣльцы, сказалъ онъ, «очень усердствуютъ постоять за свято-отеческое православіе». Услышавъ это, названныя лица сказали:—«братіе, камни возопили, во сколько же больше намъ не слѣдуетъ оставлять или отказываться отъ такого великаго дѣла; вѣдь мы на это и призваны». Они пошли къ нѣкоему иноку Сергію, бывшему тогда въ Москвѣ, который былъ весьма благочестивой жизни и твердъ въ свято-отеческомъ православіи, великій ревнитель древнецерковныхъ законовъ, какъ второй Илія,—и возвѣстили ему все вышесказанное. Онъ же, вздохнувъ, прослезился и сказалъ:—«Мнѣ кажется, братіе, невозвратно совершилось паденіе нашихъ архіереевъ, ибо застарѣли въ нихъ ереси, и злоба великая возрасла; однако подвигнемся съ усердіемъ...» И пошли въ домъ къ Никитѣ Кириллову и, принявъ благословеніе у отца Сергія, начали писать челобитную о древней православной христіанской вѣрѣ изъ божественныхъ писаній отъ имени всѣхъ стрѣлецкихъ полковъ и чернослободцевъ. На другой день съ Божьей помощью кончили и извѣстили объ этомъ вышеупомянутаго Симеона, а онъ пошелъ въ Титовъ приказъ и сообщилъ обо

всемъ пятисотеннаго, по имени Ивана, тотъ обрадовался этому и, взявъ съ собой пятидесятника Ивана Артемьева и воина Никиту Юрьева, пошелъ къ отцу Сергію и къ прочимъ. Сергій принялъ ихъ съ любовью и, поцѣловавъ ихъ, началъ говорить:—«слышали мы, братіе, благую вашу ревность, что хотите позаботиться о древней благочестивой христіанской вѣрѣ, ибо писано: «изводяй честное отъ недостойнаго, яко уста моя будетъ, говоритъ Господь». И вы Господа ради позаботьтесь усердно о такой погибели душъ человѣческихъ отъ новопреданныхъ догматъ въ новыхъ книгахъ, въ которыхъ много посѣялось ереси, а нѣтъ, кто бы оборонилъ отъ нея, кромѣ Бога. Молимъ еще васъ, господа, не дайте насъ по прежнему злобѣ, какую творили надъ братіею нашею архіереи. Мы же готовы обличить ихъ новопреданія и такъ усердствуемъ, что готовы и души свои предать за древнецерковное благочестіе».—Иванъ же сказалъ:—«Мы, честный отче, готовы за него съ вами вмѣстѣ умереть. А что сказалъ ты не дать васъ въ поруганіе, объ этомъ коротко скажемъ: что будетъ намъ, то и вамъ!»—Сергій поклонился ему до земли и велѣлъ Саввѣ прочесть имъ челобитную. Они же, слушая, удивлялись и говорили: мы никогда еще въ жизни своей не слыхали такого изряднаго слога и такого описанія ересей въ новыхъ книгахъ. Принявъ отъ старца благословеніе и взявъ съ собою прочую братію, пошли съ челобитною въ приказъ и созвали всѣхъ стрѣльцовъ. Туда пришло много и посадскихъ людей и побудили Савву снова прочесть челобитную предъ всѣми. Когда читали ее и толкованія ересей, всѣ, насторoживъ слухъ, внимательно слушали; многіе же плакали. По прочтеніи челобитной всѣ единогласно воскликнули:—«надо, братіе, намъ всего больше за старую православную вѣру христіанскую постоять, а придется,—и кровь свою пролить. Всѣмъ это дѣло важно! за тлѣнное житіе мы головы свои полагаемъ; какъ же намъ за святое благочестіе, за Христа, души своей не положить?» Челобитную себѣ переписали и возвѣстили все это боярину, князю Ивану Андреевичу Хованскому. Онъ очень обрадовался и спросилъ у нихъ:—«есть ли изъ нихъ кто, чтобы говорить съ властями? Ибо дѣло это великое ученыхъ людей требуетъ.» Они отвѣчали ему:—«есть инокъ очень искуссный въ божественномъ писаніи и многіе посадскіе люди соревнуютъ этому дѣлу.» Бояринъ велѣлъ привести ихъ въ домъ... На другой день въ девятомъ часу стрѣльцы, взявъ съ собою Сергія и другихъ изъ братіи, ревнителей древне-святаго православія, пошли къ князю. Увидѣвъ ихъ, онъ велѣлъ людямъ своимъ встрѣтить ихъ съ почетомъ и ввести въ свою палату... Отпустивъ бывшихъ у него гостей, пришелъ въ палату, поклонился отцу Сергію до земли и сказалъ ему:—«Ради чего пришелъ къ намъ, честный отче»—Онъ же отвѣчалъ:—«По повелѣнію твоему пришли, возвѣстити вашему благолюбію о древней христіанской вѣрѣ; въ ней же всѣ мы выросли, въ ней же всѣ святые наши россійскіе чудотворцы Богу угодили и всѣ великіе князья и благочестивые цари и святѣйшіе патріархи съ прочими архіереями пребывали. Еще принесли мы къ твоему благолюбію челобитную на архіереевъ, гдѣ описаны многія ереси, которыя имѣются въ новопечатныхъ книгахъ. И чего ради они, власти, насъ, непріемлющихъ новую ихъ латиноримскую вѣру, еретиками нарицая, проклинаютъ и мучатъ, почему они старопечатныя книги, какъ негодныя, извергли изъ церкви, какія въ нихъ ереси и хулы обрѣли на Бога и святыхъ Его? Пусть обо всемъ этомъ намъ письменный отвѣтъ дадутъ. Мы же съ Божьей помощью ереси, находящіяся въ новыхъ книгахъ, ясно обличимъ». Бояринъ въ отвѣтъ сказалъ:—«Я и самъ, грѣшный, очень желаю, чтобы по старому въ святыхъ церквахъ единогласно и несмущенно было. Хотя я и грѣшенъ, но древнее благочестіе держу неизмѣнно, и читаю по старопечатнымъ святымъ книгамъ и на лицѣ своемъ крестное знаменіе изображаю двумя перстами». Затѣмъ читалъ Символъ православной вѣры—

и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго, потомъ сказалъ: «такъ вѣрую, такъ исповѣдую! и молю Бога, въ Троицѣ славимаго, чтобы умилосердился о христіанскомъ родѣ и не попустилъ бы погибнуть до конца отъ нынѣшней Никоніанской вѣры»... Отецъ Сергій сказалъ:—«Благоволи, царскій бояринъ, челобитную предъ собою прочести». Онъ велѣлъ читать и прилежно слушалъ чтеніе, удивляясь указаннымъ многимъ новинамъ и перемѣнамъ въ книгахъ. По прочтеніи челобитной бояринъ спросилъ:—«кто писалъ?» Сергій отвѣчалъ:—«съ Божьей помощью, я потрудился съ братіею». Бояринъ сказалъ:—«Вижу тебя, отче, инока тихаго и смиреннаго... а дѣло сіе великое,—противъ архіереевъ придется вести бесѣду, тутъ надо ученыхъ и словесныхъ людей». Сергій же отвѣчалъ:—«я, если и малословесенъ и неискусенъ клюкамъ (хитростямъ) и высокорѣчію ихъ, однако надѣюсь на Сына Божія и вѣрую святымъ словамъ Его, а Онъ ученикамъ своимъ говорилъ такъ:—«Предъ владыки и цари ведени будете мене ради, во свидѣтельство имъ; но не пецытеся, како и что возглаголете: не вы будете глаголющіи, но Духъ Отца вашего, глаголяй въ васъ. Можетъ убо Онъ и немудрые умудрити во спасеніе».—«Истину сказалъ ты, отче, отвѣчалъ бояринъ, и невѣдомо, чрезъ кого подѣйствуетъ Духъ Святый». Тутъ нѣкоторые напомнили о Никитѣ, священникѣ Суздальскомъ соборномъ, противъ котораго книга *Жезлъ* напечатана. Бояринъ съ радостью сказалъ:—«Я хорошо знаю этого священника. Противъ него архіереи не смогутъ ничего сказать; онъ скоро уста имъ заградитъ; и прежде ни одинъ изъ нихъ не могъ стать противъ него, но какъ листья падали. Я радъ вамъ помогать; но это дѣло мнѣ не привычно, такъ какъ я не знаю достаточно Св. писанія, и обличить ихъ не въ состояніи, ибо смолоду я упражнялся въ воинскихъ дѣлахъ, а не въ духовныхъ. Но не бойтесь, что попрежнему станутъ вамъ зло творить и мучить. Я вамъ Бога въ свидѣтели ставлю, что всѣми силами (вседушевно) буду стоять за это».—Они же всѣ сказали боярину:—«О томъ мы всещедраго Бога молимъ и у тебя, государя, милости просимъ: не дай насъ по прежнему въ наруганіе и походатайствуй усердно о томъ, чтобы великіе государи-цари изволили дать праведный судъ намъ съ архіереями и свидѣтельство отъ божественныхъ писаній въ доказательство вѣрности (ихъ ученія), а не по прежнему бы безвинно насъ осуждать и смерти предавать, ибо честь царева, по словамъ пророка, судъ любитъ».—«Гдѣ же вы желаете, чтобы соборъ былъ?» спросилъ бояринъ. Они отвѣчали:—«Молимъ твое боголюбіе устроить это предъ всѣмъ народомъ на Лобномъ мѣстѣ. Еще просимъ и молимъ о томъ, чтобы ихъ величества сами государи-цари и пресвѣтлѣйшая государыня, царица Наталія Кирилловна, своими особами тамъ присутствовали, также и патріархъ со всѣмъ духовнымъ соборомъ. Если же не соизволятъ на Лобномъ мѣстѣ, то въ Кремлѣ между соборовъ при крыльцѣ въ нынѣшній пятокъ да соблаговолятъ».—«Невозможно быть собору въ пятокъ,—возразилъ бояринъ, потому что государи-цари будутъ въ воскресенье царскими вѣнцами вѣнчаться: чтобы не произошло въ народѣ какого-нибудь смятенія отъ этого дѣла!»—Сергій же и выборные сказали:—«Государь, царскій бояринъ, мы желаемъ, дабы государи-цари вѣнчались царскими вѣнцами въ истинной православной вѣрѣ, а не въ новой латиноримской, и не возможно ли вѣнчанія до другого воскресенья отложить»? Бояринъ отвѣчалъ, что отнюдь невозможно, такъ какъ все уже приготовлено и всему войску возвѣщено, что въ воскресенье это совершится. «Но я ставлю въ свидѣтели Бога, сказалъ онъ, что государи будутъ вѣнчаться царскими вѣнцами и служба будетъ совершаться по старому, въ томъ же порядкѣ, какъ были вѣнчаны великій государь Іоаннъ Васильевичъ и прочіе государи».—Сергій и выборные сказали: «Не можетъ это дѣло такъ состояться, потому что патріархъ будетъ

служить литургію по новымъ, а не по старымъ служебникамъ, надъ пятью просфорами съ латинскими крыжами, а не трехсоставнымъ крестомъ, тѣмъ причастіемъ будутъ государи и причащатися и въ вѣнчаніи ихъ государей патріархъ будетъ увѣщевати, дабы неизмѣнно новую вѣру они до конца хранили заедино съ нимъ». Бояринъ отвѣчалъ на это, что не можетъ же онъ въ томъ «письменной крѣпости» взять на государей, но пусть будетъ по вашему соборъ въ пятокъ. Они же, поклонившись ему, ушли... Въ то время пришелъ къ нимъ инокъ Савватій изъ Волоколамскихъ пустынь.

Въ пятницу, по повелѣнію боярина, князя Ивана Андреевича Хованскаго, отецъ Сергій съ прочими, призвавши священника Стефана, совершили молебенъ и, благословеніе отъ него принявъ, священникъ Никита взялъ честный и животворящій крестъ Христовъ, отецъ Сергій—святое евангеліе, а Савватій—сосудъ Божій и въ седьмомъ часу пришли въ Кремль. За ними послѣдовало множество народа, который увидѣлъ, что творится дѣло необычное, и спрашивалъ:—«что это будетъ?» Когда пришли къ Красному крыльцу, князь Хованскій велѣлъ ихъ ввести въ отвѣтную палату, и чрезъ нѣсколько времени онъ вышелъ къ нимъ съ множествомъ дьяковъ и подъячихъ и всякихъ чиновъ людей, поклонился святымъ иконамъ, цѣловалъ честной крестъ и святое евангеліе, и спросилъ ихъ:—«Ради чего пришли сюда, честные отцы?»—Никита отвѣчалъ:—«Пришли сюда у великихъ государей-царей милости просить о старой православной христіанской вѣрѣ, чтобы повелѣли патріарху и прочимъ архіереямъ снова въ церкви принять святыя старопечатныя книги, и по нимъ вся службы, а паче святую литургію служили на семи просфорахъ съ печатью истиннаго трехсоставнаго креста, а не двучастнаго, и прочее все исправили бы по прежнимъ благочестивымъ обычаямъ, а новины бы всякія отложили, да истребится злая хула на Бога и святыхъ Его; также и въ народѣ мятежи перестанутъ, и подастъ Господь Богъ тишину благодатную. Если же патріархъ съ архіереями не захочетъ древній церковный порядокъ принять, но пожелаетъ въ новомъ пребывати, то они, великіе государи, повелѣли бы ему, патріарху, съ нами, богомольцами своими, праведно разсмотрѣть дѣло свидѣтельствомъ изъ божественнаго писанія: за что патріархъ по старопечатнымъ книгамъ не хочетъ служить и другимъ запрещаетъ? А тѣхъ богочетцовъ, которые, ревнуя въ отеческихъ догматахъ, истиннаго закона держатся, онъ проклятію соборнѣ предаетъ и въ заточеніе въ темницы на смерть отсылаетъ: въ Соловецкомъ монастырѣ многое число иноковъ по его навѣтамъ различнымъ мукамъ и смерти предано. И по какимъ причинамъ они, архіереи, старопечатныя книги отъ служенія церковнаго отринули? Какія въ нихъ ереси, или какое хуленіе на Бога, и на Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ отъискали? И прежніе великіе государи и святѣйшие патріархи, которые печатали тѣ книги и по нимъ служили,—благочестивы ли были или неблагочестивы? Дабы онъ, патріархъ, со архіереи обо всемъ этомъ на письмѣ отвѣтъ намъ, вашимъ богомольцамъ,—дали. А мы въ новыхъ книгахъ всякія ихъ затѣи и многія ереси, съ Божьей помощью, ясно обличимъ».—Бояринъ на это сказалъ:—«Я и самъ очень желаю узнать истину, ибо читаю и пою съ вѣрою по старымъ книгамъ!..» И многое сказалъ изъ священнаго писанія и символъ прочелъ по старому, также дѣлалъ крестное знаменіе двумя перстами, по преданію святыхъ отцовъ. Послѣ этого спросилъ:—«Есть ли у васъ челобитная объ этомъ»? Они же отвѣчали:—«Имѣемъ двѣ».—«Государи-цари, сказалъ бояринъ, приказали у васъ на верхъ взять».—Никита возразилъ:—«Ты изволишь челобитныя у насъ взять, а что же мы подадимъ на соборѣ?» Онъ же обѣщалъ Богомъ живымъ назадъ имъ принести. Тогда вручили ему челобитную. Онъ же отнесъ ее наверхъ къ царскимъ величествамъ

и затѣмъ, снова придя съ нею, отдалъ имъ и сказалъ:—«По одной этой челобитной будетъ дѣла недѣли на три, не только что книги свидѣтельствовать. Великое это дѣло Божіе!» Предстоящіе же сказали:—«подай Господи и открой, что полезнѣе душамъ нашимъ». Бояринъ сообщилъ отцамъ, что патріархъ упросилъ государей-царей отложить это дѣло до среды.—«Въ этотъ день приходите послѣ литургіи!» сказалъ онъ.—Отецъ же Никита спросилъ боярина:—«Какъ изволятъ государи-цари вѣнчаться?» Онъ же отвѣчалъ:—«Государей будутъ вѣнчать по старому».—«Хорошо было бы, сказалъ Никита, если бы патріархъ и литургію служилъ на семи просфорахъ съ печатью трехсоставнаго креста, а не съ крыжемъ». Бояринъ сказалъ:—«Вы приготовьте просфоры, печатанныя старымъ крестомъ, я ихъ отнесу патріарху и велю ему служить по старому. Теперь же идите къ себѣ». И послалъ тридцать стрѣльцовъ проводить ихъ.

Когда патріархъ узналъ, что стрѣльцы за древнецерковный порядокъ хотятъ стоять, убоялся, чтобы не лишиться чести и сана своего; началъ призывать къ себѣ полковыхъ выборныхъ воздавать имъ почести, разными напитками угощать и великіе дары раздавать съ тѣмъ, чтобы они не стояли за древнее благочестіе... Когда настало воскресенье, священникъ Никита, взявъ приготовленныя (ревнителями древняго благочестія) просфоры, понесъ въ соборъ, но никакъ не могъ войти въ церковь и дойти до боярина: такое множество народа собралось, что Никита и до церкви не дошелъ и вернулся. Въ этотъ день совершилось вѣнчаніе царей на царство. Благоразумные люди Титова полка, видя, что въ иныхъ полкахъ, по старанію патріарха, не было согласія твердо стоять за древнее благочестіе, устроили совѣтъ въ своемъ полку, избрали нарочитыхъ стрѣльцовъ, которые взяли благословеніе у отцовъ идти къ полкамъ съ челобитною для рукоприкладыванія (подписи), взяли съ собою Савву для прочтенія челобитной. Приложили руки къ ней девять приказовъ и десятый—пушкари. Въ иныхъ же полкахъ поднялся споръ: иные хотѣли руку приложить, другіе спорили и говорили:—«Если намъ руки приложить, то придется по челобитной и отвѣтъ давать архіереямъ; мы ничего не знаемъ, а старцамъ гдѣ противъ такого собора отвѣтъ дать; только смуту сотворятъ... дѣло это не наше, но архіерейское. Мы и безъ приложенія рукъ желаемъ видѣть правду и стоять за православную вѣру, а мучить по прежнему не дадимъ»...

(Далѣе Савва Романовъ подробно разсказываетъ о томъ, какъ выборные изъ стрѣлецкихъ полковъ явились, при содѣйствіи Хованскаго, къ патріарху съ просьбой о «возставленіи прежде бывшаго благочестія въ Россіи», и какъ между патріархомъ и ревнителями древняго благочестія, Павломъ и Саввою Романовымъ, произошелъ разговоръ о правой вѣрѣ, при чемъ, по словамъ Романова, ихъ сторона одержала верхъ и патріархъ будто бы нѣсколько разъ умолкалъ, не имѣя что возразить).

Наступилъ назначенный для сбора день—среда. Отцы (ревнители древняго благочестія), получивъ благословеніе у священника Никиты, взяли святой крестъ, евангеліе и сосудъ Божій, со свѣчами, которыя несли предъ ними, чинно и благоговѣйно пошли на соборъ, а святыя книги, во свидѣтельство и обличеніе ересямъ, нѣкоторые боголюбивые люди несли на своихъ головахъ. Стрѣльцовъ человѣкъ 50 шли съ ними для охраненія ихъ. За ними шло, толпясь, множество народа. Видѣли всѣ иноковъ, украшенныхъ смиреніемъ и сіяющихъ страхомъ Божіимъ, а на ихъ главахъ знакъ благоговѣнія — клобуки древніе, очи были покрыты ими до вѣждей, какъ у древнихъ преподобныхъ отецъ. Глядя на нихъ, удивлялись и говорили: «сихъ иноковъ утробы истончены, не яко нынѣшнихъ новаго закона учителей». Когда же пришли къ воротамъ Кремля, отцовъ

(ревнителей) безпрепятственно впустили, а народу воспрещали входить, но не успѣли во-время затворить ворота, и народъ, распаляемый усердіемъ, желая видѣть, что произойдетъ, устремился въ ворота и всѣ прошли...

Былъ уже часъ 11-й, когда бояринъ Хованскій доложилъ патріарху; онъ-же велѣлъ отцамъ пройти въ Грановитую палату. «Здѣсь, сказалъ онъ, будутъ государыня-царица и государыни-цесаревны, а тамъ (на площади) быть имъ предъ народомъ зазорно». Выборные извѣстили объ этомъ отцовъ, а тѣ сказали народу. Всѣ единогласно стали кричать:—«Почему патріархъ стыдится предъ всѣмъ народомъ свидѣтельствовать божественное писаніе, старопечатныя книги съ новыми? Здѣсь подобаетъ быть собору, а въ палатѣ невозможно, такъ какъ въ народѣ большое смятеніе: одни хвалятъ новую вѣру, а другіе старую, а они, архіереи, это сомнѣніе и мятежъ нашихъ душъ разрѣшили бы и книги бы старыя съ новыми свидѣтельствовали. А въ палатѣ гдѣ столь многочисленному народу вмѣститься? А государынямъ-царевнамъ до этого нѣтъ дѣла: тутъ достоитъ быти самодержцамъ, а не царевнамъ; вы, святые отцы, въ палату не ходите». (Затѣмъ авторъ разсказываетъ, какъ патріархъ выслалъ священника обличать Никиту, какъ-было народъ хотѣлъ побить этого священника камнями, далѣе повѣствуется о томъ, будто бы приходскіе попы и дьяконы кинулись толпой на ревнителей благочестія и пр.). Бояринъ Хованскій пришелъ къ отцамъ и приказываетъ имъ идти въ палату; они-же по прежнему отказывались, опасаясь насилія. Бояринъ цѣловалъ имъ крестъ на томъ, что они не увидятъ тамъ никакого зла себѣ. Народъ-же, однако, боясь коварства, кричалъ, требуя, чтобы не шли въ палату. Отцы повѣрили боярину, взяли честный крестъ, евангеліе, иконы и книги, какъ прежде, и пошли въ палату; за ними послѣдовало много и посадскихъ. Когда вошли въ палату, по срединѣ ея поставили предъ царскимъ мѣстомъ аналой, положили на немъ честный крестъ Христовъ, святое евангеліе и святыя иконы, зажгли предъ ними свѣчи, и поклонились всѣ царицѣ и царевнамъ до земли. Патріарху-же и архіереямъ никто не поклонился. На царскомъ мѣстѣ сидѣла царевна Софія Алексѣевна, па другомъ царскомъ мѣстѣ—Татьяна Михайловна, по правую сторону—царица Наталія Кирилловна, на ея сторонѣ—царевна Марія Алексѣевна, посреди—царевна Анна Михайловна, на сторонѣ царевны, въ углу поодаль, сидѣлъ патріархъ Іоакимъ, близъ него Корнилій, митрополитъ новгородскій, и прочіе архіереи; на лѣвой сторонѣ стояли бояре. Патріархъ спросилъ:—«Какого ради дѣла пришли сюда, въ царскія палаты, и чего требуете отъ насъ?» Никита священникъ отвѣчалъ:—«Пришли мы къ великимъ государямъ-царямъ просить милости объ исправленіи православной христіанской вѣры, чтобы они дали свое царское разсмотрѣніе намъ съ вами, новыми законодавцами, дабы церковь Божія была въ мирѣ и соединеніи, а не въ мятежѣ и раздраніи, и повелѣли бы службу служить по старопечатнымъ книгамъ въ церквахъ святыхъ, какъ служили при царѣ, государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и пресвятѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ и прочихъ, прежде нихъ бывшихъ». Въ отвѣтъ на это, патріархъ сказалъ:—«Не на васъ это дѣло лежитъ, и не подобаетъ вамъ, простолюдинамъ, церковное дѣло исправлять. Мы на себѣ Христовъ образъ носимъ, и намъ Господь далъ такую власть; «его же аще свяжети на земли, связанъ будетъ на небесѣхъ, и его-же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшенъ и на небесѣхъ, и паки: слушаяй васъ—мене слушаетъ и отметаяйся васъ—мене отметается». И апостолъ сказалъ: «Повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ, яко слово воздати хотяще»,—и я, если и грѣшенъ есмь, но пастырь, а не наемникъ, не разбойнически престолъ и такую тяготу на себя взялъ, но избраніемъ великаго государя, царя Алексѣя Михайловича, и потомъ отъ

священнаго собора. Вамъ должно повиноваться матери нашей, соборной апостольской церкви, потомъ всѣмъ архіереямъ, пекущимся о вашемъ спасеніи. А вѣра у насъ православная стараго православія, греческаго закона, въ которой святые отцы Богу угодили; исправлена по греческимъ и нашимъ харатейнымъ книгамъ, и мы отъ себя ничего не внесли въ церковь Божью, но все отъ тѣхъ писаній. Вы же грамматическаго разума и не коснулися и не знаете, какую силу въ себѣ содержитъ».—Никита отвѣчалъ:—«Пришли мы сюда не о грамматикѣ съ вами говорить, но о церковныхъ догматахъ, которые вы измѣнили, о чемъ уже краткость дня (недостатокъ времени) не позволяетъ теперь говорить. На одинъ вопросъ теперь отвѣчай намъ: когда литургію служите и на выходѣ возьмешь крестъ Христовъ въ лѣвую руку, а тройную свѣчу въ правую и машешь обоими крестообразно на всѣ стороны, почему свѣча и огонь честнѣе креста Господня, и что прообразуетъ огнь и свѣща?» Патріархъ на эти слова не отвѣчалъ ничего. Тогда Холмогорскій епископъ выскочилъ изъ-за архіереевъ, громко закричалъ невѣдомо что, и къ Никитѣ яростно приступилъ, какъ нѣкій звѣрь. Никита же сказалъ ему:—«Что ты, нога, выше головы своей становишься? я не съ тобою, но съ главнымъ архіереемъ и патріархомъ собесѣдую!» и отвелъ его немного рукою. Царевна же Софія вскочила съ престола и вскричала:—«Видите ли, что Никита творитъ,—при насъ архіерея бьетъ, а безъ насъ и до смерти убьетъ». Стоявшіе же близко сказали:—«Не билъ, государыня, онъ, только рукой отъ себя отвелъ, да прежде патріарха говорить ему не велѣлъ».—«Ты-ли, Никита,—сказала царевна, со святѣйшимъ патріархомъ говоришь?—не достоитъ тебѣ при очахъ нашихъ быть, а не только что говорить. Помнишь-ли, какъ ты отцу нашему, государю, и патріарху, и всему собору повинную приносилъ и клятвами клялся, что о вѣрѣ впредь не будешь бить челомъ, а теперь опять за это-же принимаешься?» Никита отвѣчалъ: «Отъ этого, государыня, я не отпираюсь, подалъ я повинную челобитную государю отцу вашему и всему собору не по желанію своему, но боясь меча и сруба, а которую челобитную подалъ я впервые на соборѣ,—на нее никто изъ архіереевъ отвѣта намъ не далъ, только меня же безвинно въ тюрьму вринули. Потомъ Симеонъ Полоцкій на мое доношеніе книгу *Жезлъ* сочинилъ, въ ней же и пятой части моихъ статей не обсудилъ. Если соизволишь, государыня, и нынѣ мнѣ отвѣчать противъ *Жезла*, я готовъ, и если въ чемъ не отвѣчу, тогда пусть будетъ Божья воля и ваша, и что хотите, то и творите со мною». Царевна сказала:—«Нечего тебѣ говорить съ нами, и тебѣ быть при насъ не подобаетъ!» Тогда отцы подали челобитную; царевна-же велѣла дьяку читать ее. Чтеніе его было очень стройно и внятно. Когда-же онъ читалъ слѣдующія слова: *«чернецъ жидовскій еретикъ съ Никономъ, бывшимъ патріархомъ, поколеба его царскою душею»*,—Софія разгнѣвалась, вскочила снова съ престола и начала со слезами говорить:—«Если Арсеній и Никонъ патріархъ—еретики, то и отецъ, и братъ нашъ таковые-же были, также и нынѣшніе цари — не цари, и патріархи—не патріархи, и архіереи—не архіереи. Мы этой хулы не потерпимъ, но идемъ всѣ изъ царства вонъ!» И, взявъ икону, отошла отъ престола на сажень и стала. Хованскій, бояре и выборные всѣ заплакали, говоря:—«Зачѣмъ государямъ-царямъ изъ царства уходить? мы всѣ за нихъ усердно головы свои положимъ!» Иные же воины, видя такую неправду съ ея стороны, и, воспламенившись любовью къ древнему православію, говорили ей:—«Давно, государыня, время вамъ въ монастырь идти,—полно въ царствѣ смущенія творить; здравы бы намъ были цари-государи, а безъ васъ пусто не будетъ!» Она-же, услышавши это, постыдилась и съ большимъ стыдомъ сѣла опять на царское мѣсто и повелѣла челобитную читать. Дьякъ началъ читать, какъ святые отцы трехсо-

ставный крестъ Господень почитали и поклонялись ему, и просфоры имъ печатали, а латинскаго крыжа отнюдь не принимали, и о крестномъ знаменіи, чтобы двумя перстами креститься и благословлять, многія свидѣтельства святыхъ написаны. Тогда царевна Софія сказала:—«Мы за крестное сложеніе не истязуемъ: кто какъ хочетъ, такъ и крестится, хоть двумя, хоть тремя перстами или дланію распростертою—все равно». Отецъ Савватій сказалъ:—«Двумя перстами крестное знаменіе на себѣ изображать—это древнее преданіе святыхъ отецъ; и, сложивъ три перста по новому, сказалъ: а сія щепоть римскаго еретика,—онъ такъ благословлялъ и креститься такъ же велѣлъ». Царевна спросила:—«Чего боишься инокъ, правой рукой сложить три перста?»—Савватій отвѣчалъ:—Боюсь, государыня, и очень ужасаюсь нарушить преданія святыхъ и богоносныхъ отецъ». Она же сказала:—«Не бойся, слагай правой рукой,—мы и сами крестимся всяко: тремя и двумя перстами и всею дланію,—оттого не будешь осужденъ». Савватій отвѣчалъ:—Не оставимъ мы преданій свв. отецъ, если даже и смерть придется принять, Господь знаетъ за что». Дьякъ началъ читать слѣдующее: «А о триперстномъ сложеніи написалъ грекъ, нѣкто Дамаскинъ Студитъ иподіаконъ, не знаемъ, имя ли ему это или прозваніе».—Царевна начала говорить:—«Уже Ивана Дамаскина порочатъ и преданія его хулятъ, а церковь святая много приняла его книгъ».—«Не будетъ съ нами того, государыня, сказалъ Савватій, чтобы такого церковнаго учителя порочить и преданіе его хулить, что Божія церковь приняла, то и мы честно принимаемъ и привѣтствуемъ, а сей Дамаскинъ Студитъ иподіаконъ, который написалъ тремя крестами креститься,—невѣдомо кто былъ и откуда, каково его житіе, и въ какомъ городѣ родился, нигдѣ въ древнемъ писаніи не находится о немъ, только въ *Скрижали* напечатано, въ недѣлю 6-ю поста, слово Дамаскина Студита иподіакона, а кто онъ таковъ и откуда—Богъ вѣсть». Тогда царевна умолкла. Дьякъ снова читалъ: «Дамаскинъ иподіаконъ въ томъ же словѣ своемъ повелѣваетъ намъ православнымъ христіанамъ ходить по татарски безъ крестовъ, и пишетъ: «*Аще кая польза и кая добродѣтель есть носить кому крестъ на рамѣ своемъ?*»—Царевна, вскочивъ съ престола, сказала:—«Смотрите, какую бѣду они написали, будто мы велимъ и имъ безъ крестовъ ходить», и спрашивала бояръ:—«Есть ли на васъ кресты?» Они же отвѣчали:—«На насъ, государыня, на всѣхъ есть кресты», и показывали ихъ другъ другу. Никита сказалъ:—«Въ вашей книгѣ напечатано, что безъ крестовъ надо ходить». Царевна велѣла принести книгу *Скрижаль*. Никита, взявши книгу, хотѣлъ къ ней нести. Она же закричала на него:—«Тебя, Никита, не спрашиваютъ объ этомъ дѣлѣ; я говорила, что тебѣ не достоитъ быть предъ нашими очами, а не только что говорить!» и велѣла отцу Сергію принести себѣ книгу. Сергій поднесъ ей *Скрижаль* и указалъ, гдѣ это напечатано. Она же, прочитавши, сказала:—«Я этого слова не читала и не знаю, — по этой книгѣ у насъ въ церкви не читаютъ».—«Въ этомъ же словѣ, государыня, сказалъ Сергій, писано и о триперстномъ сложеніи». Она же промолчала. Дьякъ продолжалъ читать ей и дошелъ до этого мѣста: «Да онъ же Дамаскинъ, не убоявшись страха Божія, въ томъ же словѣ *безгрѣшнаго* Сына Божія Господа нашего Іисуса Христа написалъ *грѣшнымъ*, будто Онъ, Спаситель нашъ, былъ распятъ за нѣкое погрѣшеніе, а не за мірское спасеніе. Пишетъ тамъ: «Тако да имате смерть нашу предъ собою, яко же и онъ: *иже иматъ распинатися за нѣкое погрѣшеніе*, носитъ крестъ на рамѣ своемъ, и ходитъ трепеща, ожидая смерти». Царевна снова соскочила съ престола и сказала предстоящимъ:—«Видите-ли, какъ они написали въ своей челобитной, что Спаситель нашъ Христосъ распятъ за нѣкое прегрѣшеніе, а не за мірское спасеніе, даже и помыслить страшно, какъ они путаютъ».—Сергій же

сказалъ:—Въ той же *Скрижали*, государыня, напечатано это».—Она же снова велѣла подать себѣ *Скрижаль*. Сергій принесъ и показалъ, гдѣ напечатано. Она же, посмотрѣвши, сказала:—«Я этого слова не читала, не знаю», и умолкла. Когда же послѣ этого дьякъ читалъ объ *альлилуіи*, многіе доводы изъ святыхъ писаній Евфросима Псковскаго и святыхъ Кипріана и Фотія, митрополитовъ грековъ, и преподобнаго Максима Грека и прочихъ, повелѣвшихъ дважды глаголати *альлилуія*, а третье—*Слава тебѣ Боже*,—тогда Холмогорскій епископъ вынесъ харатейную книгу, въ которой было написано *альлилуія* трижды, а четвертое—*Слава тебѣ Боже*.—«Смотрите, сказалъ онъ,—въ харатейныхъ книгахъ написано *альлилуія* четверти, такъ же и въ греческихъ во всѣхъ, якоже и у насъ нынѣ соборная Церковь содержитъ». Правовѣрные же отвѣчали:—«Эта харатейная книга, какъ видно по всему, писана въ Псковѣ, ибо это преданіе въ ней Іова распопа и троеженца Псковскаго, а не здѣшнихъ преосвященныхъ митрополитовъ. А что сказалъ ты, будто во всѣхъ книгахъ четверичное альлилуія, то ты солгалъ», и показали ему греческій Часословецъ, напечатанный въ осьмушку, говоря:—«Вѣришь ли этому, и греческой ли печати эта книга?»—Онъ же отвѣчалъ:—«Печать греческая и рѣчи греческія».—Въ ней послѣ псалма: *Благослови душе моя Господа*—напечатано: *альлилуія альлилуія докса си о θеосъ*, а не четверичная по вашему, а ты лжешь на греческія старыя книги». Тогда епископъ этотъ былъ очень посрамленъ. Дьякъ же множество ересей прочелъ. Они же (противники раскольниковъ) всѣ молчали, когда читалось слѣдующее: «Они, новой вѣры учители,—Никонъ,бывшій патріархъ, со всѣмъ своимъ соборомъ, насъ, православныхъ христіанъ, не принимающихъ ихъ латинноримскаго новаго и самовымышленнаго преданія и не знаменующихся по ихъ суемудренному мудрованію тремя перстами, проклятію предаютъ. А поэтому, значитъ, если мы отъ нихъ прокляты будемъ, то и всѣ наши россійскіе чудотворцы и прародители ваши государевы—благовѣрные цари Іоаннъ Васильевичъ и сынъ его Θеодоръ Іоанновичъ, и дѣдъ вашъ, царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ, и прадѣдъ вашъ, блаженной памяти святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ и отецъ вашъ, государь-царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ,—и они тому же проклятію подлежатъ, какъ и мы. А и самъ онъ, Іоакимъ патріархъ, и прочіе архіереи, по тѣмъ же старопечатнымъ святымъ книгамъ святое крещеніе воспріяли; итакъ они и свое крещеніе вмѣстѣ съ нами проклинаютъ. Однако, святые отцы пишутъ: «*Аще святитель не по волѣ Божіи проклинаетъ, не послѣдуетъ ему Божій судъ и прочая...*» Патріархъ со всѣми архіереями противъ челобитной ничего не сказали, только сидѣли, повѣсивши головы. А бояре, посматривая другъ на друга, улыбались, что архіереи не отвѣчаютъ, а иные сильно плакали, слыша описаніе такихъ ересей въ новыхъ книгахъ и видя неправду ихъ; только Софія царевна одна проговорила: —«Ваше дѣло подобно сосуду, налитому полынью, края же его помазаны медомъ; такъ и объ отцѣ нашемъ написано у васъ. Когда отецъ нашъ еретикъ, то почему же пишете его съ полною титлою»? Когда думный дьякъ прочелъ челобитную, царица Наталія Кирилловна пошла въ свои палаты... Тогда вышелъ священникъ, держа книгу въ рукахъ, и сказалъ:—«Посмотрите ваши любимыя филаретовскія книги».—Отцы же возразили:—«Покажи намъ, что въ нихъ неисправно напечатано». Онъ же началъ читать: «Во святый Великій четвертокъ, и Великую субботу, и въ день святыя Пасхи, и на Рождество Христово, и на Богоявленіе, и въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, и на Успеніе Пресвятой Богородицы причащаемся святыя воды богоявленіи, и тако разрѣшаемъ на сыръ и на масло, міряне же на мясо».—Правовѣрные же сказали:—«Это о причащеніи воды святой напечатано, а не о разрѣшеніи; а онъ, окаянный, простымъ людямъ внушаетъ,

будто бы въ Великій четвертокъ и Великую субботу повелѣно ѣсть мясо». Царевна же встала съ престола и сказала:—«Что не слушаете ревнителей православія, будто они ложь говорятъ». Народъ же, бывшій въ палатѣ, сложивъ два перста, по преданію святыхъ отцовъ и поднявъ вверхъ, воскликнулъ громкимъ голосомъ:—«Мы, государыня-царевна, за сей крестъ желаемъ умереть!»

Поднявъ взоры наверхъ, увидѣли на потолкѣ палаты изображеніе Господа Саваофа, сидящаго на престолѣ и благословляющаго на обѣ стороны двумя перстами, по старому, и воскликнули, указывая царевнѣ наверхъ:—«Смотри, государыня, какъ Господь благославляетъ; мы и простые люди видимъ, что это преданіе святыхъ отцовъ, тому и послѣдуемъ». Она же со слезами сказала:—«Не знаю, что мнѣ съ вами и дѣлать»? и пошла въ другую сторону палаты и выборнымъ за собою велѣла идти, и сказала имъ:—«Видите ли, свѣты, какую хулу говорятъ на отца нашего? Не тотъ тать, кто крадетъ, но тотъ, кто принимаетъ: они называютъ Арсенія старца и Никона еретиками,—потому и отецъ нашъ, и братъ также еретиками стали, и мы такіе же. Вамъ, свѣты, надобно за это дѣло постоять; потому что въ томъ вы крестъ цѣловали великимъ государямъ, за царскій нашъ домъ стоять». Тогда выборные выставили для отвѣта Савву. Онъ же сказалъ ей:—«Государыня-царевна, они въ челобитной великихъ государей-царей, отца вашего и брата не называютъ еретиками, но только Никона и Арсенія чернеца, потому что они по наученію діавола всю нашу православную христіанскую вѣру исказили и превратили,—потому-то ихъ еретиками и называютъ. И прежде этого въ Цареградѣ было, что пришли два жида и совратили православнаго царя въ иконоборство; тогда отцы тѣхъ жидовъ клятвѣ предали, а царя не называли еретикомъ!»—«Идите съ миромъ!» сказала царевна и сама пошла изъ палаты, также пошли и патріархъ съ архіереями, а соборъ назначили на пятницу. Отцы также вышли изъ палаты. Народъ, увидѣвши ихъ, очень обрадовался, ибо не надѣялись ихъ видѣть цѣлыми, и пошелъ изъ Кремля. Хованскій велѣлъ сотнѣ стрѣльцовъ проводить отцовъ до двора, гдѣ они жили. Когда же вышли изъ Кремля, народъ началъ умолять отцовъ, со слезами, чтобы почитали на Лобномъ мѣстѣ святыхъ писаній. Отцы послушались народа, читали соловецкія тетради и толковали ереси и какъ отъ нихъ беречься; изъ книги о Правой вѣрѣ прочли главу объ отступленіи уніатовъ и довольно поучили народъ отъ божественнаго писанія. Народу было безчисленное множество съ женами и дѣтьми, внимательно слушали и дивились новому ученію Никоновой вѣры, какъ всю нашу православную христіанскую вѣру превратили и сколько ересей насѣяли въ новыхъ своихъ книгахъ, вздыхали изъ глубины сердечной, иные же плакали. Послѣ чтенія отцы взяли святыя иконы и пошли за Таганскія ворота, при чемъ пѣли: «*Владычице, пріими молитвы рабъ своихъ*» и «*Царь небесный*» и «*О тебѣ радуется*». Народъ же толпой слѣдовалъ за ними, другъ-другу возвѣщая:—«Великіе государи-цари повелѣли по старому креститься», и показывалъ всему міру, сложивъ персты по преданію святыхъ отцовъ. Перешли за рѣку Яузу къ Всемилостивому Спасу, близъ Титова приказа, и велѣли звонить. Совершили молебенъ Пресвятой Богородицѣ, потомъ пошли по домамъ. Народъ же, проводивъ ихъ, разошелся съ миромъ.....

(Далѣе Савва Романовъ разсказываетъ, будто бы патріархъ и архіереи съ плачемъ умоляли Софію не давать ихъ раскольникамъ «въ посмѣхъ и поруганіе». Царевна же будто бы, призвавъ выборныхъ, умоляла ихъ со слезами, чтобы они не промѣняли бы «насъ и все россійское государство на шестерыхъ чернецовъ». Говоритъ далѣе Романовъ, будто бы пущены были въ ходъ угощенія и награды).

.....Тогда стрѣльцы всѣ подали повинныя,—что «до сего (т. е. до церковныхъ дѣлъ) намъ, стрѣльцамъ, нѣтъ дѣла и впередъ ничего не будемъ начинать». Потомъ сто человѣкъ послали по «отцовъ» и привели ихъ на Лыковъ дворъ, такъ что никто не зналъ. Никиту одного оставили тамъ за стражей, а прочихъ отцовъ отвели на патріаршій дворъ и посадили ихъ розно. Потомъ, во вторникъ, въ первомъ часу, Никитѣ-священнику голову отсѣкли, отца Сергія въ Ярославлѣ заточили, а прочихъ отцовъ по различнымъ монастырямъ разослали.....

IX. Движеніе раскольниковъ.

(Изъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ“ Костомарова).

Стрѣлецкій бунтъ возбудилъ надежду на то, что можно добиться и другихъ перемѣнъ. Поднялись раскольники, пораженные проклятіемъ собора и преслѣдуемые мірскою властью. До сихъ поръ самые рьяные изъ нихъ бѣгали въ лѣса, пустыни; другіе, которыхъ было гораздо больше, въ страхѣ притаились и съ виду казались покорными. Въ стрѣлецкомъ званіи было такихъ на половину; Москва и подгородныя слободы были наполнены раскольниками или склонными перейти въ расколъ. Какъ-только почуяли они нетвердость тяжелой руки, давившей ихъ, тотчасъ подняли голову. Стали въ Москвѣ открыто расхаживать проповѣдники и поучали народъ не ходить въ оскверненную церковь, не креститься тремя перстами, не почитать четвероконечнаго креста. „Неучи мужики и бабы,—говоритъ современникъ,—незнающіе складовъ, толпами собирались тогда на Красной площади и совѣщались, какъ утвердить имъ старую вѣру, а чуть-только кто изъ противниковъ скажетъ слово, на того сейчасъ нападутъ и всенародно прибьютъ, воображая, что этимъ они правую вѣру обороняютъ“. Самъ Хованскій, и прежде втайнѣ державшійся старообрядства, теперь заявилъ себя явно сторонникомъ старой вѣры.

Стрѣльцы одного изъ полковъ, собравшись на сходку, положили составить челобитную государямъ противъ патріарха и просить возстановленія старой вѣры, но между ними не нашлось мудреца, который бы могъ хорошо сложить подобную челобитную. Такого мудреца нашли имъ жители Гончарной слободы въ лицѣ монаха, по имени Сергія. Когда этотъ монахъ вмѣстѣ съ четырьмя слобожанами сложилъ челобитную и далъ ее прочитать передъ стрѣльцами своему товарищу, Саввѣ Романову, стрѣльцы изумились и пришли въ умиленіе. „Мы еще не слыхали—говорили они—такого слога, такого описанія ересей. Надобно, братія, постоять намъ за старую вѣру и кровь свою пролить за Христа. Мы за тлѣнное дѣло чуть головъ своихъ не положили, а какъ не умереть за вѣру?“.

Доложили Хованскому. Привели къ нему Сергія. Сергій прочиталъ ему свою челобитную. Выслушавши ее, Хованскій похвалилъ сочинителей, но сказалъ:—„Ты, отче, какъ я вижу, инокъ смиренъ, тихъ, немногословенъ, не будетъ тебя на такое великое дѣло; противъ нихъ надобно ученому человѣку отвѣтъ держать“.

„Хоть я и немногословенъ, отвѣтилъ Сергій, да вѣрую словесамъ Сына Божія: не пецытеся, како и что возглоголите“.

Но тутъ другіе раскольники сказали, что когда придется до спора, то за это дѣло возьмется Никита Пустосвятъ, который хотя поневолѣ и покорился собору, но теперь крѣпко стоитъ за правую вѣру.

„Зналъ я его—сказалъ Хованскій—противъ того имъ нечего говорить! тотъ всѣмъ уста загородитъ! Никто не устоитъ противъ Никиты. Я вамъ во всемъ буду помогать, хоть самъ и не искусенъ на это дѣло, а того и въ умѣ своемъ не держите, чтобъ васъ по старому стали казнить, вѣшать и жечь на срубахъ“.

Раскольники настаивали, чтобы соборъ былъ всенародно на Лобномъ мѣстѣ или въ Кремлѣ, въ присутствіи царей и патріарха, въ пятницу, 23 іюня, до вѣнчанія царей, которое было назначено въ воскресенье. „Намъ—говорили они—хочется, чтобы цари-государи вѣнчались въ истинной православной вѣрѣ христіанской, а не въ латино-римской“. Хованскій хотѣлъ-было уговорить ихъ отложить этотъ соборъ, увѣряя, что цари будутъ вѣнчаться по старому, но раскольники настояли на своемъ, чтобъ соборъ былъ въ пятницу.

Въ назначенный день, утромъ раскольники двинулись въ Кремль стройнымъ ходомъ. Никита несъ крестъ, Сергій—Евангеліе, другой монахъ, Савватій—икону Страшнаго Суда. Къ нимъ приставали мужчины и женщины изъ народа, сами не понимая, что́ во кругъ нихъ дѣлается. Хованскій, показывая видъ, что не знаетъ, зачѣмъ пришли эти люди, вышелъ къ нимъ въ сопровожденіи приказныхъ и спрашивалъ:

„Коея ради вины пріидосте, отцы честные?“

Никита отвѣчалъ:—„Пріидохомъ великимъ государемъ челомъ побить о старой, православной христіанской вѣрѣ, чтобъ велѣли патріарху служить по старымъ книгамъ и служили бы на семи просфорахъ, а не на пяти, а крестъ на просфорахъ былъ бы истинный, троесоставный крестъ, а не крыжъ двоечастный. Если патріархъ не изволитъ служить по старымъ книгамъ, такъ пусть велятъ ему государи дать намъ правильное свое разсмотрѣніе: зачѣмъ онъ по старымъ книгамъ не служитъ, и намъ возбраняетъ служить? зачѣмъ предаетъ проклятію и засылаетъ въ дальнее заточеніе тѣхъ, что по старымъ книгамъ читаютъ и поютъ? Пусть отвѣтитъ намъ: благочестивы или неблагочестивы были прежніе цари, великіе князья и святѣйшіе патріархи, которые по старымъ книгамъ служили и пѣли. А мы, Богу помогающу, въ конецъ обличимъ всякія затѣйки и ереси въ новыхъ книгахъ.“

Хованскій взялъ отъ нихъ челобитную, пошелъ во дворецъ и, воротившись сказалъ:

„Противъ этой челобитной будетъ дѣла недѣли на три; надобно книги свидѣтельствовать. Патріархъ упросилъ государей до середы: въ середу приходите послѣ обѣдни“.

„А какже государей будутъ вѣнчать?“ спросилъ Никита.

„По старому, какъ я вамъ говорилъ“, отвѣтилъ Хованскій.

„Пусть патріархъ служитъ литургію на семи просфорахъ,—сказалъ Никита,—и крестъ на просфорахъ пусть будетъ истинный, а не крыжъ“.

„Вели же напечь просфоръ и принеси сюда; я патріарху поднесу и велю служить по старому“, Отвѣчалъ Хованскій.

Раскольники разошлись.

Въ воскресенье толпы народа наполнили весь Кремль, ожидая выхода государей къ вѣнчанію. Никита съ просфорами, испеченными нѣкоею искусною вдовицею, отправился къ собору, но не могъ пробраться за толпою народа и въ досадѣ вернулся назадъ. Совершилось вѣнчаніе по обычному чину.

Раскольники хлопотали, чтобы всѣ стрѣльцы подписались подъ челобитной, и чтобы такимъ образомъ противники ихъ увидали на сторонѣ раскола опасную для себя силу. Тутъ оказалось, что расколъ между стрѣльцами не такъ былъ крѣпокъ, какъ думали фанатики. Не всѣ стрѣльцы и пушкари приложили руки къ челобитной. Многіе говорили:—„Это дѣло не наше, а патріаршее. Если намъ руки прикладывать, такъ и отвѣтъ надобно давать противъ патріарха и властей. Мы не умѣемъ отвѣчать. Да съумѣютъ-ли и старцы дать отвѣтъ противъ такого собора? Они только намутятъ и уйдутъ". Но, не прикладывая рукъ къ челобитной, стрѣльцы все-таки положили на томъ, чтобы не давать никого жечь и вѣшать за вѣру.

3 іюля явились къ Хованскому выборные стрѣльцы по его приказанію.

„Всѣ-ли готовы стоять за старую вѣру?" спросилъ ихъ Хованскій.

„Не только стоять, но и умереть готовы", отвѣчали ему.

Хованскій ввелъ ихъ въ Крестовую палату, къ патріарху. Патріархъ ласково уговаривалъ ихъ не мѣшаться въ духовныя дѣла, которыя не касаются ихъ, какъ людей военныхъ; но книжники, пришедшіе вмѣстѣ со стрѣльцами, надѣясь на Хованскаго, вступили съ патріархомъ въ споръ о старыхъ и новыхъ книгахъ и требовали, чтобы патріархъ съ властями вышелъ на лобное мѣсто для всенароднаго пренія о вѣрѣ.

Настала среда, 5 іюля. Раскольники двинулись въ Кремль. Никита несъ крестъ; другіе несли Евангеліе, икону Страшнаго суда, образъ Богородицы, множество старыхъ книгъ, налои, подсвѣчники со свѣчами. За ними валила огромная толпа народа. У Архангельскаго собора поставили налои, разложили образа и книги, зажгли свѣчи. Патріархъ прежде всего выслалъ къ нимъ священника съ печатными тетрадями, въ которыхъ обличался Никита, какъ онъ на соборѣ принесъ повинную и отрекся отъ старой вѣры. Стрѣльцы набросились на этого священника и, вѣроятно, убили бы его, если бы не спасъ его монахъ Сергій, сочинитель челобитной. Священника поставили на скамью и велѣли начать чтеніе. Его прерывали постоянно криками и бранью; наконецъ, Сергій сказалъ ему:

«Всуе трудишься, никто тебя не слушаетъ».

Вмѣсто священника сталъ читать самъ Сергій свое обличеніе противъ церковнаго «премѣненія». Говорилъ къ народу и Никита, стоя на подмосткахъ, называлъ православныя церкви хлѣвами и амбарами и приправлялъ свою рѣчь разными непотребными словами.

Между тѣмъ отъ патріарха пришли звать раскольниковъ въ Грановитую палату: «тамъ будутъ царица и царевны, а передъ всѣмъ народомъ имъ быть зазорно».

Тутъ народъ завопилъ:—«А! патріархъ стыдится передъ всѣмъ народомъ дать свидѣтельство отъ божественныхъ писаній. Здѣсь подобаетъ быть собору, да и какъ помѣститься въ палатѣ такому множеству!»

Во дворцѣ произошло смятеніе. Патріархъ не хотѣлъ выходить на площадь, а звалъ раскольниковъ въ Грановитую палату. Царевна Со-

фія собиралась идти въ Грановитую палату. Хованскій сталъ уговаривать ее не ходить, говорилъ, что стрѣльцы поднимутъ бунтъ и патріарху будетъ худо, а если она туда пойдетъ съ боярами, то всѣхъ побьютъ. Софія поняла, въ чемъ дѣло, видѣла, что Хованскій хочетъ, дѣйствительно, поднять бунтъ противъ патріарха, и потому намѣревается устроить такъ, чтобы присутствіе царевны не стѣсняло буйства раскольниковъ; съ другой стороны, она была увѣрена въ преданности къ себѣ стрѣльцовъ. „Да будетъ воля Божья,—сказала Софія,—я не оставлю церкви Божьей и ея пастыря!“.

Вмѣстѣ съ Софіею рѣшились идти въ Грановитую палату царица Наталія Кирилловна и царевны: Татьяна Михайловна и Марья Алексѣевна.

Хованскій обратился къ боярамъ и говорилъ:—„Пожалуйте, попросите царевну, чтобъ она не ходила въ Грановитую палату съ патріархомъ. А если васъ не послушаетъ, то пусть будетъ вамъ извѣстно, что насъ всѣхъ побьютъ, какъ недавно нашу братью побили, и разграбятъ дома наши“.

Приступили бояре къ Софіи, умоляли освободить и себя и всѣхъ ихъ отъ напрасной смуты. Софія отвѣчала:—„Я готова за св. церковь положить свою голову“.

Затѣмъ, обратившись къ Хованскому, она сказала:—„Посылай святѣйшаго патріарха, чтобы онъ со всѣми властями и книгами шелъ къ намъ въ Грановитую палату“.

Хованскій исполнилъ приказаніе. Было уже около четырехъ часовъ пополудни. Патріархъ, напуганный Хованскимъ, въ ужасѣ, со слезами, не чая себѣ живота, отправилъ впередъ себя множество книгъ и рукописей греческихъ и славянскихъ. Съ ними пошли: холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, воронежскій—Митрофанъ, тамбовскій—Леонтій и нѣсколько другихъ духовныхъ. Обиліе древнихъ книгъ должно было показывать противникамъ, что у православныхъ есть сильныя средства защиты. За ними слѣдовалъ и патріархъ съ восемью митрополитами и четырьмя архіепископами. Звонили въ колокола.

Всѣ усѣлись по чину въ Грановитой палатѣ; на царскомъ тронѣ сѣла Софія съ теткою Татьяною, а близъ нихъ царица Наталія и царевна Марія *). Были съ ними бояре и думные люди. Хованскій пригласилъ Никиту и Сергія въ Грановитую палату и поклялся, что имъ ничего дурнаго не будетъ.

Тогда Никита и товарищи его взяли крестъ, Евангеліе, свѣчи, налои, положили книги на головы и двинулись на Красное крыльцо. Тутъ произошла драка. По извѣстіямъ раскольниковъ, причиною ея было то, что какой то православный попъ зацѣпилъ Никиту за волосы, а стрѣльцы начали тузить поповъ. Пришелъ Хованскій, прекратилъ безпорядокъ и провелъ раскольниковъ въ Грановитую палату.

Они разставили налои, разложили на нихъ священныя вещи и книги и поставили передъ образами зажженныя свѣчи въ подсвѣчникахъ, принесенныхъ съ собою.

„По какой причинѣ пришли въ царскія палаты и чего требуете отъ насъ?“ спросилъ патріархъ.

*) Сынъ Артамона Матвѣева Андрей говоритъ, что при этомъ были и цари.

„Пришли царямъ-государямъ побить челомъ, чтобы дали свое царское разсмотрѣніе съ вами, новыми законодавцами, чтобы служба Божья была по старымъ служебникамъ".

Патріархъ сказалъ:—„Это не ваше дѣло. Простолюдинамъ не подобаетъ исправлять церковныхъ дѣлъ и судить архіереевъ. Архіереевъ только архіереи и судятъ, а вамъ должно повиноваться матери своей, церкви; у насъ книги исправлены съ греческихъ и съ нашихъ харатейныхъ книгъ по грамматикѣ. Вы же грамматическаго разума не коснулись и не знаете, какую силу онъ въ себѣ содержитъ".

„Мы не о грамматикѣ пришли съ тобою говорить,—отвѣчалъ Никита,—а о церковныхъ догматахъ. Вотъ я тебя спрошу, а ты отвѣчай: зачѣмъ на литургіи вы берете крестъ на лѣвую руку, а тройную свѣчу въ правую? Развѣ огонь честнѣе креста?"

Тутъ началъ-было ему объяснять холмогорскій архіепископъ Аѳанасій, какъ вдругъ Никита замахнулся на него рукою и закричалъ: „Что ты, нога, выше головы ставишься! Я не съ тобою говорю, а со святѣйшимъ патріархомъ".

Софія вскочила со своего мѣста и закричала:—„Что это такое! Онъ при насъ архіерея бьетъ! Безъ насъ, навѣрное, убилъ бы его!"

„Нѣтъ,—государыня,—сказали изъ толпы,—онъ не билъ, а только рукою отвелъ".

„Помнишь ли, Никита,—сказала Софія,—какъ блаженной памяти отцу нашему, и святѣйшему патріарху, и всему освященному собору ты принесъ повинную и поклялся великою клятвою: аще впередъ стану бить челомъ о вѣрѣ, да будетъ на мнѣ клятва св. отецъ и семи вселенскихъ соборовъ. Такъ говорилъ ты въ то время, а нынѣ опять за то же дѣло принялся!"

„Что далъ повинную, я въ томъ не запираюсь,—возразилъ Никита.—Далъ за мечомъ и срубомъ! Я подавалъ челобитную, а мнѣ никто не отвѣчалъ изъ архіереевъ, только Семенъ Полоцкій книгу на меня сложилъ „Жезлъ". Позволишь, государыня, я буду отвѣчать противъ „Жезла"? а останусь виноватъ, дѣлайте со мною, что хотите!"

„Нѣтъ тебѣ дѣла говорить съ нами, и на очахъ нашихъ тебѣ не подобаетъ быть!" сказала Софія.

Затѣмъ Софія опять сѣла на свое мѣсто и приказала думному дьяку читать раскольничью челобитную.

Какъ дочитали до того мѣста, гдѣ сказано было, что чернецъ Арсеній еретикъ вмѣстѣ съ Никономъ поколебали душу царя Алексѣя Михайловича, Софія опять вскочила со своего мѣста и, взволнованная, сказала:

„Если Никонъ и Арсеній были еретики, такъ и отецъ и братъ нашъ были еретики! Значитъ, цари—не цари, архіереи—не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слышать. Мы пойдемъ прочь изъ царства!"

„Какъ можно изъ царства вонъ идти! Мы за государей головы свои положимъ",—говорили думные. Но между раскольниками раздались такіе голоса:—„И пора вамъ, государыня, давно въ монастырь. Полно-да царствомъ мутить! Намъ бы здоровы были отцы наши государи, а безъ васъ-да пусто не будетъ!"

Софія прослезилась и, обратясь къ стрѣльцамъ, начала говорить:

„Эти мужики на васъ развѣ надѣются? Вы были вѣрные слуги дѣду нашему, отцу и брату, оборонители церкви святой, и у насъ зоветесь слугами. Зачѣмъ же такимъ невѣждамъ попускаете чинить крикъ и вопль въ нашей палатѣ?"

Выборные стрѣльцы успокаивали ее. Софія сѣла на свое мѣсто.

Челобитную дочитали. Начался споръ. Патріархъ и архіереи указывали на древніе харатейные списки, обличали нелѣпыя ошибки и опечатки въ Филаретовомъ служебникѣ. Малоученые раскольники, не въ силахъ будучи одолѣть противниковъ доводами, только подымали вверхъ руки, показывали двуперстное сложеніе и кричали:—„вотъ какъ! вотъ какъ!"

Уже стало вечерѣть. Раскольникамъ объявили, чтобы они расходились и что имъ будетъ указъ послѣ.

Раскольники вышли со всѣми своими налоями, книгами, образами и кричали во все горло, подымая два пальца вверхъ:—„Побѣдихомъ! Побѣдихомъ! Вотъ какъ вѣруйте!" Толпы народа слѣдовали за ними. Расколоучители остановились на Лобномъ мѣстѣ и стали поучать народъ, а оттуда отправились въ церковь „Спаса на Чигасахъ", отслужили со звономъ благодарственный молебенъ и потомъ уже разошлись по домамъ.

Софія позвала къ себѣ выборныхъ стрѣльцовъ, обласкала ихъ, приказала напоить медомъ и виномъ въ такомъ количествѣ, что на десять человѣкъ было вынесено по ушату. „Не промѣняйте насъ,—говорила имъ Софія,—и все россійское государство на какихъ нибудь шестерыхъ чернецовъ".

„Мы, государыня,—отвѣчали ей стрѣльцы,—не стоимъ за старую вѣру. Это дѣло патріарха и всего освященнаго собора".

По приказанію царевны, преданные ей стрѣльцы Стремяннаго полка схватили Никиту Пустосвята, съ нимъ другихъ пятерыхъ расколоучителей и привели ихъ въ указъ. Никитѣ отрубили голову на площади. Его товарищей разослали въ ссылку. Раскольники притихли.

X. Князь Хованскій и новый мятежъ стрѣльцовъ.

(Изъ соч. Погодина: „Первыя семнадцать лѣтъ царствованія Петра Великаго").

Окончаніемъ церковнаго возмущенія, какъ и прежде—стрѣлецкаго, спокойствіе на Верху еще не установилось.

По городу ходили разнородные слухи и доносились до Верха на обѣ половины, къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ и царицѣ Наталіи Кирилловнѣ, составляя главный предметъ разговоровъ; принимались же они и толковались различно, смотря по видамъ, желаніямъ и надеждамъ той и другой стороны. Нынѣ бояре, съ дворовыми людьми, собираются перебить всѣхъ стрѣльцовъ и уничтожить стрѣлецкое войско; завтра стрѣльцы принимаютъ рѣшеніе истребить бояръ. Крѣпостные люди сочиняютъ-де челобитныя и хотятъ искать свободы отъ господъ своихъ. Немедленно назначались слѣдствія объ источникахъ этихъ слуховъ. Наслѣженные, уличенные вѣстовщики подвергались жестокимъ пыткамъ и на дыбѣ возводили на себя вся-

кую напраслину, между тѣмъ какъ въ сущности были виноваты только въ неосторожности, передавая, такъ или иначе, услышанное по вѣтру.

Стрѣльцы продолжали буйствовать; никто не смѣлъ имъ поперечить; они искали долговъ своихъ, справедливыхъ и не справедливыхъ, мучили мнимыхъ должниковъ и мстили за старыя обиды на правежахъ по произволенію.

Старый полковникъ, Степанъ Яновъ, человѣкъ заслуженный и достойный по всѣмъ отзывамъ, вытребованъ ими съ далекой службы, по давнимъ на него неудовольствіямъ за строгость, подвергается мучительной пыткѣ въ Константиновскомъ застѣнкѣ, и потомъ позорной казни на Красной площади, предъ вновь поставленнымъ стрѣлецкимъ памятникомъ.

Новые начальники, князь Хованскій съ сыномъ, смотрѣли сквозь пальцы на ихъ убійства, неистовства, попускали всякія злоупотребленія, брали всегда ихъ сторону, потакали, подъ благовиднымъ предлогомъ, какъ-будто опасаясь раздражить ихъ и желая успокоить, не допустить до крайностей.

Князь Хованскій съ сыномъ возбудили подозрѣнія царевны Софіи. Покровительствуя раскольникамъ, они видимо искали приверженности стрѣльцовъ, которые считали себя какими-то господами, судили и рядили о дѣйствіяхъ правительства. Такимъ образомъ, въ продолженіе двухъ какихъ-нибудь мѣсяцевъ, Хованскіе пріобрѣли полную довѣренность и совершенную покорность стрѣльцовъ, которые называли старика своимъ отцомъ, за каретою его ѣздили обыкновенно въ числѣ 50 человѣкъ и болѣе, крича встрѣчнымъ:—«большой ѣдетъ, большой!» На дворѣ содержали многочисленный караулъ, чего прежде ни при комъ изъ начальниковъ не было.

И старикъ, въ самомъ дѣлѣ, возмнилъ о себѣ, что онъ, располагая стрѣльцами и имѣя за себя приверженцевъ «стараго благочестія», есть самый сильный человѣкъ въ государствѣ, которому всѣ должны повиноваться. Онъ не исполнялъ приказаній, выказывалъ неумѣренно свое значеніе предъ боярами и говорилъ въ Думѣ, что его труды выше всѣхъ, что никто не заслужилъ столько, сколько онъ, и безъ него въ Москвѣ ходили-бы въ крови по-колѣно.

16-го августа шелъ вопросъ въ Думѣ о требованіи стрѣлецкаго войска, чтобы на каждаго человѣка собрано было съ дворцовыхъ волостей по 25 рублей подможныхъ денегъ, уравнительно съ монастырями, что составляло болѣе 100 тысячъ рублей. Когда бояре не соглашались утвердить такое тяжелое взысканіе, то Хованскій въ досадѣ, вышедъ изъ Думы, сказалъ стрѣльцамъ:—«Дѣти, ужь и мнѣ за васъ грозятъ бояре: я не могу для васъ сдѣлать ничего больше; промышляйте сами, какъ хотите».

Такая выходка не предвѣщала ничего добраго. Одно хвастовство, одна болтливость, которая доставила Хованскому въ народѣ прозваніе Тараруя, могла подать на Верху поводъ къ опасеніямъ, чтобы когда либо онъ въ жару или въ сердцахъ не проговорился, или не употребилъ во зло того, что̀ знаетъ о происхожденіи стрѣлецкаго бунта и виновникахъ кровопролитія; могли случиться даже пререканія между правительницею и Хованскимъ по поводу его явнаго согласія съ раскольниками; могъ онъ дать ей самой замѣтить по какому-нибудь случаю, какъ боярамъ въ Думѣ, что у него есть въ запасѣ оружіе противъ нея; могъ онъ еще яснѣе въ своемъ кругу выразиться, что знаетъ тайны или что-нибудь въ такомъ родѣ, которое могло донестись до ушей виноватой правительницы и внушить ей мысль, что отъ него, во избѣжаніе хлопотъ, слѣдуетъ избавиться такъ или иначе. Къ тому же, разнесся слухъ, что старшій сынъ его, Андрей

Ивановичъ, хвалясь королевскимъ своимъ происхожденіемъ отъ литовскаго Гедимина, замышляетъ о бракѣ съ одною изъ царевенъ, а именно съ Екатериною Алексѣевною, и о присвоеніи себѣ верховной власти въ надеждѣ на стрѣльцовъ. Ни царямъ, ни царевнѣ тогда не сдобровать. Слухъ этотъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь основаніе; онъ хваталъ за живое и побуждалъ думать о собственной безопасности.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ должно присоединить еще ссору, тотчасъ по укрощеніи стрѣлецкихъ бунтовъ, возникшую случайно или изъ ревности, между старикомъ Хованскимъ и извѣстнымъ уже намъ знаменитымъ кователемъ козней, бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ, вслѣдствіе которой стрѣльцы, слышно было, сбирались даже убить его по навѣтамъ Хованскаго. Милославскій, обуянный страхомъ,—пишетъ современникъ,—бѣгалъ изъ одной своей подмосковной въ другую и скрывался въ норахъ, какъ подземный кротъ; наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, улучивъ благопріятное время, спѣшилъ покончить съ нимъ, какъ прежде съ Матвѣевымъ. Онъ является къ царевнѣ Софіи, указываетъ опасности, ей угрожающія, связываетъ искусно извѣстныя данныя, предлагаетъ объясненія:—«Вотъ, чего хотятъ Хованскіе! Это ясно. Они сами говорятъ... стрѣльцы въ ихъ власти. Цари—одинъ больной, другой малолѣтній; съ ними управиться недолго... Сынъ женится на вашей сестрѣ, и вѣнчается царскимъ вѣнцомъ, а вы всѣ—по монастырямъ или въ заточеніе»...

Доводы Милославскаго казались правдоподобными: Софія испугалась той участи, которую готовила Нарышкинымъ, и, подготовленная собственными разсужденіями, склонилась на его убѣжденія. Судьба Хованскихъ была рѣшена.

Милославскій сочиняетъ планъ, какъ избавиться отъ общаго врага, и исполненіе начинается въ той же глубокой тайнѣ, какою былъ покрытъ заговоръ 15-го мая.

19-го августа, въ день Донской Божьей Матери, царское семейство не приняло участія въ крестномъ ходѣ. Значитъ, опасеніе — истинное или мнимое — могущихъ встрѣтиться непріятностей достигло до высшей степени.

Замѣтимъ, какъ дѣла шли скоро. Стрѣлецкій бунтъ кончился 17-го мая, Иванъ объявленъ царемъ 26-го, Софія—правительницею 29-го, притязанія раскольниковъ—іюня 23-го, вѣнчаніе на царство—25-го, пренія въ Грановитой палатѣ—іюля 5-го, казнь Никиты Пустосвята—11-го, а 19-го августа крестный ходъ въ Донской монастырь, безъ царскаго участія.

Царевна Софія или имѣла причину бояться, или приступила къ исполненію своего намѣренія, т. е. война оборонительная или наступательная началась. Чрезъ нѣсколько дней весь дворъ — цари, царевны и правительница—отправились въ село Коломенское.

Можно себѣ представить, какое удивленіе произвелъ во всемъ городѣ внезапный отъѣздъ, предположенный, повидимому, на долгое время: всѣ терялись въ догадкахъ.

При дворѣ, у царицы Наталіи Кирилловны, раздались вопросы, подавшіе поводъ къ толкамъ, догадкамъ, надеждамъ и опасеніямъ. Что такое произошло особеннаго? Чего бояться должно въ Москвѣ? Откуда грозитъ опасность? Судя по прежнимъ даннымъ, она могла подозрѣвать какое-нибудь злоумышленіе. Никому не могла казаться вѣроятною внезапная распря Софіи съ Хованскимъ, который такъ недавно былъ однимъ изъ главныхъ ея наперсниковъ и совѣтниковъ, соучастникомъ послѣднихъ дѣйствій. Опять нападаетъ страхъ и на весь царицынъ дворъ: Богъ знаетъ, что случится. Предусматривались новыя бѣды, новыя опасности для нея, для ея сына, для всего семейства. А мальчикъ все это видѣлъ.

У него въ ушахъ раздавались опять—стрѣльцы, раскольники, убійства, казни, замыслы измѣны... Назывались по именамъ враждебныя лица.

На другой день являются въ Коломенскомъ стрѣльцы, вѣроятно, подосланные Хованскимъ, съ выраженіемъ прискорбія, что цари оставили Москву. «Великимъ государямъ сказано, будто у насъ, у надворной пѣхоты, учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полка въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ по прежнему, и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать; но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умысла нѣтъ и впредь не будетъ, чтобы великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ».—«Великимъ государямъ про вашъ умыселъ невѣдомо», былъ отвѣтъ; «изволили великіе государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ государскіе походы бывали-же».

И Хованскій пріѣзжалъ въ Коломенское, вѣроятно, освѣдомиться, что тамъ есть, и подѣйствовать на Софію. Онъ попытался постращать ее замышляемымъ нападеніемъ Новгородскихъ дворянъ, которые грозятъ-де прійти въ Москву за выслуженнымъ жалованьемъ (?) и сѣчь всѣхъ безъ выбора и остатка. Царевна отвѣчала, что это извѣстіе слѣдуетъ объявить на Постельномъ крыльцѣ всѣхъ чиновъ людямъ, а въ Новгородъ послать грамату для подлиннаго свидѣтельства. Хованскій самъ испугался такого оборота и долженъ былъ просить, чтобы на слухъ не было обращено вниманія. Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, онъ уѣхалъ изъ Коломенскаго успокоенный и обласканный по возможности.

Съ обѣихъ сторонъ употреблялся обманъ,—кто кого перехитритъ, и выжидались обстоятельства.

Къ имянинамъ старшаго царя, 29 августа, Софія потребовала въ Коломенское Стремянный полкъ, къ ней наиболѣе близкій. Хованскій отговаривался, но наконецъ долженъ былъ уступить, догадываясь объ опасности и сознавая вмѣстѣ невозможность бороться.

Дворъ не возвратился въ Москву и къ дѣйству новаго года, 1 сентября, что подало поводъ еще болѣе ко всякимъ толкамъ и догадкамъ. Велѣно было князю Хованскому присутствовать въ Успенскомъ соборѣ, но онъ не поѣхалъ, и на дѣйствѣ былъ одинъ только окольничій, къ удивленію всей Москвы, на что жаловался самъ патріархъ. Страхъ распространился въ городѣ: всѣ съ сомнѣніемъ встрѣчали другъ друга и спрашивали,—что значатъ эти явленія?

Хованскій, кажется, растерялся при такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣлъ, и если онъ былъ блудливъ, какъ кошка, то оказался трусливымъ, какъ заяцъ, и не принималъ никакихъ мѣръ ни для защиты, ни для нападенія.

2 сентября выѣхали цари изъ села Коломенскаго чрезъ Воробьево и Павловское въ Саввинъ монастырь, близъ Звенигорода, къ празднику св. Саввы, 6 сентября. Отпраздновавъ здѣсь память чудотворца, отправились назадъ чрезъ Павловское и Хлябово въ Воздвиженское, къ празднику тамошнему 14 сентября.

Отсюда былъ посланъ указъ въ Москву ко всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ и жильцамъ—быть въ Воздвиженское къ 18 числу, для своихъ царскихъ дѣлъ и для пріема гетманскаго сына, о которомъ прислалъ донесеніе князь Хованскій, такъ же приглашенный. Отсюда же посланы были граматы, разумѣется, въ тайнѣ отъ Хованскаго, во Владиміръ, Суздаль и другіе близкіе города, звать дворянъ и служилыхъ людей въ Москву для спасенія царей, которымъ грозитъ-де смертью измѣна князя Хованскаго, и для наказанія измѣнниковъ.

17 числа, ко дню имянинъ царевны, съѣхалось въ Воздвиженское множество всякихъ чиновъ людей. Послѣ обѣдни и слѣдовавшаго за нею угощенія, у великихъ государей и сестры ихъ началось съ боярами сидѣнье или совѣтъ. Думный дьякъ Шакловитый доложилъ о дознанныхъ преступленіяхъ князя Хованскаго и его сына, и прочелъ подлинное письмо, якобы найденное еще въ Коломенскомъ, что князь Хованскій съ сыномъ и единомышленниками умыслили на великихъ государей, на патріарха и на бояръ убійство, и хотятъ сами овладѣть царствомъ московскимъ.

Матвѣевъ, сынъ покойнаго боярина, описавшій смутное время, думаетъ, что письмо сочинено самимъ Милославскимъ.

Великіе государи и сестра ихъ, выслушавъ докладъ, указали, а бояре приговорили: «по подлинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣстному письму согласно, казнить смертію князя Ивана Хованскаго и сына его Андрея».

Черезъ посланныхъ впередъ развѣдчиковъ было узнано, что старый князь Хованскій, выѣхавшій изъ Москвы накапунѣ съ сыномъ, стоитъ въ шатрахъ, близъ села Пушкина, подъ горою въ крестьянскихъ гумнахъ около дороги, а молодой — въ своей деревнѣ, на Клязьмѣ близъ Братовщины. Тотчасъ былъ отправленъ бояринъ, князь Михаилъ Ивановичъ Лыковъ, съ значительнымъ отрядомъ придворныхъ на московскую дорогу схватить Хованскихъ и привезти ихъ въ Воздвиженское.

Неужели Хованскій не зналъ ничего объ угрожавшей ему опасности, о намѣреніяхъ противъ него царевны? [Неужели онъ вѣрилъ въ ея искренность? Если подметное письмо коломенское не было сначала оглашено, то слухъ о разосланныхъ граматахъ по всѣмъ городамъ, съ уликами и обвиненіями, долженъ былъ дойти до него. Самое удаленіе, внезапное, двора изъ Москвы накапунѣ новаго года, который торжествовался всегда особымъ дѣйствомъ, должно было возбудить его подозрѣніе, и если первыя объясненія царевны Софіи могли показаться удовлетворительными, то послѣдующія дѣйствія должны были утвердить опасенія. Зачѣмъ же онъ ѣхалъ въ Воздвиженское на вѣрную смерть? Не думалъ ли онъ самъ захватить царевну Софію съ обоими царями съ помощію стрѣльцовъ, которые могли, по его извѣстію, послѣдовать за нимъ немедленно? Или онъ хотѣлъ на мѣстѣ разузнать положеніе дѣла и потомъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ?]. Во всякомъ случаѣ, онъ, видно, былъ увѣренъ, что къ нему не посмѣютъ прикоснуться, и онъ всегда будетъ имѣть время принять свои мѣры. Страшно ошибся онъ въ своихъ разсчетахъ,—и попалъ въ западню, искусно для него подставленную.

Князь Лыковъ напалъ врасплохъ сперва на старика, потомъ на сына, схватилъ, связалъ и привезъ ихъ въ Воздвиженское подъ крѣпкимъ карауломъ. Бывшіе при нихъ стрѣльцы были захвачены также и приведены туда, а плахи были тамъ уже готовы.

Плѣнники поставлены были предъ дворцовыми воротами. Дьякъ Шакловитый прочелъ подробное исчисленіе всѣхъ винъ и преступленій, а въ заключеніе сказалъ:—«И великіе государи указали васъ, князь Иванъ и князь Андрей Хованскихъ, за такія ваши великія вины, и за многія воровства, и за измѣну казнить смертью».

Ошеломленный старикъ, по прочтеніи обвиненія, падаетъ въ ноги боярамъ, плачетъ... «Я ничего не знаю, а если сынъ виноватъ въ чемъ, я прокляну его... выслушайте меня, я разскажу вамъ, я открою, кто виноватъ, кто началъ»...

Но съ Верху въ ту же минуту принесенъ строгій приказъ ничего не слушать и исполнять приговоръ поскорѣе.

Матвѣевъ свидѣтельствуетъ, что и здѣсь дѣйствовалъ отъ имени царевны тотъ же Иванъ Михайловичъ Милославскій... торопя казнью. Не оказалось палача. Вызвался стрѣлецъ изъ Стремяннаго полка, который и отсѣкаетъ голову старому князю Хованскому. Сынъ цѣлуетъ бездыханное тѣло отца, и ложится на плаху...

Другой сынъ и племянникъ успѣли убѣжать въ Москву. Племянникъ пойманъ. Сынъ бросился къ стрѣльцамъ:—«Вашего отца, моего отца, казнили бояре, вашего друга и покровителя, вамъ достанется тоже, хотятъ сжечь ваши слободы и перебить васъ всѣхъ».

Была уже полночь. Произошло общее смятеніе. Ударили въ набатъ, съ просонковъ стрѣльцы сбѣгаются со всѣхъ улицъ. Что такое? «Отецъ нашъ убитъ, бояре идутъ жечь наши слободы, хотятъ перебить стрѣльцовъ, что̀ намъ дѣлать безъ него?» раздаются общіе крики.

Стрѣльцы боятся дворовыхъ людей, дворовые люди боятся ихъ, народъ боится тѣхъ и другихъ. Никто не знаетъ, что̀ будетъ. Всполошилась вся Москва.

Толпами всю ночь стрѣльцы прибѣгали къ патріарху, и не давали ему покоя. Одни просили его написать государямъ, чтобы они воротились въ Москву, а не то мы сами пойдемъ къ нимъ и управимся съ боярами. Другіе требовали, чтобъ онъ послалъ грамату на Украйну—звать служилыхъ людей на помощь стрѣльцамъ противъ бояръ. Многіе приходили изумленные, сами не знали зачѣмъ, и только твердили:—«что̀ намъ дѣлать?»

Патріархъ старался ихъ успокаивать, и объяснялъ, что государи Москвы не покинули, а въ Троицкомъ монастырѣ хотятъ по обыкновенію праздновать день Сергія Чудотворца, 25 сентября; «идти вамъ туда не зачѣмъ, походомъ вы наведете на себя гнѣвъ государей».

Были и такіе стрѣльцы, которые кричали:—«Убить его, вѣдь онъ съ боярами за одно!»

Лишь только разсвѣло, стрѣльцы бросились на пушечный дворъ, захватили пушки и развезли ихъ по своимъ приказамъ, повытаскали всю пороховую и свинцовую казну, забрали копья, карабины, мушкеты. По мѣстамъ разставлены были караулы, чтобъ не пускать никого ни въ городъ, ни изъ города. Мирные жители трепетали отъ страха.

Сего 18 числа, въ часъ третій,—говоритъ современникъ,—пріѣхалъ изъ похода отъ великихъ государей стольникъ Зиновьевъ съ граматою къ патріарху. Его задержали караульные и спрашивали крѣпко, что̀ въ граматѣ писано. Набольшіе со многими стрѣльцами привели его къ патріарху, но не спускали съ него глазъ и наблюдали пристально, не станетъ ли чего говорить онъ тайно, потомъ велѣли прочесть вслухъ грамату, въ которой извѣщалось о злыхъ умыслахъ князей Хованскихъ надъ государями и Московскимъ государствомъ и о совершеніи надъ ними казни за ихъ преступленія. Грамату заставили стрѣльцы прочесть нѣсколько разъ. Одни кричали:—«нѣтъ, это неправда; надо идти на бояръ; пора ихъ прочистить; они виноваты!»—Другіе говорили:—«надо подождать». По приказамъ раздался барабанный бой на сборъ; всѣ начали приготовляться къ походу.

Стольникъ Зиновьевъ, возвратившись къ государямъ въ Воздвиженское, донесъ, что̀ видѣлъ и слышалъ въ Москвѣ;—стрѣльцы собираются идти въ походъ и грозятъ перебить всѣхъ бояръ и всякихъ чиновныхъ людей.

Дворъ испугался въ свою очередь. Дворянъ и служилыхъ собралось на зовъ еще недостаточное количество. Рѣшено переѣхать въ Троицкій монастырь, какъ надежную крѣпость, гдѣ государямъ быть безопаснѣе.

Въ тотъ же день въ дворцовыхъ воеводахъ велѣно быть князю Василію Васильевичу Голицыну, да съ нимъ въ товарищахъ болрину князю Михаилу Ивановичу Лыкову, думному дворянину А. М. Ржевскому, да думному генералу А. А. Шепелеву. По стѣнамъ разставлены были пушки и монастырь приведенъ въ оборонительное положеніе.

По городамъ посланы были принудительныя граматы для великаго, нужнаго и скораго дѣла, такія же и къ иноземцамъ, оставшимся въ Москвѣ.

Стрѣльцы, услышавъ о сборѣ и переѣздѣ къ Троицѣ, призадумались: «какъ идти на святое мѣсто, есть ли возможность справиться съ силою, которая со всѣхъ сторонъ собирается»? Они оробѣли, но въ Москвѣ, между тѣмъ, все-таки укрѣплялись, какъ бы приготовляясь сидѣть въ осадѣ, строили по улицѣ и Земляному городу надолбы, роздали многимъ людямъ изъ казны мушкеты и карабины, а на караулы въ день и ночь выгоняли посадскихъ людей. «Если бояре придутъ съ своими людьми войною, мы никого въ городъ не пустимъ. Если захотятъ биться съ нами, мы поставимъ впереди посадскихъ и всякихъ чиновъ людей съ женами и дѣтьми, а сами ударимъ съ сторонъ».

Они ходили по улицамъ и стрѣляли постоянно изъ ружей, наводя страхъ на все населеніе.

Обѣ стороны приготовились.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, оказалась скудость въ хлѣбѣ и дровахъ: подвозить было некому, а кто пріѣзжалъ, то отъ осмотровъ становилось опасно и жутко.

А помощниковъ въ Троицкомъ монастырѣ собиралось всякій день по многу, и царевна увидѣла возможность дѣйствовать рѣшительнѣе.

Стрѣльцы обратились къ патріарху и униженно просили его заступиться за нихъ и послать къ государямъ отъ лица своего архимандрита или игумена.

Отправленъ былъ Чудовскій архимандритъ Адріанъ, что послѣ былъ патріархомъ, просить государей, чтобы они возвратились въ Москву, избавили народъ отъ всякаго смущенія и страха, и обрадовали городъ своимъ присутствіемъ.

На эту просьбу послѣдовалъ рѣшительный отказъ, но 21-го сентября присланъ былъ къ стрѣльцамъ думный дворянинъ Лукьянъ Тимоѳеевичъ Голосовъ сказать имъ, «чтобъ они унялись, отъ смятенія перестали, исполоховъ, страхованія въ Москвѣ не чинили, а казнь учинена князьямъ Хованскимъ за измѣну по ихъ указу, и судъ о милости и казни врученъ имъ отъ Бога, а имъ стрѣльцамъ, о томъ не только говорить, но и мыслить не довелось, а на нихъ опалы нѣтъ, и были бы они безъ смущенія на ихъ царскую милость надежны, и для челобитья дѣлъ своихъ, кому надобно, шли бы къ нимъ въ походъ».

Стрѣльцы опять приступили къ патріарху съ просьбою звать государей въ Москву: для чего они оставили ихъ и все государство безъ управленія, такъ что они не знаютъ, что и между собой дѣлать, а бояре съ своими людьми грозятся ихъ искоренить?..

Цѣль ихъ была очевидна: призвать въ Москву государей съ боярами и раздѣлаться потомъ съ своими врагами. Но правительство пребывало твердымъ. Москву вѣдать присланъ былъ Михаилъ Петровичъ Головинъ.

Видя, что дворъ крѣпко стоитъ на своемъ рѣшеніи, а дворянъ къ Троицѣ собралось уже многое множество, стрѣльцы упали духомъ, и дерзость ихъ смѣнилась страхомъ. Они пришли опять къ патріарху и просили со слезами послать со своею отпиской къ государямъ двухъ стрѣльцовъ, которыхъ уполномочили просить милости царской и приказанія, сколько призвать ихъ величествамъ угодно стрѣльцовъ лучшихъ людей къ себѣ въ походъ.

Полученъ приказъ прислать изъ каждаго полка по двадцати человѣкъ.

Стрѣльцы испугались: «лучшихъ людей хотятъ взять у насъ и казнити смертію». По дорогѣ стоятъ служилые полки,—разсказывали другіе,—они нашихъ братьевъ перехватаютъ, и въ походъ къ государямъ не допустятъ. Многіе отказывались ѣхать, «яко не надѣялись живы быти», и просили со слезами патріарха, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, послалъ съ ними архіерея предводителемъ: ради архіерея авось не побьютъ насъ, гнѣваясь, какіе люди.

Патріархъ далъ имъ митрополита суздальскаго Иларіона, мужа извѣстнаго своей святой жизнью. «Идите съ миромъ и не бойтесь, не слушайтесь навѣтовъ: государи вашему покоренію желательны, а гнѣва на васъ явити не изволятъ». Это было 24-го сентября.

Весь поѣздъ обночевалъ на мосту въ пяти верстахъ отъ города Москвы вмѣстѣ съ митрополитомъ Иларіономъ 25-го сентября. Стрѣльцы боялись идти далѣе, прослыша, что въ Мытищахъ, въ 15-ти верстахъ, стоитъ съ войскомъ бояринъ Шеинъ и, «тамо поймавъ ихъ, казнитъ».

26-го сентября пошли однако же впередъ и въ Мытищахъ, къ радости своей, никого не увидали. Конечно, войско стоитъ въ Пушкинѣ,—они опять отказывались идти и насилу двинулись. Не нашли никого и въ Пушкинѣ, потому испугались еще болѣе, увидя множество дворянъ, шедшихъ изъ городовъ къ Троицѣ по царскому приказу. Опять остановились: «насъ хотятъ казнить въ Воздвиженскомъ, гдѣ казненъ князь Иванъ Хованскій»; ходили по селу и плакали, иные бѣжали оттуда и разглашали, что товарищи ихъ уже казнены.

Митрополитъ Иларіонъ уговаривалъ ихъ, что съ ними, ради прошенія патріарха, ничего худаго не будетъ. Они не вѣрили и послали отъ себя двухъ человѣкъ къ Троицѣ, провѣдать, есть ли гдѣ по дорогѣ войско, а чтобъ по дорогѣ кто не задержалъ ихъ, выпросили у митрополита послать съ ними отписку патріарха къ государямъ.

Отчаясь въ жизни своей, они попрощались между собою въ Воздвиженскомъ, «не уповаху быти себѣ къ тому живыхъ», и пошли за митрополитомъ.

Но на дорогѣ они были обрадованы царскою милостью. Въ сельцѣ Рахмановѣ встрѣтившій ихъ стольникъ сказалъ имъ, чтобы они ничего не боялись и надѣялись на царскую милость: онъ, стольникъ, нарочно съ тѣмъ словомъ къ нимъ присланъ.

Не чаявъ такой радости, стрѣльцы заплакали: «вси слезъ исполнишася». Самъ митрополитъ и стольникъ, глядя на нихъ, прослезились. А нѣкоторымъ все еще не вѣрилось, потому что два ихъ посланца къ нимъ не возвращались; но вотъ и тѣ пришли и объявили, что на пути никакого препятствія не было, «войска на подсадѣ подъ ними нѣтъ, и безъ указу государей тому напрасному ихъ побіенію быти невозможно; государи ихъ повиновеніе примутъ и государская имъ милость есть».

26-го сентября, въ третьемъ часу, митрополитъ пришелъ къ Троицѣ съ выборными стрѣльцами и возвѣстилъ государямъ причину своего прибытія.

Царевна Софія, въ собраніи царскаго синклита близкихъ людей, призвала къ себѣ стрѣльцовъ и, воздавъ благодареніе Богу, почтивъ память создавшихъ обитель ту, преподобныхъ Сергія Чудотворца и ученика его Никона, обратилась къ нимъ, съ упрекомъ:—«Люди Божіе, какъ вы, не бояся Бога, смѣли возстать на насъ, государей своихъ, и на нашихъ бояръ, замутить во всемъ московскомъ государствѣ, забыли вы вѣру и присягу служить намъ вѣрно, забыли вы милости дѣда, отца и брата нашего, и нынѣ государей — царей Ивана Алексѣевича и Петра Алексѣевича жалованье. На что взяли вы изъ казны порохъ и свинецъ и всякіе запасы, роздали людямъ ружья, завели злосовѣтные круги по

казацки, чего не бывало? Видите теперь, до чего своевольствомъ своимъ довели себя? Вонъ сколько воинства къ намъ, для охраны нашей, собралося. И вы вздумали царямъ своимъ въ такомъ юномъ возрастѣ причинить скорбь и смущеніе и мятежъ. Негодны вы лицо наше зрѣть, не только милости получать. Называетесь вы слугами царскаго величества: гдѣ же нынѣ ваша служба, боязнь и послушаніе?»

Ни живые, ни мертвые, стрѣльцы стояли передъ царевною, и только кланялись и произносили: — «Виноваты, согрѣшили, прогнѣвали Бога», и подали сказку съ обѣщаніемъ «служить и работать великимъ государямъ неизмѣнно, безъ всякой шатости; если отъ кого услышатъ злоумышленныя слова, тѣхъ людей имать и приводить въ съѣзжія избы и держать до указу; на царское величество, бояръ и ближнихъ людей никакого зла не мыслить, а что казну побрали — пушки, порохъ и свинецъ и фитили для опаски, то казна у нихъ въ цѣлости, а которымъ полкамъ велѣно быть на службѣ въ Кіевѣ, и на тое службу готовы, то наша и сказка».

Царевна похвалила ихъ за покорность, велѣла, возвратясь, братію свою усовѣстить также, по улицамъ ходя не стрѣлять изъ ружей и людей не тревожить, всю пушечную казну возвратить. Исполнивъ все, съ повинною опять приходите сюда, и тогда прощеніе получите. Если всего не исполните, то будетъ вамъ дурно; сила на васъ готова.

Собранное ополченіе было распредѣлено кругомъ Москвы.

Стрѣльцы исполнили все и подтвердили свою покорность новою повинною, написанною отъ всѣхъ полковъ. Выборные доставили ее царямъ, прося ихъ возвратиться въ Москву, «чтобы намъ всѣмъ,—писали они,—холопамъ вашимъ, съ женами и дѣтишками всѣми возрадоваться».

3-го октября царевна приняла грамату и челобитную, и вина стрѣльцовъ была отпущена. Оставшійся въ живыхъ, молодой князь Иванъ Хованскій приведенъ былъ въ Троицкій монастырь. На площади передъ монастыремъ ему объявлена смертная казнь, онъ былъ положенъ на плаху и, прощенный, сосланъ...

8-го октября, въ воскресенье, по совершеніи литургіи въ Успенскомъ соборѣ, прочтены были всенародно указныя статьи и грамата, какъ стрѣльцы впредь держать себя должны. За симъ стрѣльцы цѣловали Святое Евангеліе и руки Святаго апостола Андрея Первозваннаго, и взяли новоуказныя статьи въ тетрадяхъ, для прочтенія по всѣмъ полкамъ.

Царевна медлила еще возвратиться въ Москву. 28-го октября стрѣльцы, по ея внушенію, подали челобитную о позволеніи разломать каменный столбъ, поставленный на Красной площади, «чтобы не было отъ другихъ государствъ царствующему граду зазорно». 2 ноября онъ былъ разрушенъ до основанія, жестяные листы сорваны и сожжены, самый бутъ выкопанъ изъ земли и разметанъ.

Жалованныя прежнія граматы въ память о побіеніяхъ «за домъ Пресвятыя Богородицы» были взяты назадъ и замѣнены новыми.

Царевна Софія хотѣла уничтожить всѣ слѣды своего злого дѣла, которое осталось только въ народной памяти.

Приписывая всѣ бунты преимущественно злоумышленіямъ князя Хованскаго и раскольника Алексѣя Юдина, она запретила называть стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками.

Чрезъ четыре дня дворъ воротился въ Москву, окруженный многочисленнымъ дворянствомъ, которое заняло всѣ караулы вмѣсто стрѣльцовъ.

Стрѣлецкій приказъ порученъ былъ окольничему Змѣеву, а чрезъ мѣсяцъ думному дьяку Ѳедору Леонтьевичу Шакловитому, который, воспользовавшись вскорѣ однимъ частнымъ возмущеніемъ въ полку, подалъ совѣтъ перебрать всѣ полки и неблагонадежныхъ людей перевести въ Украинскіе города, на что послѣдовало разрѣшеніе, и такимъ образомъ возстановлено спокойствіе въ городѣ.

Царевна Софія приняла окончательно бразды правленія въ окровавленныя руки...

XI. Правленіе Софьи.

(Изъ соч. Костомарова: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей". Выпускъ V).

Со времени подавленія втораго стрѣлецкаго бунта, подготовленнаго княземъ Хованскимъ и ускореннаго казнью его, Софья именемъ двухъ царей безпрекословно семь лѣтъ управляла государствомъ. Во внутреннихъ дѣлахъ не происходило никакихъ важныхъ измѣненій, кромѣ кое-какихъ перемѣнъ въ дѣлопроизводствѣ, какъ, напр., замѣны Разбойнаго приказа Сыскнымъ. Правительство по-прежнему противодѣйствовало обычному шатанію народа и дѣлало распоряженія объ удержаніи жителей на старыхъ мѣстахъ. Разбои усиливались, даже люди знатныхъ родовъ выѣзжали на дорогу съ разбойничьими шайками. Помѣщики дрались между собою, наѣзжали другъ на друга съ своими людьми жгли другъ у друга усадьбы; ихъ крестьяне, по ихъ приказанію, дѣлали нападенія одни на другихъ, истребляли хлѣбъ на поляхъ и производили пожары. Межеваніе, начатое при Ѳеодорѣ, продолжаясь при Софьѣ, приводило къ самымъ крайнимъ безпорядкамъ. Помѣщики, недовольные межеваніемъ, посылали своихъ крестьянъ на межевщиковъ съ оружіемъ, не давали имъ мѣрить земли, рвали веревки, а нѣкоторыхъ межевщиковъ поколотили и изувѣчили. За такія самоуправства правительство опредѣлило наказывать кнутомъ и ссылать въ Сибирь; но безчинства отъ этого не прекращались. Небогатые помѣщики находились подъ произволомъ богатыхъ, владѣвшихъ многими крестьянами; кто былъ сильнѣе, тотъ у сосѣда отнималъ землю. И бѣдняку трудно было тягаться съ богачемъ. Въ самой Москвѣ происходили въ то время безпрестанныя безчинства, воровства и убійства. Правительство дѣлало распоряженія подъ страхомъ строгаго наказанія, чтобы въ городѣ не стрѣляли изъ ружей, не дрались на кулачкахъ, не сшибали съ ногъ людей и не били полицейскихъ служилыхъ (капитановъ и стрѣльцовъ). Но самою важною причиною смутъ былъ расколъ, который не только не прекращался отъ преслѣдованій, но возрасталъ въ страшныхъ размѣрахъ. Въ 1682 г., послѣ казни Никиты Пустосвята, разослана была грамата ко всѣмъ архіереямъ, чтобы они сыскивали раскольниковъ и предавали ихъ казни. Еще строже былъ указъ въ концѣ 1684 года: велѣно было хватать всякаго, кто не ходилъ въ церковь, не исповѣдывался, не пускалъ къ себѣ священника въ домъ; такихъ приказано было подвергать пыткѣ; если обвиненный подъ пыткой обвинялъ кого нибудь въ соучастіи, и того велѣно хватать, давать ему

очныя ставки, производить объ немъ обыскъ и, въ случаѣ сомнѣнія, пытать. Покаявшіеся были отправлены для исправленія къ духовному начальству, а непокорныхъ велѣно было сжигать живьемъ. За укрывательство раскольниковъ и за недонесеніе положено было бить кнутомъ. Но напрасно правительство думало испугать раскольниковъ огнемъ: они сами сожигались, воображая себѣ, что тѣмъ приносятъ жертву Богу. Вездѣ, гдѣ собирались толпы раскольниковъ, припасались ими горючія вещества, чтобы прибѣгнуть къ этому средству спасенія, когда придутъ гонители. Являлись учители, проповѣдывавшіе, что даже и безъ гоненія самое богоугодное дѣло сжечься, и уговаривали цѣлыя толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей предавать себя „крещенію огнемъ“, царствія ради небеснаго.

Изъ внѣшнихъ дѣлъ правленія Софьи самымъ важнымъ событіемъ было заключеніе съ Польшею мира, прекратившаго долговременную тяжелую распрю за Малороссію. Воюя долго съ турками, поляки сильно добивались втянуть въ эту войну Россію, но Россія долго не поддавалась ихъ совѣтамъ, благодаря настойчивости малороссійскаго гетмана Самойловича, который неустано представлялъ, что полякамъ ни въ чемъ нельзя вѣрить, что они искони вѣроломные враги русскаго народа, что гораздо полезнѣе быть въ дружбѣ съ турками. Несмотря, однако, на всѣ старанія Самойловича, могучій въ то время бояринъ, другъ Софьи, Василій Васильевичъ Голицынъ, поддался убѣжденіямъ польскихъ пословъ, ходатайству папы и Австріи, и 21 апрѣля 1686 года былъ заключенъ въ Москвѣ польскими послами «вѣчный миръ» между Россіею и Польшею. Кіевъ съ Васильковымъ, Трипольемъ и Стайками, былъ уступленъ Россіи навѣки, а Россія обязалась уплатить за это 146,000 рублей. Обѣ державы обязались вмѣстѣ воевать противъ турокъ и татаръ. Важнымъ для будущихъ временъ условіемъ этого мира было то, что Польша обязалась предоставить полную свободу совѣсти православнымъ.

Правительство московское затѣвало большое дѣло. Мысль покорить Крымъ блеснула-было при Грозномъ—и окончилась маловажными походами, блеснула при Михаилѣ Өеодоровичѣ—и была оставлена по бѣдности средствъ. Теперь предприняли идти съ большимъ войскомъ, великорусскимъ и малорусскимъ, черезъ степь и уничтожить крымское царство. Осенью 1686 года изданъ былъ къ служилымъ людямъ царскій указъ, призывающій ихъ къ важному начинанію. „Злочестивые, богоненавистные басурманы,—было сказано въ указѣ,—ни изъ какой другой вѣры не брали столько невольниковъ, какъ изъ украинныхъ городовъ нашего царствія и изъ Малороссіи, распродавая ихъ изъ Крыма, словно скотъ, повсюду въ вѣчную басурманскую неволю. Наше государство донынѣ терпитъ отъ всѣхъ иныхъ странъ посмѣяніе и укореніе за то, что мы каждый годъ давали басурманамъ казну, чего никакое государство не творитъ, а они, басурманы, надъ нашими посланниками, которые возили имъ деньги, соболей и мягкую рухлядь, творили насиліе; иные наши посланники и гонцы отъ многаго задержанія и мученія въ Крыму и помирали“. Все это—была всѣмъ тогда извѣстная правда. Ближайшею причиною разрыва договора, постановленнаго съ Крымомъ при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ, приводили то обстоятельство, что послѣ этого договора татары дѣлали набѣги на русскія об-

ласти, а въ Крыму задержали и оскорбляли отправленнаго туда посланника, Тараканова.

Весною 1687 года 100,000 великорусскаго войска двинулось въ южныя степи; предводительствовалъ имъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, другъ царевны Софьи, носившій чинъ двороваго воеводы большаго полка и большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ посольскихъ оберегателя; къ нему присоединился на Самарѣ гетманъ Самойловичъ со всѣми своими полками; казаковъ было до 50,000 чел. Но, дойдя до рѣчки Карачарана, войско встрѣтилось съ неожиданнымъ препятствіемъ: вся степь была выжжена; травы не было; продовольствія для лошадей не везли съ собою; не было дровъ; русскія лошади стали падать; люди страдали отъ недостатка пищи и безводья; слышно было, что впереди до самаго полуострова все такимъ же образомъ выжжено. Идти далѣе оказалось невозможнымъ. Войско двинулось назадъ.

Тогда сильное подозрѣніе у великороссіянъ пало на гетмана и вообще на казаковъ: не по ихъ ли предостереженію и наущенію татары сожгли степь, чтобы помѣшать успѣхамъ русскаго войска? Одинъ изъ служившихъ въ московскихъ войскахъ инеземцевъ (Гордонъ) увѣряетъ, что подозрѣніе имѣло на своей сторонѣ вѣроятность. Казаки,—говоритъ, онъ—сами вооруженною рукою освободились отъ польскаго ига и просили у москвитянъ только помощи: они называли себя подданными, а не холопами царскими. Миръ съ поляками, уступившими Москвѣ свои права надъ казаками, страшилъ ихъ; они опасались, чтобы Москва не стала обращаться съ ними, какъ съ природными подданными, и не ограничила бы ихъ привиллегій и вольности. Гетманъ и другіе благоразумные люди предвидѣли, что выйдетъ для нихъ изъ того, если Москвѣ удастся покорить Крымъ. Татары считали себя также вольнымъ народомъ: падишахъ имѣлъ надъ ихъ ханомъ слабую власть и относился къ нему болѣе съ просьбою, чѣмъ съ повелѣніями. Естественный инстинктъ сближалъ казаковъ съ татарами, и благоразуміе побуждало тѣхъ и другихъ понимать, что порабощеніе одного изъ двухъ народовъ будетъ пагубно для другого.

Какъ бы то ни было, только враги Самойловича воспользовались неудачею похода; они поняли, что Голицыну будетъ пріятно свернуть на гетмана стыдъ неудавшагося предпріятія. Возвращаясь назадъ, Самойловичъ, какъ видно, не сдерживалъ своего языка и отпускалъ ѣдкія замѣчанія насчетъ тогдашнихъ дѣлъ. „Не сказывалъ-ли я,—говорилъ онъ,—что Москва ничего Крыму не сдѣлаетъ? Се нынѣ такъ и есть, и надобно будетъ впередъ гораздо имъ отъ крымцевъ отдыматись“.

Войско, возвратившись изъ похода, стало станомъ надъ рѣкою Коломакомъ. Здѣсь старшина, составивши заговоръ, написалъ доносъ на своего гетмана. Въ этомъ доносѣ просили отъ имени всего войска запорожскаго смѣнить Самойловича съ гетманства. Этотъ доносъ былъ поданъ Голицыну. Могучій бояринъ не любилъ и прежде Самойловича: Голицынъ былъ въ ссорѣ съ Ромодановскимъ, а Самойловичъ находился въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ послѣднимъ. Доносъ былъ отправленъ въ Москву, и въ Москвѣ поступили по немъ такъ, какъ хотѣлъ Голицынъ.

22-го іюля гонецъ изъ Москвы привезъ царскую грамату. Голицыну поручалось объявить старшинѣ, что если Самойловичъ не угоденъ

казакамъ, то они могутъ избрать себѣ другого, а отъ Самойловича велѣно отобрать знаки гетманскаго достоинства и самого препроводить въ Великороссію, поступая такъ, какъ Господь Богъ вразумитъ и наставитъ боярина. Самойловичъ былъ низложенъ.

На другой же день послѣ его низложенія Голицыну подали статьи, по которымъ долженъ быть избранъ новый гетманъ. Казаки, по смыслу этихъ статей, пытались расширить права отдѣльнаго самоуправленія Малороссіи и просили, чтобы гетману было дозволено сноситься съ иноземными державами; это не было принято. Владѣльцы маетностей выговорили себѣ право судить подданныхъ и заставлять ихъ давать себѣ положенные приносы. Маетности генеральной старшины, заслуженныхъ знатныхъ особъ, а также имѣнія архіепископскія, митрополичьи и монастырскія, освобождались отъ всякихъ войсковыхъ поборовъ. Такимъ образомъ, утверждалось господство новаго панства, грозившее устроить порабощеніе народа. Съ московской стороны включена статья, показывающая стремленіе къ сближенію двухъ народовъ: гетману и старшинѣ вмѣнялось въ обязанность соединять малороссійскій народъ съ великороссійскимъ, какъ посредствомъ супружествъ, такъ и другими путями, чтобы никто не говорилъ, что малороссійскій народъ гетманскаго: регименту (правленія), и чтобы единогласно всѣ считали малороссіянъ съ великороссіянами за единый народъ.

Старшины, постановляя статьи, дали понять Голицыну, что они выберутъ въ гетманы изъ своей среды того, на кого онъ укажетъ. Бояринъ назвалъ Мазепу, который умѣлъ ему понравиться. Мазепа былъ избранъ и утвержденъ, а Голицынъ получилъ отъ него 10000 рублей „въ поминокъ“. Бывшій гетманъ съ однимъ изъ своихъ сыновей отправленъ въ Сибирь; другой сынъ казненъ. Имущество Самойловича описано половина взята на государя, половина отдана въ войсковую казну.

Черезъ два года послѣ перваго похода на Крымъ, былъ предпринятъ другой походъ, къ которому такъ же, какъ и къ первому, склонили Россію Австрія и Польша. Кромѣ того, бывшій Константинопольскій патріархъ Діонисій, низложенный турецкимъ правительствомъ за расположеніе къ Россіи, убѣждалъ русскихъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига, потому что между самими турками происходили тогда междоусобія (султанъ Магометъ IV былъ низверженъ войскомъ и на его мѣсто посаженъ братъ его, Сулиманъ II), а австрійцы и венеціанцы одерживали верхъ надъ турками. Молдавскій господарь Щербакъ, съ своей стороны, убѣждалъ московское правительство послать войско на турокъ и увѣрялъ, что всѣ христіане, находящіеся подъ турецкою властью, возстанутъ при появленіи русскаго войска. При такихъ блестящихъ надеждахъ московское правительство двинуло на Крымъ весною 1689 года 112,000 войска, съ которымъ было до 350 пушекъ. Начальство взялъ на себя Голицынъ. Къ нему примкнулъ малороссійскій гетманъ Мазепа со своими казаками. Русское войско прошло черезъ степь, одержало верхъ въ битвѣ съ ханомъ и дошло до Перекопа. Но Голицынъ не рѣшился перейти на полуостровъ. Его напугалъ недостатокъ воды, особенно чувствительный при сильномъ майскомъ зноѣ. Остановившись подъ Перекопомъ, Голицынъ завелъ переговоры съ ханомъ и, не дождавшись ихъ окончанія, поспѣшно отступилъ, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ его татаръ.

Этотъ неудачный походъ совершенно уронилъ Голицына. На него стали смотрѣть, какъ на неспособнаго труса, но Софья силилась представить и этотъ походъ геройскимъ дѣломъ. Не только самъ Голицынъ получилъ въ награду вотчину, 300 рублей денежной прибавки къ жалованью и разные подарки, но и всѣ участники похода были щедро награждены. Софья до слѣпой страсти была предана этому человѣку; въ письмахъ своихъ она называла его: „свѣтомъ-батюшкою, душою своею, сердцемъ своимъ“ и т. п. Любовь Софьи не спасла Голицына, а его неудачный походъ въ Крымъ сдѣлался ближайшимъ поводомъ къ паденію самой царевны. Давняя вражда Софьи съ царицей Наталіей и Нарышкиными, ея нелюбовь къ Петру не прекращались съ лѣтами. Софья была правительницею государства только при малолѣтствѣ царей. Оба царя пришли въ совершенный возрастъ. Иванъ Алексѣевичъ еще въ 1684 г. сочетался бракомъ съ Прасковіей, дочерью боярина Салтыкова. По своему малоумію, Иванъ не угрожалъ Софьѣ потерею власти.

Но вотъ и Петръ достигъ 16-ти лѣтъ, окружилъ себя „потѣшными“—молодежью, собранною въ началѣ изъ товарищей дѣтскихъ игръ царя, а потомъ изъ охотниковъ разнаго званія. Петръ проводилъ съ ними время въ воинскихъ упражненіяхъ, строилъ земляныя крѣпости и бралъ ихъ, а въ 1688 году, увидя однажды старое заброшенное судно, получилъ страстное желаніе строить суда, плавать по морю и началъ свои первые опыты на Переяславскомъ озерѣ. Царица Наталія, страшась козней Софьи, боялась отлучекъ сына и его горячности, а потому поспѣшила его женить. 27 января 1689 года Петръ сочетался бракомъ съ Евдокіей Ѳеодоровной Лопухиной, дочерью окольничаго. Событіе было важное и даже, можно сказать, роковое для Софьи, такъ какъ, по русскимъ понятіямъ, женатый человѣкъ считался совершеннолѣтнимъ, и Петръ, въ глазахъ своего народа, получилъ полное нравственное право избавить себя отъ опеки сестры.

XII. Потѣхи Петра до 1683 года.

(Изъ „Исторіи царствованія Петра Великаго“ Устрялова, т. II).

Отъ молодыхъ ногтей, по словамъ современника, страстно любя ратное дѣло, Петръ уже въ отроческіе годы, съ своими сверстниками, съ товарищами дѣтскихъ игръ, въ тѣнистыхъ рощахъ села Преображенскаго, проводилъ цѣлые дни въ воинскихъ забавахъ, учился съ ними солдатскому строю, сооружалъ земляныя крѣпостцы и бралъ ихъ штурмомъ. Юные сподвижники его получили названіе „потѣшныхъ“. Кто руководилъ его первыми потѣхами, мы не знаемъ; да едва ли и былъ кто, потому что онѣ служили ему только забавою: достаточно было одного надзора дядекъ. Неизвѣстны также и первые товарищи его дѣтскихъ игръ, за исключеніемъ двухъ, Екима Воронина и Григорія Лукина: оба они, по достовѣрному свидѣтельству, воспитывались вмѣстѣ съ государемъ и впослѣдствіи положили свои головы подъ стѣнами Азова. Впрочемъ, по всей вѣроятности, первоначальное число

„потѣшныхъ“ было незначительно, ограничиваясь одними сверстниками государя, до 1682 года или до 1683, когда вызвались поступать въ составъ ихъ охотники разнаго званія, едва ли не по тайному приглашанію самого царя.

Прежде всего явился къ нему двадцатипятилѣтній, здоровый и плечистый придворный конюхъ, Сергѣй Бухвостовъ, съ просьбою записать его въ „потѣшные“. Государь съ радостью принялъ его, и съ тѣхъ поръ онъ числился первымъ русскимъ солдатомъ въ спискахъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Около того же времени записаны въ „потѣшные“: солдаты Леонтій Новицкій и Лука Хабаровъ; были, вѣроятно, и другіе охотники, кромѣ Бухвостова; именъ ихъ однакожъ мы не знаемъ, но рѣшительное начало сформированія „потѣшнаго“ войска, подъ именемъ двухъ солдатскихъ полковъ — Преображенскаго и Семеновскаго, названныхъ такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ, относится къ пятнадцатилѣтнему возрасту Петра, къ 1687 году, когда великимъ постомъ, въ селѣ Преображенскомъ явно кликнули кличъ къ охочимъ людямъ, и явилось много желающихъ, преимущественно изъ конюшеннаго вѣдомства, также изъ знатныхъ фамилій: въ числѣ послѣднихъ достовѣрно извѣстны Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ и князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, за малолѣтствомъ поступившій „въ барабанную науку“. Вотъ время дѣйствительнаго начала обоихъ полковъ: еще не имѣли они славнаго названія царской гвардіи, но уже существовали на дѣлѣ, и село Преображенское приняло видъ воинскаго стана.

На берегу Яузы сооружена умомъ и трудами самого царя, при содѣйствіи его товарищей, земляная крѣпость Пресбургъ; съ раскатовъ ея грянулъ громъ орудій; Петръ взялъ къ себѣ всѣхъ барабанщиковъ и флейтщиковъ Бутырскаго полка, къ великому неудовольствію князя В. В. Голицына, перевелъ въ Преображенское большую часть стрѣльцовъ Сухарева полка, забралъ изъ Конюшеннаго приказа упряжь подъ свою артиллерію, и потѣхи его приняли такой видъ, что Софья затрепетала: съ досадою смотрѣла она на доблестныхъ товарищей брата и не иначе называла ихъ, какъ „озорниками и конюхами“.

Къ величайшему сожалѣнію, современники вовсе не оставили никакихъ замѣтокъ о первоначальномъ устройствѣ „потѣшнаго“ войска: какъ раздѣлялялось оно на роты, какіе были начальные люди, откуда бралъ Петръ пушки и порохъ? Достовѣрно только то, что, вопреки общему мнѣнію, Лефортъ не былъ ни капитаномъ, ни полковникомъ „потѣшнаго“ войска; даже не числился ни въ первоначальномъ составѣ его, ни впослѣдствіи въ Преображенскомъ полку. Первымъ полковникомъ его былъ Юрій фонъ-Менгденъ, а маіоромъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. Между тѣмъ случайное обстоятельство пробудило въ Петрѣ охоту къ забавамъ иного рода: эта вторая потѣха была началомъ русскаго флота. Къ счастію, сохранился для потомства разсказъ самого царя, какимъ образомъ, безъ всякаго посторонняго вліянія, родилась въ душѣ его страсть къ кораблестроенію и мореплаванію.

Много было въ жизни Петра минутъ свѣтлыхъ и прекрасныхъ, ознаменованныхъ творческою силою его генія; но та минута, когда онъ, шестнадцатилѣтній юноша, вперилъ вдохновенный взоръ въ полусгнившій ботъ, около полвѣка валявшійся въ дѣдовскомъ сараѣ, между всякимъ хламомъ, въ пыли, въ грязи, безъ мачты, безъ парусовъ, и въ

умѣ его мелькнула, какъ молнія, мысль о русскомъ флотѣ,—принадлежитъ къ самымъ лучезарнымъ. Понятно влеченіе къ морю въ тѣхъ людяхъ, которые измлада свыклись съ бурною стихіею, по крайней мѣрѣ, хоть разъ испытали наслажденіе морского путешествія, или даже съ берега видали суда, смѣло и гордо бѣгущія по волнамъ, разсѣкая ихъ величавою грудью. Но только онъ, царь истинно-великій, по однимъ смутнымъ разсказамъ знакомый съ синимъ моремъ-океаномъ, сроду ничего не видавшій обширнѣе какого-нибудь Просяного пруда, могъ воспламениться страстью къ сооруженію кораблей, къ плаванію по морямъ, при видѣ ветхаго четырехвесельнаго бота! Не отличнымъ искусствомъ, безъ всякаго сомнѣнія, обладалъ и первый наставникъ его въ кораблестроеніи: то былъ простой матросъ, лѣтъ за 20 передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Россію изъ Голландіи съ скромнымъ званіемъ товарища корабельнаго пушкаря, и на старости добывавшій въ Москвѣ насущный хлѣбъ столярною работой.

И быстро, какъ огненный недугъ, развилась въ Петрѣ страсть къ мореплаванію: недолго, не болѣе двухъ-трехъ недѣль, въ іюнѣ 1688 года, катался онъ съ старикомъ Брантомъ на дѣдовскомъ ботѣ по грязной Яузѣ и по тинистымъ прудамъ Измайловскимъ. На другой день послѣ своего тезоименитства, онъ выпросился у царицы-матери къ Троицѣ, на праздникъ обрѣтенія мощей св. Сергія, Радонежскаго чудотворца, поклонился св. угоднику и отправился далѣе, къ Переславлю-Залѣсскому, взглянуть на озеро, которое, какъ говорили ему, побольше Просяного Пруда. Дорога отъ Троицко-Сергіева монастыря къ Переславлю, на пространствѣ 63 верстъ, пролегаетъ страною живописною, по холмамъ и долинамъ, между зеленыхъ рощей и роскошныхъ нивъ. Верстъ за пять, съ высокой горы, отъ каменнаго креста, издревле водруженнаго на верху ея, открывается Переславль-Залѣсскій, въ очаровательной панорамѣ: горизонтъ неизмѣримый; направо, при самомъ озерѣ—городъ, съ древнимъ величественнымъ соборомъ Преображенскимъ; окрестъ его болѣе двадцати красивыхъ храмовъ и древнихъ монастырей, которые, сливаясь въ одну группу, даютъ ему видъ города обширнаго и многолюднаго; налѣво—Плещеево озеро, верстъ 30 въ окружности, съ утопающимъ вдали берегомъ, какъ-будто безбрежное море, лазоревое, весело плещущее своими прозрачными струями, усѣянное стаями чаекъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, съ розовыми клювами и лапками.

Полюбовавшись озеромъ, Петръ спѣшилъ въ Москву испросить дозволеніе матери на постройку судовъ при Переславлѣ-Залѣсскомъ. Нѣжно любя сына, царица съ трепетомъ смотрѣла на его огненныя потѣхи; новая придуманная имъ забава водою приводила ее въ ужасъ. Болѣе всего она боялась частыхъ и продолжительныхъ отлучекъ его, и не безъ основанія: до нея доходили слухи о замыслахъ царевны Софьи, которые день ото дня становились дерзостнѣе и опаснѣе. Не могла царица отказать сыну, и Карштенъ-Брантъ съ мастеромъ Кортомъ отправился въ Переславль закладывать суда; она не теряла однакожъ надежды удержать рѣзваго Петра при себѣ, и поспѣшила его женить: нашла ему невѣсту, молодую прекрасную Евдокію Ѳедоровну Лопухину, дочь окольничаго Ѳеодора Абрамовича, одного изъ друзей своего дома, и 27 января 1689 года отпраздновала свадьбу. Тщет-

ная предосторожность! Едва миноваль медовый мѣсяцъ и начали вскрываться рѣки, Петръ, оставивъ молодую жену, поскакалъ въ Переславль. Тамъ, на берегу Трубежа, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, хлопоталъ Карштенъ-Брантъ съ корабельнымъ мастеромъ Кортомъ надъ тремя судами. Два изъ нихъ были уже въ отдѣлкѣ. Въ самый день пріѣзда царя озеро вскрылось. Радостно смотрѣлъ онъ на зеркальную, необозримую поверхность его, на успѣшную постройку судовъ, и самъ принялся помогать Бранту.

Удары царскаго топора огласили окрестности Трубежа. „Матушка государыня!—писалъ державный плотникъ къ царицѣ, немедленно по пріѣздѣ, –благослови сынишку твоего Петрушку, въ работѣ пребывающаго. Озеро вскрылось; всѣ суда, кромѣ большого корабля въ отдѣлкѣ. Только за канатами станетъ. Вели прислать ихъ изъ пушкарскаго приказа, по семи сотъ саженъ, не мѣшкавъ. Иначе житье мое здѣсь продолжится“.

Вмѣсто канатовъ, царица-мать прислала ему повелѣніе возвратиться скорѣе домой, тѣмъ болѣе, что наступало 27 апрѣля, когда скончался царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и все царское семейство непремѣнно бывало въ этотъ день на панихидѣ въ Архангельскомъ соборѣ. „Дражайшая матушка!—отвѣчалъ Петръ,—недостойный сынишка твой Петрунка челомъ бьетъ. Къ Москвѣ я быть готовъ; только, ей-ей, дѣло есть. Найпокорственнѣ предаюсь въ волю вашу“. Царица требовала настоятельно, чтобы онъ возвратился. Звала его и молодая жена: „Радость моя, царь Петръ Алексѣевичъ!—писала Евдокія,—пожалуй, государь, быть къ намъ, не замѣшкавъ“. Дѣлать было нечего: Петръ отправился въ Москву, едва поспѣлъ къ панихидѣ, и чрезъ мѣсяцъ опять ускакалъ на озеро Плещеево. Тамъ уже не засталъ онъ мастера Корта, который умеръ за нѣсколько часовъ до его пріѣзда; но суда были почти готовы. „Всѣ удались зѣло хороши,—писалъ Петръ къ матери,—присылкѣ же съ докторомъ и съ Гаврилою (Головкинымъ) я обрадовался, какъ обрадовался Ной о масличномъ сукѣ“.

Онъ не могъ налюбоваться на свои суда, спѣшилъ додѣлать ихъ, не имѣлъ почти времени увѣдомить мать о своемъ здоровьи, какъ она требовала непрестанно, писалъ къ ней наскоро, на лоскуткахъ грязной бумаги, дрожащею рукою, очевидно измученный дневною работою, но полный радостнаго чувства при видѣ своихъ кораблей. „Гей!—писалъ онъ торопливо къ царицѣ,—о здравіи твоемъ слышать желаю и благословенія прошу; а о судахъ паки подтверждаю: зѣло хороши всѣ“.

Не скоро однакожъ удалось нашему Ною погулять въ сооруженномъ трудами его ковчегѣ по озеру Переславльскому. Его съ нетерпѣніемъ ждали въ Москву на вторичную панихиду по царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, въ память тезоименитства усопшаго государя; онъ не поспѣлъ къ 8 іюня, когда совершалась панихида, пріѣхалъ чрезъ четыре дня, исполнилъ благочестивый долгъ брата и уже не смѣлъ отлучиться изъ Преображенскаго: до него дошли зловѣщіе слухи.

Въ то самое время, когда Петръ со всѣмъ жаромъ своей души предавался наукѣ и искусству, и по собственному, многозначительному выраженію его „трудился, яко Ной“ надъ ковчегомъ возрожденія Россіи, злобная сестра, окруженная юродами, ханжами, суесвятами, крамольными стрѣльцами, дерзнула огласить его пьяницею, ни къ чему не

способнымъ, и съ боговѣнчаннаго чела задумала сорвать царскую корону, чтобы украсить ею свою преступную голову.

XIII. Разсказъ Петра о началѣ кораблестроенія въ Россіи.

(Предисловіе къ морскому регламенту).

Хотя всѣмъ есть извѣстно о монархіи Россійской и ея почати, и что далѣе дѣда князя Владиміра *) правдивой исторіи не имѣемъ; но оставя сіе историкамъ, возвратимся къ состоянію. Оный вышереченный Владиміръ какъ владычествовалъ и храбростію своею зѣло славенъ былъ, но паче прославился приведеніемъ своего отечества отъ тьмы идолопоклонства къ свѣту Христовой вѣры. Но основавъ оную, вмѣсто назиданія и укрѣпленія, яму къ паденію учинилъ, егда сынамъ своимъ на 12 частей сію монархію раздѣлилъ, отъ чего плодъ сего насажденнаго зла еще при животѣ своемъ видѣлъ, когда Святополкъ двухъ своихъ братьевъ, а его дѣтей, убилъ. Потомъ варвары, видя сію махину разсыпанную, тако начали обезпокоивать, что едва не всю подъ свою область привели. И ежели бъ милосердный Господь не воздвигъ великаго князя Ивана Васильевича, то паки бы въ идолатство пришли, или бусурманство; который Владимірово вредное дѣло исправилъ и расточенную махину паки гору собралъ и, яко новымъ крещеніемъ, силою воинскою христіанство отъ вышереченныхъ варваровъ свободилъ, и утвердилъ, и оныхъ отъ ближняго сосѣдства отогналъ, котораго сынъ короною утвердилъ и, храбро владычествовавъ, отъ оныхъ варваровъ весьма безопасно сочинилъ. Но потомъ, когда сія линія пресѣклась злодѣйствомъ Годунова, тогда чрезъ смятеніе едва паки къ паденію не пришла, которую дѣдъ нашъ подобными первыхъ дѣлъ трудами очистилъ и успокоилъ, отмщеніе жъ и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлѣхъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и неточію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дединовѣ на Каспійское море видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его. Но хотя тогда и не воспослѣдовало, однакожъ страннымъ образомъ отъ вышеупомянутаго начинанія, яко отъ сѣмени, нынѣшнее морское дѣло произошло такимъ образомъ: когда намѣрено дѣлать кораблеплаваніе на Каспійскомъ морѣ, тогда вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давыдъ Бутлеръ съ компаніею мастеровыхъ и матросовъ, которые, сдѣлавъ корабль, именемъ Орелъ и яхту или галіотъ, и сплыли въ Астрахань; но въ то время забунтовалъ Разинъ и, яко противникъ всякаго добра, оные разорилъ, капитана убилъ, а прочіе ушли въ Персиду, и оттоль въ Индѣйскую компанію. А двое изъ нихъ, лекарь Иванъ Тормонтъ и корабельный плотникъ, и констапель Карштенъ-Брантъ, по усмиреніи бунта возвратились къ Москвѣ, и лекарь присталъ къ доктору

---

*) Т. е. прежде Игоря.

Симону Зомеру, а Карштенъ-Брантъ кормился столярною работою, даже до нашего времени.

Предъ посылкою князя Якова Долгорукаго во Францію, между другими разговоры, сказывалъ вышеупомянутый к. Я., что у него былъ такой инструментъ, которымъ мочно было брать дистанціи или разстоянія, не доходя до того мѣста. Я зѣло желалъ его видѣть, но онъ мнѣ сказалъ, что его у него украли. И когда поѣхалъ онъ во Францію, тогда наказалъ я ему купить между другими вещьми и сей инструментъ, и когда возвратился онъ изъ Франціи и привезъ, то я, получа оный, не умѣлъ его употреблять. (А инструменты были астролябія да кокоръ *), или готовальня съ циркулями и прочимъ). Но потомъ объявилъ его дохтуру Захару фонъ-деръ-Гулстлу, что не знаетъ ли онъ? который сказалъ, что онъ не знаетъ, но сыщетъ такого, кто знаетъ; о чемъ я съ великою охотою велѣлъ его сыскать, и оный дохторъ въ скоромъ времени сыскалъ голландца, именемъ Франца, прозваніемъ Тиммермана, которому я выше писанные инструменты показалъ, который, увидѣвъ ихъ, сказалъ тѣ жъ слова, что князь Яковъ говорилъ о нихъ, и что онъ употреблять ихъ умѣетъ; къ чему я гораздо съ охотой присталъ учиться геометріи и фортификаціи. И тако сей Францъ, чрезъ сей случай, сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами.

И нѣсколько времени спустя, случилось намъ быть въ Измайловѣ на льняномъ дворѣ, и гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова, между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ вышерѣченнаго Франца, что то за судно? Онъ сказалъ, что то ботъ англійскій. Я спросилъ, гдѣ его употребляютъ? Онъ сказалъ, что при корабляхъ для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ предъ нашими судами (понеже видѣлъ его образомъ и крѣпостью лучше нашихъ)? Онъ мнѣ сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только-что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удивленіе привело и якобы неимовѣрно. Потомъ я его паки спросилъ: есть ли такой человѣкъ, который бы его починилъ и сей ходъ показалъ? Онъ сказалъ, что есть. То я, съ великой радостью сіе услыша, велѣлъ его сыскать и вышерѣченный Францъ сыскалъ голландца Карштенъ-Бранта, который призванъ при отцѣ моемъ въ компаніи морскихъ людей, для дѣланія морскихъ судовъ на Каспійское море; который оный ботъ починилъ и сдѣлалъ маштъ и парусы, и на Яузѣ при мнѣ лавировалъ, что мнѣ паче удивительно и зѣло любо стало. Потомъ, когда я часто то употреблялъ съ нимъ, и ботъ не всегда хорошо ворочался, но болѣе упирался въ берега, я спросилъ: для чего такъ? Онъ сказалъ, что узка вода. Тогда я перевезъ его на Просяной прудъ, но и тамъ немного авантажу сыскалъ, а охота стала отъ часу болѣе. Того для я сталъ провѣдывать, гдѣ болѣе воды; то мнѣ объявили Переславское озеро (яко найбольшее), куды я, подъ образомъ обѣщанія въ Троицкій монастырь, у матери выпросился; а потомъ уже сталъ ее просить и явно, чтобы тамъ дворъ и суды сдѣлать. И тако вышерѣченный Брантъ сдѣлалъ два малые флегата и три яхты, и тамъ нѣсколько лѣтъ охоту свою исполнялъ. Но потомъ и то показалось мало; то ѣздилъ

*) Голландское koker—готовальня.

на Кубенское озеро; но оное ради мелкости не показалось. Того ради уже положилъ свое намѣреніе прямо видѣть море; о чемъ сталъ просить матери своей, дабы мнѣ позволила; которая, хотя обычаемъ любви матерней въ сей опасный путь многократно возбраняла, но потомъ, видя великое мое желаніе и неотмѣнную охоту, и нехотя позволила. И тако былъ у Города и отъ Города ходили на море до Поноя съ Англійскими и Голландскими купеческими кораблями и однимъ Голландскимъ конвоемъ, которымъ командовалъ капитанъ Голголсенъ; а мы были на своей яхтѣ, именуемой Св. Петра *).

„Таковымъ довольнымъ плаваньемъ обрадованъ быхъ, да не удивленъ „Государь нашъ". *Того ради всю мысль свою уклонилъ для строенія флота, и когда за обиды Татарскія учинилась осада Азова и потомъ оный счастливо взятъ, тогда,* „по неизмѣнному своему желанію, не стерпѣлъ долго ду„мать о томъ: скоро къ дѣлу принялся. Усмотрѣно мѣсто къ корабель„ному строенію угодное на рѣкѣ Воронежѣ, подъ городомъ того же „имени, призваны изъ Англіи и Голландіи искусные мастера, и въ „1696 началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ иждивеніемъ „кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ „Россіи, умыслилъ искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того „ради многое число людей благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя „государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго".

„И что дивнѣйше, аки бы устыдился Монархъ остаться отъ под„данныхъ своихъ въ ономъ искусствѣ, и самъ воспріялъ маршъ въ Гол„ландію, и въ Амстердамѣ, на Остъ-Индской верфи, вдавъ себя съ про„чими волонтерами своими въ наученіе корабельной архитектуры, въ „краткое время въ ономъ совершился" *что подобало доброму плотнику знать,* „и своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и „на воду спустилъ".

Потомъ **) просилъ той верфи баса Яна Пола, дабы училъ его препорціи корабельной, который ему черезъ четыре дня показалъ; но понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ, но точію нѣкоторыя принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышерѣченный басъ сказалъ, и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда дѣло ему стало противно, что такой дальній путь для сего воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ прилучилось быть Е. В. на загородномъ дворѣ купца Яна Тесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздо не веселъ, ради вышеписанной причины; но когда между разговоровъ спрошенъ былъ, для чего такъ печаленъ? тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ въ Англіи сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться можно. Сіе слово Е. В. зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ

---

*) Слѣдующія за симъ строки, отмѣченныя нами знакомъ „, не руки Петра и сочинены, кажется, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, съ собственноручными дополненіями государя, которыя напечатаны здѣсь курсивомъ.

**) Вся эта статья до конца писана рукою Петра.

чрезъ 4 мѣсяца оную науку окончалъ, и при возвращеньи своемъ вывезъ съ собою двухъ корабельныхъ мастеровъ Яна Деня, да Осипа Ная.

XIV. Паденіе Софьи.

(Изъ „Исторіи Россіи“, Соловьева.)

Занятія съ Тиммерманомъ, потѣхи на сушѣ и на водѣ, обученіе солдатскихъ полковъ, сформированныхъ изъ старыхъ потѣшныхъ и новыхъ охочихъ людей, явившихся отовсюду, изъ знати и изъ простыхъ, преимущественно изъ придворныхъ конюховъ, строеніе крѣпости, которая носила уже иностранное названіе Пресбурга (на берегу Яузы), строеніе судовъ на Переяславскомъ озерѣ заняло все вниманіе Петра: ему былъ недосугъ ни до чего. Мать зоветъ его изъ Переяславля въ Москву на панихиды по братѣ Ѳеодорѣ,—онъ отвѣчаетъ: „быть готовъ, только гей, гей, дѣло есть“; голова занята однимъ, объ одномъ твердилъ онъ матери: „о судахъ паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ“. Но не кораблики были на умѣ у царицы Наталіи; глухая борьба не переставала между нею и падчерицею, которая отняла у нея правительство. Положеніе похитительницы было незавидное: по инстинкту самосохраненія взялась она за отчаянное средство, подняла стрѣльцовъ, вырвала правленіе изъ рукъ мачихи, подставила старшаго неспособнаго брата въ цари; но на долго ли все это? сынъ Нарышкиной остался царемъ, возмужаетъ,—и правительница будетъ болѣе не нужна, монастырь удаленъ на время, но постоянно въ виду. Положеніе Софьи было похоже на положеніе тѣхъ людей въ легендахъ, которые заключили договоръ съ злымъ духомъ—пользоваться до извѣстнаго времени всевозможными наслажденіями жизни, но по прошествіи срока сдѣлаться добычею ада. Понятно, что Софья должна была думать о средствахъ, какъ бы упрочить свою власть; понятно, что объ этомъ хлопотали люди, взысканные ею, которые лишались всего съ ея паденіемъ. Софья—правительница, благодаря неспособности одного брата и молодости другаго; возмужаетъ послѣдній—и правительство Софьи должно окончиться; надобно сдѣлать, чтобы оно не кончилось. Первый шагъ уже сдѣланъ, учреждено двоевластіе, оба брата вѣнчаны на царство; отчего не быть троевластію? отчего Софьѣ не вѣнчаться на царство? Тогда помазанницу Божію никто не свергнетъ. Софья въ государственныхъ бумагахъ присоединила свое имя къ именамъ обоихъ братьевъ, вмѣстѣ съ ними называлась самодержицею всея Руси. Дьякъ Волковъ, отправленный посланникомъ въ Венецію, объявилъ тамъ, что съ великими государями соцарствуетъ сестра ихъ, великая государыня Софья Алексѣевна. Одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ:—„Дожъ и весь сенатъ удивляется, какъ служатъ ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ?“ Волковъ отвѣчалъ, что подданные всѣхъ трехъ персонъ вмѣстѣ повелѣніе исполняютъ. Но всѣ эти провозглашенія не крѣпки, все это не помазаніе. А между тѣмъ страшный срокъ приближался: Петръ выросталъ, и вмѣстѣ съ нимъ росли надежды мачихи, и смѣлѣе, рѣзче становились ея слова; когда Софья присоединила

свое имя къ именамъ братнимъ, царица прямо сказала царевнамъ Михайловнамъ и Алексѣевнамъ:—„Для чего она стала писаться съ великими государями вмѣстѣ? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ". Двѣ постельницы царицы Наталіи передавали Софьѣ все, что говорилось про нее нехорошаго, враждебнаго у мачихи,—передавали, что сильнѣе всѣхъ бранятъ ее братъ царицы, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Левъ Нарышкинъ и князь Борисъ Голицынъ были самые приближенные люди къ царицѣ Наталіи; князь Василій Голицынъ и Шакловитый были самые приближенные люди къ царевнѣ Софьѣ. Князь Василій былъ самъ неспособенъ на преступныя, кровавыя мѣры; но ему приходили въ голову страшныя мысли, что хорошо было бы если бы что-нибудь сдѣлалось, только отъ другихъ, а не отъ него, и проговорился онъ однажды:—„Жаль, что въ стрѣлецкій бунтъ не уходили царицу Наталію вмѣстѣ съ братьями: теперь бы ничего и не было". Другая была природа Шакловитаго; онъ не дрожалъ ни передъ какими средствами, не довольствовался безплодными сожалѣніями о прошедшемъ: всѣмъ обязанный Софьѣ, онъ погибалъ съ ея паденіемъ; худороднаго подъячаго, произведеннаго милостію царевны въ окольничіе, не спасутъ знатный родъ и знатные родственники; обязанность быть вѣрнымъ благодѣтельницѣ красила разсчеты себялюбія. Софья или Наталья? Шакловитый съ страшною наивностью высказывалъ свой выборъ:—„Чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу известь".

Понятно, что Шакловитый спѣшилъ наложить свою руку на кого могъ изъ людей, высказывавшихъ свою приверженность къ Петру; пыталъ и выслалъ изъ Москвы стольника Языкова, который говорилъ, что царь Петръ Алексѣевичъ—царь только по имени, а бить челомъ ему никто не смѣетъ. Но поймать и сослать того или другаго неосторожнаго на слова ничего не значило.—„У насъ люди есть", говорила царица Наталія, и дѣйствительно—у царя Петра были люди, которые, при случаѣ, не ограничатся одними словами; у царя Петра есть свое войско, эти ненавистные потѣшные конюхи, озорники, какъ величала ихъ Софья съ своими приверженцами. Отъ нихъ одно спасеніе въ стрѣльцахъ; надобно опять къ нимъ обратиться, какъ въ 1682 году. Но не притупилось ли это оружіе съ 1682 года и не сама ли Софья съ Шакловитымъ способствовали этому притупленію, вырвавши его изъ рукъ Хованскаго? Самые дерзкіе изъ стрѣльцовъ были удалены изъ Москвы по предложенію Шакловитаго, осталось большинство людей спокойныхъ, довольныхъ своимъ положеніемъ, которыхъ трудно поднять. Да и чѣмъ поднять, на какое дѣло? Въ августѣ 1687 года Шакловитый вдругъ предлагаетъ начальнымъ людямъ стрѣлецкимъ написать челобитную, чтобы Софья вѣнчалась царскимъ вѣнцомъ.—„Мы челобитной писать не умѣемъ", отвѣчали стрѣльцы.—„Челобитная будетъ написана", увѣряетъ Шакловитый. Челобитная будетъ написана, но кому ее подать? Царямъ? О старшемъ никто не думалъ, все дѣло было въ младшемъ.—„Послушаетъ ли насъ царь Петръ Алексѣевичъ?" спрашиваютъ стрѣльцы.—„Если не послушаетъ, ступайте въ Верхъ, задержите боярина Льва Кирилловича и кравчаго Бориса Алексѣевича: тогда приметъ челобитье".—„А патріархъ и бояре?"—опять спрашиваютъ стрѣльцы.—„Патріарха можно перемѣнить, а бояре отпадшее, зяблое

дерево, развѣ постоитъ до поры до времени одинъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ". Такъ вотъ, въ чемъ дѣло! Чтобы исполнить желаніе царевны и Шакловитаго, надобно пойти въ Верхъ бунтомъ, задержать двоихъ самыхъ близкихъ къ царю людей, смѣнить патріарха! Прежде стрѣльцы были постепенно приготовляемы къ бунту раздраженіемъ и разнуздываніемъ, да и тутъ масса была поднята извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича; а теперь велятъ бунтовать, чтобы достигнуть небывалаго, страннаго дѣла, и это послѣ того, какъ употреблены были всѣ средства, чтобы охладить стрѣльцовъ къ бунту, заставить ихъ бояться его.

Начальнымъ людямъ дали по пяти рублей съ наказомъ, чтобы поговорили съ товарищами въ полкахъ. Но въ полкахъ предложеніе было принято также холодно, и Софья поспѣшила сама отказаться отъ него. Надобно было, по крайней мѣрѣ, разогрѣть преданность стрѣльцовъ, упрочить себѣ ихъ защиту на всякій случай, выставить имъ опасность, которой подвергается Софья. Правительница призвала къ себѣ ночью нѣсколько стрѣльцовъ и начала имъ натолковывать, что царица Наталія съ братьями и Борисомъ Голицынымъ поднимаетъ бунтъ, и патріархъ противъ нея, Софьи, чѣмъ бы мирить, только мутитъ. Шакловитый, какъ будто обращаясь съ совѣтомъ къ царевнѣ, давалъ знать стрѣльцамъ, какія средства должно употребить, чтобы успокоить Софью:—„Отъ чего бы князя Бориса и Льва Нарышкина не принять? Да и царицу можно бы принять. Извѣстно тебѣ, государыня, каковъ ея родъ и какъ въ Смоленскѣ въ лаптяхъ ходила". Софья отвѣчала на это:—„Жаль мнѣ ихъ, и безъ того ихъ Богъ убилъ". Стрѣльцы отвѣчали очень неопредѣленными словами:—„Воля твоя, государыня, что изволишь, то и дѣлай". Неопредѣленными словами отвѣчали стрѣльцы на неопредѣленныя требованія, неопредѣленныя жалобы. Какой бунтъ поднимаетъ царица? Понятно, что Шакловитый могъ найти изъ стрѣльцовъ только пять человѣкъ, готовыхъ на все, эти пятеро были: Петровъ, Стрижовъ, Кондратьевъ, Чермный и Гладкій, которыхъ интересы были тѣсно связаны съ интересами Софьи. Шакловитый говорилъ Чермному:—„Хотятъ насъ перевесть, а мутитъ всѣмъ царица, меня хотятъ высадить изъ приказу, а васъ, которые ко мнѣ въ домъ вхожи, разослать всѣхъ по городамъ". И вотъ, Чермный, чтобы избыть бѣды, начинаетъ толковать товарищамъ:—„Какъ быть? Хотя и всѣхъ побить, а корня не выведешь, надобно уходить старую царицу, медвѣдицу". Ему возражали, что за мать вступится царь Петръ; Чермный не останавливался:—„Чего и ему спускать? За чѣмъ стало?" Гладкій толковалъ:—„У царя Ивана Алексѣевича двери завалили дровами и полѣньемъ и царскій вѣнецъ изломали, а кому ломать только съ ту сторону". Стрѣльцы оставались холодны къ этимъ разсказамъ: полѣньемъ закидали, вѣнецъ изломали! Прежде было сказано, что и совсѣмъ задушили, а что вышло? Придумали средство посильнѣе: ночью въ двухъ мѣстахъ подъѣзжала къ стрѣлецкимъ карауламъ вооруженная толпа, схватывала десятника, и начальникъ толпы приказывалъ его бить до смерти, несчастнаго начинали колотить, но слышался голосъ изъ толпы:—„Левъ Кирилловичъ! за что его бить до смерти? душа христіанская!" Послѣ было узнано, что мнимый Нарышкинъ былъ подъячій приказа Большой Казны, Шошинъ, довѣренный человѣкъ правительницы. И это средство не раздражало. Не

подавались и на обѣщанія грабежа, когда Гладкій прельщалъ, что станутъ стрѣльцы грабить дома бояръ и торговыхъ людей и дѣлить богатую добычу. Гладкій,—свой человѣкъ у Шакловитаго, а слѣдовательно, и у Медвѣдева, — затрогивалъ и интересъ религіозный, обвинялъ патріарха въ новомъ ученіи, по которому не велятъ кланяться, когда поютъ аминь (послѣ „пріимите, ядите"); стрѣльцы холодно слушали о винахъ патріарха: они помнили 5-е іюля 1682 года. Не трогались и словами Гладкаго, когда онъ выставлялъ противоположность поведенія Софьи и Петра: „Наша государыня все Богу молится, а тамъ только на органахъ и на скрипицахъ играютъ".

Стрѣльцы не трогались, а между тѣмъ, въ 1689 году стали обнаруживаться выходки Петра противъ Софьи. Въ нихъ не было ничего очень важнаго, систематическаго: Петръ былъ еще молодъ и занятъ кораблями; не смотря на то, Софья не могла не раздражиться и не обезпокоиться, увидавъ начало дѣла, въ концѣ котораго являлся—монастырь. 8 іюля, въ Казанскую, Петръ въ соборѣ сказалъ сестрѣ, чтобъ она не ходила въ крестный ходъ; Софья не послушалась, взяла образъ и пошла; Петръ разсердился, не пошелъ за крестами и уѣхалъ изъ Москвы. Съ его стороны все и кончилось этою вспышкою. Но положеніе Софьи было таково, что она сочла необходимымъ приготовиться къ защитѣ отъ потѣшныхъ конюховъ, которые придутъ вырвать власть изъ рукъ ея. 25 іюля, когда Петра ждали въ Москву, по случаю имянинъ старшей царевны Анны Михайловны, 50 стрѣльцовъ было тайно поставлено у Краснаго крыльца съ наказомъ слушать набата, которымъ дается знать, что надъ государынею „хитрость чинится". Хитрости не учинилось никакой; но со стороны Петра новая выходка, сильно раздражившая Софью, ибо дѣло шло о славѣ ея правленія и о князѣ Василіи Васильевичѣ. Петръ не соглашался на назначеніе наградъ Голицыну и товарищамъ его за второй Крымскій походъ; потомъ позволилъ уговорить себя согласиться, но сорвалъ сердце, не допустивши къ себѣ Голицына и другихъ воеводъ и генераловъ съ благодарностью за награды. Это было 27 іюля. Въ тотъ же день вечеромъ Софья пошла ко всенощной къ празднику въ Новодѣвичій монастырь, въ сопровожденіи пятисотныхъ и пятидесятниковъ, и послѣ службы стала жаловаться имъ на царицу Наталію, что опять начинаетъ бѣду:—„Если мы вамъ годны,—говорила Софья,—то стойте за насъ, а если негодны, то мы оставимъ государство". Стрѣльцы отвѣчали, что готовы исполнять ея волю; Софья велѣла имъ ждать повѣстки. Но большинство стрѣльцовъ не хотѣло начинать дѣла по набату; если, дѣйствительно, грозитъ бѣда кому-нибудь изъ членовъ царскаго дома, то пусть идетъ дѣло законнымъ порядкомъ: пусть думный дьякъ скажетъ царскій указъ, а безъ указа ничего дѣлать не станутъ, сколько бы ни били въ набатъ; надобно бить челомъ о розыскѣ. Понапрасну приверженцы Шакловитаго старались противодѣйствовать такому расположенію большинства, понапрасну толковалъ Стрижевъ, что изъ розыска ничего не выйдетъ, злодѣи царевны извѣстны, принять ихъ! а безъ царевны стрѣльцамъ будетъ плохо. Петръ присылаетъ за Стрижевымъ, Шакловитый не даетъ его; Петръ велитъ арестовать самого Шакловитаго въ Измайловѣ, но скоро выпускаетъ. Съ этой стороны дѣйствуютъ робко, нерѣшительно, но все же дѣйствуютъ, и этого довольно для другой стороны, чтобъ

сильно безпокоиться и волноваться. 7 августа на Верху толковали, что нашли подметное письмо: ночью придутъ потѣшные конюхи изъ Преображенскаго, чтобъ побить царя Ивана Алексѣевича и всѣхъ его сестеръ. Вечеромъ Шакловитый распоряжается, велитъ собрать въ Кремль 400 человѣкъ стрѣльцовъ съ заряженными ружьями, 300 другихъ собрать на Лубянкѣ, троихъ деньщиковъ своихъ посылаетъ въ Преображенское смотрѣть, куда пойдетъ царь Петръ. Но распоряженія плохо исполняются: деньщики не идутъ къ Преображенскому на указанныя мѣста, на Лубянкѣ нѣтъ сбора; сильно волнуются въ Кремлѣ Гладкій и Чермный, но ихъ задоръ не сообщается другимъ; никто не знаетъ, зачѣмъ ихъ собрали: защищать или нападать? въ томъ и другомъ случаѣ будетъ усобица, въ которой они не хотятъ участвовать. Въ это время всеобщаго тяжелаго, тревожнаго ожиданія пріѣзжаетъ въ Кремль изъ Преображенскаго спальникъ царя Петра, Плещеевъ. Гладкій, который давно уже ждетъ случая начать дѣло, бросается на Плещеева, стаскиваетъ его съ лошади, срываетъ саблю, бьетъ и ведетъ его въ Верхъ къ Шакловитому. Гладкій, дѣйствительно, начинаетъ дѣло. Если масса стрѣльцовъ была недоступна внушеніямъ Шакловитаго съ товарищами, не хотѣла начинать бунта въ пользу Софьи, то не двигалась также и въ противоположномъ направленіи; изъ этой массы выдѣлились, какъ мы видѣли, не болѣе пяти человѣкъ, которые готовы были, какъ 15 мая 1682 года, принять на копья кого угодно въ пользу Софьи; но, въ противоположность имъ, образовался небольшой кружокъ изъ восьми человѣкъ, которые въ дѣйствіяхъ Шакловитаго, Чермнаго и Гладкаго видѣли преступленіе и безуміе, и рѣшились прямо дѣйствовать на перекоръ имъ, въ пользу царя Петра, имѣющаго всѣ права на своей сторонѣ. Эти восемь человѣкъ были стремянные: пятисотный Елизарьевъ, пятидесятники Мельновъ, Ульфовъ, десятники Ладогинъ, Ѳеоктистовъ, Турка, Троицкій и Капрановъ. Въ ночь съ 7 на 8 августа, когда масса остается неподвижною, дѣйствія, разумѣется, должно ожидать въ этихъ обоихъ крайнихъ кружкахъ, ибо здѣсь самые рѣшительные люди, опредѣлившіе свои цѣли, люди не колеблющіеся, не шатающіеся. Елизарьевъ съ товарищами стояли на Лубянкѣ въ ночь на 8 число; одинъ изъ нихъ, Мельновъ, былъ посланъ ими въ Кремль для наблюденій, и, возвратясь, объявилъ о поступкѣ Гладкаго съ Плещеевымъ. Въ этомъ поступкѣ они увидали начало дѣла и рѣшились дѣйствовать съ своей стороны: Мельновъ и Ладогинъ посланы были въ Преображенское увѣдомить царя, что на него и на его мать умышляется смертное убійство. Но не одни Мельновъ и Ладогинъ спѣшили въ Преображенское съ своимъ извѣтомъ. Вечеромъ вельможи узнали, что въ Кремль пускаютъ только самыхъ извѣстныхъ и довѣренныхъ лицъ у правительницы. Это такъ встревожило людей, державшихъ сторону Петра, что они отправились немедленно въ Преображенское. Немного за полночь, когда Петръ спалъ уже крѣпкимъ сномъ, его будятъ и говорятъ: пріѣхали изъ Москвы стрѣльцы и другіе люди съ извѣстіемъ, что множество стрѣльцовъ собрано въ Кремлѣ, хотятъ приходить въ Преображенское бунтомъ. Испуганный царь вскочилъ съ постели, какъ былъ, и прямо на конюшню, сѣлъ на лошадь и—въ ближній лѣсъ, куда уже ему принесли платье. Одѣвшись, поскакалъ съ постельничимъ Гаврилою Головкинымъ, карлою и однимъ изъ извѣтчиковъ-стрѣльцовъ къ

Троицѣ, куда пріѣхалъ около 6 часовъ утра въ сильной усталости, и только-что успѣлъ войти въ комнату, какъ бросился на постель и, заливаясь слезами, разсказалъ о своей бѣдѣ прибѣжавшему архимандриту Викентію и просилъ у него защиты. Осьмаго же числа пріѣхали къ Троицѣ царица Наталія Кирилловна съ дочерью и невѣсткою, преданная Петру знать, потѣшные и стрѣльцы Сухарева полка. Главнымъ распорядителемъ здѣсь явился князь Борисъ Голицынъ. Москва пришла въ ужасъ, когда 8 числа распространилась вѣсть объ отъѣздѣ царя изъ Преображенскаго. Усобица начиналась—чѣмъ-то кончится? На Верху старались показывать видъ, что не обращаютъ на это происшествіе большаго вниманія. Шакловитый, узнавши объ немъ, сказалъ:— „Вольно ему, взбѣсяся, бѣгать“. Софья объявила стрѣльцамъ, что еслибъ они не остереглися, то всѣхъ бы ихъ передавили потѣшные конюхи. Но другое было объявлено царю Петру, когда 9 числа онъ прислалъ къ царю Ивану и Софьѣ спросить, зачѣмъ были собраны стрѣльцы въ такое необычное время? Ему отвѣчали, что стрѣльцы должны были провожать царевну въ монастырь на богомолье. Вслѣдъ за тѣмъ другая присылка отъ Петра—отпустить къ нему полковника Цыклера съ 50 стрѣльцами. Послѣ узнали, что это была хитрость Цыклера. Какъ мы видѣли, онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ Софьи и участникомъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ. Теперь онъ увидѣлъ, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, возьметъ верхъ Петръ, и далъ знать къ Троицѣ; чтобъ его вызвали туда и онъ откроетъ много вещей. Цыклера отпустили послѣ долгихъ совѣщаній и отговорокъ. За Цыклеромъ отправились также съ извѣтами къ Троицѣ: Елизарьевъ, Ѳеоктистовъ, Ульфовъ, Турка, Капрановъ, Троицкій. Софьѣ нельзя было долго оставаться въ спокойномъ ожиданіи, что̀ начнутъ у Троицы? Она не могла не понимать, какъ выгодно было положеніе Петра въ борьбѣ; она сама прежде, въ распрѣ съ Хованскимъ, указала эту дорогу къ Троицѣ, какъ самую удобную. 13 числа отправленъ былъ къ Петру бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ; 15-го онъ возвратился и привезъ не очень любезный отвѣтъ, а на другой день явилась въ Москвѣ грамата царя Петра въ солдатскіе и стрѣлецкіе полки, чтобъ начальные люди и по 10 человѣкъ рядовыхъ изъ каждаго полка были у Троицы къ 18 числу. Софья, посовѣтовавшись съ ближними людьми, велѣла позвать къ себѣ начальныхъ людей изъ каждаго полка, держала къ нимъ сильную рѣчь и настрого запретила, чтобъ не смѣли ходить къ Троицѣ и вмѣшиваться въ распрю ея съ братомъ, и когда стрѣлецкіе полковники обнаружили свое недоумѣніе, то Софья сказала имъ, что если кто-нибудь изъ нихъ пойдетъ къ Троицѣ, то будетъ пойманъ и потеряетъ голову. Надобно было спѣшить окончаніемъ дѣла, и въ тотъ же день дядька царя Ивана, князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, вмѣстѣ съ духовникомъ Петра были отправлены къ Троицѣ съ извиненіемъ, что никакъ нельзя было исполнить требованіе царя и прислать къ нему требуемое войско; въ то же время Прозоровскій и духовникъ должны были употребить всѣ средства къ примиренію Петра съ сестрой, и для успокоенія стрѣльцовъ и солдатъ въ Москвѣ былъ распущенъ слухъ, что царская грамата была прислана безъ вѣдома Петра, умышленіемъ князя Бориса Голицына. 18 числа возвратились Прозоровскій и духовникъ—ни съ чѣмъ. Схватились за соломину, рѣшились послать патріарха, о которомъ Софья

сама прежде говорила: „Посягаетъ онъ на меня; чѣмъ бы ему уговаривать, а онъ самъ посягаетъ". Іоакимъ былъ радъ вырваться изъ Москвы, изъ рукъ враговъ своихъ, уѣхалъ къ Троицѣ и тамъ остался: Петръ пріобрѣлъ важнаго союзника. Прошло нѣсколько дней въ ожиданіяхъ; 27 августа новая царская грамата отъ Троицы въ стрѣлецкіе полки, въ гостинную сотню, въ дворцовыя слободы и черныя сотни, чтобъ всѣ полковники и начальные люди съ 10 рядовыми изъ каждаго полка, а изъ сотенъ изъ слободъ старосты съ 10 теглецами явились немедленно къ Троицѣ, а кто не явится, тому быть въ смертной казни. Толпы стрѣльцовъ, повинуясь указу, двинулись изъ Москвы. У Троицы самъ царь вышелъ къ нимъ передъ дворецъ съ матерью и патріархомъ и объявилъ объ умыслѣ Шакловитаго. Дьякъ прочелъ выписку изъ разспросныхъ рѣчей и стрѣлецкихъ извѣтовъ, патріархъ сталъ увѣщевать, чтобъ пришедшіе стрѣльцы объявили всю правду, что знаютъ, грозя, въ случаѣ несправедливаго показанія, архіерейскимъ неблагословеніемъ. Стрѣльцы завопили, что они Ѳедькина злого умысла не знаютъ, великимъ государямъ служатъ и работаютъ, какъ служили и работали ихъ предкамъ, рады ловить воровъ и измѣнниковъ и во всемъ исполнять волю государскую. Но нѣкоторые пересказали кой-что.

Софья рѣшилась ѣхать сама къ Троицѣ. Въ томъ самомъ селѣ Воздвиженскомъ, гдѣ, семь лѣтъ тому назадъ, она велѣла казнить Хованскаго, встрѣтилъ ее стольникъ Бутурлинъ и отъ имени великаго государя объявилъ, чтобъ она въ монастырь не ходила. „Непремѣнно пойду", отвѣчала Софья; но за Бутурлинымъ явился бояринъ, князь Троекуровъ, съ объявленіемъ, что если она пойдетъ, то съ нею нечестно поступлено будетъ; отрядъ вооруженныхъ людей уже показался въ Воздвиженскомъ,

Софья поспѣшно возвратилась, велѣла позвать къ себѣ стрѣльцовъ, старыхъ, на которыхъ особенно полагалась, и стала имъ жаловаться, что чуть ее не застрѣлили въ Воздвиженскомъ, насилу ушла; что Нарышкины съ Лопухиными хотятъ извести царя Ивана, добираются и до нея.—„Можно ли на васъ надѣяться?—говоритъ Софья,—надобны ли мы вамъ? А если не надобны, то пойдемъ съ братомъ гдѣ-нибудь себѣ кельи искать". Горько жалуется, что нѣтъ житья отъ Бориса Голицына и Льва Нарышкина: — „Меньшаго брата съ ума споили, старшаго ни во что ставятъ, комнату его дровами завалили; ее, Софью, называютъ дѣвкою, какъ-будто не дочь она царя Алексѣя Михайловича; хотятъ отрубить голову князю Василію Васильевичу, который сдѣлалъ такъ много добра: съ Польшею заключилъ миръ вѣчный; съ Дону прежде бѣглыхъ не выдавали, а теперь выдаютъ его промысломъ; житье наше ставится коротко; радѣла она обо всячинѣ, и все изъ рукъ тащатъ". „Не уходите къ Троицѣ, пожалуй и вы побѣжите? Цѣлуйте крестъ!" И привела стрѣльцовъ къ присягѣ, что не побѣгутъ. Но это не помогло. Наступило 1-е сентября, праздникъ новаго года. Нерадостно встрѣтила его Софья и ея приверженцы: изъ Троицкаго монастыря пріѣхалъ полковникъ Нечаевъ съ стрѣльцами, привезъ къ царю Ивану и Софьѣ грамату, въ которой Петръ извѣщалъ ихъ о заговорѣ и требовалъ присылки Ѳедьки Шакловитаго и старца Сильвестра Медвѣдева съ сообщниками для розыска къ Троицѣ. Это произвело сильное движеніе при дворѣ; народъ былъ пораженъ; большинство, по словамъ очевидца, рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло. Нечаева

позвали на Верхъ и спросили, какъ онъ смѣлъ привезти грамату? Тотъ отвѣчалъ, что не смѣлъ ослушаться царскаго повелѣнія. Софья велѣла отрубить ему голову, но онъ спасся тѣмъ, что не могли или не хотѣли скоро сыскать палача, а между-тѣмъ гнѣвъ Софьи прошелъ. Но отъ Троицы вмѣстѣ съ Нечаевымъ пріѣхали также и стрѣльцы; Софья велѣла позвать ихъ къ Красному крыльцу и, сойдя внизъ, начала говорить:—„Для чего вы пріѣхали? и съ какимъ указомъ? чему вы тому вѣрите, что вамъ въ Троицкомъ монастырѣ прочитали; тѣ письма отъ воровъ составлены, и вы безъ указу съ Москвы въ Троицкій монастырь не ѣздите для того: братъ мой Петръ Алексѣевичъ меня къ себѣ въ монастырь не допустилъ. И за которыми людьми вы присланы, и я ихъ вамъ не отдамъ для того: будетъ отдать вамъ девять человѣкъ, а они оговорятъ и 900 человѣкъ, чему тому вѣрить? Довелось прислать тѣхъ къ Москвѣ для розыску, которые ихъ оговариваютъ, и я васъ не отпущу, и которые пойманы и сидятъ на съѣзжихъ избахъ—не дамъ и для того въ Троицкій монастырь пошлю боярина. Знатно то дѣло клонятъ, хотятъ меня извести. Злые люди учинили между нами ссору и научили говорить объ умыслѣ противъ царя Петра Алексѣевича и другихъ. Завистью къ вѣрной службѣ и радѣнію Θедора Шакловитаго, назвали его заводчикомъ злого умысла. Чтобъ развѣдать обо всемъ, я сама пошла къ Троицѣ, но царь Петръ Алексѣевичъ велѣлъ меня остановить по наущенію злыхъ совѣтниковъ, и должна была я возвратиться съ великимъ срамомъ. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какъ я въ эти семь лѣтъ правительствовала, а приняла правительство въ самое смутное время, учинила славный вѣчный миръ съ христіанскимъ сосѣднимъ государемъ, а враги креста Христова отъ оружія моего въ ужасѣ пребываютъ. Вы за ваши службы пожалованы нашимъ великимъ жалованьемъ, и милость нашу къ себѣ всегда видѣли. Ужели послѣ того вы намъ учинитесь невѣрны, повѣривши вымыслу злыхъ людей, которые всему христіанству добра не желаютъ и смуту заводятъ. Не головы Θедора Шакловитаго ищутъ,—ищутъ головы моей и брата моего Ивана Алексѣевича“. Въ сильномъ волненіи, Софья не чувствовала усталости; подозвала къ себѣ лучшихъ изъ торговыхъ и посадскихъ людей, и говорила имъ въ томъ же родѣ; наконецъ, велѣла собрать весь народъ, бывшій въ Кремлѣ и держала передъ нимъ, по свидѣтельству очевидца, длинную, прекрасную рѣчь.

А между тѣмъ въ Кремлѣ все было приготовлено къ празднованію новаго лѣта. Но патріарха нѣтъ; царь Иванъ нездоровъ, царевнѣ-правительницѣ не до праздника,—и приготовленія были отмѣнены. Стрѣльцовъ угостили водкою. Знать и служилые иноземцы получили свою чарку водки изъ рукъ самого царя Ивана Алексѣевича. Въ это время Шакловитый служилъ послѣднюю службу царевнѣ: писалъ сказку ко всѣмъ чинамъ Московскаго государства съ изложеніемъ всего дѣла для оправданія Софьи, для обвиненія стороны противной,—писалъ, какъ царевна приняла правительство по челобитію всего народа, по благословенію патріарха, а теперь Нарышкины ее и брата ея, царя Ивана Алексѣевича, безчестятъ, къ рукѣ не ходятъ, прибрали потѣшныхъ конюховъ, отъ которыхъ многимъ людямъ чинятся обиды и насилія; на челобитныя объ этомъ царю Петру нѣтъ отвѣта; комнату царя Ивана забросали полѣньями, изломали его вѣнецъ. Шакловитый служилъ послѣднюю

службу; но Голицынъ не принималъ никакого участія въ московскихъ движеніяхъ. Шла переписка между родственниками: князь Борисъ писалъ князю Василію, чтобъ пріѣзжалъ къ Троицѣ, чтобъ заслужилъ этимъ расположеніе царя Петра; князь Василій отправилъ подъячаго къ Троицѣ уговаривать князя Бориса, чтобъ примирилъ обѣ стороны. Князь Борисъ велѣлъ отвѣчать, что лучше всего, если онъ, князь Василій, какъ можно скорѣе пріѣдетъ къ Троицѣ, что царь приметъ его отлично. Между тѣмъ изъ Троицкаго монастыря—новыя требованія о выдачѣ Шакловитаго; стрѣльцы начинали роптать, зачѣмъ такъ долго тянется дѣло; Софья велѣла оповѣстить, что сама, вмѣстѣ со старшимъ братомъ, отправится къ Троицѣ. Стрѣльцы роптали въ Москвѣ, что дѣло долго не оканчивается; ихъ братья у Троицы также теряли терпѣніе: въ Москвѣ у нихъ были жены, дѣти, промыслы. Они приступили съ просьбою, чтобъ имъ позволено было идти въ Москву и захватить Ѳедьку Шакловитаго съ товарищами; но молодой царь и совѣтники его не согласились на это, боясь усобицы.

Еще 2-го сентября отправились къ Троицѣ нѣкоторые изъ Нѣмецкой слободы, и Гордонъ поручилъ имъ извинить его, что онъ нейдетъ, не зная, будетъ ли пріятенъ его приходъ или нѣтъ. 4-го числа явилась въ слободѣ царская грамата, призывавшая всѣхъ служилыхъ иноземцевъ къ Троицѣ. Иноземцы рѣшили, что должно показать грамату князю Василію Васильевичу Голицыну, какъ главному своему начальнику. Гордонъ съ нѣсколькими полковниками отправился къ оберегателю. Тотъ былъ сильно смущенъ, когда они подали ему грамату, но поспѣшилъ оправиться и отвѣчалъ, что покажетъ грамату старшему царю и царевнѣ и тогда скажетъ, что̀ имъ дѣлать. Гордонъ замѣтилъ, что они боятся за свои головы, если не послушаются. Голицынъ обѣщалъ прислать отвѣтъ не позже вечера; но иноземцы не хотѣли дожидаться отвѣта, вечеромъ двинулись въ путь и въ 11 часовъ утра на другой день были у Троицы, цѣловали руку у царя, который каждому поднесъ по чаркѣ водки. Въ такое время натянутаго ожиданія и нерѣшительности всякое движеніе въ ту или другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекаетъ: начали громко говорить въ пользу царя Петра, когда узнали, что и нѣмцы ушли къ нему. У Софьи все еще оставались стрѣльцы; но когда разнеслась вѣсть, что царевна не поѣдетъ къ Троицѣ, потому что ее туда не пустятъ, то стрѣльцы потеряли всякое терпѣніе, и вечеромъ 6-го сентября явились большою толпою въ Кремль съ челобитьемъ къ царевнѣ, чтобъ выдала Ѳедьку Шакловитаго, котораго они поведутъ къ Троицѣ. Сначала Софья отвѣчала, что не выдастъ и чтобъ они жили спокойно, не вмѣшивались въ ссору ея съ братомъ. Въ толпѣ раздался шумъ, послышались голоса, что нечего дожидаться, надобно приниматься за набатный колоколъ. Это сильно поразило Софью. Сцена 1682 года повторилась, только съ перемѣною лицъ: тогда стрѣльцы требовали у царицы Наталіи выдачи брата ея, Ивана Нарышкина, и перетрусившіеся бояре уговаривали царицу пожертвовать братомъ, чтобъ имъ всѣмъ не погибнуть изъ-за одного: теперь стрѣльцы, грозя бунтомъ, требуютъ у Софьи выдачи Шакловитаго; и окружающіе царевну уговариваютъ ее исполнить требованіе, иначе многимъ придется поплатиться жизнью. Софья выдала Шакловитаго; но Медвѣдевъ успѣлъ скрыться. Въ тотъ же день бояре, остававшіеся въ Москвѣ, по вызову

Петра, отправились къ Троицѣ; не поѣхалъ одинъ Голицынъ, онъ удалился съ своими приближенными въ подмосковное село Медвѣдково; вѣсть о выдачѣ Шакловитаго сильно поразила его. 7-го сентября привезли Шакловитаго въ монастырь. На первой пыткѣ, послѣ 15 ударовъ, онъ повинился во всемъ, что на него ни взводили; передъ второю онъ обѣщалъ объявить все безъ утайки и написалъ, что на жизнь царя Петра Алексѣевича никогда не умышлялъ; объ убійствѣ царицы были разговоры съ Кузьмою Чермнымъ, который первый началъ; князь В. В. Голицынъ жалѣлъ, что царицу не убили прежде, въ 1682 году; намѣревались произвести пожаръ въ Преображенскомъ; стрѣльцовъ собирали для собственной защиты, а не для бунта. Кто внушилъ царевнѣ мысль вѣнчаться на царство, онъ не знаетъ; ни онъ, ни Голицынъ ей этого не совѣтовали, и Голицынъ даже писалъ объ этомъ изъ похода съ ужасомъ; наконецъ онъ, Шакловитый, писалъ послѣднюю сказку для народа объ обидахъ царевнѣ. Въ умыслѣ на жизнь Петра Шакловитый не повинился, хотя Филиппъ Сапоговъ объявилъ, что Шакловитый подговаривалъ его—какъ пойдетъ царь Петръ въ походъ, бросить на дорогѣ ручныя гранаты или тайкомъ положить ихъ въ сани, также убить государя во время пожара въ Преображенскомъ. Впослѣдствіи, въ 1699 году, стрѣлецъ Петрушка Кривой показывалъ: „послѣ 1682 года я бывалъ въ домѣ у Ѳедьки Шакловитаго, и вмѣстѣ съ Ѳедькою у князя Ивана Засѣкина, и Ѳедька съ княземъ Иваномъ при мнѣ между собою говорили: „ходитъ онъ (государь) на пожары не со многими людьми: убить бы его стрѣльцамъ“.

Шакловитый былъ такъ тѣсно связанъ съ Голицынымъ: участь обоихъ должна была рѣшиться вмѣстѣ. Въ тотъ же день, какъ привезли Шакловитаго, явился къ Троицѣ и князь В. В. Голицынъ съ своими приближенными. Ихъ не пустили въ монастырскія ворота, велѣли стать на посадѣ и не съѣзжать безъ указа. Вечеромъ Гордонъ навѣстилъ Голицына и нашелъ его въ раздумьи. Вечеромъ 9-го числа позвали Голицына съ сыномъ Алексѣемъ во дворецъ. Когда они поднялись на лѣстницу, на встрѣчу вышелъ думный дьякъ и прочелъ имъ указъ, что они лишаются чести боярства, ссылаются съ женами и дѣтьми въ Каргополь, имѣніе описывается на государя, за то, что во 1)—они сестрѣ великихъ государей о всякихъ дѣлахъ докладывали мимо великихъ государей и писали ее съ великими государями обще, и въ книгахъ и на деньгахъ общежъ съ великими государями ее печатать велѣли, безъ указа ихъ, великихъ государей; во 2)—бывъ посланъ въ 1689 году на Крымскіе юрты, князь Василій Голицынъ, пришедъ къ Перекопу, промыслу никакого не чинилъ и отступилъ, каковымъ нерадѣніемъ царской казнѣ учинилъ великіе убытки, государству разореніе, а людямъ тягость.

Шакловитаго съ главными сообщниками осудили на смерть. Сохранилось любопытное извѣстіе, что Петръ не соглашался на казнь ихъ и только патріархъ уговорилъ его, и что когда разнеслась вѣсть, что Шакловитаго будутъ казнить безъ вторичной пытки, то многіе изъ служилыхъ людей собрались въ монастырь, „служа великому государю“, какъ они говорили, и били челомъ, чтобъ велѣно было Шакловитаго пытать еще разъ: пусть объявитъ своихъ соумышленниковъ. Царь выслалъ сказать имъ, что онъ доволенъ показаніями Шакловитаго, и что имъ непригоже мѣшаться въ это дѣло. 11 сентября Шакловитый, Пет-

ровъ и Чермный были казнены смертью, пятисотнаго Муромцева, полковника Рязанцева и стрѣльца Лаврентьева били кнутомъ и съ урѣзаніемъ языка сослали въ Сибирь. А за Голицына все еще продолжалась борьба. Враги его настояли, что ссылка въ Каргополь слишкомъ легкое наказаніе, и что надобно сослать его въ Пустозерскъ; но потомъ, какъ видно, князь Борисъ пересилилъ, и назначенъ былъ Яренскъ мѣстомъ ссылки. Настояли, чтобъ Голицынымъ былъ сдѣланъ, по крайней мѣрѣ, допросъ, на основаніи показаній Шакловитаго. Ихъ допросили на дорогѣ, въ Ярославлѣ: и отецъ, и сынъ клялись, что не припимали никакого участія въ умыслахъ Шакловитаго. Рѣшилась участь и третьяго близкаго къ Софьѣ человѣка, имя котораго неразлучно съ именами Голицына и Шакловитаго, именно Сильвестра Медвѣдева. На очной ставкѣ съ Сапоговымъ Медвѣдевъ заперся. Его разстригли и пытали, дали 15 ударовъ;—не признался. Винился въ одномъ, что говорилъ стрѣльцамъ: „Не бойтесь! хотя царя Петра сторона и повезетъ и много будетъ дней на десять, а то опять будетъ рука сильна стороны царевны". Это говорилъ ему Шакловитый, слыша отъ одного юродиваго. Повинился, что говорилъ про патріарха: „учился мало и рѣчей богословскихъ не знаетъ"; повинился, что подъ портретомъ царевны подписывалъ полный титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы", семь добродѣтелей и вирши. Разстриженнаго, называвшагося теперь уже Сенькою, Медвѣдева отдали въ руки духовному начальству, которое приставило къ нему двоихъ увѣщателей. Сенька принесъ покаяніе въ ереси, объявилъ свою манну обманною. Соборъ опредѣлилъ сжечь манну всенародно, Медвѣдева разрѣшить отъ церковной клятвы и сослать въ монастырь подъ началъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Послѣ долгаго укрывательства схваченъ былъ одинъ изъ главныхъ сообщниковъ Шакловитаго, Стрижевъ, который показалъ на Медвѣдева, что тотъ имѣлъ связь съ какимъ-то полякомъ Силинымъ, занимавшимся чародѣйствомъ и вызваннымъ въ Москву лечить глаза царю Ивану Алексѣевичу. Силинъ долго жилъ у Медведѣва, и тотъ говорилъ ему, что Софья хочетъ выйти замужъ за Голицына, а Медвѣдева возвести на патріаршество вмѣсто Іоакима. Медвѣдева подвергли новой страшной пыткѣ огнемъ и желѣзомъ, и потомъ казнили смертью 11 февраля 1691 года.

Что же дѣлала Софья въ то время, когда на пыткахъ и козняхъ лилась кровь ея приверженцевъ? Послѣ выдачи Шакловитаго, на которой настояли стрѣльцы, единственной надежды царевны,—судьба ея была рѣшена. Петръ написалъ къ старшему брату отъ Троицы, что „милостію Божіею врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, также и братіямъ нашимъ, окрестнымъ государямъ, о государствованіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобъ быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша, царевна Софья Алексѣевна, государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно. А нынѣ злодѣи наши, Ѳедька Шакловитый съ товарищи, не удоволяся милостію нашею, преступя обѣщаніе свое, умышляли съ иными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровьемъ, и въ томъ по розыску и съ пытки винились. А теперь, государь-братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли

есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то-бъ и твоя, государя моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія; къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ! Тебѣ же, государю-брату, объявляю и прошу: позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшія пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь-братецъ, случимся вмѣстѣ, и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя-брата, яко отца, почитать готовъ".

Въ этой граматѣ ничего еще не говорится о будущей участи свергаемой правительницы. Но чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ отъ Троицы въ Москву бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ съ приказомъ Софьѣ идти въ монастырь; послѣ долгихъ отговорокъ она принуждена была повиноваться и переселилась въ Новодѣвичій монастырь.

Софья была въ монастырѣ; царь Иванъ Алексѣевичъ оставался по прежнему царемъ только по имени, занималъ царское мѣсто въ церемоніяхъ, власть перешла къ одному царю Петру. Но семнадцатилѣтній Петръ былъ еще неспособенъ къ управленію государствомъ, онъ еще доучивался, довоспитывалъ себя тѣми средствами, какія самъ нашелъ и какія были по его характеру; у молодаго царя на умѣ были потѣхи, великій человѣкъ объявился послѣ, и тогда только въ потѣхахъ юноши оказались сѣмена великихъ дѣлъ.

XV. Нѣмецкая слобода и вліяніе ея на Петра.

(Изъ „Исторіи Петра Великаго", Брикнера).

Уже въ XVI вѣкѣ у самой Москвы существовала Нѣмецкая слобода; она сгорѣла во время междуцарствія въ началѣ XVII ст. Указомъ царя Алексѣя около половины XVII вѣка предмѣстье это было возобновлено. Религіозныя побужденія заставили царя выселить иностранцевъ, до того времени проживавшихъ въ самой столицѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ въ XVII вѣкѣ сосредоточивалась жизнь иностранцевъ; тутъ были воздвигнуты лютеранскія и реформатскія церкви, тутъ жили врачи и негоціанты, пасторы и офицеры, инженеры и ремесленники. Населеніе Нѣмецкой слободы состояло главнымъ образомъ изъ шотландцевъ, англичанъ, голландцевъ, нѣмцевъ и пр. Здѣсь встрѣчались нѣсколько утонченные нравы, непринужденная обходительность, умственные интересы. То обстоятельство, что иностранцы жили особо, препятствовало ихъ обрусенію; они представляли собою своеобразный элементъ и служили другъ другу опорою при сохраненіи національныхъ и религіозныхъ особенностей, при удовлетвореніи нравственныхъ, научныхъ и литературныхъ потребностей.

До извѣстной степени, здѣсь существовали національныя, религіозныя и политическія партіи; но такого рода антагонизмъ былъ смягченъ космополитизмомъ, свойственнымъ вообще колоніямъ. Слобода находилась подъ вліяніемъ умственнаго развитія западной Европы. Здѣсь было много знатоковъ латинскаго языка; англійскія дамы Нѣмецкой слободы выписывали изъ своей родины романы и драмы. Жители Нѣмецкой слободы находились въ чрезвычайно оживленной перепискѣ со своими родными и знакомыми на родинѣ; весьма часто они предпринимали поѣздки за границу по разнымъ причинамъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ политическихъ событій въ западной Европѣ, за событіями англійской революціи, войны между Англіей и Голландіей и т. п. Все это свидѣтельствуютъ о томъ, что Нѣмецкая слобода могла содѣйствовать сближенію русскихъ съ западною Европою и сообщать Россіи результаты западно-европейской культуры.

Нѣмецкой слободѣ было суждено служить звеномъ между западною Европою и Петромъ во время его юношескаго развитія. Не малороссійскіи монахи и богословы сдѣлались наставниками Петра, а обитатели Нѣмецкой слободы, представлявшей собою образчикъ западно-европейской рабочей силы, предпріимчивости и эрудиціи. Петръ выросъ не въ рутинѣ азіатскаго придворнаго этикета, онъ не получилъ латинско-схоластическаго воспитанія, которое выпало на долю его брата Ѳеодора; этимъ выигрышемъ онъ былъ обязанъ близости и значенію Нѣмецкой слободы, населеніе которой состояло изъ разнородныхъ элементовъ, отличалось нѣкоторымъ космополитизмомъ и представляло собою нѣчто въ родѣ микрокозма всевозможныхъ сословій, призваній, національностей и исповѣданій.

И до Петра уже было замѣтно вліяніе Нѣмецкой слободы на нѣкоторыхъ представителей русскаго общества. Были въ Россіи люди, которые не раздѣляли мнѣнія духовенства, ненавидѣвшаго иностранцевъ, какъ еретиковъ, и черни, оскорблявшей „нѣмцевъ“ и иногда даже мечтавшей объ уничтоженіи всей Нѣмецкой слободы съ ея жителями; были въ Россіи люди, которые умѣли цѣнить превосходство западно-европейской культуры и были склонны къ ученію подъ руководствомъ иностранцевъ.

Такимъ представителемъ прогресса можетъ служить бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Завѣдуя при Алексѣѣ Михайловичѣ Посольскимъ приказомъ, онъ былъ, такъ сказать, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Довольно часто въ домѣ Матвѣева, украшенномъ различными предметами роскоши, заимствованными у западной Европы, происходили переговоры съ иностранными дипломатами. Завѣдуя Аптекарскимъ приказомъ, онъ постоянно находился въ сношеніяхъ со многими иностранными хирургами, докторами и аптекарями, служившими въ этомъ вѣдомствѣ. Жена Матвѣева, какъ говорятъ, была иностраннаго происхожденія. Его сынъ получилъ весьма тщательное воспитаніе, учился разнымъ языкамъ и пріобрѣлъ такую широкую эрудицію, что даже Лейбницъ съ особенною похвалою отзывался объ его познаніяхъ. Извѣстно, однако-жъ, что ученость Матвѣева, нѣкоторое знакомство его съ медициною и естественными науками, нахожденіе у него лечебника, „въ которомъ многіе статьи писаны цыфирью“, послужили врагамъ его поводомъ и средствомъ къ обвиненію его въ колдовствѣ, въ общеніи съ злыми духами.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, человѣкъ замѣчательный умомъ, образованіемъ и опытностью въ дѣлахъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами въ правленіе Софьи до самаго паденія ея, какъ преемникъ Матвѣева въ званіи начальника Посольскаго приказа и какъ предшественникъ Петра, былъ сторонникомъ западно-европейской культуры и дѣйствовалъ въ пользу сближенія съ западною Европою. Въ бесѣдахъ съ иностранными дипломатами, которыхъ онъ приводилъ въ восхищеніе утонченностью и любезностью своего обращенія съ ними, онъ могъ обойтись безъ помощи толмачей, такъ какъ вполнѣ владѣлъ латинскимъ языкомъ. Онъ вообще часто находился въ обществѣ иностранцевъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ сближался, нѣкоторымъ покровительствовалъ; онъ былъ покровителемъ Лефорта, сдѣлавшагося, послѣ государственнаго переворота 1689 года, другомъ царя Петра. Сохранился списокъ книгамъ, принадлежавшимъ Голицыну. Между ними встрѣчаются книги латинскія, польскія и нѣмецкія, сочиненія, относящіяся къ государственнымъ наукамъ, богословію, церковной исторіи, драматургіи, географіи, зоологіи и пр. Голицынъ мечталъ о распространеніи просвѣщенія, объ отправленіи русскихъ для ученія за границу, о разныхъ мѣрахъ для поднятія матеріальнаго благосостоянія народа. Эти мечты оказались, впрочемъ, лишь благими намѣреніями, которыя, какъ извѣстно, нисколько не подтвердились дѣйствительными результатами его управленія дѣлами.

При всей ничтожности эпохи правленія царевны Софьи и князя Голицына, все-таки любопытно, что послѣдній былъ такимъ ученикомъ западно-европейской культуры, какимъ сдѣлался позже Петръ. Но за свою склонность къ иноземнымъ обычаямъ Голицынъ, какъ и Петръ, былъ ненавидимъ многими и вообще не пользовался популярностью въ народѣ. Примѣръ князя Голицына свидѣтельствуетъ о томъ, что Россія уже до Петра находилась на пути прогресса въ духѣ западно-европейской культуры. Но до начала преобразованій Петра люди, охотно поддерживавшіе сношенія съ иностранцами и проникнутые уваженіемъ къ западно-европейской образованности, подобно Матвѣеву и Голицыну, составляли въ Московскомъ государствѣ рѣдкое исключеніе и встрѣчались какъ единичныя личности. Общее же настроеніе по отношенію къ иностранцамъ, обусловливаемое главнымъ образомъ религіозною нетерпимостью, отличалось крайнею недружелюбностью. Особенно рельефно обнаружилось предубѣжденіе противъ иностранцевъ, какъ противъ еретиковъ, и не столько враждебное, сколько, такъ сказать, брезгливое къ нимъ отношеніе въ первые годы послѣ удаленія Софьи, когда Петръ, посвящая свое время любимымъ занятіямъ, ученію, увеселеніямъ, предоставлялъ управленіе дѣлами другимъ. Управлялъ дѣлами, главнымъ образомъ, дядя государя, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, при чемъ непосредственно послѣ переворота 1689 года нѣкоторое время значительное вліяніе на ходъ дѣлъ имѣлъ также и патріархъ Іоакимъ. Патріархъ же не любилъ иностранцевъ, осуждалъ предоставленіе имъ должностей офицеровъ и былъ недоволенъ ихъ положеніемъ въ кругахъ высшаго общества и при дворѣ. Неудачу крымскихъ походовъ приписывалъ онъ участію въ нихъ „еретиковъ". Скоро послѣ государственнаго переворота 1689 года были приняты разныя мѣры, свидѣтельствовавшія о нѣкоторой непріязни къ иноземцамъ. Въ то время, когда сношенія между

Петромъ и иноземцами становились со дня на день болѣе близкими, почтмейстеру Виніусу было поручено просматривать всѣ частныя письма, прибывавшія изъ-за границы или отправляемыя туда, и, смотря по содержанію, уничтожать изъ нихъ тѣ, въ которыхъ заключалось что либо предосудительное. Къ этому времени относится распоряженіе, затрудняющее пріѣздъ иноземцевъ въ Россію, и запросъ, сдѣланный жителямъ Нѣмецкой слободы, на основаніи какихъ правъ или привилегій они тамъ построили протестантскія церкви. Къ этому-же времени относится изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи, а также сожженіе на кострѣ еретика Кульма, но Петръ, вѣроятно, не принималъ никакого участія въ подобныхъ дѣлахъ. Очевидно, во всемъ этомъ важнѣйшую роль игралъ патріархъ, бывшій виновникомъ нѣкоторой реакціи послѣ эпохи западничества князя В. В. Голицына.

Непріязненное отношеніе патріарха Іоакима къ иноземцамъ особенно рельефно обрисовалось въ отношеніяхъ его къ находившемуся въ русской службѣ, въ чинѣ генерала, иноземцу Гордону, съ которымъ Петръ очень сблизился тотчасъ послѣ переворота 1689 года. Царь нуждался въ немъ, какъ въ наставникѣ въ области военной техники, какъ въ собесѣдникѣ, вообще полезномъ своимъ многостороннимъ образованіемъ. Онъ видѣлъ Гордона чуть-ли не ежедневно. Патріархъ-же относился къ нему недружелюбно, какъ къ „еретику“. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ государственнаго переворота, Гордонъ, по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), былъ приглашенъ къ торжественному столу. Однако онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патріархъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ бывать при дворѣ непригоже. Можно думать, что Петру этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, онъ на другой-же день послѣ этого происшествія пригласилъ его отобѣдать съ нимъ гдѣ-то за городомъ.

Еще болѣе рѣзко обнаружился взглядъ патріарха Іоакима въ его завѣщаніи, въ которомъ онъ именемъ Спасителя умоляетъ царей, „да возбранятъ проклятымъ еретикамъ-иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служилыми людьми, но да велятъ отставить ихъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ всесовершенно, потому что иновѣрцы съ нами, православными христіанами, въ вѣрѣ неединомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ несогласны, церкви, матери нашей, чужды;—какая-же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному воинству“? Далѣе патріархъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи подробно о томъ, что „не должно имѣть общенія съ латины, лютеры, кальвины, безбожными татары“. Впрочемъ, и мать Петра, царица Наталія Кирилловна, какъ кажется, раздѣляла воззрѣнія патріарха Іоакима. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ о слѣдующемъ случаѣ нанесенной царицею иноземцамъ обиды: 27-го августа 1690 года, празднуя день своего тезоименитства, она жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣлецкихъ, также гостей и купцовъ, но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоила этой чести и въ чертоги свои не впустила. Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и купцы при пріемѣ занимали мѣсто выше ихъ. Иноземцы считали себя оби-

женными, тѣмъ болѣе, что именно въ то время самъ Петръ ежедневно находился въ ихъ обществѣ, ѣлъ и пилъ съ ними.

Между тѣмъ, въ то время, когда въ дѣлахъ внутренней политики и особенно въ различныхъ мѣрахъ относительно иноземцевъ давало себя чувствовать господство реакціонной партіи, Петръ, по крайней мѣрѣ, въ частной жизни, въ своихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ, пользовался совершенною свободою. Онъ окружалъ себя иностранцами, не обращая вниманія на то, что этимъ нарушалъ господствовавшіе до того обычаи, оскорблялъ національное чувство и патріотизмъ своихъ родственниковъ, родныхъ матери и жены, и многихъ вельможъ, вызывалъ осужденіе народа, твердо державшагося старыхъ обычаевъ. Петръ былъ убѣжденъ въ необходимости учиться въ школѣ иностранцевъ и такимъ образомъ сдѣлался постояннымъ гостемъ въ Нѣмецкой слободѣ.

До 1689 года отношенія Петра къ иностранцамъ ограничивались знакомствомъ съ докторомъ фонъ-деръ-Гульстомъ, съ ремесленниками, напр., Тиммерманомъ и Брандтомъ, и съ военными—полковникомъ Менгденомъ. За то ко времени послѣ государственнаго переворота относится его близкое знакомство съ двумя иностранцами, вліяніе которыхъ на царя сдѣлалось чрезвычайно важнымъ,—съ Гордономъ и Лефортомъ.

Патрикъ Гордонъ родился въ Шотландіи и принадлежалъ къ знатному роду, преданному католицизму и роялизму. Покинувъ рано родину, онъ долго служилъ въ шведскомъ и польскомъ войскахъ. Въ 1660 году онъ вступилъ въ русскую службу. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее образованіе, добросовѣстность и необычайная рабочая сила доставили ему весьма выгодное мѣсто въ Россіи уже при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ. Онъ участвовалъ въ Чигиринскихъ походахъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Кіевѣ въ качествѣ коменданта этого города, затѣмъ принималъ участіе въ крымскихъ походахъ. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и, какъ человѣкъ зажиточный, образованный, обходительный, игралъ весьма важную роль. Будучи завзятымъ сторонникомъ Стюартовъ, онъ постоянно находился въ связи съ противниками англійскаго короля Вильгельма III-го, и узнавалъ вообще обо всемъ, что происходило на западѣ. Онъ былъ лично извѣстенъ королямъ Карлу II и Іакову II. Изъ Англіи онъ весьма часто получалъ карты, инструменты, оружіе, книги; онъ постоянно слѣдилъ за новыми открытіями англійской академіи наукъ, считался опытнымъ инженеромъ, довольно часто оказывалъ существенныя услуги при постройкѣ крѣпостей и былъ изобрѣтателемъ разныхъ военныхъ снарядовъ. Часто хворая, онъ однако былъ веселымъ собесѣдникомъ, участвовалъ въ попойкахъ, и не только въ кругу иностранцевъ, но между русскими пользовался большою популярностью. Нѣтъ сомнѣнія, что Гордонъ, проживъ около 30 лѣтъ въ Россіи до сближенія съ Петромъ, вполнѣ владѣлъ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, онъ могъ сдѣлаться полезнымъ наставникомъ юнаго царя.

Въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія царя въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпами и пр. Петръ сталъ нуж-

даться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ. Главнымъ занятіемъ ихъ было приготовленіе фейерверковъ: царю чрезвычайно понравилась эта потѣха. Гордонъ постоянно участвовалъ въ пирушкахъ у царя, у Нарышкина, Шереметева, Ромодановскаго и др. Въ дневникѣ Гордона упоминается о бесѣдахъ съ Петромъ, объ удовольствіи, доставленномъ царю особенно удавшимся фейерверкомъ, или успѣшными и ловко веденными маневрами. Сынъ и зять Гордона тоже трудились съ Петромъ надъ фейерверкомъ въ царской лабораторіи. Иногда онъ проводилъ съ царемъ цѣлые дни, занимаясь опытами надъ военными снарядами. Однажды, по желанію Петра, были сдѣланы два фейерверка съ цѣлью состязанія между русскими и иностранцами. При одномъ фейерверкѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо, а въ другой разъ самъ Петръ былъ раненъ.

Постоянно находясь у себя въ компаніи „еретиковъ“, Петръ скоро рѣшился побывать въ гостяхъ и у нихъ, въ Нѣмецкой слободѣ. 30-го апрѣля 1690 года онъ съ нѣкоторыми вельможами обѣдалъ у Гордона. Все чаще и чаще затѣмъ повторялось появленіе Петра въ слободѣ. У Гордона царь бывалъ весьма часто, во всякое время, иногда рано утромъ и безъ свиты, какъ бы въ качествѣ частнаго человѣка. Многія черты свидѣтельствуютъ о непринужденности обхожденія царя съ Гордономъ. Петръ присутствовалъ у Гордона на свадьбѣ его дочери и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія царя были очень продолжительны; такъ, напр., 2-го января 1691 года онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать, ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человѣкъ гостей; къ ночи расположились спать „по лагерному“. На другой день вся компанія отправилась обѣдать къ Лефорту. Но молодой царь посѣщалъ Гордона не ради однѣхъ попоекъ; когда однажды Гордонъ заболѣлъ, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробнѣе о болѣзни, а затѣмъ прислалъ ему лекарства. Разъ онъ посѣтилъ Гордона и взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ; въ свою очередь, и Гордонъ бралъ книги у царя, а самъ выписывалъ для него книги изъ-за границы. Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружіи, осматривали новые шомпола, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали составлять планъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непріятельскій лагерь, несмотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этой машины. Довольно часто царь вмѣстѣ съ Гордономъ испытывалъ пушки, мортиры, бомбы и пр. Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона. Гордонъ долженъ былъ отправиться и въ Архангельскъ въ то время, когда царь находился тамъ въ 1694 году.

Многое въ поступкахъ Петра являлось смѣлою новизною. Бывало, прежде, если кто присутствовалъ на похоронахъ, то послѣ этого три дня сряду не могъ являться ко двору. Теперь же самъ царь весьма часто бывалъ на похоронахъ иноземныхъ офицеровъ въ Нѣмецкой слободѣ. Патріарху казалось ужаснымъ нарушеніемъ прежнихъ порядковъ существованіе иновѣрныхъ церквей въ Нѣмецкой слободѣ. Теперь же царь иногда вмѣстѣ съ Гордономъ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи въ молельнѣ, построенной благодаря стараніямъ Гордона.

Не даромъ народъ съ ужасомъ сталъ примѣчать, что царь „возлюбилъ нѣмцевъ": въ глазахъ народа это было ересью.

Къ этому же времени относится начало дружественныхъ отношеній царя къ Лефорту. Францъ Лефортъ былъ гораздо моложе Гордона. Онъ, равно какъ и Гордонъ, до пріѣзда въ Россію много путешествовалъ, не имѣлъ однако случая пріобрѣсти той опытности въ дѣлахъ и того многосторонняго образованія, какимъ отличался Гордонъ. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1675 году; однако здѣсь ему не такъ скоро, какъ Гордону, удалось составить себѣ положеніе. Впрочемъ, онъ находился въ тѣсной связи со многими жителями Нѣмецкой слободы и, отличаясь веселостью нрава, добродушіемъ и честностью, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Богатые иностранные купцы, знатные дипломаты были покровителями Лефорта. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ также былъ его доброжелателемъ. Онъ получилъ чинъ полковника, купилъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ и женился.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Лефортъ былъ талантливымъ человѣкомъ, но въ то же время не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо чрезвычайныхъ способностяхъ его. Гордонъ любилъ заниматься чтеніемъ ученыхъ книгъ,—Лефортъ былъ равнодушенъ къ наукѣ. Образъ его дѣйствій въ Азовскихъ походахъ не можетъ считаться свидѣтельствомъ особыхъ военныхъ способностей. Относительно свѣдѣній въ области политики онъ далеко уступалъ Гордону, бесѣды котораго могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. За то Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра. Гордонъ гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ считаться представителемъ западно-европейской политической и общественной цивилизаціи и потому скорѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейскою культурою. Удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣсколько дней сряду, съ танцами, съ музыкою—были для Лефорта, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ. Гордонъ, напротивъ того, съ трудомъ перенося увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойны вниманія близкія отношенія Гордона къ Петру. Эти отношенія были менѣе интимными, нежели отношенія Петра къ Лефорту, но принесли царю большую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военной техники и пріучая его къ болѣе основательному изученію разныхъ предметовъ. Лефортъ оставался царедворцемъ, Гордонъ не переставалъ быть труженикомъ. Лефортъ легче могъ сдѣлаться другомъ Петра, потому что онъ, такъ сказать, перестала быть швейцарцемъ, не думалъ о возвращеніи на родину, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался вѣрнымъ своей національности, своему исповѣданію и до послѣдняго времени жизни надѣялся на возвращеніе въ Шотландію. Ни на одну минуту Гордонъ не переставалъ считать себя подданнымъ Стюартовъ, тогда какъ вся жизнь Лефорта сосредоточивалась въ личной привязанности къ Петру.

Къ сожалѣнію, не сохранилось ни одного письма царя къ Лефорту; письма послѣдняго къ Петру свидѣтельствуютъ о любви къ царю и веселомъ нравѣ Лефорта; здѣсь очень много говорится о попойкахъ, о разныхъ сортахъ винъ. Въ 1692—93 годахъ Петръ велѣлъ построить для Лефорта великолѣпный домъ, роскошно меблированный; здѣсь происходили самыя веселыя попойки; здѣсь царь до отправленія въ Архангельскъ однажды пировалъ около четырехъ дней сряду. Въ погребѣ у Лефорта находились постоянно большіе запасы виноградныхъ винъ на нѣсколько тысячъ рублей. Во время такихъ пиршествъ бесѣдовали о государственныхъ дѣлахъ на западѣ, пивали за здоровье короля англійскаго Вильгельма III, или произносили тосты въ честь Женевской республики, Генеральныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, и попойки имѣли нѣкоторое политическое значеніе и были нѣкоторымъ образомъ политическою школою. Никто въ той мѣрѣ, какъ Лефортъ, за исключеніемъ Екатерины, не имѣлъ столь сильнаго вліянія на настроеніе духа Петра, который любилъ его всею душою. Когда Лефортъ умеръ, онъ, какъ разсказываютъ, воскликнулъ:—„Друга моего не стало! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?“

Полезною школою для Петра было знакомство и съ другими иностранцами. Отъ Андрея Виніуса, сына зажиточнаго голландскаго купца, занимавшагося еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ горнымъ промысломъ въ Россіи, онъ узнавалъ о многихъ дѣлахъ, происходившихъ на западѣ. Виніусъ, въ качествѣ дипломата, бывалъ за границею, занимался переводомъ разныхъ сочиненій на русскій языкъ, былъ авторомъ труда по географіи, завѣдывалъ нѣкоторое время Аптекарскимъ приказомъ, находился довольно долго въ Малороссіи, въ качествѣ дипломатическаго агента, и въ первое время царствованія Петра управлялъ почтовымъ вѣдомствомъ. Уже это званіе доставляло ему возможность сообщать царю множество заграничныхъ новостей. Петръ, видѣвшійся весьма часто съ Виніусомъ, давалъ ему разныя порученія, относившіяся къ морскому дѣлу, къ горному искусству и пр. Чрезъ Виніуса онъ выписывалъ изъ-за границы разныя книги, инструменты, а также мастеровъ-ремесленниковъ. Позже Виніусъ устраивалъ для царя пороховые и оружейные заводы, лилъ пушки, основалъ школу для моряковъ и пр.

Между другими лицами, окружавшими царя послѣ государственнаго переворота 1689 года, можно назвать еще полковника Менгдена, инженера Адама Вейде, капитана Якова Брюса, переводчика посольскаго приказа Андрея Кревета и др.

Пребываніе Петра въ Нѣмецкой слободѣ и его ежедневное общеніе съ иностранцами должны были имѣть громадное значеніе въ развитіи юнаго царя. Непринужденность его близкихъ отношеній къ людямъ, каковы были Гордонъ, Лефортъ и другіе жители Нѣмецкой слободы, была гораздо болѣе полезною школою для царя, чѣмъ замкнутость придворнаго этикета и церемоніала, господствовавшихъ въ Кремлѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ Петръ встрѣчался всюду съ началомъ вѣротерпимости и космополитизма въ противоположность религіознымъ и національнымъ предубѣжденіямъ, господствовавшимъ въ исключительно русскихъ кругахъ общества. Въ Нѣмецкой слободѣ, служившей образчи-

комъ западно-европейскихъ пріемовъ общежитія, Петръ нѣсколько лѣтъ сряду, до отправленія въ Западную Европу, уже находился нѣкоторымъ образомъ за границею. Шагъ, сдѣланный Петромъ въ 1690 году изъ Кремля въ Нѣмецкую слободу, можетъ считаться болѣе важнымъ, чѣмъ поѣздка за границу въ 1697 году. Нѣмецкая слобода сдѣлалась для него какъ бы первою станціею на пути въ Германію, Голландію и Англію; она служила посредникомъ между Западомъ и Востокомъ; пребываніемъ въ ней Петра оканчивается эпоха древней исторіи Россіи, начинается новая эра для ея развитія. Въ первые годы своего самодержавнаго правленія Петръ занимался организацieю и развитіемъ войска и положилъ начало флоту.

Сдѣлавшись воспитанникомъ наставниковъ - иностранцевъ, онъ мало-по-малу становился способнымъ заняться и внутреннимъ преобразованіемъ государства. Ближайшимъ результатомъ эпохи ученія Петра и его пребыванія въ Нѣмецкой слободѣ были Азовскіе походы. За ними слѣдовало еще болѣе важное событіе—путешествіе за границу.

XVI. Потѣшные походы.

(Изъ „Исторіи царствованія Петра Великаго“, Устрялова).

Окружая себя голландцами, шотландцами, англичанами, швейцарцами и другими иноземцами, Петръ имѣлъ одну цѣль, къ которой давно уже, съ отроческихъ лѣтъ, устремлялъ всѣ свои мысли и желанія,—изучить военное дѣло во всѣхъ видахъ его на сушѣ и на водѣ, отъ самыхъ мелкихъ подробностей техническихъ до высшихъ началъ военнаго искусства, сколько могли изъяснить то и другое избранные имъ наставники. Многаго они сами не понимали, и державный ученикъ пріобрѣталъ необходимыя для него свѣдѣнія болѣе собственнымъ опытомъ, путемъ тяжелаго труда, чѣмъ уроками своихъ учителей. Все, что надобно было знать солдату, матросу, корабельному плотнику, токарю, бомбардиру, піонеру, артиллеристу, инженеру,—все узналъ онъ на самомъ дѣлѣ, и вскорѣ пріобрѣлъ такой во всемъ навыкъ, что едва ли кто изъ окружавшихъ его лицъ умѣлъ искуснѣе его владѣть ружьемъ и топоромъ, точить изъ дерева и кости рѣзныя украшенія, править рулемъ, бросать гранаты, наводить орудія, придумывать составы огненныхъ снарядовъ, устраивать понтоны, закладывать мины и взрывать укрѣпленія на воздухъ. Примѣрныя битвы „потѣшныхъ“ съ стрѣльцами въ окрестностяхъ Преображенскаго и Семеновскаго служили ему средствомъ къ пріобрѣтенію свѣдѣній тактическихъ, а плаваніе по озеру Переяславскому и по Бѣлому морю образовало изъ него моряка. Неутомимый въ трудахъ, Петръ не терялъ ни одной минуты въ праздности, и часто, по собственному выраженію его, „вкушалъ хлѣбъ въ потѣ лица своего, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму“.

Бывали однакожъ дни, когда онъ покидалъ всѣ свои работы и съ товарищами своихъ трудовъ предавался шумному веселью. Онъ зазывалъ свою компанію обыкновенно къ Лефорту, которому впослѣдствіи выстроилъ великолѣпныя палаты на берегу Яузы, иногда ко Льву Кирил-

ловичу Нарышкину въ Фили, къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну, къ Петру Васильевичу Шереметеву, къ генералу Гордону, и веселился далеко за полночь, съ музыкою, танцами, нерѣдко при залпѣ орудій, разставленныхъ вокругъ дома, гдѣ пировала царская компанія.

Предсѣдателемъ пиршества всегда былъ прежній учитель царя, думный дьякъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, прозванный князь-папою, патріархомъ Пресбургскимъ, Яузскимъ и всего Кокуя: онъ строго наблюдалъ за исправнымъ осушеніемъ кубковъ и собственнымъ примѣромъ поощрялъ собесѣдниковъ къ бою съ Ивашкою-Хмельницкимъ, врагомъ невидимымъ, но лукавымъ и опаснымъ, проявлявшимъ свою силу тѣмъ, что одни изъ гостей засыпали на мѣстѣ и ночевали у хозяина, другіе съ трудомъ добирались до своихъ домовъ и, какъ, напримѣръ, Гордонъ, едва въ трое сутокъ могли оправиться. Здравъ и невредимъ бывалъ одинъ царь, котораго на другой день восходящее солнце находило уже за работою. Онъ былъ душою пирующихъ, придумывалъ замысловатыя потѣхи, обходился со всѣми за-просто, дружелюбно, но сердился за прекословіе, но не любилъ ни упорнаго противорѣчія, ни грубой лести; въ особенности не терпѣлъ, если хвалили невѣжество, порицали науку, искусство, или его друзей, и часто одно досадное или неумѣстное слово воспламеняло его такимъ гнѣвомъ, что среди самаго жаркаго разгула собесѣдники умолкали и приходили въ трепетъ. Въ подобныхъ случаяхъ одинъ Лефортъ могъ успокоить взволнованнаго царя. Чрезъ нѣсколько минутъ мрачное чело его прояснялось, гроза утихала, и всѣ принимались за круговую чашу, при громѣ орудій, потрясавшемъ палаты пирующихъ. Особенно весело проводилъ онъ святки и масляницу. На святкахъ, сопровождаемый всею компаніею своею, человѣкъ до 80 и болѣе, подъ именемъ славильщиковъ, онъ посѣщалъ бояръ, генераловъ, богатыхъ купцовъ, славилъ Христа, принималъ дары и веселился по нѣсколько дней сряду. На масляницѣ непремѣнно спускалъ блестящіе фейерверки, которые всегда самъ устраивалъ, собственными руками изготовляя на Потѣшномъ дворѣ ракеты, звѣзды, колеса, шутихи, огненныя картины. Первый фейерверкъ, какого Москва еще никогда не видала, былъ сожженъ на рѣчкѣ Прѣснѣ, 26 февраля 1690 года, въ среду сырной недѣли, съ пушечной пальбою, въ присутствіи царицъ, царевенъ, всего двора, при несмѣтномъ стеченіи народа. Разноцвѣтные огни въ замысловатыхъ фигурахъ, придуманныхъ самимъ царемъ, горѣли далеко за полночь. То же повторялось и въ слѣдующіе годы каждую масляницу. Кромѣ того, фейерверки были необходимымъ условіемъ празднованія именинъ царицы Наталіи Кирилловны. Не всегда они оканчивались благополучно: однажды пятифунтовая ракета, не разрядившись въ воздухѣ, упала на голову какого-то дворянина, который тутъ-же испустилъ духъ; въ другой разъ взрывомъ состава изуродовало Гордонова зятя, капитана Страсбурга, обожгло Франца Тиммермана и до смерти убило троихъ работниковъ. Такъ, въ военныхъ экзерциціяхъ, въ маневрахъ на сушѣ и на водѣ, въ фейерверкахъ и веселыхъ пирахъ, протекли первыя пять лѣтъ царствованія Петра до начала Азовскихъ походовъ. Въ это время не было издано ни одного замѣчательнаго закона, не было сдѣлано ни одного важнаго распоряженія ни по одной отрасли общественнаго благоустройства. Очевидно, царь, еще малоопытный въ искусствѣ государственнаго управленія, исключительно преданный задушевнымъ

мыслямъ своимъ, предоставилъ дѣла обычному теченію въ приказахъ, и едва ли находилъ время для продолжительныхъ совѣщаній съ своими боярами: нерѣдко онъ слушалъ и рѣшалъ министерскіе доклады на пушечномъ дворѣ. То же бездѣйствіе замѣтно и въ дѣлахъ внѣшнихъ: вопреки настоятельнымъ требованіямъ польскаго короля, подкрѣпляемымъ просьбами цесаря, Петръ тщательно уклонялся отъ рѣшительныхъ предпріятій противъ крымскихъ татаръ, не взирая на то, что, озлобленные походами князя Голицына, они не давали намъ покоя ни зимою, ни лѣтомъ, и довольствовался только охраненіемъ южныхъ границъ, поручивъ защиту ихъ Бѣлгородскому разряду, подъ начальствомъ боярина Бориса Петровича Шереметева. Ниже увидимъ, что виною этого бездѣйствія были отчасти несогласія съ Польшею, едва не заставившія нашъ дворъ примириться съ ханомъ крымскимъ; но главная причина заключалась въ томъ, что царь считалъ необходимымъ прежде всего изучить ратное дѣло во всей подробности, для вѣрнѣйшаго успѣха въ борьбѣ съ непріятелями, гдѣ-бы они ни встрѣтились. Военныя потѣхи, примѣрные битвы и походы начались весною 1690 года. Какъ скоро вскрылась Москва-рѣка, Петръ снарядилъ флотилію изъ мелкихъ гребныхъ судовъ, среди коихъ красовался подъ парусами знаменитый ботъ, и въ концѣ апрѣля, съ многочисленною свитою, отправился по теченію Москвы-рѣки къ Угрѣшскому Николаевскому монастырю. Впереди плыли стрѣльцы въ лодкахъ; за ними шелъ на парусахъ царь; за царемъ слѣдовали бояре, царедворцы, иноземцы, въ гребныхъ судахъ. Въ одинъ день прошли верстъ 20 и на закатъ солнца причалили къ берегу, близъ Угрѣшскаго монастыря. Государь посѣтилъ домъ боярина Алексѣя Петровича Салтыкова и дней чрезъ пять возвратился въ Москву. Подробности этого похода не извѣстны; но цѣлью его, безъ сомнѣнія, было ознакомить солдатъ съ чуждою для нихъ стихіею. По возвращеніи въ Преображенское, царь занялся коннымъ и пѣшимъ ученіемъ потѣшныхъ и стрѣлецкихъ полковъ, чтобы приготовить ихъ къ примѣрнымъ битвамъ, назначеннымъ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Первое сраженіе едва не кончилось страшнымъ несчастіемъ. Штурмовали Семеновскій дворъ. Съ обѣихъ сторонъ кидали ручныя гранаты и горшки, начиненные горючими веществами: одинъ изъ нихъ лопнулъ близъ государя; взрывомъ опалило ему лицо и переранило стоявшихъ подлѣ него офицеровъ. По всей вѣроятности, царь былъ раненъ не легко, потому что маневры возобновились не прежде осени. 4 сентября сражались „потѣшные" съ стрѣльцами Стремяннаго полка. Вечеромъ дѣло дошло до запальчивой схватки, и съ обѣихъ сторонъ не мало было раненыхъ. Въ числѣ ихъ находился генералъ Гордонъ: неосторожный выстрѣлъ повредилъ ему ногу выше колѣна, а порохомъ обожгло лицо такъ, что онъ съ недѣлю пролежалъ въ постели. Новая битва „потѣшныхъ" съ Сухаревымъ стрѣлецкимъ полкомъ 11 сентября кончилась благополучнѣе. Также точно прошелъ и слѣдующій годъ. 14 марта спущена на воду новая яхта, въ которой могло помѣститься до 30 человѣкъ; строилъ ее самъ Петръ; ни одинъ плотникъ не помогалъ царю-мастеру, и весело катался онъ на ней по Москвѣ-рѣкѣ до Угрѣшскаго монастыря, не взирая на дурную погоду. Лѣтомъ происходило въ Преображенскомъ непрестанное ученіе „потѣшныхъ", съ пушечною пальбою; большіе маневры назначены были въ августѣ. Наканунѣ Преображенія сказанъ походъ и розданы подъемныя

лошади; но болѣзнь царицы Наталіи Кирилловны принудила отложить потѣхи на цѣлые два мѣсяца.

Между тѣмъ военныя экзерциціи въ селѣ Преображенскомъ не прерывались, и войска готовились „къ великому страшному бою". Составлены были двѣ арміи: одна изъ выборныхъ солдатскихъ полковъ—Преображенскаго, Семеновскаго, Лефортова и Бутырскаго, съ тремя или четырьмя полками рейтаръ и отрядомъ гусаръ; другая изъ полковъ стрѣлецкихъ, также съ рейтарами и гусарами. Первою арміею нашею предводительствовалъ генералиссимусъ Фридрихъ; вторую, непріятельскою, генералиссимусъ Бутурлинъ. Въ началѣ октября открылась между ними война. Генералиссимусъ Фридрихъ, получивъ извѣстіе, что непріятель вышелъ въ поле съ нѣсколькими тысячами пѣшихъ и конныхъ ратныхъ людей, въ намѣреніи дать съ нимъ бой, приказалъ генералу Менезіусу, полковникамъ Крейгу, Лейфелю, Ригимону и маіору Балку укомплектовать рейтарскіе полки, и всѣмъ войскамъ 3 октября 1691 года быть къ смотру въ стольный градъ свой Пресбургъ—земляное укрѣпленіе, сооруженное царемъ близъ села Преображенскаго. Не взирая на сильный дождь, они явились „при доброй справѣ". На 5 октября сказанъ походъ. Между тѣмъ наканунѣ генералъ Гордонъ избралъ мѣсто для укрѣпленнаго лагеря, измѣрилъ его и назначилъ, гдѣ кому стать.

Рано утромъ вся наша армія выступила въ поле и въ тотъ же день заняла крѣпкую позицію на рѣчкѣ Красной, близъ лѣса. Непріятель, находившійся въ дальнемъ разстояніи, ночью подступилъ ближе и около полуночи раскинулъ свой станъ въ полумилѣ отъ нашего лагеря. На зарѣ онъ выбрался изъ обоза „въ крѣпкомъ ополченіи", перемѣшавъ конницу между пѣхотою.

Нашъ генералиссимусъ также вывелъ свое войско въ поле и приготовился къ битвѣ; пѣхоту поставилъ въ центрѣ, съ отрядомъ гусаръ впереди; на флангахъ конницу съ частью пѣхоты; въ резервѣ—конные и пѣшіе баталіоны. Центромъ командовалъ генералъ Головинъ, правымъ крыломъ—генералъ Гордонъ, лѣвымъ—генералъ Лефортъ.

Когда обѣ арміи выстроились одна противъ другой въ боевомъ порядкѣ, „послѣ вытрубки, начали травиться", и завязалось сраженіе. Генералъ Гордонъ двинулъ свою конницу на лѣвое крыло непріятеля, смялъ его и отбилъ четыре знамени; пятое взяли гусарскіе палашники. Не столь удачна была атака генерала Лефорта на правое крыло: рейтары его встрѣтили упорное сопротивленіе и, не взирая „на жестокій напускъ", не могли сломить противника, который стоялъ крѣпко и бился храбро; послѣ многихъ усилій, они успѣли „оторвать" только часть праваго крыла и отступили съ излишнею поспѣшностью; непріятель воспользовался происшедшимъ отъ того въ рядахъ рейтаръ безпорядкомъ и ударилъ имъ въ тылъ такъ стремительно, что Лефортъ не въ силахъ былъ остановить его, и на помощь лѣвому крылу нашему надлежало отрядить нѣсколько ротъ съ праваго; только тогда удалились враги, потерявъ нѣсколько знаменъ и булаву. Послѣ кратковременнаго отдыха, непріятель самъ повелъ атаку; гусары его ударили на нашихъ и потерпѣли жестокій уронъ; начальствовавшій ими генералъ Гулстъ взятъ былъ въ плѣнъ рейтарами „ротмистра Петра Алексѣева съ голою шпагою". Тогда генералиссимусъ Бутурлинъ прибѣгнулъ къ хитрости: изъявляя притворное намѣреніе примириться, онъ подъѣхалъ

къ нашему войску съ нѣсколькими отборными ротами конницы, тихо, какъ-будто для переговоровъ, въ надеждѣ „исплошить" насъ, и вдругъ конница его врѣзалась въ наши полки, а самъ онъ кинулся на нашего военачальника, чтобы его „убить и тѣмъ всю армію обезглавить". Но дорого поплатился коварный врагъ за свой замыселъ: бдительный ротмистръ Петръ Алексѣевъ спасъ пресвѣтлѣйшаго генералиссимуса, а злодѣя его взялъ въ плѣнъ живого. Непріятельскіе всадники, потерявъ вождя, обратились въ бѣгство; наши гнались за ними до самаго ихъ обоза, куда они едва могли уйти и запереться. Между тѣмъ наступилъ вечеръ; генералиссимусъ Фридрихъ отвелъ свое войско въ лагерь, приказавъ плѣннику ѣхать подлѣ себя по лѣвую сторону. Тамъ онъ призвалъ въ свой шатеръ всѣхъ начальныхъ людей, похвалилъ ихъ службу и, при троекратныхъ залпахъ, изволилъ пить про побѣду и про храбрость войска; пилъ также про здоровье взятаго генералиссимуса, который, въ свою очередь, пилъ про своего побѣдителя. Послѣ того непріятельскій полководецъ билъ челомъ нашему вождю, чтобы онъ, „яко государь христіанскій, явилъ милость ему не какъ генералиссимусу, а какъ плѣннику и отпустилъ его въ войско, обѣщая быть на будущее время во всякомъ пріятствѣ и послушаніи: другу—другомъ, недругу — недругомъ". Его пресвѣтлѣйшество, „по благоутробію своему", изъявилъ на то согласіе: самъ вывелъ плѣннаго вождя за лагерь, простился съ нимъ дружелюбно, при троекратномъ залпѣ, и поручилъ ротмистру Петру Алексѣеву проводить его до стана. Непріятельское войско встрѣтило своего полководства съ пушечною пальбою, а храбрый ротмистръ, одаренный шпагою, возвратился въ свой станъ.

Ночью пришли къ непріятелю на подкрѣпленіе четыре полка пѣхоты. Онъ снова возгордился и утромъ прислалъ въ нашъ лагерь сказать, что опять хочетъ битвы. „Забылъ онъ оказанную ему милость,— отвѣчалъ посланному нашъ генералиссимусъ,—но я на то не смотрю, и войско мое къ бою готово". Конницѣ немедленно приказано выступить, а пѣхотѣ расположиться близъ лагеря, потому что и непріятельской пѣхоты въ тотъ день въ поле не было. Сраженіе завязалось около полудня. Съ обѣихъ сторонъ бились „накрѣпко". Мы наконецъ одолѣли, взяли множество знаменъ и загнали непріятеля въ лагерь. Онъ однакожъ не унялся и ночью докучалъ намъ безпрестанными тревогами, такъ что мы принуждены были выслать нѣсколько конныхъ ротъ, которыя, разсѣявъ „подъѣздчиковъ", ударили подъ непріятельскій обозъ у самыхъ рогатокъ, взяли въ плѣнъ 7 человѣкъ, увели 3 лошади и возвратились въ цѣлости. Въ слѣдующій день войска двинулись другъ на друга; но проливной дождь, не перестававшій ни на минуту, развелъ ихъ. 9 октября было рѣшительное дѣло. Обѣ арміи выступили въ поле на утренней зарѣ. Въ 8 часу непріятель пошелъ на насъ смѣло, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить или погибнуть, и какъ въ то время поднялся жестокій вѣтеръ, то онъ сталъ заходить правымъ крыломъ, чтобы поставить насъ лицомъ прямо противъ вѣтра, чѣмъ надѣялся пріобрѣсть не малую выгоду при нападеніи. Угадавъ его мысль, нашъ полководецъ велѣлъ своему войску уступить нѣсколько вправо. Этимъ движеніемъ обнажился лѣвый флангъ нашъ, и лагерь остался безъ защиты. Непріятель спѣшилъ воспользоваться нашею оплошностью, и полковникъ Турнеръ бросился съ полкомъ своимъ на

нашъ лагерь, чтобы взять его и разорить. Но пресвѣтлѣйшій генералиссимусъ не замедлилъ поправить свою ошибку: онъ послалъ на Турнера съ праваго фланга нѣсколько ротъ конницы, которыя ударили ему въ тылъ, солдатъ порубили и разсѣяли, а полковника взяли въ плѣнъ съ 4 знаменами.

Видя такую бѣду, вся непріятельская армія всколебалась и съ великимъ крикомъ, всѣми силами, пѣхотою и конницею, наступила на наше войско. Сраженіе сдѣлалось общимъ; но самый упорный бой былъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ генералъ Лефортъ конными и пѣшими полками „съ яростью" нападалъ на правое крыло непріятеля, между тѣмъ какъ генералъ Головинъ своею пѣхотою тѣснилъ лѣвое. Тамъ и здѣсь враги стояли крѣпко цѣлые пять часовъ, пока Головинъ не сломилъ лѣваго крыла: тогда уступило и правое. Непріятель обратился, наконецъ, въ бѣгство: наши, быстро преслѣдуя его, отрѣзали ему путь къ лагерю, загнали конницу въ прудъ и порубили пѣхоту, отбили всѣ пушки, знамена, повозки. По окончаніи сраженія, побѣдители долго никакъ не могли найти ни своего, ни чужаго главнокомандующаго: никто не зналъ, куда они дѣвались. Послѣ трехчасовыхъ поисковъ открылось, что пресвѣтлѣйшій генералиссимусъ Фридрихъ, увлеченный своею храбростью, съ немногими людьми, прежде всѣхъ ворвался въ непріятельскій лагерь и тамъ, у шатра, ждалъ своихъ сподвижниковъ; а соперника его нашли кроющагося между „трупами".

Войска наши вступили въ станъ враговъ и выстроились передъ шатромъ въ два ряда: на правой сторонѣ стала конница, на лѣвой пѣхота; отбитыя знамена и оружіе разложили по дорогѣ между рядами. Генералиссимусъ вошелъ въ шатеръ, ступая по непріятельскимъ клейнодамъ, и, сѣвъ на свое мѣсто, милостиво похвалилъ за храбрость все свое войско. Потомъ велѣлъ привести плѣннаго вождя и, приказавъ ему съ главными начальными людьми стать предъ собою на колѣни, строго выговаривалъ прежнія его неправды.

Плѣнные кланялись въ землю и просили прощенія.

Послѣ того генералиссимусъ отправился въ свой лагерь; войска привѣтствовали его троекратнымъ залпомъ: первый залпъ былъ, какъ онъ вышелъ изъ шатра; второй, какъ сѣлъ на лошадь; третій, какъ тронулся съ мѣста. Предъ нимъ волокли по землѣ отбитые клейноды, за нимъ вели плѣнныхъ—военачальника на конѣ, прочихъ пѣшкомъ. Прибывъ въ свой лагерь, генералиссимусъ приказалъ всѣхъ начальныхъ людей кормить, самъ былъ при столѣ и пилъ про побѣду съ троекратными залпами. Послѣ пира вышелъ изъ шатра, снова похвалилъ все войско за службу, обѣщалъ награды и, велѣвъ распустить ратныхъ людей по домамъ, самъ отправился въ столичный градъ свой Пресбургъ.

И это дѣло не обошлось безъ ранъ и увѣчья съ обѣихъ сторонъ, а ближній стольникъ, князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій, родной племянникъ боярина князя Юрія Алексѣевича, убитаго стрѣльцами въ 1682 году, заплатилъ самою жизнью за воинскій танецъ, какъ называетъ Гордонъ потѣхи царя: жестоко раненный въ правую руку, онъ умеръ на 9 день. Государь жалѣлъ объ его смерти и собственноручно писалъ Ѳ. В. Апраксину: „Противъ сего 15 числа, въ ночи, въ 6 часу, князь Иванъ Дмитріевичъ отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ

Божіимъ, переселился въ вѣчные кровы, по чину Адамову, индѣже и всѣмъ намъ по времени быти. По семъ здравствуй. Писавый Petrus.“

Натѣшившись вдоволь на сушѣ, Петръ обратился къ любимой стихіи своей, къ водѣ. Съ Іюня мѣсяца 1689 года болѣе двухъ лѣтъ онъ, кажется, ни разу не взглянулъ на свои корабли: по крайней мѣрѣ, Гордонъ, тщательно замѣчавшій въ своемъ журналѣ всѣ походы царя, ни слова не говоритъ о поѣздкахъ его къ Переяславлю-Залѣсскому до ноября 1691 года. Что́ удерживало Петра въ Москвѣ, рѣшить трудно; вѣроятнѣе всего—опасеніе тайныхъ приверженцевъ Софіи, ко́торые могли воспользоваться его отсутствіемъ для возмущенія стрѣльцовъ. Между тѣмъ онъ не забылъ топора, и яхта, спущенная на воду въ Москвѣ весною 1691 года, свидѣтельствовала объ успѣхахъ его въ кораблестроеніи. Не прерывались работы и на озерѣ Плещеевомъ: тамъ трудился Карштенъ-Брантъ; имъ сооружены два небольшіе фрегата съ тремя яхтами. На южномъ берегу озера, въ двухъ верстахъ отъ города, за селомъ Васьковымъ, выстроенъ былъ для пріѣздовъ царя деревянный одноэтажный дворецъ съ окнами изъ слюды, расписанный разными изображеніями, съ дверями, обитыми для теплоты бѣлымъ войлокомъ, съ двуглавымъ на крышѣ орломъ, надъ которымъ блестѣла вызолоченная корона. Вправо отъ дворца находилась деревянная церковь Вознесенія Господня; влѣво, на мысу Гремячемъ—батарея. Прямо предъ окнами дворца, на озерѣ, въ значительномъ разстояніи отъ берега, саженъ на сто, устроена была на сваяхъ пристань. Лѣтомъ суда стояли у пристани; на зиму отводили ихъ въ Трубежъ, къ мосту близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, „что при корабляхъ“. Тамъ они были безопасны отъ льда, который, по вскрытіи водъ, въ бурное время могъ разбить ихъ въ открытомъ мѣстѣ. Поѣздки Петра къ Переяславлю-Залѣсскому возобновились въ концѣ 1691 года и въ продолженіе зимы повторялись неоднократно. Что дѣлалъ онъ тамъ въ зимнее время, когда озеро было покрыто льдомъ и суда стояли на берегу въ сараяхъ? Этого не объясняетъ ни Гордонъ, записавшій всѣ поѣздки царя, ни самъ Петръ, увѣдомлявшій царицу Наталію Кирилловну о благополучномъ и „изобильномъ пребываніи въ Переяславлѣ на пользу свою“. Очевидно однакожъ, онъ не могъ жить тамъ по нѣсколько недѣль безъ важнаго дѣла, и точно: генералиссимусъ, князь Ѳедоръ Юрьевичъ, видя успѣхи его въ строеніи судовъ на Яузѣ, объявилъ ему, какъ уже опытному мастеру, свой „государскій указъ“ построить въ Переяславлѣ военный корабль къ веснѣ 1692 года. Петръ взялъ съ собою 16 своихъ учениковъ, трудившихся съ нимъ прежде на Яузѣ, „корабельнаго дѣла мостильщиковъ“ (большею частью, кажется, солдатъ Преображенскаго полка), въ томъ числѣ любимаго сержанта Екима Воронина, искуснаго въ щегольномъ (мачтовомъ) мастерствѣ, и собственными руками заложилъ на Переяславской верфи корабль. Онъ такъ ревностно принялся за работу, что не хотѣлъ возвратиться въ Москву для торжественнаго пріема персидскаго посланника, и царскіе министры, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, нарочно ѣздили въ Переяславль убѣждать государя въ необходимости обычной аудіенціи, для избѣжанія ссоры съ шахомъ.

Чрезъ два дня послѣ пріема посла, онъ ускакалъ къ своимъ кораблямъ, приказавъ квартирмейстеру Преображенскаго полка, Лукѣ

Хабарову, перевезти изъ Москвы шлюпки и карбасы на озеро Плещеево. Тамъ готовилось торжество, доселѣ невиданное и неслыханное въ Россіи, послѣ уже часто повторявшееся и всегда празднуемое Петромъ, какъ день радости и славы, — спускъ корабля. Государь пригласилъ въ Переяславль свою избранную компанію, съ удовольствіемъ показывалъ ей построенныя суда, катался на нихъ по озеру, между тѣмъ неутомимо трудился на верфи, и 1 мая 1692 года, въ шестое воскресенье послѣ Пасхи, первый корабль, сооруженный умомъ и трудами самого царя, благополучно сошелъ на воду. Для полнаго удовольствія Петра не доставало одного: присутствія царицъ. Наконецъ, пріѣхали и онѣ со всѣмъ дворомъ въ концѣ іюля 1692 года и цѣлый мѣсяцъ провели въ Переяславлѣ. 1 августа было торжественное водоосвященіе съ крестнымъ ходомъ; недѣли чрезъ двѣ пришли изъ Москвы полки, и начались маневры на сушѣ и на водѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ всѣ воинскія почести отдавались князю Өеодору Юрьевичу Ромодановскому, украшенному, кромѣ прежняго титула генералиссимуса, саномъ адмирала. 14 августа былъ обѣдъ на адмиральскомъ кораблѣ, съ церемоніею; 18 числа, рано утромъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, флотилія вступила подъ паруса и, переплывъ чрезъ озеро, у противоположнаго берега бросила якорь; противный вѣтеръ задержалъ ее тамъ двое сутокъ; 21 августа она снялась съ якоря и возвратилась къ пристани. Послѣ того настали веселыя пиршества. Царица Наталія Кирилловна была, кажется, очень довольна своимъ путешествіемъ, отпраздновала день своего тезоименитства въ Переяславлѣ и не прежде сентября возвратилась въ Москву, не совсѣмъ однакожъ здоровою; впрочемъ, болѣзнь ея скоро миновала.

Несравненно болѣе опасеній возбудила болѣзнь самого царя. Отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и, вѣроятно, отъ излишнихъ пиршествъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ занемогъ кровавымъ поносомъ, слегъ въ постель и особенно слабъ былъ въ половинѣ декабря, такъ что отчаявались въ его жизни. Любимцы его были въ ужасѣ, зная, что въ случаѣ кончины государя, при неминуемомъ господствѣ Софіи, ихъ ждетъ плаха или вѣчная ссылка, и болѣе близкія къ нему лица, Лефортъ, князь Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми, въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы. Провидѣніе сохранило Петра для Россіи. Около Рождества онъ сталъ поправляться и въ концѣ января, еще не совсѣмъ, впрочемъ, здоровый, разъѣзжалъ по городу, созывая гостей, въ званіи шафера, на свадьбу нѣмецкаго золотыхъ дѣлъ мастера, распоряжался на свадебномъ пиру и безпрестанно подчивалъ гостей напитками; самъ однакожъ пилъ мало. Къ масляницѣ онъ совершенно выздоровѣлъ и на Прѣснѣ спустилъ обычный фейерверкъ, изготовленный его собственными руками. Послѣ троекратнаго залпа изъ 56 орудій, вспыхнулъ бѣлымъ огнемъ павильонъ съ вензелевымъ именемъ въ голландскихъ буквахъ генералиссимуса, князя Өедора Юрьевича Ромодановскаго; потомъ явился огненный Геркулесъ, раздирающій пасть льва, между тѣмъ летѣли на воздухъ изъ царскихъ рукъ ракеты. Фейерверкъ заключился роскошнымъ ужиномъ, который продолжался до трехъ часовъ пополуночи.

По окончаніи масляницы Петръ уѣхалъ въ Переяславль и провелъ тамъ великій постъ въ кораблестроеніи; послѣ Пасхи онъ снова отправился

туда и недѣли три плавалъ по озеру Плещееву. Эта поѣздка была послѣднею: чрезъ два мѣсяца онъ перенесъ свои потѣхи на волны океана и съ тѣхъ поръ посѣщалъ Переяславль-Залѣсскій только проѣздомъ изъ Москвы къ Архангельску, да передъ началомъ Азовскихъ походовъ, для осмотра и выбора орудій въ походную артиллерію. Послѣ того, болѣе 25 лѣтъ не былъ въ немъ ни разу. Суда стояли на берегу Трубежа и, едва прикрытыя ветхими сараями, гнили и разрушались. Въ такомъ состояніи увидѣлъ Петръ свою Переяславскую флотилію въ 1722 году, на пути въ Персію, когда русскій флагъ уже развѣвался по Балтійскому морю. Грустно ему было смотрѣть на разрушеніе трудовъ своей молодости, положившихъ начало морскому дѣлу въ Россіи, и онъ строгимъ указомъ повелѣлъ Переяславскимъ воеводамъ „беречь остатки кораблей, яхты и галеры; „а буде опустите,—присовокупилъ государь,—взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ“. Воля его не исполнилась. Изъ всей флотиліи Переяславской уцѣлѣлъ одинъ небольшой ботъ, сбереженный крестьянами села Васькова и съ 1803 года сохраняемый въ особоустроенномъ зданіи подъ надзоромъ отставныхъ матросовъ; фрегаты же, яхты и галеры не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ, но не исчезли изъ памяти народной: по дѣдовскимъ разсказамъ, жители Переяславля знаютъ, что когда-то на берегу Трубежа, близъ церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы, въ сараяхъ стояли корабли, и самая церковь доселѣ слыветъ „при корабляхъ“. Помнятъ жители Переяславля и спускъ корабля, сооруженнаго трудами самого государя. Шестое воскресенье послѣ Пасхи, когда царь-плотникъ подрубалъ подпоры, и корабль величаво сошелъ въ озеро, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ, до сихъ поръ ежегодно празднуется особымъ торжествомъ: все переяславское духовенство въ полномъ облаченіи, съ св. иконами, хоругвями и крестами, сопровождаемое многочисленною толпою народа, иногда тысячъ до шести, идетъ изъ Успенскаго собора къ берегу Трубежа, гдѣ нѣкогда стояли корабли, помѣщается здѣсь въ большой плашкоутъ и, при священномъ пѣснопѣніи, съ развѣвающимися хоругвями, выплываетъ на средину Переяславскаго озера; тамъ совершается обрядъ водосвятія, и набожные богомольцы съ умиленіемъ обращаютъ взоръ на югъ, къ ботику Петра Великаго.

XVII. Петръ Великій въ Архангельскѣ.

(Изъ соч. Н. Полевого „Обозрѣніе русской исторіи до единодержавія Петра“).

Іюля 4-го 1693 года, говоря матери, что долженъ исполнить обѣщаніе, данное въ болѣзни—посѣтить Соловецкую обитель, Петръ отправился въ Архангельскъ. Съ нимъ были Лефортъ, Ромодановскій, Шеинъ, Нарышкины, Лопухины. Вся свита царская простиралась до ста человѣкъ. Съ Вологды поплыли по рѣкамъ Сухонѣ и Двинѣ на приготовленныхъ для того стругахъ, и 28-го іюля загремѣли пушки на Холмогорской крѣпости, едва показался царскій стругъ изъ-за Курострова. Царя встрѣтилъ и привѣтствовалъ архіепископъ Аѳанасій. Сей пастырь, умный и просвѣщенный, препроводилъ знаменитаго посѣ-

тителя въ древній городской соборъ съ иконами и благочестнымъ пѣніемъ. Царь въ тотъ же день осмотрѣлъ мельницу архіерейскую, огороды, заведенія; послѣ ужина долго гулялъ по Двинѣ въ маленькой шнякѣ и ночевалъ на стругѣ своемъ. Іюля 30-го колокольнымъ звономъ и пальбою привѣтствовали царя въ Архангельскѣ. Онъ проплылъ черезъ городъ къ устью Двины, гдѣ находится пристань морская между островами, и остановился въ нарочно выстроенномъ для него небольшомъ дворцѣ на Моисеевскомъ островѣ.

Широкая, какъ морской заливъ, Двина, иностранные корабли, коихъ приходило въ Архангельскъ ежегодно по пятидесяти, обращеніе съ иностранными шкиперами и купцами, торговая дѣятельность и самый бытъ жителей, измѣненный сильнымъ вліяніемъ всегдашняго обращенія архангелогородцевъ съ чужеземцами, коихъ уже не считали здѣсь еретиками, и, наконецъ, видъ безконечнаго моря—все такъ увлекло и заняло вниманіе царя, что онъ остался въ Архангельскѣ до осени. Ничто не укрылось здѣсь отъ его любопытнаго взора. Въ платьѣ голландскаго морехода осматривалъ царь иностранные корабли, остался на нихъ, ознакомился со всѣми шкиперами ихъ и, въ сопровожденіи многихъ иностранныхъ кораблей, три раза пускался въ море на яхтѣ, построенной къ пріѣзду его и названной „Св. Петръ". Царь утверждалъ тогда рисунокъ флага русскаго: образцомъ его избралъ онъ нидерландскій, но только полосы расположены были имъ иначе (красная, синяя и бѣлая). Въ первый разъ возвѣялся тогда на морскихъ волнахъ флагъ Россіи, дотолѣ невиданный. Въ одной изъ морскихъ прогулокъ царь переплылъ черезъ Бѣлое море и достигъ рѣки Поноя, на сѣверномъ берегу его. Весело праздновали съ царемъ русскіе и иностранцы дни имянинъ матери его, брата и невѣстки, при пушечной и ружейной пальбѣ. Иногда царь слушалъ обѣдню въ ближайшей къ жилищу его церкви св. Иліи, самъ читалъ Апостолъ, пѣлъ съ дьячками на клиросѣ и послѣ обѣдни заходилъ на водку къ священнику. Нерѣдко угощалъ его архіепископъ Аѳанасій и изумлялся мудрымъ бесѣдамъ юнаго властителя Россіи „о бытѣ не только царскомъ и боярскомъ, но и простыхъ людей, работахъ ихъ, строеніи домовъ и заводовъ, путешествіяхъ по рѣкамъ и морямъ и корабельномъ искусствѣ". Царь встрѣчалъ архипастыря во дворцѣ своемъ съ пальбою и, прощаясь съ нимъ, подарилъ ему свою карету и стругъ съ флагами, между коими былъ одинъ съ крестами, названный Іерусалимскимъ. Царь самъ провожалъ Аѳанасія, плылъ за судномъ его въ лодочкѣ, дорогою ловилъ рыбу, показывалъ въ Архангельскѣ приготовленный для потѣхи *огненный караблик*ъ (брандеръ) и зажигалъ ракеты и гранаты, спуская ихъ на Двину съ городского моста. Апраксину приказано было нагрузить товарами корабль и отправить въ Голландію съ надежнымъ человѣкомъ, препоручивъ посланному купить въ Амстердамѣ военный корабль и привести его будущею навигаціею въ Архангельскъ.

Царь выѣхалъ въ Архангельскъ 1-го сентября. Изъ Холмогоръ отправилъ онъ свиту свою сухимъ путемъ до Москвы, а самъ съ немногими поплылъ въ кораблѣ до деревни Кочетовой, осмотрѣвши на пути обширныя пильныя и мучныя мельницы Вавчугскія, гдѣ заготовляли для заморскаго отпуска муку и доски. Заботясь объ отправкѣ въ Голландію корабля, царь писалъ о томъ Апраксину съ пути, не забывая

и ничтожныхъ мелочей. Пріѣздъ царя въ Москву ознаменовался важною новостью: на большомъ пирѣ среди мужчинъ явились женщины— жены и дочери иностранцевъ, и были во дворцѣ танцы. Супруга Петра, вопреки закоренѣлому суевѣрію, участвовала въ неслыханномъ прежде увеселеніи.

Въ началѣ 1694 года тяжкая скорбь поразила сердце Петра: скончалась мать его, царица Наталія. „Не могу извѣщать подробно, но „глухо объявляю скорбь мою,—писалъ онъ Апраксину.—Вспоминаю слова „апостола Павла: „не скорбѣть объ умершихъ“ и слова Ездры, „что „минувшаго не возвратить“. Роптать не смѣю, покоряясь тайнѣ непостижимой, и предаю все волѣ Божіей. Будемъ думать о живыхъ, оставя „умершихъ, хотя скорбь моя и требовала бы времени и отдыха“.

Не давалъ себѣ отдыха юный царь. Скорбя о кончинѣ матери, тѣмъ болѣе хотѣлъ онъ заглушить эту скорбь трудами, уже свободнѣе располагая всѣми своими предпріятіями, отъ коихъ дотолѣ отвлекали его совѣты и просьбы царицы Наталіи. Немедленно распоряжено было второе путешествіе царя въ Архангельскъ, а въ Москвѣ начали готовиться на осень къ большимъ воинскимъ маневрамъ. „Докладывалъ я его величію, князю Кесарю (Ромодановскому),—писалъ Петръ шутливо Апраксину,—спрашивая его величіе, когда ему угодно будетъ назначить отъѣздъ свой въ Архангельскъ. И онъ изволилъ сказать, что онъ, человѣкъ смѣлый на войнѣ и къ морскому дѣлу охотникъ, далѣе апрѣля въ Москвѣ не останется. А „братецъ“ его (царь разумѣлъ здѣсь самого себя), какъ аѳинянинъ, страстенъ къ новостямъ и отъ него отстать не захочетъ. Потому спѣши дѣломъ, а паче заботься о кораблѣ. Кланяюсь тебѣ, *блочный мастеръ Питеръ съ товарищами*“. Мая 1-го выѣхалъ царь изъ Москвы, проплылъ, не останавливаясь, мимо Холмогоръ и 18-го былъ въ Архангельскѣ. Сюда явился къ нему архіепископъ Аѳанасій и долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ царемъ въ Соловецкій монастырь, хотя и боялся морского пути. Передъ отъѣздомъ служили молебенъ. Царь пѣлъ звучнымъ басомъ съ пѣвчими, и 29-го мая отплылъ съ Аѳанасіемъ и свитою на яхтѣ архіепископской, весьма неудобной и неловкой. Къ ужасу спутниковъ царя, едва выплыла яхта на средину Бѣлаго моря, возстала страшная буря. Тщетно убѣждалъ, ободрялъ другихъ царь. Всѣ отъ страха потеряли голову, молились, плакали, прощались одни съ другими. Не унывалъ только Петръ. Душа его какъ-будто радовалась борьбѣ съ раздраженною стихіею. По счастью, на яхтѣ нашелся опытный лоцманъ, служитель Соловецкаго монастыря, Антипъ Тимоѳеевъ. Видя, что только Антипъ сохраняетъ присутствіе духа, царь обратился къ нему и совѣтовался съ нимъ. Антипъ сказалъ, что осталось одно средство спастись отъ гибели — направить карабль къ ближайшей гавани, Унскіе Рога. Царь велѣлъ отдать ему руль и команду, но не вытерпѣлъ самъ и началъ вмѣшиваться въ распоряженія.—„Поди прочь!—закричалъ разсерженный Антипъ,—я знаю, что дѣлать! Если ты мнѣ отдалъ руль, что же ты мѣшаешься въ мое дѣло?“ Смиренно отошелъ отъ него царь. Антипъ искусно управилъ судно къ берегу и счастливо провелъ его среди опасныхъ каменьевъ, коими усѣянъ входъ въ Унскую гавань.—„Помнишь ли, пріятель, какъ ты отпотчивалъ меня на морѣ?“—смѣясь, спросилъ тогда царь у Антипа. Испуганный лоцманъ упалъ къ ногамъ его.—„Нѣтъ, ты былъ правъ, а

я виноватъ, вмѣшавшисьне въ свое дѣло",—отвѣчалъ царь, поцѣловалъ Антипа и подарилъ ему на память свое мокрое дорожное платье. Радостно спѣшили всѣ благодарить Бога въ уединенной Петроминской обители, построенной здѣсь въ XVI-мъ вѣкѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ выкинуло море тѣла двухъ святыхъ соловецкихъ иноковъ. Съ пѣснями духовными встрѣтили нежданнаго гостя игуменъ и монахи и изумились простотѣ обращенія своего великаго гостя. Царь пѣлъ съ ними запросто въ церкви, обѣдалъ за ихъ трапезою и при отъѣздѣ щедро одарилъ обитель. Желая оставить здѣсь память своего пребыванія, онъ вырубилъ огромный деревянный крестъ и самъ вырѣзалъ на немъ надпись голландскую: „Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ 1694 года". На плечахъ своихъ, при пособіи другихъ, отнесъ онъ крестъ къ берегу и водрузилъ тамъ. Донынѣ хранится сей памятникъ благочестія и пребыванія царя въ Петроминской обители, куда перенесли его въ 1802 году.

Буря утихла, и 6-го іюня царь пустился въ Соловецкій монастырь. Настоятелемъ этого монастыря въ 1694 году былъ архимандритъ Фирсъ. Въ бесѣдѣ съ нимъ, раздѣляя скудную трапезу братіи и вознося ихъ заздравную чашу, провелъ царь цѣлую недѣлю. И здѣсь оставилъ онъ на память крестъ, хранимый донынѣ въ особой часовнѣ. Щедро одарилъ онъ обитель и не забылъ добродушнаго Антипа, приказавъ навсегда уволить его отъ работъ, подаривши ему 25 рублей и 5 рублей на одежду.—„Я исполнилъ данное мною обѣщаніе поклониться мощамъ угодниковъ, превозлюбленный мой государь, отецъ и братъ!"—писалъ Петръ царю Іоанну.

Нетерпѣливо ожидалъ Петръ прихода корабля, купленнаго по его заказу въ Голландіи. Но время не проходило праздно. Царь рѣшился испытать всю морскую службу такъ, какъ испыталъ всю службу сухопутную, и выбралъ себѣ въ учителя искуснаго шкипера голландскаго Виллемсона. Добродушный учитель царскій сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ.—„Если хочешь учиться, начинай съ должности цвиббера (каютнаго мальчика), и потомъ будь каютъ-вахтеромъ и матросомъ",—сказалъ Виллемсонъ царю, смѣясь.—„А какая цвиббера должность?" спрашивалъ царь.—„Вотъ, поди, набей мнѣ трубку и принеси мнѣ водки! Надобно учиться служить другимъ, пока не научишься самъ повелѣвать". Царь бросился поспѣшно и исполнилъ приказаніе.—„Хорошо,—сказалъ Виллемсонъ,—теперь полѣзай на мачту!" И онъ ужаснулся, когда царь отважно началъ взбираться на самый верхъ мачты. Но Петръ требовалъ продолженія уроковъ и прошелъ съ Виллемсономъ всю службу морскую до офицерскаго чина.

Наконецъ, прибылъ давно ожидаемый корабль. Августа 1-го царь пустился на немъ въ море, сопровождаемый иностранными судами. Всею эскадрою начальствовалъ англійскій шкиперъ Іольсенъ. Царь находился безотлучно при немъ, стоялъ на вахтѣ, изучалъ подробности управленія кораблемъ. Плаваніе простиралось до св. Носа или устья Бѣлаго моря и продолжалось 10 дней. Не одна навигація занимала между тѣмъ царя: во время плаванія составлялъ онъ съ Гордономъ, коего взялъ съ собою въ Архангельскъ, расположеніе маневровъ московскихъ, распредѣлялъ войско, чертилъ планы.

XVIII. Азовскіе походы.

(Изъ соч. Щебальскаго: „Чтеніе изъ русской исторіи съ исхода XVII вѣка".)

Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ замышлялъ (въ 1694 г.) сдѣлать Архангельскъ главнымъ торговымъ и военнымъ портомъ Россіи, не имѣя въ виду другаго. Но скоро ему представился случай устроить портъ на совершенно другомъ концѣ своего царства, въ краѣ плодоносномъ, на берегу не столь унылаго моря, какъ Ледовитое. Правда, море это надобно было добывать оружіемъ, но Петръ не отступилъ передъ этимъ затрудненіемъ.

Надобно вспомнить, что договоромъ, заключеннымъ въ 1686 году съ Польшей, мы взаимно обязывались не заключать съ турками и татарами отдѣльнаго мира. Мира и не было заключено, но послѣ двухъ неудачныхъ походовъ Голицына, не одобряемые сильною партіею при дворѣ, они были пріостановлены. Король польскій жаловался на это; мы жаловались, что онъ не поддерживалъ насъ въ предшествовавшія войны, и безплодная переписка по этому предмету продолжалась четыре года. Между тѣмъ Петръ пришелъ къ той же мысли, которую имѣли царевна и Голицынъ: онъ убѣдился, что обладаніе берегами Чернаго моря можетъ быть очень полезно Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, немного нужно было проницательности, чтобъ увидѣть невыгоды Архангельскаго порта, запертаго льдами половину года и находящагося на оконечности скуднаго, печальнаго края. Что́ можно было доставлять къ нему Двиной, кромѣ лѣса и льна? Несравненно болѣе предметовъ для торговли могли доставить Волга, Днѣпръ и Донъ. Но Волга впадаетъ въ такое море, въ которомъ торговля не обѣщала большого развитія въ близкомъ будущемъ и гдѣ не нуженъ былъ военный флотъ, а Днѣпръ только однимъ берегомъ принадлежалъ Россіи (правый берегъ принадлежалъ тогда Польшѣ). За то Донъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ выгоды, онъ протекаетъ по весьма плодоноснымъ областямъ, берега его были порядочно населены, и тогдашнія небольшія суда могли весьма удобно плавать по всему его теченію. Но устье его было заперто турецкою крѣпостью— Азовомъ. Надо было, слѣдовательно, взять Азовъ, и Петръ рѣшился возобновить войну.

Крымскіе походы показали, что рать, хотя бы и многочисленная, хотя бы даже очень храбрая, не составляетъ еще всѣхъ условій для успѣха. Военное искусство есть искусство весьма сложное. Петръ имѣлъ въ немъ гораздо больше свѣдѣній, нежели Голицынъ; онъ выучился у своихъ учителей, московскихъ нѣмцевъ, всему, чему они могли выучить: онъ понялъ превосходство регулярнаго строя передъ нестройною толпой, научился располагать войско въ бою по всѣмъ правиламъ тогдашней тактики, научился вести осадныя работы и штурмовать укрѣпленія, а управленіе правильно организованными полками, съ которыми онъ постоянно маневрировалъ около Москвы, научило его важному искусству принимать мѣры къ обезпеченію продовольствія войскъ. По всему этому можно было, казалось, ожидать успѣха въ предстоявшемъ походѣ. И

точно, онъ былъ веденъ гораздо искуснѣе всѣхъ прежнихъ, а между тѣмъ крѣпостца, которая была бы разбита въ прахъ сотней выстрѣловъ изъ нынѣшнихъ орудій, едва была взята въ два года и стоила намъ много крови.

На 1695 годъ былъ объявленъ походъ, но не противъ Азова, а противъ Крыма: Петръ хотѣлъ скрыть истинную цѣль свою, чтобъ тѣмъ легче овладѣть турецкою крѣпостью. Поэтому въ то время, какъ многочисленная рать стягивалась на южную границу Украйны и подъ начальствомъ славнаго въ послѣдствіи Бориса Петровича Шереметева и Мазепы направлялась къ низовью Днѣпра, до 30,000 лучшаго войска—отчасти стрѣлецкихъ, но больше солдатскихъ полковъ и гвардіи—были двинуты въ Землю Донского казачьяго войска, прилегавшую въ то время къ турецкимъ владѣніямъ. Въ одно время съ движеніемъ этой арміи, по Хопру и Дону плыли сотни барокъ съ провіантомъ, снарядами и артиллеріей.

Въ началѣ іюня открыты были осадныя работы противъ азовскихъ укрѣпленій, и начало ихъ было довольно удачно. Скоро, однакожъ, искусство нашихъ инженеровъ, въ числѣ которыхъ находимъ Тиммермана, оказалось далеко неудовлетворительнымъ. Между начальствомъ была разладица. Замѣчательно, что въ этомъ походѣ не было общаго начальника, которому всѣ были бы обязаны повиноваться; главныхъ начальниковъ было три: Лефортъ, Гордонъ и Головинъ. Изъ нихъ только Гордонъ былъ хорошо знакомъ съ военнымъ дѣломъ, изучивъ его и изъ книгъ, и изъ опыта, во время долгой службы своей какъ за границей, такъ и у насъ. Лефортъ, хотя и ему случалось обнажать оружіе, ничѣмъ никогда не командовалъ, а Головинъ очень твердо зналъ „воинскій артикулъ" и хорошо командовалъ гвардейскими полками, которыхъ онъ былъ начальникомъ, на ученьяхъ, но о другихъ его военныхъ качествахъ исторія умалчиваетъ. Что касается Петра, то хотя онъ проводилъ дни и ночи въ траншеяхъ, самъ наводилъ орудія и подвергался безпрестаннымъ опасностямъ, и хотя у него было болѣе военныхъ способностей, чѣмъ у всѣхъ трехъ его генераловъ вмѣстѣ, но начальствовать арміей онъ не взялъ на себя: почему?—это трудно сказать. Никто не станетъ утверждать, чтобы скромность и смиреніе были его отличительными чертами: напротивъ, онъ держалъ власть свою чрезвычайно твердою рукою и зналъ мѣру своихъ необыкновенныхъ способностей; но въ продолженіи всей твоей жизни онъ любилъ въ иныхъ случаяхъ отодвигаться на второй планъ и съ удивительной серьезностью разыгрывалъ роль подданнаго и подчиненнаго. Такъ, напримѣръ, считаясь капитаномъ бомбардирской (артиллерійской) роты Преображенскаго полка, онъ получалъ жалованье по этому званію, приказывалъ называть себя то *басомъ*, то-есть корабельнымъ мастеромъ, Петромъ Михайловымъ, то командоромъ, то шаутбенахтомъ (морскіе чины). Всего страннѣе были отношенія его къ князю Ромодановскому, одному изъ его любимцевъ, сановнику честному, но любившему выпить, суровому нравомъ и не отличавшемуся особыми дарованіями. Петръ называлъ его *кесаремъ*, т. е. императоромъ, и это не въ шутку; писалъ къ немъ въ письмахъ: *min her Kenich*, *билъ челомъ*, *доносилъ рабски*, титуловалъ *величествомъ*, что, однакожъ, не мѣшало ему порой и пригрозить этому кесарю. Такъ, однажды, Ромодановскій наложилъ слишкомъ крѣпко свою лапу на одного изъ прибли-

женныхъ Петра. „Звѣрь,—написалъ царь къ нему, узнавъ объ этомъ,—долго-ль тебѣ людей жечь?.. Перестань знаться *съ Ивашкою* (т. е. пить хмельное), быть отъ него рожѣ драной“! Такъ и подъ Азовомъ Петръ приказывалъ называть себя то бомбардиромъ, то „каптейномъ“, но это не мѣшало ему посылать иногда приказанія Лефорту, Головину и Гордону, а вслѣдъ за тѣмъ опять прикидываться маленькимъ человѣчкомъ и извиняться передъ княземъ Ромодановскимъ за какой-нибудь сдѣланный имъ промахъ.

Между тѣмъ осада продолжалась; сдѣланы были два штурма, но оба не удались; подведенные подъ крѣпость подкопы повредили менѣе ей, нежели осаждающимъ, а между тѣмъ азовскій гарнизонъ получалъ и продовольствіе, и подкрѣпленія съ моря. Осень наступила; начались въ нашемъ лагерѣ болѣзни, и мы принуждены были снять осаду. Не больше сдѣлано было и Шереметевымъ съ Мазепой на низовьяхъ Днѣпра.

Это, конечно, огорчило, но не смутило Петра и не заставило его отказаться отъ намѣренія овладѣть Азовомъ; онъ только съ удвоенною энергіей принялся за приготовленіе новыхъ средствъ, чтобы не испытать неудачи во второй разъ. Онъ убѣдился, что наши инженеры очень плохи и что многоначаліе на войнѣ не приводитъ ни къ чему доброму; поэтому главнымъ начальникомъ всей осады на слѣдующій годъ былъ назначенъ бояринъ Шеинъ, пріобрѣтшій нѣкоторую репутацію въ Крымскихъ походахъ, а за искусными инженерами послано въ Германію. Очевидно также было, что Азовъ не будетъ взятъ, пока входъ въ Донъ съ моря не будетъ запертъ и не будутъ отняты у турокъ средства присылать подкрѣпленія и продовольствіе осажденнымъ. Но какъ достигнуть этого? Надобно бы создать флотъ. И Петръ рѣшился создать флотъ въ теченіе осени и зимы.

Мѣстомъ для постройки судовъ былъ назначенъ Воронежъ. Въ городѣ этомъ, окруженномъ въ старое время хорошими лѣсами, издавна велось судостроительное дѣло, потому что оттуда сплавлялись Дономъ хлѣбъ и другіе предметы, отпускавшіеся изъ Россіи Донскому войску. Но такъ какъ, по соображеніямъ Петра, чтобы запереть туркамъ входъ съ Азовскаго моря, нужно было построить не менѣе 30 галеръ (судовъ небольшаго размѣра), то воронежскихъ судовщиковъ и плотниковъ не могло быть достаточно. Петръ не затруднился этимъ: „Min her gubernor Archangel,—писалъ онъ Апраксину,—съ консиліи господъ генераловъ *указано мнѣ* къ будущей войнѣ дѣлать галеи (родъ галеръ),—для чего удобно, мню, быть шхиптимерманамъ (корабельнымъ мастерамъ) всѣмъ отъ васъ сюды“. Они должны были прибыть въ Воронежъ къ веснѣ, а въ теченіо зимы приказано было заготовить потребное количество лѣса, желѣза и другого матеріала для постройки и оснастки судовъ. Петръ поворачивалъ дѣло не по старинному: все кипѣло у него въ рукахъ, все шевелилось вокругъ него.

Подавая примѣръ дѣятельности, качества, вовсе незнакомаго старинной Руси,—онъ еще въ концѣ зимы больной прискакалъ изъ Москвы въ Воронежъ и принялся самъ за топоръ и за циркуль: „Мы по приказу Божію къ праотцу нашему Адаму,—писалъ онъ Стрѣшневу,—въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой“. За то къ апрѣлю тридцать галеръ было готово.

Въ началѣ 1696 года къ азовскимъ укрѣпленіямъ снова сдвигались наши полки и плыли новоустроенныя галеры. По прошлогоднему пред-

положенію, онѣ, дѣйствительно, заняли такъ называемыя Донскія гирлы (устья); нѣсколько турецкихъ кораблей попробовали-было подойти къ Азову, но принуждены были повернуть назадъ, при чемъ два изъ нихъ, сѣвшіе на мель, были сожжены. Что касается до самой крѣпости, то по ней была открыта жестокая канонада ядрами и бомбами, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, послѣ чего гарнизонъ рѣшился положить оружіе.

Радость Петра была не описанна. „Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтесь о Господѣ и, паки реку, радуйтесь",—писалъ онъ въ Москву, извѣщая о сдачѣ Азова; а Ромодановскій, также серьезно входившій въ свою роль „государя" и „кесаря", какъ Петръ въ роль бомбардиръ-капитана, отвѣчалъ ему съ тяжелою флегмой: „за усердное къ Богу моленіе и за мудрое надъ бусурманами снисканіе ко взятію Азова похваляемъ адмирала (Лефорта), генераловъ, всѣхъ начальныхъ людей, пѣхоту и тебя, каптейна".

И въ старину случалось нашимъ воеводамъ брать укрѣпленные города, подобно Азову; но тогда вся ихъ награда состояла въ шубѣ съ царскаго плеча, кубкѣ, нѣсколькихъ пригоршняхъ червонцевъ, которые имъ жаловалъ царь, да „въ милостивомъ его словѣ". Теперь Петръ желалъ, чтобы побѣда надъ турками имѣла видъ общественнаго торжества, и приказалъ устроить въ Москвѣ для возвращавшихся войскъ тріумфальную встрѣчу. При въѣздѣ съ Замоскворѣчья на Каменный мостъ (построенный при царевнѣ), были поставлены тріумфальныя врата, украшенныя гербами, арматурами, изображеніемъ славы, статуями, представлявшими торжество русскихъ надъ турками; надъ изображеніемъ послѣднихъ были написаны слѣдующіе стихи:

Ахъ, Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдство себѣ достали.

Нептунъ, властитель морей, гласилъ: „Се и азъ поздравляю взятіемъ Азова и вамъ покоряюсь".

30-го сентября (1696 г.) началось торжественное шествіе. Солдатскіе и стрѣлецкіе полки съ развѣвавшимися знаменами, главные начальники въ парадныхъ экипажахъ, духовенство съ хоругвями и иконами, плѣнные турки и татары, отбитые у нихъ значки, бунчуки и другіе трофеи слѣдовали установленнымъ порядкомъ подъ звуки музыки и при стеченіи народа. Въ тріумфальномъ же шествіи везли одного иностранца, перебѣжавшаго изъ нашей службы къ туркамъ и попавшагося въ плѣнъ: онъ былъ прикованъ къ телѣгѣ, на которой утверждена была висѣлица и разложены орудія пытки... Что касается до царя, то онъ шелъ пѣшкомъ въ мундирѣ морского капитана за экипажемъ адмирала Лефорта. Москва дивилась невиданному зрѣлищу. Государь надѣялся, что оно поможетъ врѣзать въ народную память побѣду, отъ которой онъ ожидалъ обширныхъ послѣдствій.

Какихъ же послѣдствій могъ Петръ ожидать отъ овладѣнія довольно, впрочемъ, незначительною турецкою крѣпостцой?

Донъ протекалъ по самымъ плодороднымъ и населеннымъ мѣстамъ Россіи и, между тѣмъ, не приносилъ почти никакой пользы, потому что по немъ не производилось почти никакой торговли, именно отъ того, что у всякаго было дома все свое, что всякій самъ производилъ все

ему необходимое. Но какъ скоро Азовъ пересталъ бы запирать устье Дона и открылось бы сообщеніе придонскихъ областей съ моремъ, а посредствомъ его и съ другими отдаленными странами,—дѣло было бы совершенно иное. Къ этому порту должны были Чернымъ моремъ приходить иностранные корабли и къ нему же Дономъ должны были русскіе сплавлять свои произведенія. Здѣсь, наконецъ, должно было образоваться средоточіе торговаго флота Россіи и ея морской военной силы.

Но Черное море было во власти турокъ, которые владѣли и Керченскимъ проливомъ; Азовъ окружали земли Крымскаго хана; наше новое владѣніе могло, слѣдовательно, безпрестанно подвергаться нападенію и съ суши, и съ моря. Противъ сухопутнаго нападенія, положимъ, мы могли бы оборониться: стоило сдѣлать укрѣпленія, да поставить за ними достаточное число войска. Но какъ оборониться съ моря? Для этого необходимъ былъ флотъ, а у насъ были только небольшія галеры, приспособленныя для плаванія по Дону, которыя не могли выйти въ открытое, бурливое море. Надо, слѣдовательно, было соорудить военный флотъ.

XIX. Сооруженіе флота.

(Изъ „Исторіи царствованія Петра В.“, Устрялова.)

Со времени потѣшныхъ походовъ на Бѣломъ морѣ, Петръ, по собственнымъ словамъ его, „всю мысль свою уклонилъ къ строенію флота“. Подъ Азовомъ онъ убѣдился окончательно, что только морскія силы могутъ дать перевѣсъ его государству въ войнѣ съ Турціею. Упорные до неистовства при защитѣ крѣпостей, грозные на сушѣ необузданною храбростью янычаръ, турки, очевидно, робѣли на морѣ. Царь не могъ забыть постыднаго бѣгства цѣлой эскадры ихъ отъ казачьихъ лодокъ и самъ былъ свидѣтелемъ, съ какимъ страхомъ смотрѣлъ турецкій адмиралъ на русскія галеры, какъ долго не смѣлъ послать помощь стѣсненному Азову, какъ рѣшился, наконецъ, подойти къ Донскому устью, но едва замѣтилъ на нашихъ галерахъ сигналъ „сняться съ якоря“, быстро повернулся назадъ и ушелъ въ море. Если плоскодонныя суда наводили паническій ужасъ на цѣлую эскадру, чего нельзя было сдѣлать съ корабельнымъ флотомъ? Петръ имѣлъ право думать, что затрепещетъ султанъ въ самомъ Стамбулѣ, какъ скоро русскій флагъ взовьется на водахъ Черноморскихъ, и онъ возвратился изъ-подъ Азова въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ построить въ одинъ годъ не менѣе 50 военныхъ кораблей, отъ 24 до 30 пушекъ, съ немалымъ числомъ галеръ и судовъ бомбардирскихъ. Столь огромное предпріятіе требовало и способовъ чрезвычайныхъ: царь нашелъ ихъ въ своемъ народѣ. Въ началѣ ноября 1696 года бояре и палатные люди приглашены были въ Преображенское, для великаго царственнаго дѣла, для пріисканія средствъ къ безотлагательному сооруженію флота. Царская дума, убѣжденная доводами государя въ необходимости сей мѣры, постановила: возложить строеніе кораблей на помѣщиковъ и вотчинниковъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, на гостей и людей торговыхъ, на посады и

слободы, не исключая и бѣломѣстцевъ, съ тѣмъ, чтобы владѣльцы духовные съ 8.000 крестьянскихъ дворовъ, свѣтскіе съ 10.000 выстроили по барколону или по кораблю, оснащенному и вооруженному, не позже апрѣля мѣсяца 1698 года, гостямъ же, людямъ торговымъ, посадскимъ и бѣломѣстцамъ, всѣмъ въ совокупности, къ тому же сроку изготовить 12 судовъ бомбардирскихъ, подъ наказаніемъ виновныхъ въ неисправности потерею животовъ и дворовъ. Помѣщики и вотчинники, имѣвшіе не менѣе 100 дворовъ крестьянскихъ, обязаны были въ теченіе мѣсяца, къ 1-му января 1697 года, явиться въ Москву въ Помѣстный приказъ для корабельной раскладки, кому съ кѣмъ быть въ кумпанствѣ, подъ опасеніемъ за ослушаніе отписки имѣнія на государя; владѣльцы мелкомѣстные должны были внести по полтинѣ съ двора въ два срока; гостямъ предоставлено избрать изъ среды ихъ надежныхъ людей для денежныхъ сборовъ и расходовъ по исправленію корабельной повинности, павшей на ихъ долю. Помѣщики и вотчинники, призванные къ сооруженію флота, не замедлили явиться въ Москву и составили кумпанства: духовные съ духовными, свѣтскіе съ свѣтскими. По дѣламъ архивовъ морского министерства, вотчиннаго департамента въ Москвѣ и губернскаго правленія въ Воронежѣ извѣстны 19 кумпанствъ духовныхъ и 42 свѣтскихъ.

По раскладкѣ корабельной повинности и по образованію кумпанствъ, все дѣло о постройкѣ судовъ передано изъ Помѣстнаго приказа въ Судный Володимерскій, въ вѣдѣніе окольничаго, Александра Петровича Протасьева, который до конца 1698 года былъ главнымъ распорядителемъ сооруженія флота, но далеко не оправдалъ довѣренности государя: онъ оказался взяточникомъ. Судный Володимерскій приказъ, сообщивъ во всѣ кумпанства подробныя росписи: какой величины строить имъ суда, съ какимъ числомъ орудій, сколько поставить плотниковъ, кузнецовъ и другихъ рабочихъ людей,—предписалъ немедленно заготовлять матеріалы лѣсные и желѣзные по даннымъ чертежамъ, съ тѣмъ, чтобы корабельные мастера, нанятые за границею, могли приступить къ закладкѣ и постройкѣ судовъ тотчасъ по прибытіи въ Россію. Для заготовленія лѣсныхъ матеріаловъ отведены были казенныя дачи по Воронежу, отчасти по Хопру и по Дону; желѣзо, канаты, полотно, орудія, снаряды—все, что необходимо для оснастки и вооруженія судовъ, кумпанства должны были покупать на свой счетъ, также нанимать рабочихъ и платить мастерамъ жалованье. Верфи разрѣшено учредить подъ Воронежемъ, въ подгородной слободѣ Чижевкѣ, выше города въ 20 верстахъ, въ селѣ Чертовицкомъ, на пристаняхъ Романской, Ступинской, также по Хопру и по Дону.

Ближайшій надзоръ за работами порученъ Францу Тиммерману, извѣстному наставнику Петра въ математикѣ, и главному инженеру его при первой осадѣ Азова, Августу Мееру, строившему съ царемъ галеры для второго Азовскаго похода, и двумъ вызваннымъ изъ-за границы въ 1696 году корабельнымъ капитанамъ. Строеніе компанейскихъ судовъ производилось большею частью подрядомъ; въ Москвѣ проживали многіе сметливые иноземцы, промышлявшіе разными оборотами и теперь предложившіе кумпанствамъ свои услуги, чтобы тысячъ за десять и болѣе избавить ихъ отъ хлопотъ.

Корабельные мастера вызваны были изъ Венеціи, Даніи, Швеціи и Голландіи. О наймѣ ихъ царь распорядился еще заблаговременно. Еще изъ-подъ Азова, прежде покоренія его, въ іюлѣ 1696 года, онъ просилъ венеціанскій сенатъ, „для пользы общей христіанской войны, прислать въ Москву 13 добрыхъ судовыхъ мастеровъ, которые умѣли бы строить всякія суда воинскія и морскія", обнадеживая ихъ царскою милостію, жалованьемъ, призрѣніемъ и обѣщая свободный отпускъ безъ задержанія, когда захотятъ возвратиться въ отечество. Сенатъ поручилъ „магистрамъ кораблестроенія" выбрать изъ государственнаго арсенала и изъ частныхъ верфей лучшихъ мастеровъ, и отправилъ ихъ въ Вѣну, для договора съ русскимъ посланникомъ, Нефимоновымъ. „Веницейскіе художницы" запросили жалованья по червонцу въ день, не исключая праздниковъ, и 1500 червонцевъ на путевыя издержки, съ тѣмъ еще, чтобы кормить и поить ихъ въ Москвѣ довольно, сколько потребуютъ. Нефимоновъ убѣдилъ ихъ положиться во всемъ на милость государя, который жалуетъ, кто чего достоинъ, смотря по службѣ и работѣ. Они пріѣхали въ Москву въ январѣ 1697 года съ капитаномъ Моро и такое показали искусство, особенно въ постройкѣ галеръ, что царь, по окончаніи работъ, отпуская ихъ въ отечество, изъявилъ живѣйшую признательность венеціанскому сенату.

Другіе мастера вызваны были изъ сѣверныхъ приморскихъ государствъ Францемъ Тиммерманомъ, который, для найма ихъ, разослалъ съ царскими граматами и съ своими зазывными листами дѣятельныхъ агентовъ. По письмамъ его выѣхали въ Росссію, въ первой половинѣ 1697 года, не менѣе 50 мастеровъ корабельныхъ, парусныхъ, канатныхъ, якорныхъ, въ томъ числѣ 27 голландцевъ, 19 шведовъ и датчанъ. Всѣ они, по мѣрѣ прибытія, немедленно отправляемы были въ Воронежъ, гдѣ окольничій Протасьевъ распредѣлялъ ихъ по кумпанствамъ, хлопотавшимъ надъ постройкою судовъ къ назначенному сроку. Для лучшаго поясненія, какимъ образомъ производилось многосложное и многотрудное дѣло сооруженія флота, предложимъ нѣсколько подробностей изъ современныхъ актовъ о дѣйствіяхъ кумпанства Казанскаго.

Казанскому кумпанству предписано было отъ Суднаго Володимерскаго приказа построить на Воронежѣ и спустить на воду къ апрѣлю мѣсяцу 1698 года 26 пушечныхъ барколонъ на 200 человѣкъ экипажа, длиною 115 футовъ, шириною 21 футъ, ходу въ водѣ 7 футовъ, да къ нему ушкалъ (ботъ) на 24 человѣка и малое судно (шлюпку). Пушки назначены чугунныя, длиною по 6 футовъ, въ томъ числѣ 2 шестифунтовыя, 18 четырехфунтовыхъ и сверхъ того 6 малыхъ дробовыхъ. Для строенія судна, кумпанству велѣно подрядить и прислать на Воронежъ корабельнаго мастера съ подмастерьемъ и двумя плотниками изъ иностранцевъ, двухъ кузнечныхъ мастеровъ также изъ иноземцевъ, 4 кузнецовъ русскихъ, 60 плотниковъ самыхъ добрыхъ, столяра, маляра, лекаря, пять толмачей и достаточное число рабочихъ, кромѣ плотниковъ. При указѣ приложена роспись матеріаламъ, припасамъ, снарядамъ, необходимымъ для постройки, оснастки и вооруженія барколона, съ чертежами и размѣромъ кріуль, долженствовавшихъ служить ему основою.

Кумпанщики приговорили мастеровыхъ и рабочихъ, распорядились рубкою лѣса въ отведенныхъ имъ казенныхъ дачахъ, заготовили предписанные матеріалы и приставили къ постройкѣ судна монастырскихъ

стряпчихъ; дѣло однакожъ не ладилось: протекло полгода отъ обнародованія царскаго указа, истрачено слишкомъ 1.600 рублей, а барколонъ еще не былъ и заложенъ. Опасаясь пени и гнѣва государева въ случаѣ неисправности, Казанское кумпанство, по примѣру другихъ, отдало строеніе барколона на подрядъ Елизарію Избранту и заключило съ нимъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1697 года рядную запись, которою онъ обязался: выстроить барколонъ съ ушкаломъ и малымъ судномъ, спустить на воду, оснастить, вооружить и сдать царскимъ пріемщикамъ подъ росписку, не доводя кумпанства до гнѣва государева, въ апрѣлѣ 1698 года, съ уплатою ему 4.000 рублей въ 6 мѣсяцевъ, а достальныхъ 5.000 рублей по окончаніи постройки. Къ указанному сроку барколонъ былъ готовъ; строилъ его голландскій корабельный мастеръ, подъ главнымъ надзоромъ Франца Тиммермана, Классъ Кокъ; жалованье ему производилось съ кормовыми по 14 рублей въ мѣсяцъ.

Дѣло тѣмъ, однакожъ, не кончилось: когда барколонъ былъ уже въ отдѣлкѣ, послѣдовало царское повелѣніе съ двухъ кумпанствъ сдѣлать еще по одному кораблю, и Судный Володимерскій приказъ предписалъ кумпанствамъ Казанскому и Вологодскому на общій ихъ счетъ построить складной 14 пушечный барколонъ съ ушкаломъ и лодкою, со всѣми судовыми снастями и военными припасами. Елизарій Избрантъ взялъ на подрядъ и это судно за 9.400 рублей. Мало того, въ послѣдствіи, по разсужденію вице-адмирала (Крейса), признано необходимымъ дополнить и усилить какъ оснастку, такъ и вооруженіе всѣхъ вообще компанейскихъ судовъ, съ значительною поправкою и передѣлкою въ самомъ корпусѣ, и на долю Казанскаго кумпанства къ его собственному барколону досталось прибавить 38 пушекъ чугунныхъ (въ томъ числѣ 26 восьмифунтовыхъ, 12 двухфунтовыхъ) и 6 небольшихъ мѣдныхъ, со множествомъ снарядовъ и снастей, такъ что онъ принялъ видъ 58-пушечнаго фрегата. Такимъ же образомъ производились работы и въ прочихъ кумпанствахъ; одни изъ нихъ строили суда голландскимъ размѣромъ, другіе датскимъ. Въ одно время съ компанейскими барколонами предназначено было построить отъ 10 до 12 военныхъ кораблей на счетъ казны. Для вооруженія ихъ шведскому въ Москвѣ комиссару или резиденту Книперъ-Крону поручено было приторговать въ Стокгольмѣ 600 готовыхъ чугунныхъ пушекъ. Узнавъ о томъ, шведскій король Карлъ XI, въ доказательство участія своего къ успѣхамъ христіанскаго оружія въ войнѣ съ турками, назначилъ россійскому государю въ даръ 300 пушекъ; но, за кончиною, отправить ихъ не успѣлъ. Онѣ присланы преемникомъ его, Карломъ XII, лѣтомъ 1697 года, въ Нарву.

Зимою перевезли ихъ изъ Нарвы въ Москву, а оттуда въ Воронежъ на 600 подводахъ. Остальныя триста орудій подрядился отлить въ Стокгольмѣ искусный мастеръ Еренкрейцъ, и 100 изъ нихъ, по 9 и по 10 фунтовъ ядромъ, также доставлены въ 1698 году въ Москву. Мѣсто для корабельной гавани на Азовскомъ морѣ, послѣ тщательнаго измѣренія устьевъ Дона, назначено рѣшительно при Таганъ-Рогѣ; для устройства ея, по плану цесарскаго инженера де-Лаваля, наряжено 20000 служилыхъ людей изъ украинскихъ городовъ, подъ вѣдѣніемъ думнаго дворянина Щепина. Въ защиту гавани предназначено соорудить крѣпость на Таганъ-Рогѣ, во имя св. Троицы. Заботливость царя о будущемъ флотѣ на Азовскомъ морѣ тѣмъ не ограничилась; отъ него не могло

укрыться, какъ затруднительна будетъ доставка снарядовъ и припасовъ въ столь отдаленный край изъ внутреннихъ областей Россіи, и онъ придумалъ удобнѣйшій къ перевозкѣ тяжестей путь, повелѣвъ инженерному полковнику Брюкелю прорыть каналъ, съ устройствомъ шлюзовъ, между Иловлею и Камышенкою, для соединенія Волги съ Дономъ; 35.000 человѣкъ изъ посошныхъ людей низовыхъ городовъ велѣно князю Борису Алексѣевичу Голицыну отрядить къ Брюкелю на шлюзное дѣло. „Тако,—говоритъ Петръ,—началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго“. Съ этою цѣлью, на первый разъ, онъ назначилъ отправить 50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ; изъ нихъ 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, и 22 въ Англію и Голландію. Всѣ они принадлежали къ знатнѣйшимъ въ то время фамиліямъ, и многіе впослѣдствіи, въ царствованіе Петра, прославились на поприщѣ дипломатическомъ, военномъ, гражданскомъ (хотя ни одинъ не отличился на морѣ). При каждомъ стольникѣ велѣно быть по одному солдату, какъ для изученія морского дѣла, такъ, вѣроятно, и для надзора за прилежаніемъ баричей, которымъ объявлено, чтобы они и не думали возвращаться въ Россію безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ въ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія, подъ страхомъ потери всего имущества. Не безъ горя и не безъ слезъ отправлялись наши царедворцы въ дальніе края, гдѣ не бывали ни отцы, ни дѣды ихъ, для дѣла мудренаго, тягостнаго, несообразнаго ни съ званіемъ ихъ, ни съ наклонностями, и тѣмъ болѣе труднаго, что едва ли кто изъ нихъ понималъ какой-либо языкъ иностранный. Большею частью, они были женаты, имѣли дѣтей, и легко вообразить, сколько плачущихъ оставалось въ Москвѣ. Конечно, не было ни одного знатнаго дома, гдѣ-бы не тужили и не сѣтовали о долговременной разлукѣ съ родными и ближними, обреченными учиться ремеслу матросскому. Многіе, сверхъ того, роптали на посылку молодыхъ царедворцевъ въ еретическія земли и не знали, наконецъ, что уже и думать, когда разнеслась вѣсть о поѣздкѣ за море самого царя.

XX. Путешествіе Петра за границу.

(Изъ „Исторіи Россіи“, Соловьева).

Чѣмъ болѣе новаго необходимаго дѣла, тѣмъ больше нужды въ иностранцахъ, которыхъ надобно вызывать толпами. Долго ли же такъ будетъ? неужели надобно оставаться во всегдашней зависимости отъ иностранцевъ? Необходимо, чтобы русскіе выучились, но какъ это сдѣлать? иностраннымъ мастерамъ некогда учить, они для другого дѣла призваны, а главное—учителя остались въ своихъ земляхъ, не могли заморскія земли выслать въ Россію лучшихъ своихъ людей, надобно было, слѣдовательно, послать русскихъ за границу учиться; дѣло не

новое, бывшее уже при Годуновѣ; тогда опытъ не удался, посланные не захотѣли возвратиться на родину, но теперь другія условія,—возвратятся. „Началось новое въ Россіи дѣло: строеніе великимъ иждивеніемъ кораблей, галеръ и прочихъ судовъ. И дабы то вѣчно утвердилось въ Россіи, умыслилъ государь искусство дѣла того ввесть въ народъ свой, и того ради многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и иныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго“. Пятьдесятъ комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ отправлены были съ этою цѣлью за границу: 28 въ Италію, преимущественно въ Венецію, 22 въ Англію и Голландію. Молодые придворные были посланы учиться за границу: но какъ они тамъ будутъ учиться и у кого? и какъ потомъ узнать, хорошо ли они выучились и къ чему способны? Надобно, чтобъ кто-нибудь прежде нихъ тамъ выучился, все узналъ, и ктожъ могъ быть этотъ человѣкъ, какъ не самъ шкиперъ, бомбардиръ и капитанъ—Петръ Алексѣевъ? При поворотѣ народа на новый путь, самодержавный царь, одаренный необыкновенными силами духа, взялъ на себя руководительство. Выучиться у иностранцевъ тому, чѣмъ они превосходили русскихъ — сдѣлалось главною цѣлью, ясно сознанною, и Петръ началъ дѣло уже въ Россіи: его шкиперство, бомбардирство и капитанство показываютъ это прямо; выучиться въ Россіи нельзя, надобно ѣхать за границу—и Петръ поѣдетъ туда, поѣдетъ не какъ царь, но какъ ученикъ, какъ корабельный плотникъ, ибо его посланничество другое: онъ—великій человѣкъ, начальникъ новаго общества, начальникъ новой исторіи своего народа. Надпись на печати писемъ Петровыхъ, присылаемыхъ изъ-за границы, говорила: „Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую“. Чему же будетъ Петръ особенно учиться за границею? Корабельному искусству, ибо это была его страсть, которая оправдывалась тѣмъ, что достиженіе моря было завѣтною цѣлью Россіи XVI и XVII вѣка, было царственнымъ преданіемъ для Петра; кромѣ того, въ настоящую минуту Петръ сознавалъ, что только моремъ можно съ успѣхомъ воевать противъ турокъ.

Таинственный голосъ, который нашептывалъ вождямъ германскихъ варваровъ: „Римъ, Римъ!“ и неудержимо влекъ ихъ къ столицѣ образованнаго міра, путешествіе въ Константинополь русской Ольги, мудрѣйшей изъ женъ, и путешествіе на западъ Петра—суть явленія одинаковыя, въ которыхъ выражается неодолимое стремленіе нецивилизованныхъ, но историческихъ, благородныхъ народовъ къ цивилизаціи. Что относительно Петра таинственный голосъ замѣнялся явнымъ голосомъ Лефорта—это нисколько не измѣняетъ дѣла: Петръ поѣхалъ бы за границу и безъ Лефорта, точно такъ же, какъ сдѣлался бы мореплавателемъ и устроителемъ флота безъ нахожденія ботика бояри на Никиты Романова; но и Лефортъ съ его увѣщаніями къ заграничной поѣздкѣ и къ Азовскому походу вмѣсто путешествія на Каспійское море, и ботикъ, послужившій первымъ побужденіемъ къ кораблестроенію, суть явленія засвидѣтельствованныя, и мы не станемъ отстранять ихъ, ибо повсюду отмѣчаемъ въ исторіи общія движенія и стремленія, и частныя обсужденія, одинаковыя для великихъ и невеликихъ людей. Неизвѣстно, кѣмъ придумана была форма поѣздки царя за границу: онъ отправлялся въ свитѣ великаго посольства, назначеннаго къ цесарю, королямъ англійскому и датскому, къ папѣ римскому, къ голланд-

скимъ штатамъ, къ курфирсту бранденбургскому и въ Венецію. Тутъ достигались двѣ цѣли: Петръ могъ сохранять инкогнито и учиться, а гдѣ нужно—направлять переговоры о союзѣ противъ Турціи, объ условіяхъ войны или мира съ нею, и лично объясняться съ государями и министрами. Цѣлью посольства было прямо объявлено «подтвержденіе древней дружбы и любви, ослабленіе враговъ креста Господня, салтана турскаго, хана крымскаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ»: слѣдовательно, посольство должно было прежде всего направиться въ Вѣну, гдѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ турецкій; но царскій посланникъ въ Вѣнѣ, Нефимовъ, донесъ, что вопросъ рѣшенъ, съ цесаремъ и Венеціею заключенъ имъ наступительный и оборонительный союзъ противъ турокъ на три года; это позволяло перемѣнить направленіе пути и отправиться прямо въ западныя поморскія государства для изученія корабельнаго дѣла. Великими полномочными послами были назначены: генералъ и адмиралъ, намѣстникъ новгородскій Францъ Яковлевичъ Лефортъ, генералъ и воинскій коммиссарій, намѣстникъ сибирскій Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и думный дьякъ, намѣстникъ бѣлевскій Прокофій Богдановичъ Возницынъ; при нихъ—болѣе 20 дворянъ и до 35 волонтеровъ, между которыми былъ Преображенскаго полка урядникъ Петръ Михайловъ. Правительство въ отсутствіе царя оставалось, какъ было при немъ: на старыхъ мѣстахъ прежнія лица; кто былъ прежде вліятельнѣе другихъ, тотъ оставался и теперь съ тѣмъ же вліяніемъ; это было тѣмъ легче, что и до заграничной поѣздки царь былъ почти въ постоянномъ отсутствіи, и къ боярскому управленію привыкли съ 1689 года. Со всѣми дѣлами относились на царское имя, какъ-будто Петръ и не выѣзжалъ изъ Москвы. Въ февралѣ 1696 года назначенъ былъ отъѣздъ великаго посольства изъ Москвы, когда было донесено о заговорѣ на жизнь государя.

10 марта великое посольство выѣхало изъ Москвы. Первыя впечатлѣнія по выѣздѣ за шведскій лифляндскій рубежъ были неблагопріятны. Ѣхали медленно не столько отъ распутицы, сколько отъ недостатка подводъ и кормовъ, потому что въ странѣ былъ голодъ. Въ Ригѣ посольству сдѣлана была почетная встрѣча, но губернаторъ Дальбергъ счелъ своею обязанностью не нарушать строгаго инкогнито царя, такъ какъ русскіе увѣряли, что вѣсть о царскомъ путешествіи есть дѣтское разглашеніе, что царь ѣдетъ въ Воронежъ для корабельнаго строенія. Съ другой стороны, желаніе Петра осмотрѣть рижскія укрѣпленія не могло не возбудить подозрительности губернатора. Отецъ этого самаго царя стоялъ съ войскомъ подъ Ригою, а сынъ безъ устали строитъ корабли и вмѣсто того, чтобы сражаться съ турками, предпринимаетъ таинственное путешествіе на западъ! Но легко понять, какъ эта подозрительность и недопущеніе осмотрѣть городъ должны были раздражить Петра при его нетерпѣливости все сейчасъ осмотрѣть, при его непривычкѣ къ бездѣйствію, при его непривычкѣ встрѣчать препятствія своимъ желаніямъ. Враждебное чувство глубоко залегло въ его сердце. Тремя днями прежде посольства онъ переправился въ лодкѣ черезъ Двину въ Курляндію. Въ какомъ онъ былъ расположеніи духа при отъѣздѣ, всего лучше видно изъ письма его къ Виніусу отъ 8 апрѣля: «Сегодня поѣхали отсель въ Митаву. Здѣсь мы рабскимъ обычаемъ жили и сыты были только зрѣніемъ. Торговые люди здѣсь ходятъ въ

мантеляхъ и кажется, что зѣло правдивые, а съ ямщиками нашими за копѣйку м...... лаются и клянутся, а продаютъ втрое». Не смотря однако на то, что сытъ былъ только зрѣніемъ, Петръ кой-что успѣлъ смекнуть, и пишетъ къ Виніусу: «Мы ѣхали чрезъ городъ и замокъ, гдѣ солдаты стояли на 5 мѣстахъ, которые были меньше 1000 человѣкъ, а сказываютъ, что всѣ были. Городъ укрѣпленъ гораздо, только не додѣланъ. Зѣло здѣсь боятся, и въ городъ въ иныя мѣста и съ карауломъ не пускаютъ, и мало пріятны». Вслѣдствіе этой малой пріятности, Рига осталась въ памяти Петра, какъ «проклятое» мѣсто. За Двиною въ Курляндіи другой пріемъ: съ герцогами курляндскими у русскихъ царей всегда были дружественныя сношенія. Изъ Митавы Петръ поѣхалъ въ Либаву, гдѣ первый разъ увидался съ Балтійскимъ моремъ. Изъ Либавы Петръ одинъ, безъ великихъ пословъ, отправился моремъ въ Пруссію и былъ отлично принятъ въ Кенигсбергѣ курфирстомъ бранденбургскимъ, Фридрихомъ III. Въ ожиданіи великихъ пословъ, ѣхавшихъ сухимъ путемъ, Петръ не терялъ времени и сталъ учиться артиллеріи; учитель, подполковникъ фонъ-Штернфельдъ, далъ благопомянутому господину Петру Михайлову свидѣтельство, что «онъ въ непродолжительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». Пріѣхали великіе послы и были приняты великолѣпно. Курфирстъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ и заключить съ Россіею оборонительный союзъ, но Петръ отклонилъ предложеніе, боясь перемѣнить существующія отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ до окончанія турецкой войны. Былъ заключенъ съ Бранденбургомъ не союзный, но дружественный договоръ, въ которомъ было постановлено о свободной торговлѣ съ обѣихъ сторонъ, о непринимании бунтовщиковъ и непріятелей, о позволеніи, со стороны курфиста, ѣздить чрезъ его земли русскимъ людямъ для наукъ въ Германію. Петръ зажился въ Пруссіи долѣе, чѣмъ сколько было ему нужно, зажился по польскимъ дѣламъ. Мы упоминали о междуцарствіи въ Польшѣ по смерти Яна Собѣскаго. Кандидатовъ на престолъ было много. Отношенія Россіи къ этому избранію были просты: кто бы ни былъ на польскомъ престолѣ—все равно, лишь бы до заключенія общаго мира съ турками Польша не выходила изъ священнаго союза четырехъ державъ; поэтому Россія должна была противиться только одному кандидату—принцу Конти, потому что Франція находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Турціи и враждабныхъ къ Австріи. Польша съ королемъ-французомъ легко могла подчиниться французской политикѣ и, дѣйствительно, французскій посланникъ заявилъ польскимъ вельможамъ обѣщаніе султана заключить съ Польшею отдѣльный миръ и возвратить ей Каменецъ, если королемъ будетъ избранъ французскій принцъ. Такъ какъ это заявленіе очень усиливало французскую партію, то Петръ изъ Кенигсберга послалъ панамъ раднымъ грамату, что до сихъ поръ онъ не вмѣшивался въ выборы, но теперь объявляетъ, что если французская факція возьметъ верхъ, то не только союзъ на общаго непріятеля, но и вѣчный миръ зѣло крѣпко будетъ поврежденъ: французскій король, имѣя дружбу съ турецкимъ султаномъ, во всемъ ему помогаетъ во вредъ союз-

нымъ христіанскимъ государямъ; какой же послѣ того будетъ христіанскій союзъ, когда французъ сядетъ на престолъ польскій? Конти предлагаютъ султанъ турецкій и ханъ крымскій: можетъ-ли онъ воевать съ турками и татарами? Мы, заключалъ Петръ, такого короля французской и турецкой стороны видѣть въ Польшѣ не хотимъ,—хотимъ, чтобы вы выбрали изъ какого ни есть народа, только бы онъ былъ въ дружбѣ и союзѣ съ нами и цесаремъ римскимъ противъ общихъ непріятелей Креста Святого. 17 іюня совершились выборы—двойные: одна партія провозгласила Конти, другая курфирста саксонскаго. Члены противвыхъ партій рубились саблями. Приверженцы Августа сильно опирались на царскую грамату, для подкрѣпленія которой Петръ прислалъ еще другую того же содержанія; саксонская партія начала брать явный перевѣсъ. Виніусъ, увѣдомляя Петра объ избраніи Августа, писалъ ему: „Я съ тѣмъ новымъ королемъ вашу милость господина моего, яко кавалера больше къ нѣмецкому народу, неже къ пѣтуховому (французскому) склоннаго, отъ всего сердца поздравляю“. Царь послалъ поздравительную грамату Августу и велѣлъ объявить панамъ рады, что для защиты республики отъ Конти и его партіи придвинуто къ литовской границѣ русское войско подъ начальствомъ князя Ромодановскаго. Августъ вступилъ въ Польшу съ саксонскимъ войскомъ и присягнулъ, что принялъ католическую вѣру. Получивъ царскую поздравительную грамату, онъ объявилъ русскому резиденту Никитину, что даетъ честное слово быть съ царемъ за одно противъ враговъ Креста Святого, и что изъявленный ему Петромъ аффектъ никогда не изгладится изъ его памяти. Посылая поклонъ царю, король поклонился гораздо низко. Между тѣмъ, вслѣдствіе благопріятныхъ извѣстій изъ Польши, Петръ рѣшился оставить Пруссію и ѣхать далѣе на западъ. Къ нему навстрѣчу спѣшили двѣ образованнѣйшія женщины Германіи: курфирстина ганноверская Софія и дочь ея, курфирстина бранденбургская Софія Шарлотта. Петръ выбрался за границу, чтобъ посмотрѣть на диковины цивилизаціи, понаучиться многому; цивилизованная Европа выслала двухъ своихъ представительницъ съ своей стороны посмотрѣть на Петра, на эту диковину, высылаемую нецивилизованною восточною Европою. Курфирстины записали впечатлѣнія, произведенныя на нихъ Петромъ —свидѣтельство драгоцѣнное для насъ, потому что обѣ женщины взглянули на удивительное существо прямо и ясно; ихъ поразила двойственность его натуры: они увидали необыкновеннаго человѣка, поражавшаго своими блестящими способностями, и въ то же время своими недостками, показывавшими, изъ какого общества вышелъ онъ, какое воспитаніе получилъ. Ихъ поразила эта двойственность, это противорѣчіе; но онѣ не постарались сгладить его, не мудрствовали лукаво, остались вѣрны своему впечатлѣнію и произнесли самый вѣрный приговоръ О Петрѣ: «это человѣкъ очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной“. Будучи одинадцатилѣтнимъ ребенкомъ, Петръ поражалъ своею необыкновенною красотою и живостью. Соременники находили, что онъ лицомъ былъ въ материнскую родню, и особенно былъ похожъ на дядю, Ѳедора Кириловича Нарышкина. Красота и живость остались; но преждевременое развитіе, страшныя потрясенія, неумѣренность въ трудахъ и потѣхахъ потрясли крѣпкую натуру Петра и оставили слѣды на прекрасномъ лицѣ его: голова тряслась и на лицѣ являлись конвульсивныя движенія.

Быстрый и пронзительный взглядъ его производилъ непріятное впечатлѣніе на людей непривычныхъ. Новгородскій архіепископъ Ѳеодосій Яновскій разсказывалъ, что когда онъ представлялся обоимъ царямъ, Ивану и Петру, то къ рукѣ перваго подошелъ безъ всякаго страха, „а какъ пришелъ до руки царя Петра Алексѣевича, тогда таковъ на меня страхъ напалъ, что мало не упалъ и колѣни потряслися, отъ того времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ тоя руки и смерть будетъ“.

Свиданіе Петра съ курфирстинами происходило въ герцогствѣ Цельскомъ, въ мѣстечкѣ Коппенбрюгге. Сначала царь не хотѣлъ идти къ нимъ и долго отговаривался, наконецъ пошелъ, съ условіемъ, чтобъ не было никого посторонних. Онъ вошелъ, какъ застѣнчивый ребенокъ, закрылъ лицо рукою и на всѣ любезности отвѣчалъ. „не могу говорить“; потомъ однако разговорился, особенно за ужиномъ, застѣнчивость пропала, и онъ позволилъ войти въ залъ придворнымъ курфирстинъ, поилъ мужчинъ виномъ изъ большихъ стакановъ, танцовалъ; веселье прошло далеко за полночь. Царь съ удовольствіемъ слушалъ итальянскихъ пѣвицъ, но сказалъ при этомъ, что музыку не совсѣмъ уважаетъ. На вопросъ старой курфирстины, любитъ-ли онъ охоту, отвѣчалъ; „Отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я не чувствую къ этой забавѣ никакой склонности, очень люблю кораблеплаваніе и фейерверки“. При этомъ онъ показалъ свои руки, ставшія жесткими отъ работы. Софья Шарлотта, описывая Петра, говоритъ: „Я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ, и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти. Видно также, что его не выучили ѣсть опрятно, но мнѣ понравились его естественность и непринужденность“. Курфирстина-мать пишетъ: „Царь высокъ ростомъ, у него прекрасныя черты лица и благородная осанка; онъ обладаетъ большою живостью ума, отвѣты его быстры и вѣрны. Но при всѣхъ достоинствахъ, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтобъ въ немъ было поменьше грубости. Это — государь очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной; въ нравственномъ отношеніи онъ полный представитель своей страны. Еслибъ онъ получилъ лучшее воспитаніе, то изъ него вышелъ бы человѣкъ совершенный, потому что у него много достоинствъ и необыкновенный умъ“. Изъ Коппенбрюгге Петръ направился къ Рейну, оставилъ посольство, и съ десятью человѣками спустился Рейномъ и каналами до Амстердама. Такъ какъ посольство еще не пріѣзжало, то, въ ожиданіи его, Петръ занялся по своему: въ мѣстечкѣ Саардамъ или Заандамъ, извѣстномъ по обширному кораблестроенію, на верфи Рогге появился молодой, высокій, красивый плотникъ изъ Россіи, Петръ Михайловъ; жилъ онъ въ коморкѣ у бѣднаго кузнеца, посѣщалъ семейства плотниковъ, которые находились въ Россіи, выдавалъ себя за ихъ товарища, простого плотника. Въ свободное отъ работы время русскій плотникъ ходилъ по фабрикамъ и заводамъ; все ему нужно было видѣть, обо всемъ узнать, какъ дѣлается; однажды на бумажной фабрикѣ не утерпѣлъ, взялъ у работника форму, зачерпнулъ изъ чана массы—и вышелъ отличный листъ; любимая забава его была катанье на яликѣ, который купилъ на другой же день по пріѣздѣ въ Саардамъ. Своимъ поведеніемъ и видомъ, не идущими къ простому плотнику (хотя своею красною фризовою курткою и бѣлыми холстинными штанами онъ нисколько не отличался отъ обыкновенныхъ работ-

никовъ), Петръ сейчасъ же выдалъ себя: заговорили, что это не простой плотникъ, и вдругъ разносится слухъ, что это самъ царь московскій. Старый плотникъ зашелъ въ цирюльню и прочелъ тамъ письмо, полученное отъ сына въ Россіи; въ письмѣ разсказывались чудеса, въ Голландію идетъ большое русское посольство и при немъ самъ царь, который вѣрно будетъ въ Саардамѣ; плотникъ написалъ и примѣты царя—и тутъ, какъ нарочно, отворяется дверь и входятъ въ цирюльню русскіе плотники, у одного точь въ точь тѣ примѣты: и головою трясетъ, и рукою размахиваетъ, и бородавка на щекѣ. Цирюльникъ, разумѣется, не замедлилъ разгласить объ удивительномъ явленіи. Скоро слухъ подтвердился: Петръ раздразнилъ уличныхъ мальчишекъ, которые попотчивали его пескомъ и камнями,—и бургомистръ издалъ объявленіе, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, которые хотятъ быть неизвѣстными. Напрасно послѣ того царь старался сохранить свое инкогнито, отказался отъ почетныхъ приглашеній, отъ удобнаго помѣщенія, говоря: „Мы не знатные господа, а простые люди, намъ довольно и нашей коморки". Жилъ въ коморкѣ, а купилъ буеръ за 450 гульденовъ! Толпа преслѣдовала Петра, чтó приводило его въ ярость, сдерживать которую онъ не выучился въ Преображенскомъ съ потѣшными конюхами. Однажды, проталкиваясь сквозь неотвязную толпу, онъ былъ особенно раздраженъ глупою фигурою какого то Марцена и далъ ему пощечину. — „Марценъ пожалованъ въ рыцари!" закричала толпа, и названіе „рыцарь" осталось за Марценомъ навсегда.

Изъ Амстердама дали знать о приближеніи русскаго посольства и Петръ поѣхалъ туда, проживъ въ Саардамѣ 8 дней. 16-го августа Лефортъ съ товарищами торжественно въѣхалъ въ Амстердамъ. Пріемъ былъ великолѣпный; Петръ участвовалъ въ празднествахъ, которыя давали посольству генеральные штаты, зная о присутствіи самого царя. Въ Амстердамѣ знакомѣе всѣхъ другихъ именъ Петру было имя бургомистра Николая Витзена. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Витзенъ былъ въ Россіи, проѣхалъ и до Каспійскаго моря, былъ извѣстенъ, какъ авторъ знаменитаго сочиненія: „Татарія восточная и южная", какъ издатель Избрандидесова путешествія въ Китай. Витзенъ сохранялъ постоянную связь съ Россіею: его изданія были посвящены царямъ, онъ исполнялъ порученія русскаго правительства по заказу судовъ въ Голландіи, находился въ перепискѣ съ Лефортомъ. Къ Витзену обратился Петръ съ просьбою доставить ему возможность заняться кораблестроеніемъ въ Амстердамскихъ верфяхъ, и Витзенъ помѣстилъ его на верфи Остъ-Индской компаніи, гдѣ нарочно для него заложенъ былъ фрегатъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ ночью поѣхалъ въ Саардамъ, забралъ тамъ свои плотничьи инструменты, и къ утру возвратился въ Амстердамъ, чтобъ немедленно же приняться за работу; волонтеры, пріѣхавшіе съ посольствомъ, были также размѣщены по работамъ. Петръ откликался только, когда ему кричали: „плотникъ Петръ Саардамскій!" или „мастеръ Петръ!" но когда обращались къ нему со словами „Ваше Величество" или „Милостивый Государь",—поворачивался спиною. Но не однимъ кораблестроеніемъ занимался Петръ въ Голландіи: онъ ѣздилъ съ Витзеномъ и Лефортомъ въ Утрехтъ для свиданія съ знаменитымъ штатгальтеромъ голландскимъ и королемъ

англійскимъ Вильгельмомъ Оранскимъ. Витзенъ долженъ былъ водить его всюду, все показывать—китовый флотъ, госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія; особенно понравилось Петру въ анатомическомъ кабинетѣ профессора Рюйша; онъ познакомился съ профессоромъ, слушалъ его лекціи, ходилъ съ нимъ въ госпиталь. Въ кабинетѣ Рюйша онъ такъ увлекся, что поцѣловалъ отлично приготовленный трупъ ребенка, который улыбался, какъ живой. Въ Лейденѣ, въ анатомическомъ театрѣ знаменитаго Боергова, замѣтивъ отвращеніе своихъ русскихъ спутниковъ къ трупамъ, заставилъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа. Разумѣется, Петръ долженъ былъ наблюдать большую экономію во времени: такъ, во время поѣздки въ Лейденъ на яхтѣ часа два занимался съ натуралистомъ Леувенгокомъ, который показывалъ ему свои лучшіе аппараты и микроскопъ. Ненасытимая жадность все видѣть и знать приводила въ отчаяніе голландскихъ провожатыхъ; никакія отговорки не помогали; только и слышалось: „это я долженъ видѣть!" и надобно было вести, не смотря ни на какія затрудненія. И ночью онъ не давалъ имъ покоя: вдругъ экипажъ получитъ сильный толчекъ:— „Стой! что это такое"? надобно зажигать фонари и показывать. Геніальный царь былъ полнымъ представителемъ народа, который такъ долго голодалъ безъ научной пищи и теперь вдругъ дорвался до нея. Корабельный плотникъ занимался и гравированіемъ въ Амстердамѣ: оставшаяся послѣ него гравюра изображаетъ предметъ, соотвѣтствующій положенію Петра, его тогдашней главной думѣ: она представляетъ торжество христіанской религіи надъ мусульманскою въ видѣ ангела, который съ крестомъ и пальмою въ рукахъ попираетъ полулуніе и турецкіе бунчуки. Предметъ гравюры объясняется и письмомъ Петра къ патріарху Адріану въ Москву: „Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не престану".

Кромѣ патріарха, Петръ постоянно переписывался и съ другими правительственными лицами, которыя извѣщали его о томъ, что дѣлалось въ Россіи. Около Азова возводились укрѣпленія: крѣпости Алексѣевская и Петровская, Троицкая на Таганрогѣ и подлѣ нея Павловская; при Таганрогѣ устраивалась гавань. Татары были отражены отъ Азова. На Днѣпрѣ турки и татары были отбиты отъ занятыхъ русскими крѣпостей—Казыкармени и Тавани, въ Польшѣ окончательно утвердился королемъ Августъ; кумпанства усердно строили корабли, шведскій король прислалъ 300 пушекъ для войны съ невѣрными. Охотнѣе, чѣмъ съ другими, переписывался Петръ съ Виніусомъ, какъ съ человѣкомъ, болѣе другихъ образованнымъ и неутомимымъ въ своей дѣятельности. Виніусъ въ своихъ письмахъ постоянно требовалъ присылки оружейныхъ мастеровъ, потому что желѣзо есть доброе, а мастеровъ нѣтъ: „Наипаче болитъ сердце, что иноземцы, высокою цѣною продавъ свейское желѣзо и побравъ деньги, за рубежъ поѣхали, а наше сибирское многимъ свейскаго лучше". Никто больше Петра не могъ сочувствовать этой сердечной боли Виніуса. Онъ отвѣчалъ ему: „Пишешь ваша милость о масте-

рахъ: изъ тѣхъ мастеровъ, которые дѣлаютъ ружья и замки, зѣло доброе сыскали и пошлемъ, не мѣшкавъ; а ради поспѣшенія изъ тѣхъ же мѣстъ, гдѣ Бутманъ на Олонецкіе заводы сыскалъ, добыть возможно. Однакоже мы здѣсь сыщемъ такихъ, за что взялся бургомистръ Витценъ, только, мню, не вскорѣ". Извѣстія о мастерахъ перемѣшивались съ извѣстіями политическими: „Что пишешь о мастерахъ желѣзныхъ, что въ томъ дѣлѣ бургомистръ Витценъ можетъ радѣніе показать и сыскать, о чемъ я ему непрестанно говорю, а онъ только манитъ день за день, а прямой отповѣди по ся поры не скажетъ; и если нынѣ онъ не промыслитъ, то надѣюсь у короля польскаго чрезъ его посла добыть не только желѣзныхъ, но и мѣдныхъ. Миръ съ Французомъ учиненъ, и здѣсь дураки зѣло рады, а умные не рады, для того, что Французъ обманулъ, и чаютъ вскорѣ опять войны". Въ другомъ письмѣ Петръ опять пишетъ о Витзенѣ: „О желѣзныхъ мастерахъ многажды говорилъ Витцену: только онъ отъ меня отходилъ московскимъ часомъ". Между дѣломъ Виніусъ доносилъ и о пирахъ оставленныхъ въ Москвѣ членовъ компаніи: „Въ царскія имянины князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій великую намъ трапезу и богатую даровалъ въ столовой генеральской въ Преображенскомъ: сидѣли за разными столами болѣе ста человѣкъ, и съ такимъ усердіемъ и милостію насъ трактовалъ, и стрѣльба мелкая и крупная такъ была сильна, что едва столовая устояла и стѣна одна гораздо повыдалась; даже до 4 и до 5 часа ночи, что въ три дни каждый насилу могъ оправиться". Описывая другой пиръ, Виніусъ пишетъ: „Ивашко съ дядею своимъ (Бахусомъ) изъ своихъ великихъ мокрыхъ сребренныхъ и цкляныхъ можеровъ въ желудки бросали". Ивашку не забывали и въ Голландіи: извиняясь, что не ко всѣмъ отправилъ письма, Петръ писалъ Виніусу; „иное за недосугомъ, а иное за отлучкою, а иное за хмельницкимъ не исправишь".

Четыре мѣсяца съ половиною жилъ Петръ въ Голландіи; фрегатъ, заложенный имъ, былъ спущенъ.

Въ январѣ 1698 года Петръ переѣхалъ изъ Голландіи въ Англію и скоро изъ Лондона перебрался въ городокъ Дептфордъ, гдѣ на королевской верфи занимался окончаніемъ науки. Здѣсь онъ приговорилъ до 60 человѣкъ иностранцевъ, мастеровъ золотыхъ дѣлъ, въ то же время послы въ Голландіи приговорили болѣе 100 человѣкъ, для флота много нанялъ принятый въ Голландіи на русскую службу капитанъ Корнелій Крейсъ: онъ былъ принятъ прямо вице-адмираломъ. Проведя три мѣсяца въ Англіи, Петръ переѣхалъ въ Голландію, но не остановился здѣсь, а направилъ путь на юго-востокъ—въ Вѣну. Переговоры посольства съ генеральными штатами, на счетъ помощи царю въ войнѣ съ турками, не удались: штаты, подъ тѣмъ предлогомъ, что страна ихъ истощена французскою войною, отказались ссудить царя мореходцами, оружіемъ, снарядами, и скоро Петръ узналъ, что штаты вмѣстѣ съ англійскимъ королемъ хлопочутъ о посредничествѣ къ заключенію мира между Австріей и Турціею. Этотъ миръ былъ необходимъ для Голландіи и Англіи, чтобы дать императору возможность свободно дѣйствовать противъ Франціи: предстояла страшная война за наслѣдство испанскаго престола, т. е. для сокрушенія опаснаго для всей Европы могущества Франціи. Но во сколько для Англіи и Голландіи было выгодно

заключеніе мира между Австріею и Турціею, во столько же имъ было выгодно продолженіе войны между Россіею и Турціею, чтобъ послѣдняя была занята и не могла, по наущенію Франціи, снова отвлечь силы Австріи отъ войны за общеевропейскіе интересы. Но эти интересы находились въ противоположности съ интересами Россіи: Петръ трудился изо всѣхъ силъ, чтобъ окончить съ успѣхомъ войну съ Турціею, пріобрѣсти выгодный миръ. Но могъ ли онъ надѣяться съ успѣхомъ вести войну и окончить ее одинъ, безъ Австріи и Венеціи? Слѣдовательно, главною заботою Петра теперь было—или уговорить императора къ продолженію войны съ турками, или, по крайней мѣрѣ, настоять, чтобъ мирные переговоры были ведены сообща и всѣ союзники были одинаково удовлетворены. 16 іюня посольство въѣхало торжественно въ Вѣну: царь, по обыкновенію, опередилъ его и пріѣхалъ просто на почтовыхъ. Онъ спѣшилъ приступить къ дѣлу, и въ разговорѣ съ канцлеромъ, графомъ Кинскимъ, объявилъ, что недоволенъ рѣшеніемъ императора: заключилъ миръ на основаніи uti possidetis (да владѣетъ каждый тѣмъ, чѣмъ владѣетъ во время мирныхъ переговоровъ); объявилъ, что для Россіи необходимо обезпечить себя со стороны Крыма, овладѣть здѣсь хорошею крѣпостью; Россія для императора разорвала миръ съ турками; надобно, чтобъ всѣ союзники получили желаемыя ими выгоды; англичанъ и голландцевъ нечего слушать: они заботятся только о своихъ барышахъ; императоръ спѣшитъ помириться съ турками для войны съ французами за испанское наслѣдство и покидаетъ своихъ союзниковъ; но какъ скоро начнется французская война, султанъ немедленно поднимется на императора; войска выйдутъ изъ Венгріи для французской войны, и венгры забунтуютъ. Царь требовалъ, кромѣ удержанія всѣхъ своихъ завоеваній, еще крѣпости Керчи въ Крыму, безъ которой никакой пользы ему отъ мира не будетъ: татары по-прежнему будутъ нападать на Россію. Петръ не досказалъ: съ Азовомъ и Таганрогомъ безъ Керчи онъ былъ запертъ въ Азовскомъ морѣ. Если турки не согласятся на уступку Керчи Россіи, то союзники должны продолжать войну. Императоръ отвѣчалъ, что требованія царя справедливы, но, чтобъ заставить турокъ исполнить ихъ, лучше всего, если русскіе поспѣшатъ взять Керчь оружіемъ, обѣщалъ поддерживать на конгрессѣ требованія русскихъ уполномоченныхъ и не приступать ни къ чему безъ согласія съ царемъ.

Переговоры этимъ должны были прекратиться; Петръ, осмотрѣвъ все замѣчательное въ Вѣнѣ, съѣздивъ въ мѣстечко Баденъ и въ Пресбургъ, собрался уже въ Венецію, какъ почта привезла письма изъ Москвы: Ромодановскій писалъ, что стрѣльцы взбунтовались и идутъ къ Москвѣ. Вмѣсто Венеціи Петръ отправился въ Россію.

—

XXI. Петръ въ Москвѣ послѣ возвращенія изъ-за границы.

(Изъ „Дневника“ Корба, въ переводѣ М. И. Семевскаго.)

Его царское величество, съ двумя своими уполномоченными, генераломъ Лефортомъ и Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, а также

съ нѣкоторыми другими приближенными вечеромъ прибыли въ Москву. По прибытіи сюда, государь не поѣхалъ въ свой замокъ, Кремль, обширнѣйшее пребываніе царей, но, посѣтивъ, съ княжескою вѣжливостью, нѣкоторые дома тѣхъ, которыхъ отличилъ передъ прочими многими знаками своей милости, поспѣшилъ въ Преображенское соснуть и отдохнуть среди своихъ солдатъ, въ кирпичномъ домѣ.

Между тѣмъ вѣсть о прибытіи царя облетѣла городъ. Бояре и московская знать во время, назначенное для представленія, поспѣшно явились туда, гдѣ отдыхалъ царь. Стеченіе поздравляющихъ было большое, ибо каждый своей поспѣшностью хотѣлъ показать государю, что пребылъ ему вѣрнымъ. Хотя первый уполномоченный, Францъ Яковлевичъ Лефортъ, не принялъ никого изъ своихъ приверженцевъ, ссылаясь на усталость отъ столь продолжительной и почти безостановочной дороги, однако его царское величество всѣхъ, являвшихся съ заявленіемъ вѣрноподданнической преданности, принималъ съ такою готовностью, что, казалось, предупреждалъ приходившихъ. Всѣхъ тѣхъ, которые, по здѣшнему обычаю, для изъявленія почтенія, падали передъ государемъ ницъ, самъ ласково и поспѣшно поднималъ и цѣловалъ ихъ, какъ самыхъ короткихъ друзей своихъ. Ежели москвитяне могутъ забыть ту обиду, которая наносилась ножницами тутъ же, безъ разбора направленными на ихъ бороды, то они могли бы по истинѣ сей день причислить къ счастливѣйшимъ въ своей жизни. Воевода, князь Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, первый пожертвовалъ своею длинною бородой, подставивъ ее подъ ножницы. Въ самомъ дѣлѣ, для тѣхъ, кто считаетъ священнымъ долгомъ жертвовать жизнью по волѣ или по приказанію своего государя, вовсе не было это безславіемъ, ежели самъ царь ихъ былъ виновникомъ сего. Не приходилось и смѣяться другъ надъ другомъ, такъ какъ каждаго постигала одинаковая участь по его уже рожденію. Сохранили свои бороды только патріархъ, святостью своего сана, бояринъ и главный воевода тобольскій, князь (Михаилъ) Алегуковичъ Черкасскій, уваженіемъ къ его преклоннымъ лѣтамъ, и Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, почетною должностью царскаго оберегателя. Всѣ прочіе должны были преклониться передъ иностранными нравами, когда ножницы уничтожали старинный ихъ обычай.

Царь сдѣлалъ ученье своимъ полкамъ и убѣдился, что многаго еще не достаетъ этимъ толпамъ, чтобы можно было ихъ назвать воинами. Онъ лично показывалъ имъ, какъ нужно дѣлать движенія и обороты наклоненіемъ своего тѣла, какую нестройныя толпы должны имѣть выправку; наконецъ, соскучившись видомъ этого скопища необученныхъ, отправился, въ сопровожденіи бояръ, на пирушку, которую, по желанію его, устроилъ Лефортъ. Пированье длилось до поздняго вечера, сопровождаясь веселыми кликами при заздравныхъ чашахъ и пальбою изъ орудій. Пользуясь тишиною ночи, государь, съ немногими изъ близкихъ къ себѣ, отправился въ Кремль, повидаться съ царевичемъ, сыномъ своимъ, весьма милымъ ребенкомъ. Давъ волю своему родительскому чувству и осыпая сына ласками, три раза поцѣловалъ его; затѣмъ, избѣгая встрѣчи съ женою, которая давно уже ему опротивѣла, онъ возвратился въ свой преображенскій кирпичный домъ.

11-е, а по лѣтосчисленію стараго календаря, 1-го сентября. Русскіе начинаютъ Новый годъ, такъ какъ они ведутъ свое счисленіе отъ со-

творенія міра. Этотъ день москвитяне, по старинному обычаю, праздновали самымъ торжественнымъ образомъ; такъ, на самой большой кремлевской площади устраивали два престола, весьма богато украшенные, одинъ для царя, другой для патріарха, который являлся туда въ епископскомъ облаченіи, а государь въ царскомъ, для внушенія большаго уваженія къ верховному достоинству; народъ смотритъ на него, какъ на божество, рѣдко показывавшееся ему. Послѣ торжественнаго патріаршаго благословенія, сейчасъ же вельможи и прочія именитыя лица спѣшили къ царю съ поздравленіями, и онъ наклоненіемъ головы и движеніемъ руки отвѣчалъ поздравляющимъ и желалъ имъ, съ своей стороны, всякаго благополучія. Эти обряды, по причинѣ отсутствія царя, уже нѣсколько лѣтъ не совершались; возобновить ихъ, какъ устарѣвшіе, отжившіе свое время обычаи, не позволилъ духъ времени, стремящійся къ преобразованіямъ. Набожность предковъ, дозволявшая связывать царское величество столькими священными обрядами, казалась уже слишкомъ религіозною. Впрочемъ, первый день Новаго года проведенъ былъ весело въ пиршествѣ, устроенномъ, съ царскою пышностью, воеводою Шеинымъ, куда собралось невѣроятное почти множество бояръ, гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, а также явилось большое число матросовъ; къ нимъ чаще всего подходилъ царь, одѣлялъ яблоками и, сверхъ того, каждаго изъ нихъ называлъ «братомъ». Каждый заздравный кубокъ сопровождался выстрѣломъ изъ 25-ти орудій. Однако и такая торжественность дня не помѣшала явиться несносному брадобрѣю. На этотъ разъ обязанность эту отправлялъ извѣстный при царскомъ дворѣ шутъ (Тургеневъ?), и къ кому только ни приближался онъ съ ножницами, не позволялось спасать свою бороду, подъ страхомъ получить нѣсколько пощечинъ. Такимъ образомъ, между шутками и стаканами весьма многіе, слушая дурака и потѣшника, должны были отказаться отъ древняго обычая.

Въ 4-мъ часу пополудни мы отправились съ блестящею свитой на представленіе. Это было въ великолѣпномъ зданіи, выстроенномъ государемъ и уступленномъ имъ генералу и адмиралу своему, Лефорту, для временного жительства. Царское величество окружали, на подобіе вѣнка, вельможи. Онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ ихъ изящнымъ величіемъ тѣла и духа, въ свидѣтельство сокровеннаго величества. Первый министръ Нарышкинъ и думный дьякъ Украинцевъ, согласно ихъ должностямъ, занимали ближайшія мѣста при государѣ. Когда мы поклонились царю съ почтеніемъ, подобающимъ высочайшему сану, онъ пріятнымъ мановеніемъ обѣщалъ намъ свой благосклонный пріемъ. Посолъ приказалъ нести передъ собою двѣ его вѣрительныя граматы, для поднесенія его царскому величеству. Когда ихъ поднесли съ глубочайшимъ почтеніемъ, царь принялъ обѣ съ подобающимъ уваженіемъ, послѣ чего допустилъ къ рукѣ посла, его чиновниковъ и бывшихъ тутъ миссіонеровъ; затѣмъ послѣдовали оффиціальные вопросы о здоровьѣ императора и самого посла, на что даны были, съ достодолжнымъ уваженіемъ, отвѣты, и этимъ кончился пріемъ.

Его царское величество велѣлъ пригласить всѣхъ представителей иноземныхъ державъ, также бояръ и разныхъ лицъ чиновныхъ, или пользующихся его расположеніемъ, на большой пиръ, устроенный на его счетъ генераломъ Лефортомъ. Датскій посолъ, неосторожно выдав-

шій прежде министерству свою вѣрительную грамату, которое ее требовало, не смотря на свое ходатайство, не получилъ у царя отпускной аудіенціи. Но онъ такъ вкрался къ генералу Лефорту, что въ его же покояхъ, прежде нежели сѣли за столъ, былъ допущенъ къ цѣлованію царской руки. Той же участи подвергся, за несвоевременную отдачу своей вѣрительной граматы, и польскій посолъ: потерявъ всякую надежду получить у царя аудіенцію, онъ умолялъ, по крайней мѣрѣ, допустить его къ цѣлованію руки, что́ и дозволено ему, но только въ небольшой комнатѣ, гдѣ хранились стаканы и рюмки. Датскій посолъ много хвастался побѣдою своей отъ того, что прежде поцѣловалъ руку, и потому требовалъ себѣ за столомъ высшее передъ польскимъ посломъ мѣсто. Поднялся несносный споръ о преимуществахъ, и такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступить другому, то царь вышелъ изъ терпѣнія и назвалъ обоихъ дураками (Durackos), весьма употребительнымъ у русскихъ словомъ, означающимъ недостатокъ ума. Еще не кончился обѣдъ, какъ его царское величество, послѣ весьма оживленнаго спора съ воеводой Шеинымъ, вышелъ въ ярости изъ-за стола. Сначала никто не зналъ причины удаленія государя, но потомъ оказалось, что онъ справлялся у солдатъ, сколько надѣлалъ Шеинъ полковниковъ и прочихъ офицеровъ не по заслугамъ, а за однѣ лишь деньги. Спустя нѣсколько времени, онъ вернулся и, въ страшномъ гнѣвѣ, передъ глазами воеводы Шеина, ударилъ обнаженнымъ мечомъ по столу и вскричалъ:—„Такъ истреблю я твой полкъ!“ Въ справедливомъ негодованіи царь подошелъ затѣмъ къ князю Ромодановскому и къ думному дьяку Никитѣ Моисеевичу (Зотову); замѣтивъ, что однако они оправдываютъ воеводу, до того разгорячился, что, махая обнаженнымъ мечомъ во всѣ стороны, привелъ тутъ всѣхъ пирующихъ въ ужасъ. Князь Ромодановскій легко раненъ въ палецъ, другой въ голову, а Никита Моисеевичъ, желая отвратить отъ себя ударъ царскаго меча, поранилъ себѣ руку. Воеводѣ готовился-было далеко опаснѣе ударъ, и онъ, безъ сомнѣнія, палъ бы отъ царской десницы, обливаясь своею кровью, если бы только генералъ Лефортъ (которому одному лишь это дозволялось) не сжалъ его въ объятіяхъ и тѣмъ не отклонилъ руки отъ удара. Царь, возмущенный тѣмъ, что нашелся смѣльчакъ, дерзнувшій предупредить послѣдствія его справедливаго гнѣва, напрягалъ всѣ усилія вырваться изъ рукъ Лефорта и, освободившись, крѣпко хватилъ его по спинѣ. Наконецъ, одинъ только человѣкъ, пользовавшійся наибольшею любовью царя передъ всѣми москвитянами, съумѣлъ поправить это дѣло. Говорятъ, что этотъ человѣкъ (Меньшиковъ) достигъ настоящаго завиднаго своего положенія, происходя изъ самаго низкаго сословія. Онъ такъ успѣлъ смягчить сердце царя, что тотъ воздержался отъ убійства, а ограничился одними только угрозами. За этой страшной грозой наступила прекрасная погода: царь съ веселымъ видомъ присутствовалъ при пляскѣ и, въ доказательство особенной любезности, приказалъ музыкантамъ играть тѣ самыя пьесы, подъ какія онъ плясалъ у своего, какъ онъ выразился, «любезнѣйшаго господина брата», т. е. царь вспоминалъ о томъ балѣ, какой данъ былъ императоромъ въ честь его всепресвѣтлѣйшихъ гостей. Двѣ горничныя дѣвушки пробрались-было тихонько посмотрѣть, но государь приказалъ солдатамъ ихъ вывести. И

тутъ, при заздравныхъ чашахъ, палили изъ 25-ти орудій, и пирушка пріятно продолжалась да половины шестого часа утра.

Сегодня императорскій полковникъ де-Граге далъ великолѣпный пиръ, который удостоилъ своимъ присутствіемъ самъ царь, не смотря на зубную боль, отъ которой распухли-было у него щеки. Въ то время, когда царь неожиданно пріѣхалъ въ столицу, господинъ генералъ Гордонъ находился въ своемъ помѣстьѣ, почти въ тридцати миляхъ отъ Москвы. Узнавъ о прибытіи царя, Гордонъ вернулся сегодня въ городъ, заявить царю свое почтеніе, и пришелъ на эту пирушку. По обычаю, онъ дважды поклонился государю въ ноги и просилъ прощенія въ томъ, что слишкомъ поздно явился засвидѣтельствовать ему свое глубочайшее почтеніе, при чемъ ссылался на непостоянную погоду и бури. Царь поднялъ его, поцѣловалъ, и послѣдній хотѣлъ-было упасть на колѣни, но тотъ протянулъ ему руку. Царь соизволилъ присутствовать господину послу не только на обѣдѣ, но и за ужиномъ, который царь приказалъ себѣ приготовить. Къ этому ужину, кромѣ посла, были приглашены тольно три генерала: Лефортъ, Гордонъ и Карловичъ. Никогда еще царь не выказывалъ болѣе непринужденной веселости, какъ здѣсь, быть можетъ, потому, что тутъ не было ни одного боярина или другого какого лица, которое могло бы возмутить чувство удовольствія своимъ непріятнымъ видомъ.

XXII. Второй стрѣлецкій бунтъ (1698 г.).

(*Изъ „Публичныхъ чтеній о Петрѣ Великомъ", Соловьева.*)

Только-что Петръ собрался за границу, какъ узнаетъ, что люди, недовольные имъ и его дѣломъ, дожидаются его отъѣзда для исполненія своихъ замысловъ; ихъ надежда на стрѣльцовъ и казаковъ—надежда, что одни начнутъ съ одного конца, а другіе съ другого. Смутники были переказнены; Петра проводили кровавыми проводами. Путешествіе, сильная дѣятельность за границею успокоили его; онъ сбирается окончить путешествіе, посмотрѣвъ на царицу южнаго моря, на Венецію; онъ возвратится домой спокойный, довольный, съ богатою добычею... Нѣтъ, поѣхалъ отъ крови и возвратится къ крови: ему не даютъ окончить путешествіе; его зовутъ раздѣлываться съ стрѣльцами. Софья не умерла для міра въ монастырской кельѣ; она воспользовалась отсутствіемъ брата и опять обратилась къ стрѣльцамъ, и на этотъ разъ стрѣльцы откликнулись, потому что были недовольны, сильно раздражены. Они видѣли ясно, что имъ предстоитъ тяжкое преобразованіе—изъ стрѣльцовъ превратиться въ солдатъ. Стрѣлецъ несъ легкую службу: сходитъ на караулъ и свободенъ; у него свой домъ въ слободѣ, своя семья, своя лавочка, гдѣ онъ торгуетъ въ свободное время. Но теперь—постоянная, тяжелая служба. Стрѣльцы оторваны отъ привольной московской жизни и двинуты на край свѣта—въ Азовъ; ждутъ не дождутся, когда отпустятъ ихъ домой, въ Москву, а тутъ указъ, велятъ имъ идти на другой край свѣта—на литовскую границу, куда царь велѣлъ собирать войска, чтобъ поддерживать избраніе на

польскій престолъ пригоднаго для Россіи кандидата, курфирста саксонскаго Августа. Тоска стрѣльцовъ по Москвѣ достигла высшей степени; нѣкоторые бѣжали изъ полковъ въ Москву и принесли оттуда товарищамъ призывъ отъ царевны Софьи: „Теперь вамъ худо, а впредь будетъ еще хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали? про государя ничего не слышно. Быть вамъ на Москвѣ, стать таборомъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ и бить мнѣ челомъ, чтобъ я шла по-прежнему на державство; а если бы солдаты пускать къ Москвѣ не стали, то ихъ побить". Бунтъ вспыхнулъ, раздались крики: „Идти къ Москвѣ! Нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло; бояръ побить; стрѣльцы отъ бояръ и отъ иноземцевъ погибаютъ и Москвы не знаютъ; непремѣнно идти къ Москвѣ, хотя-бъ умереть, а одинъ предѣлъ учинить. И къ донскимъ казакамъ вѣдомость послать; государя въ Москву не пустить и убить за то, что началъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами". Стрѣльцы двинулись къ Москвѣ; солдаты, подъ начальствомъ боярина Шеина, загородили имъ дорогу и поразили ихъ. Плѣнныхъ подвергли розыску, винились въ бунтѣ; но никто не сказалъ о призывѣ изъ Москвы. Шеинъ не догадался объ этомъ призывѣ; но Петръ тотчасъ догадался, какъ только получилъ извѣстіе о стрѣлецкихъ волненіяхъ; это было больное мѣсто, рана раскрылась. Петръ спѣшилъ въ Москву въ тревогѣ и гнѣвѣ, и чѣмъ онъ сдержится? онъ схватится съ стрѣльцами въ рукопашную, съ этими врагами, которые истерзали его родныхъ, заставили рости въ униженіи, пренебреженіи, отняли средства учиться вовремя, какъ слѣдуетъ; съ этими врагами, которые объявили, что не пустятъ его въ Россію, убьютъ за то, что онъ увѣровалъ въ нѣмцевъ, сложился съ ними, которые стали поперекъ его дѣлу, позорятъ это дѣло въ глазахъ русскихъ людей, клевещутъ на царя, выставляютъ его еретикомъ, нѣмцемъ, а себя людьми, ставшими за православіе, тогда какъ въ сущности у нихъ другія побужденія, столь ненавистныя Петру: онъ зоветъ свой народъ къ тяжелому, необходимому труду, и самъ подаетъ примѣръ такого труда, а тутъ люди, которые хотятъ его убить, чтобъ избавиться отъ трудныхъ походовъ, возвратиться въ Москву и жить покойно. Страсть, гнѣвъ, мщеніе сдерживаются религіозно-нравственными правилами, христіанскимъ уваженіемъ, любовью къ ближнему, страхомъ Божьимъ для однихъ, страхомъ человѣческимъ для другихъ; умъ часто становится угодникомъ страсти; онъ внушаетъ гнѣвному человѣку, стремящемуся схватиться съ врагомъ: дѣйствуй сильнѣе, истреби зло съ корнемъ, вырѣжь, выжги, порази толпу ужасомъ, который бы отнялъ всякую способность къ сопротивленію; тебѣ предстоитъ громадная дѣятельность для благородной цѣли; есть люди злонамѣренные, которые будутъ ей противиться: истреби ихъ, не оставляй врага въ тылу у себя. И вотъ страсть, гнѣвъ получаютъ новую пищу, получаютъ оправданіе. И вотъ Петръ поканчиваетъ съ стрѣльцами пыткой, висѣлицей и плахой...

XXIII. Краткое описаніе опаснаго мятежа стрѣльцовъ въ Московіи.

(Изъ „Дневника" Корба).

Очень часто бываетъ, что тотъ, кто спѣшитъ изъ дружбы тушить пожаръ въ домѣ сосѣда, подвергается самъ, по прихотливой игрѣ случая, подобному же несчастію, и потому вполнѣ правъ человѣкъ, который оплакиваетъ собственное горе, когда свирѣпое пламя разрушаетъ зданіе сосѣда.

Всѣмъ извѣстно, что мнѣнія поляковъ, съѣхавшихся для свободнаго избранія чрезъ подачу голосовъ короля на престолъ вдовствовавшей республики *), раздѣлялись между двумя различными искателями. Эти волненія на буйныхъ сеймахъ народовъ **) съ живымъ характеромъ, хитрыхъ и наглыхъ въ своихъ проискахъ, походятъ на сильные вѣтры, которые, подымаясь на моряхъ, предвѣщаютъ жестокую бурю, переполненную бѣдствіями. Царь московскій, въ виду опасностей, угрожавшихъ ему вслѣдствіе сосѣдства съ Польшей, поставилъ на стражѣ на границахъ Литвы воеводу, князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго, приказавъ ему принять самыя дѣйствительныя мѣры для возстановленія общественнаго спокойствія въ Польшѣ, въ томъ случаѣ, если бы оно было нарушено междоусобіемъ, возникшимъ изъ-за частнаго интереса.

Ромодановскій начальствовалъ надъ сильнымъ отрядомъ войска, для того, чтобы имѣть возможность усмирить возмутителей, буде бы таковые показались, и склонить ихъ къ должному законно-избранному королю почтенію. Но какъ чудна измѣнчивость счастья и судебъ вообще! Тотъ, который опасался ужасовъ наводненія для сосѣдняго народа, привлекъ къ самому себѣ всю ярость угрожавшихъ оному волнъ. Среди четырехъ стрѣлецкихъ полковъ, составлявшихъ наблюдательный отрядъ на литовскихъ границахъ, возникъ преступный замыселъ перемѣнить государя. Стрѣльцы этихъ полковъ оставили мѣста своихъ стоянокъ и, прогнавъ вѣрныхъ царю офицеровъ, избрали изъ среды своей начальниковъ, и кто показывалъ наиболѣе усердія къ преступному дѣлу, тотъ и считался у нихъ самымъ способнымъ повелѣвать другими. Но мятежники на этомъ не остановились: они грозили даже полкамъ, стоявшимъ вблизи, что примутъ противъ нихъ самыя жестокія мѣры, если они къ

---

*) По смерти польскаго короля, время отъ его смерти до избранія новаго государя было печальнымъ временемъ, въ которое республика, дочь своего отца—короля, считалась вдовствующей. Такъ какъ всѣ обыкновенныя судебныя мѣста дѣйствовали во имя короля, то они послѣ его смерти до новаго выбора закрывались. На это время учреждались новыя судилища, называвшіяся каптуровыми, т. е. одѣтыми въ монашескій каптуръ (капишонъ, капоръ), въ знакъ горести, и рѣшали всѣ вообще дѣла, особенно же уголовныя.

**) Польскаго и Литовскаго.

нимъ добровольно не присоединятся, или вздумаютъ противиться ихъ намѣренію. Въ Москвѣ разносились разные слухи о происшествіяхъ, угрожавшихъ такою близкою опасностью; но никто не зналъ, которому изъ нихъ вѣрить, пока частыя сходки бояръ, ихъ совѣщанія, на которыя собирались по нѣсколько разъ въ день, ночныя сборища и постоянныя сношенія не увѣрили наконецъ всѣхъ въ томъ, что тутъ дѣло было опасное, и такъ какъ необходимо было поспѣшить принять мѣры, сообразныя съ обстоятельствами, не терпѣвшими отлагательства, то скоро и послѣдовали соотвѣтственныя онымъ распоряженія. Царь предъ своимъ отъѣздомъ назначилъ боярина и воеводу Алексѣя Семеновича Шеина главноначальствующимъ надъ своими войсками, а потому и бояре не могли назначить никого другого для исполненія своего рѣшенія. Но какъ государь не оставилъ никакихъ ясныхъ распоряженій, то всѣ бояре согласились въ томъ, чтобы въ дѣлѣ мятежа стрѣльцовъ соображаться съ дальнѣйшими событіями, и что если мятежники окажутъ упорное сопротивленіе и не будутъ просить прощенія въ своемъ преступленіи, употребить противъ нихъ строгія мѣры. Шеинъ, соглашаясь принять на себя порученіе бояръ, требовалъ, чтобы это рѣшеніе, принятое боярами единогласно, было также утверждено ихъ подписями съ приложеніемъ печатей. Требованіе воеводы было весьма справедливо, но ни одинъ изъ бояръ не согласился приложить руку. Изъ страха ли то было, или изъ зависти, неизвѣстно, но, какъ бы то ни было, близость опасности, боязнь видѣть Москву во власти возмутившихся стрѣлецкихъ полчищъ—все это не допустило дальнѣйшихъ проволочекъ. Можно было даже опасаться, что чернь присоединится къ мятежникамъ, а потому всѣ были того мнѣнія, что благоразумнѣе двинуться на встрѣчу стрѣльцамъ, чѣмъ ждать ихъ опаснаго вторженія. Гвардія получила приказаніе быть ежечасно готовой къ выступленію противъ святотатственныхъ посягателей на царское величество: ей было объявлено, что кто откажется принять участіе въ дѣйствіяхъ противу мятежниковъ, будетъ считаться виновнымъ въ томъ же преступленіи и соучастникомъ бунтовщиковъ и что при исполненіи своихъ обязанностей воины не должны смотрѣть ни на родство, ни на свойство, такъ какъ эти отношенія не существуютъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о спасеніи царя и государства; даже сынъ долженъ убить отца, вооружившагося на погибель своего отечества. Генералъ Гордонъ этимъ спартанскимъ ученіемъ побуждалъ ввѣренные ему полки къ доблестному дѣлу. День выступленія въ походъ противу отступниковъ отъ своего долга совпадалъ съ Духовымъ днемъ, и это обстоятельство служило счастливымъ предзнаменованіемъ; казалось, что сама судьба опредѣлила, чтобы духъ правды и справедливости помѣшалъ проискамъ неправедныхъ людей; успѣхъ же достаточно это оправдывалъ. Походъ мятежнаго войска былъ задержанъ на третій день по выступленіи онаго несогласіями, возникшими между тремя предводителями, и чрезъ это вѣрное царю войско имѣло время встрѣтить измѣнившихъ стрѣльцовъ у Воскресенскаго, иначе—Іерусалимскаго монастыря. Еслибы стрѣльцы хотя за часъ успѣли овладѣть монастыремъ, то подъ защитою его твердынь могли бы, ослабивъ усердіе вѣрнаго войска, изнуреннаго продолжительными и тщетными покушеніями на монастырь, одержать надъ нимъ побѣду и увѣн-

чать успѣхомъ свое преступленіе противъ государя. Но дерзкимъ намѣреніямъ счастіе отказало въ достиженіи вожделѣнной цѣли.

Близъ монастыря находится низменная мѣстность, по которой, недалеко отъ монастырскихъ стѣнъ, протекаетъ узкая рѣчка; по сю сторону стояло уже царское войско, а на противоположномъ берегу—мятежники: эти послѣдніе предполагали переправиться чрезъ рѣку и, если бы твердо держались своего намѣренія, то царскимъ воинамъ, уставшимъ отъ тяжкаго дневного похода, было бы трудно воспрепятствовать переправѣ. Но Гордонъ замѣнилъ недостатокъ силы хитростью и одинъ подошелъ къ берегу для переговоровъ съ стрѣльцами, которые думали уже переправляться; Гордонъ, чтобы отклонить ихъ отъ этого предпріятія, повелъ къ нимъ такую рѣчь:—„О чемъ вы думаете? Куда идете? Ежели вы идете въ Москву, то вѣдь ночь наступаетъ, вамъ невозможно будетъ продолжать дорогу, а на этомъ берегу слишкомъ мало мѣста, чтобы вы могли всѣ помѣститься; останьтесь лучше на той сторонѣ рѣки и ночью подумайте хорошенько, что завтра дѣлать!“.

Мятежная толпа не отвергла столь дружескихъ совѣтовъ; впрочемъ, стрѣльцы были утомлены и не имѣли столь отваги, чтобы воспользоваться внезапнымъ случаемъ къ бою. Между тѣмъ, Гордонъ, ознакомившись хорошо съ мѣстностью, занялъ, съ согласія Шеина, своимъ войскомъ находящуюся вблизи и выдающуюся впередъ высоту, разставилъ и укрѣпилъ сторожи, не упуская ничего изъ виду, что могло служить ему для обороны и укрѣпленія и обратиться во вредъ и уронъ врагамъ. Полный духа, съ неменьшимъ усердіемъ и мужествомъ отправлялъ всѣ обязанности по своей части и полковникъ императорской артиллеріи де-Граге: онъ помѣстился на вышеупомянутомъ холмѣ, искусно размѣстилъ орудія, разставивъ ихъ въ такомъ порядкѣ, что почти вся честь успѣха принадлежала артиллеріи. На разсвѣтѣ, по приказанію воеводы Шеина, генералъ Гордонъ отправился вновь для переговоровъ съ стрѣльцами и, укоривъ ихъ нѣсколькими словами въ неповиновеніи, много говорилъ о царскомъ милосердіи.—„Если вы требуете свое жалованье,—сказалъ Гордонъ,—то вѣдь не должны воины подносить просьбы къ государю толпами и съ возмущеніемъ. Зачѣмъ, нарушая уставъ военной службы и предписанія подчиненности, вы оставили мѣста, порученныя вашей вѣрности? Зачѣмъ, прогнавъ офицеровъ, предпринимаете насильственныя мѣры? Для васъ гораздо будетъ лучше подать просьбы мирно и, вспомня долгъ вѣрности къ царю, возвратиться на назначенныя мѣста; ежели я увижу, что вы склоняетесь на доброе и передадите мнѣ свои просьбы, то исходатайствую удовлетвореніе этихъ просьбъ и прощеніе вашего преступленія“. Но рѣчь Гордона не подѣйствовала на закоренѣлыхъ уже въ неповиновеніи измѣнниковъ; эти упорные люди дали лишь такой отвѣтъ:—„Мы скорѣе пойдемъ въ Москву обнять нашихъ любезныхъ женъ и получить неуплаченное жалованье, чѣмъ возвратимся нищими на свои мѣста». Шеинъ, не смотря на то, что Гордонъ донесъ ему о преступномъ упрямствѣ стрѣльцовъ, не терялъ однако-жъ еще всей надежды на ихъ раскаяніе, и Гордонъ согласился отправиться въ третій разъ къ бунтовщикамъ попытаться, не удастся ли ему подѣйствовать на этихъ остервенѣлыхъ мятежниковъ обѣщаніями прощенія и удовлетворенія ихъ жалованьемъ. Но не только всѣ убѣжденія Гордона и на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ, на

который все еще надѣялся Шеинъ, но самъ Гордонъ подвергался опасности отъ неистовства разсвирѣпѣвшихъ мятежниковъ: теперь уже ругательствами и бранью проводили они именитаго человѣка, своего бывшаго предводителя. — „Убирайся скорѣе прочь,—кричали они,—да не толкуй много по-пусту, ежели не хочешь, чтобы мы, пустивъ въ тебя пулю, уняли твою смѣлость: стрѣльцы знать не хотятъ никакихъ начальниковъ, не слушаютъ ничьихъ приказаній и не вернутся на свои мѣста; въ Москву идемъ, а ежели насъ не пустятъ, то мы проложимъ себѣ дорогу силой и оружіемъ“. Гордонъ, оскорбленный этой неожиданной дерзостью, сталъ совѣщаться по этому дѣлу съ Шеинымъ и съ другими присутствовавшими офицерами: не трудно было сдѣлать постановленіе противъ тѣхъ, которые уже рѣшились испытать силу своего оружія. Поэтому въ царскомъ станѣ все приготовлялось къ бою, такъ какъ мятежники были непоколебимы въ своемъ намѣреніи сражаться. Но стрѣльцы выказывали неменьшую заботливость: они устраивали боевую линію, наводили орудія, становились рядами, отправляли обычный молебенъ и дѣлали воззванія къ Богу, какъ будто они должны были вступить въ бой съ врагами за правое дѣло. Оба отряда, осѣнивъ себя безчисленное множество разъ крестнымъ знаменіемъ, начали сраженіе. Войско Шеина открыло пушечную и ружейную пальбу, но только холостыми зарядами, такъ какъ воевода не терялъ еще надежды, что стрѣльцы, испуганные дѣйствительнымъ отпоромъ, возвратятся къ повиновенію. Но стрѣльцы, замѣтивъ, что послѣ первыхъ выстрѣловъ не было ни раненыхъ, ни убитыхъ, сдѣлались еще смѣлѣе въ своемъ злодѣяніи. Съ бóльшимъ присутствіемъ духа, чѣмъ прежде, открыли они огонь, и нѣсколько убитыхъ и большое число раненыхъ пали отъ ихъ выстрѣловъ. Когда смерть и раны достаточно увѣрили, что нужны болѣе сильныя мѣры, разрѣшено было полковнику де-Граге не употреблять болѣе холостыхъ зарядовъ, но стрѣлять ядрами и картечью изъ пушекъ большого калибра. Полковникъ де-Граге этого только и ожидалъ: онъ тотчасъ-же далъ столь удачный залпъ въ мятежниковъ, что укротилъ ихъ ярость, и станъ враговъ, бывшій поприщемъ подвиговъ сражавшихся воиновъ, превратился въ мѣсто жалкаго побоища. Одни падали мертвые, другіе въ ужасѣ бѣгали, какъ безумные, потерявъ, вмѣстѣ съ самонадѣянностью, и присутствіе духа: тѣ, которые въ этомъ опасномъ положеніи сохранили болѣе здраваго разсудка, старались ослабить и даже уничтожить дѣйствіе царской артиллеріи, направляя взаимно свои орудія на пушки де-Граге, но усиліе ихъ было тщетно. Полковникъ де-Граге предупредилъ ихъ оборотъ, направивъ свои орудія на пушки мятежной толпы; онъ открылъ огонь, который, подобно безпрерывному урагану, сметалъ приближающихся къ ихъ орудіямъ стрѣльцовъ; много изъ нихъ пало, еще большее число обратилось въ бѣгство; и никто уже не смѣлъ возвращаться къ своей батареѣ. Между тѣмъ полковникъ де-Граге не переставалъ съ высоты, на которой онъ стоялъ, поражать разстроенные ряды враговъ, и стрѣльцы, столь неприступные часъ тому назадъ, отвергавшіе предложенную имъ милость, не находя теперь нигдѣ убѣжища и не видя средствъ къ спасенію, особенно же приведенные въ ужасъ безпрерывнымъ пушечнымъ огнемъ, которымъ ихъ поражала нѣмецкая десница, пришли въ такое отчаяніе, что объявили желаніе сдаться. Въ столь короткое время итогъ боя отличалъ побѣдителей отъ

побѣжденныхъ. Побѣжденные, прося о помилованіи, падали на колѣни и молили остановить убійственное дѣйствіе артиллеріи, увѣряя, что они немедленно сдѣлаютъ все, что имъ прикажутъ. Имъ отвѣтили:— „положите оружіе и выступите изъ своихъ рядовъ впередъ!“ Приказаніе было исполнено. Но хотя побѣжденные немедленно бросили оружіе и пошли на назначенныя для нихъ мѣста, однако же царская артиллерія продолжала еще нѣсколько времени пальбу, опасаясь, чтобы, съ прекращеніемъ причины страха, не проявилась въ стрѣльцахъ ихъ прежняя дерзость и упорное желаніе вести бой. Когда стрѣльцовъ хорошенько напугали, тогда уже смѣло можно было ихъ не щадить. Тысячи людей, которые если-бы захотѣли испытать свои силы, то изъ побѣжденныхъ сдѣлались-бы побѣдителями, были теперь перевязаны. Есть Богъ, и Онъ-то обратилъ въ прахъ замыслы злыхъ, чтобы они не могли исполнить своего предпріятія.

Когда, такимъ образомъ, чрезмѣрная гордость мятежниковъ была совершенно укрощена и всѣ соучастники возмущенія находились въ цѣпяхъ, воевода Шеинъ подвергъ ихъ пыткамъ, чтобы развѣдать о причинахъ и цѣли этого опаснаго и безбоязненнаго заговора, объ его зачинщикахъ, руководителяхъ и соучастникахъ. Эти распоряженія были необходимы, такъ какъ очень основательно подозрѣвали, что были высшіе начальники заговора, руководившіе настоящимъ мятежомъ. Каждый изъ стрѣльцовъ добровольно сознавался въ томъ, что онъ—уголовный преступникъ, но ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ объяснить, нѣтъ ли заговора, обнаружить намѣренія и открыть особъ, бывшихъ въ согласіи съ мятежниками, и потому нужно было прибѣгнуть къ застѣнкамъ, какъ къ послѣднему средству для открытія правды. Жестокость мученій, которымъ предавали преступниковъ, была неслыханная: ихъ ужасно били плетьми, но, не получая отвѣта, допрощики подвергали спины стрѣльцовъ, обагренныя кровью и заплывшія сукровицей, дѣйствію огня, чтобы, чрезъ медленное обжиганіе кожи изувѣченнаго тѣла, острая боль, проникая до мозговъ костей и самыхъ фибръ нервовъ, причиняла жестокія мученія. Эти пытки употреблялись по-очередно, смѣняя одна другую, Страшно было и видѣть, и слышать эту ужасную трагедію. На открытой равнинѣ было разложено болѣе тридцати страшныхъ костровъ, надъ ними обжигали несчастыхъ, подвергаемыхъ допросу, которые издавали ужасные вопли; на другомъ мѣстѣ раздавались жестокіе удары плетью, и такимъ образомъ прекраснѣйшая на землѣ мѣстность обратилась въ мѣсто звѣрскихъ истязаній. Когда большая часть преступниковъ уже испытала пытку, нашлись между ними такіе, которые не вынесли муки и объявили слѣдующее показаніе касательно своихъ злыхъ замысловъ:—„Мы знаемъ, какъ преступно наше дѣло; мы всѣ заслужили смертную казнь и, быть можетъ, ни одинъ изъ насъ не желалъ бы быть освобожденъ отъ оной. Если бы судьба оказалась благопріятной нашимъ замысламъ, мы бы подвергли бояръ такимъ же казнямъ, какихъ ожидаемъ теперь, какъ побѣжденные; ибо мы имѣли намѣреніе все предмѣстье нѣмецкое сжечь, ограбить, истребить его до тла и, очистивъ это мѣсто отъ нѣмцевъ, которыхъ мы хотѣли всѣхъ до одного умертвить, вторгнуться въ Москву, потомъ, убивъ тѣхъ солдатъ, которые бы намъ оказали сопротивленіе, прочихъ присоединить къ себѣ, какъ соучастниковъ въ нашемъ злодѣяніи; бояръ—однихъ каз-

нить, другихъ заточить и всѣхъ ихъ лишить мѣстъ и достоинствъ, чтобы тѣмъ легче привлечь къ себѣ чернь; нѣкоторые священники пошли бы предъ нами съ иконой Божьей Матери и образомъ святого Николы, чтобы показать, что мы не по коварству взялись за оружіе, но по благочестію, во славу Бога и на защиту вѣры. Овладѣвъ верховной властью, мы бы разсѣяли въ народѣ письма, въ которыхъ бы увѣряли, что его царское величество, выѣхавши, по дурнымъ совѣтамъ нѣмцевъ, за границу, за моремъ скончался. Въ нихъ народъ читалъ бы также слѣдующее: нужно предпринять мѣры, чтобы государственный корабль не носился по морю безъ кормчаго, черезъ что могъ бы легко подвергнуться опасности попасть на какія либо скалы, претерпѣть крушеніе, а потому царевна Софья Алексѣевна будетъ временно посажена на престолъ, пока царевичъ не достигнетъ совершеннолѣтія и не возмужаетъ. Василій Голицынъ будетъ возвращенъ изъ ссылки, чтобы помогать своими мудрыми совѣтами Софьѣ“.

Такъ какъ всѣ статьи этого показанія были настолько важны, что даже каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности, подвергала виновныхъ смертной казни, то воевода Шеинъ велѣлъ сдѣлать по онымъ приговоръ, обнародовать его и исполнить. Многіе осуждены къ петлѣ и повѣшены, другіе къ пыткѣ и потомъ погибли на плахѣ: топоръ лишилъ ихъ жизни; большая же часть мятежниковъ оставлена для болѣе обдуманнаго наказанія и потому размѣщена была по окрестнымъ мѣстамъ подъ стражей. Вопреки совѣтамъ генерала Гордона и князя Масальскаго, приступилъ воевода къ этому допросу и преждевременно казнилъ начальниковъ мятежа безъ достаточнаго дознанія, устраняя ихъ этимъ способомъ отъ дальнѣйшаго изслѣдованія дѣла по стрѣлецкому мятежу, и потому достойно навлекъ на себя гнѣвъ справедливѣйшаго мстителя нарушенныхъ законовъ и палъ бы отъ руки государя среди увеселеній царскаго пира, если бы генералъ Лефортъ не удержалъ оной, не допуская кровопролитія. Но Шеинъ смотрѣлъ тогда другимъ взглядомъ на положеніе дѣла; по его мнѣнію, быстрое принятіе строгихъ мѣръ должно было произвести самую полезнѣйшую перемѣну въ расположеніи умовъ, и необходимымъ ея слѣдствіемъ должно было быть внушеніе почтенія къ государю и боязнь казни. И потому, чтобы примѣромъ наказанія за нарушеніе законовъ внушить прочимъ ужасъ, онъ приговорилъ въ одинъ день семьдесятъ, а въ другой день девяносто преступниковъ къ смертной казни, которую они вполнѣ заслужили.

Жажда мести, овладѣвшая сердцемъ его царскаго величества при вѣсти о мятежѣ стрѣльцовъ, ясно обнаруживала его огорченіе и страшное негодованіе. Царь находился въ Вѣнѣ и очень желалъ еще посѣтить Италію, когда получилъ извѣстіе о смутахъ внутри Россіи; но какую бы ни имѣлъ онъ прежде охоту продолжать путешествіе, означенное донесеніе совершенно ее отбило. Государь, подойдя къ своему уполномоченному, Лефорту (котораго онъ одного почти только изволилъ допускать къ самымъ короткимъ съ собою сношеніямъ), взволнованнымъ голосомъ сказалъ:—„Францъ Яковлевичъ! Постарайся, чтобы я могъ какъ можно скорѣе, самой кратчайшей дорогой пріѣхать въ Москву и моихъ подданныхъ наказать за измѣну ихъ казнями, вполнѣ достойными! Пощады никому не будетъ. Вокругъ моего царскаго града, который они хотѣли безбожно ограбить, между его валами и стѣнами, велю

поставить позорныя висѣлицы и орудія казни, чтобы жестокой смертью истребить всѣхъ вмѣстѣ и каждаго особо". И недолго откладывалъ Петръ исполненіе принятаго имъ намѣренія удовлетворить свой справедливый гнѣвъ; по предложенію своего уполномоченнаго Лефорта, Петръ отправился на почтовыхъ*) и, проскакавъ благополучно въ четыре недѣли триста миль, прибылъ въ Москву — государемъ для добрыхъ, мстителемъ для злодѣевъ. Первое, что обратило его вниманіе по пріѣздѣ, было дѣло о стрѣлецкомъ мятежѣ; онъ спрашивалъ: — «Какія его начала? Какая была цѣль виновниковъ смутъ? Кто ихъ подвигнулъ на такое страшное преступленіе?" И какъ не нашлось никого, кто бы могъ удовлетворительно отвѣтить на всѣ его вопросы, такъ какъ одни ссылались на свое незнаніе, другіе—на упорство стрѣльцовъ при допросахъ, то царь сталъ считать всѣхъ своихъ приближенныхъ людьми неблагонадежными и думать о новомъ допросѣ. Всѣ мятежники, содержавшіеся подъ карауломъ въ разныхъ сосѣднихъ мѣстахъ, были сведены четырьмя полками гвардіи и подвергнуты новымъ пыткамъ и истязаніямъ. Преображенское обратилось въ темницу, въ мѣсто суда и застѣнковъ для приведенныхъ арестантовъ. Ежедневно,— былъ ли то будній день или праздникъ,—допрощики занимались своимъ дѣломъ: всѣ дни считались вполнѣ хорошими и законными для мученій. Сколько было преступниковъ—столько и кнутовъ, сколько было допрощиковъ—столько и палачей. Князь Өедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, будучи строже прочихъ, былъ тѣмъ способнѣе къ произведенію допросовъ. Самъ великій князь, изъ недовѣрчивости къ своимъ приближеннымъ, принялъ на себя обязанность слѣдователя. Онъ задавалъ вопросы и тщательно сличалъ отвѣты преступниковъ, отъ несознававшихся настойчиво требовалъ признанія, и тѣхъ, которые болѣе упорствовали въ молчаніи, приказывалъ предавать жестокимъ мукамъ, и ежели они много показывали, еще допытывался отъ нихъ новыхъ объясненій. Когда отъ чрезмѣрнаго мученія допрашиваемые, совершенно ослабѣвши, лишались сознанія и почти чувствъ, тогда государь приказывалъ лекарямъ возстановлять медицинскими пособіями силы допрашиваемыхъ; преданные новымъ истязаніямъ, они вновь теряли свои силы. Весь мѣсяцъ октябрь прошелъ въ изувѣчиваніи спинъ преступниковъ ударами кнутовъ и въ обжиганіи огнемъ; только въ тотъ день спасались они отъ плетей или отъ пламени, въ который колесо или топоръ лишали ихъ жизни. Стрѣльцовъ приговаривали къ этимъ казнямъ только тогда, когда показанія ихъ доставляли удовлетворительныя свѣдѣнія касательно начальниковъ мятежа.

---

*) Государь выѣхалъ изъ Вѣны 19-го іюля 1698 г., съ немногими людьми, въ пяти коляскахъ. Въ тотъ же день поспѣшили за нимъ въ Россію великіе послы, Ф. Я. Лефортъ и Головинъ. 31-го іюля царь прискакалъ въ Краковъ, гдѣ получилъ извѣстіе, что бунтъ стрѣльцовъ усмиренъ, послѣ чего Петръ поѣхалъ уже не торопясь, часто останавливался и веселился у польскихъ вельможъ, провелъ три дня съ королемъ Августомъ II-мъ, и 20-го августа прибылъ въ Смоленскъ, а 25-го числа того же мѣсяца, въ вечерню,—въ Москву.

XXIV. Казни стрѣльцовъ послѣ второго стрѣлецкаго бунта.

(Изъ „Дневника" Корба).

Полкъ Гордона привелъ къ новому розыску мятежныхъ стрѣльцовъ изъ разныхъ крѣпостей, находящихся въ окрестностяхъ Москвы.

Одного священника, замѣшаннаго въ мятежѣ, допршивалъ самъ царь, но онъ доселѣ ни въ чемъ не сознался, хотя его и стращали кобылкою.

15 человѣкъ преступниковъ, недавно приведенныхъ (въ Москву) и обличенныхъ въ измѣнѣ, колесованы; затѣмъ отрублены были головы тѣмъ, которые еще жили послѣ этого мученія.

Царь ѣздилъ въ Новодѣвичій монастырь для допроса сестры своей, Софіи, заключенной въ сей обители. Общая молва обвиняетъ ее въ томъ, что она была зачинщицей послѣднихъ смутъ. Говорятъ, что оба, при свиданіи, не могли удержаться отъ слезъ *).

Такъ какъ попъ, о которомъ я уже упомянулъ (не Кобяковъ ли?), увѣрялъ, что всѣ попы, сколько ему извѣстно, молились Всевышнему лишь о счастливомъ возвращеніи царскаго величества, то его подвергли пыткамъ. Жестокія истязанія вынудили наконецъ его сознаться въ томъ, что онъ воодушевлялъ мятежниковъ, одобрялъ ихъ и благословилъ начало ихъ предпріятія.

Мятежники упорно молчатъ, почему ихъ подвергаютъ неслыханнымъ пыткамъ: жестоко избитыхъ кнутами, жарятъ на огнѣ, затѣмъ вновь начинаютъ сѣчь, послѣ чего опять тащатъ къ огню. Такимъ порядкомъ производится московская кобылка. Царь до того не довѣряетъ боярамъ и такъ убѣжденъ въ томъ, что они ничего не въ состояніи сдѣлать добросовѣстно, что опасается допустить ихъ хотя малѣйше до участія въ производствѣ настоящаго слѣдствія. Поэтому самъ онъ составляетъ вопросы, самъ допрашиваетъ преступниковъ, вымогаетъ у нихъ сознаніе; тѣхъ же, которые продолжаютъ молчать, велитъ пытать на дыбкѣ. Потому-то въ Преображенскомъ (гдѣ производится этотъ жесточайшій допросъ) ежедневно пылаетъ болѣе тридцати костровъ.

Подполковникъ Колпаковъ, послѣ жесточайшихъ пытокъ, лишился возможности говорить. Его поручили попеченіямъ царскаго врача, съ тѣмъ, чтобы, по приведеніи его въ чувство, вновь подвергнуть пыткѣ.

Вѣсть о жестокости ежедневно производимыхъ пытокъ дошла до патріарха. Онъ нашелъ, что обязанность его требуетъ убѣдить разгнѣваннаго монарха смягчиться. Лучшимъ для сего средствомъ считалъ онъ явиться къ царю съ образомъ Пресвятой Богородицы: ликъ ея, думалъ онъ, пробудитъ въ почти ожесточившемся сердцѣ человѣчество и чувство естественнаго состраданія. Но притворная обрядная набожность не могла имѣть вліянія на точные взгляды правосудія, коими царь измѣрялъ великость такого преступленія; ибо теперь было такое время, что для блага всей Московіи не набожность, но жестокость нужна была, и тотъ бы весьма погрѣшилъ, кто бы такой способъ принужденія считалъ тиранствомъ, ежели

---

*) Корбъ спуталъ имена царевенъ: въ этотъ день Петръ допрашивалъ не Софію, а царевну Мареу. Устрял. III, 214.

съ нимъ сопряжена справедливость, въ особенности когда члены государственнаго тѣла до того поражены болѣзнію и подвержены неизлечимому гніенію, что для сохраненія организма ничего не остается, какъ желѣзомъ и огнемъ уничтожить эти члены. Поэтому слова, коими поразилъ царь патріарха въ отвѣтъ на его убѣжденія, не были недостойны его величія: — «Зачѣмъ пришелъ ты сюда съ иконой? и по какому долгу твоего званія ты здѣсь явился? Убирайся отсюда живѣе и отнеси икону туда, гдѣ должно ее хранить съ подобающей ей честью! Знай, что я чту Бога и почитаю Пресвятую Богородицу, быть можетъ, болѣе, чѣмъ ты. Но мой верховный санъ и долгъ предъ Богомъ повелѣваютъ мнѣ охранять народъ и карать въ глазахъ всѣхъ злодѣянія, клонящіяся къ его погибели».

Говорятъ, въ этотъ же самый день происходилъ розыскъ надъ однимъ москвитяниномъ, какимъ-то дьячкомъ, за то, что въ его домѣ и при его содѣйствіи сходились четверо стрѣльцовъ, виновныхъ въ государственномъ преступленіи, для таинственныхъ переговоровъ. Дьячка, какъ вторично обвиненнаго въ государственной измѣнѣ, самъ царь, сопровождаемый княземъ Ромодановскимъ и генераломъ Автамономъ *), повлекъ къ допросу.

Двѣ постельницы всепресвѣтлѣйшихъ сестеръ государя, Жукова (Schukowa) царевны Мареы и Ѳеодора (Fiera) Софіи **), самимъ государемъ были взяты въ Кремлѣ. Испуганныя угрозами и послѣ нѣсколькихъ ударовъ на пыткѣ, онѣ показали, что ненависть, какую питаютъ всѣ москвитяне къ генералу Лефорту и къ каждому нѣмцу, была главнымъ поводомъ къ преступному замыслу. Большая часть москвитянъ, по самой природѣ своей, имѣютъ столь варварскіе нравы, что не терпятъ благодѣяній, вносимыхъ въ ихъ отечество иностранцами.

Младшему Лефорту царь велѣлъ сообщить послу, что завтра совершена будетъ казнь преступниковъ.

10. Въ Преображенскомъ царь, окруженный войскомъ, не допускавшимъ рѣшительно къ нему никого изъ постороннихъ, собственноручно отсѣкъ головы пяти преступникамъ. Другіе 230 человѣкъ поплатились смертью на висѣлицахъ за участіе въ мятежѣ ***). Царь, представители иноземныхъ государей, московскіе бояре и большая толпа нѣмцевъ—были зрителями сей ужасной трагедіи.

Одинъ изъ стрѣльцовъ заявилъ, что генералъ Лефортъ далъ поводъ къ мятежу; поэтому стрѣлецъ былъ спрашиваемъ самимъ царемъ въ присутствіи генерала: знаетъ ли онъ его, чѣмъ именно тотъ заслужилъ всеобщую ненависть, и

---

*) Автамонъ Михайловичъ Головинъ, двоюродный братъ графа Ѳеодора Алексѣевича, одинъ изъ любимѣйшихъ сподвижниковъ Петра, въ 1695 году пожалованъ званіемъ перваго полковника лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ чиномъ генерала, попался въ плѣнъ подъ Нарвою, въ которомъ находился около 18 лѣтъ, и размѣненъ былъ съ княземъ И. Ю. Трубецкимъ (послѣ генералъ-фельдмаршаломъ, скон. 1750 г.) на шведскаго фельдмаршала, графа Реншильда; по возвращеніи получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, но, изнуренный долговременной неволей, умеръ въ половинѣ 1720 года.

**) Разказъ Корба о розыскѣ постельницъ, Анны Жуковой и Ѳеодоры Колужкиной, не вполнѣ согласенъ съ свидѣтельствами подлинныхъ документовъ. Слич. у Устр. III, стр. 214—217.

***) По подлиннымъ документамъ въ этотъ день казнено только 201 человѣкъ (Устр. III, стр. 219), но, кромѣ того, въ тотъ же день 100 человѣкъ несовершеннолѣтнихъ, отъ 16 до 20 лѣтъ, по наказаніи кнутомъ, заклейменные въ правую щеку, сосланы въ дальніе города (тамъ же).

считаетъ ли онъ самъ справедливыми тѣ обвиненія, которыя взводятъ на генерала? Стрѣлецъ отвѣчалъ на это, что онъ не знаетъ генерала, равно какъ не знаетъ навѣрно и того, дѣйствительно ли тотъ сдѣлалъ то, въ чемъ его вообще обвиняютъ. Онъ, стрѣлецъ, вѣрилъ письмамъ, и ему одному не приходилось разубѣждать всѣхъ въ неосновательности ихъ толковъ о генералѣ. Когда царь потомъ спросилъ стрѣльца, что бы онъ сдѣлалъ въ томъ случаѣ, если бы предпріятіе ихъ удалось и если бы царь или самъ Лефортъ попались ему въ руки, то тотъ немедля отвѣчалъ:—«Зачѣмъ меня объ этомъ спрашиваешь? Самъ, чай, лучше можешь разсудить, чтобы тогда было! Если бы счастье не измѣнило намъ и мы взяли бы Москву, оставляя въ сторонѣ подобные допросы, какъ ненужные, занялись бы боярами, да такъ, что всѣмъ было бы любо!» Стрѣлецъ этотъ, по царскому повелѣнію, колесованъ главнымъ образомъ за то, что дерзнулъ увѣрять, будто Лефортъ уговорилъ царя отправиться за границу.

500 стрѣльцовъ, во вниманіе къ ихъ возрасту и изъ сожалѣнія къ ихъ молодости, а также имѣя въ виду незрѣлость ихъ понятій, освобождены отъ смертной казни, но имъ вырѣзали ноздри, обрѣзали уши и сослали въ отдаленныя области съ неизгладимымъ клеймомъ, свидѣтельствующимъ объ ихъ преступленіи.

15 и 16. Жесточайшія истязанія, четыре раза возобновлявшіяся, не могли преодолѣть упорнаго молчанія Васьки Зорина (Batska Gorini), предводителя мятежа: наконецъ, на очной ставкѣ съ своимъ 20-тилѣтнимъ парнемъ, котораго захватилъ гдѣ-то на границахъ московскихъ и приневолилъ къ себѣ въ услуженіе, Зоринъ разсказалъ всю исторію своихъ преступныхъ дѣйствій.

17. Говорятъ всюду, что сегодня его царское величество вновь казнилъ нѣсколькихъ государственныхъ преступниковъ. Подполковникъ Колпаковъ, послѣ длиннаго ряда истязаній, лишился языка и не въ состояніи даже пошевелиться, почему его вновь поручили попеченію и искусству царскаго врача. Послѣдній неосторожно забылъ-было въ темницѣ ножъ, которымъ приготовлялъ ему лекарство. Колпаковъ, негодуя на то, что лекарство возвращало ему, почти бездыханному, силы и жизнь только для того, чтобъ опять подвергнуть его жесточайшимъ пыткамъ, хватаетъ ножъ и подноситъ къ горлу, въ намѣреніи пресѣчь имъ свою жизнь и тѣмъ освободиться отъ мученій; но не достало ему силъ на исполненіе его замысла, ибо отъ раны, которую себѣ нанесъ, Колпаковъ выздоровѣлъ и сегодня снова повлеченъ къ пыткѣ.

20 и 21. Вновь повѣшено 230 преступниковъ; они развѣшены вокругъ бѣлой стѣны, при городскихъ воротахъ.

Царь рѣшилъ сегодня созвать по два человѣка отъ всѣхъ сословій своего народа, т. е. отъ бояръ, князей, военныхъ чиновъ, стольниковъ, приказныхъ (scribis), гражданъ, простонародья и отъ особыхъ общинъ,—въ общій совѣтъ всѣхъ чиновъ, и этому собранію дать приказаніе и полную власть допросить Софію, обнаружить ея происки, угрожавшіе государству, приговорить ее къ такого рода казни, какую она заслужила, и свое рѣшеніе объявить во всеобщее извѣстіе.

22 и 23. Вновь нѣсколько сотъ мятежниковъ повѣшено вокругъ бѣлой стѣны города Москвы.

27. Вышеупомянутыя двѣ постельницы закопаны живыми въ землю, если только слухъ о семъ справедливъ. Бояре и вельможи, находившіеся въ совѣтѣ, на которомъ рѣшена борьба съ мятежниками, сегодня приглашены были составить новое судилище: предъ каждымъ изъ нихъ поставили по одному преступнику; каждый изъ нихъ долженъ былъ произнести приговоръ стоявшему передъ нимъ преступнику и послѣ исполнить оный, обезглавивъ собственноручно виновнаго. Князь Ромодановскій, бывшій начальникомъ четырехъ стрѣлецкихъ полковъ до

возмущенія ихъ, принуждаемый его величествомъ, собственной рукой умертвилъ топоромъ четырехъ стрѣльцовъ. Болѣе жестокимъ явился Алексашка, хвастаясь тѣмъ, что отрубилъ 20 головъ. Голицинъ былъ столь несчастливъ, что неловкими ударами значительно увеличилъ страданія осужденнаго. 330 человѣкъ, приведенныхъ въ одно время подъ страшную сѣкиру, обагрили обширную площадь кровью гражданъ, но гражданъ преступныхъ. Генералъ Лефортъ и баронъ фонъ-Блюмбергъ были также приглашаемы царемъ взять на себя обязанность палачей, но они отговорились тѣмъ, что въ ихъ странѣ это не принято. Самъ царь, сидя верхомъ на лошади, сухимъ глазомъ глядѣлъ на всю эту трагедію и на столь ужасную рѣзню такого множества людей; одно только сердило его, т. е. что у большей части бояръ, не привыкшихъ къ должности, которую на нихъ возложилъ онъ, тряслись руки, когда они принимались за это дѣло, между тѣмъ какъ преступникъ, по мнѣнію его, есть жертва, какую можно лишь заклать Богу.

28. Сегодня приняты были мѣры противъ поповъ, т. е. тѣхъ, которые, имѣя намѣреніе вынести иконы Пресвятой Богородицы и Св. Николы, съ цѣлью побудить народъ перейти на сторону мятежниковъ, возносили къ Богу молитвы о благополучномъ исходѣ безбожнаго злоумышленія: одинъ попъ былъ повѣшенъ предъ церковью Святой Троицы, а другой обезглавленъ и потомъ, для вящшаго позора, колесованъ *). Два брата государственныхъ измѣнниковъ, когда палачъ перебилъ имъ внѣшніе члены, живьемъ еще были колесованы **); вокругъ ихъ лежало двадцать обезглавленныхъ тѣлъ, плававшихъ въ собственной крови, среди коихъ лежалъ трупъ третьяго брата; съ завистью взирали на него колесованные, горько жалуясь на то, что скорая смерть разлучила ихъ съ человѣкомъ, съ которымъ соединяла ихъ сперва природа, а потомъ постыдное сочувствіе къ преступленію.

Вблизи Новодѣвичьяго монастыря поставлено было тридцать висѣлицъ четыреугольникомъ, на коихъ 230 стрѣльцовъ, заслужившихъ болѣе жестокое наказаніе, повѣшены. Трое зачинщиковъ страшнаго мятежа, подавшихъ челобитную царевнѣ Софіи о томъ, чтобы она приняла кормило правленія, также повѣшены на стѣнѣ Новодѣвичьяго монастыря, подъ самыми окнами Софьиной кельи. Тотъ изъ трехъ, кто висѣлъ въ срединѣ, держалъ привязанную къ мертвымъ рукамъ челобитную, конечно, для того, чтобъ усугубить мученіе Софіи за совершенное ею.

---

*) То были распопы: Борисъ Леонтьевъ и Ефимъ Самсоновъ.

**) То были два брата Калистратовы.

XXV. О причинахъ войны Петра В. съ Карломъ XII.

*(Изъ сочиненія Шафирова *).*

Хотя при начатіи сея войны межъ Имперіемъ Россійскимъ и короною швецкою съ обѣихъ странъ многія декларацін, манифесты и универзалы (циркуляры) письменные выдаваны суть; однакожь, понеже оные токмо по каждой страны интересу, и по состоянію времени, и по потребности конъюктуръ (обстоятельствъ), а особливо со стороны Его Царскаго Величества токмо въ краткихъ опредѣленіяхъ были сочинены. И большая часть оныхъ въ отвѣтъ на многіе со шведской страны ругательные и Его Царскаго Величества собственной высокой особѣ, и всего Россійскаго народа чести и славы съ поношеніемъ касающіеся манифесты и универзалы къ возмущенію Его Царскаго Величества подданныхъ противъ всѣхъ христіанскихъ и политичныхъ (образованныхъ) народовъ обычаю выдаванныхъ, учинены и публикованы суть. И того ради во оныхъ токмо ко опроверженію тѣхъ колумній (клеветъ) и поносовъ (поношеній), и ко очищенію обруганной славы Е. Ц. В—ства и его оружія и къ содержанію подданныхъ его въ вѣрности писаны. И тако того, что ко объявленію правыхъ и законныхъ причинъ сей войны надлежало, во оныхъ пространно не содержано, къ тому же оные всѣ объявительные граматы и письма для народа Россійскаго на Россійскомъ языкѣ и въ оныхъ земляхъ выдаваны, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ въ Польшѣ и на Польскомъ языкѣ писанныхъ. И тако въ протчихъ краяхъ Европейскихъ мало или и весьма о оныхъ неизвѣстно. Противъ того же со стороны шведской оныя всѣ письма большая часть на нѣмецкомъ языкѣ штилизованы (сочинены) и потомъ на иные языки, въ Европѣ употребляемые, нарочно для внушенія всѣмъ переvожены и дивулгованы (разглашены), дабы тѣмъ Его Царское Величество яко начинателя противъ короны шведской войны предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ въ тотъ концептъ или мнѣніе привесть, будто Е. В. оную войну безъ правильныхъ и законныхъ причинъ началъ и оную безпримирительно продолжаетъ, внеся во оные многіе несносные и межъ потентаты (государями) христіанскими необыкновенныя клеветы. Отъ чего, а особливо, понеже всегда натурально есть человѣкомъ о бѣдствующихъ сожалѣніе, а на благополучіе имѣющихъ зависть имѣти, не смотря на причины, кто тѣмъ бѣдствамъ, которые первый терпитъ, виновенъ, яко же всѣмъ извѣстно есть, многіе, особливо же тѣ, которые за отдаленіемъ отъ сихъ обѣихъ сѣверныхъ коронъ о древнихъ и новыхъ ихъ гисторіяхъ основательнаго извѣстія не имѣютъ, по тѣмъ шведскимъ внушеніямъ въ томъ мнѣніи и донынѣ пребываютъ, что сія война на его королевское величество свейское (шведское) не токмо

---

*) Полное заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Разсужденіе какіе законные прічіны Е. В. Петръ Первый царь и повелітель Всероссійскій, и проч., и проч., и проч., къ начатію воины протівъ короля Карола XII Шведского 1700 году имѣлъ, и кто изъ сіхъ обоіхъ потентатовъ, во время сеи пребывающеи воины болѣе умѣренности и склонности къ прімиренію показывалъ и кто въ продолженіи опой съ толь велікімъ разлітіемъ крови христіанской и разореніемъ многіхъ земель віновенъ, и съ которай воюющей страны та воіна по правиламъ христіанскихъ и політичныхъ народовъ болѣе ведена“. Авторъ этой книги—баронъ Шафировъ, вице-канцлеръ пользовавшійся большою довѣренностію Петра. Книга имѣла 3 изданія: въ 1717, 1719 и 1722 годахъ.

отъ Его Царскаго Величества одного, но и отъ всѣхъ сѣверныхъ высокихъ союзниковъ безъ праведныхъ причинъ для единаго токмо властолюбія, начата есть и для его конечнаго опроверженія непримирительно продолжается. Того ради, побужденъ нѣкоторый вѣрный патріотъ (отечества сынъ) изъ Россійскаго народа для оправданія своего Всемилостивѣйшаго Самодержца и правдулюбиваго Царя и Государя въ начатіи сея войны отъ такихъ неправедныхъ клеветъ и шведскихъ внушеній испросилъ у высокопомянутаго Его Величества всемилостивѣйшее соизволеніе сіе разсужденіе на свѣтъ выдать и тѣмъ оному показать.

1) Правыя важныя и законныя древнія и новыя причины, которыхъ ради Е. Ц. В., яко христіанскій монархъ и истинный отецъ отечествія своего, не токмо долженъ, но и необходимо принужденъ былъ начать сію войну противъ короны шведской, яко изъ древнихъ лѣтъ и непремѣнно даже и до счастливаго государствованія его Имперію Россійскому непримирительной, враждебной преслѣдовательницы.

2) И что толь долговременному продолженію сея войны и пролитію многой крови человѣческой и разоренію земель весьма не Его Царское Величество, но нѣкто иной, кромѣ самого его Королевскаго Величества шведскаго, вина и причина есть.

3) Что со стороны Царскаго Величества во время сей войны со всякой умѣренностію, христіанскимъ милосердіемъ и отъ большей части, по обычаю всѣхъ политичныхъ христіанскихъ народовъ, поступлено, и ежели какая жестокость гдѣ и показана, то болѣе для отмщенія шведской жестокости къ Его Царскаго Величества войскамъ и вѣрнымъ подданнымъ учинено. Противъ тогожь со шведской страны оная война съ начала до сего времени была не по обычаю политичныхъ народовъ, но со всякою суровостію, нелюдкостію и досадительствомъ ведена. И уповаемъ, что мы все сіе съ такимъ основаніемъ и истиною докажемъ, что всякъ безпристрастный не можетъ укорить и доказать, чтобъ въ семъ объявленіи что обрѣтено было мимо самой истины или по пристрастію и по злобѣ къ шведскому народу писанное.

О древнихъ и новыхъ причинахъ, которыхъ ради должно было Е. Ц. В., яко отцу отечествія своего, противъ короны шведской войну начать.

Древнія причины послѣдующія.

Что провинціи Карелія и Ингрія, или Карельская и Ижерская земля, со всѣми принадлежащими ко онымъ уѣздами, городами и мѣстами, издревле ко Всероссійскому Имперію принадлежали, то не могутъ и сами Шведы отрещи, ибо всѣ договоры и корреспонденціи отъ давнихъ лѣтъ межъ коронами Россійскою и Шведскою о томъ ясно гласятъ, изъ которыхъ особливо и нынѣ въ канцеляріи Россійской оригинальный трактатъ о 40-лѣтнемъ перемиріи, заключенный въ 1556 году при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, достохвальной памяти, чрезъ Новгородскаго намѣстника, князя Михаила Глинскаго съ товарищи по тогдашнему обычаю съ Густавомъ I, королемъ шведскимъ учиненный обрѣтается... Такожь и другіе многіе трактаты съ королями Эрикомъ, Іоанномъ и Кароломъ IX о томъ свидѣтельствуютъ; но и большая часть отъ провинцій Лифляндіи и Эстляндіи принадлежала подъ область и протекцію короны Россійской, якоже ясное тому свидѣтельство то, что городъ Юрьевъ Ливонскій, по нѣмецки Дерптъ названный, въ оной провинціи отъ россійскаго великаго князя Ярослава-Георгія въ лѣто отъ Р. Х. 1026, по россійскимъ вѣрнымъ лѣтописцамъ, созданъ, и во имя его Юрьевъ нарѣченъ, такожь и Ревель въ россійскихъ лѣтописцахъ Колывань называется, которое (на-

званіе) можетъ растолковаться на нѣмецкомъ языкѣ, якобы Яганесъ-бургъ, по имени древняго велик. князя Іоанна. И во оныхъ городахъ обрѣтающіеся епископы и маістры Россійскихъ монарховъ за своихъ государей почитали и, яко трибутаріи (данники), имъ дань погодную давали, о чемъ многіе подлинные ихъ пересылки и акты (записки) въ канцеляріяхъ Россійскихъ на Москвѣ, въ Новгородѣ и во Псковѣ и нынѣ обрѣтаются. Чему и то явный знакъ есть, понеже въ сихъ обоихъ городахъ, а именно Дерптѣ и Ревелѣ, церкви Россійскія греческаго исповѣданія непремѣнно содержаны были, которые и понынѣ еще суть, и въ Ревелѣ оная и донынѣ весьма невредна. И хотя временемъ оныя провинціи отъ Россійскаго владѣнія при противныхъ конъюктурахъ (обстоятельствахъ) и отступали, однакожь паки иногда договорами, иногда же и оружіемъ къ оному присовокуплены бывали, какъ и во время владѣнія вел. князя Александра (ради его великой на Невѣ-рѣкѣ противъ короля шведскаго Магнуса одержанной викторіи Невскимъ нареченнаго) отступившая-было провинція Лифляндія отъ него паки оружіемъ подъ владѣніе его приведена и дань на нихъ погодная наложена. И особливо оныя провинціи были подъ владѣніемъ короны Россійской въ царство царя Іоанна Васильевича Перваго, собирателя нареченнаго. А потомъ и за сыномъ его, царемъ Василіемъ Іоанновичемъ, и за внукомъ Іоанномъ Васильевичемъ Вторымъ, который за отступленіе оныхъ провинцій многія войны отправлялъ.

(Далѣе Шафировъ разсказываетъ о затруднительныхъ обстоятельствахъ Россіи въ эпоху самозванцевъ и междуцарствія и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, указываетъ, какъ этимъ пользовались шведы и какъ Михаилъ, принужденный вести борьбу съ поляками, согласился на тяжкія уступки).

.... И тако принуждены Царскаго Величества послы на горестный и невольный миръ (въ Столбовѣ) для избавленія отечества своего отъ крайняго разоренія поступить, и тѣ провинціи Ижерскую и Карельскую купно съ Иванемъ-городомъ, Ямами, Копорьемъ и Орѣшкомъ и со всѣми ко онымъ принадлежащими землями и островами морскими, за устьемъ Невы-рѣки обрѣтающимися и издревле къ Россійскому государству принадлежащими, Шведскому королю уступить, довольствуя токмо возвращеніемъ одного Нова-города съ частью малаго уѣзда и освобожденіемъ отъ осады Пскова, и принуждены еще сверхъ того дать въ шведскую сторону не малую сумму денегъ. Токожь, понеже шведовъ всегда совѣсть обличала, что оные неправедно похитили прежде сего и присовокупили себѣ провинціи Ливонію и Эстляндію, прежъ сего отчасти во владѣніи, отчасти-жъ подъ протекціею и трибутомъ (данію) россійскихъ самодержцевъ бывшія: того ради въ томъ же трактатѣ отступленіе всѣхъ претензій, которыя Государи Россійскіе на оные имѣли, себѣ выговорили и отъ пословъ россійскихъ вымогли, который трактатъ принужденный между обѣими страны чрезъ посредство англійскаго посла заключенъ 1616 г., Февраля въ 27 день, межъ Тихвиномъ и Ладогою въ деревнѣ, именуемой Столбовѣ, и по оному тако тѣ провинціи противъ всякой истины и христіанской любви за толь многими мирными договорами и союзомъ оборонительнымъ (при Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ) похищенные коронѣ шведской достались и тѣмъ Россійскому государству и народу невозвратный убытокъ нетокмо въ купечествѣ, но наипаче въ пресѣченіи коммуникаціи со всѣми европейскими государствами. Чего оная корона, всегда Россійскому Государству враждебная, паче всего искала, дабы всегда оной въ невѣдѣніи воинскихъ и политическихъ дѣлѣхъ содержать и ни до какого искусства чрезъ обхожденіе съ европейскими народы не допустить. Яко же всѣмъ извѣстно, какія максимы или правила политическія королямъ шведскимъ отъ преждебывшаго ихъ славнаго государственнаго канцлера графа Оксенстерна предложены, знатно изъ древнихъ ихъ политическихъ правилъ, о которыхъ

Пуфендорфъ въ своей книгѣ «Введеніе въ гисторію» названной, напоминаетъ. А именно, чтобы всяко содержать Россійскій, яко сильный народъ, внѣ экзерцицiи (обученія) военнаго, дабы не позналь силы своей. И тако изъ сихъ вышеписанныхъ обстоятельствъ можетъ весь свѣтъ видѣть, коль праведно корона шведская къ полученію наслѣдныхъ Е. Ц. В. провинцій, Ингріи и Кореліи съ принадлежностями доступила. И всякъ, ежели кто злобою и пристрастіемъ не ослѣпленъ, признаетъ, имѣлъ ли Е. Ц. В. Всероссійскій Петръ Первый древнія въ правѣ натуральномъ основанныя причины сіи отъ наслѣднаго своего государства противъ всякой правости похищенныя и отторгнутыя и около ста лѣтъ во владѣніи насильномъ содержанныя провинціи отыскивать, и за ту претерпѣнную обиду и за полученныя въ тѣ годы съ оныхъ провинцій подати и контрибуціи искать сатисфакціи присовокупленіемъ другихъ земель, во владѣніе короны шведской не праведно-жъ бывшихъ?....

Но ежели-бъ кто въ оправданіе шведское восхотѣлъ представить, что понеже тѣ провинціи чрезъ формальный трактатъ съ россійской стороны въ шведскую уступлены, того ради не подлежало-бъ съ нарушеніемъ онаго трактату оныя отбирать. И на то отвѣтствуется, что хотя-бы Царское Величество и не имѣло иныхъ новыхъ важныхъ причинъ противъ короны шведской войну вчинать, то по всѣмъ правамъ натуральнымъ и гражданскимъ, не токмо имѣлъ съ доброю совѣстію довольныя причины, но и долженъ былъ, яко отецъ отечества, для превращенія тѣхъ неправедно съ нарушеніемъ прежняго, безпринужденнаго вѣчнаго мира и добровольно заключеннаго оборонительнаго союза отъ короны своей отторгнутыхъ, наслѣдныхъ провинцій, усмотря благовременство, войну начать и чрезъ правдивое свое оружіе того своего властнаго и съ награжденіемъ убытковъ взыскивать, что обманомъ и коварствомъ отнято, и насиліемъ во время упадку и почитай самого паденія Россійскаго государства взято. Да разсудитъ всякъ партикулярный, пріятноль то, кому будетъ за неправду, ежелибъ кто, впадши въ руки разбойниковъ, всего имѣнія своего былъ лишенъ и отъ угроженія потерянія живота отдалъ, и своего устрашаясь для спасенія того все свое прочее имѣніе онымъ хищникамъ еще и письмомъ бы и клятвою утвердилъ, что онъ то имъ уступаетъ добровольно и впредь въ вѣчныя времена взыскивать не будетъ, а потомъ бы, свободясь отъ той опасности, сталъ чрезъ порядочной судъ на тѣхъ разбойникахъ того похищеннаго изыскивать и въ награжденіе претерпѣннаго страху увѣчья и убытковъ вящше, нежели его похищенныхъ было претендовать, но и наказанія смертнаго на тѣхъ хищниковъ по правамъ искать? И вмѣнилъ бы кто правый судья по всѣмъ правамъ тому обидѣнному то въ нарушеніе клятвы и данное въ томъ письмо, въ какую облигацію? Но паппаче, уничтожа то все, не судилъ ли бы тѣхъ разбойниковъ по жестокости правъ? И вѣмъ, что сего никто опрекословить по правости не можетъ. Ни понеже великіе потентаты на семъ свѣтѣ никого кромѣ высшаго судіи Бога надъ собою не имѣютъ, который по долготерпѣнію своему здѣсь учиненныя временныя согрѣшенія въ будущемъ судить по дѣламъ благоизволяетъ; того ради каждый потентатъ долженъ право свое и Государства отъ тогожъ Всемогущаго дарованною силою и оружіемъ оборонять, и насиліе насиліемъ, усмотря къ тому удобное время, отвращать, какъ тому обычай всего свѣта отъ начала былъ и до кончины онаго пребывать будетъ... Но хотя всѣ древнія вышеписанныя причины, какъ упомянуто, довольно важны были къ начинанію противъ Швеціи войны, однакожъ Его Царскаго Величества правдолюбивый нравъ не допускалъ его безъ новыхъ, отъ короны шведской данныхъ ему причинъ, оную начать и содержалъ тотъ, хотя и принужденный, отъ предковъ своихъ учиненный миръ свято и ненарушимо. И лучше восхотѣлъ оружіе свое

противъ враговъ имени христіанскаго, турковъ и татаръ, обратить, нежели ту обиду свою, съ пролитіемъ крови христіанской, мстить. Но правосудіе Божіе, не оставляющее никакой неправедной обиды безъ воздаянія, ожесточа сердце Шведское, допустило ихъ до такой слѣпоты, что сами тотъ огнь древнихъ обидъ, подъ пепломъ давняго времени и забвенія кроющійся, новоучиненными Его Царскаго Величества собственной особѣ уразами (обидами) послѣдующимъ образомъ воздуть восхотѣли.

Новыя причины начатію войны.

Мнимъ, что не токмо всей Европѣ, но и инымъ отдаленнымъ народамъ извѣстно, какъ Его Царское Величество, нынѣ благополучно государствующій Петръ Первый, побужденъ острымъ отъ натуры просвѣщеннымъ своимъ разумомъ и новожелательствомъ видѣть европейскія политизованныя государства, которыхъ ни онъ, ни предки его, ради необыкновенія въ томъ по прежнимъ обычаямъ, не видали, дабы притомъ, получа искусство очевидное, потомъ по прикладу (примѣру) оныхъ, свои пространныя государства, какъ въ политическихъ, такъ и въ воинскихъ и прочихъ поведеніяхъ учредить могъ, такожь и своимъ прикладомъ подданныхъ своихъ къ путешествію въ чужіе края и воспріятію добрыхъ нравовъ и къ обученію потребныхъ къ тому языковъ возбудить. И дабы свое намѣреніе толь удобнѣе исполнить могъ, того ради назначилъ великое посольство въ тѣ страны, въ которомъ первымъ посломъ опредѣленъ Генералъ-Адмиралъ Францъ Лефортъ, вторымъ— тайный совѣтникъ и тогда Генералъ Кригсъ-Коммисаръ Ѳеодоръ Головинъ, третьимъ—думный дьякъ или статскій секретарь Прокофій Возницынъ. Котораго посольства въ свитѣ (въ компаніи) соизволилъ Е. Ц. В. высокою своею особою инкогнито тотъ путь въ 1697 году, Марта въ 9 день, изъ резиденціи своей прежней, Москвы, воспріять. Но дабы при томъ Король Шведскій, яко сосѣдственный Государь, и чрезъ котораго владѣнія Е. Ц. В. въ томъ свитѣ посольства путь имѣть надлежало, не возъимѣлъ никого подозрѣнія, но подлиннобъ о томъ Е. Ц. В. походѣ знать могъ, повелѣлъ тогда на Москвѣ отъ онаго акредитованному комисару Томасу Книперкрону (который потомъ и резидентомъ королевскимъ назначенъ) о томъ объявить, дабы онъ королю своему и пограничнымъ губернаторамъ и комендантамъ про тотъ его походъ объявилъ. Только съ такимъ объявленіемъ, что Е. Ц. В. никакихъ излишнихъ и особѣ своей достойныхъ церемоній, кромѣ безопаснаго и свободнаго, подъ свитою того посольства проѣзду не требуетъ. И толькобъ оному посольству почтеніе и пріемъ достойный характеру ихъ по сосѣдственной пріязни и по договору учиненъ былъ. Что помянутый комисаръ учинить и обѣщалъ. И Е. Ц. В. при выходѣ изъ Москвы провожалъ и въ Новгородъ, и во Псковъ, и къ шведскимъ агентамъ коммерціи писалъ, дабы они Е. Ц. В. за границу послѣдовали и комисарамъ отъ Генералъ-Губернатора Рижскаго, на встрѣчу тому посольству высланнымъ, о особѣ Е. Ц. В. при этомъ присутствующіе объявили: что оные и учинили. Но хотя помянутый Генералъ-Губернаторъ, графъ Далбергъ, то извѣстіе и получилъ, однакожъ не токмо какое излишнее учтивство для извѣстнаго присутствія въ томъ посольствѣ высокой Е. Ц. В. особы учинилъ, но ниже по должности трактату тѣхъ пословъ по характеру ихъ принять и препроводить учрежденіе учинилъ; ибо хотя обычай, также и нѣкоторая должность по договорамъ прежнимъ межъ коронами Россійскою и Шведскою была, пословъ и посланниковъ съ обѣихъ сторонъ чрезъ государства оныя, хотя къ другому которому потентату посланныхъ, со всякою честію на границѣ принимать и въ земляхъ своихъ по

требованію подводами, а на рѣкахъ и моряхъ судами безъ заплаты довольствовать, но и для учтивости всякою живностью и питіемъ, и для лошадей конскими кормами взаимно жъ обсылать и по знатнымъ городамъ встрѣчами и визитами отъ комендантовъ и губернаторовъ чтить. Но онъ, Генералъ-Губернаторъ, не токмо тѣмъ ничѣмъ то знатное посольство не почтилъ, кромѣ того, что за границу одного шляхтича незнатнаго, Глазнапа, выслалъ, и оному въ пути при послахъ быть и токмо крѣпкій присмотръ за оными и людьми ихъ, а особливо за тою свитою, въ которой Е. Ц. В. самъ изволилъ межъ другими кавалерами, яко волонтіръ, быть,—имѣть, и всѣ ихъ поступки и обращенія обсервовать, и почитай-что за честнымъ карауломъ ихъ держать. И когда ему о томъ отъ пословъ говорено, чтобъ тѣмъ людямъ, яко знатнымъ волонтерамъ, и при посольствѣ ѣдущимъ такого безпокойства чинить не велѣлъ, объявляя ему не тайно, что Е. Ц. В. высокая особа между ними обрѣтается; то онъ на то отвѣтствовалъ, что онъ долженъ то чинить, послѣдуя указу Губернаторскому, который ему то указомъ Короля своего повелѣлъ. Въ прочемъ же чрезъ всю Лифляндію такое худое довольство всей свитѣ показывали, что не токмо на своихъ однѣхъ лошадяхъ ѣхать, но и на оныя корму и всѣмъ пищу и питья получить и за деньги едва могли, и въ мизерныхъ корчмахъ становиться принуждены, ибо никакого распоряженія къ тому по дорогѣ не было учинено, но все съ трудностію, посылая на стороны, двойною и тройною цѣною покупать принуждены. И хотя сперва то простотѣ и грубости того отъ Губернатора присланнаго комисара причитали (приписывали), уповая, что по пріѣздѣ въ Ригу, оный Губернаторъ учтивствомъ своимъ и экскузаціею (извиненіемъ) то поправитъ, но въ томъ мнѣніи весьма погрѣшили; ибо по пріѣздѣ къ Ригѣ въ пріемѣ себѣ не то, что какого излишняго учтивства, но ниже противъ посланниковъ не получили, и встрѣчены и комплементованы только отъ рижскихъ бургомистровъ и мѣщанъ, а не отъ Губернатора. И что всего страннѣе, и въ городѣ имъ квартеръ имѣть не позволено,но поставлены на предмѣстьѣ, въ бездѣльныхъ деревянныхъ дворахъ, но и о тѣхъ сказано, чтобъ договаривались объ оныхъ съ господарями (хозяевами) сами. Что все было не токмо противъ древняго обыкновенія, но и противъ договоровъ. И поставленъ у тѣхъ дворовъ и во всемъ предмѣстьѣ сильный караулъ, такожъ и въ городѣ и въ цитадели караулы солдатскіе и мѣщанскіе умножены, но и по контроскарпу съ наружной стороны палисадъ пикеты поставлены были, и учинены конные разъѣзды и патрули, яко бы непріятель подъ городомъ стоялъ. И когда господа послы послали отъ себя Господину Губернатору о пріѣздѣ своемъ объявить и просить, чтобы съ ними было поступлено, яко съ пріятелями по сосѣдственной пріязни и по древнему обыкновенію и по договору, и была бы повольность людямъ ихъ безвозбранно ходить для покупокъ въ городъ; такожъ понеже зимній путь уже тогда кончился и вмѣсто саней надлежало къ пути удовольствоваться телѣгами, тогобъ ради позволено было для управленія оныхъ, людямъ ихъ къ мастеровымъ людямъ въ городъ ходить и тѣ свои нужды управлять, и ежели прилучится за позднимъ временемъ кому въ городѣ—и заночевать;—но Губернаторъ, какъ тому посланному, котораго насилу и къ себѣ допустилъ, подъ протекстомъ (предлогомъ), будто съ печали о смерти дочери своей тогда болѣнъ былъ, самъ и чрезъ своего посланнаго, потомъ объявить велѣлъ при студеномъ комплиментѣ, что онъ сожалѣетъ, что за печалью своей, отъ которой въ болѣзнь впалъ, не можетъ отдать господамъ посламъ визиту. Что же принадлежитъ о требованіи ихъ, и онъ дастъ людямъ ихъ позволеніе въ городъ ходить для потребъ ихъ, только понеже де сія крѣпость пограничная, того ради надлежитъ ему имѣть въ томъ по обычаю воинскому осторожность, и для того не можетъ позволить, дабы больше шести

человѣкъ русскихъ вдругъ въ оной шло, и будетъ за ними для лучшей безопасности караулъ ходить. Только при томъ престерегаетъ, дабы крѣпостей городовыхъ не осматривали, и близко валу не ходили, ибо въ такомъ случаѣ принужденъ онъ будетъ то имъ запретить силой. И когда послы такое отъ него, Губернатора, странное объявленіе услышали, то велѣли ему говорить, для чего онъ такъ противъ всенародныхъ правъ съ ними поступаетъ, и какое можетъ подозрѣніе имѣть отъ ихъ свиты, только въ немногомъ числѣ людей состоящей. И понеже онъ вѣдаетъ, что сколько знатныхъ особъ при томъ обрѣтается, то какъ то можно ему мыслить, дабы такое противное намѣреніе имѣя, такимъ образомъ оныя ѣхать себя отважили. Но противъ того въ отвѣтъ отъ него получили, что онъ многія причины имѣетъ—имѣть на нихъ подозрѣніе, и будто получилъ престороги, что для нѣкакого тайнаго намѣренія они подъ образомъ посольства пришли. И потомъ такое учрежденіе учинилъ, что никто изъ посольской свиты не могъ въ городъ войти—каждый безъ двухъ солдатъ съ мушкеты, и сверхъ того на мостахъ и у всякихъ воротъ оные осматриваны и болѣе двухъ часовъ никому въ городѣ медлить не позволено. И когда Е. Ц. В., для удовольствія своей куріезиты, изволили съ нѣкоторыми особами изъ своей свиты въ городъ ходить, то хотя всѣ его подлинно знали, но и ему такой же караулъ, какъ выше писано, приставили и злѣе поступали, нежели съ прочими, и меньше дали времени быть въ городѣ. Также, когда по извѣстной всему свѣту Его Величества охотѣ къ морскому дѣлу, изволилъ оный ѣздить съ нѣкоторыми изъ своей свиты къ кораблямъ голландскимъ, которые стояли ниже города, въ намѣреніи такомъ, чтобъ ихъ видѣть и нанять изъ оныхъ одинъ для путешествія своего, и пошелъ-было тою дорогою, которая отъ посольскихъ дворовъ лежала къ морю, и гдѣ весь народъ ѣздитъ, а именно отъ королевскихъ воротъ направо посадомъ, и понеже та дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежитъ близъ конца внѣшняго контроскарпа, то по Губернаторскому повелѣнію чрезвычайные по главному валу поставленные пикеты (какъ выше объявлено) въ великимъ крикомъ и угрозами, а иные и прикладываясь ружьемъ, возбраняли и хотѣли стрѣлять, чтобъ не ѣздили будто близъ крѣпости. На что имъ отвѣтствовано, что та—всенародная дорога и для чего всѣмъ вольно, а имъ невольно, и ежели имъ противно, чтобъ показали другую дорогу. И понеже другой не было, то съ великою нуждою пропустили. Но и тѣмъ неудовольствуясь, прислалъ потомъ Губернаторъ къ посламъ говорить и съ великимъ сердцемъ жалуясь, будто тѣ люди (объявляя о Е. Ц. В. съ его свитою) городовыя крѣпости нарочно ѣздили осматривать и счерчивали, угрожая, что ежели впредь то чинить дерзнутъ, то, конечно, велитъ по нихъ стрѣлять, ибо онъ-де знаетъ довольно, для какого умыслу то чинится. Но понеже послы вѣдали, что то ложь, отвѣтствовали, чтобъ тѣхъ ихъ людей арестовали въ тѣхъ мѣстахъ подозрительныхъ, и дали имъ знать, то они сатисфакцію имъ дадутъ. На что яко противъ правды Губернаторъ не могъ отвѣтствовать, но прибавилъ потомъ въ предмѣстьѣ, у посольской и Е. Ц. В. квартиръ, карауловъ и такъ сурово начали поступать, что Е. В. по достоинству о вящихъ впредь злыхъ слѣдованіяхъ своей особѣ опасаться принужденъ. И того ради заблагоразсудилъ, не дожидаясь своихъ пословъ отъѣзду, въ немногихъ особахъ какъ наискорѣе отъ того враждебнаго народу уѣхать...

(Далѣе говорится о томъ, какъ Петръ при разныхъ случаяхъ и чрезъ разныхъ пословъ добивался удовлетворенія и наказанія генералъ-губернатора Далберга, но удовлетворенія не послѣдовало, и когда явилось въ Москву въ 1699 г. чрезвычайное посольство при вступленіи Карла XII для ратификаціи прежнихъ трактатовъ, Петръ соглашался на нее только подъ условіемъ удовлетворенія за на-

несенную ему обиду. Желаемаго удовлетворенія не послѣдовало, и Петръ примкнулъ къ союзу Польши и Даніи для войны со Швеціей).

....И тако та война со стороны Е. Ц. В. противъ короны свейской начало свое восприяла. И уповаю, что всякъ безпристрастный изъ вышеписаннаго довольно правость оной войны и законныя причины древнія и новыя усмотря, не можетъ инако разсудить, что Е. Ц. В. не могъ оставить, какъ для пользы и интересу Государства своего, такъ и для отмщенія учиненныхъ высокой персонѣ его обидъ и безчестій, на которыя никакой сатисфикаціи отъ короля Свейскаго получить не могъ, оной не объявя....

XXVI. Великая сѣверная война до полтавской побѣды.

(Изъ „Публичныхъ лекцій о Петрѣ В.“, Соловьева).

Во время младенчества Руси, при отсутствіи крѣпкой государственной связи, единства направленія народныхъ силъ и яснаго сознанія народныхъ интересовъ,—въ это безпомощное время орденъ меченосцевъ отнялъ у Руси Ливонію, захватилъ здѣсь русскіе города и княжества; впослѣдствіи, когда объединенная Россія, съ яснымъ сознаніемъ необходимости для себя моря устремилась къ нему,—поляки и шведы оттолкнули ее отъ него. Но внутреннее преобразовательное движеніе все болѣе и болѣе усиливалось, а вмѣстѣ усиливалось и такъ тѣсно соединенное съ нимъ стремленіе къ морю; слѣдовательно, мы естественно должны ожидать, что когда преобразовательное движеніе пошло такъ рѣшительно, Россія немедленно начнетъ опять биться за берега Балтійскаго моря. Будучи полнымъ представителемъ своего народа, будучи совершенно чуждъ воинственности, вовсе не гоняясь за славою полководца-завоевателя, занятый одной мыслію о внутреннемъ преобразованіи,—Петръ начинаетъ войну со шведами за Балтійское море, смотря на нее, только какъ на средство этого преобразованія, исполняя завѣщаніе предковъ. Петръ не усомнился начать опасную войну одновременно со многими важными внутренними преобразованіями, ибо видѣлъ въ войнѣ только средство для успѣшнѣйшаго проведенія внутреннихъ преобразованій, и въ послѣднихъ видѣлъ средство для успѣшнѣйшаго окончанія войны. На войну великій царь смотрѣлъ гражданскимъ взглядомъ, именно какъ подобаетъ правителю; онъ смотрѣлъ на нее, какъ на школу для народа, который хотѣлъ занять почетное мѣсто среди другихъ народовъ,—не выпрашивать цивилизаціи, какъ милости, но предъявить на нее свои безспорныя права.

Мы видѣли, что Россія находилась въ войнѣ съ Турціею, и что Петръ далъ этой войнѣ новый характеръ,—характеръ морской войны, приготовилъ флотъ для Азовскаго моря, берега котораго старался укрѣпить для себя. Онъ продолжалъ считать это дѣло важнымъ, обратилъ на него сильное вниманіе, но продолженіе турецкой войны онъ вовсе не считалъ желаннымъ дѣломъ: турецкая война не могла быть школою для русскаго сухопутнаго войска; такою школою могла быть только европейская война и именно—война шведская, въ которой достигалась двойная цѣль: войско получало хорошую школу, и слѣдствіемъ хоро-

шаго прохожденія этой школы было утвержденіе на берегахъ завѣтнаго европейскаго моря. Притомъ для новорожденныхъ военныхъ силъ Россіи война была невозможна безъ союзниковъ, а члены священнаго союза спѣшили заключить миръ съ турками; долженъ былъ спѣшить этимъ и Петръ.

18 августа 1700 года въ Москвѣ сожженъ былъ «преизрядный фейерверкъ»: царь Петръ Алексѣевичъ праздновалъ турецкій миръ, пріобрѣтеніе Азова, уничтоженіе обязанности посылать поминки въ Крымъ. На другой день, 19 августа, объявлена война шведамъ. Заключеніемъ мира съ турками поспѣшили потому, что союзники покинули Россію; по тому же самому спѣшили объявленіемъ шведской войны, чтобы не упустить союзниковъ—не однимъ бороться съ самою сильною державою на сѣверѣ. Кто же были союзники Петра въ шведской войнѣ? Швеція заявили свою европейскую дѣятельность, вошла въ систему европейскихъ державъ, какъ говорится, только въ XVII вѣкѣ, предупредила въ этомъ отношеніи Россію какими-нибудь 70 годами. Она явилась на сцену общей европейской дѣятельности съ шумомъ и блескомъ. Даровитый, воинственный, честолюбивый король Густавъ Адольфъ, по призыву Франціи, привелъ шведское войско въ Германію для участія въ тридцатилѣтней войнѣ, для поддержанія протестантизма. За эту поддержку Германія должна была дорого заплатить Швеціи своими землями, и нѣмецкіе владѣльцы стали косо смотрѣть на нее, особенно когда она содѣйствовала вреднымъ для Германіи стремленіямъ Франціи. Еще большее раздраженіе возбудила противъ себя Швеція въ трехъ другихъ сосѣднихъ государствахъ—Даніи, Польшѣ и Россіи—своими захватами на ихъ счетъ. Она обобрала Данію со стороны Норвегіи, отняла у Польши Ливонію; пользуясь смутнымъ временемъ и слабостью Россіи послѣ смутъ, въ царствованіе Михаила Θеодоровича, она отобрала у нея коренныя русскія владѣнія, чтобъ какъ можно дальше отодвинуть ее отъ Балтійскаго моря. Такое поведеніе Швеціи относительно сосѣдей, разумѣется, заставляло ожидать, что оскорбленные воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ соединиться и возвратить себѣ свое. И въ началѣ XVIII вѣка, когда въ западной Европѣ произошло сильное движеніе противъ Франціи, раздражившей всѣхъ своимъ властолюбіемъ, своими безцеремонными захватами чужого, когда противъ Франціи образовывался великій союзъ, чтобъ не дать ей захватить Испаніи или значительную часть ея владѣній, на сѣверо-востокѣ Европы, по тѣмъ же побужденіямъ, образуется союзъ противъ Швеціи и начинается великая Сѣверная война. Естественные члены союза противъ Швеціи—это обобранныя ею государства: Данія, Польша и Россія. Отношенія Даніи и Россіи были просты: они хотѣли возвратить свое, при чемъ Петръ, во что бы то ни стало, хотѣлъ пріобрѣсти хотя одну гавань на Балтійскомъ морѣ. Но отношенія Польши были иныя. Польша была одержима въ высшей степени опасною болѣзнью—войнобоязнью. Тщетно люди предусмотрительные, патріоты, указывали на гибельныя слѣдствія отсутствія сильнаго войска въ государствѣ континентальномъ, указывали, какъ Польша теряетъ отъ этого всякое значеніе, тщетно на сеймахъ ставился вопросъ о необходимости усиленія войска: эта необходимость признавалась всѣми, но когда рѣчь заходила о средствахъ для усиленія войска, о пожертвованіяхъ для этого, то не доходили ни до

какого рѣшенія, и страна оставалась беззащитною, въ унизительномъ положеніи, когда всякій сосѣдъ, подъ видомъ друга, союзника, могъ для своихъ цѣлей вводить въ нее войско и кормить его на ея счетъ; отъ нежеланія содержать свое войско, отъ нежеланія жертвовать для этого, принуждены были содержать чужое, враждебное войско, смотрѣть какъ оно пустошило страну. Теперь на престолѣ польскомъ — нѣмецкій государь, саксонскій курфирстъ, который не удовольствуется одним титуломъ королевскимъ; но что же больше можетъ дать Польша? если не захочетъ дать волею, то можно взять силою; для этого надобно ввести свое нѣмецкое войско въ предѣлы Рѣчи Посполитой,—сперва, разумѣется, подъ благовиднымъ предлогомъ. Что же можетъ быть благовиднѣе предлога, какъ война со Швеціею, для возвращенія Польшѣ Ливоніи? Дѣло легкое: сама Ливонія хочетъ отторгнуться отъ Швеціи и поддаться Польшѣ; объ исполненіи этого желанія хлопочетъ Паткуль, принужденный оставить родную страну за то, что сильно отстаивалъ интересы своего сословія, интересы ливонскаго дворянства, безцеремонно обобраннаго шведскимъ королемъ, который хотѣлъ обогатиться и усилиться на счетъ дворянства какъ въ Швеціи, такъ и въ Ливоніи. Ливонія проситъ освободить ее отъ шведскаго ига, хочетъ поддаться Польшѣ, Паткуль уполномоченъ рыцарствомъ заключить объ этомъ договоръ. Но Польша не хочетъ тронуться,—боится войны, боится усиленія королевской власти отъ войны. И вотъ король будетъ воевать одинъ своимъ саксонскимъ войскомъ. Заключенъ договоръ, по которому Ливонія присоединялась къ Польшѣ; а въ секретныхъ пунктахъ рыцарство обязывалось признавать верховную власть Августа и его потомковъ, если бы даже они не были королями польскими, и всѣ доходы отправлять прямо къ нимъ. Такимъ образомъ, Ливонія поддавалась не Польшѣ, а нѣмецкому государю, курфирсту саксонскому, который пріобрѣтаетъ чрезъ это выгодную позицію для дѣйствій противъ Польши, для утвержденія наслѣдственности въ своемъ домѣ, для усиленія своей власти. Если сосѣди будутъ мѣшать ему въ этомъ, то можно кинуть имъ по куску польскихъ владѣній, лишь бы быть сильнымъ, самодержавнымъ въ остальныхъ. Но прежде всего надо пріобрѣсть хорошую позицію, овладѣть Ливоніею; одному трудно. Данія—вѣрная союзница по ненависти къ Швеціи; и необходимо, чтобъ Россія также приняла участіе въ войнѣ. Дѣло очень возможное: молодой царь только и думалъ о томъ, какъ бы утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря; возвращаясь изъ заграничнаго путешествія онъ видѣлся съ королемъ Августомъ и изъявилъ желаніе въ союзѣ съ нимъ воевать противъ шведовъ. «Надобно взять у царя деньги и войско, особенно пѣхоту, которая очень способна работать въ траншеяхъ подъ непріятельскими выстрѣлами»,—писалъ Паткуль. Но при этомъ лифляндскимъ патріотомъ овладѣваетъ сильное сомнѣніе: царь—человѣкъ необыкновенный, съ нимъ надобно обращаться осторожнѣе; даромъ, въ угоду саксонскимъ и лифляндскимъ патріотамъ, онъ не подставитъ своихъ солдатъ подъ непріятельскіе выстрѣлы въ траншеяхъ. Съ нимъ надобно дѣлиться добычею, а со львомъ опасно дѣлиться. „Надобно опасаться,—писалъ Паткуль,—чтобъ этотъ могущественный союзникъ не выхватилъ у насъ изъ-подъ носа жаркое, которое мы воткнемъ на вертелъ; надобно договориться, чтобъ онъ не шелъ дальше Нарвы и Пейпуса; если онъ захватитъ Нарву, то ему легко

будетъ потомъ овладѣть Лифляндіею и Эстляндіею". А Петръ именно и хотѣлъ прежде всего овладѣть двумя крѣпостями—Нарвою и Нотебургомъ, старымъ русскимъ Орѣшкомъ, чтобъ, получивши эти двѣ опоры, легче занять и укрѣпиться въ странѣ, между ними лежавшей,—въ этой завѣтной странѣ, гдѣ море было такъ близко къ русскимъ владѣніямъ. Царь направилъ свои полки къ Нарвѣ, но скоро общая страшная опасность прекратила споры о раздѣлѣ добычи. Союзники надѣялись напасть на Швецію врасплохъ, пользуясь молодостью ея короля, Карла XII,—молодостью, которая не обѣщала, повидимому, ничего хорошаго для Швеціи: полъ и стѣны королевскихъ комнатъ были улиты кровью; молодой король отсѣкалъ саблею головы баранамъ и телятамъ, пригнаннымъ для этой потѣхи во дворецъ; ночью въ стокгольмскихъ домахъ дребежжатъ, валятся стекла: это потѣшается молодой король; кто ѣдетъ днемъ по улицѣ съ шумомъ и гамомъ, въ однѣхъ рубашкахъ?—молодой король съ своею свитою; кто охотится за зайцемъ въ сеймовой залѣ?—молодой король. Но этотъ неугомонный мальчикъ, отличавшійся такими дурными шалостями, явился героемъ, когда затрубила военная труба, когда опасность начала грозить Швеціи съ трехъ сторонъ. Карлъ XII явился съ войскомъ передъ Копенгагеномъ и принудилъ датскаго короля къ миру; вслѣдъ затѣмъ высадился на восточный берегъ Балтійскаго моря, въ Пернау, чтобъ идти на помощь Нарвѣ, осажденной русскими. Мы видѣли, какъ Петръ смотрѣлъ на войну: онъ смотрѣлъ на нее, какъ на школу. Онъ сдѣлалъ нужныя приготовленія, онъ покончилъ съ прежнимъ строемъ и составомъ войска; его армія не представляла болѣе, какъ армія царей предшествовавшихъ, ветхое рубище съ новою заплатою, но и его армія представлялась далеко не въ удовлетворительномъ видѣ. Легко сказать: преобразовать войско. Оно было, дѣйствительно, преобразовано, но оно было не выучено, неопытно. Петръ не обольщалъ себя: онъ изображалъ свой флотъ въ видѣ лодки, на которой дѣти учатся плавать; и войско свое онъ могъ изображать въ видѣ толпы дѣтей. Онъ не бросался въ войну одинъ на одинъ съ европейскимъ, знаменитымъ военными успѣхами, народомъ: онъ вступилъ въ нее въ союзѣ съ Даніею, которая прежде всего должна была задержать шведовъ, съ королемъ Августомъ, который имѣлъ военную репутацію и который уже началъ военныя дѣйствія въ Ливоніи. Петръ началъ съ третьей стороны: послалъ значительное войско съ хорошей артиллеріею осаждать Нарву, учиться осаждать крѣпость, защищаемую европейскимъ гарнизономъ. Битва не входила въ его разсчеты; у него не было искусныхъ генераловъ, не было главнокомандующаго; онъ далъ званіе фельдмаршала тому же Головину, генералъ-адмиралу, завѣдывавшему иностранными сношеніями, но дѣйствительно поручать ему начальство надъ войскомъ онъ не хотѣлъ. Ему прислали генерала изъ за границы съ отличными рекомендаціями, герцога фонъ-Круа, и онъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ для первой встрѣчи со шведами, для перваго урока. Первый урокъ былъ тяжелъ: русскіе потерпѣли пораженіе, потеряли много людей, всю артиллерію. Но у нихъ оставался Петръ Великій, а великіе люди бываютъ сильны приготовленіемъ къ неудачѣ и къ успѣху, ибо не теряютъ духа при неудачѣ и умѣютъ пользоваться успѣхомъ. Неудача—проба генія, и Петръ умѣлъ выдержать страшное искушеніе. Кромѣ матеріальныхъ потерь, нравствен-

ное впечатлѣніе нарвскаго пораженія было ужасно. Извѣстно, какъ ободряетъ первый успѣхъ, какъ отнимаетъ духъ первая неудача, а теперь неудачно начинается дѣло, которому далеко не всѣ сочувствуютъ; въ глазахъ многихъ нарвское пораженіе было явнымъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи новаго дѣла. Задавъ русскимъ такой тяжелый урокъ, Карлъ XII пошелъ на югъ преслѣдовать короля Августа; ибо гнаться за непріятелемъ слабымъ, оставляя въ тылу сильнаго, и рѣшиться съ небольшимъ войскомъ во второй половинѣ ноября идти въ глубь Россіи было-бы крайнимъ безразсудствомъ. Петръ воспользовался удаленіемъ Карла: ему представилась возможность проходить съ своимъ войскомъ школу по извѣстной программѣ. Но прежде всего надобно было поднять духъ своихъ послѣ перваго тяжелаго урока, заставить ихъ идти въ школу, которая такъ имъ опротивѣла послѣ Нарвы. Отъ нарвскаго плѣна спасся бѣгствомъ съ своею конницею Борисъ Петровичъ Шереметевъ, человѣкъ очень способный, но при Петрѣ, самъ-же по себѣ, по природѣ своей, неготовый къ неудачѣ и къ успѣху: послѣ неудачи падалъ духомъ, а послѣ успѣха—какъ-бы отдохнуть, поѣхать въ Москву, повидаться съ семьею, позаняться домашними дѣлами. Петру въ продолженіе всей службы Шереметева было много хлопотъ съ нимъ въ этомъ отношеніи. Двѣ недѣли спустя послѣ нарвскаго пораженія, Петръ пишетъ ему: „Не годится при несчастіи всего лишаться, и потому повелѣваемъ быть при начатомъ дѣлѣ, съ конницею беречь ближнихъ мѣстъ, и идти далѣе, для большаго вреда непріятелю. Да и отговариваться нечѣмъ: людей довольно, рѣки и болота замерзли. Не чини отговорки ничѣмъ; а если болѣзнію, и та получена между бѣглецами“. А между тѣмъ въ пограничныхъ мѣстахъ—Новгородѣ, Псковѣ, псковскомъ Печерскомъ монастырѣ—кипѣли работы для ихъ укрѣпленія: работали всѣ солдаты и священники, мужчины и женщины, и горе тому, кто не хотѣлъ работать или хотѣлъ поживиться при общемъ дѣлѣ: въ Москвѣ и Новгородѣ повѣшено было двое людей, которые брали взятки у пріема подводъ. Артиллерія была потеряна подъ Нарвою; надобно было какъ можно скорѣе приготовить другую. Петръ велѣлъ со всего государства, съ знатныхъ городовъ, отъ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры. Старикъ Виніусъ, „Надзиратель артиллеріи“, работалъ по-петровски, и въ концѣ 1701 года было приготовлено больше 300 орудій; хотя Виніусъ и сильно жаловался на пьянство мастеровъ, которыхъ, писалъ онъ, ни ласкою, ни битьемъ отъ той страсти отучить невозможно. Но въ то же время надобно было приготовлять и людей: 250 мальчиковъ собрано было въ школы, изъ которыхъ, по обѣщанію Виніуса, должны были выйти хорошіе инженеры, артиллеристы и мастера. Вслѣдъ за добрыми вѣстями отъ Виніуса—добрыя вѣсти отъ Шереметева: пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, онъ поразилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха при мызѣ Эрестферъ; потеря шведовъ была втрое противъ потери русскихъ. Великое торжество: первая побѣда и... побѣда послѣ Нарвы! Въ Москвѣ на башняхъ и стѣнахъ кремлевскихъ развѣваются знамена, взятыя у шведовъ. Шереметевъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, получилъ андреевскій орденъ, портретъ царя, осыпанный бриллiантами. Побѣдителю захотѣлось отдохнуть, побывать въ Москвѣ: „Въ началѣ 1702 года хотя и быть,—отвѣчалъ Петръ,—чтобъ на страстной или на шестой пріѣхать, а на святой паки на-

задъ“. Въ концѣ мая Петръ сталъ торопить Шереметева въ новый походъ въ Ливонію, ибо пришло извѣстіе, что непріятель готовитъ въ эту страну транспортъ изъ Помераніи: „Теперь истинный часъ, пока транспортъ не учиненъ, таковой предварить“,—писалъ царь фельдмаршалу; Борисъ Петровичъ двинулся и въ іюлѣ опять нанесъ сильное пораженіе тому-же Шлиппенбаху при Гуммельсгофѣ. Послѣ этого Шереметевъ началъ „изрядно гостить“ въ Лифляндіи, по выраженію Петра, т. е. страшно опустошалъ страну, по совѣту союзника, польскаго короля Августа, чтобъ шведскія войска не могли найти въ Ливоніи пріюта и продовольствія. Петръ смотрѣлъ на ливонскіе походы, какъ на школу для своихъ и какъ на средство ослабленія непріятеля; объ утвержденіи въ странѣ онъ не думалъ. Онъ все лѣто 1702 года провелъ въ Архангельскѣ, ибо получилъ извѣстіе, что шведы намѣрены захватить этотъ городъ. Лѣто проходило; опасности для старой морской пристани не было, и Петръ сталъ думать о пріобрѣтеніи новой, на Балтійскомъ морѣ. Петръ явился въ Ладогу и призвалъ къ себѣ Шереметева, „чтобъ сего, Богомъ даннаго времени не потерять“. По прибытіи Шереметева, Петръ повелъ войско къ Нотебургу (Орѣшку) и 11 октября взялъ его труднымъ и кровавымъ приступомъ. „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила“. Такъ писалъ Петръ надзирателю артиллеріи, Виніусу. „Жесткій орѣхъ“ былъ названъ Шлиссельбургомъ, Ключемъ-городомъ. Для чего-же понадобился ключъ? Въ апрѣлѣ 1703 года отъ него по правому берегу Невы лѣсами шли русскія войска подъ начальствомъ Шереметева и нашли при устьѣ Охты въ Неву маленькую шведскую крѣпость Канцы или Ніеншанцъ, сторожившую устье Невы. Къ русскому войску пріѣхалъ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ и отправился въ 60 лодкахъ осматривать невское устье. 1 мая Канцы были взяты, но на взморьѣ показались два непріятельскихъ судна и 5 мая подошли къ устью Невы. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ съ Преображенскимъ и Семеновскимъ полками въ 30 лодкахъ окружили ихъ и взяли. Первый успѣхъ на морѣ! Обрадовались, какъ дѣти, тою живою, сильною радостію, которая обличаетъ горячее участіе къ дѣлу, условіе успѣха въ немъ. Капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Меншиковъ получили андревскія ленты. Добрались наконецъ до Балтійскаго моря; завѣщаніе предковъ исполнено, но не совсѣмъ: надобно укрѣпиться на этомъ морѣ. 16 мая 1703 года, на одномъ изъ островковъ невскаго устья рубили деревянный городокъ. Городокъ назвали Петербургомъ. Изъ него потомъ вышла новая столица,—столица русской имперіи...

Достиженіе завѣтной цѣли вело къ усиленію труда; добыли новый морской берегъ, надобно было строить новый флотъ, и на берегахъ Свири кипѣла работа, ронили громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ Полѣ, строили морскія военныя суда. Разумѣется, саардамскій плотникъ былъ тамъ; но въ глубокую осень, когда по Невѣ уже плаваетъ ледъ, онъ въ Петербургѣ, около Котлина острова, мѣряетъ морскую глубину: здѣсь будутъ укрѣпленія, оборона Петербурга, куда уже пришелъ первый иностранный купеческій корабль. А между тѣмъ Шереметевъ забиралъ старые русскіе города, которые шведъ завелъ за себя въ XVII вѣкѣ,—Копорье, Ямы, и опустошалъ Эстляндію, чтобъ на

будущее время не дать шведамъ пристанища и прокормленія. Петръ торжественнымъ въѣздомъ въ тріумфальныя ворота отпраздновалъ въ Москвѣ возвращеніе русскихъ городовъ и немедленно отправился въ Воронежъ: чуждый односторонности, онъ одинаково внимательно смотрѣлъ на западъ и востокъ: на сѣверо-западѣ нужно было работать, чтобъ отбивать шведа, на юго-востокѣ нужно было также работать, чтобъ сдерживать турка. Весною 1704 года Петръ опять на западѣ, по обычаю торопитъ Шереметева, чтобъ шелъ поскорѣе и взялъ Дерптъ: „Идти и осадить конечно Дерптъ, чтобъ сего, Богомъ даннаго случая не пропустить, и зачѣмъ мѣшкаете, не знаю, не извольте медлить“. Простодушно отвѣчаетъ Шереметевъ: „здоровье мое уже не прежнее и ни отъ кого помощи нѣтъ, легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меншиковѣ): ничего я за милостію вашею не зналъ“. Шереметевъ осадилъ Дерптъ; чтобъ ему было легко, пріѣхалъ самъ Петръ, и Дерптъ былъ взятъ. „Сей славный отечественный градъ паки полученъ“,—писалъ царь своимъ. Изъ Дерпта Петръ поѣхалъ подъ Нарву, и скоро пошли отъ него письма: „Гдѣ четыре года тому назадъ Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость шпагою въ три четверти часа получили“.

Главное на западѣ было сдѣлано. Петръ не хотѣлъ ничего болѣе, сильно желалъ прекращенія войны съ удержаніемъ завоеваннаго, готовъ былъ и уступить часть завоеваній, только бы удержать новопостроенный приморскій городокъ. Но согласится ли Карлъ XII на такой миръ? Конечно, нѣтъ. Петръ успѣлъ сдѣлать свое дѣло потому, что „шведъ увязъ въ Польшѣ“. Но „шведъ увязъ въ Польшѣ“ для того, чтобъ обезпечить себѣ тылъ для дѣйствія противъ Россіи, чтобъ свергнуть съ престола короля Августа и возвести на его мѣсто человѣка, себѣ вполнѣ преданнаго, слѣдовательно—враждебнаго Россіи. Чтобъ воспрепятствовать этому способу, плану, надобно было дѣятельно помочь Августу. Но помочь ему было трудно. Русскій посланникъ въ Польшѣ, князь Григорій Долгорукій, писалъ, что „въ королѣ крѣпости немного; какъ у короля, такъ и въ казнѣ Рѣчи Посполитой денегъ нѣтъ, но на польскихъ дамъ, на оперы и комедіи у короля деньги есть; однимъ опернымъ пѣвцамъ дано на зиму 100,000 ефимковъ“. Русскаго посланника особенно должны были поражать эти издержки, ибо онъ зналъ, какъ просто и бѣдно жилъ въ Россіи шкиперъ и капитанъ Петръ Михайловъ. Долгорукій чрезвычайно наглядно изображаетъ это страшное разслабленіе, овладѣвшее польскимъ высшимъ сословіемъ, которое на словахъ готово было воевать, но не было способно ни къ какому движенію: „Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стременъ нѣтъ, не по чему взлѣсть“. — „Надѣйтесь на Бога,—писалъ Долгорукій Петру,—а на поляковъ и саксонцевъ надѣяться нельзя“. Карлу XII легко было при такомъ разслабленіи объявить Августа лишеннымъ польскаго престола и провозгласить королемъ познанскаго воеводу, Станислава Лещинскаго. Петръ не оставилъ Августа: съ помощью русскаго войска тотъ взялъ у шведовъ Варшаву. Русскія войска заняли Курляндію и Литву. Меншиковъ шелъ дальше и поразилъ шведовъ при Калишѣ; Петръ запировалъ въ своемъ парадизѣ—Петербургѣ, узнавъ, что его любимецъ одержалъ побѣду, „какой еще никогда не бывало“. Но вслѣдъ за этимъ онъ узналъ, что Августъ, чтобъ спасти свою Саксонію отъ

вторгнувшихся шведовъ, помирился съ Карломъ, отказавшись отъ польскаго престола, слѣдовательно—шведъ не увязнетъ болѣе въ Польшѣ, и все бремя войны надобно будутъ взять на одни свои плеча. Въ концѣ 1707 года Карлъ XII двинулся на Петра, грозясь свергнуть его съ престола. Петръ распорядился, чтобъ въ польскихъ владѣніяхъ не вступать съ непріятелемъ въ генеральную битву, а стараться заманивать его къ своимъ границамъ, вредя ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Петръ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что Карлъ подолгу останавливался, и неизвѣстно было, куда онъ направитъ путь. Петръ въ одно время укрѣплялъ Москву и Петербургъ. Только въ іюнѣ 1708 года Карлъ переправился черезъ Березину. Послѣ жаркаго дѣла при Головчинѣ, русское войско отступило, и Петръ былъ доволенъ: „Зѣло благодарю Бога,—писалъ онъ,—что наши прежде генеральной баталіи видѣлись съ непріятелемъ хорошенько и что всю его армію одна наша треть такъ выдержала и отошла“. Подождавъ нѣсколько времени въ Могилевѣ своего генерала Левенгаупта, и не дождавшись, Карлъ повернулъ на юго-востокъ, къ рѣкѣ Сожѣ, потомъ на сѣверъ—къ Мстиславлю. У мѣстечка Добраго князь Михайла Голицынъ напалъ на правое непріятельское крыло и поразилъ его; когда-же самъ король пришелъ на помощь, то Голицынъ отступилъ въ порядкѣ. Петръ былъ доволенъ и писалъ: „Я, какъ началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ, и такого въ сей войнѣ король шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже, не отъими милость свою отъ насъ впредь!“ Въ сентябрѣ Карлъ повернулъ къ Украйнѣ; самъ царь 28 сентября перехватилъ спѣшившаго къ нему Левенгаупта при деревнѣ Лѣсной, недалеко отъ Пропойска, и поразилъ на голову, взялъ всю артиллерію и обозъ, на которыя такъ надѣялся Карлъ. „Сія у насъ побѣда,—по словамъ Петра,—можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало, къ тому-же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ: тутъ первая проба солдатская была“. Карлъ вошелъ въ Украйну; малороссійскій гетманъ Мазепа перешелъ на его сторону; перешли на его сторону и запорожскіе казаки; но масса народная въ Малороссіи осталась вѣрна русскому царю; Петръ далъ ей новаго гетмана; Меншиковъ въ виду шведовъ взялъ гетманскую столицу Батуринъ, которую защищали приверженцы Мазепы. Запорожская Сѣчь была раззорена. Петръ, по его словамъ, „съ превеликою радостію услыхалъ о раззореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю была“. Карлъ обманулся во всѣхъ своихъ надеждахъ: послѣ Мазепы и запорожцевъ онъ еще надѣялся на Турцію, что та воспользуется случаемъ и поднимется вмѣстѣ съ нимъ на Россію; но турки и татары не трогались; повсюду кругомъ было тихо; всѣ сосѣдніе народы отказались принять участіе въ борьбѣ за ту или за другую сторону; все какъ-будто притаило дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разъиграется кровавая игра между Петромъ и Карломъ, чѣмъ рѣшится судьба восточной Европы?.. Она рѣшилась 27 іюня 1709 года подъ Полтавою.

XXVII. Полтавская битва.

(Изъ „Журнала Петра Великаго“, ч. 1-я).

Іюня въ 15 день учиненъ воинскій совѣтъ, какимъ бы образомъ городъ Полтаву выручить безъ генеральной баталіи (яко зѣло опаснаго дѣла), на которомъ положено, дабы апрошами къ оной приближаться даже до самаго города.

Іюня въ 16 день оныя новыя апроши начаты, чтобъ сдѣлать съ городомъ коммуникацію, и тогда шведы своею поперечною линіею не допустили, къ томужъ рѣка и болотистыя мѣста тому препятствовали; между тѣмъ же имѣли мы корреспонденцію съ городомъ, бросаючи письма въ бомбахъ пустыхъ чрезъ непріятельскія линіи, въ которыхъ изъ города дали знать, что у нихъ пороха почитай за нѣтъ; а непріятель сапами уже сквозь валикъ изъ полисадъ вкопался, и хотя наши абшнитъ сдѣлали, однакожъ долго держаться не могли: того для учиненъ генеральный совѣтъ, на которомъ положено, что иного способа нѣтъ о выручкѣ города, только что перейтить рѣку къ непріятелю и дать главную баталію.

Іюня въ 19 день пошли со всею арміею въ верхъ отъ Полтавы по Ворсклѣ рѣкѣ 2 мили, гдѣ стоялъ генералъ-лейтенантъ Ренъ съ кавалеріею.

Въ 20 день, перешедъ вся наша армія чрезъ рѣку Ворсклу, и по ту сторону оной стала, и готовили фашины; потомъ 25 числа пошли далѣе со всею арміею, и стали съ четверть мили отъ непріятеля къ вечеру, дабы непріятель не могъ принудить къ главной баталіи, прежде нежели ретраншаментъ будетъ учиненъ; и дабы оный на насъ нечаянно не напалъ, и учинили ретраншаментъ чрезъ одну ночь; наша же кавалерія на правой рукѣ между лѣсовъ поставлена была и предъ оною нѣсколько редутъ сдѣлано, и людьми и пушками осажены.

Въ 25 день іюня увѣдомились, что король шведскій подъѣзжалъ самъ осматривать Россійской лагерь и наѣхалъ ночью на Россійскую казацкую малую партію, которая стояла не осторожно, и нѣкоторые изъ оной казаки сидѣли при огнѣ, что онъ, усмотря, наѣхалъ съ малыми людьми и одного изъ нихъ, сошедъ съ лошади, самъ застрѣлилъ; которые казаки, вскоча, изъ трехъ фузей по немъ выстрѣлили, и прострѣлили ему въ то время ногу, которая рана ему весьма жестока была.

Въ 26 день государь осматривалъ оную ситуацію и непріятельскій лагерь для дѣйствія противъ непріятеля; но оный непріятель по своей обыкновенной запальчивой отвагѣ въ томъ насъ упредилъ, и потомъ какимъ образомъ вступилъ въ главную баталію, тому слѣдуетъ при семъ реляція.

Въ 27 день, по утру весьма рано, почитай при бывшей еще темнотѣ, на нашу кавалерію какъ конницею, такъ и пѣхотою своею съ такою фуріею напалъ, чтобъ не токмо конницу нашу раззорить, но и редутами овладѣть; однакожъ въ томъ много оной противности нашелъ, и только двумя редутами (которые тоя ночи зачаты были и не отдѣланы) овладѣлъ, а прочимъ никакой вреды учинить не могъ, такъ что 6 ба-

таліоновъ пѣхоты и нѣсколько десятковъ шквадроновъ кавалеріи его съ праваго крыла отъ главной арміи при томъ оторваны и въ лѣсъ уйтить принуждены. Главное же непріятельское войско съ немалою штратою пробилось сквозь оные редуты, гдѣ 14 знаменъ и штандартовъ отъ непріятеля наша кавалерія получила и многократно конницу непріятельскую сбивала, но всегда отъ пѣхоты непріятельская конница сикурсъ получала (и при томъ генералъ-порутчикъ Ренъ въ томъ жестокомъ бою раненъ), а намъ такъ скоро изъ ретраншамента пѣхотою своей кавалеріи выручить тогда было невозможно: того ради данъ указъ генералу порутчику Бору, дабы оный съ кавалеріею уступалъ вправо отъ нашего ретраншамента, дабы тѣмъ время получить къ вывожденію нашей пѣхоты изъ ретраншамента; однакожъ приказано оному крѣпко того смотрѣть, чтобы гора у онаго во флангѣ, а не назади была, дабы непріятель не могъ нашу кавалерію подъ гору утѣснить; также уступать велѣно до тѣхъ мѣстъ, пока непріятель съ пѣхотою на онаго будетъ наступать; а ежели съ одною кавалеріею, тогда велѣно биться: и тако оный по указу тотчасъ учинилъ, и когда оный съ нашею кавалеріею сталъ ретироваться, а непріятель на онаго наступалъ, тогда непріятель получилъ нашъ ретраншаментъ во флангѣ себѣ, къ которому на лѣвой уголъ генералъ Левенгауптъ съ пѣхотою гораздо приближился, а именно: саженяхъ въ 30; но оттуда изъ пушекъ отбитъ. Итакъ непріятель увидѣлъ, что его гоньба за конницею не весьма ему прибыльна, отъ оной престалъ, и въ нѣкоторомъ логу (далѣе пушечной стрѣльбы) въ паратъ сталъ къ лѣсу; между тѣмъ же посланъ генералъ отъ кавалеріи, князь Меншиковъ, и генералъ лейтенантъ Ренцель съ пятью полками конницы и съ пятью баталіонами пѣхоты на оную вышепомянутую оторванную пѣхоту и конницу въ лѣсъ, которые, пришедъ, оныхъ атаковали и вскорѣ съ помощію Божіею на голову побили, и генерала-маіора Шлепенбаха взяли; а генералъ-маіоръ Розенъ ретировался къ своимъ апрошамъ подъ гору и засѣлъ въ редуты, за которымъ послѣдовалъ генералъ-лейтенантъ Ренцель, который редуты непріятельскіе оступилъ и послалъ барабанщика, чтобы оные сдались, которые просили сроку; но оный имъ болѣе получаса того не далъ, потомъ генералъ-маіоръ Розенъ, со всѣми при немъ бывшими изъ редутъ вышедъ, ружье положили и на дискрецію сдались. Въ то же время изъ ретраншамента на обѣ стороны выведена на фланги пѣхота для того, ежелибъ непріятель атаковалъ ретраншаментъ, чтобъ свободно изъ онаго стрѣльбѣ быть можно было, а выведеннымъ на стороны со фланговъ онаго атаковать; но когда увидѣли, что непріятель отъ прохода своего сквозь редуты еще самъ въ конфузіи находится и строится у лѣсу, тогда и изъ фрунта ретраншамента пѣхота выведена, и шесть полковъ нашей кавалеріи взято съ праваго крыла и позади пѣхоты обведена и поставлена на лѣвомъ крылѣ. И тако наша армія стала въ ордеръ баталіи, и положено атаковать непріятеля; потомъ во имя Господне непріятельскій главный корпусъ атаковали, который, не дожидаясь на мѣстѣ, такожде на насъ пошелъ; и тако о 9 часу предъ полуднемъ генеральная баталія началась прежде между нашего лѣваго, а непріятельскаго праваго крылъ; а потомъ и во весь фрунтъ обѣихъ войскъ, въ которой, хотя и зѣло жестоко во огнѣ оба войска бились, однакожъ то все далѣе двухъ часовъ не продолжалось:

ибо непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ, еже наивяще удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что шведское войско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и баіонетами колоты, и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталіею строились, гнаны; при томъ въ началѣ генералъ-маіоръ Штакельбергъ, потомъ же генералъ-маіоръ Гамилтонъ, такожде послѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ и принцъ Виртенбергскій купно со многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячъ рядовыхъ, которые большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труповъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9234, кромѣ тѣхъ, которые въ розни по лѣсамъ и полямъ побиты, и отъ ранъ померли, которыхъ счесть было невозможно; а во время той баталіи король шведскій велѣлъ себя раненнаго возить въ качалкѣ, которая послѣ найдена была, и у оной одна дрога пушечнымъ ядромъ отстрѣлена. А сколько пушекъ, знаменъ и литавръ взято, такъ же сколько съ нашей стороны людей побито и ранено—тому послѣдуетъ роспись. И тако милостію Всевышняго совершенная викторія (которой подобной мало слыхано), съ легкимъ трудомъ и малою кровію противъ гордаго непріятеля чрезъ самаго государя персональной, храброй и мудрой приводъ, и храбрость начальныхъ и солдатъ, одержала; ибо государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы, поступалъ, какъ доброму приводцу надлежитъ, гдѣ на немъ шляпа пулею прострѣлена, и въ сѣдельномъ орчакѣ фузейная пуля найдена. При семъ же и сіе вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линія съ непріятелемъ въ бою была, а другая до того боя не дошла. По окончанію сего счастливаго боя государь обѣдалъ въ обозѣ своемъ въ палаткахъ или шатрахъ, и при томъ всѣ наши генералы-штапы и оберъ-офицеры, такожде и шведскіе плѣнные генералы были; во время той баталіи первый шведскій министръ, графъ Пиперъ, увидя, что ему спастись невозможно, самъ пріѣхалъ въ Полтаву купно съ секретарями королевскими, Цедергельмомъ и Дибеномъ; и потомъ онъ, Пиперъ, приведенъ былъ въ помянутую же ставку къ государю и съ протчими плѣнниками трактованъ тутъ же за столомъ, гдѣ сидѣлъ шведскій фельдмаршалъ Рейнъ-Шильдъ и протчіе генералы: между тѣмъ же государь, выхваляя мужество и храбрость фельдмаршала Рейнъ-Шильда въ воинскихъ дѣлахъ, пожаловалъ ему шпагу свою и позволилъ ее носить. Того же числа въ вечеру за достальнымъ непріятелемъ въ слѣдъ посланы генералъ-порутчикъ и полковникъ отъ гвардіи князь Голицынъ съ гвардіею, да генералъ-порутчикъ Боуръ съ драгунскими полками; на завтрѣе-жъ въ 28 день іюня князь Меншиковъ туда-же посланъ.

Въ 28 день пріѣхалъ въ Полтаву шведскій генералъ-маіоръ Меіеръ-Фелдъ отъ короля шведскаго подъ видомъ нѣкотораго будто комплимента: только за благо разсудили его задержать и поставить съ другими плѣнниками; ибо онъ отъ короля не токмо кредитиву, но ни паспорта не имѣлъ; и потомъ онъ далъ по прошенію своему реверсъ, по кото-

рому онъ тогда отпущенъ въ Стокгольмъ, отколь за него отпущенъ послѣ генералъ-маіоръ Бутурлинъ.

Въ 29 день (т. е. въ день тезоименитства государя) было благодареніе Богу за полученную преславную викторію на боевомъ мѣстѣ, при троекратной пушечной и мушкетной стрѣльбѣ.

Въ 30 день Государь за непріятелемъ же путь свой воспріялъ, и хотя всякое прилежаніе чинено, дабы непріятеля какъ скорѣе догнать, однако же онаго (понеже оставя большую часть своего багажу, наскоро къ Днѣпру бѣжалъ) не могли прежде 30 іюня догнать, котораго числа его недалеко отъ Переволочны подъ горою при Днѣпрѣ стоящаго обрѣли, и отъ взятаго въ полонъ полкового квартермистра и нѣсколькихъ вороховъ увѣдомился, что король шведскій до того за 3 часа съ нѣсколькими стами конныхъ чрезъ Днѣпръ переправился съ великою трудностію, и генераловъ-маіоровъ Шпара и Лагерь-Крона съ собою взялъ; генерала же Левенгоупта надъ оставшеюся арміею главнымъ командиромъ оставилъ (измѣнникъ же Мазепа съ нѣсколькими стами своими единомышленниками казаками еще прежде короля за Днѣпръ перебрался и ушелъ въ турецкую область), къ которому генералъ, князь Меншиковъ, безъ потерянія времени, со обрѣтающимся подъ своею командою войскомъ, котораго не больше 9000 было, къ Переволочнѣ приближился; и понеже отъ взятыхъ полонениковъ было увѣдано, что непріятели не зѣло къ бою охоту имѣли: того ради послалъ онъ къ сдачѣ ихъ наговаривать, и при томъ имъ объявить велѣлъ, чтобы они разсудя (что все убѣжище и спасеніе ихъ пресѣчено) сдались; въ противномъ же случаѣ неожидалибъ себѣ пощады: противъ чего генералъ Левенгоуптъ генерала-маіора Крейца, да полковника Дюкера, подполковника Траушфетера и генерала-адъютанта графа Дукласа къ генералу князю Меншикову прислалъ и о аккордѣ трактовать велѣлъ, который по нѣкоторымъ разговорамъ и учиненъ, и отъ него, генерала князя Меншикова, и генерала графа Левенгоупта подписанъ, по которому непріятель (состоящей еще паче всѣхъ чаянія въ 14.030 человѣкахъ вооруженныхъ, въ которыхъ большая часть кавалеріи было) ружье свое, яко воинскіе полоненики, положа, сдались, и оное еще того же дня купно со всею артиллеріею и принадлежащею къ тому воинскою казною, канцеляріею и всѣми знамены, штандарты, литавры и барабаны посланному генералу-лейтенанту Боуру отдали. И тако Божіею помощію вся непріятельская, толь въ свѣтѣ славная армія (которая бытіемъ въ Саксоніи не малый страхъ въ Европѣ причинила) къ государю россійскому въ руки досталась: ибо отъ оной кромѣ немногихъ сотъ, которые за королемъ чрезъ Днѣпръ въ Турецкую землю ушли (изъ которыхъ потомъ еще съ 200 побито, тако же болѣе 260 человѣкъ отъ посланной нашей партіи взяты, при которыхъ генералъ-аудиторъ и иные знатные были), никто не убѣжалъ, но всѣ побѣдоносному россійскому оружью сдаться принуждены.

XXVIII. Битва подъ Полтавою и значенiе Полтавской побѣды.

(Изъ соч. Богдановича: „Замѣчательнѣйшiе походы Петра В. и Суворова").

Побѣда при Лѣсной, какъ сказалъ самъ Петръ, была матерью Полтавской побѣды. Она лишила Карла XII шедшихъ къ нему значительныхъ подкрѣпленiй и огромнаго транспорта съ продовольственными и военными припасами; въ особенности же для него была чувствительна потеря послѣднихъ, которые онъ не могъ замѣнить другими въ Украйнѣ. Не менѣе важно было и въ нравственномъ отношенiи влiянiе побѣды при Лѣсной, какъ перваго значительнаго успѣха, одержаннаго русскими регулярными войсками,—успѣха, одержаннаго равными съ непрiятелемъ силами. Иностранные писатели говорятъ, что въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ Петра былъ значительный перевѣсъ въ числѣ войскъ: такимъ образомъ, нѣкоторые изъ нихъ увѣряютъ, что у Петра было 40, 50 и даже 80 тысячъ человѣкъ, а у Левенгаупта не болѣе 9 тысячъ. Но эти пристрастныя показанiя опровергаются сличенiемъ ихъ съ оффицiальными источниками, и преувеличенiе иностранцами числа нашихъ войскъ доказываетъ, быть можетъ, только то, что 15-ти тысячный русскiй корпусъ сражался съ такимъ мужествомъ, что силы его казались непрiятелямъ гораздо большими, нежели были въ дѣйствительности. По присоединенiи Левенгаупта, Карлъ XII прошелъ подъ стѣнами Стародуба и, не успѣвъ предупредить занятiе Новгорода-Сѣверскаго русскими войсками, отряженными туда Шереметевымъ, расположился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города у села Горокъ, двадцать четвертаго октября. До сего времени Мазепа ограничивался тайными сношенiями съ королемъ шведскимъ и заготовленiемъ для него магазиновъ въ главнѣйшихъ городахъ Малороссiи; готовясь сбросить личину притворства, онъ долго колебался въ нерѣшимости; непрiятельская армiя имъ призванная находилась въ такомъ жалкомъ состоянiи, что Мазепа, не надѣясь на успѣхъ ея дѣйствiй, охотно прервалъ бы сношенiя съ Карломъ XII, если бы не страшился справедливаго мщенiя Петра. Эта нерѣшительность Мазепы ежедневно уменьшала его сообщниковъ; наконецъ, когда уже нельзя было долѣе медлить, выступилъ онъ съ 5-ю тысячами казаковъ изъ резиденцiи своей, Батурина, къ Деснѣ. За исключенiемъ немногихъ приверженцевъ его, участвовавшихъ въ преступномъ замыслѣ, всѣ прочiе казаки шли въ полной увѣренности, что гетманъ ведетъ ихъ противъ непрiятеля; но когда они, переправясь черезъ Десну, 26 октября, очутились среди шведовъ, то одно лишь опасенiе быть истребленными заставило ихъ слѣдовать далѣе въ Горки, гдѣ находилась главная квартира Карла XII. Впослѣдствiи многiе изъ нихъ бѣжали въ русскiй лагерь. Главныя наши силы, двигаясь параллельно войскамъ Карла XII, пришли въ концѣ октября въ окрестности Новгорода-Сѣверскаго, куда въ то же время прибылъ изъ Смоленска Петръ I, приказавъ пѣхотѣ, дѣйствовавшей прежде противъ Левенгаупта, идти вслѣдъ за нимъ на присоединенiе къ главнымъ силамъ. Русская армiя расположена была близъ села

Погребковъ, на лѣвой сторонѣ Десны, съ тою цѣлью, чтобы не позволить непріятелю переправиться черезъ эту рѣку. Туда было доставлено княземъ Меншиковымъ первое свѣдѣніе объ измѣнѣ Мазепы; въ военномъ совѣтѣ, собраннымъ по сему случаю, положено было отрядить Меншикова для овладѣнія Батуриномъ, гдѣ собраны были значительные магазины, приготовленные для непріятеля Мазепою, и оставленъ былъ сильный гарнизонъ. Шведская армія находилась ближе къ сему пункту, нежели наша; но какъ непріятелю для достиженія Батурина необходимо было переправиться черезъ Десну, то князь Меншиковъ предупредилъ шведовъ и, подступивъ къ Батурину, потребовалъ отъ казаковъ сдачи; получивъ отказъ, Меншиковъ 2-го ноября аттаковалъ этотъ городъ, обнесенный землянымъ валомъ съ деревянною одеждою и рвомъ и, взявъ его штурмомъ, раззорилъ до основанія. Несмѣтныя богатства и огромная военная добыча достались побѣдителямъ. Болѣе трехсотъ орудій найдено было въ городѣ. Жители Батурина истреблены были всѣ, кромѣ взятыхъ въ плѣнъ казачьихъ начальниковъ. Раззореніе Батурина лишило шведскую армію значительныхъ магазиновъ и удержало въ вѣрности къ Петру тѣхъ казачьихъ начальниковъ, которые, покорствуя своему гетману, готовы были подражать ему. Мѣры, принятыя государемъ въ отношеніи къ жителямъ Украйны, упрочили еще болѣе ихъ преданность престолу и отечеству: повелѣвъ предать казни защитниковъ Батурина, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ прощеніе всѣмъ тѣмъ изъ числа послѣдователей Мазепы, которые въ теченіе мѣсяца оставятъ измѣнника; Скоропадскій, подавшій примѣръ исполненія священнаго долга вѣрности царю, былъ избранъ въ гетманы малороссійскими депутатами, собранными въ Глуховѣ въ началѣ ноября; а Мазепа въ то же самое время всенародно преданъ проклятію. Между тѣмъ въ концѣ октября Карлъ XII, не желая оставаться долѣе въ странѣ, опустошенной долговременнымъ пребываніемъ двухъ армій, рѣшился переправиться на лѣвую сторону Десны и двигаться далѣе. Отрядъ Гордона, не успѣвъ удержать непріятеля, отошелъ назадъ, и тогда Карлъ, устроивъ нѣсколько мостовъ, переправилъ свои главныя силы и двинулся мимо развалинъ Батурина, гдѣ перешелъ рѣку Сеймъ, къ Ромнамъ и Гадячу. Отрядъ, посланный отъ нашей арміи для занятія Гадяча, опоздалъ нѣсколькими часами и не успѣлъ предупредить непріятеля. Это упущеніе, котораго истинная причина въ точности неизвѣстна, доставило Карлу XII огромные магазины, приготовленные по распоряженію Мазепы въ Ромнахъ и Гадячѣ. Уже наступала зима. Шведскія войска, послѣ многотруднаго похода, ими совершеннаго, имѣли необходимую нужду въ отдыхѣ, и потому король рѣшился, отложивъ до весны движеніе къ Москвѣ, занять зимнія квартиры въ Украйнѣ. Шведская армія, въ числѣ съ небольшимъ 30-ти тысячъ, не считая находившихся при ней нѣсколько тысячъ казаковъ, расположилась въ концѣ ноября 1708 года по деревнямъ на пространствѣ между Ромнами, Гадячемъ, Лохвицею и Прилуками; главная квартира была въ Ромнахъ. Вскорѣ послѣ того русская армія въ числѣ 40 тысячъ, кромѣ находившихся при ней иррегулярныхъ войскъ, также расположилась по квартирамъ. Квартирное расположеніе русскихъ войскъ, огибая съ трехъ сторонъ квартиры, занятыя непріятелемъ, стѣсняло его дѣйствія и способствовало набѣгамъ нашихъ легкихъ отрядовъ на квартиры шведовъ. Положеніе шведской арміи на

зимнихъ квартирахъ въ Украйнѣ было весьма невыгодно. Войска наши, поддерживаемыя жителями страны, безпрестанно безпокоили непріятелей, не давали имъ отдыха и затрудняли добываніе съѣстныхъ припасовъ. Одежда и обувь шведовъ находились въ самомъ жалкомъ положеніи, и недостатокъ въ нихъ былъ тѣмъ болѣе тягостенъ войскамъ, что зима съ 1708 на 1709 годъ была необыкновенно сурова; птицы, замерзая на лету, падали мертвыми. Войска обѣихъ сторонъ терпѣли чрезвычайныя бѣдствія, и въ особенности шведы, имѣвшіе менѣе средствъ для предохраненія себя отъ стужи, нежели русскіе. Напротивъ того, положеніе нашей арміи, въ сравненіи съ непріятельскою, было гораздо лучше: она усиливалась ежедневно и, благодаря предусмотрительности Петра, не терпѣла ни въ чемъ нужды. Жестокость зимы не ослабила предпріимчивости военачальниковъ; но эти предпріятія не имѣли никакихъ результатовъ, кромѣ опустошенія страны, служившей театромъ военныхъ дѣйствій. Наступала весна. Карлъ XII, опрометчиво зашедшій во внутрь непріязненной страны, ясно видѣлъ опасность своего положенія. Не смотря на происки Мазепы, не смотря на мятежныя воззванія Карла къ жителямъ Украйны, незамѣтно было въ нихъ ни малѣйшаго желанія поддерживать шведовъ (столь же чуждыхъ имъ по религіи, сколько были и поляки) противъ единовѣрцевъ своихъ. Непріятельская армія таяла замѣтно. Король шведскій долженъ былъ въ это время основывать успѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій не на себѣ самомъ, не на закаленныхъ въ бояхъ воинахъ своихъ, но на посторонней помощи. Онъ надѣялся, во-первыхъ, на возстаніе противъ Россіи запорожскихъ казаковъ; во-вторыхъ, на содѣйствіе ему Оттоманской Порты, и въ-третьихъ, на прибытіе къ нему въ помощь короля Станислава съ шведскимъ корпусомъ. Дѣйствительно, запорожцы, обманутые льстивыми увѣреніями Мазепы, пришли въ числѣ 8-ми тысячъ въ главную квартиру Карла XII; но это безпорядочное полчище, уподоблявшееся разбойничьей шайкѣ, не доставляя никакой пользы шведскимъ войскамъ, было для нихъ истиннымъ бременемъ. Оттоманская Порта оставалась въ союзѣ съ Россіею, не находя выгоды разрывать его для поддержанія Карла XII. Что же касается до Станислава и Крассова, то они до такой степени были озабочены дѣйствіями отряда, посланнаго Петромъ въ Польшу въ концѣ 1708 года, что имъ нельзя было помышлять о движеніи въ помощь королю шведскому. Въ такихъ обстоятельствахъ Карлъ XII рѣшился, по совѣту запорожскаго атамана Гордѣенка, осадить Полтаву, гдѣ находились главные склады русской арміи. Взятіе этого города не могло вывести короля изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился; говорятъ, что цѣль его состояла въ томъ, чтобы заставить Петра идти въ помощь Полтавѣ и вступить въ рѣшительное сраженіе; но если бы даже и удалось Карлу XII одержать побѣду надъ русскою арміею, то положеніе его отъ того нисколько бы не улучшилось: малочисленность его силъ, состоявшихъ въ числѣ 28-ми тысячъ и долженствовавшихъ еще ослабиться послѣ генеральнаго сраженія, не позволяла ему помышлять о движеніи къ Москвѣ. Принимая во вниманіе низкую степень, на которой стояло тогда инженерное искусство въ шведской арміи, нельзя не сознаться также и въ томъ, что успѣхъ осады Полтавы былъ весьма сомнителенъ; Гордѣенко, человѣкъ необразованный, но весьма

смѣтливый, полагалъ возможнымъ овладѣть Полтавою посредствомъ нечаяннаго нападенія, безъ всякихъ предварительныхъ осадныхъ работъ. Полтава лежитъ на правой сторонѣ Ворсклы, образующей своими рукавами въ окрестностяхъ города довольно обширныя болота. Укрѣпленія Полтавы, построенныя подобно укрѣпленіямъ прочихъ малороссійскихъ городовъ, были довольно слабы; но русскія войска въ теченіе зимы исправили ихъ, усилили новыми пристройками и обнесли ихъ палисадами. Гарнизонъ, состоявшій изъ 4-хъ тысячъ регулярныхъ войскъ и 2500 вооруженныхъ мѣщанъ, снабженъ былъ съѣстными припасами въ изобиліи, и военными—въ небольшомъ количествѣ. Комендантомъ города былъ, по непосредственному выбору самого Петра, полковникъ Келлинъ. Карлъ XII, обозрѣвъ полтавскія укрѣпленія еще въ началѣ апрѣля, послалъ въ концѣ этого мѣсяца, изъ Будища, къ сѣверу отъ Полтавы, куда переведена была главная квартира шведской арміи, генерала Шпарра съ однимъ артиллерійскимъ и съ 9-ью пѣхотными полками, для обложенія города. 30 апрѣля открыта была траншея; вслѣдъ за тѣмъ подошли къ Полтавѣ съ правой стороны Ворсклы главныя силы шведовъ, а съ лѣвой—часть нашей арміи подъ начальствомъ князя Меншикова, который, переправясь черезъ рѣку выше Полтавы и расположась противъ города, покушался открыть сообщеніе съ осажденными и даже успѣлъ ввести въ Полтаву 2 баталіона. Но вскорѣ шведскія войска, построивъ редутъ у подошвы горы, на которой лежитъ Полтава, прервали сообщеніе Меншикова съ гарнизономъ, и безъ того весьма затруднительное по болотистому свойству мѣстности. Осада шла весьма медленно, благодаря храбрости гарнизона, который производилъ безпрестанныя вылазки. Осаждающіе начали было устраивать мины; но осажденные уничтожили это покушеніе посредствомъ своихъ контрминъ.

Когда совершенно обнаружилось намѣреніе Карла XII овладѣть Полтавою, то рѣшено было, въ отсутствіе Петра, находившагося тогда въ Воронежѣ, чтобы главная наша армія соединилась съ войсками Меншикова: съ этою цѣлью Шереметевъ переправился черезъ Пселъ, а потомъ черезъ Ворсклу, выше Полтавы, и прибылъ къ селенію Крутому Берегу, гдѣ были расположены войска Меншикова. Въ это время съ нашей стороны были возобновлены покушенія проникнуть въ Полтаву: чтобы приблизиться къ городу, устроены были линіи по лѣвому берегу Ворсклы; но шведы, съ своей стороны, тоже соорудили линіи по правому берегу и тѣмъ совершенно отрѣзали городъ отъ нашей арміи. 1 іюня непріятель произвелъ сильное бомбардированіе по городу, зажегъ его и вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ приступъ; но гарнизонъ отбилъ его, нанеся значительный уронъ непріятелю. 4 іюня прибылъ къ арміи Петръ и немедленно вошелъ въ сношенія съ осажденными, посредствомъ бомбъ, въ которыя были вкладываемы бумаги съ извѣстіями. Этотъ опасный для получателей корреспонденціи способъ передачи свѣдѣній употребляемъ былъ нѣсколько разъ въ теченіе осады. Имѣя въ виду освободить Полтаву, не вступая въ рѣшительное сраженіе, Петръ послалъ два отряда на противоположную сторону Ворсклы: одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ генерала Ренне, занялъ позицію на правомъ берегу выше Полтавы, у деревни Петровки; а генералъ Аллартъ съ другимъ отрядомъ расположился также на правомъ берегу, нѣсколько ниже города. Карлъ XII, узнавши о томъ, съ частью войскъ направилъ фельдмаршала Рейн-

шильда противъ Ренне, а самъ съ другою двинулся противъ Алларта. Но въ то самое время, когда онъ производилъ развѣдку расположенія русскихъ войскъ, 17 іюня былъ тяжело раненъ ружейною пулею съ противоположнаго берега. Этотъ случай заставилъ оба шведскіе отряда возвратиться въ лагерь. Тѣмъ не менѣе, однако же, положеніе защитниковъ Полтавы, почти вовсе не имѣвшихъ пороху и потерпѣвшихъ значительныя потери въ теченіе семинедѣльной осады, было весьма тягостно. Единственнымъ средствомъ для спасенія города оставалось сраженіе, и Петръ рѣшился вступить въ бой. Скоропадскій, расположенный съ корпусомъ малороссійскихъ казаковъ по правую сторону Псела, получилъ повелѣніе идти черезъ Будище на соединеніе съ главными силами русской арміи, которыя, выступя изъ своего лагеря, переправились черезъ Ворсклу по мосту и въ бродъ 20 іюня и расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ, въ полупереходѣ отъ Полтавы. Узнавъ о томъ, шведскій король приказалъ 21-го штурмовать городъ; но осажденные отбили этотъ приступъ. На слѣдующій день, 22, сдѣлано было шведами послѣднее покушеніе овладѣть Полтавою; цѣлый день продолжались отчаянныя усилія съ обѣихъ сторонъ; настала ночь; бой все еще продолжался и только лишь чрезвычайное утомленіе сражавшихся прекратило ожесточенныя покушенія шведовъ, то взбиравшихся на городскія стѣны, то опрокидываемыхъ мужественнымъ гарнизономъ, съ содѣйствіемъ полтавскихъ гражданъ. На этомъ приступѣ, столь славномъ для имени русскаго, осажденные потеряли убитыми и ранеными до 900 человѣкъ, а непріятель почти вдвое. Три дня спустя, 25, русская армія двинулась внизъ по Ворсклѣ и расположилась въ шести верстахъ отъ Полтавы въ укрѣпленномъ лагерѣ, обнесенномъ непрерывною линіею земляныхъ работъ со многими выходами для войскъ. Этотъ лагерь имѣлъ фигуру неправильнаго четыреугольнука, обращеннаго тыломъ къ Ворсклѣ, а фронтомъ къ обширной равнинѣ, ограниченной съ сѣвера лощиною, съ запада—большимъ лѣсомъ, съ юга — другимъ лѣсомъ, простиравшимся до Полтавскаго Воздвиженскаго монастыря, наконецъ съ востока—Ворсклою. Открытое пространство между помянутыми лѣсами, шириною около полуторы версты, было занято шестью редутами, расположенными на ружейный выстрѣлъ одинъ отъ другого. Расположеніе войскъ на этой позиціи было слѣдующее: 56 баталіоновъ занимали укрѣпленный лагерь; остальные 2 баталіона назначены были для занятія редутовъ; 17 кавалерійскихъ полковъ расположились въ двѣ линіи позади редутовъ. Артиллерія, въ числѣ 72 орудій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Брюсса, находилась въ укрѣпленномъ лагерѣ. Число нашихъ войскъ вообще простиралось около 50-ти тысячъ.

Петръ I, имѣя въ виду освобожденіе Полтавы, вовсе не предполагалъ принять бой въ занятомъ имъ расположеніи: укрѣпленія, устроенныя по его повелѣнію, были сооружены единственно съ тою цѣлью, чтобы выждать въ совершенной безопасности прибытіе подкрѣпленій, по присоединеніи которыхъ онъ намѣревался идти къ Полтавѣ и аттаковать Карла XII. Для этого нападенія назначенъ былъ день святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня. Король шведскій, вѣроятно проникнувъ намѣренія Петра, рѣшился самъ аттаковать его до прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій. Оставя для охраненія обоза и осадныхъ работъ Мазепу и Гордѣенка съ запорожскими казаками и съ небольшою

частью регулярныхъ войскъ, Карлъ выступилъ противъ русской арміи со всѣми остальными силами, за исключеніемъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, изъ которыхъ составлены были четыре поста, размѣщенные по Ворсклѣ отъ Полтавы до Переволочны. Это распоряженіе было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы обезпечить отступленіе шведовъ, въ случаѣ неудачи предположеннаго нападенія. Но, какъ они не озаботились устройствомъ моста на Днѣпрѣ у Переволочны, то отряженіе помянутыхъ 2-хъ тысячъ кавалеріи, не принеся никакой пользы, послужило только къ ослабленію шведской арміи. Число войскъ Карла XII, назначенныхъ для нападенія на главныя наши силы, не превосходило 25-ти или 26-ти тысячъ; артиллерійскихъ орудій они имѣли при себѣ только четыре, по причинѣ недостатка въ порохѣ: вся-же остальная артиллерія оставлена была подъ Полтавою.

Готовясь къ рѣшительной встрѣчѣ съ непріятелемъ ослабленнымъ, но еще опаснымъ, Петръ отдалъ по арміи слѣдующій приказъ:

„Воины, вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Итакъ, не думайте, что вы готовитесь сражаться за Петра: вы идете сражаться за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и Церковь. Не должна васъ приводить въ смущеніе слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы не разъ доказали своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петрѣ знайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего". Карлъ XII, имѣя тоже въ виду возвысить духъ своихъ войскъ, объѣхалъ ряды ихъ, напоминалъ побѣды, ими одержанныя, и приглашалъ ихъ на пиръ въ шатры царя московскаго. 27-го іюня, въ два часа утра, выступили шведы. Пѣхота двигалась въ четырехъ колоннахъ, кавалерія же слѣдовала за нею въ шести колоннахъ. Король, не смотря на боль, чувствуемую имъ отъ раны, предполагалъ распоряжаться непосредственно ходомъ сраженія и для этого приказалъ везти себя въ носилкахъ. На разсвѣтѣ шведская пѣхота напала на редуты, а кавалерія, пройдя между редутами, пошла въ аттаку на нашу кавалерію, которая сражалась весьма успѣшно и отбила у непріятеля нѣсколько штандартовъ. Но Петръ, не смотря на то, приказалъ нашимъ эскадронамъ отступить: генералъ Бауръ получилъ приказаніе, отступивъ мимо лагеря, расположиться къ нему лѣвымъ флангомъ; это распоряженіе имѣло цѣлью подвергнуть непріятеля огню нашей артиллеріи, находившейся въ укрѣпленномъ лагерѣ. Между тѣмъ Карлъ XII, котораго войска, послѣ многократныхъ усилій, успѣли овладѣть только двумя неоконченными редутами, приказалъ своей пѣхотѣ оставить дальнѣйшую аттаку прочихъ редутовъ и пройти сквозь линію ихъ вслѣдъ за кавалеріею. Шведскія войска, подъ начальствомъ Левенгаупта, увлеченныя преслѣдованіемъ отступавшей нашей кавалеріи, двинулись мимо нашего лагеря, причемъ правое крыло ихъ, находившееся не далѣе ста шаговъ отъ батарей, подвергнулось сильнѣйшему продольному дѣйствію нашихъ орудій. Непріятельскія войска, не имѣя возможности оставаться подъ выстрѣлами русской артиллеріи, на такомъ близкомъ разстояніи отъ нашего лагеря, отступили въ безпорядкѣ къ большому лѣсу и стали тамъ строиться въ боевой порядокъ; но правое крыло ихъ, состоявшее подъ командою Рооса, отстало отъ центра и принуждено было броситься

въ лѣсъ, простирающійся къ сторонѣ Полтавы. Быстро замѣтивъ это ошибочное движеніе, Петръ отрядилъ, для окончательнаго пораженія Рооса, 5 баталіоновъ и 5 кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ князя Меншикова, который довершилъ разстройство непріятельскаго отряда, прогналъ остатки его въ редуты, устроенные шведами для прикрытія осадныхъ работъ подъ Полтавою, и, поручивъ дальнѣйшія дѣйствія генералу Ренцелю, съ 5-ю баталіонами, возвратился съ кавалеріею на поле сраженія. Дѣйствія Ренцеля были весьма успѣшны: окруживъ шведскіе редуты, онъ заставилъ Рооса сдаться съ остатками праваго крыла и съ большею частью войскъ, оставленныхъ для охраненія траншей; прочіе же разбѣжались въ разныя стороны. Въ числѣ бѣжавшихъ былъ Мазепа. Часть регулярныхъ войскъ съ артиллеріею, оставленною подъ Полтавою, отступила внизъ по Ворсклѣ по направленію къ Переволочнѣ. Такимъ образомъ, нашимъ войскамъ былъ открытъ путь къ Полтавѣ; теперь дѣло шло уже не объ освобожденіи Полтавы, а объ уничтоженіи непріятельской арміи. Предполагая, что Карлъ XII пойдетъ аттаковать лагерь, Петръ вывелъ въ поле часть своей пѣхоты и расположилъ ее по сторонамъ лагеря, съ тою цѣлью, чтобы во время наступленія непріятеля ударить па него съ фланговъ. Но здѣсь было не то уже, что подъ Нарвою; Карлъ вовсе не помышлялъ объ аттакѣ нашего лагеря, а старался только возстановить порядокъ въ войскахъ своихъ. Въ шесть часовъ утра Петръ вывелъ изъ лагеря всѣ свои войска, за исключеніемъ 9-ти баталіоновъ, частью отряженныхъ для занятія Воздвиженскаго монастыря въ Полтавѣ. Остальныя войска построились въ боевой порядокъ впереди лагеря въ двѣ линіи. Непріятельская армія, ослабленная отдѣленіемъ войскъ Рооса, находилась въ составѣ 18-ти баталіоновъ и 14-ти кавалерійскихъ полковъ.

Обѣ арміи двинулись одна другой навстрѣчу. Сраженіе возобновилось въ девять часовъ утра и продолжалось не болѣе получаса. Шведскія войска, поражаемыя многочисленною нашею артиллеріей, которой не могли противопоставить болѣе 4-хъ орудій, и охваченныя съ фланговъ нашею конницею, были обращены въ бѣгство. Оба царственные полководца не щадили себя въ этомъ рѣшительномъ бою: шляпа Петра I прострѣлена была пулею; другая пуля попала въ большой крестъ, висѣвшій на груди его, а третья найдена въ орчакѣ его сѣдла; носилки Карла XII были разбиты ядромъ, а впослѣдствіи, во время отступленія шведовъ, убита подъ нимъ лошадь. Для преслѣдованія непріятелей, бѣжавшихъ съ поля сраженія внизъ по Ворсклѣ, отряжены были князь Голицынъ съ гвардейскими и Бауръ съ 10-ью драгунскими полками, всего 9 тысячъ человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ князя Меншикова. Потеря въ полтавскомъ сраженіи со стороны шведовъ простиралась до 9-ти тысячъ убитыми и ранеными и около 3 тысячъ плѣнными; сверхъ того, они потеряли 4 орудія и 137 знаменъ; въ числѣ плѣнныхъ находились: министръ Пиперъ и фельдмаршалъ Рейншильдъ. Сверхъ того, взяты въ плѣнъ 4 генерала. Съ нашей стороны уронъ простирался до 1300 убитыми и 3200 человѣкъ ранеными. Остатки шведской арміи отступали въ совершенномъ безпорядкѣ внизъ по Ворсклѣ; достигнувъ Переволочны, Карлъ XII успѣлъ переправиться съ частью своей свиты на лѣвую сторону Днѣпра. По отбытіи короля, Левенгауптъ, оставшійся главнымъ начальникомъ шведскихъ войскъ,

предполагалъ переправиться черезъ Ворсклу и идти въ Крымъ; но дѣятельный Меншиковъ не далъ ему на то времени: русскія войска прибыли къ Переволочнѣ, на высоты праваго берега Днѣпра, тогда какъ шведы, находившіеся у самой рѣки подъ горою, не успѣли еще устроить моста. Меншиковъ предложилъ непріятелю сдаться, и Левенгауптъ, считая силы нашего отряда бо́льшими, нежели онѣ были въ дѣйствительности, и почти вовсе не имѣя военнымъ припасовъ, сдался на капитуляцію, по которой остатки шведской арміи, въ числѣ 14-ти тысячъ, положили оружіе; 28 орудій и 127 знаменъ были трофеями побѣдителей. 28 іюня Петръ I имѣлъ торжественный въѣздъ въ Полтаву; увидя полковника Келлина, ожидавшаго его у воротъ города, государь сошелъ съ лошади, снялъ шляпу, обнялъ храбраго воина и нѣсколько разъ поцѣловалъ его въ голову, говоря:—„Почтенная голова, совершившая преславный подвигъ! надежда моя на тебя не обманула меня". Какія чувства волновали тогда душу счастливаго Келлина? Наградами его были слѣдующій чинъ и царскій портретъ, украсившій грудь его. Всѣ участники знаменитой полтавской побѣды награждены были щедро; а главный виновникъ ея, во исполненіе общаго желанія арміи, возведенъ былъ въ чинъ генералъ-лейтенанта. Слѣдствія полтавскаго сраженія были весьма важны: въ отношеніи матеріальномъ — на поляхъ полтавскихъ были сокрушены вооруженныя силы Швеціи; въ отношеніи нравственномъ — исчезло общее убѣжденіе о непобѣдимости шведовъ, внушенное многократными успѣхами Густава-Адольфа и полководцевъ, образовавшихся подъ его знаменами, въ отношеніи политическомъ— непосредственно послѣ полтавскаго сраженія возобновленъ былъ союзъ сѣверныхъ государствъ противъ Швеціи.

XXIX. Петръ Великій на полѣ Полтавской побѣды въ кругу сподвижниковъ своихъ и вождей побѣжденныхъ шведовъ.

(Изъ „Дѣяній Петра Великаго", Голикова, т. IV).

По окончаніи всѣхъ дѣйствій военныхъ, монархъ, увидя со всѣхъ сторонъ пріѣзжающихъ къ себѣ генераловъ и знатныхъ чиновниковъ гвардіи своея, уклонялъ предъ каждымъ изъ нихъ обнаженный еще кровію непріятельской обагренный мечъ свой и поздравлялъ ихъ съ побѣдою. Въ дневникѣ Крекшина помѣщено привѣтствіе монаршее, съ каковымъ онъ принялъ начальниковъ и офицеровъ гвардіи своей, которое я вношу здѣсь:—«Здравствуйте, сыны отечества, чада моя возлюбленная; потомъ трудовъ моихъ родихъ васъ; безъ васъ государству, какъ тѣлу безъ души, жить не можно; вы, имѣя любовь къ Богу, къ вѣрѣ православной, къ отечеству, къ славѣ, ко мнѣ, не щадили живота своего, и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрыя дѣла ваши никогда не будутъ забвенны у потомства».

На сіе привѣтствіе отъ лица сей гвардіи отвѣтствовалъ монарху полковникъ оныя генералъ-поручикъ князь Голицынъ такъ:—«Мужественною крѣпостію отъ Господа Бога утвержденный благочестивѣйшій государь! кто тебя достойно вос-

хвалить можетъ? Ктс не имать повелѣній твоихъ усерднѣйше исполнять? Въ тебѣ утвердилось сердце наше. Ты остротою разума, храбростію и смысломъ ученія всѣхъ насъ обогащаеши».

Въ самое сіе время представлены были его величеству изъ плѣнныхъ предупомянутый принцъ Виртембергскій, и генералъ-маіоры Штакельбергъ и Гамильтонъ. Монархъ, принявъ ихъ съ ласковымъ видомъ и обнадежа милостію своею, повелѣлъ, съ честію и не снимая шпагъ, отвести ихъ въ ретраншементъ свой; потомъ обнялъ прибывшаго къ нему тогда же князя Меншикова и неоднократно цѣлуя его въ голову, превозносилъ предъ всѣми отличные подвиги и труды его. Тронутый симъ чувствительно, князь сей отвѣтствовалъ:—«Аще бы Моисей, вождь Израилевъ, не предсталъ предъ Богомъ въ моленіи за согрѣшившій народъ свой, погибъ бы оный; аще бы и ты въ самое лютѣйшее время, въ кое непріятель Новогородскаго полку первый баталіонъ сбилъ и отрѣзалъ лѣвое крыло отъ главной арміи, на которомъ и я съ кавалеріею находился, не предсталъ и не сомкнулъ фрунта арміи, не щадя живота своего, то равно бы и мы всѣ погибли. Самъ Господь Богъ тебя, помазанника своего, на сіе подвигнулъ, съ тобою сражался и увѣнчалъ подвигъ сей толикою побѣдою». И по семъ, поздравя его величество съ великою побѣдою, доносилъ, что непріятель толико низложенъ, что никогда уже отъ паденія своего не возстанетъ, и что генералъ-фельдмаршалъ Рейншильдъ взятъ имъ въ плѣнъ, со многими знатными офицерами. Монархъ, возблагодаря его за сіе послѣднее, повелѣлъ мимо себя провести въ тотъ же ретраншементъ, не снимая же съ нихъ шпагъ. Потомъ монархъ спросилъ у князя сего о числѣ убитыхъ въ кавалеріи его, и князь клятвенно увѣрилъ его величество, что ихъ не болѣе убито пяти или шести сотъ.

И тогда же, повелѣвъ арміи своей стать въ строй, выѣхалъ предъ оную съ княземъ симъ. Коль скоро великій государь предъ оную показался, то фельдмаршалъ Шереметевъ, бывшій при оной, закричалъ:—«на краулъ!» Всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры уклонили свои шпаги, во всей арміи загремѣла музыка, барабанный и литаврный бой и преклонялись до земли всѣ знамена. Монархъ, проѣзжая весь фрунтъ арміи безъ шляпы, благодарилъ все войско за храбрость и усердіе ихъ; а фельдмаршалъ, отъ лица оныя изъявя его величеству за защищеніе вѣры и отечества, не щадя собственной жизни своея, благодарность, доносилъ о великомъ числѣ убитыхъ непріятелей и о малой потерѣ своихъ.

По семъ великій государь, повелѣвъ предъ фрунтомъ арміи поставить походную церковь и многіе другіе шатры для обѣденныхъ столовъ, посѣтилъ раненыхъ не только офицеровъ, но и всѣхъ рядовыхъ, благодарилъ ихъ за ревность ихъ къ службѣ и отечеству, изъявилъ сердечное сожалѣніе свое о ихъ участи, утѣшалъ опаснѣйше раненыхъ, что стараніе лекарей при способствованіи Божія помощи можетъ исцѣлить ихъ; обѣщалъ наградить подвиги ихъ, многихъ раны въ присутствіи его были перевязаны, и таковое состраданіе и милость его къ нимъ были наилучшимъ для нихъ лекарствомъ: они на тотъ часъ забыли свои болѣзни, изъявляли съ радостными слезами благодарность свою къ его величеству. Наконецъ великій государь, отдавъ приказъ о неусыпномъ стараніи о ихъизлеченіи и содержаніи, въ первомъ часу по полудни пошелъ въ поставленную церковь. Въ присутствіи его величества, всѣхъ генераловъ и офицеровъ и, можно сказать, всея арміи, началось благодарное молебствіе побѣдодавцу, Господу. Во время пѣнія «Тебе Бога хвалимъ», произведены изъ артиллеріи и мелкаго ружья всей арміи три залпа, потрясшіе, казалось, самую землю. Всѣ бывшіе въ церкви паки приносили монарху поздравленіе и взаимно отъ него были всѣ поздравлены; а фельдмаршалъ поднесъ его величеству рапортъ, сколько взято въ плѣнъ ге-

нераловъ и высшихъ, и нижнихъ чиновниковъ, и рядовыхъ, и также трофеевъ, и всего прочаго, что могли по краткости времени описать.

Во 2 часу по полудни великій государь, въ послѣдованіи всего генералитета и штабъ-офицеровъ, прибылъ въ царскій шатеръ свой, окруженный поставленными въ строй шестью пѣхотными,—тѣми, кои были оставлены въ ретраншементѣ, и шестью же конными полками, не бывшими же въ сраженіи, при входѣ въ который стояла на караулѣ гренадерская рота Преображенскаго полка его; полы шатра сего были подобраны. По вшествіи въ оный, всѣ его министры, и двора его господа, и знатные служители принесли его величеству поздравленіе съ побѣдою.

Монархъ повелѣлъ князю Меншикову привести въ шатеръ всѣхъ плѣнныхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, и графа Пипера съ королевскими секретарями. Первые изъ ретраншемента, съ ротою Семеновскаго полка, а послѣдніе изъ Полтавы, съ ротою лейбъ-регимента, въ 3 часу пополудни со всякою честію приведены были къ шатру его величества. Монархъ повелѣлъ по порядку вводить ихъ предъ себя и, стоя у столика безъ шляпы, принялъ ихъ съ весьма ласковымъ видомъ. Они, начавъ съ графа Пипера, становяся предъ его величествомъ на колѣни, подносили ему шпаги свои, которыя по повелѣнію его отъ знатныхъ принималъ князь Меншиковъ, а отъ штабъ и оберъ-офицеровъ генералы Репнинъ и Алартъ.

Великій государь непосредственно затѣмъ спросилъ у Рейншильда о здравіи королевскомъ, и сей отвѣтствовалъ, что король, государь его, за четверть часа до окончанія баталіи, въ великой болѣзни, поврежденіемъ ноги его причиненной, отбылъ отъ арміи къ Днѣпру, поруча оную ему, фельдмаршалу. Сіе произнесъ онъ со слезами. Чувствительный монархъ пожаловалъ ему свою шпагу, сказавъ:— «Я желаю, чтобъ вы хранили ее у себя въ знакъ почитанія моего къ вашей храбрости и вѣрности къ государю своему».

Потомъ, что было въ 3 часа пополудни, великій государь, обратятся къ графу Пиперу, къ Рейншильду и ко всѣмъ плѣннымъ генераламъ и штабъ-офицерамъ, сказалъ съ улыбкою:—«Вчера братъ мой, Карлъ, просилъ васъ въ сей день на обѣдъ въ шатры мои, и хотя онъ не сдержалъ своего королевскаго слова, но мы сіе выполнимъ, и для того прошу васъ со мною откушать». А дабы ироническое сіе, такъ сказать, привѣтствіе не столько было имъ чувствительно, то повелѣлъ тотъ же часъ каждому изъ нихъ возвратить ихъ шпаги, которыя они, принимая отъ руки его, цѣловали оную.

Монархъ пригласилъ также къ столу своему всѣхъ своихъ генераловъ и знатныхъ штабъ-офицеровъ, а всѣхъ прочихъ и оберъ-офицеровъ плѣнныхъ и своихъ повелѣлъ угостить столомъ же въ другихъ шатрахъ, и потомъ, въ препровожденіи всѣхъ знатныхъ прибывъ въ столовый шатеръ, благоволилъ каждому изъ своихъ рукъ поднести по рюмкѣ любимой своей водки, называемой приказною. Во время стола, при питіи за здравіе его величества, всего его царскаго дома и побѣдоноснаго оружія, продолжалась безпрерывно пушечная пальба.

Въ продолженіи-же онаго монархъ разговаривалъ съ графами Пиперомъ и Рейншильдомъ всегда милостиво, и между прочимъ спросилъ у послѣдняго, до коликаго числа простиралось войско ихъ до баталіи. На сіе отвѣтствовалъ плѣнный фельдмаршалъ, что хотя подлинно донести его величеству о томъ и не можетъ, потому что точную вѣдомость о войскѣ имѣлъ у себя король, его государь, однакожъ думаетъ онъ, за исключеніемъ оставленныхъ въ траншеяхъ и обозѣ и также поляковъ, казаковъ и волоховъ, войска шведскаго въ сраженіи находилось до 30,000.—«Какъ же, спросилъ паки монархъ, съ столь малымъ вой-

скомъ могли вы отважиться на генеральную баталію, отъ которой зависѣло все»?—«Отъ насъ, отвѣтствовалъ онъ,—никогда совѣтовъ не требовано, и мы, какъ вѣрнымъ подданнымъ должно, безмолвно исполняли повелѣніе своего государя. Впрочемъ,—придалъ наконецъ Рейншильдъ,—съ начала вступленія нашего, армія была гораздо въ большемъ числѣ, но въ разныхъ сраженіяхъ, отъ стужи и болѣзней погибло изъ оной до 35,000 человѣкъ».

Его Величество, выслушавъ сей отвѣтъ, обратяся къ нѣкіимъ придворнымъ своимъ, сказалъ:—«Ахъ, вотъ, какъ надобно государю своему служить!» и, наливъ рюмку вина, сказалъ сему знаменитому плѣннику:—«Я пью здоровье учителей моихъ въ военномъ искусствѣ».—«Кого такимъ хорошимъ именемъ,—спросилъ Рейншильдъ,—жаловать ваше величество изволите»!—«Васъ, господъ шведовъ»,—сказалъ государь.—«По сему ваше величество мало благодарны къ своимъ учителямъ, такъ худо заплативъ имъ за ученіе». Сколь скоро монархъ сталъ пить сіе здоровье, то загремѣла паки въ честь ихъ артиллерія.

Впрочемъ, предупомянутые отвѣты плѣннаго фельдмаршала доказываютъ, сколь умѣлъ монархъ обласкать ихъ и влить тѣмъ въ нихъ толикую смѣлость. Слѣдствіемъ сего же ласковаго монаршаго съ ними поступка были и слѣдующіе въ продолженіи того же стола разговоры. Рейншильдъ сидѣвшему подлѣ него фельдмаршалу Шереметеву между прочимъ говорилъ, что онъ неоднократно осмѣливался государю своему представлять о прекращеніи войны съ Россіею полезнымъ миромъ и вѣчнымъ союзомъ, что-де засвидѣльствовать можетъ и графъ Пиперъ, и еслибы-де его величество благоволилъ принять сіи мои представленія, то-бъ отечество наше не дошло до толикаго бѣдствія; но, къ несчастію, заключилъ онъ, король не хотѣлъ и слушать сего. Монархъ, вслушавшись въ сей разговоръ, сказалъ, что онъ всегда предпочитаетъ миръ самымъ великимъ побѣдамъ, и подданные не могутъ быть счастливы, развѣ подъ правленіемъ миролюбиваго государя. Далѣе продолжалъ Рейншильдъ: — «Мы никакъ не думали найти толь исправное регулярное войско и отнюдь не вѣрили Левенгаупту, утверждавшему изъ опыта своего сраженія съ онымъ, что россійское войско нынѣ непобѣдимо, а думали, что онъ хотѣлъ себя только оправдать тѣмъ въ разбитіи своемъ; но коль мы въ семъ обманулись!» Графъ Шереметевъ отвѣтствовалъ ему, что онъ судить можетъ о войскѣ нашемъ и изъ того, что въ нынѣйшней баталіи число войска уравнено было противъ ихъ, но изъ онаго въ сраженіи находились одни только передніе баталіоны, а бывшіе во второй линіи не употребили ни единаго патрона, и видимые тобою вокругъ шатра, не были также совсѣмъ въ сраженіи.

По окончаніи стола, великій государь, пожелавъ плѣннымъ доброй и покойной ночи, отпустилъ ихъ паки въ тотъ-же свой ретраншементъ и съ такимъ же препровожденіемъ, съ какимъ въ оные и приведены.

Подобное угощеніе учинено было и всѣмъ плѣннымъ офицерамъ въ другихъ шатрахъ, равно какъ и всѣмъ своимъ; накормлены были также и всѣ ихъ солдаты и служители, равно-же какъ и свои, а сверхъ того повелѣно было отъ монарха солдатамъ своимъ обращаться съ ними со всякою ласкою. Столъ сей продолжался до пяти часовъ за полдень, послѣ котораго неутомимый государь отправилъ князя Голицына съ обоими полками гвардіи своей, оставя изъ нихъ при себѣ по одной только гренадерской ротѣ, и съ пѣхотными же полками Ингерманландскимъ и Астраханскимъ верхами; и подъ его-же командою генералъ-поручика Боура, съ десятью кавалерійскими баталіонами, за ушедшими съ сраженія подъ Переволочну шведами, повелѣвъ имъ всевозможно поспѣшать и, догнавъ, атаковать и плѣнить ихъ.

Но въ сей же самый вечеръ великій государь своеручный послалъ указъ къ находившемуся въ Польшѣ своему генералъ-фельдмаршалу лейтенанту Гольцу, повелѣвающій всячески наблюдать ему того, дабы ушедшій король шведскій не соединился съ корпусомъ своимъ, въ Польшѣ находящимся, и чтобъ для того онъ по всѣмъ дорогамъ, въ томъ числѣ и лежащимъ къ турецкимъ границамъ, разослалъ все легкое войско, дабы пресѣчь всюду ему путь, и проч., и сверхъ сего въ сей же вечеръ благоволилъ увѣдомить о сей преславной побѣдѣ великую супругу свою, царевича сына своего, кесаря Ромодановскаго и другихъ знатныхъ особъ, также губернаторовъ и иностранныхъ министровъ своихъ, своими письмами, изъ которыхъ на одномъ, а именно къ графу Апраксину, писанномъ собственною же его рукою, назначенъ и часъ, въ который оное писано, именно 9 вечера; но я приложу сіе послѣднее здѣсь подлинникомъ; оно послужитъ намъ образцомъ и всѣмъ другимъ.

«Господинъ Адмиралъ!

«Объявляю вамъ о зѣло превеликой и нечаянной викторіи, которую Господь Богъ намъ, чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ, даровати изволилъ, съ малою войскъ нашихъ кровію, таковымъ образомъ: сего дня, на самомъ утрѣ, жаркій непріятель нашу конницу, со всею арміею конною и пѣшею атаковалъ, которая хотя зѣло по достоинству держалась, но принуждена была уступить, однакожъ съ великимъ убыткомъ непріятелю, потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагеря, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ ретраншемента вывели и предъ очи его поставили, а конницу на обоихъ флангахъ, что непріятель увидя, тотчасъ пошелъ атаковать насъ, но и наши противъ него пошли, и такъ его встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили; знаменъ, пушекъ множество взяли; такожъ генералъ-фельдмаршала, г. Рейншильда, купно съ четырьмя генералами, а именно: Шлипенбахомъ, Гамильтономъ, Штакельбергъ и Розеномъ; также первый министръ, графъ Пиперъ, съ секретарями въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячъ офицеровъ и рядовыхъ взято, о чемъ подробно писать будемъ вскорѣ (а нынѣ за суетами невозможно), и единымъ словомъ сказать вся непріятельская армія Фаетоновъ конецъ воспріяла, (а о королѣ еще не можетъ вѣдать, съ нами-ль, или съ отцы нашими обрѣтается), а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы-поручики, князь Голицынъ и Боуръ, съ конницею, и сею у насъ неслыханною новизною вамъ поздравляемъ, и прошу господъ высшихъ и нижнихъ морскихъ и сухопутныхъ поздравить. Piter.

P. S. Нынѣ уже совершенно камень въ основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощію Божіею.

«Приведенъ еще въ полонъ князь Виртенбергскій, сродникъ короля шведскаго».

Читатель не оставитъ, конечно, замѣтить, что великій побѣдитель нашъ о личномъ своемъ толь великомъ въ побѣдѣ сей участіи ни словомъ не упоминаетъ.

Такъ препровожденъ былъ знаменитый сей день.

Повѣствованіе наше окончили мы 27 днемъ Іюня, то есть днемъ преславныя полтавскія побѣды, и видѣли, что отъ меча россійскаго спаслась уходомъ къ Днѣпру цѣлая половина арміи шведской, подъ предводительствомъ генерала Левенгаупта; что великій побѣдитель того-же вечера, для достиженія оныя, отправилъ князя Михайла Михайловича Голицына съ полками гвардіи и съ пѣхотными же Ингерманландскимъ и Астраханскимъ на лошадяхъ; да подъ командою его же генералъ-поручика Боура съ десятью кавалерійскими баталіонами съ повелѣніемъ плѣнить всѣхъ, или когда будутъ сопротивляться, порубить; но поутру 28 числа, съ точнѣйшими предписаніями и уполномочіемъ въ слѣдъ за ними послалъ князя Меншикова съ ротою лейбъ-эскадрона. Пока же увидимъ мы, что учинятъ сіи

вѣрные исполнители велѣній его величества, опишемъ происшедшее между тѣмъ подъ Полтавою. Великій государь, по отправленіи сего князя, занялся отданіемъ послѣдняго долга убитымъ на сраженіи воинамъ своимъ; онъ въ 4 еще часа поутру приказалъ заготовить на самомъ полѣ сраженія двѣ великія могилы, собрать тѣла убитыхъ, и всей арміи около могилъ тѣхъ стать въ строй образомъ каре, и когда все сіе до отправленія еще князя Меншикова исполнено, тогда монархъ въ 6 часовъ утра вышелъ на сіе поле, осмотрѣлъ самъ могилы оныя, и въ своемъ присутствіи повелѣлъ въ одну изъ нихъ положить порядочно тѣла офицеровъ, въ другую унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ ихъ мундирахъ; потомъ началась всѣми полковыми священниками погребальная панихида. Монархъ самъ соединилъ гласъ свой со гласомъ пѣвчихъ своихъ, но который неоднократно прерываемъ былъ токами слезъ его, извлекавшихъ подобныя же и изъ очей каждаго, видѣвшаго оныя. Отеческая чувствительность монаршая наконецъ изъявлена была рѣчью его, въ слухъ всѣхъ произнесенною:—«Храбрые воины,—возгласилъ онъ,—за благочестіе, отечество и родъ свой души своя положившіе! вѣмъ, яко страдальческими вѣнцами вы увѣнчалися и у праведнаго подвигоположника, Господа, дерзновеніе имате: споспѣшествуйте мнѣ въ праведномъ оружіи моемъ противъ враговъ отечества и благочестія молитвами вашими, да возможемъ въ мирѣ прославлять Бога и ваши подвиги». По сей краткой рѣчи великій государь, отдавъ имъ три низкіе поклона, первый началъ своими руками засыпать землею; громы артиллеріи, трикратный бѣглый всей арміи огонь, и печальные тоны полковой музыки заключили погребальный сей обрядъ.

Его величество однако-же не прежде отошелъ, пока не насыпанъ былъ надъ могилами холмъ, и не водрузилъ на ономъ своими же руками святого креста, съ надписаніемъ: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, Іюня 27 дня».

Тогда-же великій государь издалъ указъ о повсягодномъ и непрерывномъ во вѣки поминовеніи въ день сей памяти ихъ.

Въ самый же сей и послѣдующій день происходило погребеніе и непріятельскихъ тѣлъ, при священномъ же обрядѣ, отправленномъ чрезъ бывшихъ въ плѣну реформатскихъ священниковъ. Тѣлъ сихъ въ одну-же могилу, вырытую руками плѣнныхъ, погребено 13,281. Наконецъ, Монархъ повелѣлъ такому-же предать погребенію и тѣ тѣла, которыя найдутся по лѣсамъ и въ отдаленіи, а окружнымъ жителямъ зарыть въ землю убитыхъ лошадей и очистить все поле и лѣса.

XXX. Торжественный въѣздъ Петра въ Полтаву.

(Изъ „Дѣяній Петра Великаго“, Голикова, т. IV.)

Великій государь того-же числа имѣлъ торжественный свой въѣздъ въ городъ Полтаву, въ препровожденіи всѣхъ своихъ генераловъ, министровъ и роты гренадерской гвардейскаго полку своего. Монархъ сидѣлъ на той же лошади, на которой командовалъ во время сраженія, и въ томъ же полковничьемъ своемъ мундирѣ.

Полковникъ и комендантъ, г. Келинъ, съ знатнѣйшими градскими чиновниками ожидавшій великаго торжественника у воротъ градскихъ, встрѣтилъ его слѣдующею рѣчью:

—«Вниди, храбрѣйшій Александра, милостивѣйшій Веспасіана, премудрѣйшій Соломона, благочестивѣйшій великій государь, царь и великій князь Петръ

Алексѣевичъ. Маѳусаловыхъ тебѣ лѣтъ житія и Августова обладательства отъ Бога желаемъ».

Великій Государь слушалъ рѣчь сію безъ шляпы, а по окончаніи оной, сошедъ съ коня своего, обнялъ храбраго сего мужа и, неоднократно цѣлуя его въ голову, говорилъ:

—«Почтенная глава, свершившая преславный подвигъ! надежда моя на тебя не обманула меня».

По семъ, возшедъ паки на коня своего, въѣхалъ въ городъ, и отъ поставленнаго въ строй бывшаго въ осадѣ мужественнаго войска отдана была его величеству честь ружьемъ съ барабаннымъ боемъ, играніемъ музыки, съ пушечною съ крѣпостныхъ валовъ пальбою и съ колокольнымъ во всѣхъ церквахъ звономъ. Весь народъ, отъ мала до велика, взирая на избавителя своего, проливалъ радостныя слезы. Великій государь, проѣхавъ строй, сошелъ паки съ коня своего, и шествовалъ въ соборный храмъ, предъ которымъ протопопъ со всѣмъ духовенствомъ, въ лучшемъ облаченіи, съ радостными же слезами, срѣтилъ его съ святымъ крестомъ. По вшествіи въ храмъ началось благодарное пѣніе, въ продолженіе котораго, при чтеніе Евангелія, выноса св. креста и при возглашеніи многолѣтія, учинены были изъ всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ и мелкаго ружья три залпа.

Посемъ отъ духовенства приносимо было его величеству поздравленіе съ побѣдою, и монархъ, взаимно поздравя ихъ, послѣдовалъ въ сопровожденіи всѣхъ знатнѣйшихъ особъ, при радостныхъ кликахъ всего народа, на валы крѣпостные. Комендантъ доносилъ его величеству, что пороху у него оставалось только полторы бочки и восемь ящиковъ патроновъ.

Великій государь любопытственнымъ окомъ осматривалъ валъ; видѣлъ, что оный почти весь изрытъ былъ сапами и во многихъ мѣстахъ задѣланъ бревнами изъ разломанныхъ хоромъ; онъ спрашивалъ г. Келина объ обстоятельствахъ осады, и сей донесъ съ подробностію всѣ вышеописанные жестокіе шведскіе приступы, вылазки и обороны свои, общую ревность войска и гражданъ и все прочее, какъ-то: сколько съ начала осады въ городѣ было войска, сколько онаго побито, сколько осталось въ живыхъ и сколько есть еще раненыхъ и больныхъ. Наконецъ же о всемъ семъ поднесъ его величеству рапортъ. Великій государь, осмотря все, благоволилъ посѣтить сихъ раненыхъ и больныхъ. Не можно описать восторга послѣднихъ при видѣ возлюбленнаго и толико милостиваго къ нимъ государя, соединившаго свои съ ихъ радостными слезами. Великій государь, видя добрый порядокъ, въ каковомъ содержались сіи раненые и больные, изъявилъ коменданту паки чувствительную за сіе благодарность. Сколько-же монархъ уважилъ храбрую оборону и попеченіе о всемъ семъ коменданта и войска, оное его величество доказалъ тогда же, а именно: изъ полковниковъ пожаловалъ его въ генералъ-маіоры, украсилъ золотою цѣпью чрезъ плечо, съ висѣвшею на оной таковою же большою медалью, и наградилъ десятью тысячами рублей. Протопопу пожаловалъ сто рублей, и какъ ему, такъ и всѣмъ священникамъ на платье шелковыя матеріи, и всѣ граждане вообще уволены на годъ отъ всякихъ поборовъ, службъ и тягостей.

Всѣхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ наградилъ не въ зачетъ годовымъ жалованьемъ; вскорѣ-же по семъ мужественныя ихъ груди украсилъ медалями, которыя были офицерскія золотыя, разной величины, изъ которыхъ отличившіеся получили на золотыхъ же цѣпяхъ, а унтеръ-офицерскія и солдатскія—серебряныя. Наконецъ отъ щедрыя руки его получили жены и дѣти убитыхъ годовыя пенсіи: первыя—до смерти своей половинное жалованье мужей своихъ, а послѣдніе—до возрасту своего третное отцовское.

По семъ великій государь благоволилъ у коменданта, какъ выражается въ одной рукописи, «чѣмъ Богъ послалъ» откушать; за столомъ пилъ здоровье хозяина, войска Полтавскаго и гражданъ при пушечной съ валовъ крѣпостныхъ пальбѣ.

XXXI. Празднованіе Полтавской побѣды въ Москвѣ.

(Изъ „Дѣяній Петра Великаго", Голикова, т. IV).

Коль скоро свезены были знатные плѣнные шведы и поставлены въ окрестностяхъ села Коломенскаго, толь скоро кесарь московскій, князь Θеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, повѣстилъ имъ, что по законамъ тріумфовъ должны они украсить оный собою, яко плѣнные, и для того извинили-бъ необходимость, что будутъ они ведены Москвою пѣшіе и безъ шпагъ, и что въ оправданіе сего поступка вспомнили бы они, что удержанные за договоромъ подъ Нарвою россійскіе генералы, яко плѣнники, въ подобномъ тріумфѣ чрезъ весь Стокгольмъ не только пѣшіе ведены, но и съ крайнимъ еще поруганіемъ и безчестіемъ.

День входа сего, по свидѣтельству дневника Крекшина, назначенъ на 18 число декабря, въ которое въ 8 часовъ поутру, по данной изъ трехъ выстрѣловъ пушечныхъ повѣсткѣ, всѣ плѣнные шведы и назначенные къ тому же россійскіе полки поставлены были въ порядокъ за Серпуховскими воротами; въ 9 часу прибылъ туда и самъ монархъ; а въ исходѣ онаго началось и шествіе; посреди грому пушечнаго, звуку барабаннаго и звону колокольнаго, великій торжественникъ, получа отъ царицы, супруги своея, вѣсть, что Богъ даровалъ ему дщерь, Елизавету Петровну, повелѣлъ остановиться шествію и объявилъ генераламъ своимъ, что Господь Богъ усугубилъ радость настоящаго торжества рожденіемъ ему дщери; того ради (заключилъ монархъ) отложимъ шествіе наше и поспѣшимъ поздравить, яко со счастливымъ предвозвѣщеніемъ вожделѣннаго мира, со вшествіемъ въ миръ дщерь мою. Итакъ, давъ повелѣніе тѣмъ же порядкомъ возвратить шведовъ на прежнія ихъ квартиры, послѣдовалъ со всѣмъ генералитетомъ не во дворецъ свой, но въ Успенскій соборъ, для принесенія Господу усерднѣйшаго благодаренія, и при пѣніи «Тебе Бога хвалимъ» съ хоромъ пѣвчихъ соединилъ свой гласъ, между же тѣмъ громъ пушечный и звонъ колокольный возвѣстилъ народу новую сію радость.

Радость монаршая казалась усугубленною отъ присутствія при немъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ, иностранныхъ дворовъ министровъ, и всѣхъ городовъ депутатовъ, дворянскихъ и купеческихъ, которые всѣ принесли его величеству съ радостію сею поздравленіе.

Къ вящшему же еще обрадованію его величества, монархъ по прибытіи во дворецъ нашелъ возлюбленную супругу свою и новорожденную въ вожделѣнномъ здравіи; онъ оказалъ оную приглашеніемъ къ обѣденному столу своему знатнаго духовенства, всѣхъ своихъ министровъ, генераловъ, начальниковъ приказовъ и знатныхъ офицеровъ; не забылъ и плѣнныхъ: онъ повелѣлъ угостить столомъ генераловъ и знатныхъ офицеровъ шведскихъ въ Коломенскомъ дворцѣ своемъ и выставить яства и питья всѣмъ нижнимъ, равно какъ и своему войску и всему народу.

Въ продолженіе стола великій государь пилъ здравіе монархини, новорожденныя, всей царской фамиліи своей, войска и присутствующихъ за столомъ, что̀ все происходило при пушечной пальбѣ.

Между тѣмъ и весь народъ доказалъ радость свою стеченіемъ во храмы Божіи, для принесенія подателю всѣхъ благъ, Господу, благодарныхъ молитвъ своихъ; они, обнимаяся, поздравляли другъ друга общею радостію, многіе угощали въ домахъ своихъ неимущихъ, а находящихся въ больницахъ и темницахъ по мѣрѣ достатковъ своихъ утѣшали подаяніями.

Стеченія народныя ежедневно примѣчены были особливо у Тріумфальныхъ вратъ; они не могли насладиться, такъ сказать, красотою оныхъ; изъясняли, кто какъ разумѣлъ, эмблематическое содержаніе картинъ.

Таковыя веселія при дворѣ и въ народѣ происходили до 21 числа декабря, до котораго его величество отложилъ торжество побѣдное. А сего числа, по предварительно данному приказу, въ 8 часовъ поутру поставлены и приготовлены были всѣ къ шествію въ прежнемъ порядкѣ, и коль скоро монархъ съ полкомъ гвардіи своей прибылъ, то началось оное. Во все продолженіе шествія безпрерывный происходилъ громъ пушечный съ валовъ крѣпостныхъ и съ разставленной во многихъ мѣстахъ артиллеріи; громъ сей въ то-же время увеличивалъ звонъ колокольный по всей Москвѣ и радостный крикъ безчисленнаго народа: «да здравствуетъ государь; да здравствуетъ отецъ нашъ!» и проч.

Всѣ хозяева съ своими семействами, въ лучшихъ одѣяніяхъ, на возвышенныхъ нѣсколько мѣстахъ у домовъ своихъ, стояли при столахъ, наполненныхъ различными яствами и питьемъ, какъ бы желая ими угостить возлюбленнаго своего государя и его сподвижниковъ, и оставлена свобода каждому вкушать съ оныхъ, кто что̀ пожелаетъ. Всѣ домы улицъ тѣхъ, коими шествіе происходило, всевозможно были украшены.

Казалось, что самая натура соотвѣтствовала всеобщей радости народа умягченіемъ стужи, пріятностію и благорастворенiемъ воздуха, какой только быть можетъ въ сіе время года.

У Тріумфальныхъ вратъ срѣтаемъ былъ монархъ начальствующими въ томъ сословіи, которыхъ иждивеніемъ воздвигнуты оныя, съ хлѣбомъ и солью, на большихъ серебряныхъ блюдахъ подносимыми, и привѣтствованъ отъ первенствующихъ того сословія особъ похвальными рѣчьми, на сей случай сочиненными. При окончаніи же оныхъ являлись въ бѣлыхъ одеждахъ юноши съ вѣнками на главахъ и ваіями въ рукахъ, которые, идя въ срѣтеніе государю, пѣли приличныя торжеству пѣсни и полагали предъ его величествомъ вѣнки и вѣтки свои; оканчивалось же все сіе съ хоръ воротъ огромною инструментальною, а у нѣкіихъ и вокальною совокупно музыкою. Монархъ для выслушанія краткихъ тѣхъ рѣчей и пѣсней останавливался у каждыхъ, и благодарилъ уклоненіемъ шпаги своея.

При вратахъ, отъ духовенства воздвигнутыхъ, срѣтили великаго торжественника, въ наилучшихъ облаченіяхъ съѣхавшіеся для торжества сего изъ всѣхъ почти епархій архіереи, съ святыми крестами, чудотворными иконами и мощами святыхъ. Монархъ, за нѣсколько саженъ не доѣзжая до нихъ, сошелъ съ коня своего, и первенствующій митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій привѣтствовалъ его краткою поздравительною рѣчью. При окончаніи же оной спустившіеся на искусно сдѣланныхъ облакахъ со сводовъ вратъ, нѣсколько отроковъ, одѣтыхъ въ бѣлое платье, въ видѣ ангеловъ крылатыхъ, воспѣли пѣснь духовную, приличную торжеству. Великій государь, приложася къ святынѣ, носимой руками архіереевъ, и принявъ отъ нихъ благословеніе, въ предшествіи хора патріаршихъ пѣвчихъ, за ликомъ святительскимъ послѣдовалъ пѣшій въ храмъ Успенскій. Великій торжественникъ, восписывающій всѣ свои побѣды и успѣхи Божіей единственно помощи, предъ вратами храма сего, при зрѣніи безчисленнаго множества народа, возведъ очи свои на образъ Богоматери, надъ вратами онаго изображенный, по-

вергся предъ нимъ и съ умиленіемъ души приносилъ благодарственное признаніе, что ея заступленіемъ и предстательствомъ къ Сыну ея и Богу возмогъ онъ надъ врагами своими, надъ врагами отечества своего и православія. Сію молитву содѣлали внятною и слышною всѣмъ, окружавшимъ и слѣдовавшимъ за нимъ, утихшіе предъ самымъ тѣмъ громы пушечные и колокольные. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе имѣло надъ сердцами народа толико смиренное и благоговѣйное чувствованіе благодарности къ Побѣдодавцу возлюбленнаго своего государя, не ослѣпляющагося побѣдами и тріумфами своими. Ручьи слезъ радостныхъ, вдругъ потекшихъ изъ очей каждаго, были слабымъ еще сего чувствованія народнаго доказательствомъ. Толико-же благоговѣйное признаніе Господу силъ изъявилъ великій государь и въ храмѣ во время молебствія, отправлявшагося всѣми архіереями и множествомъ знатнаго духовенства; во время же онаго, по прочтеніи Евангелія, при пѣніи «Тебе Бога хвалимъ» и при возглашеніи многолѣтія при колокольномъ звонѣ, отъ поставленныхъ кругомъ собора полковъ учинены три залпа, и съ послѣднимъ начавшаяся паки пушечная пальба и колокольный по всей Москвѣ звонъ продолжались еще съ четверть часа, то есть до самой ночи.

Во время происходившаго въ соборномъ храмѣ молебствія, поелику было уже поздно, великій государь, окончаніе торжества сего отложа до другого дня, повелѣлъ плѣнныхъ шведовъ и трофеи развести по казармамъ, нарочно предъ тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ города выстроеннымъ, а генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, тѣмъ же порядкомъ на Царицынъ лугъ, разставить по домамъ граждан, близъ онаго живущихъ, и всѣхъ ихъ накормить. Вслѣдствіе сего повелѣнія, сіи послѣдніе и поведены на помянутый лугъ; они увидѣли на ономъ великолѣпный, вновь выстроенный дворецъ, на верху котораго блисталъ златый гербъ государственный, и предъ онымъ стоящій на плацъ-парадѣ въ ружьѣ полкъ пѣхотный. Видѣли повсюду множество веселящагося народу, равно какъ и въ продолженіе всего ихъ чрезъ цѣлый день Москвою шествія; видѣли украшеніе города; великолѣпіе Тріумфальныхъ вратъ; ликъ первосвященниковъ, богатое ихъ облаченіе, а паче шапки; повсюду представлявшееся имъ обиліе, любовь къ государю народную и проч., и не могли довольно всему тому надивиться, и тогда то паче еще уразумѣли они о могуществѣ державы россійскія.

Между же тѣмъ великій государь изъ собора со всѣми знатными послѣдовалъ въ кремлевскій свой дворецъ, пригласилъ всѣхъ ихъ къ столу своему, и по окончаніи онаго, пожелавъ всѣмъ доброй ночи, имѣлъ нужду успокоиться отъ трудовъ того дня и въ началѣ 9 часа легъ опочивать.

Вся Москва освѣтилась тогда безчисленнымъ множествомъ различныхъ радостныхъ огней. Такъ окончался достопамятный сей день.

22 числа монархъ, вставши въ пятомъ часу по полуночи, занялся распоряженіемъ дня сего; въ 10 часу всѣ плѣнные прежнимъ же порядкомъ приведены были на помянутый Царицынъ лугъ и поставлены предъ дворцомъ.

Между тѣмъ, какъ записано сіе у Крекшина, фельдмаршалы, Шереметевъ и Меншиковъ, и гвардіи полковникъ Петръ Алексѣевичъ прибыли туда же и, войдя предъ аудіенцъ-залу, велѣли доложить о себѣ его кесарскому величеству, и потомъ были введены предъ сего кесаря, который сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ подъ богатымъ балдахиномъ въ царскихъ креслахъ, окруженный знатнѣйшими придворными. Введенные учинили ему три поклона—первый предъ входомъ, второй по срединѣ залы, третій подойдя къ трону, и фельдмаршалъ Шереметевъ, подступя ближе къ нему, говорилъ:

— «Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ, одержалъ я полную побѣду надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII, разбилъ его армію,

плѣнилъ перваго королевскаго министра графа Пипера, тайнаго королевскаго секретаря Цидергельма и всю канцелярію; генерала фельдмаршала Рейншильда, генералъ-маіоровъ: Розена, Штакельберга, Гамильтона и Маріенфельда, штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и прочихъ нижнихъ чиновъ 2.876, и побилъ непріятелей до двадцати тысячъ».

Потомъ фельдмаршалъ, князь Меншиковъ, равно-же подступя, говорилъ:

— «Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ, взялъ въ плѣнъ ушедшихъ съ Полтавскаго сраженія подъ Переволочну генерала и рижскаго генералъ-губернатора графа Левенгаупта, генералъ-маіоровъ Круза и Крейца, королевскаго камергера и другихъ двора его служителей; штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 16.275 человѣкъ, не включая въ сіе число статскихъ чиновъ, служителей и женъ».

Наконецъ, полковникъ гвардіи Петръ Алексѣевичъ, также подступя къ трону, говорилъ:

— «Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ, въ прошломъ 1708 году сентября 28 имѣлъ я жестокое сраженіе подъ Лѣснымъ съ генераломъ Левенгауптомъ, одержалъ полную побѣду надъ арміею его, состоявшею болѣе нежели въ шестнадцати тысячахъ природныхъ и опытныхъ шведовъ, меньшимъ числомъ войска, и изъ всей сей шведской арміи малое только спаслось число, прочіе-же всѣ побиты и плѣнены со всѣмъ ихъ обозомъ и артиллеріею, а при Полтавской баталіи сражался я съ полкомъ моимъ лично, бывъ въ великомъ огнѣ; и нынѣ плѣнные генералы съ ихъ фельдмаршаломъ и войска шведскаго 22,085 человѣкъ приведены въ Москву, и полкъ мой состоитъ въ добромъ здоровьѣ».

По окончаніи каждаго рѣчи, сіи три особы поднесли ему рапорты, которые кесарь, принимая, отдавалъ канцлеру, графу Головкину, похвалялъ службы господъ фельдмаршаловъ, особенно-же полковника гвардіи, и всего войска вѣрность и мужество.

Въ 2 часа по полудни, по указу его, подполковникомъ гвардіи, княземъ Долгоруковымъ, введены были предъ него, кесаря, плѣнные генералы и знатные офицеры.

Можно себѣ представить, въ какое изумленіе должны они приведены быть, когда увидѣли на тронѣ подъ богатымъ балдахиномъ съ пышностію царскою сѣдящаго въ креслахъ, не царя, побѣдителя своего, но неизвѣстную имъ особу, предъ которою предстояли: сей побѣдитель ихъ, фельдмаршалы и множество генераловъ, министровъ и первѣйшихъ придворныхъ особъ.

Замѣшанное симъ зрѣлищемъ воображеніе ихъ приняло его за истиннаго царя, и въ семъ бывъ мнѣніи, пали они предъ нимъ на колѣни и, учиня земное поклоненіе, ожидали въ страхѣ опредѣленія отъ него жребія своего; но не успѣли еще они встать, какъ новое, столь же неожидаемое представленіе поразило ихъ: одна изъ стѣнъ камеры той вдругъ сдѣлалась невидима и открыла смятенному взору ихъ превеликую залу, поддерживаемую многими колоннами, и великолѣпно многими же столами съ кушаньемъ убранную, а у задней стѣны волшебной, какъ имъ казалось, залы сей, подъ балдахиномъ же на возвышенномъ мѣстѣ— особый, о пяти приборахъ; но были они тогда же нѣсколько успокоены, когда мнимый сей царь, поднявшись, пригласилъ все многочисленное собраніе, а въ числѣ онаго и ихъ, къ столу, за которымъ со всѣми и они послѣдовали. Кесарь, за показаннымъ подъ балдахиномъ столомъ сѣвши, указалъ за онымъ же сѣсть Петру Алексѣевичу, двумъ фельдмаршаламъ и канцлеру, графу Головкину.

Всѣ же прочіе, которыхъ число было не менѣе тысячи персонъ, сѣли за большими столами по чинамъ; шведскіе генералы посажены между генералами

россійскими, недалеко отъ трона; и какъ было сіе уже въ три часа по полудни, то зала вся великолѣпно освѣтилась огнями. Столъ сей, при звукѣ трубъ и музыки инструментальной и вокальной, продолжался до 6 часовъ вечера.

Въ продолженіе стола кесарь пилъ здоровье царскаго величества, царицы, новорожденной ихъ дщери и всей ихъ высокой фамиліи, потомъ—господъ фельдмаршаловъ, генераловъ, министровъ, побѣдоноснаго оружія, присутствующихъ, и особенно графа Пипера, фельдмаршала Рейншильда и прочихъ ихъ генераловъ и офицеровъ. При питіи семъ производилась непрерывная почти изъ поставленныхъ близко дворца сего пушекъ пальба. Наконецъ всѣ присутствовавшіе за столами, привставши, благодарили и за здравіе его кесарскаго величества пили.

Когда сіе пиршество происходило, въ то же время пировалъ и весь народъ, для котораго предъ дворцомъ множество выставлено было бочекъ и бадей съ разными питьями, а для закусокъ рыба, икра, калачи и хлѣбы.

Все сіе веселіе продолжалось до полуночи; въ послѣдніе три часа сгорѣли одинъ за другимъ три большіе фейерверка, представлявшіе сраженія подъ Лѣснымъ и Полтавою, и Переволочное происшествіе, съ безчисленнымъ множествомъ разновидныхъ увеселительныхъ огней, шлаговъ, ракетъ и проч. А между тѣмъ вся Москва отъ множества возженныхъ у каждаго дома различныхъ же огней представлялася свѣтящеюся.

Наконецъ, великій государь повелѣлъ генераламъ и министрамъ своимъ каждому взять на свои руки шведскаго генерала, съ которыми они въ каретахъ и поѣхали, а всѣ прочіе плѣнные офицеры провожены въ ихъ квартиры.

23-го числа, по предварительной повѣсткѣ, приглашено было къ обѣду въ тотъ же домъ все знатное духовенство и всѣ, гостившіе въ ономъ наканунѣ, не исключая и Шведовъ.

Монархъ и всѣ прочіе съѣхались въ оный въ 1 часу пополудни, а кесарь прибылъ во 2 часу; ему отъ стоящаго на плацъ-парадѣ полку отдана была честь ружьемъ съ преклоненіемъ знаменъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкою; предъ крыльцомъ встрѣченъ былъ онъ всѣмъ генералитетомъ; по вшествіи сѣлъ онъ паки въ тѣ-же кресла подъ балдахиномъ и жаловалъ изъ своихъ рукъ всѣхъ водкою.

Столъ столь же былъ великолѣпенъ и все угощеніе, какъ и наканунѣ; народъ, который былъ безчисленъ, накормленъ и употчиванъ также. Въ казармы плѣнныхъ шведовъ отпущено множество разныхъ снѣдей и немалое число бочекъ вина, пива и меду.

Въ 10 часовъ вечера начались паки огненныя потѣхи и продолжались при громѣ пушечномъ болѣе трехъ часовъ; вся Москва также была освѣщена, и веселье продолжалось до 4 часа за полночь.

Но мы кончимъ великое сіе торжество повѣствованіемъ самовидца, т. е. барона Гизена, гофмейстера царевича Алексѣя Петровича. Въ сіи торжественные дни,—говоритъ онъ,—всѣ впадшіе въ разныя преступленія и имѣющіе какія-либо нужды, допущены были съ прошеніями къ его величеству, и монархъ, съ милостивою благосклонностію принимая оныя, выслушивалъ при ономъ и изустныя каждаго объясненія и, ступая по слѣдамъ,—продолжаетъ онъ,—славныхъ тріумфаторовъ, обогатилъ во время такъ благополучное тріумфальнаго своего входу тѣхъ, которые о какихъ дѣлахъ его просили.

Всѣхъ же тѣхъ, которые чѣмъ-либо себя отличили въ гражданской службѣ; всѣхъ, которые оказали тебя въ сей службѣ ревностными, и всѣхъ, имѣвшихъ доброе и неблазное поведеніе, правосудный мздовоздатель повысилъ чинами, опредѣлилъ къ важнѣйшимъ должностямъ и наградилъ, по мѣрѣ достоинствъ и

службъ, однихъ деньгами, другихъ деревнями. Все сіе заключаетъ Гизенъ такъ: Слышали тогда изъ устъ его слова, что онъ хощетъ своихъ подданныхъ вести съ таковою-же справедливостію и тишиною, какъ-бы онъ самъ хотѣлъ трактованъ быть, ежели бъ по опредѣленію Всевышняго родился онъ подданнымъ.

Въ день праздника Рождества Христова великій государь, по отслушаніи въ Успенскомъ соборѣ св. литургіи, угостилъ во дворцѣ своемъ все знатное духовенство, министровъ, генераловъ, статскихъ чиновниковъ и судей, а также и генераловъ плѣнныхъ; ввечеру зажженъ былъ предъ онымъ фейерверкъ со множествомъ разновидныхъ увеселительныхъ огней и проч. Для народа выставлены были печеныя мяса и другія снѣди со множествомъ хлѣбовъ, и многія бадьи вина, пива и меду.

Въ продолженіе святокъ при обыкновенныхъ славленіяхъ съ соборомъ, какъ называлось, монархъ имѣлъ столы обѣденные и вечерніе у князь-папы (Ивана Ивановича Бутурлина), у графа Шереметева, у князя Меншикова, у адмирала Апраксина, у полковника гвардіи князя Голицына, у подполковника князя Долгорукаго и у канцлера, графа Головкина, при чемъ каждаго домы были освѣщены различными картинами и огнями, а у послѣдняго сверхъ того возженъ былъ большой фейерверкъ со множествомъ же увеселительныхъ огней.

Всѣ они во время пиршествъ своихъ, также какъ и монархъ, выставляли такое-же угощеніе и народу. Повсюду слышались радостные крики веселящагося народа: «да здравствуетъ государь! да здравствуетъ отецъ нашъ на многія лѣта!»

XXXII. Карлъ XII, какъ полководецъ.

*(По статьѣ проф. В. Герье „Послѣдній варягъ“ *).*

Рѣдко, кажется, встрѣчалась личность, представлявшая такую рѣзкую противоположность вѣку и господствовавшимъ понятіямъ,—личность, одновременно вмѣщавшая въ себѣ столько свойствъ, доходившихъ просто до смѣшного, и столько доблестей, близкихъ къ геройству,—такая личность, какъ Карлъ XII. Оттого, естественно, всякое историческое направленіе, какъ только заходитъ рѣчь о Карлѣ, легко впадаетъ въ крайность: историкъ-реалистъ, ищущій прежде всего правды, можетъ незамѣтно увлечься реалистической аффектаціей, а историкъ-художникъ—возможностью идеализаціи. Корень этой противоположности, конечно, заключается въ прирожденныхъ свойствахъ характера Карла XII—въ его необыкновенной силѣ воли и твердости, которыя сопровождались не меньшимъ самолюбіемъ.

Эти черты характера Карла XII наблюдаются въ немъ съ самаго дѣтства. Уже у ребенка обнаруживалась желѣзная воля, проявляясь чаще всего въ видѣ упрямства. Однажды няня, уходя, посадила его на кресло и взяла обѣщаніе не вставать съ мѣста до ея возвращенія; между тѣмъ въ комнату вошла королева, чтобы взять съ собою сына въ церковь; но она не могла уговорить ребенка, который заявилъ, что онъ *долженъ*

---

*) „Древняя и Новая Россія“, т. II, 1876 г.

сдержать слово. Въ другой разъ маленькій Карлъ объявилъ, что синій цвѣтъ, въ сущности, черный, и его нельзя было убѣдить отказаться отъ этихъ словъ. Также рано обнаруживалось и самолюбіе: ребенокъ, напр., согласился начать учиться по-латыни лишь тогда, когда ему сказали, что и короли Польши и Даніи говорятъ на этомъ языкѣ; еще примѣръ: изучая французкій языкъ, онъ никакъ не соглашался говорить на немъ, и когда мальчику замѣтили, что говорить ему придется съ французскимъ посломъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, онъ не безъ находчивости возразилъ на это:—„Если пріѣдетъ сюда французскій посолъ, то приличнѣе ему ради меня научиться по-шведски, чѣмъ мнѣ ради него учиться по-французски". Первоначальное воспитаніе Карла, за которымъ съ большимъ и даже активнымъ участіемъ слѣдила его мать и которымъ спеціально занимался избранный ею замѣчательный ученый того времени, не должно-бы было, повидимому, содѣйствовать развитію указанныхъ свойствъ; но, къ сожалѣнію, оно осталось недоконченнымъ: десяти лѣтъ Карлъ потерялъ мать, а годъ спустя, умеръ и избранный ею воспитатель. Отецъ, страстно любившій охоту, часто бралъ сына съ собою и нарушалъ этимъ правильность его занятій. Но хуже всего то, что и отецъ вскорѣ умеръ, и Карлъ пятнадцати лѣтъ былъ предоставленъ самому себѣ. Умирая, Карлъ XI назначилъ регентство подъ предсѣдательствомъ своей матери, но не опредѣлилъ года совершеннолѣтія своего сына. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, началась агитація въ пользу объявленія короля-отрока совершеннолѣтнимъ. Объ этомъ хлопотали любимцы, желавшіе подслужиться, сенаторы, не попавшіе въ регентство, члены аристократіи, ненавидѣвшіе регентовъ, офицеры, жаждавшіе повышенія, народныя массы, изъ привязанности къ королю. И вотъ на сеймѣ, созванномъ въ 1697 г., пятнадцатилѣтній Карлъ былъ признанъ неограниченнымъ государемъ страны и полнымъ господиномъ надъ самимъ собою,—самодержавіе было вручено мальчику, которому еще доставляло удовольствіе ломать, вмѣстѣ со сверстниками, стулья и канделябры во дворцѣ, стрѣлять въ мраморныя статуи въ залахъ. Тутъ ужъ къ развитію отваги въ его характерѣ предоставился полный просторъ. Онъ и раньше, еще ребенкомъ, зачитывался сказаніями о сѣверной старинѣ и старался, по возможности, вести образъ жизни, соотвѣтствовавшій его идеаламъ и призванію: будучи 4 лѣтъ, онъ, верхомъ на маленькой лошадкѣ, присутствовалъ на маневрахъ войска, 12 лѣтъ съ восторгомъ писалъ о наслажденіи скакать на королевскихъ коняхъ, 7-ми лѣтъ застрѣлилъ первую лисицу, а 11-ти съ изумительнымъ хладнокровіемъ убилъ перваго медвѣдя, и съ этихъ поръ охота на медвѣдя стала его любимою забавою. Во время пребыванія въ Стокгольмѣ герцога голштинскаго молодечество Карла часто напоминало дикія времена: въ комнаты приводились телята и овцы, и Карлъ вмѣстѣ съ герцогомъ упражнялись въ томъ, что сбивали имъ головы однимъ ударомъ сабли и бросали эти головы на улицу сквозь стекла оконъ. По постепенно преобладающей страстью Карла сдѣлались военныя упражненія. Шестнадцати лѣтъ онъ приказалъ построить крѣпость съ разнородными бастіонами, чтобы наглядно ознакомиться съ различными методами укрѣпленія; съ увлеченіемъ слушалъ онъ уроки фортификаціи и тактики; впослѣдствіи-же онъ считалъ нужнымъ пріучить себя къ лишеніямъ

лагерной жизни, — такъ, на 17-мъ году онъ провелъ три декабрскія ночи въ сѣнномъ сараѣ. Но скоро ему привелось перейти отъ военныхъ упражненій къ настоящимъ военнымъ дѣйствіямъ.

Политическая теорія Карла и его взглядъ на войну представляются нечѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ давно минувшей старины: для Карла война была не борьбою народовъ или государствъ, а исключительно борьбою государя съ государемъ, благороднымъ турниромъ на жизнь и на смерть, гдѣ государи представляли рыцарей, а народъ—пылкихъ коней, на которыхъ всадники несутся на встрѣчу смерти или славѣ. Въ этомъ можно видѣть основной взглядъ Карла, которымъ объясняется и вся его политика, и цѣль его войнъ, и способъ ихъ веденія, и его отношеніе къ миру: Карлъ не искалъ въ войнѣ никакихъ выгодъ для своего народа—ни политическихъ, ни территоріальныхъ; за то миръ былъ для него невозможенъ, пока противникъ не былъ выбитъ изъ сѣдла; Карлъ могъ заключить миръ только съ развѣнчаннымъ королемъ, а достигнувъ этого условія, становился великодушнымъ къ побѣжденному: онъ не снималъ, подобно корыстнымъ римскимъ вождямъ, сполій со своего врага, но, сломивъ его, довольствовался доставшеюся ему славой и доказанною на Божьемъ судѣ своею правотою.

Первоначальный успѣхъ на поприщѣ полководца укрѣпилъ Карла въ этой теоріи. Принявъ подъ свою защиту родственника своего, герцога голштейнъ-готторпскаго, противъ котораго въ 1699 г. начала войну Данія, юный король, послѣ того какъ союзныя державы весною слѣдующаго года вмѣшались въ это дѣло и король польскій Августъ вторгнулся въ Лифляндію, собралъ въ Стокгольмѣ сенаторовъ и заявилъ имъ: „Я рѣшился никогда не начинать неправой войны, справедливую-же оканчивать только покореніемъ моего врага“. Въ первый же свой походъ восемнадцатилѣтній полководецъ удивилъ свѣтъ и смѣлою высадкой въ Зеландіи, и личною неустрашимостью и, наконецъ быстрымъ, безкорыстнымъ заключеніемъ Травендальскаго мира, по которому въ пользу Швеціи не было выговорено ничего. Возвратившись изъ Даніи въ началѣ осени, онъ 1 октября вновь отплылъ съ флотомъ и съ 8000 отрядомъ войска отъ береговъ Швеціи, а спустя мѣсяца полтора одержалъ побѣду надъ русскими при Нарвѣ. Освободивъ свои владѣнія отъ русскихъ, Карлъ XII обратился противъ третьяго своего противника—Августа. Какъ ни склоняли его къ примиренію съ Августомъ, онъ переправилъ свои полки черезъ Двину подъ Ригой и разбилъ тамъ саксонское войско; когда-же Августъ рѣшился самъ просить мира, Карлъ, твердо рѣшившійся свергнуть его съ польскаго престола въ наказаніе за его участіе въ коалиціи, вступилъ со своею арміей въ польскія владѣнія.

Таковы были первые военные подвиги Карла XII. Сопровождались они такими внѣшними признаками, которые далеко не придавали имъ характера обыкновенной войны: и личность, и поведеніе шведскаго короля, и обстановка, которою онъ себя окружилъ, напоминали совсѣмъ другія времена. При взглядѣ на шведскій лагерь, насъ поражаетъ прежде всего то, что король окруженъ дружиною. Хотя въ шведской арміи того времени уже была гвардія, но около короля находился особенный, избранный отрядъ, который по-русски нельзя назвать иначе, какъ „дружиною“. Состоя первоначально изъ 150 человѣкъ, онъ былъ

составленъ изъ самыхъ ловкихъ и храбрыхъ офицеровъ арміи; Карлъ XII лично считался вождемъ дружины, а замѣнялъ его Арвидъ Горнъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Назначеніе этой отборной молодежи заключалось въ томъ, чтобы всюду слѣдовать за королемъ, который чувствовалъ къ ея охранѣ неограниченное довѣріе: „когда при мнѣ находится хоть 9 человѣкъ моей дружины,—сказалъ онъ однажды, — никакая сила не помѣщаетъ мнѣ проникнуть туда, куда я хочу". Невозможно было-бы перечислить блестящихъ подвиговъ этой дружины. Особенно отличалась она въ Клишовской битвѣ. Но, какъ было въ старинной дружинѣ, такъ и теперь, молва любила заниматься подвигами отдѣльныхъ дружинниковъ; напр., до сихъ поръ сохранились разсказы о Гинтерсфельтѣ—какъ онъ поднялъ пушку и сдѣлалъ ею „на плечо", какъ пронзилъ своимъ длиннымъ мечомъ непріятеля, какъ однажды, подъѣхавъ подъ своды городскихъ воротъ, онъ схватился большимъ пальцемъ за вдѣланный въ сводахъ крюкъ и такимъ образомъ приподнялъ себя вмѣстѣ съ лошадью. Участь этой дружины отражаетъ на себѣ судьбу ея вождя: передъ Полтавской битвой дружинниковъ было еще около 100, подъ Бендерами 24, а въ 1718 г. остались немногіе, которымъ привелось проводить въ могилу своего любимаго короля. Помимо дружины, около конунга находился одинъ неразлучный съ нимъ спутникъ, особенно любимый въ качествѣ младшаго брата и товарища. Это былъ молодой Максимиліанъ, герцогъ виртембергскій, котораго солдаты просто называли „маленькимъ принцемъ". О довѣріи и надеждахъ, которыя питалъ Карлъ XII къ своей дружинѣ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ: еще въ 1701 г., когда шведская армія стояла на зимнихъ квартирахъ на границѣ Курляндіи, Карлъ, при малѣйшемъ поводѣ отдавая свою жизнь на произволъ случая, задумалъ вторгнуться съ партіей въ 2000 человѣкъ въ Литву, гдѣ находились значительныя силы подъ командой Огинскаго; не обращая вниманія ни на какіе совѣты и предостереженія, Карлъ углубился верстъ на 300 въ невѣдомую страну, совершенно отрѣзанный отъ своей арміи и окруженный легкими отрядами Огинскаго; дойдя до Ковна, онъ оставилъ тамъ свой отрядъ, а самъ только съ 50 дружинниками проскакалъ огромное пространство, отдѣлявшее его отъ арміи, гдѣ,—въ безпокойствѣ о королѣ,—послали уже разъискивать его. Вообще, когда во время опасностей, съ которыми Карлъ такъ охотно становился лицомъ къ лицу, приближенные предостерегали его, онъ отвѣчалъ имъ: „Я надѣюсь, что Господь меня охранитъ; впрочемъ, будь что будетъ, никому я не дамся живой". Еще больше неустрашимости выказалъ онъ въ 1706 г., когда изъ-подъ Пинска пробрался въ Литву, къ шведскому полковнику Крейцу, вдвоемъ съ „маленькимъ принцемъ", а оттуда точно также вернулся въ свой лагерь. Изъ всего этого ясно, насколько у Карла XII была сильно развита, совершенно помимо любви къ войнѣ, склонность къ личнымъ опаснымъ похожденіямъ—къ жизни витязя. Это еще болѣе подтверждается особенной чертой—страстью къ рукопашной схваткѣ, къ участію въ битвѣ въ качествѣ воина, — страстью, которая обнаружилась въ немъ, правда, не рано: въ первый разъ проявилась она въ 1707 г., когда подъ Гродномъ Карлъ XII, не смотря на перевѣсъ непріятельскихъ силъ, подлетѣвъ во главѣ авангарда къ мосту черезъ Нѣманъ, бросился впередъ, соб-

ственной рукой зарубилъ одного офицера и прикололъ другого; съ этой минуты мечъ Карла не разъ обагрялся кровью и въ Украйнѣ, и въ Бендерахъ, и еще въ Норвегіи. Въ 1708 г. Карлъ, шедшій съ небольшимъ взводомъ, встрѣтился съ русскою кавалеріей и вскорѣ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; взводъ былъ почти весь изрубленъ, и король избѣгнулъ подобной-же участи или плѣна лишь благодаря густому дыму да простой одеждѣ; въ суматохѣ онъ присталъ къ русскимъ, пока не наткнулся на другой взводъ своей кавалеріи, который онъ тотчасъ опять повелъ противъ непріятеля; вскорѣ и эта горсть людей погибла; подъ королемъ была убита лошадь, и онъ долженъ былъ отбиваться пѣшій; рядомъ съ нимъ былъ убитъ одинъ адъютантъ, другой упалъ съ лошади раненый; король вскочилъ на нее и продолжалъ бой; насчитывали, что отъ руки Карла въ этой схваткѣ пали двѣнадцать непріятелей. Когда послѣ такой-же схватки въ Бендерахъ зашла однажды рѣчь о томъ, что король убилъ девять человѣкъ, онъ спокойно возразилъ, что всегда нужно вѣрить только на половину тому, что говорятъ люди.

Совершенно согласенъ съ такими богатырскими наклонностями былъ образъ жизни Карла XII. Король въ походахъ своихъ никогда не останавливался въ городахъ; главная квартира его всегда находилась въ уединенныхъ зàмкахъ и деревняхъ,—даже когда это приходилось по сосѣдству съ большимъ городомъ, въ которомъ и онъ, и его войско могли-бы найти и удобства и лучшія въ гигіеническомъ отношеніи условія. Но и тутъ онъ по возможности помѣщался не подъ кровлей, а въ палаткѣ; даже на зимнихъ квартирахъ жилъ въ ней до конца ноября, иногда согрѣваясь приносимыми въ нее раскаленными ядрами или же, чаще всего, верховой ѣздой, въ которой проводилъ по нѣсколько часовъ. Въ первое время онъ спалъ на походной кровати съ матрацомъ, но потомъ замѣнилъ ее сѣномъ или соломой, а въ послѣдніе годы часто ложился прямо на полъ или на землю; въ Норвегіи онъ приказывалъ насыпать на полъ еловыхъ шишекъ, закутывался въ плащъ, на голову надѣвалъ старую шляпу и, изобравъ себѣ въ товарищи двухъ-трехъ солдатъ, ложился съ ними на эту постель. При такихъ привычкахъ Карлъ XII, конечно, не могъ и одѣваться чисто. Нерѣдко его не узнавали даже тамъ, гдѣ ждали его пріѣзда: однажды крестьянка пожаловалась на его продѣлки одному изъ офицеровъ его свиты, котораго она приняла за короля. Такой простотѣ нравовъ соотвѣтствовалъ и столъ Карла: король былъ чрезвычайно умѣренъ въ пищѣ; еще въ Швеціи любимой пищей его были: хлѣбъ съ масломъ, поджареное сало и брага (легкое пиво); вина онъ никогда не пилъ, послѣ того какъ въ юности подъ его вліяніемъ дозволилъ себѣ неучтивость и долженъ былъ выслушать справедливый упрекъ своей бабки. Сервизъ его сначала былъ серебряный, потомъ—цинковый, наконецъ—жестяной. Присутствія женщинъ въ шведскомъ лагерѣ король не терпѣлъ и, смотря на офицеровъ своихъ, какъ на военное братство, очень неохотно давалъ имъ разрѣшеніе жениться. Весьма характерны его собственныя слова объ этомъ въ одномъ изъ его писемъ изъ Саксоніи: „сестра моя пишетъ мнѣ, что до нея дошли слухи о моей предстоящей женитьбѣ; но я долженъ сознаться, что я женатъ на своей арміи на добро и на лихо, на жизнь и на смерть“. „Любовь,— говаривалъ онъ,—испортила не мало великихъ героевъ“. Въ этихъ сло-

вахъ надо искать главную разгадку его собственнаго страннаго отношенія къ женщинамъ: въ ранней юности онъ не избѣгалъ женскаго общества—охотно танцовалъ на балахъ и участвовалъ въ различныхъ играхъ; вслѣдствіе непривычки, онъ былъ очень робокъ и неуклюже-вѣжливъ передъ женщинами; на многочисленныя предложенія вступить въ бракъ, которыя дѣлались иногда съ большою назойливостью, Карлъ постоянно отвѣчалъ отсрочками—сначала до тридцатилѣтняго, а потомъ до сорокалѣтняго возраста. Въ послѣдніе годы про него говорили, что онъ имѣлъ въ виду жениться на какой-нибудь шведкѣ, и ему приписывали слѣдующія слова: „Если Господь пошлетъ намъ миръ, я женюсь, но не изъ политическихъ соображеній, а на такой дѣвушкѣ, которая мнѣ будетъ нравиться".

Кромѣ указанныхъ чертъ, мы находимъ у Карла XII еще одну, весьма существенную для вождя викинговъ: это—щедрость. Раздавать солдатамъ и офицерамъ, отличившимся въ сраженіяхъ, золото горстями—было его страстью: нерѣдко онъ давалъ каждому солдату по 10 червонцевъ, начальники же получали соразмѣрные подарки: однажды Стенбокъ (не считая его доли въ добычѣ) получилъ отъ короля 21000 талеровъ. Храбрые враги не менѣе возбуждали щедрость Карла: когда одинъ изъ храбрыхъ отрядовъ былъ взятъ въ плѣнъ, король подарилъ вождю осѣдланнаго коня, поручику 50 червонцевъ, а каждому солдату по червонцу. Принужденный искать спасенія въ Турціи, гдѣ маленькій лагерь Карла представлялъ, по собственному сознанію шведовъ, видъ цыганскаго табора, король однако подарилъ обоимъ посланцамъ крымскаго хана и сераксира по 1000 червонцевъ. По возвращеніи въ Швецію, онъ постоянно носилъ при себѣ до 400 червонцевъ и незамѣтно клалъ деньги въ руку тому или другому, запрещая всякія изъявленія благодарности. Щедрость эта сопровождалась поистинѣ богатырскимъ пренебреженіемъ къ деньгамъ и даже къ отчетности. Карлъ не только самъ никогда не разсчитывалъ, но и въ другихъ не любилъ разсчетливости: въ Бендерахъ любимцемъ Карла сдѣлался баронъ Гроттузенъ, отличавшійся такою же расточительностью; однажды ему пришлось дать королю отчетъ въ 60000 талеровъ, истраченныхъ изъ королевской кассы; отчетъ былъ очень кратокъ: „10000 талеровъ выдано шведамъ и янычарамъ по приказанію вашего величества, остальное истрачено на собственныя нужды". Карлъ, улыбаясь, замѣтилъ: „Вотъ это я люблю, чтобы мои друзья такимъ образомъ представляли свои отчеты! Если Мюллерну приходится дать отчетъ въ нѣсколькихъ тысячахъ талеровъ, онъ заставляетъ меня прочитывать цѣлые листы. По мнѣ уже лучше лаконическій разсчетъ Гроттузена". Когда одинъ пожилой офицеръ неодобрительно отозвался о томъ, что король даетъ Гроттузену распоряжаться такими крупными суммами, Карлъ возразилъ: „Я даю деньги только тѣмъ, кто умѣетъ ими пользоваться". Кто-же страдалъ отъ этой щедрости короля? Разумѣется, его страна: небольшая и небогатая сама по себѣ, она была обременена непомѣрными поборами, которые, составляясь изъ трудовыхъ грошей шведскихъ крестьянъ, изъ недоплаченнаго жалованья чиновниковъ, изъ налога на доходы пасторовъ и помѣщиковъ, шли на покрытіе огромныхъ военныхъ издержекъ и на награды, расточавшіяся королемъ направо и налѣво. Но Карлъ нисколько не вникалъ въ это и, не зная цѣны деньгамъ, былъ неумолимъ при ихъ взысканіи съ народа

и съ государства. Такимъ образомъ, та неразсчетливость и та экспансивность, съ которыми онъ, очертя голову, относился къ самому себѣ, къ своей личной безопасности, къ будущности и даже къ собственной жизни, проглядываютъ и въ его отношеніяхъ къ народнымъ и государственнымъ интересамъ—къ народному хозяйству и благосостоянію и находящейся въ неизмѣнной зависимости отъ нихъ будущности всего народа и государства.

Подобное же противорѣчіе въ образѣ дѣйствій Карла XII замѣтно и въ его отношеніяхъ къ населенію тѣхъ странъ, гдѣ ему приходилось воевать. Въ началѣ войско его (какъ и при прежнихъ шведскихъ короляхъ) представляло собою образецъ дисциплины и гуманности: король строго наказывалъ солдатъ за мародерство и грабежъ. Однажды—это было въ Саксоніи—Карлу пришлось при подобной попыткѣ выслушать назидательное нравоученіе. Онъ засталъ солдата, отнявшаго у крестьянина индѣйскаго пѣтуха; солдатъ на допросъ короля отвѣчалъ: „Но я взялъ у этого крестьянина только пѣтуха, а вы отняли у его государя корону". Карлъ такъ смутился, что не собрался съ духомъ, чтобы приговорить солдата къ наказанію. Но какъ можно было противодѣйствовать грабежу отдѣльныхъ солдатъ, когда все шведское войско нерѣдко жило только поборами съ занятой страны? Когда весною 1702 г. Стенбокъ съ отрядомъ въ 2,500 человѣкъ былъ отправленъ на Волынь и въ Червонную Русь, чтобы собрать денегъ и припасовъ и заставить тамошнюю шляхту отказаться отъ Августа, онъ въ 8 недѣль набралъ 60,000 талеровъ деньгами, на 30,000 т. драгоцѣнныхъ вещей, 15,000 арш. синяго сукна, безчисленное количество рубашекъ, башмаковъ, носковъ и пр. А въ это время Карлъ писалъ ему: „Всѣхъ поляковъ, которые вамъ попадутся, вы должны принудить волею или неволею принять нашу сторону, или-же такъ раззорить ихъ, чтобы они еще долго помнили *козла* (каламбуръ съ именемъ генерала). Вы должны напрягать крайнія усилія, чтобы какъ можно больше выбрать, вытащить и сгрести". „Жители которые сколько нибудь находятся въ подозрѣніи, что оказались намъ невѣрными,—писалъ Карлъ Реншелу, — должны быть повѣшены тотчасъ, хотя-бы улики были и неполны, для того, чтобы всѣ убѣдились со страхомъ и ужасомъ, что мы не щадимъ даже ребенка въ колыбели, если насъ затрогиваютъ. Что касается до насъ, то намъ нечего сообщить, кромѣ того, что мы стараемся изо всѣхъ силъ и также раззоряемъ и выжигаемъ всякое мѣстечко. Недавно я такимъ образомъ сжегъ цѣлый городъ и повѣсилъ бургомистра".

Такія противорѣчія въ образѣ дѣйствій Карла XII, предавшаго мучительной смерти Паткуля и одновременно воспрещеніемъ пытки предупредившаго филантропію вѣка Беккаріи, объясняются тѣмъ, что Карлъ, не будучи по натурѣ ни безчеловѣчнымъ, ни жестокимъ, напротивъ, будучи склоннымъ къ великодушію, способенъ былъ къ ужасной жестокости тамъ, гдѣ онъ считалъ себя въ правѣ что-нибудь требовать, или тамъ, гдѣ онъ видѣлъ нарушеніе долга: по его мнѣнію, подданные *обязаны* были платить подати, необходимыя на выполненіе цѣлей государя, поляки *должны* были отказаться отъ Августа, полки *обязаны* отдавать всю жизнь свою войнѣ и грудью идти навстрѣчу смерти. Вотъ почему онъ безъ состраданія смотрѣлъ на то, какъ его солдаты голодали, замерзали, истекали кровью и умирали сотнями, даже тыся-

чами, а умирая, говорили, что у нихъ только три лекарства: водка, чеснокъ и смерть... Съ какою невозмутимостью относился Карлъ XII ко всѣмъ этимъ ужасамъ, свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто изъ его писемъ къ сестрѣ: „Здѣсь въ арміи все идетъ очень хорошо, хотя солдатамъ приходится переносить трудности, всегда сопряженныя съ близостью непріятеля“. Хладнокровіе Карла можно еще объяснить его желаніемъ ободрить солдатъ и скрыть отъ нихъ настоящее положеніе дѣла. Но равнодушіе его къ страданіямъ людей обнаруживается гораздо рѣзче въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда онъ безъ всякой нужды, просто изъ одной воинской удали, подвергалъ своихъ воиновъ тяжелымъ лишеніямъ и опасностямъ; тотчасъ послѣ нарвской побѣды проявилась у него страсть къ экспедиціямъ и предпріятіямъ, которыя приходилось совершать при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и приняла уже совершенно характеръ пустой забавы въ любимой привычкѣ короля подъѣзжать съ своими офицерами подъ самые выстрѣлы непріятеля. И опять-таки мы находимъ въ Карлѣ противорѣчіе этой равнодушной игрѣ чужою жизнью въ той трогательной нѣжности и заботливости, какая иногда прорывалась у короля въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ: такъ, напр., онъ съ удивительною деликатностью относился къ дежурному пажу, если тотъ уже спалъ, когда король возвращался ночью въ свою палатку,—бережливо покрывалъ юношу собственнымъ своимъ плащомъ, а самъ тихо раздѣвался, чтобъ не разбудить его. Эта черта указываетъ, что въ пренебреженіи къ чужой жизни Карломъ руководилъ не холодный, спокойный разсчетъ, а, напротивъ, тотъ боевой жаръ, который его самого доводилъ до изступленія, до самозабвенія, а также и его основной взглядъ на лишенія и пренебреженіе къ жизни, какъ на поэзію военнаго быта. Онъ былъ такимъ же фанатикомъ аскетизма въ своемъ военномъ быту, какихъ мы встрѣчаемъ и въ другихъ областяхъ. Его нравственный типъ принадлежитъ совершенно иной эпохѣ, чѣмъ та, въ которой онъ жилъ. Будучи самъ полонъ жизненной свѣжести, отваги и дерзости, Карлъ XII хотѣлъ видѣть таковыми же и своихъ воиновъ, и даже предполагалъ ихъ таковыми. И дѣйствительно, въ этомъ онъ ошибался только относительно очень немногихъ вождей, знавшихъ настоящее положеніе дѣла и считавшихъ образъ дѣйствій короля неполитичнымъ. Но на массу солдатъ непосредственно дѣйствовала внушительная и увлекательная личность Карла XII: солдаты имѣли на глазахъ примѣръ самого короля, ежедневно подвергавшаго себя наравнѣ съ ними тѣмъ же лишеніямъ и опасностямъ,—они видѣли, какъ онъ постоянно приносилъ самого себя въ жертву. Этотъ духъ составлялъ силу Карла XII: его личный, живой примѣръ служилъ для солдатъ знаменемъ и замѣнялъ имъ всякій воинскій уставъ. Вотъ почему въ рядахъ солдатъ до украинскаго похода почти не слышалось ропота, а въ памяти народной и до сихъ поръ сохранился образъ не честолюбца, а пылкаго, самоотверженнаго героя и друга солдатъ.

Всѣ указанныя выше черты характера и образа дѣйствій Карла XII совершенно выдѣляютъ его изъ среды другихъ, современныхъ ему полководцевъ и государственныхъ дѣятелей, такъ какъ во многомъ напоминаютъ конунга викинговъ, а войны, которыя онъ велъ, болѣе походятъ на набѣги древнихъ скандинавовъ, чѣмъ на походы герцоговъ

Мальборо и Евгенія Савойскаго. Особенно поразительную въ этомъ отношеніи картину представляетъ пятилѣтняя война въ Польшѣ, имѣвшая характеръ блестящей охоты по лѣсамъ и степямъ древней Сарматіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о быстрыхъ передвиженіяхъ Карла XII въ Польшѣ, отъ одного ея конца къ другому. Изъ Курляндіи онъ въ январѣ 1702 г. ведетъ свои войска въ Жмудь, но уже въ мартѣ направляется къ Гродну; по случаю распутицы, не дойдя туда, измѣняетъ путь въ апрѣлѣ къ Варшавѣ и 14-го мая уже вступаетъ въ нее; отсюда онъ спѣшитъ къ югу, на встрѣчу Августу, и у Клишова одерживаетъ надъ нимъ 9 побѣдъ; 31-го іюля беретъ Краковъ. Только болѣзнь (когда онъ сломалъ себѣ ногу) заставила его расположиться на зимнихъ квартирахъ около Сандомира. Но раннею весною онъ уже вновь въ Варшавѣ, откуда спѣшитъ на Августа, въ Пултускъ, 21-го апрѣля обращаетъ въ бѣгство его войско, а въ маѣ осаждаетъ Торнъ, гдѣ нашли себѣ убѣжище остатки этого войска, и черезъ полгода беретъ городъ. Какъ-только Августъ успѣлъ оправиться и собрать 23,000 армію на защиту польскаго престола отъ поставленнаго шведами новаго короля, Станислава Лещинскаго, Карлъ былъ уже подъ стѣнами Львова и съ небольшимъ отрядомъ драгунъ взялъ его приступомъ, въ которомъ участвовалъ лично; но, получивъ извѣстіе о томъ, что Августу удалось занять Варшаву, откуда долженъ былъ бѣжать король Станиславъ Лещинскій, Карлъ далъ отдохнуть своему войску только двѣ недѣли и затѣмъ снова повелъ его на Варшаву; съ изумительною, необыкновенною даже для Карла, быстротою нагналъ онъ у силезской границы саксонское войско, которое, послѣ жаркой рукопашной схватки съ его отрядомъ, успѣло перебраться за границу и удалиться только благодаря наступившей ночи. Такимъ образомъ, Варшава все-таки освободилась отъ Августа, и Лещинскій остался въ ней. 1705 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ коронаціи Станислава, и Карлъ не продолжалъ войны. Но съ наступленіемъ зимы онъ снова пустился въ погоню за Августомъ. 15-го января онъ подошелъ къ Нѣману и здѣсь остановился; но вскорѣ соединенное польское и саксонское войско, подкрѣпленное 20,000 русскимъ корпусомъ подъ командой Огильви, разбрелось: Августъ возвратился въ Польшу, Огильви въ Россію, по направленію къ Кіеву. Тогда Карлъ, вмѣсто того, чтобы идти на сѣверъ и защищать свои владѣнія отъ занявшихъ ихъ русскихъ войскъ, или-же преслѣдовать главную цѣль своей войны, Августа, съ совершенно непонятною цѣлью направился къ югу, въ Полѣсье, и достигъ Пинска. Убѣдившись въ невозможности продолжать походъ въ восточномъ направленіи, онъ далъ съ мѣсяцъ отдохнуть войску и затѣмъ повелъ его въ Волынь, откуда, спустя еще мѣсяцъ, опять-таки съ неизвѣстною и необъяснимою цѣлью направился черезъ Польшу въ Саксонію. Въ это время былъ подписанъ мирный договоръ, по которому Августъ отрекался отъ польскаго престола и признавалъ королемъ польскимъ Станислава. Значитъ, цѣль Карла XII была достигнута. Такова въ краткой передачѣ картина блестящихъ подвиговъ его въ Польшѣ.

А въ это время почти каждый подвигъ Карла въ Польшѣ сопровождался, какъ извѣстно, новымъ успѣхомъ русскихъ въ прибалтійской области: пока потомокъ варяговъ вдали отъ родины беззаботно гонялся

за славой, не считая враговъ, преемникъ варяга, основавшаго обширное царство на пути «въ Греки», навсегда загородилъ древній варяжскій путь, заложивъ новую столицу въ самомъ устьѣ этого пути. И (что всего характернѣе) Карлъ хорошо зналъ о каждомъ шагѣ царя въ шведскихъ владѣніяхъ. Напрасно говорили ему, что основаніе Петербурга имѣетъ для Швеціи гораздо большее значеніе, чѣмъ вопросъ о томъ, кому сидѣть на польскомъ престолѣ, — онъ только посмѣивался. А Петръ тѣмъ временемъ обстраивалъ столицу и „учреждалъ" войско, „пока шведъ увязъ въ Польшѣ".

Положеніе Швеціи, доведенной налогами и войнами до полнаго раззоренія, до страшнаго бѣдствія, не разъ заставляло членовъ государственнаго совѣта обращаться откровенно къ королю съ просьбами заключить миръ съ Августомъ, что особенно усиливалось еще необходимостью оказать противодѣйствіе русскому завоевателю, о которомъ Карлу писали въ 1704 г.: «Этотъ нашъ опаснѣйшій врагъ можетъ быть обузданъ только собственнымъ оружіемъ вашего величества„. Но Карлъ не торопился: онъ смотрѣлъ на Петра, какъ на противника слабаго, и самоувѣренно заявилъ Лещинскому:—"Необходимо, чтобы я отправился и его смѣстить съ престола„. А предъ походомъ въ Россію, онъ, какъ передаютъ, спросилъ его:—„Я надѣюсь, что принцъ Собѣсскій намъ всегда останется преданъ. Не полагаете-ли вы, ваше величество, что онъ могъ-бы быть отличнымъ царемъ Россіи?" Но не тѣмъ кончился его походъ. Военные пріемы конунга оказались слабыми предъ пріемами полководца. Карлъ умѣлъ добывать побѣду оружіемъ, но не умѣлъ обезпечить ее за собою иными средствами, что и обнаружилось ясно въ походѣ, который окончился Полтавскимъ пораженіемъ, такъ какъ тутъ впервые смѣлости и храбрости оказалось недостаточно. Прежде всего, отсутствіе стратегіи высказалось въ томъ, что Карлъ вмѣсто того, чтобы выбирать тотъ путь, который могъ-бы повести къ побѣдѣ, сочинилъ себѣ особыя правила и хотѣлъ, чтобы побѣда доставалась ему сообразно съ ними. Таково было его главное правило, исключавшее собою всякое отступленіе; даже во время маневровъ и ученія войскъ было запрещено давать сигналы къ отступленію. Карлъ XII зналъ одинъ только лозунгъ: «впередъ, ребята, съ Божьею помощью!» Вслѣдствіе своей нетерпѣливости, онъ не былъ въ состояніи дожидаться подкрѣпленій. Одной изъ главныхъ причинъ неудачъ его въ 1708 г. было то, что онъ повернулъ въ Украйну, не дождавшись пятью днями прихода Левенгаупта, и этимъ предалъ гибели корпусъ послѣдняго, а самъ остался безъ подкрѣпленія, провіанта и аммуниціи. Въ походъ онъ выступилъ позднею осенью и притомъ безъ всякаго опредѣленнаго плана, въ чемъ и самъ онъ откровенно сознался Гилленкруку, сказавъ: *«у меня нѣтъ никакого плана»*. Но и въ этомъ походѣ, при всѣхъ неудачахъ, повергавшихъ его нерѣдко и въ мрачную задумчивость, онъ остался вѣренъ своему рыцарскому нраву и находилъ развлеченіе въ рукопашномъ бою (при нападеніи на Гродну, гдѣ находился царь Петръ). Настала весна. Шведское войско таяло, какъ снѣгъ на украинской степи. Въ строю было не много болѣе 18,000 человѣкъ, не считая казаковъ и польской легкой конницы; при нихъ осталось только 34 пушки; порохъ подмокъ зимою и почти утратилъ силу; воздухъ былъ зараженъ оттаивавшими на весеннемъ солнцѣ трупами, разбросанными по степи, при-

пасы достигли страшной дороговизны, солдаты требовали хлѣба или смерти. А Карлъ, между тѣмъ, писалъ Станиславу: „Я и армія находимся въ хорошемъ положеніи. Непріятель былъ разбитъ во всѣхъ происходившихъ битвахъ и обращенъ въ бѣгство“. Онъ не думалъ спасать войско отъ отчаяннаго положенія—онъ рѣшился стоять и ждать. Ждать чего? — Турецкій султанъ прислалъ сказать, что онъ мира нарушать не хочетъ и хану не позволитъ; гонецъ, отправленный въ Польшу, чтобы призвать послѣдній шведскій отрядъ, оставленный на охраненіе Станислава и шведскихъ владѣній въ Германіи, вернулся съ извѣстіемъ, что генералъ Красовъ стоитъ на самомъ сѣверѣ Польши, поссорился съ королемъ и помощи во время дать не хочетъ. Карлу наконецъ надоѣло ждать, и онъ рѣшился осадить крѣпость Полтаву. Генералы его были въ смущеніи. Они давно уже отрезвились отъ своего викингства. Даже старый Реншелъ не безъ ироніи замѣчалъ:—„Король хочетъ, пока не придутъ поляки, доставить себѣ забаву“. Когда Гилленкрукъ попытался представить королю всю безполезность и опасность осады, Карлъ настойчиво возразилъ: „Да, намъ слѣдуетъ совершить именно то, что необычайно: тогда мы пожнемъ славу и честь“. Во время этой осады король былъ раненъ. Изъ существующихъ объ этомъ обстоятельствѣ разсказовъ особенно интересенъ слѣдующій.

Король разъѣзжалъ по берегу подъ непріятельскими пулями. Только-что онъ повернулъ лошадь, чтобъ возвратиться, какъ его настигла пуля, вошла въ пятку лѣвой ноги и застряла между пальцами. Никто, кромѣ него, не замѣтилъ этого, но онъ не проронилъ ни слова. Наконецъ, одинъ изъ сопровождавшихъ его обратилъ вниманіе на то, что съ сапога Карла капала кровь. Лицо короля было блѣдно, и хоть онъ съ трудомъ держался на сѣдлѣ, однако не слѣзъ съ лошади и продолжалъ ѣзду. Изъ лагеря навстрѣчу ему выѣхалъ Левенгауптъ и ужаснулся случившемуся, но король спокойно отвѣтилъ: — „Рана только въ ногѣ; пуля еще въ ней, но я велю вырѣзать ее на славу“. И онъ заѣхалъ еще въ траншею, чтобы отдать приказанія. Между тѣмъ прошло около часа; рана успѣла такъ воспалиться, что надо было срѣзать сапогъ, причиняя сильную боль раненому; кость оказалась раздробленной. Но Карлъ не дозволилъ, чтобъ его поддерживали во время операціи, безъ чужой помощи протягивалъ ногу и, не спуская глазъ съ ножа, ободрялъ хирурга: — „Рѣжьте, рѣжьте живѣе, — ничего!“ Когда потомъ рана поросла дикимъ мясомъ, хирургъ не захотѣлъ приниматься опять за ножъ и предпочелъ прижигать больное мѣсто ляписомъ; тогда Карлъ, взявъ изъ его рукъ инструментъ, самъ вырѣзалъ изъ раны, что было нужно. Во время этого скучнаго досуга король часто заставлялъ своего слугу, Гультмана, разсказывать ему саги о сѣверныхъ богатыряхъ и сказки изъ рыцарскаго быта.

Съ болѣзнью Карла сразу оказалось, что шведская армія, и безъ того уже ослабшая, лишена души, и скандинавскіе воины съ изумленіемъ убѣдились, что побѣжденные ими при Нарвѣ переросли ихъ силой и военнымъ искусствомъ. Полтавская битва была крестинами новаго государства, окончательнымъ, безповоротнымъ торжествомъ надъ стариной. Какъ тяжелый сонъ, должны были показаться Карлу роковые часы, когда, въ дыму и подъ грохотомъ битвы, онъ былъ сверженъ съ высоты своего долгаго и непрерывнаго торжества и скипетръ сѣвера

перешелъ въ руки его соперника... Пушечное ядро разбило носилки; носильщики были поребиты: короля посадили на лошадь; рана на ногѣ вскрылась, и окровавленнаго, изумленнаго Карла XII увлекли назадъ въ шведскій лагерь. Пока ему перевязывали рану, онъ узналъ объ участи своихъ товарищей — принца, Реншеля и др. — „Въ плѣну, въ плѣну у русскихъ! — воскликнулъ онъ, — тогда лучше умереть между турками. Впередъ!“ И вечеромъ того-же дня остатки побѣдоноснаго нѣкогда войска двинулись изъ лагеря по безконечной степи въ безвѣстную даль. Но Карлъ и его воины испили тогда чашу бѣдствій еще не до дна. Подъ его знаменами шло въ то же время еще 14000 человѣкъ, не считая запорожцевъ и кавалеріи Понятовскаго. Только на Днѣпрѣ, у Переволочны, сказались всѣ матеріальныя и нравственныя послѣдствія Полтавскаго пораженія: войско не было способно къ сопротивленію и сдалось безъ боя русскому авангарду. Карла съ трудомъ уговорили разстаться съ нимъ и переправиться черезъ Днѣпръ. Коляску его поставили на двѣ связанныя лодки, и въ полночь воды Днѣпра понесли послѣдняго варяжскаго конунга съ его дружиной. По дорогѣ, на р. Бугѣ, Карлъ потерялъ двѣ трети оставшихся у него воиновъ и прибылъ въ Бендеры съ 500 человѣкъ.

Но, не смотря на всѣ эти несчастія, бодрость и какая-то странная самоувѣренность не покидали его. Такъ, онъ писалъ сестрѣ своей: „Все шло хорошо. Только въ концѣ и благодаря странной случайности, произошло несчастіе: армія потерпѣла уронъ, который, я надѣюсь, скоро будетъ исправленъ“. И ничто не могло сломить въ немъ этой бодрости, этого поистинѣ рыцарскаго духа: даже послѣ пятилѣтняго пребыванія Карла XII въ Турціи, — гдѣ, какъ извѣсто, жизнь его текла такъ, что ничто не способствовало подъему его духу, — мы встрѣчаемъ неутомимаго витязя при его возвращеніи на родину сначала скачущимъ верхомъ съ однимъ провожатымъ по Трансильваніи, Венгріи, Австріи, и пр.; затѣмъ видимъ его выдерживающимъ осаду съ обычнымъ геройствомъ и лично участвующимъ, въ одеждѣ простого солдата, во всѣхъ кровавыхъ схваткахъ у Стральзунда, — и изумляемся несокрушимости и неизмѣнному присутствію его духа. Здѣсь, въ Стральзундѣ, случилось, что бомба съ трескомъ упала на домъ, гдѣ секретарь Карла писалъ подъ его диктовку; отъ испуга онъ выронилъ перо. — „Что случилось? — спросилъ Карлъ, — отчего вы не продолжаете писать?“ — „Ахъ, ваше величество, — замѣтилъ секретарь, — бомба“. — „Какое-же отношеніе имѣетъ бомба къ письму? — возразилъ Карлъ, — пишите дальше“, — и продолжалъ диктовать. Когда ему пришлось оставить осажденный Стральзундъ, по шлюпкамъ его началась пальба; но онъ все-таки уцѣлѣлъ, съ трудомъ выбрался сквозь ледъ въ открытое море, пересѣлъ на встрѣтившійся ему случайно старый, плохой корабль и, когда корабль въ дождливую ночь бросилъ якорь у шведскаго берега, Карлъ XII, какъ бѣдный викингъ, выброшенный бурею, долженъ былъ укрыться отъ проливного дождя подъ скалой и дождаться утренняго свѣта. Подобно многимъ викингамъ, исполнившимъ своею славою отдаленныя строны, Карлу пришлось окончить свою жизнь въ менѣе громкой борьбѣ съ соплеменниками, среди родныхъ скалъ и лѣсовъ. И эта борьба, конечно, была богата проявленіями личной отваги и равнодушія къ смерти. 30 ноября 1718 г. онъ стоялъ подъ непрі-

ятельскими пулями въ траншеѣ подъ Фредериксгалломъ, слѣдя за осадной работой солдатъ; чтобы лучше видѣть, онъ взобрался на брустверъ и облокотился на него; луна освѣтила голову короля; внизу, въ траншеѣ, находилось нѣсколько офицеровъ, напрасно убѣждавшихъ Карла сойти съ опаснаго мѣста. Вдругъ раздался слабый, странный звукъ... Голова короля поникла, лѣвая рука спустилась и упала на рукоятку меча. На долю Карла XII выпало то, чего онъ желалъ вмѣстѣ съ столькими героями, его предками на поприщѣ воинской чести: онъ умеръ отъ непріятельской пули, пробившей лѣвый глазъ и вышедшей изъ праваго...

Замѣчательная, въ высшей степени оригинальная личность! Экспансивность, экстазъ, вдохновеніе—вотъ главные руководители всей военной дѣятельности Карла XII. Вездѣ, съ самой юности своей, онъ встрѣчалъ около себя родственныя натуры: на медвѣжьей охотѣ и въ головорѣзныхъ забавахъ, и въ пылу битвъ, и въ веселыхъ бесѣдахъ походной палатки,—ту-же беззавѣтную отвагу, ту-же свейскую „фурію" въ рукопашномъ бою, съ той-же страстью къ приключеніямъ и съ тѣмъ-же эпическимъ хвастовствомъ. Самымъ цѣльнымъ типомъ новаго викинга былъ самъ Карлъ XII. Вслѣдствіе того, что его натура до мелочей носила въ себѣ психическія и нравственныя черты истаго викингства, ему и пришлось стать въ такой разладъ съ вѣкомъ, который возбуждалъ и во многихъ современникахъ, и во многихъ позднѣйшихъ историкахъ чувство презрительной антипатіи и комизма,—чувство, вызывавшее о королѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ только тщеславномъ. Но Карлъ былъ по натурѣ именно тѣмъ, чѣмъ казался: онъ представлялъ своей натурой исторически сложившійся національный типъ, только съ особенно рѣзкими очертаніями. Трагизмъ его заключается еще и въ томъ, что онъ былъ *послѣднимъ* викингомъ, что представлялъ собою *вымиравшій* историческій типъ, сходившій съ великой исторической сцены. Сходилъ этотъ типъ со сцены потому, что на родинѣ исчезла необходимая для него почва, а *главное*—потому, что онъ былъ побѣжденъ мощною силой, послужившей ему надгробнымъ камнемъ. Этой силой была Россія, благодаря ея геніальному преобразователю, побѣдителю Карла XII. Съ ея преобразованіемъ восточная Европа стала устраиваться и исчезъ въ ней просторъ для викингства: Петръ былъ для Россіи тѣмъ солнечнымъ героемъ древнихъ миѳологій, который строитъ города, вноситъ культуру и предъ мощнымъ духомъ котораго первобытныя, до историческія силы отступаютъ во мракъ.

XXXIII. Прутскій походъ.

(Изъ „Публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ", Соловьева.)

Полтавская побѣда вводила въ систему европейскихъ государствъ новое могущественное государство, и для Европы рождался вопросъ первой важности, какое мѣсто займетъ это новое государство, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться къ другимъ государствамъ, какимъ началамъ слѣдовать въ своей политикѣ, чѣмъ руководствоваться

въ дружбѣ и враждѣ. Одновременно съ великою сѣверною войною на сѣверо-востокѣ, въ западной Европѣ шла великая война за наслѣдство испанскаго престола, собственно направленная противъ властолюбивыхъ стремленій Франціи, ея короля ЛюдовикаXIV. Петръ очень хорошо понималъ выгоду этой западной войны для себя, ибо она не давала возможности важнѣйшимъ державамъ Европы вмѣшиваться въ сѣверную войну, мѣшать Россіи въ ея дѣлѣ, ибо онъ не могъ разсчитывать на сочувствіе этихъ державъ къ себѣ, особенно на сочувствіе Франціи; онъ прямо говорилъ, что надобно спѣшить окончаніемъ сѣверной войны прежде окончанія западной. Но Полтавская побѣда, сокрушеніе силъ Швеціи, жалкое бѣгство въ Турцію Карла XII, считавшагося до сихъ поръ непобѣдимымъ, все это было такъ многозначительно, такъ громко, что не могло не взволновать Европы, не смотря на то, что она еще была занята войною за Испанію.

Прежде всего, разумѣется, дѣло коснулось Турціи, единственнаго сосѣдняго государства, которое могло помѣшать Россіи въ ея торжествахъ, отвлечь ея силы. Карлъ XII послѣ Полтавы бѣжалъ въ ея предѣлы и употреблялъ всѣ старанія поднять Порту противъ Россіи, представляя, что если дать Петру время пользоваться несчастіемъ Швеціи, то отъ этого потерпитъ прежде всего Турція, которая поэтому обязана помочь Швеціи, дать ей поправиться, дать ей возможность сдерживать властолюбивые замыслы Россіи. Подобныя же внушенія и настаиванія приходили въ Константинополь и отъ другой европейской державы, которая была всегда въ союзѣ съ Портою,—отъ Франціи. Франція издавна стремилась играть первенствующую роль въ Европѣ и особенно была близка къ достиженію своей цѣли во второй половинѣ XVII вѣка, при Людовикѣ XIV. Но сильный союзъ другихъ державъ, образовавшійся по поводу вопроса объ испанскомъ наслѣдствѣ, остановилъ эти стремленія французскаго короля. Тѣмъ болѣе теперь, при неудачѣ дѣла, Франція должна была заботливо слѣдить за европейскими отношеніями, обратить особенное вниманіе на новую силу, явившуюся на континентѣ: что это сила, будетъ ли дружественна Франціи или умножитъ число враговъ ея, будетъ помѣхою ея стремленіямъ? Франція должна была рѣшить этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ.

Россія—естественный врагъ Турціи; башкирецъ, который хочетъ взбунтовать своихъ противъ Россіи, поднимаетъ знамя магометанства и отправляется въ Константинополь, гдѣ владычествуетъ естественный покровитель магометанъ; но во владѣніяхъ этого покровителя магометанства много христіанъ, которые давно уже ждутъ избавленія отъ единовѣрной и единоплеменной Россіи, видятъ въ ея царѣ естественнаго покровителя восточныхъ христіанъ. Россіи, сила которой такъ явственно высказалась подъ Полтавою, легко будетъ одолѣть Турцію и тѣмъ нанести страшный ущербъ французскимъ интересамъ на Востокѣ, не говоря уже о томъ, что Турція издавна союзница Франціи, что Турція необходима для Франціи, какъ средство для отвлеченія силъ Австріи. По одинаково враждебнымъ отношеніямъ къ Турціи, Россія должна быть естественною союзницею Австріи,—слѣдовательно, должна быть враждебна Франціи; сильная Россія естественно должна имѣть преобладающее вліяніе въ Польшѣ, не допускать здѣсь французскаго вліянія, и такимъ образомъ и съ этой стороны будетъ охранять ав-

стрійскіе интересы. Сокрушеніе шведскаго могущества подъ Полтавою и появленіе Россіи въ видѣ первенствующей на сѣверѣ державы было тяжелымъ ударомъ для Франціи; этотъ ударъ прибавился къ пораженіямъ войны за испанское наслѣдство. Дать Карлу XII средства оправиться и сдержать Россію посредствомъ вмѣшательства Турціи было необходимо для Франціи. Вслѣдствіе Полтавы и новаго могущества Россіи, восточный вопросъ принимаетъ новый видъ: Турція для собственной безопасности должна поддержать Швецію и не допустить Россію утвердить свое вліяніе въ Польшѣ. Изъ трехъ сосѣднихъ Россіи государствъ,—Швеціи, Польши и Турціи,—дѣлается цѣпь, которою западно-европейская политика будетъ съ тѣхъ поръ стараться сдерживать Россію, и Франція теперь при этомъ играетъ главную роль, начертываетъ программу дѣйствія противъ Россіи. Напуганная Турція объявила воину Россіи: съ крайнимъ огорченіемъ Петръ долженъ былъ отказаться отъ надежды скоро окончить шведскую войну, долженъ былъ остановить свои дѣйствія на сѣверѣ и перенести оружіе на югъ, тратить время и силы на войну, въ его глазахъ, теперь безцѣльную. Полтавскій побѣдитель долженъ былъ испытать немедленно же слѣдствія своего торжества, своего новаго значенія, — слѣдствія того движенія европейскихъ интересовъ, какое было возбуждено Полтавою; долженъ былъ ввести народъ свой въ борьбу, которою надобно было оплатить цивилизацію, взятую у Европы, участіе въ общей жизни Европы. Петру принадлежитъ починъ въ этой борьбѣ; его въ началѣ борьбы ждала жестокая неудача; но мы знаемъ, что неудача есть проба генія, знаемъ, какъ великій человѣкъ умѣлъ выдерживать неудачи, оставить примѣръ, которому долженъ подражать народъ, если хочетъ быть достойнымъ своего вождя, если хочетъ быть великимъ народомъ.

25-го февраля 1711 года въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, въ въ присутствіи царя объявлено было народу о войнѣ съ турками. Мы уже говорили, какъ не нравилась Петру эта война; онъ находился въ мрачномъ расположеніи духа, печальныя предчувствія томили его; сюда присоединилась еще болѣзнь, застигшая его на дорогѣ, въ Луцкѣ. Въ одномъ письмѣ его отъ этого времени находимъ слова: „Намъ предстоитъ безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь". Въ другомъ—читаемъ: „Что удобнѣе гдѣ, то чините, ибо мнѣ, такъ отдаленному и почитай въ отчаяніи сущему, къ тому жъ отъ болѣзни чуть ожилъ, невозможно разсуждать". Положеніе было крайне затруднительное; не говоря уже о томъ, что царь отвлеченъ отъ сѣверной войны, которую спѣшилъ кончить выгоднымъ миромъ до окончанія западной войны за испанское наслѣдство, вести двѣ войны на сѣверѣ и югѣ съ такими небольшими средствами, какими тогда могла располагать Россія, и въ то время, когда народъ жаждалъ облегченія и отдыха, къ чему полтавская побѣда подавала такую большую надежду,—вести при такихъ условіяхъ двѣ войны было очень тяжко. Петръ не могъ сосредоточить большого войска на югѣ, надежда на помощь союзника, короля польскаго Августа, была плохая; одна надежда на успѣхъ состояла въ поднятіи христіанскаго народонаселенія Турціи; сербскій полковникъ Милорадовичъ отправленъ былъ поднимать черногорцевъ и другихъ славянъ и писалъ объ успѣшномъ ходѣ дѣла; молдавскій господарь Кантемиръ поддавался Россіи. Но чтобы получить помощь отъ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, чтобы предупредить турокъ, нужно было

спѣшить вступленіемъ во владѣнія Порты; отъ турецкихъ христіанъ получались безпрестанныя просьбы, чтобы царь шелъ какъ можно скорѣе; господари молдавскій и валахскій писали, что какъ скоро русскія войска вступятъ въ ихъ земли, то они сейчасъ же съ ними соединятся, а это поднимаетъ сербовъ и болгаръ. Петръ послалъ Шереметева къ Дунаю—нельзя ли предупредить турокъ и раззорить мостъ. Но турки предупредили, перешли Дунай. Предстоялъ вопросъ—двигаться ли царю съ главнымъ войскомъ впередъ, или оставаться? На военномъ совѣтѣ было рѣшено идти впередъ, и Петръ пошелъ, тѣмъ болѣе, что Молдавія уже объявила себя за русскихъ, и остановиться значило отдать ее въ беззащитную жертву туркамъ. Слѣдствіемъ была встрѣча съ турками у Прута (9-го іюля): у турокъ было 200,000 войска, у русскихъ только около 40,000. Несмотря на то, напавшій непріятель былъ отбитъ съ жестокимъ урономъ. Но все же положеніе русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного, помощи ни откуда. Визирю предложены были мирныя условія и богатые подарки. Визирь принялъ предложеніе, потому что самъ находился въ затруднительномъ положеніи: янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ русскихъ, потерявши 7,000 своихъ, отказались возобновить нападеніе и кричали, чтобы визирь скорѣе заключилъ миръ; кромѣ того, получено было извѣстіе, что отправленный прежде царемъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Ренне, взялъ Браиловъ. Главныя условія мира были: отдача туркамъ Азова. раззореніе Таганрога и другихъ новопостроенныхъ съ русской стороны городовъ; невмѣшательство царя въ польскія дѣла. Русское войско, незнавшее, что дѣлалось въ турецкомъ лагерѣ, изумленное снисходительностью мирныхъ условій, съ великою радостью выступило изъ западни къ своимъ границамъ. Но съ какимъ чувствомъ велъ его царь? Онъ въ письмахъ къ своимъ утѣшалъ ихъ, что хотя миръ заключенъ и съ большою потерею, но зато все же война кончилась на югѣ и это дастъ возможность усиленно продолжать войну на сѣверѣ и скоро кончить ее выгоднымъ миромъ: но при этомъ онъ проводилъ безсонныя ночи, тѣмъ болѣе, что долго не могъ быть увѣренъ, состоится ли миръ съ турками. ибо Карлъ XII, крымскій ханъ, Франція, измѣнившіе Россіи казаки побуждали султана не мириться, особенно потому, что пунктъ о невмѣшательствѣ Россіи въ польскія дѣла подавалъ поводъ къ сильнымъ спорамъ: Петръ не могъ разорвать союза съ польскимъ королемъ Августомъ, не могъ не проводить своихъ войскъ черезъ польскія владѣнія. Турецкіе министры прямо говорили англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобы царь не вступался въ дѣла Польши, не вводилъ въ нее своихъ войскъ, ибо если дать ему въ томъ волю, то онъ легко сокрушитъ Швецію, и потомъ не только можетъ отобрать Азовъ, но черезъ Польшу опять вступить внутрь турецкихъ владѣній. Петръ не хотѣлъ возобновленія войны съ Турціею, хотя въ письмахъ къ своимъ признавался, что плакалъ, помышляя о необходимости отказаться отъ береговъ Азовскаго моря, что какъ бы не своею рукою писалъ указъ объ отдачѣ Азова и срытіи Таганрога. „Но разсудить надлежитъ,—писалъ онъ,—что съ двумя непріятелями такими не весьма ль отчаянно войну весть и упустить сію шведскую войну, которой конецъ уже близокъ является; сохрани, Боже, ежелибъ въ обѣихъ

войнахъ пребывая, дождались французскаго мира (т. е. окончанія войны за испанское наслѣдство), тобъ вездѣ потеряли; правда, зѣло скорбно, но лучше изъ двухъ золъ легчайшее выбрать". Наконецъ, миръ съ турками былъ заключенъ въ 1713 году. Война, оконченная этимъ миромъ, имѣетъ то значеніе въ исторіи, что въ ней восточный вопросъ впервые сталъ славянскимъ вопросомъ: Петръ спѣшилъ къ Дунаю, чтобы помочь христіанскому народонаселенію Турціи и взаимно получить отъ него помощь. Черногорцы поднялись, но по отдаленности мѣста ихъ дѣйствій, не могли, разумѣется, оказать помощи русскому войску. Извѣстіе о заключеніи мира при Прутѣ прекратило черногорскую войну. Терпя постоянно большой недостатокъ въ деньгахъ, при громадныхъ издержкахъ, Петръ велѣлъ выдать Милорадовичу 500 червонныхъ для раздачи его сподвижникамъ. Въ 1715 году пріѣхалъ въ Россію черногорскій владыка Даніилъ и получилъ 10,000 рублей, полное архіерейское облаченіе, книги; начальные черногорцы получили 160 медалей на 1,000 червонныхъ. Въ царской граматѣ говорилось, что эти награды не по достоинству, не по заслугамъ, но больше дать нельзя, потому что война съ еретикомъ, королемъ шведскимъ, поглощаетъ всѣ доходы. Съ этихъ поръ начинается пріемъ славянъ и другихъ христіанъ восточнаго исповѣданія въ русскую службу. Такъ вступилъ въ русскую службу Милорадовичъ и сдѣлалъ былъ гадяцкимъ полковникомъ въ Малороссіи; кромѣ него вступили въ русскую службу другіе сербскіе, молдавскіе и валахскіе офицеры и рядовые, турецкіе и австрійскіе подданные. Ихъ размѣстили въ Кіевской и Азовской губерніяхъ, полковникамъ дано по мѣстечку или по знатному селу, прочимъ офицерамъ по нѣсколько дворовъ; на хозяйственное обзаведеніе даны деньги и хлѣбъ; имъ дано право перезывать къ себѣ еще людей изъ своихъ народовъ и обѣщаны другія земли. Петръ такъ сознавалъ важность связи своего народа съ народами соплеменными, что счелъ своею обязанностью дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ, какъ говорится. Сербскій архіепископъ Моисей Петровичъ пріѣхалъ въ Россію и привезъ отъ своего народа просьбу, въ которой сербы, величая Петра новымъ Птоломеемъ, умоляли прислать двоихъ учителей, латинскаго и славянскаго языковъ, также книгъ церковныхъ: „Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: гдѣ ихъ Богъ?" Петръ велѣлъ отправить богослужебныхъ книгъ на 20 церквей, 400 букварей, сто грамматикъ. Отправлены были и учителя съ большимъ по тогдашнему времени жалованьемъ; отправлены были русскіе учителя, когда сама Россія имѣла ихъ такъ мало...

XXXIV. Послѣдніе годы Сѣверной войны и Ништадтскій міръ.

(Изъ соч. Костомарова: „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей". Выпускъ VI.)

По окончаніи военныхъ дѣйствій противъ турокъ, театръ Сѣверной войны нѣкоторое время сосредоточивался въ Помераніи и Финляндіи.

Русскій царь дѣйствовалъ съ своими первоначальными союзниками, датскимъ и польскимъ королями, а король прусскій колебался между двумя враждебными сторонами, впрочемъ, стараясь показывать наиболѣе дружеское расположеніе къ царю. Шведское войско въ Помераніи и вообще на южномъ побережьи Балтійскаго моря состояло подъ главной командой генерала Штейнбока. Самъ царь лично предводительствовалъ противъ него своимъ войскомъ, 12 февраля 1713 года напалъ на шведовъ при Фредерикштадтѣ, нанесъ имъ пораженіе и взялъ этотъ городъ. Штейнбокъ двинулся въ Голштинію, которая находилась тогда во владѣніи несовершеннолѣтняго Карла Фридриха. Этотъ молодой герцогъ состоялъ подъ опекой своего дяди, любскаго епископа, который носилъ титулъ администратора голштинскаго герцогства. Штейнбокъ заключилъ съ этимъ администраторомъ договоръ, которымъ администраторъ давалъ право шведскому войску укрыться въ замкѣ Тонингенѣ, а Штейнбокъ отъ имени своего короля обязывался вознаградить герцога за всякія потери, которыя причинилъ бы Голштиніи датскій король, когда бы послѣдній открылъ военныя дѣйствія.

Послѣ отхода Штейнбока къ Тонингеру, Петръ поручилъ вести войну датскому королю, давъ ему въ помощь русскій отрядъ подъ командой Меншикова, а самъ намѣревался воевать противъ шведовъ въ Финляндіи. Возвращаясь въ Россію, Петръ заѣхалъ сначала къ ганноверскому курфюрсту, а потомъ къ молодому прусскому королю, только что вступившему на престолъ послѣ смерти своего отца. Петру не удалось втянуть въ Сѣверную войну прусскаго короля; послѣдній слѣдовалъ политикѣ своего родителя, увѣрялъ Петра въ дружбѣ къ нему, но не хотѣлъ явно становиться во вражду съ Швеціей и наблюдалъ, чтобы обстоятельства доставили ему случай извлечь пользу изъ этой войны безъ большихъ усилій съ его стороны. Вернувшись въ Петербургъ, царь лѣтомъ 1713 года съ 12,000 войска поплылъ къ берегамъ Финляндіи, присталъ къ Гельсингфорсу, прогналъ оттуда шведскаго генерала Любекера и поручилъ, вмѣсто себя, вице-адмиралу Апраксину продолжать войну въ Финляндіи. Въ концѣ августа русскіе овладѣли столицею Финляндіи Або, покинутою и шведскимъ войскомъ, и жителями, а въ октябрѣ того же года Апраксинъ и генералъ Голицынъ разбили шведскаго генерала Армфельда близъ Тамерфорса, и вся почти Финляндія очутилась въ рукахъ русскихъ,

Между тѣмъ князь Меншиковъ, оставленный Петромъ на южномъ побережьи Балтійскаго моря съ русскимъ войскомъ въ помощь датскому королю, сошелся съ голштинскимъ министромъ Герцомъ, которому суждено было играть важную роль въ дипломаціи по вопросу объ окончаніи Сѣверной войны. Герцъ представилъ Меншикову проектъ о тѣсномъ союзѣ голштейнъ-готторпскаго дома съ Россіею. Этотъ союзъ, по его предположенію, долженъ былъ утвердиться бракомъ молодого герцога съ царевною Анною, дочерью царя Петра. Вмѣстѣ съ тѣмъ Герцъ подалъ планъ склонить шведскихъ комендантовъ, начальствовавшихъ надъ городами Помераніи, отдать ихъ въ секвестръ прусскому королю и голштинскому администратору. Послѣдній планъ понравился Петру, потому что давалъ ему надежду втянуть прусскаго короля въ войну противъ Швеціи, чего давно уже хотѣлось русскому царю. Штейнбокъ сдался союзникамъ военноплѣннымъ въ Тонингенѣ, а Мен-

шиковъ принялся осаждать Штетинъ, гдѣ шведскимъ комендантомъ былъ генералъ Мейерфельдъ. Прусскій король охотно готовъ былъ овладѣть Штетиномъ подъ видомъ отдачи ему этого города въ секвестръ, по мысли, брошенной Герцомъ, но помогать явно Меншикову своею артиллеріею онъ не рѣшался. 19-го сентября 1713 года Мейерфельдъ сдалъ Штетинъ, а Меншиковъ передалъ этотъ городъ, вмѣстѣ съ другими доставшимися городами, въ секвестръ прусскому королю и голштинскому администратору, какъ условлено было съ Герцомъ. Датскій король былъ очень недоволенъ этимъ, главное за то, что взятые у шведовъ города отдавались подъ секвестръ не одному прусскому королю, а еще и голштинскому администратору; датскій же король считалъ голштинскій дворъ, по его родственной близости съ шведскимъ королемъ, на шведской сторонѣ. Но если русскій царь разсчитывалъ на отдачу въ секвестръ померанскихъ городовъ Пруссіи, въ видахъ затянуть Пруссію въ войну противъ шведовъ, то явные и тайные враги Россіи разсчитывали на то же обстоятельство, чтобъ искусить прусскаго короля возможностью, помимо Россіи, пріобрѣсти Померанію себѣ въ вѣчное владѣніе, и надѣялись вооружить его противъ Петра. Франція прямо подущала прусскаго короля противъ русскаго царя; Англія собственно имѣла въ виду тоже, но дѣйствовала по наружности миролюбивѣе, предлагая посредничество для прекращенія Сѣверной войны. Герцъ между тѣмъ, черезъ посредство другого голштинскаго министра, Бассевича, старался расположить царя Петра къ своимъ видамъ и предлагалъ, кромѣ брака молодого герцога съ царскою дочерью, еще доставить молодому герцогу шведскую корону по смерти Карла XII, а чтобы расположить царя къ этой мысли, соглашался на важныя уступки Россіи отъ Швеціи. Ближайшая цѣль Герца была поскорѣе разсорить Петра съ датскимъ королемъ, съ которымъ, какъ онъ замѣчалъ, уже не ладилось у русскаго царя; но это намѣреніе никакъ не удавалось на первыхъ порахъ голштинскому дипломату. Царь, дѣйствительно, былъ очень недоволенъ датскимъ королемъ за медленныя дѣйствія въ войнѣ, но не хотѣлъ съ нимъ рѣшительно ссориться, а грозилъ издалека Даніи для того только, чтобъ заставить ее помогать ему живѣе противъ шведовъ. Датскій король не двигался весь 1714 годъ, а прусскій думалъ только забирать подъ свою власть шведскіе города безъ войны. Такое желаніе заявлялъ и курфюрстъ ганноверскій, ставши по смерти королевы Анны англійскимъ королемъ: онъ возымѣлъ притязаніе присвоить себѣ Бременъ и Верденъ. Такимъ образомъ, много было охотниковъ ловить въ мутной водѣ рыбу и дѣлать пріобрѣтенія на счетъ Швеціи, но вести войну со Швеціей приходилось одному Петру. И Петръ велъ ее всю весну и лѣто 1714 года. Генералъ князь Голицынъ снова разбилъ Армфельда, затѣмъ выборгскій губернаторъ, полковникъ Шуваловъ, въ іюнѣ покорилъ крѣпость Нишлотъ. Но самымъ блестящимъ дѣломъ русскихъ была морская побѣда при Гангудѣ, одержанная подъ начальствомъ самого Петра: тамъ шведы потеряли 936 человѣкъ убитыми, 577 плѣнными; шведскіе корабли со 116 пушками были взяты и приведены въ Ревель. Вслѣдъ за этой побѣдой, царь съ 16 тысячами войска присталъ къ Аландскимъ островамъ и овладѣлъ тамошними укрѣпленіями и портомъ; оттуда недалеко уже было до Стокгольма; въ шведской столицѣ распространил-

ся всеобщій страхъ: адмиралъ Ватрангъ готовился защищать входъ въ стокгольмскій портъ. Наступившая осень не дозволила Петру отважиться сдѣлать на шведскую столицу нападеніе. Русскій царь возвратился въ Петербургъ, устроилъ себѣ торжественный въѣздъ, принималъ отъ своихъ сенаторовъ и иностранныхъ министровъ поздравленія съ побѣдами, получилъ чинъ вице-адмирала и пировалъ во дворцѣ Меншикова.

Между тѣмъ, въ ноябрѣ того же 1714 г., Карлъ XII, убѣжавшій изъ турецкихъ владѣній, явился въ Штральзундѣ, въ Помераніи. Явленіе Карла подогрѣло упавшій въ его отсутствіе духъ шведскаго войска, но вмѣстѣ съ тѣмъ не содѣйствовало ходу дѣлъ къ примиренію. Карлъ не хотѣлъ утверждать договора объ отдачѣ Штетина прусскому королю въ секвестръ, не хотѣлъ воздерживаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ датчанъ и саксонцевъ внутри нѣмецкой имперіи, не хотѣлъ признавать уступки Бремена ганноверскому курфюрсту; Карлъ, наконецъ, возбуждалъ смятеніе въ Германіи, впутывая въ союзъ съ собой ландграфа гессенъ-кассельскаго, котораго сынъ былъ женатъ на сестрѣ Карла XII, Ульрикѣ-Элеонорѣ. Прусскій король, уклонявшійся до сихъ поръ отъ войны, увидалъ, что не получилъ желаемыхъ пріобрѣтеній однимъ дипломатическимъ путемъ, безъ войны; онъ вступилъ тогда въ открытый союзъ противъ шведовъ и отправился съ войскомъ осаждать Штральзундъ, куда также прибылъ датскій король. Прусскій король показывалъ видъ, что защищаетъ нейтральность нѣмецкой имперіи и всѣхъ принадлежащихъ ея владѣній; дѣло секвестраціи представлялъ такъ, какъ-будто онъ соглашался на нее единственно изъ желанія сохранить миръ въ нѣмецкой имперіи, а шведскаго короля выставлялъ врагомъ всеобщаго мира, вносившимъ войну въ нѣдра имперіи. Въ заключеніе всего, прусскій король по этому дѣлу изъявлялъ согласіе безкорыстно подчиниться приговору, какой положитъ императоръ и соединенные чины имперіи. И Англія стала-было въ угрожающее положеніе къ Швеціи; она отправила свой флотъ въ Балтійское море, хотя съ порученіемъ охранять англійскіе купеческіе корабли, а не дѣйствовать враждебно противъ шведскаго флота.

Датскій и прусскій короли, приступивъ къ Штральзунду, добивались присылки русскаго войска; однако осада Штральзунда шла цѣлое лѣто и осень 1715 года, а русское войско не подходило къ союзникамъ и стояло тогда въ Польшѣ подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева, готовое вступить въ дѣло для защиты польскаго короля Августа II противъ его подданныхъ.

12 декабря Штральзундъ сдался. Тогда Карлъ XII едва спасся въ маленькой лодкѣ съ 10 человѣками и убѣжалъ въ Карлскрону, гдѣ всю зиму занимался наборомъ свѣжихъ силъ для продолженія войны.

6 февраля 1716 года Петръ отправился за границу вмѣстѣ съ Екатериною и, достигши Данцига, остановился тамъ до конца апрѣля. Здѣсь онъ получилъ пріятную вѣсть о сдачѣ Каэнобурга въ Финляндіи, послѣдняго города, находившагося еще въ этой странѣ въ рукахъ шведовъ. Въ Данцигѣ русскій царь совершилъ бракосочетаніе своей племянницы, Екатерины Іоанновны, съ мекленбургскимъ герцогомъ. Къ этой свадьбѣ прибылъ и польскій король, нѣкогда бывшій задушевнымъ другомъ Петра, но со времени Альтранштадтскаго мира находившійся

съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Петръ наружно помирился съ Августомъ; по случаю свадебныхъ торжествъ оба государя давали другъ другу пиршества; но уже прежней дружбы между ними не было, потому что не стало взаимной довѣрчивости.

Въ началѣ мая царь выѣхалъ изъ Данцига, повидался сначала съ прусскимъ королемъ въ Штетинѣ, съѣхался съ датскимъ въ Альтонѣ: тутъ между русскимъ и датскимъ государями было условлено сдѣлать высадку въ шведскую провинцію Шонію и тѣмъ принудить Карла XII выступить изъ припадлежавшей датской коронѣ Норвегіи, куда онъ тогда проникъ, приближаясь къ столицѣ этой страны, Христіаніи. Мѣсто соединенія сухопутныхъ и морскихъ силъ обоихъ государей назначили въ Копенгагенѣ. Послѣ свиданія въ Альтонѣ, Петръ уѣхалъ въ Пирмонтъ лечиться тамошними водами, а къ іюлю явился въ Мекленбургѣ, въ Ростокѣ, куда прибыло сорокъ пять русскихъ галеръ. Фельдмаршалъ Шереметевъ пришелъ изъ Польши съ восемью тысячами войска, еще вступило въ мекленбургскія владѣнія другое русское войско подъ начальствомъ генераловъ Репнина и Боура. Взявши подъ личную команду свой галерный флотъ, 17-го іюля царь прибылъ къ Копенгагену, встрѣченъ былъ на рейдѣ датскимъ королемъ и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ его столицу. Черезъ нѣсколько дней туда же прибыла царица Екатерина. Въ ожиданіи приготовленій къ высадкѣ, Петръ пробылъ въ Копенгагенѣ три мѣсяца, почти каждый день катался по морю, осматривалъ берега Даніи и Швеціи, измѣривалъ глубину моря и чертилъ морскія карты. Это не препятствовало ему удѣлять время на посѣщенія академіи, учебныхъ заведеній и на бесѣду съ учеными людьми. Прибыла между тѣмъ англійская эскадра для взаимнаго дѣйствія съ Даніей. Все лѣто прошло понапрасну, къ большой досадѣ Петра. Мекленбургскій герцогъ, зять Петра, находился тогда во враждѣ съ дворянами своего государства; послѣдніе съѣхались въ Копенгагенѣ и возстановляли датскаго короля противъ Петра; они объясняли поступки русскаго царя хитростью, бросали подозрѣніе, что Петръ сносится со Швеціей. Уже датчане готовились нападать на русскія галеры; но до междоусобной войны у союзниковъ не дошло.

Зимою Петръ отправился въ Голландію, прожилъ нѣсколько времени въ Амстердамѣ, занялся тамъ осмотромъ всего, что относилось къ мореходству м торговлѣ, обозрѣвалъ съ любопытствомъ корабельную мастерскую, адмиралтейство, запасные магазины остъ-индской компаніи и заведенія знатнѣйшихъ негоціантовъ. Изъ Амстердама, въ мартѣ, царь съ царицею прибылъ въ Гаагу, остановился въ помѣщеніи русскаго посла князя Куракина; тамъ ему оказанъ былъ почетъ отъ представителей Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ, но тутъ же, въ началѣ апрѣля 1717 года, ему пришло непріятное извѣстіе. Въ Англіи открыли заговоръ, тайно руководимый голштинскимъ министромъ, барономъ Герцомъ, и графомъ Гилленборгомъ, находившимся въ Лондонѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посла шведскаго короля. Датскій дворъ прислалъ въ Англію письма Гилленборга, отысканныя на взятомъ въ Норвегіи шведскомъ кораблѣ. Гилленборгъ былъ арестованъ въ Лондонѣ, захвачены были всѣ его бумаги и, по требованію англійскаго короля, голландскіе штаты арестовали находившагося въ Голландіи барона Герца и молодого сына Гилленборгова. Бумаги ихъ были не только захва-

чены, но немедленно опубликованы: оказывалось, что у нихъ было тайное намѣреніе произвести въ Англіи возмущеніе, съ цѣлью низвергнуть ганноверскую династію съ англійскаго престола и возвести претендента изъ дома Стюартовъ; Карлъ XII готовился сдѣлать высадку въ Англію съ 10,000 пѣхоты, 4,000 конницы и съ значительнымъ запасомъ артиллеріи. Изъ тѣхъ же бумагъ видно было, что заговорщики разсчитывали на русскаго царя и старались подѣйствовать на него черезъ его домашняго медика, шотландца Эрскина. Послѣдній, какъ доискались англичане, писалъ къ англійскому лорду Мару, что царь готовъ помириться съ шведскимъ королемъ и желаетъ помогать ему въ предпріятіи возвести претендента на престолъ. Петръ, узнавши о томъ, что говорятъ о немъ въ Англіи, приказалъ своему посланнику Веселовскому подать англійскому королю и напечатать отъ имени царя меморіалъ: въ немъ русскій государь оправдывался отъ взводимаго на него обвиненія, указывалъ на очевидную нелѣпость такого вымысла, приводилъ, что Россіи не можетъ быть никакой выгоды вступить въ союзъ со шведскимъ королемъ противъ англійскаго, сообщалъ, что докторъ Эрскинъ, находясь 13 лѣтъ въ службѣ, не употреблялся ни къ какимъ государственнымъ совѣтамъ, а зналъ только свою спеціальность. Самъ Эрскинъ послалъ отъ себя англійскому правительству письменное оправданіе. Веселовскому отвѣчали на его меморіалъ, что довѣряютъ объясненію русскаго государя, однако требовали, чтобы царь вывелъ свои войска изъ Мекленбургскаго герцогства. Тѣмъ и пресѣклось это недоразумѣніе съ Англіей.

Въ началѣ апрѣля 1717 года, Петръ выѣхалъ изъ Гааги и отправился черезъ Брюссель и Гентъ во Францію.

Будучи въ Парижѣ, царь заключилъ дружественный договоръ съ Франціей, заключивши въ этотъ договоръ и прусскаго короля, и въ угоду Франціи далъ обѣщаніе вызвать свои войска изъ Мекленбурга, а 2-го августа (новаго стиля) пріѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ царица Екатерина съ нетерпѣніемъ ожидала его возврата.

Баронъ Герцъ освободился изъ-подъ ареста и въ Амстердамѣ началъ переговоры съ царемъ при посредствѣ Понятовскаго. Герцъ обѣщалъ, что шведскій король пошлетъ своихъ уполномоченныхъ въ Финляндію, а по заключеніи договора самъ пожелаетъ видѣться съ царемъ. И царь желалъ уже прекращенія войны съ Карломъ: война эта ставила ему препятствіе къ занятіямъ внутренними дѣлами государства; Петръ объявилъ Герцу черезъ Куракина, что съѣздъ уполномоченныхъ долженъ начаться черезъ два или три мѣсяца на Аландскихъ островахъ; Герцъ съ этимъ отвѣтомъ уѣхалъ въ Швецію. По его убѣжденіямъ и Карлъ склонился къ мысли о мирѣ и союзѣ съ Россіею. Шведскій король ненавидѣлъ и презиралъ остальныхъ своихъ враговъ; но Петра, какъ личность, онъ не могъ презирать, и потому съ нимъ однимъ способенъ былъ вступать въ переговоры, какъ равный съ равнымъ. Петръ имѣлъ причину быть также мало довольнымъ своими союзниками, датскимъ и польскимъ королями, и готовъ былъ предпочесть отдѣльный миръ съ давнимъ врагомъ вялому союзу съ союзниками, всегда способными измѣнить ему.

19-го сентября царь прибылъ въ Берлинъ; пробывши въ Берлинѣ три дня царственная чета черезъ Данцигъ вернулась въ Петербургъ послѣ шестнадцати-мѣсячнаго путешествi за границею. Царь черезъ своихъ министровъ сообщилъ прусскому королю, что онъ намѣренъ сноситься съ Швеціей о мирѣ, но будетъ сохранять интересъ своего союзника, прусскаго короля, и не заключитъ миръ до тѣхъ поръ, пока Пруссія не получитъ Штетина съ округомъ.

Въ ноябрѣ Герцъ, возвратившійся изъ Швеціи, далъ знать въ Петербургъ, что Карлъ XII вышлетъ своихъ уполномоченныхъ, какъ скоро получитъ извѣстіе, что царскіе уполномоченные уже находятся въ Финляндіи. Петръ назначилъ отъ себя уполномоченными: генералъ-фельдцейхмейстера Брюса и тайнаго совѣтника Остермана. Государь велѣлъ Брюсу объявить министрамъ союзниковъ—прусскому, польскому, ганноверскому и датскому, что, по предложенію шведскаго короля, царь съ своей стороны посылаетъ уполномоченныхъ, но не вступитъ въ окончательный договоръ безъ согласія съ союзниками.

Въ маѣ начались конференціи на одномъ изъ Аландскихъ острововъ. Россія требовала уступки Ингріи, Ливоніи, Эстляндіи, также города Выборга въ Финляндіи, остальное же великое княжество Финляндское до рѣки Кюмени уступала шведскому королю, предлагая между Швеціею и Россіею свободу торговли и мореплаванія. Для своихъ союзниковъ царь ставилъ такія условія: оставить короля Августа въ въ полномъ обладаніи польскимъ престоломъ, а прусскому королю уступить Штетинъ съ его округомъ; Даніи и Англіи Петръ предоставлялъ только право приступить къ трактату, замѣчая, что датскій король долженъ возвратить всѣ завоеванія, доставшіяся ему въ послѣднее время отъ Швеціи и пріобрѣсти въ иномъ мѣстѣ земли. Шведскіе уполномоченные требовали возвращенія всего завоеваннаго. Потомъ начали говорить объ эквивалентѣ, т. е. о вознагражденіи иными способами уступленнаго Швеціею Россіи. Остерманъ, по приказанію Петра, заявилъ, что Россія не можетъ давать никакого эквивалента изъ принадлежащихъ ей земель, но не откажетъ въ помощи Швеціи, если послѣдняя начнетъ искать себѣ эквивалента въ чужихъ земляхъ. Герцъ, оставивши конференцію, лѣтомъ въ 1718 году ѣздилъ въ Стокгольмъ для сношенія съ своимъ королемъ и, возвратившись на Аландскіе острова, сталъ податливѣе къ уступкамъ, но объявилъ о непремѣнномъ желаніи своего короля утвердить Станислава Лещинскаго на польскомъ престолѣ, а для вознагражденія Швеціи за уступаемыя Россіи земли Герцъ предполагалъ присоединить къ Швеціи мекленбургскія земли, давши мекленбургскому герцогу какое-нибудь иное владѣніе. Петръ готовъ былъ пожертвовать Августомъ, который въ своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ своему союзнику показалъ достаточно вѣроломства. Въ сентябрѣ русскіе уполномоченные узнали, что въ Стокгольмѣ существуетъ сильная партія, удерживающая короля отъ уступокъ,—партія, чернившая Герца обвиненіями въ продажничествѣ во вредъ королевскимъ интересамъ. Герцъ, чтобы разсѣять сомнѣнія противъ себя и доказать свою преданность Швеціи, просилъ Петра освободить плѣннаго шведскаго генерала Реншильда. Петръ согласился, съ тѣмъ, чтобы шведы освободили двухъ плѣнныхъ русскихъ генераловъ—Головина и князя Трубецкого. Остерманъ, человѣкъ хитрый, понималъ слабыя стороны враговъ, съ которыми велъ пе-

реговоры, понималъ и всѣхъ сосѣдей, которыхъ дѣла соприкасались съ Сѣверной войной. „Король шведскій,—писалъ онъ Петру,—человѣкъ, повидимому, не въ совершенномъ разумѣ; ему—лишь бы съ кѣмъ-нибудь драться. Швеція вся раззорена, и народъ хочетъ мира. Королю придется съ войскомъ куда-нибудь выступить, чтобы на чужой счетъ его кормить; онъ собирается въ Норвегію. Ничто такъ не принудитъ Швецію къ миру, какъ раззореніе, которое причинило бы русское войско около Стокгольма. Король шведскій, судя по его отвагѣ, долженъ быть скоро убитъ: дѣтей у него нѣтъ, престолъ сдѣлается спорнымъ между партіями двухъ германскихъ принцевъ: гессенъ-кассельскаго и голштинскаго; чья бы сторона ни одержала верхъ, она будетъ искать мира съ вашимъ величествомъ, потому что ни та, ни другая не захочетъ ради Лифляндіи или Эстляндіи потерять своихъ нѣмецкихъ владѣній».

Зимою Герцъ опять уѣхалъ въ Стокгольмъ; къ концу декабря ждали его возвращенія на Аландъ, но вмѣсто него прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Карлъ XII, 30-го ноября, убитъ при осадѣ Фридрихсгаля въ Норвегіи. Предсказаніе Остермана сбылось: въ Швеціи тотчасъ же возникли двѣ партіи—одна желала дать престолъ младшей сестрѣ Карла XII, Ульрикѣ-Элеонорѣ, бывшей въ замужествѣ за гессенъ-кассельскимъ принцемъ; другая держалась молодого герцога голштинскаго. Первая взяла верхъ: Герцъ и его земляки голштинцы, въ послѣднее время получившіе сильное вліяніе на Карла XII, были арестованы. Но возникла еще и третья партія, дворянско-либеральная; она хотѣла воспользоваться неясностью правъ на престолъ и находила удобное время для ограниченія королевскаго самодержавія въ Швеціи. Эта партія готова была отдать престолъ тому, кто больше сдѣлаетъ уступокъ. Нерѣшительный и неопытный голштинскій герцогъ не воспользовался временемъ; тотчасъ послѣ смерти Карла XII, онъ могъ-бы привлечь на свою сторону войско и заставить провозгласить себя королемъ, но не сдѣлалъ этого. Тетка предупредила его; она дала сенату обѣщаніе ограничить королевскую власть и получила корону въ мартѣ 1719 года. Голштинскій герцогъ уѣхалъ изъ Швеціи. Либералы, ненавидѣвшіе Герца, какъ чужеземца, постарались погубить голштинскаго дипломата. Онъ былъ казненъ отрубленіемъ головы въ Стокгольмѣ.

Ульрика-Элеонора, однако, не отказалась продолжать переговоры съ царемъ и отправила новыхъ уполномоченныхъ. Шведскіе уполномоченные измѣнили тонъ и начали попугивать русскихъ уполномоченныхъ возможностью приступить къ болѣе выгоднымъ для Швеціи соглашеніямъ съ другими соперничествующими державами. Но проницательный Остерманъ не поддался на эти запугиванія; онъ понималъ хорошо состояніе дѣлъ въ Швеціи. „Швеція,—писалъ онъ царю,—дошла до такого состоянія, что ей болѣе всего необходимъ миръ, и особенно съ царскимъ величествомъ, какъ сильнѣйшимъ непріятелемъ; съ кѣмъ-бы другимъ шведы ни заключили мира—это не спасетъ ихъ отъ войны съ Россіей, а другія державы, войдя со шведами въ союзъ, при всемъ недоброжелательствѣ къ Россіи, не станутъ проливать кровь своихъ подданныхъ и губить свою торговлю ради того, чтобы Швеціи возвращена была Лифляндія. Если-бы теперь царь нанесъ пущее раззореніе обнищавшей Швеціи, то этимъ-бы принудилъ шведское правительство къ миру“. Остерманъ въ переговорахъ съ шведскими уполномоченными

стоялъ твердо на уступкѣ Россіи Эстляндіи, Лифляндіи, Ингерманландіи, Выборга и части Кареліи со включеніемъ крѣпости Кексгольма, соглашаясь со стороны Россіи заплатить въ продолженіе двухъ лѣтъ милліонъ рублей. Швеція между тѣмъ примирилась съ курфюрстомъ ганноверскимъ, уступивши ему Бременъ и Верденъ, пыталась склонить къ особому миру и прусскаго короля.

Такъ дотянулось до іюля 1719 года. Тогда, по настоянію Остермана, царь снарядилъ флотъ, подъ начальствомъ адмирала Апраксина, изъ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и значительнаго числа малыхъ судовъ; онъ послалъ на немъ войско подъ начальствомъ генералъ-маіора Ласси, для высадки въ Швецію. Между тѣмъ въ Балтійское море вошла англійская эскадра, командуемая адмираломъ Норрисомъ, подъ видимымъ предлогомъ охранять англійскую торговлю, но на самомъ дѣлѣ, какъ справедливо подозрѣвалъ Петръ, въ помощь Швеціи, въ случаѣ нужды, противъ Россіи. Петръ прямо написалъ объ этомъ Норрису, стоявшему съ своею эскадрою на копенгагенскомъ рейдѣ. Англійскій адмиралъ въ своемъ отвѣтѣ русскому царю изъявлялъ удивленіе, что царь имѣетъ такія подозрѣнія. Петръ остался при своемъ подозрѣніи, но не показалъ страха передъ англійскимъ королемъ, твердый въ намѣреніи принудить Швецію къ миру своими военными дѣйствіями. Петръ издалъ манифестъ, въ которомъ главною причиною войны Россіи со Швеціей выставлялось событіе въ Ригѣ, когда шведскій губернаторъ, графъ Дальбергъ, оскорбилъ русскаго царя, не допустивъ его осматривать городскія укрѣпленія. Петръ указалъ на свое миролюбіе, съ которымъ онъ въ послѣднее время согласился начать переговоры съ Карломъ XII, но жаловался, что, по смерти Карла XII, шведская корона не показываетъ прежней наклонности къ миру, напротивъ, желаетъ войны, нарочно предъявляетъ такія требованія, на которые Россія не можетъ согласиться, и въ то же время ищетъ враждебныхъ для Россіи союзовъ съ другими государствами; это обстоятельство побуждаетъ царя съ Божьей помощью внести войну въ сердце шведскаго королевства.

Война началась и велась очень опустошительнымъ образомъ. Русскіе плавали по шкерамъ вдоль шведскаго берега, нападали въ разныхъ мѣстахъ на города и селенія, не щадили ни государственнаго, ни частнаго достоянія, а болѣе всего старались раззорять шведскіе рудники и заводы, составлявшіе важнѣйшее богатство Швеціи. Такъ, на сѣверномъ берегу раззорили они Фурстенаръ и Ортулу, а 7-го августа 5,000 русскихъ напали на важнѣйшій шведскій заводъ въ Лоштѣ, захватили тамъ 13,000 тоннъ желѣза на свои суда, а всѣ заведенія и постройки уничтожили. На всѣхъ шведскихъ заводахъ русскіе находили такое множество желѣза, что не въ силахъ были наполнить имъ свои суда и бросали въ море. Они истребляли повсюду хлѣбное зерно, убивали и угоняли скотъ и лошадей, уводили плѣнниковъ, перебили множество обезоруженнаго народа, не успѣвшаго спастись бѣгствомъ. Апраксинъ истребилъ шесть большихъ городовъ, болѣе сотни дворянскихъ усадьбъ, 826 деревень, три мельницы и десять магазиновъ, раззорилъ два мѣдныхъ и пять желѣзныхъ заводовъ. Генералъ-маіоръ Ласси, съ своей стороны, сжегъ два города, двадцать одну владѣльческую усадьбу, 535 селъ и деревень, сорокъ мельницъ, шестнадцать магазиновъ и девять желѣзныхъ заводовъ, въ числѣ которыхъ были такіе богатые, что шведы

предлагали 300,000 рейхсталеровъ за спасеніе отъ ихъ раззоренія. Знаменитый мануфактурный городъ Норчёпингъ преданъ былъ пламени самими жителями, лишь бы не достался непріятелю. Самому Стокгольму угражала опасность: 27 іюня казаки достигали до Вестергалинга, въ четырехъ миляхъ отъ столицы. Мужъ королевы выступалъ противъ русскихъ, но не сдѣлалъ имъ никакого зла; они раззоряли шведскіе берега налетомъ, появляясь и исчезая, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ.

Въ сентябрѣ прекратились нападенія; у шведовъ вся надежда была на англійскую помощь адмирала Норриса, но онъ, не имѣя повелѣнія своего короля, не рѣшался начинать непріязненныхъ дѣйствій противъ русскихъ.

Послѣ военной прогулки русскаго флота по шведскимъ берегамъ, царь послалъ въ Стокгольмъ подъ бѣлымъ флагомъ Остермана, надѣясь, что, испытавши раззореніе, Швеція станетъ податливѣе. Шведская королева, ея супругъ и шведскіе аристократы показали тогда видъ раздраженія, говорили, что теперь, послѣ нанесенныхъ русскими опустошеній, миръ заключить труднѣе, чѣмъ прежде. Остерманъ этимъ не обманулся и сказалъ одному шведскому аристократу: „если у насъ съ вами будетъ война, то настоящая ваша форма правленія не долго простоитъ, и дѣло окончится народнымъ возстаніемъ“. Его увѣряли, что весь народъ не хочетъ мира. „Сегодня не хочетъ, завтра горячо захочетъ,—сказалъ Остерманъ,—народъ непостояненъ“. Королева, подвигаемая дворянствомъ, разсерженнымъ на Россію, приказала Лиліенстедту уѣхать съ Аландскихъ острововъ. Итакъ, конгресъ былъ порванъ въ сентябрѣ 1719 года.

Послѣ прерванія аландскихъ трактатовъ, нѣсколько времени Англія своими дипломатическими интригами препятствовала примиренію Швеціи съ Россіею. Она успѣла примирить со Швеціей прусскаго короля, гарантировавъ для него обладаніе Штетиномъ. Въ іюнѣ 1720 года, также по ходатайству Англіи, подписанъ былъ мирный договоръ Швеціи съ Даніею. Опасеніе на счетъ согласія Петра съ планами Герца—низвергнуть короля Георга и возвести на его мѣсто претендента изъ дома Стюартовъ—заставило англійскаго короля смотрѣть на Петра, какъ на своего тайнаго врага. Въ 1720 году на балтійскихъ водахъ опять появился англійскій флотъ. Петръ не испугался этой эскадры и въ виду ея снова готовился раззорять шведскіе берега.

Въ это время въ Швеціи Ульрика-Элеонора уступила престолъ своему супругу, герцогу гессенъ-кассельскому. Новый король прислалъ въ Петербургъ своего адъютанта, Виртенберга, извѣстить о своемъ вступленіи на престолъ и изъявить надежду на будущій миръ и союзъ. Петръ показывалъ этому посланцу свое адмиралтейство и познакомилъ его со всѣми приготовленіями къ предполагаемому новому походу русскихъ на Швецію. Въ августѣ царь выслалъ эскадру подъ начальствомъ князя Голицына, который счастливо привелъ въ Петербургъ четыре шведскихъ фрегата, взятыхъ въ плѣнъ съ значительнымъ числомъ людей. Постоянный любитель всякихъ торжествъ, Петръ и по этому поводу устроилъ въ Петербургѣ праздникъ, одарилъ щедро участвовавшихъ въ войнѣ русскихъ моряковъ, и самому Голицыну далъ саблю, осыпанную бриллiантами; потомъ царь отправилъ въ Стокгольмъ своего генералъ-адъютанта Румянцева съ предложеніемъ размѣнять плѣнныхъ и

заключить перемиріе на зимнее время. Шведскіе министры не сошлись въ этомъ съ Румянцевымъ, хотя и приняли его почтительно и радушно. Въ началѣ 1721 года явился въ Петербургъ французскій посланникъ Кампредонъ, бывшій до того времени посланникомъ въ Стокгольмѣ. Онъ привезъ въ Россію предложеніе посредничества Франціи между Россіею и Швеціею. Царь согласился. Французскій посредникъ сначала попытался было предлагать годовое перемиріе. Петръ сразу отвергъ это предложеніе и сказалъ, что ни за что не отступитъ отъ прежнихъ требованій, заявленныхъ при переговорахъ на Аландскихъ островахъ, а потому, если Швеція искренно хочетъ мира, то можетъ, вмѣсто кратковременнаго перемирія, постановить съ Россіею полный вѣчный миръ. Петръ понялъ, что перемиріе можетъ быть полезно для Швеціи и вредно для Россіи: шведы будутъ имѣть время поправиться, время сойтись съ союзниками и приготовиться къ новой войнѣ противъ Россіи. Упорство Петра повело къ тому, что французскій посредникъ отказался отъ мысли о перемиріи; положено было прямо начать переговоры о мирѣ, но военныхъ дѣйствій во время этихъ переговоровъ не прекращать. Петръ, чтобы понудить шведовъ къ податливости, отправилъ генерала Ласси опустошить шведскіе берега Ботническаго залива. У русскихъ было до 5,000 регулярнаго войска и 360 казаковъ. Они взяли и сожгли шесть шведскихъ галеръ, 27 купеческихъ судовъ, гдѣ нашли значительный запасъ оружія, овладѣли оружейнымъ магазиномъ, раззорили нѣсколько кузницъ и мельницъ, разграбили и сожгли четыре города, нѣсколько сотъ селеній и дворовъ.

Между тѣмъ, въ виду возобновленныхъ переговоровъ со Швеціей, голштинскій герцогъ, черезъ своего посланника Штомкена, хлопоталъ о томъ, чтобъ Россіи при мирномъ договорѣ стояла за его наслѣдственныя права на шведскій престолъ. Петръ благосклонно отнесся къ домогательству голштинскаго герцога, пригласилъ его въ Петербургъ и принялъ очень радушно. Два обстоятельства: раззореніе, причиненное русскими на шведскихъ берегахъ, и покровительство, оказываемое голштинскому герцогу, какъ претенденту на шведскій престолъ, сдѣлали шведовъ уступчивѣе. 30-го августа 1721 года заключенъ былъ царскими послами окончательный Ништадтскій мирный договоръ, прекратившій долголѣтнюю Сѣверную войну. Швеція уступила Россіи въ вѣчное владѣніе Лифляндію, Эстляндію, острова Эзель, Даго и Менъ, Ингерманландію, часть Кареліи и Выборгъ въ Финляндіи, а остальная Финляндія, завоеванная Россіей, возвращена была Швеціи. Съ своей стороны, Россія выплачивала два милліона ефимковъ по срокамъ, обязывалась не вмѣшиваться въ домашнія дѣла шведскаго королевства и не помогать никому въ достиженіи наслѣдственныхъ правъ, вопреки волѣ чиновъ государства; всѣ военноплѣнные освобождались безъ выкупа, кромѣ добровольно принявшихъ въ Россіи православную вѣру. Молодой герцогъ голштинскій долженъ былъ отказаться отъ надежды получить шведскую корону при пособіи Россіи. Находясь въ то время въ Петербургѣ, онъ долженъ былъ удовольствоваться доводами, сообщенными ему отъ имени царя Шафировымъ, о невозможности Петру далѣе вести это дѣло. Герцогъ долженъ былъ участвовать во всеобщемъ торжествѣ Россіи, показывая удовольствіе объ окончаніи пролитія крови—какъ русской, такъ и шведской.

22-го октября въ Петербургѣ въ соборной церкви св. Троицы отправлялось торжество мира, окончившаго долголѣтнюю и тяжелую Сѣверную войну. Сначала прочитанъ былъ мирный трактатъ, потомъ архіепископъ псковскій изрекъ поученіе, вслѣдъ затѣмъ канцлеръ Головкинъ проговорилъ государю рѣчь, послѣ которой всѣ бывшіе тутъ сенаторы воскликнули:—„Виватъ, виватъ, Петръ Великій, отецъ отечествія, императоръ Всероссійскій!“ Обильная пальба изъ петербургской крѣпости, адмиралтейства, судовъ, стрѣльба изъ ружей, производимая 23 полками, все возвѣщало всеобщую радость. Петръ говорилъ:—„Зѣло желаю, чтобы нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь прошедшей войной и заключеніемъ мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однако, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ стало, какъ съ монархіею греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который намъ Богъ кладетъ передъ очами, какъ внутрь, такъ и во внѣ, отчего облегченъ будетъ народъ“. Торжественный праздничный обѣдъ устроенъ былъ въ зданіи сената; къ обѣду приглашенныхъ было до тысячи персонъ. По окончаніи стола былъ балъ, продолжавшійся до ночи, а ночью фейерверкъ, изображавшій храмъ Януса, изъ котораго появился богъ Янусъ съ лавровымъ вѣнкомъ и масличною вѣтвью; изъ крѣпости дана была тысяча выстрѣловъ, и вся Нева иллюминована была потѣшными огнями. Царскій пиръ окончился въ три часа ночью „обношеніемъ всѣхъ гостей преизряднымъ токайскимъ“. Для простого народа устроены были два фонтана, изъ которыхъ лилось бѣлое и красное вино. Меншиковъ и два архіерея отъ имени сената и синода за всѣ попеченія и старанія о благополучіи государства, за то, что государь „изволилъ привести Всероссійское государство и народъ въ такую славу черезъ единое свое руковожденіе“, просили царя принять титулъ „Отца Отечества, Императора Всероссійскаго, Петра Великаго“. Государь отрекался отъ этой чести и принялъ ее какъ бы по усиленному прошенію сенаторовъ. Вслѣдъ за тѣмъ отъ сената была установлена форма титула: „Божьею милостью, мы, Петръ Великій, императоръ и самодержецъ Всероссійскій“, а въ челобитныхъ: всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій императоръ, самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечествія, государь всемилостивѣйшій“. Нѣсколько дней послѣ того продолжались веселыя празднества.

XXXV. Внѣшнія Реформы Петра Великаго.

(Изъ сочиненія Брикнера: „Иллюстрированная исторія Петра Великаго“).

По возвращеніи въ Россію, начинается новая эпоха царствованія Петра; съ этого времени онъ началъ управлять всѣми дѣлами самолично и сдѣлался душою всѣхъ предпріятій въ области внѣшней политики, всѣхъ реформъ внутри государства. Начался настоящій процессъ преобразованія Россіи, требовавшій со стороны народа значительныхъ пожертвованій, но обѣщавшій ему великую будущность; настало пере-

ходное состоянiе, сопряженное съ нарушенiемъ разныхъ правъ и интересовъ, съ уничтоженiемъ на долгое время прежняго покоя общества; открылась широкая законодательная дѣятельность преобразователя, казавшаяся народу проявленiемъ деспотизма и произвольной причуды.

Нельзя отрицать, что все это было сопряжено съ чрезвычайно крутыми мѣрами, что переходъ отъ стараго къ новому былъ въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ слишкомъ внезапенъ, что многiя изъ мѣръ и распоряженiй царя производятъ впечатлѣнiе революцiонныхъ дѣйствiй. Петръ во всѣхъ отношенiяхъ бралъ на себя самую тяжелую отвѣтственность. Въ частностяхъ онъ, здѣсь и тамъ, могъ ошибаться, увлекаясь, ожидая слишкомъ быстро результатовъ преобразованiй, не взвѣшивая мѣры тягости многихъ нововведенiй для народа. Въ главныхъ чертахъ, однако, его дѣятельность оказалась цѣлесообразною и плодотворною. Создавая новую Россiю, Петръ не обращалъ вниманiя на жалобы подданныхъ, не понимавшихъ смысла и значенiя многихъ новшествъ, не постигавшихъ той цѣли, къ которой стремился государь, и жестоко страдавшихъ отъ чрезмѣрно-насильственной опеки царя-воспитателя. Самъ же онъ руководствовался во все время отчаянной борьбы противъ старины чувствомъ долга, давая и себѣ, и народу отчетъ въ своей дѣятельности, объясняя весьма часто болѣе или менѣе подробно необходимость коренной перемѣны.

Нѣтъ сомнѣнiя, что начало преобразовательной дѣятельности Петра находилось въ самой тѣсной связи съ его путешествiемъ въ Западную Европу. Реформы начались непосредственно послѣ возвращенiя его въ Россiю. Въ Англiи, Голландiи и Германiи онъ могъ собрать богатый запасъ свѣдѣнiй, новыхъ мыслей, смѣлыхъ проектовъ, примѣненiе которыхъ на практикѣ должно было составлять задачу Петра въ слѣдующее за путешествiемъ время. Мы видѣли, что многiе замѣчательные люди въ Европѣ, слѣдя за путешествiемъ Петра, не сомнѣвались въ томъ, что царь, тотчасъ же послѣ возвращенiя въ Россiю, приступитъ къ дѣлу преобразованiя. Лейбницъ говорилъ, что Петръ, вполнѣ сознавая недостатки своего народа, непремѣнно постарается развить въ немъ новыя силы и способности и искоренить прежнее невѣжество и грубость нравовъ. Въ этомъ же смыслѣ выразился англичанинъ Креллъ. „Путешествiе Петра,—писалъ, онъ,—вызвано жаждою знанiя, стремленiемъ къ образованiю, желанiемъ развить народъ; совсѣмъ иначе,—продолжаетъ онъ,—смотрѣли на это предшественники Петра; они считали невѣжество подданныхъ краеугольнымъ камнемъ своей безусловной власти“. „Отъ этого путешествiя,—заключаетъ Креллъ,—самые дальновидные люди ожидаютъ важныхъ результатовъ“.

Однако самыя обширныя и коренныя реформы Петра относятся не ко времени, непосредственнно слѣдующему за его первымъ пребыванiемъ въ Западной Европѣ. Хотя и можно удивляться тому, что Петръ даже въ первые годы Сѣверной войны могъ обращать столько вниманiя на внутреннiя дѣла, все-таки важнѣйшая дѣятельность его въ этомъ отношенiи началась лишь послѣ Полтавской битвы, обезпечившей существованiе Россiи, какъ великой державы, и давшей царю возможность и покой успѣшнѣе прежняго заняться законодательствомъ и администрацiею, привести въ нѣкоторую систему дѣло реформы. Мѣры, принятыя царемъ въ продолженiе перваго десятилѣтiя послѣ путешествiя на западъ,

оказываются нѣкоторымъ образомъ безсвязными, отрывочными, произвольными, случайными, хотя въ нихъ всюду замѣтно желаніе пріурочиться къ западно-европейскимъ нравамъ и обычаямъ, подражать другимъ народамъ, напримѣръ, относительно внѣшней моды, календаря и пр.

Вопросъ о необходимости перемѣны русскаго платья былъ поднятъ уже за нѣсколько десятилѣтій до относящихся къ этому предмету указовъ Петра; а именно, знаменитый „сербляининъ", Юрій Крижаничъ, преподававшій вообще цѣлую систему преобразованій, говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ о русскомъ платьѣ совершенно въ духѣ Петра. Онъ находитъ русскій „строй власовъ, брады и платья мерзскимъ и непристойнымъ", „непригожимъ къ храбрости"; въ характерѣ русскаго платья онъ не находитъ „рѣзвости и свободы", а „рабскую неволю"; напрасно, замѣчаетъ Крижаничъ, русскіе въ своемъ платьѣ подражаютъ „варварскимъ народамъ, татарамъ и туркамъ", вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру „наиплеменитыхъ европейцевъ", затѣмъ онъ доказываетъ, что русское платье неудобно во всѣхъ отношеніяхъ, не отличаясь ни дешевизною, ни прочностью, ни красотою, что оно „мягкоту и распусту (т. е. распущенность, изнѣженность) женскую показуетъ" и проч. Въ русскомъ платьѣ нѣтъ кармановъ,—продолжаетъ онъ,—поэтому русскія прячутъ платокъ въ шапкѣ, ножи, бумаги и другія вещи въ сапогахъ; деньги берутъ въ ротъ. Къ тому же онъ находитъ, что русскія обращаютъ слишкомъ большое вниманіе на драгоцѣнныя украшенія платья, замѣчая: „у иныхъ народовъ бисерь есть женскій строй, и отступно (т. е. позорно) было бы мужу устроиться бисеромъ; а наши люди тый женскій строй безъ мѣры на клобукѣхъ и на козырѣхъ (т. е. на шапкахъ и воротникахъ) оказуютъ". Кто не вѣритъ,—говоритъ Крижаничъ далѣе,—въ какой мѣрѣ некрасивымъ должно показаться другимъ народамъ русское платье, тотъ можетъ убѣдиться въ этомъ чрезъ сравненіе прортретовъ государей разныхъ народовъ съ портретами русскихъ царей. Или, сказано у Крижанича, нужно перемѣнить платье, или же не имѣть никакихъ сношеній съ западною Европою. Дальнѣйшее отправленіе русскихъ пословъ за границу въ прежнемъ костюмѣ Крижаничъ считаетъ средствомъ лишиться уваженія другихъ народовъ. Онъ предлагаетъ, чтобы государь своимъ примѣромъ, одѣваясь не по прежнему, а слѣдуя образцамъ западно-европейскихъ народовъ, подѣйствовалъ на своихъ подданныхъ, а далѣе, чтобы новое платье было введено и въ войскѣ. Такимъ путемъ, говоритъ онъ,—Россія выразитъ свое желаніе и твердое намѣреніе отстать отъ прежней связи съ азіатскими народами, съ персіанами, турками и татарами, и примкнуть къ французамъ, нѣмцамъ и другимъ европейскимъ народамъ; онъ сознавалъ, что придется упорно бороться съ предразсудками, съ вѣковыми привычками народа, но, говоритъ онъ: „кто скажетъ, что не слѣдуетъ нарушать старыхъ законовъ, тому мы отвѣчаемъ: старыхъ заблужденій не должно терпѣть".

Мы видѣли, что въ высшихъ слояхъ русскаго общества въ продолженіе XVII вѣка не разъ обнаруживалась склонность къ подражанію иноземцамъ: стригли бороды, носили польское платье и т. п. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ случилось однажды, что протопомъ Аввакумъ не хотѣлъ благословить Матвѣя Шереметева, выбрившаго себѣ бороду. Тогда же князь Кольцовъ-Масальскій лишился мѣста за то, что под-

рѣзалъ себѣ волосы. При Θеодорѣ Алексѣевичѣ господствовали иныя правила. Въ 1681 году царь далъ указъ всему синклиту и всѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежнихъ длинныхъ охабней и однорядокъ; въ охабнѣ или однорядкѣ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Патріархъ Іоакимъ сталъ ратовать: „еллинскій, блуднический, гнусный обычай брадобритія, древне многаще возбраняемый, во днѣхъ царя Алексѣя Михайловича совершенно искорененный, паки нынѣ начаша губити образъ, отъ Бога мужу дарованный". Онъ отлучалъ отъ церкви не только тѣхъ, которые брили бороды, но и тѣхъ, которые съ брадобрійцами общеніе имѣли. Преемникъ Іоакима, Адріанъ, издалъ также сильное посланіе противъ брадобритія, „еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ"; патріархъ стращалъ русскихъ людей вопросомъ: „если они обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ—съ праведниками, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками?"

Не смотря на все это, Петръ еще до своего путешествія за границу иногда одѣвался въ нѣмецкое платье. Въ Англіи разсказывали, что онъ, въ началѣ 1694 года, явился въ иностранномъ костюмѣ къ матери и встрѣтился тамъ съ патріархомъ, который сдѣлалъ царю замѣчаніе; Петръ посовѣтовалъ Адріану, вмѣсто того, чтобы заботиться о портныхъ, пещись о дѣлахъ церкви. Шлейзингъ разсказываетъ, что царь очень часто ходилъ въ нѣмецкомъ платьѣ, „чего не дѣлалъ ни одинъ изъ прежнихъ государей, такъ какъ это считалось несогласнымъ съ ихъ религіею". Приглашая своихъ родственниковъ пріѣхать въ Россію, Лефортъ писалъ, весною 1693 года: „вы здѣсь найдете великодушнаго монарха, который покровительствуетъ иностранцамъ и постоянно одѣтъ à la française". На маневрахъ въ 1694 году „польскій король", Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, былъ въ нѣмецкомъ платьѣ.

По случаю аудіенціи Шереметева у польскаго короля, императора папы и гросмейстера Мальтійскаго ордена, въ 1697 году, самъ бояринъ, какъ видно изъ картинъ, помѣщенныхъ въ его запискахъ о путешествіи, носилъ западно-европейское платье и большой парикъ, между тѣмъ какъ его свита была одѣта во что-то среднее между нѣмецкою и русскою одеждою. Находясь за границею, Петръ большею частію являлся въ костюмѣ шкипера. При первой аудіенціи русскихъ пословъ у бранденбургскаго курфирста, въ Кенигсбергѣ, карлики, находившіеся въ свитѣ, были одѣты въ русское платье, при второй — они явились въ великолѣпномъ костюмѣ по западно-европейской модѣ. За границею разсказывали во время путешествія Петра, что царь намѣренъ, по возвращеніи въ Россію, ввести тамъ брадобритіе и ношеніе нѣмецкаго платья.

Иностранцы, проживавшіе въ то время въ Москвѣ, разсказываютъ, что, когда ожидали возвращенія царя, сановники были въ страшномъ волненіи. Бояре собирались по два раза въ день для совѣщаній; въ разныхъ приказахъ происходило что-то въ родѣ ревизіи.

25-го августа, вечеромъ, царь прибылъ въ Москву и тотчасъ же отправился въ Преображенское. На другой день, рано утромъ, вельможи, царедворцы, люди знатные и незнатные явились въ Преображенскій дворецъ поклониться государю. Онъ ласково разговаривалъ съ разными лицами, между тѣмъ, къ неописанному изумленію всѣхъ присутствую-

щихъ, то тому, то другому собственною рукою обрѣзывалъ бороды; сначала онъ остригъ генералиссимуса Шеина, потомъ кесаря Ромодановскаго, послѣ того и прочихъ вельможъ, за исключеніемъ только двухъ, Стрѣшнева и Черкасскаго. Та же сцена повторилась дней черезъ пять, на пиру у Шеина. Гостей было множество. Нѣкоторые явились безъ бороды, но не мало было и бородачей. Среди всеобщаго веселья, царскій шутъ, съ ножницами въ рукахъ, хваталъ за бороду то того, то другого, и мигомъ ее обрѣзывалъ. Три дня спустя, на вечерѣ у Лефорта, гдѣ между прочими присутствовали и обыватели нѣмецкой слободы съ женами, уже не видно было бородачей.

Дошла очередь и до кафтановъ. По разсказу одного иностранца, Петръ, въ февралѣ 1699 года, на пиру, замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ изъ гостей были, по тогдашнему обычаю, очень длинные рукава, взялъ ножницы, обрѣзалъ рукава и сказалъ, что такое платье мѣшаетъ работать, что такими рукавами можно легко задѣть за что-нибудь, опрокинуть что-либо и пр.

Все это могло казаться произвольною причудою, деспотическимъ проявленіемъ минутной выдумки; но все это имѣло глубокій смыслъ, важное историческое значеніе. Нашъ знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ пишетъ: „говоря о перемѣнѣ платья, мы должны замѣтить, что нельзя легко смотрѣть на это явленіе, ибо мы видимъ, что и въ платьѣ выражается извѣстное историческое движеніе народовъ. Коснѣющій, полусонный азіатецъ носитъ длинное, спальное платье. Какъ скоро человѣчество, на европейской почвѣ, начинаетъ вести болѣе дѣятельную, подвижную жизнь, то происходитъ и перемѣна въ одеждѣ. И русскій народъ, вступая на поприще европейской дѣятельности, естественно, долженъ былъ и одѣться въ европейское платье, ибо вопросъ состоялъ въ томъ: къ семьѣ какихъ народовъ принадлежать—европейскихъ или азіатскихъ? и соотвѣтственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи“.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о впечатлѣніи, произведенномъ такимъ образомъ дѣйствій царя на общество. Не сохранилось и точныхъ архивныхъ данныхъ о первыхъ административныхъ и законодательныхъ мѣрахъ, относившихся къ брадобритію. Австрійскій дипломатъ Плейеръ доносилъ императору Леопольду о введеніи налога на бороды; можно было также, какъ сказано у Плейера, внесеніемъ капитала пріобрѣсти право носить бороду: сохранился мѣдный знакъ, съ изображеніемъ на лицевой сторонѣ усовъ и бороды, подъ словами: „деньги взяты“, съ надписью на оборотѣ: „207 году“. Изъ этого можно заключить, что уже въ концѣ 1698 или въ первой половинѣ 1699 года установлена была бородовая пошлина для желавшихъ спасти свои бороды. Кто именно платилъ ее и какъ была велика она—неизвѣстно, потому что первоначальный указъ о бородовой пошлинѣ не найденъ; вѣроятно, онъ касался не всѣхъ и былъ повторенъ въ началѣ 1701 года, какъ видно изъ приведеннаго примѣчанія Плейера. Въ 1705 году царь предоставилъ своимъ подданнымъ на выборъ—или отказаться отъ бороды, или платить за нее ежегодную пошлину: гостямъ и гостиной сотнѣ по 100 рублей; царедворцамъ, людямъ дворовымъ, городовымъ, приказнымъ и служилымъ людямъ всякаго чина, также торговымъ второй статьи—по 60 р.; третьей статьи, посадскимъ, людямъ боярскимъ, ямщи-

камъ, извощикамъ и пр.—по 30. Съ крестьянъ, при въѣздѣ въ городъ или при выѣздѣ за городъ, велѣно взыскивать у воротъ каждый разъ по 2 деньги. Заплатившимъ бородовую пошлину выдавались изъ земскаго приказа мѣдные знаки. Бородачи обязаны были носить знаки при себѣ и возобновлять ихъ ежегодно.

Нѣтъ сомнѣнія, что весьма многіе рѣшались платить эту высокую пошлину. Плейеръ замѣчаетъ, что эта пошлина составитъ очень порядочный доходъ, такъ какъ русскіе большею частью не захотятъ разстаться со своею бородою, и между ними есть даже такіе, которые скорѣе готовы отдать свою голову, нежели согласиться на брадобритіе.

Что касается до введенія нѣмецкаго платья, то первый дошедшій до насъ указъ объ этомъ предметѣ относится къ 4-му января 1700 года: „боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ, и ближнимъ людямъ, и стольникамъ и дворянамъ московскимъ, и дьякамъ, и жильцамъ, и всѣхъ чиновъ и пр. людямъ въ Москвѣ и въ городѣхъ носить платья, венгерскіе кафтаны, верхніе—длиною по подвязку, а исподніе—короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ“. До масляницы каждый долженъ былъ позаботиться о заказѣ или покупкѣ такого платья. Лѣтомъ всѣ должны были носить нѣмецкое платье. И женщины высшихъ классовъ общества должны были участвовать въ этой перемѣнѣ. Плейеръ пишетъ, что сестры Петра тотчасъ же начали одѣваться въ иноземное платье.

Кажется, этотъ указъ не произвелъ желаннаго дѣйствія. Курбатовъ, въ мартѣ 1700 года, писалъ царю, что надобно возобновить указы о платьѣ, хотя и съ пристрастіемъ, потому что подданные ослабѣваютъ въ исполненіи и думаютъ, что все будетъ по прежнему. Указомъ 20-го августа 1700 года повелѣно: „для славы и красоты государства и воинскаго управленія, всѣхъ чиновъ людямъ, опричь духовнаго чина и церковныхъ причетниковъ, извозчиковъ и пахотныхъ крестьянъ, платье носить венгерское и нѣмецкое... чтобы было къ воинскому дѣлу пристойное; а носить венгерское безсрочно для того, что... указъ сказанъ былъ прежде сего; а нѣмецкое носить декабря съ 1-го числа 1700; да и женамъ и дочерямъ носить платье венгерское и нѣмецкое января съ 1-го числа 1701 года, чтобъ онѣ были съ ними въ томъ платьѣ равныя-жъ, а не розныя“. 26-го августа прибиты были къ городскимъ воротамъ указы о платьѣ французскомъ и венгерскомъ, и для образца повѣшены чучелы, т. е. образцы платью. Въ 1701 году новый указъ: и всякихъ чиновъ людямъ носить платье нѣмецкое, верхнее—саксонское и французское, а исподнее камзолы, и штаны, и сапоги, и башмаки, и шапки—нѣмецкіе, и ѣздить на нѣмецкихъ сѣдлахъ; а женскому полу всѣхъ чиновъ носить платье, и шапки, и контуши, а исподніе бостроги, и юпки, и башмаки — нѣмецкіе-жь; а русскаго платья отнюдь не носить и на русскихъ сѣдлахъ не ѣздить. Съ ослушниковъ брать пошлину въ воротахъ: съ пѣшихъ по 40 копѣекъ, съ конныхъ по 2 рубля съ человѣка“ и проч.

Высшіе классы общества: дворъ, войско, приказные люди скоро привыкли къ новому платью. Масса народа уклонялась отъ участія въ этой перемѣнѣ. Мы укажемъ въ другомъ мѣстѣ на заявленія гнѣва и раздраженія въ толпѣ, вызванныя строгими мѣрами брадобритія и введенія иноземнаго платья.

Къ довольно важнымъ нововведеніямъ принадлежала и перемѣна въ лѣтоисчисленіи. Въ ознаменованіе грядущаго перерожденія своего народа, Петръ хотѣлъ разграничить старое время отъ новаго рѣзкою чертою, и 20 декабря 1699 года повелѣлъ, по примѣру всѣхъ христіанскихъ народовъ, вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ было до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова, и считать новый годъ не съ 1 сентября, а съ 1 января.

По разсказу Перри, Петръ, на возраженія русскихъ, что начало міра не могло случиться зимою, т. е. 1-го января, а непремѣнно 1-го сентября, т. е. во время жатвы и собиранія плодовъ, смѣясь, сталъ объяснять, показывая глобусъ, что Россія составляетъ лишь часть земного шара, что въ другихъ странахъ въ январѣ бываетъ тепло, что при времяисчисленіи нужно принять въ соображеніе високосные дни и пр. Замѣчаніе Перри, что царь, при введеніи новаго календаря, руководствовался желаніемъ „сообразоваться и въ этомъ отношеніи съ остальной Европой", подтверждается царскимъ указомъ, въ которомъ указано на другія европейскія страны, а именно на примѣръ православныхъ народовъ, какъ-то: валаховъ, молдаванъ, сербовъ, болгаръ, малороссіянъ и грековъ. „А въ знакъ того добраго начинанія и новаго столѣтняго вѣка,—сказано далѣе въ указѣ,—въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и молебнаго пѣнія въ церкви, и кому случится и въ дому своемъ, по большимъ и проѣзжимъ знатнымъ улицамъ, знатнымъ людямъ и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірскаго чину, передъ вороты учинить нѣкоторыя украшенія отъ древъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевеловыхъ, противъ образцовъ, каковы сдѣланы на гостинѣ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ, учинить возможно, а людямъ скуднымъ комуждо хотя по деревцу или вѣтви на вороты или надъ хороминою своею поставить и чтобъ то поспѣло нынѣ, будущаго января къ 1-го числу" и пр. Затѣмъ было предписано, какъ всѣ въ этотъ день должны поздравлять другъ друга „новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ", какая должна быть стрѣльба изъ „пушечекъ и, буде у кого есть, и изъ мушкетовъ", иллюминація и пр.

Плейеръ разсказываетъ, какъ очевидецъ, объ этомъ празднествѣ. Пальба изъ 200 орудій, поставленныхъ на Красной площади, и изъ мелкаго ружья по частнымъ дворамъ не умолкала цѣлую недѣлю. Ночью вездѣ горѣли огни и хлопали ракеты. Торжество заключилось 6-го января, въ день Богоявленія Господня, крестнымъ ходомъ на Іордань. Вопреки прежнему обычаю, царь не участвовалъ въ процессіи, а стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ при своемъ полку, выстроенномъ, вмѣстѣ съ другими полками, на Москвѣ-рѣкѣ. Всѣ солдаты были хорошо обмундированы и вооружены. Но красивѣе всѣхъ былъ царскій „лейбъ-регементъ" (Преображенскій полкъ) въ темно-зеленыхъ кафтанахъ.

Всѣ эти явленія доказывали, что въ самомъ началѣ XVII вѣка, „вѣка просвѣщенія", Россія, подражая другимъ народамъ въ лѣтосчисленіи, въ нравахъ и обычаяхъ, находилась на общей съ ними почвѣ культурнаго развитія. Характеръ державной власти государя, до тѣхъ поръ въ значительной степени духовный, напоминавшій нѣкоторымъ образомъ роль жреца, калифа, измѣнился совершенно. Прежніе цари участвовали въ процессіяхъ, отчасти даже прислуживали патріархамъ. Петръ, въ

офицерскомъ мундирѣ, былъ лишь скромнымъ зрителемъ духовнаго дѣйствія. Онъ, какъ представитель власти, служилъ государству. Во всемъ этомъ проявлялся процессъ секуляризаціи Россіи, заключался протестъ противъ византійскихъ началъ, господствовавшихъ до того въ жизни Московскаго государства.

XXXVI. Значеніе внѣшнихъ реформъ Петра.

(*Изъ „Публичныхъ чтеній о Петрѣ В.", Соловьева*).

Петръ еще въ концѣ XVII вѣка приступилъ къ преобразованіямъ, которыя должны были имѣть воспитательное значеніе для общества. Преобразованіе, которое произошло тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы и которое чаще, чѣмъ другія преобразованія, было предметомъ толковъ у современниковъ и потомковъ: это введеніе брадобритія и перемѣны платья. У потомства толки были частые по самой простой причинѣ: дѣло близкое, доступное, легкое, не требующее обширнаго знанія исторіи преобразовательной эпохи. И люди, которые не входили въ подробности петровскихъ преобразованій, не задавали себѣ вопроса о ихъ значеніи или отзывались объ нихъ вообще съ сочувствіемъ, позволяли себѣ вопросы: но зачѣмъ Петръ велѣлъ бороды брить? что онѣ ему помѣшали? зачѣмъ перемѣнилъ старое русское платье на иностранное? Историкъ не можетъ отдѣлаться отъ этого вопроса, указавши на его незначительность; не можетъ сказать: занимаясь изученіемъ такой громадной, важной дѣятельности, стоитъ-ли толковать о бородѣ и платьѣ? Стоитъ толковать, какъ стоитъ толковать о всѣхъ другихъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности, человѣческаго творчества. Одеждою человѣкъ дополняетъ свое существо, потребностію одежды отличается отъ другихъ животныхъ и тѣмъ прямо указываетъ на отношеніе одежды къ высшей, чисто человѣческой сторонѣ своей природы, въ одежду человѣкъ кладетъ свою мысль, въ одеждѣ отражается его внутренній, духовный строй. Говорятъ, человѣкъ, погруженный во внутренній, духовный міръ свой, занятый преимущественно его интересами, мало заботится объ одеждѣ; но эта малая заботливость также выражается въ одеждѣ, которая и тутъ не теряетъ своего значенія; одежда выразитъ и не нравственное побужденіе человѣка въ пренебреженіи ею, какъ было замѣчено объ одномъ древнемъ философѣ, что чрезъ прорѣхи его неряшливой одежды виднѣется его тщеславіе: такимъ образомъ, одежда, назначенная для прикрытія тѣла, обнажаетъ сокровенное духа. Отсюда понятно, почему вопросъ объ одеждѣ имѣлъ такое важное значеніе при переходѣ русскихъ людей изъ древней своей исторіи въ новую, почему съ него началось, можно сказать, это движеніе. Мы видимъ, что движеніе началось прежде Петра, до него русскіе люди стали работать новому началу, и перемѣна внутренняя необходимо должна была выражаться во внѣшнемъ—требовалось новое знамя, и этимъ знаменемъ прежде всего должно было служить измѣненіе наружности, измѣненіе одежды. Выставлялось новое знамя; одни шли подъ него; но

другіе упирались; мы знаемъ, какъ при подобныхъ движеніяхъ въ народахъ происходитъ рознь и страшная борьба, и если одни выставляютъ свое знамя, то другіе выставляютъ свое и съ ожесточеніемъ его отстаиваютъ и съ такимъ же ожесточеніемъ стремятся сорвать знамя противниковъ: не говоримъ уже о томъ, что въ обществахъ, подобныхъ древнему русскому, сильно обнаруживается извѣстное стремленіе къ идолопоклонству, т. е. смѣшеніе внутренняго съ внѣшнимъ, существеннаго съ несущественнымъ, образа съ изображаемымъ, случайное, измѣняющееся представляется священнымъ, неприкосновеннымъ, стремленіе, которое такъ ясно выразилось въ раскольничествѣ, старообрядчествѣ. Сто лѣтъ прежде описываемаго времени, на грани XVI и XVII вѣковъ, въ царствованіе Бориса Годунова, когда рѣшенъ былъ вопросъ о необходимости учиться у иностранцевъ, т. е. когда въ сознаніи народномъ дано было иностранцамъ преимущество, какъ учителямъ, начинается въ Москвѣ бритье бородъ, и тутъ же начинаются противъ этого сильныя выходки ревнителей старины. Послѣ смутнаго времени и послѣ отдыха отъ него при царѣ Михаилѣ, вопросъ о необходимости сближенія съ западомъ поднимается снова, снова рѣшается также утвердительно, и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ усиливается брадобритіе, и также слышатся сильныя выходки противъ этого гнуснаго эллинскаго обычая, какъ выражались ревнители старины. Правительство колеблется, оно стремится къ новому и въ тоже время пугается выходокъ ревнителей старины противъ знамени новаго, и въ угоду имъ не только запрещаетъ брадобритіе, но отнимаетъ чины за подрѣзываніе волосъ. Но это гоненіе на короткіе волосы, разумѣется, только раздражало людей, стремившихся къ новому, заставляло ихъ относиться къ длинной бородѣ и старому длинному платью такъ же враждебно, какъ ревнители старины относились къ гнусному эллинскому образу. Но ревнители старины не могли остановить роковое движеніе. Въ 1681 году царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ всѣмъ вельможамъ, дворянамъ и приказнымъ людямъ носить короткіе кафтаны вмѣсто прежняго длиннаго платья (охабней и однорядокъ), въ которомъ никто не смѣлъ являться не только во дворецъ, но и въ Кремль. Длинное платье замѣняется короткимъ: здѣсь весь смыслъ дѣла. Тѣ, которые жалуются на смѣну русскаго народнаго платья иностраннымъ, не обращаютъ вниманія на то, что здѣсь произошла перемѣна стариннаго платья не на платье какого-нибудь отдѣльнаго чужого народа, но на обще-европейское въ различіе отъ обще-азіатскаго, къ которому принадлежала древнерусская одежда. Въ чемъ же состоитъ главное различіе обще-европейской отъ обще-азіатской одежды: въ первой господствуетъ узкость и короткость, во второй широта и длиннота. Что же это: случайность? или здѣсь выраженіе духа народовъ, духа ихъ дѣятельности, ихъ исторіи? Длинная и широкая одежда есть выраженіе жизни спокойной, по преимуществу домашней, отдохновенія, сна; короткая и узкая одежда есть выраженіе бодрствованія, выраженіе сильной дѣятельности. Объясненіе сказанному представляетъ явленіе, безпрестанно совершающееся передъ нашими глазами: что дѣлаетъ человѣкъ, носящій длинную одежду, когда онъ хочетъ работать или идти пѣшкомъ? онъ подбираетъ свою длинную одежду. Тоже самое сдѣлало европейское человѣчество въ стремленіи къ той сильной работѣ, которою оно такъ отличалось передъ азіатскимъ человѣчествомъ, получило

преобладаніе надъ нимъ: европейское человѣчество постоянно подбирало свое платье, укорачивало, обрѣзывало его и дошло до фрака; который называютъ безобразнымъ. Историкъ не станетъ спорить съ художникомъ относительно красоты или безобразія; но его обязанность указать на смыслъ явленія. Широкая и длинная одежда должна была остаться въ Европѣ, какъ выраженіе особеннаго величія, спокойствія и торжественности въ противоположность будничной, рабочей жизни; она осталась одеждою царя въ чрезвычайныхъ случаяхъ; она осталась одеждою служителей алтаря; она осталась одеждою женщины, представительницы жизни внутренней, домашней, т. е. чуждой той уличной хлопотливости и бѣготни, которыя выпали на долю мужчины въ его преимущественно внѣшней общественной жизни. Раздѣленіе занятій между мужчиною и женщиною, это основное условіе развитія общества, раздѣленіе занятій, которое, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, служитъ самою крѣпкою связью между раздѣляющими занятіе и условіемъ успѣха въ дѣлѣ,—это раздѣленіе занятій естественно и необходимо выражается въ одеждѣ, и замѣчено, что у народовъ, менѣе развитыхъ, мы видимъ и меньшее различіе въ мужской и женской одеждѣ.

Въ постановленіи царя Феодора Алексѣевича о ношеніи короткой одежды высказалось стремленіе измѣнить азіатскій покрой одежды на европейскій. Укороченіе платья предвѣщало укороченіе бороды. Напрасно люди, ревностные не по разуму, усиливали свои выходки противъ брадобритія, посредствомъ котораго, по ихъ мнѣнію, губили образъ, отъ Бога мужу дарованный; тщетно отлучали отъ церкви не только брѣющихъ бороды, но и тѣхъ, которые имѣли общеніе съ брадобрійцами, тщетно вопили противъ еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ; тщетно стращали вопросомъ: если русскіе обрѣютъ бороды, то гдѣ станутъ на страшномъ судѣ—съ праведниками ли, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками? Всѣ эти выходки только вредили авторитету церкви, только усиливали раздраженіе въ противной сторонѣ, только увеличивали значеніе бороды, какъ знамени, и когда приверженцы новаго возьмутъ верхъ, то, разумѣется, они бросятся на враждебное знамя и сорвутъ его, выставятъ свое. И Петръ сорвалъ это знамя, когда возвратился изъ-за границы въ Москву въ страшномъ раздраженіи противъ людей, выставлявшихъ это знамя, какъ знамя православія и народности, въ страшномъ раздраженіи противъ стрѣльцовъ.

Затѣмъ послѣдовали указы и о ношеніи европейскаго платья,—указы, не могшіе очень поразить новизною послѣ указовъ царя Өеодора. Въ концѣ 1699 года была объявлена другая новость: приказано вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, какъ дѣлалось до сихъ поръ, а отъ Рождества Христова, и новый годъ считать не съ 1-го сентября, а съ 1-го января, ибо говорилъ указъ: „извѣстно великому государю, что не только во многихъ европейскихъ христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ славянскихъ, которые съ восточною православною нашею церковью во всемъ согласны, какъ: Сербы, Далматы, Болгары, и самые великаго государя подданные Черкасы (малороссіяне) и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята,—всѣ тѣ народы согласно лѣта исчисляютъ отъ Рождества Христова восемь дней спустя“. Преобразователь зналъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ

имѣетъ дѣло, зналъ, какъ трудно сдвинуть народъ съ вѣковыхъ привычекъ даже и въ томъ случаѣ, когда христіанскому народу предлагалось вести лѣтосчисленіе отъ Рождества начальника вѣры и спасенія; нужно было ослабить отталкивающій примѣръ нѣмцевъ, еретиковъ, и вотъ впервые предъ русскимъ народомъ выставляется примѣръ, авторитетъ народовъ близкихъ, родныхъ, примѣръ православныхъ славянъ. На границѣ двухъ вѣковъ, на границѣ древней и новой Россіи, раздался призывъ русскимъ людямъ къ единенію съ родными народами. Была и другая новость въ послѣдній годъ XVII вѣка: учрежденъ русскій „славный чинъ“ св. апостола Андрея. Первымъ кавалеромъ былъ ближній бояринъ и воинскаго морского каравана (флота) генералъ-адмиралъ Өедоръ Алексѣевичъ Головинъ.

XXXVII. Сенатъ, его составъ и кругъ дѣятельности.

(Изъ „Лекцій по исторіи русскаго права“, Сергіевича).

Сенатъ былъ учрежденъ въ 1711 году Петромъ и съ тѣхъ поръ существуетъ непрерывно до нашего времени, хотя роль и значеніе его очень колебались и измѣнялись съ теченіемъ времени. Сенатъ—названіе не русское; это можетъ навести на мысль, что и самое учрежденіе позаимствовано, особенно если вспомнить, что почти всѣ Петровскія учрежденія списаны съ иностранныхъ. Тѣмъ не менѣе сенатомъ мы никому не обязаны. Заимствовано одно имя, и что касается существа дѣла, то это учрежденіе совершенно оригинальное, свое, русское, созданное Петромъ изъ боярской думы, на основаніи тѣхъ потребностей и нуждъ, которыя самъ Петръ испытывалъ въ дѣлѣ управленія государствомъ. Названіе взято изъ Швеціи. Шведскій сенатъ прежде именовался государственнымъ совѣтомъ, и только съ конца XVII в. онъ сталъ называться сенатомъ, въ то же время измѣнилось и значеніе его. Въ Швеціи государственный совѣтъ игралъ роль посредника между представителями народа и государемъ. Дѣятельность его состояла въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы государь дѣйствовалъ въ предѣлахъ закона. Государственный совѣтъ былъ обязательнымъ совѣтникомъ короля, хотя никакой законъ не обязывалъ его поступать согласно съ мнѣніемъ совѣта. Королямъ удавалось иногда въ значительной степени умалять значеніе государственнаго совѣта. Съ такимъ упадкомъ государственнаго совѣта встрѣчаемся при Карлѣ XI, который переименовалъ его въ королевскій совѣтъ. При Карлѣ XII совѣтъ продолжаетъ оставаться въ весьма зависимомъ положеніи и получаетъ наименованіе сената. Царствованіе Карла XI и XII есть время упадка государственнаго совѣта, но позднѣе значеніе его снова возстановляется. Трудно думать, чтобы учрежденіе съ тѣми преданіями, которыя сохранялъ шведскій сенатъ даже въ царствованіе Карла XII, могло служить Петру В. образцомъ. Учреждая сенатъ, онъ вовсе не думалъ навязать себѣ совѣтниковъ, съ мнѣніями которыхъ ему надо было бы сообразоваться. Въ 1711 г. Петру пришлось уѣхать изъ С.-Петербурга по дѣламъ войны съ Швеціею. Для того, чтобы въ его отсутствіе управленіе государствомъ шло, какъ и при немъ, онъ

учредилъ сенатъ. Сенатъ возникъ, такимъ образомъ, по случаю отъѣзда государя, съ цѣлью замѣнить его, чтобы было кому дѣлать все то, что дѣлалъ бы самъ государь, а вовсе не для того, чтобы подавать совѣты государю, или наблюдать за его дѣятельностью. Учрежденный временно, сенатъ сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ. Всматриваясь ближе въ его составъ, вѣдомство, порядокъ рѣшенія дѣлъ, мы усмотримъ многія черты родства съ московскими учрежденіями.

Составъ. Члены совѣта носятъ наименованіе сенаторовъ и назначаются по усмотрѣнію государя. Съ учрежденіемъ коллегій нѣкоторые изъ сенаторовъ были назначены въ коллегіи—президентами; такимъ образомъ, высшія и низшія учрежденія состояли частью изъ однихъ и тѣхъ же членовъ. Члены московской думы также сидѣли въ приказахъ. Такое смѣшеніе, однако, не было удобно. Сенатъ, какъ высшее учрежденіе, долженъ былъ контролировать дѣйствія коллегій; тѣмъ членамъ сената, которые были президентами коллегій, приходилось контролировать самихъ себя. Поэтому въ 1722 г. Петръ предписалъ, чтобы сенаторы, не состояли членами коллегій, за исключеніемъ, однако, трехъ коллегій: военно-сухопутной, морской и иностранной. При сенатѣ состояли: 1) расправная палата (судебная), т. е. это одна изъ функцій думы, перешедшая на сенатъ. Первоначально эта судебная функція отправлялась сенатомъ въ томъ же мало оформленномъ видѣ, какъ и думой. Сенатъ судилъ даже въ первой инстанціи. Въ 1713 г. сенатъ самъ сдѣлалъ постановленіе о непринятіи къ разсмотрѣнію невершенныхъ дѣлъ. Въ 1722 году при сенатѣ, для болѣе правильной организаціи его судебной дѣятельности, учреждена должность рекетмейстера. Рекетмейстеръ принимаетъ, съ доклада сенату, жалобы на неправильныя рѣшенія коллегій, дѣлаетъ изъ нихъ выписки и докладываетъ сенату. Сенатъ рѣшаетъ. 2) При сенатѣ былъ учрежденъ разрядный столъ. Въ Москвѣ существовалъ разрядный приказъ, который вѣдалъ дворянскую службу. Петръ перенесъ это учрежденіе въ составъ сената. Въ 1722 году онъ поручилъ вѣдомство дворянской службы—герольдмейстеру, который состоялъ при сенатѣ, докладывалъ ему дѣла и былъ исполнителемъ его распоряженій. 3) При сенатѣ состояли коммиссары отъ каждой губерніи; не будучи членами сената, они доставляли ему нужныя справки, для собиранія которыхъ посылались сенатомъ въ свои губерніи. Письмоводство поручено оберъ-секретарю.

Вѣдомство. По отношенію къ этому вопросу нужно различать сенатъ въ первое время его существованія, когда не были еще учреждены коллегіи, и сенатъ послѣ ихъ учрежденія. Въ первое время сенатъ дѣлалъ все; съ учрежденіемъ же коллегій, многое изъ прежней дѣятельности сената перешло къ нимъ. Первоначально въ рукахъ сената были—какъ вся правительственная дѣятельность, такъ и судъ. Сенату принадлежалъ не только надзоръ за дѣятельностью низшихъ учрежденій, но и непосредственное управленіе. Въ 1711 году адмиралъ Апраксинъ просилъ у Петра денегъ на нужды флота, царь отвѣчалъ ему: „о деньгахъ изволь писать сенату, ибо все на нихъ положено"; когда сенатъ въ томъ же году представилъ Петру вѣдомость о доходахъ и расходахъ, то Петръ, хваля за присылку вѣдомости, прибавилъ: „но и лучше того старайтесь прибыль учинить, ибо нынѣ уже все у васъ въ рукахъ". Изъ этихъ заявленій видно, какъ самъ царь смотрѣлъ на вѣ-

домство сената. Сенатъ долженъ былъ заботиться о благосостоянiи и безопасности государства: въ его рукахъ было войско, финансы, торговля, промышленность; онъ проводилъ дороги и каналы; учреждалъ почты; въ самомъ Петербургѣ заботился о благоустройствѣ; принималъ мѣры во время голода, болѣзней; до учрежденiя духовной коллегiи завѣдывалъ даже духовными дѣлами. Въ указѣ сказано: „сенатъ собирается вмѣсто собственной Его Величества персоны". Сенатъ вѣдаетъ то, что вѣдалъ бы самъ государь: онъ двойникъ государя. Полководцы доносятъ ему о своихъ побѣдахъ, онъ ихъ награждаетъ. Адмиралъ Апраксинъ послалъ сенату донесенiе объ успѣшномъ отраженiи имъ турецкаго флота отъ Азова. Сенатъ опредѣлилъ выдать Апраксину похвальную грамату. Сенатъ, какъ и прежняя государева дума, составляетъ совѣтъ государя по законодательнымъ вопросамъ, не имѣя, однако, законодательной власти.

Сенату было предписано составлять новыя правила по тѣмъ пунктамъ, по которымъ въ старыхъ законахъ нѣтъ надлежащихъ узаконенiй, дѣлать объ этомъ государю доклады и представленiя, а въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, издавать на свой страхъ постановленiя, но представлять ихъ потомъ на одобренiе государя. Въ указѣ 1718 года сенатъ названъ высокоповѣреннымъ, которому довѣрено управленiе государствомъ.

По отношенiю къ государю сенатъ былъ простымъ исполнителемъ его воли, а низшiя учрежденiя должны были подчиняться указамъ сената такъ же, какъ и указамъ самого государя. Въ основѣ подчиненiя низшихъ мѣстъ сенату лежитъ то предположенiе, что сенатъ всегда дѣйствуетъ согласно съ законами, а потому, если низшее учежденiе получало указъ сената, по его мнѣнiю противный законамъ, оно должно было сдѣлать сенату о томъ представленiе. Если же сенатъ подтверждалъ свой прежнiй указъ, низшее мѣсто должно было исполнить его, но донести государю, а „сенатъ въ томъ отвѣтъ дать повиненъ", если государь дѣйствительно найдетъ, что предписанiе сената не согласно съ закономъ.

Порядокъ рѣшенiя дѣлъ. Въ самомъ началѣ въ сенатѣ существовалъ старый московскiй порядокъ рѣшенiя дѣлъ—единогласное рѣшенiе. Въ этомъ опять сходство съ московскими порядками. Въ нашей литературѣ очень распространено мнѣнiе, что въ сенатѣ этотъ старый порядокъ рѣшенiя дѣлъ сохранился до смерти Петра; Петровскiй доказалъ, что это мнѣнiе не вѣрно. Въ 1714 г. введено рѣшенiе по большинству голосовъ. Всякiй докладъ сенату Петръ предписалъ до рѣшенiя представлять каждому члену сената, чтобы всѣ высказали свое мнѣнiе для разъясненiя вопроса. При рѣшенiи предписывалось собирать голоса, начиная съ младшихъ членовъ. Такой порядокъ установленъ въ виду того, чтобы младшiе члены не стѣснялись мнѣнiями старшихъ. Но въ указахъ и послѣ 1714 г. есть выраженiя, наводившiя нашихъ изслѣдователей на мысль, что и послѣ 1714 года дѣла рѣшались единогласно. Такъ въ нихъ говорится: „безъ согласiя всего сената ничто же дѣлать не подобаетъ, паче же что рѣшить возможно". Отсюда и выводили заключенiе, что и послѣ 1714 г. дѣла рѣшались единогласно. Петровскiй доказалъ, что въ сенатѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Это ему легко было сдѣлать, имѣя подъ руками архивныя сенатскiя бумаги, изъ которыхъ видно, что въ сенатѣ принимались тѣ рѣшенiя, въ пользу

которыхъ высказалось большинство. Выраженіе же: „безъ согласія всего сената ничто же дѣлать подобаетъ, паче же что рѣшить возможно“—значитъ только, что Петръ требовалъ, чтобы къ рѣшенію дѣлъ приступали не прежде того, какъ всѣ сенаторы извѣстятся о дѣлѣ. Въ сенатѣ существовалъ такой порядокъ: если какой-нибудь членъ отсутствовалъ, то къ нему дѣло посылалось на домъ, чтобы онъ все-таки далъ свое мнѣніе. Мнѣнія должны были высказывать не только присутствующіе члены сената, но и отсутствующіе, за исключеніемъ находящихся въ дальнихъ отлучкахъ. Петръ мотивировалъ это постановленіе такимъ образомъ: „ибо симъ (т. е. изложеніемъ своего мнѣнія) всякого дурость явлена будетъ“.

Итакъ, спорное выраженіе значитъ, что безъ освѣдомленія всѣхъ членовъ сената дѣло не могло рѣшаться.

Надзоръ. Петръ имѣлъ въ виду создать въ сенатѣ послушное себѣ орудіе, которое бы энергически дѣйствовало; съ этою цѣлью онъ надѣлилъ его обширнымъ кругомъ вѣдомства и значительною властью по отношенію къ низшимъ мѣстамъ. Естественно Петру было позаботиться и о томъ, чтобы сенатъ не выступалъ изъ его воли. Съ этою цѣлью была установлена энергическая система надзора за дѣятельностью сената. Сперва этотъ надзоръ былъ порученъ генералъ-ревизору Зотову. Но дѣятельность его была малоуспѣшна. Зотовъ оставался въ этой должности не болѣе трехъ лѣтъ. Съ 1720 года надзоръ за дѣятельностью сената былъ присоединенъ къ обыкновеннымъ обязанностямъ оберъ-секретаря. Инструкція оберъ-секретарю подробно опредѣляетъ порядокъ теченія дѣлъ въ сенатѣ и возлагаетъ на оберъ-секретаря наблюденіе за его исполненіемъ. Дѣла должны слушаться по порядку вступленія; по каждому дѣлу сенаторы должны были совѣщаться не болѣе получаса; если же дѣло особенно важное, то въ теченіе трехъ часовъ; только въ крайнихъ случаяхъ можно было отложить рѣшеніе дѣла до другого дня. За этимъ долженъ былъ наблюдать оберъ-секретарь, предъ которымъ стояли песочные часы. Если сенаторы допускали какое-нибудь отступленіе отъ закона, то оберъ-секретарь долженъ былъ, покинувъ всѣ дѣла, немедленно донести государю. Весьма скоро этотъ новый способъ надзора оказался также недостигающимъ цѣли. Оберъ-секретарь находился въ довольно странномъ положеніи: онъ былъ подчиненъ сенату, а между тѣмъ долженъ былъ наблюдать за дѣйствіями сенаторовъ. Въ 1721 году для надзора за сенаторами были назначены штабъ-офицеры гвардіи; они дежурили помѣсячно. Имъ предоставлено было даже право арестовать непослушнаго сенатора и запереть его въ крѣпость. Эта крутая мѣра дѣйствовала не долго. Въ 1722 году Петръ учредилъ должность генералъ-прокурора. Генералъ-прокурору предоставлено было право наблюдать за дѣятельностью сената, за порядкомъ рѣшенія и за тѣмъ, чтобы всѣ рѣшенія сената были согласны съ законами. Если онъ замѣчалъ какое-нибудь отступленіе отъ закона, то долженъ былъ сдѣлать представленіе сенату. Если сенатъ не слушалъ, онъ долженъ былъ остановить рѣшеніе и донести государю. Генералъ-прокуроръ—начальникъ сенатской канцеляріи; чрезъ его руки поступаютъ въ сенатъ всѣ дѣла, кромѣ рекетмейстерской части. По указу 1722 года, выборъ генералъ-прокурора былъ предоставленъ сенату; но въ дѣйствительности Петръ самъ назначалъ генералъ-прокуроровъ, что болѣе было согласно съ сущ-

ностью дѣла. Сенатъ не очень любилъ это дополненіе къ его учрежденію. Когда при Аннѣ Іоановнѣ рѣшено было возстановить сенатъ въ прежнемъ значеніи, то въ первомъ же засѣданіи возстановленнаго сената обсуждался вопросъ, быть ли должности генералъ-прокурора или не быть? Сенатъ высказался противъ. Таковъ былъ сенатъ при Петрѣ Великомъ.

XXXVIII. Происхожденіе, развитіе и значеніе Сената при Петрѣ Великомъ.

(Изъ соч. Петровскаго: «О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго»).

Законъ развитія отъ простого къ сложному, раздѣленія и спеціализаціи труда господствуетъ не только въ сферѣ экономической, но и государственной; этотъ законъ проявляется и въ исторіи государственнаго устройства и управленія каждой страны, въ томъ числѣ и нашей. Уже въ дружинѣ князей лежитъ зерно развитія органовъ государственной власти. Изъ старшихъ дружинниковъ, людей близкихъ къ князю, составлялась Княжеская Дума или Совѣтъ—зародышъ позднѣйшей Царской Думы. Царская Дума, учрежденіе которой приписывается Ивану Грозному, не есть то же самое, что княжеская, только получившая другое названіе. Нѣтъ, Царская Дума представляетъ совершенно новое, развившееся изъ прежней Думы, но отличное отъ нея явленіе. Тогда какъ Княжеская Дума составляла совершенно частный совѣтъ князя и не имѣла никакого соотношенія съ другими органами управленія, Царская Дума является учрежденіемъ постояннымъ, съ опредѣленнымъ составомъ и организаціей, состоящимъ въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ верховной власти и къ прочимъ органамъ управленія.

Царская Дума совершенно подходила къ понятіямъ московскихъ царей, къ ихъ образу жизни посѣдливо-домовитому, къ ихъ дѣятельности медленной, неповоротливой. Но вотъ наступаетъ царствованіе Петра Великаго, и медленный ходъ нашей политической, экономечеcкой и общественной жизни понесся впередъ съ изумительной быстротой.

Думѣ при этой новой кипучей жизни оставалось одно изъ двухъ: или переустроиться соотвѣтственно новымъ потребностямъ, или уничтожиться и замѣниться другимъ учрежденіемъ, въ прежнемъ же своемъ видѣ она не могла оставаться. Время Петра требовало постоянной, быстрой, энергической дѣятельности. Часто отлучаясь изъ столицы, Петръ издали могъ дѣлать только главныя распоряженія, давать направленіе, а остальное долженъ былъ предоставить какому-либо лицу или учрежденію, которое бы пользовалось полнымъ его довѣріемъ, представляло бы во время его отсутствія его особу и власть, съ отчетомъ ему одному по его возвращеніи. Это лицо или учрежденіе должно имѣть въ своихъ рукахъ все высшее управленіе, отчасти законодательство и высшій судъ; къ нему, какъ къ центру, должны стекаться всѣ вопросы, требующіе разрѣшенія, часто немедленнаго. Петръ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ нуждался въ помощникѣ, въ учрежденіи, которое бы сняло съ него часть заботъ и раздѣлило его труды.

Дума не могла стать требуемымъ помощникомъ Петру. Она отличалась двумя характеристическими признаками—отсутствіемъ самостоятельности и всякой ини-

ціативы, т. е. какъ разъ противоположностью тому, что требовалось при данныхъ обстоятельствахъ. Можно задать однако вопросъ: почему Петръ уничтожилъ Думу и предпочелъ замѣнить ее учрежденіемъ иностраннымъ, Сенатомъ, а не попытался примѣнить ее къ даннымъ обстоятельствамъ, надѣливъ бо́льшими правами и сдѣлавъ способной къ дѣятельности болѣе энергичной и самостоятельной? Можно думать потому, что старое учрежденіе носило бы въ себѣ старыя преданія, воспоминанія и убѣжденія, шедшія въ разрѣзъ съ народившимися новыми. Дума—представитель старой Россіи, старой жизни; преобразовать ее—значило влить молодое вино въ старые мѣхи; въ ней долго жило бы воспоминаніе о прошломъ, и если не явно, то тайно проглядывали бы старыя привычки и понятія. Борясь съ старымъ духомъ, желая какъ можно скорѣе вытѣснить его, Петръ не давалъ новымъ учрежденіямъ старыхъ названій, вѣроятно потому, что всякое историческое имя есть живое представленіе идеи, которая упорно носитъ въ себѣ воплощеніе связанной съ ней старины, напоминаетъ, поддерживаетъ старый духъ.

Но почему же Петръ не поручилъ управленія, вмѣсто учрежденія, кому-нибудь изъ своихъ довѣренныхъ любимцевъ и помощниковъ? Петръ не довѣрялъ лицамъ. Отличительная черта всѣхъ его правительственно-судебныхъ преобразованій есть именно желаніе замѣнить единичныя лица коллегіями. Это превосходство коллегій надъ единоличностью прекрасно изложено въ предисловіи къ Духовному Регламенту и раньше кратко изложено въ 1718 году при сравненіи старыхъ Приказовъ съ вновь учреждаемыми Коллегіями. Тамъ сказано: «...коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ, въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли; въ коллегіи же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить».

Если Петръ не желалъ ввѣрить управленіе одному лицу по недовѣрію къ единоличному началу, и если не могла быть его помощникомъ старая Дума, какъ отжившая свое время и неспособная удовлетворить потребностямъ новаго времени, то оставалось только одно: создать новое учрежденіе на новыхъ началахъ, приспособленное къ новой жизни, какимъ и является Сенатъ. Такъ сама исторія наталкивала на учрежденіе Сената, и происхожденіе его нельзя приписывать одной личной волѣ Преобразователя и какъ бы его капризу или непреодолимой страсти къ подражанію чужеземнымъ образцамъ. Многія изъ его преобразованій требовались самою жизнью, были потребностью тогдашней Россіи и за нихъ мы должны быть благодарны ему. Къ такимъ учрежденіямъ принадлежитъ и Сенатъ.

Совершенно справедливо осудивъ Думу на уничтоженіе, Петръ однако не сразу рѣшился на замѣну ея другимъ учрежденіемъ. Причина тому, конечно, неимѣніе ничего выработаннаго, незнаніе, чѣмъ замѣнить. Но потребность поставить во главѣ управленія что-нибудь или кого-нибудь была крайне настоятельна, и потому Петръ приказалъ лицамъ, завѣдывавшимъ различными Приказами, съѣзжаться въ ближнюю Его Величества Канцелярію и заниматься дѣлами, касающимися всего государства по общему совѣту. Когда уничтожилась Дума и высшимъ мѣстомъ стала Ближняя Канцелярія—точно неизвѣстно. Въ 1700 году Дума еще существуетъ, а въ началѣ 1704 года Ближняя Канцелярія уже дѣйствовала съ характеромъ высшаго центральнаго учрежденія.

Петръ не былъ доволенъ Ближнею Канцеляріею, съѣзжающимися министрами; дѣла шли дурно: члены *консиліи* всѣ завалены своими дѣлами, часто разъѣзжаютъ то въ Петербургъ, то въ Воронежъ на верфь, то вызываются самимъ государемъ для разсужденія по дѣламъ, лежащимъ на каждомъ изъ нихъ; министры по прежнему за всѣмъ обращаются къ Петру, не смотря на постоянныя напоминанія его, чтобъ они сами рѣшали и не обращались къ нему. Пора было

прекратить временное положеніе, надо было дать государству дѣйствительное высшее центральное учрежденіе и въ немъ создать себѣ дѣятельнаго и могущественнаго помощника, а время наступало именно такое, какое наиболѣе побуждало къ тому: въ 1711 году Турція объявила войну Россіи; Петръ долженъ былъ готовиться въ далекій походъ на Прутъ; волей-неволей приходилось подумать о созданіи учрежденія прочнаго, организованнаго, энергичнаго, которое бы владѣло обширною властью и замѣняло его. Такъ Петръ нуждою, потребностью былъ приведенъ къ учрежденію Сената. 1711 года 22 февраля объявляется манифестъ о войнѣ съ Турціей и въ тотъ же день указъ объ учрежденіи Сената.

Хотя указъ объ учрежденіи начинается словами: «опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія», чѣмъ ясно указывается какъ причина созданія этого учрежденія, такъ и то, что оно только временное, но, тѣмъ не менѣе, Сенатъ является, какъ прочное, организованное учрежденіе, и несравненно выше, чѣмъ прежняя Дума или консилія бояръ въ Ближней Канцеляріи. Составъ Сената точно означенъ: онъ состоитъ изъ девяти сенаторовъ, и уже нельзя, какъ это было у бояръ въ Ближней Канцеляріи, приглашать еще кого вздумаютъ; канцелярія находится подъ вѣдѣніемъ оберъ-секретаря, отвѣтственнаго передъ Сенатомъ, и раздѣляется на столы. Петръ сразу далъ Сенату все, что требуется отъ высшаго государственнаго учрежденія и что въ особенности требовалось обстоятельствами того времени, и чего по преимуществу недоставало прежней Царской Думѣ,—онъ далъ ему большую самостоятельность въ дѣйствіяхъ, снабдилъ обширными полномочіями. Тогда же Петръ далъ Сенату инструкцію, чѣмъ онъ доженъ будетъ по преимуществу заняться. Всѣ пункты инструкціи можно сгруппировать около трехъ: 1) «Судъ имѣть не лицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія», судъ и надзоръ за правосудіемъ поставлены во главу дѣятельности Сената, потому что безъ этого немыслимо благосостояніе государства; 2) «Денегъ, какъ возможно, собирать, понеже деньги суть артеріею войны»; и наконецъ—3) «Дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать; такожъ тысячу человѣкъ людей боярскихъ грамотныхъ для того жъ».

Въ этихъ трехъ пунктахъ опредѣлилъ Петръ задачу Сената, кругъ его вѣдомства; но, конечно, это было только указаніе на главнѣйшія задачи Сената, а вовсе не *точное* опредѣленіе круга его вѣдомства. Сюда не входитъ множество предметовъ, подлежавшихъ его вѣдѣнію: ни слова не говорится о попеченіи, о благосостояніи и безопасности народа, о мѣрахъ противъ пожаровъ, разбоевъ, моровой язвы, противъ голода и т. д., а между тѣмъ все это было въ вѣдѣніи Сената. Давъ Сенату такія большія полномочія и власть, Петръ однако не забываетъ и объ отвѣтственности его. На Сенатъ можно жаловаться, и онъ отвѣтственъ, но только передъ однимъ государемъ. Петръ съ самаго начала учрежденія Сената постарался обставить его благопріятнымъ образомъ для выполненія своей задачи. Онъ не забылъ способа составленія приговоровъ. Всѣ сенаторы имѣютъ равныя голоса, всѣ должны собственноручно подписывать приговоры (это было введено еще для бояръ въ Ближней Канцеляріи); рѣшаются дѣла единогласіемъ; несогласіе одного дѣлаетъ приговоръ недѣйствительнымъ, но несогласившійся обязанъ дать «протестацію за своею рукою на письмѣ», т. е. протестъ долженъ быть мотивированъ, а не быть слѣдствіемъ одного упорства, каприза.

Для лучшаго и удобнѣйшаго сношенія Сената съ губерніями учреждаются по два коммиссара отъ каждой губерніи. Они принимаютъ отъ Сената указы, пересылаютъ ихъ губернаторамъ и сообщаютъ Сенату о всѣхъ дѣлахъ своихъ губерній.

Сенатъ, какъ полномочный правитель государства, долженъ надзирать за всѣми дѣйствіями правительственныхъ органовъ, за исполненіемъ указовъ, за необкрадываніемъ казны и народа. Чтобъ облегчить эту задачу Сената, Петръ учреждаетъ фискаловъ, съ оберъ-фискаломъ во главѣ, состоящимъ при Сенатѣ и имѣющимъ цѣлую цѣпь подчиненныхъ себѣ фискаловъ въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ. Это глаза и уши Сената, которыми онъ все видитъ и слышитъ. Фискалы подчинены одному Сенату.

Наконецъ, должно еще сказать о томъ, что Петръ, обращая постоянно вниманіе на войско и, конечно, требуя отъ Сената помощи въ военномъ дѣлѣ, въ самомъ же началѣ установленія Сената уничтожаетъ Разрядный Приказъ, а вмѣсто него учреждаетъ разрядный столъ при Сенатѣ, черезъ что передаетъ въ непосредственное вѣдѣніе послѣдняго главную силу тогдашняго войска—служилое сословіе.

Такъ организовался Сенатъ въ продолженіе марта мѣсяца 1711 года. Сенатъ—высшее судебное и высшее надзирающее учрежденіе и, наконецъ, Сенатъ—высшее административное учрежденіе. Административная власть Сената простиралась на всю огромную область, входящую въ сферу внутренней высшей администраціи государства: онъ вѣдалъ промышленность, торговлю, благоустройство, безопасность, финансы и военное дѣло. Административная власть его была такъ велика и такъ неопредѣленно поставлена самимъ Петромъ, что нерѣдко выходила изъ предѣловъ административной и переходила въ законодательную. Сенатъ собственною властью уничтожаетъ Приказы, возстановляетъ уничтоженныя, создаетъ новыя учрежденія, передаетъ предметы вѣдомства одного въ вѣдѣніе другого учрежденія, накладываетъ подати, уменьшаетъ ихъ, объявляетъ новые наборы рекрутъ, лошадей и т. д.

Сенатъ оправдалъ надежды своего творца и развилъ изумительную, до того времени небывалую, дѣятельность: наборъ войска, его обмундированіе, вооруженіе, отправка, снабженіе провіантомъ, заготовка и отправка лѣсовъ для флота; поощреніе торговли, мануфактуръ, приведеніе въ порядокъ финансовъ и забота объ усиленіи денежныхъ средствъ, мѣры противъ пожаровъ, разбоевъ, моровой язвы, мѣры по успѣшной постройкѣ каналовъ, дорогъ, по безопасности границъ отъ разныхъ кочевыхъ народовъ и т. д.—всего не возможно перечислить—все это не миновало его рукъ, такъ что во многихъ случаяхъ даже трудно сказать, гдѣ кончалась власть Сената и начиналась верховная власть монарха.

Конечно, потребность въ учрежденіи, подобномъ Сенату, чувствовалась раньше 1711 года и, безъ сомнѣнія, война съ Турціей дала только окончательный толчекъ къ учрежденію его, но замѣчательно, что, до самаго указа объ установленіи Сената, мы не находимъ ни одного намека на желаніе учрежденія его, ни разу ни въ письмахъ, ни въ указахъ не употребляется слово Сенатъ. Нельзя вѣрить внезапному созданію Сената, какъ нельзя вѣрить, чтобы только 22 февраля 1711 года вдругъ явилась потребность въ немъ, до тѣхъ поръ не существовавшая; но нельзя не пожалѣть, что исторія не оставила намъ никакихъ свѣдѣній относительно развитія идеи у Петра о созданіи этого учрежденія. Въ настоящее же время мы можемъ съ нѣкоторою вѣроятностью только догадываться, что шведскій Сенатъ послужилъ не образцомъ, потому что нашъ Сенатъ 1711 года и послѣдующихъ годовъ до 1718 по своему устройству не походитъ на шведскій, а по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ поводомъ и примѣромъ къ учрежденію высшаго съ бо́льшими полномочіями учрежденія и, можетъ быть, даже къ названію подобнаго учрежденія Сенатомъ. Примѣромъ и поводомъ къ учрежденію у насъ Сената Швеція тѣмъ удобнѣе могла служить, что положеніе обѣихъ странъ

имѣло нѣчто общее: Швеція находится въ подобномъ Россіи положеніи — длинная война и уже рѣшительное отсутствіе короля въ продолженіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ, а между тѣмъ дѣла идутъ недурно — всѣмъ управляетъ Сенатъ, ему за отсутствіемъ короля даны большія полномочія въ управленіи страною. Это-то сходство положеній обѣихъ странъ и потребность въ сильномъ правительственномъ учрежденіи, очень можетъ быть, привели Петра къ мысли учредить высшее съ огромными полномочіями учрежденіе и къ названію его тоже Сенатомъ. Кромѣ названія, общее между нашимъ и шведскимъ Сенатомъ—это чрезвычайно высокое положеніе ихъ, огромныя права, вызванныя одною и тою же потребностію замѣнить личность государей, въ одной странѣ (Швеціи) непрерывно отсутствовавшаго съ 1700 по 1714 г., а въ другой (Россіи) очень часто отсутствовавшаго изъ столицы; еще есть сходство, намекающее также на заимствованіе изъ Швеціи мысли объ учрежденіи Сената, это введеніе совершенно новаго института въ Россіи—фискаловъ, также существовавшихъ въ Швеціи, и гдѣ такъ же, какъ и у насъ, глава ихъ состоитъ при Сенатѣ. Во всемъ остальномъ Сенатъ долженъ былъ быть и былъ приноровленъ къ тогдашнему состоянію Россіи.

Что же стало послѣ учрежденія Сената съ Ближнею Канцеляріею? Она сдѣлалась тѣмъ, что и была по своему существу—просто канцеляріей Петра, потерявъ значеніе высшаго правительственнаго учрежденія. Ближняя Канцелярія по отношенію къ Сенату стала въ подчиненное положеніе, подобно всѣмъ другимъ учрежденіямъ, и Сенатъ шлетъ въ нее *указы*, а она обращается къ нему съ *донесеніями*, прося о томъ или другомъ дѣлѣ разрѣшенія.

Въ продолженіе царствованія Петра Великаго Сенатъ не оставался при одномъ и томъ же устройствѣ, данномъ ему первоначально. Во все царствованіе своего творца онъ постоянно развивается. Такъ, въ 1714 году Петръ велитъ печатать и продавать наравнѣ съ именными и указы Сената, содержащіе въ себѣ не частныя распоряженія, а общія для всего государства постановленія, чѣмъ указамъ Сената придается сила законовъ. Въ томъ же году судебное значеніе Сената стало еще выше: запрещено было обращаться къ Петру съ жалобой на несправедливое рѣшеніе, не бивши челомъ въ учрежденныхъ инстанціяхъ, причемъ на Сенатъ можно жаловаться только тогда, когда въ немъ «рѣшенія не учинятъ». Къ сожалѣнію, не объяснено, какъ понимать это выраженіе «кому въ Сенатѣ рѣшенія не учинятъ». То ли, что самъ Сенатъ откажется рѣшить почему-либо, или когда онъ будетъ медлить и тянуть дѣло? Но во всякомъ случаѣ, когда онъ постановилъ рѣшеніе, то оно уже безапелляціонно, хотя бы это рѣшеніе было и неправо. Это рѣшительно новость въ Россіи: прежде доступъ къ царю съ жалобой на какое угодно лицо и мѣсто былъ не возбраненъ.

Указомъ 1714 года 4 апрѣля повелѣвается вести протоколы по всѣмъ дѣламъ, что, конечно, нѣсколько замедляетъ дѣло, но за то заставляетъ каждаго сенатора тщательно обдумывать каждое изъ нихъ и относиться къ нему со всѣмъ вниманіемъ, запрещается посылать указы, что-либо рѣшающіе или вновь устанавляющіе по словесному или и письменному приказанію одного изъ сенаторовъ за подписью одного секретаря или дьяка, что устраняло такое важное зло, какъ произволъ одного лица. Не даромъ Петръ за неисполненіе этого указа грозитъ дьякамъ и секретарямъ смертною казнію. Но самое важное въ этомъ указѣ— это введеніе рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ. Первыми указами установлено было рѣшеніе дѣлъ по единогласію, но это оказалось неудобнымъ.

Съ 1718 года совершается огромная реформа какъ въ областныхъ, такъ и въ центральныхъ учрежденіяхъ Россіи, и то и другое на шведскій образецъ. Въ губерніяхъ являются Надворные, Провинціальные и Нижніе Суды, у воеводъ

отнимается судебная власть, появляются подвѣдомые Коллегіямъ каммериры, коммиссары, рекетмейстеры; въ столицѣ уничтожаются безпорядочные Приказы, и вмѣсто нихъ учреждаются Коллегіи съ систематическимъ распредѣленіемъ между ними различныхъ отраслей государственныхъ дѣлъ. Все это не могло не повести къ измѣненію въ положеніи Сената. Собирая подробныя свѣдѣнія о шведскихъ Коллегіяхъ и заставляя переводить ихъ регламенты на русскій языкъ, Петръ, конечно, интересовался и шведскимъ Сенатомъ. Съ устройствомъ центральныхъ и областныхъ учрежденій на манеръ Швеціи, не оставалось никакого препятствія и къ переустройству Сената, болѣе подходящему къ шведскому, тѣмъ болѣе, что переустройство требовалось и многими неудобствами прежняго положенія Сената. Теперь стало возможно и нашъ Сенатъ составить изъ президентовъ Коллегій и поставить его въ прямую связь съ Коллегіями, какъ въ Швеціи. Такъ и было. Въ 1718 году является именной указъ о должности Сената, гдѣ говорится, что «Сенату надлежитъ состоять изъ президентовъ Коллегій». Далѣе этотъ же указъ опредѣляетъ отношеніе Сената къ областнымъ управителямъ, говоря, что губернаторы и ландсгевдинги должны обращаться къ Сенату только по дѣламъ неподвѣдомымъ ни одной изъ Коллегій, «яко о начатіи какой войны, мора, какого замѣшанія (бунта) или какихъ припадковъ». Потомъ говорится, что Сенатъ выбираетъ «въ чины вышніе баллотированіемъ, также чины сказываетъ и даетъ указы во всѣ государства». Относительно же судебнаго значенія — Сенатъ съ этого времени пересталъ составлять прямую судебную инстанцію и переносъ дѣла изъ Юстицъ-Коллегіи въ Сенатъ могъ быть только тогда, когда челобитную о томъ подпишетъ самъ государь; причемъ жалоба на рѣшеніе Сената запрещена подъ страхомъ смертной казни: «понеже тотъ вышній Сенатъ отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ нетокмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть». Впрочемъ, это продолжалось только до 1720 года, до учрежденія должности генералъ-рекетмейстера. Далѣе въ этомъ указѣ идутъ приказанія всѣмъ мѣстамъ, по полученіи сенатскаго указа, немедленно рапортовать Сенату какъ о томъ, что указъ полученъ, такъ и о томъ, что въ исполненіе его сдѣлано; также предписывается непремѣнно письменное отправленіе всѣхъ дѣлъ съ вѣдома всего Сената; усовѣщивается Сенатъ вести себя прилично, имѣть попеченіе о благѣ государства и хранить и исполнять указы государя. Этимъ же указомъ предписано было Сенату составить свою канцелярію по образцу коллежскихъ, что въ 1719 году и сдѣлано Сенатомъ.

Этимъ указомъ вносится въ Сенатъ перемѣна въ личномъ составѣ, перемѣна въ отношеніяхъ къ другимъ учрежденіямъ, перемѣна въ судебномъ значеніи его, такъ какъ онъ пересталъ быть прямою судебною инстанціей, но это, какъ уже сказано, не надолго; измѣнилась канцелярія Сената, и вмѣсто прежнихъ дьяковъ и подъячихъ, подъ начальствомъ оберъ-секретаря, явились секретари, нотаріусы, актуаріусы, регистраторы и т. д.

Всего лучше власть Сената и значеніе его высказывается въ 8 и 9 пунктахъ этого указа: «едино сказать, всегда Сенату подобаетъ имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, доброе бы простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать», а также: «Сенатъ собирается вмѣсто присутствія его величества собственной персоны». Этою обязанностью доброе простирать, а все вредное отвращать власть его простирается такъ далеко, что она захватываетъ рѣшительно все, надзоръ за всѣмъ, происходящимъ въ государствѣ, и право посылать всюду указы, касающіеся рѣшительно всего.

Прежде всѣ и за всѣмъ обращались прямо къ Сенату, не зная никакихъ посредствующихъ инстанцій. Теперь указомъ 1718 года отношенія Сената къ областнымъ учрежденіямъ почти прекращаются; областные начальники должны обращаться, смотря по дѣлу, къ той или другой Коллегіи и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ—войны, моровой язвы, бунта—могутъ и должны обращаться къ Сенату, такъ какъ это, дѣйствительно, случаи, требующіе мѣръ чрезвычайныхъ, на что имѣетъ власть одинъ Сенатъ. Избавившись отъ областныхъ учрежденій, Сенатъ долженъ былъ стать въ прямыя и частыя сношенія только съ одними центральными учрежденіями—Коллегіями. По генеральному регламенту, Коллегіи находятся подъ указами только государя и Сената; онѣ должны неотложно исполнять всѣ указы Сената, въ случаѣ же, если найдутъ что-либо въ сенатскомъ указѣ противорѣчащее именнымъ, то докладываютъ о своемъ сомнѣніи Сенату, но если Сенатъ вновь подтверждаетъ свой указъ, то должны тотчасъ исполнить его и донести обо всемъ государю. При затруднительности дѣла, недостаткѣ закона, противорѣчіяхъ въ немъ, Коллегіи, выставивъ всѣ основанія и обстоятельства дѣла, должны непремѣнно приложить свое мнѣніе и представить въ докладъ Сенату. Если Коллегія усмотритъ что-либо новое и полезное государству, то доноситъ царю или Сенату. Сенатъ разрѣшаетъ временные отпуски чинамъ Коллегій. На мѣста выбывшихъ вице-президентовъ Сенатъ выбираетъ кандидатовъ, баллотируетъ ихъ и представляетъ на утвержденіе государю; совѣтниковъ и ассесоровъ утверждаетъ самъ, а прочихъ чиновниковъ выбираетъ Коллегія, а утверждаетъ Сенатъ. Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ Коллегій у насъ водворилась система и въ дѣлахъ правительственно-административныхъ, и здѣсь явились инстанціи: низшія, областныя учрежденія должны обращаться къ Коллегіямъ, Коллегіи—къ Сенату. Теперь и Сенатъ получилъ болѣе правильное устройство и кругъ дѣйствія: онъ сталъ для всѣхъ Коллегій высшею инстанціей, наблюдающею за ними и разрѣшающею ихъ недоразумѣнія, къ которой они обращаются, когда дѣло превышаетъ ихъ власть. Къ нему нельзя стало обращаться помимо коллегій, какъ было прежде при Приказахъ, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ. Сенатъ былъ освобожденъ отъ заваливающихъ его мелкихъ дѣлъ, чтобъ дать ему больше простора въ дѣлахъ высшихъ, государственныхъ.

Къ сожалѣнію, необходимый Сенату просторъ для высшихъ государственныхъ дѣлъ дался ему не скоро. Коллегіи, еще не привычныя къ новому своему дѣлу, безпрестанно тревожатъ Сенатъ пререканіями другъ съ другомъ о предѣлахъ и границахъ вѣдомства, безпрестанно спрашиваютъ указа у Сената о дѣлахъ, которыя нисколько не превышаютъ ихъ полномочій, и отвѣты на которыя имѣются въ указахъ очень ясные; воеводы, губернаторы и другіе военные и гражданскіе чины по старой привычкѣ безпрерывно обращаются за всѣмъ, помимо своихъ Коллегій, къ нему же.

Сенатъ толкуетъ, объясняетъ, сердится, грозитъ штрафами, если не перестанутъ къ нему обращаться не въ указанныхъ закономъ случаяхъ, и наконецъ прибѣгаетъ дѣйствительно къ штрафамъ.

Учрежденный на время, Сенатъ, съ устройствомъ Коллегій, дѣлается учрежденіемъ постояннымъ. Его существованіе тѣсно связывается съ существованіемъ Коллегій, и какъ Коллегіи были учрежденіями постоянными, такъ и замыкающій и связующій ихъ Сенатъ долженъ сдѣлаться также постояннымъ.

Въ концѣ 1721 года и въ началѣ 1722 слѣдуетъ снова рядъ реформъ относительно Сената. Это время совпадаетъ съ временемъ окончанія шведской войны, вслѣдствіе чего Петру предоставляется больше времени самому заниматься дѣлами внутренними, больше жить въ столицѣ; теперь Петръ не нуждался боль-

ше въ чрезвычайномъ помощникѣ, и часть полномочій, вызванныхъ прежнимъ частымъ отсутствіемъ Петра, должна была быть отнята у Сената, какъ несоставляющая сущности его, какъ обыкновеннаго высшаго учрежденія, и долженствующая по самому государственному устройству Россіи, какъ неограниченной монархіи, принадлежать всецѣло верховной власти,—мы говоримъ про прежнее право Сената издавать указы, что-либо вновь установляющіе, т. е. про власть законодательную. 19-го ноября 1721 года на докладныхъ пунктахъ Сѵнода Петръ собственноручно написалъ, что если «какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ Сѵнодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія нашей руки чинить». Это въ обыкновенное время. Но опять-таки въ случаяхъ чрезвычайныхъ, во время отсутствія его, какъ исключеніе изъ обыкновеннаго правила, Сенатъ вмѣстѣ съ Сѵнодомъ могутъ издать указъ, вновь что-нибудь установляющій. Въ 1722 году такія чрезвычайныя мѣры хотя и позволено принимать, но запрещается Сенату указы о томъ печатать и утверждать «по тѣхъ мѣстъ, пока отъ насъ оный аппробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ». Но тотъ же самый указъ 17 апрѣля 1722 года предоставляетъ Сенату широкое участіе въ дѣлѣ законодательства чрезъ дозволеніе ему всегда, когда онъ найдетъ въ какомъ-либо законѣ темноту, противорѣчіе или наконецъ просто отсутствіе на что-либо закона, составлять проекты и приносить на разсмотрѣніе и утвержденіе государя. Такимъ образомъ, отъ Сената взято было только то, что принадлежало ему временно, и оставлено все то, что должно принадлежать постоянному высшему центральному учрежденію.

Наибольшія измѣненія послѣдовали въ 1722 году. Учреждая Сенатъ изъ президентовъ Коллегій, Петръ, конечно, имѣлъ въ виду составить высшее правительственное учрежденіе изъ людей спеціальныхъ, изъ администраторовъ, близко знакомыхъ со всѣми подробностями управленія. Но составъ Сената изъ президентовъ Коллегій не соотвѣтствовалъ одной изъ главныхъ его цѣлей—контролировать Коллегіи и рѣшать дѣла по аппеляціи на нихъ. Указъ 1722 года января 12-го измѣняетъ составъ Сената. Въ Сенатѣ съ прежнею должностью президентовъ Коллегій сохранили свои мѣста только президенты: Иностранной, двухъ Воинскихъ и Бергъ-Коллегіи, прочія же Коллегіи получили другихъ президентовъ. Петръ сознается, что прежнее устройство неудобно и что «сіе сначала не осмотря учинено было» и выставляетъ двѣ причины этого неудобства: 1) что «правленіе сего государства, яко не распоряженнаго предъ симъ, непрестанныхъ трудовъ въ Сенатѣ требуетъ, а члены сенатскіе, почитай всѣ, свои Коллегіи имѣютъ: того ради не могутъ онаго снесть»; 2) чтобы «смотрѣли надъ Коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нынѣ, сами будучи во оныхъ, какъ могутъ сами себя судить». Президенты Коллегій Иностранной, Бергъ и двухъ Воинскихъ должны присутствовать только въ важныхъ случаяхъ и когда самъ государь присутствуетъ; но, впрочемъ, въ томъ же году всѣмъ этимъ президентамъ (Военной, Адмиралтейской, Иностранной и Бергъ-Коллегіи) снова велѣно постоянно присутствовать въ Сенатѣ, но только двумя днями меньше, чѣмъ прочимъ, «для малолюдства». Такимъ образомъ, нашъ Сенатъ снова отдалился отъ шведскаго.

Чтобъ сдѣлать строже надзоръ за всѣми финансовыми дѣлами, тѣмъ же указомъ Петръ уничтожаетъ Ревизіонъ-Коллегію и передаетъ ея дѣла Сенату.

Наконецъ, тѣмъ же указомъ установляются должности экзекутора, смотрящаго за своевременнымъ отправленіемъ и исполненіемъ указовъ Сената, герольдмейстера, генералъ-рекетмейстера и генералъ-прокурора съ оберъ-прокуроромъ.

Герольдмейстеръ завѣдывалъ всѣмъ дворянствомъ Имперіи. Онъ давалъ удостовѣренія въ дворянскомъ достоинствѣ и снабжалъ дворянскіе роды гербами.

Ему поручено вести списки всѣхъ гражданскихъ, придворныхъ и военныхъ чиновъ и ихъ дѣтей. Онъ же долженъ былъ наблюдать, чтобы дѣти дворянъ получали образованіе и не укрывались отъ службы. Онъ представляютъ Сенату требуемыхъ имъ кандидатовъ на должности и дѣлаетъ смотры недорослямъ.

Генералъ-рекетмейстеръ принимаетъ жалобы на Коллегіи, при чемъ если Коллегіи медлятъ рѣшеніемъ дѣлъ сверхъ положеннаго регламентомъ срока, то понуждаетъ ихъ къ скорѣйшему рѣшенію, а по жалобамъ на неправое рѣшеніе переноситъ дѣла въ Сенатъ. Къ нему же обращались иностранцы, незнающіе нашихъ судебныхъ порядковъ, и онъ былъ ихъ ходатаемъ и оберегателемъ. Впослѣдствіи ему же было поручено ходатайство по жалобамъ на помѣщиковъ, не дозволяющихъ на своихъ земляхъ отыскивать руду и строить заводы. Генералъ-рекетмейстеръ, равно какъ и герольдмейстеръ, имѣли свои конторы, составлявшія какъ бы части Сенатской канцеляріи.

Создавъ такое могущественное учрежденіе, какъ Сенатъ, Петръ не могъ оставить его дѣйствовать безъ надзора, а фискаловъ для этого было недостаточно; фискалъ не сидѣлъ въ присутствіи Сената, его надзоръ былъ тайный, онъ не предупреждалъ, а только каралъ преступленія. Недостатокъ надзора явнаго, предупреждающаго, чувствовался Петромъ давно,—тѣмъ болѣе, что, при системѣ каранія только совершившихся преступленій, не всякое преступленіе всплываетъ наружу. Кромѣ того, Сенатъ нуждался не въ одномъ предупрежденіи злоупотребленій, но и въ прекращеніи безпорядковъ, сильно вредившихъ быстрому и правильному ходу дѣлъ въ немъ; а между тѣмъ и злоупотребленія, и безпорядки въ Сенатѣ, по низкому нравственному уровню той эпохи и по непривычкѣ къ сдержанности, къ спокойному разсмотрѣнію дѣлъ, были довольно часты—не рѣдко въ немъ слышатся ссоры, брань, чуть не драка. Петръ еще въ 1715 году дѣлаетъ первую попытку къ установленію прямого надзора за Сенатомъ въ лицѣ генералъ-ревизора Зотова; впослѣдствіи, въ 1720 году, эта обязанность переходитъ къ оберъ-секретарю Сената, а въ 1721 году къ штабъ-офицерамъ гвардіи, по-очередно помѣсячно дежурившимъ въ Сенатѣ, пока наконецъ въ 1722 году Петръ не остановился окончательно на прокуратурѣ, какъ на учрежденіи, общемъ для всѣхъ коллегіальныхъ мѣстъ—Надворныхъ Судовъ и Коллегій, а не одного Сената. Во главѣ всей прокуратуры сталъ генералъ-прокуроръ съ своимъ помощникомъ, оберъ-прокуроромъ. Генералъ-прокуроръ обязанъ былъ всегда находиться въ Сенатѣ на самыхъ засѣданіяхъ и смотрѣть, чтобы всѣ дѣла докладывались правильно, по порядку, обсуждались сенаторами спокойно, безъ брани и шуму, голоса подавались въ порядкѣ и записывались въ протоколъ, и рѣшенія были бы согласны съ законами; при чемъ, если нарушался порядокъ обсужденія, или дѣлалось постановленіе противное регламентамъ, уложенію и именнымъ указамъ, то онъ имѣлъ право прекратить засѣданіе, остановить исполненіе приговора и донести государю. Онъ же завѣдывалъ канцеляріей Сената. Въ его рукахъ сосредоточился надзоръ не только за Сенатомъ, но рѣшительно за всѣми учрежденіями Имперіи чрезъ подчиненныхъ ему прокуроровъ и чрезъ фискаловъ, подчиненныхъ прокуратурѣ; это было око государево и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ, какъ выразился самъ Петръ,—око, не подлежащее даже суду Сената, а только одного императора, предъ нимъ однимъ отвѣтственное.

Такое могущественное учрежденіе, какъ генералъ-прокуратура, столь тѣсно связанное съ монархомъ, никому кромѣ его не подчиненное и предъ нимъ однимъ отвѣтственное, вооруженное властью останавливать сенатскіе указы, слѣдить за безпристрастіемъ сенаторовъ и дѣлать доношенія о томъ императору,—такое мо-

гущественное учрежденіе, казалось, могло бы унизить Сенатъ, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю силу его, управлять имъ и распоряжаться по своему произволу.

Но, не смотря на то, что первымъ генералъ-прокуроромъ назначена была даровитая и энергичная личность, именно Ягужинскій, Сенатъ не умалился въ своемъ величіи и не потерпѣлъ ущерба въ своей власти. Онъ чрезъ учрежденіе зоркаго контроля внутри себя лишился только возможности дѣлать злоупотребленія изъ своей власти, или по крайней мѣрѣ стали они труднѣе; но за то онъ чрезъ генералъ-прокурора сталъ, такъ сказать, въ непосредственную и постоянную связь съ монархомъ, а чрезъ подчиненныхъ генералъ-прокурору прокуроровъ и фискаловъ получилъ лучшія средства надзора за всѣми учрежденіями и должностными лицами. Генералъ-прокуроръ слился съ Сенатомъ, а не сталъ *надъ нимъ*, и раздѣлялъ съ нимъ общую участь, падая и возвышаясь совмѣстно.

1722 годомъ, можно сказать, заканчивается развитіе Сената при Петрѣ Великомъ; далѣе идутъ нѣкоторые указы, касающіеся Сената, но особо важнаго значенія, вліяющаго на общее его положеніе, не имѣютъ, а касаются только нѣкоторыхъ мелкихъ его подробностей.

Тщательно обставляя и устраивая Сенатъ, дѣлая его не по одному названію, но и на самомъ дѣлѣ Правительствующимъ, но въ то же время, чрезъ надзоръ надъ нимъ самимъ въ лицѣ генералъ-прокурора, отнимая у него средство къ злоупотребленію своею властью, Петръ создалъ въ немъ себѣ истиннаго помощника и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно могущественное, энергическое, самостоятельное, чисто-государственное учрежденіе, пріобрѣтшее себѣ любовь и уваженіе отъ современниковъ и потомства, по праву и съ честью замѣнившее собою прежнюю безсильную Царскую Думу. Не смотря на иностранное названіе и до нѣкоторой степени происхожденіе, Сенатъ сразу сроднился съ русской почвой и сталъ вполнѣ національнымъ, русскимъ учрежденіемъ, пережившимъ не только своего основателя, но, съ измѣненіями, требовавшимися временемъ и обстоятельствами, продолжающимъ жить до настоящаго времени.

XXXIX. Указы Петра Великаго на Зерцалѣ.

1. *Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго.* Понеже ничто такъ ко управленію Государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ; понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отъ части и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды: того ради симъ указомъ, яко печатью всѣ уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзалъ инымъ образомъ всякія дѣла вершить и располагать не противъ регламентовъ, и не точію рѣшить, ниже въ докладъ выписывать то, что уже напечатано (какъ то въ 13 день сего мѣсяца въ Сенатѣ хотя и не хитростію при Насъ учинилось, или подобную тому матерію, и требовать на то указа, и тѣмъ сочинить указъ на указъ, дабы въ мутной водѣ удобнѣе рыбу ловить, какъ то чинится нынѣ въ Помѣстномъ Приказѣ, толкуя нашъ указъ о наслѣдствѣ противнымъ образомъ), не отговариваяся въ томъ ничѣмъ, ниже толкуя инако. Буде же въ тѣхъ регламентахъ что покажется темно, или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не поло-

жено: такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить въ Сенатъ выписки о томъ; гдѣ повинны Сенатъ собрать всѣ Коллегіи и объ ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однакожъ не опредѣлять, но положа на примѣръ свое мнѣніе, объявлять Намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ регламентамъ, и потомъ въ дѣйство по оному производить. Буде же когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подписавъ всѣмъ чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ Насъ оной апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ. Буде же кто сей нашъ указъ преступитъ подъ какою отговоркою ни есть, слѣдуя правиламъ Гагариновымъ: тотъ, яко нарушитель правъ Государственныхъ и противникъ власти, казненъ будетъ смертію безъ всякія пощады, и чтобъ никто не надѣялся ни на какія свои заслуги, ежели въ сію вину впадетъ. И для того сей указъ напечатавъ внесть въ регламентъ и публиковать; также по данному образцу въ Сенатъ, доски съ подножіемъ, на которую оной печатанной указъ наклеить, и всегда во всѣхъ мѣстахъ, начавъ отъ Сената, даже до послѣднихъ судныхъ мѣстъ имѣть на столѣ, яко зеркало предъ очми судящихъ. А гдѣ такого указа на столѣ не будетъ, то за всякую ту преступку сто рублей штрафу въ гошпиталь.

Сей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указъ въ Сенатѣ подписанъ Собственною ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

„ПЕТРЪ“.

Въ Преображенскомъ, въ 17-й день Апрѣля 1722 года.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ, Генваря въ 22 день 1724 г.

2. *Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго.* Надлежитъ обрѣтающимся въ Сенатѣ, въ Сvнодѣ, Коллегіяхъ и Канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего Государства судьямъ и пришедшимъ предъ судъ чинно поступать, понеже судъ Божій есть: проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А ежели кто противно сему поступитъ и учинитъ какое безчинство, тотъ наказанъ будетъ по указу, данному въ 24 день Октября 1723 года, а именно:

Кто такое упрямство учинитъ противъ указовъ, какъ Шафировъ учинилъ въ Сенатѣ въ 31 день Октября 1722 года, такого объявя арестовать, которому не токмо вспомогать, какъ то учинили тогда въ Сенатѣ нѣкоторые изъ Членовъ Сенатскихъ, но должны Генералъ-Прокурору или Оберъ-Прокурору или Прокурору въ томъ вспомогать. А буде кто того не учинитъ или молчать будетъ, то оной равное осужденіе приметъ съ виннымъ; а буде кто хотя такого упрямства и не покажетъ, а станетъ браниться, здорить, или кричать, того Генералу или Оберъ-Прокурору оговорить, чтобъ пересталъ; а буде не послушаетъ, то снявъ знакъ на то учиненной, положить предъ нимъ, и поставить ящикъ, въ которой долженъ, не вставая съ мѣста, положить за ту вину 10 рублевъ; а буде въ другой разъ то учинитъ, то втрое; буде въ третій разъ тоже учинитъ, то 100 рублевъ, да арестъ тюремный на три дни. А буде кто въ томъ крику избранитъ кого, то годъ того жалованья, кто избранитъ, по его рангу, изъ чего половина обидимому, а другую въ госпиталь. А буде кто болѣе трехъ разъ учинитъ, отнять чинъ, треть

всего движимаго и недвижимаго; буде же кто дерзнетъ рукою, то казнить политическою смертію.

Равнымъ же образомъ имѣютъ наказаны быть доносители о дѣлахъ и челобитчики въ Сенатѣ и въ прочихъ судебныхъ мѣстахъ, ежели такую продерзость, какъ выше написано, учинятъ предъ судомъ.

Напротивъ того, всѣ правители судебныхъ мѣстъ должны съ челобитчиками и доносительми учтиво поступать, какъ о томъ въ 26 и 54 главахъ Генеральнаго Регламента о Коллегіяхъ ясно изображено, о поступкѣ съ Членами и служительми Президентамъ Коллегій. Буде же кто станетъ бранить, то денежнымъ штрафомъ на три мѣсяца обидимаго жалованья наказанъ будетъ, и предъ нимъ прощенія просить; а буде дерзнетъ рукою, то дать судъ по воинскимъ правамъ, какъ о томъ написано въ Морскомъ Уставѣ въ 5 книгѣ о штрафахъ въ 1-й главѣ въ 15 артикулѣ, ежели командиръ обрѣтающихся подъ своею командою безъ вины будетъ наказывать, или за свою вину дерзнетъ то чинить. А гдѣ Прокуроровъ нѣтъ, тамъ чинить по сему Членамъ тѣхъ судныхъ мѣстъ, гдѣ сіе случится.

Толкованіе. Сіе разумѣется о тѣхъ, которые въ рангахъ, а которые кромѣ ранговъ денежной штрафъ за бой, также и за брань надмѣрную для чести мѣста судебнаго по силѣ вины; также выключаются изъ сего тѣ, которые пытки уже достойны или наказанію.

ПЕТРЪ.

Въ Зимнемъ домѣ Генваря 21 дня. Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ 1724 года Генваря 27 дня.

1. *Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго.* Надлежитъ обрѣтающимся въ Сенатѣ, Сѵнодѣ, Коллегіяхъ, Канцеляріяхъ и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего Государства, вѣдать всѣ уставы государственные и важность ихъ, яко первое и главное дѣло, понеже въ томъ зависитъ правое и незазорное управленіе всѣхъ дѣлъ, и каждому для содержанія чести своей и убѣжанія отъ впаденія невѣдѣніемъ въ погрѣшеніе, и въ наказаніе должно. И дабы впредь никто невѣдѣніемъ о государственныхъ уставахъ не отговаривался (какъ учинилось отъ нѣкоторыхъ изъ Сената, въ прошломъ 1722 году въ 31 день Октября, въ Сенатѣ, въ дѣлѣ Шафирова, что невѣдѣніемъ про указъ Нашъ, который имъ тогда Оберъ-Прокуроръ читалъ, а они не вняли и учинили противность въ Сенатѣ, которымъ не помогло-жъ то невѣдѣніе, но штрафованы отнятіемъ чиновъ на время и арестомъ и деньгами); и для того отъ нынѣ, ежели о какомъ указѣ гдѣ при какомъ дѣлѣ помянуто будетъ, а кто въ то время не возметъ того указа смотрѣть и пренебрежетъ, а станетъ невѣдѣніемъ послѣ отговариваться, такихъ наказывать: въ первые—отнятіемъ чина на время и штрафу, годъ жалованья, въ другой рядъ—третьею долею всего движимаго и недвижимаго имѣнія, въ третій разъ—лишеніемъ всего имѣнія и чина вовсе.

ПЕТРЪ.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ. 1724 года Генваря 27 дня.

XL. Петровскія коллегіи.

(Изъ соч. Сергѣевича: „Лекціи по исторіи русскаго права“).

Петръ Великій замѣнилъ приказы коллегіями. Это учрежденіе цѣликомъ заимствовано имъ изъ Швеціи. Прежде, чѣмъ приступить къ этой реформѣ, Петръ собиралъ справки о коллегіяхъ и знакомился съ лицами, знающими коллегіальное устройство. Для этого онъ выписывалъ изъ Австріи, изъ каждой коллегіи по одному человѣку, преимущественно изъ чеховъ и моравовъ, какъ лицъ славянскаго происхожденія, въ томъ предположеніи, что они скорѣе познакомятся съ русскимъ языкомъ; приглашалъ шведовъ на русскую службу, а въ 1717 г. посылалъ русскихъ въ Кенигсбергъ для ознакомленія съ коллегіальными порядками. Наконецъ, былъ изданъ указъ, въ которомъ прямо было предписано составить всѣмъ коллегіямъ уставъ на основаніи шведскихъ законовъ.

Съ учрежденіемъ коллегій вводится не только болѣе правильности и порядка въ высшее управленіе, но и самыя задачи управленія расширяются. Въ распредѣленіе дѣлъ между коллегіями вносится болѣе системы; возникаютъ такія отрасли управленія, о которыхъ прежде не было никакой заботы: морское дѣло, торговля, промышленность, горныя дѣла поручаются попеченію особыхъ коллегій. Всѣхъ коллегій Петромъ учреждено 12. Посольскій приказъ преобразился въ коллегію Чужестранныхъ дѣлъ. Вмѣсто судебныхъ приказовъ учреждена Юстицъ-коллегія, которая завѣдывала какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ судомъ; позднѣе вотчинныя дѣла были выдѣлены и поручены особой Вотчинной коллегіи. Вмѣсто многихъ приказовъ, вѣдавшихъ доходы, была учреждена одна коллегія—Камеръ-коллегія. Наблюденіе за всѣми расходами поручено Штатсъ-Конторъ-коллегіи; на ея обязанности лежало составленіе смѣтъ, штатовъ и т. д. Наблюденіе за исполненіемъ смѣтъ по расходамъ и доходамъ возложено на Ревизіонъ-коллегію, но скоро Петръ замѣтилъ, что Ревизіонъ-коллегія дѣлаетъ тоже, что долженъ дѣлать сенатъ, и она была упразднена. Вмѣсто множества военныхъ приказовъ учреждена одна Военная коллегія, которая и должна была вѣдать все, относящееся до сухопутныхъ войскъ. Вновь учреждены: 1) Адмиралтейская коллегія для завѣдыванія флотомъ; 2) Бергъ-коллегія, она заботилась о развитіи горнаго дѣла. Петръ В. издалъ законы съ цѣлью поощренія горнаго дѣла; онъ предоставилъ каждому желающему отыскивать руду вездѣ, гдѣ бы онъ ее ни нашелъ, какъ на казенной, такъ и на частной землѣ. Отыскавшій руду могъ требовать отвода ему земли и построить заводъ. На обязанности Бергъ-котлегіи лежалъ отводъ земель желающимъ построить заводы, выписка изъ-за границы людей, искусныхъ въ горномъ дѣлѣ, учрежденіе на казенный счетъ заводовъ и пр. 3) Мануфактуръ-коллегія; ей поручены были заботы о развитіи народной промышленности. Она должна была выписывать изъ-за границы искусныхъ мастеровъ для ознакомленія русскихъ людей съ разными производствами; давать ссуды для желающихъ заводить фаб-

рики и заводы; привлекать изъ-за границы фабрикантовъ, давая имъ преимущества, но съ тѣмъ, чтобы они обучали извѣстное число русскихъ людей. 4) Коммерцъ-коллегія; ей поручено было попеченіе о торговлѣ. Она должна была заботиться о развитии внутренней и заграничной торговли и съ этою цѣлью устраивать внутри имперіи пути сухопутные и водяные, ярмарки, маяки, поощрять русское купечество къ постройкѣ кораблей, учреждать за границей консуловъ, составлять торговые трактаты и пр. 5) Духовная коллегія, нынѣ Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Но и при Петрѣ судъ и управленіе не были совершенно обособлены. Многія коллегіи производили и судъ надъ тѣми людьми, которыхъ онѣ вѣдали. Такой судъ принадлежалъ, хотя и за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, Мануфактуръ-коллегіи и другимъ. Каждая коллегія состояла изъ президента, нѣсколькихъ совѣтниковъ и ассесоровъ. Секретарь докладывалъ дѣла: онъ—глава канцеляріи, состоявшей изъ архиваріуса, регистратора и писцовъ. По регламенту, члены коллегіи должны были имѣть диспутъ по поводу представленнаго доклада, а затѣмъ уже приступали къ рѣшенію и собиранію голосовъ. Въ Адмиралтейсъ-коллегіи предсѣдателемъ былъ генералъ-адмиралъ.

Устроивъ коллегіи, Петръ В. позаботился и о надзорѣ. Система надзора была двоякая. 1) Система явнаго надзора, который выразился учрежденіемъ генералъ-прокурора и подвѣдомственныхъ ему прокуроровъ. Эти лица имѣли кресло въ присутственныхъ мѣстахъ и могли требовать для просмотра относящіяся къ дѣлу бумаги. 2) Тайный надзоръ, который Петръ В. поручилъ фискаламъ. Каждая коллегія должна была имѣть своего фискала. Фискалы должны были тайно наблюдать за ходомъ дѣлъ, и если замѣчали какое-нибудь незаконное дѣйствіе, то должны были доносить и уличать виновныхъ передъ судомъ. Во главѣ фискаловъ стоялъ генералъ-фискалъ, который долженъ былъ наблюдать даже за сенатомъ и за генералъ-прокуроромъ. Фискалъ получалъ половину штрафа, къ которому приговаривался тотъ, кто по доносу уличался въ противозаконномъ дѣйствіи. Сами же фискалы, въ случаѣ неправильнаго доноса, не подвергались никакой отвѣтственности. Такой порядокъ вещей далъ просторъ доносамъ и возбудилъ общество противъ фискаловъ. Позднѣе, на фискаловъ за неправильный доносъ налагался легкій штрафъ; если же доносъ былъ недобросовѣстенъ и сдѣланъ по злобѣ, фискалъ подвергался тому же наказанію, какому подвергся бы обвиняемый, если бы доносъ былъ доказанъ. Въ челобитчиковы дѣла фискалы не имѣли права вмѣшиваться.

Коллегіи просуществовали до императора Александра I. Только нѣкоторыя изъ нихъ были закрыты при Екатеринѣ II. Эта екатерининская реформа была вызвана ея губернскими учрежденіями и состояла въ томъ, что вмѣсто упраздненной Камеръ-коллегіи были учреждены въ губерніяхъ казенныя палаты, а вмѣсто Юстицъ-коллегіи—палаты уголовнаго и гражданскаго суда. Эти двѣ петровскія коллегіи были, такимъ образомъ, перенесены изъ центра въ губерніи; центральнымъ же учрежденіемъ, по этимъ предметамъ вѣдомства, остался одинъ сенатъ. Совершенно уничтожена была Мануфактуръ-коллегія; эту мѣру Екатерина мотивировала тѣмъ, что „собственная каждаго польза есть лучшее побужденіе къ учрежденію заводовъ и фабрикъ“.

Окончательная отмѣна коллегій послѣдовала въ царствованіе Александра I и состоитъ въ связи съ образованіемъ министерствъ, которыми были замѣнены петровскія коллегіи; нѣкоторыя же изъ нихъ были преобразованы въ департаменты министерствъ.

XLI. Взглядъ Петра на коллегіальное устройство и отношеніе коллегій къ сенату и мѣстному управленію.

(Изъ соч. Градовскаго: „Высшая администрація и генералъ-прокуроры въ XVIII в.“).

Двѣ любимыя идеи Петра—раздѣленіе властей или скорѣе вѣдомствъ, и повсемѣстное проведеніе коллегіальнаго начала не могли осуществиться въ провинціи; отдаленность провинцій заставляла сосредоточивать всю власть въ рукахъ губернаторовъ, а малолюдство, т. е. фактическое несуществованіе въ провинціи служилаго сословія, не допускало мысли о коллегіяхъ, основанныхъ на выборѣ. Если законодатель хотѣлъ, во что бы то ни стало, осуществить свои идеи, ему приходилось пользоваться лишь тѣмъ, что у него было подъ руками. Служилое сословіе было все въ рукахъ сената т. е. центральной власти—надо было замѣнить выборныя должности должностями по избранію этой власти; дворянство наполняло собою столицы—слѣдовательно, произвести разграниченіе вѣдомствъ и создать строго-коллегіальное управленіе можно было только въ столицахъ, съ помощію центральныхъ учрежденій. Когда теоретическая дѣятельность Петра коснулась этого вопроса, онъ принялся за него съ тою энергіею, которая вообще характеризуетъ его реформы. Во всѣхъ этихъ реформахъ видно глубокое убѣжденіе въ истинѣ защищаемой имъ теоріи. Почти при каждомъ удобномъ случаѣ Петръ I вооружается противъ самовластія и безконтрольности личнаго управленія, противъ этихъ судей, «которые дѣлали, что хотѣли, ибо излишнюю мочь имѣли». Въ самомъ военномъ уставѣ, гдѣ начало дисциплины положено въ основаніе всѣхъ правилъ, можно встрѣтить яркіе проблески недовѣрія Петра къ уму и способностямъ одного человѣка *). Но каждому, кто хочетъ изучить мысли Петра о пользѣ коллегіальнаго управленія, необходимо обратиться къ регламенту духовной коллегіи, гдѣ талантливое перо Ѳеофана Прокоповича вполнѣ развило мысль законодателя. При реформахъ въ другихъ частяхъ управленія Петръ обходился безъ мотивовъ: система нашей администраціи представляла полный просторъ дѣятельности всякаго преобразователя, да и старые «самовластные» судьи и воеводы не оставили въ народѣ доброй памяти. Но здѣсь преобразованіе необходимо было подкрѣпить сильными мотивами. Разъясняя народу эти мотивы, Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснилъ свой взглядъ на коллегіальное устройство

*) Это мѣсто воинскаго устава (см. изд. 1716 г. П. С. З. № 30006). Напр., онъ говоритъ о главнокомандующемъ: „Главныя и великія дѣла и всякія начинанія безъ консиліи генераловъ, собственнымъ своимъ изволеніемъ никогда чинити надлежитъ; но всегда съ совѣту, которой должны, какъ всѣ на совѣтѣ будущіе, такъ и главный своими руками закрѣпить, развѣ когда отъ непріятеля такое незапное нападеніе будетъ, что къ тому времени не будетъ, или иной незапный случай не допуститъ. И въ такомъ случаѣ и словесный консиліумъ, хотя и на лошадяхъ сидящимъ, отправлять должно“. Но особенно категорически высказывается эта мысль въ статьяхъ о судѣ. „Судъ всегда изъ нѣкотораго числа честныхъ особъ сочиненъ бываетъ, которымъ отъ высокаго начальства власть и мощь во управленіи правосудія дана“.

вообще и на выгоды его передъ всѣми другими формами управленія. На первомъ планѣ стоитъ бо́льшая возможность безпристрастія, чѣмъ при единичномъ управленіи, «понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ». Но «наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимству, суду, какой могутъ сложиться въ заступленіи винной или въ осужденіи невинной стороны, гдѣ аще и будетъ единъ отъ нихъ къ лицу судимому пристрастенъ и яростенъ, обаче другой и третій отъ гнѣва сего и пристрастія свободны, etc.» Здѣсь, слѣдовательно, Петръ ставитъ въ заслугу коллегіи то, что, по мнѣнію позднѣйшихъ государственныхъ людей Россіи, составляетъ ея недостатокъ. Графъ Сперанскій, сначала защитникъ, а потомъ горячій противникъ петровскихъ учрежденій, боится, что «члены присутствія часто сростаются въ одно лицо и тогда пристрастіе одного покрывается именемъ всѣхъ». Еслибы мы не знали, откуда занесены такія идеи въ Россію, то, конечно, можно было бы удивиться, почему графъ боялся пристрастія коллегіальныхъ членовъ, которымъ для этого надобно было предварительно сростись, и довѣрялъ болѣе лицу, неимѣющему этой необходимости, для возможности быть пристрастнымъ. Но кто не знаетъ, что идеи эти пришли изъ страны, гдѣ всемогущая администрація не любитъ непоколебимыхъ законовъ, гдѣ лучшіе публицисты смѣются надъ магистратурой, которая ни за что не соглашается пожертвовать администраціи буквой закона. Петръ былъ далекъ отъ такихъ взглядовъ; онъ высоко ставилъ значеніе законовъ и справедливо видѣлъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ надежную ихъ опору. Онъ объявляетъ, что подобныя учрежденія водворятъ въ народѣ уваженіе къ закону и укрѣпятъ основы самодержавной власти, снявъ съ нея обвиненіе въ произволѣ *); что подобное устройство вноситъ прочную систему въ государственное управленіе, устраняя опасность перерывовъ, колебаній и внезапныхъ измѣненій во взглядахъ и способахъ администраціи, неизбѣжныхъ при единоличномъ управленіи; что коллегіи менѣе находится въ зависимости отъ сильныхъ, хотя, съ другой стороны, коллегія получаетъ возможность контролировать свои собственныя дѣйствія, не выходя изъ сферы своего вѣдомства, что совершенно невозможно при бюрократическомъ составѣ, и что, наконецъ, коллегіи представляютъ отличную служебную школу, гдѣ вырабатывается извѣстный политическій духъ, и т. д.

Съ такою довѣренностью отнесся Петръ къ коллегіальной организаціи. Долгое время его, кажется, останавливало то соображеніе, что система эта, требующая прочныхъ формъ и привычки, нуждается въ спеціально подготовленныхъ лицахъ. Онъ искалъ ихъ повсюду. Въ 1715 г. генералу Вейде предписано вызывать въ Россію «ученыхъ и въ правовѣдѣніи искусныхъ людей для отправленія въ коллегіяхъ дѣлъ». Въ слѣдующемъ году сенатъ распорядился о высылкѣ въ Кенигсбергъ подъячихъ для наученія нѣмецкому языку и практики въ коллегіяхъ. Въ томъ же году Петръ старался вызвать дѣльцовъ изъ Австріи для этой же цѣли. **) Наконецъ, Петръ нашелъ возможность найти для коллегіи лицъ той націи, которой учрежденія послужили ему образцомъ. Трудно и, при на-

---

*) ...„Дабы не клеветали непокорливые человѣцы, что се или иное силою паче или по прихотямъ своимъ, нежели судомъ или истиною заповѣдаетъ монархъ“.

**) № 2967 Пм. д. резиденту Веселовскому; „по полученіи сего старайся, дабы сыскать тебѣ въ нашу службу изъ шрейберовъ или изъ иныхъ не гораздо высокихъ чиновъ изъ приказныхъ людей, которые бывали въ службѣ цесарской, изъ Бемчанъ, изъ Шленцевъ или изъ Бровцевъ, которые знаютъ по славянски, отъ всѣхъ коллегій, которыя есть у цесаря, кромѣ духовныхъ, по одному человѣку, и чтобъ они люди были добрые и могли тѣ дѣла (въ которыхъ коллегіяхъ они бывали) здѣсь основать“.

стоящихъ средствахъ, даже невозможно прослѣдить, насколько успѣшны были первыя попытки нашего правительства, т. е. согласились ли датчане и австрійцы явиться въ Россію, и научились ли чему-нибудь подъячіе въ Кенигсбергѣ: несомнѣнно только то, что шведы были послѣдніе иностранцы, призванные на нашу службу. Происходило ли это отъ того, что Петръ не довѣрялъ такого важнаго дѣла націи, съ которой находился въ войнѣ, но только до 1717 года не встрѣчается серьезнаго намѣренія поручить имъ учрежденіе русскихъ коллегій. Но съ 1718 г. Брюсу поручено приглашать военно-плѣненныхъ, обнадеживъ ихъ, что они не будутъ употреблены въ военное дѣло. Въ слѣдующемъ году такое же порученіе дано князю Хованскому, съ повелѣніемъ немедленно доставить изъ губерній такихъ плѣнныхъ, которые занимали въ своемъ отечествѣ какія-нибудь должности. Изъ доношеній Брюса сенату видно, что государь въ это время твердо рѣшился учредить государственныя коллегіи. Къ концу 1717 года сдѣлано распоряженіе о выборѣ президентами будущихъ коллегій совѣтниковъ и ассесоровъ, и тогда же вышло положеніе о штатѣ и о времени открытія ихъ.

Члены будущихъ коллегій должны были заняться составленіемъ устава каждый для своей коллегіи и подготовить открытіе ихъ къ 1719 г. На первоначальномъ планѣ коллегій видно, что Петръ не желалъ давать имъ того же характера, какой получили армія и флотъ. Онъ разграничилъ военную службу отъ гражданской и видѣлъ, что интересы одной совершенно не совпадаютъ съ интересами другой. Принужденный вести борьбу съ воинственными сосѣдями, онъ, конечно, нуждался въ средствахъ одинаковыхъ съ средствами враговъ. Флотъ и армія наиболѣе космополитическое учрежденіе въ томъ смыслѣ, что въ нихъ достоинства внѣшней организаціи, пріемовъ, тактики преобладаютъ надъ всѣми другими условіями, а потому всякое улучшеніе, сдѣланное въ оружіи, въ построеніи рядовъ и т. п. необходимо перенимается другими державами, если онѣ не хотятъ уступить своимъ сосѣдямъ въ силѣ и значеніи. Какъ только система постоянныхъ войскъ образовалась во Франціи, какъ, слѣдовательно, явилась возможность военнаго искусства, это значеніе арміи стало ясно. Но иначе было съ государственными учрежденіями. Здѣсь одно государство заимствуетъ у другого только въ случаѣ крайней необходимости, а тѣмъ неохотнѣе наполняетъ оно ряды своего служилаго сословія иноземцами. Они наполняли нашу армію со временъ Алексѣя Михайловича и толпами приходили подъ знамена Петра; въ концѣ XVII ст. старая русская система войска уже окончательно рушилась; войско перестало быть земскимъ ополченіемъ, основаннымъ на помѣстномъ элементѣ; оно потеряло уже историческую связь со старой Россіей; въ немъ выступила уже на первый планъ дисциплина, экзерсиціи, артикулъ, новый уставъ о прохожденіи службы; война и для насъ начала становиться искусствомъ, подобнымъ шахматной игрѣ. Но такъ ли было въ службѣ гражданской, это былъ еще вопросъ, и вопросъ довольно серьезный, разрѣшенный Петромъ только подъ конецъ его царствованія, гораздо позднѣе учрежденія коллегій. Онъ видѣлъ необходимость сохранить въ нихъ національные элементы, а потому пускалъ въ новыя учрежденія иностранцевъ настолько, насколько это было нужно въ видахъ обученія русскихъ незнакомому для нихъ дѣлу. Лучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли онъ признавалъ распредѣлять высшія должности между русскими, а канцелярскія между иностранцами и русскими. Въ этой тактикѣ нельзя не усмотрѣть стараго русскаго начала, господствовавшаго въ порядкѣ составленія приказовъ; и тамъ, и здѣсь правительство пополняло своими людьми только канцелярскія должности. Но теперь нарушена была гармонія, существовавшая въ старыхъ приказахъ между двумя составлявшими ихъ элементами. Юри-

дическое образованіе и административное искусство были одинаковы и у судей; и у приказныхъ, лишь изрѣдка канцелярія перевѣшивала значеніе судьи. Въ новыхъ учрежденіяхъ, напротивъ, все было основано на совершенствѣ формы, на бумажныхъ тонкостяхъ, на знаніи многочисленныхъ регламентовъ и указовъ, что давало неминуемый перевѣсъ канцелярскому элементу надъ членами коллегій. Какъ мы увидимъ ниже, Петръ постоянно смотрѣлъ на канцеляціи и ея секретарей, какъ на естественныхъ блюстителей закона и возлагалъ на нихъ обязанность наставлять членовъ коллегіи во всевозможныхъ затрудненіяхъ. Но все-таки не съ этой стороны грозило Россіи окончательное подчиненіе иноземнымъ теоріямъ и владычество бюрократіи. Опасность заключалась въ самомъ составѣ членовъ коллегіи. Обстоятельства Россіи требовали усиленнаго состава арміи; туда должны были уйти всѣ силы служилаго сословія. Петръ скупою рукою отпускаетъ для гражданскаго управленія служащихъ; указы постоянно подтверждаютъ, чтобы въ гражданскую службу брали не болѣе одной трети молодого шляхетства, а остальное должно было идти въ военную службу. Между тѣмъ преобразовательные планы Петра требовали бо̀льшаго числа рабочихъ рукъ. Какъ пополнить недостающее число? Правительство принуждено было прибѣгнуть къ средству, довольно знакомому всѣмъ государствамъ, по политическимъ обстоятельствамъ превращеннымъ въ военный станъ. Не имѣя досточнаго количества людей для гражданскаго управленія, оно должно было пополнять недостающее число людьми, оказавшимися лишними на военной службѣ. Для Россіи это обстоятельство имѣло двоякое послѣдствіе: наполняя коллегіи людьми, взятыми непосредственно отъ военныхъ дѣлъ, правительство ставило ихъ въ зависимость отъ канцеляріи и, зная ихъ неспособность, привыкло всего ожидать отъ писцовъ и секретарей, сносилось только съ ними, что въ результатѣ повело къ паденію коллегіальнаго начала. Затѣмъ, наполняя гражданскія должности военными, правительство давало службѣ людей неспособныхъ къ ней, но зато выросшихъ и закалившихся въ военныхъ понятіяхъ. Понятія эти, перенесенныя на гражданскія дѣла, должны были имѣть значительное вліяніе на нихъ, самая служба эта считалась естественнымъ дополненіемъ къ дѣятельности военнаго, какъ убѣжище его послѣ долговременныхъ трудовъ въ лагерѣ. Наконецъ, именно съ этой стороны началъ проникать въ нашу гражданскую службу иностранный элементъ, допущенный въ низшія должности самимъ законодателемъ въ небольшомъ числѣ; иностранцы умѣли брать себѣ должности высшія какъ награду за военную службу, искажать мысль законодателя, хотѣвшаго оставить гражданское управленіе въ рукахъ природныхъ русскихъ.

Во всякомъ случаѣ, учрежденіе коллегій указываетъ на тотъ фактъ, что мысль Петра была перенесена на центральныя учрежденія и что онъ навсегда покинулъ мысль провести начало раздѣленія властей и коллегіальнаго устройства въ области, гдѣ не было къ тому ни средствъ, ни людей. Всѣ его усилія пошли на центральное устройство, и тѣмъ положено прочное начало всѣмъ послѣдующимъ реформамъ; съ этого времени главный интересъ администраціи сосредоточивается въ судьбѣ этихъ учрежденій, и отъ ихъ равновѣсія и отношеній зависитъ все направленіе нашего государственнаго устройства.

Вновь учрежденныя коллегіи опирались на тѣ государственные интересы, которые были на первомъ планѣ еще въ старой Россіи. Финансовые вопросы, конечно, больше всего занимали правительство; для нихъ были учреждены четыре коллегіи—камеръ, ревизіонъ, статсъ-конторъ и бергъ-коллегія. Для военнаго дѣла двѣ: военная сухопутная и морская, или воинская и адмиралтейская коллегіи. Для иностранныхъ сношеній одна, и для суда одна коллегія. Наконецъ, Петръ

учредилъ двѣ коллегіи для такихъ цѣлей, которыя показывали уже его намѣреніе замѣнить государственною дѣятельностью самодѣятельность общества. Онъ видѣлъ что торговая и промышленная дѣятельность составляютъ основу могущества многихъ иностранныхъ державъ, и рѣшился достигнуть того же, поставивъ торговцевъ и мануфактуристовъ подъ непосредственную опеку государства; интересы торговли были поручены коммерцъ, а фабрики мануфактуръ-коллегіямъ. Зато между коллегіями не встрѣчается одной, рекомендованной Петру еще Лейбницемъ, именно коллегіи полиціи. Полицейское дѣло лишь постепенно входило въ составъ государственныхъ учрежденій и въ теченіе почти всего XVIII столѣтія не имѣло отдѣльнаго учрежденія, довольствуясь одною должностію генералъ-полиціймейстера, Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Петръ не заботился объ этомъ предметѣ; напротивъ, изъ всѣхъ государей XVIII столѣтія, кромѣ Екатерины II, онъ больше всѣхъ заботился о полицейскихъ вопросахъ. Но учреждать для этого отдѣльное установленіе онъ не считатъ необходимымъ; для важнѣйшихъ вопросовъ высшей полиціи у него были сначала Преображенскій приказъ, а послѣ тайная канцелярія, для прочихъ же полицейскихъ вопросовъ онъ считалъ совершенно достаточною дѣятельность губернаторовъ, воеводъ, земскихъ коммиссаровъ и другихъ чиновниковъ провинціи.

Въ какомъ отношеніи должны были стать коллегіи къ мѣстному управленію съ одной и къ Сенату—съ другой стороны? Этотъ вопросъ не былъ окончательно разрѣшенъ самимъ законодателемъ и былъ предоставленъ практикѣ и историческому ходу событій. Впрочемъ, уже съ самаго начала можно было опредѣлить нѣкоторыя послѣдствія того положенія коллегій, въ которое онѣ были поставлены, изъ круга ихъ вѣдомства и самой организаціи. Прежде всего нельзя не замѣтить, что не всѣ коллегіи должны были одинаково относиться къ провинціямъ, хотя всѣмъ имъ дано право посылать указы губернаторамъ. Нѣкоторыя должны были вовсе извлечь извѣстныя дѣла изъ вѣдома губернскихъ властей, сосредоточивъ ихъ въ столицѣ; таковы, напр., коммерцъ - и мануфактуръ-коллегіи—онѣ не имѣли инстанцій въ провинціяхъ и всѣ цѣликомъ сосредоточивались въ столицѣ. Другія выработали себѣ порядокъ инстанцій съ совершенно-независимымъ кругомъ вѣдомства; онѣ имѣли инстанціи въ губерніяхъ, но инстанціи, независимыя отъ областного начальства, какъ, напр., юстицъ-коллегія. По примѣру шведскаго уложенія, ей поручено создать въ главнѣйшихъ городахъ надворные суды, главные суды по губернскимъ городамъ и низшіе въ малыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, губернаторамъ и другимъ мѣстнымъ властямъ строго воспрещено вмѣшиваться въ дѣла юстиціи. Въ отношеніи къ третьимъ, областные начальники стали посредствующими инстанціями по главному роду своей дѣятельности, какъ, напр., въ отношеніи къ камеръ-коллегіи. Наконецъ, въ послѣднихъ сосредоточились такія дѣла, которыя давно были выдѣлены изъ областей, или рѣдко къ нимъ относились—это такъ-называемыя первыя государственныя коллегіи, игравшія впослѣдствіи такую видную роль въ борьбѣ съ властію сената.

Такимъ образомъ, для исторіи областного управленія выдѣляется значеніе камеръ и юстицъ-коллегіи. Чрезъ нихъ центральное правительство главнымъ образомъ дѣйствовало на провинцію. Между ними двумя распредѣляется вся сумма мѣстныхъ должностей. Такъ, ландраты и коммиссары отданы въ вѣдѣніе камеръ, а ландрихтеры—юстицъ-коллегіи. Затѣмъ, все областное управленіе было отдано въ главное распоряженіе камеръ-коллегіи. Первенствующее значеніе этихъ коллегій для областей видно также изъ того, что при нихъ только развилась система фискаловъ со всѣми инстанціями, а всѣ фискальскія дѣла отданы въ вѣдѣніе одной юстицъ-коллегіи. Хотя генеральный регламентъ даетъ каждой коллегіи

своего фискала, который долженъ вездѣ наблюдать за исполненіемъ ея указовъ и ограждать ея интересы, но ни одинъ изъ этихъ фискаловъ не имѣлъ такой лѣстницы подчиненныхъ фискаловъ, какую имѣлъ фискалъ юстицъ-коллегіи (государственный оберъ-фискалъ) и камеръ-коллегіи, въ лицѣ земскихъ фискаловъ. Должности фискаловъ при другихъ коллегіяхъ до того блѣдны и незамѣтны, что законодатель, учредивъ ихъ, потомъ уже не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Причина эта понятна; фискальская должность дѣятельна и дѣйствительна только тогда, когда она построена на іерархическомъ началѣ, когда цѣпь ихъ завязывается въ низшемъ административномъ дѣленіи страны и оканчивается у верховной власти; поэтому истинное значеніе должность эта могла получить только въ такихъ коллегіяхъ, которыя шли, такъ сказать, въ глубь страны, каковы были камеръ-и юстицъ-коллегіи. Скоро выдѣлились онѣ особнякомъ отъ всѣхъ прочихъ коллегій, выдѣляя вмѣстѣ съ собою финансовое и судебное вѣдомство, на которыхъ впослѣдствіи главнымъ образомъ опиралась дѣятельность сената. Прочія коллегіи не имѣли инстанцій въ губерніи. Желая пользоваться помощію мѣстныхъ лицъ, они должны были опираться на тѣ учрежденія, которыя уже фактически находились въ распоряженіи другихъ коллегій. Это совмѣстное пользованіе одними и тѣми же агентами могло происходить на неравныхъ правахъ. Полнаго равенства, конечно, существовать не могло уже потому, что одна коллегія, по роду своихъ занятій, не нуждалась въ такихъ частыхъ сношеніяхъ съ провинціальными учрежденіями, какъ другія; оттого многія коллегіи прошли безъ всякаго слѣда для областей. Напротивъ, другія вѣдомства стремились занять верховное положеніе въ провинціи, опираясь на свое могущество въ столицѣ. Не задолго до учрежденія коллегій, сенатъ долженъ былъ издать указъ, запретившій принимать воинскимъ начальникамъ жалобы по гражданскимъ дѣламъ. Но впослѣдствіи само правительство поручаетъ надзоръ за губернаторами полковникамъ, опредѣленнымъ въ уѣзды для квартированія и продовольствія полковъ. Такъ начинаются уже неясныя отношенія, которыя должны были впослѣдствіи привести къ важнымъ затрудненіямъ и столкновеніемъ. Кромѣ юстицъ-и камеръ-коллегіи, всѣ остальныя сосредоточиваютъ весь интересъ управленія въ столицѣ. Такое значительное число верховныхъ мѣстъ, исключительно центральнаго управленія, не могло не отразиться на учрежденіи сената. До настоящаго времени онъ былъ единственнымъ средоточіемъ администраціи, финансоваго управленія, суда, а теперь ихъ явилось девять, при чемъ каждое получило право посылать указы, сноситься непосредственно съ государемъ чрезъ своихъ президентовъ и, при неточности тогдашнихъ законовъ, довольно независимо управлять своимъ вѣдомствомъ. Сенатъ долженъ былъ лишиться той доли непосредственнаго управленія, которую онъ имѣлъ при прежней системѣ. Это было естественно. Имѣя установленія, каждое спеціально назначенное для извѣстной части администраціи, естественно было изъять эти дѣла изъ вѣдомства учрежденія, гдѣ они были смѣшаны безъ всякой системы и гдѣ, при малолюдствѣ членовъ и разнообразіи дѣлъ, государственные интересы терпѣли, быть можетъ, значительный ущербъ. Всѣ дѣла, производившіяся въ сенатѣ, были разосланы по всѣмъ коллегіямъ по принадлежности, по крайней мѣрѣ, относительно юстицъ коллегіи сохранились по этому поводу значительныя подробности. Губернаторы поставлены въ зависимость отъ коллегій; имъ предоставлено даже право штрафовать ихъ, не сносясь съ сенатомъ. Въ строгомъ смыслѣ коллегіями должно было заканчиваться каждое дѣло. Не говоря уже о коллегіяхъ, не знавшихъ инстанцій, въ самомъ судѣ, наиболѣе щекотливомъ вопросѣ Россіи,—вопросѣ, въ которомъ русскій человѣкъ не рѣшался остановиться, не дойдя до самого государя,—и здѣсь замѣтно стремленіе сдѣлать коллегію по-

слѣднею законною инстанціею, устранивъ отъ сената совершенно неидущую къ нему судебную дѣятельность. Въ 1718 году право подавать въ сенатъ жалобы выставляется, какъ особая милость, при чемъ просьбы подаются вовсе не въ сенатъ, а сенатскому секретарю, и затѣмъ вовсе запрещены жалобы лично государю. Наиболѣе отразилось это намѣреніе въ учрежденіи рекетмейстера. Еще до учрежденія этой должности, Петръ заботился уже объ облегченіи сената, заваленнаго просьбами. Въ 1720 году съ этою цѣлью къ сенату прикомандированъ былъ особый чиновникъ, «особа знатная», который долженъ былъ принимать жалобы, разсматривать, въ какой коллегій какое дѣло производится, имѣть на томъ настояніе и только въ крайнемъ случаѣ докладывать сенату. «Знатная персона» впослѣдствіи превращается въ генералъ-рекетмейстера, котораго можно назвать отводомъ сенатскимъ отъ судебныхъ дѣлъ, и вообще отъ занятій, предоставленныхъ коллегіямъ, въ силу ихъ наказовъ и регламентовъ.

XLII. Областное дѣленіе 1708 года.

(Изъ соч. Мрачекъ-Дроздовскаго: „Областное управленіе Россіи XVIII вѣка“).

Древняя русская область развивалась исторически. Множество областныхъ единицъ существовали независимо другъ отъ друга, каждая имѣла свои органы для управленія. Это осложнило составъ центральной власти и при отсутствіи всякой опредѣленности, т. е. общихъ началъ въ смыслѣ правительственномъ, мѣшало разграниченію отдѣльныхъ вѣдомствъ и затрудняло сношенія центральной власти съ органами областного управленія. При подобныхъ условіяхъ невозможна была энергическая правительственная дѣятельность, необходимая для многосторонней реформы Петра В.: послѣдняя предполагала область не бытовую, а искусственную, учрежденную самимъ правительствомъ для его цѣлей,—область, съ которой сношенія центральной власти были бы наиболѣе облегчены, въ которой предписанія исполнялись бы быстрѣе, при чемъ контроль надъ дѣйствіемъ областныхъ правителей и отвѣтственность послѣднихъ приняли бы болѣе широкіе размѣры, сдѣлались бы возможнѣе и строже.

Такова цѣль новаго областного дѣленія Петра В., измѣнившаго прежнюю бытовую область въ административную. Первую попытку раздѣленія Россіи на такія единицы должно отнести къ 1707 году, когда предписано было всѣ города, отстоящіе далѣе 100 верстъ отъ Москвы, для удобства управленія ими, росписать на слѣдующіе пять округовъ: къ Кіеву, Смоленску, Азову, Казани и Архангельску. Что же касается до городовъ въ 100 верстахъ отъ Москвы, то изъ нѣкоторыхъ узаконеній явствуетъ, что они были соединены въ административномъ отношеніи съ Москвой.

Какъ были распредѣлены эти округа, за отсутствіемъ какихъ бы то ни было указаній, рѣшить нельзя; что же касается до управленія въ нихъ, то мы, кажется, имѣемъ право предположить, что оно осталось прежнимъ, т. е. со времени общественныхъ реформъ 1699 года.

Имѣя характеръ предуготовительной, кратковременной мѣры, эти округа не были еще извѣстны подъ названіемъ губерній, хотя терминъ «губернія» встрѣчается еще раньше, а именно въ 1706 году, когда была образована Ингерманландская губернія, предупредившая, такимъ образомъ, всѣ остальныя. Болѣе

серьезная, какъ по сущности, такъ и по продолжительности, попытка принадлежитъ концу 1709 года: именнымъ указомъ 18 декабря этого года Россія раздѣлена была на восемь губерній, къ которымъ и росписаны всѣ города. Однимъ изъ основаній этого дѣленія послужила, какъ видно изъ текста указа, бóльшая или меньшая близость того или другого города отъ назначеннаго областного центра, т. е. губернскаго города, въ которомъ сосредоточено управленіе. Начала управленія областью, какъ административною единицей, обозначены довольно ясно въ актѣ учрежденія и послѣдующихъ указахъ: впрочемъ, развитіе этихъ началъ принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ нашей исторіи, а здѣсь, такъ сказать, лишь положенъ краеугольный камень.

Обозначимъ эти начала въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Область, губернія—есть административная единица, состоящая изъ административнаго центра, губернскаго города, и подчиненныхъ ему, или приписанныхъ, городовъ.

2) Каждый городъ въ области имѣетъ свой районъ, по отношенію къ которому является частнымъ центромъ. Такой же районъ имѣетъ и губернскій городъ: слѣдовательно, губернскій городъ, кромѣ значенія общаго для всей области центра, имѣетъ еще значеніе центра частнаго по отношенію къ своему спеціальному району (дѣленіе губерніи на уѣзды).

3) Губернія снабжена однимъ главнымъ правителемъ, вѣдомство котораго распространяется на всю губернію, и нѣсколькими второстепенными, изъ которыхъ каждый завѣдываетъ врученнымъ ему райономъ.

Вотъ тѣ три начала, которыя заключаются въ учрежденіи 1708 года, но они не составляютъ особенности нашихъ областныхъ учрежденій послѣдующаго времени вообще. Область, въ смыслѣ административной единицы, непремѣнно и вездѣ имѣетъ такой же характеръ, т. е. назначается какой-нибудь центръ, который и становится главой области; остальные же города запечатлѣваются характеромъ подчиненія, который и удерживаютъ, несмотря ни на какую долю самостоятельности, предоставленной имъ. Въ противномъ случаѣ нѣтъ и не можетъ быть того строгаго порядка, безъ котораго трудно достигнуть единообразія въ государственномъ управленіи. Чѣмъ болѣе государство получаетъ перевѣсъ надъ обществомъ и общественные интересы приносятся въ пользу общихъ государственныхъ, тѣмъ сильнѣе централизація, и, съ этимъ вмѣстѣ, тѣмъ болѣе единообразія въ управленіи, какъ высшемъ государственномъ, такъ и въ областномъ. Слѣдовательно, сказанное нами объ учрежденіи 1708 года относится ко всякому административному областному дѣленію, составляя его общій типъ, и отличаетъ административную область отъ бытовой. Съ другой стороны, эти начала не были совершенною новостью и въ русскомъ государственномъ управленіи: и прежде правительство учреждало время отъ времени административныя областныя единицы, стремясь къ уменьшенію пестроты бытового дѣленія. Разница въ томъ, что эти административныя единицы были чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ бытовому происхожденію области и, сливаясь съ послѣднею, утрачивали иногда свое значеніе. Такъ, Новгородскія пятины или, въ другихъ областяхъ, трети и чети съ теченіемъ времени совершенно утратили значеніе административныхъ округовъ. Въ учрежденіяхъ же 1708 года эти начала сдѣлались руководящими и составляли плоть и кровь новой, искусственной областной единицы; кромѣ того, къ нимъ здѣсь примѣшиваются новыя начала, находящіяся пока въ зародышѣ, развитіе котораго принадлежитъ позднѣйшимъ преобразованіямъ, закончившимся, какъ извѣстно, въ главныхъ чертахъ въ 1775 году.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что учрежденіе 1708 года составляетъ какъ бы переходъ отъ до-петровской областной администраціи, въ которой, главнымъ образомъ, сказывались бытовыя свойства области, къ той строго-административной эпохѣ жизни послѣдней, которая продолжается до сихъ поръ и носитъ названіе губернскаго управленія. Разсмотримъ теперь, какъ были приложены выставленныя три начала къ областному дѣленію 1708 года, при чемъ уяснится переходный характеръ всего учрежденія.

Указомъ 18 декабря Россія раздѣлена на слѣдующія восемь губерній: Московскую, Ингерманландскую, которая въ 1710 году была переименована въ Санктпетербургскую, Кіевскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую, Архангелогородскую и Сибирскую. Если обратимся къ самому акту учрежденія, то увидимъ, что это скорѣе программа, нежели учрежденіе: въ немъ только намѣчены областные центры и перечислены города, росписанные къ нимъ; все остальное какъ бы предоставлено практикѣ и времени. Однимъ изъ основаній росписанія послужила близость городовъ отъ назначеннаго центра. Вслѣдствіе этого, города росписаны крайне неравномѣрно, а именно: въ Московской губерніи, включая Москву, 39 городовъ, изъ которыхъ ближайшій къ губернскому—Звенигородъ (40 верстъ), а самый дальній—Любимъ (339 верстъ); въ Ингерманландской, кромѣ Петербурга, Ямбурга и Копорья, 29 городовъ; въ Кіевской, включая и Кіевъ, 36; кромѣ этого, къ Кіевской губерніи причислены: а) изъ азовскаго округа, по большей близости къ Кіеву, нежели къ Азову—13 городовъ, изъ Смоленскаго округа—Трубчевскъ, Бѣлевъ и Болховъ, итого въ Кіевской губерніи 52 города; въ Смоленской 17 городовъ; въ Архангелогородской съ Архангельскомъ 20, въ Казанской, включая Казань и пригороды, приписанные къ Казани, Астрахани и Уфѣ, городки, построенные на дворцовыхъ земляхъ, и Пензу, приписанную изъ азовскаго округа, 71 городъ; въ Азовской вмѣстѣ съ Азовомъ, саранскими и инсарскими городками и приписанными изъ Кіевскаго округа, 52 города, наконецъ, въ Сибирской, включая Тобольскъ, который и прежде былъ областнымъ городомъ Сибири и въ 1708 г. сдѣланъ центромъ этой губерніи, 30 городовъ. Впрочемъ, начало близости не вездѣ послѣдовательно проведено: такъ, Бѣлевъ и Болховъ гораздо ближе къ Смоленску, нежели къ Кіеву. Для объясненія этого можно воспользоваться мнѣніемъ профессора Неволина, утверждавшаго, что основаніемъ для распредѣленія городовъ по губерніямъ служило сколько разстояніе ихъ отъ главныхъ городовъ, столько и существовавшая уже правительственная связь между ними.

Пространства различныхъ губерній были также крайне неравномѣрны; для примѣра возьмемъ maximum и minimum дѣленія. Самая меньшая изъ всѣхъ губерній — Смоленская: пространство ея было немногимъ больше современнаго; самая же большая—Сибирская: она обнимала въ Азіи все пространство нынѣшней Сибири отъ Тобольской губерніи до Якутской области включительно, а въ Европѣ—Вятскую, Пермскую и Оренбургскую губерніи. Такое дѣленіе не могло быть удовлетворительнымъ и требовало позднѣйшихъ поправокъ; дѣйствительно, въ слѣдующіе годы встрѣчаются образованіе и выдѣленіе новыхъ областныхъ единицъ, но при этомъ вниманіе законодателя было обращено только на Европейскую Россію, Сибирская же губернія, самая обширная, оставлена была безъ измѣненій до 1719 года.

Примѣръ образованія новой областной единицы встрѣчается въ 1713 г., когда была образована новая Рижская губернія, въ составъ которой вошла Смоленская. Выдѣленіе новыхъ губерній изъ прежнихъ началось въ 1714 г. именнымъ указомъ отъ 26 января этого года: изъ района Казанской губерніи вы-

дѣлена была Нижегородская. Эта новая губернія существовала до конца 1717 года, когда была снова соединена съ Казанской, а, какъ бы на мѣсто ея, изъ послѣдней выдѣлена Астраханская съ слѣдующими городами: Симбирскомъ, Самарой, Сызранью, Кашпиремъ, Саратовомъ, Петровскомъ, Царицынымъ и нѣкоторыми другими.

Кромѣ того, происходили частныя измѣненія въ видахъ частныхъ потребностей управленія, опредѣляемыя не закономъ, а, такъ сказать, административнымъ порядкомъ. Такъ, Касимовъ и Елатьма, приписанные по учрежденію 1708 г. въ Казанской губерніи, въ 1711 году находились въ одномъ управленіи съ Азовской губерніей. Кромѣ того, изъ одного подлиннаго сенатскаго дѣла 1713 года видно, что Орелъ, приписанный по учрежденію 1708 г. въ Кіевской губерніи, въ этомъ году принадлежалъ Смоленской, а Одоевъ, тогда же приписанный къ Смоленской губерніи, отнесенъ къ Воронежской провинціи. Когда и по какому случаю были сдѣланы эти измѣненія, и долго ли они продолжали существовать, ни откуда не видно.

Существованіе уѣздовъ безспорно и, кромѣ того, фактически доказывается существованіемъ второстепенныхъ правителей и органовъ управленія. Областные центры, какъ объяснено выше, имѣли, подобно приписаннымъ городамъ, свои уѣзды. Достаточно для оправданія этой мысли привести слѣдующіе примѣры: первый изъ нихъ относится къ 1714 г., а именно—заключается въ указѣ 8 декабря, которымъ опредѣленъ порядокъ аппелляціи по гражданскимъ дѣламъ: тамъ предписано вчинять иски въ первой степени правителямъ городовъ, въ числѣ которыхъ упомянуты и губернаторы. Ясно, что губернаторы здѣсь упоминаются въ смыслѣ начальниковъ не губерній, а губернскихъ городовъ съ ихъ уѣздами. Второй примѣръ находится въ указѣ 8 февраля 1716 г., по силѣ котораго епархіальные начальники, духовные судьи и поповскіе старосты должны были подавать росписаніе лицъ, не бывавшихъ на исповѣди и у св. причастія въ губернскихъ городахъ—губернаторамъ, а въ уѣздахъ—ландратамъ: «а имъ, губернаторамъ и ландратамъ, на тѣхъ людей класть штрафы», т. е. губернаторы въ этомъ случаѣ налагаютъ штрафы на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и ландраты, уѣздные начальники.

Управленіе такими огромными областями, какими были нѣкоторыя губерніи 1708 г., не могло ограничиваться губернскимъ и уѣзднымъ; между губерніей и уѣздомъ должно было стоять еще посредствующее дѣленіе, провинціальное. Какъ извѣстно, оффиціальнымъ образомъ дѣленіе губерній на провинціи было учреждено въ 1719 г., но и въ описываемомъ періодѣ оно существовало. Такъ, въ 1711 и послѣдующихъ годахъ упоминается Ярославская провинція, принадлежавшая Петербургской губерніи; говорится, что въ ней было 7 городовъ, а въ одномъ изъ указовъ 1712 г. нѣкоторые изъ этихъ семи городовъ поименованы. Но указаніями на Ярославскую провинцію дѣло не ограничивается: есть указанія болѣе или менѣе подробныя и на другія провинціи. Изъ одного суднаго дѣла, производившагося въ Приказѣ Земскихъ Дѣлъ въ февралѣ 1712 года, мы узнаемъ о существованіи въ Московской губерніи Серпуховской провинціи, въ которой въ порядкѣ управленія принадлежалъ городъ Алексинъ. Въ другомъ актѣ, относящемся къ тому же времени, переименованы еще нѣкоторыя провинціи той же губерніи и другихъ. Въ февралѣ 1712 года для высылки въ сенатъ лишнихъ подъячихъ посланы служилые люди (царедворцы) въ Московскую, Казанскую и Азовскую губерніи; эти служилые люди были командированы по провинціямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя прямо поименованы. Оказывается, что въ Московской губерніи было, кромѣ названной выше, шесть провинцій: Владимірская, Ростов-

ская, Звенигородская, Калужская, Костромская и Каширская, а въ остальныхъ двухъ губерніяхъ по двѣ, имена которыхъ не обозначены. Указы того времени нерѣдко провинціи называютъ губерніями, что́, при обычномъ въ то время смѣшеніи понятій, весьма естественно; такъ, въ подлинныхъ сенатскихъ дѣлахъ Воронежская провинція постоянно носитъ названіе губерніи.

Итакъ, дѣленіе на провинціи существовало до 1719 г. Образованіе этихъ посредствующихъ единицъ, по всей вѣроятности, происходило административнымъ порядкомъ, такъ какъ до 1719 года мы не встрѣчаемъ почти ни одного примѣра, чтобы провинціи гдѣ-либо были учреждаемы закономъ, т. е. именнымъ указомъ, или хоть оффиціальнымъ правительственнымъ распоряженіемъ, т. е. сенатскимъ указомъ, но, вѣроятно, при образованіи провинціи пользовались уже готовыми провинціальными единицами, т. е. провинціями 1699 г., учрежденными, какъ извѣстно, для торговыхъ цѣлей.

Въ концѣ 1710 года введено было новое областное дѣленіе, по значенію равное уѣзду: это такъ называемыя доли, изъ которыхъ каждая имѣла 5536 дворовъ обывателей. Это росписаніе губерній на доли имѣло преимущественно финансовое значеніе, но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, внесло новыя начала и въ систему областного управленія вообще. Кромѣ того, было еще дѣленіе на разряды, или полки, напр. Бѣлгородскій, Новгородскій полки, и т. п. Это дѣленіе, очевидно, остатокъ древней Руси и имѣло спеціальный военно-служебный характеръ. Впрочемъ, выше мы видѣли, что въ Кіевской губерніи была Бѣлгородская провинція. Очень возможно, что древнее дѣленіе на полки совпадало съ новымъ на провинціи.

Таково было областное дѣленіе 1708 и слѣдующихъ годовъ (по 1719). Въ составѣ его встрѣчаются примѣры особаго дѣленія, въ основаніе котораго положены были не общія правительственныя соображенія, а частныя—по роду дѣлъ. Это—приписка нѣкоторыхъ городовъ ко флоту: доходы съ этихъ городовъ, главнымъ образомъ, употреблялись на кораблестроеніе и съ нихъ по преимуществу набирались работники для верфей. Еще въ 1708 г. въ Азовской губерніи 24 города были приписаны къ Воронежской верфи и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Воронежемъ составляли особую провинцію. Затѣмъ въ 1712 г. къ Адмиралтейству «для всякія корабельныя работы» были приписаны еще слѣдующіе города и волости: въ Петербургской губерніи Олонецъ, Каргополь, Бѣлоозеро, Устюжна Желѣзнопольская, въ Новгородскомъ уѣздѣ волость Сермаксъ, въ Архангельской губерніи дворцовая волость Чаронда. Приписаніе городовъ и волостей къ флоту имѣло преимущественно значеніе для этого рода дѣлъ, но оно оказывало то же вліяніе на общій строй областного управленія.

Изъ всего сказаннаго выше ясно, что учрежденіе 1708 года было только программой административнаго областного раздѣленія Россіи. Во все время его существованія идутъ частныя измѣненія, поправки и учрежденія, которыя совершаются то закономъ, то путемъ одной практики, пока, наконецъ, новыя областныя начала не выразились въ учрежденіи 1719 г., составляющемъ новый періодъ въ исторіи русскаго областного управленія.

Итакъ, учрежденіе 1708 года было только попыткой измѣнить бытовую область въ административную, переходомъ отъ областныхъ учрежденій XVII вѣка къ губернскому управленію, а неопредѣленность самой его реакціи показываетъ, что и самъ законодатель смотрѣлъ на него какъ на попытку и не придавалъ ему иного значенія, кромѣ переходнаго.

Главными областными правителями были генералъ-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы; второстепенными же, т. е. управляющими извѣстною частью

губерніи, уѣздомъ, долей или провинціей, подъ начальствомъ первыхъ,—оберъ-коменданты, и коменданты ландраты, вице-губернаторы, а иногда и ландрихтеры.

Областныя учрежденія 1708 г. были не сразу введены въ дѣйствіе: новость дѣла требовала ознакомленія съ нимъ, и первые областные правители должны были цѣлый годъ присматриваться къ дѣламъ управленія. Для этого въ началѣ 1709 г. повелѣно было старымъ воеводамъ, а равно и бурмистрамъ, изготовить приходо-расходныя и иныя книги, которыя и передать новымъ губернаторамъ; равнымъ образомъ, имъ предписано было немедленно удовлетворять всякимъ требованіямъ послѣднихъ, относящимся до ознакомленія съ порядкомъ дѣлопроизводства въ приказныхъ и земскихъ палатахъ и избахъ, и давать свѣдѣнія, затребованныя ими; та же обязанность возложена была и на московскіе приказы. Но въ продолженіе всего 1709 года областное управленіе оставалось на прежнихъ основаніяхъ, и новое учрежденіе было введено въ дѣйствіе только съ 1710 года.

XLIII. Характеръ губернскаго дѣленія Петра I.

(Изъ соч. Лохвицкаго: „Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія“).

Время Петра Великаго, измѣнившее такъ много въ нашей жизни, составляетъ эпоху и для провинціи. Но не всѣ преобразованія Петра имѣютъ прогрессивный характеръ въ истинномъ смыслѣ слова. Чтобы понять значеніе произведеннаго имъ раздѣленія государства на губерніи, надобно разсмотрѣть его общій взглядъ на государство и въ частности на провинцію. Петръ Великій былъ полнымъ наслѣдникомъ древне-русскаго взгляда на народъ и землю,—даже онъ довелъ его до крайнихъ размѣровъ. Народъ и земля разсматривались имъ часто, какъ матеріалъ для созданія государства. Государство, имперія, ея флотъ, армія, учрежденія, школы—все это разсматривалось имъ, какъ нѣчто лежащее внѣ народа, которому народъ долженъ былъ служить. Всякое право личное, общественное, собственность—должны были замолкнуть. Вся страна была росписана на содержаніе государства, о ея собственныхъ внутреннихъ интересахъ не было и мысли. Всѣ главные законы Петра вытекли изъ этой идеи: престолонаслѣдіе, единонаслѣдіе, ревизія и окончательное прикрѣпленіе крестьянъ, измѣненія въ управленіи церковномъ, въ положеніи монастырей и архіерейскихъ домовъ, и проч. Петръ Великій, такимъ образомъ, только распространилъ древнее русское воззрѣніе: онъ все и всѣхъ подчинилъ работѣ, но за-то и самъ былъ работникомъ на ряду съ другими и больше всѣхъ другихъ: Россія работала не на царя, а вмѣстѣ съ царемъ на государство, на его величіе и будущность. Россія, вдвинутая Петромъ Великимъ въ Европу и поставленная имъ въ чинъ европейскаго государства, должна была страшно работать, чтобъ добыть себѣ матеріальныя и моральныя средства для новой государственной европейской жизни,—прошедшее давало ей ихъ слишкомъ мало. Въ дѣленіи государства на губерніи вполнѣ выразился взглядъ Петра Великаго на землю и народъ. Его губерніи имѣли чисто податное значеніе, онѣ существовали не для себя, а только для государства: его губернаторы были снабжены полномочіемъ, правомъ жизни и смерти для

извлеченія всѣхъ средствъ на содержаніе арміи и другихъ потребностей новаго государства. Только съ Екатерины II порядокъ перемѣняется радикально по принципу и весьма значительно на дѣлѣ. Появилась губернія, какъ нѣчто, имѣющее свою жизнь, свои интересы, свое управленіе, своихъ представителей.

Разсмотримъ губерніи Петра.

18 декабря 1708 года изданъ былъ Петромъ Великимъ коротенькій указъ: „Великій Государь указалъ, по именному своему Великаго Государя указу, въ своемъ Великороссійскомъ государствѣ для всенародной пользы учинить 8 губерній и къ нимъ росписать города". Всѣхъ губерній было учреждено 8: Московская съ 39 уѣздами, Ингерманландская съ 29, Кіевская съ 56, Смоленская съ 17, Архангельская съ 20, Казанская съ 71, Азовская съ 77, Сибирская съ 30 городами.

Чрезъ 11 лѣтъ (29-го мая съ 1719 г.) послѣдовала нѣкоторая разсортировка: губерній стало 10, именно прибавилась Рижская (вновь-присоединенная), Астраханская и Нижегородская, а Смоленская уничтожена, какъ самостоятельная, раздѣлена между Рижской и Московской. При этомъ между губерніей и уѣздомъ явилось новое посредствующее раздѣленіе на провинціи, числомъ до 50. Екатерина II увеличила число губерній, Павелъ I сократилъ. Съ перваго раза насъ поражаетъ эта легкость введенія математическаго дѣленія. То, что̀ въ другихъ странахъ стоило великихъ усилій, до чего многія государства при всѣхъ усиліяхъ не могли дойти,—замѣна историческаго дѣленія другимъ, механическимъ,—то, что̀ привѣтствовалось во Франціи 1789 года, какъ одинъ изъ могущественныхъ переворотовъ революціи, то у насъ совершилось безъ всякаго напряженія, незамѣтно, какъ-будто дѣло шло о новомъ раздѣленіи города на кварталы. Но между двумя фактами только внѣшнее сходство. Разсмотримъ внимательно этотъ фактъ: онъ намъ пояснитъ многое въ политической жизни Россіи.

Легкость и даже незамѣтность механическаго раздѣленія Россіи произошла отъ того, что прежнее наше дѣленіе не имѣло существеннаго внутреннаго сходства съ западной жизнью.

Государство на Западѣ было отвлеченіемъ отъ провинціи—оно мало по-малу конфисковывало великія права провинцій и составило изъ нихъ сумму правъ государства. Остальныя права жили въ провинціи. У насъ не было ничего существенно сходнаго, не было даже никакого земскаго органа провинціальной жизни,—жизнь проявлялась, да и то скудно, въ волости, сословіи, церкви. Въ этомъ смыслѣ страна наша давно не имѣла провинціи. Что̀ могъ почувствовать житель Олонца, когда ему объявили, что его городъ и уѣздъ будетъ зависѣть не отъ Новгородскаго намѣстника, а отъ другого? Ровно ничего. У него былъ свой воевода, и куда будетъ посылать отчеты этотъ воевода, его это рѣшительно не могло интересовать. Итакъ, понятно, что страна не только не имѣла повода противиться новому раздѣленію, но и не могла его замѣтить. Далѣе, во Франціи, напр., уничтоженіе провинцій и замѣна ихъ механическимъ дѣленіемъ на департаменты имѣла значеніе и отмѣны вредныхъ препятствій національному единству, формъ аристократическихъ, и введенія новыхъ свободныхъ демократическихъ формъ управленія. У насъ ничего подобнаго не тяготѣло на до-петровскомъ областномъ дѣленіи, и ничего подобнаго не приносило петровское дѣленіе. Страна была совершенно

гладкая не только въ орографическомъ, но и въ соціальномъ смыслѣ,— ее можно было дѣлить, какъ угодно.

Посмотримъ теперь, какимъ началомъ руководствовался Петръ Великій при раздѣленіи государства. При механическомъ дѣленіи государства, основаніемъ служатъ пространство и число народонаселенія: области должны быть равныя по народонаселенію, всѣ установленія условливаются количествомъ людей и дѣлъ,—но и пространство играетъ не малую роль: коль скоро извѣстныя части бѣдно населены, законодатель жертвуетъ главнымъ началомъ и собираетъ въ самостоятельную административную часть меньшее число жителей, иначе для соблюденія равенства въ народонаселеніи ему пришлось бы сдѣлать нѣкоторыя области такъ великими, что администрація была бы затруднена. Въ петровскомъ дѣленіи мы видимъ три поражающіе современнаго изслѣдователя недостатка: 1) Его губерніи чрезвычайно велики; напр., Сибирская губернія заключала не только всю Сибирь, но еще нынѣшнія Вятскую и Пермскую губерніи; Азовская губернія заключала въ себѣ нынѣшнюю Воронежскую, большую часть Харьковской, Орловской, Тамбовской, часть Рязанской, Тульской и Пензенской геберній,—крайними ея пунктами на сѣверъ были Ефремовъ и Елатьма; Петербургская тянулась отъ границъ Лифляндіи до Ярославля, Каргополя, Твери; возможна ли была администрація такихъ громадныхъ частей, особенно, когда центры назначались часто на краю области? 2) начало пространства не бралось въ разсчетъ, а только населеніе; правда, что съ перваго раза кажется, что населеніе было далеко неодинаково, напр., въ Петербургской губерніи показано 176,000 тяглыхъ дворовъ, а въ Сибирской 61,000, въ Казанской 97,000; но въ послѣднихъ было множество инородцевъ, не входившихъ въ подворное счисленіе; 3) если Великая Россія не представляла никакихъ историческихъ данныхъ для провинціализма, то не надобно забывать, что въ это время въ составъ государства входила Малороссія, имѣвшая тогда не только рѣзкую соціальную особность, но и свои особенные законы, свое управленіе. Тоже самое слѣдуетъ сказать о Лифляндіи и Эстляндіи, которымъ подтверждены были ихъ мѣстные законы и права и оффиціальное употребленіе нѣмецкаго языка. Казалось, что эти страны должны были составлять отдѣльныя единицы, но мы видимъ противное: Эстляндія входила въ составъ Петербургской губерніи, къ Кіевской губерніи (Малороссіи) присоединены были Курская, большая часть Харьковской, часть Орловской, даже Тульской (Чернь), никогда не входившія въ составъ Украйны; къ Лифляндіи (Рижской губерніи) была присоединена коренная русская область—Смоленская. Итакъ, въ одной и той же губерніи были области совершенно разнохарактерныя, которыя соединить въ одно управленіе по нашимъ понятіямъ рѣшительно нельзя. Что это значитъ? Хотѣлъ ли Петръ германизировать Смоленскую область, или оказачить Тульскую? Подобной нелѣпости ему не приходило въ голову,— и если мы ставимъ этотъ вопросъ, то только потому, что подобнаго рода отчужденіе коренной русской территоріи и народности въ пользу чуждой, хотя и входящей въ составъ имперіи, случилось одинъ разъ (Выборгская губернія была присоединена къ Финляндіи).

Характеръ петровскихъ губерній былъ приписной, крѣпостной. Весь народъ былъ обреченъ на службу государству, все поглощалось идеей государства. Этотъ же служебный характеръ, характеръ повинности,

ясенъ и на губернскомъ дѣленіи. Одной изъ главныхъ заботъ Петра было сдѣлать Россію морскою державою, создать сильный русскій флотъ. Идея великая. Безъ моря и морской силы не можетъ быть великой державы, потому что только чрезъ море она можетъ играть міровую роль, можетъ достать друга и врага на краю свѣта, чрезъ море она не можетъ быть изолирована отъ сношеній съ другими народами. И въ политическмъ, и въ промышленномъ, и въ военномъ, и въ нравственномъ отношеніи море—насущная потребность великаго народа. Для этой цѣли сдѣланы были безмѣрныя жертвы. Изъ 10 губерній 5—Петербургская, Рижская, Архангельская, Азовская и Астраханская—представляютъ одинъ типъ: къ далекому приморскому пункту приписано множество областей съ тяглой цѣлью. Онѣ должны были, главнымъ образомъ, содержать 4 флота, подобно тому, какъ 25 городовъ съ уѣздами были приписаны спеціально къ корабельнымъ лѣсамъ. Другія губерніи имѣли также тяглый характеръ. Малороссія имѣла гетманское правленіе, но главные города ея—Кіевъ, Черниговъ, Полтава, Переяславль—заняты были русскими гарнизонами и находилось въ военномъ отношеніи въ управленіи губернатора, а для содержанія войска приписаны были къ нему разныя великорусскія области. Казань при первомъ раздѣленіи соединена была съ Астраханью. Въ 1719 году Казанская губернія отдѣлилась отъ Астраханской, и образовалась еще особая—Нижегородская. Какъ кажется, расквартированіе войскъ было причиной образованія Нижегородской. При первомъ учрежденіи губерній большая часть губернаторовъ были военные, кажется, командиры войскъ, расположенныхъ во вновь-образованныхъ губерніяхъ. Имъ велѣно было въ этихъ губерніяхъ „о денежныхъ сборахъ и о всякихъ дѣлахъ присматриваться и для доношенія ему, великому государю, о тѣхъ губерніяхъ готовымъ быть, гдѣ онъ, государь, укажетъ“. Итакъ, система Петра была логически выдержана: крестьяне были закрѣплены окончательно для удобства держанія войска, они какъ бы, главнымъ образомъ, были приписаны къ полкамъ и уже для облегченія этой цѣли—къ помѣщикамъ; цѣлые города и области были приписаны къ корабельнымъ лѣсамъ, горнымъ заводамъ и, наконецъ, губерніи—къ флотамъ, гаванямъ, корпусамъ, столицамъ.

Губернаторъ имѣлъ ту же инструкцію, что и провинціальные воеводы,—онъ былъ смотрителемъ за ними. Петръ Великій любилъ вводить западныя учрежденія, но только безъ ихъ духа. Такъ, онъ желалъ, чтобъ въ губерніяхъ были установленія, подобныя шведскимъ, которыя онъ засталъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, именно ландраты, выборные изъ дворянъ (впрочемъ, по назначенію губернатора) должны были составлять при губернаторѣ „консиліумъ“ съ коллегіальнымъ характеромъ, верховные суды и другія учрежденія. Но все это осталось безъ послѣдствій, и Екатерина I и въ особенности Петръ II закрыли даже ихъ, и губернія осталась только агломераціей провинцій, подъ почти неограниченной власти губернатора.

Уѣздъ былъ единственной единицей, оставшейся ненарушимой. Къ нему такъ привыкли, что законодателю незачѣмъ было опредѣлять его границъ. При первомъ раздѣленіи на губерніи являются только уѣзды, при второмъ и провинціи. Къ большому городу было приписано по нѣсколько меньшихъ съ ихъ уѣздами: это составляло провинцію. Впро-

чемъ, бывало, что и одинъ городъ съ уѣздомъ (напр., Суздаль) составлялъ особую провинцію.

При этомъ провинціальномъ дѣленіи отчасти сохранены были существовавшія уже въ древней Россіи отношенія между многими городами и ихъ пригородами, напр., между Новгородомъ и Ладогой, Старой Русой, Порховомъ, между Псковомъ и Изборскомъ, Гдовомъ, между Тверью и Торжкомъ, Старицей, и т. д. Иногда приписывались уѣзды, бывшіе прежде самостоятельными. Вводилось провинціальное дѣленіе, какъ потребность административная; впрочемъ, ему не придавалось также никакого жизненнаго значенія. Уѣзды были росписаны на провинціи въ сенатѣ, но тутъ же предоставлено было сибирскому губернатору, князю Черкасскому, „для дальности въ той губерніи городовъ, раздѣлить тѣ города на три провинціи и быть въ нихъ вице-губернаторамъ подъ его губернаторскимъ вѣдѣніемъ; а кому быть вице-губернаторами, тѣхъ людей ему, губернатору, выбравъ, представить въ сенатѣ“.

Едва ли можно считать провинцію за среднее административное дѣленіе въ современномъ смыслѣ слова. Кажется, что это было первоначальное дѣленіе, потому что уѣздъ не имѣлъ никакихъ прочныхъ установленій. Судебныя и финансовыя управленія были только въ провинціи. Указы Петра Великаго наполнены разными учрежденіями и губернскими, и провинціальными, и уѣздными, и городскими, и общинными; названія, составъ, кругъ дѣйствія—все нѣмецко-шведское. Мало того, шведскимъ постановленіямъ дана законная сила, шведскіе уставы были переведены, и по нимъ велѣно дѣйствовать. Но изъ всѣхъ этихъ мѣстъ и лицъ только коммисары, сборщики податей, получили дѣйствительное, грозное, оставшееся на памяти народной, и вовсе не шведское, значеніе. Изъ другихъ учрежденій едва ли вездѣ были введены и надворные (провинціальные) суды. Указы Петра сами наполнены недоразумѣніями и противорѣчіями по этому вопросу.

Въ указѣ министрамъ, 1711 г., выраженъ ясно этотъ характеръ губернскаго раздѣленія: „Пріѣхавъ къ Москвѣ, раздѣлить по губерніямъ полки—первое въ арміи будущіе, потомъ въ гарнизонахъ по даннымъ табелямъ, потомъ флотъ, посольскую канцелярію и артиллерію, сіе все расположить изъ доходовъ, которые прошлаго года средніе положены на губерніи. А прочіе расходы сдѣлать изъ остаточныхъ доходовъ по разсмотрѣнію, и что могутъ сдѣлать, то сдѣлать“.

Въ томъ же году сдѣлано было распредѣленіе арміи по губерніямъ, полки были расположены по губерніямъ не въ нынѣшнемъ, а въ тогдашнемъ смыслѣ слова, т. е. опредѣлено было, сколько пѣхотныхъ (линейныхъ и гарнизонныхъ) и кавалерійскихъ полковъ должно содержать изъ доходовъ извѣстной губерніи, хотя бы извѣстные полки не были расположены въ ея районѣ. Такъ, Московская губернія содержала генеральный штабъ (91,000 руб.), 6 линейныхъ, 2 гвардейскихъ, 2 гарнизонныхъ пѣхотныхъ полка и 10 кавалерійскихъ; на Петербургскую назначено было 4 кавалерійскихъ и 22 пѣхотныхъ полка. Доходы ея были для этого недостаточны, поэтому дефицитъ въ 128,000 р. велѣно пополнить изъ остатковъ доходовъ Московской и Казанской губерній. Губернія доставляла въ полки, къ которымъ была приписана, деньги, провіантъ, аммуницію, рекрутъ. Отъ губерній были назначены коммисары, какъ посредники между полковыми командирами и губернаторами. До-

ставка и справка рекрутъ возложена была на губернаторовъ, подъ страхомъ смертной казни за нерадѣніе.

Еще прежде введенія раздѣленія государства на губерніи, именно въ 1699 году, Петръ ввелъ раздѣленіе на провинціи. Эти первыя провинціи надобно отличать отъ послѣдующихъ, бывшихъ второстепеннымъ дѣленіемъ, тогда какъ въ 1699 году онѣ были первостепеннымъ. Смыслъ этого дѣленія былъ слѣдующій: царь выражаетъ желаніе, чтобъ наши купцы образовывали компаніи и вообще имѣли бы установленія, подобныя западной коммерціи, а такъ какъ элементовъ для подобныхъ установленій было очень мало въ отдѣльныхъ даже большихъ городахъ, то и опредѣлено—приписать къ Петербургу, Архангельску, Москвѣ и другимъ большимъ городамъ средніе и малые города, и этотъ районъ названъ провинціей, при чемъ купечество всѣхъ городовъ провинціи составляло одно цѣлое для коммерческихъ учрежденій, надзора за торговлей и т. под. Итакъ, это не было дѣленіе государства административное, а только для одной спеціальной цѣли, подобно тому, какъ теперь существуетъ раздѣленіе для путей сообщенія, просвѣщенія. Въ губерніяхъ хоть и преобладала одна спеціальная цѣль—военная, но именно вслѣдствіе поглощающаго значенія этой цѣли въ тогдашней жизни къ военному управленію само собою присоединились финансы и судъ, въ какомъ бы ни было жалкомъ видѣ, такъ что губернія и провинція вторичная (1719 года) были дѣленіемъ все-таки общимъ, вообще административнымъ въ обширномъ смыслѣ слова.

XLIV. Областное управленіе и судопроизводство при Петрѣ Великомъ.

(Изъ сочиненія Дмитріева: «Судебныя инстанціи отъ Уложенія Алексѣя Михайловича до Наказа Императрицы Екатерины II»).

Преобразованія Петра Великаго начались съ областнаго судоустройства. Для того, чтобы объяснить ихъ ходъ и значеніе, необходимо прежде составить себѣ понятіе о сдѣланномъ имъ раздѣленіи Россіи.

Въ 1708 г. вся Россія была раздѣлена на восемь губерній. Центрами ихъ сдѣланы главнѣйшіе города, къ которымъ приписаны другіе съ ихъ уѣздами. Этимъ главному областному управленію было сообщено нѣкоторое однообразіе; но въ подраздѣленіяхъ сохранилась прежняя неправильность. Старинные разряды не были уничтожены. Они вошли въ составъ новыхъ губерній, и даже округи ихъ остались безъ перемѣны. Оттого уѣзды не имѣли опредѣленнаго объема; напр., въ Казанской губерніи—Казань имѣла тринадцать пригородовъ, а Астрахань только четыре. Прежнія административныя раздѣленія сохранились не только на дѣлѣ, но даже и по имени: въ Кіевской губерніи упоминается Бѣлгородскій разрядъ, въ Азовской города Сѣвскаго разряда и Изюмскаго полка. Позже, въ 1719 г., число губерній было увеличено до девяти, распредѣленіе городовъ между ними измѣнено, и каждая губернія раздѣлена на провинціи; прежніе городовые разряды потеряли административное значеніе, ибо при отпущеніи воеводъ держались провинціальнаго раздѣленія. Эти безпрестанныя перемѣны объясняются недостаткомъ у правительства статистическихъ свѣдѣній, которыя необходимы для

правильнаго административнаго раздѣленія. Объ этомъ есть любопытное извѣстіе въ одной изъ записокъ Татищева. «Какъ большею частью,—говоритъ онъ,—изъ сенаторовъ и сильныхъ людей въ губернаторы были назначены,—такъ по властолюбію или любоимѣнію, несмотря ни на порядокъ, ни на пользу, города и провинціи въ свою власть захватывали, кто которые хотѣлъ, что мнѣ доказуетъ князь Меншиковъ: Ярославль для богатаго купечества, Тверь, для его свойственниковъ, въ посадѣ бывшихъ, приписалъ къ С.-Петербургу; Гагаринъ—Вятку и Пермь къ Сибири и проч.» Въ губерніяхъ были генералъ-губернаторы и губернаторы. При нихъ состояли вице-губернаторы, о значеніи которыхъ довольно трудно составить понятіе, по разнообразію поручавшихся имъ дѣлъ. Обыкновенно они были помощниками губернаторовъ, но иногда сами управляли цѣлою губерніею, и въ такомъ случаѣ носили этотъ титулъ только вслѣдствіе меньшаго служебнаго значенія: такъ, Архангельскою губерніею управлялъ, кажется, вице-губернаторъ, который дѣйствовалъ тамъ совершенно самостоятельно. Иногда вице-губернаторы управляли нѣкоторыми городами губерніи; впослѣдствіи, по учрежденіи провинцій, они были иногда ихъ начальниками. Вообще названія главныхъ лицъ въ губерніяхъ были очень разнородны. Напр., начальникъ Москвы въ 1711 году назывался «Московской губерніи управитель и оберъ-коммиссаръ», а въ 1712 г. носилъ титулъ губернатора. Съ 1711 г. губернаторы назначались по представленію сената, съ которымъ имѣли постоянныя сношенія чрезъ особенныхъ коммиссаровъ, присылавшихся изъ каждой губерніи въ сенатскую канцелярію.

Въ уѣздныхъ городахъ были оберъ-комменданты и комменданты. Ихъ выбирали начальники губерній, «по своему разсмотрѣнію, годныхъ и умныхъ людей», а утверждалъ сенатъ. Кажется, сначала Петръ Великій былъ вообще намѣренъ ввести военное управленіе во внутренней Россіи. Это можно заключить изъ того, что въ его указахъ до 1713 г. не говорится о другихъ городовыхъ начальникахъ, а позже, при введеніи ландратовъ, о прежнемъ управленіи было упомянуто, какъ объ отмѣненномъ. Но этотъ планъ не былъ вполнѣ исполненъ: рядомъ съ коммендантами упоминаются городскіе начальники изъ царедворцевъ и дворянъ, подъ которыми, вѣроятно, разумѣлись прежніе воеводы.

Судъ принадлежалъ по прежнему областнымъ и городовымъ начальникамъ. Единственное отличіе отъ стариннаго суда состояло въ томъ, что высшая областная инстанція сдѣлалась постоянной; не было уже такого городского судьи, который бы прямо зависѣлъ отъ центральныхъ учрежденій.

Въ 1713 году въ областное управленіе было внесено коллегіальное начало. Велѣно было «учинить ландратовъ въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8». Ландраты составляли коллегію, при помощи которой начальникъ губерніи рѣшалъ всякія дѣла. Всѣ дѣла рѣшались по большинству голосовъ, но губернаторъ имѣлъ два голоса. Ему не велѣно было вѣдать ландратовъ ни лично, ни по имуществу. О преступленіяхъ ихъ велѣно доносить въ сенатъ. При вице-губернаторахъ тоже находились ландраты, но ихъ было менѣе одною четвертью; при оберъ-коммендантахъ ихъ было въ половину. Они назначались сенатомъ, по представленію коммендантовъ. Черезъ два года ландратскому правленію было предоставлено еще болѣе участія въ областной администраціи. Вмѣсто прежнихъ военныхъ начальниковъ, оберъ-коммендантовъ и коммендантовъ, указомъ 28-го января 1715 г. велѣно въ тѣ города, гдѣ нѣтъ гарнизоновъ, назначать ландратовъ «по разсужденію губернаторскому». Каждому изъ нихъ подчиненъ округъ въ 5536 дворовъ, или болѣе, смотря по удобству. Городовое ихъ управленіе едвали не было временнымъ порученіемъ, потому что изъ нихъ велѣно оставлять постоянно при губернаторахъ по два человѣка, съ

перемѣною черезъ одинъ или два мѣсяца, а безъ нихъ дѣла ихъ вѣдать коммиссарамъ. По окончаніи года всѣ ландраты съѣзжались къ губернатору съ отчетами. Еще прежде этого указа, въ 1714 г., ландратовъ велѣно назначать по выбору дворянъ каждой губерніи или провинціи. Это управленіе также не вездѣ было введено, ибо въ 1719 г. въ губернскихъ штатахъ встрѣчаются воеводы.

Въ то же время сдѣлана первая попытка отдѣлить судебную власть отъ административной. Указомъ 24-го апрѣля 1713 года было предписано: на каждую провинцію—(что разумѣлось подъ этимъ словомъ, рѣшить трудно, ибо раздѣленіе на провинціи введено позже)—выбрать по одному ландрихтеру, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ландратскому правленію. Ландрихтеръ былъ собственно помощникъ губернатора по судебной части. Онъ не судилъ постоянно въ своей провинціи. Обыкновенная расправа была ввѣрена ландратамъ; но если кто изъ нихъ «впадалъ въ какое прегрѣшеніе», или въ губерніи было спорное дѣло о землѣ, то губернаторъ посылалъ ландрихтера для розыска и межеванія. Въ этомъ только и состояла его обязанность: судъ надъ ландратами принадлежалъ уже самимъ губернаторамъ, вмѣстѣ съ вице-губернаторами и ландратскими правленіями. Вскорѣ, кажется, однако было предположено дать ландрихтерамъ самостоятельное положеніе. Въ 1718 году Петръ Великій хотѣлъ, по примѣру Швеціи, внести въ управленія полное раздѣленіе властей. При этомъ въ каждой губерніи предполагалось учредить особенныхъ оберъ-ландрихтера и ландрихтера, изъ которыхъ первый долженъ былъ, вѣроятно, составлять высшую инстанцію. Новый порядокъ велѣно было учредить съ 1720 г., а въ С.-Петербургской губерніи, въ видѣ опыта, уже съ іюля 1718 г. Но и это предположеніе врядъ-ли было исполнено, потому что въ штатахъ С.-Петербургской губерніи 1719 г. упоминается только объ одномъ ландрихтерѣ. О совершенной независимости этихъ судовъ отъ областныхъ начальниковъ, по крайней мѣрѣ—низшихъ, можно заключить изъ того, что въ Табели о рангахъ 1722 г. оберъ-ландрихтеръ поставленъ въ одномъ классѣ съ воеводою. Судебная власть ландрихтеровъ и ландратовъ не была опредѣлена съ точностью. Въ 1719 г. было предписано, «чтобы они кромѣ посредственныхъ дѣлъ въ назначенныхъ имъ городахъ не вершили, а описывались о важныхъ и многотрудныхъ и самыхъ спорныхъ дѣлахъ, особенно же о разбойныхъ «въ Юстицъ-Коллегію, къ президенту съ товарищами». Нельзя не замѣтить, что въ этомъ указѣ не только отозвалась неопредѣленность выраженій прежняго періода, но даже и старинный способъ опредѣленія воеводской судебной власти. Введеніе ландрихтеровъ было, кажется, вообще временною мѣрою, ибо вскорѣ послѣ того Петръ Великій задумалъ совершенно отдѣлить судебную часть отъ административной. Временнымъ характеромъ ландрихтеровъ объясняется также ихъ различное положеніе въ разное время. Въ 1719 г. военнымъ начальникомъ С.-Петербурга былъ генералъ-губернаторъ князь Меншиковъ. Онъ командовалъ гарнизонами: петербургскимъ, котлинскимъ и шлиссельбургскимъ, но не имѣлъ никакой власти надъ уѣздами. Уѣзды этихъ городовъ состояли подъ начальствомъ особеннаго воеводы и съ нимъ ландрихтера. Тотъ и другой завѣдывали ими, кажется, на равныхъ правахъ. Иногда ландрихтеры завѣдывали денежными сборами. Когда именно они были уничтожены, съ точностію сказать трудно, но едва ли не послѣ открытія надворныхъ судовъ.

Мысль о надворныхъ судахъ высказана Петромъ еще въ 1718 г., при учрежденіи коллегій. Она была естественна при коллегіальномъ началѣ въ центральномъ судоустройствѣ. Въ указѣ 22-го декабря было объявлено, что для правосуднаго рѣшенія челобитчиковыхъ дѣлъ вездѣ по губерніямъ, провинціямъ и городамъ будутъ учреждены суды и судьи, а надъ ними высшій надворный судъ

въ знатныхъ губерніямъ, подъ апелляціею Юстицъ-Коллегіи. Вскорѣ потомъ, указомъ 8-го января 1719 г., велѣно открыть надворные суды въ слѣдующихъ восьми городахъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославлѣ, Воронежѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ и Тобольскѣ. При этомъ распредѣленіи были приняты во вниманіе географическое разстояніе надворныхъ судовъ и населенность губерній. Это видно изъ того, что во многихъ главныхъ городахъ они не были открыты, и притомъ ихъ было не по равному числу въ каждой губерніи. По всей вѣроятности, впрочемъ, это распредѣленіе было сдѣлано только на первый случай, потому что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ вовсе не было судовъ и гражданскія дѣла по-прежнему судились или административною властію или ландрихтерами. Въ 1720 г. областное судоустройство довершено учрежденіемъ трехъ судебныхъ инстанцій: высшую составлялъ надворный судъ, среднюю—провинціальный, а послѣднюю — нижній городовой судъ. Провинціальные суды, кажется, не вездѣ были открыты. О составѣ нижняго городового суда мало извѣстій. Судя по тому, что послѣ упоминается о городовыхъ судьяхъ, опредѣленныхъ отъ Юстицъ-Коллегіи, надобно думать, что коллегіальнаго устройства не было. Въ нѣкоторыхъ указахъ говорится о высшихъ и низшихъ Надворныхъ судахъ, но едва ли подъ низшими не разумѣлись суды провинціальные. Изъ надворныхъ судовъ намъ извѣстенъ только составъ московскаго. Въ 1719 г. онъ состоялъ изъ трехъ полковниковъ, одного подполковника и двухъ царедворцевъ. Сначала, кажется, Петръ Великій былъ намѣренъ совершенно устранить надворные суды отъ вмѣшательства областной администраціи. Но позже, въ 1722 г., по приговору сената, въ нихъ велѣно было присутствовать, въ качествѣ президентовъ, губернаторамъ и вице-губернаторамъ, за исключеніемъ Петербурга и Москвы, гдѣ эти суды сохранили независимый характеръ. Подчиненіе надворныхъ судовъ областнымъ начальникамъ, вѣроятно, было вынуждено временными потребностями тогдашняго правительства. Къ тому же, зависимость надворныхъ судовъ отъ губернаторовъ не вездѣ встрѣчается и въ провинціяхъ: въ наказѣ астраханскому губернатору 1725 г. ему веленъ только смотрѣть за порядкомъ и справедливостію, не присутствуя въ судѣ и не вступаясь въ дѣла непосредственно.

О преобразованіяхъ Петра Великаго въ областномъ судоустройствѣ вообще надобно замѣтить, что они не извѣстны намъ во всѣхъ подробностяхъ, и полнаго сужденія о нихъ произнести невозможно. Не только нѣтъ никакихъ указаній на дѣятельность новыхъ учрежденій, но даже нельзя составить полнаго понятія о той системѣ, которая лежала въ ихъ основаніи. Извѣстія о нихъ разсѣяны въ отрывочныхъ указахъ, изъ которыхъ часто не видно, что̀ было кореннымъ учрежденіемъ и что̀ временною мѣрой. Инструкціи, которыя должны были получить надворные суды и многія другія части управленія, не дошли до насъ; въ запискахъ того времени не сохранился планъ задуманной администраціи. Поэтому можно только указать на общія начала. Въ этомъ отношеніи въ преобразованіяхъ замѣтны двѣ эпохи. Первую составляютъ ландраты и ландрихтеры, вторую—надворные суды. Сначала, повидимому, Петръ имѣлъ только намѣреніе внести коллегіальное начало въ областное управленіе, не отдѣляя отъ него судебной части. Такъ было при введеніи ландрихтеровъ. Своимъ положеніемъ при губернаторахъ они напомнили тѣхъ «дворянъ у судныхъ дѣлъ», которые въ старину находились при воеводахъ большихъ городовъ. Вообще въ эту эпоху всѣ новыя мѣры были въ сущности только улучшеніе стараго порядка. Въ ландратскомъ правленіи соединялись два начала, которыя правительство старалось ввести въ областное управленіе еще въ концѣ XVII вѣка. Ландраты были тѣже

выборные воеводскіе товарищи, но отношенія ихъ къ губернаторамъ опредѣлены точно, и оттого администрація въ самомъ дѣлѣ получила коллегіальный характеръ. Во вторую эпоху Петръ Великій совершенно отдѣлилъ судебную власть отъ административной посредствомъ учрежденія сначала оберъ-ландрихтеровъ, а потомъ коллегіальныхъ судовъ. Но этому началу не скоро было суждено утвердиться на русской почвѣ.

Уже самъ Петръ Великій долженъ былъ измѣнить это управленіе. Въ 1722 г. провинціальные и городовые судьи, опредѣленные отъ Юстицъ-Коллегіи, были отмѣнены, всѣ судебныя дѣла переданы въ провинціяхъ воеводамъ, а «для скораго управленія и чтобъ въ дѣлахъ челобитчикамъ волокиты не было», при воеводахъ опредѣлены ассесоры изъ отставныхъ офицеровъ, или изъ дворянъ, по два человѣка. Въ отдаленныхъ уѣздныхъ городахъ, отстоявшихъ на 200 верстъ отъ провинціальнаго, устроенъ былъ особый низшій судъ: воеводы посылали туда ассесоровъ, по одному человѣку въ каждый городъ, и съ ними 2-хъ или 3-хъ подъячихъ. Судъ имъ предоставленъ только до десяти или двадцати рублей. Дѣла выше этой суммы начинались прямо въ провинціальномъ судѣ. Съ этого времени судъ провинціальнаго воеводы составлялъ первую обыкновенную инстанцію, и только по исключенію вторую,—слѣдовательно, всѣхъ областныхъ инстанцій было уже только двѣ, а не три. Причина, почему въ нѣкоторыхъ городахъ нужно было сохранить особенныхъ судей, заключается въ административной перемѣнѣ, совершившейся около этого времени. При первомъ преобразованіи областнаго управленія были учреждены особые начальники какъ для большихъ, такъ и для малыхъ городовъ: первыми были коменданты, вторыми оберъ-коменданты. Между ними не всегда существовали отношенія начальства и подчиненія, а потому и не всегда была третья областная инстанція; но за то почти каждый городъ, за исключеніемъ развѣ незначительныхъ, имѣлъ свое особое начальство.

При учрежденіи ландратовъ, губерніи были подраздѣлены на такіе немноголюдные участки (5536 дворовъ), что опять не было надобности учреждать особыхъ судей. Не такъ было при третьемъ преобразованіи губерній въ 1719 г. Въ это время провинціальные воеводы завѣдывали одни всѣми городами своихъ провинцій, въ уѣздахъ не было въ особыхъ начальниковъ. Такъ, напримѣръ, вся Новгородская провинція, состоявшая изъ четырехъ городовъ и 26024 дворовъ, зависѣла отъ одного воеводы; также и Тверская, въ которой было шесть городовъ и 15464 двора. Разумѣется, провинціальному воеводѣ было трудно управиться на такомъ пространствѣ, но правительству не хотѣлось увеличить числа областныхъ судей. Въ 1719 г. Сибирская губернія была раздѣлена на три провинціи, подъ управленіемъ вице-губернаторовъ, и никакой другой низшей власти тамъ не было. При такомъ крупномъ раздѣленіи губерній естественна была потребность въ низшей судебной инстанціи. Отсюда—сначала городовые судьи, опредѣленные отъ Юстицъ-Коллегіи, а потомъ ассесоры, назначенные отъ воеводъ. Въ учрежденіи послѣднихъ нельзя не замѣтить нѣкотораго отголоска прежнихъ административныхъ формъ: самая сумма, выше которой они не судили, напоминаетъ предѣлы судебной власти прежнихъ второстепенныхъ воеводъ. Городовые ассессоры черезъ мѣсяцъ послѣ своего учрежденія замѣнены судебными коммиссарами, которые судили до 50 рублей и состояли подъ начальствомъ воеводъ, но только въ томъ случаѣ, когда въ провинціи не было надворнаго суда. Кѣмъ назначались эти коммиссары, не довольно ясно. Изъ сенатскаго указа 22-го сентября 1725 г. видно, что сначала они опредѣлялись самимъ сенатомъ по представленію герольдмейстера и требованію губернаторовъ и воеводъ. Въ этомъ году сенатъ велѣлъ герольдмейстеру назначать судебныхъ коммиссаровъ безъ доклада.

Изъ другого сенатскаго указа 1727 г. видно, напротивъ, что коммиссары опредѣлялись мѣстными надворными судами.

Этимъ заключились реформы Петра Великаго въ областномъ судоустройствѣ. Сдѣлавъ необходимую уступку современному состоянію общества, онъ не рѣшился однако вполнѣ отступить отъ своихъ началъ и удержалъ между областными судебными инстанціями одну, совершенно отдѣльную отъ высшей административной. Препятствіе, о которое сокрушилось новое управленіе, вело свое происхожденіе изъ старыхъ понятій XVII вѣка. Это было кормленіе, и прежде мѣшавшее всякимъ попыткамъ правительства устранить невыгоды личнаго произвола полновластныхъ чиновниковъ. Кормленіе ихъ не замедлило предъявить свои права на новыя должности, не смотря на ихъ государственный характеръ. Еще въ 1716 году Петръ Великій предписывалъ назначать въ ландраты по преимуществу армейскихъ офицеровъ, отставленныхъ за ранами, или по старости, и особенно бѣдныхъ, «ибо не безъ грѣха есть въ томъ, что такіе, которые служили много, тѣ забыты и скитаются, а которые нигдѣ не служили, тѣ многіе по прихотямъ губернаторскимъ въ губерніяхъ взысканы чинами и получаютъ жалованіе довольное». Вѣроятно, для устраненія этихъ «губернаторскихъ прихотей» сенатъ долженъ былъ утверждать почти всѣхъ чиновниковъ. Но это не помогло; кормленіе проникло чрезъ всѣ преграды. Посошковъ разсказываетъ, что подъ конецъ царствованія Петра два дворянина, братья Чоглоковы, нигдѣ не бывши на службѣ, «какимъ-то случаемъ добились въ судьи, и одинъ сидѣлъ на Устюжнѣ Желѣзной судьею года съ три и больше, а другой братъ сидѣлъ въ Вышнемъ Волочкѣ, и сказывали о себѣ высоко, будто они по именному Его Императорскаго Величества указу въ судьи пожалованы. И того ради всякъ ихъ боялся, и на кого ни нападутъ, всякъ имъ уступалъ, и передъ ними не смѣли никто и слова вымолвить». Прежній взглядъ сохранился даже въ техническомъ словѣ, которымъ обозначалась гражданская служба: Посошковъ говоритъ, что многіе дворяне живутъ у наживочныхъ дѣлъ. Естественно, что, при такихъ понятіяхъ служилыхъ людей, превратившихся въ чиновниковъ, новыя начала администраціи приносили иногда положительный вредъ вмѣсто пользы. Къ числу важнѣйшихъ неудобствъ принадлежали многочисленность областныхъ начальниковъ и различная ихъ зависимость. Каждая губернія была наполнена множествомъ служащихъ. Это было невыгодно и для правительства, которому, при тогдашнихъ его средствахъ, трудно было всѣмъ давать жалованье, и до крайности тягостно для народа. Столь же невыгодно было и то, что при раздѣленіи властей областные чиновники зависѣли отъ разныхъ вѣдомствъ, а потому и найти на нихъ скорую управу было довольно трудно. Губернатору, конечно, былъ предоставленъ надзоръ за всѣмъ, что происходило въ губерніи, но такъ какъ онъ долженъ былъ доносить о злоупотребленіяхъ сенату, то въ этомъ проходило не мало времени, и власть каждаго, даже мелкаго чиновника, почти не знала преграды. Въ 1727 г. князь Долгорукій доносилъ сенату, что судебные коммиссары берутъ по дистриктамъ взятки, пытаютъ и бьютъ кнутомъ по розыскамъ противозаконно; одинъ изъ нихъ отпустилъ церковнаго вора, послѣ чего погорѣла церковь. Надворный судъ, которому обыватели приносили жалобы, не чинилъ резолюціи, и губернаторъ долженъ былъ нарушить законный порядокъ инстанціи и перенести слѣдствіе въ свою канцелярію. Изъ этихъ свидѣтельствъ очевидно, что областныя учрежденія Петра не вынесли столкновенія съ жизнію, но, измѣняя ихъ сообразно требованіямъ вѣка, правительство могло однако сохранить то, что въ нихъ приходилось по времени,—однообразіе, относительную простоту формъ. Оно этого не сдѣлало. Въ политическихъ смутахъ, начавшихся послѣ кончины Петра Великаго, затеря-

лась основная мысль его преобразованій и, дѣйствуя одними частными мѣрами, правительство до Екатерины II нечувствительно возвращалось къ преданіямъ XVII вѣка.

Окончательная отмѣна петровскихъ учрежденій началась уже при Екатеринѣ I. Прежде всего были уничтожены судебные коммиссары. Поводомъ къ тому послужило самое стѣсненіе ихъ суда незначительною суммою. Вслѣдствіе этого въ провинціальный городъ стекалось такое множество дѣлъ, что не было никакой возможности разрѣшать ихъ въ скорости. Поэтому Верховный Тайный Совѣтъ велѣлъ въ 1726 году назначить особыхъ воеводъ во всѣ тѣ города, гдѣ они бывали прежде, и предоставить имъ расправу во всѣхъ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ, безъ всякаго ограниченія. Апеляція на нихъ поступала къ провинціальнымъ воеводамъ, а жалобы на послѣднихъ въ надворные суды.

Коренное преобразованіе введено указомъ 24-го февраля 1727 г. Всѣ отдѣльныя областныя вѣдомства были уничтожены, въ томъ числѣ и надворные суды. Судъ во всякихъ дѣлахъ, и даже между крестьянами привиллегированныхъ вѣдомствъ, переданъ губернаторамъ и воеводамъ.

XLV. Преобразованіе Петромъ В. городского управленія.

(Изъ соч. Градовскаго: „Начала русскаго государственнаго права“, т. III: „Органы мѣстнаго самоуправленія“).

Не одинъ служилый классъ былъ предметомъ попеченій Петра. Реформы его нашли широкое примѣненіе и къ городскому сословію.

Петръ Великій брался за преобразованіе городского управленія два раза: 1) въ 1699 году, посредствомъ учрежденія бурмистерскихъ палатъ и Московской ратуши, и 2) въ 1721 году, регламентомъ главному магистрату. Между этими двумя мѣрами нельзя видѣть сходства. Хотя цѣль въ обоихъ случаяхъ одинакова, но исходная точка реформы и средства ея совершенія различны.

Учрежденіемъ бурмистерскихъ палатъ Петръ Великій вовсе не думалъ создавать такъ-называемаго городского самоуправленія. Иначе необходимо было бы предположить, что въ сознаніи законодателя установилось понятіе о городскомъ обществѣ, въ руки котораго ввѣряется завѣдываніе мѣстными интересами чрезъ выборныхъ лицъ. Но такой идеи въ названномъ учрежденіи нѣтъ. Законодательство о бурмистерскихъ палатахъ можетъ быть разсматриваемо, какъ продолженіе тѣхъ мѣръ, которыя предпринимались отчасти въ до-Петровской Россіи. Еще въ Новоторговомъ уставѣ высказывалось желаніе, чтобы всего государства купецкіе и промышленные люди были подчинены одному „пристойному приказу“, чтобы ихъ въ разныхъ приказахъ не вѣдать. Такимъ пристойнымъ приказомъ и явилась бурмистерская палата.

Въ Московское время городскіе обыватели жалуются на утѣсненія воеводъ и неудобства завѣдыванія городскими сборами въ разныхъ приказахъ. Правительство находитъ неудобнымъ и для своихъ собственныхъ интересовъ дѣятельность воеводъ и управленіе городами въ разныхъ мѣстахъ. Уже до Петра Великаго были приняты въ этомъ отношеніи нѣкоторыя мѣры. Между ними видное мѣсто занимаетъ указъ Ѳеодора

Алексѣевича 1681 года объ установленіи стрѣлецкой подати. Мѣра эта—1) привела къ нѣкоторому единообразію бездну прежнихъ городскихъ сборовъ, замѣнивъ ихъ однимъ стрѣлецкимъ рублевымъ сборомъ; 2) новая подать легла исключительно на города и остатки черныхъ волостей; 3) раскладки, взиманіе и доставленіе стрѣлецкой подати въ казну предоставлялись выборнымъ людямъ. Но указъ 1681 г. не достигалъ своей цѣли, такъ какъ общіе недостатки приказной системы и общія условія воеводскаго управленія имъ не затрагивались.

Учрежденіе бурмистерскихъ палатъ исходитъ изъ обоихъ указанныхъ мотивовъ. Въ указѣ 1699 года, которымъ учреждены палаты, прямо сказано, что городскіе и купецкіе и промышленные люди всякими своими дѣлами и сборами вѣдаются въ разныхъ приказахъ и оттого имъ, купецкимъ и промышленнымъ людямъ, чинятся всякіе налоги и тягости, а государевы сборы остаются въ доимкѣ. Чтобы устранить эти безпорядки, велѣно было всѣхъ купецкихъ и промышленныхъ людей вѣдать судомъ и расправою и всякіе его, великаго Государя, сборы сбирать выборнымъ бурмистрамъ. Это общее учрежденіе приняло, такъ сказать, двоякую форму: а) въ Москвѣ была учреждена бурмистерская палата, впослѣдствіи переименованная въ ратушу; б) въ городахъ учреждены земскія избы. Оба учрежденія состояли изъ выборныхъ бурмистровъ, и назначеніе ихъ было вездѣ одинаково.

Во первыхъ, они вѣдали судомъ и расправой всѣхъ купецкихъ людей во всѣмъ государствѣ; во вторыхъ, имъ ввѣрено было завѣдываніе разными сборами съ городовъ, подъ отвѣтственностью какъ выборныхъ людей, такъ и самой общины,—причемъ участіе воеводъ въ этихъ дѣлахъ устранялось.

Отсюда видно, что бурмистерская палата и земскія избы учреждены не для городского управленія. О городскомъ хозяйствѣ въ означенномъ законѣ нѣтъ ни слова. Можно даже предположить, что старыя выборныя должности, вѣдавшія управленіе городовъ въ собственномъ смыслѣ, продолжали существовать и послѣ 1699 года. Онѣ вымерли и исчезли сами собой только подъ вліяніемъ послѣдующихъ реформъ. Указъ 1699 года изданъ спеціально для управленія купецкихъ и промышленныхъ людей, какъ сословія государственнаго, и для завѣдыванія разными казенными сборами, лежавшими на городахъ.

Если разсматриваемое учрежденіе не было установленіемъ самоуправленія городского по самой цѣли своей, то не было таковымъ и по плану своего выполненія. Земскія избы дѣйствовали подъ прямымъ начальствомъ Московской ратуши. Послѣдняя была центральнымъ учрежденіемъ для городского сословія и сдѣлалась тѣмъ пристойнымъ приказомъ, о которомъ говорилъ Новоторговый уставъ.

Такимъ образомъ, выборныя по своему происхожденію, Московская ратуша и земскія избы обратились въ чисто-правительственныя учрежденія. Въ этомъ положеніи существованіе ихъ обусловливалось не отношеніями къ городской общинѣ, съ которой они были связаны, онѣ не обязывались даже отчетностью предъ избирателями, но тѣмъ, насколько удовлетворяли правительственнымъ интересамъ. Правительство же, какъ свидѣтельствуютъ акты того времени, имѣло полное основаніе быть недовольнымъ дѣятельностью означенныхъ учрежденій. Выше мы указали, что въ средѣ городского сословія образовалось нѣчто подобное

служилому классу. Изъ среды купеческаго и промышленнаго сословія лучшіе люди ставились къ разнымъ казеннымъ дѣламъ. Порядокъ этотъ не измѣнился съ учрежденіемъ бурмистерскихъ палатъ. Московская ратуша и земскія избы, состоявшія изъ тѣхъ же купцовъ и промышленниковъ, получили въ свое завѣдываніе казенные сборы; разныя казенныя регаліи отдавались, кромѣ того, отдѣльнымъ лицамъ изъ среды купечества. Взглядъ купецкихъ людей на службу точно также не измѣнился: прежнія злоупотребленія продолжались. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ по учрежденіи бурмистерскихъ палатъ Петръ Великій увидѣлъ необходимость назначить въ Московскую ратушу и въ другіе важнѣйшіе города особыхъ надсмотрщиковъ. Ревизія бурмистерскихъ палатъ раскрыла страшное воровство. Какъ только Московская ратуша потеряла довѣріе въ глазахъ правительства, значеніе ея для земскихъ избъ должно было постепенно утрачиваться. Послѣ учрежденія губерній она находится въ полномъ упадкѣ.

Попытка собрать торговое сословіе въ одно цѣлое и дать ему особое управленіе рушилась на первый разъ сама собою. Но къ концу царствованія неутомимый преобразователь снова возвращается къ мысли „паки собрать и устроить сію разсыпанную храмину.“ Можно сказать, что мысль эта теперь получаетъ большее развитіе, слѣдовательно и планъ реформы могъ быть задуманъ на болѣе широкихъ основаніяхъ. Къ этому времени Петръ ознакомился съ городскими учрежденіями западной Европы. Правда, эти послѣднія клонились тогда къ упадку; сохранились только нѣкоторыя формы прежняго ихъ устройства; управленіе городское подлежало сильной опекѣ государства,—но не вездѣ. Тѣ именно учрежденія, которыя послужили Петру образцомъ при его новой реформѣ,—учрежденія Остзейскаго края,—представляли полную самостоятельность.

Приступая къ новымъ преобразованіямъ городского управленія, Петръ Великій руководствовался важнымъ значеніемъ, какое имѣютъ для государства торговля, и вмѣстѣ, торговый и промышленный классъ. Поднять этотъ классъ—значило создать лучшія условія для торговли, а развитіе торговли обезпечивало багатство страны. Учрежденіе магистратовъ должно было удовлетворить этой цѣли.

Городовые магистраты Остзейскихъ провинцій, которые служили для Петра образцомъ при изданіи регламента главнаго магистрата 1721 года, имѣли узко-сословное устройство. Все городское общество и все имущество городское отдавались, въ силу этого устройства, въ безконтрольное распоряженіе небольшого числа лицъ, именовавшихъ себя „гражданами“. Оставляя, однако, въ сторонѣ форму учрежденія, нельзя не сказать, что остзейскіе городовые магистраты, по идеѣ своей, были гораздо выше тѣхъ установленій городскихъ, которыя впослѣдствіи ввела въ Россіи Екатерина II. Изъ состава „гражданства“ остзейскихъ городовъ образовались магистраты, суды, различныя другія учрежденія, которыя являлись дѣйствительною городскою властью, и властью чрезвычайно сильной. Магистраты, разные фохтейскіе и всякіе другіе суды и полицейскія учрежденія были здѣсь истиннымъ градскимъ начальствомъ. Въ ихъ рукахъ сосредоточивались и городское хозяйство, и судъ, и полиція.

Рядомъ съ магистратами не было другого градского начальства. Они не терпѣли послѣ себя никакихъ посторонних элементовъ и въ полномъ смыслѣ слова управляли городомъ.

Городскія учрежденія, которыя проектировалъ регламентъ главному магистрату, получили такія же широкія права. На магистраты возложены были судъ, попеченіе о хозяйствѣ города, его благоустройствѣ и полиціи. Давая городамъ самостоятельную полицейскую власть, законодатель ставилъ городскую общину въ независимое положеніе отъ правительственныхъ властей въ дѣлѣ завѣдыванія собственными интересами. Въ этомъ отношеніи взглядъ Петра на городъ, какъ на самоуправляющуюся единицу, совершенно правиленъ. Онъ не вносилъ того раздвоенія въ управленіе городское, которое явилось послѣдствіемъ законодательства Екатерины II. Правда, Петръ Великій отчасти и самъ положилъ основаніе этому раздвоенію, учредивъ генералъ-полиціймейстерскую канцелярію въ Петербургѣ и должность оберъ-полиціймейстера въ Москвѣ. Но явленіе это при немъ дальше не пошло. Даже при его преемникахъ оно развивалось съ значительнымъ трудомъ. Окончательное раздѣленіе полиціи и городского общественнаго управленія относится ко времени Екатерины II.

Перенося чужеземныя учрежденія на почву своего государства, Петръ Великій старался, по возможности, примѣнить ихъ къ условіямъ спеціально русской жизни. Регламентъ главному магистрату принимаетъ во вниманіе эти условія въ полной мѣрѣ. Въ этомъ отношеніи бросается въ глаза слѣдующій замѣчательный фактъ. Хотя идеи Петра касательно городского управленія, въ разсматриваемый періодъ реформы, измѣнились кореннымъ образомъ, но черты стараго порядка, и очень важныя, остались неприкосновенными и въ новомъ учрежденіи. Подобно Московской ратушѣ, главный магистратъ поставленъ надъ всѣми магистратами въ качествѣ главнаго начальства всѣхъ городовъ. Ему поручалось „разсыпанную храмину" торгово-промышленнаго сословія „паки собрать",—мотивъ, которымъ вызвано было и учрежденіе бурмистерской палаты. Различіе состояло въ томъ, что власть главнаго магистрата раздѣлялась съ Коммерцъ-Коллегіею, которой предписывалось „трудиться, чтобъ такое сокровище (купечество) утрачено не было". Это попеченіе о „сокровищѣ" объясняется самымъ его положеніемъ въ тогдашнее время. Градское начальство, магистраты нуждались тогда въ защитѣ отъ мѣстныхъ правительственныхъ властей. Воеводы, комменданты, ассессоры, даже офицеры, какъ настоящіе служилые люди, относились съ презрѣніемъ къ выборнымъ членамъ магистратовъ, и результатомъ подобнаго отношенія былъ цѣлый рядъ самыхъ прискорбныхъ фактовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ учрежденіе главнаго магистрата, какъ начальства и попечительства надъ городами, было весьма пригодно. Петръ Великій зналъ, конечно, что дѣлалъ, вводя это учрежденіе, и исторія его оправдала: именно на главный магистратъ и обратилась вся злоба тѣхъ лицъ, которыя находили выгоднымъ для себя уничтоженіе петровскихъ учрежденій.

Послѣ смерти Петра Великаго начались всевозможныя измѣненія въ его системѣ мѣстныхъ должностей. Трудно сказать, чѣмъ вызывались эти перемѣны. Мотивамъ, которые приведены въ указахъ, отмѣнявшихъ разныя постановленія Петра, едва ли можно вѣрить. Въ одномъ

изъ указовъ 1727 года, находимъ, напр., слѣдующія соображенія, которыми уничтожены надворные суды. Въ царствованіе Петра Великаго, читаемъ въ указѣ, весьма размножены правители и канцеляріи; всѣ они „пропитанія своего хотятъ“ и потому народъ утѣсняютъ; отъ множества инстанцій происходитъ „волокита въ дѣлахъ“ и проч. На этомъ основаніи правительство обращается къ прежней системѣ, т. е. поручаетъ судъ и расправу губернаторамъ и воеводамъ. Подобнымъ мотивамъ вѣрить довольно трудно по той причинѣ, что, съ отмѣной петровскихъ учрежденій, злоупотребленія и безпорядки не только не прекратились, но увеличились. Такъ, если воеводы и губернаторы получили въ свое завѣдываніе судъ и расправу, то, конечно, не перестали чрезъ это „хотѣть своего пропитанія“, тѣмъ болѣе, что у нихъ отнято было жалованье. Вѣрнѣе остановиться на томъ предположеніи, что служилое сословіе, шляхетство, недружелюбно относилось къ тѣмъ формамъ, въ которыя хотѣлъ облечь его служебную дѣятельность Петръ Великій. Правила отчетности, отвѣтственность, дѣлопроизводство, надзоръ—все это не могло нравиться служилому классу, воспитанному въ совершенно иныхъ привычкахъ. Патріархальность стараго воеводскаго управленія была ему болѣе по душѣ. Къ этой системѣ и возвратились, сколько могли, преемники великаго преобразователя.

Подъ вліяніемъ наступившей реакціи, мѣстныя установленія Петровской эпохи должны были рушиться одно за другимъ. Уничтожаются судебныя учрежденія Петра—надворные суды и коммиссары. Мѣсто ихъ заняли воеводы съ ассессорами. Главный магистратъ уничтоженъ и возстановленъ только въ царствованіе Елизаветы Петровны. Города опять подпали подъ управленіе губернаторовъ и воеводъ. Въ 1727 году наказъ губернаторамъ и воеводамъ былъ передѣланъ, согласно новымъ условіямъ ихъ должности. Губернаторы и воеводы явились не только главными, но единственными правителями мѣстности.

XLVI. Учрежденіе бурмистерской палаты и земскихъ избъ и ихъ несостоятельность.

(Изъ соч. Дитятина: „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи“, ч. I).

Въ началѣ царствованія Петра Великаго торговля и производительная промышленность Россіи находятся въ томъ же самомъ состояніи, какъ и въ царствованіе отца и брата великаго преобразователя. Ни одно изъ золъ, препятствовавшихъ развитію этихъ могущественныхъ рычаговъ развитія общества и государства, не было устранено. Потребности общества не увеличились: оно не стало богаче; главнымъ занятіемъ массъ населенія и теперешней Россіи вообще, а вмѣстѣ и посадскихъ людей въ частности, остается по прежнему земледѣліе; хоть сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія нѣтъ и теперь, и теперь эти дороги даже между такими городами, какъ Москва и Новгородъ, шли дикой пустыней и находились въ первобытномъ природномъ состояніи. Онѣ по-прежнему не отличаются и безопасностью, которой не было въ самой столицѣ, мѣстопребываніи будущаго преобразователя; разбоемъ не брезгаютъ даже князья; помѣщики обвиняются въ «смертномъ убійствѣ» посадскихъ людей. Конкурренція иностран-

цевъ какъ въ торговлѣ, такъ и въ промышленности также сильна и непреодолима, какъ и въ XVII ст., пожалуй еще сильнѣе: общество, быстро шагнувшее во внѣшней обстановкѣ, сразу опередило едва зарождавшіяся производительныя силы русскаго промышленнаго населенія, и должно было обращаться за удовлетвореніемъ своихъ потребностей къ западнымъ ремесленникамъ и промышленникамъ. У русскихъ купцовъ не хватало силъ тягаться съ богатыми компаніями иностранцевъ; послѣдніе затирали первыхъ. Къ этому нужно прибавить еще «всякіе большіе убытки и разоренія» и въ тѣхъ скромныхъ промыслахъ, которыми занимался посадскій людъ, а эти убытки и разоренія «во всякихъ промыслахъ» дѣйствительно были не малые. Разоряли посадскихъ воеводы и приказные тѣхъ приказовъ, въ которыхъ вѣдались города ихъ податями и повинностями; разоряли ихъ своя же братья—всякаго рода выборные; разоряли ихъ поборы непосильные, тягло тяжелое; разоряли ихъ бѣглые съ посадовъ, «бѣльцы», врывавшіеся въ нихъ. Воеводы и приказные лежатъ страшнымъ гнетомъ на посадскихъ: они всѣмъ берутъ—не только деньгами, но и пирогами, и налимами, свѣчьми и лопатами; берутъ сами, берутъ дочери и жены. Не меньшимъ, если еще не большимъ, гнетомъ ложились на посадскихъ и тѣ приказы, въ которыхъ вѣдались они разными податями и повинностями; приказные люди не одного приказа, а цѣлой массы ихъ, кормились около посадскихъ, причиняя имъ, по сознанію самого правительства, «убытки не малые, волокиты сильныя». Не отставали отъ приказныхъ и свои мірскіе выборные: и они пользовались всякимъ случаемъ погрѣть руки въ карманахъ своихъ избирателей, охраненіе интересовъ которыхъ было ихъ назначеніемъ. Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу администраціи сильные, «лучшіе» изъ посадскихъ жали и тѣснили «среднихъ» и «молодшихъ», на сколько хватало ихъ силъ, на сколько имъ было выгодно это; въ раскладкѣ податей богатые никогда не оставались въ накладѣ: они всегда изощрялись взвалить на «худшихъ» людей больше, чѣмъ на себя. Прибавимъ ко всему этому страшные подати и налоги, повинности, отбываемыя натурою—и станетъ понятенъ тотъ застой, въ которомъ находились торговля и промышленность, то жалкое положеніе, въ которомъ обрѣтались посадскіе люди. Понятно станетъ стремленіе этихъ людей, какъ и прежде, бѣжать съ посада, не отбывая податей, оставляя свои дворы пустыми, взваливая свою подать на плечи остававшихся въ посадѣ.

При такомъ положеніи дѣлъ могло ли посадское торгово-промышленное населеніе дойти до сознанія единства общественныхъ нуждъ и потребностей? Оно не могло идти дальше сознанія тяжести своего положенія, стремленія избавиться отъ него самыми, такъ сказать, примитивными средствами, въ родѣ «разбрестись съ посада», чѣмъ они и грозятъ правительству неоднократно. Такимъ образомъ, и въ рукахъ Петра оказалась все та же безотвѣтная, пассивная масса посадскаго населенія, не сознающаго ни своихъ общественныхъ, ни государственныхъ интересовъ; масса разрозненная, чуждая всякаго духа общенія, ожидающая всякаго облегченія только отъ правительства, обращающаяся къ нему со всякими невзгодами, даже съ пустыми мелочами. Этой пассивной массѣ пришлось теперь испытать многое въ рукахъ великаго, энергическаго экспериментатора, не останавливавшагося ни передъ какими средствами. Нужды и потребности государства выростаютъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ. Война азовская, сооруженіе флота, затѣваемая война съ шведами, требуютъ громадныхъ средствъ. Онѣ требуютъ напряженія всѣхъ силъ народа: нужны люди, нужны деньги, и то и другое—на службу государству; интересы послѣдняго поглотили всякіе другіе интересы. Преобразователь видитъ одну цѣль:—создать могущественное государство со всѣми внѣшними признаками западно-европейскихъ государствъ. Къ этой цѣли на-

правлены всѣ вообще преобразованія Петра, касающіяся какъ всей Руси вообще, такъ въ частности ея торгово-промышленнаго, по преимуществу, городского населенія. Всѣ эти мѣры и преобразованія eo ipso должны были идти въ духѣ мѣръ правительствъ XVII ст., съ тою только разницею, что мѣры Петра, въ силу самого его характера, должны были отличаться большей опредѣленностью, послѣдовательностью, пожалуй—суровой безпощадностью. Преобразователь шелъ по намѣченному его предшественниками пути твердо, неуклонно. Тяглыя сословія, почти организованныя въ XVII вѣкѣ, онъ организуетъ, закрѣпощаетъ окончательно. Каждое сословіе неукоснительно должно исполнять возложенную на него службу, отбывать подати и повинности. Служилое сословіе дворянъ, сельское крѣпостное населеніе отбываютъ небывалую до-селѣ воинскую повинность; торгово-промышленное населеніе должно давать государству денежныя средства; размѣры всего этого нужно усилить, по мѣрѣ усиленія нуждъ государства. Приступая къ усиленію платежей, приходилось задуматься: посадскіе «исхудали» и отъ прежнихъ; они не могли исправно вносить и ихъ. Стало быть, прежде чѣмъ увеличивать повинности этого сословія, необходимо было озаботиться, чтобы въ прежнихъ сборахъ не чинилось недоимокъ и большихъ недоборовъ. Какъ это сдѣлать? Царю, какъ и его предшественникамъ, казалось, что причина неисправности—«во всякихъ убыткахъ и разореніяхъ», наносимыхъ посадской мѣстной администраціей и московскими приказами, ему казалось, что съ устраненіемъ этого зла доходы увеличатся, онъ еще не понялъ, что необходимо еще возбудить самыя производительныя силы, увеличить платежныя средства посадскаго населенія. Сами посадскіе едва ли сознавали это: во всѣхъ своихъ челобитьяхъ они приписываютъ всѣ свои невзгоды злоупотребленіямъ воеводъ и выборныхъ, и только имъ однимъ.

Въ отвѣтъ на эти жалобы еще правительства XVII вѣка принимали всякаго рода мѣры, какъ частныя, такъ и общія: первыя состояли въ смѣнѣ и отставкѣ воеводъ, городовыхъ приказчиковъ, подъячихъ; замѣны выборныхъ должностей приказными, и наоборотъ; вторыя, т. е. болѣе общія, мѣры состояли въ стремленіи организовать торгово-промышленное населеніе городовъ въ особое тяглое сословіе, притомъ имѣлись въ виду лишь цѣли исключительно государственныя, при чемъ по преимуществу финансовыя, мѣры, которыя, облегчая повидимому, посадскихъ людей, принося имъ какъ-будто пользу, въ концѣ концовъ закрѣпощали ихъ къ мѣсту, тяглу и, такимъ образомъ, тормозили развитіе торговли и промышленности, а стало быть и города, налагая на то и другое крѣпкіе путы.

Всѣ мѣры Петра относительно торгово-промышленнаго населенія носятъ этотъ же характеръ. До 1699 года, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ его царствованія, до изданія указа о бурмистерской палатѣ, мѣры эти отрывочны, случайны: занятый азовскими походами, созданіемъ флота, поѣздкой за границу, царь не имѣлъ времени заняться, какъ бы онъ хотѣлъ, посадскимъ населеніемъ; приходилось ограничиваться отдѣльными мѣрами, не отличающимися отъ подобнаго же рода мѣръ его предшественниковъ ни большей опредѣленностью, ни систематичностью, ни вообще новизной въ какомъ-либо отношеніи. Недостаточность подобнаго рода мѣръ, даже для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя имѣются въ виду преобразователемъ, какъ и его предшественниками, царь не могъ не сознавать. Эта недостаточность сознавалась еще гораздо раньше его. Знаменитый дѣятель временъ Алексѣя Михайловича, Ординъ-Нащокинъ, еще во второй половинѣ XVII столѣтія, сознавая несостоятельность колебательной политики правительства относительно посадскихъ торгово-промышленныхъ людей, политики замѣны началъ

приказнаго и земскаго одного другимъ, политики отдѣльныхъ мѣръ,—предлагалъ въ Новоторговомъ уставѣ 1667 года одну общую мѣру, которая изъяла бы все торгово-промышленное населеніе всѣхъ городовъ Руси изъ вѣдомства многихъ приказовъ съ ихъ безчисленными приказными, устранила бы вліяніе на нихъ воеводъ. Онъ предлагалъ мѣру, которая имѣла въ виду завершить дѣло цѣлыхъ полутора столѣтій: окончательно слить торгово-промышленное населеніе всей Руси въ одно цѣлое, организовать изъ него единое тяглое сословіе, которое вѣдалось бы въ особомъ учрежденіи, независимомъ отъ мѣстнаго представителя администраціи — воеводы, достаточно сильномъ для того, чтобы защищать посадскихъ отъ притѣсненій этого представителя. Эта мѣра состояла въ учрежденіи особаго, спеціальнаго приказа, исключительнымъ дѣломъ котораго было бы вѣдать купцовъ: «для многихъ волокитъ во всѣхъ приказахъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристойномъ приказѣ,—говоритъ Ординъ,—гдѣ великій государь укажетъ своему боярину; этотъ бы приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ обороною, и во всѣхъ городахъ отъ воеводскихъ налогъ былъ имъ защитою и управою. Въ томъ же одномъ приказѣ давать судъ и управу, если купецкіе люди будутъ бить челомъ на другихъ чиновъ людей». Но этотъ проектъ остался лишь проектомъ: авторъ опередилъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ свое время.

То, что предшественники Петра только сознавали и пытались осуществить, то Петръ осуществляетъ; то, что до него являлось въ формѣ попытокъ, далеко не всеобъемлющихъ и послѣдовательныхъ, то онъ осуществляетъ вполнѣ, создавая, дѣйствительно, совершенно особое учрежденіе, въ вѣдѣніи котораго должна быть сосредоточена «разсыпная» храмина всего торгово-промышленнаго сословія Россіи. Такое особое учрежденіе, «Пристойный Приказъ» Ордина-Нащокина, царь создаетъ въ своей бурмистерской палатѣ, учрежденіемъ которой, какъ мы увидимъ, онъ думаетъ достигнуть разомъ обѣихъ цѣлей, поставленныхъ его предшественниками: устранить мѣстныя приказныя власти отъ вмѣшательства въ дѣла посадскихъ общинъ, объединить все торгово-промышленное посадское населеніе Руси въ одно цѣлое, въ одинъ сословный организмъ. Обѣ эти цѣли ясно сознаются преобразователемъ, не менѣе ясно высказываются; къ достиженію ихъ онъ стремится. Другой вопросъ—достигъ ли онъ ихъ. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь болѣе или менѣе подробнымъ ознакомленіемъ съ самыми указами объ учрежденіи бурмистерской палаты и земскихъ избъ.

30 января 1699 года были изданы сразу два указа, касающіеся посадскихъ людей Россіи: указъ объ учрежденіи бурмистерской палаты въ Москвѣ и указъ объ учрежденіи въ городахъ земскихъ избъ.

Указъ объ учрежденіи московской бурмистерской палаты начинается слѣдующими знаменательными словами, мотивирующими появленіе новаго установленія: «всѣ черныхъ сотенъ и слободъ посадскіе и купецкіе и промышленные люди купецкими и всякими расправными дѣлами и его, Великаго государя, окладными доходами вѣдомы въ разныхъ приказахъ; и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренье, а его, Великаго государя, съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы»... почему и велѣно сказать посадскимъ, что отнынѣ они будутъ вѣдаться во всѣхъ своихъ дѣлахъ выборными бурмистрами. Въ этихъ немногихъ словахъ содержится въ высшей степени многое: въ нихъ высказаны и причины образованія бурмистерской палаты съ земскими избами, и ихъ компетенція, объемъ власти, какъ по отношенію къ дѣламъ, подлежащимъ ихъ вѣдѣнію, такъ и лицамъ; изъ нихъ можно вывести заключеніе объ отношеніи новыхъ

установленій, какъ къ мѣстнымъ органамъ центральной власти—воеводамъ, такъ и къ самой этой власти; въ нихъ же выражается и тотъ взглядъ преобразователя, которымъ онъ мотивируется во всѣхъ своихъ реформахъ въ теченіе двадцати лѣтъ, — взглядъ исключительно государственно-финансовый.

Истинною причиною установленія бурмистерской палаты и земскихъ избъ вовсе не было только то обстоятельство, что, вѣдаясь въ разныхъ приказахъ, посадскіе и торговые и промышленные люди терпятъ убытки и разореніе, а то, что, благодаря этимъ убыткамъ, нарушаются государственно-финансовые интересы: государевы окладные доходы учинились въ доимкѣ, въ пошлинахъ—недоборы. Эти доимки и недоборы, мотивировавшія дѣйствія правительствъ XVII в., служатъ единственнымъ мотивомъ мѣръ Петра въ данномъ случаѣ. Учрежденіе бурмистерской палаты и земскихъ избъ есть та радикальная мѣра противъ недоборовъ государственной прибыли, необходимость которой, какъ мы видѣли, сознавалась въ XVII ст., но которая не могла быть приведена въ исполненіе, вѣроятно, только благодаря несостоятельности правительства того времени. Эти причины въ то же время являются и цѣлью преобразованій; однѣ и тѣ же цѣли должны вызывать одинаковыя мѣры, средства къ ихъ достиженію. Дѣйствительно, бурмистерская палата Петра, по своей сущности—не что иное, какъ тотъ пристойный приказъ, о которомъ помышлялъ замѣчательный новаторъ царствованія Алексѣя Михайловича; разница лишь въ формахъ, въ которыя вылилось содержаніе при Петрѣ и въ которыя оно должно было вылиться по мысли Ордина-Нащокина. Пристойный приказъ Петра основывается на началахъ сословно-выборныхъ, приказъ Ордина—на чисто-старыхъ началахъ, преобладавшихъ въ XVII ст., началахъ приказныхъ; это—приказъ, который государь «укажетъ своему боярину». Эта-то форма пристойнаго для посадскихъ людей приказа, форма сословно выборная, притомъ—коллегіальная, и составляетъ дѣло Петра, но и то лишь по отношенію къ самому приказу, бурмистерской палатѣ, вѣдающей посадское населеніе; вообще же въ выборномъ началѣ и предшественники Петра видѣли чуть ли не единственное средство противъ разоренія посадскихъ людей воеводами и приказными всякаго рода. Начало это въ XVII ст. прилагалось, хотя часто и въ обширныхъ размѣрахъ, но не такъ послѣдовательно, какъ это дѣлаетъ Петръ Великій; оно имѣло мѣсто лишь по отношенію къ общиннымъ, мѣстнымъ должностямъ и не проникло въ центральныя учрежденія, притомъ прилагалось только въ единоличной формѣ, а не въ коллегіальной.

Московская бурмистерская палата, по смыслу указа объ ея учрежденіи, должна была играть двоякую роль: во-первыхъ,—роль того «пристойнаго приказа», который имѣлъ своимъ назначеніемъ вѣдать «всего московскаго государства посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей и черно-слободцевъ»; въ этой роли бурмистерская палата являлась, слѣдовательно, учрежденіемъ чисто государственнымъ, центральнымъ, общимъ для городского населенія всей Россіи. Во-вторыхъ, эта палата играетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и роль чисто-мѣстнаго, общинно-городского учрежденія, роль городской земской избы. Въ качествѣ учрежденія обще-государственнаго, центральнаго, бурмистерская палата замѣнила собою тѣ «разные приказы», въ которыхъ вѣдались посадскіе и торговые и промышленные люди до нея; поэтому объемъ ея вѣдѣнія опредѣлялся объемомъ вѣдѣнія и власти замѣненныхъ ею приказовъ: она вѣдала торгово-промышленное населеніе всего государства въ его «расправныхъ и челобитныхъ и купецкихъ дѣлахъ»... и въ сборахъ доходовъ, но вѣдала не прямо, а, такъ сказать, посредственно—чрезъ посредство городовыхъ земскихъ избъ. Всѣ пошлины, государевы доходы и поборы, собираемые земскими должностными лицами, подчиненными земскимъ бурмистрамъ, шли въ земскія избы и уже отсюда—въ бурмистерскую

палату; чрезъ эту палату, или, лучше, прямо изъ нея, за подписью и печатью президента и бурмистровъ, исходили всѣ указы Великаго Государя, касавшіеся торгово-промышленнаго населенія Россіи. Бурмистерская палата, или, выражаясь языкомъ наказа нижегородскимъ бурмистрамъ, ея президентъ и бурмистры во всемъ вѣдали земскихъ бурмистровъ, обязанныхъ передъ нею строгой отчетностью. Однимъ словомъ, бурмистерская палата, въ качествѣ государственнаго учрежденія, является учрежденіемъ, вѣдающимъ чрезъ посредство мѣстныхъ избъ все городское населеніе государства; это—обще-государственное сословное учрежденіе.

Какъ учрежденіе мѣстное, такъ сказать, общинно-городское, бурмистерская палата или ратуша (такъ стали называть ее съ 17 ноября 1699 года) была не чѣмъ инымъ, какъ земскою избою города Москвы, вѣдавшею дѣла мѣстныхъ торгово-промышленныхъ и купецкихъ людей.

Земскія избы, по мысли законодателя, должны были замѣнить собою приказныя избы и воеводъ, состоявшихъ во главѣ этихъ избъ; такимъ образомъ, компетенціей этого мѣстнаго представителя центральной власти и его избы опредѣлялся объемъ вѣдомства земской городской избы. Въ указѣ отъ 30 января 1699 года объемъ власти земскихъ избъ опредѣляется слѣдующими словами: «мірскимъ выборнымъ людямъ въ земскихъ избахъ вѣдать всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей во всякихъ мірскихъ расправныхъ и челобитныхъ дѣлахъ и въ сборѣхъ». Этими словами указъ и ограничивается по отношенію къ данному вопросу; такъ что на основаніи его вовсе не легко опредѣлить власть земскихъ избъ и ихъ членовъ, земскихъ бурмистровъ. Но такое опредѣленіе легко сдѣлать на основаніи ряда указовъ, изданныхъ впослѣдствіи въ поясненіе и дополненіе названнаго.

Объемъ власти земскихъ бурмистровъ по отношенію къ предметамъ, подлежащимъ этой власти, въ общихъ чертахъ опредѣляется, кромѣ только-что приведенныхъ словъ указа объ учрежденіи городскихъ земскихъ избъ, еще и тѣми причинами, тѣмъ зломъ, устранить которое преобразователь думалъ, учреждая палату и избы; онъ думалъ избавить торгово-промышленное населеніе московскаго государства отъ убытковъ и разоренья и тѣмъ устранить «доимку въ его государевыхъ доходахъ» и всякіе недоборы. Отсюда само собой понятно, что главная задача земскихъ избъ—сборъ государственныхъ доходовъ, сборъ исправный, «съ пополненіемъ». Это общее опредѣленіе развивается послѣдующими законодательными актами и между ними—въ особенности наказомъ нижегородскимъ бурмистрамъ и отвѣтами на запросы московскихъ гостей и жителей города Воронежа. Въ отвѣтахъ на запросъ воронежцевъ, такъ же какъ и въ наказѣ нижегородскимъ бурмистрамъ, въ вѣдѣніе бурмистровъ земскихъ избъ передаются сборы таможенныхъ, кабацкихъ и всякихъ денежныхъ доходовъ; въ томъ же отвѣтѣ воронежцамъ законодатель выраженіе «всякіе денежные сборы», во избѣжаніе перечисленія, опредѣляетъ, говоря, что въ вѣдѣніе бурмистровъ переходятъ всѣ тѣ дѣла, которыя до сихъ поръ «были вѣдомы въ Приказѣ Большія Казны». Ознакомившись, въ чемъ вѣдалъ города Приказъ большія казны, мы ознакомимся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ объемомъ власти, которая передается теперь въ руки земскихъ бурмистровъ. Приказъ большія казны, кромѣ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отраслей государственнаго хозяйства, какъ, напр., горнаго и монетнаго дѣла, вѣдалъ, по выраженію Неволина, гостей, гостиныя и суконныя сотни, и мастеровъ серебряныхъ дѣлъ въ Москвѣ, и торговыхъ людей многихъ городовъ ихъ тягломъ, податьми и другими поборами; въ немъ вѣдались, кромѣ того, въ силу указа 1680 года, московская таможня, мѣрная и мытная избы, городовыя таможни, кружечные дворы, кабаки, конскія площадки, торговыя бани, харчевни и харчевенные

ряды, т. е., какъ поясняетъ самъ же Неволинъ, всѣ доходы, какіе могли поступать въ государственную казну отъ сихъ заведеній.

Изъ всего этого ясно видно, что самая важная по объему сторона дѣятельности земскихъ избъ и бурмистровъ—вовсе не носитъ характера мѣстной общинноавтономической дѣятельности и является дѣятельностью исключительно государственной; въ роли блюстителей за всѣми этими сборами земскіе бурмистры являлись не чѣмъ инымъ, какъ органами центральной, правительственной власти,—органами почти исключительно исполнительнаго характера, каковой носили всѣ сословно-выборныя должностныя лица XVII вѣка. Сущность остается та же самая, измѣнена лишь форма: названіе головъ замѣнено названіемъ бурмистровъ, заимствованнымъ изъ городового устройства остзейскаго края. Передавая всѣ эти сборы въ вѣдѣніе земскихъ избъ, какъ учрежденія сословно-выборнаго, государство вовсе не имѣло въ виду интересы и нужды общинно-городскіе, которыхъ оно не сознавало; ни даже сословные, съ которыми оно вѣдалось, по сколько это было въ интересахъ его самого; единственною, исключительною его цѣлью въ этомъ случаѣ и теперь, какъ раньше, было устранить «доимку и недоборы» государственныхъ доходовъ. Мотивами передачи всѣхъ этихъ сборовъ изъ рукъ приказныхъ въ руки земскія, выборныя, Петръ выставляетъ прямо то обстоятельство, что воеводы и приказные къ приумноженію тѣхъ дѣлъ чинили нерадѣніе.

Такимъ образомъ, служба земскихъ бурмистровъ является по своей сущности не чѣмъ инымъ, какъ сословнымъ тягломъ, обязанностью, и очень тяжелою обязанностью, за нерадивое исполненіе которой грозитъ «лишеніе животовъ», а подчасъ и «батоги нещадные». Характеръ тягла этого — исключительно государственный, судя по роду дѣлъ, которыя, какъ мы видѣли, возлагаются на земскія избы: почти всѣ сборы, вѣдомые бурмистрами, не имѣютъ никакого отношенія къ городу, какъ совокупности общинъ, и очень малое къ торгово-промышленному сословію. Дѣятельность по сборамъ всякаго рода пошлинъ и налоговъ не была, однако, исключительной и единственной дѣятельностью земскихъ бурмистровъ: на нихъ возлагались и обязанности, стоявшія въ болѣе близкомъ отношеніи къ сословной общинѣ; обязанности, по характеру своему, могущія, пожалуй, быть отнесенными къ категоріи сословно-общинныхъ правъ. Къ такимъ обязанностямъ я отношу обязанности—права раскладывать подати и налоги между отдѣльными членами сословныхъ общинъ и отдавать въ оброкъ всякія статьи съ торгу. Понятно, что въ качествѣ раскладчиковъ податей и повинностей земскіе выборные вообще и земскіе бурмистры, наблюдавшіе за этими раскладчиками въ особенности, являлись скорѣе простыми агентами центральной власти, нежели органами общины.

Такими же агентами являлись земскіе бурмистры и во второмъ случаѣ—по отношенію къ праву отдавать всякія статьи въ оброкъ съ торгу, какъ выражается наказъ нижегородскимъ бурмистрамъ, или отдавать нѣкоторые сборы на откупъ, какъ, напр., ледоколъ и прорубное, и въ этомъ случаѣ они являлись не представителями сословно-городской общины, а государственной власти, и отдавали на откупъ оброчныя статьи не отъ лица общины, не пользовавшейся еще въ то время правомъ собственности надъ гороскими землями и угодьями и не имѣвшей своей казны, своихъ капиталовъ; деньги съ откуповъ или отдачи оброчныхъ статей шли въ государственную же кассу приказа Большаго дворца или расходовались лишь по указу его, Великаго Государя. Иначе и быть не могло: всѣ подати и налоги были государственными, по своему назначенію, податьми и налогами, шедшими на удовлетвореніе нуждъ и потребностей государства, а не

данной общины. Отсюда становится совершенно понятнымъ, что земскія избы не могли расходовать собранныхъ ими суммъ по собственному усмотрѣнію: онѣ должны были выдавать изъ нихъ въ расходъ не иначе, какъ по указу его, Великаго Государя, изданному бурмистерской палатой (ратушей) за печатью президента и бурмистровъ; въ случаѣ нарушенія этого правила Государь грозитъ земскимъ бурмистрамъ взысканіемъ съ нихъ «безъ пощады» вдвойнѣ выданной ими суммы. Всѣ собранныя земскими избами суммы стекались въ московскую ратушу, которая могла расходовать ихъ на тѣхъ же основаніяхъ, а оставшіяся за расходомъ суммы должны были пересылаться въ Приказъ большія казны. Такимъ образомъ, не только отдѣльныя сословныя общины не имѣли собственнаго капитала, которымъ они могли бы распоряжаться на удовлетвореніе собственныхъ нуждъ: его не имѣло и цѣлое сословіе, центральное учрежденіе котораго, ратуша, какъ и мѣстныя земскія избы, являлось лишь органомъ, учрежденіемъ исключительно государственнымъ.

Земскія избы, замѣнивъ собою приказныя избы воеводъ, eo ipso должны были играть роль послѣднихъ, т. е. «агентовъ правительства, понуждавшихъ тяглецовъ къ исправному отбыванію тягла». Земскіе бурмистры сами, непосредственно, не участвовали ни въ раскладкѣ податей и повинностей, ни въ сборѣ какъ ихъ, такъ и таможенныхъ, кабацкихъ и тому подобныхъ пошлинъ; все это они производятъ чрезъ земскихъ старостъ, таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, замѣнившихъ прежнихъ головъ и цѣловальниковъ. Дѣйствія этихъ выборныхъ были поставлены подъ ихъ непосредственный надзоръ. О земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ на посадахъ за это время мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы заключить объ ихъ обязанностяхъ и отношеніяхъ къ земскимъ избамъ. Однако несомнѣнно, что эти представители земскаго начала существовали послѣ учрежденія земскихъ избъ и бурмистерской палаты—ратуши. Это были выборныя мірскія власти «для управленія земскими дѣлами», какъ выражается Чичеринъ, состоящими въ раскладкѣ податей и повинностей и ихъ сборѣ. Если принять во вниманіе отвѣтственность земскихъ бурмистровъ за «доимку» во всякаго рода сборахъ, ихъ право и даже обязанность вмѣшиваться въ выборы земскихъ должностныхъ лицъ, раскладку податей и повинностей, то едва-ли можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ выводъ, что и земскіе старосты «съ товарищи» стояли къ этимъ бурмистрамъ въ такихъ же точно отношеніяхъ, въ какихъ, мы видѣли, стояли къ нимъ таможенные и кабацкіе бурмистры, т. е. въ отношеніяхъ исполнительныхъ, подчиненныхъ агентовъ.

Въ чемъ состояли обязанности таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, точно опредѣляется самымъ названіемъ этихъ должностныхъ лицъ: они были не кѣмъ инымъ, какъ земскими выборными, поставленными спеціально къ государеву дѣлу, не имѣющему никакого прямого отношенія къ посадскимъ сословнымъ торгово-промышленнымъ общинамъ. Земскіе же старосты и цѣловальники хотя и вѣдали дѣла уже прямо, непосредственно касавшіяся общины, но все-таки дѣла эти лишь касались общины, оставаясь по существу все тѣми же государственными дѣлами. Такимъ образомъ, и въ качествѣ раскладчиковъ и сборщиковъ земскіе старосты и цѣловальники являлись опять-таки нечѣмъ инымъ, какъ низшими агентами правительственной власти, только вербуемыми изъ среды самихъ облагаемыхъ повинностями общинъ.

Изъ характера и рода дѣятельности новыхъ учрежденій, объема ихъ власти вытекаетъ, какъ необходимое заключеніе, слѣдующее: бурмистерская палата, впослѣдствіи ратуша, въ качествѣ центральнаго учрежденія вѣдала не города, а лишь торгово-промышленное населеніе городовъ, и притомъ главнымъ образомъ вѣ-

дала его въ финансово-государственномъ отношеніи, если можно такъ выразиться, т. е. вѣдала его по отношенію къ раскладкѣ и сбору всякаго рода податей, повинностей и пошлинъ. Земскія городовыя избы, составленныя изъ земскихъ бурмистровъ, и подчиненные имъ земскіе старосты и цѣловальники, таможенные и кабацкіе бурмистры—мѣстныя учрежденія, вѣдавшія въ томъ же отношеніи, что и бурмистерская палата, торгово-промышленное населеніе даннаго посада; однимъ словомъ, весь этотъ механизмъ имѣетъ назначеніемъ вѣдать тяглое сословіе и, притомъ именно по отношенію къ государственному тяглу этого сословія.

Едва прошло нѣсколько лѣтъ со времени учрежденія земскихъ избъ и бурмистерской палаты—ратуши, какъ оказалось, что преобразователь, не смотря на всю энергію свою, не достигъ поставленной цѣли—собрать воедино разсыпанную храмину торгово-промышленнаго сословія. Судьба установленій, имѣвшихъ цѣлью цементировать отдѣльные элементы этой храмины, постигшая ихъ еще при жизни самого виновника ихъ учрежденія, какъ нельзя лучше служитъ доказательсвомъ этого.

Возлагая на собираемую храмину однѣ обязанности, не снабжая ее никакими правами, преобразователь и не долженъ былъ ждать отъ своихъ реформъ ничего больше того, къ чему привели мѣры правительствъ XVII ст.; устраняя отъ вѣдѣнія посадскихъ воеводу съ приказной избой, преобразователь не замѣнялъ устраняемое чѣмъ-либо новымъ по существу. Земскія избы—учрежденіе, отличное отъ прежняго лишь по формѣ, по составу: онѣ—тѣ же приказныя избы, лишь выборныя; какъ приказныя, такъ и замѣнившія ихъ по отношенію къ посадскимъ и вообще къ торгово-промышленнымъ людямъ земскія избы одинаково чужды интересовъ мѣстныхъ общинъ. Одинаково мало сознавали и тѣ, и другія изъ нихъ и интересы самого государства, служба которому составляла ихъ назначеніе. Понятно, что цѣль законодателя,—устранить недоборы государственныхъ доходовъ, а для этого избавить торгово-промышленное населеніе отъ разоренія правительственныхъ агентовъ,—не могла быть достигнута уже благодаря одной этой причинѣ. Новыя учрежденія, появившіяся на свѣтъ не ради охраненія интересовъ общинъ, развитія и удовлетворенія ихъ потребностей и нуждъ, легли на эти общины лишь новымъ, очень тяжелымъ бременемъ; уже въ силу этого одного обстоятельства отъ бурмистровъ и вообще земскихъ выборныхъ нельзя было ждать чего-либо большаго, чѣмъ отъ приказныхъ; прибавимъ къ этому уровень нравственнаго состоянія всѣхъ слоевъ тогдашняго общества—и понятнымъ станетъ, почему Петръ Великій, по прошествіи очень короткаго времени послѣ учрежденія земскихъ избъ и ратуши, долженъ былъ убѣдиться въ несостоятельности своихъ реформъ и постепенно отъ нихъ отказаться, возвращаясь, хотя и временно, къ старому порядку вещей, отбирали у избъ и ратуши одно за другимъ дѣла, подлежавшія, по первоначальному плану, ихъ вѣдѣнію.

Система отчетности и отвѣтственности земскихъ бурмистровъ, таможенныхъ, кабацкихъ и всякаго рода сборщиковъ, система достаточно сложная и едва-ли не слишкомъ суровая, гарантировала болѣе или менѣе лишь государству его доходы: она обезпечивала ему сборы пошлинъ, податей и всякаго рода денежныхъ повинностей; но эта система не касалась общинъ; она нисколько не охраняла ихъ отъ злоупотребленій земскихъ выборныхъ. Законодатель же, озабоченный исключительно исправнымъ поступленіемъ государственныхъ доходовъ, совершенно не обратилъ вниманія на эту сторону дѣла. Онъ слишкомъ понадѣялся на выборное начало; ему казалось достаточной гарантіей то обстоятельство, что земскія избы составлены изъ представителей самихъ торгово-промышленныхъ людей,

что «пристойный приказъ» составленъ изъ тѣхъ же представителей; единственной мѣрой, благодаря этому, противъ злоупотребленій земскихъ и ратушскихъ бурмистровъ является смѣна ихъ «погодно». Но разсчеты законодателя оказались ошибочными. Не прошло и года со дня появленія земскихъ избъ, какъ мы уже встрѣчаемся со старымъ зломъ, успѣвшимъ пробраться въ новыя учрежденія.

Въ одномъ городѣ земскіе старосты съ товарищами «отставили» только-что выбранныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ «за то, что имъ (земскимъ старостамъ съ товарищи) ничего не дали», и выбрали вмѣсто нихъ новыхъ бурмистровъ, съ которыхъ взяли за это по 120 руб. (сумма для того времени болѣе чѣмъ почтенная). Воруютъ и продаютъ интересы общинъ не только выборные ея, ея представители, но и самые члены: они не задумываются продавать свои голоса. Въ другомъ—головы торговымъ людямъ даютъ «выписки» въ уплатѣ ими торговыхъ пошлинъ, а въ книги этой уплаты не заносятъ. Земскія власти берутъ не хуже приказныхъ,—берутъ при сборахъ, исполняя государству службу, берутъ при выборахъ, берутъ при раскладкѣ податей и повинностей. Воровство чинятъ всѣ: и головы, и цѣловальники, старосты, земскіе, бурмистры кабацкіе и таможенные; не отставали и земскіе съ ратушскими. Знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ, лишь-только былъ сдѣланъ ратушскимъ инспекторомъ, какъ поторопился раскрыть и доказать всю несостоятельность земскихъ избъ и бурмистерской палаты, «къ прибавленію прибыли», ради котораго они собственно и были учреждены. Отчетность и отвѣтственность земскихъ бурмистровъ передъ ратушей, а самой ратуши передъ верховной властью, оставались мертвой буквой: «книгъ московскія таможни,—писалъ царю Курбатовъ въ 1705 году,—по сей годъ въ ратушу не взято и бурмистры не считаны и премногая есть доимка также и питейныя прибыли. Отъ бурмистровъ премногія явились кражи Вашея казны; книги по сборамъ ведутся подложно съ великимъ умноженіемъ»... «ей, ей, Государь,— говоритъ инспекторъ дальше,—превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство»; ратушскіе подьячіе оказались «превеликими ворами и берутъ премногія взятки». Годъ спустя, Курбатовъ доносилъ царю, что «за градскими бурмистрами премногое воровство сыскано»: въ одномъ Ярославлѣ украдено съ 40000 рублей; а Псковичи, «во время точію Шведской войны», отличились на 90000 рублей. Не только выборныя должностныя лица отъ торгово-промышленныхъ общинъ, но и члены самыхъ этихъ общинъ, пользуясь скромнымъ правомъ раскладки податей и повинностей, продѣлывали не мало безобразій: въ 1706 году вѣдомо стало Государю, что едва не во всѣхъ городахъ «пожиточные» во всякаго рода сборахъ всячески угнетаютъ маломочныхъ, убогихъ, отчего многіе изъ послѣднихъ «вышли въ стороны городовъ». А между тѣмъ на «пожиточныхъ» государство и возлагало всѣ надежды: изъ нихъ велѣно было избирать во всѣ государевы службы. Энергическій царь, чуть ли не единственный неутомимый и безкорыстный блюститель государства и его интересовъ, не останавливался ни предъ какими средствами въ борьбѣ съ этимъ зломъ: онъ грозилъ—и приводилъ угрозу въ исполненіе—смертною казнью безъ всякой пощады, кнутомъ, Азовомъ и дальними городами, куда ссылалъ взяточниковъ; лишивъ ихъ предварительно «всѣхъ животовъ», прибѣгалъ онъ къ унизительнымъ, позорнымъ, по тогдашнимъ взглядамъ, наказаніямъ—«сказывали смерть, клали на плаху». Ничто не помогало: язва сидѣла слишкомъ глубоко, чтобъ ее можно было уничтожить такими мѣрами...

Не одни земцы свирѣпствовали въ собранной храминѣ: дѣлали набѣги на нее и приказные люди. Воеводы не хотятъ разставаться съ своей прежней властью надъ торгово-промышленнымъ людомъ; они продолжаютъ вмѣшиваться въ дѣла

посадскихъ, не слушаютъ государевыхъ указовъ, такъ часто напоминавшихъ имъ, чтобъ они ни въ чемъ посадскихъ людей не вѣдали, ни въ какія дѣла не вступалися, и врываются въ храмину.

Убѣдившись вполнѣ въ несостоятельности своей постройки и не имѣя времени обратиться къ созданію чего-либо новаго, законодатель, параллельно съ карательными мѣрами противъ нерадѣнія и воровства, начинаетъ постепенно разбирать храмину, вынимая связку за связкой, подпорку за подпоркой. Основная цѣль учрежденій—вѣдать все торгово-промышленное сословіе въ одномъ «пристойномъ» приказѣ—бурмистерской палатѣ—откидывается въ сторону, и храмина мало-по-малу разсыпается снова.

Съ земскихъ избъ и ратуши начинается постепенное сложеніе ихъ обязанностей по сбору податей и повинностей и отдача ихъ снова въ вѣдѣніе стараго приказнаго начала. У законодателя является мысль создать особое единоличное установленіе,—должность, занимающій которую находился бы, ради большей независимости и самостоятельности, внѣ всякой зависимости отъ какого-либо мѣстнаго или центральнаго установленія и состоялъ бы въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ верховной властью; единственною обязанностью такого должностнаго лица предполагалось сдѣлать зоркій надзоръ за сборами государственныхъ доходовъ земскими выборными людьми и вообще охраненіе государственныхъ интересовъ. Мысль эту Петръ Великій осуществилъ не сразу: сначала было учреждено нѣсколько такихъ должностныхъ лицъ, и притомъ надзору этихъ лицъ поручены были не одни земскіе бурмистры, а и воеводы съ ихъ избами. Наконецъ, надзоръ этотъ простирался лишь на одну сторону дѣятельности земскихъ выборныхъ и приказныхъ людей. Лѣтомъ 1704 года въ городахъ велѣно выбрать въ надсмотрщики «изо всякихъ чиновъ людей, въ знатности добрыхъ»; цѣлью этихъ надсмотрщиковъ полагалось лучшее въ дѣлахъ крѣпостныхъ усмотрѣніе. Законъ вмѣнялъ этимъ новымъ должностнымъ лицамъ въ обязанность зорко слѣдить за ходомъ порученныхъ имъ дѣлъ у воеводъ и бурмистровъ и «объ ихъ нерадѣніи писать безбоязненно». Эта частная, какъ по отношенію къ району, подлежащему ея вѣдѣнію, такъ и объему дѣлъ, ей порученныхъ, должность была лишь первымъ шагомъ или, лучше, введеніемъ къ учрежденію общей, единой для всего московскаго государства, должности ратушскаго инспектора съ товарищи,—должности, вѣдѣнію которой, какъ показываетъ самое названіе ея, подлежало лишь торгово-промышленное населеніе государства или, скорѣе, административный механизмъ этого населенія. Должность эта учреждена въ началѣ 1705 г. и возложена на Алексѣя Курбатова. Цѣль и мотивы установленія этой должности высказаны законодателемъ въ сжатой формѣ въ самомъ указѣ о назначеніи Курбатова ратушскимъ инспекторомъ. Эта цѣль—«разсмотрѣть ратушу московскую со всѣми ея околичностями и города, которые можно, вмѣстѣ съ Москвою также осмотрѣть». При этомъ законодатель уполномочиваетъ инспектора, въ томъ случаѣ, если «кто явится въ какомъ воровствѣ, и на тѣ порочныхъ мѣста выбирать бурмистровъ немедленно иныхъ». Такія полномочія инспектору даются, однако, не столько въ видахъ собранія храмины, сколько въ видахъ возможности «прибавить прибыли», устранить нерадѣтелей и расхитителей этой прибыли, на что указываетъ уже самый фактъ назначенія на новую должность прибыльщика. За этою цѣлью—увеличеніемъ доходовъ—пока скрывались всѣ остальныя: государство все больше и больше нуждалось въ средствахъ, расходы его все росли и росли и требовали очень быстраго удовлетворенія. Заботиться о внутреннемъ переустройствѣ некогда. Законодатель употребляетъ энергическія мѣры: дѣятельности одного прибыльщика съ товарищи было недостаточно, чтобы искоренить об-

щія «воровства», какъ недостаточно было и безчисленныхъ указовъ его, Великаго Государя. Царь обращается къ самому обществу, къ его совѣсти; его практическій умъ прекрасно понималъ, что обращаться къ гражданскому долгу болѣе чѣмъ излишне. Онъ поступилъ иначе: онъ обратился къ другому чувству своихъ подданныхъ, менѣе доблестному, но наиболѣе развитому въ нихъ—къ чувству корысти: онъ обѣщаетъ доносителямъ о воровствахъ земскихъ выборныхъ имущественное вознагражденіе; это съ одной стороны; съ другой—онъ грозитъ недоносителямъ «чинить яко утайщикамъ». Ничто не помогало.

Потерявъ значеніе центральнаго учрежденія, пристойнаго приказа, вѣдавшаго торгово-промышленное населеніе всего московскаго государства, Московская ратуша продолжаетъ существовать, вмѣстѣ съ ратушами другихъ городовъ, въ качествѣ мѣстнаго учрежденія. Какъ такія чисто мѣстныя учрежденія, на которыя возложена повинность всякаго рода сборовъ, ратуши вѣдаются или губернаторами или воеводами и являются не чѣмъ инымъ, какъ простыми исполнительными органами, стоящими въ полной зависимости отъ названныхъ представителей мѣстной власти, которые вѣдаютъ города во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ ихъ вѣдали прежде приказы на Москвѣ, и стало быть и Московская ратуша. Прежде, чѣмъ окончательно раздѣлена была Россія на губерніи и введены губернаторы, города «всякимъ управленіемъ» вѣдались или комендантами, или воеводами; финансовая сторона администраціи и зарождающаяся полицейская были въ ихъ рукахъ.

Торгово-промышленное населеніе, оказавшееся теперь въ рукахъ многочисленныхъ чиновниковъ и учрежденій, разумѣется, не избавилось отъ разореній и убытковъ и не могло исправнѣе отправлять свои повинности, которыя притомъ день ото дня все увеличиваются и увеличиваются; это сословіе все больше и больше закрѣпощается службѣ государственной, тяглу. Въ началѣ 1711 года открывается, такъ называемая, купецкая палата для завѣдыванія «денежнымъ дѣломъ»; въ палату эту сажаютъ все тѣхъ же торгово-промышленныхъ и посадскихъ людей по выбору; изъ нихъ же берутъ счетчиковъ на денежный дворъ въ Москвѣ; издается цѣлый рядъ указовъ, возлагающій все новыя и новыя обязанности на торгово-промышленное населеніе городовъ. Это обложеніе городскаго населенія все новыми службами безостановочно продолжается до 1718 года, когда правительство какъ-будто рѣшилось пріостановиться въ этой политикѣ и повернуть на другой путь; оно находитъ средство, хотя, какъ оказалось потомъ, и не совсѣмъ удачное, нѣсколько облегчить торгово-промышленное населеніе отъ его тяжелыхъ службъ, сложивъ съ него нѣкоторыя изъ нихъ и возложивъ ихъ на отставныхъ солдатъ. Такое положеніе дѣлъ не могло удовлетворить законодателя, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на вновь разсыпавшуюся храмину торгово-промышленнаго населенія, въ которомъ онъ видѣлъ одну изъ могущественныхъ силъ къ процвѣтанію государства. Онъ рѣшился опять приняться за собираніе этой храмины, за созиданіе ея.

XLVII. Городовые магистраты, ихъ права и обязанности и отношенія ихъ къ самому городу.

(Изъ соч. Дитятина: „Устройство и управленіе городовъ Россіи").

Въ іюнѣ 1718 года Петръ Великій, въ отвѣтъ на меморіалъ иностранца Фика, поставилъ слѣдующую резолюцію: „магистратовъ градскихъ установить и добрыми регулы снабдить, учинивъ сіе на основаніи рижскаго и ревельскаго регламентовъ, по всѣмъ городамъ". Изъ словъ этой резолюціи видно, что законодатель, параллельно съ временными по отношенію къ городамъ мѣрами, озабоченъ былъ изысканіемъ средствъ къ прочному устройству ихъ торгово-промышленнаго населенія. На этотъ разъ законодатель обращается уже къ Западной Европѣ, именно— къ Германіи; въ учрежденіяхъ этой страны онъ видитъ образецъ для городского устройства, какъ въ учрежденіяхъ Швеціи онъ видѣлъ идеалъ обще-государственныхъ учрежденій. Городское устройство западно-европейскихъ государствъ получилось въ результатѣ вѣкового развитія ихъ торгово-промышленнаго населенія, результатомъ вѣковой борьбы этого населенія съ феодальными владѣльцами и отдѣльныхъ элементовъ его между собою. Какъ результатъ такого развитія, такой борьбы, западно-европейскій городъ того времени выработалъ самобытную организацію, послужившую образцомъ для государственной организаціи.

Что же могъ заимствовать въ этомъ устройствѣ нашъ великій реформаторъ, откуда онъ могъ добыть активное, энергическое торгово-промышленное городское населеніе, отсутствіемъ котораго страдало его отечество? Допустимъ, что онъ не задумается создать это сословіе, но этимъ дѣло еще не кончается: нужно создать въ такомъ случаѣ самую общественно-городскую жизнь, общественно-городскіе интересы, независимые отъ интересовъ обще-государственныхъ.

Петра обыкновенно обвиняютъ въ томъ, что онъ перенесъ на русскую общественно-политическую почву учрежденія, выработанныя западно-европейской жизнью,—учрежденія, совершенно чуждыя русской почвѣ. Обвиненіе это справедливо лишь отчасти. Нужно знать, какъ онъ перенесъ эти учрежденія. Перенесъ ли онъ ихъ цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій и приспособленій если не къ отечественной почвѣ, то къ своимъ государственнымъ цѣлямъ, или же онъ сдѣлалъ эти приспособленія? Въ послѣднемъ случаѣ обвиненіе едва ли будетъ умѣстнымъ.

Петръ I, соблазненный сравнительнымъ благосостояніемъ западно-европейскаго города, его внѣшними порядкомъ и приличіемъ, рѣшается ввести эти порядокъ и приличіе и у себя, заставивъ заботиться о томъ и другомъ вновь-образованныя городскія учрежденія. Путемъ этихъ учрежденій онъ, повидимому, думаетъ поднять русскій городъ до степени благосостоянія западно-европейскаго, онъ задается даже цѣлью установить этимъ же путемъ „добрую" полицію, которая „непорядочное и непотребное житье отгоняетъ... рождаетъ добрые порядки". Но эта цѣль трактуется лишь вскользь, однѣми общими фразами, въ родѣ только-что приведенныхъ. На самомъ же дѣлѣ цѣлью и новыхъ город-

скихъ учрежденій, какъ и прежнихъ, являлось достиженіе интересовъ исключительно государственныхъ: они должны были „паки собрать“ разсыпанную храмину торгово-промышленнаго населенія Россіи ради пользы государственной. Такою цѣлью обусловливается и самая организація новыхъ городскихъ учрежденій. Эта-то цѣль и была, между прочимъ, причиной, почему законодатель не могъ перенести цѣликомъ западно-европейскія городскія учрежденія съ ихъ сущностью. Онъ заимствовалъ лишь форму этихъ учрежденій, которую наполнилъ содержаніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ содержаніемъ ея въ западно-европейскихъ городахъ. Петръ и въ данномъ случаѣ является ученикомъ, насколько это было возможно, своего друга, великаго философа-математика XVIII ст., Лейбница; заимствуя формы, онъ комбинируетъ ихъ согласно идеѣ своего учителя-теоретика объ административномъ механизмѣ, какъ механизмѣ неодушевленномъ, механизмѣ часовъ. Отдѣльными частями этого механизма являются русскіе коренные элементы, выработанные общественно-политической жизнью Руси XVII ст. Цѣлью, достиженіе которой имѣетъ въ виду механизмъ, законодатель ставитъ далеко не тѣ цѣли, которыя имѣли въ виду западно-европейскія городскія учрежденія. Тщательно снявъ оболочку западныхъ городскихъ учрежденій. Петръ I не трогаетъ зерна, лежащаго въ этой оболочкѣ; онъ подмѣняетъ его, вставляя свое, онъ прилаживаетъ эту оболочку къ содержимому, издавна вырабатываемому русской политическою жизнью, прилаживаетъ ее сообразно тѣмъ цѣлямъ и взглядамъ, которые онъ, законодатель, необходимо долженъ былъ имѣть на данный вопросъ. Иначе и быть не могло. Перенести на русскую почву западно-европейское городское устройство съ его сущностью, общинной автономіей—значило стать въ полное противорѣчіе со всѣмъ ходомъ исторіи русскаго общества того времени. Перенося его цѣликомъ въ Россію, законодатель сталъ бы въ полное противорѣчіе со всею своею дѣятельностью,—дѣятельностью энергическою, гигантскою, но не опередившею своего времени: великій преобразователь кончалъ дѣло своихъ предшественниковъ, онъ собиралъ великую политическую храмину—„государство“. Эта и только эта цѣль—задача всей его дѣятельности; все пріурочивалось къ ней. Если царственный работникъ и жаловался на всеобщую апатію русскаго народа вообще, если онъ и старался возбудить энергію въ его составныхъ элементахъ, то вовсе не въ смыслѣ автономіи; нѣтъ, онъ требовалъ этой энергіи отъ общества для государства; онъ требовалъ, чтобы все служило „къ наивящшей государственной пользѣ“. Ему нужна была не автономическая дѣятельность его подданныхъ, а наоборотъ, ему необходимо было, чтобы всѣ силы ихъ были закрѣпощены прямо или посредственно государству, но онъ хотѣлъ при этомъ почти невозможнаго—чтобы закабаленные работали энергически, работали, посвящая чуждому, въ ихъ глазахъ, имъ дѣлу чуть не всѣ свои силы. Этого онъ требовалъ и отъ городского торгово-промышленнаго сословія, и оно должно было нести свое тягло, работая надъ созданіемъ государства, какъ политическаго тѣла, какъ члена европейской международной семьи; и оно должно было служить этой цѣли людьми и деньгами. Независимые отъ государственныхъ общественные интересы и цѣли не имѣли въ глазахъ преобразователя почти никакой цѣны. Все это—діа-

метрально-противоположно духу и сущности западно-европейскихъ городскихъ учрежденій, какъ они выработались исторіей.

Въ мартѣ 1719 года издается регламентъ коммерцъ-коллегіи, въ которомъ уже идетъ рѣчь о магистратахъ городовъ, но о магистратахъ только еще предполагаемыхъ. Наконецъ, въ февралѣ 1720 года именнымъ указомъ учрежденъ въ Петербургѣ главный магистратъ, оберъ-президентомъ котораго назначенъ князь бригадиръ Трубецкой, а его товарищемъ Исаевъ. Вновь открытому учрежденію поручается „вѣдать всѣхъ купецкихъ людей... и разсыпанную сію храмину паки собрать"; но оно бездѣйствуетъ, объ немъ, какъ говорится, ни слуху, ни духу. Почти годъ спустя изданъ именной указъ—„учинить форму правленія магистратскаго". Ничто не помогло. Главный магистратъ, вѣроятно, вырабатывалъ въ тиши „регулы" для городовыхъ магистратовъ, не торопясь. Наконецъ, законодатель вспомнилъ о главномъ магистратѣ и издалъ ему въ руководство регламентъ, но и это едва-ли помогло: по крайней мѣрѣ, ровно годъ спустя, мы встрѣчаемся со слѣдующимъ, по меньшей мѣрѣ, страннымъ указомъ царя оберъ-президенту главнаго магистрата: „понеже давно имѣется указъ и регламентъ и исправленіе дѣла, вамъ врученнаго, а имено о учиненіи перво магистрата правильнаго и цеховъ въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ протчихъ; но по се время никакого успѣху въ томъ не дѣлается".

Послѣднія слова ясно указываютъ на отсутствіе магистратовъ не только въ городахъ, но даже въ Москвѣ, вполнѣ благоустроенныхъ, правильныхъ, какъ выражается царь. Царь энергически понуждаетъ главный магистратъ къ дѣятельности: „того ради,—продолжаетъ онъ въ томъ же указѣ,—симъ опредѣляемъ, что ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣлъ, т. е. магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или въ полгода, то ты (кн. Трубецкой) и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы". Такія мѣры царь пускаетъ въ ходъ относительно главы учрежденія, которое было не только „яко начальство градское", какъ выражается регламентъ главному магистрату, но и яко начальство всей паки собранной „храмины россійскаго купечества". Однако эти энергическія мѣры мало подвинули дѣло: три мѣсяца спустя послѣ посула оберъ-президенту главнаго магистрата и его товарищу каторжной работы, дѣло, за неисполненіе котораго имъ сулилась такая перспектива, оставалось все въ томъ-же положеніи, по крайней мѣрѣ по отношенію къ цехамъ. Только три года спустя послѣ изданія регламента главному магистрату, именно въ концѣ 1724 года, появилась на свѣтъ инструкція магистратамъ, въ которой прежде всего опредѣлено во всѣхъ городахъ учредить магистраты по образцу петербургскаго. Такъ что лишь съ этого времени, конца 1724 года, болѣе или менѣе повсемѣстное установленіе магистратовъ можно считать окончательнымъ. Не только содержаніе заимствованныхъ учрежденій было измѣнено преобразователемъ,—измѣненія внесены въ самую форму ихъ. Каждый городъ Западной Европы слагался совершенно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, самостоятельно: его общественно-политическая жизнь выливалась въ тѣ или другія формы вполнѣ независимо отъ остальныхъ городовъ; почти каждый изъ нихъ, такимъ образомъ, въ началѣ представлялъ собою самостоятельное, политически, тѣло—городъ, государство; а

впослѣдствіи времени, съ постепеннымъ развитіемъ верховной государственной власти, городъ обратился въ отдѣльную общину; іерархической связи въ смыслѣ зависимыхъ отношеній этихъ общинъ одной отъ другой, не существовало, исключая развѣ тѣхъ, очень немногихъ, случаевъ, когда самая историческая жизнь двухъ городовъ установила между ними такую связь. Подобнаго рода положеніе городовъ, ихъ независимая организація внутренняго управленія рѣзко противорѣчила всѣмъ цѣлямъ и стремленіямъ царя, который заимствовалъ магистратское устройство не ради удовлетворенія общественныхъ нуждъ городского населенія во всей его совокупности или только части его, а исключительно ради пользы и нуждъ самого государства. Цѣль новыхъ учрежденій лежала въ установленіи самой строгой зависимости разсыпанной храмины торгово-промышленнаго населенія отъ верховной власти: храмину царь стремится собрать „во-едино", отдавъ ее въ исключительное вѣдомство одного центральнаго учрежденія, которое, въ свою очередь, легко можетъ быть поставлено въ полную зависимость отъ верховной власти. Магистратское устройство, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, должно было быть не чѣмъ инымъ, какъ государственно-административнымъ механизмомъ, имѣющимъ цѣлью управленіе опредѣленной частью населенія имперіи, ея торгово-промышленнымъ слоемъ; этотъ механизмъ долженъ былъ составлять только часть общаго государственнаго механизма и не могъ быть устроенъ, сравнительно съ послѣднимъ, на иныхъ началахъ. Мысль Лейбница объ административныхъ часахъ, если можно такъ выразиться, должна была найти приложеніе и здѣсь. Управленіе городскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ должно было вылиться въ такой механизмъ, въ которомъ бы одна шестерня приводила въ движеніе другую, эта другая—третью и т. д., и, наконецъ, необходимо долженъ былъ существовать рычагъ, который, находясь подъ непосредственнымъ контролемъ верховной власти, входя въ составъ высшаго государственнаго механизма, давалъ бы толчекъ всѣмъ этимъ шестернямъ. Такимъ рычагомъ въ громадномъ часовомъ механизмѣ городского устройства долженъ былъ служить главный магистратъ въ Петербургѣ, городовые же магистраты или ратуши играли роль отдѣльныхъ шестерней въ цѣломъ механизмѣ. Такимъ характеромъ обусловливалась роль какъ главнаго магистрата, такъ и каждаго изъ городовыхъ.

Еще въ февралѣ 1720 года открытъ былъ главный магистратъ; четыре года спустя, по городамъ открыты магистраты. Совершенно иныя условія общественно-экономической жизни городского населенія, отличныя отъ западно-европейскихъ, заставили законодателя внести измѣненія и въ форму каждаго отдѣльнаго магистрата,—измѣненія, доведенныя до того, что во многихъ городахъ коллегіальное начало замѣнялось единоличнымъ. Понятно само собою, что и магистраты западно-европейскихъ городовъ не представляли собою точной копіи одинъ съ другого; внутренняя организація каждаго изъ нихъ, а въ особенности составъ, число членовъ, были различны, но это различіе обусловливалось исторически, ходомъ развитія различныхъ элементовъ городского населенія, и никакъ не зависѣла исключительно лишь отъ количества городского населенія. Въ Россіи законодатель долженъ былъ отыскать, придумать основанія для такого различія: ввести во всѣхъ городахъ магистраты

съ одинаковымъ количествомъ членовъ, входящихъ въ ихъ составъ, было просто невозможно. Здѣсь магистратская организація не была продуктомъ развитія самого городского населенія, какъ на родинѣ ея, здѣсь ее давало городамъ правительство, какъ давало оно воеводу, коменданта и т. п., и притомъ давало, какъ тяжелую обузу государственнаго тягла: городъ долженъ былъ своими собственными наличными силами «снабдить магистратскіе чины угодными и искустными персоны», избранными притомъ изъ «первостатейныхъ и пожиточныхъ гражданъ», которые могли бы и «президировать» въ немъ. Огромное большинство городовъ тогдашней Россіи было-бы не въ состояніи вынести на собственныхъ плечахъ болѣе или менѣе сложный составъ магистратуры. Необходимо было разнообразить этотъ составъ, смотря по благосостоянію городовъ: законодатель взялъ за исходный пунктъ дѣленія количество жителей каждаго города и на этомъ основаніи раздѣлилъ всѣ города тогдашной Россіи на пять разрядовъ. Наибольшее количество членовъ, входившихъ въ составъ магистрата, установлено для городовъ перваго разряда; магистраты этихъ городовъ предполагалось составить изъ четырехъ бурмистровъ и одного президента, стоявшаго во главѣ ихъ; города пятаго, послѣдняго, разряда лишались совершенно коллегіальнаго учрежденія—въ нихъ магистратъ замѣнялся единоличною должностью бурмистра. Главный магистратъ состоялъ изъ оберъ-президента, его товарища и нѣсколькихъ членовъ—бурмистровъ и ратсгеровъ.

Города всѣхъ этихъ пяти разрядовъ не были независимыми другъ отъ друга: Петръ и теперь не отказался отъ приписного начала. Учрежденіе и открытіе магистратовъ поручено было главному магистрату, который и разбивалъ города на разряды на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ получалъ объ ихъ состояніи отъ губернаторовъ и воеводъ. Опредѣливъ составъ магистрата въ городѣ, главный магистратъ высылалъ губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ указы о выборѣ этого состава. Представители власти въ губерніи или провинціи, получивъ эти указы, собираютъ бургомистровъ и мірскихъ людей и «велятъ» имъ выбрать членовъ и президента магистрата изъ «добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей», изъ гостей, гостиной сотни и гостиныхъ дѣтей. Изъ выбранныхъ (выборы совершаются простымъ большинствомъ голосовъ) «дѣльныхъ и лучшихъ въ купечествѣ», не меньше трехъ, отсылаютъ въ Петербургъ, въ главный магистратъ, на утверждёніе; здѣсь они, по разсмотрѣніи выборовъ, ихъ повѣрки, получаютъ утвержденіе, о чемъ въ городовой магистратъ посылается указъ. Такимъ образомъ, выборы магистратскихъ членовъ далеко не являются свободнымъ дѣломъ городскихъ сословныхъ общинъ; они не только разсматриваются и утверждаются главнымъ магистратомъ, оберъ-президентъ котораго вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, занимая свои должности по назначенію отъ правительства, будучи, слѣдовательно, государственными чиновниками даже и по способу опредѣленія на службу, являются представителями, блюстителями «пользы государства»; эти выборы состоятъ и подъ сильнымъ вліяніемъ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ—губернаторовъ и воеводъ, которымъ поручено *велѣть* горожанамъ выбирать членовъ магистрата. Законодатель не могъ иначе поступить, не отступивъ отъ своихъ плановъ, не измѣнивъ принципу всѣхъ своихъ реформъ по администраціи; главная цѣль учрежденія этихъ новыхъ

сословно-выборныхъ коллегій—чисто-государственные интересы; служба въ нихъ—государственная повинность, тягло торгово-промышленнаго населенія, отъ котораго это послѣднее, разумѣется, готово избавиться всякими способами; предоставить отправленіе этого тягла собственному усмотрѣнію городскихъ сословныхъ общинъ со стороны законодателя значило бы совершенно отказаться отъ достиженія своихъ цѣлей: торгово-промышленное населеніе, давно уже отправляя, «за выборами», государственныя повинности и службы, привыкло производить эти выборы такъ, что у дѣлъ болѣе или менѣе доходныхъ для исполнителя оказывались всегда люди «пожиточные», могшіе отдарить выборщиковъ, у дѣлъ-же тяжелыхъ и малодоходныхъ всегда стояли люди «худые», малопожиточные; въ томъ и другомъ случаѣ государственные интересы одинаково страдали. Вотъ причина установленія законодателемъ полной зависимости выборовъ въ магистраты отъ администраціи. Съ другой стороны, не забудемъ, что главному магистрату при учрежденіи городовыхъ предписывалось имѣть образцомъ магистраты западно-европейскихъ городовъ, и что состояніе самоуправленія въ городахъ Западной Европы въ XVII и XVIII столѣтіяхъ уже далеко не было тѣмъ, какимъ оно было въ періодъ среднихъ вѣковъ. Выборы членовъ въ городскіе совѣты подпадали все большему и большему вліянію правительственныхъ чиновниковъ, пока, наконецъ, во многихъ городахъ прямо не перешли въ ихъ руки. Въ такомъ состояніи находилось устройство германскихъ городовъ въ то время, когда Петръ рекомендовалъ своему главному магистрату имѣть его въ виду въ качествѣ образца и источника, изъ котораго онъ долженъ былъ черпать обѣими руками. Это обстоятельство, разумѣется, вліяло на организацію нашихъ магистратовъ и ихъ отношеніе къ правительству тѣмъ болѣе, что оно совершенно совпадало съ цѣлями и взглядами царя. Если выборы членовъ магистрата такъ мало свободны были de iure, нужно-ли говорить, насколько страдала свобода этихъ выборовъ, ихъ правильность, порядокъ de facto? Стоитъ вспомнить тѣ ужасающіе размѣры, въ которыхъ проявлялся произволъ правительственныхъ агентовъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, стоитъ просмотрѣть жалобы посадскихъ на этотъ произволъ, чтобы вполнѣ убѣдиться, что не только о свободѣ, но даже просто о какой либо правильности, какомъ-нибудь порядкѣ при выборахъ не можетъ быть рѣчи.

Уже благодаря только такому способу избранія членовъ городового магистрата, послѣдній обращался почти исключительно въ учрежденіе правительственное; но еще рѣшительнѣе характеръ этотъ придавался ему срокомъ, продолжительностью службы этихъ членовъ. Члены земскихъ избъ бурмистерской палаты смѣнялись „погодно". Въ магистратскомъ устройствѣ этотъ срокъ не примѣняется: онъ оказался негоднымъ: воровства и взяточничество земскихъ бурмистровъ многими приписывались, между прочимъ, ему; а главное—срокъ этотъ ставилъ выборнаго въ болѣе тѣсную связь съ обществомъ, избравшимъ его, дѣлалъ его болѣе зависимымъ отъ этого общества и, наоборотъ, ослаблялъ такую связь его съ правительственными органами, дѣлалъ сколько-нибудь возможнымъ большую или меньшую независимость его отъ этихъ органовъ; словомъ, срокъ этотъ мѣшалъ установиться той тѣсной связи земскихъ выборныхъ съ правительствомъ, къ которой послѣднее стре-

милось. Онъ былъ слишкомъ коротокъ для того, чтобы земскій бурмистръ могъ окончательно забыть свою принадлежность къ обществу, его избравшему, и почувствовать себя вполнѣ состоящимъ на государственной службѣ. Онъ не былъ всецѣло оторванъ отъ общества, его избравшаго. Учреждая магистраты, царь рѣшилъ обратить членовъ магистрата именно въ такихъ государственныхъ чиновниковъ, удаливъ ихъ навсегда изъ общества, ихъ избравшаго, сдѣлавъ ихъ чиновниками коронной службы, видѣвшими въ перспективѣ повышенія не только въ чинѣ, но и въ состояніи. Члены магистратовъ были пожизненными чиновниками, за „честное и безукоризненное“ служеніе государству членъ магистрата могъ быть возведенъ „въ шляхетское достоинство“. Такимъ образомъ, выборнымъ отъ торгово-промышленнаго сословія въ качествѣ награды обѣщается полное удаленіе изъ этого сословія, на которое, понятно, и сами члены должны были смотрѣть, какъ на „подлое“, какъ на среду, удалиться изъ которой—высшая награда. Непосредственныхъ цѣлей Петръ этимъ, быть можетъ, достигалъ: многіе, дѣйствительно, усердно и „честно“ (по своему, разумѣется) служили государству. Но общество отъ этого, само собою понятно, только проигрывало: его интересы для такихъ честныхъ служакъ были на самомъ заднемъ планѣ, если только они вообще имѣлись ими въ виду. Съ изданіемъ табели о рангахъ выборные члены магистратовъ стали считаться въ извѣстныхъ чинахъ и такимъ образомъ были введены, въ качествѣ составнаго звена, въ цѣпь чиновничьей іерархіи, облекшись въ соотвѣтствующіе чину мундиры. Этотъ фактъ гораздо болѣе важенъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ немъ коренится причина многихъ явленій въ современной общественно-городской жизни. Эти постановленія болѣе или менѣе достигали одной цѣли великаго преобразователя—на „пользы государства“ привлекались многія силы; но они разрушали другую цѣль его—создать дѣятельное, богатое, развитое торговое и промышленное населеніе: наиболѣе активные члены его выбывали изъ его строя, или de jure—обращаясь въ шляхетство, или de facto—становясь правительственными чиновниками, интересы которыхъ прямо противоположны интересамъ этого сословія.

Посмотримъ на *объемъ* правъ и на характеръ обязанностей, возложенныхъ на городовые магистраты.

Тѣ права, которыми пользуется данное политическое учрежденіе, тѣ обязанности, которыя на него возложены, рельефнѣе всего очерчиваютъ характеръ самого учрежденія, его политическую роль въ государственномъ строѣ. Такъ, городскія учрежденія средне-вѣковой Европы представляютъ, по своей сущности, совершенно иной характеръ, чѣмъ тѣ-же учрежденія Западной Европы новаго времени. Это различіе обусловливается *содержаніемъ* правъ и обязанностей и ихъ взаимныхъ отношеніемъ. Ни одно учрежденіе или лицо не можетъ пользоваться лишь одними правами и не нести никакихъ обязанностей; каждому праву соотвѣтствуетъ опредѣленная обязанность, если только это право не перешло въ привиллегію; наоборотъ, не всякой обязанности соотвѣтствуетъ право, какъ это слѣдовало бы логически; поэтому какъ лица, такъ и учрежденія могутъ нести лишь обязанности, не пользуясь никакими правами. Магистраты Петра Великаго относились къ категоріи учрежденій послѣдняго рода. Ознакомясь ближе съ магистратами именно въ этомъ

отношеніи, невольно поражаешься громаднымъ количествомъ возложенныхъ на нихъ обязанностей, вовсе не истекающихъ изъ потребностей общественно-городской жизни, не имѣющихъ съ ними никакой непосредственной связи, возложенныхъ на магистраты исключительно въ видахъ государственныхъ, правительственныхъ нуждъ, и микроскопической, если можно такъ выразиться, долей правъ; въ отношеніи послѣднихъ, какъ проявленію государственнаго начала, и выражается ярче всего назначеніе новыхъ учрежденій: государственное начало подавило общественное; за государственной стороной исчезла общественная: магистраты—учрежденія чисто административно-государственныя по назначенію и общественными (если только это возможно) остаются лишь какъ выраженіе тягла торгово-промышленнаго населенія городовъ. Магистратъ является „главой и начальствомъ" города, вышедшимъ изъ среды торгово-промышленнаго населенія, но состоящимъ на службѣ государственной.

При этомъ самый характеръ государственныхъ обязанностей магистратовъ по преимуществу финансовый; въ этомъ отношеніи магистраты мало ушли впередъ въ сравненіи съ земскими избами; какъ и эти послѣднія, магистраты являются почти исключительно учрежденіями судебными и административно финансовыми. На нихъ возложена обязанность наблюденія какъ за раскладкою всякаго рода государственныхъ сборовъ и пошлинъ, такъ и за сборомъ ихъ; они должны были наблюдать и за правильнымъ отбытіемъ горожанами нѣкоторыхъ видовъ государственныхъ натуральныхъ повинностей. Кромѣ этого рода обязанностей, болѣе или менѣе касающихся городского населенія непосредственно, на магистраты, какъ и прежде на выборныхъ отъ торгово-промышленнаго сословія, возлагалась обязанность производить сборы, не имѣвшіе никакого прямаго отношенія къ городскому населенію,—сборы, такъ сказать, обще-государственные, какъ, напримѣръ, таможенные и кабацкіе. Собирая подати и повинности, раскладывая ихъ, магистраты обязаны были сами заботиться и о „полнотѣ" посада,—такъ какъ отъ этого зависѣла равномѣрность раскладки,—возвращая на нихъ бѣглыхъ, записывая въ сотни и слободы крестьянъ, содержащихъ купеческіе промыслы, а также имѣющихъ на посадѣ лавки и дома.

Кромѣ судебныхъ и финансовыхъ обязанностей, на магистраты имѣлось въ виду возложить и наблюденіе за внутреннимъ порядкомъ, благоустройствомъ въ городѣ. Я говорю—имѣлось въ виду потому, что на самомъ дѣлѣ оно не было возложено по очень простой причинѣ: городская полиція внѣшняго благочинія города возложена была на особыя спеціальныя учрежденія и должности; то-же, что въ полицейскомъ правѣ принято называть полиціей благосостоянія, осталось на бумагѣ, какъ pia desideria.

Итакъ, обязанности магистратовъ дѣйствительно сложны, тяжелы и многочисленны; а если принять во вниманіе послѣднюю категорію ихъ—полицейскія обязанности, да не забывать, что на нихъ же лежало и отправленіе сословнаго суда, то невольно является мысль—какимъ образомъ общество, не сознавшее необходимости ни одной изъ возложенныхъ на него обязанностей, привлеченное къ исполненію ихъ правительствомъ, лишенное всякой энергіи, могло хотя сколько-нибудь удовлетворительно исполнять ихъ? Оно и не исполняло ихъ всѣхъ; за-

вести всѣ эти госпитали, смирительные домá, „малыя" (а царь требовалъ и большихъ) школы собственнымъ тщаніемъ стало бы силъ развѣ у Москвы съ Петербургомъ; понятно, что все это оставалось на бумагѣ, какъ pia desideria энергическаго реформатора, не переходя за предѣлы болѣе или менѣе строгихъ указовъ и регламентовъ. Самая же полиція въ смыслѣ полиціи безопасности, развивалась другимъ путемъ, путемъ выдѣленія спеціально-полицейскихъ органовъ и учрежденій. Благодаря этому, обязанности городовыхъ магистратовъ оставались по преимуществу все-таки административно-финансоваго характера. Обратимся къ тѣмъ правамъ, которыя предоставлены были магистратамъ; разсмотримъ тѣ предметы, которые подлежали, на основаніи этихъ правъ, свободному управленію магистратовъ, въ которыхъ отражалась скромная доза автономіи, предоставленной имъ. До сихъ поръ мы видѣли магистраты лишь въ качествѣ исполнительныхъ органовъ государственной власти, въ качествѣ учрежденій государственныхъ; обратимся къ нимъ, какъ къ учрежденіямъ земскимъ не только по составу, но и по характеру дѣятельности.

Оставляя въ сторонѣ неподлежащее здѣсь разсмотрѣнію судебное значеніе магистратовъ, мы встрѣтимся почти съ однимъ только правомъ магистратовъ,—правомъ, придающимъ имъ нѣкоторое подобіе органовъ общиннаго самоуправленія. Это единственное право—право раскладки податей и повинностей. Правомъ этимъ магистраты пользовались черезъ старостъ и старшинъ „со всѣхъ гражданъ согласіемъ", въ случаѣ-жъ „усмотрѣнія", что нѣкоторые изъ горожанъ „пожитками пополнились и нѣкоторые умалились", магистратъ тѣмъ же путемъ могъ произвести переокладку для установленія равномѣрности.

Это все, въ чемъ могло проявиться самоуправленіе городского народонаселенія, согласіе „всѣхъ гражданъ" котораго требуется въ этомъ случаѣ закономъ. Эта оговорка въ высшей степени странная вещь. Во всей инструкціи нѣтъ ни одного слова, ее поясняющаго; мы не знаемъ, какимъ образомъ проявлялось это „согласіе гражданъ"; какое оно имѣло значеніе: было ли оно абсолютно необходимымъ условіемъ дѣйствительности дѣйствій и распоряженій раскладчиковъ и магистратовъ, или же голоса гражданъ имѣли лишь совѣщательное значеніе и могли быть не приняты во вниманіе? По отсутствію всякихъ подробностей можно заключить, что важнаго значенія этому вопросу не придавалось, и самое выраженіе—„съ согласія всѣхъ гражданъ"—попало въ инструкцію магистратамъ, благодаря не совсѣмъ послѣдовательнымъ заимствованіямъ изъ „образца". Регламентъ главному магистрату дѣлаетъ эти заимствованія нѣсколько тщательнѣе и точнѣе. Въ немъ при опредѣленіи состава магистратовъ говорится, что магистратъ „для совѣта" долженъ приглашать „изъ первостатейныхъ людей и изъ среднихъ—добрыхъ и умныхъ". Здѣсь вопросъ поставленъ совершенно ясно: во-первыхъ, магистратъ обязывается приглашать гражданъ, т. е. созывать ихъ въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, степень важности которыхъ предоставляется на полное усмотрѣніе его самого, благодаря чему самое призваніе этихъ гражданъ зависитъ совершенно отъ усмотрѣнія магистрата; во-вторыхъ, граждане призываются „для совѣта" только, т. е. они пользуются лишь совѣщательнымъ, а не рѣшительнымъ голосомъ: отъ усмотрѣнія магистрата зависитъ принять во вниманіе или нѣтъ полученный имъ совѣтъ;

въ-третьихъ, граждане призываются лишь изъ первостатейныхъ и среднихъ людей, при чемъ степень „статейности", если можно такъ выразиться, зависитъ опять-таки отъ собственнаго усмотрѣнія того же самаго магистрата. Изъ этого опредѣленія ясно видно, какую скромную роль играло общество въ управленіи городомъ посредствомъ магистратовъ. Но и эта скромная доля участія общества дана ему, видимо, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ образцовъ.

Участіе общества въ раскладкѣ тѣхъ податей и повинностей, которыя возлагаются на него государствомъ, есть самая низшая степень автономіи, если только признавать такое участіе автономіей. О самоуправленіи общества можно говорить лишь тогда, когда оно, сознавая свои потребности и интересы, можетъ удовлетворять ихъ изъ своихъ средствъ, пользуясь для этого правомъ самообложенія налогами, правомъ самостоятельнаго расходованія собранныхъ суммъ. Никакого намека на это право магистраты не получали. Законодатель не удовольствовался простымъ замалчиваніемъ этого вопроса, чего, въ виду развитія общественно-политическаго сознанія тогдашняго общества, было бы совершенно достаточно: онъ счелъ за нужное категорически высказываться въ смыслѣ запрещенія всякой попытки со стороны горожанъ къ фактическому пріобрѣтенію подобнаго права. Одинъ изъ пунктовъ инструкціи магистратамъ спеціально посвященъ этому вопросу: здѣсь прямо говорится, что безъ указовъ „никакого расположенія на гражданъ не раскладывать и не сбирать, подъ опасеніемъ взысканія штрафа по его императорскаго величества указу". Понятно само собою, что магистраты, не пользуясь правомъ обложенія горожанъ налогами, не имѣли и права самостоятельнаго расходованія суммъ, такъ какъ суммъ не было: то, что они собирали, было не общественною, а государственною собственностью, распоряженіе которою было исключительнымъ правомъ правительства, пользовавшагося этимъ правомъ или непосредственно, на свои собственныя нужды, или черезъ посредство магистратовъ, если затраты производились на городское управленіе или хозяйство. Во всякомъ отдѣльномъ случаѣ такихъ расходованій городовымъ магистратамъ государственныхъ суммъ, послѣдній производилъ ихъ не иначе, какъ по спеціальному указу. Спеціальными указами обусловливалась вся дѣятельность городовыхъ магистратовъ; все, что на нихъ возлагалось, возлагалось лишь, какъ на простые исполнительные органы высшаго центральнаго учрежденія—главнаго магистрата. Ихъ роль была не больше, какъ роль отдѣльныхъ колесъ въ цѣломъ административномъ механизмѣ,—колесъ, приходящихъ въ дѣйствіе, лишь когда данъ толчокъ сверху, когда дѣйствуетъ рычагъ, приводящій въ движеніе весь механизмъ. Обо всемъ, что выходитъ за предѣлы простой исполнительности, городовой магистратъ долженъ былъ, прежде чѣмъ предпринять что-либо, донести главному магистрату, откуда и ждать указа,—все равно, касается ли дѣло „непорядочнаго расположенія" сборовъ, идетъ ли рѣчь объ устройствѣ ярмарокъ и торговъ „въ пристойныхъ мѣстахъ", школъ или вообще о какого-либо рода улучшеніяхъ. Получилъ магистратъ требованіе изъ какого-либо высшаго государственнаго учрежденія или вообще отъ правительственнаго органа, онъ не можетъ отвѣчать на него ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ безъ сношенія съ тѣмъ же главнымъ магистратомъ. Такимъ образомъ, недоста-

точность законодательныхъ опредѣленій предоставлено пополнять главному магистрату, который и является въ этомъ случаѣ какъ бы законодательнымъ учрежденіемъ. Являясь въ такой роли, онъ, разумѣется, долженъ былъ предварительно изучить нужды и потребности каждаго отдѣльнаго города; только при этомъ условіи онъ могъ надлежаще слѣдить за ходомъ всего магистратскаго механизма и направлять его дѣйствія. Онъ долженъ былъ знать всѣ дѣйствія опекаемаго имъ городового магистрата до мельчайшихъ подробностей. Вотъ почему каждый магистратъ долженъ высылать въ главный магистратъ ежегодные отчеты о своихъ дѣйствіяхъ и представлять свои мнѣнія и соображенія о какого-либо рода улучшеніяхъ; къ нему шли всѣ, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ „частныя“ жалобы на дѣйствія магистратовъ. Только на основаніи наивозможно-подробныхъ свѣдѣній какъ о состояніи общества даннаго города, такъ и дѣйствіяхъ его магистрата и можно было сколько-нибудь добросовѣстно исполнять возложенную на главный магистратъ обязанность „сочинять регулы и уставы“ для городскихъ магистратовъ, съуживать или расширять кругъ ихъ дѣйствій, дѣлать ту или иную перестановку въ частяхъ механизма. Поэтому законодатель не ограничился тѣмъ только, что обязалъ городовые магистраты присылать свѣдѣнія въ Петербургъ, онъ вмѣнилъ въ обязанность губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ высылать въ тотъ же главный магистратъ всѣ свѣдѣнія относительно городовъ и ихъ населенія, начиная съ описанія мѣстоположенія и кончая составомъ населенія. Петръ Великій не рѣшился, однако, предоставить главному магистрату дѣйствовать совершенно самостоятельно на основаніи всѣхъ данныхъ, собранныхъ изъ такихъ различныхъ источниковъ; онъ зналъ, что не слишкомъ разборчиво составленныя „регулы“, имѣющія цѣлью улучшеніе городского управленія, могутъ, наоборотъ, дать въ результатѣ „противныя и вредительныя дѣйства“; могутъ привести „городъ и гражданство въ тщетные убытки и разореніе“, и тѣмъ нанести вредъ государству. Къ какому же средству обращается царь для избѣжанія такихъ вредныхъ результатовъ преобразованій?

Это средство слѣдовало искать или въ самомъ обществѣ, которому грозили „тщетные убытки и разореніе, или въ учрежденіяхъ, имѣющихъ своимъ назначеніемъ блюсти интересы государства, которому регулы и уставы рисковали нанести вредъ, или, наконецъ, обратиться къ обѣимъ, имѣющимъ пострадать сторонамъ, если бы законодатель хотѣлъ сохранить одинаково интересы ихъ обѣихъ. Боязнь вреда государству подѣйствовала на него сильнѣе: интересы общества были забыты, и въ учрежденіи надзора надъ главнымъ магистратомъ и содѣйствія ему интересы государства играли исключительную роль. Совѣтуя главному магистрату въ томъ случаѣ, когда онъ найдетъ, что нѣкоторымъ „уставамъ и регуламъ въ городѣ быть не прилично“, и вздумаетъ сдѣлать измѣненія, „осторожнымъ быть“,—царь предписываетъ ему, кромѣ того, „совѣтовать съ коллегіями“, т. е. учрежденіями государственными; совѣщаніе съ первостатейными гражданами, рекомендованное городовымъ магистратамъ, въ этомъ случаѣ забывается: интересы гражданъ отступаютъ передъ интересами государства.

Надзоръ правительствующаго сената надъ главнымъ магистратомъ былъ совершенно однороденъ съ надзоромъ его надъ остальными вся-

каго рода государственными учрежденіями. Сюда присылались изъ городовыхъ магистратовъ копіи со всѣхъ указовъ, издаваемыхъ главнымъ магистратомъ, сюда шли „на аппробацію“ всѣ „регулы и уставы“, составляемые главнымъ магистратомъ въ руководство городовымъ. Такимъ образомъ, какъ законодательное учрежденіе относительно торгово-промышленнаго населенія, главный магистратъ являлся не болѣе, какъ особой законодательной инстанціей, въ которой будущій законъ достигалъ опредѣленной стадіи развитія. Въ качествѣ такого то учрежденія главный магистратъ и долженъ былъ съ коллегіями совѣтовать, которыя въ этомъ случаѣ, вѣроятно, являлись лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Какъ административное учрежденіе, главный магистратъ подлежалъ прокурорскому надзору наравнѣ съ коллегіями.

Въ какомъ отношеніи стояло магистратское управленіе къ городу вообще, а каждый отдѣльный городовой магистратъ или ратуша къ тому городу, въ которомъ она состояла? Вопросъ, повидимому, странный, даже едва-ли возможный въ виду точныхъ, опредѣленныхъ словъ регламента: „магистратъ,—яко начальство города“, или градское начальство. Сомнѣнія нѣтъ, магистратъ—учрежденіе, управляющее городомъ, стоящее во главѣ города, представитель его; иначе словъ этихъ понимать, кажется, нельзя. Тѣмъ не менѣе вопросъ не только не излишній, но положительно необходимый. Въ томъ же регламентѣ мы встрѣчаемся съ опредѣленіемъ магистрата, „яко главы всего гражданства“, къ которому, по опредѣленію седьмой главы регламента, ни шляхетство, ни духовенство съ церковными людьми, ни иностранцы—не относятся. Отсюда оказывается, что городовой магистратъ уже не есть „начальство“ цѣлаго города, всего его населенія, а лишь его части.

Приступая къ новой организаціи городского устройства, законодатель не могъ, въ силу историческаго хода вещей, отрѣшиться отъ общественнаго строя, установившагося вѣками, подъ вліяніемъ политики закрѣпощенія всѣхъ слоевъ населенія государственнымъ интересамъ, государственному тяглу. Онъ едва-ли бы былъ въ состояніи отрѣшиться отъ этой политики даже въ томъ случаѣ, еслибъ созналъ необходимость измѣнить ее: государственныя нужды росли; онѣ заслоняли собою все другое; всѣ мѣры, всѣ средства, всѣ силы народа должны были дѣйствовать исключительно въ одномъ направленіи: создавать государство; силы торгово-промышленнаго населенія городовъ должны были быть направленными туда же. Магистратское устройство—средство организовать это сословіе въ видахъ этой цѣли. Цѣлью учрежденія главнаго магистрата законодатель выставляетъ, чтобы „разсыпанную сію храмину (торгово-промышленное населеніе) паки собралъ“. Это выраженіе прямо указываетъ, что давняя задача, къ рѣшенію которой приступлено было еще въ XVII столѣтіи, рѣшается и теперь, и притомъ рѣшается въ виду все тѣхъ-же цѣлей: „смотрѣть и доносить въ сенатъ о тягости и неравномѣрности поборовъ и разореніи градскихъ обывателей...“ и заботиться о пользахъ государственныхъ. Главный магистратъ достигалъ этихъ цѣлей черезъ городовые магистраты, организація которыхъ и обусловливалась исключительно ими. Служа административнымъ средствомъ къ достиженію государственныхъ цѣлей, магистраты были не чѣмъ инымъ, какъ повинностью торгово-промышленнаго населенія городовъ, почему въ составъ и должны были входить

выборные лишь изъ этого сословія; такимъ образомъ, цѣлью магистратскаго устройства обусловливался самый составъ магистратовъ; ею же обусловливался какъ объемъ, такъ и характеръ обязанностей, возложенныхъ на эти учрежденія. Мы видѣли, что обязанности эти состояли почти исключительно въ сборѣ и раскладкѣ податей и повинностей, касающихся прямо или косвенно того-же торгово-промышленнаго класса. Раскладка податей и повинностей касалась исключительно только торгово-промышленнаго населенія городовъ. Сборы могли касаться и другихъ сословій, какъ объектовъ обложенія (напр., соляной, табачный, винный), но производились, какъ государственная повинность, исключительно, какъ мы видѣли, выборными отъ торгово-промышленнаго населенія. Однимъ словомъ, магистратъ—учрежденіе чисто сословное, какъ по составу, такъ и по характеру обязанностей, на него возложенныхъ, т. е. учрежденіе, которое вѣдаетъ никакъ не цѣлый городъ, не есть по отношенію къ послѣднему „глава" или „начальство"; это—„глава" и „начальство" только части города, притомъ едва ли въ территоріальномъ смыслѣ, а скорѣе исключительно въ смыслѣ, если можно такъ выразиться, этнографическомъ: это—„глава" и „начальство" части, хотя и самой большой, городского населенія. Все содержаніе инструкціи, изданной въ 1724 г. въ руководство городовымъ магистратамъ, какъ нельзя лучше подтверждаетъ все, только-что сказанное.

Такими, исключительно сословными, а никакъ не городскими, въ смыслѣ учрежденій, представляющихъ собою цѣлый городъ, учрежденіями и должны были сложиться магистраты въ рукахъ законодателя согласно историческому ходу развитія русскаго общества и планамъ и цѣлямъ императора, еслибъ онъ послѣдовательно провелъ эти планы, не уклоняясь въ сторону, не увлекаясь плохо сознанными цѣлями, интересами совершенно иного рода, еслибъ онъ не старался придерживаться въ своихъ преобразованіяхъ „образца иныхъ государствъ". Этому старанію, и только ему одному, обязаны магистраты тѣмъ, что ихъ пожаловали въ чинъ „главы и начальства градскаго".

Въ городахъ Германіи въ эпоху наибольшаго развитія цеховъ, городской магистратъ, дѣйствительно, былъ главой и начальствомъ города, такъ какъ вся власть, касающаяся цѣлаго города, была въ его рукахъ; онъ былъ составляемъ изъ среды политически не только преобладающаго, но прямо господствующаго класса: чтобы пользоваться политическими правами, необходимо было принадлежать къ составу того или иного цеха; городское устройство этого времени было сословно-городскимъ устройствомъ: власть представителей извѣстнаго сословія была властью надъ всѣмъ городомъ какъ въ территоріальномъ отношеніи, такъ и по отношенію къ населенію. Въ XVII и XVIII ст. городской магистратъ германскаго города измѣнилъ свой характеръ лишь по отношенію къ своему содержанію, къ объему правъ, который былъ въ это время сильно уменьшенъ; но по составу своему, по принадлежности къ извѣстному слою населенія онъ остался все тѣмъ же: его члены выходили все изъ того же, экономически господствующаго, торгово-промышленнаго слоя населенія; сильно урѣзанная общинная, мѣстная власть осталась все въ тѣхъ-же рукахъ.

Петръ Великій хотѣлъ это состояніе городского устройства Германіи перенести на русскую почву, забывъ, что для этого пришлось бы измѣнить весь общественно-политическій строй почвы. Попытка сдѣлать изъ торгово-промышленнаго населенія „начальство, главу города“ совершенно не удалась, какъ попытка соединить несоединимое. Самый слабый намекъ на самоуправленіе, автономію города немыслимъ въ обществѣ закрѣпощенномъ, тягло-государственномъ, въ обществѣ, каждая отдѣльная часть котораго крѣпка опредѣленной государственной службѣ, государственной обязанности. Самая мысль о главенствѣ одной такой части городского населенія надъ другой—результатъ не совсѣмъ разборчиваго заимствованія изъ „образцовъ“, результатъ совершеннаго незнанія исторіи развитія этихъ образцовъ, полнаго непониманія ихъ. Петръ хотѣлъ возвести русскій городъ на степень развитія западно-европескаго, онъ хотѣлъ создать богатое и развитое торгово-промышленное населеніе; но онъ думалъ при этомъ, что и то, и другое можетъ быть достигнуто безъ уклоненій съ той дороги, которою шла до него общественно-политическая жизнь Россіи; онъ думалъ достигнуть желаемаго, не отрѣшаясь отъ вѣковой политики закрѣпощенія государству всѣхъ слоевъ его населенія. Законодатель былъ убѣжденъ, что достаточно его могучей энергіи, чтобы заимствованныя имъ формы заполнить содержаніемъ; ему казалось, что достаточно заимствовать изъ Европы вѣками сложившуюся организацію городского общества, его дѣленіе на классы; раздѣлить на эти классы однообразное по своему составу тяглое русское торгово-промышленное населеніе, чтобы это населеніе обратилось въ развитое, разнообразное по своему составу, общество. Внѣшнія формы городской административной машины неизбѣжно должны были повлечь за собою и внѣшнюю организацію перерабатываемаго этой машиной общества. Цеховая организація городского населенія Германіи перенесена въ Россію,—перенесена въ томъ ея состояніи, въ какомъ она находилась въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., т. е. въ томъ состояніи, въ которомъ она представляла собою ужъ явленіе отжившее, тормозившее дальнѣйшее развитіе общества,—явленіе, вредъ котораго сознавали уже многіе умы того времени. Результатъ, притомъ уже отжившій свое время, Петръ принялъ за причину. Появляются цехи и гильдіи.

XLVIII. Табель о рангахъ и ея значеніе.

(Изъ соч. Славутинскаго-Романовскаго: „О дворянствѣ въ Россіи“).

До Петра Великаго или, лучше сказать, до преобразовательной его дѣятельности въ началѣ XVIII вѣка, у насъ не существовало дворянства, въ смыслѣ отдѣльнаго сословія—общественной группы, члены которой связаны сознаніемъ единства общественнаго интереса, надѣлены особыми правами въ отличіе отъ другихъ общественныхъ классовъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ общественномъ строѣ до-петровской Руси существовало полное фактическое равенство между членами общества.

Равенства не было, но не было и привиллегированнаго сословія. Были только царскіе чиновные люди. Они образовались изъ прежнихъ дружинъ княжескихъ, изъ потомства медіатизированныхъ князей Рюриковичей (кн. Одоевскіе, Горчаковы, Барятинскіе и др.) и пришлыхъ Гедиминовичей (Голицыны, Куракины, Трубецкіе и др.). Царскіе чиновные люди въ XVI и XVII столѣтіяхъ были надѣлены землями, сдѣланы помѣщиками, владѣльцами крѣпостныхъ крестьянъ. На нихъ положена была общая повинность—обязательная служба государству, но честь каждаго изъ нихъ была различна и коренилась не въ принадлежности къ одному и тому же сословію, но въ породѣ, въ отчествѣ. Поэтому, несмотря на общность повинности—обязательной службы государству, на общность интереса — владѣнія крѣпостными крестьянами, царскіе чиновные люди не составляли единаго сословія, но существовали въ своемъ чиновномъ раздробленіи: бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ окольничимъ, а тѣмъ болѣе съ меньшими чинами, окольничій съ думнымъ дворяниномъ, дворянинъ съ сыномъ боярскимъ и т. д.

Собирая повсюду разсыпанныя храмины и составляя изъ нихъ общественныя группы, Петръ Великій собираетъ въ одно цѣлое и царскихъ чиновныхъ людей. По отношенію къ нимъ онъ дѣлалъ то же самое, что и по отношенію къ городскимъ обывателямъ—купцамъ и ремесленникамъ. Сложивъ общественную группу, онъ давалъ ей иноземную организацію, окрещивалъ ее иноземнымъ терминомъ. Такъ, городскіе обыватели раздѣлились на гильдіи, ремесленники на цунфты. Для наименованія возникающаго новаго сословія не нашлось русскаго слова для гильдій, цунфтовъ, ибо не существовало самыхъ понятій, словомъ этимъ выражаемыхъ.

Сословіе, образованное Петромъ Великимъ изъ царскихъ чиновныхъ людей, названо польско-нѣмецкимъ словомъ, заимствованнымъ родственнымъ намъ племенемъ изъ Германіи—шляхетствомъ. Такъ и называется нашъ высшій классъ въ первую половину XVIII вѣка. Названіе цѣлаго сословія дворянствомъ устанавливается уже во второй половинѣ XVIII столѣтія, преимущественно послѣ манифеста 1762 г. и коммисіи 1767 г., и освящается жалованной дворянству граматой. Это послѣднее наименованіе во всякомъ случаѣ болѣе подходило къ историческимъ особенностямъ въ образованіи нашего дворянства. Западно-европейскіе термины: nobitity, noblesse, Adel, шляхетство—указываютъ совершенно на другой источникъ высшаго класса—породу, кровь. Отечественный же терминъ—дворянство, дворянинъ—прекрасно резюмируетъ прошлую исторію нашего высшаго класса: оно образовалось изъ дворни, придворныхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ. Въ Московскомъ періодѣ „дворянинъ“ означалъ чинъ и притомъ низшій. Для чести боярина или окольничаго была бы „потерка“, еслибъ ихъ назвали дворянами. Между прочимъ, можетъ быть, и потому Петръ великій позаимствовалъ польско-нѣмецкое слово для наименованія цѣлаго сословія, въ ряды котораго вошли и высокіе чины. И уже впослѣдствіи, когда изгладилось изъ памяти, что дворянство означало одну изъ невысокихъ чиновныхъ степеней, это слово возрождается, распространяясь на все сословіе.

Старые чины продолжаютъ существовать не только во все продолженіе царствованія Петра Великаго, но и при первыхъ его пріемни-

кахъ—почти-что до второй половины прошлаго столѣтія. Табель о рангахъ этихъ чиновъ не упразднила, не переименовала ихъ въ новые классы, а оставила ихъ доживать свой вѣкъ.

Дѣло понятное! Табель о рангахъ построена было на совершенно новыхъ началахъ іерархическаго повышенія чиновниковъ—на началахъ служебной годности, а повышеніе царскихъ чиновныхъ людей до Петра, даже по уничтоженіи мѣстничества, главнымъ образомъ основывалось на породѣ.

Но еще до изданія табели Петръ Великій прекращаетъ возведеніе въ прежніе чины: въ 1695 г. повелѣно въ стольники, въ стряпчіе и дворяне не возводить. Пожалованіе честью боярства Петра Апраксина въ 1709 г., возведеніе въ окольничіе Юшкова въ 1711 г.—послѣдніе примѣры пожалованія старыхъ чиновъ. Царь самъ проходилъ чины—но не боярина, не окольничаго, а сержанта, бомбардира и капитана; другъ царя А. Д. Меншиковъ, подобно другимъ птенцамъ Петра Великаго, также не подымался по лѣстницѣ старыхъ чиновъ, а получалъ чины новые, европейскіе. Эти новые чины начинаютъ входить въ употребленіе еще до табели о рангахъ. Мы говоримъ не о военныхъ чинахъ—генерала, бригадира, оберъ-офицерскихъ, которые появляются съ первыхъ лѣтъ прошлаго столѣтія, но о чинахъ, пріуроченныхъ табелью къ должностямъ гражданскимъ. Послѣ Полтавы князь Гр. Долгорукій жалуется чиномъ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника, бояр. Мусинъ-Пушкинъ—тайнаго совѣтника. Высшія сословія уже начинаютъ поддаваться обаянію новыхъ чиновъ и иноземныхъ титуловъ, уже начинаетъ зарождаться то настроеніе общества, которое одинъ иностранный наблюдатель такъ хорошо обрисовалъ словами: „въ Россіи нѣтъ джентльменовъ, но есть майоры, капитаны, ассессоры и регистраторы.“ Петръ Мат. Апраксинъ, пожалованный въ 1709 г. честью боярства, просилъ государя въ 1815 г. о „наданіи“ ему графства и чина тайнаго совѣтника. Впрочемъ, на ряду съ увлеченіемъ новинкой, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ высшаго класса стойкую привязанность къ традиціи, привязанность къ старому чину, нежеланіе промѣнять его на новый: Вас. Ѳед. Салтыковъ оставался въ чинѣ стольника до 1730 г., предпочитая его чинамъ, установленнымъ Петромъ Великимъ.

Итакъ, старые чины не были оффиціально отмѣнены никакимъ указомъ; по крайней мѣрѣ, таковаго мы въ памятникахъ не встрѣчаемъ. Они начинаютъ вымирать сами собою, параллельно съ зарожденіемъ и развитіемъ новыхъ. Окончательное упраздненіе ихъ находится въ связи съ уничтоженіемъ разряда, вѣдавшаго прежнихъ чиновныхъ людей, и учрежденіемъ въ 1711 г. сената, который уполномоченъ былъ сказывать новые чины. Какіе же это были эти чины и чѣмъ они отличались отъ прежнихъ? Для разрѣшенія этого вопроса—нѣсколько словъ о мѣстничествѣ.

Въ до-петровской Россіи опредѣленіе къ должностямъ обусловливалось породой лица. Отъ породы зависѣло занятіе того или другого мѣста, должности. Отсюда и мѣстничество. Оно глубоко было укоренено въ нравы нашего служилаго класса и господствовало не только въ высшихъ сферахъ, но и въ низшихъ: мѣстничались не только люди ближніе, породистые—бояре, окольничіе, но и люди новые, низшихъ

чиновъ—дворяне, дѣти боярскіе. Случалось, что послѣдніе били челомъ государю, что съ такимъ-де служить не вмѣстно, что ему-де и послѣдній дворянинъ въ версту. Несмотря на отсутствіе сословной замкнутости, городовые дворяне и дѣти боярскіе иногда неохотно впускали въ свою среду человѣка низшей породы.

Правда, и во время мѣстничества иногда случалось, что выдвигались впередъ люди незнатной породы, но милые царю—особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича: Ртищевъ, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ дьячій сынъ, достигшій боярства. Но это только случалось, и во всякомъ случаѣ было явленіемъ рѣдкимъ, нарушающимъ исконные порядки, оскорбляющимъ знатную породу. Думцы царя, столбы государства, выходили большею частью изъ однѣхъ и тѣхъ же фамилій,—это постоянно были Воротынскіе, Мстиславскіе, Голицыны и т. п. Даже по уничтоженіи мѣстничества, въ концѣ XVII вѣка, когда нельзя было явно мѣстничаться, служилые люди уклонялись отъ невмѣстныхъ по ихъ разсчетамъ назначеній. „Мѣстничество было уничтожено,—говоритъ кн. Щербатовъ,—но порядокъ не заведенъ, ибо въ бояре и окольничіе производились по прежнему по знатности родовъ, а не по заслугамъ, яко свидѣтельствуютъ многія родословныя, что изъ стольниковъ жаловали прямо въ бояре, и многіе младые люди великіе чины имѣли, яко кн. Ив. Юр. Трубецкой (послѣдній бояринъ) менѣе 20 лѣтъ бояриномъ былъ, а симъ и поручались важнѣйшія дѣла государства“. Петръ Великій, напротивъ, бралъ для себя людей, не считаясь ни съ ихъ породою, ни даже съ національностью,—бралъ единственно за ихъ служебную годность. И кого мы только не найдемъ между его птенцами? Какъ миѳическія дружины нашихъ князей-витязей рекрутировались силачами и богатырями всѣхъ званій и странъ—и колбягами, и варягами, и Алешками Поповичами,—такъ и дружина Петра Великаго заключала въ своихъ рядахъ силачей и богатырей умственной силы и энергіи изъ всѣхъ званій и народностей. Не говоря о знаменитомъ пирожникѣ Александрѣ Меншиковѣ, правой рукѣ великаго преобразователя, большая часть птенцовъ Петра Великаго были люди не породы, но таланта: бар. Шафировъ—происхожденіемъ еврей, гр. Ягужинскій, первый генералъ-прокуроръ—сынъ кистера лютеранской церкви, гр. Девіеръ, первый генералъ-полиціймейстеръ—португальскій мальчишка, прислуживавшій на одномъ купеческомъ кораблѣ, и мн. др. Еще въ 1719 г. изданъ указъ о пресѣченіи мѣстничества и о порядкѣ старшинства между членами коллегій, „понеже за мѣста между совѣтниками коллегій предусматривалось быть неудовольству, и отъ того и въ дѣлахъ безсоюзство и многія разности“. Указъ повелѣваетъ членамъ коллегій обращаться другъ съ другомъ со всякимъ согласіемъ и надлежащимъ почтеніемъ, а не сваромъ и укоризненнымъ словомъ, „понеже именными Его Великаго Государя указы прежде бывшей мѣсто и случай древнихъ несовмѣстностей весьма пресѣчены и до конца искоренены и старые разряды вѣчно оставлены, а вмѣсто того славное безмѣстіе и прочность полезная на дѣла согласная... учреждена“, поэтому порядокъ старшинства между членами коллегій долженъ опредѣляться временемъ назначенія каждаго изъ нихъ сенатомъ.

Окончательно же упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому

даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя, Петру Великому удалось посредствомъ табели о рангахъ всѣхъ чиновъ, обнародованной 24 янв. 1722 г.

Въ настоящее время эта табель о рангахъ представляется анохронизмомъ, учрежденіемъ, отжившимъ свое время, но при своемъ появленіи она внесла новыя животворныя начала въ нашъ государственный строй. По духу своему она была по-истинѣ демократическою: лѣстница въ 14 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства и ничто не возбраняло каждому даровитому человѣку, перешагнувъ эти ступеньки, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко открыла двери, чрезъ которыя посредствомъ чина „подлые“ члены общества могли облагородиться и войти въ ряды шляхетства. Слѣдствіемъ этого было то, что къ шляхетству постоянно приливали новыя силы изъ народа, и оно не могло, при всемъ своемъ стремленіи, замкнуться въ особую касту. Притомъ, дальнѣйшее законодательство о чинопроизводствѣ, какъ увидимъ ниже, уклонилось отъ первоначальной идеи табели о рангахъ. По идеѣ табели, ранги, т. е. чины, означали самыя мѣста, т. е. должности, помимо которыхъ они не имѣли никакого значенія, какъ внѣшніе почетные титулы. Такимъ образомъ, рангъ обусловливался должностію. Впослѣдствіи чины начинаютъ имѣть самостоятельное значеніе внѣшнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей: должность начинаетъ обусловливаться рангомъ. Кромѣ того, вполнѣ демократическій характеръ табели нарушился тѣмъ, что для производства въ нѣкоторые чины для дворянства установлены сокращенные сроки. Во всякомъ случаѣ, вліяніе табели на судьбы нашего дворянства огромно. Есть предположеніе, что ввести табель о рангахъ Петру Великому посовѣтовалъ Лейбницъ, его постоянный совѣтникъ, по мысли котораго были образованы у насъ и коллегіи. Въ окончательной редакціи памятника принимали участіе сенаторы Головкинъ и Брюсъ, генералъ-майоры Матюшкинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ. Первые же проекты писаны его собственною рукою, по образцамъ имѣвшихся у него въ переводѣ росписаній чиновъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Табель о рангахъ подписана Петромъ Великимъ въ 1721 г., съ примѣчаніемъ: „сіе не публиковать и не печатать до сентября, дабы еще осмотрѣться.“ Вмѣстѣ съ табелью въ сенатъ были посланы росписанія чиновъ французскихъ, прусскихъ, шведскихъ и датскихъ. Она разсматривалась въ сенатѣ, въ коллегіяхъ военной и адмиралтействѣ, и здѣсь предложены были измѣненія, касавшіяся помѣщенія разныхъ должностей въ высшіе ранги, на основаніи помянутыхъ иностранныхъ росписаній.

Табель о рангахъ легла краеугольнымъ камнемъ нашей государственной службы; вліяніе ея на послѣдующія судьбы нашего государства неисчислимо. Какъ ни старалось послѣ нея наше шляхетство замкнуться въ отдѣльное сословіе, какъ ни обособлялось отъ народа, какъ ни усвоивало изящный жаргонъ с.-жерменскаго фобурга,—бюрократическое начало табели побивало аристократическое начало, такъ непослѣдовательно прививаемое къ нашему шляхетству правительствомъ и съ такою жадностію усваиваемое высшими классами. Табель о рангахъ водворила въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ чина надъ породой, обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей и отличій.

Въ законодательствѣ Петра рѣдко-рѣдко прорывается уваженіе къ знатной породѣ, которая опредѣляла бы внѣшнее положеніе человѣка въ обществѣ. Напротивъ, еще до табели о рангахъ, въ 1712 г., Петръ повелѣлъ «сказать всему шляхетству, чтобы каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ (какой бы фамиліи ни былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру, и службу почитать и писаться токмо офицерамъ, а шляхетству (которые не въ офицерахъ) только то писать, куда развѣ посланы будутъ: а ежели кто противъ сего не почтитъ офицера, положить штрафъ, треть его жалованья». Табель окончательно опредѣляетъ соціальное преимущество чина предъ породой: мѣста при богослуженіяхъ и придворныхъ церемоніалахъ обусловливаются рангами, а кто займетъ мѣсто выше своего ранга, или уступитъ его лицу ниже рангомъ, тотъ платитъ штрафъ—2 мѣсяца жалованья. Рангъ мужей распространяется на ихъ женъ: дѣвицы, которыхъ отцы выше рангомъ, преимуществуютъ предъ дамами, которыхъ мужья ниже рангомъ. Рангомъ опредѣляется нарядъ, экипажъ, число служителей.

Этого рода постановленія о рангахъ подтверждались и въ послѣдующія царствованія.

Табель о рангахъ обусловила рангами знаки внѣшнихъ отличій; она же породила и чиновный point d'honneur; въ оскорбленіи начинаютъ видѣть обиду не лицу, не сословію, но чину. Въ 1692 г. кн. Ромодановскій жаловался царямъ на Шеина, что онъ-де назвалъ князя малогороднымъ человѣкомъ, худымъ князишкой. Въ 1722 г. Гр. Өед. Долгорукій жаловался Петру на Ромодановскаго за «учиненный аффронтъ характеру дѣйствительнаго тайнаго совѣтника», а членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Степановъ—на подканцлера Шафирова: «я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ не токмо побои, но и брани терпѣть».

Бюрократическое начало табели о рангахъ побивало аристократическое начало, развивавшееся въ шляхетствѣ; чинъ одолѣлъ породу. Этого не могли не замѣтить иностранцы, посѣщавшіе Россію. Шлёцеръ въ своихъ письмахъ изъ Россіи говоритъ: «un gentilhomme n'est rien ici». Но этотъ перевѣсъ бюрократическаго начала надъ аристократическимъ, чина надъ породой—былъ только въ принципѣ.

По принципу, конечно, Фуксъ, поваръ императрицы Елизаветы Петровны, возведенный ею въ чинъ бригадира, или придворный карла Лука Честихинъ, котораго Екатерина I пожаловала въ майоры, или полковникъ Захаръ Зотовъ, бывшій сначала камердинеромъ у Потемкина, а потомъ у Екатерины II, могли пользоваться бóльшими внѣшними знаками отличія, чѣмъ кн. Голицыны или Куракины, если только послѣдніе нигдѣ не служили и не имѣли никакого чина. Но фактически шляхетство большей частью старалось занять, и дѣйствительно занимало, важнѣйшія должности въ государствѣ, имѣло первые чины, получаемые иногда при самомъ рожденіи. Отсюда только погоня шляхетства за чинами, на которую такъ жаловался кн. Щербатовъ: «разрушенное мѣстничество и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги, и выслуги; и такъ, каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя заслуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими обра-

зами, льстя и угождая государю и вельможамъ...» Шляхетство старалось удержать за собою почву, схвативъ чинъ и получивъ должность, надѣляющіе соціальными преимуществами. Но если почва ускользала, если крупный чинъ доставался плебею, шляхетство передъ нимъ раболѣпствовало. Это хорошо подтверждается отношеніемъ шляхетства къ Меншикову, Разумовскому и др. любимцамъ фортуны. «Упала древняя гордость дворянская,—говоритъ кн. Щербатовъ, чуткій къ достоинству и чести своего сословія,—видя себя управляема мужемъ, хотя достойнымъ, но изъ подлости происшедшимъ (Меншиковымъ), а мѣсто ея—раболѣпство къ сему вельможѣ, могущему все».

Табель о рангахъ тѣмъ въ особенности побивала аристократическій принципъ шляхетства, что не давала ему замкнуться въ недоступную касту, но широко открыла доступъ въ это сословіе всѣмъ другимъ общественнымъ классамъ. Вѣрная нашимъ исконнымъ традиціямъ, она установила способы пріобрѣтенія дворянства чинами. Раздѣливъ чины по вѣдомствамъ на воинскіе (сухопутные, гвардейскіе, артиллерійскіе и морскіе) и статскіе и установивъ 14 ранговъ или классовъ этихъ чиновъ, табель узаконила, что дослужившійся до перваго оберъ-офицерскаго чина не изъ дворянъ по службѣ военной, вмѣстѣ съ дѣтьми его, рожденными по производствѣ въ чинъ,—дворянинъ, и если у него не родится дѣтей по полученіи чина, а будутъ прежде рожденные, то отцу дозволяется просить о пожалованіи дворянства одному изъ нихъ.

Что касается чиновъ статскихъ и придворныхъ, то табель о рангахъ установляетъ, что получившіе 8 первыхъ ранговъ по этимъ вѣдомствамъ, со всѣми своими законными дѣтьми, „въ вѣчные времена лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть имѣютъ, хотя бы они и низкой породы были“.

Такъ установился главнѣйшій способъ пріобрѣтенія лучшаго старшаго дворянства съ потомствомъ, которое поэтому въ законодательствѣ получило названіе потомственнаго, а въ общежитіи—столбового. Оберъ-офицерскій чинъ по военной службѣ и колл. асессора по гражданской, давалъ право этого потомственнаго, столбового дворянства. Что касается прочихъ чиновъ, то о нихъ въ табели о рангахъ постановлено: „прочіе же чины, какъ гражданскіе, такъ и придворные, которые въ рангахъ не изъ дворянъ, оныхъ дѣти не суть дворяне“.

Табель о рангахъ, такимъ образомъ, широко раскрыла дверь, чрезъ которую члены всѣхъ общественныхъ классовъ, при посредствѣ чина, могли входить въ шляхетство. Всѣ фендрихи и констапели, а впослѣдствіи прапорщики и мичманы и др. оберъ-офицерскіе чины съ ихъ потомствомъ, всѣ колежскіе ассессоры съ ихъ потомствомъ сдѣлались потомственными дворянами; всѣ гражданскіе чины низшихъ 6 классовъ сдѣлались личными дворянами. Дворянство почти слилось съ офицерствомъ и бюрократіей. А вслѣдствіе постоянно возрастающей численности военныхъ силъ, число оберъ-офицеровъ постоянно увеличивалось, вслѣдствіе же развившейся системы административной централизаціи и опеки, число гражданскихъ чиновниковъ и выходящихъ изъ ряда ихъ коллежскихъ ассессоровъ также умножилось. Отсюда чрезвычайное размноженіе дворянства, а вслѣдствіе его размноженія, при системѣ дробленія наслѣдствъ, крайнее обѣдненіе. Къ рюриковичамъ по происхожденію, къ богачамъ по состоянію, къ потомкамъ столбовъ госу-

дарства, думцевъ великихъ князей и царей московскихъ присоединялись плебеи по крови, бѣдняки по состоянію, потомки совѣтниковъ губернскихъ правленій, пѣхотныхъ прапорщиковъ или кавалерійскихъ корнетовъ, и составляли съ ними одну общественную группу, между правами и преимуществами членовъ которой не было никакой разницы по закону. Чистая аристократическая кровь болѣе и болѣе разбавлялась кровью крестьянской, мѣщанской и поповской; процентъ дворянства de la vieille souche въ цѣломъ сословіи болѣе и болѣе уменьшался.

Установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, табель о рангахъ опредѣлила и другой способъ пріобрѣтенія его—пожалованіе монархомъ. Пожалованіе дворянства, помимо службы, до Петра Великаго не существовало; „изъ посадскихъ людей, и изъ поповыхъ, и изъ кресрьянскихъ дѣтей, и изъ боярскихъ людей, дворянство не дается никому". Возведеніе Минина, за его неоцѣненныя услуги отечеству, въ чинъ думнаго дворянина едва ли не единственный примѣръ пожалованія до Петра, да иначе и быть не могло, такъ какъ дворянство было не сословіемъ, а чиномъ. Примѣненіе § 16 табели о рангахъ впервые случилось при Екатеринѣ I, которая въ 1726 г. пожаловала дипломъ на потомственное дворянство Акинфію Никитичу Демидову. Изъ этого диплома видно, что еще Петръ Великій намѣревался возвести въ дворянство родъ Демидовыхъ, но знаменитый основатель этого рода, Никита Демидовичъ Демидовъ, изъ тульскихъ крестьянъ, отклонилъ это пожалованіе.

Установивъ способы пріобрѣтенія дворянства, табель о рангахъ узаконила гербы. Мы говоримъ—узаконила, потому что до тѣхъ поръ не встрѣчаемъ никакого постановленія объ этомъ хотя гербы начинаютъ прививаться къ нашимъ высшимъ классамъ еще въ XVII ст. На развитіе этихъ геральдическихъ претензій нашего дворянства вліяли иноземные образцы, въ особенности примѣръ рыцарства остзейскаго и шляхетства малороссійскаго, къ которому любовь къ геральдикѣ перешла изъ Польши. Народной же исторической почвы для дворянской геральдики у насъ не было, такъ какъ у насъ не было ничего подобнаго рыцарству западно-европейскому. Дворянство наше въ этомъ случаѣ только подражало аристократіи иноземной, а правильство, желавшее придать высшимъ классамъ иноземную форму, сочиняло и раздавало гербы. Что до Петра Великаго не было въ нравахъ нашего высшаго сословія употребленіе геральдическихъ эмблемъ, объ этомъ сохранилось прямое свидѣтельство Котошихина: „а граматъ и гербовъ на дворянства ихъ (возводимыхъ въ чины) и на боярства никому не даетъ (царь), потому что гербовъ никакому человѣку изложити не могутъ... также и у старыхъ родовъ, князей и бояръ, и у новыхъ, истинныхъ своихъ печатей нѣтъ, да не токмо у князей и бояръ и иныхъ чиновъ, но и у всякаго чину людей московскаго государства гербовъ не бываетъ, а когда случится кому къ какимъ письмамъ, и посламъ къ посольскимъ дѣламъ прикладывать печати, и они прикладываютъ у кого такая печать прилучилась, а не породная"... Въ восточной Россіи, такимъ образомъ, высшіе классы не вѣдали геральдики, не имѣли породныхъ печатей; малороссійское же шляхетство, какъ видно изъ граматъ XVI ст., получало отъ польской короны клейноты и гербы шля-

хетскіе. А вліяніе малороссійской шляхетской интеллигенціи на высшіе классы восточной Россіи въ XVII ст. весьма усиливается: Симеонъ Полоцкій, пропитанный польскими шляхетскими идеями, обучаетъ Ѳеодора Алексѣевича; ополяченные малорусскіе шляхтичи обучаютъ дѣтей русскихъ вельможъ конца XVII ст. И какъ ни различались по духу своему царскіе чиновные люди русскіе отъ шляхетства малороссійскаго и польскаго, какъ ни дивился, напримѣръ, варшавскій резидентъ XVII ст, Тяпкинъ, что въ Польшѣ „что жбанъ, то панъ“, вліяніе шляхетскихъ воззрѣній Польши начинаетъ проникать въ среду высшихъ служилыхъ людей—холоповъ царя московскаго. Кн. Голицынъ, кіевскій губернаторъ начала XVIII ст., уже имѣетъ гербъ, воспѣваемый кіевскимъ піитой въ виршахъ „на старожитный клейнодъ сіятельныхъ князей Голицыныхъ“, подобно тому, какъ тѣ же поэты въ виршахъ воспѣвали и гербъ Мазепы и три стрѣлы подъ дворянскою короною въ гербѣ Скоропадскаго. Въ началѣ XVIII в. употребленіе гербовъ дворянствомъ развивается уже до того, что нѣкоторые своевольно изобрѣтали себѣ гербы, а иные употребляли даже гербы коронованныхъ государей и знатнѣйшихъ аристократическихъ фамилій. Въ теченіе XVIII в. страсть къ геральдикѣ еще болѣе укореняется въ русскомъ дворянствѣ, и сатирическіе журналы подымаютъ ее на смѣхъ. Необходимо было законодательству обратить вниманіе на эту развившуюся страсть дворянства къ геральдикѣ и регулировать употребленіе гербовъ.

На это обратила вниманіе табель о рангахъ. Она поручила герольдмейстеру давать дипломы и гербы всѣмъ, дослужившимся до оберъ-офицерства какъ изъ дворянъ, такъ и не дворянъ, а изъ не бывшихъ въ военной службѣ—тѣмъ, которые могли доказать свое столѣтнее служилое достоинство.

Въ гербовникѣ мы встрѣчаемся съ дворянствомъ титулованнымъ. Откуда произошло оно? До Петра Великаго существовалъ одинъ титулъ княжескій. Онъ принадлежалъ рюриковичамъ, потомкамъ князей великихъ и удѣльныхъ (Одоевскіе, Горчаковы, Долгоруковы, Вяземскіе, Волконскіе, Рѣпнины, Щербатовы и т. д.) гедиминовичамъ, потомкамъ великихъ князей литовскихъ (Хованскіе, Голицыны, Куракины, Трубецкіе и т. д.), князьямъ азіатскимъ, потомкамъ царей грузинскихъ, татарскихъ и горскихъ (Багратіоны, Имеретинскіе, Мещерскіе, Урусовы, Юсуповы и т. д.). Многіе изъ этихъ князей захудали еще задолго до Петра Великаго. Когда Иванъ Грозный селилъ въ 1550 г. близъ Москвы дѣтей боярскихъ, раздавая имъ земли въ помѣстья, тогда по московскому списку записалось въ дѣти боярскіе 1500 человѣкъ, въ числѣ которыхъ довольно много было и изъ княжескихъ фамилій. Такимъ образомъ, тогда какъ нѣкоторыя княжескія фамиліи спустились до нижнихъ чиновъ, между знатнѣйшими фамиліями, изъ которыхъ преимущественно выходили бояре, мы встрѣчаемъ фамиліи не титулованныя: Морозовы, Шереметевы, Салтыковы, которыя были чиновнѣе даже такихъ знатныхъ княжескихъ фамилій, какъ Куракины, Долгоруковы, Ромодановскіе, Волконскіе и т. д.

Такимъ образомъ, если до Петра Великаго существовалъ какой-нибудь титулъ, то онъ былъ породный и вовсе не обусловливалъ положенія лицъ на лѣстницѣ служебной іерархіи: московская политика, напротивъ, состояла въ приниженіи Рюриковичей и Гедиминовичей.

Пожалованіе же титуломъ отъ монарха не водилось. И дѣло понятное: какъ было создавать новыя титулованныя фамиліи, когда приходилось вести такую борьбу со старыми княжескими фамиліями, подчасъ припоминавшими, что онѣ когда-то были вольными и царю московскому не подданными? Но для Петра Великаго времена этой борьбы были сѣдой стариною; притомъ, какъ было Россіи, во всемъ старавшейся уподобиться Европѣ, не имѣть своихъ графовъ, своихъ бароновъ? И вотъ Петръ Великій, въ 1713 г., поручаетъ Гюйссену написать проектъ: о способахъ пожалованія графскаго, баронскаго и дворянскаго достоинствъ и о формѣ относящихся къ нимъ документовъ, а между прочимъ еще прежде начинаетъ жаловать иноземные титулы. Петру Великому слѣдуютъ всѣ его преемники.

Подъ 1694 г. мы встрѣчаемъ графа Мусина-Пушкина. По другимъ свѣдѣніямъ, первымъ русскимъ графомъ, да и то возведеннымъ въ это достоинство императоромъ германско-римскимъ Леопольдомъ I, въ 1701 г., былъ бояринъ Ѳед. Алек. Головинъ, бывшій впослѣдствіи президентомъ коллегіи иностранной, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и первымъ андреевскимъ кавалеромъ, получившимъ этотъ орденъ въ самый день его основанія. Затѣмъ въ графы Римской имперіи былъ возведенъ Гаврило Ив. Головкинъ, кажется, въ 1702 г. Первые иноземные титулы русское дворянство начало получать отъ иноземныхъ же монарховъ. Но скоро Петръ Великій самъ началъ возводить въ титулъ графа: перваго знаменитаго Б. Шереметева—въ 1706 г., затѣмъ Головинъ и Головкинъ,—графы священной Римской имперіи, сдѣланы графами русскими, за ними слѣдуетъ Зотовъ—въ 1710 г., Апраксины—въ 1710 и 1722 г., Толстой—въ 1724 г. Впослѣдствіи, въ каждое новое царствованіе создаются и новые графы. Княжескій титулъ былъ породнымъ титуломъ многихъ нашихъ дворянскихъ фамилій. Кн. Меншиковъ первый былъ возведенъ въ княжеское достоинство монархомъ: въ 1705 г. онъ былъ сдѣланъ княземъ Римской имперіи,—а въ 1706 г. Петръ Великій возвелъ его въ свѣтлѣйшіе князья ижорскіе.

Заимствовавъ иноземные титулы, мы заимствовали и предикатъ ихъ, Durcherlaucht, Erlaucht, Altesse, Excellence. Пожалованные княжескими и графскими титулами съ Петра Великаго начали именоваться сіятельствомъ, свѣтлостію. Это было перенесено и на тѣ фамиліи, которыя имѣли породный княжескій титулъ, но которыя до Петра такъ не именовались. Свѣтлость (Durcherlaucht) сравнительно съ сіятельствомъ (Erlaucht) наименованіе болѣе почетное и спеціально дается монархомъ нѣкоторымъ княжескимъ фамиліямъ, которыя поэтому называются свѣтлѣйшими. Породныя княжескія фамиліи, а изъ пожалованныхъ Кочубеи и Васильчиковы—сіятельныя (Erlaucht), большая же часть пожалованныхъ, напримѣръ: Меншиковы, Салтыковы, Чернышевы, Воронцовы и т. д.—свѣтлѣйшія (Durcherlaucht).

Предикатомъ титулъ барона (вольный господинъ, по Котошихину:—отчего бы не боярина?), въ который также началъ возводить Петръ Великій, не пользуется. Наши первые бароны были Шафировъ въ 1710 г., и именитый человѣкъ Александръ Строгоновъ, которому въ 1722 г. было объявлено въ сенатѣ, что онъ пожалованъ барономъ, затѣмъ появляются бароны и въ послѣдующія царствованія. Титулъ этотъ мало уважался нашей аристократіей и большей частью жало-

вался финансовымъ и промышленнымъ именитостямъ иностраннаго происхожденія.

Мы прослѣдили различные способы пріобрѣтенія дворянства. Различіе способовъ пріобрѣтенія обусловливало и фактическое различіе разрядовъ, на которые распадалось сословіе. Между этими разрядами не существовало никакихъ отличій юридическихъ, а, напротивъ, общность правъ и обязанностей распространялась по закону на все сословіе и на каждаго его члена въ отдѣльности. Законъ не освящалъ особенностей разрядовъ дворянства, на которые оно расчленялось фактически. Царскими чиновными людьми до Петра Великаго, ихъ служебнымъ распорядкомъ завѣдывалъ разрядъ. Одновременно съ образованіемъ шляхетствъ, разрядъ былъ уничтоженъ, а вмѣсто него при сенатѣ учрежденъ разрядный столъ; съ окончательнымъ преобразованіемъ сената, немного раньше изданія табели о рангахъ, при немъ появляется должность герольдмейстера. Въ эту должность назначенъ былъ Колычевъ, который и прежде завѣдывалъ дѣлами дворянскими и служебными. При герольдмейстерѣ образуется цѣлое присутственное мѣсто—герольдмейстерская контора съ отдѣленіемъ въ Москвѣ, а перваго герольдмейстера Колычева скоро смѣнилъ Плещеевъ. Для дворянства герольдмейстеръ пріобрѣлъ такое же значеніе, какое для царскихъ чиновныхъ людей имѣлъ разрядъ.

Одна изъ важнѣйшихъ обязанностей герольдмейстера, по инструкціи 1722 г., состояла въ томъ, чтобы знать наличную численность дворянства, разрѣшать сомнѣнія въ дворянскомъ достоинствѣ лица, завѣдывать нарядами и распредѣленіемъ дворянъ на службу.

Мы видѣли, что между царскими чиновными людьми до Петра не было сознанія единства интереса, связывающаго ихъ во одну общественную группу, образующаго изъ нихъ замкнутое сословіе, обособленное отъ народа.

Петръ Великій, собирая повсюду разсыпанныя храмины, стягивая купцовъ и ремесленниковъ въ города, расписывая ихъ на гильдіи и цунфты, сдѣлалъ то же самое и относительно чиновныхъ людей. Бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, между которыми были и гедиминовичи и рюриковичи, а послѣ замѣны старыхъ чиновъ новыми, всѣ чины военные и морскіе, гражданскіе отъ коллежскаго ассессора онъ собралъ въ одну общественную группу, образовалъ сословіе—шляхетство, наложивъ на него обязанность службы въ полкахъ и канцеляріяхъ и обученія. Увлеченный образцами запада, онъ старался поднять новое сословіе до феодальной аристократіи, перенявъ у нея основной ея институтъ—майоратъ, дабы фамиліи—потомство прапорщиковъ и надворныхъ совѣтниковъ—не упадали, но въ своей ясности непоколебимы были чрезъ славные и великіе домы. Но феодальное учрежденіе къ нашему дворянству не привилось, да и не могло привиться вслѣдствіе коренного отличія нашего дворянства отъ аристократіи западно-европейской. Но другія черты послѣдней начали развиваться въ дворянствѣ.

Самымъ качествомъ своего тягла, своихъ обязанностей къ государству, шляхетство было отличено отъ народа. Народъ тянулъ черную работу, шляхетство—служило и училось. Народъ сдѣланъ ревизскими душами, обложенными подушной податью и рекрутчиной. Для шля-

хетства, пожалуй, тоже были своего рода ревизскія сказки—герольдмейстерскіе списки; по этимъ спискамъ оно платило не подушную подать, но наряжалось на службу, распредѣлялось по полкамъ и канцеляріямъ, отдавалось въ школы. Чрезъ службу шляхетство дѣлалось благороднымъ, чрезъ обученіе—образованнымъ. Отличенное отъ народа качествомъ тягла, свободою отъ подушной подати и рекрутства, благородствомъ и обученіемъ, шляхетство начинаетъ отличаться и внѣшнимъ видомъ—нѣмецкимъ платьемъ, бритою бородою, а впослѣдствіи и языкомъ—нѣмецкимъ же и преимущественно французскимъ.

Въ поставленномъ, такимъ образомъ, новомъ сословіи начинаетъ мало-по-малу развиваться сознаніе общесословнаго единства, сословной чести. Волынскій на предложеніе Салтыкова донести о бригадирѣ Козловѣ, распускавшемъ въ Казани разные слухи о московской перемѣнѣ въ 1730 г., отвѣчаетъ: „а чтобъ мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то не токмо мнѣ, но и послѣднему дворянину прилично и честно дѣлать.“

Дворянство внутри себя раздвоилось на аристократію и дворянство рядовое—среднее, мелкое. Но это были его внутреннія отношенія. Въ отношеніяхъ же къ народу къ не дворянскимъ общественнымъ классамъ оно сплочивалось и замыкалось въ отдѣльную общественную группу, противополагавшую себя народу, въ группу людей благородныхъ.

До Петра Великаго наши высшіе классы не были, да и не могли быть благородными: только царское семейство было благороднымъ (хорошо-рожденнымъ), а всѣ остальные члены общества были прирожденными холопами царя—Васьками, Ивашками, Алешками и т. д. Съ Петра Великаго царское семейство начинаетъ принимать другіе титулы, а шляхетство, по примѣру иноземному, начинаетъ именоваться благороднымъ. Яковъ Влад. Брюсъ въ 1706 г. писалъ изъ Москвы директору московской типографіи, Василію Кипріянову: „Г. Кипріяновъ! Ежели въ какой твоей печати имя государя царевича (Алексѣя Петровича) помянетца, то тебѣ не надлежитъ писать великаго государя царевича благороднымъ, понеже во иныхъ странахъ всякой шляхтичъ знатной пишется благороднымъ, а надлежитъ писать Е. Ц. Высокость.“ Первое оффиціальное наименованіе сословія благороднымъ произошло въ 1721 г., когда измѣнены титулы членовъ императорской фамиліи, и ихъ стали называть вмѣсто благородныхъ благовѣрными: „понеже титуловаться благородствомъ ихъ высочествамъ по нынѣшнему употребленію низко, ибо благородство и шляхетству дается.“ Благороднымъ, высокоблагороднымъ—Wohlgeboren, Hochwohlgeboren называется остзейское рыцарство въ договорныхъ пунктахъ 1710 г. Малороссійское же шляхетство еще прежде называется польскими королями благороднымъ: король Янъ Казиміръ въ 1649 г. называетъ Богдана Бутовича благороднымъ. Табель о рангахъ дѣлаетъ всѣхъ худо-рожденныхъ хорошо-рожденными, если только они заслужатъ чинъ: право титуловаться благородіемъ получаютъ всѣ оберъ-офицеры. Имѣющіе штабъ-офицерскіе чины считаются весьма хорошо-рожденными и получаютъ титулъ высокоблагородія. Послѣ этого присвоенія благородства чину, оно начинаетъ присвоиваться всѣмъ корпусомъ шляхетства. Дворяне сдѣлались благородными, остальной народъ подлымъ.

Но благородные, одѣтые Петромъ въ нѣмецкій кафтанъ, обрившіе по его указу бороды и отдѣлившіеся такимъ образомъ и внѣшнимъ видомъ своимъ отъ народа, болѣе и болѣе проникаются западно-европейской феодальной точкой зрѣнія на него, какъ на людей другой низшей породы, черной кости, грязной крови. Такая точка зрѣнія нашего дворянства несомнѣнно развилась подъ вліяніемъ иноземщины. Еще неотразимѣе вліяніе нѣмецко-дворянскихъ воззрѣній, проводникомъ которыхъ явилось у насъ высокоблагородное рыцарство остзейское, подобно тому какъ шляхетная Польша аристократизировала малороссійскую старшину. Наплывъ нѣмцевъ въ государственную службу былъ также силенъ въ началѣ XVIII вѣка, какъ и наплывъ аристократической легитимистской эмиграціи изъ Франціи въ концѣ его. Ряды высшихъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ были замѣщены множествомъ нѣмцевъ. Въ 1717 г. была переведена съ нѣмецкаго языка весьма поучительная книжка „Юности честное зерцало или показаніе къ житеіскому обхожденію." Книжка имѣла много изданій. Она поучала россійское шляхетство видѣть въ слугахъ не людей, но существъ другой породы, чѣмъ ихъ господа: „нѣтъ того мерзостнѣе, какъ убогой слуга." Сообразно такой школѣ, слагаются и воззрѣнія шляхетства на прочіе классы общества. Кононъ Зотовъ пишетъ изъ Франціи Петру въ 1715 г.: "подлый не думаетъ болѣ, какъ бы чрево свое наполнить."

При такомъ раздвоеніи общества на людей благородныхъ и подлыхъ, при воззрѣніи на послѣднихъ, какъ на служебныхъ тварей—другой плоти, кости и крови, понятно стремленіе шляхетства усвоить употребленіе иноземнаго языка, на которомъ не говорятъ подлые люди, стремленіе воспитывать дѣтей въ благородныхъ учебныхъ заведеніяхъ, доступъ въ которые закрытъ для не-дворянъ.

Де-ла-Нёвиль, пріѣзжавшій въ Россію въ концѣ XVII ст., указываетъ на кн. Вас. Лук. Долгорукова, какъ на единственнаго русскаго, говорившаго по-французски въ 1689 г. Въ началѣ XVIII в. Петръ Великій приневоливалъ шляхетство къ изученію иностранныхъ языковъ и обученію имъ дѣтей. „Юности честное зерцало" поучало, что „младые шляхетскіе отроки должны всегда между собою говорить иностранными языками, дабы можно было ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать, дабы можно было имъ говорить такъ, чтобы слуги ихъ не понимали." Шляхетство начинаетъ входить во вкусъ иностранныхъ языковъ. По словамъ Берхольца, молодой Головинъ, сынъ канцлера, очень хорошо говорилъ по-французски, по-англійски и на др. языкахъ. Изъ записокъ Неплюева видно, что кн. Салтыкова такъ хорошо владѣла французскимъ языкомъ, что въ 1727 г. по-французски отвѣчала на привѣтствіе посланника.

Изученіе иностранныхъ языковъ явилось великимъ орудіемъ просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и проводникомъ феодальныхъ сословныхъ воззрѣній и способствовало разъединенію общественныхъ классовъ.

LXIX Чинопроизводство въ эпоху Петра Великаго.

(Изъ соч. Евреинова: „Гражданское чинопроизводство въ Россіи", приложеніе къ ноябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за 1887 годъ).

Первоначально Петръ Великій при производствѣ въ чины слѣдовалъ системѣ своихъ предшественниковъ, при чемъ бывали случаи, что чины жаловались не исключительно за личныя заслуги, но также во вниманіе къ службѣ родственниковъ. Съ отдѣленіемъ гражданскихъ отъ военныхъ, прежніе чины продолжали жаловаться царемъ только лицамъ, занимавшимъ гражданскія должности, и это продолжалось до введенія табели о рангахъ 1722 года. Такъ, мы видимъ, въ 1711 году, въ бытность царя въ Эльбингѣ, пожалованъ изъ стольниковъ въ окольничіе Алексѣй Александровичъ Юшковъ; въ числѣ лицъ, подписавшихъ приговоръ о смертной казни царевичу Алексѣю, встрѣчаемъ подписи бояръ Алексѣя Салтыкова и Петра Бутурлина. Со введеніемъ табели о рангахъ древніе чины уничтожены, однако нѣкоторые изъ пожалованныхъ въ такіе чины до того времени, удерживали прежнія званія, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой носилъ до своей смерти въ 1750 году званіе боярина. Переходимъ къ самой табели. Мысль объ измѣненіи дѣйствовавшей системы чинопроизводства возникла у Петра Великаго одновременно съ примѣненіемъ къ Россіи западно-европейскихъ правительственныхъ учрежденій. Заимствуя для Россіи вмѣстѣ съ заграничными учрежденіями и самыя названія какъ учрежденій, такъ и входящихъ въ оныя должностей, преобразователь не могъ при этомъ не остановить вниманія и на существовавшемъ тамъ особомъ установленномъ законѣ о соотношеніи между разными должностями не только одного и того-же вѣдомства, но и другихъ вѣдомствъ, съ присвоеніемъ каждой должности извѣстнаго ранга съ извѣстными правами. Зародившаяся мысль выразилась первоначально, какъ это обыкновенно случается, въ частныхъ распоряженіяхъ. Сперва эти распоряженія касались отдѣльныхъ случаевъ, преимущественно при пріемахъ при дворѣ, при общественныхъ собраніяхъ и при особыхъ торжественныхъ случаяхъ въ частномъ быту (крестинахъ, бракосочетаніи). Въ 1712 году эти распоряженія распространяются на все дворянство, по отношенію собственно къ военному сословію. Этимъ указомъ повелѣно: сказать всему шляхетству, чтобы каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ, какой бы фамиліи ни былъ, почесть и первое мѣсто (если самъ не имѣлъ военнаго чина) давалъ каждому оберъ-офицеру. Это постановленіе ясно уже указывало на желаніе законодателя установить на этомъ началѣ, въ видѣ общей мѣры, все государственное управленіе,—установить ранги по всѣмъ вѣдомствамъ. На сей конецъ собраны были дѣйствовавшія, по этому предмету, въ то время законоположенія въ Швеціи, Франціи, Пруссіи, Даніи, Англіи, а также въ Польскомъ королевствѣ и венеціанской республикѣ. Изъ этихъ законоположеній, переведенныхъ на русскій языкъ, въ основаніи проектированной для Россіи табели о рангахъ приняты постановленія первыхъ пяти дер-

жавъ, въ самой-же системѣ приняты во вниманіе преимущественно постановленія датскія и въ особенности прусскія, какъ наиболѣе опредѣленныя и обнимавшіе предметъ во всей его совокупности, тогда какъ подобнаго систематическаго положенія въ Швеціи, Франціи, Англіи не было. Изъ датскихъ законоположеній приняты въ соображеніе постановленія, изданныя 11 февраля 1699 года и 11 февраля 1717 года. По обоимъ этимъ постановленіямъ всѣ должности подраздѣлены на девять ранговъ (разрядовъ).

Изъ прусскихъ законовъ приняты въ соображеніе также два постановленія, изданныя—первое въ 1705 и второе въ 1713 году. Въ первомъ изъ этихъ указовъ, при которомъ приложено росписаніе должностей по классамъ, изъяснено, что это росписаніе издано «для упрежденія всякихъ помѣшательствъ и ссоръ о степени между (королевскихъ) служителей, при чемъ (служащіе) должны быть почитаемы не по какимъ либо расположеніямъ, но токмо по чинамъ, которыхъ они имѣютъ достоинство». Приложенное къ этому указу росписаніе отличается чрезмѣрнымъ обиліемъ, имѣя до 130 названій, что, впрочемъ, происходило оттого, что въ немъ перечислены въ извѣстной градаціи всѣ должности, начиная отъ высшихъ до самыхъ низшихъ, при чемъ вошли въ общее росписаніе и всѣ военные чины и духовные. Росписаніе 1713 года значительно сокращено противъ предшествовавшаго; въ него не вошли многія мелкія канцелярскія должности, а равно и должности и чины духовные, и самое росписаніе имѣетъ только 47 наименованій. Всѣ собранные матеріалы препровождены были въ кабинетъ 13 декабря 1719 года. Изъ этихъ матеріаловъ составлены были подробный сводъ и сравнительная таблица правительственныхъ должностей и чиновъ французскихъ, датскихъ, англійскихъ, шведскихъ и прусскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по высочайшему повелѣнію были также составлены: показаніе древнихъ россійскихъ чиновъ гражданскихъ и придворныхъ съ изъясненіемъ каждаго и перечень всѣхъ вновь-учрежденныхъ должностей,—и закипѣла работа. Сначала приступлено было къ переименованію московскихъ придворныхъ должностей въ соотвѣтствующія иностранныя. Затѣмъ началось проектированіе табели о рангахъ. Такъ какъ въ то время изъ воинскихъ чиновъ наибольшее число было по сухопутнымъ войскамъ и составляло 13, то примѣнительно къ этому и всѣ должности, по общему гражданскому вѣдомству и по придворному, раздѣлены на 13 разрядовъ, при чемъ каждый разрядъ заключалъ въ себѣ нѣсколько должностей. Вѣроятно, самая цифра 13 признавалась неудобною, такъ что самая табель явилась уже съ 14 разрядами, но изъ этихъ разрядовъ къ XI разряду отнесена только одна должность и то лишь по одному вѣдомству—морскому, именно корабельныхъ секретарей, взамѣнъ чего въ послѣднемъ разрядѣ, XIV, ни чина, ни должности по морскому вѣдомству вовсе не показано, такъ что въ дѣйствительности сохранялись тѣ же 13 ранговъ. Кто-же составилъ табель о рангахъ? Историкъ Соловьевъ говоритъ, что въ январѣ 1722 года двое сенаторовъ, Головкинъ и Брюссъ, и двое генералъ-майоровъ, Матюшкинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ, сочинили табель о рангахъ. Но если принять лишь во вниманіе, что табель была закончена значительно ранѣе указаннаго Соловьевымъ времени, то ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ его мнѣніемъ. Есть другое и болѣе вѣроятное предположеніе, что первоначальное начертаніе табели, въ

самомъ, впрочемъ, краткомъ и не полномъ видѣ, принадлежитъ перу графа Остермана. Но кто бы ни былъ составителемъ проекта табели о рангахъ, несомнѣнно, однако, то, что въ составленіи этой табели непосредственное и самое живое, дѣятельное участіе принималъ лично Петръ Великій. Въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра Великаго имѣются писанные начерно первые проекты по этому предмету и эти проекты писаны собственноручно Петромъ. Но и по составленіи табели и переписки проэкта на-бѣло, табель исправлялась и дополнялась также собственноручно Петромъ. Почти одновременно съ табелью о рангахъ составлялись и особые пункты для руководства при введеніи табели. И въ сочиненіи этихъ пунктовъ видны также непосредственныя указанія государя, при чемъ нѣкоторые пункты писаны собственноручно-же великимъ преобразователемъ. Составленная затѣмъ табель о рангахъ была подписана Петромъ въ Петербургѣ 1 февраля 1721 года съ такимъ примѣчаніемъ: «Сіе не публиковать и не печатать до сентября мѣсяца, дабы еще осмотрѣться, ежели что перемѣнить, прибавить или убавить, о чемъ надлежитъ въ сенатѣ во время сей отсрочки думать: такъ-ли быть всѣмъ чинамъ, или которые перемѣнить и какъ? И свое мнѣніе къ сентябрю изготовить, а особливо о тѣхъ чинахъ, статскихъ и дворовыхъ, которые отъ ранга генералъ-маіора и ниже, также и о ихъ жалованьѣ, кому какое надлежитъ, противъ ли ранга служивыхъ, которые съ кѣмъ въ одномъ классѣ, или меньше, или инымъ больше, также свое мнѣніе на письмѣ изготовить». Въ сенатѣ табель о рангахъ разсматривалась съ формальной лишь стороны; дѣлалось сравненіе проектированныхъ ранговъ должностей съ соотвѣтственными рангами таковыхъ должностей въ иностранныхъ государствахъ, и на основаніи этого сравненія полагалось повысить ту и иную должность въ рангѣ. А въ заключеніе сенатъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы и лицамъ, сохранявшимъ прежніе званія и чины, опредѣлить, по ихъ животъ, противъ другихъ ранги, «ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы быть имѣютъ въ губернаторы, въ вице- губернаторы, въ воеводы (всѣ сіи должности не вошли въ ранги) и ежели ранги имъ будутъ не опредѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противностей». Это послѣднее ходатайство весьма знаменательно, ибо указываетъ на взгляды птенцовъ Петра на прежній государственный строй.

По разсмотрѣніи настоящаго мнѣнія сената нѣкоторые изъ предположеній сената приняты были во вниманіе; многія же оставлены были безъ уваженія, въ томъ числѣ и ходатайство о присвоеніи древнимъ чинамъ извѣстнаго ранга, и затѣмъ, по исправленіи табели, послѣдовало въ Преображенскомъ, 24 января 1722 года, высочайшее утвержденіе, за собственноручнымъ подписаніемъ императора: «табель о рангахъ всѣхъ чиновъ воинскихъ, статскихъ и придворныхъ, которые въ которомъ классѣ чины; и которые въ одномъ классѣ, тѣ имѣютъ по старшинству времени вступленіи въ чинъ между собою, однакожъ воинскіе выше причихъ, хотя-бъ и старѣе, кто въ томъ классѣ пожалованъ былъ» и «ко учрежденной вышеобъявленной табели ранговъ прилагаются сіи пункты, какимъ образомъ со оными рангами каждому поступать надлежитъ».

При расположеніи разныхъ должностей по рангамъ принята была въ соображеніе преимущественно датская система, а въ изложеніи пунк-

говъ слѣдовали законоположеніямъ какъ датскимъ, такъ и въ особенности прусскимъ. Соотвѣтственно симъ законоположеніямъ и по пунктамъ установлялось строгое почитаніе высшаго ранга низшимъ, а «кто выше ранга будетъ себѣ почести требовать, или самъ возьметъ выше даннаго ему ранга», тотъ подвергался за каждый случай въ штрафъ— «вычету двухмѣсячнаго жалованья, а съ служащаго безъ жалованья берется такой штрафъ, какъ жалованье тѣхъ чиновъ, которые съ нимъ равнаго ранга и дѣйствительно жалованье получаютъ; равный-же штрафъ и тому слѣдуетъ, кто кому ниже своего ранга мѣсто уступитъ, и чего надлежало фискаламъ прилежно смотрѣть, дабы тѣмъ охоту подать къ службѣ и онымъ честь, а не нахаламъ и тунеядцамъ получать». Этотъ штрафъ распространялся и на женскій полъ, подведенный также подъ ранги, соотвѣтственно занимаемой ими придворной должности, а буде таковой не имѣютъ, то по рангамъ, присвоеннымъ ихъ мужьямъ и отцамъ. Почитаніе лицъ по рангамъ, не касаясь лишь нѣкоторыхъ «оказій», когда нѣкоторые, «яко добрые друзья и сосѣди съѣдутся въ публичныхъ ассамблеяхъ» (особенно поощрявшихся Петромъ), распространялось на остальныя публичныя оказіи. Такъ, кромѣ дворцовыхъ церемоній и при аудіенціи пословъ, такое почитаніе должно быть выражаемо при торжественныхъ столахъ, въ чиновныхъ съѣздахъ, при бракахъ, при крещеніяхъ, погребеніяхъ и даже въ церквахъ при службѣ Божіей. Каждому рангу присвоивался также и извѣстный костюмъ, упряжь и одежда для прислуги, и хотя о семъ лишь милостиво напоминалось, тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ заключительныхъ словъ пунктовъ, всѣ по онымъ должны были поступать и штрафованія и вящшаго наказанія остерегаться.

Подобныя правила о почитаніи по рангамъ существовали какъ выше указано, въ Даніи и въ особенности въ Пруссіи, но тамъ извѣстные почести и даже титулы присвоены были извѣстной должности, такъ что съ оставленіемъ такой должности лица не пользовались уже такими почестями, а тѣмъ менѣе высшими правами состоянія противъ тѣхъ, какія они до того имѣли, за исключеніемъ случаевъ, когда такія права были особенно пожалованы королемъ. Совершенно обратно поступилъ Петръ Великій. Желая возвысить гражданское вѣдомство, а съ другой стороны представить преимущества только тѣмъ лицамъ (не взирая на права ихъ состоянія), которыя оказали лично сами, а не ихъ предки, заслуги предъ престоломъ и отечествомъ, Петръ предоставляетъ лицамъ, по занимаемой или занимавшейся ими должности (за немногими лишь исключеніями), извѣстныя права состоянія, если эти лица до того высшихъ правъ не имѣли, съ распространеніемъ таковыхъ правъ и на ихъ потомство. Но подобное соединеніе особыхъ преимуществъ съ должностью представляло на первыхъ же порахъ большія неудобства. Извѣстна та строгая и вполнѣ необходимая при повышеніи постепенность, которая соблюдается въ военной службѣ, но чѣмъ войско малочисленнѣе, тѣмъ труднѣе достигать и высшихъ ранговыхъ почестей, и высшихъ правъ состоянія. Между тѣмъ, по значительному количеству гражданскихъ должностей, а вслѣдствіи сего и болѣе частаго открытія вакансій, и по самому характеру этихъ самыхъ должностей, требующихъ извѣстныхъ познаній и способностей, лица даровитыя могли быстро подвигаться по іерархической служебной лѣстницѣ и, начавъ одновременно службу съ лицами, поступившими въ войска, должны были повышаться въ рангахъ

и пользоваться особенными преимуществами несравненно скорѣе, чѣмъ ихъ военные сверстники, и даже скорѣе служащихъ значительно долѣе ихъ въ войскахъ. Подобное явленіе не могло входить въ предположенія Петра, ставившаго военную службу во всѣхъ отношеніяхъ выше гражданской, а между тѣмъ бывали случаи, когда представлялось совершенно необходимымъ и лицамъ, мало еще служащимъ, дать повышеніе въ должностяхъ. При этомъ естественно возникалъ вопросъ, какъ поступать съ подобными лицами въ данномъ случаѣ, слѣдуетъ-ли давать имъ преимущества, рангу должности присвоенной. На этотъ вопросъ въ пунктахъ къ табели находимъ положительное разрѣшеніе. «Было бы оскорбительно воинскимъ людямъ, которые во многія лѣта и какою жестокою службою (чинъ) получили; а увидать безъ заслуги себѣ равнаго или выше; того ради, кто въ которой рангъ и возведенъ будетъ, то ему рангъ заслуживать лѣтами, какъ слѣдуетъ»... Изъ этого постановленія вытекали два слѣдующія новыя правила по гражданской службѣ, а именно: первое, что для повышенія въ должности должны быть установлены особенные сроки выслуги, и второе (весьма важное), что не всегда по должности слѣдовало предоставлять и всѣ права, присвоенныя ея рангу и, такимъ образомъ, рангъ какъ бы отдѣлялся отъ должности. Что касается до перваго правила, то оно вполнѣ было согласно со всѣми распоряженіями Петра и съ духомъ самого законоположенія; напротивъ, второе вовсе не соотвѣтствовало видамъ императора. Признавая, что «нужда необходимая» потребовала временно представить высшія должности (чины) нѣкоторымъ дворянамъ, неудовлетворявшимъ законнымъ требованіями къ занятію таковыхъ должностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ принятію вышеупомянутой противъ такихъ лицъ мѣры (лишеніе ихъ права пользоваться ранговыми преимуществами, по должности присвоенными),—Петръ, для устраненія этого на будущее время постановляетъ за основаніе слѣдующія правила, а именно: занятіе должностей въ строгой постепенности, начиная съ самой низшей должности, причемъ назначать въ должности непремѣнно изъ служащихъ того-же учрежденія, гдѣ открылась вакансія («дабы впредь на вакансіи не со стороны хватать»), а чтобы не было недостатка въ подготовленныхъ къ занятію должности лицахъ, предписывается имѣть въ каждой коллегіи извѣстное число молодыхъ людей изъ дворянъ (коллегіи юнкеровъ), получившихъ спеціальное научное образованіе (въ учрежденной при сенатѣ школѣ). Эти-то лица, по пріобрѣтеніи практическихъ свѣдѣній въ дѣлопроизводствѣ, и предназначались къ занятію на открывающіяся вакансіи, а впослѣдствіи имъ только однимъ открывался доступъ и къ самымъ высшимъ должностямъ («кромѣ сего пути никто въ высшій градусъ и до министерскаго чина произведенъ быть не можетъ»). Изъ этихъ-же постановленій ясно видно; что для занятія высшихъ должностей Петръ предназначалъ, какъ общее правило, единственно дворянъ, а учрежденіемъ при высшихъ учрежденіяхъ (коллегіяхъ) коллегіи юнкеровъ также изъ дворянъ преграждался почти совершенно доступъ въ высшія учрежденія лицъ, не принадлежащихъ къ дворянству, и потому, если такія лица и могли достигать должности 8 класса и выше и воспользоваться высшими правами состоянія, то подобные случаи могли быть рѣдки, какъ исключеніе, въ виду полученнаго ими высшаго образованія или особыхъ заслугъ, такъ что и въ этомъ отношеніи табель о рангахъ, слѣдуя

мысли законодателя, не могла бы существенно влiять на размноженiе у насъ дворянскаго сословiя.

Возвышая гражданскую службу посредствомъ табели о рангахъ, Петръ, въ видахъ вящшаго поощренiя къ службѣ и дабы вкоренить еще болѣе нравственный элементъ въ служащихъ, не отказался и отъ принятой въ московскомъ государствѣ системы награжденiя служащихъ особенными знаками отличiя, особенными званiями. Къ этимъ отличiямъ, спецiально присвоеннымъ служащимъ по гражданскимъ управленiямъ, относилось и награжденiе ихъ гражданскими чинами. Такихъ чиновъ установлено было Петромъ весьма немного; такъ, первоначально явилось только два гражданскихъ чина, заимствованные изъ датскаго и прусскаго королевствъ, именно: чины дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и тайнаго совѣтника; впослѣдствiи же указомъ 7 мая 1724 г. къ этимъ чинамъ присоединены еще два чина — дѣйствительнаго статскаго совѣтника и статскаго совѣтника. Награжденiе чинами Петръ Великiй считалъ за особую высшую царскую милость, жалуемую служащимъ по гражданскому вѣдомству лишь за особыя, выдающiяся изъ ряда, заслуги престолу и отечеству. При такомъ взглядѣ Петръ награждалъ чинами очень рѣдко и преимущественно лицъ занимающихъ высшiя должности, дающiя дѣйствительную возможность оказывать заслуги, достойныя особаго царскаго вниманiя. Могли быть оказаны подобныя заслуги и лицамъ, не занимавшимъ высшихъ должностей, но такiя заслуги должны быть столь выдающимися, входящими изъ ряда, что самая заслуга выдвигала подобныя лица изъ общаго уровня на высшее положенiе, высшее мѣсто. Согласно такому воззрѣнiю, учрежденнымъ Петромъ чинамъ должны были быть предоставлены и особенныя отличiя, и притомъ отличiя весьма значительныя, какъ выражающiя знакъ особаго царскаго вниманiя, и мы видимъ, что чинамъ даются по табели высшiе ранги, а именно: дѣйствительному тайному совѣтнику II, тайному совѣтнику—сперва IV, а потомъ III, затѣмъ, чинамъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и статскаго совѣтника, учрежденнымъ по изданiи уже табели о рангахъ въ 1724 году, „учинены“ ранги первому IV, а послѣднему V. Историкъ Соловьевъ, указывая, что табель о рангахъ составляетъ, по отношенiю къ гражданскому вѣдомству, лишь подведенiе должностей подъ разряды или классы, упоминаетъ о чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и находитъ, что это не былъ чинъ въ нашемъ значенiи слова, но что дѣйствительные тайные совѣтники на самомъ дѣлѣ были членами тайнаго совѣта, собиравшагося обыкновенно для обсужденiя важныхъ, преимущественно иностранныхъ дѣлъ. При этомъ историкъ ссылается на разсказы современниковъ, что, когда Петръ хотѣлъ возвести въ дѣйствительные тайные совѣтники графа Брюсса, то послѣднiй самъ отказался отъ этой чести, представивъ, что хотя онъ и вѣрный подданный, но иновѣрецъ. Противъ этого предположенiя достаточно замѣтить, что тайный совѣтъ при Петрѣ не былъ оффицiально утвержденъ и признанъ, почему и самая должность тайнаго совѣтника не могла стать гласною и войти въ табель о рангахъ, но если и допустить означенное предположенiе, то откуда же затѣмъ явились, кромѣ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, еще особые тайные совѣтники и какое было различiе между тою и другою должностью? Не касаясь затѣмъ чиновъ послѣдующихъ, учрежденныхъ по

изданіи уже табели о рангахъ и подраздѣленныхъ, по примѣру тайныхъ совѣтниковъ, также на два разряда, на дѣйствительныхъ и просто статскихъ совѣтниковъ, и къ которымъ еще менѣе можетъ относиться предположеніе Соловьева, такъ какъ самаго наименованія государственный совѣтъ, въ числѣ Петровыхъ учрежденій, какъ тайныхъ, такъ и оффиціально признанныхъ, вовсе уже не существовало, и останавливаясь вновь на самой табели, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, что къ III разряду (рангу) отнесены по табели кавалеры ордена св. Андрея Первозваннаго, а ужъ этотъ орденъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ должностямъ. Впрочемъ, въ подтвержденіе того, что упомянутые совѣтники составляли не должности, а особые чины, въ смыслѣ почетнаго званія, мы имѣемъ положительныя на то данныя. Въ представленной Петру выпискѣ изъ постановленій иностранныхъ государствъ о существовавшихъ тамъ въ то время разныхъ должностяхъ, коснувшись должности совѣтниковъ и указавъ всю пользу отъ нихъ для службы, вмѣстѣ съ тѣмъ добавлено: „многожды князья и государи за учиненныя услуги такими титулами—рангами и честнымъ именемъ, яко совѣтникомъ награждаютъ“. Извѣстно также, что внесенные въ табель о рангахъ дѣйствительные и тайные совѣтники составляли въ то время почетные титулы въ нѣкоторыхъ государствахъ (Даніи, Пруссіи),—описаніе ранговъ которыхъ представлено было Петру,—да и самъ государь, задолго еще до утвержденія табели, награждалъ нерѣдко помянутыми званіями. Кромѣ того, въ томъ же описаніи ранговъ въ иностранныхъ государствахъ, показаны чины военные и морскіе, чины гражданскіе, должности по военному, придворному и гражданскому вѣдомству и ордена,—и каждому изъ наименованій данъ извѣстный рангъ и опредѣлено соотвѣтствіе его къ другимъ. Точно та же самая система принята и въ нашей табели о рангахъ и, согласно сему, табелью подведены подъ извѣстные классы четыре собственно категоріи служебныхъ отличій, а именно: во-первыхъ, чины военные, во-вторыхъ, гражданскія должности (по общегражданской службѣ, придворной, военнаго и морского вѣдомства), въ-третьихъ, чины гражданскіе и въ-четвертыхъ, ордена; и всѣ эти категоріи, по приложеннымъ къ табели о рангахъ „пунктамъ“, носятъ одно общее наименованіе чина, но выраженіе „чинъ“ въ московскомъ государствѣ и при Петрѣ Великомъ имѣло не вполнѣ то значеніе, подъ которымъ оно стало пониматься въ послѣдующее время. Въ московскомъ государствѣ, независимо отъ чиновъ, какъ почетныхъ званій, всѣ разряды лицъ, несшихъ какія-либо повинности, обязанности по отношенію къ государству, назывались также „чинами“. Въ этомъ смыслѣ и крестьяне составляли „чинъ“. Въ этомъ-же смыслѣ и всѣ должности по государственному управленію, какъ налагавшія на занимавшихъ ихъ особенныя повинности, назывались также „чинами“. Съ другой-же стороны и удостоившіеся особенныхъ знаковъ вниманія царя, получившіе почетныя наименованія чины не освобождались отъ царской службы и несли также тяготу, повинность, должность, продолжавшуюся всю жизнь—до изнеможенія, истощенія силъ. Вся же разница между чиновными и нечиновными служилыми людьми заключалась въ томъ, что первые сохраняли жалованное имъ званіе и по оставленіи порученной имъ должности, тогда какъ остальные служилые люди по оставленіи должности именовались лишь тѣми разрядами

служилыхъ людей, къ которымъ они по происхожденію принадлежали и на которые налагались также извѣстныя государственныя повинности. Но и эти категоріи служилыхъ нечиновныхъ людей по тѣмъ-же причинамъ именовались также чинами. Этимъ объясняется и то обстоятельство, что въ представленной царю, по его повелѣнію, вѣдомости „древнихъ россійскихъ чиновъ съ изъясненіемъ каждаго чина“ вошли не одни собственно чины, но и разныя должности и разные разряды служилыхъ людей. По тѣмъ же самымъ причинамъ приходилось по необходимости по установившемуся обычаю относить къ совершенно разнымъ чинамъ (въ значеніи уже почетнаго званія) одинаковыя обязанности (для бояръ и окольничихъ), а съ другой стороны, соединяя въ силу одинаковости названій и чинъ, и должность въ одно наименованіе (какъ, напримѣръ, стольники и стряпчіе, какъ придворныя должности, жалуемыя исключительно дворянамъ и, какъ особые чины, жалуемыя нерѣдко и лицамъ неблагороднымъ), присвоивать имъ обязанности, весьма мало имѣющія между собою какое-либо соотношеніе, связь. Несмотря на такое широкое значеніе чина, между всѣми служилыми людьми установлена была особая градація, соединенная съ извѣстными внѣшними отличіями, оказаніе почтенія низшимъ чиномъ высшему. Каждому чину, въ значеніе почетнаго званія, каждой должности, каждому разряду служащихъ указано было особенное мѣсто и опредѣлено было взаимное между ними отношеніе. Но такое соотношеніе степеней ихъ не было опредѣлено строго-юридически закономъ, а основывалось исключительно на бывшихъ примѣрахъ, по старинѣ, ускользавшей иногда изъ общественнаго сознанія и требовавшей, для разрѣшенія возникавшихъ дѣлъ, наведенія справокъ о подобныхъ случаяхъ въ архивныхъ дѣлахъ приказовъ. Табель о рангахъ, заимствованная по своей внѣшней системѣ и наименованію разныхъ чиновъ и должностей изъ иностранныхъ образцовъ, собственно по своему содержанію основной мысли не отличалась рѣзко отъ системы московской, вслѣдствіе чего и наименованію чина, въ его обширномъ значеніи, придавалось то же самое понятіе, какое чинъ имѣлъ и въ прежнее время. Затѣмъ, существенное отличіе Петровскаго законодательнаго акта отъ московской системы заключалось въ томъ, что табелью о рангахъ каждому разряду служащихъ, по отношенію къ другимъ разрядамъ, придано было извѣстное значеніе, дано мѣсто на основаніи уже точныхъ, установленныхъ закономъ, положительныхъ правилъ, съ большею лишь строгостью чинопочитанія и съ распространеніемъ такого почитанія на большее число случаевъ, сравнительно съ московскими порядками.

Табель о рангахъ разсмотрѣна нами съ особенною подробностью въ виду того, что этотъ актъ преобразовательной дѣятельности Петра служитъ, какъ выше замѣчено, основаніемъ всей дѣйствующей и нынѣ системы гражданскаго чинопроизводства, при чемъ отъ извѣстнаго взгляда на эту табель въ ту или иную эпоху установлялось и извѣстное направленіе по чинопроизводству.

L. Объ обязанностяхъ службы шляхетской.

(Изъ „Духовной“ Василія Никитича Татищева).

1. Въ службѣ государю и государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ; такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной, прилежать и государю, яко отъ Бога поставленной надъ тобою власти, честь и повиновеніе отдавать, яко и Господь самъ учитъ: „воздаждь Богу божіе, а царю царево“; апостолъ Павелъ повелѣваетъ—властемъ повиноватися такъ за очи, какъ въ очи, равно какъ самому Богу; Петръ же и то изъясняетъ, еже раби должны повиноватися властемъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. По сему, если случится на тебя гнѣвъ государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ или по неповинному оклеветанію отъ кого терпишь и пріемли со благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе.

Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи; яко тотъ же Павелъ поучаетъ рабовъ: „въ оньже и звани бысте, во единомъ тѣмъ и благодарни бывайте“, и хотя сіи слова апостольскія всякому безъ сумнѣнія принять за законъ непоколебимый должно, ибо словеса ихъ словеса Христовы суть, яко Самъ рекъ: «слушаяй васъ, Мене слушаетъ“, а о твердости словесъ своихъ сказа: „небо и земля мимо идетъ, словеса же Мои не прейдутъ“; однакожъ мы нѣкогда по слабовѣрію нашему лучше на другихъ прикладахъ видимыхъ, нежели на законѣ, утверждаемся и для того я тебѣ въ примѣръ мое собственное искусство представляю. Родитель мой, въ 1704 году, отпуская меня съ братомъ въ службу, сіе намъ накрѣпко наставлялъ, чтобъ мы ни отъ чего, положеннаго на насъ, не отрицались и ни на что сами не назывались, и когда я оное сохранилъ совершенно—и въ тяжчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ, а когда чего прилежно искалъ или отрекся—всегда о томъ сожалѣлъ, равно же и надъ другими то видѣлъ.

Что же вѣрности и ревности въ службѣ государю и государству принадлежитъ, то весьма вѣрно, ибо вѣрно служащіе, какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ опасностямъ и горестямъ подвержены, для того что у всѣхъ плутовъ, хищниковъ и прохотьми преисполненныхъ ненависть, оклеветаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ, какъ мнѣ при Петрѣ Великомъ и нынѣ отъ злодѣевъ приключилось, что я съ великою горестью невинно гнѣвъ ихъ Величествъ терпѣлъ, но правость моя такъ меня очистила, что отъ Его Величества вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго не токмо довольное награжденіе, но и высокую милость чрезъ то оклеветаніе получилъ, а оклеветатели посрамились; и для того въ томъ, не взирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразсудно вѣрность храни и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай, а съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть

монарха уменьшить никогда не согласуй, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ гисторіи нашего государства ясные приклады показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали. Паче жъ всего тайность государя прилежно храни и никому не открывай, а паче женщинъ и лестцовъ хитрыхъ охраняйся, чтобъ нечаянно изъ тебя не вывѣдали, и для того о такихъ дѣлахъ ни съ кѣмъ въ разговоры не вступай, а если кто тебѣ на подобномъ дастъ причину чрезъ разговоръ, то преложи ту рѣчь немедленно въ иной разговоръ превратить, чтобъ къ твоей тайности приближиться не могъ.

2. Разность услугъ шляхетскихъ есть троякое, яко военная, гражданская и придворная, и хотя четвертая есть духовенство, но во оной рѣдко шляхетство употребляется, и то развѣ чрезъ монашество.

Военная услуга намъ, яко шляхетству по природѣ, первая быть должна, въ которую такъ скоро надобно вступить, какъ скоро человѣкъ въ возрастъ придетъ и силу и бодрость въ себѣ ощутитъ; понеже весьма молодому въ великую нужду и безпокойство вдаваться здравію и доброму состоянію опасно, особливо что человѣкъ во младости невоздерженъ и, будучи въ солдатствѣ между подлостью, легко благонравіе и пристойность потерять, а порокамъ прилѣпиться можетъ, и чрезъ то, какъ себѣ, такъ и государству малополезными бываютъ, каковыхъ прикладовъ со жалѣніемъ весьма много видимъ; противно же тому, если кто долго въ домѣ удержится и домашнему обхожденію, а болѣе своевольству привыкнетъ, то ему подъ властію быть, послушаніе и прилежность изъявить, а себѣ произвожденіе пріобрѣсти, весьма трудно является и затѣмъ многіе въ закоснѣніе и негодность приходятъ; для того въ военную службу вступать есть лучшее время отъ 18 до 25 лѣтъ.

Вступя въ службу, хотя храбрость есть наилучшая воину похвала, но неразсудная запальчивость есть самая глупость и не меньше робости, какъ себѣ, такъ и отечеству, вреда приноситъ, и для того нужно весьма того остерегаться, чтобъ какъ свой животъ, такъ и пользу отечеству сохранить и никогда нагло не вырываться, а паче хранить, чтобъ подвластныхъ твоею опрометчивостію не погубить; противно же тому робость есть тягчайшій солдату порокъ и поношеніе, и для того елико возможно надлежитъ посредство хранить, чтобы впредь не вырываться и назади не оставаться; затѣмъ прилежать отъ начальниковъ почтеніемъ и послушаніемъ, а отъ подвластныхъ ласкою и разсужденіемъ, а паче объ нихъ попеченіемъ любовь пріобрѣсти, что тебѣ главнымъ благополучіемъ быть можетъ. Затѣмъ твердо Предтечевы слова въ памяти имѣй, который, яко учитель покаянія, всѣхъ на то призывая, поучалъ прилежати молитвѣ и постомъ смиряти тѣло, но вопросившимъ воинамъ, оное яко трудное и неспособное оставя, рекъ: „никого же обидите, не оклеветавайте и довольни будите своими оброки“.

3. Другая служба шляхетская—есть гражданство. Вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество Петръ Великій, видя, что въ гражданствѣ искуснаго шляхетства, за отлученіемъ въ воинство, не доставало, а изъ подлости и убожества опредѣленные безсовѣстно государство разоряли, четыре весьма изрядныя и государству полезныя учрежденія сдѣлалъ, яко въ коллегіяхъ для обученія гражданскимъ дѣламъ, а для обученія иностраннымъ при всѣхъ россійскихъ министрахъ быть

изъ шляхетства юнкерамъ; другое: въ секретари кромѣ шляхетства не производить; третье: чтобъ въ услуги гражданскія, какъ въ резиденціи, такъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, шляхетству достойныхъ избирать и по большинству голосовъ опредѣлять; четвертое: всѣхъ, довольно въ войскѣ послужившихъ, или для слабостей немогущихъ, повелѣлъ, отставливая, въ гражданство опредѣлять и служащихъ въ зиму въ домы для исправленія ихъ вотчинъ и домовъ отпущать, что хотя съ пользою государственною весьма согласовало, но какъ Его Величество, по волѣ Всевышняго Творца, вскорѣ потомъ (прежде нежели тѣ, якоже другія весьма полезныя учрежденія, частію зачаты, но во употребленіи утверждены не были и частію неначаты остались) отъ временного въ вѣчное царство переселился, такъ скоро безсовѣстные, сребролюбивые для коварнаго самолюбства или незнанія, презрѣвъ отечества своего пользу, разными случаями перво скрытно, а во время малолѣтняго государя и нагло всѣ тѣ благія учрежденія уничтожили и начатыя дѣла разорили, что уже и по вступленіи на престолъ Ея Императорскаго Величества, нынѣ счастливо царствующей государыни, возобновлять стало не безтрудно и такъ остается, доколѣ либо разсужденіе и поступки Петра Великаго тѣмъ двери къ коварствамъ затворятъ. И сіе тебѣ токмо впредь для памяти написалъ; нынѣ же, какъ видимъ, шляхетство опредѣлено всѣмъ отъ младенчества быть въ школахъ и потомъ служить въ войскѣ, доколѣ въ войнѣ за старостію, дряхлостію или піянствомъ неспособенъ явится, или какимъ случаемъ чрезъ пріятелей добьется; таковыхъ въ услугу гражданскую опредѣляютъ; и можетъ ли сіе полезно быть—сего я не разумѣю и разсуждать не могу; но понеже всякъ безспорно сказать можетъ, что гражданская услуга въ государствѣ есть главная, ибо безъ добраго и порядочнаго внутренняго правленія ничто въ добромъ порядкѣ содержимо быть не можетъ и въ ономъ гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ, потребно; для того необходимо нужно всякому градоправителю законы и состояніе своего государства обстоятельно знать и разумѣть, изъ чего можетъ польза и впредь приключиться; что не въ краткомъ времени и не въ старости или въ болѣзняхъ сыскивать должно; и для того, хотя ты въ военную службу опредѣлишься, всегда тебѣ должно въ памяти имѣть, чтобы тебѣ, когда въ гражданство опредѣлишься, знать, какъ о чемъ разсуждать, а особливо у старыхъ разсужденія прилежно слушать, что тебѣ довольно въ память вкорениться можетъ.

По вступленіи въ дѣло, наипаче всего храни правосудіе во всѣхъ дѣлахъ, не льстяся никакою собственною пользою, помня то, что хотящіе обогатиться впадаютъ въ бѣды и напасти, и что неправедное созданіе прахъ есть; и подлинно онымъ хотя не малое время возвеселишься, но совѣстью всегда будешь мучиться и оное богатство весьма непрочно; наипаче въ дѣлахъ государственныхъ ущербъ казнѣ какимъ бы ты образомъ вѣдѣніемъ не учинилъ, конечно невидимо болѣе тебѣ вреда приключится; для того прилежно того хранися, а хотя за трудъ и доброхотство отъ приносящаго взять ни предъ Богомъ, ни предъ государемъ не погрѣшу, яко письмо святое учитъ: служай алтарю отъ алтаря питается; обаче и то мнѣ въ памяти, что мзда и мудрыхъ очи ослѣпляетъ, да не безъизвѣстно же и то, что нѣкоторые безсовѣстные судіи нѣкогда указы о лихоимствѣ на всѣ мздоимства наклоняютъ, токмо они

тѣмъ болѣе сами, нежели мзду взявшіе, душу свою губятъ, ибо лихоимство показуетъ, яко неправо взятое, а мзда дѣлающему по должности, яко и письмо святое повелѣваетъ: „дѣлающему отдаждь мзду безъ умаленія“ и „достоинъ дѣлатель мзды своея“. Мнѣ случилось въ отвѣтѣ противъ доноса Никиты Демидова, въ 722 году, на вопросъ о взяткахъ привести апостольское слово: „дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу“—и оное было дѣло въ верховномъ судѣ, на которое Его Императорское Величество самъ изволилъ отъ меня изъясненія спросить; на что я ему сверхъ объявленнаго доносилъ: въ началѣ судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла; если я, и ничего не взявъ, а противно закона сдѣлаю—повиненъ наказанію, а если изо мзды, то къ законопреступленію присовокупится лихоимство и долженъ сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлаю и отъ праваго возблагодареніе приму, ничѣмъ осужденъ быть не могу; другое: если мзду за трудъ пресѣчь и только мздоимство судить, то, конечно, болѣе вреда государству и разоренія подданнымъ послѣдуетъ; тако я долженъ за получаемое жалованье сидѣть только до полудня, въ которое мнѣ, а послѣ времени на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ не достанетъ, конечно, а послѣ обѣда трудиться моей должности нѣтъ; другое: когда я вижу дѣло въ сумнительствѣ, то я, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не имѣя, буду день ото дня откладывать, а челобитчикъ принужденъ съ великимъ убыткомъ волочиться и всего лишиться; третье: дѣла въ канцеляріяхъ должны рѣшаться по регестрамъ порядкомъ, и случается то, что нѣсколько дѣлъ весьма ненужныхъ впереди, а послѣднему по регестру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытка понести, что купечеству нерѣдко случается; и тако отъ праваго порядка можетъ болѣе вреда быть; а если я вижу, что мой трудъ не туне будетъ, то я не только послѣ обѣда, и ночью потружуся, для того карты, собакъ, обѣды или прочія увеселенія оставлю и, не смотря на регистеръ, нужнѣйшее прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ и просителямъ пользу принесу и за мзду взятую отъ Бога и Вашего Величества по правдѣ сужденъ быть не могу. На что Его Величество изволилъ сказать: сіе все правда и для совѣстныхъ людей невинно; токмо не безъ опасности безсовѣстнымъ позволить, чтобъ подъ тѣмъ доброхотнымъ принужденнаго не было. На что я донесъ, еже лучше виннаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить.

Сіе тебѣ довольно показываетъ, чтобъ ты прилежалъ наипаче всего о правосудіи, а притомъ еще храниться гордости, что у нѣкоторыхъ людей и лицо челобитчикамъ въ честь показывается, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему добрый совѣтъ, или наставленіе и помощь; для чего у меня никогда, хотя бы на постели лежалъ, двери не затворялись и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ о себѣ докладчикъ былъ и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся, ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великій вредъ отвратить; третье: весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены,

холопи или ввѣрившіеся пріятели судами торговали и, когда онъ въ отвѣтъ или судъ впалъ, то оные лестцы ему насмѣхались.

Наипаче всего хранися секретарей и подьячихъ, подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили; ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ и для того хотя нѣкогда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ посторонних, или тоже самое токмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что пополнить, да пристойное, чтобъ не думали, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать.

Наилучшій же способъ тому, кто дѣла разобрать по законамъ не можетъ, соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; если не склонятся, то неоднова людей искусныхъ въ законахъ въ совѣтъ призвать; токмо того храниться, чтобъ въ оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся и для того непотребно имена объявлять, если дѣло не всѣмъ извѣстное.

Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, если товарищъ безсовѣстный, сребролюбивый и коварный, или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести, и для того тебѣ своихъ сосѣдателей главныхъ, или подчиненныхъ, довольно надобно сначала искусить и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобы ты впредь не легко могъ обмануть быть; однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно удерживайся и подчиненныхъ сначала увѣщаваніями и разговоры прилежи отъ безпорядковъ удержать, потомъ словесно наединѣ, или, когда безстыденъ, при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія, отвращай, а жаловаться на подчиненныхъ не очень прилично.

4. Придворная услуга должна бы быть въ порядкѣ первая, для того что имя у насъ дворянинъ отъ придворности произошло; другое, что въ сіи чины выбираются люди знатнѣйшіе и богатые, для того, чтобъ ихъ убранствами могли двору великолѣпіе придавать; третье, чтобъ они по близости къ лицу императорскому болѣе другихъ милости и награжденія чинами и имѣніями получали; они жъ къ предстательству и оскорбленію или оклеветанію отдаленныхъ довольный способъ, а за то, какъ отъ любви, такъ и за страхъ, почтеніе у людей имѣютъ. Но Петръ Великій, который великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вмѣнялъ и въ рангахъ ихъ не токмо на концѣ, но и весьма низки положилъ, и у него оные весьма въ презрѣніи были, а лучше сказать, что никого не было, но для лица токмо камергерскій чинъ генералъ-адъютанты носили, а денщики за пажей и камеръ-юнкеровъ служили; нынѣ же оные рангами, жалованьемъ и другими преимуществы пожалованы, что въ единой волѣ монаршеской состоитъ и намъ до того не касается, токмо я, взирая на ихъ строптное житіе и обхожденіе, никогда бъ тебѣ онаго искать не совѣтовалъ, понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть едва не всѣмъ ли добродѣтелямъ предходятъ, а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, не смотря на то, что, губя невинныхъ, сами вскорѣ судомъ божескимъ погибнутъ; но сіе не мни, чтобъ генерально и они сіе злодѣяніе за добродѣтели почитали,

но суть нѣкоторые того неистовства сущіе злодѣи и если не сильны, то хотя политикѣ придворной не прилѣпляются, однако отъ другихъ терпѣть посмѣяніе принуждены бываютъ; и для того, кромѣ повелѣнія монаршескаго, никакъ сего чина не ищи и никакими тутъ благополучіи не льстится; если же въ то призванъ будешь, прилежи о томъ, чтобъ представить себя государю вѣрнымъ и прилежнымъ рабомъ, товарищамъ—добрымъ другомъ, а страждущимъ—помощникомъ и заступникомъ и если добро сдѣлать не можешь, то по малой мѣрѣ покажи привѣтливость и сожалѣніе о нихъ.

LI. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ — ВОЕННЫЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬ.

(Изъ соч. Бобровскаго: „Военное право въ Россіи при Петрѣ В.“, часть 2-я)

Въ постановленіяхъ Петра I, которыя относятся къ періоду войны съ 1705 по 1712 г., отъ сидѣнія арміи въ Гроднѣ до завоеванія Лифляндіи, виденъ полководецъ, знающій цѣну и времени, и точности и быстротѣ, виденъ самостоятельный законодатель, хорошо знакомый съ состояніемъ военно-уголовныхъ законовъ на западѣ, виденъ строгій судья, который не даетъ пощады виновнымъ, безъ различія ихъ чиновъ, но который, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣетъ быть снисходительнымъ, помня заслуги подсудимаго, оказанныя государству. Строго карая виновныхъ, Петръ Великій заботится и о хорошемъ содержаніи, и о довольствіи войскъ; здѣсь его предусмотрительность, какъ бережливаго хозяина, доходитъ до мелочей. Устраивая денежное и кормовое довольствіе войскъ на новыхъ основаніяхъ, онъ заботится, чтобы опредѣленное отъ казны доходило въ исправности и во-время къ войскамъ, и безъ всякаго милосердія преслѣдуетъ злоупотребленія. Виновные предаются военному суду, который обязанъ въ своемъ постановленіи опредѣлить способъ возврата всякой казенной вещи, пришедшей въ негодность, или испорченной, или потерянной отъ небрежности солдата, или же отъ дурного за нимъ надзора офицера. На солдатъ своихъ офицеры должны смотрѣть такъ, какъ родители смотрятъ на своихъ дѣтей; поэтому они обязаны съ отцовскою попечительностью заботиться о нуждахъ солдата: какъ дѣти повинуются своимъ родителямъ безъ сопротивленія, такъ и солдаты должны быть послушны офицерамъ и всю надежду полагать на нихъ, подобно тому, какъ дѣти полагаются на отцовъ своихъ, которые ихъ содержатъ, воспитываютъ, кормятъ и удовлетворяютъ всѣ ихъ нужды. Эти мудрыя правила Петра Великаго, высказанныя уже послѣ изданія Устава Воинскаго, не получили надлежащаго развитія въ быту русскаго войска; напротивъ, подобно тому, какъ было на Западѣ, особенно въ Пруссіи, въ отношеніяхъ между офицерами и солдатами легла цѣлая бездна.

Петръ Великій, до 17-ти лѣтъ, былъ пылкимъ, любознательнымъ юношею, много уже испытавшимъ и много видѣвшимъ около себя; въ немъ рано пробудилось стремленіе къ самообразованію, которое, по самой обстановкѣ его первоначальныхъ занятій и упражненій, приняло чисто практическое направленіе. Отъ скромныхъ занятій потѣхами и

постройкою укрѣпленій, отъ упражненій въ караульной службѣ, въ качествѣ часового, Петръ I постепенно переходитъ къ другимъ работамъ практическаго свойства: изучаетъ кораблестроеніе, знакомится со службою въ строю, съ обязанностями капрала, офицера. Настоящая же практическая военная школа для Петра I начинается съ 17-ти лѣтняго возраста, послѣ его женитьбы, послѣ сближенія его съ Гордономъ и особенно съ Лефортомъ. Послѣдній становится на нѣкоторое время его руководителемъ. На плацу и на маневрахъ Петръ получаетъ сознательное представленіе о совокупномъ дѣйствіи войскъ, изучаетъ правила прицѣльной стрѣльбы. Подъ Азовомъ въ немъ развиваются высшія познанія о способѣ веденія войны. Рядомъ съ развитіемъ понятія о военномъ дѣлѣ, въ Петрѣ, вслѣдствіе общенія въ Нѣмецкой слободѣ со свѣдущими политиками, финансистами, купцами, расширяется кругозоръ познаній о государствѣ, о политическихъ отношеніяхъ, о финансахъ, о торговлѣ и т. п. Здѣсь же, въ слободѣ, приковывается сочувствіе Петра къ скромной обстановкѣ семейной жизни разсчетливыхъ, экономныхъ иностранцевъ. Но всего пріобрѣтеннаго путемъ самообразованія еще слишкомъ мало для Петра. Онъ самъ это чувствуетъ, видитъ, сознаетъ, и его увлекаютъ въ Европу не столько заманчивые разсказы Лефорта о превосходствѣ иноземныхъ порядковъ, о превосходствѣ цивилизаціи, сколько собственно его убѣжденіе, что русскому человѣку даны такія же руки, глаза и способности, тѣ же нравственныя начала, какъ и людямъ другихъ націй, которымъ все это дано для развитія ума, для самоусовершенствованія. „Почему же мы не должны имѣть, — говоритъ царь боярамъ, посылая ихъ дѣтей въ науку,—умъ развитый? почему же мы только не достойны науки, облагораживающей всѣхъ прочихъ людей? Нѣтъ, у насъ такой же умъ, мы можемъ такъ же успѣвать, какъ и другіе“.

Первое путешествіе Петра въ Европу было вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ для дальнѣйшаго образованія его любознательнаго, пытливаго ума. Въ Голландіи, Англіи, въ Вѣнѣ Петръ I развивается въ гиганта, способнаго своимъ орлинымъ взглядомъ проникнуть во всѣ сферы знаній, во всѣ отрасли управленія; по фактамъ и явленіямъ быстро постигать причины, а изъ ряда причинъ комбинировать слѣдствія и быстро переходить къ принятію мѣръ рѣшительныхъ, безповоротныхъ. Громадному уму Петра соотвѣтствуетъ и въ высокой степени развитая воля, для которой нѣтъ препятствій, если задуманное клонится ко благу отечества.

Великій человѣкъ выростаетъ въ глазахъ современниковъ по мѣрѣ развитія препятствій на пути его дѣятельности. Такимъ именно видимъ мы 27-лѣтняго Петра по возвращеніи его изъ-за границы. Жестокое наказаніе постигаетъ стрѣльцовъ, стремившихся вмѣстѣ съ другими злоумышленниками посѣять смуту въ государствѣ; 16 другихъ полковъ раскассированы, какъ войско ни къ чему негодное; стрѣльцы обращены въ посадскихъ, значительная часть солдатъ обращена къ хлѣбопашеству; тѣ и другіе въ такомъ состояніи болѣе полезны для государства, чѣмъ съ оружіемъ, которое они носить или недостойны, или не могутъ. Петръ I предпочитаетъ имѣть небольшую, но хорошо устроенную армію; ему нужны офицеры образованные, солдаты, знающіе свое дѣло и способные повиноваться. Съ 1699 г. уже задуманъ

имъ планъ преобразованій всей военной системы и тѣсно съ нимъ связаннаго административнаго устройства и финансоваго управленія государства. Началомъ выполненія громаднаго плана слѣдуетъ признать устройство войска. Преобразованіе войска и великая Сѣверная война должны были развить въ Петрѣ еще двѣ сферы познаній: военнаго законодательства и военнаго искусства. Мы знаемъ Петра Великаго, какъ полководца. Но Петръ былъ также и русскимъ военнымъ законодателемъ. Онъ отдѣлилъ войско отъ народонаселенія не только наружно—посредствомъ строя, вооруженія и одежды, т. е. объективно, но внутреннимъ образомъ, субъективно; его постоянное войско, въ цѣломъ составѣ, есть самостоятельное состояніе людей съ призваніемъ къ военному ремеслу, къ военному дѣлу, къ военному искусству, къ военной наукѣ. Военное состояніе, какъ и каждое состояніе въ государствѣ—духовное, гражданское, должно имѣть свою особенную военно-законодательную систему—„военное право“. Этимъ правомъ опредѣляются особенности войскового быта, права и обязанности военно-служащихъ по отношенію къ государству, отношенія ихъ къ прочимъ сословіямъ въ государствѣ, отвѣтственность ихъ за нарушенія воинскихъ служебныхъ обязанностей и т. д. Сначала Петръ I знакомится съ военно-уголовными законами западной Европы посредствомъ переводовъ на русскій языкъ разнаго рода „военныхъ правъ“—нѣмецкаго, голландскаго, датскаго, саксонскаго, англійскаго, французскаго; надо думать, что Петръ ознакомился также и съ военнымъ кодексомъ Людовика XIV, который изданъ въ 1709 году. О признаніи Петромъ недостаточности русскихъ военно-уголовныхъ законовъ не можетъ быть сомнѣнія, если вспомнимъ о данныхъ имъ самимъ задачахъ Вейде, Брюссу, Виниусу и проч. Несомнѣнно, что послѣ Полтавы (при Переволочнѣ) въ 1709 году и при сдачѣ Выборга въ 1710 г. въ его руки попали шведскій генералъ-аудиторъ Штеръ и болѣе двадцати аудиторовъ; послѣ составленія штатовъ и устройства части коммиссаріатской, и установленія раціональнаго способа продовольствія войскъ, согласно регламенту кригсъ-коммиссаріату, послѣ созданія правительствующаго сената, когда обречена была на сломку вся приказная система и уже намѣченъ былъ планъ коллегій, Петръ I находилъ въ военномъ устройствѣ все подготовленнымъ настолько, чтобы ввести единство въ военныхъ законахъ и порядокъ въ отправленіи правосудія, чѣмъ собственно только и могло завершиться устройство „военнаго быта“ въ государствѣ. Временные законы, выходившіе при разныхъ условіяхъ, должны были уступить мѣсто военнымъ законамъ „постояннымъ“, которые обработаны людьми знающими, провѣрены въ собраніи сенаторовъ и разсмотрѣны и одобрены Петромъ съ тѣми измѣненіями и дополненіями, какія онъ находилъ нужнымъ сдѣлать. И онъ могъ самостоятельно дѣлать эти улучшенія. Для флота онъ еще въ 1710 году „выправилъ морскія права“; тоже сдѣлалъ и съ „Артикуломъ Воинскимъ“, чему доказательствомъ служитъ сохранившаяся рукопись съ поправками и помѣтками Государя; „выправивъ“ слогъ, а нѣкоторыя мѣста и по существу, царь отдавалъ въ печать.

Въ 1715 году, 25 апрѣля, вышелъ изъ с.-петербургской типографіи „Артікулъ Воінскіи купно съ процессомъ“, на русскомъ языкѣ: рукопись съ собственноручными поправками Петра I хранится въ витринѣ главнаго штаба; 16 ноября того же 1715 г., изъ той же типографіи

вышло второе изданіе „Артікула", но безъ процесса, на русскомъ и нѣмецкомъ (Krieges Articuln) языкахъ.

Въ томъ же 1715 году шла усиленная работа въ сенатѣ подъ обработкою „Устава Воінскаго и должности генераловъ, фелтъ-маршаловъ, и всего генералітета, и протчіхъ чиновъ, которые при войскѣ надлежатъ быть и о иныхъ воінскіхъ дѣлахъ и поведеніяхъ, что каждому чініть должно". Этотъ именно „Уставъ Воинскій", составляющій въ позднѣйшихъ изданіяхъ первую часть „Устава Воинскаго", весною 1716 года посланъ изъ сената къ царю въ Гданскъ (Данцигъ), гдѣ утвержденъ имъ 30 марта 1716 года и обнародованъ при собственноручномъ царскомъ манифестѣ. Подлинная рукопись „Устава", на одномъ русскомъ языкѣ, хранится въ библіотекѣ главнаго штаба. Но какъ въ то время въ русской службѣ значительная часть офицеровъ и начальниковъ состояла изъ иноземцевъ, поэтому „Уставъ Воинскій" былъ немедленно переведенъ на нѣмецкій языкъ и напечатанъ въ С.-Петербургѣ.

Въ экземплярѣ, изданномъ 15 мая 1717 года на обоихъ языкахъ, четныя (лѣвыя) страницы на русскомъ, нечетныя (правыя)—на нѣмецкомъ. Всѣ три части „Устава Воинскаго" отпечатаны вмѣстѣ на одномъ русскомъ языкѣ въ одной книгѣ, въ первый разъ, можетъ быть, въ 1716 году. Въ 1719 году вышло второе изданіе — одно на русскомъ языкѣ, другое—на русскомъ и нѣмецкомъ. Въ виду рукописныхъ оригиналовъ, хранящихся въ главномъ штабѣ, о существованіи которыхъ иностранцы, пишущіе о законахъ Петра Великаго, не подозрѣваютъ, „Артикулъ Воинскій", никакъ нельзя считать простымъ переводомъ съ какого-то нѣмецкаго артикула, нигдѣ не существующаго, напротивъ, это была работа многихъ лѣтъ, надъ которой пришлось думать самому Петру I и его сотрудникамъ.

Оттого-то „Артикулъ Воинскій" представляется кодексомъ, впитавшимъ въ себя юридическія нормы не только шведскаго оригинала, но и датскаго, голландскаго и бранденбургскаго кодексовъ, и мысли (толкованія) нѣмецкихъ комментаторовъ, а также и французскаго воинскаго кодекса Людовика XIV.

Итакъ, законы, служившіе матеріаломъ для „Устава Воинскаго" во всѣхъ его трехъ частяхъ, переводимые сначала на русскій языкъ, дополнялись оригинальными статьями, а затѣмъ весь матеріалъ получалъ систематическую обработку по указаніямъ Петра I, имъ прочитывался исправлялся и поступалъ въ печать. И несмотря на то, что главнымъ матеріаломъ служило военное законодательство различныхъ европейскихъ государствъ, „Уставъ Воинскій" въ каждой части представляется оригинальнымъ, а не копіей законовъ одного какого-либо государства. Это вполнѣ выясняется изъ сличенія текста русскихъ законовъ съ текстомъ законовъ всей Европы въ началѣ XVIII вѣка.

LII. ИЗЪ ВОИНСКАГО УСТАВА.

Божьею милостью, мы, Петръ Первый, Царь и Самодержецъ всероссійскій и проч. и проч.

Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ блаженной и вѣчной памяти достойный родитель нашъ учредилъ регулярное войско въ 1647 г. Въ то-же время изданъ былъ воинскій уставъ, которымъ войско наше приведено было въ хорошее состояніе. Доказательствомъ тому служатъ славныя дѣла въ Польшѣ. Благодаря такому только состоянію войска, была покорена почти вся Польша, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможно было веденіе войны со Швеціею.

При усиливавшемся вліяніи свѣта науки военное дѣло, однако-же, не только не улучшалось, но приходило въ состояніе чуть-ли не худшее. Войско наше не могло стать въ ровень съ войсками не только цивилизованныхъ странъ, но и странъ дикихъ, силу которыхъ сломить весьма легко. Свѣжа память, какъ недавно еще войска наши не съумѣли противостать врагу (не говоря о Чигиринѣ и Крымскихъ походахъ) какъ въ войнѣ съ Турками, такъ и позже, въ битвѣ при Нарвѣ.—Условія измѣнились впослѣдствіи, когда войско приведено было въ надлежащее состояніе. Оно при помощи Божьей совершило великія дѣла и показало громадный успѣхъ въ столкновеніи съ славнымъ и цивилизованнымъ народомъ; а это, какъ понятно каждому, произошло единственно благодаря хорошей дисциплинѣ, заведенной въ немъ.—Очевидно, все недисциплинированное и дикое достойно осмѣянія, и понятно, что отъ обычаевъ дикарей ничего путнаго ожидать нельзя.

Въ виду указаннаго, мы сочли за благо издать воинскій уставъ, опредѣляющій обязанности каждаго чина. Никто не въ правѣ отказываться невѣдѣніемъ того, что усиліями нашими составлено.

Въ издаваемомъ уставѣ излагается вкратцѣ все существенное, имѣющее отношеніе къ волонтерамъ, къ артиллеріи, къ кордерезерву, къ бригадѣ, къ корволанту, къ арміи, къ генераламъ и къ штабу при нихъ, къ коммиссаріатству, къ коммендантамъ. Здѣсь указывается, какими мѣрами и средствами слѣдуетъ и можно охранять интересы монарха, и говорится обо всемъ, весьма существенномъ для жизни войска.

ГЛАВА 49.

О поединкахъ и начинаніи ссоры.

1. Всѣ штабъ-и оберъ-офицеры кавалеріи и инфантеріи и вообще всѣ военные чины должны пребывать въ любви, мирѣ и согласіи. Каждый чинъ обязанъ относиться съ должнымъ уваженіемъ къ другому. Подчиненные обязаны повиноваться начальствующимъ, младшіе—старшимъ. За нарушеніе этихъ правилъ виновный подвергается наказанію сообразно со степенью проступка содѣяннаго.

2. Всякій, потерпѣвшій обиду словомъ или дѣломъ, обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія военнаго суда и искать удовлетворенія. Искъ со стороны потерпѣвшаго долженъ быть принимаемъ и удовлетвореніе должно быть воздано сообразно содѣянной обидѣ.—Виновный подвер-

гается строгому наказанію: или аресту, или увольненію (исключенію?) отъ службы, или тѣлесному наказанію; или онъ наказывается вычетомъ жалованья на извѣстное время. Такъ, напр., за оскорбленіе словомъ *шельмой* и т. п. виновный подвергается заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ, а по освобожденіи онъ обязанъ, на колѣняхъ стоя, просить прощенія у потерпѣвшаго. Если виновный—офицеръ, то онъ лишается, сверхъ сего, жалованья на все время нахожденія въ заключеніи.

3. Виновный въ нанесеніи ударовъ рукой подвергается трехмѣсячному заключенію и лишается жалованья на шесть мѣсяцевъ. Сверхъ сего, виновный обязанъ, по освобожденіи, просить на колѣняхъ прощенія и быть готовымъ принять оскорбленіе, равное тому, какое нанесено было имъ; или онъ лишается чина временно, или навсегда, смотря по тяжести вины.

4. Виновный въ нанесеніи ударовъ палкою обязанъ просить прощенія въ ожиданіи полученія удара-же; лишается жалованья на годъ, или исключается со службы; а иностранецъ изгоняется безъ паспорта.

5. Виновный въ выраженіи (даже заочномъ) угрозъ нанести побои обязанъ просить прощенія и лишается жалованья на три мѣсяца.

6. Въ виду того, что скорое рѣшеніе суда можетъ служить средствомъ предупрежденія множества проступковъ и преступленій, предписывается судьямъ, особенно предсѣдателю суда и губернатору, вершить дѣла въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль; въ срокъ, не превышающій шести недѣль, дѣло должно быть рѣшено во что-бы ни стало подъ страхомъ наказанія—вычета изъ жалованія на время, равное просроченному.

7. Штрафныя деньги, получаемыя отъ замедленія рѣшеній, какъ и прочія штрафныя деньги, поступаютъ въ пользу гошпиталя.

8. Потерпѣвшій, виновный въ недонесеніи объ оскорбленіи, подвергается такому-же наказанію, какъ и обидчикъ, если не состоялось предварительно примиренія.

9. Какого-бы рода ни было оскорбленіе чести, оно умалено быть не можетъ и снисхожденія не заслуживаетъ, а потому наказно должно быть. Тотъ, кто дѣлаетъ упреки оскорбленному въ томъ, что оскорбленіе было нанесено, подвергается такому-же наказанію, что обидчикъ.

10. Всякій военный чинъ, бывшій свидѣтелемъ оскорбленія словомъ или дѣломъ, или узнавши о нанесеніи оскорбленія какимъ-либо путемъ, обязанъ довести о случившемся до свѣдѣнія военнаго суда. Въ противномъ случаѣ онъ подвергается наказанію наравнѣ съ обидчикомъ. Во избѣжаніе самоуправства и саморасправы, всякій долженъ быть увѣренъ, что найдетъ удовлетвореніе каждый разъ и что попустительства быть не должно.

11. Виновный въ нарушеніи закона и вызывающій за оскорбленіе на поединокъ не только не найдетъ удовлетворенія, но лишается чиновъ и званія и сверхъ того подвергается штрафу, смотря по степени виновности, въ размѣрѣ десятой, шестой или третьей части всего имущества.

12. Такому-же наказанію подвергается и тотъ, кто принимаетъ вызовъ на поединокъ. Представляющій письменный вызовъ суду не подвергается наказанію; но если о вызовѣ дойдетъ до свѣдѣнія суда помимо вызваннаго, то послѣдній подвергается наказанію наравнѣ съ вызвавшимъ.

13. Такому-же наказанію подвергается и тотъ, кто передаетъ (доставляетъ) вызовъ; равнымъ образомъ, и секунданты или свидѣтели и тѣ, кои о предстоящемъ поединкѣ были извѣщены и не увѣдомили о томъ своевременно, кому слѣдуетъ. Ежели передатчикомъ вызова былъ слуга, а послѣдній узналъ о содержаніи письма, то онъ наказывается шпицрутенами.

14. Ежели оба противника сошлись на поединокъ и успѣли обнажить шпаги, то они подвергаются смертной казни вмѣстѣ съ секундантами, хотя смерти или пораненія одного изъ противниковъ и не послѣдовало. Имущество ихъ конфискуется. Но если поединокъ остановленъ не постороннею силою, а самими противниками, то они подвергаются только большому штрафу, по усмотрѣнію суда.

15. Ежели отъ состоявшагося поединка послѣдуетъ смерть или пораненіе, то виновные подвергаются смертной казни черезъ повѣшеніе, какъ убитые, такъ и живые.

16. Виновный не избѣгаетъ наказанія и въ томъ случаѣ, если поединокъ происходилъ внѣ лагеря или крѣпости, въ другомъ мѣстѣ, даже въ другомъ государствѣ.

17. Дабы никто не отговаривался невѣдѣніемъ закона, мы повелѣваемъ это уложеніе оповѣстить по гарнизонамъ и лагерямъ, по всѣмъ губерніямъ; прибить въ различныхъ мѣстахъ и дать каждому полковнику.

ГЛАВА 50.

О военномъ совѣтѣ и о судѣ, нетерпящемъ отлагательства.

1. Военные совѣты и суды учреждаются двоякаго рода: высшіе и низшіе. Высшему совѣту подлежатъ рѣшенія дѣлъ большей важности или такихъ, которыя касаются полковъ. Высшій судъ учреждается надъ генералами и надъ офицерами штаба. Въ этомъ судѣ засѣдаютъ генералы, бригадиры, иногда и полковники. Дѣла меньшей важности или дѣла, имѣющія отношеніе къ данному полку, рѣшаются въ низшемъ совѣтѣ, а низшему суду подсудны дѣла, касающіяся проступковъ и преступленій оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Судъ этотъ производится обыкновенно въ крѣпости у губернатора или коменданта, а во время войны у полковника полка. Представителемъ суда назначается полковникъ, или подполковникъ, или майоръ; а въ качествѣ остальныхъ членовъ суда назначаются два капитана, два поручика, два прапорщика, два сержанта, два карпорала (капрала); сверхъ того, два или четыре рядовыхъ. Въ качествѣ ассесора назначается авдиторъ. Предсѣдатель занимаетъ первое мѣсто, а прочіе офицеры садятся по чинамъ. Авдиторъ садится на послѣднемъ мѣстѣ, а иногда по лѣвую сторону предсѣдателя, чтобы удобнѣе слѣдить за бумагами. Унтеръ-офицеры и рядовые должны стоять.

2. Когда подсудимый будетъ введенъ, авдиторъ снимаетъ съ него допросъ, по окончаніи котораго его удаляютъ. Затѣмъ отбираются голоса, начиная съ младшаго. Большинствомъ голосовъ произносится приговоръ. Всѣ ассесоры, призванные къ суду черезъ полкового адъютанта, должны трезвыми являться рано. Не потворствуя и не увлекаясь пристрастіемъ въ чью-либо пользу, они должны говорить сущую правду по

своей совѣсти, какъ передъ Богомъ. Какъ генералы, такъ и офицеры должны судить справедливо, нелицемѣрно и нелицепріятно каждаго, какого бы званія и положенія ни былъ подсудимый. Судьями не можетъ быть допускаемо уменьшеніе вины подъ страхомъ такого наказанія, которое должно было-бы быть примѣнено къ подсудимому. Каждое преступленіе подводится подъ соотвѣтствующій параграфъ уложенія о наказаніяхъ. Никто не подвергается наказанію безъ суда и надлежащаго предписанія.

Всѣ рѣшенія суда, вершаемыя надъ штабъ-и оберъ-офицерами, отправляются ежегодно въ военный коллегіумъ, гдѣ дѣламъ ведется реестръ.

3. Осужденный за преступленіе къ смертной казни выводится передъ полкомъ, въ присутствіи котораго по адъютантской командѣ карпоралъ отбираетъ у преступника ружье и снимаетъ мундиръ, а затѣмъ передается въ руки палача для приведенія приговора въ исполненіе.

Предсѣдатель суда долженъ имѣть на столѣ обнаженную шпагу и бѣлый посохъ (символъ невинности и кары за преступленіе). Если приговоръ къ смертной казни состоялся, то надѣваютъ на преступника кандалы въ то время, когда приговоръ будетъ закрѣпляться подписями.

4. Нетерпящій отлагательства судъ производится надъ тѣмъ, кто во время похода совершитъ предумышленное преступленіе противъ воинскихъ постановленій. Уличенный на мѣстѣ преступленія преступникъ безъ всякихъ допросовъ и формальностей судейскихъ подвергается (послѣ исповѣди священника) смертной казни черезъ растрѣляніе или повѣшеніе.

5. Въ виду того, что всякое рѣшеніе справедливѣе бываетъ вслѣдствіе обсужденія его многими, мы повелѣваемъ, чтобы среди генералитета, а равнымъ образомъ въ полкахъ дѣла рѣшались по предварительному совѣщанію; чтобы ничего не было упущено, что можетъ служить для пользы дѣла.

LIII. Слово похвальное о флотѣ россійскомъ и о побѣдѣ галерами россійскими надъ кораблями шведскими, іуліа 28 дня полученной.

(Проповѣдано въ царствующемъ Санктпетербургѣ при присутствіи Царскаго Пресвѣтлаго Величества и всего синклита. Септемврія 8 дня 1720 г.).

Продолжаетъ Богъ радости твоя, о Россіе! и данная тебѣ благополучія новыми и новыми благополучіи дополняетъ. Тотъ годъ прошелъ безъ викторіи твоея, въ который не понудилъ тебя непріятель обнажити оружія. Аки бы рещи: тогда намъ жатва не была, когда они не сѣяли. Не вспоминая прежнихъ, въ прошломъ году, когда крыемое долго сосѣдъ нашихъ немиролюбіе явѣ откровенно стало, кіе плоды пожалъ мечъ россійскій, видѣли мы съ радостію, видѣли они съ великимъ своимъ плачемъ и стенаніемъ. Лѣто нынѣшнее было, повидимому, въ нечаяніи новыхъ славы прибылей, понеже корабельный флотъ смотрѣ-

ніемъ политическимъ удержанъ, изъ гавани не выходилъ, и се надъ чаянія прилетаетъ къ намъ, 6-го дня Іюня, вѣсть радостная счастливаго нашихъ воевъ дѣйствія съ немалою непріятеля утратою. Еще же вѣдомость тая, почитай, говорити не перестала, и се летитъ другая и гласитъ намъ викторію, въ 26 день Іулія полученную. Се уже предъ очима нашима и плоды ея доволніи, взяты фрегаты и воинство и аммуниція, честный и богатый плѣнъ. Продолжаетъ воистину и умножаетъ Богъ радости твоя, о Россіе!...

Какъ же умолкнемъ тако обрадованніи? какъ умолчимъ о семъ? Развѣ были бы добра нашего не любители, и добра того подателю Богу неблагодарни. Но что предложимъ, что скажемъ нынѣ, дабы слово было и сему благополучію прилично, и намъ не безполезно? Два усмотрѣваю, бесѣды и разсужденія достойная: первое—милостивое къ намъ Божіе смотрѣніе, таковыхъ воднымъ викторій виновное, т. е., что благовременнѣ подвигнулъ Богъ державнѣйшаго Государя нашего по устроенію морского флота: второе, присмотрѣтися собственно лицу викторіи сея. Въ первыхъ, яко собственно было Божіе смотрѣніе, когда воспламенися царево сердце къ воднымъ судамъ, тоже и ко устроенію флота великаго, явѣ показуется отсюду, яко охота тая въ сердцѣ его родилась отъ малаго случая, отъ обрѣтенія нѣкоего ботика обетшалаго, о чемъ пространнѣе любопытный увидитъ въ предисловіи морского регламента. Не слышалъ монархъ въ младости своей пространныхъ о морскомъ плаваніи повѣстей, не наводилъ его ко охотѣ сей никто ученіемъ, совѣтомъ, предложеніемъ многихъ нуждъ: хотя бы и такъ было, и то было бы не безъ смотрѣнія Божія, безъ него-же ничто-же бываетъ: но было бы то смотрѣніе обычное. А что безъ таковыхъ явныхъ причинъ и поводовъ дѣется, еже мы нарицаемъ случаемъ, то дѣется собственнымъ и чрезобычайнымъ Вышняго смотрѣніемъ. Что мы бо нарицаемъ случаемъ, случай намъ есть, понеже безъ нашего намѣренія и чаянія стается, но у Бога не случаю есть, безъ его же воли и опредѣленія ниже малая птица падаетъ... Аще же тако о Божіи смотрѣніи мудрствовати долженствуемъ и въ случаяхъ всякаго человѣка, кольми паче въ случаяхъ, царемъ бываемыхъ, на нихъ бо состояніе всего отечества виситъ, и смотрѣніе Божіе сердца ихъ управляющее, есть общее ко всему народу смотрѣніе. Того ради и собственно о нихъ глаголетъ Премудрый: *сердце царево въ руцѣ Божіей*. И отъ сего извѣстно, что случай оный найденнаго ботика былъ по собственному Божію смотрѣнію. И зри, какъ премудрый Богъ, который являетъ силу свою въ малыхъ и не сущихъ вещехъ, и здѣ подобнѣ сотворилъ...

(Далѣе проповѣдникъ указываетъ на то, что Божій промыселъ явно сказывается въ томъ, что Петръ заботился о заведеніи флота, когда еще въ немъ явной надобности не видѣлось).

„Удивило себе еще Божіе смотрѣніе,—продолжаетъ проповѣдникъ,—подая сердцу Монаршему неусыпное тщаніе и благословя дѣло сіе дивнымъ благопоспѣшествомъ, такъ, что и лютая, и еще тогда намъ тажкая война не могла сдѣлати препятія, и воевано, и строено подобнѣ, какъ о Іудеяхъ, Іерусалимъ по возвращеніи Вавилонскомъ созидающихъ пишется: *единою рукою своею творяху дѣло, а другою держаху мечъ*".

Но се паче всего дивнѣйшее есть: возбужденный къ дѣлу сему монархъ недоволенъ прилежнымъ своимъ попеченіемъ и тщаніемъ, не-

доволенъ ученіемъ подданныхъ своихъ, самъ корабельной Архітектурѣ, еще и то мало, самъ Архітектуры тоея древодѣлію учитися потщался, отложивъ весь покой, воспріявъ трудную и не безбѣдную перегринацію. Образъ, въ свѣтѣ еще не слыханный! А гдѣ ужъ оніи Римскіи Квінтіи и Фабрикіи, которымъ удивляются історики, что, бывше на время Діхтаторы, не возгнушалися паки трудитися въ земледѣліи? Помрачилъ славу ихъ Петръ, который купно и скипетръ, и мечъ, и древодѣльная орудія носитъ, не уродъ тѣломъ, дивенъ дѣломъ, многоручный нарещися достоинъ.

Кто всего сего смотрѣнію Божію не воспишетъ, тотъ смотрѣнію быти не довѣряетъ.

Мы же, познавше съ предложеннаго разсужденія, яко нарочитое и собственное къ дѣлу сему было смотрѣніе Божіе, еще посмотримъ, какъ тое смотрѣніе милостивое есть къ роду Россійскому, а сіе познаемъ съ превеликія пользы, которую отечеству нашему флотъ морской подаетъ.

Суесловіе есть, есть ли не безуміе нѣкіихъ стіхотворцевъ, которіи такъ плаванія воднаго ненавидятъ, что и первыхъ того изобрѣтателей проклинаютъ. Обычно господа оніи вымыслы своя нарицаютъ нѣкіимъ восхищеніемъ, или восторгомъ, да часто имъ въ восторгахъ своихъ недоброе снится. Охуждаютъ навигацію, да плодовъ ея не отметаютъ. Подобнѣ они же страховъ воинскихъ, правительскихъ попеченій и судебныхъ трудовъ не любятъ, и вельми похваляютъ покой житія сельскаго, а не разсуждаютъ того, что покой сей безъ воинскихъ, правительскихъ и судебныхъ непокоевъ быти не можетъ.

Противное намъ показуетъ самый здравый разумъ, созданія Божія разсуждающій.

Да разсудитъ всякъ, къ чему толь пространная поля водная, моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ? къ питію ли? довлѣли ли бы на сіе рѣки и источники, а не толикое водъ множество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питію человѣческому весма неугодное. Сія того вина есть (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Великій въ своемъ Шестодневіи), что премудрый міра Создатель, промышляя человѣкомъ взаимное другодюбіе, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякія плоды житію нашему потребныя произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оные на сихъ ниже посмотрѣли бы, единъ отъ другого помощи не требуя. Раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягатися могли. Но понеже невозможно было людямъ имѣть коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыселъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морского нужда, видимъ, что всякъ сего не любящій, не любитъ добра своего, и Божію о добрѣ нашемъ промыслу не благодаренъ есть. Но обще о ползѣ флота много бы глаголати, но не нуждно, яко всякому благоразсудному извѣстно есть. Мы точію вкратцѣ разсудимъ, какъ собственно россійскому государству нуждный и полезный есть морскій флотъ. А въ первыхъ, понеже не къ единому морю прилежитъ предѣлами своими сія монархія, то какъ не безчестно ей не имѣть флота? Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ

рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ: а толь славной и сильной монархіи, полуденныя и полунощныя моря обдержащей, не имѣть бы кораблей? хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стіхотворскихъ фабулахъ нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому и наше море не наше. Но смотримъ, какъ то и поморіе наше? развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія.

Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны возвратити себѣ и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сіи удержати? какъ жить, и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися?

Земный непріятельскій приходъ издалече слышанъ и нескоръ, есть время приготовиться и предварить его. Не такъ морскій: не летаютъ предъ нимъ голосныя вѣсти, не слышатся шумы, не видно дыма и праха: въ который часъ увидиша, въ тотъ же и надѣйся пришествія его. Есть ли бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали,—узрѣвшіе ихъ, немощно бы уготовить трактаментъ (пріемъ) для нихъ. Какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля мощно устроить подобающую оборону? едина конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выйдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіи поморскіи городы, не весма флота не имѣвшіи, но не имѣвшіе флота доволнаго, погибли, разоренни, не отъ силнаго супостата, но отъ піратовъ, то есть морскихъ разбойниковъ, полны суть исторіи. А есть ли же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія, однакожъ, настращавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня, яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начаешся, отходящаго нельзя догонять. Кратко рещи: поморію, флотомъ невооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку драться съ свободнымъ, или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нілѣ животнымъ обходиться съ крокодилами.

Такъ же то трудное было бы тебѣ, о Россіе, на поморіи твоемъ съ непріятелемъ обхожденіе, аще не бы милостивый промыслъ Божій предварилъ тебе благословеніемъ благостнымъ и не возбудилъ бы въ тебѣ тщȃливаго (тщательнаго) духа ко устроенію флота и ко обученію морского плаванія. Не былъ бы укрощенъ на лучшее, но толко раздраженъ на горшее супостатъ твой. Объяла и завладѣла рука твоя сіе толь славное и великое поморіе, яко возмездіе и обильный плодъ всѣхъ войны сея трудовъ и иждевеній. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою?—великое сумнительство. Есть ли же бы не могла, что слѣдовало? испразднилася бы слава толикихъ викторій; не меньшая бо слава есть удержать завоеванное, нежели завоевать, давная есть пословица. Отродилася бы непріятелю сила: паки бы было ему съ Ливоніи. Інгріи, Кореліи, Финляндіи множество и воинства, и имѣнія, и хлѣба; паки бы походы его и нападенія на твоя внутренняя. Нынѣ же что? наготствуетъ, скудѣетъ и гладъ терпитъ. И вмѣсто того, чтобы на предѣлы наши нападалъ, своихъ видитъ разореніе; и вмѣсто того, чтобы

имѣлъ намъ страшенъ быти, чуждое себѣ заступленіе купуетъ, хотя и не велми щастливымъ торгомъ. Видиши, о Россіе, пользу флота твоего: не толко бо готова и силна тебѣ отъ нападенія непріятельскаго оборона, которой бы не имѣли, если не имущи флота, по вышепредложенному разсужденію, но и наступательная на онаго сила велика, и викторіи не трудны....

Посмотримъ на прекрасное лице нынѣшнія викторіи; она бо вся доселѣ описанныя къ флоту морскому нужды и вся тогожде флота пользы явно показуетъ.

Чему бы Россія не могла и вѣрити, аще бы въ корабельной войнѣ не была искусна, то нынѣ сама сдѣлала; славна всегда водная викторія, хотя равныя обѣихъ сторонъ силы. Аще бо гдѣ, тутъ наипаче военное дѣйствіе Марсовымъ жребіемъ нарицати подобаетъ. Не какъ коня, такъ и корабль удобно управити; а вѣтръ и море, яко непостоянные элементы, тако не надежные помощники: кому помогутъ и кому сопротивятся, неизвѣстно. Въ таковомъ убо неизвѣстіи, сумнительствѣ, бѣдствіи, получити викторію необычная воистину слава есть.

Но прочія морскія вікторіи, противъ нынѣшней Россійской, мощно нарещи общія и обычныя. Въ прочіихъ равныя сражаются силы, а тутъ галеры съ кораблями; прочіимъ помогаетъ, а тутъ мѣшаетъ вѣтръ. Сіи двѣ трудности толикую побѣды важность показуютъ, что и сказати трудно.

Галерамъ наступати на корабли, которіи оныхъ не стрѣльбою огненною, но единымъ нашествіемъ не побѣдити, но въ щепы разбити могутъ,—обычное ли дѣло? Въ таковомъ силъ неравенствѣ дерзнути на бой дивно, вступити въ бой предивно, а побѣдити и удивленіе побѣждаетъ. Что бо сему обрящемъ подобное? Есть повѣсть Еллинская, что Геркулесъ въ челюсть кита великаго вскочилъ съ мечемъ и, три дни утробу его разоряя, умертвилъ его. Было бы се вікторіи нашей подобное, да есть фабула, знатно изъ исторіи пророка Іоны сплетенная. Есть повѣсть въ книгахъ Маккавейскихъ, что Елеазаръ подъ военнаго непріятельскаго воинство на себѣ носящаго слона подскочилъ со оружіемъ, и убилъ его. Было бы и се побѣдѣ нынѣшней подобное, да Елеазаръ тотъ и самъ, паденіемъ звѣря угнетенъ, умре, побѣдилъ и побѣжденъ. Мощно бы уподобити сіе человѣческому надъ звѣрьми превосходству; понеже человѣкъ, которому естество не дало великой силы, да скудость тую умомъ наградило, земныхъ и водныхъ звѣрей, величиною и силою безъ мѣры его превосходящихъ, побѣждаетъ, да и се неподобно, ибо воинству россійскому дѣло было не со звѣрьми, а людей тѣхъ кораблями наступающихъ галерами побѣдило. Ничто же прочее остается, точію удивлятися, никоего же подобія не видя, не обрѣтая.

Но придаетъ удивленія то еще, что великую акціи трудность вѣтръ дѣлалъ. На тишинѣ водной галерамъ единымъ нападати на корабли стоящыя, и то не легко; есть бо подобное аттакованію крѣпкихъ фортецъ; а галерамъ съ кораблями сражатися въ погоду, кажется и чаянію противное. Тотъ же вѣтръ, который кораблю ко обращенію его служитъ, галерамъ мѣшаетъ. Нельзя не сказать, слышателіе, что сія вікторія сталась отъ собственнаго Божія смотрѣнія: и большую здѣ видимъ милость Господню, нежели гдѣ провиденція вѣтры на помощь посылала. Помогли тучи Марку Антонину на нѣмцевъ, пособили вѣтры Θеодосію

на Евгенія; послужила буря Елисаветѣ Британской на ішпановъ; но онымъ (и аще иніи нѣцыи подобніи суть) пособствовало смотрѣніе (Божіе) ко отраженію токмо непріятеля, а не ко умноженію славы...

Инако и лучше нынѣ Россійское на морѣ воинство благословилъ Богъ. Не хотѣлъ, дабы воздухъ дѣлился съ нами славою вікторіи, но и вопреки умножилъ вѣтромъ трудность къ морскому бою, дабы умножилася слава побѣдителемъ: послужилъ и намъ вѣтръ, да противствомъ своимъ послужилъ къ славѣ, а не къ побѣдѣ. И понеже противился побѣдѣ нашей, того ради явственно показалъ славу нашу, такъ что вікторія нынѣшняя можетъ таковымъ надписаніемъ украшена быти: *Непріятель и вѣтръ побѣжденъ есть.*

Тако продолжаетъ радости твоя, тако славы твоя умножаетъ Богъ, о Россіе! Прославимъ убо прославившаго насъ, благодаримъ обрадовавшему насъ: его дѣло есть флотъ Россійскій, его благословеніе есть толикая сила и толикія плоды флота Россійскаго. Онъ смотрѣніемъ своимъ навелъ очи монаршія на презрѣнный ботикъ, Онъ царское сердце зажеглъ на архітектурѣ корабелной; Онъ, предопредѣляя Россіи возвращеніе своихъ и полученіе новыхъ приморскихъ странъ, предварилъ ю благословеніемъ своимъ, сильну же и дѣйственну на морѣ сотворилъ, вооруживъ флотомъ и толиким ущедривъ побѣдами. Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако: Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка!

...Затѣмъ проповѣдникъ призываетъ Божіе благословеніе на царя и воздаетъ хвалу отъ имени Россіи: „что презрѣнна прежде и поругана всѣми, нынѣ славна и страшна всѣмъ есть, на морѣ и на землѣ побѣждаетъ. Торжествуй и радуйся толико благословенъ сый Богомъ: радуйся Богу, помощнику твоему“. Затѣмъ призывается къ радости народъ, воздается похвала воинамъ и заканчивается слѣдующей молитвой:

„О, премилостивый Господи и Боже нашъ, отъ Его же вседароватыя десницы толикая пріемлемъ благодѣянія, запечатлѣй милостію твоею данныя намъ дары твоя, подаждь добротѣ нашей силу, многолѣтны сохрани благовѣрнѣйшаго государя нашего Царя, вѣрнаго міністра Твоего Петра Перваго, и его благовѣрнѣйшую Царицу Государыню Екатерину Алексіевну, Царство ихъ недвижимое, воинство непобѣдимое сотвори, все отечество наше благосостояніемъ и миромъ благослови, воззри и на супостаты наша, и по толикой, немиролюбіемъ ихъ, изліянной крови, пріити уже въ чувство и мира возжелати повели. Аминь“.

LIV. Меркантилистическія идеи въ проектахъ современниковъ Петра В. и усвоеніе ихъ правительствомъ.

(Изъ соч. П. Милюкова: „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформы Петра В.“)

Въ 1711—1713 г. общее мнѣніе сводилось къ тому, что финансы слѣдуетъ поправить эксплоотаціей регалій и косвенными налогами; рядомъ съ этимъ пробивалось мнѣніе о необходимости расширить свободу торговли и понизить торговыя пошлины; но это мнѣніе приводилось также, какъ одно изъ средствъ

полезныхъ для фискальнаго интереса. Съ 1713 г. сфера обсужденія расширяется; выдвигаются и обсуждаются проекты общей податной и административной реформы; вопросы торговой политики замѣтно отступаютъ передъ этими новыми темами на второй планъ; а затѣмъ, когда они снова начинаютъ интересовать правительство,—интересъ этотъ имѣетъ уже совсѣмъ другой смыслъ: на торговлю и промышленность правительство смотритъ уже совсѣмъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ разсмотрѣнные проекты 1711—1713 гг. и ихъ позднѣйшіе отголоски.

Чтобы сразу стать на эту другую точку зрѣнія, оставимъ на время русскіе проекты и перейдемъ къ одному иностранному: къ замѣчаніямъ бар. Любераса *), съ которыми, какъ мы предполагаемъ (см. ниже), Петръ познакомился во время заграничной поѣздки 1716—1717 годовъ. Баронъ Люберасъ исходитъ изъ нѣкоторыхъ общихъ положеній, которыя мы передадимъ его же словами, но по другому его проекту (тоже безъ даты, но, вѣроятно, нѣсколько позднѣйшаго происхожденія. «Извѣстно, говоритъ Люберасъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ, не смотря на то, что ведется большая торговля, подданные мало получаютъ отъ нея пользы. Бываетъ это (во-первыхъ) тогда, когда жители продаютъ свои продукты въ сыромъ видѣ; въ этомъ случаѣ подданные другихъ странъ обработываютъ сырье и получаютъ большую прибыль, тогда какъ первые обладатели имѣютъ скудное пропитаніе. Или же (во-вторыхъ) тогда, когда въ странѣ потребляютъ чужихъ товаровъ больше, чѣмъ можно оплатить вывозомъ туземныхъ товаровъ: балансъ въ такомъ случаѣ долженъ быть оплаченъ деньгами и страна, необходимо, будетъ бѣднѣть чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе... Или же (въ-третьихъ) тогда, когда государь либо за свой собственный счетъ возьметъ извѣстную торговлю, либо дозволитъ другимъ лицамъ монопольную торговлю за ежегодное вознагражденіе; отъ этого по видимости и въ началѣ казна можетъ нѣсколько выиграть, въ дѣйствительности наибольшую выгоду извлекаетъ руководитель предпріятія; общая же торговля, которая только тогда и процвѣтаетъ, когда ведется свободно частными предпринимателями, съ помощью ихъ кредита и ихъ индивидуальныхъ усилій, испытываетъ великій вредъ для своего правильнаго теченія, часто вовсе непоправимый, отъ перерыва товарнаго обмѣна (Barotta), корреспонденціи и предпринимательности (Industrie).

Всѣ указанныя черты встрѣчаются у націй, которыя не особенно заботятся объ улучшеніи продуктовъ собственной страны и вовсе не стараются узнать, куда и съ какой прибылью сбываютъ эти продукты иностранные коммерсанты. Поэтому у такихъ націй и не особенно цѣнятся совѣты, клонящіеся къ вывозу на собственный рискъ ихъ товаровъ и къ развитію необходимаго для этого мореплаванія. Обо всемъ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ примѣры многихъ странъ, которымъ частью воспрепятствовали вести торговлю, частью обманули или усыпили ихъ».

Такова общая теорія Любераса,—какъ видимъ, ходячая теорія тогдашняго европейскаго меркантилизма. Въ „Oeconomia generalis Russiae" развивается

---

*) Баронъ Ананія Христіанъ фонъ-Люберасъ, родомъ изъ Силезіи, принятъ былъ Петромъ В. на русскую службу, произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ вице-президентомъ мануфактуръ-коллегіи. Излагаемыя замѣчанія сдѣланы имъ въ проектѣ подъ заглавіемъ „Oeconomia generalis Russiae" (на нѣм. яз.); вступительныя общія разсужденія въ другомъ произведеніи подъ заглавіемъ: Superficiele Raisons über die generale Ursachen der Ab-und Zunahme der Negotie eines Landes und zu dessen besserer Nachricht benöthigten Zoll-Bücher und daraus zu verfertigenden Relationes." Оба проекта въ Арх. мин. иностр. дѣлъ, бумаги Любераса, №№ 73 и 105.

вытекающая изъ этой теоріи практическая программа. Изложивъ и здѣсь ученіе о торговомъ балансѣ, авторъ переходитъ къ указанію практическихъ средствъ для достиженія выгоднаго баланса. «Знакомство съ прошлымъ и настоящимъ временемъ, говоритъ онъ,—дѣлаетъ безспорнымъ и яснымъ, какъ день, что послѣ благословенія Божія (подъ которымъ Люберасъ разумѣетъ природу страны), существуютъ два главныя пути, пренебреженіе или вниманіе къ которымъ обусловливаетъ какъ погибель и порабощеніе странъ, такъ и ихъ процвѣтаніе и ростъ: именно—мореплаваніе и промышленность (Navigation und Manufactur). Живые и наглядные примѣры этого даютъ: Испанія, зависящая въ имущественномъ отношеніи отъ воли голландцевъ, вслѣдствіе своего усыпленія; Англія, достигшая столь значительнаго процвѣтанія, благодаря строгому, но теперь уже отчасти смягченному правилу Кромвеля, что всѣ англійскіе товары вывозятся только на англійскихъ корабляхъ и на нихъ же ввозятся нужные для Англіи; Швеція, Данія, Норвегія, которые стали заботиться о собственномъ судостроеніи и еще недавно ввели нѣкоторыя улучшенія; Голландія, стремящаяся своимъ предпріимчивымъ мореходствомъ отовсюду извлечь пользу, вездѣ добиться выгоднаго баланса и возможности самой установлять цѣны; наконецъ, самыя страны Вашего Величества, превосходные и необходимые продукты которыхъ до сихъ поръ зависятъ отъ чужеземнаго вывоза и уравновѣшиваются обмѣномъ на иностранные товары, частью вовсе не нужнымъ, такъ какъ Ваше Величество имѣете возможность завести собственныя подобныя мануфактуры.»

Останавливаясь, въ частности, на мореплаваніи, Люберасъ «въ виду теперешнихъ военныхъ усложненій, затрудняющихъ плаваніе въ Балтійскомъ морѣ», развиваетъ планъ усиленія торговли на сѣверномъ океанѣ; совѣтуетъ занять «пока малоизвѣстную, но весьма выгодно расположенную гавань Калдинъ», въ 100 миляхъ отъ Шпицбергена и въ 2-3 дняхъ плаванія отъ мѣстъ китовой ловли, которую такимъ образомъ можно перехватить у иностранныхъ государствъ и, всего лучше, отдать особой компаніи. Продукты рыбной ловли, при возможности добыть и продать ихъ дешевле, чѣмъ въ другихъ государствахъ, сдѣлаются затѣмъ надежной исходной точкой русскаго вывоза за границу и такимъ образомъ незамѣтно явится купеческій флотъ, на которомъ можно будетъ вывозить русскіе продукты и привозить чужеземные.

«Но одно мореплаваніе, само по себѣ, не можетъ поднять страны на высокую ступень процвѣтанія; столь же необходимо распредѣленіе мануфактуръ, приспособленное къ свойствамъ страны: распредѣленіе въ ней лѣсовъ, горъ и рѣкъ, различіе почвъ, флоры, фауны и т. д. Такъ какъ «specialia русскаго государства еще неизвѣстны» автору, то онъ ограничивается «главными замѣчаніями», необходимыми для «связи вещей»; другими словами, онъ набрасываетъ общую классификацію внутреннихъ богатствъ страны и построенныхъ на нихъ отраслей промышленности. Первое главное замѣчаніе (Hauptremarque) касается «того, что существуетъ на поверхности земли, изъ растительнаго и животнаго царства природы»: растительное царство составляетъ предметъ земледѣлія (Landbau) въ широкомъ смыслѣ; животное—скотоводство въ широкомъ смыслѣ. Второе главное замѣчаніе касается минеральнаго царства, подраздѣляемаго авторомъ на три отдѣла: свойства самой почвы, металлы и минералы, скрывающіеся въ ея глубинѣ и выступающіе на поверхность (напримѣръ, минеральные источники). Затѣмъ Люберасъ переходитъ къ перечисленію основанныхъ на этихъ продуктахъ страны различныхъ отдѣловъ промышленности; кромѣ упомянутой уже выше рыбной ловли, здѣсь названы: всѣ сорта хлѣбовъ, полевыхъ и садовыхъ продуктовъ—съ выдѣлкой изъ нихъ винъ, водокъ и маслъ; хмельники и

табачныя плантаціи; производство изъ льна и конопли, производство парусовъ, бумажныя мельницы; правильное лѣсоводство, производство поташа, дегтя, смолы и другихъ древодѣльныхъ продуктовъ; конные заводы, овцеводство, шерстяная мануфактура, дубильное производство, жженіе костей и выварка клея; пчеловодство, медоваренные и воскобѣлильные заводы; разведеніе домашней птицы, правильная охота; рудники и каменоломни, обжиганіе глины, плавильные и перегоночные заводы; фабрики для тканья серебрянныхъ и золотыхъ галуновъ и позументовъ, для производства изъ желѣза, мѣди, жести и олова, литейные и оружейные заводы, селитрянные, квасцовые, купоросные и сѣрные, солевареніе, минеральныя масла и жидкости.

«Но чтобы привести всеобщую экономію въ прочный и постоянный порядокъ, въ высшей степени необходимо дать этому огромному тѣлу настоящую жизнь или душу. Таковая заключается въ твердомъ иностранномъ кредитѣ Вашего царскаго Величества и въ дѣльныхъ и преданныхъ директорахъ, которые бы поддерживали этотъ кредитъ внутри и внѣ государства». Для этой цѣли Люберасъ предлагаетъ учредить должность генералъ-директора, которому подчинить директоровъ въ провинціяхъ и поручить высшее наблюденіе за культурой, фабриками и мануфактурами; онъ долженъ заботиться о качествѣ товаровъ, о ихъ доставкѣ къ гаванямъ и сбытѣ, наблюдать за ввозомъ (beordern die ins Reich einzuführende Waaren) и составлять общій балансъ всей государственной экономіи. Иностранная контора должна состоять изъ оберъ-директора (въ Гамбургѣ) и подчиненныхъ ему комиссаровъ или консуловъ—въ Данцигѣ, Копенгагенѣ, Любекѣ, Берлинѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ, Бордо, Кадиксѣ, Бильбао, Лиссабонѣ, Ливорно и Венеціи. «Такимъ устройствомъ Ваше Величество обезпечите себѣ тѣмъ большее преимущество передъ коммерсантами другихъ странъ, что тѣ ведутъ свои дѣла каждый за себя или небольшими компаніями, а Ваше Величество, благодаря постоянной корреспонденціи агентовъ, служащихъ повсюду однимъ интересамъ, будете въ состояніи управлять всѣмъ ходомъ торговли; такимъ образомъ, внѣшняя торговля будетъ помогать внутренней экономіи и наоборотъ; одна другой будетъ способствовать къ постоянному и правильному развитію».

Чтобы яснѣе дать почувствовать, насколько эти мысли расширили старый кругозоръ русскихъ, коммерсантовъ, достаточно напомнить взгляды Крижанича и Посошкова. Они тоже совѣтуютъ бороться противъ иноземной торговли, но ихъ борьба пассивная: прогнать нѣмцевъ изъ Россіи, запретить имъ имѣть своихъ агентовъ и консуловъ въ разныхъ городахъ, «загородить накрѣпко диру», прорубленную ими изъ нашей земли, то-есть—почту, чтобъ, «какъ наши русскіе люди о ихъ товарѣхъ не знаютъ, такожде бы и они о нашихъ товарѣхъ не знали», наконецъ, составить общую стачку для повышенія цѣнъ вотъ все, о чемъ мечтаетъ до-петровскій купецъ,—только мечтаетъ, потому что на практикѣ всѣ эти героическія мѣры оказываются неосуществимыми.

Знакомство съ пріемами западнаго меркантилизма расширяетъ и для Россіи сферу международной торговой борьбы. Нѣтъ сомнѣнія, что русское правительство имѣло понятіе объ этихъ пріемахъ и до совѣтовъ Любераса. Оно невольно знакомилось съ ними—по поводу давно уже заведенной торговли казенными товарами, по поводу переговоровъ съ различными иностранными правительствами и частными предпринимателями относительно торговыхъ трактатовъ, контрактовъ и привилегій. Но, преслѣдуя исключительно фискальныя цѣли, оно монополизировало всѣ выгоды этого знакомства для самого себя, для своей собственной торговли, внѣшней и внутренней. Приблизительно съ 1715—1717 гг. мы замѣ-

чаемъ признаки вниманія къ интересамъ частной предпринимательности. Однимъ изъ такихъ признаковъ можно считать учрежденіе торговыхъ агентуръ и консульствъ за границей. Совѣты Любераса въ этомъ направленіи были уже не первые. Въ одномъ проектѣ, который мы относимъ къ февралю—марту 1715 г., встрѣчается совѣтъ «во всякомъ морскомъ или во всякомъ иномъ великомъ городѣ съ торговыхъ людей по одному человѣку, который въ такомъ городѣ въ торговлѣ искуснѣйшій, выбрать—титлою комерціи совѣтникомъ»; этотъ агентъ «долженъ поспѣшествовать торговлѣ и коммерціи и къ Е. Ц. В. при торговлѣ интересу», подавая «совѣты и извѣстіе» о «всемъ потребномъ». Дѣйствительно, 11 марта 1715 г. Иванъ Лефортъ назначенъ былъ агентомъ въ Парижъ съ этимъ самымъ титуломъ «коммерціи совѣтника», а братъ его Амедей сдѣланъ былъ тамъ-же «консуломъ коммерціи» и получилъ 18 февраля 1715 г. патентъ, сдѣлавшійся образцомъ для послѣдующихъ документовъ этого рода; «понеже добрый порядокъ въ коммерціи и предостереженіе всякихъ трудностей требуютъ,—говорится въ этомъ патентѣ,—чтобы мы для пользы подданныхъ нашихъ кого имѣли въ пристанехъ и прочихъ мѣстахъ королевства французскаго, въ которыхъ наши подданные купцы и протчіе торгъ отправлять могутъ, такую вѣрную и искусную особу въ коммерціи, который бы могъ въ прилучающихся трудностяхъ и всякихъ иныхъ случаяхъ подданнымъ нашимъ купеческимъ людямъ способствовать»,.... «того ради, изобрѣтая ту вѣрность и искуство коммерціи въ А. Лефортѣ, мы назначили его консуломъ коммерціи». Совѣты Любераса дали, кажется, новый толчекъ учрежденію торговыхъ агентуръ: въ Спа, гдѣ Люберасъ бесѣдовалъ если не съ самимъ Петромъ, то съ Шафировымъ, получилъ свой патентъ новый агентъ въ Антверпенѣ, Іоганъ Стефано; черезъ пять дней дана инструкція новому агенту въ Бреславлѣ, Бернгарду Резе. Въ 1718 г. назначены агенты въ Вѣнѣ (Бузи) и Люттихѣ (Дессельеръ) въ 1719 г. въ Китаѣ (Лор. Лангъ). Въ 1723 г. отправлены консулы еще въ два города, указанные Люберасомъ: въ Бордо и Кадиксъ. Рядомъ съ поощреніемъ вывозной торговли, въ тѣ же годы правительство начинаетъ принимать мѣры для покровительства національной промышленности. Во время того же путешествія за границу (1716—1717) начинаютъ выдаваться жалованныя грамоты на заведеніе частныхъ фабрикъ, съ ихъ обычнымъ введеніемъ: «понеже мы прилежное стараніе имѣемъ о распространеніи въ государствѣ къ пользѣ общаго блага и пожитку подданныхъ нашихъ купечества и всякихъ художниковъ и рукодѣлій, которыми всѣ прочія благоучрежденныя государства процвѣтаютъ и богатятся; того ради» и т. д. Фабрики основывались частными лицами, конечно, и ранѣе; но мотивами ихъ заведенія всегда была и выставлялась «государственная прибыль»; теперь впервые, кажется, акты начинаютъ говорить о «пользѣ общаго блага и пожиткѣ подданныхъ».

Такимъ образомъ, основными началами новой торговой политики сдѣлались принципы меркантилизма; по отношенію къ внутренней торговлѣ эта же система была побѣдой «вольнаго торга», о которомъ давно уже хлопотало, какъ мы видѣли, русское купечество; 8-го апрѣля 1719 г. государь, «милосердствуя къ купечеству россійскаго государства, указалъ казеннымъ товарамъ быть только двумъ: поташу и смольчугу (и то для береженія лѣсовъ), а прочіе товары, которые продаваны были изъ казны, уволить торговлею въ народъ, токмо съ прибавочной пошлиной. Новое вѣяніе коснулось даже соляной продажи; совершенно согласно съ предложеніемъ Курбатова (см. выше) въ сенатъ былъ представленъ въ 1723 г. докладъ и по нему рѣшено сенатомъ (13-го января 1721 г.) повысить подрядную цѣну соли на 1½ коп., чтобъ съ прежней цѣ-

ной было въ Нижнемъ по 9 коп. за пудъ,... а продавать прежними цѣнами, не накладывая на народъ (прибыли въ Нижнемъ будетъ 11 коп.)»; въ докладѣ повторялось и то соображенiе Курбатова, что убытка казнѣ отъ уменьшенiя прибыли съ пуда не будетъ, «понеже когда у нихъ соли въ вывозкѣ и въ поставкѣ больше прежняго числа будетъ, и отъ той прибылой соли оныя прибавочныя имъ нынѣ деньги въ казну наполняться будутъ».

LV. Заботы Петра Великаго объ улучшенiи хозяйственнаго быта.

(Изъ соч. Брикнера: „Исторiя Петра Великаго").

„Деньги суть артерiею войны",—сказано въ письмѣ Петра къ Сенату. Для рѣшенiя многосложныхъ политическихъ задачъ царь нуждался въ весьма значительныхъ матерiальныхъ средствахъ. Особенно же постоянныя войны, содержанiе войска и флота требовали громадныхъ суммъ.

Къ сожалѣнiю, данныя о размѣрахъ бюджета, о доходахъ и расходахъ государства и о состоянiи флота и войска за это время весьма скудны. Мы узнаемъ, что къ концу царствованiя Петра регулярная армiя состояла изъ 210,000 чел., флотъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 800 другихъ судовъ съ экипажемъ въ 28,000 чел. Въ 1710 году государь велѣлъ въ первый разъ сличить приходъ съ расходомъ: оказалось, что, при общемъ доходѣ около 3 миллiоновъ рублей, безъ малаго половина этой суммы употреблялась на содержанiе войска, а полмиллiона рублей на расходы по содержанiю флота. Тутъ Петръ не щадилъ ни денегъ, ни людей. Условiемъ внутренняго преобразованiя былъ успѣхъ въ области внѣшней политики. Цѣль была достигнута. Войско и флотъ находились въ такомъ состоянiи, что могли внушить другимъ державамъ высокое понятiе о значенiи силъ и средствъ Россiи.

Были и другiе расходы, до того времени не имѣвшiе столь значительныхъ размѣровъ. Болѣе тѣсныя сношенiя съ западною Европою требовали содержанiя резидентовъ при иностранныхъ дворахъ. За то для содержанiя своего двора Петръ не нуждался въ большихъ суммахъ. Между тѣмъ какъ въ концѣ царствованiя его государственные доходы достигали суммы 10 миллiоновъ руб., содержанiе двора, какъ разсказывали современники, стоило не болѣе 50,000 руб.

Для покрытiя государственныхъ расходовъ нужно было думать о новыхъ источникахъ доходовъ. Усложненiе финансовой системы, изобрѣтенiе новыхъ средствъ для доставленiя казнѣ необходимыхъ денежныхъ суммъ, во многихъ случаяхъ поврежденiе экономическихъ интересовъ посредствомъ чрезмѣрной строгости при взиманiи налоговъ, обусловливаемой недостаточнымъ пониманiемъ общественно-хозяйственнаго организма—все это было характеристическою чертою въ исторiи государственнаго хозяйства при Петрѣ.

Петръ самъ не столько заботился прямо о финансовомъ управленiи, сколько предоставлялъ себѣ рѣшенiе задачъ хозяйственной полицiи. Въ безчисленныхъ указахъ мы находимъ его личныя воззрѣнiя на этотъ

предметъ. И въ области производства и потребленія, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, Петръ хотѣлъ быть наставникомъ своего народа. Онъ училъ подданныхъ, какъ должно работать, онъ желалъ развить народное богатство. Во многихъ отрасляхъ технологіи онъ былъ экспертомъ, и потому считалъ себя въ правѣ предписывать всѣмъ и каждому, какъ должно дѣйствовать въ качествѣ купца, ремесленника или земледѣльца. Въ одномъ изъ его указовъ сказано: „нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изо всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ли неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“.

Во время своихъ путешествій и въ личныхъ сношеніяхъ въ иностранцами, находившимися въ Россіи, онъ могъ убѣдиться въ превосходствѣ экономическаго развитія Европы. Учреждая въ 1712 г. „коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія“, онъ считалъ полезнымъ, чтобы въ этомъ учрежденіи участвовали „одинъ или два человѣка иноземцевъ, дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше нашихъ“.

Петръ въ разработкѣ правилъ народной экономіи боролся съ большими затрудненіями. Онъ часто жаловался, что „изъ всѣхъ дѣлъ администраціи торговля представляетъ наиболѣе затрудненій“, но при этомъ иностранцы признавали, что Петръ „относительно пользы торговли для Россіи имѣлъ довольно вѣрныя соображенія“. Когда однажды заключеніе торговаго договора съ Голландіею замедлилось, Остерманъ утѣшалъ голландскаго резидента де-Би слѣдующими словами: „между нами, я вамъ скажу всю правду: у насъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ торговое дѣло; но я могу вамъ сказать навѣрное, что царское величество занимается теперь этимъ дѣломъ“. По случаю проведенія главныхъ началъ политики меркантилизма, Петръ однажды замѣтилъ голландскому резиденту, жаловавшемуся на разныя неудобства торговой полиціи Петра: „приложеніе принциповъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всѣ интересы примирятся“.

Органически связанныя между собою мѣры Петра для усиленія торговли и промышленности, впрочемъ, были вызваны не только желаніемъ обезпечить матеріальный бытъ народа, но и надеждою, благодаря развитію экономической дѣятельности въ Россіи, располагать бо̀льшими средствами для государственнаго хозяйства. Путемъ усиленія вывоза, ограниченія привоза, путемъ учрежденія фабрикъ, оружейныхъ заводовъ, путемъ развитія горнаго искусства, разными распоряженіями для обезпеченія интересовъ торговаго и промышленнаго сословія, онъ надѣялся въ одно и то же время открыть новые источники для доходовъ казны и пріучить народъ къ разнымъ новымъ отраслямъ производства.

Вслѣдствіе того, по приказанію Петра, постоянно по всему государству разъѣзжали знатоки различныхъ товаровъ для отысканія предметовъ, необходимыхъ для производства оныхъ. Искали и находили то серебряныя руды, то „краску марену“, то каменный уголь, о которомъ Петръ замѣтилъ, что „сей минералъ если не намъ, то нашимъ потомкамъ весьма полезенъ будетъ“, то селитру, торфъ и пр. Петръ заставлялъ всѣхъ и каждаго участвовать въ производствѣ и экономическомъ

трудѣ, приглашая „кадетовъ знатныхъ фамилій“ заниматься торговлею, а не быть праздными, устраивая рабочіе дома для праздношатающихся, заставляя работать монаховъ и монахинь и принимая разныя мѣры для того, чтобы рабочія силы колодниковъ и арестантовъ обращались на общую пользу.

И производство, и потребленіе должны были находиться подъ непосредственнымъ надзоромъ правительства. Такъ, напр., оно запрещало дѣлать узкія полотна, приказывало дѣлать широкія „противъ приготовляемыхъ въ другихъ европейскихъ государствахъ“, потому что „широкія полотна болѣе расходятся“. Точно также правительство заботилось о сбереженіи лѣсовъ, предписывало старостамъ и приказчикамъ наблюдать, чтобы мельницы въ селеніяхъ отъ вешней и дождевой воды не были повреждены; пріучало дровосѣковъ къ распилкѣ дровъ и строго приказывало, „чтобы работные люди изучались въ два года пилованью дровъ“, запрещало, подъ страхомъ наказанія каторгою и конфискованія имущества, торговать „скобами и гвоздями, употребляемыми на подбивку сапоговъ и башмаковъ мужскихъ и женскихъ“, учреждало почтовыя сообщенія, учило публику, какъ дѣлать кровли, какъ строить дороги, отовсюду старалось собирать данныя о цѣнахъ разнымъ товарамъ, заботитось объ ученіи дѣтей ариѳметикѣ, вводило новые способы собиранія хлѣба и пр. Едва ли мы ошибаемся, приписывая значительную долю такихъ мѣръ, распоряженій, наказовъ личному вліянію государя, постоянно имѣвшаго въ виду соглашеніе интересовъ внѣшней политики съ стремленіемъ развить народное богатство. Для всѣхъ современниковъ и участвовавшихъ въ управленіи государствомъ, и для прочихъ подданныхъ Петра эта дѣятельность царя-наставника не могла не быть нѣкоторымъ образомъ политико-экономическою школою.

Не даромъ Петръ былъ названъ „первымъ лѣсоводомъ въ Россіи“. До него не было издано никакого общаго постановленія о лѣсахъ. Правительство о лѣсномъ хозяйствѣ не заботилось. Петру былъ нуженъ лѣсъ для кораблестроенія, лѣсъ извѣстныхъ породъ, самыхъ крупныхъ размѣровъ и совершенно здоровый. Деревья, представлявшія такія качества, не могли встрѣчаться часто, даже и при тогдашнемъ изобиліи лѣсовъ. Вотъ почему Петръ обратилъ строгое вниманіе на охраненіе корабельнаго лѣса. Было запрещено рубить заповѣдные лѣса, годные на корабельное строеніе, подъ страхомъ смертной казни, „безъ всякія пощады, кто-бъ ни былъ“. Такихъ указовъ множество. Иногда они прибивались къ столбамъ въ деревняхъ; читались въ церквахъ „приходскимъ людямъ, чтобъ въ томъ невѣдѣніемъ никто не отговаривался“. Изъ нѣкоторыхъ граматъ видно, что строгія наказанія были часто приводимы въ исполненіе. Такъ какъ заповѣдные лѣса не были ничѣмъ обозначены въ натурѣ, и потому народъ не могъ знать, гдѣ дозволено и гдѣ не дозволено рубить, то Петръ велѣлъ (въ 1720 г.) по Невѣ и Финскому заливу, отмѣривъ отъ береговъ указныя разстоянія, провести межи въ три сажени шириной и построить на нихъ для страха чрезъ каждыя пять верстъ по висѣлицѣ. Въ Петербургѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Гостинаго двора, была большая березовая роща, и въ ней Петръ строго воспретилъ всякую рубку; несмотря на то, жители Петербурга, въ томъ числѣ и чиновные, начали рубить въ ней. Петръ велѣлъ десятаго изъ чиновныхъ повѣсить, а всѣхъ остальныхъ наказать кнутомъ.

Екатерина упросила Петра не наказывать никого смертью, и наказаніе было смягчено: вмѣсто смерти пошли въ дѣло кнутъ, шпицрутены, каторга. Несмотря на всю строгость, эти указы нарушались довольно часто. Для государственныхъ цѣлей, впрочемъ, Петръ не щадилъ лѣсовъ. Постройка моловъ въ Ревелѣ и Балтійскомъ портѣ, къ тому же не имѣвшая вовсе успѣха, нанесла страшный ущербъ лѣсамъ прибалтійскаго края. За-то Петромъ были приняты мѣры для того, чтобы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ посѣянъ новый лѣсъ. Встрѣчаются распоряженія и указы Петра, изъ которыхъ видно, что онъ понималъ сбереженіе лѣсовъ не только ради пользы флота, но и ради сбереженія вообще. Такъ, напр., было приказано поташъ дѣлать изъ остаточнаго лѣса, а именно изъ сучьевъ, изъ старыхъ бочекъ и т. п. Изъ отрубковъ и сучьевъ велѣно дѣлать пушечныя колеса, косяки, спицы, станки пушечные. Далѣе было запрещено изъ сосноваго дерева дѣлать выдолбленные гробы. Въ инструкціи „вальдмейстерамъ" встрѣчаются правила, имѣющія народно-хозяйственное, общеполезное значеніе.

Придерживаясь правилъ меркантилизма, Петръ устроивалъ множество фабрикъ и мануфактуръ, и число заводовъ росло весьма быстро. При нѣкоторыхъ случаяхъ поощренія той или другой отрасли промышленности или земледѣлія, правительство прямо указывало на цѣль, имѣвшуюся въ виду при этомъ, а именно на необходимость избѣжанія платить деньги иностранцамъ за тотъ или другой товаръ. Современники замѣчаютъ, что Петръ приглашалъ пастуховъ изъ Силезіи для развитія шерстяной промышленности съ той цѣлью, „чтобы не платить столько денегъ за шерсть и за сукно англичанамъ", или что онъ устраивалъ мануфактуры «шелковыхъ издѣлій, ибо зналъ, что привозъ таковыхъ товаровъ стоитъ много денегъ".

До Петра Россія получала пушки и оружіе вообще главнымъ образомъ изъ за границы. При немъ устроены были желѣзные заводы, на которыхъ дѣлали пушки, ружья, гранаты и пр., далѣе, пороховые заводы; иностранные мастера должны были учить русскихъ, чтобъ можно было замѣнить первыхъ послѣдними. Съ привозныхъ товаровъ, которые можно было дѣлать въ Россіи, взималась высокая пошлина. Въ дальнія страны, напр., въ Испанію, были отправлены русскіе корабли съ разными русскими товарами; въ Тулонѣ, Лиссабонѣ и прочихъ городахъ были учреждены консульства. Заключеніе торговыхъ договоровъ между Россіей и другими державами, постройка Петербурга и мѣры, принятыя для привлеченія туда главной части внѣшней торговли, мысль объ учрежденіи колоній на островахъ южной Азіи и на островѣ Мадагаскарѣ,—все это заключаетъ въ себѣ доказательства, что Петръ обращалъ особенное вниманіе на торговлю, что онъ лично занимался частностями этой отрасли администраціи и раздѣлялъ главныя воззрѣнія западно-европейской школы меркантилистовъ. Въ 1705 году онъ съ радостью сообщилъ Меншикову, что успѣлъ сдѣлать себѣ „къ празднику" кафтанъ изъ русскаго сукна. При учрежденіи Бергъ-Коллегіи Петръ замѣтилъ: „наше россійское государство предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, такъ что многая польза и при-

бытокъ, который бы намъ и подданнымъ нашимъ изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ“ и пр.

Старанія Петра развить торговлю и промышленность лишь отчасти имѣли успѣхъ. Многія отрасли экономической дѣятельности народа, несмотря на всѣ усилія правительства, не только при Петрѣ, но и гораздо позже еще оставались мало развитыми.

Разныя мѣры, принятыя Петромъ для поощренія торговли, оказались сопряженными со многими неудобствами и вызывали жалобы со стороны купцовъ. Къ тому же послѣдніе страдали весьма часто отъ произвола приказныхъ людей, хотя Петръ и твердилъ во многихъ указахъ, что нужно щадить торговый классъ ради пользы государства. Не всегда иностранцы были довольны распоряженіями Петра. Когда, вскорѣ послѣ возвращенія изъ западной Европы, въ 1696 году, царь приказалъ: „купецкимъ людямъ торговать такъ же, какъ торгуютъ иныхъ государствъ торговые люди, „компаніями“, голландцы испугались, ожидая, что эта мѣра будетъ содѣйствовать быстрому развитію самостоятельной торговли русскихъ. Вскорѣ, однако, голландскій резидентъ могъ извѣстить своихъ соотечественниковъ о томъ, что нѣтъ повода къ опасеніямъ: „что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: русскіе не знаютъ, какъ приняться за такое сложное и трудное дѣло“. Желая направить движеніе внѣшней торговли къ Балтійскому морю, Петръ требовалъ, чтобы товары отправлялись не какъ прежде, къ Архангельску, а къ Петербургу. Противъ этихъ распоряженій начали сильно хлопотать купцы голландскіе, которые издавна устроились въ Архангельскѣ и вовсе не желали развитія русской торговли на Балтійскомъ морѣ. Особенно Меншиковъ былъ сторонникомъ мѣръ въ пользу Петербурга, между тѣмъ какъ другіе сановники, по разсказамъ современниковъ, старались всѣми мѣрами отклонить царя отъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью дать направленіе внѣшней торговли чрезъ Петербургъ.

Въ 1722 году къ Петербургу пришло 116 иностранныхъ кораблей; въ 1724 году ихъ было уже 240.

Старанія Петра пріучить русскихъ къ занятію внѣшнею торговлею оставались тщетными. За исключеніемъ одного предпріимчиваго и способнаго купца, Соловьева, нѣсколько лѣтъ весьма удачно занимавшагося въ Амстердамѣ торговлею въ большихъ размѣрахъ, другіе русскіе купцы не обладали для подобныхъ операцій ни опытностію, ни знаніемъ дѣла, ни средствами. Въ 1722 году Бестужевъ писалъ изъ Стокгольма, что туда пріѣхали изъ Ревеля въ Або русскіе купцы съ мелочью, привезли немного полотна, ложки деревянныя, орѣхи каленые продаютъ на саняхъ и нѣкоторые на улицѣ кашу варятъ у моста, гдѣ корабли пристаютъ. Узнавши объ этомъ, Бестужевъ запретилъ имъ продавать орѣхи и ложки, и чтобъ впредь съ такою бездѣлицею къ Стокгольмъ не ѣздили и кашу на улицѣ не варили, а наняли себѣ домъ и тамъ свою нужду исправляли. Бестужевъ писалъ, что шведы насмѣхаются надъ этими купцами.

Подражая во многихъ отношеніяхъ западной Европѣ, Петръ старался о введеніи цехового устройства. Въ „Регламентѣ или уставѣ главнаго магистрата“ сказано: должно „каждое ремесло имѣть свои особливыя цумфты (цехи) или собранія ремесленныхъ людей, и надъ оными алдермановъ (или старшинъ) и свои книги, въ которыхъ ре-

гулы, или уставы, права и привилегіи ремесленныхъ людей содержаны". Мануфактуръ-коллегіи было поручено составить такіе уставы. Все это было начато, „понеже всякое каждаго города изобиліе при Божіей помощи и доброй полиціи, въ началѣ отъ корабельнаго морского хода, такожь отъ свободнаго и безобиднаго во всемъ купечествѣ и искуснаго рукодѣлія, собственную свою имѣетъ силу и умножительное дѣйство". Приведеніе въ исполненіе проекта о цехахъ встрѣтило разныя затрудненія. Петръ строго требовалъ ускоренія этого дѣла.

Въ 1722 году онъ писалъ оберъ-президенту главнаго магистрата: „ежели въ Петербургѣ сихъ двухъ дѣлъ, т. е. магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или полъ-года, то ты и товарищъ твой, Исаевъ, будете въ работу каторжную посланы". Въ апрѣлѣ 1722 года, по выходѣ изъ сената, велѣно Дмитрію Соловьеву „учинить съ иностранныхъ учрежденій о цехахъ извѣстіе и внесть въ сенатъ". Соловьевъ обѣщалъ сдѣлать это къ завтрашнему утру.

Учрежденіе цеховъ никогда не привилось въ Россіи. Старанія Петра оказались въ этомъ отношеніи тщетными. Подражаніе образцамъ западной Европы не всегда могло имѣть успѣхъ.

Гораздо менѣе торговли и промышленности Петра интересовало земледѣліе. Положеніе крестьянъ при немъ стало не лучше, а хуже. Нѣкоторыя мѣры, принятыя царемъ для поощренія промышленности, оказались гибельными для земледѣльческаго класса. „Подлымъ народомъ" Петръ считалъ себя въ правѣ располагать совершенно по своему произволу, не обращая вниманія ни на права крестьянъ, ни на ихъ интересы. Цѣлыми тысячами употреблялись рабочіе на верфяхъ въ Воронежѣ, Азовѣ, Архангельскѣ, Петербургѣ или работали при постройкѣ новыхъ городовъ и крѣпостей. Въ такихъ мѣстахъ между рабочими, при невниманіи къ ихъ нуждамъ, продовольствіи и санитарной части, бывала ужасная смертность. Показаніе Фокеродта, что при сооруженіи таганрогской гавани погибло отъ голода и болѣзней 300,000 человѣкъ, очевидно преувеличено; подобныя цыфры, относящіяся къ постройкѣ Петербурга, также едвали заслуживаютъ довѣрія, однако постоянныя жалобы крестьянъ на чрезмѣрныя работы, на ужасную тягость, вѣчно повторявшіеся случаи бѣгства крестьянъ толпами свидѣтельствуютъ объ ужасныхъ страданіяхъ низшаго класса.

Фокеродтъ сообщаетъ о повсемѣстной жалобѣ на убавленіе населенія при Петрѣ. Причинами этого явленія онъ называетъ налоги, рекрутчину, наборъ рабочихъ для постройки каналовъ и пр., при чемъ люди толпами умираютъ съ голоду. Этотъ же писатель сообщаетъ, что „по случаю послѣдняго похода въ польскія владѣнія, русскіе въ одной Литвѣ открыли не менѣе 200,000 такихъ крестьянскихъ дворовъ, жители которыхъ были принуждены возвратиться въ Россію" и пр.

Законы въ отношеніи къ бѣглымъ крестьянамъ становились все строже и строже. Вообще правительство къ крестьянамъ относилось особенно строго, а иногда и жестоко, принимая только въ видѣ исключенія мѣры къ обезпеченію интересовъ крестьянъ. При характерѣ законодательства, болѣе и болѣе лишавшаго крестьянъ всѣхъ правъ, административныя мѣры, внушенія, надзоръ, контроль надъ господскими распоряженіями—не могли имѣть успѣха. Незамѣтно узелъ прикрѣпленія затягивался туже и туже, земля ускользала изъ-подъ крестьянъ, и они

изъ прикрѣпленныхъ къ землѣ дѣлались крѣпостными своихъ господъ, наравнѣ съ холопами. Случаи продажи крестьянъ безъ земли во время царствованія Петра становятся чаще. И „ревизіи“ оказали вредное дѣйствіе на положеніе крестьянъ, такъ какъ первая ревизія 1719 года зачислила крестьянъ въ одинъ разрядъ съ задворными, дѣловыми и дворовыми людьми. Отринувъ различіе между холопомъ и между крестьяниномъ и кабальнымъ слугою, не составлявшимъ прежде исключительной собственности господъ, ревизія тѣмъ самымъ сравнила ихъ съ полными холопами и вполнѣ утвердила всѣ притязанія господской власти надъ прежними полусвободными людьми. Подати были переложены съ земли на души; сборъ податей непосредственно легъ па самихъ владѣльцевъ; въ исправности платежа стали уже отвѣчать не сами плательщики, а ихъ господа. Такимъ образомъ усиливалась власть господъ надъ крестьянами. Новымъ видомъ крѣпостного права были „заводскіе“ крестьяне, приписанные къ фабрикамъ. Такихъ рабочихъ было очень много, и этотъ видъ зависимости не даромъ казался народу особенно тягостнымъ. Въ сравненіи съ гибельными дѣйствіями такихъ общихъ постановленій, нѣкоторые указы противъ „разорителей“ крестьянъ не имѣли значенія. Въ принципѣ, однако, Петръ заступался за крестьянъ. Въ указѣ отъ 15-го апрѣля 1721 года, государь, признавая всю безнравственность продажи врозь крестьянъ, говоритъ слѣдующее: „обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери, дочь и сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ, и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь“. Но правительство сомнѣвалось въ возможности проведенія этой мѣры, и потому, тотчасъ послѣ приказанія „пресѣчь оную продажу“, оговаривается: „а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ и продавать цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь“. Очевидно все это было лишь предположеніемъ, а не дѣйствительнымъ распоряженіемъ, ибо въ заключеніе сказано: „и о томъ бы при сочиненіи нынѣшняго уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующіе господа сенаторы заблагоразсудятъ“.

По разсказу одного современника-иностранца, кто-то совѣтовалъ Петру освободить крестьянъ, но царь замѣтилъ, что такимъ народомъ можно управлять лишь съ крайнею строгостью. Изъ сочиненія современника Петра, Посошкова, мы знаемъ, что „крестьянинъ села Покровскаго“ всецѣло раздѣлялъ въ этомъ отношеніи воззрѣнія государя.

За-то Петръ въ совсѣмъ иномъ отношеніи оказалъ существенную пользу земледѣлію въ Россіи—постройкою каналовъ. Мы видѣли, что уже въ 1698 году въ проектѣ Френсиса Ли говорилось о возможности подобнаго „усовершенствованія природы“. Уже до этого начались работы для прорытія канала, соединявшаго Волгу съ Дономъ. Сначала англичанинъ Бэли, затѣмъ нѣмецъ Бракель, наконецъ, извѣстный Джонъ Перри руководили этою работою, обращавшею на себя вниманіе западной Европы. Между бумагами Лейбница былъ найденъ подробный планъ мѣстности между Иловлею и Камышенкою, притоками Волги и Дона. Однако эти работы не повели къ желанной цѣли и сооруженіе этого канала не состоялось.

Послѣ заложенія Петербурга, явилось желаніе соединить эту новую гавань водными путями съ разными областями Россіи. Самолично Петръ участвовалъ въ топографическихъ изслѣдованіяхъ близъ Вышняго-Волочка для постройки извѣстнаго канала, которая была окончена въ 1711 году. При этомъ отличился особенною дѣятельностью Михаилъ Сердюковъ. Еще въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка старый крестьянинъ, которому было 120 лѣтъ отъ роду, помнилъ, что самъ видѣлъ Петра и Сердюкова при занятіи дѣломъ постройки этого канала. Изъ писемъ Меншикова къ царю отъ 1717 года мы узнаемъ, какъ зорко Петръ слѣдилъ за этими работами. Къ концу своей жизни Петръ особенно интересовался Ладожскимъ каналомъ, надъ постройкою котораго трудился Минихъ. Въ подробной запискѣ, представленной сенату, Петръ объяснялъ великую пользу дѣла. Собственноручно онъ принималъ участіе при началѣ постройки канала, довольно часто пріѣзжалъ для наблюденія за успѣшнымъ ходомъ работы.

Сынъ Миниха въ своихъ запискахъ подробно разсказываетъ о радости Петра, когда онъ, послѣ удачнаго окончанія одной части канала, объѣхалъ ее. Обнявъ Миниха и поблагодаривъ его за радѣніе, Петръ, по возвращеніи въ Петербургъ, сказалъ императрицѣ: „я былъ боленъ, но работа Миниха сдѣлала меня здоровымъ; я надѣюсь со временемъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать водою изъ Петербурга и въ Головинскомъ саду при рѣкѣ Яузѣ въ Москвѣ стать“.

Если принять въ соображеніе, что постройка каналовъ въ нѣкоторыхъ государствахъ состоялась лишь довольно поздно, что, напр., извѣстный „Canal du midi“ во Франціи относился къ эпохѣ кардинала Мазарини, что въ Англіи даже еще около половины XVIII вѣка при постройкѣ каналовъ приходилось бороться съ предразсудками, потому что были люди, считавшіе такое стремленіе къ „усовершенствованію природы“ грѣшнымъ, то нельзя не признать, что Петръ съумѣлъ извлечь пользу изъ своихъ заграничныхъ путешествій, доставившихъ ему, особенно въ Голландіи, возможность составить себѣ точное понятіе о пользѣ и значеніи подобныхъ средствъ сообщенія для народнаго хозяйства.

LVI. Цехи Петра Великаго.

(Изъ соч. Дитятина: „Устройство и управленіе городовъ Россіи“, т. I.)

Цеховая организація, вводимая Петромъ Великимъ, составляетъ, если можно такъ выразиться, лишь часть своего цѣлаго—организаціи городского населенія вообще, почему и въ ней преобладаютъ государственно административные интересы надъ частно-общественными: цехи вводятся, въ сущности, не столько ради интересовъ промышленности и ея представителей, сколько ради интересовъ административныхъ.

И въ XVIII столѣтіи, наканунѣ введенія цеховъ и магистратскаго устройства городовъ, организація торгово-промышленнаго городского населенія едва-ли чѣмъ отличалась отъ организаціи его въ XVII столѣтіи: самая торговля и промышленность въ началѣ царствованія Петра

недалеко ушли; да и впослѣдствіи великій преобразователь прилагалъ свои заботы лишь къ крупной, оптовой торговлѣ и къ заводской, мануфактурной промышленности, основывая торговыя кампаніи, поощряя учрежденіе фабрикъ, заводовъ; мелкая промышленность, промышленность ремесленная, предоставлена была самой себѣ. Изъ торгово-промышленнаго населенія городовъ, только высшіе слои его, или скорѣе, наиболѣе вѣдающіеся отдѣльные члены его, бывшіе въ состояніи брать на себя болѣе или менѣе обширныя торговыя и промышленныя предпріятія, получали отъ царя всякаго рода льготы и привиллегіи, выдѣлявшія ихъ изъ общей среды городского населенія; организація этого послѣдняго оставалась все той же, какой она была и въ XVII ст. Все торгово-промышленное населеніе городовъ и посадовъ по-прежнему дѣлилось на сотни и слободы. Дѣленіе это не было дѣленіемъ юридическимъ: сотня или слобода не представляла собою юридической единицы, пользовавшейся какими-либо правами или привиллегіями; они были не чѣмъ инымъ, какъ единицами, сложившимися фактически; основаніемъ дѣленія первоначально служило просто число домовъ или душъ, такъ что это были единицы количественныя, какъ сотни, или географическія, какъ слободы: къ этому основанію впослѣдствіи присоединилась подкладка качественности: сотни стали называться гостиными, суконными по роду занятій составлявшихъ ихъ членовъ. Отличіе и этихъ сотенъ было исключительно фактическое—большій или меньшій достатокъ въ сравненіи съ остальнымъ населеніемъ; но съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало возлагать на гостей, гостиную и суконную сотни разнаго рода «службы», эти общины стали отличаться отъ остальныхъ уже и юридически, неся нѣкоторыя государственныя службы и пользуясь за это нѣкоторыми льготами. Организація бурмистерской палаты или ратуши и земскихъ избъ стояла, какъ мы видѣли, въ тѣсной связи съ этимъ дѣленіемъ городского населенія: представители въ избы избирались отъ каждой сотни и слободы. Всякаго рода повинности и оклады „верстались“ по сотнямъ и слободамъ.

Все, сказанное до сихъ поръ о городѣ XVIII столѣтія вообще, ясно указываетъ, что о политическихъ правахъ населенія нашего города не можетъ быть и рѣчи; можно говорить лишь о его тяглѣ, о государственныхъ службахъ, на него возложенныхъ. Службы эти, это тягло, какъ мы знаемъ, было отлично отъ тѣхъ службъ и того тягла, которое несли другіе классы населенія; чтобы нести именно это тягло, нужно было входить въ составъ городского населенія, къ которому принадлежалъ каждый, не входившій въ составъ сельскаго-крѣпостного населенія или служилаго сословія и владѣвшій, въ районѣ города или посада, недвижимой собственностью—домомъ, дворомъ, который до 1719 года, года введенія „подушнаго оклада“, служитъ податной единицей городского населенія. Такимъ образомъ, основаніемъ принадлежности къ городскому населенію служилъ не промыселъ, а владѣніе собственностью, которая долгое время принималась за основаніе при обложеніи податьми и всякаго рода повинностями. Этимъ обстоятельствомъ и объясняются всѣ мѣры правительства въ XVII и XVIII ст., направленныя къ тому, чтобы не допускать перехода городского двора въ руки члена служилаго сословія или крестьянина, такъ какъ въ случаѣ такого перехода дворъ, оставаясь въ районѣ города или посада,

обѣлялся, т. е. переставалъ нести городское тягло. Занятіе какимъ-либо промысломъ не составляло необходимаго условія принадлежности къ городскому сословію, въ составъ котораго входили не одни торговцы или промышленники, но и тѣ изъ свободныхъ и неслужилыхъ людей, которые, владѣя въ городѣ или на посадѣ домомъ, занимались земледѣліемъ. Съ другой стороны, занятіе промысломъ вообще не составляло исключительнаго права городского населенія; такое право принадлежало ему лишь относительно торговли и промысла въ самомъ городѣ или посадѣ; почему занятіе торговлей или промысломъ въ посадѣ или городѣ со стороны крестьянина или служилаго человѣка было бы ущербомъ для торгово-промышленнаго населенія этого города или посада, нарушеніемъ его права, такъ какъ крестьянинъ, промышляя въ городѣ или посадѣ, не могъ бы быть привлеченъ къ городскому тяглу, какъ несущій уже другое, свое собственное тягло. Отсюда правительству оставалось одно изъ двухъ: или совершенно запрещать представителямъ этихъ сословій владѣть въ городѣ недвижимой собственностью и заниматься въ немъ торговлей или какимъ-нибудь промысломъ, или же, допустивъ то и другое, обязать ихъ нести двойное тягло; одно—по своей принадлежности къ опредѣленному сословію, другое—по занятію ремесломъ. Въ теченіе почти всего XVII столѣтія въ правительствѣ преобладала политика перваго рода; въ XVIII столѣтіи перевѣсъ былъ на сторонѣ политики второго рода. Въ томъ и другомъ случаѣ, условіемъ принадлежности къ составу городского населенія было владѣніе недвижимой собственностью въ городѣ или посадѣ и занятіе промысломъ. Съ введеніемъ подушной подати въ городахъ и посадахъ дѣло нѣсколько измѣняется: тяглой, податной единицей теперь является уже не дворъ, а душа, т. е. собственность замѣняется лицомъ, почему съ этого времени достаточно платить въ городъ подушную подать и заниматься ремесломъ, чтобъ входить въ составъ городского населенія и стать въ вѣдѣніе городскихъ сословныхъ учрежденій. Сотни и слободы теперь составляются уже не изъ дворовъ, а изъ душъ; дворъ и промыселъ, въ смыслѣ основанія принадлежности къ городскому тяглу, смѣняются душой и промысломъ. Правительство заботится теперь уже не столько о томъ, чтобы посадскіе дворы не стояли „въ пустѣ“, сколько о томъ, чтобы число посадскихъ было возможно полнѣй. Владѣть недвижимой собственностью на посадѣ—дворомъ, лавкой, амбаромъ или вообще какимъ-либо торгово-промышленнымъ заведеніемъ—и теперь еще никто, кромѣ посадскихъ, промышленнаго или торговаго человѣка не можетъ: всякій, владѣющій на посадѣ домомъ, лавкой и т. п., долженъ быть „написанъ въ посадъ“. Но теперь можетъ быть „написанъ въ посадъ“ и тотъ, кто не владѣетъ ни тѣмъ, ни другимъ, а лишь занимается какимъ-либо промысломъ и платитъ подушное. Это послѣднее начало сдѣлалось исключительнымъ основаніемъ принадлежности къ сословному городскому населенію лишь со времени введенія магистратовъ.

Вводя новыя сословно-городскія учрежденія, Петръ Великій дѣлитъ все населеніе города на двѣ группы, изъ которыхъ одна вѣдается этими учрежденіями, другая не имѣетъ къ нимъ никакого отношенія. Первую группу онъ назвалъ „регулярными“ гражданами, къ которымъ онъ относитъ всѣхъ болѣе или менѣе „знатныхъ“ торговцевъ и промышленниковъ всякаго рода, не исключая даже и представителей труда ин-

теллектуальнаго, въ родѣ докторовъ и лѣкарей, къ нимъ же относитъ онъ и живописцевъ. Ко второй группѣ, къ группѣ гражданъ нерегулярныхъ, по регламенту относились всѣ, имѣющіе жительство въ городѣ, но не принадлежащіе ни къ одному изъ перечисленныхъ въ VII главѣ регламента видовъ гражданъ регулярныхъ и входящіе или въ составъ дворянства (шляхетства), или духовенства, или иностранцевъ, живущихъ въ Россіи „ради торговли и рукодѣлія“, или же, наконецъ, относящіеся къ категоріи „подлыхъ“ людей (обрѣтающихся въ наймахъ и чернорабочихъ), которые нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются. Такимъ образомъ, законодатель прочно устанавливаетъ сословное различіе между отдѣльными классами городского населенія, вся совокупность котораго составляетъ собою понятіе горожанъ, городскихъ обывателей, въ обширномъ смыслѣ этихъ словъ, какъ совокупность всѣхъ, имѣющихъ своимъ мѣстопребываніемъ городъ и посадъ, т. е. понятіе горожанъ, въ обширномъ смыслѣ слова, есть понятіе чисто-географическое, территоріальное. Этому понятію горожанина, въ широкомъ смыслѣ, законодатель противополагаетъ понятіе горожанина, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, понятіе горожанина регулярнаго, занимающагося извѣстнымъ промысломъ, несущаго извѣстное тягло, подчиненнаго вѣдѣнію извѣстныхъ сословно-городскихъ учрежденій,—однимъ словомъ, горожанинъ или гражданинъ въ тѣсномъ смыслѣ не есть просто обыватель города, но членъ сословія, составляющаго часть городскаго населенія. Вмѣстѣ съ такимъ суженіемъ понятія горожанина, сузилось и самое понятіе города; теперь городомъ на оффиціальномъ языкѣ называется не опредѣленный пунктъ съ его населеніемъ вообще, а, какъ выражается Неволинъ, общество людей торгово-промышленнаго сословія, принадлежащихъ къ извѣстному мѣсту, и самое то мѣсто, къ которому они считаются принадлежащими. На гражданахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и сосредоточивается вся законодательная дѣятельность Петра, касающаяся городского устройства и горожанъ.

Горожане въ тѣсномъ смыслѣ, регулярные граждане, распадаются, въ свою очередь, еще на нѣсколько группъ, на основаніи ихъ личнаго достоинства или, скорѣе, того промысла, которымъ они занимаются. Прежде всего, всѣ регулярные граждане дѣлятся на двѣ гильдіи: къ первой относятся всѣ крупные, знатные торговцы, доктора съ аптекарями, шкипера, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и живописцы; ко второй—всѣ мелочные торговцы и ремесленники; послѣдніе независимо отъ того, что входили въ составъ гильдіи, подраздѣлялись еще на отдѣльныя общества уже на основаніи однородности мастерства: „каждое художество или ремесло“, говоритъ регламентъ главному магистрату, „свои особые цунфты или собранія ремесленныхъ людей имѣетъ“. Гильдіи и цехи получили свою особую внутреннюю организацію, скопированную съ цеховой организаціи германскихъ городовъ. Каждая гильдія имѣла своихъ выборныхъ представителей—старшинъ и старостъ съ товарищами. Эти выборные должны были, по выраженію законодателя, попеченіе и стараніе имѣть обо всемъ, что до пользы гражданъ касается. Являясь органами внутренняго управленія гильдіей, выборные старшины со старостами стоятъ, по мысли законодателя, въ тѣсной связи съ городскимъ магистратскомъ управленіемъ: все, что касалось гражданской пользы, городовой магистратъ долженъ былъ, по ин-

струкціи, обсуждать со старостами и старшинами гильдій, которые, такимъ образомъ, составляли нѣчто въ родѣ совѣта при магистратѣ, конечно, только съ совѣщательнымъ голосомъ. Этимъ мѣстомъ инструкціи городовымъ магистратамъ и исчерпываются всѣ опредѣленія объ организаціи гильдіи. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній ни о томъ, какъ избирались ея представители, ни о томъ, на сколько времени они избирались. Гораздо больше останавливается законодатель на организаціи цеховъ. Слишкомъ неопредѣленныя постановленія объ этомъ предметѣ регламента главному магистрату скоро были разъяснены и дополнены спеціальнымъ указомъ о цехахъ, за которымъ слѣдовалъ рядъ указовъ, рѣшающихъ отдѣльные вопросы по этому предмету. Въ результатѣ получилась слѣдующая организація городской ремесленной промышленности при Петрѣ Великомъ.

Каждый цехъ имѣетъ свои цеховыя собранія, своихъ представителей,—старшинъ или альдермановъ,—число которыхъ зависѣло отъ „величества города и числа художниковъ“ (ремесленниковъ) цеха. Трудно сказать, были ли старшины, по смыслу опредѣленія регламента, выборными должностями; въ регламентѣ просто говорится, что „каждое ремесло свои цунфты имѣетъ, а надъ оными—альдермановъ“. Со времени указа 1722 года альдерманы были несомнѣнно избирательными должностями, избираемыми самими цехами изъ собственной среды; при этомъ, однако, ни регламентъ, ни впослѣдствіи изданные указы ничего не говорятъ о срокѣ, на который избирались эти цеховыя должностныя лица. Они избирались, понятно изъ среды полноправныхъ членовъ цеха—мастеровъ. Обязанности альдермановъ не были исключительно только, такъ сказать, ремесленными обязанностями. Они не только вели цеховую книгу, записывали въ нее всѣхъ ремесленниковъ своего цеха, не только смотрѣли за тѣмъ, „дабы всякій свое рукодѣлье дѣлалъ добрыми мастерствы“, но они вмѣстѣ съ тѣмъ были и административными органами правительства, его агентами, раскладывая государственныя подати и повинности и собирая ихъ. Въ томъ случаѣ, когда старшина по отношенію къ своимъ обязанностямъ „въ добрыхъ поступкахъ явится“, онъ можетъ быть, какъ бы въ награду за свое поведеніе, выбранъ не только въ члены ратуши, но и въ бургомистры.

Каждый цехъ составляется изъ членовъ двухъ категорій: членовъ полноправныхъ и неполноправныхъ; къ первымъ принадлежатъ всѣ мастера цеха, т. е. ремесленники, имѣющіе право заниматься даннымъ ремесломъ совершенно самостоятельно и имѣть своихъ подмастерьевъ и учениковъ, которые составляютъ вторую категорію членовъ цеха, членовъ неполноправныхъ. Всѣ постановленія о переходѣ членовъ второй категоріи, учениковъ и подмастерьевъ, въ первую—мастера, ограничиваются двумя только мѣстами указа, изданнаго въ апрѣлѣ 1722 года. Одно изъ нихъ говоритъ, что ученики должны находиться въ обученіи у мастера никакъ не менѣе семи лѣтъ; только по прошествіи этого срока они получаютъ отъ мастера письменное удостовѣреніе въ знаніи своего ремесла. Можетъ ли такой, кончившій свой курсъ, ученикъ поступить прямо въ мастера на основаніи только полученнаго имъ отъ бывшаго хозяина свидѣтельства, или же, какъ въ западно-европейскихъ цехахъ, долженъ непремѣнно сначала пройти, въ теченіе опредѣленнаго періода времени, степень подмастерья, вопросъ остается открытымъ;

нужно-ли, наконецъ, какое-либо испытаніе въ искусствѣ, знаніи ремесла для подмастерья, желающаго вступить въ цехъ въ качествѣ самостоятельнаго хозяина-мастера, точно также отвѣтить положительно нельзя, такъ какъ второе мѣсто названнаго указа,—мѣсто болѣе или менѣе касающееся даннаго вопроса, говоритъ вообще, что званіе мастера можно получить лишь послѣ успѣшнаго испытанія, которое, по выраженію указа, обыкновенно производится, „какъ въ чужихъ краяхъ". О взаимныхъ отношеніяхъ учениковъ подмастерьевъ и мастеровъ другъ къ другу ни регламентъ, ни спеціальные указы о цехахъ ничего не говорятъ: они опредѣлялись, вѣроятно, или путемъ обычая, или тоже—„какъ въ чужихъ краяхъ".

Заимствуя „въ чужихъ краяхъ" цеховую организацію, царь не дѣлаетъ этого однако, какъ говорится, зажмуря глаза: въ копіи во многихъ отношеніяхъ трудно узнать оригиналъ. Копируя болѣе или менѣе точно оригиналъ „чужихъ краевъ" относительно самаго производства ремесла, Петръ Великій значительно отступаетъ отъ этого оригинала по отношенію къ составу ремесленниковъ, членовъ цеха. Копія далеко не представляетъ собою того замкнуто-подпольнаго характера относительно этого состава, какой носятъ цехи Германіи даже въ XVIII ст., несмотря на борьбу съ этимъ ихъ характеромъ представителей просвѣщеннаго абсолютизма. Петръ Великій переносилъ къ намъ цехи во всякомъ случаѣ, между прочимъ, и съ тою цѣлью, чтобы вызвать движеніе въ ремесленной промышленности, поощрить ея развитіе, привлечь къ занятію ею возможно большее количество рукъ и силъ, а никакъ не устранять ихъ: нашъ ремесленникъ не могъ, подобно западноевропейскому, жаловаться на конкурренцію; бояться ея: какъ ни были малы потребности общества, рукъ, удовлетворяющихъ имъ, было еще меньше. Вотъ почему Петръ, какое бы онъ ни придавалъ значеніе цехамъ Германіи, не могъ перенести на русскую почву ихъ статутныхъ постановленій, направленныхъ къ ограниченію доступа въ составъ цеха новыхъ членовъ; онъ не могъ придать вводимымъ имъ учрежденіямъ характера замкнутой наслѣдственности, строгой монополіи. Ко всему этому, онъ не могъ не видѣть, что и въ западно-европейскомъ цехѣ эта замкнутость, монополія, терпѣлась лишь какъ зло, на борьбу съ которымъ у государства не доставало силъ, къ ограниченію которой, однако, направлялись всѣ имѣющіяся силы. Понятно само собою, что Петръ Великій смотрѣлъ на значеніе цеховъ не глазами цеховыхъ ремесленниковъ XVIII ст., видѣвшихъ въ нихъ средство удовлетворить своимъ собственнымъ, личнымъ интересамъ, а глазами правительствъ, видѣвшихъ въ нихъ средство къ развитію промышленности. Вотъ почему нашъ великій преобразователь могъ перенести статутныя цеховыя постановленія о полицейскомъ надзорѣ за производствомъ ремеслъ, ошибочно считая ихъ, вмѣстѣ съ западно-европейскими представителями просвѣщеннаго абсолютизма, за очень дѣйствительное средство къ поощренію развитія промышленности, и не могъ сдѣлать того же самаго относительно постановленій, направленныхъ къ развитію въ цехахъ духа монополій. Если мы не встрѣчаемъ въ цеховыхъ учрежденіяхъ, введенныхъ Петромъ, полной свободы относительно вступленія въ цехъ его полноправнымъ членомъ, то это вызывалось совершенно иными причинами, не имѣющими ничего общаго съ цеховой организаціей. Такою

причиною ограниченія свободы вступленія въ составъ цеха является тягло—государственный характеръ всего русскаго населенія.

Указъ 1722 года выставляетъ, какъ основное положеніе, что въ цехи, „вѣчно или временно", записываются „ремесленники всякихъ художествъ" — все равно, принадлежатъ ли они къ русскимъ подданнымъ или нѣтъ; при этомъ русскіе подданные, вступающіе въ цехъ, могутъ быть людьми „всякихъ чиновъ", не исключая и владѣльческихъ крестьянъ, которые, однако, должны для этого представить старшинѣ цеха отпускныя письма отъ помѣщиковъ или приказчиковъ; при чемъ послѣдніе вписываются въ цехи; при условіи согласія своихъ помѣщиковъ; только въ томъ случаѣ, если они работаютъ не на однихъ своихъ владѣльцевъ, но и на сторону, т. е. на продажу. Принимаются въ цехи и „отставные драгуны, солдаты, матросы", если занимаются какимъ-либо ремесломъ. Такимъ образомъ, единственнымъ препятствіемъ для вступленія въ цехъ была принадлежность къ какому-либо тяглому сословію: крестьянинъ, напр., не могъ вполнѣ свободно вступить въ цехъ, такъ какъ съ момента поступленія въ него онъ „дѣлался" регулярнымъ гражданиномъ, входилъ въ составъ сословія, несшаго свое тягло и тѣмъ самымъ переставалъ быть членомъ крестьянской крѣпостной общины, чѣмъ нарушалъ интересы своего владѣльца, согласіе котораго на такой переходъ, поэтому, необходимо. По этой же причинѣ не могли уже вовсе вступать въ цехи служилые люди: это повело бы за собою нарушеніе государственныхъ интересовъ. Тѣ-же самыя мѣры принимались и вообще относительно поступленія въ „регулярные граждане", въ составъ которыхъ могли входить всякихъ чиновъ люди, исключая служилыхъ, жившихъ въ городахъ; этого чина люди не могли записываться на посадѣ и заниматься какою бы то ни было отраслью промышленности; всякаго рода владѣльческіе крестьяне могли быть „написаны въ посадѣ" и заниматься всякаго рода промыслами при условіи несенія двойного тягла: помѣщичьяго и посадскаго. Относительно же всякаго рода разночинцевъ, инструкція, изданная въ 1724 году въ руководство городовымъ магистратамъ, при пріемѣ ихъ въ посады, предписываетъ руководиться постановленіями Уложенія 1649 года и изданныхъ послѣ него указовъ. Это послѣднее постановленіе идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ новымъ направленіемъ, которое высказывается въ началѣ XVIII столѣтія, послѣ изданія 1719 года указа о ревизіи и введеніи подушной подати, и согласно съ которымъ для того, чтобы принадлежать къ сословію посадскихъ торгово-промышленныхъ людей, достаточно заниматься какимъ-либо промысломъ и платить подушное; владѣніе же недвижимой собственностью перестало быть conditio sine qua non принадлежности къ сословію посадскихъ. Въ параллель только приведенному опредѣленію мы имѣемъ указъ отъ 1723 года, которымъ „пришлымъ изъ-за рубежа людямъ разныхъ мастерствъ", живущимъ даже „въ чужихъ дворахъ", дозволяется записываться въ цехи, и стало быть, входить въ составъ регулярныхъ гражданъ и числиться „для платежа подушныхъ денегъ" вмѣстѣ съ другими посадскими. Такія противорѣчія, соединенія, повидимому, совершенно несоединимыхъ постановленій совершенно понятны въ лихорадочной законодательной дѣятельности Петра Великаго.

Переходъ изъ регулярныхъ гражданъ въ какое-либо другое сословіе, напр., въ крестьяне или такъ-называемые закладчики, былъ невозможенъ и опять въ видахъ все тѣхъ же государственныхъ интересовъ: переходя въ крестьяне, регулярный гражданинъ eo ipso переставалъ нести посадское государственное тягло.

Цехи, введенные Петромъ, не пользовались правомъ принудительнаго присоединенія къ цеху всякаго горожанина, занимающагося ремесломъ: указъ 1722 года, говоря о записываніи въ цехи „ремесленниковъ всякихъ художествъ", категорически прибавляетъ: „а въ неволю не принуждать"; слѣдовательно, ремесленникъ могъ заниматься ремесломъ и не входя въ составъ цеха. Такіе ремесленники, какъ опредѣлено было не больше, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ изданія упомянутаго указа, могли свободно заниматься своимъ ремесломъ, но только не для продажи. Нужно ли говорить, что и въ этой формѣ цехи никакъ не могли послужить къ развитію ремесленной промышленности; они, наоборотъ, тормазили ее, но тормазили во всякомъ случаѣ менѣе, чѣмъ отжившіе свое время западно-европейскіе цехи; во первыхъ, какъ мы видѣли, регламентація законодательная касается лишь способовъ производства ремесленныхъ работъ; а во вторыхъ, и въ этой формѣ цехи едва ли существовали въ огромномъ большинствѣ тогдашнихъ городовъ. Они могли существовать въ Петербургѣ, въ Москвѣ, гдѣ и въ то время пришлый, иностранный ремесленно-промышленный элементъ былъ достаточно развитъ и гдѣ самыя потребности были разнообразнѣе и сложнѣе, а потому могли вызвать по каждому ремеслу достаточное количество ремесленниковъ для того, чтобы они могли составить цехъ. Едва ли можно сказать это объ остальныхъ городахъ того времени, общественная жизнь которыхъ едва ли была на столько сложна, чтобы по каждому существующему въ городѣ ремеслу могло существовать количество мастеровъ, достаточное для образованія цеха. Наконецъ, прибавимъ ко всему этому еще и то обстоятельство, что даже тамъ, гдѣ цехи дѣйствительно были учреждены, они мало измѣняли de facto положеніе дѣлъ: можно смѣло думать, что полицейская сторона цеховыхъ постановленій оставалась болѣе или менѣе мертвой буквой, обратившись въ пустую формальность, которая давала лишь возможность всякаго рода злоупотребленіямъ, напр., при клейменіи ремесленныхъ работъ цеховымъ альдерманомъ, обратившимъ эту сторону своей должности въ доходную статью для себя. Но цеховая организація, какъ уже было замѣчено, имѣла другую сторону—государственно-административную: она стояла въ тѣсной связи съ городскимъ финансово-тяглымъ устройствомъ вообще: цеховые альдерманы и старосты со своими товарищами были вмѣстѣ съ тѣмъ и государственно-административные органы, и при этомъ послѣдняя сторона въ ихъ дѣятельности едва ли не преобладала надъ первой.

Такимъ образомъ, Петръ Великій, вводя магистратское городовое устройство, вводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и новую организацію самого городскаго торгово-промышленнаго населенія, не затруднившись установить такія группы въ этомъ населеніи, которыхъ, за исключеніемъ развѣ какого-либо единичнаго представителя, въ дѣйствительности и несуществовало. Но вся эта система, стоившая преобразователю не малыхъ трудовъ и заботъ, рушилась вмѣстѣ съ его смертью.

LVII. Положеніе крестьянъ во время Петра Великаго.

(Изъ соч. Бѣляева: „Крестьяне на Руси“).

Значеніе крестьянъ по закону, во время Петра Великаго. Съ первой ревизіи 1719 года начитается новая жизнь крестьянъ; всѣ лишенія прежнихъ правъ, мало-по-малу вошедшія въ жизнь и частью утвержденныя или признанныя законами послѣ 1675 года, теперь окончательно утверждены ревизіею и на послѣдующее время. Съ тѣмъ вмѣстѣ открытъ путь къ дальнѣйшему развитію правъ владѣльческихъ и стѣсненію правъ крестьянскихъ. Ревизія послужила исходною точкою для развитія новыхъ взглядовъ на государственное значеніе крестьянъ, при которыхъ прежнее ихъ значеніе все болѣе и болѣе забывалось и терялось изъ виду. Ревизія прежде всего зачислила крестьянъ въ одинъ разрядъ съ задворными, дѣловыми и дворовыми людьми. По указу, состоявшемуся еще 26 ноября 1718 года, предписано для ревизіи: „1-ое, взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку), чтобъ правдивыя принесли, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужескаго пола; 2-ое, расписать, на сколько душъ солдатъ рядовой“. И потомъ, указомъ отъ 22 января 1719 года, о самой ревизіи опредѣлено, что подъ именемъ всѣхъ душъ мужескаго пола въ деревнѣ должно считать какъ крестьянъ и бобылей, такъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые устроены пашнею, т. е. какъ людей прикрѣпленныхъ только къ землѣ, такъ наемниковъ и крѣпостныхъ людей, полныхъ холоповъ, лишь бы владѣлецъ отвелъ имъ землю.

Указъ отъ 22 января 1719 года, повидимому, еще отдѣляетъ холоповъ и вообще дворовыхъ людей отъ крестьянъ; онъ повелѣваетъ подавать сказки только о крестьянахъ, бобыляхъ, задворныхъ и дѣловыхъ людяхъ, которые устроены пашнею. Это, повидимому, только мѣра, подобная прежнимъ, противъ владѣльческихъ злоупотребленій, противъ незаконнаго и въ послѣднее время широко развившагося у владѣльцевъ обычая, писать крестьянъ подъ именемъ задворныхъ и дѣловыхъ людей, устроенныхъ пашнею, и такимъ образомъ укрывать ихъ отъ платежа казенныхъ податей и отправленія разныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянствѣ. И дѣйствительно, указъ сей такъ и былъ понятъ тогдашними землевладѣльцами, и они стали подавать сказки только о крестьянахъ и, можетъ быть, о дѣловыхъ людяхъ, устроенныхъ пашнею. Но правительство, узнавъ объ этомъ, не замедлило высказать прямо и ясно, что указъ отъ 22 генваря 1719 года не есть старая мѣра, а совершенно новое постановленіе, не исключающее изъ народной переписи и дворовыхъ людей, полныхъ холопей. Государь, въ указѣ отъ 5 февраля 1720 года, написалъ: „слышу я, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая же утайка, какъ и во дворахъ бывала. Того ради подтвердите указомъ, чтобъ всѣхъ помѣщики писали своихъ подданыхъ, какого они званія ни есть, также и причетниковъ церковныхъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, которымъ особливую роспись также подать надлежитъ, и всѣмъ имъ дайте сроку на полгода“.

Такимъ образомъ, по объясненію выраженному въ послѣднемъ указѣ, старый порядокъ отвергнутъ окончательно; всѣ подданные владѣльцевъ, безъ различія наименованій и степеней крѣпости, занесены въ одинъ разрядъ крѣпостныхъ людей, или владѣльческихъ подданныхъ; а потому крестьяне и бобыли сравнялись съ задворными и дѣловыми людьми, съ кабальными и полными холопами. Государство отказалось признавать различіе между сими классами, опасаясь, какъ сказано въ указѣ, „чтобъ не было утайки какъ и въ городѣхъ бывало“, т. е., чтобы владѣльцы не укрывали крестьянъ отъ платежа податей, перечисляя ихъ въ дворовые, или въ дѣловые, или задворные люди, какъ это дѣлалось прежде, опираясь на различныя степени принадлежности людей владѣльцамъ. Государство этими указами какъ бы объявило, что не хочетъ и знать степени зависимости тѣхъ или другихъ людей отъ владѣльца; для его цѣлей достаточно, чтобы люди сіи, такъ или иначе, принадлежали владѣльцу. Ибо, какъ самъ владѣлецъ, по тогдашнимъ законамъ, всю жизнь долженъ былъ служить государству, почему онъ и служилый человѣкъ, и дворянинъ, такъ точно и всѣ подданные служилаго человѣка, безъ различія, должны служить государству такъ или иначе, т. е. личною службою или платежомъ податей, какъ понадобится по обстоятельствамъ.

Первая ревизія, съ одной стороны, объявила доселѣ небывалое на Руси отрицаніе всякаго исключительнаго права собственности на людей, и всѣхъ людей, живущихъ въ Россіи (разумѣется, за исключеніемъ иностранцевъ), признало государевыми людьми, отъ стараго до послѣдняго младенца; по первой ревизіи и рабъ, полный холопъ по закону, пересталъ быть, въ высшихъ соображеніяхъ правительства, исключительною собственностью своего господина, ревизія и его зачислила въ народную перепись, помѣстила въ числѣ людей, служащихъ государству; слѣдовательно, и рабъ, прежняя безгласная собственность господина, получилъ, нѣкоторымъ образомъ, значеніе лица, члена того общества, которое составляетъ русское государство: онъ сдѣлался слугой того же государства, которому служитъ и его господинъ. Конечно, и въ прежнее время дворовые люди, холопы, требовались иногда на государственную службу; они или отправлялись вооруженные вмѣстѣ съ своими господами въ военные походы, или изъ нихъ набирались особые воинскіе отряды. Но таковыя требованія въ прежнее время были только частными мѣрами, и холопъ, возвращаясь изъ похода, попрежнему оставался собственностью господина; по прежнимъ законамъ холопъ, бывшій въ походѣ, получалъ свободу только въ такомъ случаѣ, ежели онъ, попавшись въ плѣнъ, успѣетъ убѣжать и воротиться на родину. Первая же ревизія является общимъ государственнымъ закономъ, а не частною мѣрою; послѣ первой ревизіи уже не нужно было издавать особыхъ указовъ для рекрутскаго набора изъ холопей или для сбора съ нихъ податей: послѣ первой ревизіи обыкновенно уже издавался одинъ общій указъ о рекрутскомъ наборѣ со всѣхъ податныхъ людей.

Съ другой стороны, первая ревизія, отринувъ различіе между холопомъ и между крестьяниномъ и кабальнымъ слугою, не составлявшимъ прежде исключительной собственности господъ, тѣмъ самымъ сравняла ихъ съ полными холопами и вполнѣ утвердила всѣ притязанія господской власти надъ прежними полусвободными людьми. Какъ скоро законъ распространилъ притязанія государства на прежнюю исключитель-

ную собственность частныхъ лицъ, то тѣмъ самымъ далъ средство частнымъ лицамъ развить свою власть и надъ тѣмъ, надъ чѣмъ они прежде не имѣли полной власти, тѣмъ болѣе, что это уже было подготовлено предшествовавшимъ временемъ. Дѣло ревизіи, повидимому, состояло только въ томъ, чтобы обезпечить сборъ податей; но какъ подати по прежней системѣ нельзя было брать съ рабовъ, какъ не имѣвшихъ по закону никакой собственности и даже составлявшихъ исключительную собственность господъ, то по необходимости подати были переложены съ земли на души. А такимъ образомъ сборъ податей непосредственно легъ на самихъ владѣльцевъ: въ исправности платежа передъ правительствомъ стали отвѣчать уже не сами плательщики, а ихъ господа, ибо съ дворовыхъ людей, съ полныхъ холоповъ, не имѣвшихъ закономъ признанной собственности, взять было нечего, за нихъ должны были платить ихъ владѣльцы. Но такъ какъ и крестьяне по ревизіи, мало-по-малу, вошли въ одинъ разрядъ съ рабами, то господа стали платить и за нихъ, резумѣется, взыскавъ съ нихъ же казенныя подати и за рабовъ, съ которыхъ нечего было взять.

Въ обязанности владѣльцевъ платить подати за крестьянъ и рабовъ заключалось, повидимому, только перемѣщеніе отвѣтственности съ крестьянъ на владѣльцевъ; но за симъ перемѣщеніемъ скрывалось страшное разобщеніе крестьянина съ государствомъ, между нимъ и государствомъ сталъ господинъ, и такимъ образомъ крестьянинъ сдѣлался отвѣтственнымъ только передъ господиномъ: съ него спали государственныя непосредственныя обязанности, а съ тѣмъ вмѣстѣ онъ утратилъ и всѣ права, какъ членъ государства, ибо въ его положеніи, подготовленномъ прежнимъ временемъ, права безъ обязанностей были невозможны. Владѣлецъ совершенно заслонилъ крестьянина отъ государства: онъ исправно платилъ правительству подати по числу душъ, состоящихъ за нимъ по ревизіи, выставлялъ по пропорціи душъ слѣдующихъ съ него рекрутовъ; слѣдовательно, передъ правительствомъ онъ былъ исправенъ по своему имѣнію, а что скрывалось за этою исправностью, объ этомъ знали одни крестьяне. Они платили подушныя подати и за себя, и за дворовыхъ людей, и за тѣхъ крестьянъ, которыхъ владѣлецъ продалъ на свозъ; ибо съ подушною податью — крестьяне окончательно перестали быть крѣпкими землѣ, а сдѣлались крѣпостными своихъ господъ. Земля уже вышла изъ виду у государства, государство по ревизіи знало только, сколько душъ въ извѣстномъ имѣніи, а сколько за крестьянами было земли, объ этомъ мало-по-малу позабыли и спрашивать, ибо подати шли съ душъ, а не съ земли. Поэтому владѣлецъ могъ нарѣзывать землю крестьянамъ по своему произволу, могъ даже всю землю взять подъ свою запашку, а крестьянъ кормить и одѣвать изъ своего кармана; если бы который крестьянинъ не захотѣлъ этого, то онъ могъ, домашнимъ образомъ, заковать въ цѣпи, посадить въ колодку, наказывать кошками и чѣмъ угодно, а ежели отъ рукъ отбился—продать на свозъ или поставить въ рекруты при первомъ наборѣ. Контролировать господскія распоряженія не было законной возможности. Можно было видѣть владѣльческія злоупотребленія со стороны, можно было дѣйствовать противъ нихъ нравственно, но юридически для владѣльцевъ всегда было готово прикрытіе: владѣлецъ былъ исправенъ предъ государствомъ, — онъ, какъ откупщикъ, акку-

ратно выплачивалъ лежавшую на его имѣніи откупную сумму. Само правительство, несмотря на желаніе, кажется, не имѣло средствъ къ пресѣченію владѣльческихъ злоупотребленій. На это, нѣкоторымъ образомъ, намекаетъ указъ, отъ 15 апрѣля 1721 года: въ этомъ указѣ государь, признавая всю безнравственность продажи врознь крестьянъ, дѣловыхъ и дворовыхъ людей, „кто похочетъ купить, какъ скотовъ", тѣмъ не менѣе сомнѣвается въ возможности прекратить таковую продажу, и хотя предписываетъ: „оную продажу людямъ пресѣчь", но въ то же время оговаривается: „а ежели невозможно будетъ того вовсе пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями, или семьями, а не врознь".

Но первая ревизія дала только новое направленіе, новый взглядъ на значеніе крестьянъ, для дальнѣйшаго же развитія этого новаго направленія, для полнаго его приложенія къ жизни нужно было время и удобныя къ тому обстоятельства. Само правительство, въ продолженіе всего царствованія Петра Великаго, еще колебалось въ полнѣйшемъ развитіи началъ, порожденныхъ первою ревизіею; оно преимущественно преслѣдовало ближайшую цѣль, требовавшуюся обстоятельствами, чтобы всѣ служили государству такъ или иначе. Еще въ XVI вѣкѣ московское правительство заботилось, чтобы земля изъ службы не выходила, и для этого предпринимало неудачныя попытки объ отобраніи вотчинъ у духовенства; а въ XVII столѣтіи, мало-по-малу, почти всѣ вотчины служилыхъ людей потеряли значеніе полной частной собственности и почти сравнялись съ помѣстьями, такъ что владѣльцы должны были нести военную службу и съ вотчинъ такъ же, какъ несли ее съ помѣстьевъ; за неявку на службу владѣльцевъ, вотчины (за исключеніемъ куплей) такъ же или отбирались на государя, или отдавались родственникамъ, какъ и помѣстья.

Этому правилу, завѣщанному старой московской администраціей, постоянно слѣдовалъ и Петръ Великій. Поэтому, когда онъ закрѣпилъ крестьянъ за владѣльцами ревизіею, то, вслѣдъ же за тѣмъ, съ большею строгостью, старался прикрѣпить и владѣльцевъ къ государственной службѣ (собственно военной). Хотя дворяне и въ прежнее, допетровское время считались постоянно служилыми людьми и дѣйствительно несли очередную службу, однако же прежняя и петровская служба далеко не походили другъ на друга. Тогда служилый человѣкъ, дворянинъ, являлся на службу или по очереди на полгода, или по вызову правительства на извѣстный походъ, и потомъ отправлялся домой или до новой очереди, или до новаго вызова; теперь же служба дворянина сравнялась съ службою рекрута, взятаго изъ крестьянъ: онъ, такъ же, какъ и рекрутъ, поступалъ на службу солдатомъ и только службою достигалъ чиновъ. Самыя взысканія за неявку на службу прежде ограничивались или перечисленіемъ въ низшій разрядъ, или уменьшеніемъ помѣстнаго оклада; при Петрѣ же, послѣ первой ревизіи, неявка дворянина на службу считалась преступленіемъ, равнымъ измѣнѣ, и наказывалась или смертію, или лишеніемъ честнаго имени, шельмованіемъ.

Такимъ образомъ, Петръ Великій, первою ревизіею прикрѣпивъ крестьянъ къ владѣльцамъ, тѣмъ самымъ прикрѣпилъ и владѣльцевъ къ государственной службѣ. Обширныя права владѣльцевъ надъ крестьянами въ петровское время рѣшительно условливались службою владѣль-

цевъ государству; владѣлецъ, уклоняясь отъ службы, тѣмъ самымъ уже лишался своихъ владѣльческихъ правъ, и его имѣніе,—движимое и недвижимое, покупное и выслуженное или родовое,—отбиралось на государя. Конечно, и въ петровское время много дворянъ, богатыхъ владѣльцевъ, уклонялось отъ военной службы, какъ свидѣтельствуетъ Посошковъ, писавшій въ 1724 году; онъ, представивъ нѣсколько примѣровъ уклоненій отъ службы, говоритъ: „А и нынѣ, если посмотрѣть, многое множество у дѣлъ такихъ брызгалъ, что могъ бы одинъ пятерыхъ непріятелей гнать, а онъ, добившись къ какому дѣлу наживочному, да живетъ себѣ, да наживаетъ пожитки; а убогіе дворяне служатъ и съ службы мало съѣзжаютъ; иніи лѣтъ по 20 и по 30 служатъ, а богатые лѣтъ пять или шесть послужатъ, да и помышляютъ, какъ бы отъ службы отбыть, да добиться къ дѣламъ и, добившись къ дѣламъ, вѣкъ свой и проживаютъ“. Но таковыя уклоненія дѣлались мимо закона, а по закону дворянинъ постоянно долженъ былъ состоять въ службѣ и только службою могъ удерживать за собою владѣльческія права.

Но и постоянная служба владѣльцевъ въ петровское время еще не совсѣмъ обезпечивала права владѣльцевъ на крестьянъ и дворовыхъ людей; съ крѣпостныхъ людей еще не была снята Петромъ же допущенная свобода поступать въ военную службу, не спрашивая на это согласія своихъ господъ. Петръ Великій, постоянно нуждаясь въ служилыхъ людяхъ для укомплектованія войскъ, и послѣ первой ревизіи не переставалъ принимать въ службу охотниковъ и изъ крѣпостныхъ людей. Такъ, указомъ отъ 7-го марта 1721 года, свобода поступать въ службу была предоставлена всѣмъ крѣпостнымъ людямъ, выключая тѣхъ, которые господами своими были выучены матросскому дѣлу для плаванія своего въ С.-Петербургѣ. Очевидно, законодатель и крѣпостныхъ людей считалъ членами государства, а службу ихъ господамъ—государственною службою, только посредственною, т. е. крѣпостной человѣкъ, служа господину, тѣмъ самымъ служилъ государству; но государство считало себя въ правѣ принять и непосредственную его службу, ежели онъ самъ желалъ этого.

Основныя начала первой ревизіи въ петровское время далеко еще не были развиты; администрація и общество еще колебались между старымъ и новымъ порядкомъ, и самъ Петръ Великій еще не твердо шелъ по пути, имъ избранному, и не могъ окончательно отрѣшиться отъ стараго порядка, такъ выгоднаго для владѣльцевъ. Онъ то смѣшивалъ дворовыхъ людей съ крестьянами, то раздѣлялъ сіи два разряда, то предписывалъ раскладку подушной подати производить только между крестьянами, задворными и дѣловыми людьми, устроенными пашнею, то распространялъ эту раскладку на всѣхъ живущихъ по деревнямъ, какого бы кто чина ни былъ, и на конюховъ, и на псарей и т. п.; то предписывалъ всѣхъ служащихъ, какъ крестьянъ, положить въ поборъ; но это колебаніе, поддерживаемое всѣмъ тогдашнимъ русскимъ обществомъ, нисколько не препятствовало ему постоянно преслѣдовать, такъ или иначе, одну главную мысль—чтобы въ государствѣ не было избылыхъ гулящихъ людей, чтобы каждый несъ свою службу государству; для этой мысли онъ ничѣмъ не пренебрегалъ и одинаково пользовался и старымъ, и новымъ порядкомъ, лишь бы вѣрнѣе достигнуть своей главной цѣли.

Мысль,—чтобы не было избылыхъ гулящихъ людей и чтобы всѣ состояли въ той или другой службѣ,—до того была сильна въ Петрѣ Великомъ, что онъ, указомъ отъ 1-го іюня 1722 года, прямо и ясно повелѣлъ, чтобы въ государствѣ не было болѣе такъ-называемыхъ вольныхъ государевыхъ гулящихъ людей, чтобы эта, въ прежнее время и по прежнимъ законамъ огромная масса народа, шатавшаяся изъ одного края Россіи въ другой, не приписанная и жившая вольнымъ трудомъ по найму, шла или въ военную службу, или въ услуженіе къ владѣльцамъ, въ холопы. Въ указѣ сказано: „дворовыхъ людей, которые отъ кого отпущены были на волю по отпускнымъ и которые послѣ кого кабальные люди остались, и подлежатъ быть свободны; тѣхъ, при настоящей переписи тѣмъ людямъ, у кого такіе есть, велѣть писать особо. А которые на волѣ живутъ, тѣмъ самимъ явиться къ переписи, и переписщикамъ пересмотрѣть. И которые изъ нихъ по осмотру въ службу будутъ годны, тѣхъ писать въ солдаты и отсылать въ военную коллегію; а которые въ службу негодны, тѣмъ давать свободныя письма, что они въ солдаты негодны, токмо при томъ объявлять имъ указомъ съ запискою, чтобы никто изъ нихъ въ гулящихъ не были, а опредѣлялись бы въ другія службы, или къ кому въ дворовое служеніе, а безъ службъ бы никто не шатались, понеже отъ такихъ умножаются воровства, а ежели кто таковыхъ впредь гдѣ поймаетъ, и оные сосланы будутъ въ галерную работу“. Такимъ образомъ, какъ прямо сказано въ указѣ, прежніе законы о вольныхъ государевыхъ людяхъ и кабальныхъ холопяхъ были отмѣнены. Вольныхъ государевыхъ людей новый законъ уже болѣе не признавалъ; они должны были идти или въ солдаты, а ежели въ военную службу не годятся, то искать другихъ службъ или поступать въ холопы къ частнымъ лицамъ, но уже не въ кабальные, какъ бывало прежде, а въ полные, ибо по указу и кабальные, бывшіе на лицо и по прежнимъ законамъ по смерти господъ имѣвшіе право на полученіе свободы, теперь потеряли это право; они уже не могли оставаться безъ службы, или въ противномъ случаѣ ссылались, какъ праздношатающіеся, на галерную работу. Слѣдовательно, первая ревизія еще не успѣла всѣхъ вольныхъ государевыхъ людей включить въ перепись и обложить поголовною податью или зачислить въ службу, и только настоящій указъ обратилъ на это вниманіе; но, очевидно, и настоящимъ указомъ положено только начало отмѣненію вольныхъ государевыхъ людей и кабальныхъ холопей, ибо мы съ тѣми и другими еще встрѣтимся и по смерти Петра Великаго.

Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ по закону. Отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ и послѣ первой ревизіи, во все царствованіе Петра Великаго, по закону во многомъ отзывались еще стариною и не показывали совершеннаго уничтоженія личности крестьянъ. Такъ, во-первыхъ, владѣльческимъ крестьянамъ былъ еще открытъ свободный путь къ разнымъ и не крестьянскимъ промысламъ: они могли торговать и имѣть разные заводы, и по этимъ промысламъ состоять въ посадскомъ тяглѣ, только съ обязанностью платить своему владѣльцу оброкъ наравнѣ съ прочими крестьянами. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ указъ отъ 27-го сентября 1723 года; въ указѣ сказано: «чьи крестьяне торгуютъ въ лавкахъ и отъѣзжими торгами, и въ домахъ имѣютъ кожевенные и другіе промыслы, и тѣ у посадскихъ людей промыслы отъимаютъ; и тѣхъ

всѣхъ взять въ посады; а которые крестьяне не похотятъ въ посады, и имъ никакими торгами не торговать, ни промысловъ никакихъ не держать, и въ лавкахъ не сидѣть, а жить имъ за помѣщиками.... А записываться въ посадъ крестьянамъ, какъ въ указѣ отъ 24-го ноября 708 году о томъ упомянуто, вольно, чьи бъ ни были, только осмигривенныя подушныя деньги, также и подати помѣщику обыкновенныхъ крестьянъ, а не по богатству платить, они и ихъ потомки повинны давать тѣмъ, чьи они были; записываться тѣмъ, которые будутъ имѣть торгъ съ 500 руб. и выше». Здѣсь права крестьянина прямо основываются на старомъ указѣ 1699 года, и крестьяне далеко еще не составляютъ полной собственности своихъ господъ: законъ обезпечиваетъ господину только постоянный доходъ отъ крестьянина и его потомства, и притомъ доходъ не по богатству его, а наравнѣ съ другими крестьянами; личность же крестьянина законъ защищаетъ; крестьянинъ, при исправномъ платежѣ опредѣленнаго дохода владѣльцу, по обширной раскладкѣ, и заплативъ казенныя подушныя подати, свободенъ распоряжаться своимъ трудомъ и по своимъ промысламъ имѣетъ право, не спросясь владѣльца, записаться въ посадъ и нести посадское тягло по своему промыслу. Конечно, таковаго крестьянина владѣлецъ уже не могъ ни продать, ни заложить, ни вытребовать къ себѣ для работъ; посадское тягло защищало его отъ всѣхъ притязаній владѣльца, лишь бы онъ исправно платилъ владѣльцу положенный оброкъ. Государство принимаетъ подъ особое свое покровительство того, кто больше платитъ податей, и высшій платежъ посадскій, не уничтожая низшаго платежа крестьянскаго, тѣмъ не менѣе уничтожаетъ право собственности владѣльца на таковаго плательщика, оставляя за владѣльцемъ только право на постоянный опредѣленный оброкъ.

Во-вторыхъ, владѣльческіе крестьяне, и не записываясь въ посадъ, еще по старому не теряли правъ личности; по закону они могли еще вступать (и дѣйствительно вступали) въ разные подряды съ казною и частными лицами отъ своего имени. Только для удостовѣренія въ ихъ состоятельности требовалось представить свидѣтельство или отъ управителей, или отъ самихъ владѣльцевъ; но таковое свидѣтельство, очевидно, еще не означало дозволенія владѣльца на вступленіе крестьянина въ подрядъ: казна еще не находила нужнымъ требовать таковаго дозволенія, по закону крестьянинъ еще считается гражданскимъ лицомъ и могъ вступать въ подряды отъ своего имени и безъ дозволенія владѣльца,— она только нуждалась въ удостовѣреніи, что крестьянинъ имѣетъ достаточный капиталъ для принятія подряда.

Въ-третьихъ, самое владѣніе крестьянъ землею въ петровское время до нѣкоторой степени отзывалось старымъ порядкомъ, хотя этотъ порядокъ, вслѣдствіе развитія, уже терялъ свой прежній смыслъ. Законъ, по старому, необходимымъ условіемъ крестьянства еще признавалъ землю, и именно въ опредѣленномъ размѣрѣ. Такъ, правительство, отбирая въ казну утаенныхъ по ревизіи владѣльческихъ крестьянъ, съ тѣмъ вмѣстѣ отбирало у владѣльца и слѣдующую на утаенныхъ крестьянъ долю земли.

Въ-четвертыхъ, наконецъ, по всему вѣроятію, владѣльцы по закону еще не имѣли права суда надъ своими крестьянами и крѣпостными людьми. Право это, какъ дальнѣйшее послѣдствіе, вытекавшее изъ ре-

визіи, еще не успѣло выработаться при Петрѣ Великомъ, хотя на практикѣ въ жизни существовало и прежде. Такимъ образомъ, и послѣ ревизіи за крестьянами, по закону, еще осталось много старыхъ правъ, несогласныхъ съ тѣми началами ревизіи, которыя развились впослѣдствіи; но въ то же время было и важное нововведеніе, согласное съ основными началами ревизіи,—это утвержденіе разряда заводскихъ крестьянъ. Постоянно преслѣдуя одну главную цѣль, согласную съ началами ревизіи,—чтобы всѣ состояли на службѣ государству, гдѣ служба потребуется по соображеніямъ правительства,—Петръ Великій, считая заведеніе и распространеніе заводовъ и фабрикъ службою государству, находя по тогдашнимъ обстоятельствамъ для этой цѣли сподручнымъ невольный трудъ, не замедлилъ открыть новый разрядъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Указомъ отъ 18-го января 1721 года онъ разрѣшилъ шляхетству и купечеству покупать деревни къ заводамъ и фабрикамъ. Это новое прикрѣпленіе не къ землѣ и не къ лицу, а къ заводу или фабрикѣ, стѣснительное и для владѣльцевъ, еще стѣснительнѣе было для крестьянъ. Въ деревняхъ землевладѣльческихъ крестьяне занимались земледѣліемъ и на себя, и на господина, жили своимъ хозяйствомъ и, за уплатою оброковъ или за отправленіемъ владѣльческихъ работъ, могли добывать на себя и заниматься разными промыслами, которые считали болѣе прибыльными. Напротивъ того, заводскіе крестьяне или фабричные уже лишались права выбора промысловъ; они по самому закону должны были непремѣнно работать на фабрикахъ и заводахъ, ихъ хозяйство уже зависѣло отъ завода или фабрики, къ которымъ они были приписаны; они были собственно работниками, рабами завода или фабрики, самъ хозяинъ не могъ дать имъ другого назначенія, назначеніе ихъ уже было опредѣлано закономъ. Конечно, это новое рабство свободныхъ или полусвободныхъ людей могло явиться не раньше, какъ въ то время, когда и въ земледѣльческихъ деревняхъ крестьяне болѣе или менѣе обратились въ рабовъ. Законъ только утвердилъ то, что уже фактически было допущено жизнію, т. е. призналъ законность факта, узаконивъ другой тягчайшій фактъ новаго рабства. Но какъ бы то ни было, рабство заводское или фабричное было гораздо тяжелѣе земледѣльческаго, и тѣмъ болѣе, что въ первое время не было издано никакихъ правилъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ заводамъ и ихъ владѣльцамъ: правила сіи были изданы гораздо позднѣе, уже долго спустя по смерти Петра Великаго; слѣдовательно, крестьяне были предоставлены въ полное распоряженіе заводскихъ хозяевъ, какъ обязательныя рабочія силы для производства заводскихъ работъ.

Отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ на практикѣ, въ жизни. Хотя первая ревизія, измѣнившая, по своимъ началамъ, значеніе крестьянъ по закону, въ петровское время еще не получила полнаго развитія и примѣненія къ дѣлу, тѣмъ не менѣе на практикѣ, въ жизни, далеко уже развила произволъ владѣльцевъ. Мы уже видѣли, что владѣльцы продавали крестьянъ въ розницу, раздробляя семейства, отдѣльно отцовъ отъ дѣтей и т. п., какъ прямо сказано въ указѣ Петра Великаго: „продаютъ людей, какъ скотовъ, въ рознь". Но еще нагляднѣе представляетъ развитіе владѣльческаго произвола современникъ Петра, крестьянинъ Иванъ Посошковъ. Онъ въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ", написанномъ въ 1724 году, говоритъ: „Помѣщики на крестьянъ своихъ

налагаютъ бремена неудобоносимая; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ. Или что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ отъ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету пригоняютъ, и который крестьянинъ станетъ мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ; и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола; и тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковыя нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Понизовыя мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные и въ зарубежныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ". Конечно, широкій произволъ владѣльцевъ надъ крестьянами не былъ прямымъ порожденіемъ первой ревизіи: онъ былъ сильно подготовленъ предшествовавшимъ временемъ; какъ мы уже видѣли, владѣльцы и прежде не очень стѣснялись въ своихъ распоряженіяхъ крестьянами; тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что ревизія много способствовала развитію владѣльческаго произвола, ибо она, по началамъ своимъ, отрицала прежнія права крестьянъ. Владѣльческій произволъ при ея помощи развился бы еще сильнѣе, ежели бы его не сдерживала желѣзная воля Петра *); этому лучшимъ доказательствомъ служитъ непомѣрно-быстрое развитіе произвола въ послѣдующее время.

Впрочемъ, порядокъ отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, представленный Посошковымъ, безъ сомнѣнія достовѣренъ, но только въ частности, а не вообще.

Въ самыхъ указахъ правительства мы видимъ, что доходы помѣщиковъ съ крестьянъ имѣли до нѣкоторой степени опредѣленный размѣръ; такъ, въ указахъ отъ 4 и 13 апрѣля 1723 года сказано: „на Украинцовъ сверхъ осмигривеннаго сбора положить еще по четыре гривны съ души, вмѣсто того, что прочіе крестьяне платятъ дворцовые во дворецъ, сѵнодальнаго вѣдѣнія въ сѵнодъ, помѣщиковы своимъ помѣщикамъ".

Многіе акты показываютъ, что послѣ первой ревизіи, въ продолженіе царствованія Петра Великаго, хотя и были значительныя злоупотребленія владѣльцевъ, и многіе крестьяне отъ того терпѣли крайнее разореніе, но тѣмъ не менѣе общій уровень владѣльческихъ доходовъ съ крестьянъ былъ почти въ половину менѣе подушной подати въ казну; особенно таковою легкостію пользовались крестьяне дворцовые и синодальнаго вѣдомства, въ управленіи которыми было болѣе порядка и отчетности.

Такимъ образомъ, первая ревизія, хотя внесла въ русскую администрацію и законодательство новыя начала, небывалыя прежде въ Россіи и сильно измѣнившія значеніе владѣльческихъ крестьянъ, однако всѣ

---

*) Петръ Великій въ наказѣ воеводамъ 1719 года предписывалъ помѣщиковъ, разоряющихъ крестьянъ, лишать управленія своими деревнями и деревни ихъ отдавать въ управленіе родственникамъ, а ихъ довольствовать опредѣленными доходами.

сіи начала въ царствованіе Петра Великаго далеко еще не имѣли полнаго развитія. Старый порядокъ, старое значеніе крестьянъ еще были очень сильны; ни администрація, ни общество не могли еще отъ нихъ отвыкнуть; самъ Петръ Великій въ этомъ дѣлѣ поступалъ весьма осторожно и не пренебрегалъ старымъ порядкомъ, не имѣя возможности вполнѣ замѣнить его новымъ безъ ощутительныхъ неудобствъ въ администраціи. Да и вообще государственныя и бытовыя реформы Петра такъ были обширны и разнообразны, что онъ, по необходимости, развитіе многихъ началъ, внесенныхъ имъ въ русскую жизнь, долженъ былъ предоставить послѣдующему времени. Первая ревизія, поровнявъ дворовыхъ людей съ крестьянами и отнявъ у владѣльцевъ право исключительной собственности на тѣхъ и другихъ, не успѣла уничтожить въ конецъ стараго порядка и старыхъ понятій о значеніи крестьянства; въ обществѣ даже было убѣжденіе, что крестьяне принадлежатъ владѣльцамъ только временно, что право владѣнія на крестьянъ только условливается службою владѣльцевъ. Такъ, петровскій современникъ, крестьянинъ Иванъ Посошковъ, пишетъ: „крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. И того ради не надлежитъ ихъ помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне были крестьянами прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное“.

Для самихъ крестьянъ существенное измѣненіе въ ихъ бытѣ и значеніи, порожденное первою ревизіею, еще было не замѣтно: они, во все продолженіе царствованія Петра, еще думали, что пользуются прежними правами, и всѣ притязанія господской власти считали старыми злоупотребленіями. Дѣйствительно, по формѣ послѣднія походили на прежніе обычаи владѣльцевъ, хотя въ сущности истекали изъ новыхъ началъ и имѣли уже опору въ законѣ. Такъ, напримѣръ, продажа крестьянъ безъ земли производилась и прежде, вслѣдствіе извѣстнаго указа 1675 года; то же должно сказать о переводѣ крестьянъ въ дворовые люди; участіе владѣльцевъ въ платежѣ крестьянами разныхъ казенныхъ податей также не было новостью, ибо владѣльцы и до первой ревизіи, какъ уже было извѣстно, принимали сильное участіе въ этомъ дѣлѣ и имѣли для того особыхъ стряпчихъ, хотя законъ въ то время и не обязывалъ ихъ къ этому; не новостью также было вмѣшательство владѣльцевъ въ крестьянскій судъ и расправу, да притомъ ревизія на это прямо и не указывала: права владѣльцевъ, относительно суда надъ крестьянами, вытекали изъ ревизіи только какъ дальнѣйшія послѣдствія; самыя работы крестьянъ на владѣльцевъ, а также разные владѣльческіе оброки еще не всегда и не вездѣ разнились отъ прежнихъ работъ и оброковъ, да и по закону крестьяне не были еще лишены права искать суда на владѣльческія притѣсненія.

Самое положеніе полныхъ холоповъ и кабальныхъ слугъ, существенно прямо и рѣзко измѣненное первою ревизіею, еще не ясно сознавалось тѣми самыми людьми, до которыхъ оно болѣе всего касалось; холопы, по прежнему состоя въ полномъ распоряженіи своихъ господъ, вѣроятно, еще и не замѣчали, что по ревизіи они сдѣлались членами русскаго общества, что за нихъ уже платится подушная подать. Кабальные слуги,

вслѣдствіе ревизіи потерявшіе право на свободу по смерти господъ, конечно, прежде другихъ должны были замѣтить всю невыгоду своего новаго положенія, но и ихъ положеніе въ самомъ законѣ такъ еще было неясно и такъ соприкасалось съ старыми обычаями, что и они, по всему вѣроятію, считали еще себя кабальными слугами, а не полными холопами, да и самый законъ окончательно, кажется, не рѣшилъ ихъ участи, ибо и по смерти Петра мы еще встрѣтимъ указы, касающіеся кабальныхъ слугъ.

Введенная первою ревизіею перемѣна отношеній между владѣльцами и ихъ подданными разныхъ разрядовъ въ царствованіе Петра Великаго еще не сознавалась ясно ни тою, ни другою стороною; вся тяжесть этой перемѣны и постепенное ея развитіе проявились уже при ближайшихъ Петровыхъ преемникахъ.

LVIII. Отношенія Петра къ патріархамъ, отмѣна патріаршества и учрежденіе синода.

(Изъ „Руководства къ русской церковной исторіи“ Знаменскаго).

Всѣ протесты противъ реформы раздавались во имя вѣры и съ сильнымъ участіемъ въ нихъ духовныхъ лицъ; это обстоятельство не могло не отозваться весьма дурно на положеніи главы всего духовенства—патріарха. Еще до времени своего единодержавія, при жизни матери, Петръ уже далеко разошелся съ п. Іоакимомъ. Къ этому времени относится грубая насмѣшка Петра надъ патріаршествомъ, выразившаяся въ учрежденіи „всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора“, во главѣ котораго былъ поставленъ пьяный Никита Зотовъ, бывшій учитель царя, съ титуломъ Іоанникита, патріарха презбургскаго, яузскаго и всего Кокуя; членамъ компаніи розданы въ этомъ соборѣ разныя должности—эклезіарховъ, дьяконовъ и проч., самъ царь принялъ на себя должность протодьякона. Преемникъ Іоакима, Адріанъ, сначала-было рѣзко высказался въ старомъ духѣ противъ иноземныхъ обычаевъ и нововведеній, но скоро долженъ былъ замолчать; въ послѣднее время онъ даже вовсе уѣхалъ изъ Москвы и жилъ безучастно въ своемъ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ, такъ что въ народѣ говорили: „какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, бережетъ мантіи да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ“. Патріархъ не мѣшалъ реформамъ; но Петру этого было мало, ему нужно было, чтобы патріархъ ему содѣйствовалъ; безучастное положеніе главы церкви было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Чѣмъ больше разгоралась борьба реформы съ противодѣйствіями, тѣмъ положеніе патріарха дѣлалось хуже, а отношенія къ нему царя подозрительнѣе. По случаю небольшаго замедленія въ постриженіи царицы Евдокіи, Петръ такъ опалился на Адріана, что тотъ испугался и поспѣшилъ отвести отъ себя бѣду, сославшись на архимандрита и 4-хъ священниковъ; ихъ немедленно отвезли въ Преображенское. Очень понятно, что значила та встрѣча, какую царь сдѣлалъ патріарху,

когда послѣдній вспомнилъ старинный обычай печалованія и передъ стрѣлецкими казнями явился къ Петру съ образомъ Богоматери ходатайствовать за стрѣльцовъ. „Зачѣмъ эта икона?—закричалъ гнѣвный царь,— развѣ твое дѣло приходить сюда? Поставь образъ на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Его Пречистую Матерь. Я исполняю свой долгъ, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него злоумышляющихъ". Петръ видѣлъ въ патріархѣ живое нравственное средоточіе всѣхъ недовольныхъ; для подтвержденія такого взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, ему вовсе не нужно было какихъ нибудь особенныхъ фактовъ въ поведеніи Адріана; достаточно было и того, что Адріанъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде; теперь онъ замолчалъ, но онъ могъ говорить опять, и притомъ въ такое время, когда противодѣйствіе патріарха было всего болѣе опасно, могло надѣлать еще больше хлопотъ, чѣмъ во времена п. Никона. Несмотря на то, что Адріанъ вовсе былъ непохожъ на Никона, грозная тѣнь этого властительнаго патріарха была постоянно въ глазахъ Петра. Въ октябрѣ 1700 г. патріархъ скончался, и возникъ трудный вопросъ о назначеніи ему преемника. Гдѣ было найти человѣка, сочувствующаго реформамъ, когда между духовными лицами трудно было выбрать даже такого патріарха, который давалъ бы право надѣяться даже на одно только безмолвіе съ своей стороны. Петръ рѣшился повременить избраніемъ патріарха. Управленіе церковію на время поручено было *мѣстоблюстителю патріаршаго престола*, рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Съ этого времени идетъ непрерывный рядъ перемѣнъ въ іерархическомъ строѣ русской церкви.

Отношеніе Петра къ великорусскому духовенству.

Прежде всего всѣ важные іерархическіе посты стали замѣщаться малороссійскими учеными, которыхъ такъ еще недавно преслѣдовали въ Москвѣ при послѣднихъ патріархахъ. Великорусскимъ духовенствомъ Петръ былъ недоволенъ; оно не имѣло нужнаго для цѣлей реформы образованія и постоянно попадалось въ числѣ недовольныхъ. Попадались не одни священники и монахи, но даже архіереи, напр. Исаія нижегородскій, который видѣлъ въ шведской войнѣ наказаніе Божіе за новые порядки, и Игнатій тамбовскій, который давалъ деньги книгописцу Талицкому и плакалъ при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, гдѣ доказывалось, что Петръ антихристъ. Большая часть іерарховъ подражала безмолвію п. Адріана, и только очень немногіе выражали свое сочувствіе Петру. Первымъ великорусскимъ архіереемъ изъ юго-западныхъ ученыхъ былъ Стефанъ Яворскій. Онъ родился въ 1658 г. въ Галиціи отъ русскаго шляхетскаго семейства, учился сначала въ кіевской коллегіи, потомъ въ польскихъ школахъ у іезуитовъ, гдѣ, какъ и всѣ русскіе ученики, долженъ былъ отречься отъ православія; въ 1689 году въ Кіевѣ опять присоединился къ православію, постригся въ монашество и опредѣленъ на службу при кіевской коллегіи. Въ 1700 году м. Варлаамъ Ясинскій послалъ его въ Москву съ просьбой къ патріарху о посвященіи его на переяславльскую епископію, но Петръ, замѣтивъ его проповѣднический талантъ, пожелалъ имѣть его поближе къ Москвѣ и указалъ поставить его прямо въ митрополита рязанскаго. По старой подозрительности къ юго-западнымъ ученымъ, Яворскаго встрѣтили въ Москвѣ очень недружелюбно, называли еретикомъ, обли-

ванникомъ, ляшенкомъ, и толковали, что онъ купилъ себѣ архіерейство за 3000 червонцевъ; поэтому онъ очень упорно отказывался отъ великорусской каѳедры и принялъ посвященіе уже по непреклонному желанію самого царя. Къ концу года молодой митрополитъ, имѣвшій всего 42 года отъ роду, сдѣланъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Найдя умнаго и образованнаго архипастыря, Петръ былъ очень милостивъ къ нему, давалъ ему значительные награды, послѣ лишенія сана Игнатія тамбовскаго далъ Стефану и тамбовскую епархію.

Вслѣдъ за Яворскимъ на великорусскихъ каѳедрахъ стали являться и другіе архіереи-малороссы. Послѣ смерти Игнатія тобольскаго (1701) вызванъ на его мѣсто въ митрополиты батуринскій игуменъ, св. Димитрій Туптало. На тобольскую епархію, отъ которой отказался Димитрій, выбранъ былъ тоже малороссъ, Филоѳей Лещинскій. Въ 1707 г. открыта епархія иркутская, и первымъ епископомъ ея сдѣланъ тоже воспитанникъ кіевской коллегіи, Варлаамъ Коссовскій. Съ востока отъ п. Досиѳея опять послышались обличенія противъ малороссовъ. Въ 1702 г. онъ прислалъ къ царю посланіе, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности ни грековъ, ни сербовъ, ни черкасъ (малороссовъ), а ставить однихъ природныхъ москвитянъ, „аще и немудріи суть". Но Петръ уже не обращалъ вниманія на представленія патріарха, потому что разница между дѣятельностью кіевскихъ питомцевъ и великорусскихъ іерарховъ была слишкомъ очевидна и далеко не въ пользу послѣднихъ. Въ то время, какъ пріѣзжіе архіереи заводили школы, боролись съ расколомъ, обращали инородцевъ, помогали царю въ реформахъ, старая іерархія, воспитанная среди старой немногосложной жизни, гдѣ важнѣйшимъ вопросомъ былъ только вопросъ объ обрядовомъ благолѣпіи и церковной дисциплинѣ, не нашли въ себѣ ни подготовки, ни силъ къ новой обширной дѣятельности, какая теперь требовалась отъ нея новыми задачами реформы. Разумѣется, она вовсе не сознавала своей несостоятельности и сильно была обижена, видя, какъ всѣ важнѣйшія порученія и милости правительства помимо ея идутъ къ архіереямъ-черкасамъ, которые при томъ же были все люди молодые и новые. Затаенное неудовольствіе противъ черкасъ по временамъ изливалось въ дружескихъ письмахъ даже такихъ почтенныхъ святителей, какъ новогородскій митрополитъ Іовъ.

Дѣло царевича Алексѣя.

Люди, недовольные преобразованіями, какъ извѣстно, всю надежду полагали въ будущемъ, когда долженъ былъ воцариться царевичъ Алексѣй, воспитанный въ старомъ духѣ. На него же возлагало свои надежды и недовольное новыми порядками духовенство. Благочестивый царевичъ постоянно былъ окруженъ духовными лицами стариннаго направленія и самъ высказывалъ большое нерасположеніе къ наѣзжимъ черкасамъ. Особенно сильное вліяніе на него имѣлъ его духовникъ, Яковъ Игнатьевъ, человѣкъ энергичный, съ сильнымъ характеромъ, бывшій для царевича тѣмъ же, чѣмъ былъ Никонъ для царя Алексѣя; царевичъ далъ ему клятвенный обѣтъ чтить его, какъ ангела Божія и судію дѣлъ своихъ, и во всемъ покоряться его волѣ. Будучи однимъ изъ злѣйшихъ враговъ Петра, Игнатьевъ употребилъ все свое вліяніе на царевича, чтобы внушить ему ненависть ко всѣмъ дѣламъ и самой личности отца, напоминалъ Алексѣю о судьбѣ его несчастной матери

Евдокіи, указывалъ на счастливую Екатерину, на которой царь женился вторымъ бракомъ, порицалъ распоряженія и реформы Петра, какъ противныя православію, и т. д. Царевичъ всего болѣе разсчитывалъ на расположеніе духовенства, въ которомъ былъ совершенно увѣренъ, и говорилъ своимъ приближеннымъ: „Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ; тогда меня и нехотя владѣтелемъ учинятъ". Къ нему былъ привязанъ самъ мѣстоблюститель Стефанъ, который начиналъ уже замѣтно скучать въ напрасномъ ожиданіи патріаршаго сана и понемногу сближался съ недовольной великорусской партіей духовенства. Въ 1712 г. онъ говорилъ проповѣдь на день Алексѣя человѣка Божія, тезоименитство царевича, и не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать въ ней очень прозрачныхъ намековъ на поведеніе царя, неодобрительно коснулся въ ней недавняго учрежденія въ Россіи фискаловъ, пустился въ обличенія противъ оставляющихъ своихъ женъ, не хранящихъ постовъ и обидящихъ церковь, и, обращаясь ка лицу царевича, называлъ его единою надеждою Россіи. Петру донесли объ этой проповѣди, и онъ совсѣмъ запретилъ Стефану говорить проповѣди. Съ этого времени друзья царевича считали мѣстоблюстителя своимъ. Царевна Марья Алексѣевна, державшаяся старины, говорила Алексѣю, что м. Стефанъ склоненъ къ нему и не благо принялъ бракъ царя съ Екатериною, отъ котораго могли быть другіе наслѣдники престола, кромѣ его. Несмотря на то, что царевичъ рѣдко сносился съ мѣстоблюстителемъ, Петръ сильно подозрѣвалъ послѣдняго въ соучастничествѣ съ своимъ сыномъ. Когда царевичъ скрылся отъ отца за границу (1718 г.), царь однажды спросилъ Яворскаго, что онъ объ этомъ думаетъ.—„Думаю,—отвѣчалъ уклончивый малороссъ,—что онъ хочетъ поучиться за границей". Царь быстро взглянула на него и сказалъ:—Если ты говоришь это въ утѣшеніе мнѣ, то хорошо; иначе слова твои—Мазепины рѣчи". Яворскій даже захворалъ отъ этого слова. Изъ-за границы Алексѣй писалъ письма къ довѣреннымъ лицамъ, Якову Игнатьеву, архіереямъ Досиѳею ростовскому, Игнатію Смолѣ крутицкому и Іосафу Кроковскому кіевскому. Когда его схватили и привезли изъ-за границы въ Москву, онъ выдалъ всѣхъ своихъ сторонниковъ и, между прочимъ, сильно повредилъ духовенству, поставивъ главною причиною своей вражды съ отцомъ „бесѣды съ попами и чернцами". Смерть Алексѣя была для царя самой тяжелой жертвой во имя реформы; раздраженіе его во время розысковъ по дѣлу царевича напоминало страшное время стрѣлецкаго розыска. Понятно, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ виновникамъ всего этого дѣла, на которыхъ указалъ ему самъ царевичъ. „Когда бы не монахиня (Евдокія) и не хонахи,—говорилъ онъ,—не дерзнулъ бы Алексѣй на такое неслыханное зло. Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ, а я съ тысячами".

Дѣло царицы Евдокіи.

Въ одно время съ дѣломъ царевича шло не менѣе тяжелое дѣло о его матери. По розыскамъ оказалось, что она не переставала считать себя царицей, свое невольное постриженіе считала недѣйствительнымъ, ходила въ мірскомъ платьѣ и мечтала снова быть на престолѣ. Въ сочувствіи къ ней и ея сыну снова попалось множество духовныхъ лицъ, которые поминали ее царицей при богослуженіи

и воздавали ей царскія почести; попались монахини Покровской обители, монахи окрестныхъ монастырей, духовникъ ея, ключарь суздальскаго собора Ѳеодоръ Пустынный, архимандритъ Досиѳей (сдѣлавшійся потомъ ростовскимъ архіереемъ) и крутицкій митрополитъ Игнатій. Ѳеодоръ Пустынный, Досиѳей и еще какой-то юродивый Михайло Босой пророчили ей скорую смерть царя и вмѣстѣ съ тѣмъ скорую перемѣну ея участи, ссылаясь при этомъ на свои видѣнія и гласы отъ образовъ. Когда она пеняла Досиѳею за то, что пророчества въ назначенное время не сбывались, онъ увѣрялъ, что это случилось за грѣхи ея отца, и бралъ отъ нея многіе дары и деньги, чтобы молиться объ ея отцѣ; черезъ годъ увѣрялъ, что видѣлъ ея отца выпущеннымъ изъ ада до пояса, еще черезъ годъ, что онъ уже только по колѣни въ аду, и т. д. Послѣ розыска Евдокія была заточена въ ладожскій монастырь. Сторонники ея и ея сына подверглись жестокимъ казнямъ и ссылкамъ. Казнены Яковъ Игнатьевъ и Ѳеодоръ Пустынный. Досифея ростовскаго тоже приговорили къ смертной казни. «Только я одинъ попался,—говорилъ онъ на соборѣ предъ архіереями, снимавшими съ него санъ.—Посмотрите, и у всѣхъ что на умѣ; извольте пустить уши и въ народъ, что въ народѣ говорятъ». Онъ былъ колесованъ. Менѣе другихъ виновный, м. Игнатій назначенъ къ переводу изъ Крутицъ въ Иркутскъ, но отпросился по старости на покой въ Нилову пустынь. Іоасафъ Кроковскій вызванъ изъ Кіева къ допросу, но скоропостижно скончался въ дорогѣ.

Вопросъ о патріаршествѣ.

Оба слѣдствія имѣли рѣшительное вліяніе на отношенія Петра къ духовенству. Оказывалось, что и малороссійскіе іерархи не всѣ могутъ раздѣлять его идеи. Воспитанные на латинской мудрости, кіевскіе ученые въ своихъ понятіяхъ о правахъ духовенства и отношеніи между церковной и государственной жизнью невольно увлекались клерикальнымъ духомъ латинства, тогда какъ понятія объ этихъ предметахъ самого Петра во многомъ носили оттѣнокъ протестантскій. Съ своей государственной точки зрѣнія онъ терпѣть не могъ папства и всего, что его напоминало, и еще во время перваго своего путешествія по Европѣ съ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго организовать русскую церковь на подобіе англиканской, объявивъ ея главою самаго себя. Въ 1712 г. въ Виттенбергѣ онъ сказалъ передъ статуей Лютера:—«сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ». Свою ненависть къ папству онъ выразилъ въ шутовской пародіи на папу и конклавъ, устроивъ свою коллегію кардиналовъ, съ княземъ-папой во главѣ, изъ самыхъ горькихъ пьяницъ и выставивъ ее на грубую народную потѣху. Но этотъ же князь-папа, когда было нужно, превращался еще въ яузскаго и кокуйскаго патріарха. Въ то время, какъ Яворскій и другіе іерархи ждали возстановленія патріаршества, оно сближалось въ головѣ Петра съ папствомъ. Въ 1714 г. онъ уже ясно высказалъ свою мысль о замѣнѣ единоличнаго церковнаго управленія соборнымъ. Въ 1715 г. онъ праздновалъ извѣстную свадьбу яузскаго патріарха Зотова,—шумный анти-патріаршій праздникъ, съ маскарадомъ, публичными процессіями и колокольнымъ звономъ на всѣхъ московскихъ колокольняхъ. Вопросъ объ уничтоженіи патріаршества былъ

рѣшенъ. Въ 1718 г., когда были учреждены вмѣсто старинныхъ приказовъ коллегіи, вышелъ указъ учредить и духовную коллегію. Яворскій, вмѣсто патріаршества, назначался только въ президенты этой коллегіи; но и въ этомъ скромномъ званіи ему предстояло быть только номинальнымъ правителемъ церкви: дѣйствительное вліяніе на церковную администрацію должны были получить другія лица, болѣе соотвѣтствовавшія видамъ Петра. Въ 1718 г. Ѳеофанъ поставленъ былъ епископомъ псковскимъ и съ этого времени сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ его послѣдующихъ церковныхъ реформахъ. Въ то время, какъ мѣстоблюститель вмѣстѣ съ великорусскими іерархами сѣтовалъ объ уничтоженіи патріаршества, Ѳеофанъ по порученію царя писалъ регламентъ для духовной коллегіи.

Открытіе синода.

Въ 1720 году духовный регламентъ былъ уже готовъ, а 1721 г. 14 февраля послѣдовало торжественное открытіе духовной коллегіи, получившей наименованіе святѣйшаго правительствующаго синода. Въ 1723 г. учрежденіе синода было подтверждено и восточными патріархами, которые въ граматѣ своей называли его своимъ братомъ и признавали за нимъ власть, равную патріаршей. Причины новой формы церковнаго управленія были указаны въ регламентѣ, гдѣ говорилось, что коллегіальное правленіе, въ сравненіи съ одноличнымъ, съ одной стороны, можетъ безпристрастнѣе и скорѣе рѣшать дѣла, менѣе можетъ стѣсняться боязнію предъ сильными лицами и, какъ соборное, имѣетъ болѣе авторитета, а съ другой стороны—представляется менѣе опаснымъ для государства, ибо „простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и, удивляемый славою и честію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что побораютъ по самомъ Богѣ". Въ доказательство указано на византійскую исторію и папское властолюбіе. „Да не воспомянутся, сказано въ заключеніе,—подобные и у насъ бывшіе замахи". Президентъ же коллегіи не имѣетъ на себѣ никакой чести, народъ удивляющей, не имѣетъ и особенной силы, такъ какъ его голосъ въ коллегіи равенъ съ голосами всѣхъ остальныхъ членовъ; и въ случаѣ суда надъ нимъ не нужно созывать вселенскаго собора и обращаться на сторону, такъ какъ онъ подлежитъ суду самой же коллегіи. Синодъ явился учрежденіемъ правительственнымъ, чрезъ которое *внѣшнее* управленіе церковію вдвигалось въ составъ общей государственной администраціи; члены его давали присягу считать государя своимъ „крайнимъ судіею" и наблюдать всѣ государственные интересы.

Составъ св. синода.

Св. синодъ состоялъ изъ президента (Стефанъ Яворскій), двоихъ вице-президентовъ (Ѳеодосій и Ѳеофанъ), четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассесоровъ. Въ числѣ членовъ его были представители всѣхъ классовъ духовенства—административнаго (архіереи), подчиненнаго чернаго (настоятели монастырей) и бѣлаго (городскіе протопопы); для большей свободы голоса всѣхъ членовъ синода положено,

чтобы настоятели и протопопы не выбирались въ синодъ въ одно время съ своими архіереями. Всѣхъ сильнѣе между членами синода были Ѳеодосій и Ѳеофанъ. Яворскій сохранялъ между ними только номинальное первенство и никакъ не могъ помириться съ новою формою церковнаго управленія; въ послѣднее время онъ совершенно примкнулъ къ архіереямъ великоруссамъ и за-одно съ ними сѣтовалъ о невозвратно минувшихъ временахъ патріаршества. Другого президента въ синодъ послѣ смерти Яворскаго (1722) Петръ уже не назначалъ. На открывшуюся синодальную вакансію назначенъ былъ новымъ членомъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, вскорѣ посвященный епископомъ въ Тверь. Между вліятельными членами іерархіи это былъ теперь единственный кіевлянинъ, къ которому дружелюбно относились великорусскіе архіереи, одна изъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ личностей своего времени. Старшимъ между всѣми членами синода послѣ Стефана остался Ѳеодосій Яновскій, носившій званіе перваго синодальнаго вице-президента. Пользуясь довѣріемъ царя и будучи у него почти домашнимъ человѣкомъ, онъ до того развилъ свое вліяніе, что ему во всемъ старался уступать даже Ѳеофанъ Прокоповичъ, неизмѣримо превосходившій его умомъ и широтой своей дѣятельности по церковнымъ дѣламъ. Все нерасположеніе къ черкасамъ сосредоточилось поэтому главнымъ образомъ на Ѳеодосіи. Своимъ недуховнымъ поведеніемъ онъ еще болѣе усиливалъ общее негодованіе великорусской іерархіи; онъ жилъ на широкую ногу, какъ знатный вельможа, заводилъ у себя роскошные столы, въ 1724 г. въ подражаніе царю устроилъ въ Москвѣ даже ассамблеи, на которыя должны были собираться всѣ духовные сановники Москвы по-очередно то у того, то у другого. По своему безпокойному и властолюбивому характеру онъ, однако, ненадолго могъ удержаться на своей высотѣ. Недовольный тѣмъ, что послѣ Стефана не былъ назначенъ президентомъ, потомъ урѣзываніемъ архіерейскихъ доходовъ духовными штатами, онъ сдѣлался рѣзокъ, началъ высказывать негодованіе на обидѣніе и порабощеніе церкви свѣтскою властью, вспоминалъ м. Филиппа, бранилъ царя и подъ конецъ царствованія Петра окончательно потерялъ довѣріе и любовь государя; къ этому присоединилось еще опасное слѣдствіе о расхищеніи имъ церковныхъ вещей въ своей епархіи. Вскорѣ послѣдовавшая кончина Петра (въ началѣ 1725 г.) была поэтому очень счастливымъ событіемъ для Ѳеодосія, которое спасало его отъ серьезной опасности.

Положеніе синода въ составѣ администраціи.

По своимъ правамъ св. синодъ былъ во всемъ сравненъ съ сенатомъ и наряду съ послѣднимъ непосредственно подчиненъ государю; въ отсутствіи государя ихъ совокупныя рѣшенія получали силу рѣшеній верховной власти. Какъ и сенатъ, синодъ получилъ власть въ предѣлахъ своего вѣдомства издавать новые законы и пополнять ими свой регламентъ, признанный основнымъ закономъ церковнаго управленія. Въ дѣлахъ, касающихся вѣдомства церковнаго и государственнаго вмѣстѣ, синодъ долженъ былъ имѣть конференціи съ сенатомъ. Представителемъ духовной власти государя какъ крайняго судіи духовной коллегіи, съ синодѣ явился *оберъ-прокуроръ;* указомъ Петра велѣно было „въ синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе дѣла синодскаго знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ“. Оберъ-прокуроръ, названный въ одномъ указѣ „окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ го-

сударственнымъ“, долженъ былъ наблюдать за рѣшеніями въ синодѣ, незаконныя рѣшенія останавливать и доносить о нихъ государю. Ему были подчинены прокуроры духовныхъ приказовъ и духовные *фискалы*,—чиновники, разсылавшіеся для надзора за духовныхъ управленіемъ по городамъ, монастырямъ и заказамъ. При синодѣ организовалось цѣлое фискальное управленіе въ формѣ инквизиторскаго приказа, во главѣ котораго стоялъ прото-инквизиторъ; ему были подчинены провинціалъ-инквизиторы, или фискалы.

Во области духовнаго управленія синодъ получилъ „силу и власть патріаршескую или, по выраженію регламента, едва ли не большую, понеже соборъ“. Ему поручено смотрѣть за чистотою вѣры, искоренять суевѣрія и расколы, свидѣтельствовать чудотворныя мощи, иконы, сказанія о святыхъ, разсматривать духовныя сочиненія, наблюдать за церковнымъ управленіемъ, избирать епископовъ и духовныхъ властей, разрѣшать ихъ недоумѣнія, судить ихъ по жалобамъ, наблюдать за поведеніемъ духовенства и мірянъ, рѣшать дѣла о бракахъ и разводахъ, наблюдать за строеніемъ церквей и монастырей, заботиться о религіозномъ просвѣщеніи и о матеріальныхъ средствахъ церкви. Св. синодъ наслѣдовалъ и епархіальную власть патріарха въ его епархіи. Такъ какъ члены синода жили большею частью въ Петербургѣ, то въ Москвѣ съ 1722 г. устроено было особое отдѣленіе синода—*дикастерія* или *консисторія*, управлявшаяся архіепископомъ крутицкимъ съ нѣсколькими московскими архимандритами.

LIX. О духовномъ регламентѣ.

(Изъ соч. П. Морозова: „Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель“).

„А для лучшаго впредь управленія, мнится, быть надобно духовной коллегіи“,—писалъ Петръ Великій въ отвѣтъ на представленія Стефана Яворскаго о церковныхъ дѣлахъ, въ концѣ 1718 года. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи этой мысли и въ борьбѣ за ея поддержаніе, которую можно назвать своего рода „культурною борьбой“,—пришлось быть Ѳеофану, которому царь поручилъ написать для будущей коллегіи подробный уставъ, или по-тогдашнему „регламентъ“. По свидѣтельству Ѳеофана (въ письмѣ къ Марковичу, отъ 10-го мая 1720 года), этотъ трудъ былъ имъ оконченъ въ началѣ 1720 года и представленъ царю, который приказалъ прочесть „регламентъ“ въ своемъ присутствіи и, „перемѣнивъ кое-что немногое и прибавивъ отъ себя, весьма одобрилъ“; потомъ приказалъ прочесть въ сенатѣ, гдѣ присутствовали сенаторы, шесть епископовъ (въ томъ числѣ и Ѳеофанъ) и три архимандрита (въ томъ числѣ—Ѳеодосій Яновскій). Читано было дважды, въ теченіе двухъ дней, и еще прибавлено нѣсколько новыхъ замѣчаній; потомъ приложили руки, „съ одной стороны—епископы и архимандриты, съ другой—сенаторы; въ заключеніе подписалъ самъ государь. Затѣмъ одинъ экземпляръ этого акта отправленъ въ Москву и другія мѣста, для подписи неприсутствовавшимъ епископамъ и глав-

нѣйшимъ архимандритамъ. Ко дню открытія духовной коллегіи, 14-го февраля 1721 года, регламентъ былъ уже, конечно, подписанъ всѣми, кому слѣдовало, и окончательно утвержденъ; но напечатанъ онъ былъ только семь мѣсяцевъ спустя—16-го сентября.

Въ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи, 25-го января 1725 года (конечно, и этотъ манифестъ вышелъ изъ-подъ пера Ѳеофана), „вины" преобразованія церковной администраціи изложены такимъ образомъ: „посмотря на духовный чинъ и видя въ немъ многія нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный на совѣсти нашей возъимѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая отъ него получивъ благопоспѣшества во исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный онъ судія воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безъотвѣтны. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ благочестивыхъ царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, а не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому-жь не наслѣдственная власть, того ради вящше небрегутъ, уставляемъ духовную коллегію, то есть, духовное соборное правительство", и т. д.

Къ манифесту приложена форма присяги для членовъ духовной коллегіи; въ ней, между прочимъ, читается: „Исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго"; а затѣмъ прибавлены слѣдующія замѣчательныя слова: „Клянуся и еще всевидящимъ Богомъ, что вся сія, мною нынѣ обѣщаваемая, не инако толкую во умѣ моемъ, яко провѣщаваю устнами моими, но въ той силѣ и разумѣ, яковую силу и разумъ написанныя здѣ слова чтущимъ и слышащимъ являютъ". Эта оговорка, предусматривающая возможность такъ-называемой „reservatio mentalis", конечно, включена въ формулу присяги Ѳеофаномъ, въ укоръ Стефану Яворскому и другимъ представителямъ старо-церковной партіи за ихъ расположеніе къ католическимъ и, „слѣдовательно", іезуитскимъ идеямъ. Изъ этого можно видѣть, что Ѳеофанъ не упускалъ ни малѣйшаго повода сдѣлать или сказать своимъ противникамъ что-либо непріятное. Здѣсь, въ актѣ законодательномъ, онъ говоритъ отъ лица верховной власти, вслѣдствіе чего его нападки на противниковъ пріобрѣтаютъ особенную силу и значеніе. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и вообще для исторіи нравовъ петровской эпохи, регламентъ представляетъ очень много любопытнаго; говоря свободно и независимо, онъ не стѣсняется въ выраженіяхъ, и потому многіе параграфы устава представляютъ язвительную сатиру на нравы современнаго автору духовенства.

Духовный регламентъ раздѣленъ на три части: первая заключаетъ въ себѣ опредѣленіе духовной коллегіи, какъ учрежденія государственнаго, и тѣ соображенія, въ силу которыхъ было признано необходимымъ поставить церковное управленіе въ одинаковыя условія съ управленіемъ гражданскимъ и военнымъ; во второй части говорится о томъ, какія именно дѣла подлежатъ вѣдѣнію коллегіи; въ третьей опредѣляется „должность, дѣйство и сила" ея членовъ.

Самую мысль объ учрежденіи духовной коллегіи по образу всѣхъ прочихъ коллегій можно, въ извѣстномъ смыслѣ, назвать лютеранскою. Въ глазахъ Петра Великаго патріархъ, въ политическомъ отношеніи, почти отожествлялся съ папой, и сторонники независимаго отъ свѣтской власти церковнаго управленія представлялись людьми, исполненными „папежскаго духа“; съ другой стороны, отвергавшая авторитетъ римскаго первосвященника церковь лютеранская управлялась коллегіально и была составною частью общаго государственнаго механизма. Такимъ образомъ, Петръ, отказываясь признавать независимое положеніе церкви въ государствѣ и отвергая авторитетъ патріарха, естественно, воспользовался для практическаго осуществленія этой идеи готовою формою, которая была уже выработана аналогичными обстоятельствами на Западѣ. Доказательства, приводимыя въ регламентѣ въ пользу преобразованія церковной администраціи, представляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и критику прежняго порядка вещей,—критику, полную весьма прозрачныхъ личныхъ намековъ на представителей и защитниковъ старины. Сказавъ, что „извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ“, что „коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію и не такъ, какъ единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится“, что „въ соборномъ правительствѣ есть нѣкая школа правленія“, и т. п.,—регламентъ замѣчаетъ, что „коллегіумъ не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся“ (а такою именно представлялась Петру старо-церковная партія); „еще же и се важное есть,—говорится далѣе,—что въ единомъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка, за случающимися правителю необходимыми нуждами, и за недугомъ и болѣзнію... Но се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду“. Эти замѣчанія, повидимому, совершенно общія, пріобрѣтаютъ особенный смыслъ, если припомнить, что мѣстоблюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, часто жаловался царю на свои нужды и немощи, и что авторъ „лютеранскаго пашквиля“ на „Камень Вѣры“, обращаясь къ тому же Стефану, укоряетъ его въ неправосудіи и лихоимствѣ, восклицая: „Утроба твоя крови и сребролюбія и ненависти исполнена“. Далѣе мы встрѣтимъ намеки гораздо болѣе ясные: „Велико и сіе,—говоритъ регламентъ,—что отъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый, помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный, или и больши его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И се самъ собою народъ тако умствовати обыклъ. Что же, егда еще и плевельныя властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огнь подложатъ? Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря въ коемъ-либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ, и руки своея

не оскверняютъ, но освящаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремится. Таковому же въ народѣ мнѣнію вельми ради и не простые, но коварные человѣцы; тіи бо, на государя своего враждующе, егда увидятъ ссору государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобѣ своей, и подъ видомъ церковной ревности не сумнятся подносить руки на Христа Господня; и къ тому-жь беззаконію, яко къ къ дѣлу Божію, подвизаютъ простой народъ. Что-жь, когда еще и и самъ пастырь, таковымъ о себѣ надменъ мнѣніемъ, спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ! И не вымыслы то: далъ бы Богъ, чтобы о семъ домышлятися токмо можно было; но самою вещію не единожды во многихъ государствахъ сіе показалося". Легко понять, какія именно событія имѣетъ въ виду это разсужденіе. Приведя нѣсколько примѣровъ изъ исторіи, авторъ еще поясняетъ свою мысль восклицаніемъ: „Да не вспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи!" Оставаясь всегда вѣрнымъ своимъ основнымъ убѣжденіямъ, Ѳеофанъ и при концѣ своей дѣятельности, въ царствованіе Анны, высказывалъ объ этомъ этомъ предметѣ тѣ же самые взгляды и съ такою же рѣзкостью, какъ дѣлалъ это при Петрѣ.

Во второй части регламента, какъ уже сказано, опредѣляются дѣла, подлежащія вѣдѣнію духовной коллегіи. Дѣла эти могутъ быть или общія, касающіяся не только духовенства, но и всѣхъ прочихъ сословій, или частныя дѣла—одного духовнаго чина. Общія обязанности коллегіи заключаются въ искорененіи разнаго рода „неправостей"; все, что можетъ быть названо суевѣріемъ, „сіе есть лишнее, ко спасенію непотребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вышемышленное, а простой народъ прелщающее, и аки снѣжные заметы правымъ истины путемъ идти возбраняющее,—все то къ досмотру (коллегіи) прилагается, яко зло общее». Регламентъ, указывая примѣры такихъ „неправностей", вмѣняетъ коллегіи въ обязанность: «Разыскать вновь сложенные и слагаемые акаѳисты и иныя службы и молебны, которые наипаче въ наши времена въ Малой Россіи сложены суть: суть ли оная сложенія—писанію священному согласная. Смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или и христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти... Духовному правительству не подобаетъ вымысловъ таковыхъ терпѣть и вмѣсто здравой духовной пищи отраву людемъ представлять, наипаче когда простой народъ не можетъ между деснымъ и шуимъ разсуждать, но что-либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится". Далѣе: „могутъ обрѣстися нѣкія церемоніи непотребныя, или и вредныя", напримѣръ, поклоненіе пятницѣ; ихъ также слѣдуетъ искоренить. „О мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся сумнительныя, разыскивать; смотрѣть же, нѣсть ли и у насъ таковового бездѣлія?" Тоже говорится и о чудотворныхъ иконахъ и о прочемъ.

Далѣе ставится вопросъ: „Есть ли у насъ довольное ко исправленію христіанскому ученію?" и по этому поводу объясняется, въ чемъ должно состоять настоящее и исключительное назначеніе духовенства. Представители церкви, по опредѣленію регламента, должны быть людьми учительными: „понеже немногіе умѣютъ честь книги, и отъ книжныхъ немногіе могутъ вся собрать отъ писанія, еже суть нужнѣйшая ко

спасенію; того ради требуютъ руководства совершеннѣйшихъ мужей. Того бо ради пастырскій чинъ отъ Бога уставленъ". Главнымъ средствомъ для развитія въ народѣ религіозно-нравственныхъ понятій регламентъ признаетъ церковную проповѣдь: „А понеже мало есть, противно толикаго Россійскія церкве многонародія, таковыхъ пресвитерей, которые бы наизусть могли проповѣдать догматы и законы св. писанія, то всеконечная нужда есть имѣти нѣкія краткія и простымъ человѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію довольно есть; и тыя книжицы прочитывать по частямъ, въ недѣльные и праздничные дни, въ церкви предъ народомъ". Для этой цѣли рекомендуется „сочинить три книжицы небольшія"—задача, выполненіе которой взялъ на себя самъ Ѳеофанъ, одновременно съ составленіемъ регламента.

Опредѣляя „частныя" дѣла и обязанности духовенства, регламентъ прежде всего предписываетъ подробныя правила для епископовъ, причемъ отчасти повторяется то, что́ уже было высказано въ прежнихъ постановленіяхъ. Епископъ долженъ „смотрѣть о монахахъ, дабы не волочились безпутно, дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не строено, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не вымышлено; такожь о кликушахъ, о тѣлесахъ мертвыхъ несвидѣтельствованныхъ, и прочихъ всего того добрѣ наблюдать". Затѣмъ, онъ долженъ „вѣдать мѣру чести своея и не высоко о ней мыслить", ибо законодатель имѣетъ въ виду «укротити оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки, донелѣже здравы суть, не вожено, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись. И оныя поклонницы,—добавляетъ регламентъ,—самохотно и нахально стелются на землю, да лукаво: чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть». Далѣе отъ епископа требуется, чтобъ онъ „не былъ дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ во употребленіи власти своей осязательной, то-есть, во отлученіи и анаѳемѣ"; слѣдуетъ изложеніе длинной процедуры съ различными наставленіями, которыхъ епископъ долженъ держаться въ подобныхъ случаяхъ, и которыя, въ концѣ концовъ, сводятся, все-таки, къ тому, что безъ разрѣшенія коллегіи онъ ничего не можетъ сдѣлать. Въ этомъ требованіи и въ крайне тщательномъ и подробномъ опредѣленіи правилъ церковнаго увѣщанія и отлученія слѣдуетъ, кажется, видѣть намекъ на излишнее усердіе Стефана Яворскаго въ дѣлѣ „московскихъ еретиковъ" (1713 года), вызвавшее неудовольствіе царя. Наконецъ, регламентъ предписываетъ даже и такія правила, чрезвычайно характерныя въ законодательномъ актѣ какъ по своему содержанію, такъ и по формѣ: „Если епископъ похощетъ звать къ себѣ гостей, то весь бы тотъ трактаментъ своею казною отправлялъ, а не налагалъ бы побору на священство или на монастыри". Отправляясь для осмотра своей епархіи, епископъ долженъ „крѣпко заповѣдать служителямъ своимъ, чтобъ въ посѣщаемыхъ городахъ и монастыряхъ благочинно и трезво пребывали, и не творилибъ соблазна; наипаче же не домогались бы у монаховъ и у поповъ кушанья, и питья, и конскаго корму лишняго; кольми паче не дерзали бы грабить... Ибо слуги архіерейскіе обычнѣ бываютъ лакомыя скотины, и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстыдіемъ, какъ татаре, на похищеніе устремляются".

Нельзя отрицать, что все это, какъ и многое другое въ духовномъ регламентѣ,—черты, живьемъ схваченные изъ современной ему дѣйствительности. Стоитъ только посмотрѣть, напримѣръ, хотя бы записки Добрынина, относящіяся ко временамъ, гораздо болѣе позднимъ, чтобъ убѣдиться, съ одной стороны, въ справедливости сатирическихъ укоровъ регламента, а съ другой—въ той непреложной истинѣ, что одними предписаніями закона нравы не измѣняются...

Эту истину сознавалъ, конечно, и авторъ духовнаго регламента, помѣщая вслѣдъ за статьей объ обязанностяхъ епископовъ пространныя правила о „домахъ училищныхъ", учителяхъ, ученикахъ и церковныхъ проповѣдникахъ. „Извѣстно есть всему міру,—сказано въ предисловіи къ этимъ правиламъ,—каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, когда державнѣйшій нашъ монархъ обучилъ оное изрядными регулами... Тожь разумѣть надобно и о управленіи церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію и нельзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ". Слѣдуютъ доказательства пользы просвѣщенія: „Дурно многія говорятъ, что ученіе виновное есть ересей: ибо кромѣ древнихъ, отъ гордаго глупства, а не отъ ученія бѣсновавшихся еретиковъ... наши русскіе расколщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися?.. И есть ли посмотримъ чрезъ исторіи, аки чрезъ зрительныя трубки, на мимошедшіе вѣка, увидимъ все худшее въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ... И аще бы ученіе церкви или государству было вредное, то не учились бы сами лучшія христіанстіи особы, и запрещали бы инымъ учитися: а то видимъ, что учились вси древніи наши учители не токмо св. Писанія, но и внѣшней философіи. И кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшіе столпы церковные поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи... Убо ученіе доброе и основательное есть всякой пользы, какъ отечества, такъ и церкви, аки корень и сѣмя и основаніе"...

Въ этихъ словахъ слышится голосъ Максима Грека, которому, въ свое время, приходилось доказывать, что грамматика не заключаетъ въ себѣ ничего еретическаго. Голосъ этотъ исходитъ теперь отъ самой верховной власти, которая нашла необходимымъ привлечь науку на службу государству; во все продолженіе петровскаго царствованія всевозможныя доказательства полезности и необходимости „добраго ученія" повторяются и въ законодательныхъ актахъ, и въ церковной проповѣди, и въ предисловіяхъ къ учебнымъ книгамъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ восторженнаго удивленія къ наукѣ и ея „насадителю", который, по словамъ „Разсужденія какіе законные прічины" и проч., „сочінілъ изъ Россіи самую метаморөозисъ или претвореніе".—„Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ авторъ „Разсужденія",—хотя прежде сего кромѣ россійскаго языка книгъ читанія и писма никто изъ Россійскаго народа не умѣлъ, и болѣ то въ зазоръ, нежели за искусство почитано, но нынѣ видимъ и самого его величество нѣмецкимъ языкомъ глаголющаго, и нѣсколько тысящей подданныхъ его россійскаго народа, мужеска и женска полу, искусныхъ разныхъ европейскихъ языковъ, якоже латинскаго, греческаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго, англійскаго и голландскаго, и такого притомъ обхожденія, что не постыдно могутъ равнятися со всѣми другими

европейскими народы, какъ въ томъ, такъ и въ другихъ многихъ поведеніяхъ. И вмѣсто того, что кромѣ церковныхъ книгъ, почитай, никакихъ другихъ въ Россіи не печатывано, нынѣ многіе не токмо на чужестранныхъ языкахъ, но и на славено-россійскомъ, тщаніемъ и повелѣніемъ его величества, напечатаны, и еще печати предаются".

Такимъ образомъ, за наукой впервые было признано право гражданства. Но, несмотря на то, что это признаніе было выражено и обосновано законодательствомъ, несмотря, на то, что наука имѣла такихъ горячихъ поклонниковъ, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, старое убѣжденіе въ пагубности „мнѣній" и боязнь „зайтися въ книгахъ и изступить ума", въ продолженіе многихъ вѣковъ внушавшаяся народу учительными людьми, имѣли своимъ послѣдствіемъ явленіе, котораго не знаетъ въ такой мѣрѣ ни одна европейская литература: болѣе сотни лѣтъ понадобилось на то, чтобы повторять, при всякомъ удобномъ случаѣ, общія соображенія, высказанныя въ защиту науки регламентомъ, и внушать читающей публикѣ самыя элементарныя понятія о пользѣ наукъ вообще или какой-либо науки въ частности. Громадное большинство рѣчей, произнесенныхъ профессорами Московскаго университета въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, имѣетъ предметомъ именно такія элементарныя разъясненія. Съ одной стороны, развитіе положительнаго идеала просвѣщеннаго общества, съ другой—отрицательное, обличительно-критическое отношеніе къ остаткамъ старины: вотъ, что составляетъ содержаніе главнѣйшихъ произведеній нашей литературы, начиная съ Петра Великаго и Ѳеофана Прокоповича и—скажемъ это, не опасаясь упрека въ преувеличеніи—до настоящаго времени. Какъ одинъ изъ первыхъ и главныхъ дѣятелей въ процессѣ секуляризаціи русскаго общества и литературы, освобожденія русской мысли отъ связывавшихъ ее, въ теченіе долгаго времени, традиціонно-церковныхъ путъ, Ѳеофанъ является родоначальникомъ отрицательнаго направленія въ нашей литературѣ, представителемъ критики и обличенія во имя раціонализма, которымъ, въ большей или меньшей степени, проникнуты всѣ главныя его произведенія, и въ особенности регламентъ,—актъ, опредѣляющій новое положеніе церкви въ государствѣ и представляющій, такимъ образомъ, рѣшеніе самаго важнаго вопроса того времени. Клеймя старинную московскую обрядность и буквализмъ названіемъ невѣжества и суевѣрія и выставляя членовъ стараго „учительнаго" сословія людьми, старающимися умышленно держать народъ въ невѣжествѣ для своекорыстныхъ цѣлей,—Ѳеофанъ единственное избавленіе отъ этого зла видитъ въ „добромъ ученіи"; только необходимо,—говоритъ онъ,—чтобъ это ученіе было на самомъ дѣлѣ „доброе" и основательное: „ибо есть ученіе, которое и имени того недостойно есть; а обаче отъ людей хотя и умныхъ, но того несвѣдущихъ, судится быть за прямое ученіе". Далѣе слѣдуетъ пространное разсужденіе о ложной учености и о мнимо-ученыхъ, напоминающее, по содержанію своему, Ѳеофановъ курсъ богословія и „Разговоръ гражданина съ селяниномъ и дьячкомъ".

„Обычно вопрошаютъ мнози: въ которыхъ школахъ былъ онсица? и когда услышатъ, что былъ онъ въ реторикѣ, въ философіи и въ богословіи, за единыя тыя имена высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто погрѣшаютъ. Ибо и отъ добрыхъ учителей не вси добрѣ учатся, ово за тупость ума, ово за лѣность свою; кольми паче, когда и учитель

будетъ въ дѣлѣ своемъ мало, или и ниже мало искусенъ... Привидѣннаго и мечтательнаго ученія вкусившіе человѣцы глупѣйшія бываютъ отъ не ученыхъ. Ибо, весьма темни суще, мнятъ себя быти современныхъ, и помышляя, что все, что-либо знать мощно, познали, не хотятъ, ниже думаютъ честь книги и больше учитися; когда, вопреки, прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не перестанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ. Се же вельми вредно, что именованные неосновательные мудрецы не только не полезны, но и вельми вредны суть и дружеству (обществу), и отечеству, и церкви, предъ властьми надъ мѣру смиряются, но лукаво, чтобъ такъ украсть милость ихъ и пролѣзть на степень честный. Равнаго чина людей ненавидетъ, и есть ли кто во ученіи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити". Въ этихъ послѣднихъ словахъ, конечно, заключается намекъ на Стефана Яворскаго и на его доносъ съ обвиненіемъ Ѳеофана въ неправославіи;—поэтому то Прокоповичъ и не приминулъ прибавить, что неосновательные мудрецы „къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія" (конечно, надежду на патріаршество). Заключая характеристику мнимо-ученыхъ людей, Ѳеофанъ говоритъ, что „когда они богословствуютъ, нельзя имъ не еретичествовать: за невѣжествомъ бо своимъ удобь проговорятся, а мнѣнія своего изрыченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтобъ не показать себя, что не все знаютъ. А мудріи мужіе сіе между собою утвердили пословіе: мудраго человѣка свойства есть отмѣнять мнѣніе".

Это разсужденіе объ ученіи „добромъ" и мнимомъ служитъ вступленіемъ къ проекту академіи и семинаріи:—„сіе предложить судилося за благо, что если царское величество похощетъ основать академію, разсуждало бы духовное коллегіумъ, каковыхъ исперва учителей опредѣлить и каковой образъ ученія показать онымъ, дабы не вотще пошло государское иждивеніе и вмѣсто чаянной пользы не была бы тщета, смѣха достойная".

Правила для предполагаемыхъ учебныхъ заведеній составлены чрезвычайно подробно и касаются не только программъ и плана преподаванія, но и образа жизни, занятій и даже развлеченій учащихся. Новая акедемическая программа, сравнительно съ программами старыхъ академій—Кіевской и Московской, имѣетъ характеръ преимущественно свѣтскій; въ составъ ея входятъ слѣдующіе предметы: 1) грамматика, купно съ географіей и исторіей; 2) ариѳметика и геометрія; 3) логика и діалектика (и едино то двоименное ученіе); 4) риторика (купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ); 5) политика краткая Пуффендорфова (аще она потребна судится быть, и можетъ та присовокупитися къ діалектикѣ). На изученіе каждаго изъ этихъ предметовъ полагается годъ. Вѣнцомъ курса поставлено богословіе, на изученіе котораго назначено два года. При этомъ преподавателю внушается, „чтобъ учено главные догматы вѣры нашей, и законъ Божій: челъ-бы учитель богословскій св. писаніе, и учился бы правилъ, какъ прямую истую знать силу и толкъ писаній; и вся бы догматы укрѣпилъ свидѣтельствомъ писаній. Долженъ убо учитель богословскій не по чужимъ сказскамъ, но по своему вѣдѣнію учить и иногда, избравъ собственное время, показать въ книгахъ и ученикамъ своимъ, чтобъ они извѣстны сами

были, а не сумнились бы, правду ли говоритъ или лжетъ учитель ихъ". Припомнимъ, что такого именно метода держался и самъ Ѳеофанъ въ своемъ преподаваніи богословія. О церковномъ преданіи въ его учебномъ планѣ не сказано ни слова, что впослѣдствіи подало поводъ къ ожесточеннымъ нападкамъ на его мнѣнія со стороны его противниковъ: „онъ вѣруетъ,—писалъ Маркеллъ Родышевскій, — яко едино токмо св. писаніе, еже есть ветхій и новый завѣтъ, полезно намъ ко спасенію; и святыхъ де отецъ писаніе имѣетъ въ себѣ многіе неправости", и т. д.

Вообще о преподаваніи всѣхъ предметовъ замѣчено, что учителямъ слѣдуетъ приказать, „чтобы они исперва сказывали ученикамъ своимъ вкратцѣ, но ясно, какая сила есть настоящаго ученія — грамматики, напримѣръ, риторики, логики и пр., и чего хощетъ достигнути чрезъ сіе или оное ученіе, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому плывутъ, и лучшую бы охоту возымѣли, познавали-бы повседневную прибыль свою, такожь и недостатки".

Наконецъ, при школахъ должна быть достаточно полная библіотека: „ибо безъ библіотеки, какъ безъ души академія".

За этимъ разсужденіемъ о программѣ и способѣ преподаванія въ академіи слѣдуетъ разсужденіе объ ученикахъ. Конечно, регламентъ имѣетъ въ виду учебное заведеніе закрытое—такую же бурсу, какія уже существовали въ то время въ Кіевѣ и Москвѣ. Мотивы, обусловившіе эту форму учебныхъ заведеній въ Россіи, понятны: съ одной стороны, это была форма традиціонная, перешедшая въ южную Русь изъ сосѣдней Польши; съ другой стороны, по новости этого дѣла у насъ, считалось необходимымъ сдѣлать обученіе въ школѣ строго-обязательнымъ, потому что иначе, пожалуй, никто не захотѣлъ бы посылать въ школу своихъ дѣтей. Исходя изъ такихъ соображеній, регламентъ предполагаетъ обратить академію, и особенно находящееся при ней низшее училище, или семинарію, въ своего рода монастырь и держать въ нихъ учениковъ въ строгомъ заключеніи и подъ строгимъ надзоромъ, чтобы не разбѣжались. Планъ семинарскаго общежитія излагается со всѣми подробностями, напримѣръ: „во всякой избѣ имать быть префектъ, или надсмотрщикъ, человѣкъ хотя неученый, обаче честнаго житія, только бъ не вельми свирѣпый и не меланхоликъ... Онъ имѣетъ власть наказать себѣ подчиненныхъ, но малыхъ—розгою, а среднихъ и большихъ—словомъ угрозительнымъ... Ректоръ, верховная власть всѣхъ, всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ". Учениковъ, въ первые три года ихъ пребыванія въ заведеніи, предписывается не отпускать никуда, а потомъ позволить выходить, но не больше, какъ два раза въ годъ, и то только на недѣлю и въ сопровожденіи особаго надзирателя. Авторъ устава и самъ сознаетъ, что „таковое младыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительное и заключеніе плѣнническому подобное"; но полагаетъ, что прожившему въ этомъ заключеніи годъ „весьма сладко будетъ", и предлагаетъ „ко врачеванію скуки нѣкоторыя регулы": ежедневную прогулку, время отъ времени—проѣздку въ Петербургъ и на острова, во время обѣда—чтеніе „ово исторій воинскихъ, ово церковныхъ; акціи, диспуты, комедіи, риторскія экзерциціи („что зѣло полезно ко наставленію и резолюціи, сіе есть честной смѣлости"), „гласъ мусикійскихъ инструментовъ" и пр.

Таковъ былъ, по понятіямъ Ѳеофана Прокоповича, идеалъ учебнаго заведенія. Воспитанникъ іезуитской коллегіи и ректоръ кіевской бурсы, конечно, не могъ отрѣшиться отъ педагогическихъ понятій, господствовавшихъ въ его время, хотя, можетъ быть, и сознавалъ нѣкоторые ихъ недостатки; подъ вліяніемъ ли царя, искавшаго и цѣнившаго въ наукѣ только непосредственно приносимую ею пользу, или по собственному побужденію, онъ старался усилить въ школѣ свѣтскій элементъ и сдѣлать ее, по возможности, не исключительно сословною; на практикѣ же вышло, какъ увидимъ ниже, совсѣмъ иное,—и самъ Ѳеофанъ, разумѣется, былъ въ этомъ виноватъ всего менѣе. Обстоятельства скоро сложились такъ, что учебныя заведенія, предположенныя регламентомъ, обратились въ спеціальныя школы для духовенства, и Ѳеофану пришлось измѣнить свое первоначальное мнѣніе: „мой совѣтъ,—писалъ онъ, ходатайствуя объ открытіи семинаріи,—не принимать мальчиковъ свыше 10 лѣтъ, потому что въ такомъ возрастѣ дѣти еще не очень обучились злонравію, а если и обучились, то не окрѣпли обычаемъ, и такихъ не трудно отучить; также бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. Академіи великой и свободной дѣлать еще не совѣтую; когда Богъ благословитъ отроческій домъ сей, тогда отъ числа наученыхъ въ немъ явятся изрядные учители, которые возмогутъ и великую академію учить и управлять“.

Упомянемъ еще мнѣніе Ѳеофана объ иностранныхъ учителяхъ: „Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ, со свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. Не надобно опасаться, что они дѣтей нашихъ совратятъ къ своей богословіи, потому что можно имъ артикулами опредѣлить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподаютъ ли чего, нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподаютъ они только ученія внѣшнія—языки, философію, юриспруденцію, исторію и пр., а не богословскіе догматы... Если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иностранныя, то для чего бы опасаться у насъ?“ Достаточно сравнить это мнѣніе съ тѣмъ, что было сказано объ иностранцахъ за 35 лѣтъ передъ тѣмъ въ проектѣ академіи Симеона Полоцкаго, чтобы во-очію убѣдиться, какое громадное разстояніе отдѣляетъ Ѳеофана отъ воспитателя старшаго брата Петра Великаго; а между тѣмъ Симеонъ по своимъ понятіямъ стоялъ несравненно выше своихъ московскихъ предшественниковъ.

Предположенія Ѳеофана объ академіи и семинаріи при жизни его не осуществились. Но въ регламентѣ, вслѣдъ за этими проектами, находится еще требованіе, чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу „для дѣтей священническихъ, или и прочихъ, въ надежду священства опредѣленныхъ, понеже, — прибавляетъ регламентъ,—и сіе вельми ко исправленію церкви полезно. А въ школѣ той былъ бы учитель умный и честный, который бы дѣтей училъ не только чисто, ясно и точно въ книгахъ честь (что хотя нужное, обаче еще не довольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть... Но дабы не было роптанія родителей ученическихъ за великій оныхъ коштъ на учителя онаго и па покупаніе книгъ, такожъ и на пропитаніе сыновъ своихъ, далече отъ дому своего учащихся,—подобаетъ, чтобъ ученики и кормлены, и учены были тупе и на готовыхъ книгахъ епископскихъ“. Эти школы, обученіе въ которыхъ для дѣтей духовнаго званія было обязательно, раз-

вились впослѣдствіи въ духовныя семинаріи. Самъ Ѳеофанъ очень заботился о своей школѣ и составилъ для нея подробныя правила, съ росписаніемъ, что ученики должны дѣлать въ каждый часъ дня. Въ этомъ уставѣ, по справедливому замѣчанію г. Чистовича, отзывается нѣсколько іезуитскимъ духомъ; особеннаго вниманія заслуживаетъ требованіе самаго строгаго надзора за учениками; имъ запрещается даже посылать куда-либо письма, не показавъ ихъ прежде директору; „такожь и кому откуду, хотя отъ родителей, письма присланы будутъ, не распечатывать и не читать, но нераспечатанныя подавать директору, и когда онъ, распечатавъ и прочитавъ, отдастъ, тогда читать мощно". Дальше этого въ надзорѣ было трудно идти; оставалось развѣ совсѣмъ запретить ученикамъ всякія сношенія съ тѣмъ, что̀ находилось за стѣнами семинаріи. Какъ черту нравовъ, отмѣтимъ еще особенную заботливость Ѳеофана о томъ, чтобы „дѣти" не держали у себя водки и до-пьяна не напивались...

LX. Изъ духовнаго регламента.

Божіею милостію Мы, Петръ Первый, царь и самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и пр. Между многими попеченіями о исправленіи нашего народа и прочихъ подданныхъ намъ Государствъ по долгу Богомъ данной намъ власти, посмотрѣвъ и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія и великую скудость результатовъ его дѣятельности, возъимѣли мы по нашей совѣсти страхъ, да не явимся неблагодарными предъ Вышнимъ, если, получивъ отъ Него такое благопоспѣшеніе въ исправленіи чиновъ Воинскаго и Гражданскаго, пренебрежемъ исправленіемъ чина Духовнаго, и да не будемъ безотвѣтными предъ этимъ нелицемѣрнымъ Судіемъ, когда Онъ спроситъ насъ объ этомъ врученномъ отъ Него намъ учрежденіи. Посему, принявъ на себя попеченіе о исправленіи Духовнаго чина, по примѣру бывшихъ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ завѣтѣ царей, и не видя лучшаго способа, какъ Соборнаго управленія (потому что въ одномъ лицѣ—т. е. единоличное управленіе—не безъ страсти бываетъ, да къ тому же духовная власть не наслѣдственна, и потому къ ней относятся черезчуръ небрежно). Мы учреждаемъ Духовную коллегію, то есть Духовное Соборное Правительство, которое имѣетъ управлять, по слѣдующему здѣсь Регламенту, всякія духовныя дѣла во Всероссійской церкви. И повелѣваемъ всѣмъ вѣрноподданнымъ нашимъ всякаго чина, духовныхъ и мірскихъ, почитать его за важное и сильное правительство и обращаться къ нему съ просьбами о конечной управѣ, рѣшеніи и вершеніи духовныхъ дѣлъ, и довольствоваться его рѣшеніями (судомъ его опредѣленнымъ) и слушать его указовъ во всемъ, наравнѣ съ прочими коллегіями, подъ страхомъ великаго наказанія за противленіе и ослушаніе. Сія коллегія должна впредъ дополнять свой регламентъ новыми правилами, какія потребуются возможными случаями въ разныхъ дѣлахъ; однако же дѣлать сіе Духовная коллегія должна не безъ Нашего соизволенія. Опредѣляемъ же быть въ сей Духовной коллегіи нижепоименованнымъ чле-

намъ: одному президенту, двоимъ вице-президентамъ, четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассесорамъ. А понеже въ первой части въ 7 и 8 пунктахъ (регламента) упомянуто, что призидентъ имѣетъ подлежать суду своей братіи, т. е. той же коллегіи, того ради опредѣляемъ и голосъ ему имѣть одинъ, равный съ прочими. Имѣютъ же всѣ члены сей коллегіи, при вступленіи въ свое дѣло, учинить присягу или обѣщаніе предъ святымъ Евангеліемъ по приложенной формѣ присяги. Подъ тѣмъ подписано Царскаго Величества собственною рукою Петръ. Въ Петербургѣ въ 25 день Генваря 1721 года.

Регламентъ, или уставъ Духовныя коллегіи, по которому она должна опредѣлить свои обязанности и обязанности всѣхъ духовныхъ чиновъ и свѣтскихъ лицъ, на сколько послѣдніе подлежатъ духовному управленію и по которому она должна поступать при веденіи (при отправленіи) своихъ дѣлъ. Раздѣляется сей регламентъ на три части, по числу трехъ духовныхъ обязанностей, вѣдѣнія достойныхъ и требующихъ управленія, а именно: 1) описаніе и причины учрежденія такого управленія; 2) дѣла, подлежащія сему управленію, и 3) обязанность, дѣйствіе и полномочіе самыхъ правителей. Основаніе управленія, т. е. Законъ Божій, находящійся въ священномъ писаніи, и каноны или соборныя правила святыхъ отцовъ и гражданскіе уставы, согласно слову Божію, требуютъ для себя отдѣльной книги и здѣсь не помѣщаются,

О школахъ.

Дѣло епископовъ. § 9. Очень важно и полезно для церковнаго исправленія, чтобы всякій епископъ имѣлъ у себя или въ домѣ или при домѣ школу для священническихъ дѣтей и для другихъ, которые желаютъ быть священниками. И въ школѣ той былъ бы учитель умный и честный, который бы училъ не только чисто, ясно и точно читать книги (что хотя и необходимо, но еще не достаточно), но читать и понимать, и, если можно, то заставилъ бы и наизусть выучить двѣ вышеупомянутыя книги: одну о догматахъ вѣры, а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ, тогда, когда эти книжицы будутъ изданы. Если ученикъ будетъ крайне тупъ или, хотя и остроуменъ, да развращенъ и упрямъ и непобѣдимо лѣнивъ, такого по достаточномъ испытаніи увольнять изъ школы, лишивъ его возможности полученія священническаго чина.

§ 10. Только такихъ учениковъ, обученныхъ въ архіерейской школѣ, и ставить въ священники (когда съ Божіею помощію ихъ окажется достаточно). Если кто-нибудь изъ нихъ выберетъ для себя монашество, тѣхъ ставить въ игумены и архимандриты, исключая того случая, если обнаружится какая-нибудь вина ученика, не дозволяющая ему получить этотъ санъ. Если же епископъ, миновавъ ученаго, поставитъ въ священники или въ монашескій санъ человѣка, неученаго въ этой школѣ, безъ достаточной причины, то онъ, епископъ, подлежитъ наказанію по опредѣленію Духовнаго коллегіума.

§ 11. Для того, чтобы не было роптанія со стороны родителей учениковъ изъ-за денежныхъ большихъ издержекъ на учителей и на покупку книгъ и на содержаніе своихъ дѣтей, учащихся вдалекѣ отъ своего дома, слѣдуетъ кормить и учить учениковъ даромъ по книгамъ,

доставляемымъ отъ епископа. А чтобы возможно было сдѣлать это, предлагается слѣдующее: брать съ знатнѣйшихъ въ епархіи монастырей всякаго хлѣба двадцатую долю, да и съ земель церковныхъ, гдѣ онѣ есть, брать всякаго же хлѣба тридцатую долю; и насколько человѣкъ хватитъ этого хлѣба для пропитанія и для другихъ нуждъ (кромѣ одежды), такое число учениковъ и установить съ потребными служителями. А самого учителя или учителей епископъ долженъ кормить и, кромѣ того, довольствовать денежною ругою (приходскимъ сборомъ) изъ архіерейской казны, по опредѣленію Духовнаго коллегіума, согласно мѣстнымъ условіямъ.

Домы училищные

и въ нихъ учители и ученики, также и церковные проповѣдники.

Извѣстно всему міру, какова была скудость и немощь русскаго войска, когда оно не было правильно обучено и какъ несравненно умножилась его сила и сверхъ ожиданія стала велика и грозна, когда Державнѣйшій нашъ Монархъ, Его Императорское Величество Петръ Первый, обучилъ его на основаніи хорошихъ правилъ. Тоже надо разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о государственномъ правленіи, и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. Особенно надо помнить это относительно церковнаго управленія: когда нѣтъ свѣта ученія, невозможно быть и доброму веденію дѣлъ церкви, нельзя не быть нестроенію и многимъ достойнымъ смѣха суевѣріямъ и раздорамъ, и пребезумнымъ ересямъ. Многіе дурно говорятъ, что ученіе есть виновникъ ересей, — ибо, кромѣ древнихъ, бѣсновавшихся не отъ ученія, а отъ глупости еретиковъ: валентиновъ, манихеевъ, катаровъ, ехаитовъ, донатистовъ и прочихъ, которыхъ дурность описываютъ Ириней, Епифаній, Августинъ, Ѳеодоритъ и другіе,— не отъ грубости-ли невѣжества бѣснуются толь жестоко наши русскіе раскольники? Хотя бываютъ ересіархи, какъ Арій, Несторій и нѣкоторые другіе, и изъ ученыхъ, но ересь въ нихъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго пониманія священныхъ писаній, а возрасла и укрѣпилась отъ злобы и гордости, которая не допустила ихъ перемѣнить дурное ихъ мнѣніе, уже и по познаніи истины, противъ ихъ совѣсти. Хотя они и могли сочинять, благодаря наукѣ, софизмы, т. е. коварныя доказательства своихъ мнѣній, но если бы кто приписывалъ это злоупотребленіе наукѣ, то такой человѣкъ долженъ бы былъ говорить, что медицина виновата, если врачъ отравитъ кого-нибудь, или что виновата тактика, если солдатъ коварно и сильно грабитъ кого-нибудь. Если мы посредствомъ исторіи, какъ посредствомъ зрительной трубы, взглянемъ на прошедшія времена, то мы увидимъ все дурное во времена необразованности, а не въ вѣкъ просвѣщенія. Епископы не спѣсивились такъ до 400-го года, какъ возгордились они впослѣдствіи, особенно Константинопольскій и Римскій: ибо тогда было ученіе, а потомъ ослабѣло. Если бы науки были вредны церкви или государству, то не учились бы лучшіе христіане и другимъ запрещали бы учиться, а между тѣмъ мы видимъ, что всѣ наши древніе учители изучали не только священное писаніе, но и мірскую философію; кромѣ многихъ другихъ, за внѣшнюю (мірскую) науку стоятъ славнѣйшіе столпы Церкви: Василій Великій въ своемъ словѣ къ учащимся юношамъ, Златоустый въ книгахъ о мона-

шествѣ, Григорій Богословъ въ своихъ словахъ на Юліана Отступника. Можно было бы поговорить и больше, если бы рѣчь шла только объ этомъ, но ясно, что хорошее, основательное ученіе есть корень, сѣмя и основаніе всякой пользы и для отечества, и для церкви. Однако надо строго наблюдать, чтобы это ученіе было хорошее и основательное. Есть вѣдь и другое ученіе, которое недостойно этого имени, и все же считается людьми умными, но несвѣдущими за настоящую науку. Обыкновенно многіе спрашиваютъ, въ какой школѣ былъ такой-то? и когда услышатъ, что былъ въ классахъ риторики, философіи или богословія, то за одни эти названія высоко ставятъ этого человѣка и часто въ этомъ ошибаются: и у хорошихъ учителей не всѣ учащіеся хороши—одни изъ-за глупости, другіе по лѣности, а про малоискуснаго или вовсе неискуснаго учителя и говорить нечего. Надо помнить, что съ 500 до 1400 годовъ, т. е. девятьсотъ лѣтъ, почитай, всѣ ученія въ Европѣ были весьма недостаточны и слабы, такъ что у самыхъ лучшихъ авторовъ, писавшихъ въ эти времена, мы замѣчаемъ большое остроуміе, но большого просвѣщенія не видимъ. Съ 1400-хъ годовъ начали появляться любознательные, а потому и лучшіе учителя, и академіи стали гораздо выше по наукамъ, чѣмъ во времена Августовъ (т. е. римскихъ императоровъ); но многія училища остались въ прежней тинѣ: у нихъ были только названія риторики, философіи и прочихъ наукъ, а на дѣлѣ ничего не было. Причины тому различныя, и здѣсь, по краткости, не разбираются. Люди, вкусившіе такого, такъ сказать, фантастическаго, мечтательнаго ученія, бываютъ еще глупѣе неученыхъ. Будучи сами людьми темными, они воображаютъ себя совершенствомъ и, думая, что знаютъ все, что доступно знанію, не хотятъ, даже и не подумаютъ читать книги и еще учиться; между тѣмъ человѣкъ, просвѣщенный настоящимъ ученіемъ, никогда, не насыщается и не перестаетъ учиться, хотя бы прожилъ Маѳусаиловъ вѣкъ. Понятно, что такіе неосновательные мудрецы не только безполезны, но и вредны—и своимъ друзьямъ, и отечеству, и церкви. Они смиряются предъ властью, лукавствуя, чтобъ украсть у ней милость и пролѣзть на почетное мѣсто; людей, равныхъ по чину, ненавидятъ; того, кого хвалятъ въ наукѣ, они стараются всячески оклеветать и охулить предъ народомъ и предъ властями. Они склонны къ бунтамъ, потому что многаго для себя ожидаютъ. Когда богословствуютъ, то непремѣнно впадаютъ въ ересь, потому что, проговорившись по своему невѣжеству, отнюдь не хотятъ перемѣнить высказаннаго мнѣнія, чтобъ не показалось, что они чего-нибудь не знаютъ; а мудрые люди какъ разъ приняли между собою пословицу: „свойство мудраго человѣка мѣнять мнѣніе“.

Необходимымъ считается предложить здѣсь слѣдующее:

Правила (регулы) академіи.

Если Императорское Величество захочетъ основать академію, то духовный коллегіумъ долженъ обсудить, какихъ учителей опредѣлить сначала и какой курсъ ученія указать имъ, чтобы издержки государства не пропали даромъ и чтобы вмѣсто ожидаемой пользы не вышли бы пустяки, достойные смѣха. Посему и предлагаются слѣдующія правила (регулы) для того, чтобы осторожно и искусно справиться съ этимъ дѣломъ: 1) Не надо сна-

чала многихъ учителей, но на первый годъ довольно одного или двоихъ, которые бы учили грамматикѣ, т. е. правильному знанію греческаго и латинскаго или обоихъ языковъ; 2) на другой годъ и на третій, и прочіе, идя послѣдовательно къ высшимъ наукамъ, но не уничтожая первоначальнаго ученія для новыхъ учениковъ, прибавляются и учителя; 3) всячески испытать, какъ знаетъ свое дѣло тотъ, кто хочетъ быть учителемъ, напримѣръ: желая узнать, знаетъ ли онъ латинскій языкъ, велѣть ему русское сочиненіе перевесть на латинскій, также латинское сочиненіе какого-нибудь извѣстнаго римскаго автора на русскій, и велѣть искуснымъ людямъ осмотрѣть и освидѣтельствовать его переводы, и тотчасъ выяснится, знаетъ ли онъ свой предметъ въ совершенствѣ, или посредственно, или того ниже, или совсѣмъ ничего. Есть и въ другихъ наукахъ свойственныя имъ испытанія, которыя можно будетъ написать особенно; 4) хотя и окажется учитель неискуснымъ въ извѣстной наукѣ, все же можно узнать, что онъ уменъ, и тогда ясно, что онъ не успѣшенъ или по лѣности, или благодаря своему худому наставнику. Такому велѣть полгода или годъ учиться самому по авторамъ, если онъ хочетъ быть учителемъ, искуснымъ въ той наукѣ, но поступать такъ только по причинѣ скудости въ ученыхъ людяхъ, а лучше бы на такихъ не надѣяться; 5) опредѣленнымъ хорошимъ учителямъ приказать, чтобы они сперва объяснили ученикамъ вкратцѣ, но ясно, какое значеніе имѣетъ данная наука: грамматика, напримѣръ, или реторика, или логика и прочее, и чего хотимъ достигнуть посредствомъ той или другой науки, чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому плывутъ, и имѣли бы большую охоту и узнавали ежедневное свое движеніе впередъ въ наукѣ и свои недостатки; 6) избрать лучшихъ авторовъ во всякой наукѣ, которые одобрены знаменитыми академіями, примѣрно: въ Парижѣ, повелѣніемъ короля Людовика XIV, такъ кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ основательно составлена латинская грамматика, что можно надѣяться, что острый ученикъ въ одинъ годъ изучитъ латинскій языкъ, между тѣмъ какъ у насъ мало кто и въ пять-шесть лѣтъ научится латыни, что видно изъ того, что студентъ, вышедшій изъ класса философіи (шестого) или богословія (седьмого), не можетъ переводить средняго латинскаго стиля. Итакъ, избравъ, какъ сказано, лучшихъ авторовъ по грамматикѣ, риторикѣ, и другимъ наукамъ, отдать въ академію и приказать, чтобъ учили въ школахъ именно по этимъ, а не по другимъ руководствамъ; 7) по богословію, собственно, приказать изучать главные догматы нашей вѣры и Законъ Божій. Учитель богословія читалъ бы священное писаніе и училъ правиламъ, какъ узнавать прямую истую силу и толкъ писанія (герменевтику) и укрѣплялъ бы всѣ догматы свидѣтельствомъ писаній; а для подмоги въ этомъ дѣлѣ, читалъ бы прилежно книги святыхъ отцовъ, да такихъ, которые подробно писали о догматахъ противъ ересей вслѣдствіе споровъ, возникшихъ въ церкви; ибо извѣстны древніе учители, писавшіе собственно о догматахъ, тотъ объ одномъ, другой о другомъ, таковы: о тайнѣ Троицы—Григорій Назіанзинъ—въ пяти словахъ своихъ богословскихъ, Августинъ—въ книгахъ о Троицѣ и о Божествѣ Сына Божія и, кромѣ нихъ: Афанасій Великій—въ пяти книгахъ на аріанъ; о Божествѣ Св. Духа—Василій Великій въ пяти книгахъ на Евномія; о ѵпостаси Христовой—Кириллъ Александрійскій на Несторія; о двоицѣ естествъ въ Христѣ

довольно одно посланіе Леона папы римскаго къ Флавіану, патріарху цареградскому; о грѣхѣ первородномъ и о благодати Божіей—Августинъ во многихъ книгахъ на пелагіанъ, и проч. Также очень полезны дѣянія и пренія вселенскихъ и помѣстныхъ сѵнодовъ. При такихъ учителяхъ-толкователяхъ священнаго писанія—не тщетно будетъ и ученіе богословское. Хотя учитель богословія и можетъ искать себѣ помощи въ сочиненіяхъ новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей, но долженъ не учиться у нихъ и не полагаться на ихъ рѣчи, но только принимать ихъ методъ, какъ и какіе доводы они берутъ отъ древнихъ учителей церкви. Особенно не принимать на вѣру ихъ доводовъ въ догматахъ, въ которыхъ они, иновѣрцы, съ нами согласны, но разсмотрѣть, есть ли такой же текстъ въ писаніи или въ отеческихъ книгахъ, и то ли значеніе имѣютъ эти слова, въ какомъ они ихъ принимаютъ. Очень часто лгутъ эти господа и приводятъ небывалыя свидѣтельства, а часто и истинное толкуютъ по своему. Приведемъ примѣръ: слова Господа къ Петру: „Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя!“, сказанныя персонально о Петрѣ, только о немъ лично, латины относятъ къ своему папѣ и выводятъ изъ того, что папа, хотя бы и хотѣлъ, не можетъ погрѣшить въ вѣрѣ. Итакъ, учитель богословія долженъ учить не по чужимъ рѣчамъ, а по собственнымъ знаніямъ, и иногда, выбравъ свободное время, показать книги и ученикамъ своимъ, чтобы они сами видѣли и не сомнѣвались бы, правду ли говоритъ, или лжетъ ихъ учитель. Здѣсь кстати, сообразно только-что данному совѣту, упомянуть и о томъ, что при школахъ слѣдуетъ быть достаточной библіотекѣ. Академія безъ библіотеки—все равно, какъ безъ души. Достаточную библіотеку можно купить за двѣ тысячи рублей. Библіотека должна быть доступна учителямъ ежедневно во всѣ часы, лишь бы не разбирали книгъ по кельямъ, а читали бы въ самой библіотечной конторѣ. Ученикамъ же и прочимъ охотникамъ отворять библіотеку въ назначенные дни и часы. И ходили бы въ библіотеку знающіе языки въ особенные дни и часы по обязанности, а въ иные—по волѣ, въ свободное опредѣленное время. Спрашивалъ бы всякаго ученика его учитель, какого автора онъ читаетъ и что прочелъ, и что списалъ, и если чего не понялъ, то бы и объяснилъ ему. Это очень полезно, и скоро превращаетъ человѣка, прежде бывшаго грубыхъ обычаевъ, въ совершенно иного. 9) Обращаясь къ школьному ученію, кажется весьма возможнымъ преподавать заразъ въ одинъ часъ и урокъ двѣ или три науки вдругъ. Напримѣръ, уча грамматикѣ, учитель можетъ вмѣстѣ съ нею учить и географіи и исторіи: такъ какъ по грамматическимъ правиламъ нужно дѣлать и упражненія (экзерциціи), т. е. обучать и переводить съ родного на чужой языкъ и обратно—съ чужого на родной‘ то можно велѣть ученикамъ переводить по частямъ географію или исторію внѣшнюю (свѣтскую), или церковную, или, для перемѣны, и то, и другое. Но такъ какъ учить исторію безъ географическихъ знаній все равно, что ходить по улицамъ съ завязанными глазами, того ради дается здравый совѣтъ: годъ, опредѣленный для изученія грамматики, раздѣлять на двѣ части, и первое полугодіе учить грамматикѣ съ географіей. При этомъ опредѣлить особенный день въ недѣлю, въ который учитель будетъ показывать на картѣ небесные и земные круги и міровое устройство (циркулы планисферія и универсальную ситуацію

міра); а еще бы лучше дѣлать эти указанія на глобусѣ и такъ обучать студентовъ, чтобъ могли пальцемъ показать, если кто спроситъ ихъ, гдѣ Азія, гдѣ Африка, гдѣ Европа и къ которой сторонѣ подъ нами лежитъ Америка, также подробно и о государствахъ, гдѣ Египетъ, гдѣ Китай (Хина), гдѣ Португалія и проч. А въ другое полугодіе давать для упражненія въ переводахъ всеобщую (универсальную) краткую исторію: только бы былъ авторъ чистаго латинскаго языка, какъ, напр., Юстинъ историкъ, а послѣ можно выбрать и другихъ. Это очень полезно: ученики возымѣютъ большую охоту къ ученію, если невеселое обученіе языку будетъ растворено интереснымъ изученіемъ міра и происходившихъ въ мірѣ событій, и скоро исчезнетъ и ихъ грубость, да еще на берегу, отплывая въ море ученія, найдутъ не мало дорогихъ товаровъ. 10) Слѣдующая программа ученія кажется удовлетворительной: а) грамматика съ географіей и исторіей; б) ариѳметика и геометрія; в) логика или діалектика—одна двоименная наука; г) риторика вмѣстѣ или отдѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ; д) физика, съ присовокупленіемъ краткой метафизики; е) политика краткая по Пуффендорфу (если она сочтется потребной, а то можетъ быть присоединена къ діалектикѣ); ж) богословіе; первые шесть предметовъ возьмутъ по году, а богословіе—два года. Хотя и всякое ученіе пространно, кромѣ діалектическаго и грамматическаго, но въ школахъ надо преподавать (трактовать) сокращенно и только главнѣйшія части. Впослѣдствіи получившій доброе начало и самъ усовершенствуется долгимъ чтеніемъ и практикою. Для языковъ греческаго и еврейскаго, если будутъ учителя, можно назначить особое время между другими занятіями. Ректора и префекта выбрать изъ прилежныхъ людей, которыхъ труды и ученіе уже пользуются извѣстностью. Духовный коллегіумъ укажетъ имъ быть тщательными въ своемъ дѣлѣ подъ угрозой отдачи ихъ самихъ подъ судъ Духовнаго коллегіума, если учебныя занятія пойдутъ не чинно и безуспѣшно. Они, посему, должны смотрѣть, ходятъ ли учителя въ школу и такъ ли учатъ, какъ слѣдуетъ. Ректоръ съ префектомъ обязаны посѣтить въ недѣлю двѣ школы, а на другую недѣлю—другія двѣ, и такъ и прочія кругомъ (послѣдовательно). Они обязаны, когда придутъ въ школы и учитель будетъ учить при нихъ, слушать хоть полчаса и испытывать учениковъ вопросами, знаютъ ли они уже то, что должно имъ знать. 12) Если кто-нибудь изъ учителей окажется неисполняющимъ академическаго устава и непокорнымъ ректорскимъ наставленіямъ, о такомъ ректоръ заявляетъ въ духовный коллегіумъ, и такого, по произведеніи слѣдствія, отставляютъ отъ должности или наказываютъ сообразно обстоятельствамъ. 13) Можно назначить и фискаловъ, которые бы смотрѣли, все ли порядочно въ академіи. 14) Объ ученикахъ предлагается слѣдующее. Всѣ протопопы и богатѣйшіе и иные священники должны присылать своихъ дѣтей въ академію. Можно тоже приказать и городскимъ лучшимъ приказнымъ людямъ; о дворянахъ же будетъ опредѣлено собственною волею Императорскаго Величества. Приходящимъ ученикамъ быть въ академіи до окончанія всего курса и ректору не отпускать изъ школы учениковъ безъ вѣдома Духовнаго коллегіума. А если бы ректоръ, или префектъ, или иной кто отпустилъ ученика тайно за взятку, такому преступнику опредѣлить жестокое наказаніе. 16) Всѣмъ

повсюду да будетъ извѣстно, что неученый не можетъ занять степени духовной или гражданской чести раньше и выше ученаго изъ академіи и ею засвидѣтельствованнаго. Налагается великій штрафъ на тѣ власти, которыя бы поступили иначе. 17) Испытать память и остроту ума новопришедшаго ученика и, если окажется весьма тупъ, не принимать въ академію: лѣта потеряетъ, а ничему не научится, да еще возымѣетъ о себѣ мнѣніе, что онъ мудрый, и нѣтъ хуже таковыхъ бездѣльниковъ. А чтобы кто-нибудь не притворялся глупымъ, желая быть отпущеннымъ домой, какъ нѣкоторые придумываютъ тѣлесныя немощи для избавленія отъ солдатства, назначить такимъ цѣлый годъ для испытанія ихъ умственныхъ способностей, и умный учитель можетъ придумать такіе способы узнать ученика, какихъ тотъ узнать и перехитрить его не можетъ. 18) Если окажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, скорый до драки, клеветникъ, непокорный, и если будетъ невозможно исправить его въ продолженіе года ни увѣщаніями, ни жестокими наказаніями, такого, хотя бы и остраго ума, выслать изъ академіи, чтобъ не давать меча бѣшеному. 19) Мѣсто академіи не въ городѣ, но въ сторонѣ, на веселомъ мѣстѣ, пригодное, гдѣ нѣтъ народнаго шума, не бываетъ никакихъ особыхъ случаевъ (окказіи), которые обыкновенно мѣшаютъ ученію, бросаются въ глаза, развлекаютъ мысли молодыхъ людей и мѣшаютъ прилежно заниматься. 20) Академія не должна хвалиться и даже вовсе не обращать вниманія на то, что въ ней много учениковъ—это суетно. Она должна смотрѣть, много ли въ ней умныхъ и хорошихъ учениковъ, ожидая отъ нихъ будущей пользы, и заботиться, какъ бы они остались такими до конца. 21) Отнюдь не потребно и напрасно принимать на поденныя деньги государевы всякихъ, какіе ни придутъ, студентовъ. Многіе приходятъ, иные и неспособные по природѣ, только для жалованья, принужденные нищетою. Другіе являются и способные, поживутъ при академіи, сколько хотятъ, и уходятъ, когда и куда хотятъ. Что-жъ съ того добра? только напрасный убытокъ. Принимать студентовъ съ разсмотрѣніемъ ихъ умственныхъ качествъ и требовать отъ нихъ записи на себя, что они пробудутъ въ академіи до конца ученія и, если они не исполнятъ, исключая крайней необходимости, своего обѣщанія, то подвергнутся великому штрафу. И можно будетъ такихъ по окончаніи курса представлять (презентовать) Императорскому Величеству и опредѣлять ихъ, по указу Его Величества, къ разнымъ дѣламъ. 22) Но что важнѣе всего и, почитай, одно необходимо и полезно—быть при академіи или въ началѣ и безъ академіи—семинаріуму для ученія и воспитанія дѣтей, въ родѣ тѣхъ учрежденій, какихъ не мало вымышлено въ иноземныхъ странахъ. Здѣсь далѣе и представленъ нѣкій образецъ такого заведенія.

Правила семинаріи.

I. Построить домъ по образцу монастыря. Пространство его и жилье и всякіе припасы къ пропитанію и одѣянію и прочимъ нуждамъ должны быть сообразны числу дѣтей-учениковъ. Число будетъ опредѣлено по волѣ Императорскаго Величества: 50, или 70, или больше, также и число потребныхъ управителей и служителей.

II. Въ дому томъ будутъ жить и дѣти, и юноши уже взрослые, по восьми или по девяти человѣкъ въ одной избѣ, но съ такимъ расположеніемъ: большіе въ одной, средніе въ другой, малые въ третьей избѣ.

III. Всякому опредѣлить мѣсто при стѣнѣ, вмѣсто собственной конторы, гдѣ станетъ его кроватка,—складная, чтобъ днемъ не видно было постели (логовища), также и шкафъ для книжекъ, и иныя вещицы и стуликъ для сидѣнья.

IV. Во всякой избѣ (сколько ихъ будетъ) долженъ быть префектъ, или надсмотрщикъ, человѣкъ хотя неученый, но честной, приличной жизни, толковый, не весьма свирѣпый и не меланхоликъ, лѣтами—отъ тридцати до пятидесяти лѣтъ. А дѣло его слѣдующее: смотрѣть, чтобъ между семинаристами (такъ называются воспитываемые въ томъ домѣ) не было ссоръ, драки, сквернословія и всякаго иного безчинія, и чтобъ всякій въ назначенное время исполнилъ свои обязанности. А всякій бы семинаристъ не выходилъ изъ своей избы безъ его благословенія, и то объявляя всякій разъ причину, куда и зачѣмъ онъ выходитъ.

V. Въ томъ домѣ слѣдуетъ быть хотя тремъ ученымъ людямъ, монахамъ или свѣтскимъ. Изъ нихъ одинъ будетъ ректоръ, правитель всего дома, а два экзаменаторы, т. е. *розыщики*, какъ кто учится, лѣниво или прилежно.

VI. Во всякой избѣ префектъ имѣетъ власть наказывать подчиненныхъ ему за проступки: малыхъ—розгами; а среднихъ и большихъ—словеснымъ выговоромъ (словомъ угрозительнымъ). На неисправляющихся онъ жалуется ректору.

VII. Также и экзаменаторы поступаютъ за лѣность въ ученіи съ малыми, средними и большими учениками, и доносятъ ректору.

VIII. Ректоръ—верховная власть для всѣхъ—и можетъ, по своему разсужденію, наказывать какимъ угодно наказаніемъ. Но онъ не увольняетъ безъ вѣдома духовнаго коллегіума тѣхъ, кто остается непреклоннымъ къ исправленію.

IX. Опредѣлить время всякимъ занятіямъ и отдыху семинариста—когда ложиться спать, когда вставать, молиться, учиться, идти въ столовую, гулять и проч. Всѣ эти часы означать звономъ колокольчика, и всѣ семинаристы, какъ солдаты по барабанному бою, такъ они по звону колокольчика должны приниматься за дѣло, которое назначено на извѣстный часъ.

X. Семинаристовъ не отпускать изъ семинаріума въ городъ или куда бы то ни было, къ своимъ въ гости, пока семинаристъ не привыкнетъ къ семинаріуму и не ощутитъ извѣстной пользы своего воспитанія. Именно, не отпускать никуда до истеченія трехъ лѣтъ по поступленіи въ семинаріумъ. Но и на четвертый годъ позволяется идти въ гости къ родителямъ или родственникамъ не болѣе двухъ разъ въ годъ, и то на небольшоо разстояніе, такъ чтобъ прошло не болѣе семи дней отъ ухода до возвращенія ученика въ семинарскій домъ.

XI. Когда семинаристъ такимъ образомъ отпущенъ будетъ въ гости, то послать съ нимъ почтеннаго человѣка, какъ надзирателя или наблюдателя, который былъ бы при немъ вездѣ и всегда, и при всякихъ случаяхъ и, по возвращеніи, давалъ бы отчетъ (репортъ) ректору о слу-

чившемся. Если же тотъ посланный надзиратель, потворствуя ученику, утаитъ что-нибудь дурное, такого плута бить гораздо. Узнать это можно изъ того, что возвратившійся семинаристъ не можетъ не показать въ себѣ какой-нибудь перемѣны прежнихъ нравовъ и наклонностей.

XII. Когда какіе-нибудь сродники придутъ въ семинаріумъ посѣтить своего родственника, тѣхъ гостей, съ вѣдома ректора, ввести въ столовую, или другую общую избу, или въ садъ, и тамъ имъ и разговаривать съ ихъ родственникомъ. Можно и угостить ихъ умѣренно (потрактовать мѣрно) кушаніемъ и питіемъ, въ присутствіи ректора или одного экзаменатора, смотря по лицу.

XIII. Такое житье молодыхъ людей можетъ показаться тягостнымъ и похожимъ на заключеніе въ плѣну, но кто попробуетъ такъ жить хоть одинъ годъ, тому будетъ это житье очень сладко. Къ уничтоженію скуки полезны слѣдующія правила:

XIV. Принимать въ семинаріумъ только малолѣтнихъ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ, а выше того возраста только по просьбѣ почтенныхъ лицъ, свидѣтельствующихъ, что мальчикъ и въ родительскомъ домѣ жилъ въ страхѣ и добромъ смотрѣніи.

XV. Опредѣлить ежедневно два часа на гулянье семинаристамъ: именно—послѣ обѣда и ужина, и чтобъ тогда никому не только не учиться, но даже и книги не держать въ рукахъ. Гулянье должно быть съ приличными играми, способствующими развитію тѣла (тѣлодвижными), лѣтомъ въ саду, зимою въ своей же избѣ. Это и для здоровья полезно, и скуку отгоняетъ. Еще лучше выбирать такія игры, которыя съ потѣхою даютъ и полезныя свѣдѣнія, напримѣръ: плаваніе на регулярныхъ судахъ, геометрическія съемки (размѣры), строеніе регулярныхъ крѣпостей и пр.

XVI. Можно одинъ или два раза въ мѣсяцъ, особенно лѣтомъ, проѣхаться на острова, на поля, на веселыя мѣста, къ загороднымъ дворамъ Государевымъ, и хоть разъ въ годъ въ Санктъ-питербурхъ.

XVII. Въ столовой (во время обѣда, ужина или завтрака) должно быть чтеніе или воинскихъ, или церковныхъ исторій. Въ началѣ же всякаго мѣсяца, чрезъ два-три дня, пусть читаются повѣсти о свѣточахъ науки, о церковныхъ великихъ учителяхъ, также о древнихъ и современныхъ философахъ, астрономахъ, риторахъ, историкахъ и проч. Слушаніе такихъ книгъ и пріятно, и побуждаетъ другихъ подражать этимъ мудрымъ людямъ.

XVIII. Можно еще дважды или и больше устраивать какія-нибудь представленія (акціи), диспуты, комедіи, риторическія упражненія. Это ѕѣло полезно и для обученія, и для резолюціи, т. е. необходимой смѣлости, которая требуется и при проповѣди слова Божія и при посольскомъ дѣлѣ. Дѣлать такія представленія въ веселую перемежку.

XIX. Можно установить особенныя награды для хорошо и старательно учащихся.

XX. Хорошо бы, чтобъ въ большіе праздники была музыка (гласъ мусикійскихъ инструментовъ) за столомъ семинаристовъ,—и это не трудно: стоитъ только нанять сначала мастера, а отъ него научившіеся любители-семинаристы должны даромъ научить и другихъ на свое мѣсто. Эти семь правилъ служатъ къ увеселенію учащихся.

XXI. Слѣдуетъ быть въ семинаріумѣ церкви, аптекѣ, доктору, а школа семинаріума должна быть въ академіи, близъ семинаріума. А если и школа, и учителя будутъ въ семинаріумѣ, то и академія и семинаріумъ будутъ одно и то же, вмѣстѣ. Для остальныхъ учениковъ, которые не захотятъ жить въ семинаріумѣ, можно построить жилье по близости и отдавать въ наемъ студентамъ.

XXII. Правила для учителей, ученія и учениковъ, описанныя выше при описаніи устройства академіи, должны и здѣсь соблюдаться.

XXIII. Бѣдные (убогіе) семинаристы будутъ получать безплатно, по милости Императорскаго Величества, пропитаніе, одѣяніе и все прочее. Другіе же, дѣти богатыхъ людей, должны платить за столъ и одѣяніе, а цѣнѣ быть другой, разъ навсегда опредѣленной.

XXIV. Когда семинаристъ войдетъ въ совершенный разумъ и достигнетъ высшихъ наукъ, то онъ долженъ въ семинарской церкви, въ присутствіи прочей своей братіи, принести присягу въ томъ, что онъ будетъ вѣренъ Императорскому Величеству и Его наслѣднику и готовъ служить тамъ, куда онъ годенъ и куда будетъ позванъ Государевымъ указомъ.

XXV, Окончившихъ курсъ семинаріума ректоръ не отпускаетъ, пока не извѣститъ о томъ Духовный коллегіумъ, а коллегіумъ представляетъ ихъ Императорскому Величеству и потомъ даетъ имъ отпускъ (абшитъ) со свидѣтельствомъ объ ихъ познаніяхъ.

XXVI. Тѣмъ семинаристамъ, которые, по окончаніи курса, окажутся способнѣйшими къ духовнымъ дѣламъ, быть на очереди къ занятію всякихъ степеней духовной власти преимущественно предъ прочими, хотя бы и равными имъ по познаніямъ, но не воспитанными въ семинаріи, исключая тѣхъ, кои окажутся съ какими-нибудь важными пороками, да и то оказавшимися съ такими недостатками не по клеветѣ. А на завистниковъ и клеветниковъ опредѣлить жестокое наказаніе.

Вотъ пока все о семинаріи. Можно впредь будетъ и больше придумать или взять примѣръ (информацію) съ иноземныхъ лучшихъ семинаріевъ и отъ таковаго воспитанія и обученія во-истину можно надѣяться получить великую пользу отечеству.

LXI. Ѳеофанъ Прокоповичъ.

(Изъ соч. И. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время").

Ѳеофанъ родился въ Кіевѣ, 8 іюня 1681 года, и прикрещеніи названъ Елеазаромъ. Отецъ его былъ кіевскимъ купцомъ или просто торговымъ человѣкомъ (mercator) и умеръ вскорѣ послѣ рожденія своего сына. Мать, оставшаяся въ крайней нищетѣ, бѣдствовала вмѣстѣ съ сыномъ и также вскорѣ скончалась. Елеазара взялъ на воспитаніе родной его дядя, намѣстникъ кіевобратскаго монастыря и ректоръ кіевской академіи,— Ѳеофанъ Прокоповичъ. Дядя записалъ Елеазара въ академію, гдѣ онъ обучался грамотѣ и латинскому языку. Но послѣдовавшая въ

1692 году смерть дяди въ другой разъ осиротила Елеазара. Добрая судьба послала ему благодѣтеля въ одномъ кіевскомъ гражданинѣ (urbis civis, nobilis homo), съ помощью котораго онъ продолжалъ посѣщать школу до 1698 года. Елеазаръ былъ лучшимъ ученикомъ въ школѣ. Съ богатыми дарованіями, съ живымъ и острымъ умомъ, съ отличной памятью въ немъ соединялась прекрасная наружность, живой и привлекательный взглядъ и звонкій голосъ. За это послѣднее преимущество онъ выбранъ былъ въ регенты пѣвческаго хора.

Знакомымъ съ состояніемъ кіевской академіи въ концѣ XVII вѣка извѣстно, что она, при своемъ схоластическомъ направленіи, не могла дать многаго своимъ воспитанникамъ. Однакожъ въ ней были наставники, способные возбудить любовь къ наукѣ и образованію въ своихъ слушателяхъ. Со времени Петра Могилы въ ней вѣяло свѣжимъ духомъ. Нѣкоторые наставники посѣщали польскіе университеты. Борьба съ католиками и іезуитами вносила въ сухую схоластическую науку живой элементъ, безъ сомнѣнія благотворно дѣйствовавшій на образованіе.

Елеазаръ усвоилъ себѣ лучшее, что могъ найти въ академіи,—любовь къ образованію; но такъ какъ его любознательность не находила тамъ себѣ полнаго удовлетворенія, то онъ, по окончаніи философскаго курса, вслѣдъ за другими лучшими воспитанниками академіи, отправился для продолженія своего образованія за рубежъ—въ польскія училища.

Прокоповичъ обучался краснорѣчію, поэзіи, философіи и изучалъ римскія древности, какъ христіанскія, такъ и языческія. Впослѣдствіи онъ отзывался съ большою похвалою объ іезуитѣ, начальникѣ коллегіи, отдавая справедливость какъ прекраснымъ свойствамъ его ума, такъ и его благодѣяніямъ. Этотъ отецъ полюбилъ его за веселость нрава, живость и игривость ума и взялъ къ себѣ жить, отличая его особеннымъ довѣріемъ. Любопытно, что онъ находилъ въ молодомъ Прокоповичѣ по внѣшности и уму сходство съ папою Урбаномъ VIII. Сверхъ общихъ уроковъ, онъ занимался съ нимъ приватно, лаская его съ отеческою любовію, и открылъ ему доступъ какъ въ ватиканскую, такъ и въ другія городскія библіотеки. Но почтенный отецъ безуспѣшно старался вовлечь его въ общество іезуитовъ, воспитателей юношества въ іезуитскихъ семинаріяхъ, или склонить къ принятію какой-либо другой духовной должности. Прокоповичъ выслушалъ полный курсъ аристотелической философіи и схоластическаго богословія и полную систему такъ называемыхъ у іезуитовъ casuum conscientiae. Послѣднихъ онъ не одобрялъ. Съ большею охотою онъ изучалъ творенія отцовъ восточной и западной церкви и классическихъ писателей, которыя всѣ имѣлъ неиспорченными (geminos, non castratos). Онъ изучалъ въ краснорѣчіи—Демосѳена, Цицерона и Квинтиліана; въ героической поэзіи—Виргилія, въ элегической—Овидія, въ сатирахъ—Ювенала; въ одахъ—Горація и Катулла, въ эпиграммахъ—Марціала; въ исторіи—Ливія, Светонія, Саллюстія, Тацита. Ѳеофанъ говорилъ впослѣдствіи, что вышеупомянутый отецъ совѣтовалъ ему, какими писателями прилежнѣе заниматься, и изъ нихъ почерпать противоядіе противъ пустыхъ знаній. Занимаясь этими сочиненіями денно и нощно, онъ отказывался нерѣдко отъ пищи, и до такой степени превратилъ ихъ въ свою плоть и кровь, что, казалось, овладѣлъ ихъ геніемъ. Слыша въ Римѣ изъ устъ папы Инно-

кентія XII публичныя проклятія на лютеранъ, кальвинистовъ и прочихъ схизматиковъ, подъ которыми разумѣются русскіе, непринявшіе уніи, онъ тайно смѣялся надъ ними, какъ надъ пустымъ громомъ. А впослѣдствіи, говоритъ его біографъ, онъ открыто объявилъ ихъ незаконными и, по праву возмездія, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ Великій постъ, часто громилъ анаѳемою противниковъ греческой церкви. Онъ говорилъ, что нигдѣ нѣтъ столько сомнѣвающихся въ истинѣ христіанской религіи, какъ въ Италіи. Между тѣмъ онъ внимательно осматривалъ древній и новый Римъ, священные и свѣтскіе памятники новаго и прежняго времени; изучалъ форму папскаго управленія въ церковныхъ, гражданскихъ и военныхъ дѣлахъ и тонко примѣчалъ, что происходило при избраніи новаго папы Климента XI.

Вышедши изъ Вѣчнаго города, онъ посѣтилъ Латеранскій дворецъ, откуда опять прошелъ чрезъ Бонону и прочіе, на пути лежащіе, города. Но такъ какъ австрійскія и французскія войска (по случаю войны за Испанское наслѣдство) сдѣлали дороги небезопасными, то онъ принужденъ былъ проходить окольными путями, испытывая, особенно въ зимнее время, разныя лишенія, оставаясь безъ пищи и сна; но все это онъ переносилъ безропотно, съ бодростью духа и тѣла. Прешедши чрезъ Сенъ-Готардъ, онъ прибылъ къ гризонамъ въ Ретіи и швейцарцамъ, познакомился съ извѣстными въ наукѣ мужами, и повсюду, какъ у католиковъ, такъ и не-католиковъ, находилъ радушный пріемъ, привлекая къ себѣ своею умною, гуманною рѣчью, знаніемъ иностранныхъ языковъ, и особенно своимъ образованіемъ, и такъ плѣнялъ всѣхъ, что они, всячески его одаривши, отпускали отъ себя съ сожалѣніемъ.

Въ бытность учителемъ поэзіи, Ѳеофанъ составилъ піитику и написалъ трагикомедію «Владиміръ», представленную академистами 3-го іюля 1705 года. Эта послѣдняя замѣчательна какъ по выбору сюжета изъ русской исторіи, вмѣсто іудейской или греческой, такъ по художественнымъ достоинствамъ и, наконецъ, по той смѣлости образа мыслей, которая возвышаетъ его надъ общимъ уровнемъ идей того времени.

Въ 1706 году Ѳеофанъ перешелъ на классъ реторики и составилъ учебникъ реторики на латинскомъ языкѣ. Насмотрѣвшись на іезуитское воспитаніе и іезуитское проповѣдничество въ Польшѣ и за границей, Ѳеофанъ въ своей реторикѣ съ особенною энергіею высказывается, при каждомъ случаѣ, противъ католическихъ богословскихъ авторитетовъ и іезуитскаго проповѣдничества; „не приводи мнѣ свидѣтельствъ ни Ѳомы Аквината, ни Скотта, ни другихъ нечистивой секты людей; ибо ими не подтвердишь своего предмета, но осквернишь рѣчь и слухъ вѣрнаго народа и священнаго собранія“. Ѳеофанъ совѣтуетъ оратору выбирать предметы для церковной каѳедры изъ житій св. людей, особенно тѣхъ, коихъ произвела Россія, „чтобъ узнали, наконецъ, пустѣйшіе, благоговѣющіе только передъ своими баснями, враги наши, что небезплодны доблестію наше отечество и наша вѣра, и чтобы перестали, наконецъ, укорять насъ въ скудости святыни“.

Замѣчательно у Ѳеофана изображеніе іезуитовъ: „великій Павелъ давно уже сказалъ намъ, что какъ темный ангелъ, такъ и его слуги обыкновенно одѣваются въ свѣтъ; въ самомъ дѣлѣ, это самое поддѣльное благочестіе латинскихъ монаховъ служитъ для меня главнѣйшимъ доказательствомъ ихъ нечестія. Посмотрите на тѣлодвиженія, поступь

положеніе лица и тѣла ихъ: что увидите искренняго, неподдѣльнаго, неизысканнаго? Одни представляются намъ сокровищницами кротости и любви; другихъ увидишь облеченными суровостію болѣе, чѣмъ катоновскою. Первые изъ нихъ, большею частію совершенно напрасно называющіе себя друзьями Іисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей;—они всецѣло созданы для пріобрѣтенія благосклонности: являются въ общество въ черной, но изящной одеждѣ, отличаются бѣлизною кожи,—красавцы съ головы до ногъ; тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, пріятно и часто улыбаются. А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые протеи, почти въ одно и тоже время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній. Сейчасъ ты слышалъ его, веселаго и забавнаго; но если попадется въ рѣчи одно словечко, сколько-нибудь печальнаго содержанія, вотъ онъ и вздыхаетъ и стенаетъ, и слезки каплютъ, и все это дѣлаетъ онъ съ такою нѣжносію и пріятностью, какую можно видѣть въ молоденькихъ дѣвушкахъ. Таковы-то почти всѣ свойства этого ордена; и я подозрѣваю, что лучшіе учители у нихъ тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать. Но часто я не могъ удержаться отъ смѣха при видѣ многихъ іезуитовъ, которымъ вовсе было не къ лицу представлять собою Купидоновъ или Венеръ. Когда они выходятъ на рынокъ и прогуливаются по городу, то несутся такимъ разсчитаннымъ шагомъ, что, кажется, не идутъ, а танцуютъ. Если встрѣтятся съ кѣмъ-нибудь знакомымъ, который поддался ихъ вліянію, тотчасъ оба (ибо они почти всегда прогуливаются вдвоемъ) самымъ веселымъ образомъ начинаютъ разговаривать между собою; затѣмъ старшій, т. е. главный начальникъ чужого спасенія, склонивши тихо голову на плечи и улыбаясь, говоритъ, пожимая руку встрѣтившагося знакомца: въ какомъ состояніи вашъ внутренній человѣкъ? Я увѣренъ, что онъ здравствуетъ какъ нельзя лучше. Затѣмъ сообщаетъ радостнѣйшее извѣстіе, что въ Индіи нѣкоторый могущественнѣйшій царь, со всѣмъ своимъ народомъ, сколько ни есть его, приведенъ іезуитами къ вѣрѣ во Христа. Всегда неожиданно, а часто и неблаговременно, приходятъ въ тотъ домъ, гдѣ знаютъ преданную ихъ ордену госпожу. Тамъ, послѣ пріятныхъ взаимныхъ привѣтствій, забавляютъ женщинъ многими благочестивыми шутками, хвалятъ управленіе дома, удивляются картинамъ и, увидѣвши Христа, пригвожденнаго ко кресту, вздыхаютъ съ деликатнымъ сожалѣніемъ, и движеніемъ рѣсницъ показываютъ, что они уже готовы расплакаться, но тотчасъ отворачиваются отъ чужихъ глазъ, какъ будто для того, чтобы скрыть свои слезы. Часто, если есть маленькія дѣти, іезуиты, тихо лаская ихъ, дарятъ имъ небольшія иконы, или привѣшиваютъ къ шеѣ мѣдь съ изображеніемъ Игнатія (Лойолы), но самый благопріятный случай выпадаетъ имъ, если они слышатъ, что какая-нибудь больная женщина лежитъ въ постели; и если больная, поддавшись ихъ льстивымъ внушеніямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства, или большія деньги, тогда іезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное больной вѣчное блаженство и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшій залогъ спасенія. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманія и бѣдныхъ, ско-

рымъ шагомъ обходятъ и тѣ домы, въ которыхъ жаренымъ не пахнетъ. Но такъ какъ не всѣмъ нравится эта благочестивая сантиментальность, то есть другой родъ обманщиковъ, которые, какъ-будто родившись отъ древнихъ Сабинянъ, кажутся весьма суровыми: смѣются надъ всѣми приличіями свѣта и попираютъ ихъ,—немытые, грязные, съ наморщеннымъ челомъ, съ сипими зубами, необрѣзанными ногтями, съ пренебреженіемъ ко всему убранству. Весьма приличнымъ считаютъ для священнаго оратора, если онъ, во время проповѣди, непристойно разводитъ мѣшками (рукавами), пугаетъ всѣхъ суровымъ взглядомъ, кулаками и пятами бьетъ и чуть не ломаетъ каѳедру. Однако ничего не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе людей этого рода».

Въ 1706 г. 4 іюля прибылъ въ Кіевъ государь для основанія Печерской крѣпости. На другой день Ѳеофанъ сказалъ, въ его присутствіи, проповѣдь, которая обратила на него вниманіе государя. И точно, это была рѣчь, давно неслыханная на церковной каѳедрѣ. Въ одушевленномъ словѣ проповѣдникъ выразилъ свои чувства по случаю радости о прибытіи юнаго, а между тѣмъ уже славнаго, государя. Тутъ нѣтъ ни отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, ни школьныхъ приступовъ и аргументацій, ни утомительной длинноты періодовъ: это—стройная, одушевленная и блестящая рѣчь проповѣдника, оставившаго позади себя схоластическую реторику.

Въ слѣдующемъ 1707 году Ѳеофанъ опредѣленъ префектомъ и учителемъ философіи, которую преподавалъ два года; а сверхъ того преподавалъ физику, ариѳметику и геометрію, которыя до того времени не преподавались въ академіи. Но скромныя занятія учителя не наполняли его души. Его честолюбивый духъ порывался къ болѣе широкой и открытой дѣятельности. Онъ принималъ живое участіе въ тогдашнемъ военномъ и политическомъ движеніи въ Малой Россіи и, хорошо зная мѣстность и главныхъ дѣйствующихъ лицъ, имѣлъ случай оказать услугу правительству. Послѣ полтавской побѣды, когда государь возвращался чрезъ Кіевъ, Ѳеофанъ сказалъ, въ его присутствіи, въ Софійскомъ соборѣ всенародный на эту побѣду панегирикъ, который тогда же былъ напечатанъ въ кіевопечерской типографіи на русскомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ. Въ декабрѣ того же года, въ церкви кіевобратскаго училищнаго монастыря, онъ сказалъ похвальное слово князю Меншикову и просилъ его покровительства для академіи.

Въ 1711 году, во время турецкаго похода, государь вспомнилъ о Прокоповичѣ и приказалъ ему быть къ себѣ въ лагерь. Ѳеофанъ явился и, слѣдуя за государемъ, 27 іюня, въ воспоминаніе полтавской побѣды, говорилъ проповѣдь въ Яссахъ,—столицѣ только-что принявшаго русское подданство молдавскаго княжества.

Онъ видѣлъ пораженіе русскихъ на берегу Прута и, по поводу несчастнаго сраженія, написалъ стихотвореніе, въ которомъ выразилъ надежду, что съ прутскимъ пораженіемъ еще не кончился разсчетъ русскихъ съ мусульманами.

По возвращеніи въ Кіевъ, Ѳеофанъ опредѣленъ, по желанію Петра I, игуменомъ кіевобратскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Послѣднюю должность онъ проходилъ, по замѣчанію его біографовъ, съ такой славой, какой не имѣлъ ни одинъ изъ его предшественниковъ. Заслуга Ѳеофана состоитъ въ томъ, что онъ оста-

вилъ прежній схоластическій методъ изученія и преподаванія богословія и ввелъ новый, выработанный протестантскою богословскою наукою.

Въ 1715 году Государь приказалъ Прокоповичу пріѣхать въ С.-Петербургъ. Ѳеофанъ и всѣ въ Кіевѣ сочли это знакомъ скораго посвященія его въ епископы.

До пріѣзда государева (а государь возвратился черезъ годъ послѣ пріѣзда Ѳеофана въ Петербургъ), Ѳеофанъ занимался сказываніемъ проповѣдей, которыя тотчасъ-же печатались и пересылались къ государю. Ѳеофанъ былъ въ нихъ больше публицистомъ, нежели церковнымъ ораторомъ, болѣе разсказывалъ и разъяснялъ, съ правительственной точки зрѣнія, политическія дѣла, нежели поучалъ истинамъ вѣры и правиламъ частной добродѣтели.

Вниманіе къ нему Меншикова, который, за отсутствіемъ государя, правилъ дѣлами государства, и слава его проповѣдей обратили на него всеобщее вниманіе.

Государь возвратился въ С.-Петербургъ 10-го октября 1717 года. Первая встрѣча его съ Ѳеофаномъ была совершенно въ пользу Прокоповича. По порученію Меншикова онъ приготовилъ къ пріѣзду государя три поздравительныя рѣчи—одну отъ лица двухлѣтняго царевича Петра Петровича, другую—отъ лица царевенъ Анны и Елизаветы, третью—отъ лица всего народа. Когда государь вошелъ въ комнату дѣтей, то изъ помянутыхъ рѣчей первую произнесъ предъ нимъ Herzens-Kind Меншиковъ, вторую—старшая царевна Анна Петровна, третью—самъ Ѳеофанъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ воскресенье 16-го октября, онъ сказалъ государю въ Троицкомъ соборѣ отъ лица всего народа поздравительное слово, а 24-го октября, въ день имянинъ царицы, сказалъ въ честь ея похвальное слово изъ—словъ „Пѣсни пѣсней“: „крѣпка яко смерть любы“. Государь нашелъ въ Ѳеофанѣ такого человѣка, какой ему нуженъ былъ для исполненія его предпріятій въ дѣлѣ церковнаго управленія и народнаго образованія.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ скончался псковскій митрополитъ Іосифъ. Государь рѣшился назначить на его мѣсто Ѳеофана. Это назначеніе, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, сдѣлано было и огласилось, хотя и не было объявлено оффиціально, въ началѣ 1718 года.

Въ промежутокъ времени между его назначеніемъ и посвященіемъ, Ѳеофанъ произнесъ въ вербное воскресенье замѣчательную проповѣдь о власти и чести царской, въ которой видны очень ясные намеки на положеніе дѣлъ и современныя лица. Судя по этимъ намекамъ, можно догадываться, что государь уже открылъ ему свои планы объ устройствѣ духовнаго чина и что, разсужая съ нимъ объ этомъ предметѣ, онъ, вѣроятно, дѣлалъ свои замѣчанія о главныхъ лицахъ тогдашняго духовнаго правительства.

Говоря о противникахъ царской власти въ древнее и настоящее время, Ѳеофанъ съ особеннымъ удареніемъ останавливается на современныхъ противникахъ. „Суть нѣцыи (и далъ бы Богъ, дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которыи таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и небогопротивно; напримѣръ, лучше радуются вѣдомостьми скорбными, нежели добрыми; сама-

го счастія не любятъ, и не вѣмъ како то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ поведеніи, то конечно не святъ; хотѣли бы всѣмъ человѣкомъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили бы ихъ. Таковыхъ еллини древніи нарицали місантропи, сі есть, человѣконенавидцы. И есть давная и дивная повѣсть о нѣкоемъ таковомъ Тимонѣ именемъ, жителѣ Аѳинейскомъ: той толико болѣзновалъ сею страстью и, ненавидя добраго поведенія въ людяхъ, толь жадно желалъ злоключенія отечеству своему, что послѣдже сшелъ съ ума, и таковый обморокъ и мечтаніе возъимѣлъ, аки бы ему подлинно нѣкто донесъ, будто аѳинеи вси хотятъ вѣшатися; тотъ часъ же радъ и веселъ въ народъ, и таковую возгласилъ проповѣдь: мужіе, рече, аѳинейстіи, есть у мене въ вертоградѣ древо великое, и много крѣпкихъ вѣтвей на немъ, да, для потребнаго на мѣстѣ томъ зданія, срубить хощу скоро же; молю васъ, идите вѣшайтеся, ибо долго ждать но могу. Не обрѣтаются ли и нынѣ таковіи? Аще и не въ таковой мѣрѣ, обаче суть тако злобныи и понурыи".

Намекъ слишкомъ ясный. Государь не любилъ Стефана Яворскаго за то, что тотъ косо смотрѣлъ не на одно только его разгулье, но и на всѣ его нововведенія. На сторонѣ Стефана было много лицъ духовныхъ и свѣтскихъ.

„Помыслитъ бо кто,—продолжаетъ проповѣдникъ,—и многіи мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ долженствомъ обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество. Се тернъ или паче рещи, жало, но жало се зміино есть, папежскій се духъ, но не вѣмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ; священство бо иное дѣло, иной чинъ есть въ народѣ, а не иное государство». Опять намекъ и слишкомъ прозрачный на неподсудность церкви государству и на тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось уничтоженіе патріаршества и учрежденіе коллегіальнаго духовнаго правленія. Ясно что въ ту пору, когда Ѳеофанъ говорилъ свою проповѣдь, идея сѵнода и коллегіальнаго духовнаго правленія, а вмѣстѣ съ этимъ введенія церкви въ общую систему коллегіальнаго управленія уже переходила изъ области предположеній въ область фактовъ.

LXII. Взглядъ на дѣятельность Ѳеофана Прокоповича.

(Изъ соч. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ").

Что за странная судьба выпала на долю Ѳеофана повсюду возбуждать непріязнь противъ себя? Сдѣлавшись профессоромъ въ Кіевѣ, онъ тотчасъ же подвергся непріятностямъ отъ своихъ товарищей, которые не давали ему покоя ни дома, ни въ обществѣ. Непріятности продолжались и послѣ того, какъ онъ сдѣлался ректоромъ академіи. Государь приглашаетъ его въ С.-Петербургъ къ посвященію въ епископа: только-что огласилось намѣреніе государя, какъ противъ Ѳеофана поднялась чуть не вся Москва, съ патріаршимъ мѣстоблюстителемъ во

главѣ, и заявила протестъ противъ посвященія его въ епископа. Первое печатное сочиненіе его, Букварь, встрѣчено было въ обществѣ очень враждебно. Ту же судьбу имѣли и всѣ его другія сочиненія. Друзья его дѣлались его врагами. Люди, которыхъ онъ ласкалъ и которымъ покровительствовалъ, при первомъ случаѣ становились въ ряды его недоброжелателей и выдавали его правительству своими доносами, или роняли его въ обществѣ, бросая тѣнь на каждый его проступокъ, черня каждый шагъ его жизни.

Что это за безпокойный характеръ, который всѣхъ отталкивалъ отъ себя, всѣмъ былъ непріятенъ, всѣхъ вооружалъ противъ себя? Нѣтъ сомнѣнія, что причиною раздраженія, которое Ѳеофанъ возбуждалъ противъ себя, была разность его принциповъ съ принципами или привычнымъ строемъ жизни большинства людей, съ которыми онъ сталкивался. Но самая эта разность въ принципахъ условливалась особымъ складомъ его ума и всѣмъ ходомъ его образованія, котрые создали изъ него особый типъ и придали ему характеръ, съ которымъ онъ является въ исторіи.

Внѣшнимъ поводомъ для большинства недоброжелателей Ѳеофановыхъ къ неудовольствію противъ него были тѣ нововведенія, въ которыхъ онъ былъ главною дѣйствующею причиною и которыя стали наперекоръ старому привычному теченію жизни.

Самымъ важнымъ изъ нихъ была замѣна патріаршества сѵнодомъ. Не Ѳеофану принадлежитъ это нововведеніе, но онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ осуществленіи идеи государя—организовалъ сѵнодъ и составилъ для него уставъ. Съ канонической точки зрѣнія патріаршая и сѵнодальная формы церковнаго правленія равно законны; но па сторонѣ народа и духовенства была вѣковая привычка къ одноличному управленію въ церкви. Казалось, что съ уничтоженіемъ патріаршества церковь теряла свое достоинство и лишалась представителя. Званіе патріарха давало особый видъ всему іерархическому строю. Подъ главнымъ начальствомъ патріарха, составъ высшей іерархіи образованъ былъ изъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ: при равенствѣ епископскаго достоинства, каждое званіе имѣло свою особую іерархическую постановку, свой кругъ правъ и свои внѣшнія отличія. Теперь же эти отношенія измѣнялись. Составъ сѵнода образованъ былъ изъ лицъ всѣхъ степеней іерархіи. Былъ случай, что въ него введено было лицо, неимѣвшее никакой церковной степени (Ѳеофилъ Кроликъ уже въ званіи сѵнодальнаго чина посвященъ былъ въ іеродіакона и іеромонаха). Званіе митрополита оставлено только за тѣми, кто уже имѣлъ его. Общія коллегіальныя начала государственнаго правленія примѣнены были сполна и къ сѵноду. Какъ коллегія, онъ имѣлъ своего президента, вице-президентовъ, совѣтниковъ, ассесоровъ, оберъ-секретаря и проч. Все это было, по меньшей мѣрѣ, непривычно для глаза, привыкшаго къ прежнимъ формамъ управленія. Въ частности уничтоженіе патріаршескаго званія непріятно было для монашествующихъ, изъ среды которыхъ избирался патріархъ. Какъ патріаршеское званіе давало почетъ всему монашескому сословію, такъ уничтоженіе его лишало цѣлое сословіе этого почета; а для епископовъ казалось оскорбительнымъ, что въ составъ сѵнода назначены члены и низшихъ степеней іерархіи, до сихъ поръ служебно къ нимъ относившіеся. Далѣе, неиз-

вѣстно, было ли въ самомъ дѣлѣ намѣреніе посадить въ сѵнодъ и лютеранскихъ пасторовъ и сдѣлать его высшею административною инстанціею какъ для православной русской церкви, такъ и для находящихся въ Россіи неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій (на что намекаетъ Арсеній Мацѣевичъ въ «Возраженіи на Молотокъ»); но то вѣрно, что при Петрѣ, въ первое время сѵнода, вѣдѣнію его подлежали лютеранскія церкви въ Россіи и ихъ пасторы.

Сочиненный Ѳеофаномъ и, послѣ прочтенія въ совмѣстномъ собраніи высшаго духовенства и сената, утвержденный государемъ уставъ духовной коллегіи подъ названіемъ „Духовнаго Регламента", затрогивалъ самыя чувствительныя и больныя стороны въ жизни народа и духовенства. Свидѣтельствованіе мощей, житій святыхъ, чудесъ, акафистовъ, запрещеніе вновь строить церкви безъ разрѣшенія сѵнода, закрытіе часовенъ, запрещеніе хожденій по домамъ съ иконами—все это должно было тяжело дѣйствовать на народное чувство и на духовенство. Архіереямъ не могло не показаться обиднымъ, что ихъ заставляли поурочно читать книгу правилъ. Нововведенія эти сами по себѣ тяжелы были для народа и духовенства и раздражали ихъ противъ Ѳеофана, котораго вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ считали главнымъ виновникомъ этихъ нововведеній. Но Ѳеофанъ увеличивалъ это раздраженіе тѣмъ, что относился къ прежнимъ формамъ церковной жизни съ несдерживаемою ироніею, съ какимъ-то враждебнымъ чувствомъ, и выражалъ свое неудовольствіе ими при каждомъ случаѣ.

Значительная доля недовольныхъ принадлежала монашествующимъ которые, сверхъ общихъ распоряженій, раздражены были указомъ 30 января 1724 года. Этимъ указомъ монастыри отдавались подъ богадѣльни и училища, обращались въ воспитательные дома для зазорныхъ младенцевъ и въ инвалидные дома для призрѣнія старыхъ и увѣчныхъ солдатъ. Недовольные этими нововведеніями взвели на Ѳеофана обвиненіе въ лютеранствѣ и старались повсюду выставить его лютераниномъ, а образъ его дѣйствій—совращеніемъ русской церкви въ лютеранство. Но самое строгое разсмотрѣніе его сочиненій не откроетъ въ нихъ ничего, противнаго православной церкви.

Разсматривая обвинительные пункты Маркелла Родышевскаго, съ обвиненіемъ Ѳеофана въ неправославіи, и отвѣты на нихъ Ѳеофана, легко видѣть, что въ образѣ мыслей Ѳеофана нѣтъ ничего противнаго церкви, несогласнаго съ ея ученіемъ. Но онъ отдѣлялъ предметы и вопросы науки и исторической критики отъ строго опредѣленнаго ученія церкви, и не хотѣлъ освящать именемъ православія различныхъ обычаевъ, частію индифферентныхъ, частію противныхъ церкви, какихъ было много въ до-петровской Руси. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе нашихъ словъ. Маркеллъ доносилъ на Ѳеофана, что онъ не признаетъ подлинности апостольскихъ правилъ: „тѣ правила, которыя называются апостольскія, не ихъ". Ѳеофанъ отвѣчаетъ: „правила апостольскія пріемлю за апостольское ученіе, но не по соглашенію, т. е. въ правилахъ оныхъ ученіе апостольское, но словесъ составъ или сочиненіе не отъ апостолъ сдѣлано: что вси вѣдаютъ, которые не Маркелловымъ образомъ о дѣлѣ богословскомъ обучаются". „Святыхъ отецъ книгу Діонисія ареопагита называлъ неправильною и говорилъ, что и многія-де книги изданы подъ именемъ Василія Великаго и Зла-

тоустаго и прочихъ ложныя". „Трудно,—отвѣчаетъ Ѳеофанъ,—или паче невозможно слѣпому разсуждать о краскахъ и цвѣтахъ. О Діонисіевой книгѣ издревле у церковныхъ учителей бывало преніе. Преніе-же есть не о ученіи, въ оной книгѣ написанномъ, но о творцѣ книги,—ареопагитскій-ли или иной Діонисій сочинилъ книгу оную. И одни се, а другіе то говорятъ, безъ разбора вѣры и любви, понеже не подлежитъ до вѣры артикуловъ". „Чудесамъ святыхъ, напечатаннымъ въ книгахъ, не вѣритъ и говоритъ: мнѣ-де книгамъ критика вѣрить не велитъ". „Говорю и не я одинъ,—отвѣчаетъ Ѳеофанъ,—что лицемѣры иногда притворяютъ св. иконамъ чудеса, о чемъ многія обличенія суть и недавно на судѣ сѵнодальномъ явилось. И архіереи, поставляемые обѣщаніемъ клятвеннымъ, одолжаютъ себя смотрѣть, дабы иконамъ святымъ ложныхъ чудесъ не притворяли". Обширная ученость давала ему опоры, которыхъ не имѣли его противники. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Ѳеофанъ по богословской учености и исторической критикѣ стоялъ едва ли не выше всѣхъ современныхъ ему русскихъ богослововъ.

Могутъ возразить, что Ѳеофанъ высказывалъ свои настоящія убѣжденія при разныхъ случаяхъ въ разговорахъ съ разными лицами, которыя и подали поводъ противникамъ обвинять его въ лютеранствѣ, но былъ столько уменъ, что умѣлъ замаскировать эти убѣжденія, когда, по доносу Маркелла, позвали его къ отвѣту. Конечно, могло быть и такъ, но могло быть и не такъ. Когда кого обвиняютъ въ недостаткѣ или неправильности убѣжденій на какой-нибудь счетъ, и когда обвинитель выдаетъ за вѣрное, что обвиняемое имъ лицо именно такъ думаетъ, какъ онъ доноситъ, а послѣднее говоритъ, что оно думаетъ совсѣмъ не такъ и, кромѣ открытаго выраженія своихъ убѣжденій, указываетъ въ подтвержденіе своихъ словъ на всѣмъ видимые и всѣмъ извѣстные факты: то кому изъ нихъ вѣрить? Безпристрастіе должно расположить скорѣе въ пользу обвиняемаго, нежели въ пользу доносчика и обвинителя. Стоитъ прочитать заключеніе оправдательной записки Ѳеофана, чтобы убѣдиться въ искренности его оправданій и чистотѣ его убѣжденій. А если еще открывается, что побужденія у доносчика были не совсѣмъ чисты и что его доносы выходили не изъ ревности о вѣрѣ и благѣ церкви, а изъ угожденія врагамъ обвиняемаго лица, то по безпристрастному суду они лишаются всей своей силы.

Но то, что мы разсматривали до сихъ поръ, касается только свойства реформъ, возбудившихъ въ народѣ и духовенствѣ неудовольствіе противъ Ѳеофана и вызвавшихъ съ разныхъ сторонъ протесты противъ этихъ реформъ и противъ главнаго дѣятеля въ нихъ—Ѳеофана. Но есть еще другая сторона въ этомъ дѣлѣ, именно—образъ дѣйствій Ѳеофана въ отношеніи къ своимъ противникамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Ѳеофанъ выказалъ здѣсь много темныхъ сторонъ своего характера. Но, чтобы судить объ этомъ безпристрастно, нужно имѣть въ виду тѣ обстоятельства, въ которыхъ Ѳеофанъ находился во все время своей жизни—послѣ смерти Петра I. Онъ одинъ выносилъ на своихъ плечахъ введенныя Петромъ въ русскую церковь преобразованія. Извѣстно, что имъ угрожала самая печальная судьба. Оберегая себя, Ѳеофанъ оберегалъ вмѣстѣ съ тѣмъ обще-церковное дѣло. Къ чести его надо сказать, что при противныхъ обстоятельствахъ онъ не перемѣнилъ своихъ убѣжденій. При Екатеринѣ, Петрѣ II и Аннѣ онъ весь тотъ же, что былъ

и при Петрѣ I. Конечно, нельзя нравственно оправдать его постоянныхъ аппеляцій къ Тайной канцеляріи: но ему оставалось выбирать одно изъ двухъ—или погибнуть гдѣ-нибудь въ Охотскѣ, Соловкахъ, такъ же, какъ погибли тамъ Ѳеодосій, Георгій Дашковъ и другіе, или—обороняться тѣмъ же оружіемъ, какимъ пользовались противъ него его противники. Конечно, непохвальное дѣло запугивать государыню бунтами и революціями и держать въ страхѣ, слѣдовательно, подъ своею властію, министровъ: но мало пріятнаго и помѣняться ролями и судьбою съ своими противниками. И нельзя не признать, что только владѣя такимъ обширнымъ, гибкимъ и изворотливымъ умомъ, каковъ умъ Ѳеофана, онъ не только самъ уцѣлѣлъ и сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смутъ, какія волновали государство и церковь въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда погибли Меншиковы, Долгоруковы, Голицыны, Остерманы и многое множество другихъ лицъ, но и сберегъ дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что другое время дало-бы иное направленіе тому великому дару, какой имѣлъ Ѳеофанъ. При болѣе высокомъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе спокойномъ состояніи общества, вмѣсто того, чтобы растрачивать время на процессы въ Тайной канцеляріи, онъ употребилъ бы его на пользу церкви, болѣе сообразно съ образомъ христіанскаго пастыря. Но, какъ сынъ своего вѣка, онъ несетъ на себѣ и его болѣзни. При чтеніи процессовъ Ѳеофана съ разными лицами, съ неудержимой силой бьетъ въ глаза хаотическое состояніе тогдашняго общества, въ которомъ бродятъ разнородные, никѣмъ не направляемые элементы, и которое открывало полный просторъ для игры неудерживаемыхъ страстей, честолюбій, интригъ. На церковныхъ дѣлахъ вполнѣ отразилось это неустроенное состояніе тогдашняго общества. И тамъ, и здѣсь подняться съ самыхъ низкихъ ступеней общества до самыхъ высшихъ и также скоро упасть съ высоты, какъ легко было подняться на нее—въ ту пору дѣло самое обыкновенное, хотя въ то же время самое неестественное, которое свидѣтельствуетъ о неустроенномъ состояніи общества. Ѳеофанъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ духъ своего времени и пользовался имъ съ искусствомъ, въ которомъ ему не было равнаго. Поэтому и вѣрная историческая оцѣнка его дѣятельности можетъ быть сдѣлана только въ виду состоянія тогдашняго общества и при томъ съ точки зрѣнія на него, какъ на государственнаго дѣятеля, хотя ближайшею сферою его были церковныя дѣла.

LXIII. Стефанъ Яворскій.

(Изъ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина; томъ V).

Въ 1700 году Стефанъ Яворскій, пользовавшійся въ южной Россіи славою ученаго и проповѣдника, отправленъ былъ для какихъ-то дѣлъ кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ въ Москву. Въ это самое время скончался фельдмаршалъ, бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ. Царь, желая воздать особенную честь усопшему, велѣлъ

устроить великолѣпныя похороны и произнести надгробное слово. Стали искать проповѣдника, и кто то упомянулъ въ присутствіи царя о недавно пріѣхавшемъ въ Москву игуменѣ Стефанѣ. Его призвали и поручили сказать надгробное слово. Не смотря на то, что недоставало къ приготовленію ни времени, ни удобнаго мѣста, какъ замѣчаетъ біографъ Стефана, слово его имѣло полный успѣхъ. Петръ Великій, искавшій вокругъ себя людей даровитыхъ, не велѣлъ Стефану возвращаться къ себѣ въ Кіевъ и удержалъ его въ Москвѣ. Черезъ нѣсколько времени упразднилась рязанская каѳедра, и Петръ указалъ патріарху Адріану посвятить Стефана Яворскаго прямо въ митрополита рязанскаго и муромскаго. Долго и со слезами Стефанъ отклонялся отъ неожиданной чести, и, можетъ быть, предчувствуя, какое время хотѣли возложить на него, упрашивалъ царя отпустить его въ любимый Кіевъ; наконецъ, онъ покорился и былъ посвященъ апрѣля 7-го дня Трифиліемъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ. Престарѣлый Адріанъ, мучимый болѣзнью, не могъ посвятить своего будущаго преемника.

Въ томъ же году умеръ послѣдній патріархъ, и Петръ, вѣроятно уже рѣшившійся отмѣнить патріаршество, не созывалъ епископовъ на новое избраніе, а самъ поручилъ управленіе патріаршими дѣлами Стефану Яворскому.

Въ 1702 году онъ уже является на верховной каѳедрѣ Россіи, съ титуломъ патріаршаго администратора, экзарха, викарія, блюстителя патріаршаго престола и, вѣроятно, съ тайною надеждою со временемъ быть патріархомъ.

Въ тяжелое время Стефанъ Яворскій принялъ въ руки кормило Церкви. Внутри ея расколъ, озлобленный гоненіемъ, свирѣпствовалъ въ простомъ народѣ и въ монашествѣ. Невѣдомые и незримые проповѣдники бросали повсюду грозныя предсказанія и возбуждали къ страданію и мученической смерти за гибнувшее, по ихъ словамъ, православіе. Противъ этой толпы изувѣровъ, безумно уцѣпившихся за внѣшнюю форму, за пустыя преданія нашей старины, Стефану предстояло защищать реформу, новое время.

Съ другой стороны, вмѣстѣ съ иностраннымъ просвѣщеніемъ, проникли въ Россію протестантскія мнѣнія и нашли послѣдователей въ городахъ, между ремесленниками и въ высшихъ сословіяхъ. Тамъ слышались насмѣшливыя укоризны на все старое, не щадившія и вѣры православной. Вторая, не менѣе трудная обязанность ожидала верховнаго пастыря: постоять за священныя преданія Церкви и обуздать протестантскій порывъ.

Наконецъ, внѣ Церкви, въ сферѣ государства началось уже великое дѣло преобразованія, и не трудно было угадать, что едва ли оно остановится у предѣловъ Церкви. Нѣсколько новыхъ узаконеній, касавшихся древнихъ правъ духовенства, нѣсколько рѣзкихъ словъ, брошенныхъ вскользь юнымъ монархомъ противъ власти духовной, противъ опальной старины, давали предугадывать въ немъ замыслы, еще не высказанные, не обдуманные и, по всей вѣроятности, не безопасные для Церкви. Боязнь и неизвѣстность того, что таилось въ мысли Петра, и что вскорѣ должно было открыться, сильно тревожило ревнителей православія. Страшная борьба предстояла избранному представителю Церкви съ желѣзной волею Государя.

Въ этихъ обстоятельствахъ открывалось XVIII столѣтіе. Вся Россія распадалась на двѣ партіи: на партію старины и на партію обновленія. Та и другая имѣли свои крайности. Стефанъ Яворскій присталъ къ первой партіи. Его воспитаніе, понятія, почерпнутыя имъ изъ Западныхъ училищъ, его званіе и высокій санъ, который дѣлалъ его прямымъ наслѣдникомъ патріарховъ и возлагалъ на него обязанность стоять за права духовенства, наконецъ, сознаніе опасности, угрожавшей Церкви со стороны противной партіи, и, вѣроятно, также его личный характеръ, складъ ума—опредѣлили его и дали ему то значеніе, которому онъ оставался постоянно вѣренъ. Вся его жизнь была борьбою съ расколомъ, т. е. съ крайностью той партіи, которой лучшую сторону онъ представлялъ, борьбою съ протестантизмомъ, какъ доктриною, и робкимъ противодѣйствіемъ, а подъ конецъ безмолвнымъ протестомъ противъ дѣлъ Петровыхъ, являвшихъ въ себѣ протестантское начало.

Немедленно по смерти Адріана Петръ Великій ограничилъ судебную власть патріарха, отдавъ подъ разныя вѣдомства многія дѣла, прежде ему исключительно подлежавшія.

Именнымъ указомъ 1700 г. декабря 16 отмѣненъ Патріаршій Разрядъ, и всѣ дѣла и приводы по челобитію во всякихъ искахъ мірскихъ и духовныхъ людей отосланы въ тѣ Приказы, въ которыхъ которые чины расправою вѣдомы. Дѣла по духовнымъ и по ряднымъ и по инымъ крѣпостямъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ отосланы въ Помѣстный Приказъ. Дѣла духовныя о расколахъ, ересяхъ, противностяхъ церкви Божіей оставлены въ Патріаршемъ Приказѣ и поручены Стефану Яворскому. Въ слѣдующемъ 1701 году, сентября 26, отнесены сюда и челобитныя всякихъ чиновъ людей на монаховъ, поповъ и дьяконовъ во всякихъ искахъ.

Въ 1701 г., января 24, именнымъ указомъ всѣ дѣла, принадлежавшія до Патріаршаго Разряда (завѣдываніе домашними доходами патріарха, архіереевъ и монастырей, челобитныя въ дѣлахъ и искахъ на патріаршихъ и архіерейскихъ домовыхъ и иноческаго и священническаго чина у церковнаго причета людей и на монастырскихъ стряпчихъ, крестьянъ и т. д.)—отнесены въ Монастырскій Приказъ и поручены боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину и дьяку Ефиму Зотову.

Въ то же время воспослѣдовало нѣсколько замѣчательныхъ указовъ о монашествѣ и о монастыряхъ.

Января 31: „Монахи въ кельяхъ никаковыхъ писемъ писать власти не имѣютъ, чернилъ и бумаги въ кельяхъ имѣти да не будутъ, но въ трапезѣ опредѣленное мѣсто для писанія будетъ, и пр.“. Поводомъ къ принятію этой мѣры были подметныя возмутительныя письма, разсылаемыя изъ монастырей.

Декабря 30-го объявленъ Монастырскому Приказу именной указъ: „Въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами ихъ и никакими угодьями не владѣть, не ради разоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбными руками своими пищу промышляли и общежительно живяше, и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ не питаше отъ трудовъ своихъ, но сами

чуждые труды поядоша, и начальные монахи во многія роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша, и вотчинъ же ради, свары и смертныя убивства, и неправыя обиды многи твориша. И сея ради вины, указалъ Великій Государь равное даяніе учинити яко начальнымъ, тако и подначальнымъ монахамъ, по 10 рублевъ денегъ, по 10 четвертей хлѣба, и дрова въ довольность ихъ; а собирати съ вотчинъ ихъ всякіе доходы въ Монастырской Приказъ, на вышеупомянутыя монахамъ дачи". Приняты были мѣры для распредѣленія денежнаго жалованья между монастырями поровну, а остальные доходы велѣно употреблять на содержиніе богадѣленъ. Та же мѣра была распространена и на имѣнія бѣлаго духовенства, какъ видно изъ указовъ 1701 г. января 31, 1702 г. февраля 27 и іюня 24.

Все вообще управленіе церковными имѣніями, суды и сборы отданы подъ вѣдомство Монастырскаго Приказа исключительно. Такимъ образомъ совершилось то дѣло, къ которому первый приложилъ руку Іоаннъ III и послѣ него стремились почти всѣ его преемники. Управленіе имѣніями и связанныя съ нимъ тяжбы и заботы, которыя были одною изъ главныхъ, если не самою главною причиною нравственнаго упадка монашества, были сняты съ духовенства. Перепись вотчинъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ, предписанная еще прежде, продолжалась.

Итакъ, Стефану Яворскому были поручены только дѣла духовныя. Въ важныхъ случаяхъ ему велѣно было ничего не рѣшать, не доложивъ Монарху. Кромѣ того, три статьи поручены были его особенному попеченію: устройство училищъ изъ доходовъ дома патріаршаго, бдительный надзоръ за вновь поставленными, священниками «дабы ненаученныхъ по малой мѣрѣ катихизиса и десяти заповѣдей не поставлять». Объ этомъ изданъ былъ въ 1708 г., января 15, особенный указъ слѣдующаго содержанія: „Поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ греческой и латинскихъ, а которые въ тѣхъ школахъ учиться не похотятъ, и ихъ въ попы и во діаконы, на отцовы мѣста, и никуда посвящать и въ подъячіе и въ иные ни въ какіе чины, кромѣ служилаго чина, принимать не велѣно"; этотъ указъ былъ часто повторяемъ. Наконецъ—проповѣдь слова Божія идолопоклонникамъ и раскольникамъ.

Таковъ былъ кругъ дѣйствій, опредѣленный Стефану.

Первый годъ его управленія открылся важнымъ дѣломъ, ересью Талицкаго.

Между раскольниками распространилось мнѣніе, что наступаетъ конецъ міру, что антихристъ уже явился въ лицѣ Государя, что Москва—Вавилонъ, а жители ея—вавилоняне, слуги антихристовы. Это предсказаніе, порожденное всеобщимъ ожиданіемъ чего-то великаго, новаго, было основано на нелѣпомъ исчисленіи седмицъ Даніиловыхъ и на нѣкоторыхъ приспособленіяхъ текстовъ изъ Апокалипсиса къ тогдашнему времени. Оно сильно волновало простой народъ.

Ожиданіе кончины міра часто встрѣчается въ исторіи передъ великими переворотами, измѣняющими строй жизни народа или всего человѣчества, въ переходныя эпохи отъ одного періода къ другому. Понятно, что оно могло возникнуть въ Россіи, въ началѣ XVIII вѣка, особенно между раскольниками. Сродно бываетъ человѣку, когда въ

глазахъ его прошедшее замыкается, и путь, которымъ онъ шелъ, теряется въ виду, отчаяваться въ будущемъ и переходъ жизни изъ одного фазиса въ другой принимать за конецъ всякаго бытія. Таково неизбѣжное заблужденіе тѣхъ, которыхъ взглядъ ограниченъ тѣснымъ кругомъ ихъ современности. Родившись въ извѣстную эпоху, они до того сродняются съ ея частнымъ характеромъ, съ ея обычаями, убѣжденіями и предразсудками, что другой порядокъ кажется имъ невозможнымъ. Временное получаетъ для нихъ значеніе вѣчнаго, и когда, слѣдуя необходимому закону развитія, это временное перестаетъ вмѣщать въ себѣ духъ жизни, отчаяніе становится ихъ удѣломъ.

Въ этомъ отношеніи мнѣніе о кончинѣ міра между нашими раскольниками было явленіемъ необходимымъ. Явился въ Москвѣ нѣкто Талицкій, фанатикъ, какихъ въ то время было много, и началъ открыто пророчествовать, не щадя въ своихъ проповѣдяхъ самого царя. О Талицкомъ сохранились слѣдующія извѣстія въ сvнодскомъ указѣ 1722 г. мая 17-го: „Воръ Талицкій объявилъ при исповѣди духовному своему отцу свое злѣйшее намѣреніе, а именно: написалъ письма, которыя хотѣлъ вездѣ подметывать къ возмущенію, ставя себѣ то за истину и не отлагая онаго, и не каяся, и священникъ, хотя ему въ томъ и претилъ, однако же причастилъ Святыхъ Тайнъ и не донесъ, гдѣ надлежитъ, чая грѣхомъ быти то доношеніе; а тотъ воръ пошелъ съ тѣмъ намѣреніемъ оное дѣлать“.

Его схватили; начался судъ. Стефанъ Яворскій обличалъ его въ присутствіи самого Петра, который также принялъ участіе въ преніи и помогъ Стефану кстати приведенными текстами изъ священнаго писанія. Талицкій былъ осужденъ на сожженіе.

Въ пастырскомъ увѣщаніи, изданномъ отъ Сvнода въ 1722 году, января 27-го, разсказаны обстоятельства этой казни: „Ученію Талицкаго послѣдовалъ нѣкто иконникъ Иванъ Савинъ, и въ томъ со удивленіемъ, какія муки терпѣлъ, не внимая никакого себѣ отъ духовныхъ наставленія, за которое злодѣяніе и на смерть осуждены, что все вышепомянутый Савинъ съ радостію принималъ. Но когда, во время казни, копченіемъ творимой, Талицкій, не стерпя того, покаялся и снятъ былъ съ онаго, то видя, оный Савинъ спросилъ караульщиковъ, для чего онаго сняли, отъ которыхъ увѣдалъ, что повинился; тогда просилъ и о себѣ, котораго также сняли, и желалъ видѣть Талицкаго, и когда допущенъ, спросилъ его, впрямъ ли онъ повинился и для чего. Тогда Талицкій все подробно сказалъ, что все то ложь, чему училъ. О, въ какую горесть пришелъ тотъ Савинъ, и съ какими слезами раскаявался, и пенялъ на Талицкаго, для чего въ такую бѣду его привелъ и что онъ ни для чего, только вмѣняя то за истину, страдать радъ былъ!“

Неизвѣстно, до какой степени участвовалъ Стефанъ Яворскій своею властью въ этой ужасной пыткѣ (ибо, очевидно, это была пытка, а не казнь); но нельзя забыть, что такого рода поступки съ еретиками онъ оправдывалъ въ „Камнѣ вѣры“.

По случаю ереси Талицкаго, Стефанъ Яворскій написалъ книгу подъ названіемъ: „Знаменія пришествія Антихристова и кончины вѣка“, заимствованную имъ изъ книги испанскаго богослова Мальвенды объ Антихристѣ. Она была издана въ первый разъ въ 1703 году, но, какъ кажется, не достигла своей цѣли и распространенія ложныхъ предсказаній не пресѣкла.

Слѣдующіе годы протекли для церкви довольно мирно. Война съ Швеціею исключительно занимала Петра Великаго и отвлекала его вниманіе отъ дѣлъ церковныхъ. Стефанъ управлялъ двумя ввѣренными ему епархіями, рязанскою и тамбовскою, и въ праздники и торжественные дни говорилъ проповѣди.

Въ 1713 году открылась въ Москвѣ лютеранская и кальвинская ересь. Ея быстрое распространеніе и дерзость зачинщиковъ требовали скораго и дѣйствительнаго противодѣйствія. Стефанъ Яворскій, понимая, какой вредъ могъ произойти, если откроется и въ простомъ народѣ сочувствіе къ тѣмъ самымъ мыслямъ, которыя имѣли уже сильныхъ представителей между приближенными монарха, если протестанское начало проложитъ себѣ эти двѣ дороги, отложилъ всякое человѣкоугодіе, всякій страхъ, и мужественно обличалъ еретиковъ.

Въ „Камнѣ вѣры“, написанномъ по этому случаю, онъ трогательно предостерегалъ свою паству отъ соблазнительныхъ проповѣдей иностранцевъ, умолялъ ихъ не внимать этимъ непризваннымъ учителямъ и крѣпко держаться за преданіе православной церкви. Книга Стефана Яворскаго была по тому времени мужественнымъ поступкомъ. Полный чистой ревностью къ православію и высокимъ сознаніемъ своего призванія, онъ подалъ смѣлый голосъ противъ мнѣнія, бывшаго въ силѣ, и которому благоволилъ самъ Царь. Эта была лучшая, высокая минута въ его жизни.

LXIV. Монастырскій приказъ.

(Изъ соч. Горчакова: „Монастырскій Приказъ“. Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія).

Монастырскій Приказъ, въ видѣ особаго, самостоятельнаго государственнаго учрежденія, основанъ Соборнымъ Уложеніемъ Царя Алексѣя Михайловича въ 1649-мъ году. Приказъ этотъ представляетъ весьма замѣтное явленія въ исторіи русскаго права и государства. Судьба его, подобно участи многихъ другихъ приказовъ, государственныхъ учрежденій Россіи XVII в., была весьма перемѣнчива. Монастырскій Приказъ три раза открывался и три раза закрывался; переходилъ изъ одного вѣдомства въ другое: бывалъ и административно-церковнымъ учрежденіемъ, и государственнымъ; являлся и высшею инстанціею въ дѣлахъ, ему подвѣдомственныхъ, и среднею то имѣлъ значеніе, силу, власть и права высшаго самостоятельнаго государственнаго учрежденія, центральнаго по своему вѣдомству для всей Россіи, то подчиненно соединялся съ другими учрежденіями, отъ которыхъ единственно и получалъ свое значеніе и безъ которыхъ не имѣлъ никакой силы; то стоялъ выше нѣсколькихъ приказовъ, ему подчиненныхъ (каковы: Богадѣленный, Патріаршіе, Дворцовый и Казенный), то становился съ нѣкоторыми изъ нихъ наравнѣ.—Кругъ его дѣятельности разнообразился въ разныя времена, но всегда былъ очень обширный по географическому пространству и по количеству лицъ, ему подвѣдомственныхъ. По предметамъ своего вѣдомства Монастырскій Приказъ былъ и судебнымъ учрежденіемъ, и административнымъ, и финансовымъ, и даже спеціально назначался для реформаторской дѣятельности въ отно-

шеніи къ нѣкоторымъ сторонамъ русской Церкви; но ни одинъ періодъ своего существованія онъ не былъ исключительно посвященъ какому либо одному роду дѣлъ—судебныхъ, административныхъ и т. п. Онъ всегда сосредоточивалъ въ себѣ разнообразіе предметовъ по отношенію къ извѣстнымъ классамъ русскаго народа. Случалось, что Монастырскій Приказъ въ ходѣ историческихъ событій совсѣмъ исчезалъ изъ ряда государственныхъ учрежденій и повидимому навсегда; но чрезъ нѣсколько времени онъ снова является и дѣйствуетъ съ очень замѣтною силою въ государствѣ. Въ многократныхъ перемѣнахъ Монастырскій Приказъ дѣйствуетъ съ своимъ именемъ; но въ 1724 году онъ переименовывается въ учрежденіе съ другимъ названіемъ, которое тоже не разъ измѣнялось, оставаясь въ существѣ тѣмъ же учрежденіемъ и служа одному и тому же дѣлу, которое въ ходѣ историческаго развитія принимаетъ разные виды своего положенія, соотвѣтственные тому или другому времени.

Измѣнчивость судьбы Монастырскаго Приказа объясняется тѣмъ, что на его исторіи сильно отразились двѣ важнѣйшія преобразовательныя эпохи государственнаго строя и права русскаго: эпоха Уложенія 1649 г. и петровская. Преобразовательныя эпохи всегда производятъ замѣтныя перемѣны въ такихъ государственныхъ учрежденіяхъ, чрезъ которыя осуществляются важныя государственныя цѣли. Поэтому характеръ и стремленія эпохи Уложенія и петровскихъ реформъ весьма ясно открываются въ перемѣнахъ Приказа. Въ уясненіи этихъ перемѣнъ заключается историческій интересъ, возбуждаемый въ любителяхъ отечественной исторіи, права и государства такими великими явленіями, каковы Уложеніе и петровскія реформы.

Несмотря на перемѣнчивость судьбы Монастырскаго Приказа, онъ не былъ въ нашей исторіи явленіемъ случайнымъ и безслѣдно исчезнувшимъ, подобно многимъ приказамъ. Его вызывала исторія народа и государства. Онъ былъ явленіемъ историческимъ въ строго-научномъ значеніи слова. Съ каждою перемѣною его судьбы, дѣло, для котораго онъ существовалъ, принимало новый фазисъ своего развитія, такъ или иначе подвигалось впередъ и, слѣдовательно, развивалось органически, какъ истинно-правовое государственное явленіе, хотя оно не получило чрезъ него своего окончательнаго рѣшенія.

На долю Монастырскаго Приказа выпало развитіе весьма важныхъ и сложныхъ вопросовъ въ исторіи русскаго права и государства. Это, во-первыхъ, вопросъ о гражданской подсудности духовенства, или, иначе, о подсудности духовенства и лицъ, ему подвластныхъ по владѣльческимъ и служебнымъ отношеніямъ, въ дѣлахъ гражданскихъ,—и, во-вторыхъ, вопросъ объ отчужденіи церковныхъ вотчинъ изъ-подъ власти церкви для передачи ихъ государству.

Ходъ развитія этихъ вопросовъ въ Россіи находится въ нераздѣльной связи съ исторіею Монастырскаго Приказа. Исторія его и состоитъ собственно въ историческомъ значеніи означенныхъ вопросовъ. Оба эти вопроса въ исторіи Приказа то идутъ вмѣстѣ, переплетаются, смѣшиваются до нераздѣльности, то раздѣляются.

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича составляетъ эпоху въ развитіи русскаго законодательства и понятій о государствѣ и различныхъ частяхъ права. Въ немъ ясно обнаруживается сознаніе необходимости единаго цѣльнаго государственнаго законодательства для всей Россіи не для цѣлей отдѣльныхъ лицъ или сословій, но для пользы и блага московскаго государства и всего Россійскаго царства. Уложеніе стремится установить «равный судъ и расправу» для всѣхъ лицъ всякихъ чиновъ. Судебно-гражданскія привилегированныя права разныхъ сословій, въ особенности духовенства, имъ или совсѣмъ уничтожаются, или ослабляются.

Оно вводитъ единство основанія и общность порядка въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Вліяніе правительства вездѣ усиливается противъ прежняго. Является крѣпкая централизація съ упрощеннымъ іерархическимъ устройствомъ и подчиненностью высшимъ инстанціямъ низшихъ. Наконецъ достигаютъ опредѣленности начала подсудности. Но нельзя сказать, чтобы Уложеніе строго и послѣдовательно до конца проводило свои основныя начала. Законодательство страны не могло вдругъ измѣнить весь свой прежній характеръ. Оно, вводя новыя общія основанія для всего государства, оставляетъ еще слѣды прежнихъ привилегій; потому въ Уложеніи являются ограниченія тѣхъ же основаній, которыя оно устанавливаетъ, какъ общія для всего государства. Отсюда—въ законоположеніяхъ Уложенія недомолвки, неопредѣленности, противорѣчія и какая-то двойственность въ началахъ. Общій характеръ Уложенія отражается и на вопросѣ о подсудности духовенства и лицъ ему подвластныхъ по дѣламъ гражданскимъ. Такъ какъ этотъ вопросъ Уложеніемъ порученъ новоучрежденному судебному мѣсту, Монастырскому Приказу, то и въ законахъ, опредѣляющихъ вѣдомство этого Приказа и установленныхъ вмѣстѣ съ нимъ новыхъ судей для лицъ, состоявшихъ доселѣ подъ вѣдѣніемъ церковнаго суда, замѣчается раздвоенность, имѣвшая свои историческія послѣдствія. Характеръ подсудности, ввѣренной Монастырскому Приказу и въ то-же время новымъ судьямъ для духовенства, ясно открывается изъ разсмотрѣнія предметовъ вѣдѣнія ихъ.

Предметъ вѣдомства Монастырскаго Приказа, по Уложенію, «судъ во всякихъ истцовыхъ искѣхъ» на митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей, дѣтей боярскихъ и крестьянъ ихъ, на монастыри, на архимандритовъ, игуменовъ, строителей, келарій, казначеевъ, на рядовую братію, монастырскихъ слугъ и крестьянъ, на поповъ и церковный причтъ». Такимъ образомъ, по Уложенію, въ Монастырскомъ Приказѣ сосредоточенъ гражданскій судъ во всѣхъ искахъ гражданскихъ на всѣхъ (за исключеніемъ, какъ увидимъ ниже, патріарха и его области), духовныхъ лицахъ и учрежденіяхъ имъ подвластныхъ по владѣльческимъ правамъ. Въ этомъ сосредоточеніи, съ одной стороны, оказывается законченность многолѣтней политики московскихъ государей, по которой они стремились подчинить своей непосредственной судебно-гражданской власти церковныя власти, учрежденія и владѣнія ихъ. Съ этой стороны перемѣна, производимая учрежденіемъ Монастырскаго Приказа, подготовлялась предшествовавшимъ временемъ. Самый Приказъ монастырскихъ дѣлъ уже существовалъ въ видѣ отдѣленія при Приказѣ Большого Дворца. Съ другой стороны, въ учрежденіи монастырскаго Приказа, какъ особаго судебнаго учрежденія, съ легкою перемѣною въ положеніи его открывается весьма важная реформа по отношенію къ духовенству.

а) До Уложенія законнымъ и историческимъ основаніемъ судебно-гражданской самостоятельной власти церковныхъ начальственныхъ лицъ и учрежденій были уставы первыхъ князей, владѣльческія отношенія и несудимыя грамоты. Церковныя власти и учрежденія осуществляли свои права на практикѣ и de jure считали себя въ судебно-гражданскихъ правахъ независимыми отъ свѣтской власти. Непосредственный лишь судъ самого Государя ими признаваемъ былъ высшею инстанціею для нихъ. Уложеніе не отрицаетъ и не отмѣняетъ прежнихъ законныхъ основаній судебно-гражданской власти духовенства прямыми постановленіями. Между тѣмъ косвеннымъ образомъ эта власть въ самой основѣ своей уничтожается. Уложеніемъ установляется особое самостоятельное, независимое отъ Церкви судебное учрежденіе, которому ввѣряется судебная власть надъ лицами, доселѣ подлежавшими самостоятельному суду церкви. Стало быть, измѣняется

самый принципъ подсудности: прежде была церковно-судебная власть, теперь—государственная, прежде судъ былъ церковный, теперь—государевъ. Но законъ не указываетъ, долженъ ли дѣйствовать по прежнему судъ церковный въ дѣлахъ гражданскихъ, или долженъ прекратить совершенно свою прежнюю силу. Очевидно, пререканіе подсудности въ практикѣ необходимо должно явиться вслѣдствіе учрежденія Монастырскаго Приказа.

б) Монастырскому Приказу предоставляется судъ «во всякихъ истцовыхъ искахъ» на духовныхъ лицахъ, значитъ—и въ искахъ духовныхъ лицъ на духовныхъ же отвѣтчикахъ. До Уложенія разборъ дѣлъ между духовными гражданскою властію считался вмѣшательствомъ въ дѣла церкви. Теперь это вмѣшательство становится закономъ по отношенію къ дѣламъ гражданскимъ. Замѣтимъ, что Уложеніе умалчиваетъ о судѣ Монастырскаго Приказа въ искахъ духовныхъ на духовныхъ; но изъ его положеній вытекаютъ судебныя права Приказа и на дѣла этого рода.

в) До Уложенія высшія духовныя власти—митрополиты, архіепископы, епископы, многіе привилегированные архимандриты, игумены и даже приказчики монастырскіе—подлежали непосредственному суду Государя. Судъ бояръ былъ для нихъ униженіемъ. По Уложенію и они подчинялись Монастырскому Приказу наравнѣ съ своими крестьянами. Это—новость, которую замѣчали и современники Уложенія, и новѣйшіе нѣкоторые изслѣдователи исторіи русскаго церковнаго права. «Церковь во главѣ своихъ высшихъ представителей, по ихъ замѣчанію, подчинена суду гражданскихъ властей».

г) Уложеніе уравниваетъ предъ судомъ Монастырскаго Приказа безъ различія всѣ церковныя учрежденія, за малымъ исключеніемъ,—привилегированныя, и не привилегированныя. По Уложенію все духовное вѣдомство и подвластные имъ люди соединяются въ одно общее цѣлое въ судебно-гражданскомъ отношеніи предъ государствомъ.

Такимъ образомъ, въ учрежденіи Монастырскаго Приказа осуществлена мысль о подсудности духовенства и подвластныхъ ему лицъ въ дѣлахъ гражданскихъ государственной судебно-гражданской власти. Приказъ поставляется высшимъ, центральнымъ, общимъ судебнымъ мѣстомъ для всей Россіи. Но указаны въ Уложеніи и низшія инстанціи для гражданскихъ дѣлъ духовенства. По отношенію къ суду въ этихъ дѣлахъ съ низшихъ инстанціяхъ проходитъ тотъ же новый принципъ подсудности, который осуществленъ и въ учрежденіи Монастырскаго Приказа, т. е. принципъ подсудности духовенства и зависящихъ отъ него лицъ гражданской судебной власти. Неопредѣленность положенія Приказа высказывается въ неопредѣленности круга его дѣятельности. По Уложенію онъ является исключительно судебнымъ учрежденіемъ.

Но въ исторіи онъ оказывается и финансовымъ, отчасти административнымъ и даже полицейскимъ учрежденіемъ по отношенію къ предметамъ чисто церковнымъ. Онъ предписывалъ граматами отправленіе государственныхъ нарядовъ, повинностей и платежей въ церковныхъ вотчинахъ и указывалъ отдавать ему отчетность въ исполненіи граматъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Монастырскій Приказъ, по историческимъ преданіямъ, имѣлъ право на финансовую государственную дѣятельность въ церковныхъ вотчинахъ. До его учрежденія требованія о государственныхъ повинностяхъ въ церковныя вотчины шли изъ Приказа Большого Дворца; Монастырскій Приказъ унаслѣдовалъ въ этомъ отношеніи его права. Вѣроятно, на такомъ же историческомъ преданіи Монастырскій Приказъ основывалъ и свои административно-полицейскія права и обязанности по отношенію къ церковнымъ дѣламъ.

чрезъ него шли граматы царя къ церковнымъ властямъ о припискѣ однихъ монастырей къ другимъ и о составленіи описей и переписныхъ книгъ церковнымъ имуществамъ. Ему же присылались и исполнительные по такимъ граматамъ документы отъ подлежащихъ лицъ. О полицейской части Приказа свидѣтельствуютъ слѣдующіе факты: въ 1650 году велѣно было воеводамъ жестоко наказывать и посылать въ монастыри на покаяніе не оказывающихъ благоговѣнія къ Св. Тайнамъ. Въ 1660 году отъ Монастырскаго Приказа новгородскимъ воеводамъ предписано было смотрѣть, чтобы священники пасли Церковь Божію и внушали христіанамъ ходить на исповѣдь въ посты. Если же кто не ходилъ къ исповѣди, о тѣхъ велѣно брать у священниковъ именные списки и присылать ихъ въ Монастырскій Приказъ, гдѣ и присуждались наказанія какъ не причастившимся, такъ духовнымъ отцамъ, которые не заботились объ обращеніи паствы на путь истины, или скрывали не покаявшихся и не причастившихся. Московскіе государи поручали иногда государственнымъ чиновникамъ наблюденіе за священниками и мірянами въ дѣлахъ церковныхъ, но только въ церквахъ ружныхъ и состоящихъ на жалованьѣ государей. По всей вѣроятности, Монастырскій Приказъ принялъ изъ приказа Большого Дворца всѣ дѣла, касавшіяся церковныхъ властей и учрежденій, и, пользуясь неопредѣленностью законовъ въ кругу своей дѣятельности, простеръ свою власть безъ различія на всю русскую церковь. Во всякомъ случаѣ, смѣшеніе разныхъ родовъ дѣятельности въ отправленіяхъ Приказа на практикѣ, законодательное усвоеніе ему одной только судебно-гражданской власти безъ указанія на другія его права, вмѣшательство его въ дѣла чисто церковныя, не указанное закономъ, и вообще неопредѣленность круга его дѣятельности могли повести Приказъ къ дѣйствіямъ, не согласнымъ съ законами Церкви, и возбудить ревность духовныхъ лицъ, готовыхъ охранять неприкосновенность существующихъ духовно-гражданскихъ правъ церкви.

Конечно, неопредѣленность законовъ Уложенія о судѣ надъ духовенствомъ и ему подвластными лицами и о Монастырскомъ Приказѣ произошла отъ составителей Уложенія. Къ сожалѣнію, процессъ образованія статей Уложенія о Монастырскомъ Приказѣ и всего вообще Уложенія весьма мало обслѣдованъ.

Но какимъ бы то ни было процессомъ ни сложились установленія Уложенія о судѣ надъ духовенствомъ и подвластными ему лицами, въ нихъ проведена мысль о государственной подсудности духовенства въ дѣлахъ гражданскихъ. Эта мысль, по понятіямъ тогдашняго духовенства, была противна достоинству церкви и каноническимъ правиламъ. Такія понятія вѣками сложились, утвердились и получили юридически-каноническій характеръ, измѣненіе котораго считалось противнымъ правамъ и канонамъ Церкви. Историческія отношенія церковной жизни къ гражданской и государственной въ древней Россіи были такъ тѣсно связаны, что понятія о раздѣльности и отличіи этихъ отношеній по предметамъ не могли выясниться въ XVII в. Лица духовныя безусловно должны принадлежать Церкви, слѣдовательно, и суду ея, — вотъ воззрѣнія духовенства древней Россіи. Дѣла чисто-церковныя и отношенія гражданской жизни такъ переплелись между собою, что вмѣшательство мірскихъ людей въ послѣднія необходимо отзывались на первыхъ. Поэтому въ продолженіе всей исторіи древней Россіи въ духовенствѣ развивалась и утверждалась мысль о самостоятельности и независимости его отъ мірского суда.

Чрезъ 23 года послѣ закрытія, въ 1677 году, Монастырскій Приказъ снова открылся съ многосторонними правами уполномочія, дарованными ему Петромъ. Главная дѣятельность возобновленнаго Приказа обращена была къ вопросу о переводѣ церковныхъ вотчинъ и доходовъ въ завѣдываніе государства. Эта была

главная его дѣятельность, но не исключительная, подобно тому, какъ въ эпоху Уложенія онъ былъ по преимуществу судебнымъ учрежденіемъ, но не исключительно завѣдывалъ судебною властію. Чтобы объяснить исторически происхожденіе, права и дѣятельность петровскаго Монастырскаго Приказа, считаемъ необходимымъ предварительно указать предшествующія возстановленію его явленія въ исторіи русскаго права и государства, которыя подготовили его возстановленіе и его новую дѣятельность и которыя объясняютъ широкія права, ему данныя, и безграничную распорядительность, на которую онъ былъ уполномоченъ государствомъ.

Въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ Московское государство, какъ говорено было, во всѣхъ сторонахъ своей жизни и дѣятельности стремилось къ самососредоточенію, къ собиранію и усиленію своихъ силъ и правъ. Такое стремленіе его обнаруживалось и въ отношеніяхъ его къ церкви. Здѣсь оно проявлялось въ безчисленныхъ фактахъ, касалось многихъ сторонъ и отношеній, поддерживалось разнообразными цѣлями—и нравственными, и финансовыми, и судебно-гражданскими, и политическими въ тѣсномъ значеніи слова; подходило къ ограниченію гражданскихъ и государственныхъ преимуществъ и правъ церковныхъ учрежденій съ различныхъ пунктовъ, различными путями и съ разныхъ сторонъ. Мы видѣли, какъ государство сосредоточило-было въ своемъ вѣдомствѣ судебно-гражданскія привилегированныя права церковныхъ учрежденій и выразило такое сосредоточеніе чрезъ учрежденіе Монастырскаго Приказа. Къ той же цѣли самососредоточенія государство стремилось и въ другихъ отношеніяхъ къ церкви. Вслѣдствіе того накопилось въ теченіе двухъ столѣтій множество явленій, въ которыхъ обнаружилось это стремленіе. Нѣкоторыя изъ нихъ были формулированы законодательствомъ; другія же, и большая часть ихъ, представлялись, какъ отдѣльные факты, временныя распоряженія, случаи, вызванные временными государственными нуждами. Короче, цѣль государства къ сосредоточенію ясно выражалась въ общей внутренней его политикѣ, но общихъ и окончательныхъ средствъ къ достиженію ея оно не формулировало до XVIII столѣтія.

Такое отношеніе государства къ церкви ясно замѣчается при изслѣдованіи общаго политическаго развитія государства и состоянія государственнаго значенія церкви. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русская церковь до начала XVIII столѣтія имѣла громадное юридическо-политическое значеніе въ жизни русскаго народа и государства. Наука, къ сожалѣнію, еще не разобрала и не выяснила основаній, причинъ юридической силы и политической твердости правъ такого значенія. Развитіе земства въ наше время заставитъ ее заняться этимъ дѣломъ. Теперь же ей извѣстно за несомнѣнное только то, что вліяніе церкви въ Россіи на государственную жизнь достигло высшей степени силы и развитія въ XVII ст. при Алексѣѣ Михайловичѣ. Но его же время отозвалось и стремленіями къ ограниченію и значенія духовенства въ государственныхъ дѣлахъ. Употреблены были государствомъ и организованныя средства къ передачѣ государству правъ, принадлежавшихъ долгое время русской церкви. Монастырскій Приказъ XVII стол. былъ, можно сказать, спеціальнымъ учрежденіемъ для указанной цѣли государства, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ судебно-гражданскимъ правамъ церкви.

Но организованныя средства въ то время не всѣ оказались достаточно сильными для цѣли. Монастырскій Приказъ, по Уложенію основанный, палъ. Мысль же, по которой онъ былъ вызванъ въ ряду государственныхъ учрежденій, не замерла вмѣстѣ съ нимъ. Съ пробужденіемъ государственныхъ силъ она могла снова воскреснуть. Историческія явленія, породившія ее, не изжились и не исчез-

ли, они всѣ были на лицо. При Петрѣ русское государство явилось необыкновенною силою. Сильнѣе его не было ничего тогда въ русскомъ народѣ. Предъ нимъ затихло и земство, съ которымъ тѣсно была связана церковь. Такимъ образомъ, по самому ходу общей исторической жизни Россіи, нужно было ожидать, что при Петрѣ, необычайно энергическомъ государѣ и самодержцѣ, откроется новое государственное учрежденіе и употребятся особыя спеціальныя средства для установленія новыхъ отношеній государства къ церкви.—Представимъ послѣ общаго замѣчанія и частныя явленія въ разныхъ сторонахъ государственной жизни, подготовлявшія въ XVI и XVII вѣкахъ петровскій Монастырскій Приказъ.

Развитіе русскаго государства въ XVI и XVII вв., между прочимъ, обнаруживалось въ томъ, что государство стягивало въ свою собственность поземельныя владѣнія на правахъ безусловнаго распоряженія ими. Въ XVI в. Московскій государь распоряжался, какъ полный собственникъ, только въ дворцовыхъ имѣніяхъ, которыя принадлежали ему, какъ вотчина и дѣдина. Съ происхожденіемъ и развитіемъ служилаго сословія, какъ сословія государственнаго, стали являться и размножаться помѣстья, жалуемыя государемъ служилымъ людямъ въ содержаніе за государственную службу. Въ помѣстья отдавались по бо́льшей части такъ-называемыя черныя волости,—земли, которыя принадлежали общинамъ и состояли во владѣніи ихъ подъ государственною защитою. Чрезъ отдачу черныхъ земель въ помѣстья, государство обнаруживало притязанія на право распоряженія общинными землями. Вслѣдствіе этой отдачи происходили уменьшеніе черныхъ волостей и обращеніе ихъ въ государственныя земли изъ владѣній общинныхъ. Во второй половинѣ XVII в. государство замѣтно вытѣсняло самостоятельность общинныхъ черныхъ волостей тѣмъ, что оно стало уравнивать ихъ въ управленіи и въ другихъ отношеніяхъ съ дворцовыми землями. Прежде было больше черныхъ волостей, чѣмъ дворцовыхъ. Въ половинѣ XVII в. въ черныхъ волостяхъ было не болѣе 20,000 дворовыхъ, а въ дворцовыхъ считалось уже 30,000. При томъ и въ остающіяся черныя волости государство назначало для управленія своихъ приказчиковъ, точно такъ же какъ и въ дворцовыя села. Высшее завѣдываніе черныхъ волостей сосредоточено было, наравнѣ съ дворцовыми, въ Приказѣ Большого Дворца. Крестьяне, владѣвшіе черными землями, совершенно смѣшиваются съ дворцовыми съ половины XVII в. Въ указѣ 1679 г. о стрѣлецкой подати черныя волости совершенно сравнены съ дворцовыми имѣніями. Въ концѣ XVII вѣка государство, вслѣдствіе политики своей, въ означенномъ уравненіи дѣйствовало какъ въ земляхъ и владѣніяхъ дворцовыхъ, такъ и въ черныхъ волостяхъ, на правахъ собственника. Помѣщичьи земли признавали надъ собою полную власть государства. Но земли и крестьяне церковныхъ учрежденій не были уравнены съ дворцовыми и помѣщичьими во всѣхъ отношеніяхъ къ государству. Между тѣмъ политика государства по отношенію къ нимъ выражала ту же самую мысль, которою она руководилась и въ отношеніи къ чернымъ волостямъ. Мы уже знаемъ, что государство сосредоточивало свое вѣдѣніе монастырскими и вообще церковными землями въ томъ же Приказѣ Большого Дворца, въ которомъ совершалось и обращеніе черныхъ волостей въ дворцовыя имѣнія, а потомъ и въ Монастырскомъ Приказѣ, изъ котораго опять, по его уничтоженіи, передано въ прежнее мѣсто. По ходу событій и политики государства, всѣ церковныя вотчины должны были ожидать участи уравненія ихъ съ судьбою черныхъ волостей.

Нѣкоторая часть церковной поземельной собственности политикою и законодательствомъ государства еще въ XVII вѣкѣ привлечена уже къ суммѣ поземельной собственности самаго государства. Извѣстно, что духовныя власти и учрежденія до половинѣ XVII вѣка владѣли, какъ полною собственностію, цѣлыми

слободами и городскими посадами, которые населялись не землевладѣльцами, а ремесленниками. Слободчики и посадскіе люди, подвластные церковнымъ властямъ и учрежденіямъ, пользовались подъ покровительствомъ своихъ владѣльцевъ привилегіями, присвоенными владѣльцамъ, не платили никакихъ податей по своимъ промысламъ, какъ другіе независимые слободчики и посадскіе, и такимъ образомъ наносили ущербъ беззащитнымъ городскимъ обывателямъ, которые обложены были разными налогами и повинностями въ пользу казны и городовъ. Положеніе привилегированныхъ слободчиковъ и посадскихъ было поэтому очень невыгодно для государства и другихъ сословій и вызвало жалобы горожанъ и посадскихъ, а со стороны правительства—особыя постановленія въ Уложеніи 1649 года. По уложенію, всѣ наличныя слободы, принадлежавшія церковнымъ учрежденіямъ и властямъ, переданы «безлѣтно и безповоротно» государю. На будущее же время запрещалось духовенству заводить слободы и посады, а живущимъ въ посадахъ записываться въ закладчики за духовенство. Такимъ образомъ, путемъ законодательства значительная часть лицъ и владѣній, принадлежавшихъ духовенству, перешло въ полную собственность государства. Слѣдовательно, въ законодательствѣ XVII в. проведена была уже мысль, что государство можетъ обращать въ свою собственность принадлежавшія церковнымъ властямъ и учрежденіямъ поземельныя и населенныя имѣнія. Этой мысли правительство предполагало дать болѣе широкое развитіе съ теченіемъ времени. Что государство обнаруживало въ отношеніи къ поземельной собственности церковныхъ учрежденій, тоже самое сказывалось и въ отношеніи къ разнообразнымъ привилегіямъ, которыми церковныя учрежденія пользовались въ государствѣ. Мы говоримъ здѣсь о финансовыхъ привилегіяхъ духовенства, а о судебно-гражданскихъ привилегіяхъ рѣчь была выше. Разнообразныя финансовыя привилегіи церковныхъ учрежденій выродились, какъ естественное явленіе, изъ удѣльной системы русскаго государства. Но государство стало сознавать невыгоды ихъ, когда оно стало сосредоточиваться въ одно общее цѣлое. Оно сначала, и при томъ нѣсколько разъ, пріостанавливало дѣйствіе «тархановъ» на время государственныхъ нуждъ, «пока земля поустроится». Такъ было, напримѣръ, въ 1585 г. и особенно часто во времена Алексѣя Михайловича. Потомъ государство рѣшительнѣе высказывалось противъ привилегій. Нѣкоторыя привилегіи были вовсе уничтожены, а всѣ вообще были ограничиваемы. Ограниченія эти постоянно выражались послѣ Уложенія въ жалованныхъ грамотахъ, подтверждаемыхъ уже по новымъ законамъ, сложившимся послѣ выдачи ихъ. Образовалась особая формула, выражающая ограниченія. Она гласила: «велѣлъ о всемъ ходить, какъ въ сей жалованной грамотѣ написано, буде въ чемъ по новому указу не перемѣнилось», или «велѣлъ ходить по тому, какъ въ грамотѣ написано, опричь новаго нашему указу». Всѣ эти ограниченія вели дѣло къ тому, чтобы привилегіямъ наступилъ конецъ. Уничтоженія ихъ надобно было ожидать для финансовыхъ цѣлей государства. Петръ рѣшился окончательно уничтожить привилегіи церковныхъ учрежденій и обратить ихъ въ пользу государства. Въ 1699 году онъ повелѣлъ взыскивать печатныя пошлины со всѣхъ безъ исключенія монастырей, которые пользовались свободою отъ нихъ. Въ 1700 же году было предписано: «тарханы, съ кого пошлинъ не имано, всѣ отставить и брать пошлины всякаго чину со всѣхъ по Торговому Уставу и по новоуказаннымъ статьямъ равныя, для того, что по Его Великаго Государя указу, каковъ состоялся въ Печатномъ Приказѣ, печатныя пошлины велѣно имать со всякихъ чиновъ людей равныя, а съ кого напередъ сего не имано, и то отставлено, потому что, по прежнимъ указамъ всякіе тарханы отставлены». Такимъ образомъ, Петромъ всѣ финансовыя привилегіи, которыми пользовались до него церковныя учрежденія, отмѣнены и обращены въ пользу государства.

Петръ держался убѣжденія, что государь можетъ и имѣетъ право воспользоваться церковными имуществами, по крайней мѣрѣ—избыткомъ доходовъ съ нихъ, для пользы государственной. Но управленіемъ этихъ имуществъ завѣдывала церковь. Петру представлялось, что для государственной пользы лучше подчинить управленіе церковными имуществами правительству государственному, чѣмъ оставлять ихъ въ вѣдѣніи церкви. Явленій въ исторіи и законодательствѣ, подготовлявшихъ передачу ихъ отъ церкви государству, накопилось много. Государственныхъ нуждъ въ концѣ XVII вѣка, которыя могли бы покрыться доходами съ церковныхъ имуществъ, было очень довольно. Однѣ войны, которыхъ, по словамъ Петра, «артерія—деньги», требовали много расходовъ; для покрытія же ихъ въ казнѣ денегъ было недостаточно. При стеченіи такихъ обстоятельствъ стоило Петру воспользоваться удобнымъ случаемъ объявить, что государство само будетъ управлять церковными имуществами, выдавая церковнымъ учрежденіямъ необходимыя средства для содержанія, и всѣ церковныя имѣнія должны перейти въ собственность и распоряженіе государства. Петръ и ждалъ удобнаго случая. Въ 1700-мъ году 15 окт. умеръ патріархъ Адріанъ. Это былъ послѣдній патріархъ русской церкви. Смерть патріарха была моментомъ, съ котораго Петръ I приступилъ къ выполненію предположенной имъ реформы въ состояніи церковныхъ имуществъ.

По случаю смерти патріарха Адріана въ 1700 году Курбатовъ, знаменитый петровскій «прибыльщикъ», изобрѣтатель гербовой бумаги въ Россіи, оберегатель государственной казны, надсмотрщикъ, «какъ бы учинить прибытокъ государственной казнѣ», писалъ «великому государю Царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея Россіи самодержцу»: «больному патріарху трудно было смотрѣть за всѣмъ; отъ чего происходили безпорядки по духовному управленію... Избраніемъ патріарха думаю повременить. Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами. Для надзора же за всѣмъ и для сбора домовой казны надобно непремѣнно назначить человѣка надежнаго: тамъ большіе безпорядки. Необходимо распорядиться монастырскими и архіерейскими имѣніями, учредить особливый расправный приказъ для сбора и храненія казны, которая теперь погибаетъ по прихотямъ владѣльцевъ... Изъ мірскихъ для смотрѣнія за казной и для сбора ея очень хорошъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ и стольникъ Дмитрій Протасьевъ».—Января 24 дня 1701 года изданъ именной указъ, въ которомъ повелѣвалось: «Домъ святѣйшаго патріарха, и домы-жь архіерейскіе, и монастырскія дѣла вѣдать боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, а съ нимъ у тѣхъ дѣлъ быть дьяку Ефиму Зотову, и сидѣть на Патріаршѣ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ Патріаршій Разрядъ, и писать Монастырскимъ Приказомъ, а въ Приказѣ Большого Дворца монастырскихъ дѣлъ не вѣдать и прежнія дѣла отослать въ тотъ же Приказъ». Изъ сопоставленія этого именного указа съ письмомъ прибыльщика Курбатова можно видѣть, что Петръ давно уже намѣревался взять отъ церковныхъ учрежденій управленіе ихъ имуществами въ вѣдѣніе государства и что Курбатовъ указалъ Государю удобный моментъ для предположенной передачи. Такъ возстановленъ былъ Монастырскій Приказъ въ 1701-мъ году.

За первымъ указомъ объ его возстановленіи скоро послѣдовалъ рядъ именныхъ указовъ, которыми предписывалась ему дѣятельность. Съ каждымъ указомъ права его возрастали, сила увеличилась, дѣятельность усложнялась, предметы вѣдомства умножались; наконецъ, въ общемъ итогѣ Монастырскій Приказъ является такимъ учрежденіемъ, въ которомъ совмѣщалось странное разнообразіе дѣлъ, какого не было ни въ одномъ современномъ ему государственномъ учрежденіи. По-

видимому, предметъ его занятій составляли дѣла по всѣмъ возможнымъ въ государствѣ отношеніямъ. Приказъ, возстановленный въ 1701-мъ году, снова закрылся въ 1720-мъ, а въ слѣдующемъ 1721-мъ году еще разъ былъ возстановленъ и прожилъ до конца 1724-го года, когда онъ навсегда покончилъ свое существованіе съ своимъ именемъ.

По положенію своему въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій петровскій Монастырскій Приказъ 1701-го года явился высшимъ центральнымъ для всей Россіи по особому вѣдомству учрежденіемъ, спеціально посвященнымъ въ общемъ итогѣ его дѣятельности преобразовательнымъ цѣлямъ Петра по отношенію къ церкви. Онъ равенъ былъ всѣмъ прочимъ приказамъ и представляетъ одно изъ послѣднихъ по времени произведеній приказной системы устройства государственныхъ учрежденій. Изъ прочихъ приказовъ онъ получалъ памяти, равно какъ и имъ отписывался памятями, и былъ совершенно независимъ отъ нихъ. Онъ стоялъ отдѣльно, «особно», самостоятельно, какъ и всякій другой приказъ. Съ учрежденіемъ сената, какъ высшаго правительственнаго мѣста, въ которомъ сосредоточивалось все высшее государственное управленіе, Монастырскій Приказъ въ 1711-мъ году былъ подчиненъ ему наравнѣ съ другими приказами, какъ низшее его учрежденіе. Отъ сената исходили въ Приказъ указы, а изъ Приказа восходили въ сенатъ доношенія. Сенатъ былъ высшимъ контрольнымъ учрежденіемъ въ финансовыхъ дѣлахъ приказа; потому изъ него представлялись въ сенатъ мѣсячныя, третныя и годовыя вѣдомости о сборахъ, повинностяхъ и расходахъ его вѣдомства. Въ пререканіяхъ своихъ съ другими государственными учрежденіями по предметамъ своей дѣятельности Приказъ прибѣгалъ къ сенату, какъ высшему судіи, который рѣшалъ вопросы о компетенціи. Въ судебныхъ случаяхъ по духовнымъ дѣламъ особой важности бояринъ Монастырскаго Приказа имѣлъ участіе въ засѣданіяхъ сенаторовъ, вмѣстѣ съ блюстителемъ патріаршаго престола. Финансовую отчетность Приказъ представлялъ, впрочемъ, не только въ сенатъ, но и въ Ближнюю Канцелярію Государя. Только контроль, производившійся отъ времени до времени въ Канцеляріи по особымъ порученіямъ Государя, былъ мѣрою чрезвычайною и временною, и не только по отношенію къ вѣдомству Приказа, но и другихъ.—Съ проведеніемъ длинной цѣпи должностей фискаловъ во всѣ государственныя сферы, и вѣдомство Монастырскаго Приказа подлежало также надзору ихъ: въ самомъ Приказѣ былъ особый фискалъ, значеніе котораго здѣсь, впрочемъ, не было замѣтно.—Новое областное устройство Россіи, начатое Петромъ въ 1707-мъ году, — образованіе губерній, провинцій, ландратовъ, комендантствъ, и оберъ-комендантствъ,—имѣло вліяніе въ разныя времена на положеніе мѣстныхъ управителей вѣдомства Приказа. Дѣло въ томъ, что петровское областное устройство, по существу своему, по ходу развитія формъ государственныхъ учрежденій въ первой четверти XVII вѣка, наконецъ, по мысли, цѣлямъ и планамъ преобразователя, подавало по многимъ мѣстамъ законные поводы областнымъ правителямъ вмѣшиваться въ вѣдомство Приказа. Но вѣдомство Приказа стремилось охранить себя отъ вмѣшательствъ въ его сферу провинціальныхъ общихъ государственныхъ учрежденій и силилось остаться особо, независимо отъ областныхъ правителей. Ему невозможно было, по ходу развитія областныхъ учрежденій, рѣшительно отстранить себя отъ всякихъ связей съ ними: въ отправленіи нѣкоторыхъ общихъ государственныхъ податей и повинностей вѣдомство Приказа не избѣжало посредства провинціальныхъ учрежденій между собою и высшими государственными учрежденіями; даже онъ платило повсегодныя подати на ландратовъ, приказныхъ и на губернскія канцеляріи. При всемъ томъ Монастырскій Приказъ умѣлъ до времени отстоять особенность или отдѣль-

ность своего вѣдомства и неподчиненность его областнымъ учрежденіямъ какъ въ личномъ своемъ составѣ, такъ и въ лицѣ своихъ мѣстныхъ чиновниковъ. По его заботливости приказы обязаны были посылать свои требованія въ вѣдомство Приказа особо отъ общихъ провинціальныхъ учрежденій. Мѣстные чиновники Приказа, безъ послушныхъ отъ него указовъ, не обязывались выполнять и не выполняли требованій ни приказовъ, ни областныхъ властей. Воеводамъ и ландратамъ запрещался даже въѣздъ въ отчины Приказа. Губернаторы же обязаны были исполнять указы Приказа, не имѣли правъ сами по себѣ входить въ распоряженія его вѣдомствъ. Если Монастырскому Приказу удалось до поры отстоять независимость своего вѣдомства отъ областныхъ общихъ учрежденій, провинціальныхъ и губернскихъ, то онъ и самъ и все его вѣдомство подъ его управленіемъ не устояли предъ его коллегіями.—Планъ коллегіальнаго устройства петровскихъ государственныхъ учрежденій окончательно созрѣлъ въ 1718-мъ году. Въ этомъ году коллегіи уже были сформированы, предметы ихъ вѣдомства разграничены и опредѣлены; для каждой коллегіи назначенъ былъ извѣстный родъ предметовъ, отъ которыхъ они получали свои названія на иностранныхъ языкахъ; личный составъ ихъ былъ готовъ; они приготовлялись къ вступленію въ отправленія своихъ обязанностей; изъ нихъ и изъ сената разосланы по всѣмъ приказамъ указы—быть послушными требованіямъ и указамъ коллегій.

Совершенное же открытіе ихъ назначено было въ 1720-мъ году. По дѣламъ Церкви учрежденъ былъ св. Сѵнодъ. Для финансовой части устроились двѣ коллегіи: Камеръ-Коллегія, которая имѣла завѣдывать всѣми государственными доходами по всей Россіи, и Штатсъ-Конторъ-Коллегія, назначеніе которой было слѣдить за всѣми государственными расходами. Въ 1718-мъ году разосланы были по всѣмъ губерніямъ и приказамъ сенатскіе указы о доставленіи въ Штатсъ-Контору вѣдомостей о количествѣ всѣхъ казенныхъ сборовъ, доходовъ и расходовъ по всѣмъ статьямъ, съ запрещеніемъ расходовать безъ ея указовъ. Въ 1719-мъ году узаконено было, чтобы ни одно учрежденіе не дѣйствовало въ сборахъ недоимокъ и податей безъ указовъ Камеръ-Коллегіи. Та и другая коллегіи получили свои регламенты, въ которыхъ ясно указывается общегосударственное значеніе ихъ по дѣламъ финансовымъ. Въ частности Монастырскому Приказу, «къ боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому, въ 1718 и 1719-мъ годахъ изъ Штатсъ - Конторы посланы были указы многіе» о томъ, чтобы были присланы къ ней изъ Приказа «безъ всякаго мотчанія» вѣдомости и подлинныя книги о приходахъ и расходахъ въ его вѣдомствѣ, чтобы изъ него отправлялись платежи по указамъ ея и чтобы онъ «присылалъ о томъ въ Штатсъ-Конторъ-Коллегію репорты немедленно». Для судебныхъ дѣлъ учреждена была Юстицъ-Коллегія, тоже какъ общее государственное учрежденіе. Итакъ, по новому коллегіальному устройству государственныхъ учрежденій, части финансовая, судебная и духовныхъ дѣлъ отъ Приказа должны отдѣлиться и поступить по роду ихъ въ особыя спеціальныя учрежденія. Но эти части составляли главный предметъ занятій Приказа, а остальные затѣмъ предметы его вѣдѣнія, какъ тѣсно соединенные съ первыми, не требовали особаго самостоятельнаго учрежденія. Слѣдовательно, закрытіе Монастырскаго Приказа, съ открытіемъ дѣйствій коллегій, дрлжно было послѣдовать неминуемо. Дѣйствительно, «августа въ 17-й день 1720 года Великій Государь указалъ, по именному своему Царскаго Величества указу, изъ приказовъ тѣхъ, которые были подъ вѣдѣніемъ боярина князя Петра Ивановича Прозоровскаго, Монастырскому Приказу не быть, и Монастырскаго и Казеннаго Патріарша и Приказу большія казны всякихъ настоящихъ и доимочныхъ сборовъ дѣла разобравъ и описавъ отослать съ дьяками и подъячими,

которые при тѣхъ дѣлахъ были, подъ вѣдѣніе Камеръ-Коллегіи, кому по указу изъ оной коллегіи принять будетъ опредѣлено; а государственныя вещи, которыя обрѣтаются въ его государевой казнѣ и въ мастерской палатѣ и въ патріаршемъ Казенномъ Приказѣ, отдать въ сохраненіе въ Штатсъ-Конторъ-Коллегію и чтобъ оная ихъ принять указала; а челобитчиковъ судебныя и гражданскія изъ помянутыхъ приказовъ дѣла съ дьяками и подъячими, у тѣхъ дѣлъ будучими (sic), отослать въ Юстицъ-Коллегію. О чемъ въ Камеръ и Штатсъ-Конторъ и въ Юстицъ-Коллегіи, также и для вѣдома въ Монастырской Приказъ указы изъ сената посланы». Требованія указа были выполнены безъ замедленія. Камеръ-Коллегія приняла всѣ книги и дѣла Приказа, предписала своимъ областнымъ чиновникамъ-камерирамъ и комиссарамъ вступить въ сборы съ вотчинъ Приказа и ввела всѣ вотчины его въ общее счисленіе государства. Штатсъ-Конторъ-Коллегія отправила особаго чиновника принять въ свое вѣдѣніе всѣ сокровища Приказа, взятыя имъ въ свою очередь отъ церковныхъ учрежденій. «Сент. 23 д. 1720 г. по требованію указами изъ канцеляріи земскихъ дѣлъ челобитчиковы судебныя и гражданскія, вершеныя и не вершеныя дѣла, съ которыхъ вершеныхъ дѣлъ довелось взять и пошлины въ Монастырской Приказъ многое число, изъ Монастырскаго Приказа съ подъячимъ съ Михайломъ Аристовымъ съ товарищи, которые у тѣхъ дѣлъ были, и по тѣмъ дѣламъ колодники отосланы въ помянутую земскую канцелярію». Такимъ образомъ, введеніе коллегій, какъ общихъ государственныхъ учрежденій, устроенныхъ на распредѣленіи государственныхъ дѣлъ по ихъ существу, уничтожило петровскій Монастырскій Приказъ 1701 года. Но онъ скоро снова явился, только при другихъ отношеніяхъ и въ другомъ видѣ по своему личному составу.

Монастырскій Приказъ, принимая въ свое вѣдѣніе и управленіе вотчины церковныхъ учрежденій, какъ учрежденіе государственное, имѣлъ назначеніе устроить и обезпечить содержаніе тѣхъ церковныхъ учрежденій, отъ которыхъ переходили къ нему имущества. Посмотримъ, какъ онъ выполнилъ свое назначеніе съ этой стороны.

Петръ имѣлъ рѣшительное и неотложное намѣреніе произвести реформы въ положеніи монастырей въ государствѣ и обществѣ и возттановить строгую иноческую жизнь въ монастыряхъ. Монастырскій Приказъ предназначался быть выполнителемъ и орудіемъ преобразовательныхъ цѣлей Петра относительно монастырей, какъ церковныхъ учрежденій.

При самомъ учрежденіи Приказа, ему вмѣнено было въ обязанность составить общую Ружную книгу, которою предполагалось опредѣлить штатъ монастырей въ Россіи и при этомъ законы государства о дальнѣйшемъ развитіи ихъ въ Россіи. Въ цѣляхъ возстановленія штата монастырей, быть можетъ, Приказъ нѣкоторые монастыри уничтожалъ, другіе переименовывалъ въ приходскія церкви, передѣлялъ монастырскіе приходы и т. п. Но штата монастырей всей Россіи Приказъ не установилъ. Онъ явился уже въ 1724 году, при содѣйствіи государству въ этомъ случаѣ со стороны церковной власти, безъ которой дѣятельность государственнаго учрежденія по отношенію къ монастырямъ не имѣла успѣха.

Въ личномъ составѣ каждаго монастыря предполагалось также ввести штатъ, при установленіи котораго должны были явиться государственные законы, опредѣляющіе условія поступленія въ монахи. Извѣстно, что многіе поступали въ монастыри до Петра болѣе для удобствъ жизни и для избѣжанія государственныхъ и общественныхъ повинностей, чѣмъ съ цѣлями добросовѣстно нравственными. Этотъ безпорядокъ и послѣдствія его Петръ и хотѣлъ уничтожить. Въ противодѣйствіе ему, Петръ велѣлъ въ 1701 году Монастырскому Приказу выслать

изъ всѣхъ монастырей дьяковъ, клирошанъ, келейниковъ, монашескихъ родственниковъ-бѣльцовъ, и не допускать ихъ въ монастыри на будущее время. Въ послѣдующее время это повелѣніе было повторено съ угрозою, что бѣльцы, остающіеся въ монастыряхъ, будутъ отправляемы навсегда въ ссылку или заточеніе. Въ 1701 же году Монастырскій Приказъ обязанъ былъ переписать наличныхъ монаховъ и монахинь въ каждомъ монастырѣ, оставить въ каждомъ изъ нихъ только то число, какое найдено во время переписи, запретить строго переходъ ихъ изъ одного монастыря въ другой и постепенно приготовлять опредѣленный штатъ и количество монаховъ каждаго монастыря. Кромѣ монаховъ, не велѣно держать въ монастыряхъ никого по распоряженію монастырскихъ властей. Дозволено лишь Монастырскому Приказу оставить самое малое число слугъ и служебниковъ, безъ которыхъ невозможно обойтись, и то не во всѣхъ монастыряхъ; позволялось только настоятелямъ и келарямъ имѣть келейниковъ изъ престарѣлыхъ бѣльцовъ. Въ женскихъ монастыряхъ запрещалось жить родственницамъ монахинь, и если онѣ оказывались, то велѣно выдать ихъ замужъ по ихъ желанію или постричь по достиженіи 40 лѣтъ. Съ теченіемъ времени число монаховъ, найденное во время переписи, уменьшалось, постриженіе вновь или вовсе не допускалось, или только съ особеннаго разрѣшенія Монастырскаго Приказа, вмѣсто убылыхъ монаховъ посылались въ монастыри больные и нищіе, даже умалишенные и осужденные въ каторгу, но неспособные къ работѣ. Послѣ 1715 года въ замѣнъ убылыхъ монаховъ помѣщались отставные военные чины, неимѣющіе средствъ къ прокормленію. Скоро затѣмъ вошло въ законъ, что увѣчные и больные военные чины стали пользоваться содержаніемъ отъ монастырей. Для приведенія въ дѣйствіе этого закона велѣно было довести число монаховъ въ каждомъ монастырѣ до такой нормы, по которой бы, за покрытіемъ самыхъ необходимыхъ расходовъ на содержаніе монаховъ, оставался избытокъ отъ монастырскихъ доходовъ для благотворительныхъ цѣлей. Въ разныя времена Монастырскій Приказъ въ разныхъ монастыряхъ ограничилъ количество монаховъ опредѣленнымъ числомъ. По мѣрѣ уменьшенія этого количества, помѣщались въ монастырь военные чины. Но окончательнаго штата въ каждомъ монастырѣ не установилъ Приказъ и твердыхъ основаній для опредѣленія его не выработалъ. Самыя намѣренія Петра, мысль его согласить содержаніе отставныхъ военныхъ чиновъ съ штатомъ монастырей Приказъ не организовалъ въ опредѣленныя формы для выполненія. Со времени подчиненія Приказа Св. Сvноду выработались правила, по которымъ отставные военные чины пользовались отъ монастырей содержаніемъ. Время, впрочемъ, показало, что самая мысль возложить на церковь или частнѣе—на монастыри содержаніе людей, служившихъ государству и въ этой службѣ истратившихъ всѣ свои силы, должна быть оставлена.

Въ кругъ дѣятельности Монастырскаго Приказа при устройствѣ штатовъ въ каждомъ монастырѣ входила забота о томъ, чтобы совершилось преобразованіе въ самой жизни монастырей. Петръ хотѣлъ ввести общежительство во всѣхъ монастыряхъ и дать такое направленіе монастырской русской жизни, при которомъ бы монастыри, при строгой иноческой жизни монаховъ, служили благотворительнымъ и нравственнымъ цѣлямъ. Эти намѣренія Петра, по его мысли, Монастырскій Приказъ долженъ былъ выполнить. Для руководства при проведеніи преобразовательныхъ намѣреній относительно этого предмета, Приказъ получилъ нѣсколько частныхъ указаній преобразователя. Отнятіе вотчинъ у монастырей было средствомъ къ возстановленію иноческой жизни въ монастыряхъ,—«лучшаго ради исполненія монашескаго житія». По мысли Петра, монахи должны были пропитывать себя своими руками, содержать убогихъ и нищихъ и ходить за больными,

Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ при учрежденіи Приказа Мусину-Пушкину. Приказъ долженъ былъ наблюдать, чтобы монахи не выходили изъ монастырей безъ отпускныхъ отъ настоятелей не скитались по Москвѣ, въ кельяхъ своихъ отнюдь не держали бумаги, чернилъ и перьевъ и ничего не писали бы одни, а если нужно было имъ писать, то не иначе, какъ въ общей трапезѣ и въ присутствіи настоятелей, и т. п. Петръ запретилъ жить въ монастыряхъ постороннимъ, напр., армянамъ, какъ торговымъ людямъ и др. Въ видахъ устройства монастырской жизни, Приказъ назначалъ, избиралъ и утверждалъ настоятелей монастырей; при назначеніи ихъ поручалъ стольникамъ или вѣдомцамъ, въ предѣлахъ вѣдѣнія которыхъ монастыри находились, вводить вновь назначенныхъ въ управленіе, переводилъ монаховъ изъ одного монастыря въ другой, или разсылалъ монаховъ изъ одного монастыря по многимъ другимъ въ наказаніе или для другихъ цѣлей; наконецъ, судебная и дисциплинарная власть надъ монахами присвоялась Приказу. Самъ преобразователь впослѣдствіи убѣдился, что перестроить иноческую жизнь въ монастыряхъ невозможно одними государственными распоряженіями безъ содѣйствія церкви. Монастырскій же Приказъ, повидимому, и не выработалъ опредѣленнаго плана, не выяснилъ себѣ намѣреній Петра и не предпринялъ организованныхъ средствъ къ проведенію ихъ въ практикѣ. Поэтому Петръ обратился съ 1715 года къ церковнымъ средствамъ для преобразованій въ монашеской жизни. Въ 1716 году установлено, чтобы архіереи въ клятвенномъ обѣщаніи при посвященіи своемъ давали присягу, что они будутъ содержать монаховъ по уставамъ и правиламъ и не будутъ давать имъ скитаться изъ монастыря въ монастырь.

Съ учрежденіемъ Синода, при дѣятельномъ содѣйствіи Ѳеофана Прокоповича, намѣренія Петра объ устройствѣ иноческой жизни въ русскихъ монастыряхъ выразились ясно и опредѣленно и получили въ Духовномъ Регламентѣ и нѣкоторыхъ указахъ, спеціально посвященныхъ этому предмету, юридико-литературныя формы и историко-каноническія основанія, но не дѣйствительное осуществленіе жизни.

Занимаясь устройствомъ монастырской жизни, Монастырскій Приказъ долженъ былъ установить штатное содержаніе монастырей. Первоначально въ 1701 году Приказу велѣно было давать всѣмъ вообще монахамъ по 10 руб. денегъ и 10 четвертей хлѣба въ годъ на человѣка изъ доходовъ съ имѣній, принадлежавшихъ монастырямъ. Это была «указная дача». Но если бы доходовъ съ вотчинъ и имѣній какого-либо монастыря получалось такъ мало, что ихъ «не доставало въ указную дачу»,—на прокормленіе наличныхъ монаховъ и на покрытіе издержекъ для поддержанія монастыря,—то дозволено было оставить за такимъ монастыремъ и вотчины. Слѣдовательно, маловотчинные монастыри скоро получили назадъ отъ Приказа свои вотчины «на прокормленіе». Тѣмъ же маловотчиннымъ и бѣднымъ монастырямъ, которые получали до времени Монастырскаго Приказа «государеву ругу» изъ Приказа Большого Дворца, назначалось изъ Монастырскаго хлѣбное и денежное жалованіе, «безъ чего по самой нуждѣ быть не возможно». Такимъ образомъ, бѣдные монастыри оставлены Приказомъ на прежнемъ положеніи, исключая уничтоженныхъ, соединенныхъ и превращенныхъ въ приходскія церкви. Что касается до содержанія такихъ монастырей, доходы которыхъ превышали «указную дачу» монахамъ, то предположено было составить для нихъ «Общую ружную книгу». Составленіе ея замедлилось. До времени ея составленія Приказъ обязанъ былъ выдавать монахамъ указную дачу. Но Приказъ или вовсе не высылалъ монастырямъ опредѣленной дачи, или уменьшалъ ее на половину. Расходовъ и требованій государственныхъ было такъ много отъ Приказа, что онъ

выдачу указной дачи монахамъ считалъ дѣломъ далеко не важнымъ. Вслѣдствіе этого монастыри горько жаловались на свою долю: «церкви Божіи разваливались», «въ нихъ течь», «монастырскія строенія обветшали», «кормиться монахамъ не чѣмъ»,—такъ описывали они свою судьбу въ теченіе перваго десятилѣтія Приказа. Наконецъ, Монастырскій Приказъ въ 1710 году составилъ вмѣсто предположенной «Общей Ружной книги» табель опредѣленнымъ монастырямъ, т. е. такимъ, которые получили опредѣленный штатъ и содержаніе. Такихъ монастырей по табели въ патріаршей области было 52, а въ епархіяхъ мужскихъ 28.

Содержаніе епархіальныхъ архіереевъ и властей, а равно и Блюстителя патріаршаго престола съ Духовнымъ Приказомъ возложено было также на попеченіе Монастырскаго Приказа.

Въ тѣсной связи съ содержаніемъ монастырей и епархіальныхъ властей находилось завѣдываніе въ Монастырскомъ Приказѣ строительною частію въ церковныхъ учрежденіяхъ. Эта часть не была основана на постоянныхъ законахъ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя государство давно уже стремилось къ подчиненію ея своему контролю.

Не только отчетность по строительной части церковныхъ учрежденій была во власти Приказа, но на его обязанностяхъ лежала выдача средствъ къ поддержанію строеній въ тѣхъ монастыряхъ и архіерейскихъ домахъ, вотчины которыхъ находились въ полномъ его распоряженіи. Выдача денегъ для такихъ случаевъ зависѣла вполнѣ отъ усмотрѣнія Приказа.

Въ архивѣ Приказа есть множество дѣлъ по поводу челобитій о постройкахъ. Но Приказъ былъ очень не щедрымъ въ расходахъ на этотъ предметъ. Монастырскія власти съ 1708 года стали жаловаться, что монастырскія зданія и церкви ветшаютъ и разрушаются, собственными средствами поддержать ихъ они не могутъ, все приходитъ «въ великое разрушеніе и оскудѣніе». Жалобы эти и были, между прочимъ, причиною возвращенія въ управленіе и завѣдываніе вотчинъ въ монастыри.

Монастырскій Приказъ имѣлъ нѣкоторое попеченіе и объ устройствѣ приходскихъ церквей и ихъ причтовъ. На немъ лежали заботы и распоряженія о содержаніи такихъ церквей и ихъ причтовъ, поддержка которыхъ требовалась по государственнымъ разсчетамъ: напр., по покореніи Азова, руга и содержаніе тамъ церквей выдавались изъ доходовъ Приказа. Чрезъ него предписывалось заводить при сельскихъ и городскихъ приходскихъ церквахъ воспитательные дома для дѣтей незаконнорожденныхъ.

Монастырскій Приказъ завѣдывалъ школами относительно ихъ содержанія, отчасти организаціи и суда. Въ его вѣдѣніи были не только церковныя, существующія при патріархахъ школы (Заиконоспасская, Кіевская и др.), но и вновь заводимыя при Петрѣ,—напр. 4 нѣмецкія школы. Кромѣ того, Приказъ обязанъ былъ побуждать епархіальныя власти заводить школы, на обзаведеніе и поддержаніе которыхъ отъ него должны были высылаться деньги изъ доходовъ съ вотчинъ.

Монастырскому Приказу вмѣнено было въ обязанность слѣдить, чтобы дѣти духовныхъ лицъ поступали въ греческія и латинскія школы, чтобы неучившихся въ этихъ школахъ не посвящали въ священники и діаконы, и чтобы они не принимались и въ другіе чины, кромѣ военной службы. Вообще усиленіе учебной части и школъ было въ числѣ обязанностей Приказа. Поэтому въ Приказѣ принимались для опредѣленія въ школы дѣти дворянъ, а равно изъ Приказа отправлялись дѣти духовенства для обученія въ другія учрежденія.

Типографія, какъ учрежденіе для развитія просвѣщенія, находилась также въ вѣдѣніи Монастырскаго Приказа по всѣмъ отношеніямъ. Это—та типографія, которая заведена при Іоаннѣ IV въ 1553 г. и которая находилась вмѣстѣ съ школами въ завѣдываніи патріарховъ.

Въ кругъ дѣятельности Приказа входили полицейско-благотворительныя дѣла, для которыхъ назначена была часть доходовъ съ вотчинъ церковныхъ. Въ 1678 г. отдана была на попеченіе патріарха московская богадѣльня, вмѣщавшая въ себѣ 412 человѣкъ и содержавшаяся до этого времени изъ Приказа Большого Дворца. Патріархъ назначилъ присылать къ нему ежегодно на содержаніе богадѣльни изъ всѣхъ епархій по гривнѣ или по 3 алт. 2 д. съ каждой церкви. Общая сумма выходила значительная. Эта сумма поступала въ вѣдѣніе Патріаршаго Казеннаго Приказа, который управлялъ и самою богадѣльнею. Въ 1701 г. сент. 15 д., по именному указу за подписью Мусина-Пушкина, велѣно было осмотрѣть и разобрать людей, призиравшихся въ этой богадѣльнѣ.

Престарѣлымъ, дряхлымъ и больнымъ указано было давать жалованье изъ доходовъ Монастырскаго Приказа, а здоровыхъ и способныхъ къ труду предписано было выслать изъ нея. Въ связи съ этимъ возложено было на Приказъ порученіе—уничтожить бродячее нищенство въ Москвѣ. Бродячихъ нищихъ, которые не могли по уважительнымъ причинамъ себя пропитать, Приказъ имѣлъ призирать, а мнимыхъ нищихъ—наказывать. Съ 1706 г. отдавались на попеченіе Приказа жены взятыхъ изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей въ солдаты, а впослѣдствіи и вообще всѣ солдатскія жены, не имѣвшія средствъ къ пропитанію, и отставные солдаты, увѣчные, престарѣлые и больные. Для призрѣнія дѣйствительно нищихъ вмѣнено въ обязанность Приказу строить новыя богадѣльни, мужскія и женскія. Организація и управленіе богадѣленъ возложены на его попеченіе. Въ исполненіе воли Государя, учрежденъ былъ, подъ начальствомъ Монастырскаго Приказа, особый Богадѣленный Приказъ.

Кромѣ устройства богадѣленъ, собственными распоряженіями Приказъ обязывалъ монастыри, которымъ возвращалъ вотчины, заводить богадѣльни и подъ этимъ условіемъ оставлялъ за ними особыя преимущества въ распоряженіяхъ. Равно Приказъ предписывалъ заводить и поддерживать богадѣльни при архіерейскихъ домахъ и приходскихъ церквахъ, особенно въ вотчинахъ патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ.

Какъ полицейско-благотворительное учрежденіе, гошпиталь въ Москвѣ состоялъ также въ вѣдѣніи Монастырскаго Приказа относительно своего содержанія. Къ нему приписано было нѣсколько вотчинъ изъ церковныхъ учрежденій.

Въ видахъ полицейско-благотворительныхъ, велѣно Приказу помѣщать въ монастыряхъ умалишенныхъ и людей, осужденныхъ на вѣчную каторгу, но неспособныхъ къ ней. Послѣдніе назначались въ монастыряхъ на работы, при которыхъ они находились въ кандалахъ,—такъ дѣлалось по указу Государя и по распоряженіямъ Приказа.

Особенно же внимательной попечительности Монастырскаго Приказа на счетъ монастырскихъ доходовъ поручались отъ правительства отставные военные чины. По окончаніи войнъ оказалось безъ призрѣнія и пособій очень много разныхъ военныхъ чиновъ—старыхъ, раненыхъ, больныхъ, которые своими трудами не могли себя пропитывать, имѣній не имѣли, но заслугами отечеству и государству пріобрѣли несомнѣнное право на пожизненное содержаніе отъ государства. Россія до временъ Петра не имѣла никакихъ государственныхъ учрежденій для помѣщенія такихъ лицъ. Потому еще до Петра отставные стрѣльцы, «за ихъ увѣчье, старость и службы», отправлялись на содержаніе въ монастыри. Здѣсь имъ давали

денежное жалованье,—къ XVII в. (въ 1680 г.) по 1 р. 30 алт. на человѣка,— и хлѣбное—по четверику толокна, гороха, крупъ и т. д. При Петрѣ же, во всѣхъ государственныхъ нуждахъ, въ которыхъ затруднялись изысканіемъ средствъ для удовлетворенія имъ, онъ обращался, какъ замѣтно, къ церковнымъ учрежденіямъ. И относительно пристроенія отставныхъ военныхъ чиновъ онъ воспользовался монастырями и ихъ богатствами. Государство обратило особенное вниманіе на церковныя средства собственно для пользы отставныхъ военныхъ чиновъ около 1715 г. Оно распорядилось первоначально употреблять для этой цѣли такъ называемыя вѣнечныя деньги. На счетъ нхъ лечились гвардейскіе, армейскіе и гарнизонные драгуны, солдаты и рекруты, равно и содержались во время болѣзни. Но этихъ денегъ оказалось недостаточно для содержанія всѣхъ нуждающихся въ призрѣніи военныхъ чиновъ. Притомъ не было помѣщеній для нихъ. Потому и велѣно было отправлять отставныхъ въ монастыри на ихъ содержаніе. Размѣщеніе по монастырямъ находилось во власти Приказа. Приказъ не обнаружилъ въ этой дѣятельности какихъ-либо правилъ. Отсюда происходило, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ скоплялось значительное число отставныхъ воинскихъ чиновъ, а монастыри не находили средствъ содержать ихъ. Между тѣмъ къ 20-мъ годамъ столѣтія число нуждающихся въ призрѣніи и требующихъ его отъ государства было довольно велико. Сенату вмѣнено было въ обязанность распорядиться судьбою ихъ. Сенатъ и прежде 19-го года отправлялъ ихъ чрезъ Приказъ въ монастыри. Въ этомъ же году постановлено было закономъ: отставныхъ отсылать въ монастыри на прокормленіе и жалованье имъ давать изъ монастырскихъ доходовъ. Законъ этотъ нѣсколько разъ издавался въ формѣ сенатскихъ опредѣленій и именныхъ указовъ. Сенатскимъ опредѣленіемъ 1719 г. положено было выдавать отъ монастырей жалованья отставнымъ военнымъ чинамъ столько, сколько получали жалованья гарнизонные чины тѣхъ губерній, въ которыхъ помѣщались монастыри, содержавшіе отставныхъ. Именнымъ указомъ 1721 года предписывалось относительно отставныхъ престарѣлыхъ, увѣчныхъ и раненыхъ воиновъ, чтобы монастыри давали имъ денежное и хлѣбное жалованье,—рядовымъ противъ чернецовъ, офицерамъ и унтеръ-офицерамъ по полторы порціи, оберъ и штабъ-офицерамъ противъ воинскаго регламента. Для вѣрнѣйшаго помѣщенія и обезпеченія ихъ запрещено было вновь постригать монаховъ; недостающее до штатнаго числа ихъ количество монастырскихъ обитателей велѣно было пополнять отставными чинами, на которыхъ и должно было идти опредѣленное на монаховъ жалованье; если же въ которыхъ монастыряхъ нельзя было удовольствовать присланныхъ чиновъ и такимъ образомъ, то приказано было у наличныхъ монаховъ изъ опредѣленныхъ имъ денегъ и хлѣбныхъ дачъ убавить по нѣкоторой части «усмотрительно», уравнивая при этомъ, чтобы и монахамъ, и тѣмъ отставнымъ денежное и хлѣбное жалованье въ дачѣ было равно. Эти узаконенія установлены Св. Сѵнодомъ вмѣстѣ въ Сенатомъ. Но чтобы они получили въ практикѣ всю свою силу, Государь повелѣлъ представить себѣ вѣдомости о наличномъ количествѣ монаховъ во всѣхъ монастыряхъ. Въ монастыри отправлялись отставные—и женатые, и холостые. Холостые обязаны были непремѣнно жить въ монастыряхъ, а женатые при монастыряхъ. Если же кто хотѣлъ жить вдали отъ монастырей и въ своихъ домахъ, тѣмъ не выдавалось монастырскаго жалованья. Способные къ труду обязывались заниматься дѣлами по порученію монастырскихъ властей. Желающіе могли и постригаться.

Петровскій Монастырскій Приказъ былъ, между прочимъ, и судебнымъ учрежденіемъ для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ для всѣхъ лицъ своего вѣдомства. Кругъ его судебнаго вѣдомства указываетъ, что между имъ и Приказомъ

Монастырскимъ XVII в. есть тѣсная связь и что петровскій Приказъ есть продолженіе приказа по Уложенію. Судебному вѣдѣнію Приказа XVIII в. прежде всего передана была та часть, которая съ давнихъ поръ вѣдалась въ Приказѣ Большого Дворца, изъ котораго выдѣлился Монастырскій Приказъ Алексѣя Михайловича и который, по уничтоженіи Монастырскаго въ 1677 году, опять вступилъ въ прежній кругъ судебной дѣятельности. Въ указѣ о возстановленіи Монастырскаго Приказа почти буквально словами Уложенія опредѣляется судебный кругъ, въ которомъ должна вращаться дѣятельность возстановленнаго учрежденія. Но съ теченіемъ времени судебныя права его въ новомъ періодѣ существованія получили весьма широкіе размѣры, хотя судебная дѣятельность его и не имѣла такихъ шумныхъ послѣдствій, какими сопровождалась такая дѣятельность его въ первомъ періодѣ. Она была совершенно заслонена другими сторонами Приказа, въ которыхъ замѣтнѣе несравненно выражалось значеніе его для своего времени. Самое значеніе судебныхъ правъ, данныхъ Петромъ Приказу, въ исторіи его выражается только въ томъ, что стремленія государства русскаго въ XVII в. чрезъ учрежденіе Монастырскаго Приказа, какъ судебнаго учрежденія, подчинить своей власти не только судебно-гражданскія, но и другія преимущественныя права церкви, подтверждаются теперь самымъ очевиднымъ образомъ. Подчиненіе государству судебно-гражданскихъ правъ церковныхъ учрежденій во времена Уложенія было только ступенью къ дальнѣйшему ограниченію другихъ гражданскихъ правъ ихъ. Дѣятельность петровскаго Приказа, завладѣвшаго всѣми имѣніями ихъ, какъ нельзя болѣе доказываетъ это. Вотъ почему судебная власть его, въ періодъ съ 1700 до 1720 г., не подвергалась ни малѣйшему нареканію, хотя она сильнѣе высказывалась сравнительно съ временемъ прежнимъ. Самъ Приказъ даже очень мало обращалъ вниманія на эту сторону своей дѣятельности. Главное же вниманіе его сосредоточено было около вопроса о правахъ вотчинныхъ, принадлежавшихъ церковнымъ учрежденіямъ: онъ распоряжался богатствами ихъ на правахъ полнаго собственника, представляя въ себѣ права государства. Есть, впрочемъ, нѣкоторыя особенности въ судебныхъ правахъ петровскаго Приказа сравнительно съ временемъ Уложенія какъ относительно гражданскихъ дѣлъ, такъ и уголовныхъ; Монастырскому Приказу и въ гражданскихъ и въ уголовныхъ дѣлахъ были подсудны: всѣ вообще лица его вѣдомства; въ частности: духовныя, безъ всякаго исключенія,—всѣ служилые люди въ приказахъ, подчиненныхъ ему, при архіерейскихъ каѳедрахъ и монастыряхъ (стряпчіе, дьяки и пр.), всѣ крестьяне его вѣдомства, учителя и ученики славяно-греко-латинскихъ школъ, нищіе, богадѣленные и содержащіеся на счетъ Приказа. При возстановленіи Приказа, ему указана судебно-гражданская дѣятельность въ искахъ всѣхъ постороннихъ для Приказа людей на духовенствѣ и людяхъ, подвѣдомственныхъ Приказу. Духовенству же и всѣмъ подвѣдомственнымъ Приказу указано искать въ мѣстахъ, которымъ подсудны отвѣтчики. Такое распредѣленіе подсудности совершенно сходно съ законами Уложенія о томъ же предметѣ. Въ Уложеніи было исключеніе для патріаршей области. Теперь же, если и возникаетъ нѣкоторая вѣроятность такого исключенія для этой области по смыслу закона, то отношеніе Монастырскаго Приказа къ патріаршимъ Казенному и Дворцовому, ему подчиненнымъ, удаляетъ всякое сомнѣніе о независимой отъ него подсудности патріаршей области, которою завѣдывали эти приказы. Во всякомъ случаѣ въ 1706 г. яснымъ образомъ опредѣленъ кругъ судебнаго вѣдомства Приказа во всѣхъ церковныхъ вотчинахъ. Всѣ подвѣдомственныя ему лица стали съ этого времени подсудны ему не только въ искахъ на нихъ, но и въ отвѣтахъ на иски противъ нихъ.

Приказъ былъ высшею и послѣднею инстанціею въ гражданскихъ дѣлахъ, въ предѣлахъ своего вѣдомства; среднюю составляли стольники и вѣдомцы, завѣдывавшіе цѣлыми областями и уѣздами въ провинціяхъ, низшую—вотчинные вѣдомцы и приказчики. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что непосредственная гражданско-судебная дѣятельность собственно Приказа была весьма не широка. Очень мало обращались къ нему за рѣшеніемъ гражданскихъ дѣлъ. Было подано ему нѣсколько (весьма небольшое количество) жалобъ на духовныхъ лицъ о неправильномъ владѣніи ими чужою землею, или со стороны духовныхъ лицъ о томъ же предметѣ. Есть въ архивѣ Приказа чуть-ли не единственное дѣло о подтвержденіи договорной записи о продажѣ,—такъ какъ контракты (напр., по найму) крестьянъ монастырскихъ скрѣплялись имъ. Самъ онъ производилъ отдачу вотчинъ на аренду и въ оброки, продажу ихъ и т. п. Но другихъ гражданскихъ дѣлъ мы не видѣли. О гражданскомъ судопроизводствѣ, бывшемъ въ Приказѣ, ничего не можемъ сказать, потому что дѣятельность Приказа не доставила матеріаловъ для сужденій объ этомъ предметѣ. Вообще, судебно-гражданская дѣятельность Приказа вовсе незамѣтна въ пылу его обширной дѣятельности по другимъ отношеніямъ. Скажемъ болѣе,—гражданская жизнь, въ вѣдомствѣ Приказа была убита имъ.

Несравненно замѣтнѣе противъ нея уголовно-судебная дѣятельность Приказа. Она была и богата и имѣла свои особенности. Здѣсь болѣе всего обращаетъ на себя наше вниманіе судопроизводство по отношенію къ духовнымъ лицамъ. Въ случаѣ открытаго или тайнаго доноса на духовное лицо, или отправлялись нарочные чиновники Приказа для производства слѣдствія, или призывались сами обвиняемые въ Приказъ для допроса. Обвиняемаго сажали въ тюрьму при Приказѣ на цѣпь или въ ножные желѣза. Какъ при слѣдствіи, такъ и при допросѣ отбирались показанія отъ обвиняемаго и записывались. Допрашиваемый подписывалъ показанія по окончаніи допроса. При отобраніи показаній допускались пытки, удары кнутомъ; число ударовъ иногда опредѣлялось судьею и весьма часто записывалось въ документы при дѣлахъ. По окончаніи допроса, если духовное лицо не подвергается за преступленіе лишенію сана, налагалось наказаніе по Уложенію и новоуказаннымъ статьямъ. Если же преступникъ долженъ былъ быть подвергнутъ лишенію сана, то онъ изъ Приказа вмѣстѣ съ указомъ отправляемъ былъ подъ арестомъ въ патріаршій Духовный Приказъ (въ провинціяхъ къ епархіальнымъ архіереямъ) для «обнаженія священства» или монашества. На церковномъ судѣ дѣлался иногда допросъ преступнику; послѣ допроса, а весьма часто и безъ допроса, «обнажали» его священства или монашества. «Обнаженный монахъ или попъ» возвращаемъ былъ при указѣ объ обнаженіи въ Монастырскій Приказъ «къ розыску». Въ Приказѣ состоящіе подъ судомъ находились подъ карауломъ въ ножныхъ желѣзахъ и назывались колодниками. Розыскъ состоялъ въ томъ же, въ чемъ и допросъ, но въ судопроизводствѣ отличался по времени. Удары при розыскѣ повторялись «допрошенному и обнаженному». Послѣ розыска налагалось наказаніе по Уложенію и новоуказнымъ статьямъ. Въ Монастырскій Приказъ нерѣдко присылали духовныхъ лицъ и изъ Преображенскаго Приказа для допроса и обнаженія, послѣ чего обвиняемые снова отправлялись въ Преображенскій, гдѣ и наказывались. Относительно рода преступленій всего чаще встрѣчались дѣла о побѣгѣ крестьянъ, о растратѣ денежной казны и монастырскаго имущества, о воровствѣ и убійствѣ, и по обвиненіямъ, подлежавшимъ суду Преображенскаго Приказа. Для слѣдствій, по преступленіямъ въ вѣдомствѣ Приказа, посылались особые чиновники изъ Приказа.

Монастырскій Приказъ имѣлъ въ своей власти и дисциплинарный судъ. Въ этомъ отношеніи ему подчинены были: бродячіе нищіе въ Москвѣ, монахи, безъ разрѣшенія монастырскихъ властей переходящіе отъ одного мѣста къ другому, или монастырскія власти, недавшія полной отчетности въ употребленіи монастырскихъ денегъ, дающіе милостыню бродячимъ въ Москвѣ нищимъ, священники—за невыполненіе предписаній и указовъ Приказа и ландраты во взяткахъ съ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Относительно ландратовъ въ означенномъ случаѣ Приказъ производилъ слѣдствія и постановлялъ рѣшенія. Относительно священниковъ, неисполнявшихъ предписаній Приказа, указы грозили такими наказаніями, которые далеко превышали мѣру дисциплинарныхъ взысканій: имъ грозили лишеніемъ сана, ссылкою и т. п.

Монастырскій Приказъ имѣлъ отношеніе и къ дѣламъ чисто церковнымъ. Онъ извѣщалъ церковныя власти о царскихъ распоряженіяхъ относительно дней поминованію членовъ царскаго дома; чрезъ него отъ царя повелѣвалось явиться архіереямъ въ Москву на чреду служенія; онъ передавалъ церковнымъ властямъ царскія разрѣшенія—о крещеніи иновѣрцевъ, желающихъ принять христіанскую вѣру, о принятіи въ монастыри и о постриженіи. Приказъ извѣщался о смерти епархіальныхъ архіереевъ вмѣстѣ съ патріаршимъ Духовнымъ Приказомъ, и по этимъ случаямъ назначалъ издержки на погребеніе умершихъ и лицъ для описи имѣній послѣ нихъ, и получалъ эти описи къ своему вѣдѣнію. Вообще Монастырскій Приказъ былъ посредникомъ между царемъ и церковными учрежденіями. Съ учрежденія Св. Сѵнода обязанности его по такому посредничеству не могли за нимъ сохраниться.

Несравненно долѣе сохранилась за Монастырскимъ Приказомъ, чѣмъ всѣ доселѣ исчисленныя нами его права, самая обширная его дѣятельность — финансовая, въ виду которой онъ главнымъ образомъ и возстановленъ былъ при Петрѣ и которая предоставлена была ему при самомъ его возстановленіи. Финансовая дѣятельность его была въ высшей степени многосторонняя, сложная и, можно сказать, запутанная: въ немъ совершались почти безчисленныя финансовыя отправленія; въ немъ производилось столько разнообразныхъ сборовъ и налоговъ, сколько не было ни въ одномъ изъ современныхъ ему учрежденій. Это зависѣло отъ многихъ причинъ: отъ разнообразія лицъ, ему подвѣдомственныхъ, государственныхъ требованій и состоянія подчиненныхъ ему учрежденій. Но, при недостаточности научной разработки исторіи финансовъ въ Россіи, по причинѣ сложности дѣятельности Приказа, многообразія и измѣнчивости отношеній его къ разнымъ государственнымъ учрежденіямъ, разнохарактерности финансовыхъ его отправленій, неразвитости способовъ налоговъ, взиманія податей и отправленія повинностей въ XVII и XVIII вѣкахъ и, наконецъ, по причинѣ отрывочности и неполноты, при всемъ множествѣ матеріаловъ для этого предмета, находящихся у насъ подъ руками,—по всѣмъ этимъ причинамъ весьма трудно представить дѣятельность Приказа по финансовой части въ желаемой полнотѣ и отчетливости.

Въ вѣдомствѣ Монастырскаго приказа отправлялись общегосударственныя подати и повинности, одинаковыя съ другими податными вѣдомствами, и особенныя, производившіяся только въ немъ одномъ.

Выше было сказано, что онъ былъ закрытъ въ 1720 году; когда коллегіи, новыя государственныя учрежденія, открыли свои дѣйствія, Приказъ Монастырскій, какъ учрежденіе, принадлежавшее къ системѣ старыхъ, не могъ устоять предъ новыми учрежденіями. Но историческія обстоятельства снова возстановили его, хотя и не на долгое время.

Къ 1720-му году созрѣлъ планъ учрежденія и устройства «Духовной коллегіи», Св. Правительствующаго Сѵнода для всей русской церкви. Въ началѣ 1720 г. окончательно составленъ «Духовный Регламентъ» преосвященнымъ Ѳеоѳаномъ Прокоповичемъ; 11-го февраля того же года онъ слушанъ, исправленъ лично Его Величествомъ, 23 числа того же мѣсяца читанъ въ Сенатѣ и «подписанъ собственною Его Величества рукою и прилучившихся тогда Санктпитербурхѣ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ руками». Члены, назначенные въ личный составъ Св. Сѵнода, вызваны въ Петербургъ въ декабрѣ того же года и занимались приготовленіемъ къ открытію Св. Сѵнода. Окончательное открытіе его совершилось 14 февраля 1721 года. Послѣ молебна въ Троицкомъ Соборѣ въ этотъ день Его Царское Величество присутствовалъ въ Сѵнодѣ. Ему поднесенъ былъ сѵнодскій докладъ о разныхъ предметахъ. Между прочими докладными пунктами, Св. Сѵнодъ испрашиваетъ разрѣшеніе: «патріарши, архіерейскія и монастырскія вотчины сборами и правленіемъ, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ, въ одной Духовной коллегіи вѣдать ли?—того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту; а Духовная коллегія присягою обязалася какъ въ вѣрности, такъ и въ исканіи интереса царскаго величества противъ прочихъ коллегій не меньше. А въ Регламентѣ Духовномъ положено, что такое правленіе надлежитъ до Духовной коллегіи». «И на оный пунктъ Его Величество всемилостивѣйшимъ подписаніемъ собственныя своея высокія руки резолюцію изволилъ тако: быть по сему». Такимъ образомъ, «по именному царскаго Величества указу» въ самый день открытія Св. Сѵнода «повелѣно: патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ, сборами и правленіемъ вѣдать въ одномъ Духовномъ Сѵнодѣ». Св. Сѵнодъ сообщилъ о монаршей волѣ вѣдѣніемъ въ Сенатъ. Сенатскій указъ объявилъ во исполненія ея: «патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины сборами и правленіемъ вѣдать въ Сѵнодѣ, и съ тѣхъ вотчинъ какъ доимочные съ тѣхъ годовъ, какъ Его Царское Величества указы повелѣваютъ, такъ и повсягодно табельные и сверхъ того по распоряженіямъ изъ Сената и изъ камеръ-коллегіи всякіе положенные сборы, чрезъ посланныхъ изъ Духовнаго Сѵнода собирая, отсылать въ камеръ и штатсъ-конторъ-коллегіи». Но Св. Сѵнодъ какъ высшее церковно-правительственное учрежденіе, нашелъ неудобнымъ вѣдать вотчинами безъ особаго, подчиненнаго ему, учрежденія. Онъ предпринялъ мѣры къ установленію его, съ разрѣшенія Государя. Государь, вскорѣ по открытіи Св. Сѵнода, отправился въ Ригу. Св. Сѵнодъ отправилъ нарочно туда своего переводчика Розенблюта съ докладными пунктами Его Величеству и поручилъ ему представить ихъ Государю чрезъ кабинетъ-секретаря Макарова. Въ докладныхъ пунктахъ Сѵнодъ, между прочимъ, проситъ Государя, чтобы повелѣно было опредѣлить въ Монастырскій Приказъ для «вотчиннаго управленія» Василья Ершова или полковника Плещеева. Судьею Монастырскаго Приказа опредѣленъ Ершовъ. Такъ возстановленъ былъ Св. Сѵнодомъ, съ разрѣшенія Государя, въ 1721-мъ году Монастырскій Приказъ, съ судьею во главѣ.

Но возстановленный во второй разъ Монастырскій приказъ явился во многихъ отношеніяхъ весьма отличнымъ отъ Приказа 1701 года. Это было уже не высшее государственное, самостоятельное и ни отъ кого, кромѣ Государя, независимое учрежденіе, но учрежденіе церковно-государственное, второстепенное, состоящее въ совершенномъ подчиненіи Св. Сѵноду, которому онъ обязанъ своимъ возстановленіемъ, въ зависимости отъ высшихъ государственныхъ учрежденій—сената, камеръ-коллегіи и штатсъ-конторъ-коллегіи и въ многообразныхъ отношеніяхъ къ епархіальнымъ и общегосударственнымъ областнымъ учрежденіямъ и особымъ

церковнымъ вѣдомствамъ. Онъ предназначенъ былъ центральнымъ, общимъ для всей Россіи, высшимъ для своего вѣдомства учрежденіемъ, подъ зависимостію Св. Сѵнода; но ему пришлось съ усиліями и съ трудомъ установить свои отношенія къ членамъ Сѵнода въ отдѣльности, къ бывшимъ патріаршимъ, теперь синодальнымъ Дворцовому и Казенному приказамъ, къ епархіальнымъ архіереямъ и монастырскимъ властямъ. Находясь подъ двойною зависимостью высшихъ церковнаго и нѣсколькихъ государственныхъ учрежденій, онъ испыталъ на своей судьбѣ выгоды пререканій между этими учрежденіями. Все его вѣдомство подвергалось этому испытанію и въ провинціяхъ. Поэтому судьба Монастырскаго Приказа 1721 г. весьма богата разными событіями, отношеніями, столкновеніями и перемѣнами, хотя онъ дѣйствовалъ не долго, менѣе 4-хъ лѣтъ. Но и такое непродолжительное существованіе его не безслѣдно въ исторіи. Его возстановленіе и дѣятельность тѣсно связаны съ образованіемъ круга дѣятельности и правъ Св. Сѵнода въ дѣлахъ вотчинныхъ. Его непродолжительное существованіе установило управленіе церковными вотчинами почти на полстолѣтіе и удерживало ихъ въ это время по большей части въ вѣдѣніи Сѵнода. На постепенныхъ перемѣнахъ Приказа ясно можно видѣть, какъ приказы преобразовались въ коллегіи, какъ прежняя приказная система государственныхъ учрежденій смѣнялась новою, коллегіальною. Повидимому, приказъ еще разъ вызванъ былъ къ жизни и дѣятельности, какъ-будто для того, чтобы измѣниться въ своемъ устройствѣ, въ своихъ отношеніяхъ, въ своей дѣятельности по отношенію къ своему вѣдомству, и потомъ, переименовавшись въ другое учрежденіе, исчезнуть на всегда изъ исторіи.

LXV. Происхожденіе русскаго раскола и реформы Петра В.

(Изъ публичныхъ лекцій профессора Суворова: „О происхожденіи и развитіи русскаго раскола“).

Рѣшительно неправиленъ тотъ взглядъ, будто церковный расколъ въ Россіи есть дѣло Петра Великаго, и что не кто-либо другой раньше его—не Никонъ, не соборъ 1667 г., а именно Петръ своими реформами произвелъ церковный расколъ въ Россіи. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться невозможно, даже если бы оно высказывалось самими раскольниками. Реформы Петра Великаго, дѣйствительно, глубоко затрогивали весь строй русской жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго, если, при упорной приверженности русскихъ къ старинѣ явилось много недовольныхъ царемъ-реформаторомъ: могли быть даже бунты въ разныхъ мѣстахъ широкаго русскаго государства, какъ и вообще возможны бунты при крутомъ, неподготовленномъ введеніи реформъ. Тѣмъ не менѣе религіознаго знамени, подъ которое могли бы стать всѣ недовольные элементы, не существовало бы, если бы раньше не возникъ расколъ, какъ секта религіозная. А въ этомъ именно религіозномъ знамени все дѣло и заключается. Отстаиваніе этого знамени передается отъ одного поколѣнія къ другому, какъ нѣчто священное, какъ священный

религіозный долгъ, который, можетъ быть, дурно понятъ, но всегда глубоко прочувствованъ. Реформы Петра находили себѣ противодѣйствіе, сопротивленіе не въ расколѣ только, а и въ представителяхъ оффиціальнаго православія, которые во всѣхъ пунктахъ, не подвергнутыхъ соборному осужденію 1667 г., оставались столь же упорными приверженцами старины, какъ раскольники въ пунктахъ, осужденныхъ этимъ соборомъ. Недаромъ потребовался цѣлый рядъ архіереевъ-малороссовъ для того, чтобы сдѣлалось возможнымъ проведеніе петровскихъ реформъ. Расколъ былъ и остался чисто великорусскимъ явленіемъ; но и упорная приверженность къ старинѣ вообще отличала великоруссовъ только, а не малороссовъ, которые уже давнымъ-давно испытали на себѣ дѣйствіе началъ западной цивилизаціи. Можно сказать, что иногда упорство именно оффиціально-православныхъ вызывало со стороны Петра такія мѣры, которыя всего болѣзненнѣе отражались на расколѣ и увеличивали число его послѣдователей. Стоглавый соборъ нѣкогда осудилъ брадобритіе, какъ ересь, подъ страхомъ церковнаго проклятія. Этотъ пунктъ былъ не затронутъ соборомъ 1667 г., и вотъ мы видимъ, что къ брадобритію относятся одинаково и протопопъ Аввакумъ, и современникъ Петра — послѣдній московскій патріархъ Адріанъ. Аввакумъ отказался благословить подошедшаго къ нему сына боярина Шереметева на томъ основаніи, что Шереметевъ явился къ нему въ „блудоносномъ образѣ", т. е. выбритымъ. Но и патріархъ Адріанъ заклиналъ православныхъ, подъ страхомъ церковнаго отлученія, убѣгать брадобритія, этого „еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ и уничтожающаго въ человѣкѣ образъ Божій". Борода была символомъ не раскола, а вообще русской старины. Вернувшись изъ-за границы по случаю стрѣлецкаго бунта, Петръ принялся рѣзать бороды, какъ ненавистный ему символъ коснѣнія въ старинѣ и сопротивленія всякой реформѣ, и своею крутостію немало усилилъ вражду и ожесточеніе любителей старины. Исполнители указовъ Петра о бритьѣ бородъ и о замѣнѣ русскаго платья европейскимъ съ своей стороны дѣлали все, чтобы негодованіе любителей старины довести до высшей степени раздраженія. Напримѣръ, при разслѣдованіи дѣла объ астраханскомъ (1705 г.) бунтѣ оказалось, что воевода не далъ срока для замѣны русскаго платья европейскимъ, по своей корысти посылалъ своихъ подчиненныхъ въ праздничные и воскресные дни къ церквамъ и по большимъ улицамъ, „и у мужеска и у женска пола русское платье обрѣзывали не по подобію, обнажая предъ народомъ, и усы и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ". Подобными мѣрами поддерживалось раздраженіе не раскола только, а народа вообще противъ насильственно навязываемыхъ реформъ, и не всякій противникъ реформъ непремѣнно былъ раскольникъ. Но само собою разумѣется, что расколъ, со времени Петра, сталъ насчитывать гораздо больше „антихристовыхъ новшествъ" въ никоніанствѣ, какъ онъ называлъ православіе, чѣмъ онъ это прежде дѣлалъ. Въ библіи значится, что антихристъ измѣнитъ времена: Петръ I перенесъ празднованіе новаго года съ 1-го сентября на 1-е января, въ честь языческаго бога Януса; онъ же прекратилъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и заимствовалъ изъ латинской ереси лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова. Въ священныхъ книгахъ написано, что антихристъ будетъ требовать денегъ и податей съ мертвыхъ: это сдѣлалъ и Петръ

своей ревизіей; антихристъ-же только могъ установить подушную подать—подать не съ земли, а съ души, безсмертнаго дыханія Божія. Апокалипсическій звѣрь долженъ имѣть рога: эти рога суть два титула—царь и императоръ, принятые на себя Петромъ. Въ титулѣ „императоръ“ раскольники даже нашли то мистическое число 666, которое принадлежитъ апокалипсическому звѣрю, читая этотъ титулъ безъ буквы м: „іператоръ“. Съ благочестивымъ ужасомъ любители старины отворачивались отъ тѣхъ, кто „носомъ табакъ пьетъ“; за употребленіе этого зелья при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ рѣзали носы, а при Петрѣ, конечно, не было за это никакихъ преслѣдованій. О табакѣ говорили: „корень горести, выспрь прозябаяй, иже пакость творитъ и тѣло оскверняетъ“. Съ неменьшимъ ужасомъ любители старины позднѣе смотрѣли и на другія невиданныя доселѣ растенія, именно потому, что они казались новшествомъ, — на чай, кофе, картофель. О чаѣ говорили: „кто чай пьетъ, тотъ долженъ отчаяться въ спасеніи“; противъ кофе писалось, что „кто пьетъ кофе, въ сердцѣ того будетъ ковъ“; „трава, зовомая картовь“, называлась у раскольниковъ „похотью антихристовой“, такъ какъ она отъ Рима будто-бы начало имѣетъ. Въ раскольничьей литературѣ доказывается даже, что плодъ, которымъ змѣй соблазнилъ Еву и погубилъ Адама, былъ картофель. Нерасположеніе переносилось даже на каменную мостовую, потому что она выдумана уже въ антихристово время. Тѣмъ болѣе, разумѣется, паспортъ долженъ былъ казаться печатью антихриста: паспортъ стѣснялъ странствованіе и удаленіе въ пустыню для спасанія души. Суровыя мѣры противъ нищенства и противъ бродяжничества точно также не отвѣчали старинному русскому нравственному идеалу, который если и включалъ въ себя любовь къ ближнему, то, главнымъ образомъ, въ формѣ довольно-безпорядочной раздачи такъ называемой «мелочи» нищимъ и страннымъ. И вотъ не съ ироніей только, а и съ ожесточеніемъ русскій человѣкъ, не понимая ничего изъ всего того, что дѣлалось передъ его глазами, такимъ образомъ представлялъ себѣ правительственную политику: „табакъ кури, водку пей, бороду брей, нищихъ бей—и попадешь въ царствіе нѣмецкое“.

Но какъ бы ни увеличилось число антихристовыхъ, по раскольническому взгляду, новшествъ въ православномъ строѣ русской жизни, какъ бы ни увеличилась даже масса послѣдователей раскола, не слѣдуетъ забывать, что недовольные позднѣйшими реформами становились подъ то же знамя, которое уже держали въ своихъ рукахъ раскольники. Знамя это уже высоко развѣвалось въ воздухѣ и манило къ себѣ всѣхъ любителей старины, не осиливавшихъ своей головой смысла совершаемыхъ преобразованій.

Недовольные дѣйствіями царя-реформатора уже видѣли это притягательное знамя, понимали, что на знамени этомъ написано какъ-разъ противоположное тому, что затѣвалось правительствомъ, написаны пріятныя слова: «русская старина», да еще и не простая, а церковная, и шли толпами подъ это высоко-развѣвавшееся знамя. Всѣ реформы Петра Великаго, не касавшіяся церковной обрядности, никогда не произвели бы раскола, какъ бы ни были онѣ радикальны. Могли быть недовольные, могли быть даже бунтовщики; но въ концѣ концовъ масса народа свыклась бы съ новымъ порядкомъ жизни. Вѣдь и раскольники

сами большею частію свыкаются же съ разными „богомерзкими травами“, служившими для нихъ въ началѣ предметамъ благочестиваго ужаса и отвращенія, свыкаются и съ европейскимъ костюмомъ. Или—самое большое—остаться, уцѣлѣть въ массѣ народной могли бы разныя старинныя воззрѣнія и обычаи, какъ и теперь въ массѣ православнаго населенія можно найти не мало обычаевъ, вполнѣ гармонирующихъ съ раскольничьимъ міровоззрѣніемъ. Поэтому не иначе, какъ съ большою осторожностію, нужно относиться къ разнымъ взглядамъ на расколъ, которые можно найти въ литературѣ. Говорятъ, напр., что расколъ, въ своемъ происхожденіи, явился какъ протестъ земства противъ поглощенія его правъ центральною властію и что затѣмъ этотъ протестъ принималъ въ данную эпоху тотъ характеръ, который обусловливается слабыми сторонами въ государственномъ управленіи: въ эпоху религіозныхъ гоненій онъ имѣлъ религіозный оттѣнокъ; при Петрѣ I, при политическихъ гоненіяхъ, имѣлъ оттѣнокъ политическій; при Екатеринѣ II, по прекращеніи гоненій, но при ненормальномъ соціальномъ положеніи народа, принялъ оттѣнокъ соціально-экономическій. Можно, пожалуй, и еще какъ-нибудь иначе взглянуть на расколъ; но понять его сущность можно, только отрѣшившись отъ всѣхъ историческихъ усложненій, которыя, по обстоятельствамъ времени, привходили и видоизмѣняли характеръ этого явленія. Но позднѣе привходящія историческія усложненія, которыя даютъ пищу занявшемуся огню, составляютъ объясненіе, служатъ причиной для этого огня. Сильный вѣтеръ раздуваетъ пожаръ, но причина пожара не въ вѣтрѣ. Не царь-реформаторъ и не тѣ, кто послѣ него устанавливали разные стѣснительные для народной жизни порядки, были виновниками раскола, а патріархъ-новаторъ и тѣ, кто, не поддержавъ его лично, вполнѣ поддержали его эллинофильскія симпатіи.

LXVI. Состояніе раскола при Петрѣ Великомъ и значеніе его въ исторіи раскола.

(Изъ соч.: „Братья Андрей и Семенъ Денисовы“, Николая Барсова).

Новое направленіе государственной жизни со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго не могло остаться безъ вліянія и на ходъ церковныхъ дѣлъ: вступленіе Петра Великаго въ самостоятельное управленіе государствомъ составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи раскола.

Отъ вопроса церковнаго, которымъ такъ много занимались въ предъидущія царствованія и правительство, и общество, и весь міръ русскій, Петръ устремился на путь внутреннихъ государственныхъ и гражданскихъ преобразованій и воинственныхъ предпріятій внѣшнихъ; сюда же, къ этимъ преобразованіямъ и предпріятіямъ Петра, отвле-

чено было вниманіе всего общества русскаго, которое волей-неволей должно было показывать къ нимъ сочувствіе, подчиняться имъ, принимать въ нихъ дѣятельное участіе своими трудами и достояніемъ. На долю раскола осталась, такимъ образомъ, далеко уже не та степень правительственнаго вниманія и общественнаго участія, какая удѣлялась ему дотолѣ: о немъ не забыли, но не имѣли возможности, досуга заниматься имъ, заботиться нарочито объ его искорененіи. Были еще другія обстоятельства, которыя имѣли вліяніе на характеръ отношеній Петра къ расколу въ первой половинѣ его царствованія. Въ самомъ началѣ своего царствованія Петръ объѣхалъ Европу и посѣтилъ большую часть европейскихъ государствъ. Воспитанный иновѣрцемъ и, вслѣдствіе этого, естественно расположенный къ вѣротерпимости, Петръ за-границей наслушался, сверхъ того, протестанскихъ понятій о свободѣ совѣсти. Въ Германіи, затѣмъ, онъ видѣлъ иной родъ отношеній государей къ представителямъ религіи, нежели какой существовалъ до того времени въ землѣ русской: этотъ новый родъ отношеній власти гражданской къ представителямъ церкви пришелся ему, какъ нельзя болѣе, по душѣ; для его деспотической натуры невыносимо было то дѣтски-покорное отношеніе, въ какомъ находились его предшественники къ патріарху, котораго всегда называли не иначе, какъ святѣйшій патріархъ, отецъ нашъ. Такимъ образомъ, возвратясь домой, Петръ вывезъ изъ-за-границы, между прочимъ, и новыя понятія объ отношеніи церкви къ государству,—понятія, вслѣдствіе которыхъ церковныя дѣла утрачивали тотъ характеръ государственнаго значенія, какой имѣли до-толѣ въ Россіи до-петровской, и нравственное вліяніе духовной власти на правительство гражданское ослабѣло. Петръ не былъ человѣкомъ невѣрующимъ, какъ хотятъ думать у насъ нѣкоторые; напротивъ, мы видимъ, что, готовясь къ своимъ труднымъ предпріятіямъ, онъ искренно молитъ Бога о помощи и всегда столь-же искренно благодаритъ его за свои побѣды,—въ этомъ отношеніи это была русская душа. Но, весь преданный своимъ преобразовательнымъ стремленіямъ, Петръ Великій и въ пастыряхъ церкви, которые, какъ онъ зналъ, имѣли такое сильное вліяніе на народъ, хотѣлъ видѣть больше исполнителей своей державной воли, проповѣдниковъ правды воли монаршей, нежели независимыхъ служителей дѣла Божія, пастырей духовныхъ. Поэтому Петръ, говоря вообще, не любилъ духовенства, въ которомъ видѣлъ ревностнаго поборника старинныхъ, исконныхъ началъ русской жизни и со стороны котораго всегда опасался противодѣйствія своимъ преобразовательнымъ стремленіямъ. Свое нерасположеніе къ духовенству Петръ, сознательно или безсознательно, выражалъ и въ невниманіи къ тому дѣлу, которое составляло главную заботу церкви—къ искорененію раскола,—по крайней мѣрѣ, до того времени, пока не сталъ подозрѣвать, что въ расколѣ есть нѣчто, кромѣ разностей богослужебныхъ,—есть элементы, враждебные и государству.

Все это было причиною того, что до самаго того времени, какъ возникло дѣло о несчастномъ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, въ дѣятельности Петра не замѣчается стремленія преслѣдовать расколъ гражданскими мѣрами: повидимому, Петръ предоставилъ въ это время расколъ духовному попеченію пастырей церкви.

Знаменитыя двѣнадцать статей царевны Софіи противъ раскольниковъ, отличавшіяся такою необычайною строгостію къ послѣдователямъ „древняго благочестія" *), оставались дѣйствующими законами до того времени, когда Петръ положилъ раскольниковъ подъ двойной подушный окладъ; но онѣ перестали имѣть практическое приложеніе едва ли не съ той самой поры, какъ заключена была въ монастырь царевна Софія—лишь только повѣяло въ Россіи новымъ духомъ **). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что все это время пастыри церкви въ своей дѣятельности противъ раскола лишены были того содѣйствія гражданской власти, которое оказывали ей предшественники Петра, ревнуя по Господѣ Бозѣ и оберегаючи матерь свою, святую церковь. Наконецъ, въ 1714 году, узнавъ отъ преосв. Питирима, какъ велико число раскольниковъ въ Россіи, Петръ, руководимый разсчетами государственной экономіи, пришелъ къ мысли обратить расколъ въ статью государственнаго дохода и положилъ всѣхъ раскольниковъ подъ двойной подушный окладъ, открыто объявляя, чтобы раскольники приходили записываться безъ всякаго сомнѣнія и страха, не внимая нѣкоторыхъ пустошному совѣту. Такимъ образомъ, Петръ прямо, de jure, призналъ открытое существованіе раскола.

Слѣдствіе новаго направленія правительства обнаружилось весьма скоро въ жизни раскола. Съ одной стороны, это признаніе за раскольниками права на открытое существованіе было причиною того, что въ теченіе весьма небольшого промежутка времени (приблизительно отъ 1689 до 1714 г.) все, что было раскольническаго въ Россіи, что дотолѣ пряталось и таилось, теперь обозначилось ясно и мало-по-малу стало выдѣляться изъ общаго строя жизни, обособляться среди шумныхъ событій того времени, незамѣтно группируясь на украйнахъ, въ пустыняхъ и лѣсахъ, куда уже давно сбѣгались гонимые ревнители „древняго благочестія". Съ другой стороны, новаторскія стремленія Петра, столь ненавистныя большинству его подданныхъ, деспотизмъ, съ какимъ относился онъ къ самымъ завѣтнымъ вѣрованіямъ народа, весьма много содѣйствовали умноженію числа раскольниковъ: здѣсь беретъ свое начало проповѣдь Талицкаго и Левина, которые хотя сами не принадлежали ни къ одной изъ раскольническихъ общинъ и не отдѣлялись отъ церкви, тѣмъ не менѣе одинъ своими тетрадками, другой своею проповѣдью не одного изъ православныхъ заставили бѣжать въ скиты поморскіе и керженскіе отъ антихриста, „иже есть Петръ первый".

Еще замѣчательнѣе перемѣна во внутренней жизни раскола, совершившаяся отчасти подъ вліяніемъ новыхъ отношеній правительства къ расколу и новаго направленія государственной и общественной жизни въ Россіи, отчасти же совершенно независимо отъ этого обстоятельства. Съ этого собственно времени, какъ намъ кажется, начинается внутренняя самостоятельная жизнь раскола. Во все предшествующее время, около пятидесяти лѣтъ, начиная съ тѣхъ поръ, какъ раздался первый

*) Этими постановленіями предписывалось, между прочимъ, казнить смертію расколоучителей, хотя бы они и покаялись.

**) Нѣкоторые частные случаи фанатическаго преслѣдованія раскольниковъ въ началѣ Петрова царствованія были больше дѣломъ личнаго усердія областныхъ властей, нежели слѣдствіемъ какого-либо возбужденія со стороны высшаго правительства.

голосъ противъ Никоновыхъ преобразованій, расколъ жилъ почти-исключительно внѣшнею жизнію, борьбою, домогательствами соединиться съ церковію на тѣхъ условіяхъ, какія онъ находилъ законными и единственно справедливыми. Считая свое дѣло правымъ, вожди раскола долго не могли примириться съ тою мыслію, чтобы благочестивый и благодушный царь Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ заступиться за древнее благочестіе: онъ обманутъ, обольщенъ духовными властями, говорили расколоучители,—нужно только раскрыть предъ нимъ истину, и истина восторжествуетъ. И вотъ мы видимъ цѣлый рядъ писемъ и челобитныхъ къ царю Алексѣю Михайловичу, а послѣ и къ его преемникамъ,—писемъ, въ которыхъ раскрывается эта раскольническая мысль. Изъ круга своихъ спеціальныхъ знаній бывшіе справщики печатнаго двора набрали значительное число аргументовъ, казавшихся имъ довольно сильными для того, чтобы подѣйствовать на царя, склонить его къ поведенію, сообразному съ ихъ намѣреніями. Общій смыслъ ихъ тотъ, что Царь долженъ Никоновы нововведенія упразднить и древнее благочестіе уставить. Избалованные прежнимъ своимъ значеніемъ при патріархѣ Іосифѣ, общимъ почетомъ, какой оказывали тогда въ Москвѣ этому цвѣту тогдашняго бѣлаго духовенства, и милостивымъ вниманіемъ самого царя, первые расколоучители продолжали считать себя высшими, призванными блюстителями мнимой чистоты церковнаго ученія и законности церковныхъ порядковъ. Такъ какъ они до конца своей жизни бóльшею частію не теряли надежды возобладать церковію, то имъ и на мысль не приходило составить изъ себя и изъ своихъ послѣдователей какое-либо особое отъ церкви общество и установлять какіе-либо свои догматы: своимъ обществомъ они считали церковь, своимъ дѣломъ—дѣло всей церкви, изъ которой имъ нужно было удалить новолюбца Никона и подражавшихъ ему его преемниковъ. Въ 1682 г. расколоучитель Сергій хотя и говорилъ московскимъ раскольникамъ-бунтовщикамъ: «мнѣ мнится, братія, необратно сотворися паденіе архіереевъ нашихъ, понеже застарѣли въ нихъ ереси и злоба велія возрасте»,—но не совѣтовалъ имъ бѣжать изъ Москвы въ пустыню, а вслѣдъ затѣмъ прибавлялъ: «обаче подвигнемся со усердіемъ; писано бо есть: проповѣди ради благочестія да будетъ ти брань». Не о томъ они хлопотали, чтобы имъ лично и ихъ послѣдователямъ дозволено было свободно содержать старое благочестіе: они требовали, чтобъ, отмѣнивъ постановленія московскаго собора 1666—1667 гг., отрекшись отъ всего, что сдѣлано было въ церкви Никономъ, царь для всего государства, для всѣхъ своихъ подданныхъ усвоилъ и узаконилъ то невѣжественное пониманіе вѣры и законовъ церковныхъ, какое имѣли они сами. Для древней, до-петровской Руси незнакомо было, а потому и немыслимо совмѣстное существованіе въ одной странѣ у одного народа двухъ исповѣданій, и какъ православная церковь того времени не могла простить отступленіе отъ нея роднымъ членамъ одной русской семьи, хотя безпрекословно допустила свободное пребываніе въ самой Москвѣ иновѣрцевъ-иностранцевъ, такъ и расколъ не могъ тогда допустить существованіе «никоніанства» наравнѣ съ собою. «Аще не ты по Господѣ Бозѣ,—пишетъ Аввакумъ къ царю Өеодору Алексѣевичу,—кто намъ поможетъ? А что, царь-государь, какъ-бы ты далъ мнѣ волю, я бы ихъ (никоніанъ), что Илія пророкъ, всѣхъ перепласталъ въ единъ день,—не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освя-

тилъ, чаю. Перво бы Никона-собаку разсѣкъ на-четверо, а потомъ бы и никоніанъ». Такъ говорилъ Аввакумъ не задолго уже до своей смерти, когда, свыкшись съ своими страданіями и подъ вліяніемъ мысли о близкой смерти, онъ, повидимому, былъ настроенъ болѣе миролюбиво, чѣмъ когда-либо, хотя въ то же время больше, чѣмъ когда-либо, былъ убѣжденъ въ истинѣ своего ученія.

То, чего не удалось достигнуть челобитными, думали получить силой, посредствомъ возстаній и бунтовъ и чрезъ участіе въ гражданскихъ смутахъ. «Въ лѣто 7190, маія въ 15 день, попущеніемъ св. Бога, во градѣ Москвѣ сотворися смятеніе великое... возсташа воинстіе людіе... По ономъ же смятеніи бысть между ними усердное совѣтованіе о древнемъ благочестіи, еже бы сіе паки въ россійстѣмъ государствѣ возобновити и въ прежнее состояніе привести». Рѣшили, что лучшее средство для этого собраться, по возможности, всѣмъ исповѣдникамъ древняго благочестія и ударить челомъ великимъ государямъ. «Пріидохъ сѣмо милости просити старой православной вѣрѣ»,—говоритъ Никита въ грановитой палатѣ. Какой же милости? Чтобы не преслѣдовали этой старой вѣры, чтобы позволили имъ свободно содержать свое ученіе? Нѣтъ, патріархъ Іоакимъ прямо сказалъ имъ, что мы за крестъ и молитву не мучимъ и не жжемъ, но за то, «яко насъ еретиками называютъ и св. церкви не повинуются, сожигаемъ», «а креститися, кто како хочетъ, двѣма персты или трема, или всею рукой—сіе все едино, токмо бы знаменіе креста на себѣ вообразити, — мы о томъ не истязуемъ“. Тоже подтвердила царевна Софія и епископъ нижегородскій. „Пріидохомъ милости просити, — продолжаетъ Никита, — чтобы повелѣли великіе государи патріарху и прочимъ архіереямъ паки въ церкви пріяти старопечатныя книги и чтобы по нимъ вся службы и прочая вся по прежнимъ благочестивымъ обычаемъ исправили, а новины бы отложили».

Долговременнымъ тяжелымъ опытомъ убѣдился расколъ, что ни челобитными, ни бунтами ему ничего не добиться, что церковь не возвратится на тотъ путь, на который хотѣли поставить ее расколоучители. Казни, которыя были отвѣтомъ на апелляціи и протесты раскольниковъ, отрезвили расколъ, дали ему понять истинный ходъ дѣла: спасая свою жизнь, раскольники бѣгутъ въ пустыни и лѣса...

Тогда расколъ въ свою очередь отрекся отъ «церкви великороссійской». Онъ перестаіъ заниматься частностями Никонова дѣла и окончательно установилъ свой общій взглядъ на него. Отрывочные голоса о наступленіи царства антихристова, изрѣдка раздававшіеся до-толѣ въ устахъ нѣкоторыхъ расколоучителей, теперь сдѣлались общимъ жизненнымъ ученіемъ огромнаго большинства раскольниковъ, главнымъ исходнымъ пунктомъ ученія безпоповщины. Доколѣ не покидала расколъ надежда возстановить себя въ качествѣ церкви, и притомъ единой годсподствующей церкви; пока расколь въ лицѣ своихъ вождей находилъ лучшимъ для своихъ цѣлей со всею, свойственною простотѣ, откровенностію, искренностію и даже запальчивостію протестовать и бороться:—въ Москвѣ сосредоточивалась жизнь раскола, этою апелляціею и борьбой заняты были всѣ его силы. Правда, и въ это время, чѣмъ дальше, тѣмъ больше скоплялось раскольниковъ въ лѣсахъ и пустыняхъ; но это пребываніе въ лѣсу было или простымъ укрывательствомъ отъ полицейскихъ преслѣдованій, или сурово-аскетическимъ приготовленіемъ къ

ожидаемой ими, вслѣдъ за пришествіемъ антихриста, кончинѣ міра; страхъ быть открытыми полиціей не давалъ имъ опомниться, собраться силами, чтобы соединиться въ «общее житіе»... Теперь, потерявъ всякую надежду на побѣду, на успѣхъ своихъ домогательствъ въ отношеніи къ церкви, расколъ сознаналъ потребность жизни самобытной. Вступленіе Петра Великаго въ самостоятельное управленіе государствомъ поистинѣ было эпохою въ жизни раскола: въ то самое время, какъ расколъ почувствовалъ со всею силой внутреннюю необходимость жизни самобытной, Петръ, давъ новое направленіе государственной жизни, новый исходъ государственной силѣ, открылъ ему внѣшнюю, физическую возможность заняться самимъ собою. И вотъ мы видимъ, что теперь слагаются многочисленныя раскольническія общины съ извѣстною, довольно сильною и крѣпкою организаціей, которыя живутъ собственною замкнутою жизнію, по своимъ началамъ и порядкамъ.

Какіе же эти порядки и начала самобытной внутренней жизни раскола? И прежде всего—какія у раскола были данныя для того, чтобы начать жизнь самобытную? Отрекаясь съ ожесточеніемъ отъ руководства церкви, чуждаясь и гражданскаго правительства за его солидарность въ дѣлахъ вѣры съ правительствомъ церковнымъ и за помощь, какую оно оказывало послѣднему въ дѣйствіяхъ противъ раскола, отрываясь отъ общенія съ передовыми образованными классами страны и замыкаясь въ себя, эти толпы простолюдиновъ въ такомъ ли были состояніи, чтобы не нуждаться ни въ какой опекѣ и руководствѣ со стороны? Время ли было простолюдину русскому начать самобытную духовную жизнь? Отвѣтъ понятенъ самъ собою. Но нужно еще сказать, что никогда не были такъ слабы духовныя силы раскола, какъ теперь. Первые расколоучители,— главнѣйшіе, наиболѣе представительные вожди раскола, для которыхъ его дѣло было личнымъ, кровнымъ дѣломъ, которые заражали всѣхъ своимъ вдохновеніемъ и энтузіазмомъ,—эти люди давно уже сошли со сцены. Ими исчерпанъ былъ тотъ небольшой запасъ мелочныхъ и, большею частію, несправедливыхъ обвиненій на православную церковь, какія могли они набрать изъ круга своихъ спеціальныхъ знаній—для оправданія своей, неожиданной для нихъ самихъ, оппозиціи. Но кромѣ того, что всѣ эти обвиненія были достаточно опровергнуты со стороны церкви въ „Жезлѣ правленія“ и въ „Увѣтѣ духовномъ“, теперь, когда борьба прекращалась, этотъ родъ сочиненій (въ родѣ челобитной Лазаря или Савватія) утрачивалъ свое значеніе: теперь мало было отрицать Никоновы новшества, а нужно было выяснять себѣ, отчасти вновь строить свое положительное ученіе. Ученіе первыхъ расколоучителей было старообрядчество въ строгомъ смыслѣ: но обряды богослужебные сами по себѣ, а особенно при раскольничьемъ пониманіи ихъ, безъ проникновенія въ ихъ внутренній смыслъ и духъ, не составляютъ еще собственно ученія, не даютъ отвѣта на тѣ вопросы теоретическаго свойства, какіе естественно и неизбѣжно возникаютъ въ умѣ даже простодушнаго невѣжды.

Пока расколъ не отторгся еще отъ церкви, а только препирался съ нею, онъ находилъ рѣшеніе этихъ вопросовъ въ общехристіанскомъ церковномъ ученіи, которое наравнѣ съ церковію содержали первые расколоучители, не имѣвшіе вообще намѣренія заниматься чѣмъ-либо, кромѣ усмотрѣнныхъ ими новшествъ въ новопечатныхъ богослужебныхъ

книгахъ. Теперь, когда расколъ окончательно отдѣлился отъ церкви, когда не было уже у него ученыхъ вождей перваго времени, раскольники должны были начать жить своимъ умомъ, въ самихъ себѣ должны были искать рѣшенія вопросовъ, возникавшихъ внѣ всякой непосредственной связи съ исправленіями Никона. Какъ же строилъ расколъ свое ученіе? Изъ какихъ данныхъ сложилось оно? Кое-что могъ, конечно, извлечь расколъ изъ „твореній“ первыхъ расколоучителей, хотя они и немного сдѣлали для раскола въ этомъ отношеніи. Безконтрольное, совершенно произвольное обращеніе съ дѣлами церковными, при слабомъ патріархѣ Іосифѣ, не пріучило первыхъ расколоучителей къ сдержанности и скромной умѣренности въ богословствованіи; ихъ невѣжественная вѣра въ собственную мудрость и непогрѣшимость не научила ихъ уважительно обходиться съ ученіемъ религіознымъ. Страстно и необузданно предаваясь „свободному мышленію“, они договаривались до самыхъ вопіющихъ несообразностей. Протопопъ Аввакумъ, этотъ „замѣчательный русскій богословъ“, какъ называютъ его новѣйшіе изслѣдователи раскола, и дѣйствительно самый ученый изъ расколоучителей перваго, до-петровскаго періода, заговорилъ о томъ, что „св. Троица сидитъ на трехъ престолахъ, а Христосъ особь,—не спрятавшись сидятъ три царя небесные“. Никита, бывшій священникомъ „многое число лѣтъ“, свящ. хлѣбу на проскомидіи поклонялся, какъ тѣлу Христову. А когда не стало этихъ вождей раскола, то дѣло пошло еще хуже. Расколъ могъ бы почерпнуть себѣ многое изъ древне-русской, до-никоновской церковной жизни и письменности. Но невѣжество мѣшало ему воспользоваться этимъ нескуднымъ источникомъ; между тѣмъ выступали въ дѣло мотивы другого свойства—строгость къ народоучительству новыхъ вождей раскола, руководимыхъ или однимъ желаніемъ поставить какъ можно больше преградъ между никоніанствомъ и мнимымъ древнимъ благочестіемъ, или дать какъ можно бо́льшій просторъ сдерживаемому до-толѣ произволу и другимъ худшимъ инстинктамъ человѣческой природы. Все это имѣло своимъ слѣдствіемъ появленіе тѣхъ безобразныхъ ученій, какія стали проповѣдываться въ Брынскихъ лѣсахъ и въ другихъ мѣстахъ мужиками и бабами, съ которыми знакомятъ насъ св. Димитрій Ростовскій въ „Розыскѣ“ и Игнатій, митр. сибирскій, въ своемъ третьемъ посланіи,—которыя, не смотря на всю гнусность и нелѣпость, находили, однако, себѣ многочисленныхъ послѣдователей. Расколъ видимо потерялъ свою почву, потому что въ такомъ благословствованіи, очевидно, не было и тѣни древняго благочестія, во имя котораго возсталъ расколъ,—и обнаруживалъ рѣшительную неспособность имѣть какую-либо духовную, церковную жизнь внѣ общенія съ церковію. Доколѣ расколъ былъ протестомъ, оппозиціей—не болѣе, онъ имѣлъ, конечно, нѣкоторый смыслъ и значеніе въ общемъ ходѣ жизни церковной, по крайней мѣрѣ, могъ быть оправданъ, извиненъ. Теперь же, становясь внѣ церковнаго общенія, онъ былъ не только преступленіемъ противъ церкви, но и самоубійствомъ духовнымъ.

При такомъ положеніи дѣла, какая судьба предстояла расколу? „Затекаете во многомъ мудрованіи своемъ,—писалъ Аввакумъ еще къ современнымъ ему раскольникамъ,—и уже другъ друга гнушаетеся... Глупцы! что черви капустные пропадете“. Повидимому, если когда должно было исполниться это пророчество, такъ это именно теперь, когда въ расколѣ

было, по справедливому выраженію Ѳеофилакта Лопатинскаго, „что мужикъ—то вѣра, что баба—то уставъ". Расколъ, повидимому, долженъ былъ исчезнуть если не отъ внѣшнихъ гоненій, то отъ собственнаго внутренняго безсилія. Но эти несчастныя толпы, конечно, не отреклись отъ раскола; напротивъ, подъ вліяніемъ тѣхъ жестокихъ преслѣдованій, какимъ ихъ подвергали, онѣ ожесточались все болѣе и болѣе. Тѣ мотивы, которые произвели расколъ въ началѣ, глубоко залегли въ русскую жизнь и не переставали дѣйствовать во все время Затѣмъ привзошли въ расколъ новые элементы, чуждые первоначальному его характеру: когда утвердилась въ расколѣ мысль объ антихристѣ, за нее ухватилось съ жаромъ всякое недовольство, ища въ ней оправданія своему противленію. Наконецъ, въ пылу фанатизма, поддерживаемаго недавними преслѣдованіями, раскольникамъ не до того было, чтобы осмысливать свои вѣрованія; да и въ болѣе спокойномъ состояніи, при ихъ невѣжествѣ, имъ трудно было понять, что ихъ религіозное чувство, большею частію искреннее и глубокое, питается такою незатѣйливою и недостойною пищей. Таковъ былъ ходъ предшествующей исторіи, такова была сила вещей. Расколъ рѣшился жить самостоятельно, независимо на тѣ наличныя силы, какія нашлись у него въ данный моментъ. Расколъ не задумывался надъ своимъ положеніемъ, не выбиралъ; онъ съ перваго раза, какъ только открылась возможность, съ радостію устремился на тотъ путь, какой передъ нимъ открывался. А благодаря тѣмъ отношеніямъ, въ какія сталъ сначала къ расколу Петръ, предъ нимъ открывался довольно широкій путь: расколъ всего меньше способенъ былъ познать истину теперь, когда его поддерживаетъ не только сознаваемое, энтузіастическое вѣрованіе, что въ церкви царствуетъ антихристъ, но и безсознательно-почувствованное благо жизни свободной, на всей своей волѣ, внѣ всякаго контроля и авторитета.

Какъ гоненія возбуждали въ нихъ мистическую экзальтацію, влекли за собою самосожженія и другіе виды самоубійства, такъ теперь прекращеніе гоненій и ослабленіе правительственнаго надзора, со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго, неизбѣжно повлекло за собою деморализацію. Удалившись въ лѣса, каждый находилъ здѣсь удовлетвореніе своимъ личнымъ потребностямъ. Многіе увлекались здѣсь мнимымъ подвижничествомъ, предавались различнымъ суровымъ подвигамъ, приводили въ изумленіе свою братію необычайностію своихъ мнимо-аскетическихъ затѣй *). По недостатку разумной христіанской цѣли, внѣ церковнаго благословенія и просвѣщеннаго руководства пастырскаго, эти подвиги, конечно, не имѣли нравственнаго значенія. Эти лже-монахи утрировали и профанировали примѣръ древнихъ святыхъ подвижниковъ, которыхъ изучали въ прологахъ и четьихъ-минеяхъ: усвоивъ до нѣкоторой степени ихъ внѣшность, они оставались чуждыми ихъ духу. Другіе стремились удовлетворить потребности свободнаго мышленія, занялись богословствованіемъ и произвели на свѣтъ тѣ странныя ученія, о которыхъ упоминалось выше. Кто имѣлъ страсть къ на-

---

*) Въ исторіи Выговской пустыни безчисленное множество подобныхъ примѣровъ. Инокъ Виталій, напр., переходя постоянно съ мѣста на мѣсто, носилъ за плечами „чурку деревянную, сырую", другой—въ то время, какъ топилась печь въ избѣ и вся изба наполнялась дымомъ, нарочито поднимался къ потолку, чтобы дымъ, собравшійся тамъ въ большомъ количествѣ, сильнѣе ѣлъ ему глаза, и пр.

родоучительству, тотъ оставлялъ на время свои подвиги въ лѣсу, выходилъ въ села и деревни съ проповѣдію о старой вѣрѣ. Не широко было содержаніе ихъ проповѣди,—всего двуперстное сложеніе, да чтеніе молитвы: „Господи, Іисусе Христе Сыне Божій“, а не „Боже нашъ“, тѣмъ не менѣе они находили себѣ вездѣ пріемъ и почетъ и слѣпое довѣріе. То, что было худшаго въ древнерусской церковной жизни, именно—узкое, исключительно-обрядовое пониманіе вѣры, было лучшимъ въ жизни раскола.

Нужно было радоваться, если эти отшельники въ лѣсахъ предавались пустосвятству, или мирнымъ сельскимъ занятіямъ „пахали землю кочерюгами и сѣяли рожь подъ гарью“.

Большею же частію выступали въ дѣло худшіе инстинкты: раскольники говорили, что живутъ по святоотеческимъ уставамъ, а въ сущности правилами ихъ жизни были тѣ выработанныя ихъ досужимъ смысломъ аксіомы, въ которыхъ содержатся или казуистическое оправданіе грѣха, или прямое внушеніе преступленія: „не согрѣшишь—не покаешься, не покаешься—не спасешься“; или: „хоть семерыхъ дѣтей роди, только замужъ не ходи“. Наконецъ, эти простецы отреклись отъ законнаго руководства властей гражданскихъ и церковныхъ и, нуждаясь, между тѣмъ, для удовлетворенія своихъ недалекихъ потребностей въ извѣстномъ внѣшнемъ устройствѣ своего быта, неизбѣжно подпадали деспотизму какого-либо узурпатора, который, возвышаясь надъ толпою умомъ и житейскимъ тактомъ, льстя страстямъ, приспособляясь къ ея вкусамъ и понятіямъ, употреблялъ ихъ для своихъ эгоистическихъ цѣлей.

LXVII. Колонизація раскольниковъ, образованіе безпоповщины и раздѣленіе ея на частныя секты.

(Изъ „Руководства по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола“, Ивановскаго).

По окончаніи стрѣлецкихъ волненій, царевна Софья издала первый спеціально направленный противъ раскольниковъ законъ. Этимъ закономъ было рѣшительно воспрещено самое содержаніе раскола. Раскольниковъ, послѣ троекратнаго у казни допроса, если останутся упорными, повелѣвалось предавать огненной казни, если же раскаются, то отсылать въ монастыри подъ строгій надзоръ. Тѣхъ, которые перекрещивали, узаконялось также казнить смертію, а равно и тѣхъ, которые перекрещивались. Послѣднихъ, и въ случаѣ раскаянія, должно было наказывать кнутомъ. Тому же наказанію подлежали и тѣ, которые обличены были въ укрывательствѣ раскольниковъ; даже и съ тѣхъ, которые держали у себя раскольниковъ, не зная о ихъ расколѣ, повелѣвалось брать денежныя пени отъ 5 до 50 рублей.

Слѣдствіемъ этого указа было бѣгство раскольниковъ въ лѣса, на пустынныя окраины России и за границу. Болѣе извѣстными мѣстами, куда стремились бѣглецы, были: лѣса Керженскіе (въ Нижегор. губ.),

Стародубскіе (Черниг. губ.), Донъ, Сѣверное Поморье, Сибирь и сосѣднія государства—Польша и Швеція, частію Австрія и Турція. Противъ укрывательства за границу правительство принимало мѣры, предписывая воеводамъ учреждать заставы и разыскивать бѣглецовъ. Но мѣры эти не вполнѣ достигали успѣха. Бѣжавшіе раскольники, соединяясь между собою, образовывали большія шайки, расхаживали по лѣсамъ, производили грабежи, дрались съ посланными для розыска военными командами.

Въ 1686 году на Дону образовалась многочисленная шайка раскольниковъ, которые умышляли идти на Москву, на патріарха, бояръ и архіереевъ, „которые вѣру всю порушили". Въ то же время скопище раскольниковъ въ 500 человѣкъ засѣло въ большихъ крѣпостяхъ близъ Тамбова и Козлова и съ ожесточеніемъ отражало посланныхъ правительствомъ донскихъ казаковъ. Въ 1693 году раскольники осадили Черный Яръ и собирались разбойничать по всей Волгѣ. Астраханскій воевода высылалъ противъ нихъ войско. Весь край находился въ волненіи.

Подобные же безпорядки и грабежи раскольники производили и въ Поморьѣ. Въ 1687 году раскольники напали на Палеостровскій монастырь и пограбили монастырскую казну; два года спустя, они снова явились въ монастырь, связали игумена и засѣли въ монастырѣ, сдѣлавъ изъ заготовленнаго монастырскаго лѣсу острогъ, въ родѣ крѣпостцы. Отсюда они дѣлали набѣги на окольныя мѣста и многихъ людей грабили. Къ числу этихъ промышляющихъ разбоемъ людей принадлежали Данило Викулинъ и Денисъ Вторушинъ съ сыномъ Андреемъ, знаменитые впослѣдствіи столпы раскола. Въ 1693 г. раскольники, въ числѣ 200 человѣкъ напали на Пудожскую церковь, силой заняли ее, пересвятили и начали по своимъ книгамъ отправлять богослуженіе.

Другимъ явленіемъ въ расколѣ въ описываемое время было усиленіе самосожигательства. Оно особенно было распространено въ Сибири и Поморьѣ. Начало самосожигательства относится къ самымъ первымъ временамъ раскола. О немъ упоминаетъ Аввакумъ и называетъ оное блаженнымъ изволомъ о Господѣ. Оно было слѣдствіемъ ученія о наступленіи царства антихриста и развивалось подъ вліяніемъ преслѣдованій, возбуждавшихъ фанатизмъ. Въ Сибирскихъ пустыняхъ сожигались вдругъ цѣлыя тысячи. Случалось не разъ, что воинскія команды, отыскивая роскольниковъ по лѣсамъ, наталкивались на выстроенныя избы, наполненныя народомъ и приспособленныя къ самосожиганію; несчастные и сожигались въ виду командъ. Въ Поморьѣ раскольники, врывавшіеся въ Палеостровскій монастырь, также предавались тамъ самосожженію; разъ они сожгли вмѣстѣ съ собою и монастырскаго игумена Пимена съ братіею. Раскольники, пересвятившіе церковь въ Пудожскомъ погостѣ, также покончили самосожженіемъ. Нѣкоторые поступали иначе. Удалившись въ лѣса и собравшись толпами, постились, молились, каялись другъ другу и умирали голодною смертію. Между ними было распространено ожиданіе скорой кончины міра, и нѣкоторые дѣлали себѣ гроба, или ложились въ ямы, ожидая трубнаго гласа архангела. (По преданію сохранилась пѣсня, воспроизводящая настроеніе этихъ людей). Трубнаго гласа не дождались. Между тѣмъ произошелъ правительственный переворотъ. Софья была свержена; наступило царствованіе Петра. Вниманіе правительства было зянято другими вопросами, на

раскольниковъ перестали обращать вниманіе. Въ это время бѣжавшіе въ лѣса раскольники стали заводить общежитія, получать осѣдлость и соотвѣтственную духу ученія организацію. Наиболѣе замѣчательными общежитіями были слѣдующія: 1) Въ Поморьѣ, на половинѣ пути между Онежскимъ озеромъ и Бѣлымъ моремъ, близъ большого озера Выгъ и рѣчки того же имени, было основано раскольническое общежитіе на монастырскихъ началахъ, получившее названіе Выговской пустыни. Основателемъ этого общежитія былъ Даніилъ Викуловъ; онъ же былъ и первымъ настоятелемъ. Наиболѣе замѣчательными его сотрудниками были: Петръ Прокопіевъ, знатокъ церковнаго устава, и два брата, Андрей и Семенъ Денисовы, оставившіе много сочиненій въ пользу раскола,—люди, знакомые съ грамматикою и риторикою. Въ 1706 г. въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Выговской пустыни былъ основанъ особый женскій монастырь на рѣкѣ Лексѣ, гдѣ первою настоятельницею была сестра Денисовыхъ—Соломонія. 2) Въ предѣлахъ Нижегородскихъ, по р. Керженцу, въ лѣсистой и болотистой мѣстности образовались разбросанные по разнымъ мѣстамъ скиты. Изъ нихъ въ первоначальной исторіи раскола наиболѣе извѣстны; скитъ старца Онуфрія (послѣдователя еретическаго ученія Аввакума), скитъ Сафонтія въ 7 верстахъ отъ нынѣшняго города Семенова (Сафонтій былъ выходецъ изъ Соловецкаго монастыря) и скитъ Лаврентія, послѣ котораго настоятелемъ сдѣлался, получившій впослѣдствіи извѣстность, діаконъ Александръ изъ Костромы. Въ эти скиты сходились изъ всѣхъ концовъ Россіи, а послѣ стрѣлецкихъ казней бѣжало изъ Москвы много стрѣльцовъ и ихъ женъ. 3) Въ лѣсистой мѣстности Черниговской губерніи, извѣстной подъ именемъ Стародубья, также образовались раскольническія поселенія. Поселенія эти состояли изъ слободъ, наполненныхъ бѣжавшими раскольниками. Начало этихъ поселеній относится еще къ царствованію Алексѣя Михайловича и Θеодора Алексѣевича. Царевна Софья приказала возвратить бѣглыхъ людей на родину. Раскольники разбѣжались, но многіе, для бо́льшей безопасности, перешли польскую границу и поселились на островѣ Вѣткѣ, находящемся на р. Сожѣ и принадлежащемъ пану Халецкому, который радъ былъ новымъ насельникамъ, платившимъ хорошій оброкъ. И здѣсь характеръ жизни былъ не монастырскій, а мірской; раскольники жили слободами. Близъ Вѣтки образовались еще три большія слободы.

Означенныя раскольническія населенія служили главными центрами, къ которымъ примыкали разбросанные по разнымъ мѣстамъ расколники. Здѣсь вырабатывался такой или иной строй жизни раскольниковъ, возникали и рѣшались такъ или иначе разнаго рода вопросы, которые и послужили причиною раздѣленія раскола на частныя секты.

Первою и главною причиною раздѣленія раскола на частныя секты было то, что раскольники послѣ осужденія ихъ церквію на соборѣ 1667 года остались безъ епископовъ; а посему некому было поддерживать преемственное существованіе церковной іерархіи, освящать муро и священникамъ давать право на совершеніе богослуженія и тайнодѣйствій, ибо безъ повелѣнія мѣстнаго епископа пресвитеры ничего не могутъ творить. Священниковъ и послѣ собора 1667 г. оставалось еще не мало, и хотя нѣкоторые и были лишены сана, но къ нимъ продолжали обращаться. Такъ, Аввакумъ былъ духовнымъ отцомъ Аврамія, боярыня Морозова причащалась изъ рукъ попа Іова Льговскаго и постриглась отъ

священноинока Досифея. Псковскій воевода Хованскій держалъ при своемъ домѣ моленную, въ которой отправляли богослуженіе разные пришлые попы. По мѣрѣ того, какъ главные расколоучители были удаляемы изъ Москвы въ ссылку, а иные изъ священниковъ бѣжали съ толпами послѣдователей въ Стародубье, или на Донъ, недостатокъ въ священныхъ лицахъ сталъ чувствоваться сильнѣе и сильнѣе. Этотъ недостатокъ сталъ замѣтенъ еще при жизни расколоучителей.

Въ 1681 году Аввакумъ писалъ царю Ѳеодору: «патріарси изнемогоша, святители падоша, и все священство еле живо». Выразивъ прямое и рѣшительное сознаніе, что міру безъ поповъ быть нельзя, Аввакумъ, вынужденный обстоятельствами, давалъ слѣдующія наставленія своимъ послѣдователямъ относительно исповѣди и причащенія, «Исповѣдуйте согрѣшенія другъ другу по апостолу», или: «кайся предъ Господомъ Богомъ»! «Причаститися безъ попа можно святымъ комканіемъ», т. е. запаснымъ Агнцемъ, который и заповѣдывалъ держать при себѣ; «а ребенка причащай мірянинъ, Богъ благословитъ». Но самый запасной Агнецъ возможенъ только при существованіи священства.

Поэтому, опираясь на мысли, что міру безъ поповъ быть нельзя, Аввакумъ приходилъ и къ другой мысли, — къ мысли о возможности прибѣгать къ попамъ новаго рукоположенія, если бы кто изъ таковыхъ полюбилъ старину. Но эта послѣдняя мысль встрѣтила сильный протестъ со стороны другихъ расколоучителей. Дьяконъ Ѳеодоръ писалъ: „а которые попы отъ Никона отступника ставлены, и отъ никоніанъ паче же отъ егда совершенно православіе все отринуша, то православнымъ христіаномъ не подобаетъ отъ нихъ нынѣ благословенія пріимати, ни службы, аще и по старому служатъ“.

Такимъ образомъ, еще при жизни первыхъ расколоучителей предъ лицомъ мнимыхъ старовѣровъ сталъ грозный вопросъ относительно недостатка церковной іерархіи, и первые расколоучители не дали на него яснаго и опредѣленнаго рѣшенія, оставивъ его открытымъ для будущихъ поколѣній. Строгій указъ царевны Софьи, которымъ безусловно воспрещалось содержаніе раскола, увеличилъ бѣгство раскольниковъ изъ Москвы на окраины государства. Прежній вопросъ объ іерархіи выдвинулся со всею своею силою и долженъ былъ непремѣнно такъ или иначе быть рѣшенъ. Рѣшеніе его прежде всего было практическое, и сущность его подготовлялась предшествовавшими мѣстными обстоятельствами. Сѣверъ Россіи—малонаселенный, съ въ высшей степени дурными путями сообщенія, съ крайнею малочисленностію церквей, которыя часто оставались при томъ безъ священниковъ, представлялъ удобную почву для развитія безпоповщинской практики и для выработки ученія о возможности устроить свое спасеніе и помимо іерархическихъ лицъ. Къ тому же не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что главнѣйшими пропагандистами раскола были тамъ простые монахи Соловецкаго монастыря и затѣмъ главными заправителями—лица, не имѣвшія іерархическихъ степеней. Въ образовавшемся въ концѣ 17 столѣтія выговскомъ общежитіи религіозная практика имѣла ту особенность, что всѣ церковныя службы были отправляемы мірянами, а количество таинствъ ограничено тѣми, которыя, какъ думали, въ случаяхъ нужды, могутъ быть совершаемы также и лицами неосвященными. Такимъ образомъ, избранные наставники исправляли крещеніе переходящихъ въ ихъ общество,—принимая

переходящихъ изъ православной церкви именно этимъ чиномъ, т. е. посредствомъ перекрещиванія,—принимали къ себѣ на исповѣдь, а затѣмъ совершали чины постриженія въ монашество, погребенія умершихъ и тѣ церковныя службы, которыя не требуютъ необходимаго присутствія священника, т. е. утрени, часы, вечерни и прочія дневныя богослуженія; изъ случайныхъ—молебны, панихиды. При этомъ опускали все то, что положено произносить священнику или діакону; напр. возгласы, эктеніи и т. п. Службы начинались возглашеніемъ: „За молитвы св. отецъ нашихъ“ и проч. Выговская пустыня не можетъ быть разсматриваема только какъ отдѣльный пунктъ среди раскола; къ ней примыкало множество мірскихъ раскольниковъ, которые исправляли духовныя нужды у выговскихъ наставниковъ; на нее, какъ на представительницу церковной практики, смотрѣли другіе скиты, разсѣянные по сѣверной и сѣверозападной окраинамъ государства; вліяніе ея простиралось далеко и за эти предѣлы.

Въ 1720 году посланный на Выгъ іеромонахъ Неофитъ вызвалъ выговцевъ на объясненія и защищенія ихъ церковной практики, и „Поморскіе отвѣты“ представляютъ намъ въ первый разъ подставную, своеобразную безпоповщинскую доктрину. Нисколько не думая отвергать въ принципѣ надлежащее значеніе церковной іерархіи и становиться такимъ образомъ на протестанскую точку зрѣнія, составители „Поморскихъ отвѣтовъ“ обосновали свое ученіе на исключительныхъ случаяхъ, заимствованныхъ изъ древней церковной практики и доказывали, что и въ древнія времена многія церкви оставались безъ іерархіи,—стало быть, подобное безсвященнословное состояніе возможно. „Они какъ бы забыли о томъ, что приводимые примѣры древности относились лишь къ частнымъ церквамъ, а имъ необходимо говорить о возможности безсвященнословнаго состоянія церкви вселенской“. Объяснивъ, такимъ образомъ, хотя и не впопадъ, возможность безъіерархическаго состоянія, составители „Поморскихъ отвѣтовъ“ нашли въ нѣкоторыхъ книгахъ, что всѣ таинства по отношенію ихъ важности для спасенія раздѣляются на „нуждно-потребныя“ и просто „потребныя“; къ первымъ относятся: крещеніе, покаяніе и причащеніе, къ послѣднимъ—остальныя. Ясно, что въ означенномъ дѣленіи значеніе таинствъ берется не по отношенію къ церкви вообще, гдѣ всѣ тайны составляютъ полную необходимость, а по отношенію къ частнымъ членамъ церкви, которые могутъ нѣкоторыхъ таинъ и не быть участниками, напр., священства, брака, и потому къ объясненію и защищенію церковнаго устройства, взятаго въ цѣломъ, приложено быть не можетъ. Но составители „Поморскихъ отвѣтовъ“ вывели отсюда то заключеніе, что въ церкви по нуждѣ могутъ и не быть четыре тайны: мѵропомазаніе, бракъ, священство и елеопомазаніе. Что же касается трехъ таинъ, „потребно-нуждныхъ во спасеніе“, т. е. крещенія, покаянія и причащенія, то были подставлены основанія, заключающіяся въ примѣрахъ и свидѣтельствахъ, что первыя двѣ, по нуждѣ, можетъ совершать мірянинъ. Относительно же причащенія, съ одной стороны, доказывалась возможность причащаться запасными дарами безъ участія священнаго лица, а съ другой—довольствоваться, по нуждѣ, однимъ огнепальнымъ желаніемъ причащенія, или, что тоже, причащеніемъ духовнымъ. Послѣднее ученіе сдѣлалось впослѣдствіи единственно господствующимъ, такъ что доказывалась необходимость для спасенія уже не трехъ.

только двухъ таинствъ—крещенія и исповѣди, совершаемыхъ лицами, не имѣющими священнаго сана.

Такимъ образомъ, составители „Поморскихъ отвѣтовъ" всѣ свои положенія обосновывали на нуждѣ и на частныхъ исключительныхъ случаяхъ мѣстныхъ церквей. Но такъ какъ понятіе мѣстной случайности не можетъ служить твердымъ доказательствомъ всеобщаго безсвященнословнаго состоянія, то подставлено было уже о конечномъ истребленіи антихристомъ священства и Христовой жертвы, и такимъ образомъ безсвященнословное состояніе возведено было въ догматъ. Но такъ какъ этотъ догматъ находитъ себѣ слишкомъ очевидныя противорѣчія въ божественныхъ безусловныхъ обѣтованіяхъ о неодолимости церкви, вѣчномъ существованіи въ ней священныхъ чиновъ и вѣчномъ же приношеніи безкровной Христовой жертвы, то учители безпоповства стали говорить, что священство и жертва имѣютъ значеніе не таинственное только, но и духовное, нравственное, по которому каждый христіанинъ есть уже священникъ Бога вышняго, и что это священство согласно божественнымъ обѣтованіямъ и пребудетъ вѣчно.

Въ такомъ видѣ явилось съ одной стороны разрѣшеніе вопроса объ іерархіи: церковь можетъ, и даже должна въ послѣднее, антихристово время существовать безъ священныхъ лицъ и безъ тѣхъ таинствъ, которыя могутъ быть совершаемы безъ всякихъ исключеній только лицомъ священнымъ; совершеніе же двухъ таинствъ—крещенія и исповѣди—можетъ быть по нуждѣ усвоено и мірянину, а равно и совершеніе разныхъ церковныхъ чинопослѣдованій. По смыслу такого ученія держащихся онаго называютъ безпоповцами, а по способу принятія въ свое общество не иначе какъ посредствомъ перекрещиванія ихъ называютъ перекрещенцами.

Ученіе объ антихристѣ у безпоповцевъ получило свое особенное опредѣленіе и развитіе, несогласное съ церковнымъ ученіемъ. По ихъ ученію антихристъ послѣдней не есть опредѣленное лицо, а духъ и направленіе, господствующее въ православной церкви и обществѣ; антихристъ не чувственный, а мысленный. Отсюда всѣ свидѣтельства книжныя, въ коихъ говорится о его рожденіи и царствованіи, безпоповцы стараются толковать аллегорически. Рожденіе его нельзя представлять въ чувственномъ видѣ, это—духовное рожденіе отъ діавола, грѣха, отъ духовнаго Вавилона, т. е. грѣховнаго міра; равнымъ образомъ, и царство его есть царство духовное, и жиды—народъ имѣющій возлюбить его, суть не кто другой, какъ нечестивые люди. Кратковременное продолженіе его царствованія, опредѣляемое $3^{1}/_{2}$ годами, возведено въ періодъ времени неопредѣленный и продолжительный. Самые признаки его царствованія получаютъ своеобразный смыслъ: чудеса, какія онъ долженъ совершить, суть чудеса духовныя, заключающіяся въ омраченіи людей лжеученіемъ: „будетъ тогда не гладъ хлѣба, но гладъ слышанія слова Божія"; ученіе антихриста, вслѣдствіе особенной хитрости его, заключается въ незначительномъ, повидимому, искаженіи писанія; церковь будетъ имѣть и Св. Писаніе, и таинства, и богослуженіе, но все это превращенно. Отсюда, и печать антихриста заключается не въ одномъ какомъ-либо опредѣленномъ предметѣ, а во многихъ: въ имени Іисусъ, въ троеперстномъ сложеніи, въ таинствахъ крещенія и муропомазанія. Илія и Енохъ суть они—„ревнители благочестія",

или просто законы, обличающіе антихриста. Все это ученіе совершенно произвольно, но оно твердо держится всѣми безпоповцами. Въ то время, какъ одна часть раскольниковъ-старообрядцевъ стала безпоповцами, другая часть вопросъ объ іерархіи рѣшила иначе, и опять не безъ вліянія предшествовавшихъ этому рѣшенію внѣшнихъ обстоятельствъ.

Рѣшеніе это принадлежитъ прежде всего и болѣе всего тѣмъ раскольникамъ, которые поселились въ Стародубѣ, а потомъ удалились на Вѣтку. Во главѣ означенныхъ раскольническихъ общинъ стояли попы: прежде всего—бѣжавшій изъ Москвы попъ Козьма, за нимъ Стефанъ, оба стараго рукоположенія, за ними черный попъ крещенія стараго, но о рукоположеніи его было сомнѣніе, и наконецъ черный же попъ Ѳеодосій, рукоположенный моск. патріархомъ Іоасафомъ I, предшественникомъ Іосифа. Означенные попы исправляли всѣ духовныя нужды старообрядцевъ: сначала, впрочемъ, по неимѣнію церкви не, совершали литургій, но еще при попѣ Іоасафѣ была заложена церковь, освященная Ѳеодосіемъ.

Образовавшіяся въ такомъ видѣ общины не представляли еще какого-либо отдѣльнаго согласія въ расколѣ; онѣ дѣйствовали въ духѣ первыхъ его вождей: приходящихъ отъ православной церкви перекрещивали, новорукоположенныхъ священниковъ отнюдь не принимали, такъ что сомнительное посвященіе Іоасафа навлекло на него много непріятностей и прозвище Асапа; отъ этого то и безпоповщинскій писатель XVIII в. Иванъ Алексѣевъ относится къ этимъ общинамъ съ полнымъ сочувствіемъ. Но ясно, что такой порядокъ дѣлъ, не могшій существовать долго въ томъ видѣ, такъ какъ попы не могли быть вѣчными,—подготовлялъ рѣшеніе вопроса объ іерархіи совершенно иное, чѣмъ какое послѣдовало въ Поморьѣ. Онъ пріучалъ къ той мысли, что обходиться безъ лицъ священныхъ невозможно, и естественно наводилъ на мысль Аввакума относительно принятія поповъ новаго рукоположенія, возлюбившихъ старину. Вопросъ этотъ, дѣйствительно, практически и съ нѣкоторою необходимою постепенностію разрѣшенъ былъ вліятельнымъ попомъ Ѳеодосіемъ. Еще на освященіе церкви онъ вызвалъ изъ г. Рыльска брата своего, бѣлаго попа Александра, „новопоставлена“, котораго скоро постригъ въ монашество, и еще изъ Москвы другого бѣлаго попа—Григорія. Затѣмъ, вслѣдствіе умножившагося населенія вѣтковскихъ слободъ и явившейся нужды въ совершеніи браковъ, что священноинокамъ дѣлать издревле не принято,—Ѳеодосій сманилъ изъ Калуги бѣлаго попа Бориса, „новаго“ рукоположенія, и благословилъ его церковныя тайны по древнему совершати. Такимъ образомъ, вѣтковскіе старообрядцы недостатокъ въ древнихъ попахъ стали замѣнять новорукоположенными, бѣжавшими отъ православной церкви. Къ тому же склонились старообрядцы донскіе, керженскіе и многіе, жившіе въ городахъ и селеніяхъ разныхъ губерній, преимущественно средней и южной Россіи. Такимъ образомъ явилось согласіе такъ называемое бѣглопоповщинское, или, по выраженію самихъ поповцевъ, бѣгствующая, окормляемая священствомъ церковь. На языкѣ простого народа это согласіе именовалось еще часовеннымъ, потому, вѣроятно, что въ большинствѣ мѣстностей послѣдователи его церквей не имѣли, а имѣли только часовни. Церкви существовали въ главныхъ метрополіяхъ поповщины—на Вѣткѣ и Стародубьѣ, а затѣмъ, со второй половины XVIII столѣтія, на Иргизѣ и на Рогожскомъ кладбищѣ.

Такъ какъ разрѣшенный въ смыслѣ принятія новорукоположенныхъ священниковъ вопросъ объ іерархіи вызвалъ рѣзкія обличенія и со стороны безпоповцевъ, и со стороны православныхъ миссіонеровъ (Питиримъ), то въ огражденіе образовавшейся практики была придумана доктрина о возможности существованія Христовой церкви безъ преемственнаго епископства, съ одними лишь священниками, и то случайными, бѣжавшими отъ другой церкви. Въ основаніе этой доктрины были положены доказательства, однородныя съ доказательствами безпоповцевъ, только они прилагались исключительно къ сану епископскому. Защитники бѣгствующей поповщинской церкви говорили, что церковь можетъ существовать и безъ епископа, такъ какъ въ древности бывали такого рода примѣры (въ Кароагенѣ не было епископа 30 лѣтъ, долго не было епископа въ Иппонѣ), забывая опять, что эти примѣры относятся къ церквамъ частнымъ и не обращая вниманія, что повсюдное неимѣніе епископовъ необходимо ведетъ и къ неимѣнію священниковъ, т. е. къ безпоповщинѣ. На эту мысль, дѣйствительно, и напиралъ обличитель-безпоповецъ (Иванъ Алексѣевъ). Онъ замѣчалъ, что епископъ составляетъ первую единицу въ счетѣ, безъ которой, понятно, не можетъ быть второго числа (т. е. священства); по отношенію къ священству епископъ есть тоже, что солнце по отношенію къ лунѣ, которая свѣтитъ свѣтомъ заимствованнымъ; между тѣмъ у поповцевъ солнца (епископа) нѣтъ, а луна (священники) свѣтитъ. Въ правилахъ св. апостолъ епископъ именуется главою; значитъ, у поповцевъ собственной главы нѣтъ, а если только глава чужая (епископы еретическіе). Это похоже на то, какъ если бы кто къ обезглавленному тѣлу сталъ приставлять чужую голову. «Како можетъ чуждая глава иному трупу жизнь подати»?

Создавъ доктрину о возможности заимствоваться бѣглыми отъ православной церкви священниками, послѣдователи бѣглоповщинской секты, въ силу послѣдовательности, должны были измѣнить нѣкоторые пункты ученія, въ сравненіи не только съ поповцами, но и съ первыми вождями раскола. По кореннымъ церковнымъ законамъ тѣ еретики, отъ коихъ не принято крещеніе, не могутъ быть принимаемы и съ прежнею хиротоніею, и обратно: если принимать извѣстныхъ еретиковъ въ прежнихъ церковныхъ чинахъ, то никакъ уже нельзя повторять надъ ними крещенія. Въ силу этого бѣглопоповцы должны были оставить еще первыми расколоучителями положенное правило о перекрещиваніи переходящихъ изъ православной церкви, которое во всей силѣ удержали безпоповцы. Дѣйствительно, хотя на первыхъ порахъ и было нѣсколько случаевъ перекрещиванія приходящихъ поповъ, изъ которыхъ одного погрузили съ загнутыми вверхъ рукавами, чтобъ благодать священства не улетѣла, а другихъ только обводили вокругъ купели; но вскорѣ этотъ способъ принятія былъ совершенно оставленъ и замѣненъ другими. За тѣмъ, такъ какъ принятіе священныхъ лицъ, получившихъ хиротонію въ церкви антихристовой, было бы совершенною нелѣпостію, то поповцы должны были измѣнить и самый взглядъ на православную церковь, какъ на царство антихриста; въ этомъ они опять разошлись не только съ безпоповцами, но и съ первыми учителями раскола.

Такимъ образомъ, поповцы, разрѣшивъ показаннымъ образомъ вопросъ объ іерархіи, сдѣлали шагъ назадъ въ сравненіи съ первыми расколоучителями и заняли среднее положеніе между безпоповщиною и право-

славной церковію. Ясно, что и это положеніе не соотвѣтствуетъ устройству древней благочестивой церкви, и послѣдователи онаго не могутъ въ строгомъ смыслѣ именоваться старовѣрами.

Будучи несостоятельною сама по себѣ, система безпоповщинскаго ученія не могла быть вполнѣ удовлетворительною и законченною и въ глазахъ послѣдователей оной. Напротивъ, она порождала новые неизбѣжные вопросы и тѣмъ давала поводъ къ раздѣленію самой безпоповщины на частныя секты. Кромѣ того, общій, присущій расколу обрядовѣрный характеръ велъ къ тому же раздѣленію по обрядовымъ вопросамъ.

Въ 1696 году за сѣверозападной польской границей образовались два общижитія—мужское и женское. Во главѣ этихъ общежитій стоялъ нѣкто Ѳеодосій Васильевъ, бывшій дьячекъ изъ Новгородской губерніи. Появленіе общины, конечно, не есть само по себѣ образованіе новой секты; но дѣло въ томъ, что между общиною Ѳеодосія и метрополіею безпоповщины—Выгомъ на первыхъ же порахъ обнаружились нѣкоторыя разности.

Хотя община Ѳеодосія была устроена также на монастырскихъ началахъ, но, несмотря на это, Ѳеодосій училъ о возможности допущенія и жизни семейной для такъ называемыхъ староженовъ, т. е. для тѣхъ, которые были вѣнчаны въ православной церкви до перехода въ расколъ; на Выгѣ, напротивъ, требовали положительнаго развода. По поводу этого вопроса возникла оживленная переписка между Андреемъ Денисовымъ и Ѳеодосіемъ Васильевымъ,—переписка, на этотъ разъ не приведшая, впрочемъ, къ рѣшительному разрыву. Другимъ отличіемъ служило то, что Ѳеодосій при перекрещиваніи позволялъ себѣ одѣвать поручи. Выговцы зазирали его въ этомъ, и онъ скоро отказался отъ этого обычая.

Разрывъ между Ѳеодосіемъ и выговцами произошелъ изъ-за вопроса о томъ, какъ должно писать титлу на крестѣ Спасителя. Въ общинѣ Ѳеодосія употребляли буквальную титлу: І. Н. Ц. І.; на Выгѣ, напротивъ, писали: І. Хр. Царь Славы. Какъ скоро разность эта стала извѣстна, ревнители «древняго благочестія» наговорили другъ другу колкостей: «Намъ нашъ Ісъ Назарянинъ не подобенъ»,—говорили поморцы; «это—насмѣшка Пилата, это—выдумки папистовъ и тонкій духъ аріанства, именующій Христа простымъ человѣкомъ». Съ своей стороны и ѳедосѣевцы обзывали поморцевъ крестоборцами и іудеями. Дѣло кончилось тѣмъ, что Ѳеодосій послѣ одного изъ своихъ посѣщеній Выговской пустыни отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ, сказавъ: «не буди намъ собщенія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ». Такъ совершилось раздробленіе безпоповщины на двѣ секты: поморскую или Даниловскую—по мѣстожительству и лицу основателя Выговской пустыни, и Ѳедосѣевскую—тоже по лицу основателя. Впрочемъ, эти споры, имѣя значеніе историческое, потеряли уже смыслъ современный, такъ какъ въ концѣ XVIII столѣтія (1791 г.) они были улажены; поморцы остались побѣдителями и ѳедосѣевцы приняли надписаніе І. Хр. Ц. Сл. Только новгородскіе ѳедосѣевцы остались вѣрны завѣщанію своего первоучителя и выдѣлились въ особую секту, извѣстную подъ именемъ титловщины.

Но въ то время, когда между поморцами и ѳедосѣевцами окончились почти столѣтніе споры о титлѣ, разгорѣлся уже другой вопросъ, гораздо болѣе важный, чѣмъ вопросъ о титлѣ, какъ въ догматическомъ отношеніи, такъ и въ практическомъ, житейскомъ,—вопросъ о бракѣ. Этотъ вопросъ окончательно и непримиримо раздѣлилъ обѣ секты и послужилъ

для нихъ первымъ и самымъ существеннымъ отличіемъ другъ отъ друга. Вслѣдствіе недостатка въ священникахъ вопросъ о бракѣ возникалъ еще при первыхъ расколоучителяхъ. «Аще кто не имать іереевъ,—писалъ Аввакумъ,—да живетъ просто». Затѣмъ, въ системѣ безпоповщинскаго ученія бракъ отнесенъ къ таинствамъ второго рода, «во спасеніе» не потребно нуждным, безъ которыхъ, по нуждѣ, можно обходиться. Такимъ образомъ, у безпоповцевъ утвердилось всеобщее безбрачіе, по неимѣнію законныхъ совершителей брака. Основатель секты ѳедосѣевской принималъ лишь старопоженившихся безъ развода, чѣмъ расходился съ поморцами. Но по смерти Ѳеодосія наставники ѳедосѣевства не только примирились съ ними, но и превзошли ихъ своею строгостію по отношенію къ брачнымъ. Политичные вожди поморской секты допускали еще частныя исключенія изъ общаго правила, и иногда принимали въ свою секту лицъ, повѣнчавшихся въ православной церкви и послѣ уклоненія въ расколъ;—случаи, возможные для тогдашняго времени. Ѳедосѣевцы не допускали подобныхъ исключеній, и требованіе безбрачія проводили со всею строгостію. Между тѣмъ послѣдствія всеобщаго обязательства дѣвства скоро принесли горькіе плоды. Современные старообрядческіе писатели жаловались на рѣзкія уклоненія отъ нравственной чистоты своихъ единовѣрцевъ: «цѣломудріе,—замѣчали они,—увядаше, а скверное житіе цвѣтяше». Въ самой Выговской пустынѣ, по замѣчанію историка оной, умножились беззаконія, о коихъ и писать срамно. У ѳедосѣевцевъ было еще хуже. По свидѣтельству одного ѳедосѣевца, все согласіе было исполнено блуда и скверподѣянія. Начальники Выговской пустыни принимали разныя предупредительныя и карательныя мѣры противъ нецѣломудрія; но мѣры эти были безуспѣшны. Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ безпоповщинѣ брачной жизни сталъ вопросомъ необходимости. Въ видахъ его разрѣшенія, поморецъ Вышатинъ путешествовалъ на востокъ отыскивать православное священство, гдѣ и умеръ, не достигнувъ цѣли. Нѣсколько лѣтъ спустя, молодой и энергичный ѳедосѣевецъ, стародубскій крестьянинъ Иванъ Алексѣевъ, выступилъ съ рѣзкими обличеніями мнимаго дѣвства и сталъ учить не только о необходимости, но и возможности брачной жизни въ безпоповщинѣ.

По ученію Ивана Алексѣева, безпоповцы, по нуждѣ, могутъ обращаться за совершеніемъ брака въ церковь „великороссійскую“, на томъ основаніи, что еретическое, даже нехристіанское заключеніе браковъ церковію было признаваемо, т. е. на томъ же самомъ основаніи, по которому и Ѳеодосій принималъ староженовъ безъ развода. Свое ученіе Иванъ Алексѣевъ проводилъ сперва устно, а потомъ изложилъ въ обширномъ сочиненіи „О тайнѣ брака“. Такимъ образомъ, онъ открылъ входъ въ среду безпоповцевъ не только староженамъ, но и такъ-называемымъ новоженамъ, т. е. открылъ возможность вступать въ бракъ по переходѣ въ безпоповщинскій расколъ. Хотя основанія Ивана Алексѣева представляли очень много слабыхъ сторонъ, хотя ясно было, что онъ вводитъ „новшество“, несогласное съ началами безпоповщины и съ ея отношеніями къ православной церкви; но нравственная цѣль, которую онъ преслѣдовалъ, доставила ему очень много сочувствующихъ, особенно въ средѣ молодежи. Въ 1757 г. около Алексѣева сгруппировалось уже цѣлое общество, извѣстное подъ именемъ „новоженовъ“, которые стали прилагать къ дѣлу его ученіе. Въ составъ этого общества входили и ѳедосѣевцы, и поморцы.

LXVIII. Значеніе дѣятельности братьевъ Денисовыхъ въ исторіи раскола.

(Изъ соч. Барсова: „Братья Андрей и Семенъ Денисовы").

Братья Денисовы, выступивъ на сцену въ такую пору, когда расколъ переживалъ свою критическую эпоху, когда, съ одной стороны, предъ нимъ открывался соблазнъ жизни самобытной—въ смыслѣ и духовномъ и матеріальномъ, а съ другой стороны, при недостаткѣ въ жизни раскола всякаго религіознаго и церковнаго благолѣпія, начало было пробуждаться безсознательное чувство неудовлетворенности и внутренняго противорѣчія,—они явились какъ бы для того, чтобы своими талантами, своею чудовищною энергіей помочь бѣдѣ, поправить дѣло раскола. Преосв. Макарій совершенно справедливо замѣчаетъ, что „никто столько не сдѣлалъ для раскола, какъ два брата Андрей и Семенъ Денисовы, князья Мышетскіе". Что жъ это были за люди, и что сдѣлали они для раскола? Представимъ въ общихъ чертахъ характеръ и значеніе этихъ людей, насколько можемъ это сдѣлать послѣ внимательнаго изученія ихъ сочиненій и жизни.

1) Расколоучители перваго періода, до-петровскаго, выступая съ своимъ протестомъ, не имѣли никакихъ заднихъ мыслей и стороннихъ побужденій, кромѣ развѣ мелочного самолюбія и личнаго раздраженія противъ патр. Никона; большею же частію ими руководило непосредственное убѣжденіе въ правотѣ раскольническаго ученія; они взывали къ народу, потому что искренно, большею частію, вѣрили, что съ сугубымъ аллилуія, съ хожденіемъ посолонь и тому подобными „догматами" соединено неразрывно вѣчное спасеніе. У нихъ одна забота—утверждать и распространять свое ученіе, успѣхъ котораго былъ для нихъ дѣломъ личной чести; что потомъ дѣлалось съ людьми, которые, внимая ихъ проповѣди, раздѣляли съ ними ненависть къ Никону и никоніанству, то выходило изъ круга ихъ непосредственныхъ намѣреній; самъ Аввакумъ, проповѣдь котораго обнимала сравнительно болѣе широкій кругъ предметовъ, договорился лишь до частныхъ отношеній раскольниковъ къ православнымъ въ общежитіи. Въ Андреѣ Денисовѣ, въ первомъ изъ вождей раскола, мы замѣчаемъ заднія мысли болѣе крупнаго размѣра,—мысли, которыя выходятъ изъ круга узкихъ, мелочныхъ интересовъ личныхъ. Тоже нужно сказать и о братѣ его Семенѣ, котораго вообще все значеніе состоитъ въ томъ, что онъ, обладая не меньшими талантами, какъ и Андрей, хорошо понялъ и усвоилъ себѣ его планы и цѣли и, подражая ему во всемъ, имѣлъ такой же успѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Оба брата воспитались и провели большую часть своей жизни въ Выговскихъ лѣсахъ и не имѣли никакихъ лично-непріязненныхъ отношеній къ кому-либо изъ правительственныхъ лицъ, подъ вліяніемъ которыхъ они могли бы раздражаться и ожесточаться такъ, какъ раздражался въ свое время Аввакумъ. Андрей Денисовъ обладалъ глубокимъ пониманіемъ раскола и современныхъ ему потребно-

стей раскольнической общины: этимъ объясняется та необыкновенная энергія, какую обнаружилъ Андрей и какая имѣла своимъ слѣдствіемъ то цвѣтущее состояніе, въ какомъ оставилъ онъ расколъ послѣ себя.

2) Какія же эти заднія мысли? Что значитъ это необычайное служеніе расколу всѣми силами своего существа со стороны человѣка даровитаго, умнаго, даже ученаго? Ничего нѣтъ труднѣе, какъ произносить судъ о внутреннихъ побужденіяхъ, движущихъ дѣйствіями человѣка. Здѣсь, конечно, прежде всего имѣла значеніе естественная потребность дѣятельности, какую свойственно испытывать всякому человѣку, сколько нибудь возвышающемуся надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Поставленный рожденіемъ и ходомъ вещей въ извѣстной средѣ, онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ ея интересовъ и свою энергію посвятилъ именно этимъ интересамъ. Андрей былъ человѣкъ по своему ученый, умный, съ извѣстнымъ практическимъ тактомъ; но онъ не былъ тѣмъ, что называется—человѣкъ образованный, просвѣщенный: онъ, поэтому, не могъ понять узкости и мелочности многаго въ расколѣ. Какъ же понималъ Андрей интересы раскола? Во всѣхъ его дѣйствіяхъ видна одна главная забота, одно стремленіе: обособить, всѣми правдами и неправдами, раскольническую общину, выдѣлить ее изъ среды православнаго міра, обезопасить, укрыть ее отъ всякихъ сношеній и связей, которыя могли бы повести къ сближенію, а затѣмъ, можетъ быть, и къ примиренію съ никоніанами, „оградить церковь отъ враговъ ея", какъ весьма удачно выражается П. Любопытный. Но для чего нужно было ему обособить раскольническую общину? Для того, чтобы самому властвовать надъ нею? Въ біографіяхъ Андрея и въ исторіи Выговской пустыни, дѣйствительно, проглядываетъ этотъ мотивъ довольно замѣтно. И конечно, распоряжаться по произволу тысячами, а можетъ-быть и милліонами простодушныхъ энтузіастовъ, владѣть безотвѣтно ихъ душами и тѣлами—имѣло бы свою прелесть и для человѣка болѣе нравственнаго и развитого, нежели какимъ былъ Андрей Денисовъ. Но едва-ли можно думать, что это былъ единственный мотивъ, двигавшій Андреемъ. Во-первыхъ, Андрей распоряжался раскольническою общиною, какъ мы увидимъ, не безотвѣтно и не деспотически, затѣмъ—дѣло управленія „выговскимъ пустынножительствомъ" сопряжено было для него со многими трудами и скорбями; для того, чтобы переносить ихъ, нужно было имѣть много любви къ своему дѣлу. Необычайная энергія, какою отличался Андрей, свойственна только людямъ болѣе или менѣе убѣжденнымъ. Этой энергіи вполнѣ отвѣчаетъ и тотъ энтузіазмъ, какой пробудилъ къ себѣ Андрей въ раскольнической массѣ, во всемъ раскольничьемъ мірѣ. Кажется, что Андреемъ не руководила наивная вѣра въ обыкновенные раскольническіе догматы, обыкновенный фанатизмъ раскольнической толпы. Конечно, по образу понятій о вещахъ, какой высказываетъ Андрей въ своихъ сочиненіяхъ, онъ былъ настоящій раскольникъ, т. е. онъ стоялъ, повидимому, на той степени религіознаго пониманія, какая доселѣ составляетъ отличіе раскола,—это крайній консерватизмъ въ вопросахъ церковныхъ, въ быту общественномъ и гражданскомъ; онъ придавалъ такое же догматическое значеніе обрядовой сторонѣ вѣры, какъ и вся прочая его братія, слѣпо признавалъ безусловную истинность всего, что существовало въ церкви до Никона, также былъ глухъ и нѣмъ ко всему, что говорилось церковію. Но эти понятія о вещахъ не возвышались въ немъ до

степени живого убѣжденія, задушевной думы. Андрей Денисовъ не обладалъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, при которомъ человѣкъ бываетъ особенно чутокъ къ истинѣ религіозной, по временамъ предается весь религіозной думѣ, которая бываетъ для него источникомъ чувствъ и самыхъ высокихъ, сладостныхъ и мучительныхъ страданій душевныхъ, какъ это было, напримѣръ, съ Лютеромъ. Нѣтъ, Андрей относился къ истинѣ религіозной холоднымъ умомъ, такъ сказать, схоластически. Онъ усердно занимался богословствованіемъ, но не потому, чтобы въ этомъ настояла внутренняя потребность для него лично, а изъ побужденій чисто внѣшнихъ; эти ученые труды нужны были ему для того, чтобы обезопасить свою общину отъ внѣшняго вмѣшательства, отдѣлаться отъ запросовъ власти церковной и гражданской. Если бы расколъ остался безотвѣтенъ предъ этими запросами, онъ потерялъ бы всякій законный поводъ къ своему отщепенству: расколъ долженъ былъ бы тогда или соединиться съ церковію, какъ это сдѣлали поповцы послѣ неудачныхъ преній съ Питиримомъ, или же подвергнуться преслѣдованію гражданскаго правительства, которое въ этомъ случаѣ получало благовидное основаніе видѣть въ раскольникахъ не столько церковныхъ отщепенцевъ, людей, отдѣлившихся отъ церкви по различію сознательнаго религіознаго вѣрованія, сколько враговъ порядка общественнаго, противниковъ власти гражданской, тогда открывался бы просторъ разнымъ принудительнымъ мѣрамъ въ отношеніи къ расколу, со стороны правительства, въ родѣ тѣхъ, какими дѣйствовали противъ раскола предшественники Петра. Таково было происхожденіе знаменитыхъ „Поморскихъ отвѣтовъ". „Сіе отвѣтное разглагольствіе писахомъ съ древлецерковными доводы, съ святоотеческими свидѣтельствы,—говоритъ Андрей Неофиту въ предисловіи,—дабы ваше учительство, усмотрѣвъ насъ во святоотеческихъ уставѣхъ крѣпцѣ и несумнительнѣ пребывающихъ, оставили насъ неволнуемы и необидимы, но отеческими утробами милостиво ущедряемы". Въ этомъ случаѣ Андрей весьма охотно дѣлалъ употребленіе изъ своихъ схоластическихъ способностей, радъ былъ дать работу мысли цѣпкой и изворотливой. Очень можетъ быть даже, что Андрей вовсе не вѣрилъ во многія изъ тѣхъ мелочей, которыя доказывалъ и изъ-за которыхъ препирался. Такимъ образомъ, мы не думаемъ, чтобы главнымъ источникомъ энергіи Андрея была какая-либо простодушная вѣра въ раскольническіе догматы... Умъ Андрея былъ болѣе практическаго свойства: онъ охотно занимался богословскими преніями, но еще охотнѣе, еще съ бо̀льшею энергіею онъ трудился, когда нужно было рѣшить какую-нибудь трудную практическую задачу, какъ, напримѣръ, выдти изъ затруднительнаго положенія. Андрей не столько былъ занятъ ученіемъ раскола, сколько его внѣшнею судьбой. Ученіе раскола было для него преданіемъ, готовымъ даннымъ; что же касается внѣшней судьбы раскола, то здѣсь каждую минуту расколъ, такъ сказать, вопіялъ къ нему о помощи; постоянно и чутко ему нужно было прислушиваться, откуда дуетъ вѣтеръ, не грозитъ ли откуда опасность и предотвращать ее; въ этомъ случаѣ Андрей былъ для раскола человѣкъ незамѣнимый. Бѣдственная судьба исповѣдниковъ „древняго благочестія" поражала его въ дѣтствѣ; надъ нею задумывался Андрей въ болѣе зрѣлыя лѣта, она же и до конца жизни постоянно давала работу его головѣ и его сердцу. Въ заботахъ объ улучшеніи внѣшней судьбы раскола Андрей поставлялъ свое при-

званіе, въ нихъ находилъ онъ наслажденіе независимо отъ помысловъ властолюбія и предавался этимъ заботамъ съ увлеченіемъ, со страстію. „Яко смокву обрѣтохомъ въ пустыни Израиля, или яко зерно едино или второе зрѣло въ безгодпѣ гроздѣ,—говоритъ Андрей о первомъ времени своего пребыванія въ пустынѣ Выговской,—бѣ бо тогда стадо Христово въ сихъ поморскихъ пустыняхъ аки въ нощи бурнѣй и темнѣй, въ гонительныхъ волненіяхъ и отъ безчисленныхъ людей въ обуреваніихъ, по пустынямъ, страдальчески, безъ чина и паствы". При видѣ этого разсѣяннаго стада, въ немъ естественно было явиться желанію—собрать его и заняться его судьбой. И такъ, вотъ, что возбуждаетъ фанатизмъ и энергію Андрея главнымъ образомъ: внѣшняя бѣдственная судьба раскола. Раскольнику, а особенно раскольнику тѣхъ временъ, слишкомъ трудно было бы, если бы даже онъ и захотѣлъ отрѣшиться отъ пристрастій и предубѣжденій противъ церкви православной. Затѣмъ Андрей шелъ обыкновеннымъ путемъ всѣхъ отрицателей: случайныя явленія въ русской церкви принялъ за общій законъ ея жизни, частное обнаруженіе, внѣшнюю форму—за существенное и пришелъ такимъ образомъ къ убѣжденію, что благо его общины—въ разрывѣ съ церковію и государствомъ, въ уединеніи и самобытномъ существованіе, каково бы ни было это существованіе.

Съ этой точки зрѣнія яснымъ представляется для насъ поведеніе и характеръ дѣйствій Андрея. Онъ видѣлъ, что единственное средство обособить его общину отъ православныхъ—раскольничество, что какъ въ глазахъ народа только религіозный фанатизмъ можетъ быть достаточно сильнымъ побужденіемъ выдѣлиться изъ общаго гражданскаго порядка, бросить села и деревни и бѣжать въ пустыню, обособиться отъ міра, въ которомъ царитъ антихристъ, такъ и въ глазахъ правительства гражданскаго и церковнаго, религіозное разногласіе можетъ служить достаточно благовиднымъ оправданіемъ отдѣленія со стороны раскола отъ церкви и общества: и вотъ онъ защищаетъ раскольничество всѣми силами, стараясь доказать, что не въ своихъ, но «древлепреданныхъ уставѣхъ пребываемъ... Но новины, какія затѣяхомъ, не догматы своесмышленныя нововнесохомъ, не за своевольная преданія утверждаемся: но готовая, древлеправославныя церкве преданія содержимъ, по готовымъ священнымъ книгамъ Богу службу приносимъ... Пріобщенія нынѣшнія россійскія церкви опасаемся, не церковныхъ собраній гнушающеся, не священныя саны отмѣтающе, не тайнодѣйствъ церковныхъ ненавидяще,—но подъ древлецерковныя запрещенія да не подпадемъ, съ новоположенными клятвами и порицаніями на древлецерковныя содержанія согласитися ужасаемся... Сего ради нѣсмы расколотворцы». Въ этомъ состоитъ первое и главное значеніе «Поморскихъ отвѣтовъ»; какъ ни велико это сочиненіе по объему, но въ немъ далеко не все сказано изъ дѣйствительныхъ вѣрованій Андрея и его паствы; многое скрадывается, ради большей благовидности. Андрей идеализируетъ расколъ, изображаетъ его въ такомъ видѣ, въ какомъ желалъ бы видѣть его самъ, или, лучше сказать, въ какомъ видѣ расколъ долженъ былъ представляться, по намѣренію Андрея, въ глазахъ правительства. Подобнымъ образомъ и проповѣди Андрея, имѣютъ цѣлію не столько разсѣять умственное невѣжество его паствы и дать имъ сколько-нибудь ясное пониманіе тѣхъ вѣрованій, за которыя боролся расколъ; Андрей главнымъ образомъ бо-

рется противъ нравственныхъ нестроеній паствы, которыя могли бы навлечь на Выговскую общину преслѣдованіе правительства, которое терпѣло ея существованіе въ томъ единственно убѣжденіи, что въ Выговскомъ общежительствѣ все обстоитъ благополучно. Далѣе: когда эти простые люди, спасаясь отъ преслѣдованій полиціи, очутились въ пустынѣ, — они вообразили себя пустынниками, аскетами. Но, привыкши вести жизнь семейную, они, конечно, оказались вовсе неспособными къ жизни аскетической. Андрей не могъ не видѣть этого; но, преслѣдуя свою цѣль — обособить свою общину отъ міра никоніанскаго, онъ не счелъ нужнымъ разочаровывать ихъ, выводить ихъ изъ заблужденія, чтобы, съ одной стороны, не отнять отъ нихъ того, что заставляло ихъ любить свое уединенное положеніе, а съ другой — чтобы сдѣлать ихъ жизнь, хотя по внѣшности, благовидною; онъ предоставилъ имъ пустосвятствовать, сколько имъ угодно; устроилъ даже жизнь ихъ на подобіе монастырской. Такой утилитарный взглядъ на дѣло, конечно, достоинъ осужденія: этимъ Андрей закрѣплялъ за расколомъ то фарисейство, то безнравственное раздвоеніе внутренняго и внѣшняго, какое до-селѣ характеризуетъ расколъ. Но нужно сказать, что какъ ни широкъ былъ взглядъ Андрея въ этомъ случаѣ, многаго труда стоило ему соблюдать и ту внѣшнюю благовидность, какую онъ считалъ необходимою. Потворствуя иногда разврату въ своей общинѣ, онъ уступалъ необходимости, уступалъ не безъ борьбы, какъ это видно изъ его проповѣдей, которыя всѣ почти посвящены увѣщаніямъ и обличеніямъ, хотя довольно нерѣшительнымъ и осторожнымъ, потому что его власть въ общинѣ не была настолько сильна, чтобъ онъ могъ ригористически вести себя въ отношеніи къ своей паствѣ; онъ видѣлъ невозможность передѣлать всю общину по извѣстной теоретической мѣркѣ, искоренить вдругъ то, что было въ натурѣ раскольника.

3) Что же именно сдѣлалъ Андрей для раскола? Въ описанное нами время, вождю раскола предстояло выполнить двѣ задачи: собрать во-едино это расточенное стадо, организовать его въ благоустроенную общину, привести въ порядокъ его внѣшній бытъ, обезпечить, по возможности, его гражданское положеніе, спокойныя и независимыя отношенія къ правительству гражданскому и церковному, дать раскольнической общинѣ свое хозяйство, свой внутреній бытъ; и во-вторыхъ, привести въ порядокъ ученіе раскола, поставить снова расколъ на его первоначальную почву, отъ которой отторглись первые расколоучители въ жару фанатизма и ожесточенія, формулировать раскольническія вѣрованія, дать имъ опредѣленный, по возможности систематическій видъ, подъискать для нихъ quasi-научныя основанія, чтобы свое отчужденіе отъ церкви и общества православнаго расколу можно было оправдывать своими вѣрованіями, замаскировать дѣйствительные мотивы этого отчужденія; наконецъ, для раскольнической общины рѣшить накопившіеся вопросы, возникшіе изъ новаго, отчужденнаго положенія ея. Андрей съумѣлъ выполнить какъ ту, такъ и другую задачу. Организуя раскольническую общину, онъ далъ ей благовидное устройство, не стѣсняя въ то же время серьезно инстинктовъ, порывовъ своеволія и разнузданности нравственной. Удовлетворяя второй потребности, Андрей далъ имъ такое богословіе, которое стояло гораздо выше пониманія раскольнической толпы и которое надолго обезопасило и укрыло поморцевъ со стороны

правительства. Петръ Великій былъ вполнѣ удовлетворенъ «Поморскими отвѣтами».

Совершено понятенъ тотъ необыкновенный энтузіазмъ, съ какимъ относятся къ Андрею Денисову раскольники всѣхъ временъ, для изображенія котораго безсильною оказывается незатѣйливая риторика его біографовъ и панегиристовъ. Нѣтъ похвалы, которою бы они его не превознесли. По мнѣнію современныхъ намъ раскольниковъ, заслуги Андрея для христіанства и церкви могутъ быть сравнены только съ заслугами св. князя Владиміра равноапостольнаго. Такъ, угличскій купецъ Выжиловъ показывалъ о себѣ на допросѣ, что онъ—«христіанскія вѣры, которая была принята княземъ Владиміромъ при крещеніи и согласно 106 отвѣтамъ, даннымъ іеромонаху Неофиту княземъ Мышетскимъ при Петрѣ I». Вообще братья Денисовы не только подняли упадавшее дѣло раскола, но и сообщили ему ту силу, самоувѣренность и самодовольство, которыя такъ долго служили и до-селѣ служатъ источникомъ его несокрушимаго упорства.

LXIX. Отношеніе Петра I къ расколу.

(Изъ статьи Елеонскаго: „О состояніи раскола при Петрѣ I". —„Христ. Чтеніе" за 1864 г., ч. III).

Внимательно всматриваясь въ отношенія Петра къ раскольникамъ, мы неизбѣжно встрѣчаемся съ фактами двухъ родовъ, повидимому совершенно не согласныхъ между собой. Съ одной стороны, государь въ своихъ правительственныхъ распоряженіяхъ и въ частныхъ столкновеніяхъ съ сектантами какъ-будто проводитъ начала вѣротерпимости: подъ условіемъ вѣрнаго исполненія государственныхъ повинностей, возложенныхъ на раскольниковъ, онъ позволяетъ имъ жить спокойно въ своихъ пустыняхъ и свободно отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, позволяетъ поселяться новымъ пришельцамъ въ раскольническихъ скитахъ, приказываетъ отводить имъ земли и давать льготу для поселенія. Раскольники Выговской пустыни отправляютъ къ государю своихъ посланныхъ съ письмами и съ гостинцами, съ живыми и стрѣлеными оленями... „и являхуся и письма подаваху и императорское величество все у нихъ милостиво и весело принимаше и письма ихъ вслухъ всѣмъ читаше". Мало того, государь не внималъ даже клеветамъ, какъ говорятъ раскольники, являвшимся на нихъ отъ различныхъ лицъ, т. е. не обращалъ вниманія на доносы, дѣлаемые на выговскихъ раскольниковъ, и въ указахъ, которые мы увидимъ ниже, защищалъ даже выговскихъ раскольниковъ отъ различныхъ притѣсненій въ ихъ религіозной жизни и промышленной дѣятельности, запрещая чинить имъ обиды подъ опасеніемъ жестокаго истязанія.

Но наряду съ этими и другими благопріятными для раскольниковъ распоряженіями Петра I-го являются факты другого рода, показывающіе совершенно противоположныя отношенія Петра къ раскольникамъ. Здѣсь

онъ является самымъ строгимъ и послѣдовательнымъ преслѣдователемъ раскольниковъ, старающимся подавить и ослабить ихъ строгими гражданскими мѣрами. Здѣсь мы видимъ продолжавшіеся во все царствованіе Петра сыски раскольниковъ военными командами, аресты, пытки и даже смертныя казни расколоучителей (каковы, наприм., казнь Ѳеодосія и дьякона Александра). Какъ согласить явленія этого рода съ указанными нами выше?

Недоумѣніе возрастаетъ еще больше и можетъ представиться даже неразрѣшимымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что тотъ же государь, не давшій раскольникамъ никакихъ гражданскихъ правъ и казнившій расколоучителей, защищалъ православныхъ христіанъ отъ фанатизма польскаго правительства, повелѣвалъ православнымъ архіереямъ „съ противными Церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостію поступать по Апостолу Павлу, яко рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти, по всѣмъ учительну, незлобиву“, а особенно, если обратимъ вниманіе на то, что Петръ I-й въ отношеніи ко всѣмъ другимъ разномыслящимъ съ православною Церковію (католикамъ, протестантамъ и др.) признавалъ полнѣйшую свободу совѣсти, давая всѣмъ вызываемымъ имъ изъ Западной Европы иностранцамъ самую полную свободу вѣроисповѣданія. Дружелюбно и милостиво принимая всѣхъ иностранцевъ въ русскую службу, онъ такъ объявляетъ въ манифестѣ 1702 г. апрѣля 16-го: „понеже здѣсь въ столицѣ нашей уже введено свободное отправленіе богослуженія всѣхъ другихъ, хотя съ нашею Церковію несогласныхъ христіанскихъ сектъ; того ради и оное симъ вновь подтверждается такимъ образомъ, что мы по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей. Итакъ, мы крѣпко станемъ того смотрѣть, чтобы по прежнему обычаю никто какъ въ своемъ публичномъ, такъ и частномъ отправленіи богослуженія обезпокоенъ не былъ, но при ономъ содержанъ и противу всякаго помѣшательства защищенъ былъ. Буде же случится, что въ какомъ либо мѣстѣ нашего государства или при нашихъ арміяхъ и гарнизонахъ не будетъ настоящаго духовнаго чину проповѣдника или церкви, то каждому позволено будетъ не токмо въ домѣ своемъ самому и съ домашними своими службу Господу Богу совершать, но и принимать къ себѣ тѣхъ, которые пожелаютъ у него собираться для того, чтобы отправлять богослуженіе“.

Какъ согласить все это съ различными стѣсненіями и часто даже очень крутыми мѣрами противъ раскольниковъ, бывшими при Петрѣ? Какое было общее начало, которымъ руководствовался въ своихъ, повидимому, совершенно противорѣчивыхъ отношеніяхъ къ раскольникамъ этотъ государь, недопускавшій никогда непослѣдовательности въ своей дѣятельности? Съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на расколъ и раскольниковъ? Противъ чего направлялись преслѣдованія—противъ ли церковнаго раскола собственно, или противъ чего-либо другого?

Точка зрѣнія на расколъ прежняго, до-петровскаго правительства была исключительно-религіозная, церковная. Подвергая раскольниковъ гражданскому суду, государство временъ Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича дѣйствовало такъ не въ своихъ собственно-государственныхъ интересахъ. Ихъ тогда почти еще не касался расколъ. Государ-

ство, дѣйствуя своими гражданскими мѣрами противъ раскольниковъ, дѣйствовало единственно для блага Церкви православной. Оно смотрѣло на нихъ съ религіозной точки зрѣнія, какъ на людей заблуждавшихся, и старалось возвратить ихъ къ Церкви. Великая цѣль, къ которой стремился Петръ I въ теченіе всей своей жизни, была благо государства. Ему онъ посвятилъ всѣ силы своей мощной натуры и его благу, его выгодамъ подчинялъ всѣ другія свои стремленія. Съ государственной пользой онъ соображалъ и исключительно къ ней направлялъ всѣ свои дѣйствія и реформы даже и въ церковномъ управленіи. Съ этой же государственной точки зрѣнія смотрѣлъ онъ и на дѣла раскольниковъ. Какъ государственный человѣкъ, Петръ прежде всего смотрѣлъ на то, могутъ ли раскольники быть полезными членами государства, и какъ скоро видѣлъ, что церковный расколъ не мѣшаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ быть честными и дѣятельными гражданами, оставлялъ ихъ въ покоѣ. Такъ, разсказываетъ Голиковъ, государь былъ разъ на биржѣ и здѣсь, увидѣвши между русскими и иностранными купцами калужскихъ купцовъ въ раскольническомъ нарядѣ, спросилъ: „каковы купцы изъ раскольниковъ, честны ли и прилежны ли и можно ли имъ въ торгу вѣрить?» Получивши на это утвердительный отвѣтъ отъ одного изъ таможенныхъ начальниковъ, Петръ сказалъ: «если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и носятъ свой козырь». Съ этой точки зрѣнія становятся намъ совершенно понятными неодинаковыя отношенія Петра I-го къ раскольникамъ.

Выговское общежитіе было самой благоустроенной раскольнической общиной. Раскольническаго фанатизма въ немъ не проявлялось. Все враждебное къ новому порядку вещей и къ государю здѣсь такъ было искусно замаскировано при ловкости Денисовыхъ и ихъ агентовъ, что подъ маскою самыхъ миролюбивыхъ и заискивающихъ отношеній къ государю слишкомъ трудно было замѣтить что-либо непріязненное. Они со всѣмъ наружнымъ радушіемъ исполняли самыя прихоти двора: отправляли особенныя партіи къ морю и на Канинъ носъ для поимки оленей и въ огромномъ количествѣ представляли ихъ ко двору при самыхъ почтительнѣйшихъ челобитьяхъ. А въ своей практической жизни выговскіе раскольники являлись людьми самыми дѣятельными: вели въ обширныхъ размѣрахъ землепашество, торговлю, у нихъ были свои суда, пристани, мельницы, заводы и т. п.; а такими хотѣлъ видѣть Петръ и всѣхъ своихъ подданныхъ. Мало того, они непосредственно приносили государству пользу, исправно работая на повѣнецкихъ желѣзныхъ заводахъ. Какъ ни тяжело было Выговской пустыни «быти подъ игомъ работы его императорскаго величества», по сознанію Ивана Филиппова, но выговскіе раскольники умѣли скрыть свои настоящія антипатіи и съ 1705 г. безъ остановки (какъ говорится въ сенатскомъ указѣ) пріискивали и подымали желѣзную руду для повѣнецкихъ заводовъ, а съ 1714 г. ломали известь, и этою рудою и известью тѣ заводы содержались безъ остановки. Государь зналъ о всемъ этомъ, и вотъ причина снисходительныхъ и даже благосклонныхъ отношеній его къ выговцамъ. Въ томъ же самомъ указѣ, которымъ приказывалось быть имъ «послушными въ работѣхъ повѣнецкимъ заводомъ и чинить имъ всякое вспоможеніе по возможности своей», предоставлялась имъ за это слѣдующая льгота: «и за то императорское величество даетъ имъ свободу жити въ той Вы-

говской пустынѣ и по старопечатнымъ книгамъ службы свои отправляти». Вмѣстѣ съ этимъ они освобождены были отъ всѣхъ другихъ государственныхъ повинностей, столь тяжелыхъ для всѣхъ другихъ и такъ удобно замѣненныхъ для нихъ заводскими работами, которыя они чрезвычайно легко могли исправлять, имѣя у себя множество рабочихъ рукъ. Эти два узаконенія были чрезвычайно важны для выговцевъ, которые de jure избавлялись такимъ образомъ отъ всякихъ, всегда опасныхъ для раскольниковъ, столкновеній съ различными властями. Къ нимъ никто не имѣлъ теперь права заглядывать въ скиты. Въ томъ же 1705 году, въ которомъ они были причислены къ петровскимъ заводамъ, имъ по указу Великаго Государя дано было собственное выборное начальство для того, чтобы «въ всякихъ расправныхъ дѣлахъ съ докладу начальныхъ людей вѣдать имъ Тихону и Никифору (имена выборныхъ) ихъ выгорѣцкихъ и всѣхъ новоселенныхъ жителей». Въ инструкціи, данной этимъ выборнымъ, повелѣвалось принимать всѣхъ новоприходящихъ въ подначальную имъ общину, записывать ихъ поименно и отводить имъ земли для поселенія. Имъ приказывалось—далѣе—«отъ постороннихъ всякихъ людей тѣхъ всѣхъ новопоселенныхъ жителей оберегать и въ обиду никому не давать, и буде кто безъ указу пріѣдетъ, имъ какія кто безчинія чинить станетъ и тѣхъ имать и присылать на заводы». За исправныя работы на заводахъ и усердное пріискиваніе для нихъ рудъ обѣщались выгорѣцкимъ жителямъ «и отъ Вышняго воздаянія и отъ великаго государя милости, и какіе имъ выгорѣцкимъ жителямъ еще для распространенія въ прибавку надобны земли и угодья и опыя довольности и то по доношеніи, что можно, дано будетъ». Еще важнѣе въ этой инструкціи пунктъ 11-й, изъ котораго видно, что и это выборное начальство не должно было вмѣшиваться въ дѣла общежительныхъ раскольниковъ, и которымъ приказывалось дѣйствовать въ отношеніи къ нимъ съ «повелѣнія» начальныхъ ихъ людей (т. е. настоятелей Выговскихъ скитовъ) и запрещалось чѣмъ-либо оскорблять общежительныхъ раскольниковъ: «и которые живутъ въ общежительствѣ и о тѣхъ имѣть имъ старостѣ и выборному отъ начальныхъ надъ ними всякую вѣдомость. И на работы буде отъ нихъ почему доведется быть и то имѣть съ ихъ же повелѣнія, а самимъ отнюдь дерзновенія никакого надъ общежительными не чинить».

Но какъ ни спокойны были выговцы въ своихъ скитахъ, какъ ни защищены были, по сознанію ихъ самихъ, «отъ разоренія и обидъ въ вѣрѣ и моленіи ихъ по старопечатнымъ книгамъ», какъ «ни умилостивлены они были ради царскія милости и заводскихъ работъ отъ градоначальствующихъ», все-таки случалось и имъ испытывать нѣкоторыя стѣсненія. Защищенные въ стѣнахъ своихъ скитовъ, они не были безопасны внѣ ихъ. Такъ, въ 1709 г., какъ писали выговцы, «глада ради посланныхъ отъ нихъ покупать въ каргопольскомъ уѣздѣ заказщикъ архіерейскій архимандритъ Іосифъ съ подъячимъ и попами и приставами бивше безъ милости деньги и запасы сиротскіе поотняли», а въ 1713 г. отправленъ былъ выговцами въ Новгородъ Семенъ Денисовъ для совершенія купчей крѣпости на Чаженскую землю и для полученія позволенія переѣхать имъ на эту землю и устроить на ней монастырь; но въ Новгородѣ онъ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму. Спустя годъ послѣ этого (въ 1715 г.), на выговцевъ сказано было однимъ бѣг-

лецомъ страшное „слово и дѣло". Изъ Преображенскаго приказа прислано было приказаніе начальнику заводовъ представить къ розыску Даніила Викулова и нѣкоторыхъ другихъ, которымъ составленъ былъ реэстръ. Въ такихъ случаяхъ выговцы прямо обращались къ государю съ жалобами на притѣсненія особенно отъ духовныхъ властей, и при помощи различныхъ покровительствовавшихъ имъ лицъ, которыхъ они умѣли находить между самыми довѣренными лицами государя, достигали полнаго успѣха.

И такъ благосклонно относился Петръ не только къ однимъ выговцамъ, но и къ нѣкоторымъ другимъ раскольникамъ. Такъ, стародубскіе раскольники оказали ему довольно значительную услугу въ самое критическое для него время сѣверной войны. При помощи Мазепы, шведы все глубже и глубже врѣзывались въ Малороссію и приблизились уже къ предѣламъ стародубскимъ. Въ это то время «слобожане сіи,—какъ говоритъ Іоанновъ,—собравшись, первый опытъ вѣрности отечеству показали». Безоружные мужики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непріятеля атаковали, нѣсколько сотенъ побили и, живыхъ захватя, въ Стародубъ къ самому государю, тогда бывшему тамо, плѣнниками привели». Понятно, какъ пріятно это было Петру, и онъ тогда же приказалъ полковнику Іергольскому переписать всѣхъ раскольниковъ и утвердилъ ихъ за собою, „съ тѣмъ, чтобы впредь оными никто не могъ владѣть". „Сія первая перепись тѣмъ щастіемъ слобожанъ наградила, что они промыслами своими, торгами и художествами и нынѣ въ купеческомъ состояніи безпрепятственно пользуются. Тогда бѣглецы, какого званія ни были, всемилостивѣйше прощены, а земли, на которыхъ они безъ позволенія у пановъ поселились, въ штрафъ тѣхъ вѣчно и потомство во владѣніе слобожанамъ отведены и утверждены". Такъ благосклонно относился Петръ къ раскольникамъ, какъ скоро они оказывались безвредными и даже полезными его подданными.

Но мы уже видѣли, что раскольники не всѣ были таковы. Между ними много было фанатиковъ, открыто возстававшихъ противъ новыхъ гражданскихъ порядковъ, обнаруживавшихъ самую непримиримую ненависть къ государю, называвшихъ его антихристомъ и даже покушавшихся на его жизнь. Ихъ являлось тогда очень много; ими постоянно были наполнены тюрьмы Преображенскаго Приказа, и всѣ эти лица,—были ли они собственно церковными раскольниками или нѣтъ,—причислялись, при тогдашней спутанности понятій, къ раскольникамъ. Естественно, что подъ вліяніемъ неоднократнаго заявленія ими въ Преображенскомъ указѣ на вискѣ, подъ ударами кнутовъ, сильныхъ антипатій къ новой имперіи и особенно ея главѣ, составлялся у Петра 1-го самый невыгодный для раскольниковъ взглядъ на нихъ, какъ на людей, не только безполезныхъ по своей приверженности къ старинѣ, но и чрезвычайно вредныхъ для государства по производимымъ ими безпорядкамъ въ жизни гражданской (побѣгамъ въ лѣса и раскольническіе скиты, уклоненію отъ податей, рекрутства и т. п.) и по ненависти къ государю. И чѣмъ болѣе съ теченіемъ времени накоплялось подобныхъ фактовъ, которые всѣ зналъ, конечно, государь, вникавшій самъ во все, тѣмъ тверже образовывалось въ немъ предубѣжденіе противъ раскольниковъ и тѣмъ естественно становились строже мѣры противъ нихъ, пока, наконецъ, раскольничьи дѣла не были причислены Сенатомъ 1 іюня

1724 года къ злодѣйственнымъ, „понеже, говорится въ этомъ указѣ, раскольническая прелесть, упрямства наполненная, правовѣрію противна и злодѣйственна есть“. Такимъ образомъ, слово „раскольникъ“, стало въ то время синонимическимъ съ словами: человѣкъ никуда не годный и положительно вредный.

Такимъ образомъ, та же чисто-гражданская точка зрѣнія на раскольниковъ, привлекшая къ нѣкоторомъ изъ нихъ милостивое снисхожденіе государя, побуждала его дѣйствовать противъ другихъ строгими гражданскими мѣрами. И понятно, что всего строже и круче онѣ были противъ политико-религіозныхъ фанатиковъ, разсказовъ о трагической судьбѣ которыхъ такъ много въ двухъ томахъ „Раскольничьихъ дѣлъ XVIII стол.“. Участь ихъ была одинакова: виска, кнутъ и послѣ этого или (въ случаѣ ложнаго доноса) выпускъ изъ бѣдностей (такъ назывались тюрьмы Преображенскаго Приказа) совѣмъ изломаннаго человѣка,—или висѣлица, колесованіе, копченіе и т. п. Слишкомъ тяжелы были мученія этихъ людей, но они обрекались на нихъ вовсе не за церковный расколъ, а за оскорбленіе Величества, за разные неблагопріятные отзывы,—иногда очень странные,—о лицѣ государя и его дѣйствіяхъ. Церковный расколъ стоялъ здѣсь далеко на заднемъ планѣ; его касались въ допросахъ между прочимъ, и въ случаѣ упорства въ церковномъ расколѣ отсылали для увѣщанія къ духовнымъ властямъ. Упорное неповиновеніе церкви увеличивало только нѣсколько тяжесть наказанія. Конечно, между этими лицами и даже всего чаще были и церковные раскольники, но были также и не церковные отщепенцы, какъ видно изъ примѣровъ Талицкаго, Алексѣя Лампадчика и другихъ обвиненныхъ вмѣстѣ съ ними лицъ; и участь тѣхъ и другихъ была совершенно одинакова. Главное, что было предметомъ розысковъ Ромодановскаго, Ушакова и Толстого, за что поднимали подсудимыхъ на виску, о чемъ спрашивали они подъ многочисленными ударами кнута; это были дѣйствія и слова часто самыя мелочныя, въ которыхъ обнаруживалось какое-нибудь неудовольствіе государемъ и новыми порядками,—слова, сказанныя гдѣ-нибудь въ лѣсу, на дорогѣ, въ откровенной бесѣдѣ и т. п. Строго говоря, исторія этихъ лицъ и относится не къ исторіи раскола, а къ исторіи наказаній за государственныя преступленія. Но собственныя страданія этихъ лицъ не искупали еще всей тяжести ихъ вины. Эти лица, между которыми встрѣчались и дѣйствительные раскольники, имѣли огромное вліяніе на судьбу всѣхъ своихъ собратій. Они-то именно, по нашему мнѣнію, и вооружили Петра противъ раскольниковъ и побудили его принять противъ нихъ стѣснительныя мѣры.

Въ отношеніи къ расколу Петръ I держался совершенно другихъ правилъ, чѣмъ какимъ слѣдовали въ позднѣйшее время. Петръ не скрывалъ раскольниковъ, не держалъ ихъ въ какой то таинственной неизвѣстности. Смотря на нихъ, какъ на людей злонамѣренныхъ, вредныхъ для государства, онъ прежде всего обезпечивалъ себя отъ нихъ посредствомъ явности ихъ. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ раскольники всегда и вездѣ были на виду, чтобы при первомъ взглядѣ на нихъ можно было вѣрно угадать, что это за лица, „ибо отъ явныхъ раскольниковъ,—какъ говорится въ Духовномъ Регламентѣ,—напасти блюстися не надобно“. Для этого онъ нарядилъ ихъ въ особенное, самое старинное платье, какого никто уже не носилъ. Въ 1722 году онъ указалъ, чтобы раскольники

никакого иного платья не носили, какъ самое старое, а именно: зипунъ съ стоячимъ клееным козыремъ, ферязи и однорядку съ лежачимъ ожерельемъ. Но этимъ не удовольствовался изобрѣтательный государственный юморъ Петра. Кромѣ верхняго платья, онъ отличилъ раскольниковъ еще особенными козырями изъ краснаго сукна, чтобы они не смѣшивались съ бородачами, а потомъ, въ 1724 году кромѣ этого еще—особыми мѣдными знаками, которые должны были носить раскольники на верхнемъ своемъ платьѣ, какъ постоянную вывѣску своего сектаторства. И подобнымъ образомъ наряжалъ онъ не раскольниковъ только, но и раскольницъ. Этимъ же указомъ повелѣвалось послѣднимъ носить старинныя опашни и шапки съ рогами. Средство, повидимому, прекрасное. Раскольники самымъ наружнымъ, уродливымъ своимъ видомъ преданы были посмѣянію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же уродливый наружный видъ постоянно напоминалъ имъ объ униженіи, въ какомъ они находились, и возбуждалъ въ нихъ естественно горькія чувствованія, еще болѣе ожесточавшія ихъ противъ Церкви православной, и это тѣмъ болѣе, что исполненіе этихъ юмористическихъ выходокъ Петра поручаемо было Св. Сѵноду, который долженъ былъ заниматься разсылкою образцоваго платья для раскольниковъ и бородачей, которое предлагаемо было „на взираніе всѣмъ не скрытно“ въ Приказѣ Церковныхъ Дѣлъ. Далѣе, постепенно утверждаясь во взглядѣ на раскольниковъ, какъ на людей вредныхъ, „радующихся государственному несчастію“, Петръ лишилъ ихъ возможности занимать какія либо государственныя должности, „даже, какъ сказано въ духовномъ Регламентѣ, до послѣдняго начала и управленія, чтобы не вооружать намъ на насъ же лютыхъ непріятелей и государству и государю зло мыслящихъ“. Отсюда рядъ указовъ, частію не потерявшихъ своей силы еще и доселѣ, которыми запрещалось давать раскольникамъ какую либо правительственную должность. Раскольникамъ не позволено быть даже свидѣтелями въ судебныхъ дѣлахъ, кромѣ дѣлъ, случавшихся между раскольниками же. Имъ доступенъ былъ одинъ только выборъ въ старосты и сборщики штрафовъ съ раскольниковъ.

Но, стараясь обезопасить государство отъ раскольниковъ, Петръ въ то же время вовсе не считалъ полезнымъ для государства дѣйствовать противъ нихъ прежними чрезвычайно-строгими гражданскими мѣрами и возбуждать фанатизмъ въ сектантахъ. Онъ дозволялъ раскольникамъ спокойно оставаться при своихъ вѣрованіяхъ, но только подъ условіемъ взноса двойныхъ податей противъ надлежащаго. Такъ, въ 1714 г. онъ указалъ переписать раскольниковъ и обложить ихъ двойнымъ окладомъ податей; въ 1716 году и послѣдующихъ годахъ онъ снова подтвердилъ этотъ указъ. Указомъ 14 марта 1720 года предписывалось всѣмъ раскольникамъ „безъ всякаго сомнѣнія и страха“ записываться въ Приказѣ Церковныхъ Дѣлъ, „а ежели кто, вѣдая сей указъ, за расколъ въ платежѣ двойного оклада къ запискѣ не явится, а въ томъ отъ кого изобличенъ будетъ, и тому преслушнику учинено будетъ жестокое гражданское наказаніе и управленъ будетъ“,—мѣра, удержавшая силу закона до 1782 года и очень понятная съ той точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ Петръ на раскольниковъ. Двойнымъ окладомъ съ нихъ государство вознаграждало для себя потерю другихъ услугъ себѣ, въ которыхъ отказано было раскольникамъ, и въ этомъ отношеніи очень послѣдовательно было со стороны Петра обратить очень значительный въ общей сложности сборъ

двойнаго оклада въ доходъ государства и поручить его сенату, какъ и сдѣлалъ онъ въ 1724 году. Но пригодна-ли была эта мѣра, какъ средство обращенія раскольниковъ къ Церкви? Совѣтуя Петру Великому непремѣнно постановить, чтобы ежегодно собираемъ былъ штрафъ съ неисповѣдывавшихся и двойной окладъ съ раскольниковъ, преосв. Питиримъ прибавлялъ: „и мы подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ писаніемъ удобнѣе къ Церкви присоединяти будемъ“. Вотъ какъ описываетъ слѣдствія положенія выговцевъ въ двойной окладъ Иванъ Филипповъ. „И отъ того времени (1726 г.) Выговскую пустыню отрѣшиша заводцкихъ работъ, наложиша двойные подушные деньги, такожде и женскій полъ переписаша и наложиша и на нихъ платежъ и начаша платить по вся годы, съ радостію окупая древлецерковное благочестіе“. И что-же? Ослабѣла ли отъ этого Выговская пустынь? Не только не оскудѣла, но еще умножилась, по свидѣтельству Филиппова. „Отъ сицевыя-же благословенныя вины умножишеся братство обѣихъ обителей; и странныхъ и нищихъ умножишеся, колико умножашеся, толико и отъ Вышняго промысломъ всякое изобильство во обѣихъ обителѣхъ умножашеся и распространяшеся отъ пашенъ“... И понятно, отчего это. Всѣ бѣдные раскольники, съ которыхъ требовали двойной окладъ, разсѣянные по деревнямъ и лѣсамъ, устремились теперь въ раскольническіе скиты и увеличили естественно ихъ силу, давая имъ новыя рабочія руки. И такъ было не въ одной только Выговской пустынѣ, но и у другихъ раскольниковъ. Изъ донесенія позднѣйшаго времени мы узнаемъ, что въ стародубскія слободы переселялись и записывались многіе и такіе, которые вовсе не были раскольниками. Такъ, управлявшій этими слободами доносилъ, что въ его время (около 1760 г.) эти слободскіе раскольники „россійскихъ бѣглыхъ солдатъ, драгунъ и другого всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми семьями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу и, живши тамъ малое время, они возвращаются къ границѣ для опредѣленія въ раскольническія слободы, называясь раскольниками, которые-де никогда раскольниками не бывали“... Онъ же доносилъ, что въ этихъ слободахъ живутъ изъ разныхъ городовъ бѣглые богатые купцы, называя себя раскольниками-же, укрываются отъ положенныхъ на нихъ податей и рекрутскихъ наборовъ, а подушныхъ платятъ по 72 (двойной окладъ съ раскольниковъ-крестьянъ). Такимъ образомъ и вслѣдствіе этого обстоятельства расли главные центры тогдашняго раскола, производившіе тогда огромное вліяніе на всѣхъ своихъ собратій.

Но если не слишкомъ тяжело было платить двойныя подати зажиточнымъ раскольникамъ и богатымъ раскольничьимъ скитамъ, то нельзя этого, конечно, сказать о бѣдныхъ раскольникахъ. Естественно, что нашлось много такихъ, которые не могли платить этихъ податей, но въ то же время не хотѣли отстать отъ раскола. Для такихъ раскольниковъ до поры до времени одинъ былъ выходъ—укрываться отъ переписи. У многихъ было и другое побужденіе къ тому же.

При извѣстныхъ уже взглядахъ раскольниковъ на Петра, очень естественно могла распространиться мысль, что платить государю подать за расколъ, значитъ служить антихристу, и что мѣдные знаки, которые должны были носить записные раскольники, есть печать антихристова. И вотъ явились многіе фанатики изъ раскольниковъ, которые не хотѣли записываться въ расколъ. Противъ этихъ-то собственно незаписныхъ

раскольниковъ и направлены были строгія мѣры (ссылки и аресты раскольниковъ военными командами). Но онѣ нисколько не касались записныхъ раскольниковъ. Если случайно и схватывали ихъ, то снова отпускали, увѣрившись въ записи въ расколъ. Такъ, напримѣръ, схваченъ былъ въ нижегородской епархіи старецъ Аврамій, но „г. Ржевскій велѣлъ, учиня наказаніе, отослать по прежнему въ Керженецъ для того, что тотъ старецъ Аврамій въ окладныхъ книгахъ записанъ и окладъ платилъ".

Укрывательство въ расколѣ было величайшимъ преступленіемъ. За него положено было такое же наказаніе, какъ за сопротивленіе власти. „А господъ, скрывавшихъ въ своихъ имѣніяхъ раскольниковъ, въ случаѣ несогласія объявить послѣднихъ, позволено было даже епископамъ предавать анаѳемѣ. Великій государственный организаторъ не терпѣлъ такихъ безпорядковъ и точно такъ же, какъ для поимки простыхъ бѣглыхъ, ускользавшихъ изъ машины устрояемаго имъ государственнаго организма, отправляемы были сыщики по всему государству, точно также и для поимки тайныхъ, незаписныхъ раскольниковъ приказано было отправлять воинскія команды. Съ переходомъ всѣхъ сборовъ съ раскольниковъ въ вѣдѣніе Св. Сѵнода, ему же, естественно, приходилось заниматься и разсылкою этихъ воинскихъ командъ противъ незаписныхъ раскольниковъ. Для этого въ вѣдѣніи Св. Сѵнода находилось нѣсколько офицеровъ съ партіями солдатъ и, какъ скоро открывались новые раскольники, они тотчасъ же отправляемы были для переписи ихъ. Такъ, въ 1721 г. Ѳеофанъ, архіепископъ новгородскій, ходатайствовалъ предъ Св. Сѵнодомъ объ опредѣленіи такой особы, которая могла бы заниматься переписью раскольниковъ въ Новгородской губерніи и сборомъ съ нихъ двойного оклада и штрафныхъ денегъ,—и Св. Сѵнодъ «предѣлилъ къ означеннымъ дѣламъ поручика Ивана Коптѣлова для сыску и переписи раскольниковъ» съ особенной инструкціей, въ которой наказывалось ему «сыскивать съ прилежно-тщательнымъ радѣніемъ и переписать всѣхъ безъ утайки и тѣ двойного оклада деньги повсегодно сбирать съ нихъ сполна и на ослушникахъ править безъ понаровки». Въ томъ же 1721 г. іюля 12-го, вслѣдствіе донесенія архимандрита Антонія, приказано было Ржевскому, нижегородскому вице-губернатору, сыскивать муромскихъ раскольниковъ и отсылать для допросовъ и взятія съ нихъ штрафныхъ денегъ въ Москву въ Приказъ Церковныхъ Дѣлъ, «а оставшіяся отъ нихъ ихъ раскольническія жилища разорять до основанія, дабы и слѣдъ того мѣста не былъ знаемъ». Въ 1722 году «для вспоможенія іеромонаху Рѣшилову въ сыску стародубскихъ раскольниковъ требованъ былъ изъ сената изъ офицеровъ человѣкъ добрый».

Въ 1723 году сдѣлались извѣстными раскольники въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, вѣроятно вслѣдствіе донесенія Леонида, архіепископа сарскаго, и Св. Сѵнодъ положилъ отправить указъ въ Военную Коллегію, чтобы отсюда немедленно присланъ былъ вѣрный офицеръ съ капральствомъ вооруженныхъ солдатъ». Секретарь военной коллегіи почему-то не хотѣлъ исполнить этого предписанія, и сѵнодскій указъ довольно долго оставался не исполненнымъ; вслѣдствіе этого положено было снова «требовать оберъ-офицера въ содержаніи вѣрности и въ надлежащей отправѣ извѣстнаго и капральства вооруженныхъ драгунъ немедленно».

Это же вмѣнено было въ непремѣнную обязанность и всѣмъ губернаторамъ, которые должны были «чинить духовнымъ приставникамъ по дѣламъ раскола всякое вспоможенiе со всеусердотщательнымъ радѣнiемъ». Таковъ былъ порядокъ дѣлъ въ отысканiи раскольниковъ, продолжавшiйся до 1762 года, въ которомъ манифестомъ 22 сентября положено было содержащихся подъ карауломъ по раскольническимъ дѣламъ всѣхъ освободить и прекратить самыя слѣдствiя; а въ слѣдующемъ (1763) году, 15 декабря закрыта была и самая раскольничья контора, и раскольниковъ съ этого времени положено было вѣдать въ общемъ судилищѣ.

Присмотримся внимательнѣе къ этому грустному порядку дѣлъ, такъ долго продолжавшемуся (около 60-ти лѣтъ), и посмотримъ на происходившiя изъ него слѣдствiя. Прежде всего, кого именно должны были забирать посылаемые офицеры съ командами? Какъ могли они открывать раскольниковъ?

Первымъ средствомъ для этого служило перстосложенiе для крестнаго знаменiя. Во времена Петра I-го и долго еще спустя послѣ него, къ раскольникамъ причислялись всѣ, несогласные съ православною Церковiю касательно перстосложенiя; и странно—даже и тѣ изъ нихъ, которые во всемъ другомъ повиновались православной Церкви и принимали отъ нея всѣ таинства. «Которые хотя святѣй церкви и повинуются,—говорится во II пунктѣ распоряженiй по обращенiю раскольниковъ (изд. 15 марта 1722 г.) и всѣ церковныя таинства прiемлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не троеперстнымъ сложенiемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ мурованiемъ и которые хотя и по невѣжеству и отъ упорства то творятъ, обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что». Это же правило подтверждено было снова въ 1724 году (21-го октября) въ указѣ тобольскому митрополиту Антонiю и удерживало всю свою силу до 5-го сентября 1763 года, въ которомъ Св. Сvнодъ съ Сенатомъ на конференцiи бывшей о раскольникахъ, опредѣлили: не признавать раскольниками и не отлучать отъ входа церковнаго и отъ таинства крестящихся двоеперстнымъ сложенiемъ и прiемлющихъ отъ православныхъ священниковъ таинства, «въ такомъ надѣянiи, что они, будучи неотлучены отъ правовѣрныхъ, совершенно православную нашу вѣру познаютъ»...

Понятно само собой, сколькихъ своихъ чадъ должна была лишаться Церковь при такомъ строгомъ взглядѣ на двоеперстное сложенiе, которымъ и до сихъ поръ еще крестятся слишкомъ многiе, особенно изъ православныхъ простолюдиновъ. Но, «не взирая ни на что», — какъ говорится въ приведенномъ нами указѣ, ихъ причисляли тогда къ расколу, отлучали отъ церкви, и они мало-по-малу, обращаясь съ раскольниками, къ которымъ были причислены, и сами естественно отпадали отъ Церкви. Впрочемъ, это былъ не единственный признакъ къ открытiю раскольниковъ. 29-го октября 1722 года Св. Сvнодъ нашелъ, что единственнымъ способомъ къ узнанiю раскольниковъ представляется присяга и потому опредѣлилъ: «приводить къ присягѣ всѣхъ, всякаго званiя обывателей, а которые къ той присягѣ не пойдутъ, таковыхъ записывать подъ двойной окладъ»,—средство уже болѣе надежное.

Легко представить, какое дѣйствiе производили эти команды на раскольниковъ. Самымъ естественнымъ слѣдствiемъ ихъ было то, что раскольники оставляли или только на время или на всегда мѣста своего

жительства. И вотъ начались побѣги раскольническіе, разсѣявшіе еще болѣе плевелы раскола. Такъ, вслѣдствіе усиленныхъ поисковъ преосвященнаго Питирима и вице-губернатора Ржевскаго, одни изъ керженскихъ раскольниковъ убѣжали въ поморскіе и порубежные скиты, другіе, какъ доносилъ въ 1790 году самъ Питиримъ, — «за Усту и на Мстіаръ», смежныя съ Нижегородской губерніей, третьи устремились большими массами въ Сибирь, такъ что преосвященный Питиримъ и Ржевскій совѣтовали Государю не ссылать болѣе раскольниковъ въ Сибирь, потому что здѣсь ихъ много можетъ сосредоточиться такъ, что можно опасаться вредныхъ послѣдствій отъ раздраженныхъ скопищъ раскольниковъ. Военные поиски доводили до того раскольниковъ, что они иногда забывали народную ненависть и отвращеніе къ татарамъ и поступали къ нимъ въ услуженіе, скрываясь, какъ доносилъ Сильвестръ, казанскій архіепископъ, «отъ изысканія». Такимъ образомъ, эти гражданскія мѣры противъ раскольниковъ, уменьшая ихъ количественно въ одномъ мѣстѣ, увеличивали въ другомъ и передвигали расколъ, съ выигрышемъ, очевидно для послѣдняго, изъ одной мѣстности въ другую, въ которой раскольники дѣйствовали съ большею ревностью и вліяніемъ, какъ страдальцы за вѣру. Но эти ссылки производили болѣе печальное слѣдствіе: раскольники фанатическіе при появленіи сыщиковъ предавались самосожженію, какъ это видно изъ донесенія Исецкой канцеляріи.

Но, конечно, не всѣ раскольники успѣвали скрываться; нѣкоторыхъ изъ нихъ отыскивали и, заковавъ въ ручные и ножные кандалы, отправляли къ мѣстному начальству. При этомъ, конечно, не обходилось безъ злоупотребленій со стороны сыщиковъ. Иногда сборщики за расколъ наѣзжали съ солдатами на селенія, въ которыхъ не было уже болѣе раскольниковъ, или забирали по оговорамъ вовсе не раскольниковъ. Предусмотрительный государь самъ предвидѣлъ это и потому онъ на представленіе Св. Сvнода о томъ, „дабы посылаемымъ отъ духовнаго правительства и отъ раскольныхъ дѣлъ людямъ въ выимкѣ раскольническихъ учителей чинено было безпрепятственное послушаніе имъ и не требовалися бъ свѣтскими послушные отъ командировъ ихъ указы", сдѣлалъ такое рѣшеніе: „дабы для какой страсти духовные приставники не затѣвали на кого напрасно; того для повиненъ духовный приставникъ, взявъ такова, ни мало державъ, привести къ свѣтскому начальнику для освидѣтельствованія. И будетъ увидѣти (послѣдній), что раскольникъ, отдать духовному приставнику". Несмотря на эти предосторожности, все-таки случалось и такъ, что забирали людей не зараженныхъ расколомъ и подвергали ихъ всѣмъ безпокойствамъ арестантовъ.

Но вотъ нѣкоторые раскольники пойманы и представлены въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ къ мѣсту назначенія. Послѣ допросовъ ихъ отправляли къ духовному начальству для увѣщанія. Легко понять, могли ли эти увѣщанія сколько-нибудь благотворно дѣйствовать на раскольниковъ, которыхъ приводили къ увѣщателямъ въ кандалахъ? Могли ли они, при всей своей истинности, проникнуть въ души людей, ожесточенныхъ бѣдствіями? При этомъ нужно сказать и то, что нѣкоторые увѣщатели, наскучивъ разглагольствіями съ упорными раскольниками, прибѣгали къ угрозамъ. Вслѣдствіе этого пастырскія увѣщанія арестантамъ раскольникамъ рѣдко достигали на самомъ дѣлѣ своихъ добрыхъ цѣлей, и слишкомъ многіе изъ сыскиваемыхъ раскольниковъ

оставались упорными въ своихъ заблужденіяхъ, не смотря на предстоящую имъ за это тяжелую участь. Такіе обыкновенно разсылались по крѣпкимъ монастырямъ, на посмертное въ нихъ заключеніе.

Дѣйствуя особенно строгими мѣрами противъ, потаенныхъ, незаписныхъ раскольниковъ, изъ которыхъ мірянъ, въ случаѣ необращенія ихъ къ Церкви, ссылали на каторгу, а монашествующихъ въ монастыри, государь употреблялъ и средства, которыя должны были предохранять православныхъ отъ зараженія ихъ расколомъ. Въ 1716 году изданъ былъ царскій указъ, чтобы всѣ сыны православной Церкви у отцевъ своихъ духовныхъ исповѣдывались повсегодно, а съ неисповѣдывавшихся положено было брать штрафъ „противъ дохода ихъ втрое, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять же“. Чрезъ годъ этотъ именной указъ подтвержденъ былъ съ новою силою и съ прибавленіемъ еще такого рода: „дабы всѣ люди въ господскіе праздники и въ воскресные дни ходили въ Церковь Божію къ вечерни и по вся годы исповѣдались“. Съ неисповѣдавшихся положено было: съ разночинцевъ и посадскихъ людей въ первый разъ брать по рублю, во второй — по два и т. д.; съ поселянъ—въ первый по 10 денегъ, а другой—по гривнѣ, а третій—по пяти алтынъ. А съ тѣхъ, которые отказывались платить этотъ штрафъ, велѣно было „править деньги неослабно, а которые съ правежа платить не будутъ, и таковыхъ его императорскаго величества указу мужеска посылать на галеру, а женска пола на прядильный дворъ“.

Мы разсмотрѣли всѣ главнѣйшія мѣры Петра I-го противъ раскольниковъ и, думаемъ, нѣсколько уяснили точку зрѣнія на нихъ Петра I-го. Въ расколѣ этого времени былъ силенъ элементъ противогосударственный и въ нѣкоторыхъ людяхъ онъ обнаруживался опасными и вредными явленіями. Для государства были вредны эти люди, относившіеся съ такими антипатіями къ новому порядку вещей, и оно (естественно) считало нужнымъ строго дѣйствовать противъ нихъ.

LXX. О состояніи русской образованности при Петрѣ Великомъ.

(Изъ сочин. Пекарскаго: „Наука и литература при Петрѣ В.“).

Въ исторіи русскаго просвѣщенія XVII и XVIII столѣтій два событія останавливаютъ, въ особенности, вниманіе изслѣдователя: это заведеніе академіи въ Кіевѣ Петромъ Могилою и заботы Петра Великаго о распространеніи знаній въ Россіи. Оба эти событія, одно въ началѣ XVII, другое въ первые годы XVIII вѣка, имѣли такое огромное вліяніе на послѣдующій ходъ русскаго просвѣщенія, что въ нихъ находится зародышъ и начало всего, происходившаго въ нашей исторіи наукъ и литературы, и здѣсь надобно искать разгадки многому, что существовало и держалось у насъ долгое время послѣ.

Избравъ для изслѣдованія умственное движеніе въ русской жизни петровскихъ временъ, мы, по необходимости, должны ограничиться не-

многими только замѣчаніями о предшествовавшей эпохѣ,—эпохѣ не менѣе любопытной и богатой самыми разнообразными явленіями. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Петръ Могила, учреждая академію въ Кіевѣ, взялъ въ образецъ польскія училища и ввелъ порядокъ, даже до нѣкоторой степени направленіе, существовавшіе въ тогдашней Польшѣ. Здѣсь духовенство постоянно и крѣпко держало въ своихъ рукахъ всѣ средства къ образованію и располагало ими по собственному усмотрѣнію. Это обстоятельство имѣло слѣдствіемъ то, что средневѣковая схоластика оставалась въ Польшѣ долѣе, нежели въ остальной Европѣ. Въ первой просвѣщеніе было средствомъ къ возвышенію и процвѣтанію привилегированнаго сословія, отчего мало обращалось вниманія на дальнѣйшее совершенствованіе знаній. Напротивъ, въ другихъ европейскихъ государствахъ, особенно послѣ реформаціи, наука шла впередъ, и не для поддержанія какого-нибудь одного сословія, не въ видахъ усиленія преимуществъ только избранныхъ лицъ, но на пользу всѣмъ и каждому, кто только хотѣлъ обратиться къ ней. Отсюда—разница въ просвѣщеніи Польши отъ просвѣщенія другихъ странъ Европы.

Появленіе въ Кіевѣ академіи, какъ оплота противъ римско-католической пропаганды, имѣло сильное вліяніе на характеръ просвѣщенія, распространившагося въ Малороссіи. Тамошніе ученые, занявъ орудіе у враговъ своихъ, не могли не дѣйствовать въ духѣ полемики, какъ единственнаго средства къ защищенію противу нападковъ. Здѣсь и надобно искать причину подражанія не польской народной, но скорѣе іезуитской литературѣ, которая, къ сожалѣнію, такъ долго тяготѣла на нашихъ братьяхъ - полякахъ. Всѣ малороссійскіе ученые, какъ только по своимъ знаніямъ и способностямъ выходили изъ ряду обыкновенныхъ тружениковъ, растрачивали свои дарованія на полемику, или на такія произведенія, въ которыхъ съ избыткомъ разбрасывались цвѣты утонченнаго школьнаго риторства. Полемическое направленіе и рабское усвоеніе всѣхъ пріемовъ школьной польской учености сдѣлали то, что въ Малороссіи образовался какой-то особый родъ литературы, имѣвшей мало общаго съ народомъ, и потому обреченный застою. Но при всемъ томъ не должно упускать изъ вида, что малороссійская ученость имѣла свою хорошую сторону: именно, съ помощью ея, въ Кіевѣ исчезла тупая ненависть ко всему иностранному, которую старались систематически поддерживать въ Москвѣ.

Не прошло и 40 лѣтъ, какъ кіевскіе ученые являются въ Москву. И это было весьма кстати для просвѣщенія въ Россіи, но не во-время для нихъ лично. Въ ту пору невѣжество доходило тамъ до того, что ни одной книги не могли напечатать, не надѣлавъ тьмы ошибокъ, не повредивъ самаго простого смысла текста, а въ заключеніе не попросивъ смиренно отпущенія ошибокъ. Но послѣднее было только на бумагѣ...

Наконецъ отъ грековъ, наѣзжавшихъ въ Россію за подаяніями, на Востокѣ узнали, что въ Малороссіи были такіе люди, которые осмѣливались учиться за границею, и вотъ по этому случаю въ 1686 году іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ къ царю: „нынѣ въ той странѣ, глаголемой казацкая земля, суть нѣціи, иже въ Римѣ и Польшѣ отъ латиновъ научени, и бяху архимандрити, игумени, и прочитаютъ неподобная мудрованія въ монастырехъ... довольна бо есть православная вѣра ко спасенію, и не подобаетъ вѣрнымъ прельщатися чрезъ филосо-

фію и суетную прелесть... исповѣдуемъ быти казаковъ православныхъ, обаче многіе растлѣнные имѣютъ нравы, ихъ же не подобаетъ учитися тамошнимъ православнымъ“...

Впрочемъ, и безъ этого посланія малороссійскимъ ученымъ не везло тогда въ Москвѣ. Къ дѣлу о просвѣщеніи примѣшались тамъ мелкія интриги, личные разсчеты; ученые греки Лихуды, заклятые враги всего, что напоминало имъ Западъ, болѣе русскихъ, способствовали умноженію недовѣрія къ пришельцамъ изъ Кіева. Патріархъ Іоакимъ, видѣвшій на дѣлѣ вредъ отъ неправильныхъ толковъ и уклоненія отъ чистоты православія, полагалъ, что причиною тому были иноземцы. Иначе, впрочемъ, и думать было трудно, такъ какъ не открытъ еще былъ путь, слѣдуя которому можно было оставаться православнымъ и въ то же время не гнушаться знаніями, добытыми послѣдователями другихъ вѣроисповѣданій.

Какъ неблагосклонно смотрѣли на иноземцевъ въ тѣ времена, можно судить по слѣдующимъ отрывкамъ изъ завѣщанія, гдѣ преподаны совѣты царямъ Іоанну и Петру, чтобы не держать иностранцевъ въ русской службѣ: „православніи христіане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу; а они спятъ, еретики, и свои мерзкія дѣла исполняютъ и христіанскаго моленія гнушаются. Христіане, пречистую Дѣву Богородицу Марію чествующе, всячески о помощи просятъ и всѣхъ святыхъ; еретики же, будучи начальниками въ полкахъ, ругаются тому, и по прелести ихъ хулы износятъ; христіане постятся, еретики же никогда; ихъ, по гласу апостольскому, Богъ чрево... Паки вспоминаю, еже бы иновѣрцомъ еретиковъ костеловъ римскихъ, кирокъ нѣмецкихъ, татарамъ мечетовъ въ своемъ государствѣ и обладаніи всеконечно не давати строити нигдѣ; новыхъ латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьѣ перемѣнъ не вводити, ибо тѣмъ нѣсть благочестіе христіанскаго царства во удобствіи имать пространятися и вѣра во Господа Бога возрасти день отъ дне... Здѣ чего и не бывало, и то еретикомъ повелѣно, что своихъ еретическихъ проклятыхъ сборищъ молбищныя храмины построили, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобнѣ клянутъ и лаютъ, и вѣру укоряютъ, и иконы святыя попираютъ“...

Послѣ такихъ мнѣній объ европейцахъ, удивительно ли, что въ Россіи XVII вѣка, несмотря на нѣкоторыя исключенія и замѣтную охоту въ большинствѣ къ чтенію (чему доказательствомъ служитъ размноженіе рукописныхъ сборниковъ самаго разнохарактернаго содержанія), тотъ классъ людей, который имѣлъ значеніе и силу, смотрѣлъ на знаніе, какъ на еретичество, какъ на нѣчто, несовмѣстное съ православіемъ: „братіе, не высокоумствуйте, учили въ тѣ времена, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте. Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ (!) астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы не бывахъ—учуся книгамъ благодатнаго закона, аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ“.

Въ этихъ словахъ,—столь, повидимому, смиренныхъ,—слышится презрѣніе къ наукѣ. Сохранилось свидѣтельство Курбскаго, сочувствовавшаго просвѣщенію (онъ жилъ въ польской Руси) и подтверждавшаго, что сейчасъ приведенное нравоученіе имѣло приверженцевъ въ тогдашней Россіи: „Бога ради, не потакаемъ безумнымъ, паче же лукавымъ, мня-

щимся быти учительми, паче же прелестникомъ: яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи въ оной русской землѣ подъ державою московскаго царя; глаголютъ бо они, прельщающи юношъ тщаливыхъ, къ науцѣ хотящихъ навыкати писанія, понеже въ оной землѣ еще многіе обрѣтаются, пекущеся о своемъ спасеніи, и съ прещеніемъ заповѣдываютъ имъ, глаголюще: не читайте книгъ многихъ, и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ: и онъ сица (этотъ) во книгахъ зашелся, а онъ сица въ ересь впалъ. О бѣда! отчего бѣси бѣгаютъ и исчезаютъ, и чимъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются, сіе они оружіе отъемлютъ и сіе врачество смертоноснымъ ядомъ нарицаютъ!“

Въ 1690 г., бо̀льшая часть книгъ, изданныхъ или написанныхъ въ Малороссіи, подвергалась опалѣ въ Москвѣ; способнѣйшіе изъ представителей кіевской учености объявлены подозрительными; Медвѣдевъ, талантливый ученикъ Полоцкаго, былъ замѣшанъ въ государственныя смуты, и предъ смертною казнью ему напомнили, что онъ прельщался „кіевскими новотворными книгами“.... Казалось, что вліяніе Кіева окончательно подавлено, но не долго продолжалась реакція; какъ только Петръ рѣшился сблизить Россію съ Европою, для чего между иными средствами избралъ и просвѣщеніе, такъ тотчасъ же кіевскіе ученые начали играть важную роль въ дѣлѣ образованія. И это было явленіемъ совершенно понятнымъ, если не забывать, что въ Малороссіи, съ учрежденіемъ кіевской академіи, было болѣе подготовки къ воспринятію европейской цивилизаціи, нежели въ остальной Россіи, и тамъ уже исчезло то недовѣріе къ наукамъ, которое изъ разныхъ, чисто личныхъ видовъ, поддерживалось въ Москвѣ до Петра. Царю, желавшему во что бы то ни стало видѣть въ Россіи и школы, и ученыхъ, имѣть и переводы извѣстныхъ сочиненій и первоначальные учебники, нужны были помощники, а ими могли быть на первый разъ только тѣ изъ русскихъ, которые чему-нибудь учились и что-нибудь знали. Должно замѣтить при этомъ, что направленіе и образъ мыслей кіевскихъ ученыхъ не согласовались съ направленіемъ и образомъ мыслей Петра: его намѣренія и цѣль состояли въ практическомъ примѣненіи на русской почвѣ началъ, выработанныхъ современною наукою въ государствахъ, преимущественно протестантскихъ, къ чему, разумѣется, кіевскіе ученые были мало способны по самому свойству и складу своего образованія (между ними, въ этомъ отношеніи, Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ единственнымъ, тѣмъ не менѣе блестящимъ исключеніемъ). Но, при недостаткѣ въ людяхъ, и кіявляне оказались весьма полезными, и въ началѣ XVIII вѣка они являются по части народнаго просвѣщенія въ Россіи главнѣйшими дѣятелями: всѣ важнѣйшіе переводы съ древнихъ языковъ, всѣ замѣчательные трактаты о догматахъ вѣры, всѣ проповѣди, бо̀льшая часть стихотворныхъ произведеній (лишенныхъ, должно сознаться, всякихъ достоинствъ) на прославленіе побѣдъ и знатныхъ, театральныя пьесы— все это писалось учеными малороссами, или подъ ихъ непосредственнымъ надзоромъ. Кромѣ того, при усиленіи типографской дѣятельности въ Москвѣ и Петербургѣ, перепечатано не мало такихъ произведеній, которыя прежде ходили по рукамъ въ рукописяхъ и носили въ себѣ несомнѣнные слѣды малороссійскаго происхожденія.

Знакомство Россіи съ науками европейскими изъ первыхъ рукъ началось при Петрѣ и чрезъ посредство русскихъ, учившихся за границей;

но краткость времени, новость дѣла и сила прежнихъ обычаевъ и мнѣній сдѣлали то, что плоды личныхъ заботъ и усилій царя стали явственными только въ позднѣйшія времена. Въ началѣ XVIII вѣка, лица, успѣвшія побывать за границей и узнать на-скоро кое-что, употреблялись по бо́льшей части для переводовъ разныхъ сочиненій, преимущественно касавшихся математики, мореходства, языкознанія. Ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ не извѣстенъ самостоятельнымъ ка́кимъ-нибудь трудомъ и не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи ни одной науки,— лучшее доказательство тому, что можно легко задерживать и затруднять ходъ просвѣщенія (чему и въ нашей исторіи есть примѣры); но не въ силахъ воля, даже и не знающая себѣ предѣловъ, одного человѣка создать цивилизацію по своему только хотѣнію.

Такимъ образомъ, при Петрѣ русское образованіе слагалось изъ двухъ стихій—кіевской учености, перенесенной изъ Польши, и европейскаго просвѣщенія, заимствованнаго изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и даже Италіи. Кіевская ученость имѣла перевѣсъ, потому что имѣла за собой право давности; европейское же образованіе, вслѣдствіе причинъ историческихъ, усвоивалось съ трудомъ и, за исключеніемъ самого царя, да двухъ или трехъ изъ его приближенныхъ, не имѣло въ Россіи замѣчательныхъ представителей.

LXXI. Изъ переписки Петра В. Лейбницемъ.

(Изъ соч. проф. Герье: „Лейбницъ и его вѣкъ“).

Съ начала XVIII вѣка европейская исторія получаетъ для насъ совершенно новое значеніе. Россія становится европейскою державою, принимаетъ участіе въ дѣлахъ западныхъ государствъ и своимъ вліяніемъ видоизмѣняетъ ихъ отношенія. Чѣмъ болѣе будутъ развиваться матеріальныя и нравственныя силы Россіи, тѣмъ значительнѣе будетъ ея вліяніе, тѣмъ болѣе жизнь русскаго народа будетъ сливаться съ жизнью западно-европейскаго человѣчества. Вслѣдствіе этого особенный интересъ получаетъ въ нашихъ глазахъ первая встрѣча между Россіей и западною Европой. Во внутренней жизни Россіи это столкновеніе произвело такой переворотъ, что съ него начинается новый періодъ русской исторіи. На западную Европу встрѣча съ Россіей произвела, конечно, менѣе сильное впечатлѣніе,—тѣмъ болѣе, что вниманіе тогдашняго европейскаго общества было отвлечено страшною войною, которая могла повлечь за собою самые существенные результаты. Тѣмъ не менѣе переворотъ, готовившійся на востокѣ, не ускользнулъ отъ вниманія передовыхъ людей. Впечатлѣніе, произведенное на западнаго человѣка появленіемъ новаго восточнаго государства, особенно ярко отразилось на Лейбницѣ, который съ такимъ живымъ участіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что́ совершалось вокругъ него, и съ такимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ все, что́ обѣщало содѣйствовать прогрессу и общимъ интересамъ

человѣка. Поэтому мысли и надежды, возбужденныя въ Лейбницѣ дѣятельностью великаго преобразователя Россіи, и многочисленные проекты, составленные воспріимчивымъ геніемъ западнаго философа для водворенія наукъ въ Россіи, не только получаютъ значеніе для его біографіи, но составляютъ интересный памятникъ той эпохи, когда на Россію перестали смотрѣть какъ на страну, представлявшую только матеріалъ для любознательныхъ путешественниковъ, и начали сознавать ея права и предчувствовать ея призваніе.

Лейбницъ, съ свойственною ему проницательностью, точно опредѣлилъ будущее значеніе Россіи. Ей предстояли, по его мнѣнію, двѣ задачи: изгнать турокъ изъ Европы и цивилизовать Востокъ. „Ей суждено сдѣлаться,—восклицалъ онъ,—посредствующимъ звеномъ между двумя мірами, западнымъ и восточнымъ". Но еще прежде, чѣмъ изумительные успѣхи молодого царя могли возбудить въ Лейбницѣ подобныя надежды, онъ интересовался Россіей и собиралъ о ней всевозможныя свѣдѣнія. Его вниманіе сосредоточивалось по преимуществу на двухъ вопросахъ. Онъ старался получить изъ Россіи какъ можно больше матеріала для филологическихъ и этнографическихъ соображеній. Онъ зналъ, что вопросъ о родствѣ языковъ и происхожденіи народовъ не можетъ быть разрѣшенъ, пока не будетъ изслѣдовано громадное степное пространство, которое тянется отъ Карпатскихъ горъ мимо Каспійскаго моря къ Аральскому и къ границамъ Китая. Чтобъ удовлетворить своей любознательности, Лейбницъ заводилъ переписку со всѣми лингвистами, которые занимались языками восточной Европы и Азіи, и особенно съ тѣми, которые имѣли связи въ Польшѣ и въ Россіи. Съ этою цѣлью онъ разспрашивалъ путешественниковъ и дипломатовъ и входилъ въ сношенія съ голландскими и шведскими учеными, съ римскими и польскими іезуитами.

Не въ меньшей степени занимала Лейбница надежда, что невѣдомая, обширная Россія откроетъ, наконецъ, доступъ къ себѣ европейской цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи онъ сопоставлялъ Россію съ Китаемъ и Абиссиніей. Сношенія европейцевъ съ Китаемъ никогда еще не были такъ живы, какъ въ концѣ XVII вѣка, благодаря усиліямъ и ловкости іезуитовъ, которые съумѣли возбудить интересъ богдыхана и китайскихъ министровъ къ математическимъ наукамъ и этимъ средствомъ заискать ихъ расположеніе. Мы видѣли, какого высокаго мнѣнія были европейцы объ образованности Китайцевъ, и какихъ плодовъ Лейбницъ ожидалъ отъ взаимодѣйствія китайской и европейской цивилизацій. Почти также преувеличено было мнѣніе европейцевъ того времени о значеніи и могуществѣ абиссинскаго царя. Лейбницъ вполнѣ раздѣлялъ надежды своего друга Лудольфа, что посредствомъ миссіонеровъ и посольствъ отъ европейскихъ государей къ негушу можно было бы пробудить къ новой жизни древнюю цивилизацію христіанской Абиссиніи, въ союзѣ съ нею положить конецъ владычеству султана и распространить цивилизацію по всему громадному пространству африканскаго материка.

Въ своей перепискѣ Лейбницъ начинаетъ часто упоминать о Россіи въ шестьсотъ-девяностыхъ годахъ. Съ этого времени она привлекаетъ все больше и больше его вниманіе, какъ видно изъ его писемъ къ Витзену, Лудольфу и Спарвенфельду.

„Я не знаю,—начинаетъ Лейбницъ свою записку,—какую лучшую цѣль можетъ поставить себѣ великій государь, какъ не благоустройство своей страны и не воздѣлываніе до совершенства вертограда (plantation), который Богъ ему ввѣрилъ. Великій царь Русскихъ обнаруживаетъ необыкновенную возвышенность своего ума и свою геройскую энергію не только въ воинскихъ дѣлахъ, но и въ управленіи страною, составляя и приводя въ исполненіе планы, о которыхъ не смѣлъ и думать ни одинъ изъ его предшественниковъ. Онъ даже идетъ далѣе, чѣмъ требуютъ нужды его собственной страны, и не довольствуясь тѣмъ, что вводитъ у своихъ народовъ нужныя улучшенія, думаетъ еще о всеобщемъ благѣ христіанскаго міра, возбуждая другіе народы противъ общаго врага самымъ торжественнымъ посольствомъ и поддерживая ихъ съ большимъ успѣхомъ своими значительными силами. Это тѣмъ болѣе важно, что въ этомъ настоятельная нужда, и что безъ этого вмѣшательства наши дѣла въ Венгріи, вѣроятно, приняли бы другой оборотъ. А потому мы должны молить Бога, чтобъ Онъ сохранилъ этого великаго государя, который еще находится въ лучшей порѣ жизни, для окончанія того, что онъ такъ славно началъ. Неожиданный результатъ выборовъ въ Польшѣ подаетъ намъ большія надежды, что Богъ предположилъ смирить турокъ и изгнать магометанство, по крайней мѣрѣ, изъ Европы.

„Нельзя не видѣть необыкновеннаго совпаденія обстоятельствъ или, вѣрнѣе, воли Провидѣнія въ томъ, что въ то же самое время у трехъ самыхъ могущественныхъ государей на сѣверѣ, на востокѣ и на югѣ явились одинаковыя и въ высшей степени замѣчательныя намѣренія; ибо мы узнали, что кромѣ царя Петра Алексѣевича, верховнаго государя Русскихъ и почти всего сѣвера, Камга-Амалокадъ ханъ, властитель Китая и Татаріи самой восточной, а также Язокъ-Аджамъ-Саукбетъ, царь Абиссиніи, покорившій много варварскихъ сосѣдей, всѣ задумали планы, которые далеко превосходятъ планы ихъ предковъ. Мы знаемъ это какъ по новымъ извѣстіямъ изъ Китая, гдѣ христіанство допущено и даже поддерживается императорскимъ указомъ, такъ и отъ посольства абиссинскаго, отправленнаго въ Батавію въ 1692 году. Русскій царь и владѣтель Абиссиніи—оба христіане и оба сосѣди и враги турокъ, хотя и очень отдалены другъ отъ друга. А царь и монархъ китайскій—сосѣди и оба чрезвычайно склонны къ тому, чтобы привлечь въ свою страну науки, искусства, и особенно, чтобы привить къ ней цивилизованные нравы нашей Европы; въ этомъ отношеніи они могутъ протянуть другъ другу руку и взаимно обязывать другъ друга.

„Я намѣренъ говорить теперь только о томъ, что̀ можетъ послужить этому намѣренію, оставляя въ сторонѣ то, что̀ относится къ устройству государства, къ войнѣ, къ торговлѣ и къ мореплаванію, хотя на самомъ дѣлѣ ничто не можетъ быть такъ важно въ этомъ отношеніи, какъ наука и художества. Для того, чтобы перенести ихъ и въ Россію сообразно съ намѣреніемъ царя, было бы полезно предоставить заботу объ этомъ извѣстнымъ лицамъ и поручить имъ составить общій проектъ, который имѣлъ бы слѣдующія два основанія: привлечь въ Россію все, что̀ ни есть лучшаго у иностранцевъ какъ относительно умныхъ и свѣдущихъ людей, такъ и относительно вещей рѣдкихъ и полезныхъ; во-вторыхъ, совершенствовать у себя въ отечествѣ людей, страну и все,

что́ съ этимъ въ связи. Людей можно развивать, заставляя ихъ путешествовать и обучая ихъ до́ма. Страну же можно совершенствовать, точно изучая все, что́ въ ней есть и чего нѣтъ, и стараясь дополнить то, чего ей не достаетъ.

„Итакъ, вотъ нѣсколько статей, которыя заключаютъ въ себѣ все, что́ необходимо сдѣлать: 1) основать центральное учрежденіе для наукъ и художествъ; 2) привлечь способныхъ иностранцевъ; 3) выписать изъ-за границы такія вещи, которыя стоятъ этого; 4) посылать подданныхъ путешествовать, принявъ надлежащія предосторожности; 5) просвѣщать народъ у себя; 6) составить точное описаніе страны, чтобъ узнать ея нужды, и 7) доставить ей то, чего ей недостаетъ“.

Одна записка Лейбница кончается на этомъ, въ другой онъ входитъ въ подробности по поводу каждой изъ статей.

Центральное учрежденіе требуетъ для своего осуществленія общаго проекта, способныхъ людей и достаточной суммы денегъ. О людяхъ, необходимыхъ для исполненія, Лейбницъ говоритъ, что они должны быть очень свѣдущи, благородны, безкорыстны; они должны болѣе искать славы, чѣмъ прибыли, быть усердны и дѣятельны, имѣть большой кругъ знакомства и вести обширную переписку. Количество денежныхъ средствъ Лейбницъ предоставляетъ на волю царя, но замѣчаетъ при этомъ, что нужно поспѣшить началомъ, и время всего дороже на свѣтѣ и не можетъ быть куплено слишкомъ большою цѣною. По поводу второй статьи Лейбницъ замѣчаетъ, что необходимо отмѣнить или измѣнить законы, „которые пугаютъ иностранцевъ, особенно законъ, воспрещающій имъ свободный пріѣздъ и выѣздъ“. Лейбницъ требуетъ для иностранцевъ особыхъ привилегій и совѣтуетъ завести въ нѣсколькихъ мѣстахъ колоніи изъ нихъ. Подъ третью статью Лейбницъ подводитъ библіотеки, книжныя лавки и печатни, кабинеты рѣдкостей, ботаническіе сады и звѣринцы, запасные магазины всякаго рода матеріаловъ и мастерскія всякаго рода ремеслъ. Онъ подробно объясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ рѣдкостями природы и искусства, и совѣтуетъ разводить животныхъ и растенія, которыя способны къ акклиматизаціи. Въ четвертой статьѣ Лейбницъ разсматриваетъ различныя цѣли и способы путешествій и совѣтуетъ принимать надлежащія мѣры, чтобы путешествующіе привозили съ собою только хорошіе обычаи другихъ странъ безъ примѣси дурныхъ, чтобъ они не заражались идеями, несогласными съ благочестіемъ и съ повиновеніемъ государю. Пятая статья касается преподаванія.

„Просвѣщеніе народа у себя, — говоритъ по этому случаю Лейбницъ, — требуетъ учрежденія низшихъ и высшихъ школъ, какъ для изученія наукъ и художествъ, такъ и для тѣлесныхъ упражненій. Для этого необходимо сдѣлать выборъ хорошихъ преподавателей, которые умѣли бы вести дѣтей и юношество не только путемъ науки, но и добродѣтели. Нужно начертать для нихъ инструкціи, составить особенныя книги для нихъ и для ихъ учениковъ, достать учебники и всѣ нужныя орудія. Тѣмъ дѣтямъ, которымъ хотятъ дать ученое образованіе (sçavants), слѣдуетъ (il sera bon) преподавать исторію, математику и языки, преимущественно еврейскій, латинскій, греческій и нѣмецкій, особенно же латинскій“.

Послѣднія слова Лейбница доказываютъ, что онъ считалъ для Россіи, какъ и для остальной Европы, латинскій языкъ главнымъ основаніемъ высшаго образованія. Слово sçavants (ученые) не должно смущать насъ. Если бы Лейбницъ разумѣлъ подъ этимъ ученыхъ, исключительно занимающихся наукой, онъ бы сказалъ des sçavants или des érudits. Говоря здѣсь вообще о преподаваніи, Лейбницъ подъ словомъ sçavants разумѣетъ тѣхъ, которые должны были воспитываться въ высшихъ школахъ и университетахъ, въ противоположность ремесленникамъ, которымъ необходимо только первоначальное образованіе. Все это разумѣется само собою, и мы не остановились бы на этомъ мѣстѣ, если бы въ одномъ журналѣ, въ замѣткѣ о нашей біографіи Лейбница, не былъ недавно возбужденъ вопросъ, какую систему образованія Лейбницъ совѣтовалъ ввести въ Россіи, классическую или реальную. Ставить такой вопросъ значитъ переносить въ прошедшее понятія настоящаго. Если разумѣть подъ реализмомъ требованіе отъ старой системы воспитанія разумныхъ уступокъ въ пользу новаго времени, то Лейбницъ былъ реалистомъ. Намъ извѣстно, какими недостатками страдали латинская школа и университетское образованіе въ XVII вѣкѣ, и какъ сильно Лейбницъ желалъ не только изученія математики, естественныхъ наукъ и техническихъ знаній въ университетахъ и ученыхъ обществахъ, но и вліянія этихъ знаній на практическую жизнь и педагогику. Мы будемъ еще имѣть случай говорить о томъ, какъ поэтому Лейбницъ совѣтовалъ обращать вниманіе на математику и ввести во вновь-учреждаемыхъ въ Россіи школахъ всякаго рода тѣлесныя упражненія, даже упражненія въ ремеслахъ, напримѣръ—токарномъ, землемѣрствѣ и сельскомъ хозяйствѣ. Точно также онъ совѣтовалъ сдѣлать въ университетѣ изученіе математики обязательнымъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, поощрять занятія механикой и архитектурой и открыть въ каждомъ университетѣ особую каѳедру сельскаго хозяйства для желающихъ. Но ему не могло прійдти въ голову изгнать латинскій языкъ изъ системы высшаго образованія. Относительно же Россіи Лейбницъ желалъ, чтобъ она усвоила себѣ европейское образованіе, а поэтому естественно долженъ былъ желать, чтобы въ русскія высшія школы былъ введенъ латинскій языкъ.

Чтобы познакомиться съ состояніемъ страны, Лейбницъ совѣтуетъ составлять карты, записывать особенности нарѣчій и обычаи, изслѣдовать промыслы, опредѣлить то, что страна производитъ и что она могла бы производить. Между средствами, предложенными Лейбницомъ для точнаго географическаго описанія страны, нашего вниманія особенно заслуживаютъ два совѣта: во-первыхъ, производить наблюденіе надъ уклоненіемъ магнитной стрѣлки, и во-вторыхъ, изслѣдовать берега восточной Азіи и узнать, соединяется ли Азія съ Америкой въ одинъ материкъ, или же онѣ раздѣлены проливомъ.

„Богъ, какъ зиждитель всякаго порядка, управляетъ всѣмъ своею невидимою десницею мудро и законно. Боги этого міра, представляющіе образчикъ Божьяго могущества, должны устроить свое правленіе по образу небесной державы, если хотятъ за свои большіе труды наслаждаться процвѣтаніемъ своего государства. Ваше царское величество, какъ кажется, совершенно убѣждены въ справедливости этихъ словъ; ибо ваше похвальное рвеніе дать высшимъ областямъ хорошее устройство извѣстно всему свѣту, и Европа съ изумленіемъ взираетъ на плоды этого великаго

подвига. Это зрѣлище вдохновляетъ многія сердца и вселяетъ въ нихъ желаніе содѣйствовать всѣмъ, что они считаютъ полезнымъ для такого святого дѣла. Я откровенно признаюсь, что нахожусь въ числѣ тѣхъ, которые исполнены рвенія способствовать по своимъ силамъ къ благоденствію вашей царской державы. Поэтому я надѣюсь, что это всеподданнѣйшее предложеніе, заключающееся въ моей запискѣ, будетъ принято вашимъ величествомъ сообразно съ вашею милостью, извѣстною всему свѣту, не какъ смѣлое, достойное наказанія предпріятіе, а какъ выраженіе моего желанія видѣть государство вашего царскаго величества въ цвѣтущемъ состояніи. Въ этой надеждѣ подаю эти листы съ глубочайшимъ почтеніемъ и полнѣйшимъ уваженіемъ, всеподданнѣйше желая, чтобы Господь съ своей выси благословилъ великія намѣренія вашего царскаго величества и еще долго сохранилъ вашу священную особу въ здоровьи и бодрости для благоденствія вашей державы“.

Послѣ этого вступленія Лейбницъ переходитъ прямо къ вопросу о коллегіяхъ: „Опытъ достаточно доказалъ, что государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ коллегій, ибо какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ и въ великой государственной машинѣ одна коллегія должна приводить въ движеніе другую, и если все устроено съ точною соразмѣрностью и гармоніей, то стрѣлка жизни непремѣнно будетъ показывать странѣ счастливые часы. Но какъ по различію часовъ, одни требуютъ бо́льшаго, другіе меньшаго количества колесъ, такъ бываютъ различны и государства, а потому никакъ нельзя установить для всѣхъ опредѣленнаго числа коллегій.

„Въ державѣ вашего царскаго величества можно было бы для начала довольствоваться слѣдующими девятью коллегіями, какъ главными колесами въ государственной машинѣ: 1) штатсъ-коллегія, 2) военная коллегія, 3) финансовая коллегія, 4) полицейская коллегія, 5) юстицъ-коллегія, 6) коммерцъ-коллегія, 7) коллегія для религіозныхъ дѣлъ, 8) ревизіонная коллегія и 9) ученая коллегія.

„Каждая изъ этихъ коллегій требуетъ особеннаго описанія относительно того, какія лица необходимы для коллегіи, въ чемъ должна заключаться ихъ обязанность, и какую пользу окажетъ коллегія вашему величеству и вашей державѣ.

„Я хочу описать теперь по этой методѣ только послѣднюю, то есть— ученую коллегію. Если это описаніе заслужитъ всемилостивѣйшаго одобренія вашего величества, я готовъ потомъ составить инструкцію для устройства остальныхъ коллегій, исключая штатсъ-и военнной коллегіи. Что касается до свойства тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть членами ученой коллегіи, то они должны знать свой предметъ основательно, а не поверхностно. Полуневѣжды (Stümper) не могутъ принести пользы странѣ. Каждый изъ членовъ-архитекторовъ, медикъ, химикъ, механикъ, историкъ и пр.,—всѣ они должны знать свое дѣло въ такомъ совершенствѣ, какое только возможно въ ихъ время. Обязанности ихъ должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) изложить свою науку по лучшей методѣ и постоянно развивать ее, чтобъ извлекать изъ нея новыя свѣдѣнія; 2) подвергать экзамену тѣхъ, которые годны для путешествія за границу, и указывать вашему величеству, къ чему каждый болѣе способенъ. Польза, которую принесетъ такая коллегія, будетъ слѣдую-

щая: 1) невѣжество мало-по-малу исчезнетъ въ странѣ; 2) въ извѣстныхъ случаяхъ можно будетъ испрашивать совѣта ученой коллегіи; 3) собраніе такихъ замѣчательныхъ людей будетъ привлекать иностранцевъ; 4) посланные за границу юноши возвратятся съ большою пользою, что̀ послужитъ къ уменьшенію расходовъ вашего величества; 5) ваше величество будете имѣть со временемъ изъ вашего собственнаго народа и по всѣмъ предметамъ такихъ же отличныхъ ученыхъ, и даже лучшихъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ".

Лейбницъ, коснувшись устройства ученой коллегіи, которую онъ представлялъ себѣ въ родѣ академіи съ административною властью и главнымъ надзоромъ за народнымъ просвѣщеніемъ, переходитъ затѣмъ къ устройству университета. Для хорошаго обученія и воспитанія юношества необходимо устроить университетъ. Для этого нужно: 1) большое зданіе, въ которомъ профессора или преподаватели могли бы удобно помѣщаться, 2) хорошая библіотека и 3) типографія. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ предметовъ, входящихъ въ университетское преподаваніе, по слѣдующей системѣ: „Преподаваніе юношеству заключается въ познаваніи Творца и твореній. Для истиннаго познаванія ихъ необходимо откровеніе Божіе въ Священномъ Писаніи. Отсюда: 1) богословіе, заключающееся не въ безполезныхъ спорахъ и преніяхъ о внѣшнихъ обрядахъ, но въ искренней любви къ Богу и къ ближнему. Творенія могутъ быть чисто-духовныя, духовно-тѣлесныя и тѣлесныя; первыя изучаетъ— 2) пневматика. Духовно-тѣлесныя творенія или человѣка можно изучать двоякимъ образомъ: съ точки зрѣнія своего я и другихъ людей. Въ себѣ я могу изучать душу и тѣло. Душа проявляется главнымъ образомъ въ двухъ силахъ, въ умѣ и волѣ. Что̀ такое умъ, какіе его недостатки, какъ ихъ исправлять, какъ изслѣдовать истину и передавать ее другимъ—этому учитъ 3) логика. Какъ исправлять волю и ея дурныя наклонности, этому учитъ 4) этика. Познавать свое тѣло и средства для его сохраненія учитъ 5) медицина. Что касается до другихъ людей, то они могутъ быть умершіе и живые. Знакомство съ умершими и съ тѣмъ, что̀ они были въ жизни, составляетъ предметъ 6) исторіи. Знакомство съ живущими, чтобы воздавать каждому свое и вести себя благоразумно относительно ихъ составляетъ предметъ 7) естественнаго и политическаго права. Тѣлесныя творенія могутъ быть или надо мною— съ ними знакомитъ 8) астрономія,—или же около меня, ими занимаются: 9) географія 10) архитектура, напримѣръ, строеніями, кораблями, крѣпостями; для ихъ измѣренія необходимы: 11) геометрія; основаніе же геометріи составляетъ ариѳметика, а для того, чтобы пользоваться всѣми удобствами на сушѣ и на водѣ, необходима 12) механика. На землѣ, въ водѣ и въ воздухѣ водятся разныя творенія; ихъ свойства показываетъ 13) физика, а составныя части показываетъ 14) химія. Для того, чтобы человѣкъ не утомился отъ постояннаго труда ему необходима для отдыха 15) музыка; а если человѣкъ желаетъ передать другимъ то, чему онъ выучился, ему нужны 16) языки. Такое громадное предпріятіе, безъ сомнѣнія, потребуетъ большихъ расходовъ. Но какъ найти источники для нихъ, не уменьшая доходовъ вашего величества и не обременяя вашихъ подданныхъ, я готовъ указать, если будетъ на то воля вашего величества. Если бы ваше величество соизволили поручить это дѣло опытному и благоразумному директору, то можно было

бы надѣяться, что при благословенiи Божьемъ въ нѣсколько лѣтъ окажется такая польза, какую невозможно здѣсь и описать“.

Если желанiе Лейбница видѣть въ число коллегiй, которымъ имѣлось въ виду вручить управленiе новой Россiей, также особенную коллегiю для завѣдыванiя народнымъ просвѣщенiемъ и не исполнилось, то, однако, совѣты его въ этомъ отношенiи не остались безъ плодовъ, и осталось безъ влiянiя на рѣшенiе Петра учредить еще въ свое царствованiе академiю наукъ въ Петербургѣ.

LXXII. Учрежденiе Петромъ В. Академiи наукъ.

(Изъ соч. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россiи при Петрѣ В.»).

Извѣстно, что уставъ Академiи Наукъ въ Петербургѣ былъ утвержденъ Петромъ Великимъ въ январѣ 1724 г.: онъ помѣщенъ въ Полномъ Собранiи Законовъ. Въ кабинетныхъ бумагахъ государя сохранились двѣ бумаги, очевидно, написанныя до составленiя устава и любопытныя въ томъ отношенiи, что могутъ служить объясненiемъ тѣхъ предположенiй, съ которыми основывалось у насъ наше высшее ученое учрежденiе. Первая изъ этихъ бумагъ безъ года, съ краткимъ обозначенiемъ, что она «руки Петра Алексѣевича Курбатова»:

«Въ установленiи академiи подобаетъ слѣдующiя пункты примѣчать:

I. Сумма, которая надобно къ установленiю и содержанiю академiи, такая да будетъ, чтобъ Е. И. В. казнѣ убытку не было-бъ, ниже бы государству какова отягощенiе принесла. Та сумма пребываетъ непоколебимо при академiи и сiе да будетъ за фундаментъ высокой Е. И. В. милости академiи, дабы никто не дерзалъ оную сумму подъ какимъ бы видомъ ни было на иныя вещи издержать.

II. Мѣсто, идѣже установлена будетъ академiя, было бы такое, чтобъ былъ тамъ здравый воздухъ и добрая вода, и положенiе того мѣста было бъ удобно, чтобъ отъ всѣхъ странъ можно было надежно приходить, такожде и съѣстное бы было въ довольности.

III. Строенiю подобаетъ быть тако учреждену, дабы принадлежащiе къ академiи люди свободно могли тамо жить, и имѣло бы то строенiе привилiю (привилегiю) или увольненiе, да никто дерзнетъ тамо какое усильство учинить, но егда кто въ какое прегрѣшенiе тамо впадетъ, то опредѣленныя отъ Е. И. В. на управленiе академiи персоны его судили бы и обвиняли. И тако, дабы академiя прямо подъ Е. И. В. властiю, а ни подъ какою-бы коллегiею была.

IV. Персоны къ управленiю академiи да будутъ слѣдующiя: 1) президентъ, 2) вице-президенты, 3) инспекторъ.

V. Управленiе вышеупомянутыхъ персонъ состоитъ въ слѣдующемъ: 1. Оная сумма денегъ обрѣтается подъ управленiемъ вышепомянутыхъ персонъ и тратятъ онѣ тѣ деньги, гдѣ нужда будетъ. 2. Президентъ и вице-президенты стараются о наукахъ, а инспекторъ управляетъ домостроительство. 3. Держать они по вся недѣли конференцiю съ учитель-

ми для познанія, которые ученики прилежно и которые лѣниво учатся, какая въ чемъ скудость учинилась, и какъ оную исправить? И что въ такой конференціи учинено, надобно въ протоколъ записать и по вся мѣсяцы о томъ экстрактъ президенту подавать, дабы онъ всегда могъ, егда Е. И. В. о состояніи академіи изволитъ спросить, о томъ всенижайше отвѣтъ дать. 4. Вице-президенты смотрятъ прилежно надъ професcорами, вѣрно-ли они свою службу исправляютъ. 5. Испытуютъ они юныхъ сердца и склонности, къ чему охоту имѣютъ, и по тому учреждаютъ они имъ и ученія. 6. Такожде смотрятъ они, чтобы во всей академіи единъ образъ былъ языку и ученію.

VI. Штуденты могутъ быть разнаго чину, но надобно слудующія вещи между ими хранить: 1. Надо ученикамъ, или штудентамъ объявить, что ученіе ихъ не яко бы они тѣмъ обременены были силою, но почитали бы они сіе за милость Е. И. В., и того ради не всякаго надобно къ сему допускать, но кто къ сему склонность будетъ имѣть. 2. Надобно онымъ уреченные годы въ академіи пребыть. 3. И когда они свои ученія окончили, надобно президенту и вице президентамъ старатися, дабы они иностранныя земли съ пользою увидѣли, и даютъ они имъ инструкціи, какъ имъ содержать себя на пути, и добрую рекомендацію къ ученымъ людямъ, а паче всего не надобно допускать, чтобъ они въ иностранныя земли поѣхали, а языку того, куда поѣдутъ, не знали-бъ, ибо чрезъ сіе (знаніе языка) въ той землѣ въ 4 недѣли больше можно познать, нежели кто незнающій того языка въ нѣсколькихъ (sic) лѣта.

VII. Прибыль, которая изъ сей академіи будетъ, есть слѣдующая: 1. Что Е. И. В. изъ своихъ поданныхъ ученые люди получитъ. 2. По сему иноземцы будутъ пріѣзжать въ академію и деньги свои здѣ въ землѣ тратить. 3. Оные, которые поѣдутъ въ иностранныя земли, меньше денегъ будутъ тратить, понеже они больше въ одинъ годъ научатся, нежели иной въ десять лѣтъ.

Сіе токмо генерально предложено, но если Е. И. В. милостиво повелитъ, то можно пространнѣе и подробнѣе описать и что больше еще надобно усмотрѣть съ предложеніемъ (какимъ образомъ оную сумму получить) Е. И. В., токмо чтобъ надежно было, что оная сумма токмо на академическое иждивеніе будетъ употребляема".

Вторая бумага помѣщена рядомъ съ указомъ о переводчикахъ, состоявшимся 23 января 1724 г. Она также безъ обозначенія года, помѣчена лишь январемъ: „сообщено изъ сената".

„Въ установленной академіи будутъ обучаться студенты во всякихъ наукахъ, кромѣ богословія, юриспруденціи собственно таковой, и такъ до перваго степени членовъ надлежащіе студенты, смотря по ихъ натуральному наклоненію, будутъ обученіе имѣть (отъ) учителей: 1) Ариѳметикѣ; 2) Геометріи; 3) Астрономіи; 4) Географіи; 5) Навигаціи; 6) Механикѣ; 7) Оптикѣ; 8) Архитектурѣ гражданской и воинской; 9) Физикѣ, ѳеоретикѣ и экспериментальной; 10) Институціи методической, анатомической и хирургической; 11) Химіи; 12) Исторіи натуральной; 13) Языкамъ, именно: латинскому, греческому, французскому и итальянскому; 14) Реторикѣ и ораторіи; 15) Исторіи древней и нынѣшней; 16) Логикѣ; 17) Метафизикѣ; 18) Этикѣ; 19) Политикѣ; 20) Юсъ публикъ натуръ и народовъ"...

LXXIII. Учрежденіе Петромъ В. кунсткамеры.

(Изъ соч. Пекарскаго: „Наука и литература при Петрѣ В.“).

Еще въ первое путешествіе свое по Европѣ Петръ пріобрѣлъ нѣсколько экземпляровъ птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ (раньше присылались въ Петербургъ собранія Рюйша и Вуттера). Составившееся такимъ образомъ собраніе, вмѣстѣ съ уродами и анатомическими препаратами московской большой аптеки, помѣщалось сначала въ Москвѣ, а потомъ перевезено въ Петербургъ въ лѣтній дворецъ. Въ 1714 г. царь присылалъ на кораблѣ изъ Копенгагена „всякіе раритеты“, которые принять и сохранять поручено было Шумахеру. Послѣдній по этому случаю просилъ князя Меншикова „отвести двѣ каморки, гдѣ оныя вещи убрать и къ нимъ для береженья крѣпкаго вина 40 ведеръ, понеже тѣ вещи безъ вина стоять не могутъ“.

Во второе заграничное путешествіе, именно въ 1716 г., царь сдѣлалъ нѣсколько серьезныхъ пріобрѣтеній для своего собранія: въ Данцигѣ онъ купилъ у доктора Готвальда коллекцію минераловъ, раковинъ и рѣдкихъ камней, а въ Амстердамѣ пріобрѣлъ за 15 т. голландскихъ флориновъ у аптекаря Себы извѣстное въ свое время собраніе животныхъ, рыбъ, змѣй и насѣкомыхъ, сохранявшихся въ спиртѣ.

Тогда же и тамъ же старикъ Рюйшъ являлся засвидѣтельствовать царю свое почтеніе. Тотъ принялъ его ласково и, положивъ ему руку, сказалъ: „Вы еще мой старинный наставникъ“. Послѣ разныхъ переговоровъ въ 1717 г. Петръ купилъ знаменитый анатомическій кабинетъ этого ученаго за 50 т. флориновъ.

Возвратясь въ Петербургъ изъ заграничнаго путешествія, Петръ посѣтилъ свое собраніе рѣдкостей, называвшееся тогда кунстъ-камерою, и привезъ туда полученную имъ въ Копенгагенѣ половину окаменѣлаго хлѣба, котораго другая половина осталась тамъ, и родъ деревянной обуви, которую носили лапландцы. Взамѣнъ ихъ царь просилъ хранить въ копенгагенскомъ музѣе русскіе лапти.

13 февраля 1717 г. состоялся любопытный указъ о доставленіи въ кунстъ-камеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, рѣдкостей и пр.

„Понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстры, т. е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, чего для передъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ такіе приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже принесено, а именно: два младенца—каждый о двухъ головахъ, два—которые срослись тѣлами. Однакожъ въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго, чему быть невозможно, ибо одинъ Творецъ всея твари Богъ, а не діаволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому есть многіе примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ; также, когда ушибется или больна будетъ, и проч.

Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата, а именно: за человѣческую по 10 р., за скотскую и звѣриную по 5, а за птичью по 3 р.—за мертвыхъ. А за живыя: за человѣческую по 100 р., за скотскую и звѣриную по 15 р., за птичью по 7 р. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобъ тѣ неповинны были сказывать—чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Также, ежели кто найдетъ въ землѣ, или въ водѣ какія старыя вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, рыбьи или птичьи, не такія, какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло велики или малы предъ обыкновеннымъ; также, какія старыя надписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, или какое старое, необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно—такожь бы приносили, за что будетъ довольная дача, смотря по вещи, понеже, не видавъ, положить нельзя цѣны. Вышерѣченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты; буде же того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось; за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо".

Въ мартѣ 1719 г. Блюментростъ въ докладѣ о разныхъ нуждахъ кунстъ-камеры добавляетъ: „окромѣ того, надобно корреспонденцію имѣть въ чужіе края съ учеными людьми, также книги покупать, которыя въ разныхъ государствахъ вновь выдаются и на оныя надобно будетъ такожъ нѣсколько денегъ по разсужденію".

Во время похода въ Персію Петръ не забывалъ своей кунстъ-камеры и 22 декабря 1722 г. послалъ изъ Астрахани слѣдующее собственноручное письмо къ оберъ-директору надъ строеніями въ Петербургѣ У. Я. Синявину: „Господинъ директоръ. Кунштъ-камеръ камнемъ отдѣлать, чаю, и покрыть. А шкафы на вещи не починованы дѣлать, того для, по полученіи сего, призови Шумахера, которому кабинетъ врученъ чтобъ тебѣ далъ роспись и показалъ мѣста, гдѣ что дѣлать, и по оному дѣлай немедленно, дабы въ будущее лѣто оной кунштъ-камеръ видѣть готовымъ. Петръ. Изъ Астрахани въ 22 день октября 1722 г.".

Изъ того же похода кабинетъ-секретарь Макаровъ, будучи въ Дербентѣ, писалъ, что царь „указалъ отослать въ кунштъ-камеръ для куріозите" деревянное блюдо съ серебрянымъ ключомъ города Дербента и одно изъ мѣдныхъ ядеръ, которыми стрѣляли въ русскихъ козылбаши. Чтобъ угодить царю, частныя лица начали дѣлать разныя приношенія въ кунстъ-камеру. Обычай отсылать въ кунстъ-камеру все достопримѣчательное, или считавшееся таковымъ, существовалъ и послѣ Петра.

Берхгольцъ, при осмотрѣ кунстъ-кимеры, видѣлъ тамъ нѣсколько живыхъ уродовъ. Изъ денежныхъ отчетовъ ея 1719—23 годовъ видно, что тамъ выходило „на монструмовъ живыхъ": Якова, Степана и Ѳому по рублю въ мѣсяцъ на каждаго....

Изъ разсказовъ Шумахера Штелину видно, что Петръ В. часто посѣщалъ кунстъ-камеру и разъ даже далъ тамъ торжественную аудіенцію послу римскаго императора, несмотря на представленіе нашего вице-канцлера, что это было бы лучше сдѣлать во дворцѣ. Ивѣстно, что царь былъ врагъ всякихъ придворныхъ этикетовъ, а потому отвѣтъ его, передаваемый Штелинымъ, заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія: „пускай посолъ сюда придетъ; для него все равно, гдѣ бы я ни принялъ его въ первый разъ. Вѣдь онъ ко мнѣ присланъ, а не въ тотъ или другой домъ. Если онъ имѣетъ, что сказать мнѣ, то можетъ сказать, гдѣ бы я ни былъ". Однажды Петру совѣтовалъ Ягужинскій наложить плату за посѣщеніе кунстъ-камеры; но царь замѣтилъ, что тогда никто не будетъ посѣщать ее, и потому, напротивъ, опредѣлилъ особенную сумму для угощенія посѣтителей. Шумахеру, сверхъ жалованья, отпускалось на то 400 рублей. Штелинъ и при Аннѣ Іоанновнѣ былъ часто свидѣтелемъ подобныхъ угощеній въ кунстъ-камерѣ.

LXXIV. Учрежденіе библіотеки въ Петербургѣ.

(Изъ соч. Пекарскаго „Наука и литература при Петрѣ В.").

Нынѣшняя библіотека при академіи наукъ въ Петербургѣ замѣчательна тѣмъ, что это самое первое въ Россіи книгохранилище, которое сдѣлалось (съ 25 октября 1728 г.) доступнымъ для общественнаго пользованія. Появленіе въ Петербургѣ и распространеніе этой библіотеки въ первые годы ея существованія было дѣло случая: во время занятія нашими войсками, въ началѣ XVIII ст., городовъ въ остейскихъ провинціяхъ отбирали находимыя тамъ книги (въ Митавѣ, напримѣръ такимъ способомъ пріобрѣтено до 20,500 томовъ сочиненій, по большей части философскихъ и богословскихъ) и пересылали ихъ въ Петербургъ. Они складывались здѣсь во дворцѣ въ Лѣтнемъ саду, и потомъ къ нимъ присоединены привезенныя изъ Москвы сочиненія по части химіи и медицины, которыми до того времени, вѣроятно, пользовалась Московская аптека.

Съ 1718 г. Петербургская библіотека значительно стала увеличиваться поступавшими въ нее разными частными собраніями. Принадлежавшее царевицу Алексѣю, сыну Петра, замѣчательно по своему прежнему владѣльцу. Изъ всѣхъ извѣстій о царевичѣ можно легко замѣтить, что въ немъ, какъ обожателѣ Россіи до-петровской, сильно отражалось направленіе старинной нашей грамотности, выразившееся въ исключительномъ стремленіи къ религіознымъ вопросамъ, къ предметамъ, касающимся вѣры. Гюйссенъ о пятнадцатилѣтнемъ Алексѣѣ писалъ уже, что онъ изъ благочестія и по собственному побужденію прочиталъ пять разъ славянскую библію и одинъ разъ на нѣмецкомъ языкѣ; также прилежно занимался твореніями св. отцовъ и пр. Это направленіе отразилось и въ выборѣ иностранныхъ книгъ библіотеки царевича: она вся заключалась въ 265 томахъ, изъ которыхъ самое малое число относится до

математики, военнаго искусства и исторіи; все же прочее состоитъ изъ сочиненій по части богословія. Такъ, встрѣчаются разныя изданія Библіи и Новаго Завѣта, творенія (на латинск. яз.) Іеронима, Григорія Нисскаго, Іоанна Дамаскина, Исидора Пелусіота и др.; далѣе—на нѣмецкомъ языкѣ жизнеописанія мучениковъ, святыхъ, трактаты церковной исторіи.

Въ 1718 же году принято въ описываемую библіотеку собраніе книгъ Андрея Виніуса.

Поступившее въ библіотеку, въ 1718 г., собраніе книгъ Питкарна замѣчательно обиліемъ сочиненій греческихъ и римскихъ классиковъ, а также по части древностей; у Питкарна были и сочиненія математическія медицинскія. Въ 1710 г. туда же перешла небольшая библіотека Пальмстрика, гдѣ были собраны сочиненія, довольно разнородныя по содержанію. Самое же значительное по качеству, выбору и красотѣ экземпляровъ собраніе досталось петербургской библіотекѣ въ 1719 г. послѣ архіатера Арескина (всего 4200 томовъ). Этотъ медикъ былъ образованнѣйшимъ изъ придворныхъ Петра В., почему послѣдній и возложилъ на него ученую переписку свою съ французскою академіею. Арескина особенно не жаловалъ царевичъ Алексѣй и говорилъ въ Вѣнѣ, что онъ да Меншиковъ направляютъ царя на все дурное. По завѣщанію Арескина, его библіотека и кабинетъ рѣдкихъ минераловъ, раковинъ и медалей слѣдовало продать, и вырученныя деньги выдать его матери и сестрамъ, а также госпиталю для бѣдныхъ въ Эдинбургѣ. Отдѣлъ книгъ медицинскихъ у Арескина былъ самый богатый, затѣмъ слѣдовали сочиненія историческія, философскія, филологическія и, наконецъ, богословскія.

Въ 1721 г. Петръ В. нарочно посылалъ Шумахера въ Голландію, Англію и Францію, между прочимъ, для пріобрѣтенія новыхъ сочиненій для петербургской библіотеки. Шумахеръ привезъ съ собою изъ-за границы 517 названій книгъ довольно разнородныхъ по содержанію и закупленныхъ, какъ кажется, безъ обдуманной заранѣе цѣли. Здѣсь находимъ сочиненія по части исторіи, древностей генеалогіи, богословія, военныхъ наукъ, нѣсколько дорогихъ сочиненій съ гравюрами.

Въ 1723 г. вице-канцлеръ Шафировъ отданъ былъ подъ судъ, а имущество его конфисковано. Тогда изъ канцеляріи вышняго суда было сообщено Лаврентію Блюментросту: „Въ Санктъ-Петербургскомъ Петра Шафирова домѣ между отписными пожитками имѣются на иностранныхъ языкахъ книги и экземпляры подъ титломъ—Законныхъ Причинъ, за что Е. И. В. съ Швеціею войну начать имѣлъ, которыхъ книгъ цѣновщики русскіе и иностранцы цѣнить не умѣютъ... и, по Е. И. В. указу, высшій судъ приказали: вышеписанныя книги отослать къ тебѣ, понеже библіотека имѣется въ твоемъ вѣдѣніи; и которыя изъ оныхъ книгъ потребны будутъ въ библіотекѣ, и тѣ отдать по оцѣнкѣ, а прочія возвратить къ отписнымъ Шафирова пожиткамъ»...

Шафировское собраніе было послѣднимъ при Петрѣ В. пріобрѣтеніемъ Петербургской библіотеки.

LXXV. Взглядъ на профессіональное образованіе и на отношеніе его къ общему образованію въ петровскую эпоху.

(Изъ соч. Владимірскаго-Буданова: „Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.“).

Личный взглядъ Петра на цѣль образованія выраженъ имъ еще въ концѣ XVII в., по возвращеніи его изъ перваго путешествія по Европѣ, въ извѣстномъ разговорѣ его съ патріархомъ Адріаномъ. Въ немъ Петръ признаетъ, что «евангельское ученіе и свѣтъ его сіе есть знаніе Божеское человѣкамъ паче всего въ жизни сей надобно»; намъ нѣтъ надобности подозрѣвать въ этихъ словахъ неискренность, уступку, полагать, что Петръ говорилъ это только потому, что разговаривалъ съ патріархомъ; по его системѣ духовное образованіе для извѣстнаго класса общества было столь же необходимо, какъ другія профессіональныя формы для другихъ классовъ. Это именно выражаетъ Петръ въ слѣдующихъ словахъ: «и изъ школы бы во всякія потребы люди благоразумно учася, происходили въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство». Т. е. образованіе въ глазахъ Петра явилось не въ своемъ существенномъ единствѣ, а въ частныхъ профессіональныхъ формахъ своихъ, какъ образованіе духовное, юридическое, военное, художественное (архитектура) и медицинское.

Эту мысль Петръ дѣлилъ со многими прогрессивными умами того времени. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить взглядъ Петра со взглядами всѣхъ тѣхъ прожектеровъ, которые въ началѣ XVIII в. подавали русскому правительству множество соображеній о развитіи образованія на Руси. По самой сущности дѣла, составители проектовъ большею частію принадлежали не къ русской народности, а къ образованнымъ людямъ или востока (Греціи и южной Руси), или запада (Германіи). Понятіе о цѣли образованія у первыхъ существенно разнится отъ понятія о томъ же у вторыхъ. Первые, сохраняя болѣе живыя преданія о необходимости общаго образованія, придаютъ ему однако характеръ исключительно религіозный и тѣмъ, помимо воли своей, вмѣсто общаго образованія, рекомендуютъ спеціально духовное. Такъ, одинъ изъ нихъ, рекомендуя для школы греческій языкъ, какъ «главу прочихъ языковъ», тѣмъ обличаетъ свое греческое происхожденіе, или по крайней мѣрѣ принадлежность къ греческой церкви; по его мнѣнію, цѣль образованія есть «прославленіе Св. Троицы». Распредѣленіе классовъ и составъ наукъ, рекомендуемые имъ, тѣ самые, которые приняты были въ южнорусскихъ среднихъ школахъ со времени преобразованія Петра Могилы и которые усвоены были въ семинаріяхъ великорусскихъ. Такимъ образомъ, этотъ проектъ подъ именемъ общаго образованія опредѣляетъ одну изъ профессіональныхъ формъ его, которая и была усвоена законодательствомъ и практикою; слѣдовательно, напрасно говорятъ, что «этотъ проектъ не имѣлъ въ петровскія времена никакого примѣненія». Ко времени образованія коллегіи начинается рядъ другихъ проектовъ, въ которыхъ уже понятіе о единой сущности образованія совершенно теряется. Одинъ безыменный составитель проекта опредѣляетъ цѣль образованія слѣдующимъ образомъ: «къ коллегіямъ, яко же къ прочимъ гражданскимъ и военнымъ

чинамъ, многихъ искусныхъ и ученыхъ людей требуется, и монарху великому полезнѣйше есть, егда изъ своихъ природныхъ подданныхъ всѣ такія достойныя персоны имѣть можетъ»... Конечно, для дѣйствія государственной машины рѣшительно все равно, къ какой національности принадлежатъ орудія, приводящія ее въ движеніе, но составителю проекта казалось выгоднѣе имѣть ихъ изъ природныхъ подданныхъ, между прочимъ, именно вслѣдствіе относительной дешевизны этихъ послѣднихъ. Для такой цѣли и только для этой составитель проекта рекомендуетъ установить академіи для шляхетной юности,—академіи, «въ которыхъ юность не токмо всѣмъ разнымъ языкамъ и экзерциціямъ, но и всѣмъ прочимъ ученіямъ, яко фортификаціи, архитектуры, навигаціи и инымъ подобнымъ ученіямъ выучиться могутъ». Такимъ образомъ, если первый проектъ указываетъ одну форму профессіональнаго образованія, именно образованіе духовное, второй указываетъ другую, именно образованіе дворянское, преимущественно военное. Впрочемъ, у составителя этого послѣдняго проекта было нѣкоторое понятіе о расчлененіи профессіональнаго образованія: «на такихъ академіяхъ, говоритъ онъ,—можно каждаго понятность и склоненіе испытывать, и всякъ въ послѣдованіи по своему склоненію наученъ быть можетъ, еже въ чюжихъ земляхъ большей части юности удается. А вышеупомянутымъ обычаемъ изъ юности ко всякимъ санамъ, чинамъ и службамъ искусныя персоны учинены быть могутъ».

Другой такой же проектъ, какъ въ малое время россійскихъ младыхъ людей въ совершенство поставить чрезъ обученіе и воспитаніе, имѣлъ особенный успѣхъ. Совершенство о которомъ здѣсь говорится, состоитъ въ томъ, чтобы царь могъ наполнить всѣ гражданскіе и воинскіе чины въ коллегіяхъ, губерніяхъ, судахъ, канцеляріяхъ, магистратахъ и проч. «своими природными подданными и могъ получить собственной своей земли изъ дѣтей искусныхъ купеческихъ людей художниковъ, ремесленниковъ, шкиперовъ и матрозовъ». Проектъ этотъ представленъ царю тѣмъ самымъ Генрихомъ Фикомъ, который впослѣдствіи такъ жестоко поплатился за свою страсть къ проектамъ, 11 іюля 1718 г.; Петру, вѣроятно, понравилась въ немъ полнота, обнимающая собою большую часть профессій, именно государственно-служебныхъ и экономическихъ. При этомъ однако нельзя не замѣтить, что этотъ третій проектъ опредѣляетъ преимущественно лишь одну третью профессію, именно профессію гражданской службы (экономическая, какъ увидимъ, въ понятіяхъ людей начала XVIII в. тѣсно сливалась съ этою послѣднею). Именно такой смыслъ приданъ проекту самимъ Петромъ, который надписалъ на немъ: «*сдѣлать* академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ, также начать переводить книги юриспруденціи и прочія кто (вѣроятно: какія можетъ); сіе учинить сего году начало». Въ мысляхъ Петра Академія прежде всего носила приказно-юридическій характеръ.

Итакъ, три прожектора рекомендуютъ, подъ видомъ общаго образованія, отдѣльныя профессіональныя формы его; и ни одинъ изъ нихъ не возвысился до указанія на другую высшую цѣль образованія,—на то значеніе его, которое такъ твердо выразилъ XVII вѣкъ въ терминахъ: «людкость» и «мудрость».

До какой степени въ глазахъ этихъ просвѣтителей Россіи человѣческое образованіе было ничтожно предъ другими задачами государства, это самымъ циническимъ образомъ высказалъ Vockerodt, составившій въ 1738 г. свой очеркъ Россіи при Петрѣ В. Сказавъ, что Петръ извлекъ свое духовенство изъ такого невѣжества, которое превосходило невѣжество европейскаго духовенства въ самые темные вѣка папства, авторъ въ заключеніе спрашиваетъ: «политично ли поступилъ въ этомъ случаѣ Петръ»? И отвѣчаетъ, что неполитично: образованное духовенство противопоставило ему въ его другихъ реформахъ гораздо болѣе силь-

ную оппозицію, чѣмъ какую онъ могъ бы встрѣтить въ невѣжественномъ клирѣ. Насъ, конечно, занимаетъ здѣсь не историческая неправда объ оппозиціи Петру со стороны *образованнаго* имъ духовенства, а дикая мысль о вредѣ образованія для кого бы то ни было.

Изо всей этой толпы изобрѣтателей секретовъ какъ выучить русскій народъ цивилизаціи въ нѣсколько уроковъ, блестящее исключеніе составляетъ величайшій умъ той эпохи—Лейбницъ; его понятіе объ образованіи, рекомендованное имъ Петру, столь же отличается отъ мнѣній, представленныхъ выше, и впослѣдствіи усвоенныхъ у насъ, на сколько «воинскія экзерциціи» разнятся отъ изученій философіи, несмотря на то, что и Лейбницъ платилъ нѣкоторую дань обоготворенію государства, распространенному въ ту эпоху. Въ запискѣ о распространеніи наукъ въ Россіи, относящейся къ декабрю 1708 г., онъ опредѣляетъ свое участіе къ распространенію просвѣщенія въ Россіи желаніемъ «содѣйствовать сколько нибудь общему благу и усовершенствованію людей, а также славѣ Божіей».—Въ ней цѣль образованія опредѣляется такъ: «истинную цѣль науки составляетъ блаженство людей, т. е. состояніе постояннаго удовлетворенія, на сколько это возможно для человѣка...; средство, съ помощію котораго можно повести людей на этотъ путь добродѣтели и счастія, заключается въ хорошемъ воспитаніи юношества. Посредствомъ воспитанія можно даже у животныхъ дѣлать чудеса, тѣмъ болѣе у людей, которые получили отъ Господа безсмертную душу и созданы по Его образу и подобію. Юношество можно такъ вести, чтобы вселить въ него любовь къ добродѣтели и охоту къ наукѣ; между тѣмъ взрослыхъ, которые не получили такого воспитанія, нужно сдерживать страхомъ никазанія. Какія средства ведутъ къ этой цѣли? или иначе: какую организацію образованію въ Россіи хотѣлъ бы придать Лейбницъ? Подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Лейбницъ въ запискѣ, которую относятъ къ 1716 г., поданной имъ царю.

Раздѣляя образованіе на низшее, среднее и высшее, Лейницъ даетъ характеръ общаго образованія лишь первому, приписывая второму спеціальный характеръ, а третьимъ считаетъ ученую разработку науки. Въ учрежденіяхъ для образованія первому соотвѣтствуетъ школа, второму университетъ, третьему академія наукъ.— Его школа однако не есть школа элементарная; не отъ азбуки переходитъ онъ къ спеціальному образованію; его школы (которыя онъ рекомендуетъ учредить при монастыряхъ) суть гимназія. Удивительно только то, что онъ для такого широкаго образованія назначаетъ весьма короткій срокъ: дѣти, предназначенныя къ ремесламъ и торговлѣ, обучаются въ школѣ до 12 или 14 лѣтняго возраста, а готовящіяся къ высшимъ профессіямъ до 18 лѣтняго возраста. Этимъ прежде всего отличается схема Лейбница отъ усвоенной и практикованной тогда въ Россіи. Образованіе заключается: въ нравственномъ воспитаніи, изученіи языковъ и пріобрѣтеніи реальныхъ знаній (Künste). Оставляя пока въ сторонѣ воспитательное значеніе школъ, мы встрѣчаемся съ интереснымъ въ высшей степени распредѣленіемъ матеріала, образующаго собственно умъ: языки русскій, латинскій, нѣмецкій, греческій, французскій (или итальянскій) и еврейскій распредѣляются такъ: для дѣтей, которыхъ будущая профессія есть ремесло (и, вѣроятно, земледѣльческій трудъ), образованіе должно ограничиться русскимъ языкомъ; для готовящихся къ торговой профессія—латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, для предназначенныхъ къ свѣтскимъ, т. е. «ученымъ», профессіямъ образованіе должно заканчиваться греческимъ и французскимъ языкомъ; для готовящихся къ духовной дѣятельности, сверхъ всѣхъ прочихъ, необходимъ еврейскій языкъ. Ни отъ кого не скроется, что такимъ образомъ Лейбницъ вводитъ въ общее образованіе элементъ профессіональный; создавая одну школу для общаго образованія всѣхъ

и одну схему образованія для этой школы, онъ находитъ возможнымъ предназначить учащихся для разныхъ профессій уже на этой ступени образованія. Здѣсь именно Лейбницъ платитъ дань своему вѣку. Эта же наклонность къ раннему введенію въ образованіе профессіональныхъ началъ замѣчается и въ составѣ наукъ и искусствъ, изъ которыхъ слагается реальный элементъ образованія; эти науки и искусства слѣдующія: «катихизисъ, основанія логики, музыка, ариѳметика, рисованіе, ручныя работы (какъ, напр., токарное искусство и рѣзьба), геометрія, главныя основанія хозяйства, фехтованіе верховая ѣзда, смотря по свойствамъ и наклонностямъ каждаго». Но распредѣленіе этихъ знаній для каждаго ученика, очевидно, опредѣляется не склонностями, а будущею профессіею (не имъ избранною); такъ, указанныя ремесла предназначаются для будущихъ ремесленниковъ, фехтованіе и верховая ѣзда для будущихъ офицеровъ и т. д. Общими предметами для всѣхъ, вѣроятно, остаются законъ Божій и математика.

За то Лейбницъ въ спеціальное образованіе вводитъ элементъ общій.—Спеціальное образованіе дѣлится у него на два существенныхъ вида: одинъ для военной службы, другой для гражданской и духовной. Для готовящихся къ первой практическою школою должны служить гарнизоны и гавани; для готовящихся ко вторымъ учреждаются Ritteracademien (терминъ, которымъ Лейбницъ обнаружилъ, что онъ предназначаетъ ихъ только для высшаго сословія); здѣсь то, предъ факультетскими занятіями, каждый долженъ «посвятить нѣкоторое время общему образованію», именно—изученію математики и механики. Факультеты, проектируемые имъ, суть: богословскій, юридическій и учительскій (педагогическій). Въ частности юридическій факультетъ долженъ заключать два отдѣленія: собственно юридическое (гдѣ изучается юстиція практически) и политическое для готовящихся къ высшимъ должностямъ администраціи; здѣсь изучается государственно право и всеобщая исторія.

Наконецъ, образованіе на своей высшей ступени (въ академіяхъ достигаетъ снова характера общности. Это высшій идеальный образъ науки, изъ котораго для школьнаго обученія берутся лишь частныя, отрывочныя средства. Однако школьное обученіе должно имѣть въ виду эту идеальную цѣль, потому что въ ней выражается то возможное совершенство человѣческаго развитія, къ которому въ концѣ концовъ должно стремиться образованіе юношества. «Молодежь должна учиться познавать Творца и твореніе», а потому преподается богословіе, результаты котораго проявляются въ достиженіи истинной любви къ Богу и ближнему, существа духовныя составляютъ предметъ пневматики: человѣческій разумъ (Verstand) есть предметъ логики; исправленіе наклонностей воли есть предметъ ѳики; науки, посвященныя изученію человѣческаго тѣла, суть медицина и хирургія. Познаніе о другихъ людяхъ и законахъ отношеній къ нимъ сообщается въ исторіи и правѣ естественномъ и государственномъ. Наконецъ, къ общему образованію Лейбницъ присоединяетъ науки естественныя, которыя разумѣетъ подъ двумя формами: географіи и астрономіи. Уже затѣмъ Лейбницъ указываетъ науки прикладныя (между которыми, къ удивленію, онъ помѣщаетъ математику, а именно геометрію и ариѳметику), механику, физику и химію и, для отдохновенія, музыку. На изученіе языковъ онъ смотритъ только, какъ на средство пріобрѣтенія и распространенія знаній. Несмотря на видимые недостатки этой схемы наукъ самой въ себѣ и въ особенности въ приложеніи ея къ Россіи, проектъ Лейбница безконечно выше другихъ тѣмъ, что указываетъ въ образованіи совсѣмъ другую цѣль, или, правильнѣе, видитъ цѣль въ самомъ образованіи, а не подчиняетъ его другимъ цѣлямъ.

Лейбницъ представлялъ эту систему наукъ именно въ виду интересовъ Россіи; несомнѣнно, что на Россію онъ смотрѣлъ, какъ на tabula rasa; онъ хотѣлъ и считалъ возможнымъ испытать на ней примѣнимость высшихъ представленій о человѣческой цивилизаціи; но онъ зналъ также, что для Россіи того времени, для обновленія ея въ экономическомъ и политическомъ отношеніи, были крайне необходимы профессіональныя знанія. Однако именно для Россіи того времени насущною потребностью онъ считалъ «улучшеніе нравовъ и большую кротость» народа и средствомъ для этого признавалъ воспитаніе и обученіе. Пекарскій старается доказать, что мысли Лейбница не имѣли почти никакого практическаго значенія для Россіи въ эпоху реформы ея; кажется, что это совершенно излишне, потому что взглядъ нашего законодательства того времени на сущность и цѣль образованія и взглядъ Лейбница на тотъ же предметъ находится на двухъ противуположныхъ полюсахъ. И мудрено ли, что правительство того времени въ числѣ своихъ основныхъ задачъ не считало распространенія образованія, если писатель нашего времени рѣшается сказать, что «просвѣщеніе, если говорить откровенно, было бы *излишнею тягостью* при томъ положеніи, въ какомъ находилась Россія въ старину». До такой жалкой крайности можетъ дойти никому ненужное желаніе защищать дѣятельность нашего правительства начала XVIII в.; авторъ «исторіи просвѣщенія» съумѣлъ найти такое положеніе, въ которомъ бы «просвѣщеніе было излишнею тягостью», и одною этою фразою доказалъ, что нашему современному образованію еще долго не приблизиться къ цѣли, указанной Лейбницемъ около 200 лѣтъ назадъ.

Въ этихъ словахъ, звучащихъ такъ странно, есть однако сторона истины, а именно: въ пол. XVIII в. народное образованіе не включено въ составъ задачъ государственнаго управленія, какъ самостоятельная часть его. Крайнее развитіе полицейскаго характера государства, характеризующее новый вѣкъ, когда государство становитъ себя источникомъ и цѣлію всякой человѣческой дѣятельности, вовсе не благопріятствовало развитію и укрѣпленію высказаннаго принципа. Государство не призвано служить интересамъ личности человѣка, а вся личность, со всею совокупностью моральныхъ силъ, есть покорный слуга государства.

Уже съ самаго перваго года XVIII в. русское законодательство начинаетъ высказывать, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи, кромѣ значенія пригодности его для той или другой профессіи: говоря точнѣе, *образованіе вовсе не ставилось цѣлію законодательной и административной дѣятельности государства:* государство заботится о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялась наилучшимъ образомъ; оно заботится объ обученіи, а не объ *образованіи;* ремеслу можно обучать, но не образовывать на немъ человѣка; образованіе умственныхъ силъ человѣка и, необходимое послѣдствіе его, образованіе воли (воспитаніе) не было въ виду у государства той эпохи. Все, что мы называемъ узаконеніями объ образованіи, въ точномъ смыслѣ составляетъ узаконенія о государственной службѣ. Понятія службы и образованія смѣшиваются.

Правительство, выдавая въ началѣ 1700 года Тессингу привилегію на торговлю въ Россіи книгами, учебными пособіями и картинами, опредѣляетъ, что книги эти должны быть «математическія, архитектурныя и всякія по военной части», и что содержаніе этихъ книгъ должно служить «къ наивяшей похвалѣ россійскому царствію межъ европейскими монархи... и ко обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію». Цѣль, къ которой стремилось законодательство Петра и его ближайшихъ преемниковъ въ своемъ отношеніи къ народному образованію,

выражается въ слѣдующихъ началахъ: «чтобъ вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились» (какъ сказано въ резолюціи на прошеніе Тобольскаго митрополита Филофея); «учить подъячихъ ихъ дѣлу» (ук. 1721 г., ноября 10). Самое отчетливое уясненіе цѣли образованія даютъ намъ Петръ и Ѳеофанъ Прокоповичъ въ духовномъ регламентѣ; здѣсь законодатель, начиная рѣчь о пользѣ образованія, пишетъ: «Извѣстно есть всему міру, каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ *ученія* и какъ несравненно умножилась его сила и надъ чаяніе велика и страшна стала, когда державный нашъ монархъ его величество Петръ I обучилъ же изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче тоежъ разумѣть о управленіи церкви, когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію».

Актъ учрежденія кадетскаго корпуса съ одной стороны подтверждатъ, что такова именно была цѣль петровскихъ законовъ о народномъ образованіи, съ другой стороны свидѣтельствуетъ, что правительство и при Аннѣ продолжало руководиться тѣмъ же взглядомъ. Сказавъ, что Петръ сдѣлалъ для дворянъ гвардію школою и тѣмъ поднялъ военное образованіе и искуство, актъ продолжаетъ:

«Такожъ и въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ (т. е. въ высшей и низшей гражданской службѣ) не меньше старанія прилагать изволилъ посылкою для обученія въ чужія краи и потомъ (въ) государствѣ указомъ опредѣлилъ во всѣ коллегіяхъ изъ шляхетства быть коллегіи юнкерамъ, дабы изъ нихъ, по примѣру другихъ европейскихъ государствъ чрезъ секретарство до высшихъ градусовъ производить могли, и напослѣдокъ академію наукъ учредилъ». Затѣмъ, переходя къ изложенію цѣли, для которой учреждается кадетскій корпусъ, законодатель такъ излагаетъ эту цѣль: «Хотя воинское дѣло понынѣ еще въ настоящемъ порядкѣ содержится, однакожъ, дабы таковое славное и государству зѣло потребное дѣло наивящше въ искусствѣ производилось, весьма нужно, дабы шляхетство отъ *младыхъ лѣтъ* къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были, того ради указали мы учредить корпусъ кадетовъ» и т. д.

Но государство не есть такой нравстренный институтъ, который можетъ разсчитывать на постоянное самоотверженіе подданныхъ; опредѣляя службу себѣ цѣлію образованія частныхъ лицъ, оно должно было вызвать къ жизни какой-либо личный стимулъ, указать личную пользу въ образованіи для гражданъ. Это не трудно было сдѣлать при сословномъ характерѣ образованія: если въ сословіи наслѣдственно передаются права на общественную дѣятельность, то въ немъ государственная цѣль дѣятельности сливается съ частною. Всякій долженъ учиться для себя, чтобы не ниспасть къ низшей профессіи, въ низшее сословіе. Эта личная цѣль постоянно и указывается законодательствомъ. Такъ, ученикамъ медицины оно указываетъ «къ наукѣ такъ склоняться, дабы случай, (который) по ея императорскаго величества высочайшей милости имѣютъ, доброму научиться, не упущали, ибо чрезъ то неточію ея императорскаго величества службы впредь ими исправлены да будутъ, но и они собственное свое благополучіе впредь получатъ». Такъ, поощряя учиться военно-служилыхъ людей, законодатель съ укоромъ замѣчаетъ, что они не хотятъ учиться, несмотря на то, «что мы, по высокоматерному своему милосердію, желая имъ всякаго добра, повелѣли учредить школы» и дать жалованье неимущимъ, «чтобъ всѣ малолѣтные служилыхъ отцовъ дѣти, имѣя надежное пропитаніе, обучились, кто къ какимъ наукамъ

приклонность имѣть будетъ, дабы со временемъ не токмо государству полезны быть, но и сами себѣ чрезъ тѣ науки довольное пропитаніе сыскать могли.»

Не трудно понять, что эта личная цѣль есть цѣль внѣшняя, т. е. цѣль, которую ставитъ себѣ человѣкъ, какъ членъ семьи, общества, государства или, наконецъ, какъ существо матеріальное. Эта цѣль есть «пропитаніе», кусокъ хлѣба въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ этого понятія. Она лежитъ въ самомъ существѣ профессіональнаго образованія, назначеннаго къ служенію внѣшнимъ интересамъ человѣка и общества (духовная профессія—какъ профессія, а не исповѣдничество, есть также дѣятельность внѣшняя, служебная). То, что можетъ указать человѣку въ его профессіи высшую общечеловѣческую цѣль, повести его при исполненіи профессіи далѣе «добычи», дается не профессіональнымъ образованіемъ, а общимъ. За утратою понятія объ этомъ послѣднемъ *все* образованіе должно было принять ремесленно-служебный характеръ.

Итакъ, въ образованіи правительство видитъ одни интересы службы, а частныя лица—одни интересы матеріальной выгоды.

Хотя наклонность къ системѣ исключительно профессіональнаго образованія замѣчается въ нашемъ законодательствѣ дѣйствительно съ первыхъ годовъ XVIII в., но къ окончательной выработкѣ этого понятія и системы развитія его въ обществѣ законодательство пришло не вдругъ. До 1720 года петровское правительство еще колеблется между общимъ и профессіональнымъ образованіемъ; въ самыхъ первыхъ годахъ XVIII в. стоятъ нерѣшительно одна противъ другой три формы общаго образованія: 1) форма, основанная на изученія классическихъ языковъ (которая утвердилась въ Московской академіи), 2) форма, основанная на изученіи математики (которая усвоена исключительно Сухаревой башнею) и 3) форма, основанная на изученіи новыхъ языковъ и наукъ (которая представляема была «разноязычными школами»). Когда послѣдняя отпала, какъ непригодная ни къ какому роду службы, то двѣ первыя—классическое и математическое образованіе—соперничаютъ между собою, причемъ всякое представленіе объ общемъ образованіи утратилось и эти двѣ господствовавшія формы его пріурочены къ двумъ главнѣйшимъ группамъ общества, превратились въ образованіе духовное и свѣтское и, наконецъ, каждое изъ нихъ разбилось на мелкія группы по профессіямъ, сословіямъ и классамъ.

Такъ утвердилась эта господствующая и характерная система того времени; здѣсь однако мы должны отмѣтить тѣ комбинаціи, въ которыя невольно вступало профессіональное образованіе съ общимъ, уничтожить которое вполнѣ не могла профессіональная система ради собственнаго существованія: нельзя же учиться фортификаціи, не зная грамоты. Комбинаціи эти слѣдующія. Профессіональное образованіе или совершенно исключаетъ общее, если конкуренція этого послѣдняго вредна для перваго, или допускаетъ предварительно одно элементарное образованіе (при низшихъ профессіяхъ), или наконецъ обращаетъ общее образованіе въ приготовительное къ профессіональному (при высшихъ профессіяхъ).

Первый способъ отношеніи къ общему образованію представляетъ, напр., узаконеніе 1735 г. о горныхъ школахъ. В. Н. Татищевъ представляетъ кабинетъ-министрамъ, между прочимъ, слѣдующее: «обывательскихъ дѣтей отъ 6 до 12 л. въ школахъ обучать охотниковъ, а въ неволю не принуждать». Побужденіемъ къ такой странной мѣрѣ, идущей въ разрѣзъ съ общею системою принужденія, служитъ слѣдующее соображеніе: «понеже такого возраста (дѣти) многія заводскія работы исправляютъ и при добычѣ мѣдныхъ рудъ носятъ руду на пожеги и въ прочихъ легкихъ работахъ и у *мастеровъ* въ *наукахъ* бываютъ, и послѣ отцевъ заводское дѣло на себѣ пріемлютъ; а ежели такого возраста работныхъ людей дѣти

отлучены будутъ въ школы, и отъ того впредь заводовъ размножать будетъ некѣмъ». Такимъ образомъ, здѣсь профессія легче можетъ быть изучена практикою, а всякое образованіе, даже элементарное (для котораго назначается самая ранняя молодость) вредитъ профессіи. Кабинетъ согласился съ мнѣніемъ Татищева.

Гораздо болѣе важное приложеніе того же начала мы видѣли въ отношеніи къ классу городскихъ обывателей, которые, ради занятій за прилавкомъ, уволены были отъ элементарнаго образованія. Наконецъ, еще болѣе важное и особенно пагубное примѣненіе это начало нашло въ крестьянскомъ населеніи, котораго профессія вовсе не требуетъ никакого образованія и потому «крестьянскихъ дѣтей въ школы принимать не велѣно».

Но такъ какъ лишь весьма грубыя ремесленныя профессіи могутъ обойтись безъ грамотности, то большая часть видовъ профессіальнаго образованія допускала, а потомъ и требовала предварительнаго элементарнаго образованія. Первоначально это образованіе сообщалось въ самыхъ спеціальныхъ школахъ, при которыхъ и полагались первоначально особые низшіе классы, обыкновенно называемые тогда «россійскими школами». Здѣсь безъ измѣненія продолжалась старая до-петровская система элементарнаго обученія: «чтеніе шло общепринятымъ, освященнымъ древностію порядкомъ; оно начиналось азбукою, продолжалось часословомъ и псалтыремъ и оканчивалось гражданскою печатью».

Впослѣдствіи, приблизительно съ царствованія Анны, признано было удобнѣйшимъ возложить элементарное образованіе на попеченіе и обязанность семьи. Возрастъ всякаго человѣка, призваннаго къ общественной профессіи (кромѣ самыхъ низшихъ профессіи) и общественному образованію, распредѣленъ былъ на слѣдующія эпохи: 1) отъ рожденія до 7 л. (младенчество),—періодъ, на который государство не заявляетъ никакихъ притязаній: оно въ первый разъ свидѣтельствуетъ гражданъ въ 7 лѣтъ. 2) Отъ 7 до 12 лѣтъ есть время, назначенное для пріобрѣтенія элементарнаго образованія въ семействахъ: «чтобы они (дѣти) при томъ другомъ смотрѣ, по послѣдней мѣрѣ уже дѣйствительно и совершенно грамотѣ читать и чисто писать обучены были».

Въ духовномъ сословіи срокъ, съ котораго наступалъ періодъ элементарнаго образованія и которымъ оканчивался онъ, не былъ строго и повсемѣстно опредѣленъ. Уже послѣ духовнаго регламента, въ 1723 г., сѵнодъ опредѣлилъ собирать въ школы всѣхъ дѣтей отъ 7 до 18 лѣтъ; но 7-лѣтніе являлись только на смотръ и потомъ отпускались домой для обученія грамотѣ. И въ этомъ сословіи по постановленіемъ 30-хъ и 40-хъ годовъ XVIII в., ученики, представленные въ первый разъ на смотръ, должны быть обучены грамотѣ. Если смотръ захватилъ ихъ безграмотными, то родителямъ и родственникамъ ихъ назначается (за подпискою) срокъ, къ которому они должны обучить дѣтей грамотѣ и вновь представить ихъ, подъ угрозою штрафа до 10 р. въ случаѣ не исполненія (т. е., если дѣти опять останутся безграмотными). Несмотря на эти угрозы, элементарное домашнее обученіе шло плохо: на смотръ являлось много неграмотныхъ, или притворявшихся неграмотными. Срокъ окончанія элементарнаго образованія опредѣлялся практикою довольно однообразно; напр., въ Псковской епархіи требовалось, чтобы поступившія въ семинарію дѣти были не менѣе 12 лѣтъ. Еще въ 1740 г., по поводу судьбы лицъ, откупившихся отъ военной службы и обязанныхъ, по указу кабинета, пріобрѣсти спеціальное духовное образованіе для занятія должностей по церковной службѣ, кабинетъ предписывалъ сѵноду «имѣть довольное разсужденіе» о томъ, «отъ какихъ лѣтъ такого (полнаго духовнаго) обученія взыскивать, а прочихъ отъ дальнѣйшихъ наукъ освободить надлежитъ, и положа тому указные годы, надлежащее опредѣленіе учинить». Наконецъ, регламентъ новго-

родской семинаріи 1740 г. опредѣлилъ набирать въ семинаріи такихъ, «которые уже обучены читать и писать въ русскомъ языкѣ, а именно отъ 10 до 11 лѣтъ». Въ другомъ мѣстѣ того же регламента 12-лѣтній возрастъ признается крайнимъ предѣломъ элементарнаго образованія: до сего времени, говоритъ регламентъ, содержали при семинаріи такихъ учениковъ, которые читать и писать по русски не обучены, всѣхъ такихъ учениковъ, которые читать и писать по русски не обучены; всѣхъ такихъ отдать родителямъ ихъ, «чтобы они своихъ дѣтей до возраста ихъ въ 12 л. всему тому конечно обучили» и представили въ семинарію для обученія прочимъ наукамъ.

Хотя государство предоставило элементарное образованіе семьѣ и само непосредственно не участвовало въ заботахъ о немъ, но по временамъ сознавало необходимость регулировать домашнее элементарное обученіе. Такъ, въ 1722 г. Ѳеодосій, архіепископъ новгородскій, предложилъ сѵноду слѣдующее: «въ С.-Петербургѣ люди духовнаго и мірскаго чиновъ обучаютъ дѣтей С.-Петербургскихъ жителей словенской грамотѣ, которая въ дѣтскомъ возрастѣ требуетъ отъ учащаго весьма правильно граматичнаго отъ фундамента къ чтенію и письму наученіемъ вкорененія. А они, учащіе, всѣ ли таковаго находятся искусства, о томъ святѣйшему правительствующему сѵноду неизвѣстно. Чего ради надлежитъ быть имъ подъ присмотромъ и вѣдѣніемъ учителя, обрѣтающагося при троицкомъ александро-невскомъ монастырѣ Иродіона Тихонова». Сѵнодъ приказалъ приходскимъ священникамъ сыскать всѣхъ такихъ учителей и объявить имъ, что они должны явиться на экзаменъ къ Тихонову; явились архіерейскіе пѣвчіе, дьячки, дѣти ихъ и дворовые служители. Экзаменаторъ, запретивъ преподаваніе неспособнымъ, остальнымъ далъ инструкцію, какъ слѣдуетъ обучать дѣтей чтенію и письму.

Въ томъ же регламентѣ новгородской семинаріи предписывается учреждать элементарныя школы по уѣздамъ спеціально для дѣтей духовенства. Эта обязанность возлагается на начальство семинаріи, чтобы отцы не отговаривались, что школъ нѣтъ и они учителей сыскать не могутъ; въ школахъ должна преподаваться русская грамотность; въ учителя избираются такіе священники и причетники, «которые въ правоглаголаніи и правописаніи знаютъ силу»; плата учителямъ назначается примѣнительно къ тому, что платили до сего времени ученики учителямъ, разумѣется, въ приходскихъ школахъ.

3) Возрастъ отъ 12 до 16 лѣтъ (или 15) назначается на пріобрѣтеніе *приготовительнаго* образованія. Это тотъ добавокъ къ элементарному образованію, который обязанъ былъ своимъ существованіемъ Петру и который онъ хотѣлъ сдѣлать обязательнымъ для всего населенія въ цыфирныхъ школхъ. Законодательство разсматривало эту форму образованія, какъ элементарную, хотя она заключаетъ въ себѣ существенные признаки спеціальнаго образованія. Теперь она сдѣлалась для большей части высшихъ профессій приготовительною. Неизмѣнною основою приготовительнаго образованія ариѳметика и геометрія оставались до царствованія Екатерины II-й, «чтобъ оные (недоросли) всеконечно до другаго смотра... ариѳметикѣ и геометріи со основаніемъ обучены были». Но кромѣ этой основы оно заключало въ себѣ обязательно законъ Божій и необязательно иностранные языки. Знаніе «артикуловъ нашей православной каѳолической вѣры греческаго исповѣданія признано «само собой разумѣющимся должнымъ и нужнѣйшимъ» знаніемъ. Но въ дѣйствительности это знаніе, какъ видно, вовсе не разумѣлось само собой.

Въ составѣ приготовительнаго образованія это единственный предметъ, обнаруживающій всѣ свойства общаго образованія; въ изученіи его не предвидѣлось никакой сторонней цѣли; цѣль его для всѣхъ равнозначительная—«христіанскую

должность и догматы православныя нашея вѣры узнать и въ томъ бы право поступать».

Что касается до изученія иностранныхъ языковъ (которымъ, какъ мы упоминали уже, обозначается обыкновенно среднее общее образованіе), то оно предоставлено было свободному произволу родителей высшихъ сословій. Они обязаны были обучить ариѳметикѣ и геометріи «съ крѣпкимъ обязательствомъ»; объ иностранныхъ же языкахъ говорится, что имъ «по своему изволу учить станутъ». Здѣсь разумѣются новые иностранные языки, которые въ духовномъ сословіи замѣняются классическими, и преимущественно латинскимъ. Съ лучшею организаціею общественныхъ школъ (именно—съ основаніемъ сухопутнаго корпуса), иностранные языки сдѣлались въ нихъ обязательною частью приготовительнаго образованія, но только какъ средство пріобрѣтенія профессіональныхъ знаній, въ виду крайняго недостатка учителей изъ русскихъ: «ежели такихъ учителей, говоритъ уставъ кадетскаго корпуса,—которые-бъ россійскому языку искусны, довольное число найти не можно, то во всѣхъ классахъ надлежитъ сначала обучать иностраннымъ языкамъ французскимъ и нѣмецкимъ, понеже молодые люди скорѣе оные языки, изъ которыхъ имъ науки разумѣть, перенимать могутъ, нежели учители въ надлежащемъ совершенствѣ имъ по россійски о наукахъ толковать». Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что для профессіонально-военнаго и юридическаго образованія приготовительное образованіе получаетъ иной оттѣнокъ, чѣмъ для духовнаго: тамъ существенно подготовляющимъ предметамъ служитъ математика, здѣсь классическіе языки. Нельзя не сознаться, что это весьма сообразно съ сущностью дѣла.

Но изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что общаго образованія въ строгомъ смыслѣ ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ. Два предмета, всегда считавшіеся могущественными и единственными факторами общаго образованія, разъединены; общеобразовательная сила ихъ была парализована односторонностью и той, и другой формы образованія. Что такая система не въ состояніи была замѣнить общее образованіе, это наиболѣе опредѣляется служебною ролью, назначенною для общеобразовательныхъ предметовъ въ отношеніи къ будущему спеціальному образованію.

Такимъ образомъ, профессіональное образованіе не предупреждалось общимъ. Каждый съ отроческихъ лѣтъ наклонялся къ той или другой внѣшней цѣли образованія. А это и было виною того, что ремесло оставалось ремесломъ; къ нему не приходило значеніе человѣческой образованности; хотя профессіональное и общее образованіе составляютъ формы одного и того же образованія, но первое безъ втораго совершенно теряетъ значеніе образованія и дѣлается ремесломъ. Отторженное отъ общаго, профессіональное образованіе получило тотъ отталкивающій характеръ, который наша литература нерѣдко приписываетъ ошибочно самому профессіональному образованію.

Только въ самомъ концѣ описываемаго времени послышались въ нашемъ законодательствѣ отдѣльныя и робкія мнѣнія, что до извѣстнаго срока всѣ должны учиться одинаково, не готовясь еще ни къ какой службѣ. Представителемъ такихъ мнѣній въ законодательныхъ сферахъ едва-ли не нужно признать одного Ив. Ив. Шувалова.

LXXVI. Школа Математическихъ и Навигацкихъ наукъ.

(Изъ „Очерка русской морской исторіи“, Веселаго).

При первыхъ попыткахъ къ кораблестроенію и военныхъ дѣйствіяхъ при осадѣ Азова, Петръ встрѣтилъ недостатокъ въ свѣдущихъ людяхъ по всѣмъ частямъ. Гдѣ только требовалось какое-нибудь спеціальное знаніе, тамъ дѣло не могло обойтись безъ иностранцевъ, которыхъ приходилось выписывать издалека, за большія деньги, и при этомъ нерѣдко ошибаться въ выборѣ. Обстоятельства требовали образованія русскихъ дѣятелей по возможности въ большемъ числѣ и въ скорѣйшее время. Для достиженія этой цѣли Петръ почти одновременно съ отправленіемъ молодыхъ людей въ ученье за границу приступилъ къ основанію въ Москвѣ школы.

Въ первое заграничное путешествіе государя, въ 1698 году, ему рекомендовали для будущаго училища хорошаго преподавателя математики и морскахъ наукъ, профессара эбердинскаго университета Генриха Фарварсона (Henry Wargwarson), который, по приглашенію царя, и согласился переѣхать въ Россію. Вмѣстѣ съ Фарварсономъ для обученія собственно морскимъ или, по-тогдашнему, „навигацкимъ“ наукамъ были вызваны учителя: Степанъ Гвынъ (Stephen Guyn) и Грызъ (Richard Gries).

1701 года апрѣля 14-го послѣдовалъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ школы «математическихъ и навигацкихъ, т. е. мореходныхъ хитростно искусствъ ученія». Школѣ приказано состоять въ вѣдѣніи оружейной палаты, у боярина Ѳ. А. Головина «съ товарищи», и въ ученье набирать «добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ».

Для помѣщенія школы сначала назначили мастерскія палаты полотнянаго двора, въ Кадашевѣ (въ Замоскворѣчьѣ), но, по неудобству и отдаленности этого мѣста отъ центра города, по просьбѣ учителей, государь, въ іюнѣ того же 1701 года, приказалъ отдать подъ школу Срѣтенскую и Сухареву башню «со всѣмъ палатнымъ строеніемъ и землею подъ дворъ».

По странной случайности, башня эта, какъ говоритъ преданіе, съ самаго ея построенія, начавшагося въ 1692 году, имѣла морской характеръ. Первоначально Петръ хотѣлъ придать ей видъ корабля съ мачтою: восточная сторона должна была представлять носъ, а западная—корму. Впослѣдствіи эта мысль оставлена, и башня получила настоящую свою, весьма оригинальную наружность. Въ третьемъ ярусѣ Сухаревой башни были классныя комнаты школы и такъ-называемый «рапирный» залъ, гдѣ школьники учились фехтованію.

Въ школѣ проходили ариѳметику, геометрію, тригонометріи плоскую и сферическую, навигацію, морскую астрономію и сообщались краткія свѣдѣнія о географіи, преимущественно математической. Для необходимаго подготовленія учениковъ къ слушанію этого курса при школѣ было два начальныхъ класса, носившихъ названіе «русской школы», въ кото-

рой учили читать и писать, и «цыфирной школы», гдѣ обучали счету и началамъ ариѳметики. Навигація и астрономія подраздѣлялись на нѣсколько отдѣленій: навигація плоская (плаваніе по плоской картѣ), навигація меркаторская (плаваніе по картѣ меркаторской), навигація круглая (плаваніе по дугѣ большаго круга), діурналъ (веденіе журнала и счисленіе пути корабля). Подъ именемъ «географіи» преподавались начальныя понятія географіи математической и въ самомъ краткомъ объемѣ общее обозрѣніе всѣхъ частей свѣта. Кромѣ этихъ наукъ, нѣкоторые изъ школьниковъ учились фехтованію («рапирной наукѣ»), за что имъ и давалось большее противъ другихъ жалованье.

Ученики проходили послѣдовательно науки и разныя части ихъ, отъ ариѳметики до географіи включительно. Опредѣленнаго времени для экзамена и переводовъ, а также и для выпусковъ, не было; переводили изъ одного отдѣленія въ другое или, какъ тогда выражались: «изъ одной науки въ другую», по мѣрѣ выучки; при переходахъ, по степени наукъ, возвышалось и жалованье или «кормовыя деньги». Выпускали изъ школы по мѣрѣ готовности къ дѣлу и по требованію разныхъ вѣдомствъ, а очищавшіяся ваканціи немедленно замѣщались вновь-принятыми учениками.

Судя по тѣснотѣ помѣщенія и малому числу учителей, должно полагать, что отдѣльныхъ классныхъ комнатъ, кромѣ цыфирной и русской школы, было не болѣе числа учителей, т. е. три или четыре.

Навигацкая школа, находившаяся первоначально въ вѣдѣніи Оружейной палаты у Ѳ. А. Головина, по кончинѣ его, указомъ 1706 года 15 декабря передана въ завѣдываніе приказа морскаго флота, а потомъ въ іюнѣ 1712 года—въ вѣдѣніе московской адмиралтейской конторы. Такимъ образомъ, послѣ Головина высшій надзоръ надъ школою имѣлъ Ѳ. М. Апраксинъ,

Посредствующимъ лицомъ между высшимъ начальствомъ и учителями, или, вѣрнѣе, ближайшимъ и дѣйствительнымъ начальникомъ школы, былъ сначала дьякъ оружейной палаты Курбатовъ, а впослѣдствіи коммисаръ московской адмиралтейской конторы Бѣляевъ. Черезъ нихъ шла оффиціальная переписка, касающаяся школы, и отпускались деньги на ея содержаніе. Но нерѣдко учителя обращались и непосредственно къ главнымъ начальникамъ.

Андрей Даниловичъ Фарварсонъ или, какъ онъ подписывался по-русски, Фархварсонъ, Гвынъ и Грейсъ пріѣхали въ Москву осенью 1699 года. Кромѣ ихъ, учителемъ въ школѣ былъ Леонтій Магницкій, авторъ извѣстной русской ариѳметики, по отзывамъ начальства, человѣкъ настолько свѣдущій въ математикѣ, что могъ преподавать курсъ до навигаціи; но на самомъ дѣлѣ онъ преподавалъ и эту науку, вѣроятно, подъ руководствомъ Фарварсона.

Въ указѣ объ основаніи школы высшій окладъ кормовыхъ денегъ ученикамъ положенъ 5 алтынъ въ день; въ дѣйствительности же, какъ видно изъ списковъ 1705 года, ученики получали отъ 4 денегъ до 3 алт. 2 ден., т. е. отъ двухъ до десяти копѣекъ. Количество «кормовыхъ денегъ» зависѣло отъ усмотрѣнія учителей и назначалось по наукамъ и средствамъ ученика. Бѣднѣйшимъ изъ нихъ, кромѣ выдачи этихъ денегъ, шили на казенный счетъ платье.

Въ 1705 году у Фарварсона съ Гвыномъ (Грейса уже не было: онъ

былъ какимъ-то образомъ убитъ на улицѣ) окончили навигацію 30 человѣкъ, а у Магницкаго 34 человѣка. Всего въ то время въ школѣ находилось 198 человѣкъ, въ томъ числѣ: 2 князя, 36 дворянъ, 43 дѣтей священниковъ и причетниковъ и 117—разныхъ сословій, какъ-то: людей боярскихъ, посадскихъ, солдатскихъ, приказныхъ и стрѣлецкихъ дѣтей. Изъ числа учениковъ окончили навигацію 64, проходили ее 51, учили тригонометрію 27, геометрію 43 и ариѳметику 13. Судя по этимъ числамъ и обращая вниманіе на новость дѣла и неприготовленность вновь поступающихъ въ ученье, нельзя не согласиться, что въ первые годы существованія школы занятія въ ней шли довольно успѣшно.

Первоначально велѣно было принимать въ школу изъ „недорослей дворянскихъ дѣтей и дьячихъ и подьячихъ, изъ домовъ боярскихъ и изъ другихъ чиновъ, кто пожелаетъ, изъ недорослей-же, лѣтъ отъ 12 до 17". Но какъ въ указныя лѣта изъ боярскихъ домовъ являлось мало, то 1710 года января 7 приказано принимать отъ 12 и до 20 лѣтъ и давать ученикамъ кормовыхъ денегъ въ день отъ 6 денегъ до 4 алтынъ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ есть достаточное число крестьянъ. По окончаніи курса ученику обѣщалось, что онъ „не только денежнымъ удовольствованъ будетъ немалымъ жалованьемъ, но улучитъ пріять и честь противъ мѣры дѣла своего".

Въ октябрѣ 1710 года число учениковъ дошло до 421. Въ 1711 году марта 15 разрѣшено принимать въ школу до 500 человѣкъ; но на дѣлѣ учениковъ было болѣе. Штатное число имѣло только значеніе для получавшихъ кормовыя деньги; дѣтей-же достаточныхъ дворянъ, не нуждавшихся въ жалованьи, могло быть неограниченное число. Охотниковъ поступить въ школу, конечно, являлось болѣе изъ простаго класса; дворянскимъ дѣтямъ тяжело было мѣнять домашнее барство на грубую жизнь школы и изъ привиллегированныхъ властителей своихъ сверстниковъ дѣлаться ихъ товарищами, поступить въ руки ненавистныхъ иностранцевъ, а потомъ на вѣчную службу.

Малое число являвшихся дворянъ заставило въ іюлѣ 1714 года повторить указъ 1710 года, а въ томъ же и въ слѣдующемъ году всѣхъ дворянскихъ недорослей, не явившихся къ государю на смотръ, велѣно было назначить на урочные годы въ каторжную работу и къ битью свай. Послѣ перваго указа въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ въ школу записались 111 человѣкъ (изъ нихъ дворянскихъ дѣтей 41) а съ дѣтьми гвардейскихъ солдатъ было записано 250 человѣкъ.

Уклоненіе дворянъ усилило строгія мѣры противъ ослушниковъ царскаго приказа. Въ городахъ и большихъ селахъ выставляли списки неявившихся на смотръ; доносителю, указавшему укрывающагося отъ смотра, обѣщалось имѣніе виновнаго, и доносящій о такомъ бѣглецѣ имѣлъ право явиться прямо къ царю, что прежде допускалось только въ доносахъ о дѣлахъ государственныхъ и о неправомъ рѣшеніи суда.

За побѣгъ изъ школы недорослямъ обѣщалась смертная казнь, а родственникамъ ихъ за ходатайство „объ отбывательствѣ отъ школы"— каторжныя работы.

На содержаніе школы отпускались деньги съ монетнаго двора и взыскиваемыя съ царедворцевъ, не желавшись отправляться въ ученье за море или на службу. На всѣ расходы по школѣ съ основанія ея по

ноябрь 1703 года израсходовано 8,341 руб. 4 алт., не включая сюда 4,385 руб. 19 алт. 1 деньги, употребленныхъ собственно на строеніе.

Въ 1711 году, когда сборъ денегъ отошелъ въ вѣдѣніе сената, отпускъ суммъ на содержаніе школы замедлился въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, такъ что многіе ученики, не имѣя возможности содержать себя, разбѣжались. Зимою 1714 года ученики, не получая пять мѣсяцевъ кормовыхъ денегъ, по словамъ оффиціальнаго донесенія, „не только проѣли кафтаны, но истинно, босыми ногами ходя, просятъ милостины у оконъ“.

Выведенный изъ терпѣнія коммисаръ Бѣляевъ рѣшился написать къ Апраксину слѣдующій ультиматумъ: „ежели школѣ быть, то потребны на содержаніе ея деньги, а буде даваться не будутъ, то истинно лучше распустить, понеже отъ нищенства и глада являются отъ школяровъ многія плутости“. Это представленіе подѣйствовало, и объ отпускѣ денегъ для навигацкой школы послѣдовало распоряженіе. Сумма, назначенная сенатомъ для отдачи въ адмиралтейскій приказъ, на содержаніе навигацкой школы и посланныхъ за море, простиралась до 22,495 руб. Деньги эти велѣно отпускать по-прежнему съ денежныхъ дворовъ.

Трое учителей-англичанъ получали сначала всѣ вмѣстѣ окладного жалованья 550 рублей въ годъ, не считая денегъ, выдаваемыхъ по ихъ требованіямъ на разные предметы, какъ-то: на одежду, столъ, лошадей, ихъ кормъ и сбрую, и проч. Такихъ денегъ со времени пріѣзда англичанъ по 1704 годъ израсходовано около 1,370 рублей. Магницкій въ началѣ, кажется, не имѣлъ опредѣленнаго жалованья, потому что въ 1702 году онъ получалъ жалованья всего 20 рублей 1 алт. 4 деньги, а въ 1703 году, 90 рублей 1 алт. 4 деньги. Впослѣдствіи, въ 1710 году (апрѣля 20), когда Фарварсону было назначено жалованье 600 рублей, Гвыну—300 рублей, и Магницкій сталъ получать 150 рублей. Между тѣмъ онъ трудился болѣе англичанъ, потому что, кромѣ преподаванія, наблюдалъ еще за поведеніемъ учениковъ. По отзыву дьяка Курбатова, англичане хотя учили и хорошо, только истинно дѣльнымъ былъ одинъ Фарварсонъ; а другіе два (Гвынъ и Грейсъ) „хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтія (Магницкаго) наукою не дошли“. „Временемъ,—пишетъ Курбатовъ,—англичане и загуляются, или по своему обыкновенію по часту и долго проспятъ“; Магницкій же всегда въ классы являлся во время.

Кромѣ учителей, при школѣ въ 1702 году былъ переводчикъ „еллино-греческаго и латинскаго діалектовъ“, котораго, впрочемъ, въ спискахъ слѣдующихъ годовъ уже не видно.

Съ первыхъ годовъ существованія школы раздавались ученикамъ подъ ихъ росписки слѣдующія книги и учебныя пособія: ариѳметика, вѣроятно Магницкаго, изданные для школы логариѳмы, аспидныя доски, «каменныя перья» (грифели) и карандаши; изъ инструментовъ—шкалы (линейки съ различными дѣленіями) планныя и гантирскія, радіусы (грандштоки), секторы и квадранты (три послѣднихъ инструмента служили для измѣренія высоты свѣтилъ); ноктурналы—инструменты для опредѣленія времени по наблюденіямъ звѣздъ Малой и Большой Медвѣдицы; «книги морскихъ картинъ» (морскіе атласы), готовальни съ мѣдными инструментами, циркули простые и треножные, циркули «хартинные» (употреблявшіеся при картахъ). Часть этихъ инстументовъ вы-

писывалась изъ-за границы, а другіе дѣлались въ своей мастерской при школѣ.

По выходѣ учениковъ изъ школы всѣ розданныя имъ книги и инструменты отбирались. Въ 1713 году «на покупку инструментовъ и школьныя всякія починки» начали вычитать небольшой процентъ изъ жалованья школьниковъ.

Изъ учениковъ навигацкой школы нѣкоторые жили въ самой школѣ, другіе—на частныхъ квартирахъ. За поведеніемъ ихъ смотрѣлъ Магницкій, и въ 1711 году (мая 6) вѣлено было въ помощь ему выбрать изъ учениковъ «десятскихъ, добрыхъ людей, и всякому смотрѣть въ своемъ десяткѣ, или отдѣленіи, чтобы школьники не пьянствовали и отъ школы самовольно не отлучались, дракъ ни съ кѣмъ и обидъ никому ни въ чемъ не чинили».

Наказанія, употреблявшіяся въ школѣ, соотвѣтствовала грубости тогдашнихъ нравовъ. Такъ, напр., за большія проступки учениковъ наказывали на школьномъ дворѣ плетьми; на достаточныхъ дворянъ за прогульные дни, или за такъ-называемыя нѣты, положена была (указомъ 1707 года, февраля 28) страшная пеня: за первый прогульный день 5 рублей, за второй—10 рублей, за третій и всѣ слѣдующіе—15 рублей. Такихъ денегъ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ 1707 года, набралось 8.545 рублей. Для взысканія штрафныхъ денегъ, несмотря ни на какія отговорки, брали у виновныхъ людей и били ихъ на правежѣ, а у кого не было крѣпостныхъ, били самихъ господъ, покуда они не выплачивали штрафа.

Въ навигацкой школѣ, наполненной преимущественно дѣтьми низшихъ сословій, были однако-же ученики и знатныхъ фамилій, какъ напр.: князья Волконскіе, Долгорукіе, Прозоровскіе, Хованскіе, Барятинскіе и др., Шереметевы, Собакины, Дмитріевы-Мамоновы и проч.; многіе изъ нихъ встрѣчаются въ штрафномъ спискѣ.

Навигацкая школа въ продолженіи первыхъ пятнадцати лѣтъ своего существованія принесла большую пользу не только флоту, но и другимъ вѣдомствамъ, въ которыя поступали ея воспитанники, мало-помалу вытѣснявшіе иностранцевъ. Въ указѣ 1710 года сказано, что «школа оная не только потребна къ единому мореходству и инженерству, но и артиллеріи и гражданству». И, дѣйствительно, ученики школы требовались и посылались всюду, гдѣ нужны были свѣдующіе люди. Кончившіе курсъ навигаціи отправлялись для науки «за море», назначались для практики на нашъ флотъ, отсылались для «ученья бомбардирскому дѣлу, къ инженерной наукѣ (для котороя въ 1711 году уже готовы были 170 человѣкъ), кондукторами къ генералъ-квартирмейстеру, къ архитектурнымъ дѣламъ и проч. Такимъ образомъ, первые русскіе моряки, гидрографы и топографы, извѣстные подъ именемъ геодезистовъ, инженеры, артиллеристы и вообще многіе сотрудники Петра по разнымъ частямъ были воспитанники навигацкой школы. Изъ нихъ же назначались учителя въ школы, учреждаемыя въ губерніяхъ при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ.

Учителя школы, кромѣ преподаванія наукъ и сочиненія руководствъ, исполняли, въ случаѣ нужды, и другія обязанности. Вообще, къ ихъ содѣйствію обращались по самымъ разнороднымъ предметамъ: учителямъ школы поручалось разсматриваніе близкихъ къ ихъ спеціальности

книгъ; въ 1709 году царь приказалъ имъ прислать въ Воронежъ трубы для наблюденія затменія солнца, вычислить время затменія и сдѣлать рисунокъ, какъ оно будетъ видимо. Это нужно было Петру для предупрежденія публикаціями суевѣрныхъ толковъ въ народѣ, являвшихся обыкновенно по поводу затменій. Иногда учителямъ поручались и не кабинетныя работы, такъ, наприм., они посылались съ учениками проложить линію дороги отъ Москвы въ Петербургъ.

LXXVII. Морская академія.

(Изъ „Очерка русской Морской исторіи“, Веселаго).

Спустя пятнадцать лѣтъ по основаніи навигацкой школы, государь вздумалъ перенести морское училище поближе къ морю, въ свой «парадисъ», касъ онъ называлъ въ шутку Петербургъ. Въ августѣ 1715 года приказано было перевезти сюда изъ Москвы всѣхъ учителей и учениковъ навигацкой школы къ 1-му октября. Но какъ учащихся было до 600 человѣкъ и большая часть изъ нихъ по бѣдности должны были перевозиться на счетъ казны, то коммисаръ московской адмиралтейской (школы) конторы, Никифоровъ, представляя невозможность исполнить указъ въ такой короткій срокъ, спрашивалъ Апраксина: не удобнѣе-ли будетъ низшіе классы оставить въ Москвѣ, а въ Петербургъ перевести одни высшіе? Предложеніе Никифорова, кромѣ облегченія перевозки, представляло еще и ту важную выгоду, что въ Москвѣ было готовое помѣщеніе, приспособленное къ школьнымъ потребностямъ, и небогатымъ людямъ изъ большей части Россіи въ Москву было ѣхать ближе и дешевле, нежели въ Петербургъ; наконецъ, въ близости моря для низшихъ классовъ не было никакой необходимости. Дѣльное мнѣніе Никифорова измѣнило первоначальное распоряженіе о перевозкѣ всѣхъ учениковъ въ Петербургъ. 1715 года октября 1-го состоялся указъ объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ Морской Академіи и вышла полная инструкція ученія и содержанія въ ней учениковъ, которыхъ комплектъ положенъ 300 человѣкъ, а въ московской школѣ велѣно содержать 500 человѣкъ. Изъ учителей въ Петербургъ переведены Фарварсонъ и Гвынъ и, въ помощь имъ, назначено восемь навигаторовъ. Въ Москвѣ оставленъ Магницкій съ нѣсколькими помощниками, выбранными изъ лучшихъ учениковъ, окончившихъ курсъ, и велѣно учить только ариѳметикѣ и геометріи. Московская школа осталась по-прежнему въ вѣдѣніи московской адмиралтейской конторы, а академію повелѣно „вѣдать военной морскаго флота канцеляріи“, а для ближайшаго надзора назначался особый директоръ. Жалованье ученикамъ академіи назначалось не по днямъ, но по мѣсяцамъ и также по степени познаній. Самое низшее было одинъ рубль, высшее—три рубля, съ вычетомъ на мундиръ „съ рубля по полуполтинѣ“. Въ академію старались выбирать преимущественно дворянъ, имѣщихъ нѣкоторое состояніе, а московская школа предоставлена была

исключительно для другихъ сословій, но и въ нее принимались также бѣдные дворяне, имѣвшіе не болѣе 10-ти дворовъ.

Въ числѣ документовъ, сохраняемыхъ въ залѣ засѣданій Адмиралтействъ-Совѣта, находится слѣдующій собственноручный указъ государя о предметахъ ученія въ морской академіи: Дѣтей учить: 1) Ариѳметикѣ; 2) Геометріи; 3) Фехтъ или пріему ружья; 4) Артиллеріи; 5) Навигаціи; 6) Фортификаціи; 7) Географіи; 8) Знанію членовъ корабельнаго гола и такелажа; 9) Рисованію; 10) На произволеніе танцамъ для постуры (т. е. для позитуры). Этотъ указъ писанъ 1715 года, сентября 9-го. Въ немъ подъ рубрикою навигаціи разумѣется и морская астрономія.

Къ числу предметовъ, преподаваемыхъ въ академіи, послѣ прибавлена геодезія, для изученія которой исключительно назначалось 30 учениковъ. Впослѣдствіи въ адмиралтейскомъ регламентѣ этотъ списокъ наукъ болѣе разъясненъ и велѣно учить: артиллеріи, навигаціи и фортификаціи, шанцамъ и ретранжаментамъ (т. е. полевой фортификаціи), географіи и воинскимъ обученіямъ съ мушкетами—совершенно, а фортификаціи и апрошамъ (т. е. долговременной фортификаціи), также и корабельнымъ членамъ,—чтобъ только знали, что̀ для чего дѣлается, и, наконецъ, рисованью и на рапирахъ, сколько возможно.

Морскую академію помѣстили въ домѣ бывшемъ Кикина, который въ началѣ отдѣлали на скорую руку и пристроили къ нему нѣсколько мазанокъ; окончательно-же достроивали его лѣтомъ 1718 года. Мѣсто, выбранное для академіи, вполнѣ соотвѣтствовало назначенію воспитанниковъ: Кикина домъ находился „на набережной“ Невы, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца, именно въ углу, обращенномъ къ адмиралтейству и Главному штабу. Въ то время вся часть Петербурга между Невою и Фонтанкою по справедливости называлась „Адмиралтейскимъ островомъ“ и, дѣйствительно, почти вся была занята адмиралтейскими строеніями и домами лицъ, принадлежащихъ къ морскому вѣдомству.

Желая устроить свою морскую академію по образцу фнанцузскихъ морскихъ училищъ, основанныхъ при Людовикѣ XIV въ Марселѣ, Тулонѣ и Брестѣ, государь назначилъ директоромъ француза, барона Сентъ-Илера, который, благодаря своимъ связямъ за границею, вѣроятно, былъ рекомендованъ царю съ отличной стороны. При новомъ своемъ назначеніи Сентъ-Илеръ вовсе не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ: на словахъ онъ обѣщалъ много, на дѣлѣ не исполнилъ ничего.

1716 года января 31-го главное начальство надъ академіей и московской школой поручено было графу Андрею Артамоновичу Матвѣеву. Это былъ сынъ извѣстнаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, образованный человѣкъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ государя и, по отзыву современниковъ, „мужъ въ разумѣ и дѣлахъ достохвальный“. Онъ служилъ по дипломатической части, бывалъ уполномоченнымъ въ Голландіи, Франціи, Англіи и Австріи, гдѣ получилъ и графское достоинство. Назначеніе подобнаго человѣка для управленія морскими школами показываетъ, какую важность придавалъ государь этимъ учебнымъ заведеніямъ. Въ февралѣ 1717 года, когда велѣно было Сентъ-Илера отпустить, школами и академіею сталъ завѣдывать одинъ Матвѣевъ.

Въ 1719 году января 3-го, по назначеніи Матвѣева сенаторомъ и президентомъ юстицъ-коллегіи, начальство надъ академіею и школами

перешло къ полковнику и бомбардиръ-капитану Григорію Григорьеву Скорнякову-Писареву, человѣку также весьма умному и получившему образованіе за границею. Писаревъ хорошо зналъ математику и за четыре года до назначенія своего начальникомъ школъ преподавалъ въ академіи артиллерію, а впослѣдствіи напечаталъ книгу по части механики, подъ заглавіемъ: „Практика художества статическаго или механическаго".

Въ 1722 году вмѣсто Скорнякова-Писарева повелѣно управлять академіею и морскими школами: московскою и бывшими въ нѣкоторыхъ губерніяхъ адмиралтейскими—капитану Александру Львовичу Нарышкину, и въ товарищи ему назначенъ родной братъ его лейтенантъ (поручикъ) Иванъ Нарышкинъ. Новый директоръ былъ человѣкъ молодой (28 лѣтъ), отлично образованный, любимецъ и даже родственникъ государя. Нарышкинъ за границею изучалъ морское дѣло и, возвратясь послѣ долговременнаго отсутствія въ Россію, часто находился при государѣ, который иначе не называлъ его, какъ „Львовичемъ".

Нарышкинъ горячо принялся за ввѣренное ему управленіе морскими училищами и много сдѣлалъ полезнаго для юной академіи; при сдачѣ училищъ Писаревымъ въ Петербургѣ оказалось болѣе 100 учениковъ сверхъ штата, а въ Москвѣ недоставало около 80. Много было неизлечимо больныхъ и 116 человѣкъ въ бѣгахъ. Нарышкинъ привелъ все это въ порядокъ; хлопоталъ, на основаніи адмиралтейскаго регламента, о пріискиваніи недостававшихъ учителей; требовалъ переводчика иностранныхъ книгъ и даже лекаря, котораго не было при академіи. При Нарышкинѣ ученики ходили въ походъ на эскадрѣ; а для изученія корабельной архитектуры онъ, также на основаніи регламента, заставилъ сдѣлать модель корабля и поставилъ ее въ академіи. Нарышкинъ началъ обучать воспитанниковъ ружейной пальбѣ съ порохомъ и вытребовалъ для этого, какую могъ съискать въ магазинахъ, аммуницію. Онъ не велѣлъ принимать въ школу безграмотныхъ, запретилъ ученикамъ жениться ранѣе 25 лѣтъ, строго смотрѣлъ, чтобы учителя не брали взятокъ, и проч.

Въ классахъ академіи математическимъ и морскимъ наукамъ учили профессоры Фарварсонъ и Гвынъ, также учителя, подмастерья и навигаторы, вышедшіе изъ воспитанниковъ навигацкой школы. Для другихъ предметовъ, если не находилось своихъ учителей, приглашали и постороннихъ лицъ.

Для обученія фронту и вообще для начальства надъ воспитанниками, съ самаго основанія академіи, прикомандировали къ ней гвардіи поручика Бестужева и, въ помощь ему, гвардіи-же прапорщика Кафтырева и двухъ сержантовъ Семеновскаго полка.

Въ морской академіи, такъ же какъ и въ навигацкой школѣ до 1715 года, проходились преимущественно математическія и морскія науки. Къ первымъ принадлежала ариѳметика, начала алгебры, геометрія и плоская и сферическая тригонометрія; ко вторымъ—навигація, морская астрономія и геодезія или, точнѣе, морская съемка. Преподаваніе ариѳметики находилось въ рукахъ Магницкаго, и онъ проходилъ ее, держась составленной имъ книги, которая, по своему невсегда ясному изложенію, чудовищной техникѣ и большому объему, должна была для большинства учениковъ представлять весьма тяжелый трудъ. Не легко было,

совершенно неприготовленнымъ къ ученью юношамъ понимать или даже заучивать изъ ариѳметики Магницкаго наизусть опредѣленія, въ родѣ слѣдующихъ: „ариѳметика или числительница есть художество честное, независимое и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ-же и новѣйшихъ, въ разныя времена явившихся, изряднѣйшихъ ариѳметиковъ, изобрѣтенная и изложенная". Или: „Радиксъ есть число яковыя либо четверобочныя и равномѣрныя фигуры или вещи единъ бокъ содержащіе. И того ради радиксъ или корень именуется, зане отъ него вся пропорціи всея алгебры начинаются и рождаются". Въ книгѣ различныя степени назывались: вторая квадратъ или зензусъ, третья—кубусъ или кубикъ, четвертая—биквадратъ или зензизензусъ, восьмая—триквадратъ или зензизензезусъ и пр. Въ этой ариѳметикѣ, кромѣ дѣйствій надъ числами цѣлыми, дробными и именованными, изложены были различныя правила: тройное, товарищества и пр., прогрессіи, извлеченіе квадратныхъ и кубичныхъ корней и начала алгебры. Въ концѣ книги находились нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся къ навигаціи и астрономіи; но въ академіи послѣдніе два предмета проходились по запискамъ Фарварсона, совершенно въ другомъ видѣ.

Изъ геометріи и тригонометріи давались ученикамъ только отрывочныя свѣдѣнія, заключавшія въ себѣ теоремы, необходимыя для рѣшенія задачъ изъ морскихъ наукъ. Навигація и астрономія проходились въ формѣ рѣшенія различныхъ задачъ, встрѣчающихся на практикѣ. Въ навигаціи изучалось почти все то, что проходится и теперь (разумѣется, въ болѣе трудной формѣ), за исключеніемъ предметовъ, не бывшихъ въ то время извѣстными. Въ астрономіи же рѣшались задачи суточныхъ явленій свѣтилъ, опредѣлялась широта мѣста по меридіанальной высотѣ солнца, склоненіе компаса, время прилива и отлива моря и т. п. При рѣшеніи навигаціонныхъ и астрономическихъ задачъ употребляли логариѳмы и нѣкоторыя изъ морскихъ таблицъ. Подъ названіемъ географіи проходили „краткое и соборное изъясненіе о земноводномъ глобусѣ", состоявшее въ описаніи положенія точекъ и круговъ, воображаемыхъ на земной поверхности, а также объяснялись явленія свѣтилъ для жителей поясовъ жаркаго, умѣреннаго и холоднаго, и т. п., собственно-же изъ географіи сообщалось ученикамъ самое краткое обозрѣніе всѣхъ частей свѣта. Наконецъ, къ числу географическихъ задачъ причислялось опредѣленіе разстоянія между двумя точками на землѣ, которыхъ широты и долготы извѣстны, и нѣкоторыя другія.

Преподаваніе корабельной архитектуры и фортификаціи ограничивалось названіями болѣе необходимыхъ предметовъ и краткими практическими указаніями. Ученики геодезическаго класса, кромѣ математическихъ и морскихъ наукъ, проходимыхъ ими въ академіи, знакомились съ существовавшими тогда простѣйшими способами съемки и промѣра и болѣе другихъ учениковъ практиковались съ употребляемыми при съемкѣ инструментами.

По сохранившимся запискамъ учениковъ надо полагать, что всѣ теоремы, относящіяся къ математическимъ и морскимъ наукамъ, проходились безъ доказательствъ, и учащіеся должны были довольствоваться заучиваніемъ наизусть различныхъ научныхъ истинъ и прилагать ихъ къ бездоказательному же рѣшенію практическихъ задачъ. Своеобразной

успѣшности такого преподаванія много пособляло усиленное развитіе пямяти и, въ сущности, весьма небольшой объемъ курса. Трудно повѣрить, что подобный порядокъ могъ сохраняться въ морской академіи во все время ея существованія, т. е., цѣлое полустолѣтіе. Объясненіе этого обстоятельства надо искать въ глубокой рутинѣ, подъ вліяніемъ которой трудились учителя и ученики. При основаніи навигацкой школы требованіе скорѣйшаго обученія по необходимости заставляло ограничиться такимъ „бездоказательнымъ“ преподаваніемъ; а потомъ оно вошло въ привычку, сдѣлалось обычнымъ явленіемъ и впослѣдствіи до того укоренилось, что даже лучшимъ изъ учениковъ не приходило на мысль доискиваться разумныхъ причинъ, почему извѣстная теорема сложилась такъ, а не иначе. Все слышанное въ классѣ принималось за несомнѣнную истину, вовсе не нуждающуюся въ доказательствѣ, и преподаватели заботились только о томъ, чтобы учащіеся знали, какъ что дѣлается, и не думали о разъясненіи—почему? Со стороны преподавателей видно, однакоже, нѣкоторое стремленіе пополнить до извѣстной степени недостатокъ теоріи множествомъ и разнообразіемъ частныхъ примѣровъ, представляющихъ всевозможные случаи, особенно относительно задачъ, которыя скорѣе другихъ могли встрѣтиться на практикѣ. Къ этому необходимо прибавить, что ученики академіи, проходившіе морскія науки, лѣтомъ назначались для практики на флотѣ.

Для содержанія морской академіи, изъ суммы, назначенной въ 1714 году вообще на школы, велѣно было отпускать половину, т. е. 11,229 р. Впослѣдствіи же, въ 1719 году, для (морской) московской школы оставлено только 5,600 р., а остальные 19,579 р. употреблялись на академію.

Но эти деньги отпускались до того неисправно, что, по недостатку средствъ, осенью 1717 г., комнаты верхняго этажа академіи стоили недостроенныя безъ печей и „42 ученика не ходили на ученье, затѣмъ что стали наги и босы“. Къ предстоящей зимѣ не на что было исправить печей и даже купить дровъ, и директоръ академіи Матвѣевъ опасался, чтобы не пришлось прекратить и ученья. „Во истину не могу самъ описать, какія несносныя докуки несу отъ тѣхъ бѣдныхъ и нужныхъ (нуждающихся) людей,—писалъ онъ къ кабинетъ-секретарю Макарову,—которые безотступно у меня просятъ денегъ, и уже весьма наги и босы“. Въ этомъ же 1717 году, когда нѣсколькимъ ученикамъ изъ бѣднѣйшихъ дворянъ, въ наказаніе за неявку въ ученіе, велѣно было пять лѣтъ не давать жалованья, то многіе изъ нихъ, покуда не получили помилованія, ходили по міру.

Кромѣ первыхъ годовъ существованія академіи, относительно недостатка средствъ, были особенно тяжелы три послѣдніе года царствованія Петра. При посѣщеніи классовъ академіи, 10-го іюня 1724 года, государь замѣтилъ въ числѣ учениковъ нѣкоторыхъ очень худо одѣтыхъ, и на вопросъ о причинѣ, ему доложили, что жалованье выдается съ недоимками, да и то не деньгами, а товарами. По слѣдствію, которое велѣно было произвести, оказалось, что 85 учениковъ „за босотою и неимѣніемъ пропитанія“ не ходили въ школу въ продолженіе трехъ, четырехъ и даже пяти мѣсяцевъ; а изъ нихъ 55 человѣкъ объявили, что они „кормились вольною работою“. Послѣ этого коллегія приказала немедленно выдать жалованье всѣмъ недостаточнымъ ученикамъ.

Морская академія, или академія морской гвардіи, сколько можно судить по данной для нея „инструкціи", была уже не простая школа, а настоящее военно-учебное заведеніе. Въ ней предполагалось соблюдать правильное распредѣленіе учебныхъ занятій и полный военный порядокъ, съ сохраненіемъ строгой дисциплины. Воспитанники раздѣлялись на шесть отдѣленій или „бригадъ", въ каждой по 50 человѣкъ. Надъ ними начальствовалъ офицеръ, назначаемый изъ гвардейскихъ полковъ, и называвшійся „командиромъ морской гвардіи". Въ помощь ему назначались, также изъ гвардіи, одинъ или два офицера, два сержанта и нѣсколько хорошихъ старыхъ солдатъ, исполнявшихъ должность дядекъ. Общее завѣдываніе академіею, по всѣмъ частямъ, имѣлъ директоръ.

Воспитанники должны были, сколько дозволяло помѣщеніе, жить въ зданіи академіи. Ежедневныя занятія ихъ располагались слѣдующимъ образомъ: осенью и зимою въ 7-мъ часу, а весною и лѣтомъ въ 6-мъ, всѣ ученики, послѣ завтрака, собирались въ залъ для молитвы. По окончаніи ея расходились по классамъ и садились по своимъ мѣстамъ „со всякимъ почтеніемъ и всевозможною учтивостію, безъ всякой конфузіи, не досадуя другъ другу".

Въ классахъ приказано было „никакого крику, ни шуму не чинить", и особенно не проводить время въ разговорахъ. Для наблюденія за порядкомъ государь приказалъ во всякомъ классѣ быть по одному дядькѣ, и имѣть „хлыстъ въ рукахъ; а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря какой-бы ученикъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманитъ", т. е. кто будетъ потворствовать.

Воспитанники или, какъ ихъ называли въ бумагахъ, „морская гвардія", имѣли ружья, и въ академіи содержался постоянный караулъ изъ офицера и 18 учениковъ, по 3 изъ каждой бригады. Они стояли на часахъ у воротъ, въ залахъ, при денежной комнатѣ, у часоваго колокола и т. п.

Преподаватели должны были являться къ своимъ занятіямъ во-время, и обучать морскую гвардію „всему, что къ ихъ чину принадлежитъ, со всякимъ прилежаніемъ и лучшимъ разумнѣйшимъ образомъ". Строго предписано было: „ничего не брать съ учениковъ, ни прямымъ, ниже постороннимъ образомъ, подъ штрафомъ вчетверо оное возратить", и ежели кто изъ учителей замѣчался двукратно виновнымъ во взяткахъ, то подвергался тѣлесному наказанію. Но недостаточность средствъ для содержанія академіи обращала данную первоначально инструкцію въ мертвую букву, и въ дѣйствительности морская академія походила на тѣ бурсы, которыя существовали въ иныхъ мѣстахъ Россіи лѣтъ за двадцать до настоящаго времени.

По недостатку помѣщенія многіе ученики жили въ частныхъ домахъ. По пріѣздѣ изъ Москвы, учениковъ размѣстили по квартирамъ гвардейскихъ солдатъ, бывшихъ въ то время въ походѣ. Впослѣдствіи, въ 1722 году ученикамъ отводилось 68 квартиръ, въ дальнихъ частяхъ города, въ бѣдныхъ домишкахъ матросовъ, мастеровыхъ и т. п. Несмотря на это, въ академіи все-таки соблюдались нѣкоторыя военныя правила, необходимыя для сохраненія порядка. Такъ, напр., въ опредѣленное время били „тапту" (зорю), рундъ повѣрялъ часовыхъ, и ночью дозоръ обхо-

дилъ по дворамъ и вокругъ зданія. Это дѣлалось не для одной формы, но и по необходимости: строгость была нужна для удержанія тогдашнихъ юношей; многіе изъ нихъ не отличались трезвостью, и сосѣди академіи знали, что замки и запоры мало охраняютъ ихъ съѣстные припасы, дрова и проч. Все это было въ современныхъ нравахъ, которымъ соотвѣтствовали и наказанія: „сѣкли по два дня нещадно батогами, или, по молодости лѣтъ, вмѣсто кнута наказывали кошками"; за значительные проступки гоняли шпицрутенами сквозь строй, и послѣ такихъ наказаній оставляли „по прежнему въ ученьи".

При отпускахъ учениковъ брались подписки, что въ случаѣ неявки въ срокъ виновный будетъ посланъ въ каторжную работу, а за побѣгъ подвергнется смертной казни. Но такія угрозы никогда не приводились въ исполненіе и были не болѣе, какъ канцелярская формальность.

Несмотря на довольно печальное положеніе морской академіи относительно средствъ содержанія, общественное ея значеніе было настолько высоко, что, по свидѣтельству одного иностранца (Вебера), бывшаго тогда въ Петербургѣ, во всемъ пространномъ россійскомъ государствѣ не было ни одной знатной фамиліи, которая-бы не представила-бы въ академію сына или ближайшаго родственника". Дѣйствительно, для всякаго лица, извѣстнаго государю, лучшимъ средствомъ обратить на себя его милостивое вниманіе было отдать сына въ морскую службу. Къ этому нельзя не прибавить, что на самомъ дѣлѣ тяжелая школа морской академіи выработала много прекрасныхъ морскихъ офицеровъ и даже нѣсколько замѣчательныхъ людей своего времени. Адмиралы: гидрографъ Нагаевъ, побѣдитель турокъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ, Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ, спутникъ Беринга ученый морякъ Алексѣй Ильичъ Чириковъ были воспитанниками морской академіи.

LXXVIII. Цыфирныя школы.

(Изъ соч. Владимірскаго-Буданова: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII-го вѣка).

Извѣстно, что реформаторская дѣятельность Петра по всѣмъ сферамъ государственной жизни первоначально направлялась на улучшеніе существовавшихъ до него учрежденій. Ясный переворотъ къ новаторству замѣчается лишь со втораго десятилѣтія XVIII-го вѣка. Разница двухъ этихъ эпохъ въ законодательной и правительственной дѣятельности Петра еще не оцѣнена по достоинству. Тѣмъ болѣе жаль, что мѣры Петра по народному образованію, о которыхъ упоминаетъ митрополитъ Іовъ, совершенно не могутъ быть уяснены по недостатку историческихъ свѣдѣній.

Со втораго десятилѣтія правительство совершенно отказалось отъ старой системы приходскихъ школъ и, между прочимъ, отъ своихъ собственныхъ дѣйствій, направленныхъ къ развитію ихъ. Оно рѣшилось создать новую систему народныхъ школъ для распространенія совершенно

новаго элементарнаго образованія; это—школы цыфирныя, а образованіе—математическое.

Правительство составило себѣ совершенно особенное понятіе объ элементарномъ образованіи, не имѣющее никакой связи съ господствовавшими прежде понятіями о немъ. И, дѣйствительно, ученіе въ цыфирныхъ школахъ (судя по рязанской, составъ ученія которой, благодаря отчету синода въ верховный тайный совѣтъ 1727 года, намъ извѣстенъ) состояло въ слѣдующемъ: учили нумераціи, субстракціи, мультипликаціи, дивизіи, тройному, десятичнымъ дробямъ, изъ геометріи—циркульнымъ пріемамъ, тригонометріи плоской, тангенсамъ.

Въ первомъ пунктѣ интересной инструкціи, данной 9-го декабря 1721 года учителю Павлову, отправленному въ Переяславль-Рязанскій, стоитъ слѣдующее:

„Ѣхать тебѣ въ Переславль Рязанскій и, по указу Его Императорскаго Величества 714 и 716 годовъ, учить тебѣ дьячихъ, подъ-яческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чину, архіерейскаго дому и монастырскихъ слугъ дѣтей ихъ, по высылкѣ отъ воеводы, отъ 10 лѣтъ до 15, а посадскихъ и прочихъ чиновъ дѣтей же, которые сами похотятъ, кромѣ дворянскихъ дѣтей, а дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать, ариѳметики, а именно: нумераціи, аддиціи, субстракціи, мультопликаціи, дивизіи, тройныхъ правилъ и тройныхъ детрательныхъ какъ безъ долей, такъ и съ долями и десятичнаго счету и дѣленія, радіусу квадрата и радіусу куба; а которой ученикъ вышеозначенную науку обучитъ, тѣхъ учить геометріи, а именно: прежде истолкованію геометріи и циркульныхъ пріемовъ, потомъ—тригонометріи плоской, плегометріи и штирометріи“.

Судя по этой оригинальной спеціальности образованія, повидимому, никакъ нельзя считать его элементарнымъ, которое по существу своему не должно быть спеціальнымъ. Къ этому предположенію можетъ привести и слѣдующее соображеніе: если въ цыфирныхъ школахъ начинали прямо съ математики, то слѣдуетъ предположить, что въ нихъ поступали уже грамотные, слѣдовательно, образованіе цыфирныхъ школъ шло за элементарнымъ, а не само было элементарнымъ. Но другія свойства этого образованія, особенно его общеобязательность, рѣшительно не позволяютъ причислить его къ разряду профессіональныхъ знаній. Далѣе, такъ какъ въ ариѳметическія школы должны были поступать всѣ дѣти 10—14-лѣтняго возраста, то никакъ нельзя предположить, что въ нихъ поступали всѣ грамотные; въ классахъ, называемыхъ по имени частей ариѳметики, рядомъ съ ариѳметикою преподавалась и грамотность, т. е. чтеніе и письмо. Въ монастырскихъ школахъ для нищихъ Петръ предписалъ въ 1724 году „обучать, сверхъ вѣры и заповѣдей Божіихъ, цыфири и геометріи“. „Во всѣ вновь учреждаемыя школы учителей брали изъ навигацкой школы, и они вездѣ, *кромѣ чтенія и письма*, учили ариѳметикѣ и геометріи“.[1] Въ цыфирной и русскихъ школахъ при самой Сухаревой башнѣ учили читать, писать и считать. Итакъ, мы должны признать это образованіе элементарнымъ.

Какимъ же образомъ законодатель могъ придти къ странной мысли создать народное образованіе на изученіи цыфири и нѣкоторой части геометріи? Почему онъ полагалъ, что весь народъ долженъ учиться тангенсамъ и употребленію циркуля, и именно только этимъ предметамъ?

Цыфирныя школы иначе называются навигацкими не потому только, что состояли въ завѣдываніи адмиралтействъ-коллегіи. Самое это подчиненіе ихъ морскому вѣдомству можетъ быть изъяснено не иначе, какъ тѣмъ, что законодатель и элементарному образованію придавалъ ту же цѣль, какую преслѣдовала морская академія. Если самъ законодатель, при его страсти къ мореходству, считалъ знанія, необходимыя для навигаторовъ, знаніями, имѣющими самый высокій интересъ, то и весь народъ во всемъ его культурно-историческомъ значеніи не могъ имѣть другой болѣе возвышенной цѣли; всѣ должны быть мореплавателями или, по крайней мѣрѣ, готовыми къ тому.

Это стремленіе основать все народное образованіе на такой узкой спеціальности можетъ показаться весьма дикимъ, а потому и наше предположеніе мало-вѣроятнымъ. Не вѣрнѣе ли предположить, что законодатель признавалъ математику наиболѣе общеобразовательнымъ предметомъ? Но другія подобныя же мѣры царствованія Петра Великаго повидимому оправдываютъ первое предположеніе. Въ началѣ XVIII-го вѣка (1701 до 1715 года), до есть, до времени открытія цыфирныхъ школъ, открывались во многихъ городахъ адмиралтейскія (навигаціонныя въ полномъ смыслѣ) школы. Изъ записокъ Неплюева и Мордвинова видно, что такія школы были до 1715 года—въ Нарвѣ, Ревелѣ, въ Вел. Новгородѣ. Въ Нарвѣ учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Михайловичъ сынъ Кашинцовъ. Въ Новгородѣ обучали начальнымъ основаніямъ математики. Подобная же школа была основана Петромъ въ Воронежѣ въ 1703 году, когда Петръ посѣтилъ этотъ городъ. «На первый разъ набрано было 90 человѣкъ молодыхъ драгунъ, которымъ преподавалась грамота и сверхъ того ариѳметика.

Окончательное утвержденіе математическо-навигаціонной системы образованія, какъ общеобязательной для всѣхъ, относится, какъ извѣстно, къ 1714—1716 гг.

Образованіе въ указанномъ составѣ и размѣрахъ объявлено обязательнымъ. Карательныя мѣры, придуманныя какъ законодателемъ, такъ и практикою того времени, для огражденія обязательности образованія, направлены были прежде всего на дѣтей, а не на родителей. Этотъ весьма нераціональный способъ дѣйствія ясно показываетъ, что правительство имѣло въ виду не свою обязанность надзирать за исполненіемъ родителями ихъ долга въ отношеніи къ дѣтямъ, а только свою государственную потребность въ людяхъ, знающихъ начатки геометріи.

Мѣра, придуманная первымъ узаконеніемъ о цыфирныхъ школахъ (1714 г.), повидимому придумана весьма остроумно: кто не усвоитъ вполнѣ элементарнаго образованія въ объемѣ, назначенномъ правительствомъ, тотъ не получаетъ свидѣтельства отъ учителя, а безъ такого свидѣтельства не позволяется жениться [1]). Личный интересъ, который раздражаетъ здѣсь законодатель, повидимому, самый общій и самый чувствительный. Но мѣра эта поражена двумя существенными пороками: а) исполненіе угрозы ведетъ къ нарушенію другаго государственнаго

---

[1]) „Какъ ту науку тѣ ученики выучатъ совершенно, и въ то время давать имъ свидѣтельствованныя письма за своею рукою..., а безъ такихъ свидѣтельствованныхъ писемъ жениться имъ не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать“.

интереса, который въ государствахъ XVIII в. считался весьма существеннымъ, именно умноженія народонаселенія. Очевидно, что государство само должно было не настаивать строго на исполненіи этого неразумнаго постановленія и тѣмъ парализовать обязательность обученія. Если въ первые 10 л. существованія цыфирныхъ школъ во всѣхъ ихъ перебывало 1389 чел., а выучено 91 чел., то можно ли думать, что остальная масса населенія можетъ быть лишена брака? И что дѣйствительно было бы въ такомъ случаѣ съ государствомъ? Очевидно, что всѣ, а не одни 92 счастливца, преблагополучно получили право жениться, вопреки узаконенію 1714 г. б) Это узаконеніе считаетъ исполненіемъ школьной обязанности не посѣщеніе школы, а дѣйствительное усвоеніе требуемыхъ знаній: «ту науку выучатъ совершенно». Государство никогда не можетъ потребовать этого вопреки педагогикѣ и психологіи.

Что угроза недопущенія до брака мало дѣйствовала, это доказываютъ жалобы учителей на отсутствіе учениковъ,—жалобы, начавшіяся вскорѣ по прибытіи учителей на мѣста. Поэтому указъ 1719 г. присоединяетъ къ прежнимъ карательнымъ мѣрамъ административныя,—рекомендуетъ губернаторамъ (указъ данъ боярину Салтыкову) въ тѣ школы опредѣлять (дѣтей), не упуская времени, «велѣть высылать ихъ безъ молчанія». Какъ ревностно исполняла это тогдашная администрація, показываютъ прошенія посадкихъ людей 1720 г.: «держать изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ». Тамъ, гдѣ дѣти не были скрыты или не успѣли бѣжать, административныя власти схватывали и везли ихъ въ городъ, «таскали». Способъ набора, практиковавшійся тогда во всѣхъ случаяхъ, слѣдующій: родители представляли своихъ дѣтей подлежащей власти для разбора; власть распредѣляла ихъ, смотря по ихъ возрасту и собственному усмотрѣнію. Разборъ для опредѣленія въ цыфирныя школы производили воеводы, каждый въ своей провинціи.

Принудительность образованіи была одною изъ причинъ неуспѣха цыфирныхъ школъ и дѣйствительно: «случалось, что дѣти, силою забранныя въ эти школы, разбѣгались отъ нихъ, какъ это случилось въ Воронежѣ».

Мы сказали, что характеръ элементарныхъ школъ въ цыфирныхъ можно замѣчать по тому, что они предназначены для всѣхъ гражданъ. И дѣйствительно, въ первыхъ узаконеніяхъ о нихъ правительство не дѣлаетъ исключеній ни для кого относительно обязанности посѣщать ихъ, кромѣ однодворцевъ: по узаконенію 28 февр. 1714 г. ей, подлежали дѣти дворянскія и приказнаго чина дьяческія и подъяческія отъ 10 до 15 лѣтъ, «опричь однодворцевъ». По узаконенію 28 дек. 1715 г., «молодые ребятки изо *всякихъ чиновъ людей*». Почему сдѣлано исключеніе въ пользу однодворцевъ? Потому, конечно, что однодворцы были лица, составлявшія народное поголовное ополченіе. Если ихъ держать въ школахъ до 15 лѣтъ, то некогда имъ готовиться къ своей постоянной профессіи и отцамъ ихъ не кѣмъ замѣнить себя въ случаѣ общаго движенія ополченія. Что это такъ, доказывается параллельною мѣрою 1736 г.: въ Петербургъ къ герольдмейстеру для записи въ школы должны являться «всѣхъ служилыхъ людей дѣти отъ 7 лѣтъ и выше, кромѣ однодворческихъ, которые ландмилицію содержатъ».

Но такъ какъ въ подобныхъ уже условіяхъ находилось и дворянство, то законодатель счелъ необходимымъ вскорѣ исключить и его изъ общей

обязанности посѣщать элементарныя школы. Указъ 18 янв. 1716 г., повторяя распоряженіе двухъ первыхъ указовъ, уже прибавляетъ: «окромѣ дворянскихъ дѣтей»; и это было весьма резонно, потому что въ то же время дѣйствовала строгая специальная система обязательнаго обученія дворянъ въ специальныхъ школахъ. Въ приведененномъ выше 1-мъ пунктѣ инструкціи учителю Павлову сказано: «а дворянскихъ дѣтей отнюдь не принимать».

Такимъ образомъ, подлежащими обязанности посѣщать элементарныя школы уже съ 1716 г. остались одни низшіе классы. Но такъ какъ эти классы въ первоначальныхъ узаконеніяхъ не были перечислены порознь, то отсюда возникало сомнѣніе, какіе именно изъ нихъ подлежатъ ей; лица, завѣдывавшія школами, этимъ объясняли неуспѣхъ ихъ. Въ 1719 г. полковникъ Скорняковъ-Писаревъ доносилъ, что только въ одной ярославской есть ученики; въ то же время навигаторы новгородской и ярославской школъ просили разъяснить, кто именно подлежитъ обязанности посѣщать школу: „Въ вышеписанныхъ-де цар-го в-ва указахъ помянутой наукѣ, опричь дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей, другихъ всякаго чина людей о дѣтяхъ порознь не означено. И дабы о высылкѣ ихъ въ провинціи въ подтвердительныхъ указахъ чины дьячихъ, приказныхъ, посадскихъ, церковниковъ, монастырскихъ и прочихъ чиновъ написать именно, чтобы никто въ томъ не отговаривался“.

Сенатъ 6 ноября 1719 г. именно такъ и приказалъ.

Послѣ этого сдѣлалось несомнѣннымъ, что цыфирныя школы должны быть посѣщаемы, между прочимъ, посадскими людьми. Администрація тотчасъ приняла рѣшительныя мѣры къ исполненію этого узаконенія; но вотъ въ 1720 г. явилось челобитье въ сенатѣ отъ посадскихъ людей, а именно отъ Каргопольцовъ, Устюжанъ, Вологжанъ, Калужанъ и другихъ городовъ, „что де въ помянутыя школы принуждаютъ ихъ высылкою дѣтей ихъ изъ Каргополя въ Новгородъ, а съ Устюга на Вологду, а изъ Калуги къ Москвѣ и въ томъ держатъ изъ нихъ многихъ въ тюрьмахъ и за карауломъ“.

Что въ общей жалобѣ 1720 года участвовали не одни перечисленные здѣсь города, а и многіе другіе, это доказывается подлиннымъ прошеніемъ посадскихъ гор. Шуи, отысканнымъ г. Борисовымъ въ архивѣ бывшей городской ратуши. На основаніи этого прошенія и словъ именнаго указа 13-го апрѣля 1720 года, мы можемъ съ несомнѣнностію опредѣлить причины, возбудившія этотъ коллективный адресъ городовъ. Прежде всего, изъ словъ самого правительства ясно, что причина этого не заключалась въ мрачномъ отвращеніи отъ образованія, какъ иногда рѣшается этотъ вопросъ съ плеча въ нашей литературѣ; весьма основательныя причины заключаются: а) въ томъ, что округи школъ были непомѣрно велики: дѣтей нужно вести изъ Устюга въ Вологду, изъ Калуги—въ Москву, и т. п.; б) въ срокѣ ученія, по мнѣнію гражданъ, слишкомъ длинномъ, хотя, повидимому, онъ былъ сокращенъ впослѣдствіи сравнительно съ срокомъ, назначеннымъ въ 1714 году (по крайней мѣрѣ, прошеніе шуянъ говоритъ о 13-ти-лѣтнемъ возрастѣ, какъ предѣлѣ элементарнаго обученія). Но и этотъ срокъ посадскіе находятъ тяжелымъ, потому что въ эти лѣта дѣти ихъ сидятъ уже въ рядахъ за лавками, или находятся въ отъѣздѣ съ отцами; в) разумѣется, это не причина для того, чтобы спѣшить слишкомъ окончаніемъ элементарнаго образованія.

Общій принципъ и педагогики и администраціи образованія требуетъ, чтобы начало профессіи не мѣшало окончанію образованія. Но дѣло въ томъ, что профессія эта въ нѣкоторомъ смыслѣ обязательная, государственно-служебная: отцы, по государевымъ указамъ, должны быть у сборовъ таможенныхъ, кабацкихъ и въ другихъ многихъ службахъ. Кто же, при отъѣздѣ отцовъ на эту службу, замѣнитъ ихъ дома въ торговлѣ? Будетъ одно изъ двухъ: остановится торговля и, слѣдовательно, уменьшатся государственные доходы, или потерпитъ вредъ служба, то есть, опять казна понесетъ убытокъ; г) наконецъ, самая основательная причина это та, что обязательной наукѣ (т. е., цыфири и нѣкоторой части геометріи) обучаются многіе сами собою безъ принужденія. Посадскіе люди не могли съ добросовѣстностью утверждать, что они всѣ обучаются требуемымъ знаніямъ, потому что ариѳметика преподавалась не во всѣхъ приходскихъ школахъ, а геометрія, разумѣется, нигдѣ; но другія элементарныя знанія (грамотность) жители посадовъ несомнѣнно пріобрѣтали по требованію своей профессіи. Свидѣтельства о грамотности челобитчиковъ шуянъ въ XVII-мъ вѣкѣ, приводимыя г. Борисовымъ, подтверждаютъ это. Правительство признало основательными доводы коллективныхъ прошеній городовъ. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, по указу царя, въ Сенатѣ опредѣлено:

„Посадскихъ людей, хотя въ посланномъ указѣ ноябрѣ 6-го дня 1719 году объ нихъ и именовано, однако-жъ къ той наукѣ высылкою ихъ въ неволю не понуждать и въ томъ отцамъ ихъ и свойственникамъ убытковъ и утѣсненія не чинить (какъ нынѣ челобитьемъ своимъ о томъ являютъ), потому что дѣти ихъ въ такія лѣта приходятъ въ купеческое состояніе и чтобъ отъ того, какъ въ торгахъ и въ промыслахъ ихъ, такъ и въ сборѣ съ нихъ таможенныхъ и всякихъ государевыхъ податей не было поврежденія, а принимать въ ученіе изъ посадскихъ дѣтей такихъ, которые сами собою къ той наукѣ охоту возъимѣютъ, да и кромѣ ихъ противъ именнаго его величества государя указу въ такомъ ученіи, которые возмутся у другихъ чиновъ людей, обрѣтатися учениковъ будетъ довольное число“.

Разсчетъ правительства, высказанный въ послѣдней фразѣ приведеннаго сейчасъ указа, тотчасъ-же оказался невѣрнымъ. Кто, за отчисленіемъ дворянъ, однодворцевъ и посадскихъ, остался подлежащимъ школьной повинности? Дѣти священниковъ, церковниковъ, монастырскихъ слугъ, дьяковъ и подъячихъ.

Когда въ началѣ слѣдующаго года былъ изданъ духовный регламентъ, то въ силу его предписаній духовное вѣдомство обязывалось имѣть свои школы, а дѣти священниковъ и причетниковъ обязывались учиться въ этихъ школахъ. Итакъ, главный контингентъ посѣтителей цифирныхъ школъ отливалъ отъ нихъ. Изъ 1,389 учениковъ, бывшихъ въ цыфирныхъ школахъ до 1722 года, 93 было выпущено за окончаніемъ курса, а *всѣ остальные,* дѣти людей, подлежащихъ вѣдомству сvнода, бѣжали. Такое повальное бѣгство объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что отцы или просто почуяли временную свободу, когда по духовному регламенту дѣтямъ ихъ слѣдовало учиться въ архіерейскихъ школахъ, а такихъ еще не было, или дѣйствительно должны были вести дѣтей въ архіерейскія школы, гдѣ онѣ были уже открыты. Адмиралтейская коллегія не разъ въ 1721 году требовала высылки ихъ въ цыфир-

ныя школы, но сvнодъ, указами—іюня 22-го 1721 года и августа 17-го 1721 года, далъ знать, что „церковниковы и приказныхъ чиновъ людей дѣти потребны ко учреждаемой отъ правительствующаго сvнода семинаріи и при архіерейскихъ домахъ школамъ". Сvнодъ объявилъ даже, что въ архіерейскихъ домахъ и въ монастыряхъ школъ отводить не велѣно.

Но въ такомъ неопредѣленномъ положеніи дѣла оставаться не могли; въ 1721 году ноября 19-го святѣйшій сvнодъ, между прочимъ, докладывалъ государю: «о поповскихъ и причетническихъ дѣтяхъ, по прежнимъ указамъ, въ ариѳметическія школы и къ прочимъ *свѣтскимъ* наукамъ спрашиваемыхъ требуется опредѣленіе, дабы имъ отъ оныхъ быть свободнымъ, понеже по духовному регламенту опредѣлено такихъ церковническихъ дѣтей учить въ архіерейскихъ школахъ». Царь рѣшилъ: «быть такъ».

Въ силу этой резолюціи въ слѣдующемъ 1722 году сенатъ приказалъ: дѣтей *дѣйствительно служащихъ* поповъ и церковныхъ причетниковъ, годныхъ въ школу, по духовному регламенту учить въ архіерейскихъ школахъ, а въ ариѳметическія школы и къ прочимъ свѣтскимъ наукамъ не спрашивать. Это опредѣленіе сената не было, однако, простымъ исполненіемъ высочайшей воли, но истолковывало ее: дѣти не всѣхъ духовныхъ лицъ подлежатъ обязанности учиться въ архіерейскихъ, а не ариѳметическихъ школахъ, но только дѣйствительно служащихъ. Это было однимъ изъ результатовъ ряда переворотовъ, совершенныхъ первою ревизіею, а потомъ повторялось не разъ впослѣдствіи.

Повтореніе высочайшаго повелѣнія 1721 г. почти черезъ годъ сенатомъ было вызвано тѣмъ, что администрація продолжала еще повсюду исполнять законодательныя повелѣнія 1714 и 1716 гг., и мы увидимъ, что для администраціи по-истинѣ было трудно помирить эти узаконенія съ узаконеніями 1720 и 1721 гг. Св. сvнодъ 1722 г. 31 мая съ своей стороны счелъ нужнымъ подтвердить указанное выше распоряженіе сената.

„Хотя прежними въ 1714, 1716 и 1720 годахъ состоявшимися Его Императорскаго Величества указы, до уставленія св. сvнода, въ ариѳметическія школы для ученія цыфири и геометріи были они (дѣти лицъ духовнаго званія) и опредѣлены; но потомъ духовнымъ регламентомъ въ архіерейскихъ школахъ учиться одолжены. Апрѣля 4 числа нынѣшняго 1722 г. собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ утверждено такое сенатское мнѣніе, что служащихъ у церквей дѣйствительно протопоповъ, поповъ и діаконовъ изъ дѣтей, которыя отъ подушнаго оклада уволены, учить въ школахъ и производить на убылыя мѣста въ попы и во діаконы. Объявить коемуждо архіерею во всей своей епархіи церковникамъ указами, дабы они знали, что дѣти ихъ отъ вышеозначенныхъ ариѳметическихъ школъ и прочихъ свѣтскихъ наукъ свободны учинены».

Чтобы парализовать необходимость посѣщенія ариѳметическихъ школъ, сvнодъ за благо нашелъ ввести въ архіерейскихъ школахъ преподаваніе «какъ ариѳметики, такъ нужнѣйшей части геометріи, дабы они обѣихъ вышеозначенныхъ и церкви и гражданству потребныхъ наукъ были искустны, и тѣмъ оба опредѣленія, т. е. и прежде состоявшіеся объ ариѳметическомъ и геометрическомъ ученіи Его Императорскаго Величества

указы и изложенное потомъ о свойственной наукѣ (т. е. профессіональной духовной) сѵнодальное установленіе исполнили-бъ».

Но такимъ образомъ далеко не примиряются противорѣчія требованій 10-хъ и 20-хъ годовъ; ариѳметическія школы существуютъ отдѣльно отъ архіерейскихъ и должны имѣть учениковъ; воеводы и губернаторы ревностно смотрятъ, чтобы учителя даромъ жалованья не брали. Но откуда же взять учениковъ? И вотъ цыфирные учителя или навигаторы, а равно и администрація продолжаетъ *«таскать»* въ свои школы дѣтей церковническихъ. Въ началѣ 1722 г. до сѵнода дошло свѣдѣніе, что это насиліе совершаетъ костромской воевода Стрешневъ, который «велѣлъ духовнымъ и монастырскимъ служителямъ представить къ нему въ канцелярію своихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, для смотра и разбора, не взирая и не отговариваясь св. пр. сѵнодомъ. Протекторъ школъ и типографій, архимандритъ Гавріилъ, представилъ въ сѵнодъ копію съ предписанія, даннаго Стрешневымъ Св. сѵнодъ опредѣлилъ послать при вѣдѣніи въ сенатъ копію съ указа, объявленнаго во всенародное извѣстіе Стрешневымъ (въ которомъ онъ «вящшую достойную св. прав. сѵнода честь: *святѣйшество* не написалъ») и потребовать отъ сената посылки къ Стрешневу и другимъ воеводамъ указовъ о томъ, чтобы они въ гражданскія школы дѣтей духовныхъ и не имали. Въ мартѣ 1722 г. архимандритъ Гавріилъ донесъ св. сѵноду, что сѵнодскій духовный приказъ въ Костромѣ получилъ 21-го февраля изъ костромской воеводской канцеляріи указъ о высылкѣ «безъ замедленія» священно- и церковнослужительскихъ дѣтей въ науку къ прибывшему въ Кострому учителю Семену Прокшину, который учениковъ себѣ на канцеляріи воеводскаго правленіе требуетъ неотступно. Гавріилъ представилъ св. сѵноду при доношеніи и копію съ указа воеводской канцеляріи, объясняя, что безъ повелѣнія сѵнода не смѣетъ сдѣлать распоряженія объ отсылкѣ требуемыхъ дѣтей къ Прокшину. Въ концѣ года повторилось тоже въ Переяславлѣ Залѣсскомъ.

Потомъ не разъ повторяется таже борьба въ разныхъ провинціяхъ; такъ, Іоаникій, митрополитъ коломенскій и каширскій, на требованіе губернской канцеляріи о побужденіи подчиненныхъ ему духовныхъ къ высылкѣ своихъ дѣтей въ ариѳметическую московскую школу, отвѣтилъ, что „безъ послушнаго Великаго Государя указа изъ св. прав. духовнаго сѵнода вышеписанныхъ поповыхъ и діаконовыхъ и церковничьихъ дѣтей въ помянутое школьное ученье высылать онъ не хотѣлъ". Изъ Переяславля-Залѣсскаго также доносили сѵноду, что священство и церковнослужители этой епархіи, безъ послушныхъ указовъ изъ св. сѵнода, также уклоняются отъ исполненія царскихъ указовъ о высылкѣ дѣтей въ ариѳметическія школы. Изъ Смоленска было получено подобное же доношеніе.

Итакъ, борьба между духовнымъ и свѣтскимъ начальствомъ за право образовывать духовное юношество дошло до „требованія надлежащей сатисфакціи". Были же для этого весьма основательныя причины, но прежде, чѣмъ мы дойдемъ до окончательнаго указанія этихъ причинъ, здѣсь отмѣтимъ слѣдующій небезъинтересный фактъ: сѵнодъ въ вышеприведенномъ указѣ постоянно обходитъ то ограниченіе, которое было постановлено въ сенатскихъ указахъ апрѣля 4 и октября 8 относительно лицъ, освобождаемыхъ отъ посѣщенія цифирныхъ школъ; онъ не упоми-

наетъ о дѣтяхъ такихъ церковниковъ, которыя оставались по ревизіи заштатными и подлежали записи въ подушный окладъ. Не слѣдовало ли этимъ послѣднимъ подчиняться требованію навигаторовъ? Этотъ вопросъ вызоветъ впослѣдствіи новыя затрудненія и новыя узаконенія, рѣшающія ихъ. Но общій отвѣтъ на него и вмѣстѣ причина того, что сvнодъ не упоминаетъ о дѣтяхъ заштатныхъ церковниковъ, есть то, что всякій, записанный въ подушный окладъ, не обязанъ былъ посѣщать школы.

Далѣе административная борьба элементарнаго образованія съ профессіональнымъ питалась неполнотою узаконенія 19 ноября 1721 г. и сенат. ук. 8 ноября 1722 г. Эти узаконенія говорятъ объ освобожденіи отъ цыфирныхъ школъ дѣтей поповъ и причетниковъ. Между тѣмъ, „сvнодская команда“ состояла не изъ нихъ только, а вмѣстѣ изъ многочисленнаго класса свѣтскихъ лицъ, состоявшаго изъ дьяковъ и подъячихъ въ разныхъ церковныхъ приказахъ и изъ монастырскихъ слугъ. Послѣдніе были поименованы прямо въ сенатскомъ указѣ 6 ноября 1719 г., какъ подлежащіе ученію въ цыфирныхъ школахъ, но узаконенія 1721 и 1722 гг. объ нихъ не упомянули вовсе; что же касается до дьяковъ и подъячихъ сvнодской команды, то объ нихъ нигдѣ не было упомянуто. Нужно было вновь возбудить и этотъ вопросъ въ законодательномъ порядкѣ. Когда однажды, въ 1723 г., Петръ присутствовалъ въ адмиралтейской коллегіи, то эта послѣдняя представила ему на разсужденіе упомянутый вопросъ; Петръ велѣлъ рѣшить его въ сенатѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ связи съ другими о цыфирныхъ школахъ, повело-было, наконецъ, къ совершенному измѣненію организаціи цыфирныхъ школъ, къ образованію изъ нихъ опять общихъ для всѣхъ сословій элементарныхъ школъ подъ вѣдомствомъ духовенства.

Именно, въ 1723 г. мая 2-го адмиралтейская коллегія доносила сенату, что государь велѣлъ рѣшить въ сенатѣ, между прочимъ: „дѣтей приказнаго чина и монастырскихъ для обученія цыфири и нѣкоторой части геометріи при тѣхъ школахъ имѣть, или въ семинаріи и въ архіерейскихъ школахъ обучать“. Рѣшеніе этого вопроса стояло въ теснѣйшей связи съ отвѣтомъ на другой, тогда же предложенный вопросъ: не соединить ли цыфирныя школы съ архіерейскими? Впослѣдствіи вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. При этомъ кругъ лицъ, подлежащихъ обученію въ архіерейско-цыфирныхъ школахъ, вновь расширялся, или, точнѣе, архіерейскія школы могли сдѣлаться опять общими элементарными училищами. Пока эта мѣра примѣнялась къ одной новгородской цыфирной школѣ; при этомъ сенатъ прибавилъ: „а въ ученіи ученикамъ въ той цыфирной школѣ быть изъ такихъ чиновъ, которымъ по прежнимъ Его Императорскаго Величества указамъ обучаться велѣно“, т. е. въ этой школѣ соединяются дьяческія, подъяческія, церковническія дѣти и дѣти лицъ, подчиненныхъ церкви, но не носящихъ духовнаго знанія—дѣти монастырскихъ слугъ и проч.. Кромѣ того, въ тѣхъ же элементарныхъ школахъ предполагалось давать образованіе и такимъ классамъ, которые освобождены отъ обязательнаго опредѣленія дѣтей въ школы, съ обязанностью замѣнять его домашнимъ обученіемъ.

«А для словеснаго и письменнаго правильнаго обученія свѣтскихъ всякихъ чиновъ людямъ, которые такихъ учителей у себя не имѣютъ, дѣтей своихъ обучать у тѣхъ архіерейскихъ учителей, чтобы таковое правильное обученіе умножалось, токмо бъ въ обученіи отъ учителей

для какой страсти продолженій не происходило, о томъ надлежитъ изъ правительствующаго сvнода въ тѣ школы подтвердить Е. И В. указами".

Эта боязнь правительства, чтобъ дѣти слишкомъ долго не заучились въ школахъ, объясняется весьма просто: служилые люди въ 15 или 20 лѣтъ должны служить; имъ некогда долго возиться съ образованіемъ; «особливо, хотя-бъ они и сами желали, возраста ихъ болѣе какъ до 15 лѣтъ не держали, а выше тѣхъ лѣтъ отнюдь не принимали, дабы подъ имянемъ той науки отъ смотровъ и опредѣленія въ службу не укрывались". Лишь въ этомъ смыслѣ нужно разумѣть слова указа, „что обрѣтающихся въ Новгородской епархіи свѣтскихъ людей, а имянно: шляхетныхъ и приказныхъ и купеческихъ и прочихъ чиновъ дѣтей ко ученію отдавать въ оныя же (архіерейскія) школы".

Ни профессіональное назначеніе архіерейскихъ школъ („въ надежду священства"), ни направленіе свѣтскаго образованія (для службы) не дозволяли выполнить предположенную и лишь отчасти осуществленную здѣсь реформу цыфирныхъ школъ. Мы увидимъ, что Петръ отказываетъ тѣмъ архіереямъ, которые просятъ о дозволеніи принимать въ архіерейскія школы дворянскихъ дѣтей.

И дѣйствительно, всѣ школы, кромѣ одной новгородской, удержали свою отдѣльность. Однако ученики этихъ школъ набирались по-прежнему (уже противозаконно) изъ дѣтей лицъ духовнаго вѣдомства: „какъ ученики, такъ и школы едва не всѣ духовнаго жъ правительства; токмо изъ оныхъ приказнаго чина гражданскаго правленія и оныхъ недовольное число... За неимѣніемъ приказнаго чина и за отбытіемъ изъ ариѳметическихъ школъ церковничьихъ дѣтей изъ многихъ провинцій по прежнему въ академію (морскую) учители прибыли, а нынѣ въ другихъ провинціяхъ въ тѣхъ школахъ учениковъ обрѣтается малое число, въ которыхъ и учителямъ быть не у чего»,—такъ писала адмиралтейская коллегія въ 1726 г. о причинахъ упадка ариѳметическихъ школъ. И нѣтъ ни малѣйшаго основанія подозрѣвать за указанными здѣсь причинами другія, скрытыя.

За освобожденіемъ отъ цыфирныхъ школъ дѣтей однодворческихъ, шляхетскихъ, посадскихъ и духовныхъ, остается единственный классъ лицъ, подлежащій имъ,—это дѣти дьяковъ и подъячихъ. Но и этотъ классъ былъ призванъ законодательными мѣрами Петра къ образованію изъ себя отдѣльнаго сословія. Петръ, сознавая необходимость спеціальной подготовки для гражданскихъ чиновниковъ, принималъ для этого и спеціальныя мѣры; почти одновременно съ изданіемъ духовнаго регламента учреждены и школы для подъячихъ, назначенныя для подготовки къ низшимъ сферамъ гражданской службы. Не смотря на все это, сословіе гражданскихъ чиновниковъ дѣйствительно представляло собою классъ лицъ, никуда еще не прикомандированный въ новой сословной организаціи общества; и дѣйствительно, впослѣдствіи классъ подъячихъ не составилъ изъ себя отдѣльнаго сословія. Вотъ почему и при существованіи подъяческихъ школъ, дѣти подъячихъ составляли единственный скудный контингентъ ихъ.

Въ послѣднихъ узаконеніяхъ о цыфирныхъ школахъ постоянно говорится, что онѣ предназначаются для „дьячихъ, подъячихъ и *прочихъ*" (послѣднее „и проч." повторяется лишь по старой привычкѣ, потому

что правительству хорошо уже было извѣстно, что подъ этимъ „и проч.“ не разумѣется никто).

Бѣдственное существованіе цыфирныхъ школъ поддерживалось еще около 20 лѣтъ (послѣ освобожденія отъ нихъ дѣтей духовныхъ лицъ) дѣтьми тѣхъ изъ шляхетскаго сословія, которымъ, по ихъ большей состоятельности, было позволено (съ 1737 г.) добровольно обучать дѣтей дома до извѣстнаго срока. Нѣкоторые изъ нихъ предпочитали посылать дѣтей для элементарнаго образованія въ цыфирныя школы. Да кое-кто изъ солдатъ успѣвалъ помѣстить сюда дѣтей, невѣдомо какъ ускользнувшихъ отъ записи въ гарнизонныя школы.

Не скрывается ли подъ миѳическимъ „и проч.“ та громадная масса народа, для которой преимущественно устраивается элементарная школа? И гдѣ она, эта масса? Почему мы ни разу не встрѣчались съ нею при этомъ кропотливомъ разборѣ, кому здѣсь учиться: гдѣ дьяческимъ, гдѣ церковниковымъ дѣтямъ? Объ ней-то, этой массѣ, на которой созидалась вся работа пигмеевъ, забыли. Ни законодатель не прибавилъ ни разу: „и крестьянскихъ дѣтей“; ни услужливая практика не тащила дѣтей этой многомилліонной массы въ города въ школу. Конечно, подобная истинно-нелѣпая мысль не могла придти никому въ голову. Какъ собрать со всей губерніи, которая равнялась, по крайней мѣрѣ, 5 нынѣшнимъ, всѣхъ крестьянскихъ дѣтей 10—15 лѣтняго возраста въ одинъ губернскій городъ?

Но кромѣ этой резонной причины, доказывающей наиболѣе несостоятельность новой системы, была и другая причина этого страннаго забвенія сельскихъ классовъ. По новой системѣ XVIII в., сельскіе классы не должны получать общественнаго образованія. Существованіе этой роковой мысли, къ сожалѣнію, можно доказать съ несомнѣнною очевидностью. Не одна совокупность узаконеній объ элементарныхъ школахъ своимъ согласнымъ молчаніемъ о крестьянскихъ дѣтяхъ наводитъ на это подозрѣніе. Не всегда можно было обходить ихъ молчаніемъ. Другіе виды низшихъ школъ: школы для нищихъ и гарнизонныя школы, смѣнившія собою цыфирныя, уже имѣютъ въ виду крестьянскихъ дѣтей. Въ первыхъ, повидимому, опять выступила старая обязанность общества воспитывать всѣхъ лишенныхъ семьи, и потому онѣ именно должны быть открыты для всѣхъ, требующихъ призрѣнія. Но по указу 25 іюля 1729 года только *вольныя* нищія дѣти отсылаются въ коллегію экономіи для призрѣнія и образованія. Если бѣглый помѣщичій мальчикъ или дѣвочка будетъ пойманъ въ Петербургѣ, а помѣщика его въ Петербургѣ нѣтъ, то это дитя лишь на время сношенія съ помѣщикомъ отдается въ школу, а потомъ тотчасъ, по заявленіи помѣщикомъ желанія взять его обратно, оно берется изъ школы; при этомъ помѣщикъ даже возвращаетъ правительству деньги, истраченныя на содержаніе его въ школѣ; правительство считаетъ этихъ дѣтей людьми сторонняго для себя вѣдомства. Въ гарнизонныя школы отнюдь не велѣно брать дѣтей, положенныхъ въ подушный окладъ. Объявивъ помѣщичьихъ крестьянъ *людьми* (холопами въ прежнемъ смыслѣ), правительство было послѣдовательно, не вмѣшиваясь совершенно во внутреннія дѣла помѣщиковъ и крестьянъ. Но оно столь же мало заботилось объ образованіи собственныхъ (дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ); только инородцы

некрещенные и новокрещенные, по особому государственно-церковному интересу ихъ образованія, были счастливѣе.

Вотъ истинная причина неудачи новой системы элементарнаго образованія: некого учить въ элементарныхъ школахъ. При исключительно профессіональной системѣ образованія—элементарному, общему нѣтъ мѣста.

Но это не есть единственная причина упадка школъ. Хотя указъ 1720 года апрѣля 30 заявилъ желаніе, чтобы „ученики для училища домы свои имѣли по близости, а не въ дальнемъ разстояніи", но это было лишь желаніе, неисполнимость котораго, конечно, предвидѣло само правительство; школы должны быть заведены въ архіерейскихъ домахъ, которыхъ всѣхъ въ эпоху Петра было немного, и только тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, въ „знатныхъ монастыряхъ". Послѣднее истолковать очень трудно; если бы въ каждомъ монастырѣ была заведена школа, то, конечно, училищные округи могли быть не чрезмѣрно велики. Но сенатъ не могъ серьезно заявить этого требованія; онъ зналъ, что учителей послано во всякую губернію лишь по 2 человѣка.

Во все время существованія цыфирныхъ школъ изъ морскихъ академій, московской и с.-петербургской, было отправлено въ провинціи 47 учителей, изъ нихъ 18 возвратились вскорѣ, за неимѣніемъ въ школѣ дѣтей тѣхъ чиновъ, какіе указаны въ узаконеніяхъ 1714 и 1716 гг. Въ губерніяхъ и провинціяхъ осталось 29 человѣкъ.

По статистикѣ Кирилова, данныя которой, какъ извѣстно, относятся къ 1727 г., къ этому году число цыфирныхъ школъ упало съ 29 до 24 или 23; къ 1744 г. оно понизилось до 8.

Число учениковъ въ этихъ школахъ въ 20 годахъ приблизительно можетъ быть опредѣлено по донесеніямъ Скорнякова-Писарева и адмиралтейской коллегіи. Въ 1719 г. Скорняковъ-Писаревъ, управлявшій школами С.-Петербургской губерніи (псковскою, новгородскою и ярославскою), доносилъ, что только въ одной ярославской было 26 человѣкъ изъ однихъ церковниковъ, въ прочихъ вовсе не было учениковъ. Въ томъ же году навигаторы московской и вологодской школъ доносили, что въ ихъ школахъ тоже вовсе не было учениковъ.

Въ 1721 г. Скорняковъ-Писаревъ, завѣдывавшій въ это время уже всѣми цыфирными школами, доносилъ сенату:

„Писали-де къ нему изъ московской школы учители, что по присылкѣ прошлыхъ и 1720 годовъ изъ губернской канцеляріи во ученіи ихъ обрѣтается учениковъ всякихъ чиновъ людей 70 человѣкъ, а *другихъ провинцій изъ городовъ* къ нимъ учениковъ никого не прислано, а въ иныхъ губерніяхъ и въ провинціяхъ же обрѣтается учениковъ малое число".

Въ 1726 г. адмиралтейская коллегія въ своемъ донесеніи сенату (съ предположеніемъ отдать цыфирныя школы подъ вѣдомство сvнода), между прочимъ, пишетъ: «Изъ губерніи и провинціи рапортами объявили, что въ тѣхъ школахъ сначала было учениковъ въ присылкѣ по 722 годъ 1,389; изъ того числа выучено 93 человѣка, а затѣмъ оставшіеся едва не всѣ сvнодальной команды бѣжали» (т. е. остальные были по происхожденію подвѣдомы сvноду и всѣ бѣжали).

Въ началѣ 40-хъ годовъ, когда уже въ трехъ мѣстахъ цыфирныя школы соединены были съ гарнизонными, по рапортамъ учителей въ адмиралтейскую коллегію и по донесенію этой послѣдней въ сенатъ,

учениковъ въ этихъ трехъ школахъ было: въ *смоленской* (гарнизонной): изъ шляхетства 5, служилыхъ чиновъ (низшихъ) 72, подъяческихъ дѣтей 1; итого 79. Въ *казанской* (гарнизонной): офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей 484. Въ *новгородской* (цыфирной): солдатскихъ (на жалованьѣ) 54, архіерейскихъ 2; итого 56. Всего въ трехъ школахъ 619 человѣкъ.

Между тѣмъ въ остальныхъ пяти цыфирныхъ школахъ, сохранившихъ свою отдѣльность, тогда же было всего въ пяти школахъ 91 человѣкъ. Такимъ образомъ, въ 40-хъ годахъ всѣхъ цыфирныхъ школъ было уже только 5, а съ присоединеніемъ къ нимъ трехъ смѣшанныхъ—8.

Присланные въ Москву въ 1716 году два учителя для московской цыфирной школы въ 1726 году имѣли только 10 человѣкъ учениковъ и потому въ этомъ году были отосланы въ канцелярію московскаго гарнизона для ученія драгунскихъ и солдатскихъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ прежними учениками цыфирной школы. Въ 1744 году у нихъ уже вовсе не было въ ученіи дьяческихъ и подъяческихъ дѣтей.

Постепенное уменьшеніе числа учениковъ въ цыфирныхъ школахъ можетъ быть опредѣлено на слѣдующемъ примѣрѣ переяславско-рязанской школы: 7 мая 1722 г. (при основаніи школы) въ нее собрано было 65 учениковъ. Въ 1727 г., по вѣдомости, представленной въ сунодъ, въ ней училось уже только 32 человѣка. Изъ 96 человѣкъ, пребывавшихъ въ ней съ 1722 г., обучено 4, выпущено въ канцеляристы 2, умерло 2, отданъ въ солдаты 1, а 59 «отлучились отъ ариѳметической школы самовольно». По рапорту же учителя Павлова, приведенному выше, въ томъ же 1727 г. у него училось только 15 чел. Не трудно рѣшить, чему надо вѣрить: оффиціальной ли вѣдомости, поданной отдаленному начальству, или рапорту, поданному мѣстному воеводѣ.

Такъ разрушилась въ цыфирныхъ школахъ первая черта элементарнаго образованія—его всеобщность.

Принудительное образованіе должно быть безплатнымъ: узаконеніе 1714 г. говоритъ, что «съ учениковъ имъ (учителямъ) себѣ отнюдь ничего не имать». Содержаніе школы распредѣляется между церковью и государствомъ такимъ образомъ: помѣщеніе для школы, разумѣется, со всѣми ея классными принадлежностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣщеніе для учителя отводится духовенствомъ въ архіерейскихъ домахъ и въ «знатныхъ монастыряхъ». Въ этомъ смыслѣ даны были указы еще въ 1714 г. Стефану, митрополиту рязанскому, а отъ него разосланы предписанія по всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ. Мы видѣли, что съ изданіемъ духовнаго регламента и съ освобожденіемъ дѣтей духовенства отъ обязанности посѣщать цыфирныя школы, духовное вѣдомство уже не признавало за собой обязанности давать имъ помѣщеніе. Однако мы видимъ также, что канцеляріи воеводскаго правленія продолжаютъ требовать помѣщенія для школы у духовнаго вѣдомства, какъ именно требовала воеводская канцелярія Переяславля-Залѣсскаго: «учителю Якову Степанову отвесть, гдѣ надлежитъ, школу»; и требованія эти были законны, потому что объ этомъ прямо не выражено ни въ высочайшемъ повелѣніи 1721 г., ни въ сенатскомъ указѣ 1722 г.; напротивъ, въ указѣ 30 апрѣля 1720 г. именно упомянуто объ удержаніи прежней обязанности «опредѣлять школы въ архіерейскихъ домахъ, а гдѣ архіерей-

скихъ домовъ нѣтъ, въ монастыряхъ». Думать надобно, что помѣщеніе для учителей и школъ продолжали отводить въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ до самаго соединенія цыфирныхъ школъ съ гарнизонными. Хотя иногда приказывается учителямъ «квартиры себѣ и ученикамъ требовать отъ воеводы», но въ дѣйствительности эти-же самые учителя получали квартиру въ монастыряхъ, а воевода долженъ былъ лишь снестись съ духовнымъ начальствомъ.

Государство съ своей стороны даетъ содержаніе школѣ и учителямъ. Въ 3-мъ пунктѣ инструкціи переславскому учителю стоитъ: «сторожей, кому топить школы и для караулу школъ, по 3 человѣка солдатъ и въ школу бумаги, свѣчи и дрова, а именно въ ноябрѣ, въ декабрѣ, въ генварѣ, въ февралѣ мѣсяцахъ на день по 10 свѣчь, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней, бумаги въ годъ по три стопы... требовать отъ воеводы». Скорняковъ-Писаревъ въ своемъ письмѣ къ воеводѣ рязанскому прибавляетъ къ этому: для обученія тѣхъ учениковъ извольте купить досокъ учебныхъ каменныхъ (т. е. аспидныхъ) и прочаго инструменту, который къ тому дѣлу принадлежитъ по объявленію онаго учителя числомъ, сколько учениковъ въ ученіи обрѣтаться будетъ: понеже безъ того инструменту учениковъ обучать невозможно». По смерти учителя Павлова въ числѣ школьнаго имущества оказалось 9 логариѳмъ, 9 скалъ, 39 циркулей, шесть перьевъ мѣдныхъ.

Что касается до содержанія учителей, то они въ цыфирныхъ школахъ получаютъ уже опредѣленное *жалованье*, чѣмъ эти школы предупредили народныя школы Западной Европы. Это жалованье стоитъ въ «кормовыхъ книгахъ» по 3 алтына и 2 деньги на день, т. е. по 36 руб. въ годъ (содержаніе по тому времени не малое) изъ нештатныхъ губернскихъ сборовъ; но при постояннымъ стремленіи всѣхъ вѣдомствъ сбыть съ своихъ рукъ цыфирныя школы, это жалованье выдавалось весьма неаккуратно и иногда нѣсколько лѣтъ сряду не выдавалось. Кромѣ этого жалованья, учитель могъ получать съ ученика деньги только одинъ разъ, при окончательномъ выпускѣ ученика изъ школы, именно по 1 руб. съ человѣка. Мѣра весьма странная, при очевидномъ стремленіи правительства сдѣлать ученіе даровымъ и обязательнымъ; при выпускѣ учитель выдаетъ ученику столь важное свидѣтельство, на которомъ основывается вся обязательность обученія,—тутъ-то ему позволено брать деньги съ ученика.

Государство проявляло свое участіе въ элементарныхъ школахъ и другимъ, еще болѣе значительнымъ способомъ: приготовленіемъ и выборомъ учителей. Въ 1714 г. предположено было взять учителей изъ математическихъ школъ московскихъ, т. е. отъ Сухаревой башни. Но указъ 1715 г. назначаетъ ихъ изъ морской академіи: „взятъ изъ школы господина адмирала“. А такъ какъ въ дѣйствительности учителя были отправлены лишь въ 1716 г., то ихъ взяли изъ обоихъ морскихъ училищъ, петербургскаго и московскаго, какъ объ этомъ именно упоминается въ указѣ 26-го октября 1744 г. Въ учителя могли быть посланы люди, изучившіе географію и геометрію. Думать надобно, что учителями въ цыфирныя школы были отправлены не самые лучшіе ученики морскихъ академій, потому что ихъ ближайшая задача—приготовленіе офицеровъ морской службы, конечно, болѣе озабочивала начальство, чѣмъ вліяніе академіи на народное образованіе. Но не подлежитъ сомнѣнію, что эти

учителя были несомнѣнно выше по своей образованности прежнихъ учителей приходскихъ школъ, за-то первые неизмѣримо уступали вторымъ по своей численности.

Незначительность числа цыфирныхъ школъ объясняется ближайшимъ образомъ недостаткомъ учителей. Лишь по недостатку приготовленныхъ лицъ правительство рѣшилось послать только по два человѣка на губернію. Такъ возвышеніе уровня образованія сокращаетъ объемъ его распространенія; здѣсь нагляднымъ образомъ объясняется тотъ роковой законъ обратно-пропорціональнаго отношенія между содержаніемъ образованія и его объемомъ. Всѣ благія предначертанія правительства начала XVIII вѣка должны были разбиться объ одно это препятствіе, которое такъ легко обходили приходскія народныя школы.

При новой системѣ, т. е. системѣ профессіональнаго образованія, трудно было ожидать, что для управленія общимъ народнымъ образованіемъ (и въ томъ числѣ элементарнымъ) устроено будетъ какое-либо вѣдомство народнаго просвѣщенія. То обстоятельство, что въ цыфирныя школы учителя посланы изъ морскихъ академій, и подразумѣваемая цѣль учрежденія ихъ естественно отдавали ихъ подъ вліяніе морской академіи и потомъ адмиралтейской коллегіи. Но такъ какъ эти школы должны помѣщаться и устраиваться въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ подпадали подъ надзоръ духовенства. Уплата жалованья учителямъ изъ губернскихъ доходовъ привлекала къ управленію ими губернаторовъ и воеводъ. Наконецъ, всеобщность обязательнаго обученія въ цыфирныхъ школахъ дѣлала недостаточными для управленія всѣ эти вѣдомства. Мы видѣли уже, что сѵнодъ и адмиралтейская коллегія спорятъ между собою по поводу того,—подлежатъ-ли отдачѣ въ эти школы дѣти духовенства. Поэтому въ управленіи ими должно было принять непосредственное участіе центральное правительство—сенатъ.

До 1720 г. школы дѣйствительно находились подъ такимъ разнообразнымъ управленіемъ.

При первоначальномъ учрежденіи ихъ законодатель не опредѣлилъ вѣдомства, которому онѣ подчиняются. Пришлось непосредственно управлять ими сенату. Управленіе школами каждой губерніи, въ зависимости отъ сената, возложено было или на губернаторовъ, или на особыя спеціально назначенныя лица; такъ, для Петербургской губерніи былъ назначенъ Скорняковъ-Писаревъ еще до своего директорства въ морской академіи. Неизвѣстно, былъ-ли онъ назначенъ непосредственно сенатомъ, только и онъ прямо относился къ сенату съ своими представленіями.

Извѣстно, что при устройствѣ коллегій не было предназначено спеціальной коллегіи для вѣдомства народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ сенатъ желаетъ себя избавить отъ непосредственнаго управленія всѣми подробностями въ провинціяхъ, и вотъ указомъ 1720 г., апрѣля 30-го, завѣдываніе элементарными школами вообще поручено *адмиралтейской коллегіи.*

Вскорѣ начинается печальная борьба разныхъ вѣдомствъ, при чемъ каждое старается освободить себя отъ цыфирныхъ школъ, начинавшихъ приходить въ упадокъ.

Эта борьба есть точное указаніе на то, что при господствѣ профессіональнаго образованія элементарному нѣтъ мѣста; разныя вѣдом-

ства перебрасываются имъ, какъ мячикомъ, до тѣхъ поръ, пока правительство не примкнуло его къ военному вѣдомству, т. е., правильнѣе, пока совершенно не покончило съ нимъ.

LXXIX. Мѣры Петра Великаго для введенія въ Россіи техническаго образованія.

(Изъ соч. Соколовскаго: „Петръ В., какъ воспитатель и учитель народа“).

Послѣ заботъ о распространеніи знаній по военному искусству и морскому дѣлу, Петръ особенно старался распространить, посредствомъ обученія, знанія, необходимыя для добывающей, обрабатывающей и передаточной промышленности. Учителями въ этомъ случаѣ были преимущественно иностранцы, призываемые въ Россію умножать промышленное дѣло вообще и обучать при этомъ русскихъ. Однако въ послѣдніе годы царствованія Петра стало оказываться, что „иноземцы мастера, будучи на фабрикахъ и отживъ сроки, отъѣзжаютъ въ отечество, а по себѣ учениковъ безъ совершенства науки ихъ оставляютъ“, такъ что велѣно было прежде всего свидѣтельствовать вывезенныхъ мастеровъ, знаютъ-ли они свое дѣло, а потомъ, ежели окажутся искусными, „со всѣми мастерами, которые употреблены будутъ въ какую-нибудь фабрику и мануфактуру, договориться, чтобъ они изъ россійскихъ учениковъ при себѣ имѣли и мастерству своему обучали, поставя за то цѣну награжденія и время, во сколько выучить“.

Въ ученики могли поступать, главнымъ образомъ, свободные люди всякихъ чиновъ людей. Крѣпостныхъ же людей старались не иначе допускать, какъ только съ отпускной отъ помѣщика, а бѣглыхъ сначала совсѣмъ запрещали принимать какъ заводчикамъ, фабрикантамъ, такъ и мастеровымъ. Съ 1722 года замѣтно колебаніе правительства относительно допущенія бѣглыхъ крестьянъ на заводы. Указомъ 18-го іюля 1722 года разрѣшено было, до возвращенія государя изъ похода, не отдавать бѣглыхъ помѣщикамъ. Этотъ указъ не былъ отмѣненъ, и въ указѣ слѣдующаго года (Демидову) также не запрещалось держать учениковъ изъ бѣглыхъ. Исключеніе составляли бѣглые солдаты. Въ маѣ 1724 года встрѣчаемъ противорѣчащее предъидущимъ распоряженіе сената: „какъ на заводы, такъ и въ приписныя къ нимъ слободы бѣглыхъ не принимать“. Петръ не довольствовался добровольно поступающими учениками: онъ издавалъ указы, требовавшіе чего-то въ родѣ небольшихъ наборовъ для обученія какому-нибудь мастерству.

Такъ, въ 1711 году государь указалъ прислать изъ церковниковъ и изъ служекъ монастырскихъ и изъ дѣтей ихъ 100 человѣкъ, которые были бы лѣтъ по 15-ти или 20-ти, и умѣющихъ писать“, чтобъ роздать въ ученики къ мастерамъ по разнымъ дѣламъ.

Потомъ велѣно было адмиралтейской коллегіи опредѣлять сиротъ послѣ умершихъ офицеровъ для обученія, по разсмотрѣнію ея, грамотѣ и въ мастерство, „кто куда пристойны“. Кромѣ этихъ мѣръ, касаю-

щихся поступленія учениковъ, дальше придется встрѣтиться и съ частными распоряженіями подобнаго рода.

Для обученія не было устроено особенныхъ школъ, гдѣ-бы преподавались теоретическія или даже просто техническія научныя и практическія свѣдѣнія, кромѣ школъ въ Екатеринбургѣ и въ адмиралтействѣ. Учили же большею частію при самомъ отправленіи дѣла, безъ учебниковъ и, очень возможно, безъ строгой системы и порядка. „Выписывая и вызывая иностранныхъ мастеровъ изъ-за границы,—говоритъ Афанасьевъ,—Петръ въ то-же время посылалъ своихъ подданныхъ въ чужіе края учиться мануфактурамъ и ремесламъ. Такія посылки начинаются съ перваго его путешествія по Европѣ (1698 г.). Въ 1700 году онъ заставилъ многихъ мѣщанъ послать своихъ дѣтей на казенный счетъ въ Амстердамъ, Лондонъ, Тулонъ, Брестъ и др. извѣстные города, назначивъ, чему именно каждый долженъ учиться. Съ этого времени отправка молодыхъ русскихъ за границу продолжалась безпрерывно, но извѣстія объ этомъ неполны и отрывочны.

Именнымъ указомъ 3-го декабря 1723 года велѣно было мануфактуръ-коллегіи „для вкорененія мануфактуръ и фабрикъ и для искусства художества посылать въ чужіе края изъ молодыхъ людей такихъ, которые къ такому обученію склонны, и для того ихъ обнадежить, что фамиліи ихъ даны будутъ нѣкоторыя привиллегіи по разсмотрѣнію ихъ науки, они-жъ награждены будутъ для тамошняго ихъ пропитанія, жалованьемъ“.

Чтобы вполнѣ представить, какого рода промышленнымъ знаніемъ и въ какихъ размѣрахъ началось обученіе при Петрѣ, нужно припомнить то большое число фабрикъ, заводовъ и ремеслъ, которое возникло по иниціативѣ государя, число мастеровъ разнаго рода, выписанныхъ и работавшихъ въ Россіи. Самое основаніе промышленнаго заведенія, мастерской, даетъ право предполагать, что рабочимъ ихъ придется обучаться тому или другому, мастерамъ придется сообщать свѣдѣнія, не дожидаясь объ этомъ указовъ свыше. Подробнымъ свѣдѣніямъ объ обученіи повсюду трудно было сохраниться; факты-же, почерпнутые изъ законодательства, не раскроютъ всѣхъ, но только главнѣйшія стремленія и усилія Петра въ дѣлѣ обученія народа промышленности.

Желая развить горное дѣло въ Россіи, Петръ старался научить свой народъ добывать руды и обдѣлывать добытое.

Въ 1710 году въ жалованной граматѣ греку Левандіану ставится ему въ заслугу то, что онъ на основанныхъ имъ серебряныхъ заводахъ въ Нерчинскѣ „выучилъ тамошнихъ жителей нѣсколько человѣкъ тому мастерству“. Въ 1711 году говорится о русскихъ ученикахъ руднаго дѣла,—всѣхъ ихъ велѣно было послать въ сибирскую губернію: тамъ по сыску явились серебряныя и желѣзныя руды. Ученикамъ шло жалованье.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сохранились объ ученьи на мѣдныхъ и желѣзныхъ заводахъ.

Извѣстно, что Петръ всегда принималъ близко къ сердцу все, способствовавшее развитію у насъ горнаго дѣла. Самыми дѣятельными помощниками въ этомъ случаѣ явились Татищевъ и Геннингъ, или Геннинъ; особенно много они сдѣлали для сибирскихъ заводовъ: можно сказать, создали ихъ.

Татищеву было поручено завѣдываніе сибирскими заводами только въ 1720 году. Съ нимъ, кромѣ нѣсколькихъ мастеровъ, отправились еще 4 ученика артиллерійской московской школы и двое рудныхъ учениковъ съ олонецкихъ заводовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ обнаружился недостатокъ въ знаніяхъ, недостатокъ въ мастерахъ и людей грамотныхъ. И вотъ, „лѣтомъ 1721 года, съ разрѣшенія бергъ-коллегіи, учреждены были имъ школы въ Кунгурѣ и въ Уктусскомъ заводѣ, въ которыя собраны умѣющія грамотѣ дѣти подъячихъ и церковнослужителей, а въ уктусскую школу поступили, кромѣ того, многіе сыновья мастеровъ, рабочихъ и солдатъ. Въ этихъ школахъ назначено было обучать ариѳметикѣ, геометріи и прочимъ горнымъ дѣламъ. Главною цѣлью ученья было приготовленіе къ службѣ горной... Татищевъ просилъ учителей у сибирскаго губернатора, но получилъ въ отвѣтъ, что „для обученія ариѳметики и геометріи въ Тобольскѣ умѣющихъ нынѣ нѣтъ“. Поэтому онъ поручилъ обучать въ этихъ школахъ изъ-за должности шихтмейстерамъ (рудничнымъ смотрителямъ) изъ артиллерійскихъ школьниковъ... Учащимся въ школахъ сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей Татищевъ съ Бліеромъ 24-го декабря 1721 года опредѣлили каждому по полтора пуда въ мѣсяцъ ржаной муки и по рублю въ годъ на платье, а тѣмъ, у которыхъ отцы зажиточные, либо, находясь при церквахъ или въ службѣ заводской, получаютъ болѣе 10-ти рублей въ годъ, ничего отъ казны не выдавать, пока не начнутъ учить тройнаго правила: тогда и имъ выдавать то же содержаніе, какое назначено сиротамъ. Кромѣ учениковъ, взятыхъ въ школу для приготовленія къ горной службѣ (Татищевъ) велѣлъ принимать и посторонних желающихъ, „имая себѣ за трудъ отъ родителей по возможности ихъ, а отъ неимущихъ ничего не требовать“. Въ одной изъ школъ въ августѣ 1721 года было 29 учениковъ, и двое изъ нихъ учили уже тройное правило, а въ другой, къ началу 1722 года, двадцать семь.

Мѣсто Татищева, отозваннаго въ концѣ 1721 года въ Москву, занялъ Геннингъ, знатокъ горнаго дѣла. Инструкціей, данной ему, предписывалось обратить вниманіе на литье пушекъ, дѣлать укладъ, сталь, жесть, досчатое и кровельное желѣзо, устроить машины для рѣзанья желѣза и для проволочнаго дѣла, „и которые похотятъ тому всему отъ партикулярныхъ заводовъ учиться, и такихъ учить“. Къ сожалѣнію, болѣе извѣстны факты объ его неутомимой дѣятельности вообще по умноженію и исправленію заводовъ, а не его заботы объ обученіи русскихъ. Извѣстно, напримѣръ, что на мѣдноплавильнѣ Кунгурскаго уѣзда онъ надѣялся съ плавкой металла начать обученіе русскихъ людей, далъ Демидову плавильнаго мастера для очищенія мѣди и обученія его людей и хотѣлъ послать къ нему горнаго ученика, для указанія какъ вести штольны и шахты. Имъ же была выстроена и школа въ Екатеринбургѣ, гдѣ стали обучать горнымъ наукамъ. Во время же управленія Геннинга, при посредствѣ Татищева, состоялся указъ объ устройствѣ фабрики, гдѣ-бы обучали крестьянъ дѣлать складные и столовые ножи, ножницы, бритвы и т. п. желѣзныя издѣлія. Всѣ эти свѣдѣнія, такъ заботливо распространяемыя Петромъ, Татищевымъ и Геннингомъ, носили характеръ элементарныхъ. Но ими не удовольствовался Татищевъ. Въ сентября 1724 года онъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе въ своей вѣдомости о сибирскихъ заводахъ: „потребно послать въ Швецію молодыхъ

людей для обученія, чтобъ они могли онымъ великимъ и древнимъ строеніямъ и множеству разныхъ рудъ въ дѣйствѣ примѣниться, дабы съ таковымъ основательнымъ ученіемъ достойную мзду государству воздать могли". Эта мысль нашла энергическую поддержку въ Петрѣ. Поручивъ русскому посланнику Бестужеву добиться позволенія у шведскаго сената на помѣщеніе русскихъ учениковъ, онъ скоро отправилъ съ Татищевымъ 22 ученика адмиралтейской и артиллерійской школъ. Татищеву удалось все устроить уже послѣ смерти Петра.

Въ 1712 году велѣно было губернаторамъ выучить около 300 кузнецовъ и столяровъ дѣлать ружья. Въ случаѣ же недостатка ружейныхъ мастеровъ по губерніямъ, велѣно выслать такое же число на тульскіе оружейные заводы, снабдивъ деньгами, провіантомъ и одеждой на дорогу. Указомъ слѣдующаго года опредѣлено, по скольку именно на человѣка,—по 10 алтынъ, по полуосьминѣ, по мундиру сермяжному и по шубѣ. Этотъ же указъ говоритъ, что отъ посланныхъ на тульскіе заводы иные бѣжали съ дороги, или съ заводу.

Въ 1717 году велѣно было компаніи Томилина, братьевъ Рюминыхъ съ товарищами, устроить игольный заводъ „и русскихъ людей тому игольному мастерству обучать, а во ученье брать въ Москвѣ и въ Рязани изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыни, и тѣмъ ученикамъ быть при томъ дѣлѣ до совершеннаго возраста, а провіантомъ и платьемъ содержать ихъ компанейщикамъ на своемъ коштѣ". Въ 1722 году компаніи извѣщала, что мастеровъ и учениковъ съ 40 человѣкъ могутъ иглы дѣлать сами и новымъ указомъ подтверждено: „россійскій народъ обучать во всемъ противъ заморскаго дѣла иглъ".

Кромѣ упомянутыхъ заводовъ и фабрикъ, учились обработкѣ металловъ и на другихъ.

Впрочемъ, не на однихъ фабрикахъ и заводахъ хотѣли учить русскихъ. Такъ, въ 1715 году Петръ велѣлъ сыскать изъ шведовъ кузнецовъ добрыхъ, взять во всякую губернію по 2 человѣка и велѣть имъ учить кузнечному дѣлу русскихъ, въ которой губерніи сколько содержать можно. При типографіяхъ учили гравировальному художеству, пунсонному и словолитному дѣлу.

Въ извѣстіяхъ Пекарскаго о типографіяхъ XVIII столѣтія упоминаются нѣсколько русскихъ, обучавшихся у Шюнебека, „грыдорованнаго дѣла мастера" Пикарда и Никитина. Въ основанной по именному указу въ 1711 году петербургской типографіи и для обученія россійскаго народа типографскому дѣлу, по словамъ директора этой типографіи Аврамова, „пунсонному и словолитному дѣлу изъ русскихъ людей пунсоны дѣлать и литеры отливать обучились мастерствомъ не хуже иноземцевъ, а грыдоровальныхъ дѣлъ мастеры и живописецъ здѣсь же въ дѣлахъ тѣхъ, а наипаче въ рисованіи наилучшую науку получили, изъ которыхъ Алексѣй Ростовцевъ не токмо грыдоровальному мастерству, но и небеснымъ и земнымъ глобусамъ обучился, которые при домѣ его и. в. въ своихъ мастерствахъ чужестранными мастерами достойными быть засвидѣтельствованы". По словамъ Голикова, велѣно было въ 1719 году Скорнякову-Писареву отправить въ Москву для обученія гравированью двухъ одезистовъ.

Добыванію и обработкѣ металловъ русскіе учились и за границей.

Въ 1711 году упоминается рудныхъ дѣлъ мастеръ Зубковъ, который „былъ того руднаго дѣла въ Саксоніи во ученьи". Впослѣдствіи было поручено Татищеву взять изъ школъ молодыхъ людей и роздать въ Швеціи для наученію горному дѣлу, и онъ, дѣйствительно, роздалъ 16 русскихъ учениковъ на разные шведскіе заводы. Въ бытность въ Амстердамѣ Неплюевъ встрѣтилъ русскихъ, учившихся мѣдному ремеслу, По словамъ Соловьева, отъ 1722—24 гг., возвращались домой учившіеся въ Англіи, Голландіи и Франціи русскіе мастеровые; между ними мастеровъ замочнаго и мѣднаго дѣла 4, мѣднаго литейнаго дѣла 2, грыдоровальнаго одинъ. Давъ имъ вспоможеніе на первое обзаведеніе, объявили, чтобы они учили русскихъ учениковъ.

Петръ заботился обучать русскихъ и обработкѣ минераловъ. Въ 1724 году, въ письмѣ къ Куракину о томъ, чтобы онъ отъискалъ мастера, умѣющаго выдувать круги стеклянные прямо и чисто, съ подмастерьемъ, Петръ предполагаетъ поставить такому мастеру однимъ изъ условій то, „чтобъ онъ и русскихъ выучилъ". „Немедленно по возращеніи изъ путешествія, Петръ послалъ нѣсколько молодыхъ людей изъ мѣщанъ въ Голландію для изученія каменнаго мастерства и лучшаго способа обжигать кирпичъ, и выписалъ изъ Голландіи каменьщиковъ и кирпичниковъ въ Петербургъ, которымъ отдалъ на обученіе русскихъ». «Въ 1700 г. онъ велѣлъ сибирскимъ воеводамъ отдавать въ обученіе по 2—3 человѣка тобольскимъ кирпичникамъ и каменьщикамъ. Такъ какъ петербургскимъ и московскимъ жителямъ въ извѣстныхъ случаяхъ велѣно было крыть строенія только гонтомъ и черепицей, а петербургскіе гонтовые заводы не удовлетворяли требованіямъ, то велѣно было помѣщикамъ ближныхъ уѣздовъ прислать на гонтовые заводы своихъ крестьянъ и людей для обученія, которое можно окончить въ день или два. Для обученія же москвичей велѣно было послать въ Москву изъ «малороссійцевъ, да изъ Смоленска по 3 человѣка съ пристойными инструментами; и сдѣлавъ нѣсколько гонтинъ и инструментовъ, чѣмъ оные дѣлать для образца... разослать по всѣмъ градскимъ воротамъ. Буде же кто похочетъ тому обучать людей и крестьянъ, и таковыхъ велѣть обучать онымъ же мастерамъ безъ денежной платы».

Петръ Великій заботился обучить русскихъ улучшеннымъ способамъ добыванія и обработки продуктовъ растительнаго царства.

Петромъ была сдѣлана попытка научить крестьянина снимать хлѣбъ болѣе лучшимъ способомъ, чѣмъ переданное отъ прадѣдовъ жнитво серпомъ. «Понеже въ здѣшнихъ краяхъ, говорится въ именномъ указѣ Голицыну,—въ Курляндіи, Лифляндіи и въ Пруссахъ у мужиковъ обычай есть, что вмѣсто серповъ, хлѣбъ снимать малыми косами съ граблями, что предъ нашими серпами гораздо скорѣе и выгоднѣе, что средній работникъ за 10 человѣкъ сработаетъ, того для сыскавъ такихъ людей изъ здѣшнихъ мужиковъ по нѣскольку человѣкъ для обученья, послали мы отсель въ наши хлѣбородные города съ такими косами и граблями, съ нарочными посланными офицерами». При этомъ Петръ писалъ къ подпоручику Болотову: «принять тебѣ здѣшнихъ мужиковъ 9 человѣкъ и ѣхать съ ними въ Тамбовъ съ поспѣшеніемъ, дабы можно было съ ними поспѣть къ тому времени, какъ начинаютъ первой хлѣбъ снимать и, будучи дорогою, ихъ беречь, дабы не разбѣжались».

Желая умноженія пеньковыхъ и льняныхъ промысловъ, Петръ велѣлъ: «гдѣ тому дѣлу необыкновенны, какъ ленъ и пеньку учреждать, дабы обучали крестьянъ». Такъ какъ при бракованіи льну и пеньки оказалась нужда для Петербурга въ бунтныхъ вязальщикахъ, то велѣно было выслать изъ близкихъ деревень 5 мастеровъ, живущихъ безъ дѣла для обученія другихъ. Въ провинціяхъ же учить чистить пеньку и вязать бунты поручалось промышленникамъ, скупающимъ пеньку, пока уѣздные и градскіе люди то въ обычай себѣ не примутъ.

Стремясь па основаніи «Духовнаго регламента» ввести въ женскіе монастыри рукодѣлья, правительство старалось обучить незнакомыхъ съ послѣдними монахинь и готовящихся къ постриженію. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ сvнодскій указъ 11 сентября 1722 г. Рукодѣлья, которымъ должно было обучать, раздѣлены этимъ указомъ на: 1) честные (почетныя?), какъ: шитье, низанье и т. п., и 2) прядильное мастерство, «нынѣшнее», болѣе удобное сравнительно съ прежнимъ. Одному изъ первыхъ, по свободному выбору, велѣно было обучать монахинъ, происходящихъ отъ благородныхъ и честныхъ родителей, прядильному же мастерству монахинь изъ простонародья и тѣхъ же благородныхъ, которыя не хотятъ или не могутъ заниматься честнымъ рукодѣльемъ. Монастыри были обязаны обучать всѣхъ въ 2 или 3 мѣсяца со времени полученія указа. Учить прядильному мастерству посылались мастерицы изъ села Покровскаго (гдѣ была фабрика для пряжи льна). Въ 1724 г. велѣно было дѣвочекъ сиротъ и подкидышей обучать въ монастыряхъ грамотѣ, а также пряжѣ, шитью, плетенью кружевъ и для этого „выписать изъ Бробандіи сиротъ, наученныхъ въ монастыряхъ“. Въ меморіи Петра, относящейся къ этому указу, добавлено: „также хотя бъ по одному монастырю, чтобъ и языки при томъ“. Такимъ образомъ, Петромъ были сдѣланы попытки, хотя и слабыя, ввести образованіе и въ среду женщинъ.

Русскихъ еще учили при Петрѣ на заводахъ и фабрикахъ ткать полотна, скатерти, салфетки, тики, при чемъ ученикамъ платилось жалованье. Голиковъ упоминаетъ про учениковъ на парусной фабрикѣ Тиммермана. Петръ отправилъ въ Голландію Короткина для обученія бумажному (писчей бумаги) мастерству, и въ 1710 году, по его возвращеніи на основанную бумажную фабрику и мельницу, отдано ему нѣсколько молодыхъ людей въ ученики.

Петръ стремился научить русскихъ разнымъ родамъ строительнаго искусства. Неплюевъ упоминаетъ про русскихъ, учившихся въ Амстердамѣ столярному ремеслу. Для обученія строенія мазанокъ Петръ велѣлъ выставить въ Москвѣ нѣсколько образцовъ во всякомъ лѣсномъ ряду. Въ одномъ указѣ 1712 г. упоминаются ученики при архитекторахъ. Неплюевъ говоритъ, что въ 1716 году посланы были во Францію для обученія архитектурѣ 4 человѣка. Въ 1723 г, велѣно было двухъ архитектурныхъ учениковъ, находившихся въ Римѣ, взять въ Петербургъ и опять послать вмѣсто нихъ столько же въ Италію, а отъ 1724 года уцѣлѣлъ указъ, данный русскому агенту фонъ-деръ-Бургу относительно 4-хъ учащихся въ Голландіи и Брабандіи наукѣ архитектурной. Петръ велѣлъ ему надзирать, „чтобъ они выучили манеръ голландской архитектуры, а особенно фундаменты, которые нужны здѣсь, ибо равную ситуацію имѣютъ для низости воды и тонкости стѣнъ, къ

тому бы обучились строенію огородовъ, какъ ихъ размѣривать и украшать, такожъ бы и слюзному дѣлу обучались, которое здѣсь зѣло нужно, и чтобъ они сему послѣднему паче первыхъ учились. И для того, гдѣ такая работа въ Голландіи случится, туда ихъ и посылай для практики". Съ обученіемъ архитектурѣ шло обученіе и тѣсно связанному съ ней инженерному искусству и механикѣ. Такъ, въ 1715 г. царь писалъ: „Суворова и Туваркова отправить въ Марданъ (у Соловьева въ Мардинъ), гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, который изъ Океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани и старые починиваютъ и чистятъ; чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему, и могли-бъ у тѣхъ фабрикъ учиться«. Неплюевъ упоминаетъ о 4-хъ русскихъ, учащихся въ Амстердамѣ экипажеству и механикѣ. О Нартовѣ посланномъ усовершенствовать свои знанія за границу, въ отзывѣ президента французской академіи говорится, что онъ „при изученіи учинилъ великіе успѣхи въ механикѣ, наипаче же въ оной части, которая касается до токарнаго станка", говорится о „чистотѣ, исправности и субтильности" его токарныхъ издѣлій. Нартовъ впослѣдствіи (1723 г. былъ сдѣланъ главнымъ токаремъ.

Но гораздо болѣе Петръ заботился обучить русскихъ кораблестроенію и судостроенію. Обученіе кораблестроенію началось очень рано. Такъ, отъ 1692 г. сохранилось письмо 16 мостильщиковъ (плотниковъ) корабельнаго дѣла, обученныхъ самимъ государемъ-плотникомъ, при участіи и руководствѣ котораго они строили нѣсколько судовъ и первый военный корабль. Большая часть изъ 30 волонтеровъ великаго посольства была отдана въ Голландіи учиться—кто корабельному дѣлу, кто мачтовому, ботову, парусному, кто дѣлать блоки. Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ пошло дѣло обученія съ учрежденіемъ адмиралтейства, гдѣ должно было работать 1000 человѣкъ изъ рекрутъ и матросовъ, кромѣ гардемариновъ. Здѣсь должно было быть по 3 человѣка учениковъ у мастеровъ корабельныхъ, галерныхъ, ластовыхъ судовъ, камельныхъ, мачтовыхъ, ботовыхъ, шлюпочныхъ, машинныхъ, парусныхъ, весельныхъ, блоковыхъ. Въ адмиралтействѣ же учили и нѣкоторымъ другимъ ремесламъ, болѣе или менѣе касающимся кораблестроенія. Котельники, паяльники, слесари, ложники, рѣщики, компасники, оконнишные, фонарные, печники, трубочисты, прядильщики, парусные швецы, конопатчики, пильщики, столяры, токари, свѣчники должны были имѣть при себѣ учениковъ. При коммисарѣ надъ лѣсами, на обязанности котораго лежалъ осмотръ и правильная выдача доставляемаго лѣса и отчетность, были также ученики. Кромѣ того, у каждаго мастера всякаго мастерства должны были быть по 2 подмастерья. „Всѣ, какъ корабельные, такъ и прочихъ художествъ мастера должны учениковъ данныхъ имъ со всякимъ прилежаніемъ учить, не скрывая ничего, понеже за то имъ опредѣлено награжденіе. И которые ученики тщательно будутъ приниматься или нѣтъ, о томъ мастерамъ подавать вѣдомости оберъ-сарваеру", подъ вѣдѣніемъ котораго находились всѣ мастера. Замѣчательно распоряженіе, которымъ не велѣно было мастеровыхъ людей переводить отъ одного мастерства къ другому, — это дѣлалось затѣмъ, чтобы „лучше въ своемъ художествѣ обыкли". Для дѣтей плотниковъ и прочихъ мастеровыхъ людей адмиралтейства велѣно было устроить школу и обучать грамотѣ, цыфири и „платъ-гео-

метріи", чтобы потомъ могли добрыми мастеровыми быть. Для распространенія въ Россіи вмѣсто староманерныхъ судовъ — новыхъ: ботовъ разной величины, еверсовъ, гальотовъ и др., Петръ не только запрещалъ строить прежнія суда, но и посылалъ въ разныя мѣста Россіи офицеровъ, мастеровыхъ, подмастерьевъ и учениковъ изъ адмиралтейства, чтобы обучать этому дѣлу. Посланные большею частію строили въ разныхъ мѣстахъ образцовыя суда, по которымъ окрестные жители сами могли бы учиться новому судостроенію. Такъ, упоминаются образцовыя суда на Ладогѣ, Вышнемъ Волочкѣ, въ Твери, Дѣдиновѣ московской губ., въ Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1719 г. велѣно было подмастерью корабельнаго дѣла Сурмину ѣхать въ ярославскій и романовскій уѣзды съ приказаніемъ дѣлать романовки по новому образцу, какой сдѣланъ въ Петербургѣ плотниками-крестьянами ярославскаго уѣзда, и объявить по пріѣздѣ имена послѣднихъ, чтобы судохозяева могли нанимать ихъ, а другіе учиться отъ этихъ плотниковъ. Указъ 11 янв. 1723 г, говоритъ, что на Олонцѣ промышленники уже изучены въ судовомъ строеніи, а ученика корабельнаго дѣла Илью Нѣмцева, бывшаго тамъ, нужно перемѣстить въ низовые города, гдѣ одному Шпаку трудно находиться въ разныхъ мѣстахъ у судостроенія. Посылались въ мѣста судостроенія, конопатчики, учить крѣпко конопатить новоманерныя суда.

Наконецъ, Петръ Великій заботился научить русскихъ добыванію и обработкѣ нѣкоторыхъ продуктовъ животнаго царства.

Такъ, въ завоеванную отъ Персіи провинцію Гилянь, богатую тутовыми садами, Петръ посылалъ молодыхъ людей изъ астраханцевъ и кизлярцевъ учиться шелководству. Въ 1718 г. позволено было армянину Сафару Васильеву на заводимый имъ заводъ для дѣланія шелку-сырцу нанимать въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ, съ платежемъ за труды достойной платы. Изъ донесенія его (въ указѣ 20 го мая 1726 г.) видно, что „къ обученью въ работу у него наняты городскіе обыватели армяны, тезики и черкасы, а также и кочевые татары 10 кибитокъ... тѣ ученики и работники оному шелковому дѣлу являются заобычайны".

По предложенію Кассиса (1724 г.)—выписать италіанскихъ мастеровъ, какъ не только очень искусныхъ въ уходѣ за шелковичными червями, въ приготовленіи шелка и въ выдѣлкѣ разнаго рода шелковыхъ матерій, но и могущихъ научить всему этому русскихъ безъ большихъ издержекъ, Петръ поручилъ ему доставить въ Россію такихъ „мастеровъ шелковыхъ, которые около червей ходятъ и шелкъ строить по италіански умѣютъ", также бархатныхъ и легкихъ парчей мастеровъ и отправить въ Италію „русскихъ ребятъ для ученья; но ежели скорѣе поймутъ, нежели опредѣленный срокъ ученикамъ, то-бы ихъ, освидѣтельствовавъ, прислать, хотя-бъ на то и особливое иждивеніе употребить". Больше вниманія Петръ обращалъ на обученіе фабричному производству шелковыхъ матерій. На основанную въ Петербургѣ фабрику, гдѣ приготовлялись позументы, тесьмы, шнурки, Петръ отдалъ иноземцамъ въ ученье русскихъ молодыхъ людей изъ бѣдныхъ новгородскихъ дворянъ и мѣщанъ. Онъ нерѣдко посѣщалъ эту первоначальную фабрику и слѣдилъ за успѣхами учениковъ. Старшіе изъ нихъ должны были каждую субботу послѣ обѣда являться во дворецъ съ образчиками своей

работы, и государь разспрашивалъ ихъ о занятіяхъ. Объ основанной въ 1714 г. по повелѣнію Петра „для народнаго обученія“ шелковой фабрикѣ Милютина, научившагося самоучкой ткать шелковыя матеріи, послѣдній въ 1717 г. доносилъ, что онъ нанялъ мастера армянина для чистки пряжи и крашенья шелковъ съ платой 300 рублей, да сверхъ того поилъ и кормилъ, „а за тое плату училъ на моемъ же харчѣ учениковъ 6 человѣкъ и изъ того числа годныхъ обучилось 4 человѣка...“ Нанялъ (еще) „мастера гамбургца на 3 года, и платы ему плачу по 330 рублевъ па годъ... и обѣщалъ оный мастеръ выучить 15 человѣкъ русскихъ людей ленты и позументы ткать, гладкіе и фигурные узоры набирать и рисовать, чему онъ самъ умѣетъ; а вышеупомянутые ученики и работники всѣ на моемъ хлѣбѣ, также и на одежду даю имъ плату и набираю учениковъ изъ убогихъ людей, и держу съ записьми, а за записи плачу пошлины я же своими деньгами; въ томъ числѣ есть ученики добрые, а иные и злые: не хотятъ учиться и добрыми людьми быть, бѣгаютъ, покиня мастерство и противъ записей не держатся“. При основаніи шелковой фабрики Шафировымъ и Толстымъ (1718 г.), было дано имъ право свободнаго найма въ ученики всякихъ чиновъ людей, кромѣ солдатъ и матросовъ.

Упоминается мастеръ и ученики воскобѣлильнаго завода.

Въ концѣ одного именнаго указа прибавлено: „мастера послать, дабы выучить солить треску“.

Нуждаясь въ хорошей шерсти для суконныхъ фабрикъ, правительство нашло нужнымъ научить русскихъ болѣе правильнымъ пріемамъ овцеводства, а для этого составило и объявило „регулы, какъ содержать овецъ по шленскому обыкновенію“. Нѣкоторые великороссійскіе помѣщики, слѣдуя этимъ правиламъ, начали получать шерсть, которая стала цѣниться вчетверо дороже противъ прежней. Впослѣдствіи тоже самое было еще разъ подтверждено малороссіянамъ особымъ манифестомъ, обнадеживавшимъ ихъ милостью: „а мастеровъ, которые будутъ каждаго наставлять въ содержаніи по тѣмъ регуламъ овецъ и надсматривать, велѣли мы содержать на нашемъ жалованьи“. Около этого времени (1724 г.) Петръ хотѣлъ „послать Румянцеву на Украйнѣ ордеръ... чтобы высылалъ своихъ людей для изученія ходить за овцами и баранами, такожъ чтобъ они научились стричь и порядочно выдѣлывать шерсть“. Въ томъ-же году состоялся именной указъ: „въ Шлезію для достовѣрнаго усмотрѣнія и обученія россійскаго народа, какъ тамъ овецъ въ лѣтнее и зимнее время содержатъ и довольствуютъ и стригутъ и шерсть въ дѣло употребляютъ, послать изъ мануфактуръ-коллегіи коммисаровъ маіора Кологриваго и къ нему придать и дворянъ и молодыхъ двухъ человѣкъ и съ ними изъ русскихъ овчаровъ, которые къ тому уже позаобычайные, сколько человѣкъ пристойно...“; ихъ оставить тамъ года на два.

Еще въ 1705 г. упоминаются ученики суконнаго дѣла; ихъ вмѣстѣ съ мастерами и работниками поручено было вѣдать судомъ и расправою Меншикову и не велѣно было брать съ нихъ никакихъ податей, кромѣ двороваго тягла. При заведеніи одной изъ суконныхъ фабрикъ въ 1719 году велѣно было Петромъ „смотрѣть накрѣпко... дабы россійскій народъ оной фабрики обучались съ прилежаніемъ“. Такъ какъ оказалось, что „нѣкоторые изъ россійскаго народа трудолюбивые и тщательные ко

оной фабрикѣ шерсть прясть и ткать научились, а красить и лощить, и гладить, и тискать, суконъ простригать и ворсить еще необыкновенны: для того всѣхъ тѣхъ мастерствъ договариваясь съ мастерами, обучать изъ россійскаго народа безкрытно, дабы въ Россіи такого мастерства изъ россійскихъ людей было довольное число; а которыхъ мастеровъ при томъ суконномъ дѣлѣ нынѣ нѣтъ, и такихъ оной компаніи изъ иноземцевъ добраго мастерства и принадлежащіе инструменты выписывать самимъ“. Требованія правительства основывались и на томъ, что оно дало этой компаніи 30,000 р. заимообразно съ правомъ уплачивать этотъ долгъ приготовленными на фабрикѣ сукнами.

Были также ученики на шпалерной фабрикѣ. Желая ввести въ Россію улучшенные способы кожевеннаго производства, Петръ старался обучить имъ русскихъ промышленниковъ: „понеже юфть,—говорится въ указѣ 1715 года,—которая употребляется на обувь, весьма негодна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ, расползывается и вода проходитъ: того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастеры въ Москѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ даго города по нѣскольку человѣкъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ два года“. Невыучившимся запрещено подъ угрозой ссылки въ каторгу приготовлять юфть по прежнему.

Въ 1718 году подтвержденъ этотъ указъ черезъ промышленниковъ, которые „учились“ уже дѣлать кожи съ ворваннымъ саломъ. Въ 1717 г. состоялся указъ о высылкѣ изъ городовъ, гдѣ есть кожевенные заводы, по два и больше мастеровыхъ людей „къ кожевенному обученію“.

Въ 1719 г. велѣно было послать иноземцевъ-мастеровъ юфтянаго дѣла для обученія русскихъ людей въ Кіевскую и Азовскую губерніи, по 2 человѣка. На учрежденномъ въ Казани заводѣ пумповыхъ кожъ, по донесенію Кудрявцева (1720 г.) „англичанинъ пумповыхъ кожъ мастеръ Умфри учениковъ, повидимому, учитъ прилежно и ученики сказываютъ, что они въ чемъ отъ нихъ не скрывается...“ Наконецъ, Петръ посылалъ въ Англію молодыхъ людей учиться выдѣлкѣ кожъ.

Отношенія, въ какія былъ поставленъ закономъ промышленный ученикъ къ людямъ, завѣдывавшимъ его обученіемъ, — къ мастерамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ—во многихъ случаяхъ сходны съ отношеніями, въ какія былъ поставленъ по закону тогдашній работникъ къ капиталисту, но отъ введенія новаго элемента обученія эти отношенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали различаться.

Такъ, завѣдывавшіе обученіемъ должны были желать вознагражденія за свои труды и заботы, и законъ позаботился объ этомъ. Хотя по указамъ отъ ученика не требовалось денежной платы за ученье, а напротивъ правительство и частныя лица безденежно предлагали свои услуги желающимъ учиться, платили жалованье мастеровымъ-учителямъ, даже часто давали харчи, одежду, „достойную плату“, „ученичье жалованье“; но зато за свои услуги и затраты правительство и частныя лица, фабриканты, заводчики и мастеровые, по закону, вознаграждались трудомъ обучаемаго и пользовались сообщенными знаніями не только во время самаго ученья, но и послѣ,—ученикъ долженъ былъ „заживать урочные годы“. Обыкновенный срокъ былъ 7 лѣтъ, но иногда къ этому сроку

прибавлялась еще трехлѣтняя обязательная работа въ качествѣ подмастерья. Сначала въ отдѣльныхъ указахъ, потомъ въ общемъ постановленіи, регламентѣ мануфактуръ-коллегіи, Петръ старался установить подобнаго рода вознагражденіе за обученіе, старался прикрѣпить учениковъ къ обучившимъ ихъ, предписывалъ наказаніе ученикамъ, бѣжавшимъ до срока, и назначилъ сторублевый штрафъ съ лицъ, умышленно переманивавшихъ къ себѣ на работу, а съ принявшаго неумышленно—обыкновенный штрафъ за бѣглаго. Послѣ наказанія пойманнаго ученика обратно отдавали на заводъ или фабрику. По окончаніи ученый мастеръ, какъ дѣлалось въ чужихъ краяхъ, давалъ свидѣтельственное письмо о томъ, что ученикъ совершенно выучился, не то послѣдній не признавался за мастера. Въ концѣ 1723 г. законъ озаботился о промышленномъ ученикѣ, когда регламентомъ мануфактуръ-коллегіи предписано было ей „всякое попеченіе имѣть о ученикахъ», смотрѣть за компанейщиками, чтобы не было препятствій обученію отъ нужды или недовольства ученикамь и мастерамъ", и чтобы ихъ „порядочно содержали". Мануфактуръ же коллегіи поручено и экзаменовать учениковъ.

Протестъ противъ невыгодныхъ, тяжелыхъ условій своего положенія ученики могли высказывать тѣмъ, что бѣгали съ фабрикъ, отъ мастеровъ. Если имъ приходилось попадать въ подобныя отношенія за границей, гдѣ для русскихъ было больше свободы въ дѣйствіяхъ, то ремесленные ученики не хотѣли ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать.

Пріучая русскихъ къ новому для нихъ торговому пути, морю, Петръ вмѣстѣ хотѣлъ познакомить съ практикой самаго торговаго дѣла въ томъ видѣ, какъ оно велось за границей. Коммерцъ-коллегіи именнымъ указомъ отъ 8 ноября 1723 года велѣно было "посылать въ чужіе краи торговыхъ людей дѣтей, чтобъ никогда меньше 51 человѣкъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся, брать назадъ, а на ихъ мѣсто новыхъ, а обученнымъ велѣть здѣсь обучать (понеже всѣхъ посылать невозможно); чего ради брать изо всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе велось; а въ Ригу и Ревель человѣкъ 20 и роздать капиталистамъ сіе обое число изъ посадскихъ; къ томужъ коллегіи трудъ имѣть обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей».

LXXX. Отеческое поученіе.

(Изъ сочиненій Посошкова).

Въ прошедшемъ 1708 году высокою державною властію Великаго нашего Россійскаго Государя Монарха посланъ ты, любезный и точію мой единый сыне и наслѣдниче, во Уропскія страны, ради обученія; въ какихъ дѣлахъ и наукахъ, о томъ повелѣніемъ Самодержца и милостивѣйшаго нашего Великаго Государя еще прежде твоего отпуску тебѣ сказано. Обаче азъ яко союзомъ естественнаго родителскаго сожалѣнія зря тя, яко суща плоть отъ плоти и кровь отъ крови моея, еще въ лѣ-

тѣхъ юныхъ, кромѣ обученія приличныхъ наукъ, и яко бы еще браздины бумаги, на ней же ничто не писано, хощу отъ могущихъ случиться тебѣ лукавыхъ прелестей и подлоговъ непристойныхъ тя предварити, яко да всякое зло отвратиши и во благихъ поучатися потщишися. Ты, мой вожделѣнно любезный сыне и чадо! на время вижу я отъ очей моихъ тя отлучна, о спасеніи жъ твоемъ времянномъ, паче-жъ вѣчномъ имѣя попеченіе, сія послѣдующія поучительныя главизны въ пользу души твоея, тоже и для временныя твоея славы написахъ, и посылаю тебѣ, яко да такою же любовію, ею же тя единаго чада возлюбихъ, отца и матерь свою покорною сыновнею любовію насъ учествуеши, И, сыне мой! егда отъ сердца происшедшія вѣрныя завѣщанія почасту будеши прочитати, потщишися по нихъ ходити, да тѣмъ своимъ благочестивымъ теченіемъ шествуеши ко Владыцѣ и Создателю своему Господу Богу, потомъ и Державнѣйшему нашему премилостивому Царю и Государю, также и намъ, родителямъ твоимъ, угодная сотвориши, себѣ же сокровища паче всѣхъ тлѣнныхъ и привременныхъ богатствъ пріобрящеши.

Представляю ти должность твою, юже долженствуеши поминати вся дни временныя твоея жизни, како и на что Господь Богъ тя изъ ничтожества въ человѣкахъ бытна сотвори, украси тя по душѣ твоей умна, словесна, безсмертна. Подобіе Божіе въ человѣческой душѣ се суть: правда, любовь, милосердіе, незлобіе, кротость, чистота, душевныя добродѣтели. Аще ли же сего подобна человѣкъ не будетъ имѣти, пріиметъ подобіе врага Божія.

Азъ родитель твой тебѣ дахъ точію тѣло, а не душу, ея же сотворитель есть Господь, иже отецъ духовъ нарицается; сотворена же есть па небесѣхъ, идѣже и отечество наше, отнюду же по безсмертію души вси человѣцы начало имѣютъ; на земли же есьмы странницы и временные пришельцы: тѣло бо землено есть, а человѣкъ нѣсть тѣло, но душа въ тѣлѣ.

(По семъ слѣдовали многіе тексты изъ Священнаго писанія для утвержденія въ православной вѣрѣ и для убѣжденія юнаго странствователя во временныхъ и вѣчныхъ выгодахъ, которыя сопряжены съ послѣдованіемъ добродѣтели, и въ несчастіяхъ, неразлучныхъ съ безпорочною жизнію).

Представляю ти, о сыне мой любезный! путь жизни и благодати, таже и путь смерти, исполненный всякихъ золъ, но завѣщая, повелѣваю ти избрати путь благій, и бѣгати пути погибели.

Къ сему долженъ еси выну въ памяти блюсти, какое ти подобаетъ имѣти почитаніе къ милостивѣйшему нашему Великому Государю, Царю и Монарху, его же прирожденный еси рабъ; и его Государскою повелительною властію нынѣшняя посылка тебѣ сотворится не во оскорбленіе или какую тебѣ тягость, но да обучишися въ такихъ наукахъ обученіямъ, въ которыхъ тебѣ упражнятися довлѣетъ, да во грядущія лѣта, аще воля Божія восхощетъ, и благодатію жизнь его продлится, достойна себя сотвориши ему Великому Государю нашему, въ какихъ себѣ услугахъ тя изволитъ употребити. Понеже великая есть и трудная преграда между вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ, сего ради дражайшее время твоихъ юныхъ лѣтъ попеченіемъ родительскимъ ти совѣтую ни единаго часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, раз-

суждая, яко ни что же драгоцѣннѣе есть времени, его же часть, день и часъ, къ тому во вѣки не возвратится, и тѣмъ временемъ не точію вся красная міра сего получимъ, но и грядущую блаженнѣйшую вѣчность вѣрою и благими дѣлы достигаемъ. Того ради всякій день и часъ, не съ надсаднымъ утружденіемъ, но, по возможности, чинно и благоговѣйно въ наукахъ правождати да потщишися. Скорѣйшаго же ради и удобнаго полученія наукъ, совѣтую ти Нѣмецкой, или наипаче чистой Французской языкъ учити, и въ началѣ въ томъ языкѣ, его же избѣрешь, учити ариѳметику, яже всѣмъ матаматическимъ наукамъ дверь и основаніе есть; потомъ сокращенную Математику, яже въ себѣ содержитъ Геометрію, Архитектуру и Фортификацыю, еже вѣдѣніе земного глобуса, таже искусство земныхъ и морскихъ чертежей; компаса, теченіе солнца и знамяныхъ звѣздъ; не ради того, дабы тя сотворити инженеромъ, или корабельникомъ, но егда изволеніемъ Самодержавнѣйшаго Монарха нашего по случаю къ такимъ дѣламъ будешь приставленъ, егда по нуждѣ тебѣ востребуется то; инъ иноземецъ инженеръ въ случаѣ укрѣпленія коего града или мѣста, или во облежаніи непріятельской крѣпости тотъ дѣла свои учнетъ исправлять, или въ вѣдѣніе науки, или недостатка ради твердаго искусства, или какого ради пристрастія, не право учнетъ къ шкодѣ или повреждевію цѣлости Великаго Государя градовъ или дѣлъ творить: тогда ты самъ, вѣдѣніемъ тѣхъ наукъ исполненъ, и окомъ ума своего и наукъ искуствомъ возможешь познати правду, или лукаво тотъ иноземецъ поступаетъ, и тѣмъ пріимешь отъ Великаго Государя и Монарха своего похвалу, отъ братіи жъ своихъ честь, а такіе иноземцы, не право учиня, къ тебѣ будутъ имѣти страхъ.

Не возбраняю тебя между упражненіемъ въ наукахъ, ради обновленія въ тебѣ жизненныхъ духовъ, и честныя рекреаціи имѣти въ бесѣдахъ своихъ товарищей отъ лицъ благоцѣнныхъ, честныхъ; овогда же въ комедіяхъ, операхъ, кавалерскихъ обученіяхъ, какъ со шпагою и пистолетомъ владати, на конѣ благочинно и твердо сидѣть, съ коня различнымъ ружьемъ владѣть, и въ протчихъ подобныхъ тѣмъ честнымъ и похвальныхъ обученіяхъ забаву имѣть.

Да будетъ же тебѣ въ текущемъ времени всѣ 24 часа на различныя послѣдующія потребы еще раздѣлены; употребляй оные часы каждаго дня отъ утра и до вечера по сему предписанію.

Во утріе отъ сна пробудяся, ознамени лице свое святымъ крестомъ, и абіе возставъ, облачися, умой руце и лице свое. На се тебѣ 1 часъ.

Ставъ на молитву, во еже тебѣ бесѣдовати съ Царемъ небеснымъ и Господемъ Богомъ, отъ Него же всякія благодати Духомъ Святымъ изливаются, со вниманіемъ глаголи обычныя утреннія молитвы. На семъ тебѣ повелѣваю изнурятися 1 часъ.

Языку, его же изябереши учитися, и грамматическія его правила, на се 2 часа.

Въ наукахъ другихъ обучатись даже до полудни, 3 часа.

Ожидая стола, погуляй, и на прочія честныя забавы 1 часъ.

Ясти не больше 1 часъ.

Потомъ паки погуляй, да не отяготятся духи чрезмѣрными ученія трудами, 2 часа.

Паки по полудни въ языкѣ или въ наукѣ учитись 3 часа.

Въ вечеру паки ясти, за столомъ сидѣть не больше 1 часъ.

На вечернія молитвы 1 часъ.

Спати, мню, довлѣетъ, аще не 7, то небольшее часовъ 8.

Всего имѣется всѣхъ часовъ 24.

Но во дни воскресные и торжествъ, по уставу православныя Церкви, егда наукъ ученія не бываетъ, повелѣваю въ тѣ дни, яко Господу Богу посвященные, въ вечеру вечерню, поутру воставъ, по обычныхъ утренниxъ молитвахъ, слушати полунощницу и прочую церковную службу; потомъ часъ обучатися во чтеніи святаго письма и кафиземъ, дабы ти твердо основатись въ артикулѣхъ святыя Восточныя вѣры, воеже непріяти тебѣ иностранныхъ тамо много различныхъ вѣръ. Некако вредительныя признанныя, но зѣло полезныя прочитай нравоучительныя книги, приличествующія юнымъ отрокамъ. Царя и пророка Соломона книги притчей, премудрости, Еклезіаста, тоже и книги Іисуса Сирахова. Паче же внимай писанное въ третей тоя книгѣ главизнѣ, и въ тѣхъ всѣхъ многую пользу, наставляющу тя на истинный и правый путь Христіанскаго жительства, обрящешь.—Еже же обучатися и прочитати полезныя и нравоучительныя Восточныя Церкви святыхъ учителей сладостныя словеса.—Прочія же тщетныя глумительныя упражненія, наипаче піянства тебѣ удалятися твердо завѣщаю, и сію страсть, яко врага, ведуща на путь широкій пагубы, весьма бѣгай: ибо сіе пристрастіе яко душевная смерть есть, и въ коего человѣка сія страсть внидетъ, въ томъ никакимъ наукамъ, ниже ученію благому вселиться не можно.—Еще долженъ еси, наипаче въ тѣ праздничные дни, памятовати о нищихъ, имъ же въ нарочной ковчезецъ нѣчто отложи, и по времени какова плѣнника, или иного убогаго, гладомъ или наготою страждуща, не взирая, какова той породы и вѣры, произволеніемъ благимъ милостину подаждь, и всяко потщися тѣ освященные дни въ дѣлѣхъ благихъ, Господу Богу угодныхъ, проводити. Къ тому храни себе, во еже какими непристойными или грѣховными забавы оные святые дни не осквернити, и за то гнѣвъ Божій на ся навести.

Не забывай благодати къ себѣ Божіей. Воззри вспять и размысли, какое великое пространство морскихъ путей, разбіенія, запаленія и отъ разбойникъ невредна и цѣла тя Господь ангелы своими святыми сохрани, въ Голландію приведе, и паки коликой его всеможной сохранительной благодати еще себѣ и впредь требуеши, дондеже по многихъ дняхъ возвращенія твоего возможеши во отчину свою придти и насъ родителей и сродниковъ своихъ видѣти. И сей благодати, развѣ единаго точію Всесильнаго Господа Бога, его же недреманное око непрестанно зритъ на человѣческія дѣла и начинанія,—никто отъ смертныхъ человѣкъ тебѣ подати никакоже можетъ. Во вседневномъ же твоемъ обхожденіи съ людьми повелѣваю ко всѣмъ быть учтиву, ласкову и уклонну, смотря по человѣку, смотря обаче, да ни малыхъ знаковъ кичения, ниже неприличныхъ высокостей покажешь.

Егда въ службу себѣ случится тебѣ принять какова человѣка ради ученія языка, гораздо оберегайся и остерегайся, чтобъ тебя чѣмъ прельстивъ и подмѣтя, не обокрали, и того для, кромѣ при тебѣ Русскихъ сущихъ, кои съ тобою отпущены, никакой бы иноземецъ о деньгахъ, при тебѣ обрѣтавшихся, не вѣдалъ. И тѣмъ деньгамъ приходъ и расходъ у себя вели записывать.

Въ денежной раздачѣ поступай такъ посредственно, чтобъ не была чрезмѣрная и непотребная издержка, дабы въ случаѣ замѣшканія отъ меня, или какимъ препинаніемъ до тебе не дойдутъ деньги, не постигла-бъ тебя, будучи въ чужихъ дальныхъ странахъ, кая денежная нужда. А хотя изобильство денежное у тебя явится, держи расходъ свой такимъ поведеніемъ, дабы не въ жестокую скупость тебѣ склонитися; но аще можно, и съ людми на мѣсяцъ въ одномъ мѣстѣ живучи, тебѣ пробыть по 100 ефимковъ, или гулденъ по 150 голландскихъ, и тѣмъ бы по нынѣшнимъ дорогимъ векселямъ мнѣ было сносно и благопріемно, для того что сто ефимковъ нашими русскими деньгами 90 рублевъ, и того въ годъ будетъ больше 1,000 рублевъ.

А тѣ 100 ефимковъ въ мѣсяцъ расположить въ сицевой расходъ:

На пищу общей честной столъ въ полденъ за 3 человѣка, по 15, а въ вечеру—по 10 стиверовъ; итого имѣется въ день 75 стиверовъ, въ мѣсяцъ 2287.

На питье для гостей, иногда случающихся, въ мѣсяцъ стиверовъ 390.

На одежды, шляпы, перуки, чулки, башмаки, рукавицы, бѣлье и прочія мелочи всѣмъ на мѣсяцъ по 50 гульденъ, всѣмъ 600.

За іюнныя различныя при рекреаціи честныя забавы имѣется всего стиверовъ 5000, или гульденовъ 150, то есть 100 ефимковъ добрыхъ.

И въ семъ усмотря по времени, можно въ иномъ убавить, а въ иномъ прибавить, на иные расходы нужные: на покупку книгъ, инструментовъ и иныя потребы держать оставляется, что по сей смѣтѣ удоволится. Тремъ человѣкомъ тѣми 100 ефимками на мѣсяцъ, а на весь годъ 1,200 ефимками жити мочно.

Сей же предѣлъ азъ полагаю не ради обрѣзаннаго твоего расходу, но да научишися посреди преизобильства имѣти правила честнаго удержанія, еже тебѣ будучи господиномъ, дома научитися, какъ въ семъ поступати. Да приходъ твой всегда больше расходу съ остаткомъ, безъ трудныхъ и безчестныхъ долговъ, какъ многимъ случается, будетъ сравненъ; аще же и прилучится приходу въ высшее состояніе, и честно и всѣмъ удивительно прострешься. Паче же внемли, аще ти можно, отъ преизлишняго расходу твоего и ненужнаго сберегись: тогда ти подастся способъ нѣчто убогимъ подати; тогда просвѣтится свѣтъ твой и дивенъ будеши иноземцамъ, и великую милость Господню къ себѣ привлечеши, еже тя не точію во временномъ житіи, но во грядущей вѣчности неизреченнымъ воздаяніемъ нескончаемыхъ благъ срящетъ.

И аще въ сехъ, мною тебѣ предписанныхъ, правилахъ каждое съ достойнымъ вниманіемъ, при житіи воздержномъ и чистомъ, честію вся исправляти потщишися, тогда великое себѣ сокровище, его же никто отъ смертныхъ человѣкъ, ниже кая стихія отъ тебѣ отлучити возможетъ, но присно даже до самыя кончины твоея вѣрно и неотлучно съ тобою пребудетъ.

Сія собранныя сокровища ти будутъ твердыя оружія, ими же можешь себѣ отъ всѣхъ лукавыхъ, видимыхъ и невидимыхъ стрѣлъ, невредна сохранити.

Сими благими науками всю естественну грубость отлучиши; ибо натуральный человѣкъ, произшедшій отъ отца и матери, въ міръ сей ничто же имать. И къ тому да подастъ Господь Богъ тебѣ, моему прелюбезному чаду, духъ премудрости, духъ разума, духъ совѣта, духъ вѣ-

дѣнія и страха Божія, еже азъ отецъ твой и мати и вси сродники твои тебѣ отъ всего сердца своего пріяти желаемъ, и Господа Бога молимъ, да въ пріобрѣтенныхъ ти вболишися наукахъ и нравахъ благочестивыхъ, въ радость и веселіе наше, яко древле въ чистотѣ преславный отрокъ Іосифъ, въ старости отца своего Іакова зря, возвеселися, сего же и мы да сподобимся. Аминь.

LXXXI. О пользѣ наукъ.

(Изъ „Духовной“ Василія Никитича Татищева).

1) Главнѣйшее есть вѣра, въ которой ты хотя часть разговорами посторонне отъ мене наставливанъ, но надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ законѣ Божіи поучаться день и нощь, и ревностно о томъ прилежать, дабы познать волю Творца своего, зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый—есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата, и сребра, и каменія драгоцѣнна; ей же ничто достойно есть. Давидъ говоритъ: „аще бы не законъ твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ“. Къ которому нужно тебѣ со вниманіемъ читать письмо святое, то-есть Библію и катихисмъ, а къ тому книги учителей церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣетъ, Василія Великаго Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго; такожъ печатныя въ наше время: Истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которыя за катихисмъ, а малый Букварь или Юности честное зерцало за лучшее нравоученіе служить могутъ; и сіи всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно; прологи и житія святыхъ въ Минеихъ Четьихъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ искусился и могъ бы довольно разсудить, ибо хотя въ нихъ многія гисторіи въ истинѣ бытія оскудѣваютъ и неразсудному соблазнъ къ сумнительству отъ всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ, однакожъ тѣмъ не огорчайся, но разумѣй, что все оное къ благоугодному наставленію предписано и тщися подражать дѣламъ ихъ благимъ.

Потомъ, когда довольно въ законѣ своемъ научишься, нужно тебѣ и несогласныя нашей восточной церкви книги, яко люторскія, калвинскія и папежскія читать, для того что мы, съ ними всегдашнее обхожденіе имѣя, часто въ разговоры, до вѣры принадлежащіе, входимъ и, если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, то легко обмануться и соблазниться можешь; особливо папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ, ихъ духовныхъ остерегаться и невѣдующему довольно закона съ ними въ такіе разговоры вступать небезопасно для того, что они въ нѣкоихъ церковныхъ признаніяхъ и во многихъ наружныхъ или чиновныхъ обстоятельствахъ, особливо о призываніи святыхъ, поклоненіи иконамъ и постахъ, кажутся весьма къ нашему исповѣданію близки, которыми невѣдущіе закона Божія легко обманываются; на главнѣйшихъ же—такъ далеко, что едва можемъ ли ихъ за христіанъ, а никогда

каѳоликами (какъ они хотятъ именованы быть) почитать и тѣмъ ихъ называть.

Если бы ты сколько довольно въ вѣрѣ не научился, или читаніемъ книгъ разума о вѣрѣ пріобрѣлъ и подлинно нѣкоторыя погрѣшности и неисправы, или излишки въ своей церкви быть возмнилъ; никогда явно ни для какого тѣлеснаго благополучія отъ своей церкви не отставай и вѣры не перемѣняй, ибо никто безъ нарушенія чести того учинить не можетъ; ниже въ жестокія или упрямыя пренія съ единовѣрными вдавайся, опасаясь, чтобъ у людей злого мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразумныхъ можешь и претерпѣть, въ чемъ я тебѣ себя въ примѣръ представляю; я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сумнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ единою въ разговоръ или преніе вступалъ, но потому что я нѣкогда о избыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ закона Божія, токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не токмо за еретика, но и за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ; токмо до днесь благодатію Божіею и великодушіемъ, презрѣвъ такія клеветы и злонамѣреніе ихъ терпѣливостью преодолѣлъ, лицемѣрнымъ поступкамъ и фарисейскимъ ученіямъ не послѣдовалъ; тако и тебѣ совѣтую со всевозможнымъ прилежаніемъ отъ того охраняться, и сіе есть главное въ твоей жизни.

2) Весьма жъ нужно тебѣ доучаться и о свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее—право и складно писать, затѣмъ ариѳметику и геометрію и хотя малую часть инженерства, что тебѣ необходимо нужно; для извѣстія о состояніи государства нашего—гисторію русскую, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь и ко оной примѣчанія и дополнки, изъ чужестранныхъ книгъ выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать и какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребить; географіи русской, которую всему шляхетству русскому знать нужно, ея никто не сочинилъ и я хотя много о томъ трудился, но доканчать не надѣюсь, ибо того безъ помощи государя никакъ сдѣлать не можно; однакожъ ты изъ сочиненнаго мною распорядка можешь довольно ея пользу познать.

Необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества и для того конечно во младости надобно тебѣ уложеніе и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе неоднова, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы, какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипаче же объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и посторонних дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать и порядкамъ, якоже и толкованію законовъ (не меньше же и коварства ябедническія познавать, а не дѣлать) научиться, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ.

LXXXII. Изъ «Разговора о пользѣ наукъ и училищъ» Татищева.

Вопросъ. Мой государь! я, видя ваши поступки съ вашимъ сыномъ, котораго вы хотя одного имѣете, но не пожалѣли въ такъ молодыхъ лѣтахъ отъ себя отлучить и въ чужестранныя училища послать, прихожу въ недоумѣніе, какую бы вы изъ того пользу имѣть чаяли: ибо, по моему мнѣнію, въ дѣтяхъ намъ наибольшая есть польза, когда ихъ въ очахъ имѣемъ, по нашей волѣ содержимъ, наставляемъ и ими веселимся; противно же тому отлуча онаго и не всегда вѣдая о состояніи его, а паче о благополучіи сумнѣваяся, въ страхѣ и печали пребывать и онаго ищемаго увеселенія добровольно лишиться нужно.

Отвѣтъ. Любезный мой друже! вы мнѣ положили вопросъ, видится, противо вашего благоразумія, и что вы о увеселеніи отъ дѣтей полагаете, оное токмо видимое, а не истинное; истинное бо увеселеніе въ дѣтяхъ есть разумъ и способность къ пріобрѣтенію добра, а отвращенію зла: разумъ-же безъ наученія и способность безъ привычки или искусства пріобрѣтена быть не можетъ; итакъ, чтобъ разуменъ былъ, надобно ему прежде учиться; если же того съ младенчества не пріобрѣтетъ, то онъ, въ природной злости и невѣжествѣ остався, буйствомъ и непорядками всегдашнюю печаль и страхъ вѣчной погибели; противно же тому, во младенчествѣ малымъ отлученіемъ опечаля, разумомъ науки вѣчное увеселеніе приносить будетъ.

Вопросъ. Ваше, государь мой, разсужденіе изрядно, токмо мнѣ сумнительно, чтобъ подлинно благополучіе человѣка въ наукѣ состояло: ибо приклады видимъ довольные, что неученые въ великомъ благополучіи, богатствѣ и славѣ, а ученые въ убожествѣ и презрѣніи находятся.

Отвѣтъ. Вы повидимому истину сказали, и намъ такъ всегда со стороны кажется, что кто въ богатствѣ и славѣ живетъ, тотъ въ совершенномъ благополучіи живетъ, токмо въ томъ весьма ошибаемся: ибо ежелибъ на ихъ внутреннее состояніи посмотрѣли, тобъ конечно иначе разсуждали и суще нашли бы, что оные отъ недостатка разума всегда тѣмъ, что они есть и что имѣютъ, недовольны, но всегда большаго, чести или увеселенія или богатства, желая, а довольно никогда получить могуще, непрестанно совѣстію мучася въ безпокойствѣ пребываютъ; противно же тому разумный человѣкъ, не взирая на другихъ объ немъ мнѣнія, самъ всѣмъ доволенъ и совѣстію спокоенъ, а когда оное пріобрѣлъ, то ему равно какъ бы онъ всея земли владѣтель былъ.

Вопросъ. Сіе хотя правда, что благоразумный человѣкъ и въ убожествѣ довольнѣе, нежели глупый въ богатствѣ и чести, но я васъ прошу прежде мнѣ сказать: что́ есть наука?

Отвѣтъ. Наука главная есть, чтобъ человѣкъ могъ себя познать.

Вопросъ. Сія отповѣдь приводить меня въ недоумѣніе, ибо не мню, чтобъ человѣкъ, какъ бы оной глупъ ни былъ, да себя не зналъ.

Отвѣтъ. Правду вы сказали, что онъ можетъ имя свое знать и чувствами внѣшнее, а не внутреннее познавать,—да сіе недовольно.

Вопросъ. Что́ есть внутреннее знаніе?

Отвѣтъ. Я не хощу васъ отягощать знаніемъ свойства и состоянія человѣка, что онъ состоитъ изъ вѣчнаго и временного, т. е. души и тѣла, и въ чемъ силъ оныхъ разность находится; но кратко скажу: еже знати, что добро и зло (Бытія, гл. 3, ст. 5), т. е., что ему полезно и нужно, и что вредно и непотребно.

Вопросъ. Вашъ отвѣтъ не то же ли значитъ, что Адаму діаволъ черезъ змію сказалъ: когда снѣсте отъ древа заповѣднаго, то познаете добро и зло, но понеже тѣмъ познаніемъ Адамъ погрѣшилъ, то конечно и намъ ко спасенію быть не можетъ.

Отвѣтъ. Здѣсь не слова, не разность состоянія и слѣдствія разумѣть должно. Адамъ бо отъ Бога созданъ совершенъ и всего добра преисполненъ, а злу непричастенъ, и для того ему зла знать было не нужно и не можно; но діаволъ, закрывая обманъ, упомянулъ добро, а прельстя его открылъ ему едино зло, которое и намъ за его преступленіе или поврежденіемъ природы «пріискренне стало; намъ же надлежитъ прилежать», чтобъ мы, зная разницу добра и зла, первое пріобрѣсти, а другое избѣжать могли, и сіе именуемъ премудрость, чрезъ что познаваемъ всемогущество и власть Божію, а наше несовершенство, какъ то насъ Соломонъ учитъ (Притчи, гл. 2, ст. 6; Еклез., гл. 7, ст. 13); еже премудрость даетъ животъ, т, е. вѣчный, и есть истинный способъ ко избавленію грѣха, обоихъ же сихъ есть начало познаніе Бога

Вопросъ. Я не знаю, кому вѣрить: апостолъ Павелъ говоритъ, что премудростью не разумѣ міръ Бога (1 Кор., гл. 4, ст. 27), а ты сказываешь, что премудростію познать Бога?

Отвѣтъ. Павелъ не о той премудрости говоритъ, о которой Соломонъ: той бо ясно толкуетъ, что мудрованіе тѣлесное ни на что полезно, а мудрованіе духовное на все полезно (Римл., гл. 8, ст. 6), зане, тѣмъ собственное наше добро или благо познавъ, можемъ благополучны быть, яко тоже Павелъ изъясняетъ, глаголя: „хощу васъ мудрымъ убо быти во благое (гл. 16, ст. 19)“, и хотя бы о пользѣ міромудрія могъ обстоятельнѣе изъяснить, но за краткость времени оставляю.

Вопросъ. Я еще хочу васъ спросить, что я отъ многихъ духовныхъ и богобоязненныхъ людей слыхалъ, еже науки человѣку вредительны и пагубны суть; они сказываютъ, что многіе, отъ науки заблудя, Бога отстали, многія ереси произнесли и своимъ злымъ сладкорѣчіемъ и толками множество людей погибли; къ томужъ показываютъ они отъ письма святого, что премудрость и философія за зло почитаема, а особливо представляютъ слова Христовы, что скрылъ Богъ таинство вѣры отъ премудрыхъ и разумныхъ, а открылъ то младенцомъ, т. е. неученымъ: апостолъ Павелъ показуетъ написаніе, что Богъ хощетъ погубить премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергнуть, еже премудростію не разумѣ міръ Бога, и въ другихъ мѣстехъ болѣе, а особливо о философіи сказуетъ: блюдитеся, да не кто васъ будетъ прельщать философіею и пр., буйство же или простоту онъ на многихъ мѣстѣхъ похваляетъ; акожде многіе святые отцы философію вредительною вѣры имянуютъ и учиться запрещаютъ.

Отвѣтъ. Что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, ученики и апостолы, и по нихъ святіи отцы противо премудрости и философіи говорили, оное намъ довольно извѣстно, но надобно разумѣть, о какой премудрости и философіи они говорятъ, а не просто за слова хвататься; напримѣръ,

объяденіе, піянство и т. под. жестоко запрещено, зане все оное себѣ самому вредительно и губительно; пища же и вина питіе съ разумомъ, не токмо не запрещено, но и допущено и закономъ Божіимъ намъ яко нуждное и полезное опредѣлено и похвалено; если токмо оное съ мѣрностію къ славѣ Божіей и предписанной въ естествѣ пользы безъ избыточества употребляемъ; равномѣрно сему нуждно въ любомудріи или философіи разницу разумѣть, и къ познанію Бога, якоже и къ пользѣ человѣка нужная философія не грѣшна, толико отвращающая отъ Бога вредительна и губительна и суще если кто философію языческую въ томъ намѣреніи учитъ, чтобъ истинное письмо святое въ сумнѣніе и въ невѣроятность привести, или читая неразсуднѣ явные отъ святого письма доказательства оставя, будетъ языческой вѣрить, что тварь самобытна, душа изъ тѣла въ тѣло переходитъ, или душа человѣческая отъ души міра участіе есть и по смерти туда возвратится, чимъ воскресеніе отрѣшается, и пр. т. под. Таковому во-истину философія погибель, да сіе не въ философіи, но въ собственномъ состояніи сущая причина, какъ то многіе читая письмо святое въ разныя погибельныя мнѣнія впадаютъ; о разности же полезной и о вредѣ языческой философіи апостолъ Іаковъ во главѣ 3-й описуетъ, а въ новой благодати Господь самъ обѣщеваетъ намъ премудрость и разумъ; Богъ же благодать свою и премудрость подаетъ не всякому безъ посредства: посредство же есть ученіе и наставленіе искусныхъ и благоразумныхъ людей. Если же бы кто вѣрилъ безъ посредства вѣру и премудрость всякому получать, вѣрилъ бы безразсудно, ибо сіе токмо тогда Богъ изъяснилъ, а потомъ и самъ Господь посредство апостольскимъ ученіемъ и наставленіе всѣхъ употребилъ; святіи же отцы, которыхъ мы наибольшими учительми по апостолѣхъ почитаемъ и отъ нихъ неоцѣненную пользу спасенія пріобрѣли, всѣ другихъ языковъ и многіе философіи научены были, а особливо святый апостолъ Павелъ видимо, что языческую философію училъ или по малой мѣрѣ книги читалъ, зане въ его посланіяхъ многія изъ философскихъ книгъ доказательства истины правоученія, наставленія и причины писаны; по немъ же Діонисій Ареопагитъ, Игнатій Богоносецъ, Іустинъ мученикъ, Аѳиногоръ, Ѳеофилъ Антіохійскій, Татіанъ и другіе, которые самыхъ апостолъ вѣру пріяли, довольно философіи учены были. А запрещающіе оную учить суть или самые невѣжды и невѣдущіе въ чемъ истинная философія состоитъ, или злоковарные нѣкоторые церковнослужители, и для утвержденія ихъ богопротивной власти и пріобрѣтенія богатствъ вымыслили, чтобы народъ былъ неученый и ни о коей истинѣ разсуждать имущій, но слѣпо бы и раболѣпно ихъ разсказамъ и повелѣніямъ вѣрили, наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣріи прилагали, для котораго они не постыдились противу точныхъ Христовыхъ словъ, еже письмо святое, въ которомъ мы уповаемъ животъ вѣчный пріобрѣсти, не токмо читать, но испытывать, т. е. толковать повелѣлъ; папы оное читать запретили и еще тяжчае того толковали, якобы читающіе оную въ умѣ повреждались, которое самъ ты можешь разсудить, колико съ правымъ божественнымъ ученіемъ сходно. Однакожь онымъ епископамъ римскимъ сіе довольно удалось, ибо они чрезъ то такую власть возымѣли, что чрезъ слѣпое народа къ нимъ послушаніе государей съ престола свергали, под-

данныхъ отъ рабства и послушанія присяги ихъ разрѣшали, не токмо рабовъ противо государя, но дѣтей противъ родителей и государей своихъ воевать принуждали, цесарю на шею ногою становились или у дверей босо и безъ одежды просить прощенія принуждали, какъ то читаемъ о цесаряхъ Фридрихѣ Барбаросѣ и Гендрихѣ, какіе же чрезъ то великіе богатства себѣ пріобрѣли, то едва вѣрить возможно. Да и у насъ патріархи такую же власть надъ государи искать не оставили, какъ то Никонъ съ великимъ вредомъ государства началъ было, за которое судомъ духовнымъ чина лишенъ и въ заточеніе сосланъ, и хотя по смерти царя Алексѣя Михайловича, собесѣдникъ его Симеонъ Полоцкій, учитель царя Өеодора Алексѣевича, провелъ государя на то, чтебы Никона паки взять на престолъ и именовать папою, Іоакима же патріарха оставить при томъ же титулѣ, и еще вмѣсто митрополитовъ трехъ патріарховъ прибавить; но все оное противъ ихъ труда смерть Никонова пресѣкла, а Петръ Великій путь къ тому уставомъ церковнымъ и учрежденіемъ Сѵнода заперъ.

Что же точно ереси и еретиковъ принадлежитъ, то вамъ объявляю, что ересь слово греческое, по русски значитъ расколъ или разорваніе въ какомъ-либо согласіи, еретиковъ-же можемъ двояко разумѣть и суще одни глупые и неразсудные или ничего о сущей вѣрѣ разумѣющіе, слыша кого благоразсудно о вѣрѣ толкующаго, а суевѣріе отвергающаго, и за то что оной не согласно съ его глупымъ мнѣніемъ, несмотря что оное сходно со основательнымъ ученіемъ и истиною, тотчасъ еретикомъ и еще безбожникомъ имянуютъ и, отъ злости присовокупя лжи, другимъ равнымъ себѣ клевещутъ, а если сила ихъ не оскудѣваетъ, то проклинать, мучить и умертвить противо Закона Божія не стыдятся, какъ я выше Вамъ о древнихъ идолопоклонникахъ и папахъ сказалъ. Другіе-же сущіе ересіархи и зловѣрія производители, сіе правда, что сущій простакъ произвести неспособенъ, но надобно, чтобы былъ ученой, а по малой мѣрѣ читатель книгъ и довольно острореченъ, коваренъ и къ изъясненію наружнаго благочестія или лицемѣрства способенъ, дабы могъ то свое злонамѣреніе другимъ внятно и вѣроятно представить и хотя неправыми, но накланяемыми и за волосы натягаемыми доводы людемъ суевѣрнымъ растолковать, а истинное ученіе въ оное разумѣніе или сумнительство превратить и, оное въ мыслѣхъ суевѣрныхъ неукъ утвердя, ими овладать, простой же и неученый, но паче суевѣрный народъ, принявъ за истину, вѣрятъ и послѣдуютъ какъ то о многихъ древнихъ еретическихъ начальникахъ въ гисторіи и церковной и свѣтской обрѣтаемъ.

У насъ нѣкоторый выбранный изъ плутовъ плутъ распопа Аввакумъ новую ересь имянующихся старовѣровъ, а паче пустовѣровъ произнесъ и простой народъ въ погибель привелъ, потомъ изъ сего же одинъ плутъ древнюю ересь, взгорѣвъ, безпоповщиною именовалъ и закономъ Божіимъ бракъ повелѣнный за грѣхъ и сквернодѣяніе поставилъ и паки недавно произнесенная и вскорѣ искорененная богомерзкая ересь христовщины вамъ свидѣтельствуютъ, что не токмо отъ истиннаго философа, ниже отъ благоразумнаго человѣка произнесены и приняты быть могли, но всѣ плутами начаты, а въ невѣждахъ разсѣяны, ибо благоразумный легко можетъ видѣть, что всѣ сіи никоего основанія изъ письма святаго не имѣютъ, и всѣ преніи ихъ большею частію до вѣры не принадлежатъ,

токмо оные единымъ закоснѣніемъ въ сердцахъ ихъ толико замерзѣли, что за оное якобы за истинную правду умирать готовы. Того ради вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество Петръ Великій во всѣхъ епархіяхъ повелѣлъ училища устроить и на оное яко Богу и человѣкомъ полезное, безплодно погибаемые доходы монастырей употребить, въ чемъ и преосвященные архіереи толико должность и вѣрность свою изъявили, что (какъ слышу отъ нѣкоторыхъ) всѣ свои излишніе доходы (которые прежде на роскошь и обогащеніе родственниковъ, свойственниковъ, противъ ихъ обѣщанія и присяги, употребляли) на училища и обученіе убогихъ младенцевъ употребляютъ и многихъ уже обучили: хотя мнѣ того видѣть не случилось, однакожь, взирая на ихъ должность и любовь къ Богу и ближнему, вѣрю, что правда есть или быть можетъ.

Вопросъ. Я о семъ, яко до церкви принадлежащемъ, оставлю далѣе вопрошать, но слышу, что свѣтскіе и люди въ гражданствѣ искусные толкуютъ, якобы въ государствѣ чѣмъ народъ простяе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, а отъ бунтовъ и сметеній безопаснѣе, и для того науки распространять за полезно не почитаютъ.

Отвѣтъ. Я вѣрю, что вы то слыхали, да не вѣрю, чтобы отъ благоразумнаго политика, или вѣрнаго отечеству сына, на паче мню отъ неразсуднаго или махіавелическими плевелы насѣяннаго сердца произнесено; благоразсудный же политикъ всегда сущею истиною утвердить можетъ, что науки государству болѣе пользы, нежели буйство и невѣжество принести могутъ. Я вамъ прежде говорилъ, колико науки полезны, а незнаніе или глупость какъ самому себѣ, такъ малому и великому обществу вредительно и бѣдно. Ты разсуди самъ, что по природѣ всякій человѣкъ, каковъ бы ни былъ, желаетъ: 1) умнѣе другихъ быть и чтобы отъ другихъ почтеніе и любовь имѣть; 2) какъ всякому необходимо помощь другихъ нужна, такъ онъ тѣхъ помощниковъ, яко жену, друзей и совѣтниковъ, ищетъ умныхъ и къ принесенію пользы ему способныхъ; зане сіи не въ состояніи всѣмъ намъ потребныя услуги приносить; того ради прилежитъ человѣкъ, если можно, умныхъ, вѣрныхъ и способныхъ служителей имѣть, понеже на умнаго друга болѣе можетъ надѣяться, что онъ ему въ недознаніи добрый совѣтъ и помощь подастъ, а служитель умный все повелѣнное и желаемое съ лучшимъ разсужденіемъ и успѣхомъ, нежели глупый, произведетъ и совершитъ, а въ случаѣ и совѣтъ или помощь подать способенъ; но въ ономъ наипервѣе собственный разумъ долженъ преимуществовать, дабы какъ о другѣ и помощникѣ, такъ и о рабѣ могъ по состоянію каждаго разсудить, какая отъ кого польза быть можетъ, и потому онаго употреблять, яко иной способенъ на разсужденіе, другой къ оборонѣ, инъже къ трудамъ и работамъ.

Разумный человѣкъ чрезъ науки и искусство отъ вкоренившихся въ его умѣ примѣровъ удобнѣйшую понятность, твердѣйшую память, острѣйшій смыслъ и безпогрѣшное сужденіе пріобрѣтаетъ, а чрезъ то всякое благополучіе пріобрѣсти, а вредительное отвратить способнѣе есть; онъ совѣты и представленія испытуетъ и по обстоятельству вещей поемлетъ, прежнія же дѣянія и случаи отъ памяти взявъ, съ настоящимъ уподобляетъ и, все благоразсудя, опредѣляетъ, неправильнымъ и впредь вредительнымъ не прельщается, безстрашныхъ обстоятельствъ не боится и,

на отвращеніе страха мужественно поступая, отрѣваетъ и побѣждаетъ, въ радости и счастіи не превозносится и оному не вѣритъ, а въ несчастьи не ослабѣваетъ, бѣды же и горести великодушіемъ преодолѣваетъ и, своимъ довольствуяся, чужого не ищетъ; противно же тому невѣдѣніе всякимъ неправильнымъ совѣтамъ и предлогомъ прельщаяся вѣритъ, но вскорѣ узнаваетъ, что обманъ есть; онъ сущаго страха не боится, а гдѣ нѣсть страха—трепещетъ, въ печали и радости не умѣренъ, въ счастіи и несчастіи непостояненъ и во всѣмъ, вмѣсто пользы, наноситъ себѣ вредъ,—и ся есть разница между ученымъ и не ученымъ.

И хотя сіе единственномъ человѣкѣ говорено, но по сему можешь и о цѣлыхъ народахъ или государствахъ разсуждать, особливо если хочешь обстоятельно знать, прочитай гисторіи древнихъ временъ, увидишь многихъ народовъ и государствъ примѣры, что отъ недостатка благоразумнаго разсужденія разорились и погибли, которыхъ память токмо на бумагѣ осталась; да почто о другихъ читать? довольно своего государства горесть воспомнить, что послѣ Владиміра Второго отъ неразумія князей и потомъ по смерти царя Ѳедора Іоанновича до воцаренія царя Михаила Ѳеодоровича произошло, что едва имя Россійское въ конецъ не погибло; что же касается до бунтовъ, то вы сами можете сказать, что никогда никаковъ бунтъ отъ благоразумныхъ людей начинанія не имѣлъ, но, равномѣрно ересямъ, отъ коварныхъ плутовъ съ прикрытіемъ лицемѣрнаго благочестія начинается, которой междо подлостію разсѣявъ, производятъ, какъ то у насъ довольно прикладовъ имѣемъ, что рѣдко когда шляхтичъ въ такую мерзость вмѣшался, но болѣе подлость яко Болотниковъ и Боловня холопи, Заруцкой и Разинъ казаки, а потомъ стрѣльцы и чернь всѣ изъ самой подлости и невѣжества. Если же генерально о государствахъ сказать, то видимъ, что турецкой народъ предъ всѣми въ наукахъ оскудѣваетъ, но въ бунтахъ преизобилуетъ, въ Европѣ же, гдѣ науки процвѣтаютъ, тамо бунты неизвѣстны; сего ради многіе благоразумные государи неусыпно о распространеніи наукъ прилежали, какъ то: видимъ во Франціи Генрикъ IV и Лудовикъ XIV, въ Англіи—Генрикъ VIII и Елизавета, въ Испаніи—Карлъ I, въ Швеціи—Уставъ и Крестина, въ Россіи—Петръ Великій, если не всѣхъ оныхъ превосходитъ.

Вопросъ. Хотя вы на вопросъ мой пространно мнѣ о безопасности отъ наукъ показали, но сіе видится принадлежитъ токмо до знатныхъ или шляхетства, мой же вопросъ былъ о подлости.

Отвѣтъ. Мой государь, прошу мнѣ оную вину, что я не внятно выразумѣлъ, отпустить, ибо подлинно то разумѣлъ о шляхетствѣ, а понеже шляхетство въ государствахъ почитается за природное войско, которыхъ должность отъ самаго возраста до старости государю и государству, не щадя здравія и живота своего, служитъ, за которое они всѣмъ протчимъ станамъ предпочтены и владѣніями земскими, т. е. вотчинами награждены, чего купечеству и крестьянству, якоже и протчимъ нешляхетнымъ имѣть, почитай во всѣхъ Европейскихъ гусударствахъ, доднесь запрещено, а если кто по случаю нешляхетный вотчины получитъ, таковые сверхъ положенныхъ на шляхетскіе вотчины податей повинны нѣкоторую часть отъ ихъ доходовъ въ казну гусударственную платить, доколѣ они совершенно въ тотъ станъ отъ высшей власти введены и жалованною граматою утверждены будутъ. Сей политическій вымыслъ есть весьма

изрядный, чтобы болѣе въ войскѣ служить охотниковъ и способныхъ воеводъ, якоже и совѣтниковъ и градоправителей искусныхъ было, и для того я примѣръ о совѣтникахъ и служителяхъ употребилъ, а теперь скажу объ оныхъ подлыхъ.

Хотя противо непріятелей государство защищать и оборонять напредъ сего должность была общая всего народа и всѣ совокупно на войны ходили, но потомъ, какъ гражданство, купечество и земледѣльство за нужное и полезное въ государствѣ пріято, тогда оныхъ въ покоѣ оставя, особныхъ людей ко оборонѣ и защищенію государства опредѣлили; но сіи были двоякіе: одни должны были наслѣдственно къ войнѣ пребывать и для того индѣ всадники или конница, у насъ же дворяне, яко придворные воины, у поляковъ шляхта отъ шляха или путь именованы, зане всегда въ походы должны быть готовы, другіе подлые, яко казаки и пр. и сіи болѣе пѣхотное, но не наслѣдственно; дѣти бо ихъ могли иное пропитаніе искать, какъ то отъ гисторей другихъ государствъ и нашихъ видимъ, и для того о умноженіи сего полезнаго стана государи прилежно старались, какъ то царь Алексѣй Михайловичъ нѣсколько тысячъ гусаръ, рейтаръ и копейщиковъ, «собранныхъ перво изъ крестьянствъ и убожества», по прекращеніи польской войны, деревнями пожаловалъ и «въ дворянство причелъ», отъ того въ крымскомъ походѣ 1689 одного шляхетства болѣе 50, 000 считялось; въ началѣ же шведской войны близъ двадцати полковъ драгунскихъ изъ дворянства набрано и во всей пѣхотѣ офицерствомъ наполнено было, затѣмъ великая часть въ услугахъ гражданскихъ употреблялась, а изъ служителей дворовыхъ пѣхота была устроена; но чрезъ оную и другіе такъ тяжкіе и долголѣтніе войны такъ шляхетства умалилось, что вездѣ сталъ недостатокъ являться, и для того нужда позвала изъ крестьянства въ солдаты, матрозы и другіе подлые службы брать. А какъ многократно случается, что на благоразсудности одного солдата цѣлой арміи благополучіе или безопасность зависитъ, отъ глупости великой вредъ можетъ произоити, и для того нуждно, «чтобы солдаты были благоразсудные, тако же нуждно» есть, чтобы всякій солдатъ о томъ мыслилъ и прилежалъ, чтобы въ оберъ и штапъ-офицеры дослужиться, для котораго ему необходимо нуждно всѣ свои поступки благоразсудны и порядочны имѣть и во исполненіи должности прилежну и бодру быть, изъ чего не токмо ему собственно, но и государству польза происходитъ, а понеже неумѣющему грамотѣ къ полученію онаго путь пресѣченъ, слѣдственно же желаніе и снисканіе онаго пресѣкается и отъ него желаемая польза не благонадежна. Да ежелибъ такой нашелся, что токмо писать и читать наученъ былъ и въ нижнихъ чинахъ бывъ за страхъ наказанія благонравіемъ себя къ произвожденію удостоилъ; но вышедъ изъ-подъ палки и не разумѣя, что изъ противныхъ благонравію поступковъ собственный ему вредъ и бѣда происходитъ, весьма инаго и непотребнаго состоянія явится, каковыхъ мы прикладовъ съ немалою досадою довольно видимъ, если-бы же и того не было, но не имѣя другихъ полезныхъ наукъ, за недостаткомъ искуснѣйшихъ или по старшинству до полковничества произошелъ, то какой пользы отъ него надѣятся или нужную команду, гдѣ болѣе на разсужденіи, нежели на инструкціи зависитъ, поручить ему безъ опасности возможно, но паче мню, что такой и капитаномъ не безъ опасности быть можетъ, ибо по его чину судъ и расправа на немъ зависитъ и много-

кратно въ партіяхъ, заставахъ и посылкахъ не малое по его благоразсудномъ поступкѣ зависитъ. Да еще болѣе вредъ отъ неученія народа, что наши духовные или церковно-служители, которыхъ по закону Божію должность въ томъ состоитъ, чтобы невѣдущихъ закону Божію поучали и наставляли, съ горестію видимъ, что у насъ столько мало ученыхъ, что едва между 1000 одинъ сыщется, чтобы законъ Божій и гражданскій самъ зналъ и подлому народу оное внятнымъ поученіемъ внушить и растолковать могъ, что убивство, грабленіе, ненависть, прелюбодѣйство, піянство, обжорство и т. п. не токмо по закону Божію смертельный грѣхъ, но и по природѣ самому вредительно и губительно, ибо безъ отмщенія или наказанія никогда преходитъ, законъ же гражданскій по обличенію на тѣлѣ или смертію казнитъ; но они, оставя оную внутреннихъ добродѣтелей нужду, человѣческимъ преданіямъ и внѣшнимъ благочестіямъ поучаютъ, отъ сего у насъ такъ множество коварныхъ и душевредныхъ ябедъ въ судахъ, лихоимствъ и неправдъ, разбоевъ, убивствъ, грабленій и пр. происходитъ, что намъ иногда, на благонравіе другихъ взирая, стыдно о себѣ и своихъ говорить, да еще того горше, что такіе неучи и невѣдущіе закона Божія оныхъ тяжкихъ злодѣяній и въ грѣхъ не ставятъ, а если и признаетъ за грѣхъ, то онъ въ довольное умилостивленіе Бога поставляетъ, когда свѣчу иконѣ поставитъ, икону сребромъ обложитъ, не мясо, но рыбу ѣстъ и на покаяніи попу за разрѣшеніе гривну дастъ, то уже думаетъ, что ему грѣхъ оный отпущенъ, и впредь въ той же надеждѣ на дальшее поступаетъ. Противно же тому видимъ, какъ въ другихъ науками цвѣтущихъ государствахъ таковыхъ злочестій весьма рѣдко слышатся, почему надѣяся, что оное лживое разглашеніе отвержешь, а о наученіи и самой подлости со мною согласишься.

Вопросъ. Я хотя васъ сначала спрашивалъ, что̀ наука есть, на которое вы сказали, что знать добро и зло; но по многомъ разговорѣ отъ того отдалились; того ради прошу, чтобъ мнѣ обстоятельно сказали, чего человѣку учиться нужно?

Отвѣтъ. Я вамъ прежде сказалъ, что нужно человѣку о томъ прилежать, чтобъ въ совершенство придти и оное сохранить пребываніе, елико по естеству возможно продолжить удовольствіе, а потомъ и спокойность пріобрѣсти, по которымъ и науки суть разныхъ свойствъ и качествъ, и хотя всѣ ихъ подробну толковать „весьма пространно и въ великую книгу умѣстить не можно“: однако-жъ я вамъ кратко скажу: „въ началѣ науки раздѣляются у философовъ по объявленнымъ свойствамъ сугубо“: душевное Богословія и тѣлесное философія. По первому къ совершенству, а наипаче нужно прилежно стараться, чтобъ память, смыслъ и сужденіе въ доброй порядокъ привести и сохранить. Другое внѣшнее, какъ вамъ прежде сказалъ, еже душа съ тѣломъ толико связаны, что отъ поврежденія тѣлесныхъ членовъ повреждаются и силы ума, того ради нужно и о внѣшнихъ прилежать, дабы ни одинъ членъ изъ надлежащаго природнаго состоянія не выступилъ или не повредился, а по сему и пр. разумѣть можно.

Другое же раздѣленіе есть моральное, которое различествуетъ въ качествѣ, яко: 1) нужныя, 2) полезныя, 3) щегольскія или увеселяющія, 4) любопытныя или тщетныя, 2) вредительныя; но при томъ нѣкоторыя и по стану или состоянію человѣка могутъ быть нужны или полезны.

Вопросъ. Которыя науки нужныя?

Отвѣтъ. Какъ человѣкъ изъ двухъ разныхъ свойствъ, т. е. души и тѣла, состоитъ, такъ и его и науки по свойствамъ оныхъ раздѣляются, но понеже тѣлесные наипервѣе начинаются, того ради о сихъ прежде скажу, а оными заключу.

Тѣлесныя науки, по вышеобъявленному, нужны къ совершенству: 1) реченіе, которымъ мы предъ прочими животными преимуществовать не пщуемъ; въ недостаткѣ бо реченія ни совершенъ, ни доволенъ, слѣдственно спокоенъ человѣкъ быть не можетъ.

2) Къ пребыванію нужно учиться, чѣмъ бы плоть свою и свой родъ содержать и сохранить, для котораго по природѣ намъ нужно, какъ прежде сказалъ, о имѣніи и пищѣ, одеждѣ и жилищъ спокойномъ прилежать, оныя добрыми и правильными способы пріобрѣтать, а пріобрѣтенное съ добрымъ порядкомъ употреблять и хранить, дабы въ случаѣ нечаяннаго недостатка нужды не терпѣть, и сіе имянуется домоводство, гречески: экономіа.

3) „Прежде вамъ изъяснилъ“, что пища и питіе непотребная или и лучшее, да надмѣрно употребляемо наноситъ намъ болѣзни, а изъ того происходитъ прекращеніе пребыванія или смерть и, хотя не знающіе силы часто больного прилежатъ пищею укрѣпить, но тѣмъ многократно убиваютъ. И для того намъ нужно прилежать о знаніи качествъ и употребленій количествъ брашенъ, дабы мы могли здравіе, слѣдовательно пребываніе или жизнь продолжить, а по утраченіи здравіе возвратить, которая наука именуется врачество или медицина.

4) Къ спокойности тѣлесной и душевной нужно человѣку со младости обучиться, чтобъ могъ себя отъ враждующихъ и нападствующихъ сохранить и обидѣть себя не допустить, но понеже человѣкъ по естеству на зло склоненъ и часто своими непристойными поступки и обидами другихъ на отмщеніе себѣ возбуждаетъ, слѣдственно самъ себѣ бѣды и пакости наноситъ: того ради нужно самому перво научиться себя такъ содержать, чтобъ никому досады, не токмо обиды не учинить, и въ томъ крайне прилежать, о чемъ „въ правилахъ закона естественнаго“ довольно показано, и сіе называется нравоученіе: „оборона же и мщеніе правильное по закону намъ не возбраняется“; но зане мы живемъ подъ закономъ и собственныя обороны или отмщенія для общаго спокойства запрещены и обидителямъ наказанія, а обиженнымъ награжденія предписаны: того ради должно намъ не токмо законы божественные яко естественны, библически, церковный и гражданскій своего отечества знать, но и силу законодавца внятно и благоразсудно разумѣть и по онымъ поступать. Сія наука именуется законоученіе, а къ тому еще, наипаче же шляхетству, нужно обучаться оружіемъ себя, яко шпагою, пистолетомъ и пр. оборонять, зане сей станъ особливо для обороны отечества и отвращенія общаго вреда устроенъ.

5) Что до души принадлежитъ, то хотя такъ бы надлежало думать, что оная, яко духъ, никоего обученія не требуетъ, какъ прежде говорено; однакожъ надобно о томъ трудиться, чтобы члены, чрезъ которые она силы свои изъявляетъ и движенія производитъ, „чрезъ частое къ порядочному движенію и привычкѣ въ дѣйство приводитъ“, чтобъ отъ внѣ представленные правильно поять, твердо въ памяти содержать, по-

добности и слѣдствія смысловъ изображать и правильно судить, на что особливая наука логика съ пользою устроена.

6) И послѣднее нужно человѣку о спокойности души паче всего прилежать, дабы въ жизни непотребными и вредительными отъ необузданной воли попеченіями не отягощать, а паче бы о будущемъ и вѣчномъ, нежели о настоящемъ и тлѣнномъ совершенствѣ, пребываніи „и угобженіи“ прилежать; но сіе не можетъ совершенно быть прежде, какъ человѣкъ, яко тварь познаетъ Творца и Господа, которое всякому по природѣ возможно, если токмо внятно помыслить. Что же свойствъ или обстоятельствъ Божіихъ касается, то нашъ умъ не въ состояніи о томъ внятно разумѣть, да и нужды нѣтъ, ибо довольно, что я знаю и вѣрю его быть всѣхъ вещей Творца и Господа, и вѣрить, что Онъ единъ вѣчный и безлѣтный, всемилостивый и всевѣдущій и всюду присуственный, все что есть отъ Него и въ Его волѣ состоитъ; безъ воли же Его ничто сотвориться можетъ, но къ тому нужно намъ волю Его знать, которая въ Его Божественныхъ законахъ предписана, и прилежать елико возможно оное исполнить, а запрещеннаго имъ, хотя намъ по неразсудности иногда видится пріятное, но по учиненіи вредительное и губительное, онаго воздержаться и бѣжать; и сіе ученіе именуется богословія. Сіи науки, яко душевно, тако и тѣлесно весьма намъ нужны, ибо отъ неискусства или незнанія въ нихъ заключающагося пользы и вреда благополучными быть и спокойности пріобрѣсти не можемъ.

Вопросъ. Которыя науки полезныя?

Отвѣтъ. Полезныя тѣ, которыя до способности ко общей и собственной пользѣ принадлежатъ и суть многочисленныя: между всѣми полезными науками письмо есть первое, чрезъ которое мы прошедшее знаемъ и въ памяти хранимъ, съ далеко отстоящими, тамъ какъ присудственно говоримъ и еще иногда лучше, нежели языкомъ мнѣніе наше изобразить можемъ; и хотя въ мірѣ можно сказать, что едва сотая часть письмо умѣющихъ сыскаться можетъ ли и много не знающихъ въ большемъ благополучіи, а грамотѣ умѣющіе въ погибели находятся, для котораго и пословица лежитъ: грамотѣ гораздъ, не умѣетъ ли пропасть; но сіе не отъ грамоты, но отъ злодѣянія приключается. Письмо же всякаго стана и возраста людямъ есть полезно, когда токмо правильнымъ порядкомъ и съ добрымъ намѣреніемъ употребляемо; но при томъ надобно и о томъ прилежать: порядочно и внятно говорить и писать, для того полезно учить и своего языка грамматику. 2) Еще же человѣку, обрѣтающемуся въ гражданской услугѣ, а наипаче въ чинахъ высокихъ, якоже и въ церковнослуженіи быть надежду имѣющему полезно, а иногда и нужно знать краснорѣчіе, которое въ томъ состоитъ, чтобъ по обстоятельству случая рѣчь свою учредить, яко иногда кратко и внятно, иногда пространно, иногда темно, и на разныя мнѣнія примѣнять удобное, иногда разными похвалами, иногда хуленіями исполнить и къ тому прикладами украсить, что особливо статскимъ, придворнымъ и въ иностранныхъ дѣлахъ, а церковнымъ въ поученіяхъ и въ сочиненіи книгъ полезно и нужно бываетъ. И сія именуется русски: витійство, грече: риторика. 3) Инородные языки, дабы мы другихъ не токмо сообщныхъ съ нами подданствомъ внутрь Россіи, но и пограничныхъ или имѣющихъ съ нами торги и войны народовъ разумѣть и имъ наше мнѣніе объявить могли: но сіе полезно тогда токмо, когда правильно

употребляемо; безразсудное же употребленіе, т. е. примѣшиваніе иноязычныхъ словъ въ свой языкъ, вредительно, какъ то видимъ многихъ наибольшею частію неразумныхъ и неученыхъ отъ хвастовства и не разсудности не токмо въ разговорахъ, но въ письмахъ весьма нужныхъ иностранныя слова употребляютъ, да къ тому не въ той силѣ и разумѣ или неправильно, а для чего, того сами сказать не умѣютъ, кромѣ хвастанья, что умѣютъ чужое слово выговорить; а что изъ того вреда происходитъ, того они разсудить не могутъ. 4) Полезно человѣку учиться счисленію, и хотя простое счисленіе младенцы купно съ языкомъ отъ воспитателей пріемлютъ и отъ употребленія съ одного до милліона счислять могутъ, но сіе всякому не довольно, а надлежитъ знать исчисленіе разныхъ вещей по ихъ качествамъ, мѣрою и вѣсомъ, которое гречески обще маѳематика имянуется. А понеже въ ней весьма много разныхъ обстоятельствъ заключено, того ради каждая часть особливое званіе, но болѣе гречески отъ древности сохраняютъ и хотя все подробну сказать и каждой свойство описать времени недостаетъ; но скажу вамъ токмо о главныхъ той частяхъ, яко ариѳметика или счисленіе, геометрія или землемѣріе, механика—хитродвижность, архитектура—строительство. И сіи всякаго званія людемъ полезные; слѣдующія же тоя части, яко перспектива, оптика или видѣніе, акустика—слышаніе, астрономія—звѣздосчисленіе, нѣкоторымъ людямъ учить полезно. 5) Весьма полезно въ знатныхъ услугахъ быть чающему учить не токмо отечества своего, но и другихъ государствъ: дѣянія и лѣтописи или гисторія и хронографія, генеалогія или родословіе владѣтелей, въ которыхъ находятся случаи счастія и несчастія съ причинами, еже намъ къ наставленію и предосторожности въ нашихъ предпріятіяхъ и поступкахъ пользуютъ; землеописаніе или географія показуетъ не токмо положеніе мѣстъ, дабы въ случаѣ войны и другихъ приключеній знать всѣ онаго во укрѣпленіяхъ и проходахъ способности и невозможности, при томъ нравы людей, природное состояніе воздуха и земли, довольство плодовъ и богатствъ, избыточество и недостатки во всякихъ вещахъ, наипаче же собственнаго отечества, потомъ пограничныхъ, съ которыми часто нѣкоторыя дѣла; яко надежду къ помощи и опасность отъ ихъ нападенія имѣемъ, весьма обстоятельно знать, дабы въ государственномъ правленіи и совѣтахъ, будучи о всемъ со благоразуміемъ, а не яко слѣпой о краскахъ разсуждать могъ. 6) Хотя всѣ врачевѣ сказуютъ, что человѣкъ, поживъ 40 лѣтъ, искусяся о болѣзняхъ и довольное разсужденіе имѣя, можетъ самъ для себя врачъ быть, но къ тому полезно знать ботанику или знаніе силы ращеній, такожъ анатомію или разчлененіе, чрезъ чтобъ совершенно познать внутреннихъ тѣла своего частей положеніе и движенія причины; но сіи науки, хотя всякому полезны, однакожъ болѣе принадлежатъ тѣмъ, которые особливо себя во врачество управляютъ. 7) Весьма же полезно знать свойство вещей по естеству, что изъ чего состоитъ, по которому разсуждать можно, что изъ того происходитъ и приключается; а чрезъ то многія будущія обстоятельства разсудить „и себя отъ вреда предостерегать“ удобно; сія наука гречески зовется—физика, русски—естествоиспытаніе, а къ тому химія или раздѣленіе внутреннее вещей принадлежитъ.

Вопросъ. Какія науки щегольскія разумѣются?

Отвѣтъ. Оныхъ наукъ есть число не малое, но я вамъ токмо нѣко

торыя упомяну, яко: 1) стихотворство или поэзія, 2) музыка, русски— скоморошество, 3) танцованіе или плясаніе, 4) волтежированіе или на лошадь садиться, 5) знаменованіе и живопись, которыя по случаю могутъ полезны и нужны быть, яко танцованіе не токмо плясанію, но болѣе пристойности какъ стоять, итти, поклониться, поворотиться учитъ и наставляетъ; знаменованіе же во всѣхъ ремеслахъ есть нужно.

Вопросъ. Какія науки любопытныя и тщетныя?

Отвѣтъ. Сіи суть такія науки, которыя ни настоящей, ни будущей пользы въ себѣ не имѣютъ, по большею частію и въ истинѣ оскудѣваютъ, яко: 1) астрологія—звѣздопровѣщаніе, которымъ хотятъ предбудущая, отъ стоянія планетъ и звѣздъ, познавать. Изъ сея науки календаристы о погодахъ нативитеты или отъ рожденія людей имъ предбудущія припадки и случаи хотятъ знать; 2) физіогномія или лицезнаніе, что по сочиненію лица и морщинамъ 3) хиромантія — рукознаніе, что по чертамъ или морщинамъ рукъ жизнь и случай человѣка разумѣть тщатся, отъ древнихъ языческихъ баснословей остаются. И хотя сіи ни физическаго, ни маѳематическаго основанія не имѣютъ и у людей ученыхъ въ презрѣніи и совершенномъ уничтоженіи суть, однако-жъ много такихъ суевѣрныхъ, паче людей меланхоличныхъ (которые отъ природы сребролюбивы, страхами исполнены) не малое число находятъ, что не токмо сами себя тѣмъ, но и другихъ неблагоразсудныхъ обманываютъ и въ безпутные страхи и надежды приводятъ; сверхъ же того оное Божескому и моральному ученію противно: ибо если бы мы совершенно всѣ приключенія, предписанныя и неизбѣжныя разумѣли, тобъ не имѣли нужды жить по закону. Къ сему же 4) есть наука алхимія или дѣланіе золота, которая мню не лучше оныхъ выше объявленныхъ, ибо хотя чрезъ прилежащихъ въ оной нечаянно многія пользы обрѣтены, но большая часть отъ оныя разоряются и до днесь еще, кромѣ баснословій, ничего не обрѣтено.

Вопросъ. Какія науки вредными быть мнишь?

Отвѣтъ. Сіи глупѣе преждереченныхъ, иже зовутся волхованіе, ворожбы или колдунство, и суть разныхъ качествъ. У древнихъ на многи роды раздѣлялись, яко: 1) некромантія—чрезъ мертвыхъ провѣщаніе; 2) аеромантія—воздуховѣщаніе; 3) пиромантія—огневѣщаніе; 4) гидромантія—водовѣщаніе; 5) геомантія—землевѣщаніе и пр. множайшая, „а наипаче у язычниковъ оракули или Божеское предсказаніе извѣстны были, но болѣе въ обманахъ духовныхъ и суевѣрствѣ и пребывающихъ просвѣщенія состояли (sic!)“. Но я сіи оставляю, а упоминаю токмо о извѣстныхъ у насъ. Первое есть провѣщаніе, что изъ сновидѣній, встрѣчи, полеты и крики птицъ, бѣганіи звѣрей, счастіе и несчастіе хотятъ разумѣть. Второе зовется просто ворожба, что нѣкоторые плуты вымыслили чрезъ раскладываніе бобовъ или костей, пунктированіе на бумагѣ, литья воска или олова, и пр., хотятъ о далекостоящемъ и предбудущемъ сказывать. Третье—заговоры и привороты глупяе того, о которомъ мнятъ, яко бы изъ заклинанія произошло, а заклинанія обрѣтеніе Іосифъ Влави приписуетъ Соломону. Но я мню, что нѣкоторые великіе плуты или безумные меланхолики вымыслили что-либо словами дѣлать, напримѣръ: теченіе крови или болѣзнь унимать, отъ стрѣльбы или другого оружія заговорить, любовь или ненависть между двѣмя особами произвесть, что хотя никакъ человѣку учинить невозможно, токмо

довольно отъ гисторей извѣстно, въ какія бѣды отъ такого безумія впадали, и не токмо имѣніе или здравіе, но и жизнь съ поношеніемъ погубили. Всего глупѣе чернокнижество, чрезъ которое мнятъ что-либо чрезъ діавола дѣлать: сія наука у древнихъ за великое таинство почиталась и вѣрили многіе истинному быть дѣйству, и хотя не весьма въ давныхъ лѣтѣхъ въ Германіи, а паче во Швеціи такихъ людей множество находилось, что не токмо въ такихъ колдунствахъ отъ другихъ оговариваны, но сами на себя яко сущую истину затѣвали и померли, но потомъ довольно доказано, что иное ничто болѣе, какъ ума поврежденіе и необузданная злость есть; что многіе ученые физическо и богословско доказали, еже человѣкъ чрезъ діавола ничего учинить не можетъ. И какъ за оную казнить перестали, а ученіемъ исправляютъ, то и такихъ людей умалилось; гдѣ же ученіе распространяется и священники прилежнѣе о томъ народу толкуютъ, тамо весьма уже не слышно.

И хотя сіи науки зломудрія ничего совершаннаго въ себѣ не имѣютъ и по разсужденію многихъ философовъ смертію ихъ, яко умоизступленныхъ, казнить не безгрѣшно, но за то, что оставя полезное, въ безпутствѣ время тратятъ и другихъ обманываютъ, тѣлесное наказаніе неизбѣжно понести должны. Не безприлично же сему дурачеству вымыселъ кликуновъ и кликушъ, которые сказываютъ въ себѣ быть діавола, что сами себѣ отъ злости, когда инымъ образомъ досадить не могутъ, яко бабы не любя мужа, свекровь и проч. оное притворяютъ. Иногда же въ томъ притворѣ невинно на кого-либо клевещутъ и не смысленныхъ въ злобу производятъ; иные же, по наученію сребролюбивыхъ церковниковъ такіе притворы чинятъ, дабы чрезъ изгнаніе того новое чудо явить и отъ людей суевѣрныхъ деньги выманивать; котораго зла въ Россіи весьма было расплодилось и повсюду въ церквахъ, а особливо въ праздники, при службѣ Божіей мерзкіе крики и ломаніе тѣла произносили. Но вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество Петръ Великій жестокими на тѣлѣ наказаніи всѣхъ оныхъ бѣсовъ повыгналъ такъ, что нынѣ почитай уже не слышно, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ благоразсудной начальникъ случится.

LXXXIII. Юности честное зерцало,

или показаніе къ жітеіскому обхожденію. Собранное отъ разныхъ авторовъ; напечатася повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санктпітербургѣ. Лѣта Господня 1719 г. іуліа 5 дня *).

Въ первыхъ наіпаче всего должни дѣти отца и матерь въ великой чести содержать. И когда отъ родители что имъ приказано бываетъ,

*) Книга представляетъ два отдѣла: 1-й (1—29 стр.) и 2-ой (30—88). Въ первомъ отдѣлѣ слѣдующія статьи: 1) Изображеніе древнихъ и новыхъ славенскихъ и

всегда шляпу въ рукахъ держать, и предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садітіся, и прежде оныхъ не засѣдать, при нихъ въ окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все потаеннымъ образомъ съ велікімъ почтеніемъ, не съ ними врядъ, но немного уступя позади оныхъ къ сторонѣ стоять, подобно яко пажъ нѣкоторый или слуга. Въ домѣ нічего своімъ имянемъ не повелѣвать, но имянемъ отца или матере, отъ челядінцевъ просітельнымъ образомъ требовать, развѣ что у кого особлівыя слуги, которыя самому ему подвержны бываютъ для того, что обычаіно служітели и челядінцы не двумъ господамъ и госпожамъ, но токмо одному господіну охотно служатъ. А окромѣ того, часто проісходятъ ссоры и велікія между ими бываютъ отъ того мятежи въ домѣ, такъ, что сами не опознаютъ, что кому дѣлать надлежітъ.

2. Дѣти не имѣютъ безъ имянного прікаэу родітельскаго нікого бранітъ, или поносітельными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учініть вѣжливо и утчіво.

3. У родітелеи рѣчеи перебивать не надлежітъ, и ніже прекословить, и другіхъ сверстніковъ въ рѣчи не впадать, но ожідать, пока они выговорятъ. Часто одного дѣла не повторять, на столъ, на скамью, или на что ино не опіратся, и не быть подобнымъ мужіку, которои на солнцѣ валяется, но стоять должни прямо.

4. Безъ спросу не говорітъ, а когда и говорітъ имъ случітся, то должни они благопріятно, а не крикомъ и ніже съ сердца, или съ задору говорить, не якобы сумазброды. Но все, что имъ говорітъ, имѣетъ быть правда истінная, не прібавляя и не убавляя ничего. Нужду свою благообразно въ пріятныхъ и учтівыхъ словахъ предлагать, подобно, якобы имъ съ какимъ иностраннымъ высокімъ лицемъ говорітъ случілось, дабы они въ томъ тако и обыкли.

5. Не прілічно имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смірно ѣсти. А вілками и ножікомъ по торѣлкамъ, по скатерти или по блюду не чертітъ, не колоть и не стучать, но должни тіхо и смирно, прямо, а не избоченясь сидѣть.

6. Когда родітели, или кто другіи ихъ спросятъ, то должни они къ німъ отзыватца и отвѣщать тотъ часъ, какъ голосъ послышатъ. И потомъ сказать: что изволіте, государь батюшко, или государыня матушка, или: что мнѣ прікажете, государь; а не такъ: что, чего, што, какъ ты говорішъ, чего хочешъ. И не дерзостно отвѣщать: Да, такъ, і ніже вдругъ на отказъ молвітъ: нѣтъ; но сказать: такъ, мои государь, слышу, государь; я выразумѣлъ, государь, учіню такъ, какъ вы, государь, приказали. А не смѣхомъ дѣлать, якобы ихъ презірая и не слушая ихъ повелѣнія и словъ. Но исправно примѣчать все, что имъ говорено бываетъ. А многажды назадъ не бѣгать и прежняго паки вдругорядь не спрашівать.

7. Когда имъ говорітъ съ людьми, то должно имъ благочінно, учтіво, вѣжліво, разумно, а не много говорітъ, потомъ слушать, и другихъ рѣчи не перебивать, но дать все выговорить и потомъ мнѣніе свое, что до-

рукописныхъ (1—6 стр.). 2) Слози двописменніи, от согласныхъ начинаеміи (7—8). 3) Слози триписменніи (8—12). 4) Нравоученіе отъ священнаго пісанія по алфавиту избранная (12—23). 5) Число церковное и ариѳметіческое. 6) Ино показаніе великаго счисленія. 7) Объявленіе чісла школнаго. За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ 2-ой (Юности честное зерцало).

стоіно, предъявіть. Ежели случится дѣло и рѣчь печалная, то надлежитъ при такіхъ быть печалну и имѣть сожалѣніе, въ радостномъ случае быть радостну и являть себе весела съ веселыми.

8. Съ духовными должни дѣти вездѣ благочінно, постоянно, учтіво и вѣжліво говоріть, а глупости нікакои не предъявлять. Но о духовныхъ вещахъ и о чинѣ ихъ, или духовные вопросы предлагать.

9. Никто себя самъ много не хвали и не унічіжаи и не срамоти и ніже дѣла своего возвелічівая, расшіряи болѣ, нежели какъ оное въ подлінномъ дѣиствѣ состоітъ, и нікогда роду своего и прозванія безъ нужды не возвышаи, ибо такъ чінятъ люди всегда такія, которыя не въдавнѣ токмо прославіліс. А особліво въ тои землѣ, гдѣ кто знакомъ, весма не надлежітъ того дѣлать, но ожидать, пока со стороны другія похвалятъ.

10. Съ своіми или съ посторонніми служітели гораздо не сообщаися. Но ежели оные прілѣжны, такіхъ слугъ люби, а не во всемъ имъ вѣрь, для того, что они грубы и невѣжи (неразсудліви) будучи, незнаютъ держать мѣры. Но хотятъ при случаѣ выше своего господина вознестіс, а отшедши прочь, на весь свѣтъ разглашаютъ, что имъ повѣрено было. Того ради смотри прілѣжно, когда что хощешъ о другіхъ говоріть опасаіся, чтобъ при томъ слугъ и служанокъ не было. А имянъ не упомінаи, но обінякамі говори, чтобъ дознатца было не можно, потому что такія люди много пріложіть и прібавить искусны.

11. Всегда недруговъ заочно, когда они не слышатъ, хвали, а въ прісутствіи ихъ, почітаи, и въ нуждѣ ихъ, имъ служи, также и о умершіхъ нікакого зла не говори.

12. Всегда время пробавляи въ дѣлахъ благочестныхъ, а празденъ и безъ дѣла отнюдь не биваи, ибо отъ того случается, что нѣкоторые жівутъ лѣніво, не бодро, а разумъ ихъ затмітся и иступится, потомъ изтого добра нікакова ожидать можно, кромѣ дряхлова тѣла и червоточіны, которое съ лѣности тучно биваетъ.

13. Младый отрокъ долженъ быть бодръ, трудолюбівъ, прилѣженъ и безпокоенъ, подобно какъ въ часахъ маетнікъ, для того, что бодрый господінъ ободряетъ и слугъ: подобно яко бодрый и рѣзвый конь учіняетъ сѣдока прилѣжна и осторожна, потому можно отъ части смотря на прілѣжность и бодрость или радѣніе слугъ признать, како правленіе котораго господіна состоітъ и содержітся; ибо не напрасно пословіца говорітся: каковъ ігуменъ, такова и братія.

15. Имѣетъ отрокъ наіпаче всѣхъ человѣкъ прілежать, какъ бы себя могъ учініть благочестна и добродѣтелна; ибо не славная его фамілія, и не высокои родъ пріводітъ его въ шляхетство, но благочестныя и достохвалныя его поступки. Понеже благочестіе есть похвала юности и счастіе благополучное, и красота въ старости. Того ради онои имѣетъ по правдѣ тому подражать. То бо есть истинное избавленіе отъ убожества, и прямая подпора и постояннои столпъ богатству.

16. Имѣетъ прямыи (сущіи) благочестивыи кавалеръ быть сміренъ, прівѣтлівъ и учтівъ. Ибо гордость мало добра содѣваетъ (пріносітъ) и кто сихъ трехъ добродѣтелей не имѣетъ, оныи не можетъ превзоіти и ниже между другіми просіять, яко свѣтило въ темномъ мѣстѣ или каморѣ. Понеже что выше чіномъ, то ніже смиреніемъ быть должно. Для того и три оныя добродѣтели: прівѣтлівость, сміреніе и учтівость укра-

шаютъ не мало шляхетскую славу. А понеже искони старыя честныя люди оное сохраняли, того ради и юныя имѣютъ оному подражать.

17. Младый человѣкъ всегда имѣетъ съ благочестными и добродѣтельными людми обходітися, отъ которыхъ бы онъ добру поучітца могъ. Также и съ такіми людми, которые честное имя и непорочное житіе имѣютъ. А отъ такіхъ, которые легкомысленно и злочестно живутъ, бѣгать, яко бы отъ яду или лютого мору. Благочестныя люди имѣютъ отъ юныхъ почтены, превознесены и возлюблены быть. А отъ злоіменітыхъ должны юныя остерегатіся и отъ ніхъ бѣгать. Ибо токмо скажи, съ кѣмъ ты обходішся, то можно прізнать, какое счастіе тебѣ впредь будетъ.

18. Младыи шляхтічь или дворянінъ, ежели въ еѯерціціи (въ обученіи) своей совершенъ, а наіпаче въ языкахъ, въ конноi ѣздѣ, танцованіи, въ шпажнои бітвѣ, и можетъ доброи разговоръ учініть, къ тому жъ красноглаголівъ и въ кнігахъ наученъ,—оныи можетъ съ такіми досуги прямымъ прідворнымъ человѣкомъ быть.

LXXXIV. Изъ ариѳметики Магницкаго *).

Аріѳметіка практіка или дѣятелная.

Что есть аріѳметіка?

Аріѳметіка или числительница есть художество честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвалнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ, въ разная времена явлшихся, изряднѣйшихъ аріѳметіковъ изобрѣтенное и изложенное.

Коликогуба есть аріѳметіка практіка? Есть сугуба.

1. Аріѳметіка політіка, или гражданская.

2. Аріѳметіка логістика, не ко гражданству токмо, но и къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащая.

Книга первая аріѳметіки.

Что есть аріѳметіка політіка?

Есть численіе, сочиненное въ толикомъ удобномъ образѣ: яко кійждо можетъ исчислити всякое исчисленіе, великое и малое, въ продажахъ и купляхъ, въ мѣрахъ же и вѣсахъ, и во всякой цѣнѣ, и во всякихъ денгахъ, во вся царства всего міра.

---

*) Полное заглавіе составленнаго Магницкимъ руководства слѣдующее: «Аріѳметіка, сирѣчь наука числителная. Съ разныхъ діалектовъ на славенскій языкъ преведенная, и во едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена. Нынѣ же повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго Государя нашего Царя и великаго Князя Петра Алексіевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца: При благороднѣйшемъ великомъ Государѣ нашемъ Царевичѣ, и великомъ Князѣ Алексіи Петровичѣ, въ богоспасаемомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ, и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена, первое въ лѣто отъ сотворенія міра 7211, отъ рождества же по плоти Бога слова 1703, индикта 11, мѣсяца януарія».

На колико раздѣляется аріѳметіка політіка?

Раздѣляется на пять частей.

1. О числахъ цѣлыхъ.

2. О числахъ ломаныхъ, или съ долями.

3. О правилахъ подобныхъ, въ трехъ, въ пяти и въ седми перечняхъ.

4. О правилахъ фалшивыхъ, еже есть гадательныхъ.

5. О правилахъ радиксовъ квадратныхъ и кубическихъ, къ геометріи принадлежащихъ.

Часть первая о числѣхъ цѣлыхъ.

Колико сія часть имѣетъ въ себѣ предѣленій?

Имѣетъ предѣленій пять: счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе.

Предѣленіе первое. Нумераціо, или счисленіе.

Что есть нумераціо?

Нумераціо есть счисленіе, еже совершенно вся числа рѣчію именовати, яже въ десяти знаменованіяхъ, или изображеніяхъ содержатся, и изображаются сице: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0. Изъ нихъ же девять назнаменовательны суть; послѣднее же 0 (еже цыфрою, или ничемъ именуется), егда убо едино стоитъ, тогда само о себѣ ничтоже значитъ; егда же коему оныхъ знаменованій приложено будетъ, тогда умножаетъ въ десятеро, якоже предложено есть ниже сего.

Предѣленіе второе. Аддиціо, или сложеніе.

Что есть аддиціо?

Аддиціо или сложеніе есть дву или многихъ числъ во едино собраніе, или во единъ перечень совокупленіе.

Предѣленіе третіе. Субтракціо или вычитаніе.

Что есть субтракціо?

Субтракціо, или вычитаніе есть, имже малое число изъ болшаго вычитаемъ, и излишнее объявляемъ.

Яко егда случится тебѣ сицевъ перечень 57 вычитати изъ 89, и оставшее объявити, и ты постави меншій перечень подъ болшій сице $\begin{array}{r}89\\57\end{array}$, прочертивъ же подъ ними черту, якоже есть $\begin{array}{r}89\\57\\\hline\end{array}$, и начни вычитать отъ правыя руки, умствуя 7 изъ 9 останется 2, еже постави противъ 7 подъ чертою $\begin{array}{r}89\\57\\\hline 2\end{array}$, потомъ паки умствуй 5 изъ 8 и останется 3, и ты тое постави противъ 5 подъ чертою же $\begin{array}{r}89\\57\\\hline 32\end{array}$ и объявится излишнее большаго перечня предъ меньшимъ подъ чертою.

(Далѣе идетъ рядъ, какъ и послѣ каждаго опредѣленія, примѣровъ).

Предѣленіе четвертое.

Мултипликаціо, еже есть умноженіе.
Что есть умноженіе?
Умноженіе есть, имже что въ числахъ умножаемъ, или коликимъ вещемъ по множеству иныхъ вещей раздаемъ, и количество ихъ числомъ показуемъ. Но ко умноженію потребно есть послѣдующую таблицу толь твердо въ памяти имѣти, яко да коеждо число съ коимждо умноживъ, безъ всякаго медленія рѣчію сказати, или написати, якоже 2жды 2 есть 4, или 2жды 3 есть 6, и прочая.

Предѣленіе пятое.

Дивизіо, еже есть дѣленіе.
Что есть дѣленіе?
Дѣленіе есть, имже болшее число, или перечень на равныя части меншимъ раздѣляемъ, отъ нихъ же едину числомъ показуемъ.

Въ первыхъ лѣпо есть знати, яко болшій убо перечень, егоже хощемъ дѣлити, нарицается множество или дѣлимый, а другій, имже дѣлимъ, есть дѣлитель; третій же, отъ тѣхъ дву произшедый за черту, именуется частный, или квотусъ.

Часть вторая о числахъ ломаныхъ, или съ долями.

Что есть число ломаное?
Число ломаное ничтоже ино есть, токмо часть вещи, числомъ объявленная, сирѣчь полтина есть половина рубля, а пишется сице $^{1}/_{2}$ рубля, или $^{1}/_{4}$, или пятая часть $^{1}/_{5}$, или двѣ пятыя части $^{2}/_{5}$ и всякія вещи яковая либо часть объявлена числомъ: то есть ломаное число.
Число убо цѣлое содержитъ предѣленій пять, сіе же седмь; ихъ же нарицанія сицевая суть: счисленіе, премѣненіе, сокращеніе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе, дѣленіе.

Книга аріѳметики вторая.

Сія книга раздѣляется на три части.
Ихже первая есть о чинѣ аріѳметики алгебраіка реченныя и аріѳметики логістики чрезъ градусы и минуты дѣйствующыя.
Вторая часть, о еже чрезъ аріѳметику геометрическая дѣйствовати въ колесѣхъ и углахъ.
Третія о надлежащихъ къ мореплаванію надлежатъ и глебуса земного къ размѣренію.

LXXXV. Космографія петровскихъ временъ.

(Изъ статьи А. Ѳ. Кони: „Космографія Петровскихъ Временъ“, „Историч. Вѣстникъ“, ноябрь 1887 г.).

Въ 1719 г. въ Москвѣ напечатанъ былъ на русскомъ языкѣ переводъ книги, нынѣ чрезвычайно рѣдкой и мало извѣстной, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Земноводнаго круга краткое описаніе изъ старыя и новыя географіи по вопросамъ и отвѣтамъ чрезъ Ягана Гибнера собранное и на нѣмецкомъ діалектѣ въ Лейпцигѣ напечатано, а нынѣ повелѣньемъ великаго Государя, Царя и Великаго князя Петра I-го, всероссійскаго Императора, при наслѣдственномъ благороднѣйшемъ Государѣ Царевичѣ Петрѣ Петровичѣ—на россійскомъ напечатано въ Москвѣ. Господня 1719, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ*».

Книга эта представляетъ большой шагъ впередъ отъ тѣхъ космографическихъ и политико-географическихъ понятій, которыя были распространены въ нашемъ обществѣ до конца XVII столѣтія и находили себѣ выраженіе не только въ рукописныхъ хронографахъ, но и въ печатныхъ сочиненіяхъ, говорившихъ о Меркаторѣ и о „космографіи, сирѣчь размѣрной всея земли“. Тамъ трактовалось о «Мазическомъ царствѣ дѣвичьемъ“,—жительницы котораго сходятся съ „Еѳіопами съ году на годъ: мужской полъ отдаютъ Еѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ“,—о великанахъ съ песьими головами, о змѣяхъ, у которыхъ „лицо дѣвическое, до пупа человѣкъ, а отъ пупа хоботъ зміевъ, крылаты, а зовомы василиски“;—„о людяхъ Астромовехъ, кои живутъ въ индѣйской землѣ, сами мохнаты, безъ обоихъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучаго и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, не пьютъ, только нюхаютъ, и покамѣстъ у нихъ тѣ запахи есть, по та мѣста и живутъ“,—и „о людяхъ Монокуляхъ объ одной ногѣ, а коли солнце печетъ, и они могутъ покрытися ногою, какъ лапою“, и т. п.

Въ этого рода сочиненіяхъ описанію сосѣдей нашихъ съ запада отводилось меньше мѣста, чѣмъ фантастическому описанію „дивіихъ людей“, да и характеристики этихъ сосѣдей отличались большею краткостью. Такъ, французы оказывались „зѣло храбры, но невѣрны и въ обѣтахъ своихъ не крѣпки, а пьютъ много“;—жители королевства агленскаго—нѣмцы купеческіе и богатые, воинскихъ людей у нихъ мало, а сами мудры и дохтуроваты, а пьютъ много“, и т. п.

„Описаніе земноводнаго круга“ отпечатано на прекрасной, плотной бумагѣ, красивымъ, четкимъ шрифтомъ и представляетъ собою большой томъ in quarto, съ пятью гравюрами на мѣди. Первая изображаетъ Атланта, держащаго на раменахъ своихъ міръ; по борту ея надпись: „несу всѣхъ носящо, старъ сый только тяжкое бремя, се зрящь всякъ учися—не трать всуе время“. Вторая съ надписью „европы описаніе“ изображаетъ женщиину въ царскомъ одѣяніи. По борту написано: „сія трехъ частей и мудрости царица, въ храбрости, въ силѣ какъ въ звѣздахъ дѣнница“. Гравюра „описаніе Азіи“, изображающая торговцевъ въ восточномъ одѣяніи, окружена надписью: „Сія сіяла въ силѣ своей славна, но днесь, при лучшихъ не столь стала явна“, „Африки опи-

саніе“—съ изображеніемъ негровъ, слоновъ, львовъ—сопровождается надписью: „Аще и подъ солнцемъ, но черна есть тѣломъ, паче же грубымъ и гнуснымъ своимъ дѣломъ“. Наконецъ, послѣдняя гравюра, съ фигурой царя инковъ, бобрами, черепахами и змѣями, предшествуя описанію Америки, повѣствуетъ, „что пользуетъ симъ множество богатства, егда не имутъ мудрости изрядства“.

Въ книгѣ 426 страницъ. Она раздѣляется на „предъ-уготовленіе на географію“ и на отдѣлы, называемые: ландкарта европейская, азіатская, африканская, американская и о незнаемыхъ земляхъ. Каждая ландкарта содержитъ описаніе всѣхъ странъ, входящихъ въ соотвѣтствующую часть свѣта. Въ концѣ книги помѣщена глава „о глобусѣ“, содержащая главныя основанія математической географіи. По вопросу о вращеніи земли эта послѣдняя глава высказывается очень осторожно. „Солнце причиняетъ день, и понеже на свѣтѣ день и нощь мѣняются, того ради безъ сомнѣнія изъ того слѣдуетъ, что либо солнце съ фирмаментомъ, т. е. съ твердію небесною, или земля движутся. Ежели по человѣческому уму разуждать то, кажется имовѣрнѣе, что солнце стоитъ, а земля движется, ибо и т. д. И сей аргументъ защищалъ и содержалъ Николай Коперникъ, духовный человѣкъ въ Фрауенбурхѣ въ прусахъ, что и нынѣ многіе пріемлютъ и онъ послѣдуютъ. Между тѣмъ, понеже именно въ священной библіи написано, что солнце течетъ въ кругъ, а земля недвижима стоитъ, того ради святому писанію больше въ томъ вѣрить надлежитъ, нежели человѣческому мнѣнію. Сей же аргументъ особливо славный дацкій математікъ Тихо Браге хранилъ, чему и до нынѣ всѣ согласуются, которые святому писанію не охотно прекословятъ. Мы (глаголетъ авторъ книги сея) согласуемся мнѣнію Тихонскому и вѣримъ, что земля недвижима стоитъ, а противъ того весь фирмаментъ непрестанно около земли обращается“.

Изложеніе физической географіи стремится въ книгѣ къ большой образности. Напримѣръ, на вопросъ—какъ раздѣляется Италія? дается отвѣтъ, что лучше при фигурѣ сапога остаться, а сапогъ раздѣляется на на три части: верхняя—гдѣ отворотъ, средняя—голенища, и нижняя—ступень.

Яганъ Гибнеръ, авторъ этого «Земноводнаго круга», особенно интересуется нравами и свойствами жителей разныхъ странъ, а также ихъ учрежденіями. Описывая послѣднія, онъ старается, однако, отказываться отъ области «политики», «исторіи» и «генеологіи», но, тѣмъ не менѣе, часто обращается къ историческимъ фактамъ, давая имъ живое и своеобразное освѣщеніе. Точный и оригинальный языкъ автора въ переводѣ пріобрѣлъ особую образность и силу, свойственныя, несмотря на заимствованіе чужихъ словъ, языку Петровскаго времени. Характеристики отдѣльныхъ народовъ, причемъ, конечно, наибольшее мѣсто отводится Европѣ, нерѣдко поразительны по своей вѣрности и умѣнью сочетать и выставить рельефно отличительныя свойства народнаго характера. Мѣткіе и рѣшительные приговоры чрезъ сто семьдесятъ лѣтъ не утрачиваютъ своего значенія и примѣнимости въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и въ настоящее время.

Вотъ какъ, напримѣръ, рисуетъ авторъ французовъ въ отвѣтѣ на вопросъ о томъ, «какіе жители обрѣтаются во Франціи?» «Сіи жители въ ученіи зѣло любопытны, въ экзерциціяхъ поспѣшны, въ войнѣ вы-

сокоумны, храбры и скоропостижны, къ чужестраннымъ учтивы и вѣжливы, въ платьѣ перемѣнны и замысловаты, въ языкѣ своемъ искусны и благопріятны, королю своему вѣрны и во всѣхъ дѣлахъ скорою имѣютъ резолюцію». Если отбросить стертую рукою исторіи «вѣрность своему королю» и не поставить на счетъ храбрости французовъ ихъ пораженій въ 1870—71 гг., отнеся ихъ, по всей справедливости, къ бездарнымъ «высокоумнымъ» военачальникамъ и «скоропостижнымъ» политикамъ, имѣвшимъ слишкомъ «скорую резолюцію»,—то предъ нами будетъ живое изображеніе современныхъ французовъ со всѣми ихъ отличительными свойствами. Къ другимъ двумъ романскимъ націямъ «Описаніе земноводнаго круга» относится съ большею критикою. Отвѣтъ на вопросъ о «состояніи жителей гишпанскихъ» указываетъ, что «у оныхъ хвалятъ остроуміе ихъ и постоянство, а противъ того, хулятъ ихъ гордость и лѣнивство», что «особый языкъ ихъ съ латинскимъ во многомъ сходенъ и такимъ образомъ кажется, что оный отъ латинскаго родился», и что, наконецъ, «проѣзжіе люди и иностранные корчмами зѣло недовольны». Отмѣчено враждебное отношеніе испанцевъ къ французамъ: «между гишпанцами и французами природная-ли или обыклая антипатія состоитъ— о томъ еще и понынѣ диспутуется». Но что стоитъ внѣ спора—это экономическое истощеніе страны и ея малая населенность. «Гишпанія въ протчемъ гораздо столько жителей не имѣетъ, сколькобъ оная обнять могла, а причины ктому отчасти за воздухомъ (... сія земля гораздо жарчае, нежели Германія, — говорится въ другомъ мѣстѣ), а отчасти за невременною любовію; также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія мароновъ и для жестокой инквизиціи и для многихъ оттуда переведенцевъ быть являются»... Къ малой населенности Испаніи авторъ возвращается и говоря о Франціи, въ которой «примѣчается въ лошадяхъ скудость; для того говоритца, ежелибъ въ Гишпаніи столько людей родилось, какъ во Франціи, а во Франціи столькобъ лошадей, какъ въ Гишпаніи, то бы обоимъ королевствамъ нужды не было».

Вѣрными чертами намѣчаются, такимъ образомъ, тѣ язвы, которыя разъѣли организмъ богатой и когда-то вполнѣ культурной страны и отодвинули ее на задній планъ исторической сцены. Политическая мудрость и благородная терпимость звучатъ въ этомъ перечисленіи причинъ паденія Испаніи, и звучатъ въ то время, когда эти свойства вовсе еще не сдѣлались достояніемъ здраваго государственнаго управленія. Достаточно припомнить, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ происходило среди народа, «имѣющаго скорую резолюцію», по поводу отмѣны Нантскаго эдикта въ 1685 году, когда «разослалъ король драгунъ своихъ гугенотовъ отъ вѣры ихъ обратить въ католицкую, чего ради нѣкоторые отреклись вѣры, дабы избыть мученія, нѣкоторыя же до смерти замучились, а многіе, оставя имѣнія свое и пожитки, поѣхали въ швейцары, въ голандію и англію, кромѣ тѣхъ, кои въ севенскихъ горахъ пребываютъ и нѣсколько лѣтъ кальвинскую вѣру противъ королевскихъ войскъ шпагою обороняли, однакожъ мало имъ въ томъ удачи было». Авторъ книги, какъ мы увидимъ ниже, еще разъ возвращается къ вопросу о религіозной терпимости, говоря объ Испаніи. «Гишпанцы и французы служатъ мѣриломъ для оцѣнки итальянцевъ. Не можно лучше итальянскаго нрава описать, кромѣ что когда говорится: что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостію и фран-

цузкою безпечальностію или веселостію». Разсаднику искусствъ и наукъ, озаренному свѣтомъ Возрожденія, отдается справедливость: «итальянская нація достойна похвалы, ибо они суть остроумны, понеже они въ музыкѣ, и въ архитектурномъ и въ живописномъ и въ протчихъ художествахъ и мудрыхъ искуствахъ предъ другими народами не мало превозходятъ». Но несимпатичныя свойства народа, пустившаго, между прочимъ, въ свѣтъ поговорку «la vendetta è una meta ché e bisogna mangiare a freddo» (мщеніе—кушанье, котороре надо ѣсть холоднымъ), не ускользаютъ отъ автора. «Имъ (т. е. итальянцамъ) приписуется, говоритъ онъ,—ревнованіе невѣдомо, либо за хулу или яко благочестіе, также превеликое непрестуцное злопамятство». Забота о положеніи путешественниковъ сказывается и при описаніи Италіи, гдѣ «прежде всего отъ бандітовъ или разбойникевъ, а особливо внизу въ Неаполи зѣло опасно пріѣжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены». Но особо лестнымъ мнѣніемъ Ягана Гибнера, а быть можетъ, и русскаго переводчика, украсившаго подлинный текстъ доброжелательными прибавками (подобно тому, какъ съ очевидностью измѣненъ и сокращенъ, примѣнительно ко взлядамъ русскихъ читателей, текстъ отвѣтовъ о Россіи) пользуется излюбленная Петромъ Голландія. «Ремесло жителей оной есть купечество, которое въ Голландіи такъ возвысилось и весьма имовѣрно, что во всемъ свѣтѣ только кораблей не обрѣтается, сколько въ семъ маломъ государствѣ находится И кто вѣдаетъ, что народъ оной зѣло правдивъ, простосердеченъ, трудолюбивъ, терпѣливъ, береженъ и саможелателенъ, тотъ не удивляется, что они въ купечествѣ всѣхъ другихъ народовъ превосходятъ. Но при томъ необъятномъ купечествѣ не покидаетъ оныя и книжнаго ученія, которое у нихъ такъ въ землѣ той распространилось, что они многія иныя земли въ томъ посрамить могутъ". Эта характеристика получаетъ особую цѣну при сравненіи голландцевъ съ португальцами, „кои большое прилежаніе имѣютъ къ купечеству и торговлю во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта въ добромъ имѣютъ состояніи, — но также склонны ко всѣмъ добродѣтелямъ и порокамъ, которые съ симъ ремесломъ слѣдуютъ, а особливо ученіе тамо велми уничтожено, а во время мира можетъ быть и воинскую храбрость весьма позабыли".

Не менѣе голландцевъ нравится автору и населеніе Граубинденской земли (Граубюнденъ), гдѣ „зачинается рѣка Ренъ" и гдѣ „жители живутъ зѣло единодушно, мало знаютъ о излишнихъ роскошахъ и прихотяхъ и однимъ словомъ являются, якобы изъ стараго свѣта остались",— при чемъ къ ихъ союзу относится и достопамятный городъ Семпахъ, „понеже тамо въ 1386 году достались естрейхерцамъ отъ швейцаръ немилостивые побои". Англіи посвящено въ „Земноводномъ кругѣ" много отвѣтовъ, въ которыхъ по отношенію къ Ирландіи высказывается взглядъ, донынѣ раздѣляемый большинствомъ „благонамѣренныхъ" англичанъ, видящихъ въ великодушныхъ и мудрыхъ предложеніяхъ Гладстона чуть не проповѣдь полнаго государственнаго разложенія Британіи. „О жителяхъ Ирландіи мало добраго пишутъ, говоритъ Гибнеръ,— кромѣ того, что они къ работѣ лѣнивы, къ тому же худыя и упрямыя люди, и понеже англичане усмотрѣли, что невозможно закоснѣлаго въ нихъ нрава премѣнить и исправить, того ради многихъ переведенцевъ

изъ Англіи туда на житье отправили, а противъ того многими тысящами ірляндцевъ другимъ потентатамъ поступились".

Самый краткій и жестокій отзывъ дается о небольшомъ государствѣ на юго-восточной границѣ Азіи и Европы, при чемъ говорится, что земля въ немъ сама по себѣ весьма хороша, но жители „не гораздо добры, ибо хотя они больше въ христіанской вѣрѣ признаваются, однако толь плохіе имѣютъ обычаи, что обычайно нѣкоторыя дѣти отъ отца воровать научаются".

Сѣверъ Европы, Россія и внѣевропейскія страны описываются въ „Земноводномъ кругѣ" значительно короче западной Европы. Жители Даніи характеризуются, какъ „учинившіеся толь искусны, что ни въ мирныхъ, ни въ военныхъ художествахъ другимъ европейцамъ не уступаютъ", а жители Норвегіи, какъ такіе, „кои во всѣхъ своихъ дѣлахъ, поступкахъ и порядкахъ съ датчаны не сходны". „Швеція соприкасается съ Россіею чрезъ Лапландъ, сирѣчь Лаппія Швецика, гдѣ жители зѣло дикіе и суровые и варварскіе люди", при чемъ „ради великія пустоты и немногихъ жителей завелись въ Лапландіи и ожились многія дикіе звѣри, между которыми особливо елени знакомиты суть". Жители ближайшей къ россійскимъ границамъ Финляндіи могутъ „гораздо снести стужу и иную тягость въ работѣ, того ради оныя угодны въ войнѣ бываютъ". Недалеко отъ Финляндіи, въ Ингерманландіи, лежащей „между синусомъ финскимъ и Ладожскимъ озеромъ", находится и „Санктъ-Петерсбрукъ, крѣпость и купеческій городъ, который нынѣ царствующій монархъ Петръ Первый построилъ и отъ часу оный возрастаетъ и прибавляется, и въ красотѣ и силѣ своей процвѣтаетъ". Хотя Москва и признается въ „Земноводномъ кругѣ" начальнымъ городомъ всей земли и столицею царскою и патріарха греческаго, но о „красотѣ и силѣ" ея ничего не говорится, а упоминается лишь, что городъ состоитъ „во многихъ тысячахъ домовъ, которые токмо изъ дерева и глины весьма бѣдно склеены, отъ чего и убытокъ великъ бываетъ, ежели когда нѣсколько тысячъ домовъ сгоритъ". Въ этомъ припиженіи Москвы видна угодливая рука переводчика. Ему же, конечно, принадлежитъ и заявленіе, что въ Россіи „жители прежде сего не гораздо были искусны, но нынѣ царствующій государь Петръ Первый трудится, дабы оныя ѣздили въ иныя страны и другимъ европейскимъ обычаямъ подражали и, обучаяся, навыкали". Съ разныхъ сторонъ русская земля окружена татарами, при чемъ, хотя русскія границы „отъ самыхъ тѣхъ варварскихъ народовъ вподлинно неразмѣрены, но новѣйшія географы разсуждаютъ, что крайнія границы русскія весьма не такъ далече отдалены отъ Хины, нежели какъ оныя въ обычайныхъ ландкартахъ означены бываютъ". „Описаніе Земноводнаго круга" перечисляетъ до 12 татарскихъ племенъ, живущихъ подъ разными наименованіями на русскихъ границахъ и, между прочимъ, „около рѣки Танаи, гдѣ живали древле храбрыя жены амазоны", и даже въ Украйнѣ, недалеко отъ Кіева... „толь далеко распространилась и разсѣялась сія гадина"... Государству Хинскому, по предположеніямъ географовъ сопредѣльному съ Россіею, посвящено довольно подробное описаніе. „Оная земля не можетъ довольно описана быть ради своего плодоносія и богатства въ золотѣ и каменіяхъ драгоцѣнныхъ. Прежде сего былъ въ той землѣ особливой государь, которой хинской цесарь назывался. Но въ 1630 году напали

татары съ такою силою, что сіе неподобное государство подъ власть свою привели, и такимъ образомъ нынѣ нарочитая часть тартаріи и государство хинское одному владѣтелю подвержены, которой хинской царь и татарской ханъ вмѣстѣ называется. Новыя описанія повѣствуютъ, что сей царь между великою стѣною и тартаріею на 100 миль землю весьма опустошить повелѣлъ, дабы никакое животное не могло тамо питатися и можетъ быть для того, чтобы его другіе татары иногда такимъ же образомъ въ Хинѣ не посѣтили, какъ онъ самъ учинилъ".

Африка полна „незнаемыхъ земель" и „неудобопамятныхъ королевствъ", а также разныхъ звѣрей, какъ-то долгихъ обезьянъ, драконовъ, т. е. зміевъ великихъ, львовъ, слоновъ и „струсовъ", коихъ и имъ подобныхъ такое множество при рѣкахъ находится, что никто не можетъ безопасно проѣхать. Жители тамошніе „суть всюду дикіе и необходительные люди; повыше къ Медитеранскому морю еще оныя отчасти бѣляе, а которые пониже тамо живутъ—оныя суть чернообразны; которыя живутъ въ верху, признаваются въ махометанской вѣрѣ, но и христіане между нихъ находятся, но оные больше христіанское имя носятъ, нежели дѣла отправляютъ; тѣже, которые къ западу при еѳіопскомъ морѣ живутъ, городовъ не имѣютъ и никакого короля не знаютъ, но токмо скитаются вездѣ въ оной землѣ и не многимъ лутче звѣрей, а наипаче, что оныя человѣческое мясо жрутъ; въ землѣ своей называются они готентотенъ, а говорятъ языкомъ, подобно какъ у насъ куры кричатъ". Христіанскую вѣру исповѣдуютъ также цесарь и жители Мурінской земли или Габесиніи, но только „оная вѣра отъ европской во многихъ вещахъ не сходна". Король этого государства „отъ африканъ именуетца великой негуцъ; прежде сего въ простомъ народѣ назывался онъ священникъ Іоаннъ или Жанъ, но нынѣ отъ такого безумнаго имени отвыкли, ибо подлиннѣе о томъ увѣдомлены".

Судьба туземцевъ Америки даютъ поводъ автору очертить въ отвѣтѣ на вопросъ—кому принадлежитъ Америка?—безчеловѣчную и близорукую политику испанцевъ послѣ открытія этой части свѣта. „Доколѣ земля сія отъ европейцевъ не найдена была, имѣла оная въ разныхъ мѣстахъ особливыхъ своихъ королей. Но какъ гишпанцы сперва тамо прибыли, стали оные умышлять, какъ бы жителей тѣхъ искоренить и оную землю себѣ въ собственное владѣніе привлечь, что съ немалымъ свирѣпствомъ учинено. А папа, хотя свою учтивость и податливость оказать, подарилъ всю оную землю гишпанцамъ. Но языческіе короли въ Америкѣ не мало тому смѣялись, что папа раздаетъ королевства чужія". „Земля оная не подобна другимъ, а наипаче богата золотомъ и серебромъ (говоря въ другомъ мѣстѣ о Калифорніи, авторъ, впрочемъ, высказываетъ мысль, что „мало тамъ каково прибытку ожидать (!), того ради о ней мало мы освѣдомы"), такъ что гишпанцы многіе корабельные флоты, нагружены сребромъ, оттоль получали; ежелибъ они съ людьми тоя земли пріятнѣе поступили, то неисчетное-бъ богатство получили, но понеже они многіе милліоны людей немилосердымъ образомъ погубили, того ради сами жители многіе рудокопные заводы разорили. Жители оныя были остраго ума, что можно признать изъ многихъ ихъ искусныхъ вымысловъ"...

Въ заключеніе надо замѣтить, что авторъ относится съ большою осторожностью ко всѣмъ „празднымъ и нарочитымъ вымысламъ" и тща-

тельно опровергаетъ въ своей книгѣ различныя легенды, связанныя съ тою или другою мѣстностью, или приписываемыя ей чудесныя свойства.

LXXXVI. Отрывки изъ книги: земноводнаго круга краткое описаніе.

Предъуготовленіе на географію, по вопросамъ и отвѣтамъ предложенное.

Вопросъ. I. Что въ каждой ландкартѣ примѣчать должно?

Отвѣтъ Три вещи твердо помнить надобно:

1. Како раздѣляется небо;
2. Како ландкарта положена быть имѣетъ;
3. Како лице обратить.

II. Како раздѣляется небо?

1: На подобіе камары (или горницы) четвероугольныя потребно четыре страны небесныя разсуждать. По латінѣ сія страны или края называются пляги, или кардинесъ мунди.

1: Гдѣ солнце восходитъ, называется востокъ, латінски—оріенсъ.

2: Гдѣ солнце заходитъ, называется западъ, латінски—окциденсъ.

3: Гдѣ солнце днемъ о двѣнадцати часахъ стоитъ, называется полдень, латінски—меридіесъ.

4: Что между западомъ и востокомъ напротивъ полудня, оное называется полночь, латінски—септентріо.

Корабелщики тѣ страны инако называютъ, что примѣчать должно:

1: Къ востоку называютъ по германскому остенъ.

2: Къ западу называютъ вестенъ.

3: Къ полудню зюиденъ.

4: Къ полуночи норденъ.

И потому четыре главныя раздѣляются вѣтры, которыя латинскимъ языкомъ называются венти кардиналесъ.

1: Остъ виндъ, что отъ востока вѣтръ приходитъ, по латінѣ эврусъ или субсолянусъ.

2: Вестъ виндъ, что отъ запада приходитъ, по латінѣ—зефирусъ или фафоніусъ.

3: Зюдъ виндъ, отъ полудни приходитъ, по латінѣ—нотусъ или аустеръ.

4: Нордъ виндъ, отъ полунощи приходитъ, по латінѣ—тбореасъ или аквило.

III. Како ландкарта положена быть имѣетъ?

1: Оную такъ положить, чтобъ положеніе ландкарты съ помянутыми четырьмя раздѣленіями небесными сходно было.

2: На многихъ ландкартахъ написаны по сторонамъ слова: оріенсъ, окциденсъ, меридіесъ, септентріо. И не можетъ легчае быть, кромѣ, что карту такъ положить, чтобы помянутыя четыре слова съ четырмя сторонами свѣта сходны были.

3: А ежели сіи слова выпущены, то хотя на ландкартѣ компасъ съ магнетною иглою написанъ, и тогда токмо можно карту такъ положить, чтобъ конецъ магнетной иглы къ сѣверу указывалъ, то исправно будетъ.

IV. Како же лице обратить?

1: Многіе учители, повѣся ландкарту на стѣну, приступаютъ ко оной такъ, какъ свѣтъ лутче изъ окончинъ приходитъ.

2: А кто много учениковъ, а мало ландкартъ имѣетъ, и мѣста пространнаго нѣтъ, тамо и инако учинить не можетъ.

3: Между тѣмъ размышляя, что чрезъ то все положеніе земель премѣнится, и вниманіе мысли помѣшается, и тако все неудобно будетъ.

4: Того ради наилутче будетъ, когда ландкарта на столъ положится, а ученики лицемъ къ сѣверу всегда обращены бываютъ, понеже такимъ образомъ имѣемъ

Въ лицѣ сѣверъ	На зади полденъ
На правой сторонѣ восходъ	На лѣвой западъ.

5: А буде иныя особливыя карты и неисправны, яко генеральная карта нидерлянская: однакожъ лутче слова иногда превратить, нежели положенія мѣстъ обращены будутъ.

1. Каковъ является свѣтъ?

1: Свѣтъ есть круглъ, яко шаръ. И тако мыслить себѣ должно, что и подъ нами живутъ люди, которыя ногами въ верхъ обращаются [гречески же нарицаются антиподы].

2: На картѣ кажется, яко бы шаръ по поламъ разрѣзанъ, и обѣ части (или половины) вмѣстѣ лежатъ.

2. Что въ сей ландкартѣ примѣчается?

Зѣло бы много было примѣчать, однако большая часть оставляется, пока къ деревянному придемъ глобусу, нынѣ же въ началѣ примѣчаются двѣ части:

1: Раздѣленіе всего земного круга.

2: Нѣкоторыя географическіе слова, которыя въ разныхъ мѣстахъ въ ландкартахъ обрѣтаются.

3. Како весь земной кругъ раздѣляется?

Трояко раздѣленіе имѣетъ:

1: Первое ученые люди учинили, оное называется математіческое раздѣленіе по латінѣ—дивизіо орбисъ математіка.

2: Второе отъ натуры учинилось, оное называется натуральное раздѣленіе, по латінѣ—дивизіо орбисъ ѳізика.

3: Третіе потентаты на свѣтѣ учинили, оное называется политіческое раздѣленіе, по латінѣ—дивизіо орбисъ политіка.

4. Како ученые люди свѣтъ раздѣлили?

1: Оные въ мысли около всего земного круга многіе циркули и линеи обвели.

2: И по правдѣ въ мысли, понеже на земли самои такихъ линеи не обрѣтается, но оныя токмо во умѣ состоятъ.

3: Всѣ сперва примѣчены быть не могутъ, того ради токмо нѣкоторые изъ нихъ познать должно, безъ которыхъ въ послѣдующихъ главахъ обоититца не можно. Протчее же отлагается до главы о употребленіи глобуса.

5. Сколко того для о математическомъ раздѣленіи знать надлежитъ?

1: Около всего земного круга въ длину проведены кривыя линеи, и оныя какъ въ верху, такъ и въ низу въ мѣстѣ во единъ пунктъ сходятца, и гдѣ оныя соидутца, оной пунктъ или точка называется полюсъ. Которыхъ суть два.

2: Одинъ къ полунощи или сѣверу, онои же въ ландкартѣ является въ верху, и называется полюсъ арктикусъ, а по нѣмецки нордъ-поль.

3: Другой къ полудню или къ югу, а въ ландкартѣ онои въ низу, и называется полюсъ антарктикусъ, по нѣмецки зюдеръ-поль.

4: Въ срединѣ сквозь свѣтъ проходитъ прямая линеа, оная отъ ученыхъ экваторъ или линеа равнонощная, а отъ корабелщиковъ просто линеа называется.

5: На сей линеи много малыхъ мѣстечекъ размѣчено, которыя называются градусами, и каждой градусъ содержитъ на земли 15 нѣмецкихъ миль.

6: И понеже кругомъ всего свѣта 360 такихъ градусовъ, что учинитъ 5400 нѣмецкихъ миль, того ради сія есть величина всего свѣта въ округлости.

7: Оныи же градусъ раздѣляется потомъ въ 60 минутъ, и того для одна минута придетъ на четверть мили, а 4 минуты учинятъ цѣлую нѣмецкую милю.

8: Такія минуты обычайно на шпеціальныхъ или особныхъ картахъ объявлены, и того для градусовъ съ минутами перемѣнять не надобно.

6. Какое раздѣленіе натура учинила?

1: Понеже Богъ единожды при сотвореніи свѣта повелѣлъ, да соберется вода, яже есть подъ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша, того ради натура и до сего часа при томъ раздѣленіи осталась.

2: И тако въ нынѣшнее время весь свѣтъ состоитъ въ землѣ и въ водѣ, которое около всего земного круга чуднымъ образомъ смѣшано.

7. Како раздѣляется земля?

1: Земли лежатъ вездѣ разсѣяны, и хотя въ нынѣшнемъ времени корабельное плаваніе такъ въ совершенство пришло, что мы изъ зѣло дальнихъ мѣстъ подлинную вѣдомость получить можемъ, однако обрѣ-

таютца индѣ цѣлыя провинціи, которыя отъ части для стужи; а отъ части для свирѣпыхъ жителей еще ни отъ кого осмотрѣны быть могутъ.

2: А понеже въ сихъ послѣднихъ временахъ великія земли найдены, о которыхъ на предъ сего не вѣдомо было: того ради можно вѣрить, что и нынѣ еще многія земли обрѣтаются, которыхъ понынѣ еще не видали.

3: И такимъ образомъ находятца вѣдомыя и не вѣдомыя земли.

8. Которыя суть вѣдомыя земли?

1: Оныя суть четыре болшія части свѣта, которыя натура сама смѣшаніемъ водъ раздѣлила.

Европа, въ которой мы живемъ, лежитъ къ сѣверу, и оная есть меншая часть.

Азія лежитъ къ востоку, и оная есть болшая часть.

Африка къ полудню, она же и жарчайшая.

Америка къ западу есть богатѣйшая страна.

2: Первыя три части, а имянно: еvропа, азіа, африка, изъ древни временъ знаемы были, того ради оныя купно называются старои свѣтъ.

3: Америка же токмо предъ 100 годами обрѣтена, того ради обычаино новои свѣтъ называется.

11. Какое раздѣленіе потентаты учинили?

1: Всѣмъ свѣтомъ никогда одинъ не владѣлъ, но многія области во ономъ раздѣлялися: того ради имѣемъ нынѣ цесарства, царства, королевства, курфирства, княженія, герцогства, маргграфства, ландграфства, бургграфства, графства, владѣтельства, архіепіскопства, епископства, игуменства, пробсткія владѣнія, и прочая.

2: И въ семъ политическомъ раздѣленіи обычаино границы субтелными, и едва межъ собою не связанными точками означены, которыя потомъ красками разцвѣчены бываютъ, дабы оныя наилутче и внятнѣе примѣчались.

3: Однако сіе раздѣленіе на всемъ земномъ кругѣ не является, но оныя имѣютъ въ послѣдующихъ главахъ на разныхъ ландкартахъ со временемъ показаны быть.

О ландкартѣ европской.

1. Какія границы имѣетъ Европа?

Европа едва не вся водою окружена, токмо по-зади ко Азіи землею смежна; границы за подлинно еще не поставлены, однако распространяютъ многіе географы сію часть свѣта до рѣки Оби, которая отъ сѣвера, и даже до рѣки Волги, которая послѣди къ югу, и такимъ образомъ на ландкартѣ внизъ течетъ.

2. Како раздѣляется Еvропа?

Наилучше можно раздѣленіе примѣтить, когда еvропу, яко сѣдящую дѣвицу, размышлять кто станетъ.

1: Фантанжъ есть Португаль. 2: Лице то Испанія. 3: Груди то Франціа. 4: Лѣвая рука, то англіа, шкоціа и ірландіа. 5: Правая рука італіа. 6: Подъ лѣвою рукою лежитъ Нидерландіа. 7: Подъ правою рукою лежатъ швеицеры. 8: Къ тѣлу надлежатъ: цесаріа, полша, и венгеры. 9: Колѣни, то даніа, норвегіа и швеціа. 10: Одежда до ногъ есть московское государство. 11: Позади же еще останутца еvропскія турки и греческая земля. 12: Острова около еvропы всегда къ ближнимъ землямъ причитаются.

О ландкартѣ гишпанской.

1. Что на сей картѣ является?

Все королевство гишпанское, по латінѣ гіспаніа, по-французски эспанъ, которое много иныхъ королевствъ и провинцеи въ себѣ содержитъ, которыя всѣ па сей картѣ такъ явственно означены, что шпеціалнои карты не потребно будетъ.

2. Какое положеніе мѣста испаніа имѣетъ?

1: Отъ германіи лежитъ оная къ западу, и понеже отъ італіанцовъ также лежитъ. Того ради латінскія стіхотворцы назвали оную гесперіа, можетъ быть отъ звѣзды вечернія, которая латінски геспе-русъ называется.

2: А когда греческія авторы имя гесперіа употребляютъ, то они чрезъ то італію разумѣваютъ, ибо оная отъ греческои земли также къ западу лежитъ.

3: А сама въ себѣ съ провинціями вдоль и поперегъ такое положеніе имѣетъ, что вся земля еще отъ старыхъ географовъ разпростертои телячеи кожѣ уподоблена была.

3. Какія границы іспанія имѣетъ?

Въ верху и внизу, то есть къ сѣверу и къ югу окружена водою, а по лѣвую сторону и по правую, то есть къ западу и востоку, смежна съ другими государствы.

6. Какова сосѣда имѣетъ гишпаніа по лѣвую сторону?

Сосѣдемъ есть король португалской, которой 1703 вступя въ аліанцію съ высокими союзники противъ гишпаніи, вездѣ тую обезпокоить можетъ, а противъ того для пограничныхъ горъ, и португальскихъ своихъ крѣпостеи мало опасатся имѣетъ.

7. Какова сосѣда имѣетъ гишпаніа по правую сторону?

1: Тамо есть король францускоі, и хотя сія оба королевства, а имянно францусское и гишпанское яко бы каменною стѣною натура разлучила, то есть пиринеискими горами, которыя отъ одного моря до другова продолжаются, и для непрестанного снѣга съ великою трудностію проходимы бываютъ.

2: Однако, когда въ прежнемъ времени гишпанцы съ французами между собою такъ озлоблены были, что являлось аки бы природная ненависть между оными обѣими народами вкоренилась: Того ради въ то время Французы иногда со всею армеею чрезъ оныя горы переходили.

3: Нынѣ же та злоба между обѣими націами окончается ли. Понеже француской принцъ на гишпанскои престолъ вступилъ, то въ предь обьявится, между тѣмъ еще въ 1660 году, послѣ пиринеискаго мира за твердо поставлено было, чтобъ славнои горѣ капо де креицъ, лат.: промонторіумъ крупсисъ, границѣ быть.

28. Какова состоянія жители гишпанскія?

1: Хвалятъ у оныхъ остроуміе ихъ, и постоянство, а противъ того хулятъ гордость ихъ, лѣнивство: а особливо проѣзжія люди и иностранныя гишпанскими корчмами зѣло не доволны.

2: Оныя имѣютъ особои свои языкъ, съ латинскимъ во многомъ сходенъ, и такимъ образомъ кажется, что оныи отъ латинскаго родился.

3: Что между гишпанцами и французами природная ли или обыклая антіпатія состоитъ, о томъ еще по нынѣ диспутуются.

4: Въ протчемъ гишпаніа гораздо столко жителей не имѣетъ, сколко бъ оная обнять могла, а причины ктому отъ части за воздухомъ, а отъ части за невременною любовію: Также и ради безмѣрнаго множества духовныхъ, ради изгнанія мaraновъ, и для жестокой інквизіціи, и для многихъ оттуда переведенцовъ быть являются.

29. Какая вѣра въ гишпаніи?

1: Всѣ сряду имѣютъ римскую католицкую вѣру, за 200 лѣтъ было тамо и жидовъ и срацынъ много. Но единожды въ лѣто 1492, а вторично въ лѣто 1610, оныя миліонами выгнаты оттоль.

2: Не за долго предъ реформаціею, и духовнои судъ, по гишпански нквизиціонъ называется, отъ Фердинанда католика въ ішпапіи зачался, отъ котораго щастливо, или болше нещастливо препона учинилась, что свѣтъ евангельскія истинны никогда въ гишпаніи просіять могъ.

30. Кому всѣ сія земли надлежатъ?

1: Прежде сего подъ властію единаго короля были, которои въ королевствахъ вице королеи, а въ другихъ провинціахъ губернаторовъ своихъ имѣлъ, и оныхъ обычаино по вся три года перемѣнялъ, а нынѣ спорются оба домы аустріискои и анжуской о сеи великои монархіи, и въ нынѣшнемъ 1711-мъ году анжуская партіа гораздо перетягала.

2: Обстоятелства о соединенiи толь многихъ земель касаются къ гисторiи, собственное обстоятелство правителства въ политикѣ обрѣтается, а вѣдѣнiе о королевскомъ домѣ надлежитъ въ генелогiю.

О ландкартѣ iталiанскои.

1. Какое положенiе имѣетъ iталiа?

Iталiя есть узкая да долая часть земли, которая на медитеранское море простирается. И въ ландкартѣ на подобiе сапога авляется.

Въ верху касается германiи, къ швеицарiи и къ Францiи, а около вездѣ окружена водою.

Вода, которая около iталiи обрѣтается въ верху, называется дичустиское море, понеже геневская страна, гдѣ море сiе идетъ, прежде сего лигурiа имяновалась.

А которая въ низу окружилась, называется море тосканское, или ширенское, понеже та страна, гдѣ сiе море касается, и которая нынѣ тоскана слыветъ, прежде сего ширенiа называлась.

Вода, которая надъ iталiею подобно великому морю, и называется обычаино голфо ди венецiа, или море адрiатiческое. Понеже въ верху недалече отъ венецiи лежитъ городъ адрiа, которои прежде сего такъ славенъ былъ, что и море оное отъ того прозванiе себѣ получило.

3. Коль велика можетъ быть iталiа?

Въ длину отъ швеицаръ даже до низу учинитъ около 200 нѣмецкяхъ миль. А ширина различна есть, въ верху учинитъ 140 миль. А въ низу на нѣкоторыхъ мѣстахъ на силу 30 или 40 нѣмецкихъ миль.

4. Какое состоянiе iталiанская земля имѣетъ?

Въ верху, гдѣ швеицарiи и Францiи касается, тамо суть превеликiя горы, которыя генерално алпы, или швеiцарсскiя горы называются, а по латiнѣ алпесъ.

Потомъ зачинается отъ алповъ алпенская гора, лат.: монсъ аппенiусъ, и продолжается сквозь всю iталiю.

Въ протчемъ iталiа есть преизрядная земля во всемъ свѣтѣ. И ради неподобнаго и многаго своего плодоносiя въ вiнахъ, и въ протчихъ сладостяхъ по правдѣ раи сего свѣта называется токмо хлѣба гораздо столко неродится, нежели какъ жители удоволствованы быть могутъ. Однако недостатокъ онои исправляютъ, и привозятъ, какъ изъ полши, такъ и изъ африки хлѣба доволно.

5. Какова состоянiя суть жители оныя?

Iталiанская нацiа достойна похвалы, что они суть остроумны. Понеже они въ музыкѣ и въ архiтектурномъ и живописномъ художествахъ, и въ протчихъ мудрыхъ искуствахъ предъ другими народы не мало превосходятъ.

При томъ приписуетца имъ ревнованіе не вѣдомо, либо за хулу, или яко благочестіе также и превеликое неприступное злопамятство.

Прежде сего отъ бандітовъ или разбоиниковъ въ італіи, а особливо въ низу въ неаполи зѣло опасно пріѣзжимъ бывало, однакожъ нынѣ оныя гораздо успокоены и утолены.

Въ протчемъ не можно лучше італіанскаго нрава описать, кромѣ что когда говоритца. Что у нихъ есть темпераментъ или природа между гишпанскою гордостію и францускою безпечалностію, или веселостію.

6. Какая вѣра есть во італіи?

Вездѣ тамо есть римская католицкая вѣра. И къ тому удостоена земля сія, что глава римскаго католицкаго сонмища, и зовомой викаріи, или намѣстникъ христовъ—непремѣнно тамо резиденцію свою имѣетъ.

Однако, не смотря на то ни гдѣ столко легкомысленныхъ и безчинныхъ въ римскои католицкои вѣрѣ поступокъ не бываетъ, какъ въ самой італіи.

Удивителножъ и сіе, что въ самомъ римѣ жиды вѣру свою отправлять могутъ, а реформатамъ того не позволено.

Въ долинахъ между алпейскихъ горъ хоронясь живали, прежде сего нѣкоторыя имянуемыя валдензы, которыя гораздо сходны къ реформацкои вѣрѣ. Но потомъ хотя немилостивно оныхъ изъгоняли. Однако не великая частица и до нынѣ оныхъ тамъ осталась.

7. Кто владѣетъ въ італіи?

Во время христова рождества имѣлъ городъ римъ не токмо надъ італіею, но и едва не всѣмъ свѣтомъ владычествовать и повелѣвать.

И такимъ образомъ была італіа тогда началнѣишая провинціа римскаго государства. Потомъ пришли въ 5-мъ, 6-мъ, 7-мъ, и въ 8-мъ секулахъ готы, гуны, герулы, лонгобарды, и протчія варварскія народи во італію, которыя опустоша все учинили тѣмъ западному римскому государству жалостной конецъ.

Но когда послѣ того времени сія изрядная земля помощію немецкихъ цесареи отъ оныхъ невѣжливыхъ гостей освободилась, зачалися тамо со временемъ разныя королевства, герцогства и волныя републики.

Въ первыхъ папа свою часть имѣетъ, потомъ имѣетъ цесарь своихъ удѣлныхъ начальниковъ, такъ же король гишпанской имѣетъ тамо свою порцію, или долю,

Въ протчемъ многія обрѣтаются самовластныя князи, и републики, о которыхъ ниже сего вскорѣ объявлено будетъ.

8. Како раздѣляется італіа?

Лутче при фигурѣ сапога остатся, а сапогъ раздѣляется въ три части.

1: Верхняя часть—гдѣ отвороты:

2: Средняя часть—голенища,

3: Нижняя часть—ступень такимъ образомъ раздѣляемъ и італію въ три части.

I: Верхняя часть італіи около рѣки Поа.

II: Средняя часть італіи около рѣкъ арна и тибера.

III: Нижняя часть італіи весма въ низу, а понеже около італіи многіе острова обрѣтаются, того ради еще прилагается.

LXXXVII. Положеніе народа при Петрѣ Великомъ и Посошковъ.

(Изъ соч. Водовозова: «Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка»).

Преобразованія, начатыя Петромъ, стоили большихъ жертвъ народу. Эти жертвы ложились на всѣ сословія, но всего болѣе на крестьянъ. Отъ сельскихъ общинъ, во-первыхъ, постоянно требовали рабочихъ, которые нужны были при постройкѣ многочисленныхъ укрѣпленій на границѣ и въ Петербургѣ, въ губерніяхъ Азовской, Кіевской, Воронежской,—при постоянномъ, усиленномъ судостроеніи близъ Воронежа, въ Московской губерніи, гдѣ приготовляли суда для сплава казенныхъ запасовъ, въ Архангельскѣ, въ Олонцѣ, въ Петербургѣ. Въ Казанской губерніи поселяли плотниковъ и пильщиковъ, чтобы готовить запасы для флота. Многочисленные плотники, каменщики и всякіе другіе ремесленники были собираемы со всей Россіи для поселенія въ Петербургъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ въ Петербургъ высылали до 40000 рабочихъ ежегодно; при этомъ взыскивали съ народа деньги на ихъ содержаніе. Обыкновенно брали по одному рабочему съ извѣстнаго числа дворовъ; но отъ дурного содержанія, отъ различныхъ притѣсненій, отъ непривычки къ новымъ, труднымъ работамъ, многіе изъ нихъ разбѣгались или умирали, и общины должны были постоянно возобновлять недостающее число. Число бѣглыхъ наконецъ такъ увеличилось, что царь нашелъ болѣе удобнымъ, вмѣсто обязательной высылки рабочихъ, обложить общины извѣстною податью, а работы производитъ по найму, черезъ подрядчиковъ.

Другою повинностью была рекрутчина. По причинѣ постоянныхъ войнъ и трудныхъ походовъ, при Петрѣ особенно часто происходили рекрутскіе наборы. Брали съ 50 и даже съ дворовъ по рекруту; на ихъ содержаніе собирали деньги съ помѣщиковъ, общинъ и торговыхъ людей. При громадномъ количествѣ бѣглыхъ и умирающихъ, и здѣсь приходилось пополнять постоянный недочетъ въ арміи.

Царь изобрѣталъ все новые способы для увеличенія войска. Бѣжавшіе отъ помѣщиковъ не выдавались, если шли въ солдаты; принимали воровъ и бездомныхъ бродягъ; брали въ рекруты изъ дворовыхъ и работниковъ, служившихъ у купцовъ, изъ дѣтей духовенства, изъ ямщиковъ, изъ приказныхъ и подъячихъ. Для флота выбирали матросовъ изъ людей, которые въ сѣверномъ краѣ занимались промыслами на морѣ и на озерахъ. Громадныя издержки на флотъ и сухопутное войско требовали все новыхъ налоговъ. Царь особенно награждалъ людей, умѣвшихъ увеличить казенные доходы. Придумавали для этого всевозможные

способы. Для просьбъ, для всякихъ дѣлъ съ казною, стали продавать клейменую (гербовую) бумагу; обложили пошлинами и всякіе записи, договоры, условія, сдѣлки.

Казна получала значительныя деньги, продавая отъ себя вино, соль, табакъ. Многіе предметы промысловъ и торговли отдавались на откупъ. Такъ, отдавались съ торговъ рыбныя ловли, постоялые дворы, торговыя пристани, мельницы, мосты, перевозы, пчельники, бани. Если же и дозволяли этимъ дѣломъ промышлять каждому, то не иначе, какъ съ уплатою пошлинъ. Въ Москвѣ устроены были заставы, гдѣ брали со всякаго воза небольшую пошлину. Мастеровые, плотники, каменщики, хлѣбники платили по двѣ гривны. Налогъ на бороды состоялъ въ слѣдующемъ: со служилыхъ, торговыхъ и посадскихъ брали по 60 руб. въ годъ, съ богатыхъ купцовъ—по 100 руб.. съ боярскихъ людей и ямщиковъ—30 руб., съ крестьянъ—по 2 деньги лишь при каждомъ въѣздѣ и выѣздѣ изъ города. Царь придумалъ и подать на дубовые гробы, которые продавались вчетверо дороже противъ обыкновенной цѣны. Были и разныя мелкія повинности. Такъ, каждый пріѣзжавшій въ Москву крестьянинъ долженъ былъ привезти съ собою и сложить у заставы три камня для мостовыхъ и построекъ. На болѣе богатыхъ купцахъ и помѣщикахъ лежала особая повинность — строиться въ Петербургѣ. Сначала они обязаны были строить себѣ домъ на Петербургской и по лѣвому берегу Невы (по нынѣшней Милліонной), а потомъ на Васильевскомъ островѣ. Строившіе должны заготовлять и извѣстное количество кирпичей. Кромѣ всего этого, своимъ чередомъ шла съ дворовъ обыкновенная подать на содержаніе войска и другія государственныя нужды. Эту подать взимали по старымъ переписнымъ книгамъ, въ которыхъ значились дворы, уже давно не существовавшіе. Помѣщикъ долженъ былъ иногда платить за 100 дворовъ, когда у него было ихъ менѣе 50. Взыскивая деньги съ крестьянъ, онъ доводилъ ихъ до совершеннаго разоренія, и они у него разбѣгались. Послѣ этого и самъ онъ спасался бѣгствомъ, боясь отвѣтственности за невысланныя деньги. Напротивъ, богатые помѣщики укрывали настоящее число дворовъ и платили меньше. Тогда Петръ приказалъ сдѣлать новую перепись народа и завести метрическія книги. Къ концу царствованія, послѣ сдѣланной ревизіи, онъ приказалъ брать, вмѣсто прежней подворной, подушную подать: съ каждой ревизской души по 80 копѣекъ. Купцы, не участвуя въ рекрутской повинности, вносили, кромѣ другихъ податей, по 100 руб. за каждаго рекрута, котораго, по разсчету, пришлось бы имъ поставить. Новые порядки не поправили дѣла: помѣщики укрывали число людей, какъ прежде дворы; изъ того, что чиновники собирали съ народа, и третьей части не попадало въ казну. Недоимки все болѣе возрастали: обыкновенно казна получала не болѣе половины того, что предполагала получить по росписи доходовъ. Кто не могъ заплатить, отработывалъ свой долгъ въ Петербургѣ или въ другомъ мѣстѣ. Все это давало поводъ враждебнымъ Петру людямъ толковать: „Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ напустилъ этого царя на царство, мы и свѣтлыхъ дней не видали: все рубли да полтины, да подводы. Это міроѣдъ—весь міръ переѣлъ, переводитъ добрыя головы, а на него, кутилку, и переводу нѣтъ“. А одинъ попъ, искажая новый титулъ государя, объяснялъ: „Императеръ, потому что людей перетеръ“.

Но какъ ни тягостны были всѣ указанныя нами повинности, большая часть изъ нихъ устанавливалась временно и при томъ для возвышенія государства, для распространенія науки. Гдѣ возможно, Петръ облегчалъ эти тягости, прощая недоимки за многіе годы. Конечно, нѣкоторыя изъ придуманныхъ имъ податей и повинностей могли быть очень стѣснительными и вредными для промышленности и торговли; но надо помнить, что въ то время еще не знали другихъ средствъ получать деньги, какъ, напримѣръ, нынѣ, путемъ кредита. Надо удивляться, какъ могъ Петръ сдѣлать такъ много, имѣя съ государства дохода около 3 милл. рублей, а въ послѣдній годъ царствованія лишь 10 милліоновъ рублей на тогдашнія деньги. Важнѣе то обстоятельство, что исполнители воли Петра страшно злоупотребляли своею властію, и съ этимъ стариннымъ зломъ царю было трудно бороться. Раскрывались такія дѣла. Рабочихъ и рекрутовъ, при пересылкѣ, держали въ кандалахъ, по острогамъ, часто безъ обуви и безъ пищи. Присваивали себѣ назначенныя на нихъ кормовыя и пересылочныя деньги, и, гдѣ нужно было везти ихъ на подводахъ, гнали ихъ пѣшими. Тоже видимъ при сборѣ податей, при воинскихъ постояхъ. Различныя власти имѣли свой судъ, свои канцеляріи, своихъ служителей, и всѣ думали о наживѣ, укрывая грабителей, вымогая, что можно было взять, всякимъ обманомъ. Петру не разъ приходилось издавать такіе указы: „Извѣстно учинилось, что возрастаютъ на всенародную тягость великія неправды и грабительства, и тѣмъ многихъ чиновъ люди, а особенно крестьяне, приходятъ въ раззореніе и бѣдность... то, чтобы не дерзали никакихъ казенныхъ посуловъ и съ народа сбираемыхъ денегъ брать торгомъ, подрядами и прочими вымыслами. Кто это сдѣлаетъ, будетъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнія лишенъ, шельмованъ и смертью казненъ“.

Понятно, что при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ число бѣглыхъ должно было увеличиваться, хотя многіе бѣжали въ скиты и отъ грѣха, какой видѣли во всякой новизнѣ, многіе скрывались и отъ обычной русскому человѣку лѣни. Такъ, однажды изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ бѣжало до 20000 человѣкъ рекрутъ и рабочихъ. Кромѣ раскольниковъ, бѣглые находили пріютъ въ Польшѣ, или у малороссійскихъ и донскихъ казаковъ; нерѣдко они собирались въ большія разбойничьи шайки, въ 200 и болѣе человѣкъ, и свирѣпствовали около Москвы, въ петербургской губерніи (гдѣ однажды собралась шайка въ 9000 человѣкъ), на псковской границѣ и на всемъ пространствѣ отъ Пскова до Ярославля. Они нападали на усадьбы, жгли и грабили безъ пощады. Такъ, въ названныхъ нами мѣстахъ разорено около 100000 дворовъ. Бѣглыхъ жестоко наказывали, ссылали на каторгу, обѣщали имъ прощеніе, если возвратятся: все это мало помогало. Однако внутри Россіи дѣло ограничивалось разбоями: здѣсь хотя и недостаточно было войска, чтобы изловить всѣхъ разбойниковъ, но довольно, чтобы не допустить народъ до возмущенія. Не то происходило на окраинахъ, въ Астрахани и на Дону. Въ Астрахани началась смута въ 1705-мъ году вслѣдствіе толковъ заѣзжихъ купцовъ и стрѣльцовъ. Говорили, что въ Казани по дворамъ безчинствуютъ нѣмцы, оскорбляя женщинъ, что этихъ нѣмцевъ нашлютъ и въ Астрахань, и выдадутъ за нихъ всѣхъ астраханскихъ дѣвицъ. Въ испугѣ астраханцы въ одинъ день сыграли сто свадебъ.

Они пугались также *кумірскихъ боговъ*, какіе заводятъ нѣмцы и подражавшіе имъ русскіе. Велѣно разыскать, что это за кумірскіе боги, и оказалось, что это болваны, на которыхъ расправляютъ и сохраняютъ парики для сбереженія. Но главнымъ виновникомъ зла былъ воевода Ржевскій. Вводя новые обычаи, онъ жестоко притѣснялъ и оскорблялъ народъ. Обрѣзывали полы платья тѣмъ, кто входилъ въ церковь въ старинной одеждѣ; вырывали щипцами бороды съ мясомъ. Астраханцы жаловались: „Съ насъ берутъ по рублю банныя деньги, съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, завели причальныя и отвальныя пошлины. Привези хворосту въ лодкѣ хоть на шесть денегъ, а привальнаго заплати гривну". Народъ, наконецъ, не вынесъ; ночью ворвался въ Кремль и убилъ Ржевскаго вмѣстѣ съ нѣсколькими нѣмцами. Подъ руководствомъ ярославскаго купца Носова, астраханцы устроили у себя казацкое управленіе; къ нимъ присоединились жители Чернаго и Краснаго Яра на Волгѣ. Петръ послалъ противъ нихъ Шереметева съ войскомъ. Этотъ осадилъ Астрахань и вступилъ въ переговоры съ мятежниками, обѣщая имъ прощеніе, если покорятся. Одинъ изъ приближенныхъ царя писалъ по этому случаю: „довольно я съ ними толковалъ; всѣ кажутся вѣрны и мужики добрые; а намъ лучшіе воры немного вѣрятъ, только и въ насъ не безъ воровъ бывало". Астраханцы упорствовали, пока Шереметевъ не началъ стрѣлять въ городъ ядрами. Тутъ они покорились, и болѣе 350-ти человѣкъ изъ нихъ казнены или погибли въ тюрьмахъ. Другое возмущеніе, на Дону, произошло въ 1707-мъ году. Уже давно въ сѣверной части Донской области, по рѣкамъ Медвѣдицѣ, Хопру, Донцу селились бѣглые изъ московскаго государства. При Петрѣ эти поселки стали особенно людными. Жители ихъ называли себя казаками, подчинялись казацкому управленію въ Черкасахъ, но отличались отъ болѣе зажиточныхъ и знатныхъ казаковъ тѣмъ, что всегда готовы были враждовать съ Москвою. Въ 1707 году Петръ отправилъ на Донъ Юрія Долгорукаго—разыскивать въ этихъ городкахъ бѣглыхъ. Казацкіе старшины приняли его съ честью и дали ему провожатыхъ; но когда Долгорукій началъ свое дѣло, атаманъ съ одной станицы на Донцѣ, Кондратій Булавинъ, напалъ на него и убилъ его, истребивъ весь его отрядъ Булавинъ сталъ возмущать населенные бѣглыми городки и задумалъ, привлекши на свою сторону все казацкое войско, взять Азовъ и Таганрогъ, идти на Воронежъ, а потомъ и на Москву. Дѣло началось для него неудачно. Войсковой атаманъ Максимовъ разбилъ его шайку и перевѣшалъ его сообщниковъ. Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, и на слѣдующій годъ явился съ новою дружиной. Теперь удалось ему поднять все населеніе мелкихъ городовъ; повсюду разсылалъ онъ граматы, призывая народъ идти за вѣру противъ князей, бояръ и нѣмцевъ. Скоро собрались огромныя шайки подъ начальствомъ разныхъ сообщниковъ Булавина, каковы были: Хохлачъ, Голый, Рваный. Они распространяли и въ сосѣднихъ мѣстахъ Россіи такія воззванія: „Вы, голутьба, идите со всѣхъ городковъ, конные, пѣшіе, босые и нагіе! Будутъ вамъ кони и оружіе, и платье, и денежное жалованье. Мы стоимъ за правую вѣру". Булавинъ скоро одолѣлъ Максимова и взялъ Черкасы. Собравшіеся казаки теперь избрали его своимъ атаманомъ, а Максимовъ, по приговору ихъ, былъ обезглавленъ. Но успѣхи новаго атамана продолжались не долго. Царь выслалъ противъ него Василія Долгорукаго, брата убитаго

Юрія, и велѣлъ безъ пощады жечь и истреблять всѣ поселенія булавинцевъ, а ихъ самихъ вѣшать, колесовать, четвертовать и проч. Царскія войска вездѣ безъ труда разбивали нестройныя казачьи толпы; попытка Булавина взять Азовъ тоже не удалась. Видя, что дѣла идутъ плохо, казаки скоро отъ него отступились и уже рѣшили выдать его Долгорукому. Булавинъ встрѣтилъ съ оружіемъ посланныхъ противъ него людей, но не въ силахъ былъ имъ противиться и застрѣлился изъ пистолета. Волненіе еще продолжалось въ сѣверныхъ частяхъ Донской области, такъ какъ жители тутъ не ждали себѣ никакой пощады. Долѣе другихъ сопротивляется Голый, но и его шайка, наконецъ, совершенно истреблена. Одинъ изъ атамановъ, Некрасовъ, съ 2000 казаковъ, бѣжалъ на Кубань, подъ покровительство крымскаго хана. Къ нему спасались и другіе казаки. Число *некрасовцевъ* впослѣдствіи очень увеличилось. Они жили на Кубани, пока, въ царствованіе Екатерины II, не былъ завоеванъ Крымъ и все прибрежье Чернаго моря. Тогда они переселились въ Турцію.

Рядомъ съ этими неустройствами мы встрѣчаемъ и примѣры, что наука, которую вводилъ Петръ, была разумно принята и усвоена людьми изъ народа. Чтобы она принесла для народа свои плоды, приходилось ждать еще долго, тѣмъ болѣе, что объ образованіи низшихъ классовъ и вовсе не думали. Но постройка судовъ, распространеніе фабрикъ, сближеніе съ иноземцами—все это не могло не возбуждать народный умъ, и болѣе смышленые люди уже во время Петра выступаютъ замѣчательными самоучками. Таковъ былъ Посошковъ, „убогій міряиинъ села Покровскаго“. Научившись грамотѣ, онъ своимъ находчивымъ, изобрѣтательнымъ умомъ сталъ извѣстенъ сначала нѣкоторымъ изъ знатныхъ лицъ, а потомъ и царю, который поручилъ ему дѣлать „огнестрѣльныя рогатки“, на которыхъ класть бы ружья, чтобы стрѣлять залпомъ. Посошковъ пускался въ разные промыслы, имѣлъ подъ конецъ жизни своей винный заводъ, земли близъ Новгорода и могъ уже давать до 1000 рублей на образованіе сына, котораго отправилъ за границу. Онъ писалъ разныя сочиненія; но особенно извѣстенъ своею книгою: „О скудости и богатствѣ“, которую представилъ царю не задолго передъ его смертью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Петра, Посошкова, неизвѣстно за что, заключили въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь онъ и умеръ въ 1726 году. Посошковъ не учился никакимъ наукамъ, но съ необыкновенной смѣтливостью перенималъ все, что видѣлъ. Онъ становится послѣдователемъ, ревностнымъ ученикомъ Петра. Въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ онъ повторяетъ многое, что мы находимъ въ царскихъ распоряженіяхъ и указахъ. Онъ предлагаетъ улучшенія, подаетъ совѣты, какъ это дѣлалось по вызову Петра и другими. Самое названіе книги показываетъ, что Посошковъ имѣлъ въ виду заботы царя о томъ, чтобы увеличить богатство, а съ нимъ и доходы государства. Онъ мѣстами и объясняетъ, какъ лучше и вѣрнѣе собирать доходы, какъ въ томъ или другомъ случаѣ уменьшить издержки. Во многомъ, что онъ предлагаетъ, видны и неудачныя измышленія совѣтника-самоучки; по грубости вѣка, въ который онъ жилъ, онъ стоитъ за жестокія истязанія, за пытки и казни, за преслѣдованіе раскольниковъ.

Но все это не мѣшаетъ Посошкому высказать и свой самобытный умъ, свой взглядъ на вещи: онъ смотритъ на преобразованія такъ, какъ могъ бы смотрѣть на нихъ смышленый человѣкъ изъ народа и обращаетъ особенное вниманіе на тѣ стороны, которыя касались *внутреннихъ улучшеній*, установленія *правды*, какой напрасно искалъ царь въ окружавшихъ его людяхъ. Въ искренности Посошкова нельзя сомнѣваться. „Я уже съ юности былъ такимъ, говоритъ онъ, что лучше мнѣ на себѣ понести какую пакость, чѣмъ умолчать, видя что-нибудь неполезное“. Смыслъ книги Посошкова заключается въ объясненіи самаго слова: „богатство“. „Не то царственное богатство,—говоритъ онъ,—что въ казнѣ собрано много добра; и не то, что приближенные царя ходятъ въ златотканной одеждѣ, а то царственное богатство, чтобы весь народъ, по мѣрѣ возможности, былъ богатъ, да чтобы позаботиться о невещественномъ богатствѣ, объ истинной правдѣ“. Такъ онъ и выискиваетъ средства утвердить правду, разбирая въ какомъ положеніи находятся всѣ сословія. Отъ духовенства онъ требуетъ, чтобы оно училось. „Грамота,—говоритъ Посошковъ,—дѣло великое и прочное“. Надо позаботиться о бѣдныхъ сельскихъ попахъ, которые часто служатъ въ лаптяхъ, въ бѣлой или сѣрой, сермяжной одеждѣ: питаться бы имъ десятиною, отъ церкви, а не отъ работы, или рукодѣлія. Войско тоже живетъ въ нуждѣ: солдату идетъ 30 алтынъ въ мѣсяцъ, а за вычетами онъ не получаетъ и 10 алтынъ. Отъ того и побѣги и воровство. На квартирахъ солдаты и офицеры чинятъ обиды, такъ что многіе и домамъ своимъ не рады. Войско бы уменьшить, а лучше позаботиться о хорошихъ стрѣлкахъ, назначивъ за искусную стрѣльбу награду. Вотъ, у насъ вѣра и правая, а въ судахъ хуже, чѣмъ у бусурманъ. Приказные люди только свою тягость исчисляютъ, а людская ни во что: волочатъ со всякою отповѣдью въ городъ, а прямого дѣла и на алтынъ нѣтъ; посадятъ въ тюрьму, такъ держатъ лѣтъ по пяти, по шести и больше, не вершая дѣла: правый подчасъ такъ и умираетъ безъ суда, а разбойники убѣгаютъ. Подтвердить бы судьямъ подъ страхомъ жестокой кары, чтобы берегли людей отъ убытку, вершили дѣло въ извѣстный срокъ, да слушали его умомъ, а не ушами только, да нужно бы постановить и новые законы. Чтобы оставить новое уложеніе, избрать всякихъ чиновъ людей, которые не высокоумны, а разумны и правдолюбивы, и изъ крестьянъ, что въ сотскихъ и старостахъ бывали“. Я видѣлъ и въ Мордвѣ разумныхъ людей,—говоритъ Посошковъ,—то какъ имъ не быть въ крестьянствѣ“. Новосочиненный уставъ освидѣтельствовать всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, „написать его совершеннымъ народо-совѣтіемъ, чтобы каждый самъ себя выстерегъ“. Царю не такъ полезны постъ и молитва, какъ правосудіе. А у насъ неправда сильно вкоренилась и застарѣла, и намъ то весьма зазорно, что бусурмане чинятъ судъ праведный.

Въ дворянствѣ не выполняютъ законъ о недоросляхъ, не идутъ на службу: наложитъ на себя юродство или тяжкую болѣзнь, его отпустятъ, а онъ пріѣдетъ домой и „рыкаетъ какъ левъ“, разоряетъ своихъ сосѣдей! Убогіе изъ дворянъ по 30 лѣтъ служатъ, а богатый 5, 6 лѣтъ послужитъ, да и помышляетъ, какъ бы занять спокойное мѣстечко. Пособниковъ у великаго монарха, по его желанію, не много: онъ на гору если самъ-десятъ и тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ,—то какъ его дѣло споро будетъ. Лежебоковъ щадить нечего. Собирать бы на службу и здо-

ровыхъ нищихъ: такихъ наберется на Руси тысячъ 20, 30 и больше, съѣдятъ даромъ тысячъ 50, 60 четвертей хлѣба: если положить на человѣка рублей по 6 въ годъ, то вотъ уже 200,000 рублей пропадаетъ. А сколько отъ нерадѣнія судейскаго сидятъ по тюрьмамъ; ѣдятъ хлѣбъ, ничего не дѣлая! Да у насъ въ поборахъ за гривну душу изъ человѣка хотятъ вытянуть, а гдѣ многія тысячи погибаютъ напрасно, нимало не смотрятъ. Въ купечествѣ надо смотрѣть, чтобы не обмѣривали, не обвѣшивали, не продавали плохіе товары за хорошіе. Нынѣ дворяне и знатные люди вступаютъ въ торги, не платя пошлины; если ужъ хотятъ торговать, пусть бы записывались въ купцы. Иноземцы тоже набиваютъ на все тройную цѣну, потому что имъ радѣютъ бояре: сунутъ они сильному человѣку подарокъ въ 100 руб., а выторгуютъ на полмилліона. Нужно бы намъ заводить свои промыслы, чтобы обходиться безъ иноземныхъ товаровъ. Нашихъ правителей разсужденіе не здравое, когда русскаго человѣка ни во что не ставятъ: даютъ ему по 5 коп. на день, а иноземцевъ часто не за дѣло награждаютъ.

Жизнь крестьянъ у насъ скудная отъ лѣности, отъ неразсмотрѣнія властей, отъ помѣщичьяго насилія. Помѣщики налагаютъ страшное бремя: въ рабочую пору не дадутъ и единаго дня на себя поработать,— стригутъ, какъ овцу, до горла. Отъ того многіе бѣгутъ въ низовые города и на Украйну. Помѣщики не берегутъ крестьянъ, потому что не вѣковые имъ владѣльцы; прямой ихъ владѣтель Россійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно. Посошковъ писалъ это, конечно, слыша что-нибудь о намѣреніи Петра ослабить власть помѣщиковъ. Желая свободы крестьянамъ, онъ говоритъ и противъ подушнаго населенія: „Отъ счисленія душевнаго не чаю быть проку, понеже душа вещь неосязаемая и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя"—и онъ даетъ совѣтъ, какъ расчислять крестьянскіе дворы. Крестьянскому двору положить разсмотрѣніе не по дымамъ избнымъ, а по владѣнію земли и по засѣву хлѣба, на цѣлый дворъ высѣять въ годъ ржи четыре четверти. Вообще о крестьянскихъ тягостяхъ Посошковъ замѣчаетъ: „Въ сборѣ царскаго интереса покушаются съ одного вола двѣ шкуры содрать, а не могутъ и одной цѣлой кожи снять и, сколько ни силятся, только лоскутья сдираютъ". Наконецъ, онъ желаетъ, чтобы крестьянскія дѣти также учились грамотѣ. Вотъ главныя мысли, изложенныя въ сочиненіи Посошкова.

LXXXVIII. Посошковъ и его сочиненія.

(Изъ соч. Брикнера: „Посошковъ").

Посошковъ можетъ считаться въ нѣкоторомъ смыслѣ представителемъ литературы просвѣщенія XVIII вѣка. Онъ заслуживаетъ нѣкоторымъ образомъ названіе энциклопедиста, потому что его сочиненія затрагиваютъ множество наукъ, мѣстами заключаютъ въ себѣ столь же любопытныя обобщенія и тезисы, какъ и сочиненія знаменитыхъ публицистовъ запада. Исходною точкою для Руссо и для

Монтескье, какъ и для Посошкова, служатъ основныя понятія о человѣколюбіи, о правдѣ и о нравственности вообще. Обсуждая вопросы законодательства, администраціи, школы, церкви, народнаго хозяйства, общественной нравственности и т. д., онъ соединяетъ понятія объ общихъ началахъ съ техническимъ знаніемъ дѣла. Не будучи литераторомъ, онъ можетъ быть названъ публицистомъ; не бывши философомъ, онъ былъ столь опытенъ въ дѣлахъ общежитія, что имѣлъ бы нѣкоторымъ образомъ право повторить изреченіе: «Hihil humani a me alienum esse puto». Его начитанность ограничивалась знакомствомъ со Священнымъ Писаніемъ и нѣкоторыми произведеніями духовной литературы, но дѣла, приключенія повседневной жизни, путешествія въ различныя области Россіи, отношенія къ различнымъ сословіямъ и къ органамъ правительства служили ему полезною школою. Главнымъ наставникомъ его былъ Петръ Великій, который, подобно Посошкову, былъ самоучкою, котораго, такъ же какъ Посошкова, воспитывала жизнь, и который, какъ и крестьянинъ села Покровскаго, былъ горячимъ патріотомъ, предпріимчивымъ и смѣлымъ преобразователемъ и подъ-часъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Оба любили не только учить, но и учиться. Оба сознавали необходимость крутыхъ реформъ. Оба предлагали сильныя мѣры для исцѣленія язвъ въ общественномъ организмѣ Россіи. А между тѣмъ Петръ и Посошковъ едва знали другъ друга лично. Извѣстно, что сначала между ними существовали кое-какія оффиціальныя сношенія; но попытки Посошкова сблизиться съ Петромъ въ послѣднее время жизни обоихъ не увѣнчались успѣхомъ. Вѣроятно, Петръ и не подозрѣвалъ, что въ скромномъ крестьянинѣ онъ имѣлъ ревностнаго сотрудника въ дѣлѣ реформы, что «мизирнѣйшій и всенижайшій рабичишь» во всю свою жизнь трудился на пользу Россіи и государя, и принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые «самъ десятъ съ монархомъ тянули на гору».

Другіе публицисты XVIII вѣка, богатые теоріями и предлагавшіе важныя реформы, находили гораздо болѣе легкіе способы обращать на себя вниманіе публики и правительства. Нѣкоторые изъ нихъ даже занимали высокія мѣста въ обществѣ или въ государствѣ. Тюрго былъ министромъ, Адамъ Смитъ имѣлъ прямое и сильное вліяніе на законодательство не только Англіи, но и другихъ государствъ. Они, разумѣется, гораздо лучше Посошкова были приготовлены къ практической политической дѣятельности; да и почва, на которой они дѣйствовали, была лучше приготовлена для приведенія въ исполненіе широкихъ преобразовательныхъ мыслей и смѣлыхъ проектовъ реформы. Хотя однако Посошковъ образованіемъ, начитанностью, опытностью въ политическихъ дѣлахъ далеко уступаетъ корифеямъ западно-европейской литературы просвѣщенія, многія высказанныя имъ мысли и соображенія, многія общія положенія и выводы отличаются тою ясностью и мѣткостью, которыя встрѣчаются въ знаменитѣйшихъ произведеніяхъ публицистики въ западной Европѣ.

Разумѣется, во многихъ отношеніяхъ Посошковъ оказывается отсталымъ сторонникомъ старины, ограниченнымъ борцомъ за предразсудки и суевѣріе; чаще однако онъ является смѣлымъ прогрессистомъ, радикальнымъ преобразователемъ, мѣстами даже, по крайней мѣрѣ по тогдашнимъ понятіямъ, отчаяннымъ проводникомъ новыхъ революціонныхъ идей. Въ этомъ отношеніи онъ походитъ и на самого Петра, и на всю эпоху Петра, соединявшихъ въ себѣ въ странной смѣси старое и новое, кнутъ и пытку XVII столѣтія и либерализмъ XIX вѣка, грубость нравовъ прежнихъ временъ—и утонченность послѣдняго времени, восточный деспотизмъ, отчасти даже китаизмъ до-Петровской Россіи—и зачатки коренныхъ реформъ прошлаго царствованія. Такъ и Посошковъ, съ одной стороны, отстаиваетъ самые сложные пріемы полиціи и бюрократіи, а съ другой—является ревностнымъ поборникомъ свободы личности. Въ одно и то же время онъ, находясь

подъ непосредственнымъ вліяніемъ «Домостроя», ратуетъ противъ новыхъ идей въ области педагогики и религіи, признаетъ результаты новаго просвѣщенія и требуетъ коренныхъ измѣненій относительно быта духовенства. Въ глазахъ нѣкоторыхъ онъ могъ казаться слишкомъ ревностнымъ защитникомъ казенныхъ интересовъ; другіе съ удивленіемъ могли прислушиваться къ его предложеніямъ устроить что-то вродѣ законодательнаго собранія. Съ одной стороны, Посошковъ, хотя и самъ крестьянинъ, осуждаетъ рѣзко испорченность крестьянскаго сословія и можетъ казаться противникомъ крестьянской реформы; съ другой— онъ за полтораста лѣтъ до этой реформы предлагаетъ важныя мѣры для улучшенія быта крестьянъ. Съ одной стороны, ему и въ голову не приходитъ, что пытка есть безсмысленное, варварское и нисколько не цѣлесообразное учрежденіе, а съ другой—онъ относительно судопроизводства высказываетъ понятія, достойныя создателей закона «Habeas corpus».

Нѣтъ основанія видѣть во всемъ этомъ противорѣчіе, отсутствіе послѣдовательности или логичности мыслей. Онъ былъ произведеніемъ этой эпохи; сильная, упорная борьба противоположныхъ мнѣній должна была и въ умныхъ, просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ людяхъ, любившихъ отечество и стремившихся къ истинѣ, породить такую смѣсь различныхъ мнѣній. Въ этомъ отношеніи по многимъ вопросамъ Посошковъ далеко предупредилъ своихъ современниковъ, въ отношеніи къ другимъ онъ раздѣлялъ всецѣло понятія и убѣжденія большинства послѣднихъ. Увлекаться слишкомъ далеко, выдумывать утопіи было для него невозможно уже потому, что онъ и по своему образованію, и по своему общественному положенію былъ чуждъ всякому доктринерству и схематизму. Практика воспитывала его. Вся его литературная дѣятельность имѣла лишь однѣ практическія цѣли.

LXXXIX. Взглядъ Посошкова на народное богатство.

(Изъ соч. Брикнера: «Посошковъ»).

Въ «Домостроѣ» говорилось исключительно о частномъ хозяйствѣ. Понятія о солидарности экономическихъ интересовъ всѣхъ согражданъ въ «Домостроѣ» нигдѣ не встрѣчаются. Посошковъ, напротивъ того, хорошо понимаетъ, что матеріальное обезпеченіе каждаго отдѣльнаго лица обусловливается главнымъ образомъ экономическимъ благосостояніемъ цѣлаго общественнаго организма. Онъ уже говоритъ объ отношеніи частнаго богатства къ народному. У него замѣчается теплое сочувствіе къ общественнымъ интересамъ. Такія мысли проглядываютъ уже въ «Въ отеческомъ завѣщаніи». Въ главѣ «О земледѣльствѣ» сказано: «Возложа надежду свою на Бога, иди въ земледѣльную работу; и аще цѣну велику или малу возмеши, работай всею правдою безъ лѣнности и безъ лукавства, не день къ вечеру гони, но дѣло къ концу приводи и, какую работу работати не будеши, работай не такъ, каковъ обычай имутъ поденщики, но работай такъ, какъ ты можешь про себя работать, и за таковую твою усердную работу господинъ твой, у него же ты будеши работати, аще и ничего противъ твоей братьи излишняго тебѣ не дастъ, обаче и впредь такожде работай, какъ самъ себѣ, и за тую твою нелицемѣрную работу Богъ тебѣ воздастъ и на семъ свѣтѣ, и на ономъ. То себѣ вѣждь, сыне мой, аще и до поту поработаеши, отъ того

не умреши, но еще и здравѣе будеши, понеже и суровая пища сладка тебѣ будетъ».

Хотя тутъ преобладаютъ религіозныя соображенія, а съ другой стороны, также замѣтенъ нѣкоторый коммерческій разсчетъ («Богъ тебѣ воздастъ на семъ свѣтѣ»), тутъ, по крайней мѣрѣ, встрѣчается высокое понятіе о добросовѣстности работника, о трудѣ вообще.

Извѣстно, какъ во время крѣпостного права «лицемѣрный» трудъ дорого обходился народу, въ какой мѣрѣ барщина тормозила развитіе народнаго богатства, извѣстно, какъ и въ настоящее время при поденной платѣ рабочимъ производительность ограничивается потерею времени, нерадѣніемъ рабочихъ. Посошковъ лучше многихъ современниковъ умѣлъ цѣнить экономическое значеніе времени, хотя и не зналъ англійской поговорки «time is money». Александръ Гумбольдтъ, по случаю изобрѣтенія стенографіи, замѣтилъ однажды, что время есть капиталъ, цѣна котораго возвышается по мѣрѣ возвышенія цивилизаціи. На низкихъ степеняхъ культуры время не цѣнится вовсе: на востокѣ торговцы, продавая ничтожные предметы, теряютъ много времени, ожидая по нѣсколько часовъ болѣе выгоднаго момента для продажи; разносчики самыхъ ничтожныхъ по цѣнѣ товаровъ не принимаютъ въ разсчетъ потерю празднаго времени. Негры обыкновенно не знаютъ числа прожитыхъ ими годовъ; въ Турціи почти вовсе нѣтъ часовъ, тогда какъ въ Англіи, напримѣръ, гдѣ умѣютъ цѣнить время, даже въ скромныхъ сословіяхъ, мальчики весьма часто носятъ карманные часы. Чѣмъ менѣе въ Россіи умѣли цѣнить время, тѣмъ просвѣщеннѣе оказываются на этотъ счетъ взгляды гуманнаго и бережливаго Посошкова. Въ «Отеческомъ завѣщаніи» онъ пишетъ въ главѣ «О судействѣ» слѣдующее наставленіе, и для нашего времени очень полезное: «А въ праздничную пору, аще придутъ къ тебѣ приказные люди, или и посторонніе, поклонъ отдать ради праздника, то ты, поклонъ и поздравленіе пріявъ, и самъ ихъ поздрави, и тоя же минуты и отпусти ихъ, чтобы у тебя въ домѣ и четверти часа не медлили, но шли бы, куда кому потребно. Сего бо много бываетъ, что придетъ на часъ токмо поклонъ отдать, а тотъ господинъ не речетъ имъ, дабы они шли, кому куды потребно; то аще и великую нужду имѣютъ, а пойтить не смѣютъ, и тако часъ-другой простоятъ напрасно. У многихъ господъ повычай такой бываетъ, аще кто пріидитъ поклонитися, да пойдетъ въ иное мѣсто такожде поклонитися, и за то гнѣваются, и того ради поклонники стоятъ, яко связаны. И отъ таковаго излишняго стоянія тѣмъ людямъ чинитца пакость великая, а у кого стоятъ, тому грѣхъ не малой». Гораздо опредѣленнѣе говоритъ Посошковъ объ экономическомъ вредѣ траты времени въ сочиненіи «О скудости и богатствѣ», въ которомъ съ негодованіемъ жалуется на невниманіе чиновниковъ и судей къ интересамъ народа. Въ главѣ: «О правосудіи» сказано: «Не велико, кажется, что изъ города въ уѣзды посылаютъ солдатъ по дворянъ и по иныхъ всякихъ чиновъ людей и дѣла прямаго аще и на алтынъ нѣтъ, а по кого пошлютъ, то самое легкое дѣло, что рубли два-три убытку сдѣлаютъ, а иному рублевъ и десять учинятъ убытку, а тѣмъ людей Божіихъ весьма убытчатъ. Хотя малая какая справка приказная, то не хотятъ подождать до иного времени, но какъ сдумаютъ, такъ и посылаютъ безсрочно: и того отнюдь не чинятъ, чтобъ послать о томъ же взять писменное вѣдѣніе, или о чемъ надлежитъ взять на письмѣ отповѣдь; но только то у приказныхъ людей вытвержено, что поволоки со всякою отповѣдью въ городъ. И аще кто живетъ отъ города въ верстахъ во стѣ-другомъ, то и путь рубли по два-три убытку будетъ; а въ распутную пору, то будетъ рублевъ и пять-шесть истраты. А кто сотъ въ пяти-шти случится,

то и съ десятью рублями врядъ изняться. А приказные люди людскихъ убытковъ не изчисляютъ, а людская—ни во что. А если въ дѣловую пору пришлютъ, то и безъ хлѣба сдѣлаютъ; и отъ таковыхъ посылокъ вельми много людемъ пакости чинится, а судьи о семъ попеченіи нималаго не имѣютъ, чтобъ имъ людей государевыхъ въ чемъ поберечь, и до убытка какого не допустить. А кто хощетъ прямо Его Императорскому Величеству порадѣть, то людей его паче себя надлежитъ беречь, чтобъ въ убожество не приходили и того ради ни малаго бы убытку имъ не учинили. Всякому судьѣ надобно недреманно смотрѣть за всѣми непрестанно, то и смекать, какъ бы правду прямую учинить, и чтобъ никого не озлобить и не разорить. Истинно не имѣютъ ни малаго попеченія, чтобъ въ чемъ людей отъ убытку поберечь!»

Затѣмъ слѣдуютъ жалобы на неудобный способъ контроля надъ цѣловальниками, которыхъ для этой цѣли принуждаютъ издалека пріѣзжать въ Петербургъ, проживать тамъ по нѣсколько недѣль и понапрасну тратить время и деньги на таковое пребываніе въ столицѣ. Предложивъ иной способъ контроля такихъ финансовыхъ чиновниковъ, принадлежавшихъ обыкновенно къ купеческому сословію, Посошковъ продолжаетъ: «Въ нѣмецкихъ земляхъ вельми людей берегутъ, а наипаче купецкихъ людей; и того ради у нихъ купеческіе люди и богаты зѣло. А наши судьи ни мало людей не берегутъ, и тѣмъ небреженіемъ все царство въ скудость приводятъ, ибо въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому. Я сего не могу знать, что то у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только прочатъ имѣніе себѣ, и то на часъ, а государству такъ они прочатъ, что ни за что многія тысячи рублевъ теряютъ. Буде по какой причинѣ возьмутъ пожитки чьи на государя, то взявъ властно что въ огонь бросятъ, ибо взявъ ихъ, положатъ въ палату, да держатъ въ заперти годъ или больше, да станутъ цѣнить; то коя-шуба соболья была рублевъ сотъ въ пять, ажно вынутъ—гной одинъ, что и пяти рублевъ не стоитъ. И если бы о семъ предѣлъ положить сицевый: аще у кого подъ судомъ тако учинятъ, то сгноенные пожитки доправить до тѣхъ начальниковъ, кои то учинятъ, то стали бы беречь и нехотя. Такого ради ихъ управленія тѣ пожитки съ сего свѣта губятъ напрасно, въ невозвратную погибель. А надобно судьямъ вельми сего смотрѣть, чтобы ничто ничье нигдѣ даромъ не пропадало; понеже все, что есть въ народѣ богатства, богатство царственное, подобнѣ и оскуденіе народное—оскуденіе царственное».

Тутъ нѣкоторымъ образомъ смѣшивается понятіе о народномъ богатствѣ съ понятіемъ о богатствѣ государственномъ. Но вѣдь и физіократы сначала указывали не столько на народное и общественное, сколько на государственное богатство, опредѣляя извѣстное положеніе: «Pauvre paysan—pauvre royaume, pauvre royaume—pauvre roi». Заслуга Посошкова заключается въ указаніи на тѣсную связь между народнымъ благосостояніемъ и финансовымъ интересомъ, и онъ объ этомъ предметѣ говоритъ весьма краснорѣчиво, между прочимъ, слѣдующее: «Въ собраніи царскаго сокровища надлежитъ прямо и здраво собирати, чтобъ никаковыя обиды ни на кого не навести, казна бы царская собирати, а царства бы его не разоряти. Худой тотъ сборъ, аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ; ибо аще кто государю своему тщится служити, то паче собранія надлежитъ ему людей отъ разоренія соблюдать, тако то собраніе и споро, и прочно будетъ; къ сему же и собраннаго надо блюсти, дабы даромъ ничто нигдѣ не гинуло. Охраненіе добрый товарищъ собранія: аще бо охраненія гдѣ не будетъ, трудно тутъ собирателю собирати. Яко бы утлаго сосуда не можно

наполнити, тако и собранія казны: аще собраннаго не будутъ блюсти, не споръ тотъ сборъ будетъ.

Весьма достойно вниманія то обстоятельство, что у Посошкова встрѣчается уже довольно ясное понятіе народно-экономическихъ выгодъ урочной рабочей платы. Въ двухъ мѣстахъ въ его сочиненіяхъ говорится объ этомъ предметѣ. Предлагая въ главѣ «О правосудіи» «оставить судьямъ и всѣмъ приказнымъ людемъ государево жалованье» и учинить имъ окладъ съ дѣлъ, почему съ какого дѣла брать за работу», Посошковъ замѣчаетъ: «По таковому новоизложенному уставу давать вси будутъ охотно, а приказные люди будутъ дѣла дѣлать охотнѣе и волочить ужъ не будутъ: потому что буде сдѣлаютъ въ уреченное время, то приметъ себѣ мзду противъ указу полную, а буде по уреченному числу не сдѣлаетъ, то возьметъ половину, а буде же гораздо заволочитъ, то и всея лишится мзды.—И того ради всякій подъячій будетъ съ попеченіемъ дѣлать, а челобитчикамъ будетъ вельми полезно...» «И такого ради устава и волокитъ никакому дѣлу чинить не будутъ; но всякой для себя поспѣшать будетъ». Цѣлью такого способа вознагражденія подъячихъ, какъ видно, было сбереженіе времени. Сбереженіе аммуниціи при дачѣ жалованья военнымъ людямъ Посошковъ имѣлъ въ виду, предлагая слѣдующее: «Таковымъ солдатамъ,—то-есть, тѣмъ, которые умѣютъ стрѣлять въ цѣль,—мнится мнѣ, не худо бы предъ рядовыми солдаты и жалованья прибавить: рядовому солдату въ годъ жалованья 16 рублевъ, а тѣмъ, которые будутъ изъ фузей съ руки въ 20-ти саженяхъ по шапкѣ бить безъ погрѣшенія, то таковымъ, видится, можно дать и по 20 рублевъ въ годъ, дабы, на то смотря, и иные острились на такоежъ умѣнье. А буде въ таковой же мѣрѣ будутъ по цѣли подвижной убивать безъ погрѣшенія, и таковымъ, видится, можно и по 25 рублей на годъ дать; понеже таковой солдатъ заслужитъ за два или за три человѣка не умѣющихъ». На все это Посошковъ обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ потому, «чтобъ даромъ пороха не жечь и свинцу на вѣтеръ не метать, но весь тотъ припасъ шелъ бы въ дѣло». Въ «Донесеніи боярину Головину» Посошковъ еще подробнѣе опредѣляетъ плату воинамъ, сообразно съ умѣніемъ стрѣлять.

Къ этимъ же соображеніямъ о рабочей платѣ, соотвѣтствующей не извѣстному количеству времени, а самымъ результатамъ труда, количеству и качеству труда, можно отнести и вышеприведенное замѣчаніе въ «Отеческомъ завѣщаніи», въ которомъ «укрушецъ хлѣба» равняется тремъ поклонамъ, полушка—шести поклонамъ, денежка—двѣнадцати поклонамъ и т. д.

Особенно подробно и мѣтко о выгодахъ урочной работы Посошковъ говоритъ во главѣ «О царскомъ интересѣ», объясняя, какимъ образомъ должно быть устроено кораблестроеніе. Тамъ сказано: «И аще бы и то исправить сицевымъ порядкомъ: выбрать къ тѣмъ дѣламъ правителей добрыхъ, кои бы не алтынники были, и приказать имъ осмотрѣть разумно и смѣтить, колико на коей работѣ тримѣсячные работники въ бытность свою сдѣлали, и новопришедшимъ работникамъ ту работу изъявить, и неколикую часть къ тому приложить, по дѣлу смотря, и сказать имъ такъ: аще толикое число сдѣлаете хотя въ одинъ мѣсяцъ, то и отпущены съ тримѣсячные работы будете. И сдѣлавъ урокъ хотя на государеву же работу наймутся, хотя по мірскимъ работамъ будутъ наниматься, а буде не похотятъ наниматься, то шли бы въ домы свои. И тѣмъ управителямъ сказать указъ за жестокимъ штрафомъ и съ наказаніемъ, чтобы аще и въ одинъ мѣсяцъ ту трехмѣсячную работу отработаютъ, то ничего бы съ нихъ не брали, и не волоча ихъ ни дня, и отпускъ бы имъ чинили. И аще такъ уставится, то крѣпко можно надѣятися, что многіе будутъ трехмѣсячную работу въ одинъ мѣсяцъ обработы-

вать. И кои работники урокъ свой обработаютъ хотя скоряе мѣсяца, а отпуски имъ давать трехмѣсячные, потому что они трехмѣсячную свою работу сработали. А если въ отпускѣ трехмѣсячныя работы не написать, то откуда они посланы, станутъ на нихъ данныхъ денегъ спрашивать назадъ. И буде и не всѣ коего города работники, но отберутся артелью, трехмесячную уреченную имъ работу отдѣлаютъ, то тое артель и отпустили бы безъ задержанія; и на то смотря будутъ и другіе работники поспѣшать. А кои не похотятъ уроками дѣлать, и тѣ пусть всѣ три мѣсяцы работаютъ; и аще тако устроится, всякія дѣла поспѣшнѣе будутъ отправляться. А буде впроки тако устроить, то всѣмъ работникамъ охотнѣе будетъ на работу ходить, и дѣла будутъ отправляться поспѣшнѣе; потому что, отдѣлавъ свой урокъ, будутъ хотя на той же работѣ изъ найму работать. И не токмо въ однихъ черныхъ работахъ надлежитъ учинить, но и въ художныхъ дѣлахъ, какъ въ русскихъ, такъ и въ иноземцахъ, такожде надобно учинить, чтобы всякая работа давать имъ уроками же. А мѣсячное имъ жалованье надлежитъ отставить и давать по задѣлію коегождо ихъ, то всякія дѣла скоряе будутъ дѣлатися». Въ подтвержденіе правильности такого общаго взгляда Посошковъ приводитъ частный случай въ оружейной палатѣ при сидѣньи Алексѣя Александровича Курбатова.

Мы полагаемъ, что столь ясное пониманіе различія между поденнымъ и урочнымъ трудомъ, столь мѣткое указаніе на выгоды послѣдняго и для государственнаго, и для народнаго, и для частнаго хозяйства въ началѣ XVIII вѣка могло считаться рѣдкимъ исключеніемъ не только въ Россіи, но и на западѣ. Экономисты лишь довольно поздно стали указывать на выгоды поштучной платы, хотя на практикѣ давно оказалось, въ какой мѣрѣ выгодно такое распредѣленіе работъ и сколько лишняго времени убивается по напрасну обыкновенною поденною или помѣсячною работою. Не даромъ англійскіе ученые были того мнѣнія, что развитіе благосостоянія Англіи значительною долею обусловливалось преобладаніемъ поштучной платы.

Впрочемъ, и самъ Петръ зналъ, что во многихъ случаяхъ урочная работа идетъ успѣшнѣе. Такъ, напримѣръ, онъ однажды писалъ по случаю постройки канала: «Принять солдатъ для строенія канала и раздѣлить эту работу поурочно и сказать, которые скоряе свой урокъ отдѣлаютъ, тѣ немедленно и отпустятца... дабы они лучше работали и не бѣжали».

И Посошковъ, и Петръ желали болѣе успѣшнаго, болѣе быстраго, болѣе усерднаго и ревностнаго труда въ Россіи. Въ главѣ «о правосудіи», въ сочиненіи «О скудости и богатствѣ», Посошковъ замѣчаетъ: «А сего всѣмъ правителемъ паче собранія смотрить, чтобы ничто нигдѣ даромъ не пропадало, и никакіе бъ люди даромъ хлѣба не ѣли, но вси бы трудились и плодъ приносили». Петръ для достиженія этой цѣли надѣялся на регламентацію, на строгій надзоръ, на полицейскія мѣры. Совершенно также и Посошковъ предлагалъ усилить дѣятельность чиновниковъ, надзирателей. Но, по мнѣнію Посошкова, именно эти люди сами недостаточно трудились, относились къ своимъ обязанностямъ съ нерадѣніемъ и не заботились о благѣ государства, не умѣя цѣнить государственный и казенный интересъ.

XC. Перемѣна нравовъ при Петрѣ Великомъ.

(Изъ соч. Щербатова: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи").

Петръ Великій, подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщился ввести познаніе наукъ, искусствъ и ремеселъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую людкость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не меньше онъ прилагалъ намѣреніе являющіеся ему грубые древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя русскія одѣянія, и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужчинъ нѣмецкіе кафтаны носить, а женщинъ, вмѣсто тѣлогрѣй—бостроги, юбки, шлафроки и самары, вмѣсто подколковъ—фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что могли прежде видѣть, съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже непокрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны—пріятно было младымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣря взору родителей ихъ, женивались. Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи. О, коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ! Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборщица для волосовъ женскихъ, и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ принуждены были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить. Можетъ быть сему не повѣрятъ нынѣ, но я паки подтверждаю, что я сіе отъ толь вѣрныхъ людей слышалъ, что въ семъ сомнѣваться не должно. Естли страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, не могла она не имѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имъ угоднымъ быть, то тоже тщаніе украшеній туже роскошь рождало. И уже престали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ пондеспанами дѣлать начали.

Колико самъ государь ни держался древней простоты нравовъ въ своей одеждѣ, такъ что кромѣ простыхъ кафтановъ и мундировъ никогда богатыхъ не нашивалъ, и токмо для коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны, своей супруги, сдѣлалъ голубой гродетуровой кафтанъ съ серебрянымъ шитьемъ; да, всказываютъ, еще у него былъ другой кафтанъ, дикій, съ золотымъ шитьемъ,—не знаю, для какого знатнаго же случая сдѣланный. Протчее все было такъ просто, что и бѣднѣйшій человѣкъ нынѣ того носить не станетъ, какъ видно по оставшимъ его одеждамъ, которыя хранятся въ куншъ-камерѣ при императорской академіи наукъ. Манжетъ онъ не любилъ и не нашивалъ, яко свидѣтельствуютъ его портреты; богатыхъ экипажей не имѣлъ, но обыкновенно ѣзжалъ въ городъ въ одноколкѣ, а въ дальнемъ пути въ качалкѣ. Множества служителей и придворныхъ у него не было, но были у него деньщики, и даже караулу, окромѣ какъ полковника гвардіи, не имѣлъ. Однако при такой собственно особѣ его простотѣ, хотѣлъ онъ, чтобы подданные его нѣкоторое великолѣпіе имѣли. Я думаю, что сей великій государь, который ничего безъ дальновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметѣ, чтобъ великолѣпіемъ и роскошію подданныхъ побудить торговлю, фабрики и ремеслы, бывъ увѣренъ, что при жизни его излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при царскомъ дворѣ. И тако мы находимъ, что онъ побуждалъ нѣкоторое великолѣпіе въ платьяхъ, какъ видимъ мы, что во время торжественнаго входу, послѣ взятія Азовскаго, генералъ-адмиралъ Лефортъ шелъ въ красномъ кафтанѣ съ галунами по швамъ и другіе генералы также богатые кафтаны имѣли, ибо тогда генералы мундировъ не нашивали. Богатые люди, изъ первосановниковъ его двора, или которые благодѣяніями его были обогащены, какъ Трубецкіе, Шереметевъ и Меншиковъ, въ торжественные дни уже старались богатыя имѣть платья. Парчи и галуны стали какъ у женъ, такъ и у мужей во употребленіи, и хотя не часто таковыя платья надѣвали, моды хотя долго продолжались, однако онѣ были, и по достатку своему оные уже ихъ чаще, нежели при прежнихъ обычаяхъ, дѣлали. Вмѣсто саней и верховой ѣзды и вмѣсто колымагъ, нетерпящихъ украшеній, появились уже кареты и коляски; начались уже цуги, которыхъ то того не знали, и приличныя украшенія къ симъ экипажамъ. Служители передѣты на нѣмецкій манеръ, не въ разноцвѣтныхъ платьяхъ стали наряжаться, но каждый по гербу своему или по изволенію дѣлалъ имъ ливреи, а офисьянты, которыхъ тогда еще весьма мало было, еще въ разноцвѣтныхъ платьяхъ ходили.

Касательно до внутренняго житья, хотя самъ государь довольствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже въ употребленіе прежде незнаемые въ Россіи напитки, которые предпочтительно другимъ пивалъ, то-есть, вмѣсто водки домашней, сиженой изъ простого вина, водку голландскую анисовую, которая приказной называлась, и вины: ермитажъ и венгерское, до того незнаемыя въ Россіи.

Подражали ему его и вельможи и тѣ, которые близко были ко двору, да и въ самомъ дѣлѣ надлежало имъ сіе имѣть, ибо государь охотно подданныхъ своихъ посѣщалъ, то подданный чего для государя не сдѣлаетъ. Правда, сіе не токмо ему было угодно, но, напротиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простого вина подслащенную водку, но и самое простое вино пивалъ; но и собственное желаніе

удовольствія, до того имъ незнаемаго, превозмогло и самое запрещеніе государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися не токмо анисовая, приказная водка, но и гданскія вины, не токмо старинныя, о коихъ выше помянулъ, но также ермитажъ, венгерское и нѣкоторыя другія.

Правда, что еще ихъ сначала весьма бережливо подавали и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдились, принесши четвертную или сулею запечатанную и наливъ изъ нея по рюмкѣ, опять, запечатавъ, на погребъ отослать.

Однако, хотя самъ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршества, то оставилъ сіе любимцу своему, князю Меншикову, который часто оные какъ въ торжественные дни, такъ и для чужестранныхъ министровъ съ великимъ великолѣпіемъ, по тогдашнему времени, чинилъ. Имѣлъ для сего великій домъ, не токмо на то время, но и въ нынѣшнее, ибо въ оный послѣ кадетскій сухопутный корпусъ былъ помѣщенъ, и слыхалъ я, что часто государь, видя изъ дворца своего торжество и пиршество въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря: „вотъ, какъ Данилычъ веселится“. Равно ему подражая, такъ и бывъ обязаны самыми своими чинами, другіе первосановники имперіи также имѣли открытые столы, какъ генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ и бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, которому, поелику онъ оставался первымъ правителемъ имперіи во время отсутствія въ чужіе края императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Симъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже во многихъ домахъ открытые столы сіи завелися, и столы не такіе, какъ были старинные, то есть, что токмо произведенія домостройства своего употреблялись, но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбъ. И, конечно, въ такомъ народѣ, въ коемъ страннопріимство сочиняло всегда отличную добродѣтель, не трудно было ввестись въ обычай таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяяся и съ собственнымъ удовольствіемъ общества и съ лутчимъ вкусомъ кушанья противу стариннаго, самымъ удовольствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу, но хотѣлъ, чтобъ оно безъубыточно каждому было. Онъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назначенные дни множество собиралось. Но симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать пріѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошь и тягость высшихъ себѣ принимать; ибо общество не въ обжираніи и опиваніи состоитъ и не можетъ оно быть пріятно, гдѣ нѣтъ равности. Самъ часто государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, чтобы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное сластолюбіе и роскошь стараются поставленную преграду разрушить, и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ истребляютъ равность. Съ присутствіемъ государевымъ учиненныя имъ предписаньи сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житьѣ роскошь и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе домы упадать

и упадающіе ожидать отъ милости государской и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ мнѣ случалось слышать о упадшемъ домѣ князя Ивана Васильевича Одоевскаго, котораго домъ былъ на Тверской, тотъ самый, который послѣ сего былъ Василія Ѳедоровича Салтыкова, потомъ Строгонова, а нынѣ за княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ состоитъ, въ приходѣ у Спаса. Сей князь Одоевскій неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ разорился, что, продавъ всѣ деревни, оставилъ себѣ токмо нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали. Во-истину, при древней простотѣ нравовъ, музыканты не нашли бы довольно въ упражненіи своемъ прибыли, чтобы и себя, и господина своего содержать.

Я сказалъ о семъ князѣ Одоевскомъ, яко о разорившемся человѣкѣ; но и многіе другіе, естли не въ разореніе отъ сей перемѣны жизни пришли, то, по крайности, чувствовали немалую нужду. Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фельдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обогащенный милостью монаршею, принужденъ, однако, былъ впередъ государево жалованье забирать, и съ долгомъ симъ скончался, яко свидѣтельствуетъ самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ разореніе.

Перемѣнившійся такимъ образомъ родъ жизни, въ началѣ первосановниковъ государства, а въ подражаніе ихъ и другихъ дворянъ и расходы достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ государю и къ вельможамъ, яко ко источникамъ богатства и вознагражденій. Страшусь я, чтобы кто не сказалъ, что, по крайней мѣрѣ, сіе добро произвело, что люди наиболѣе къ государю стали привязываться. Нѣсть, сія привязанность нѣсть благо, ибо она не точно къ особѣ государской была, но къ собственнымъ своимъ пользамъ; привязанность сія учинилась не привязанность вѣрныхъ подданныхъ, любящихъ государя и его честь и соображающихъ все съ пользою государства, но привязанность рабовъ-наемщиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего государя.

Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и самствомъ наполнилось. Оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе государя и прочія зла, которыя днесь при дворѣ царствуютъ и которые въ домахъ вельможей вогнѣздились. Не сокрылся сей порокъ отъ остроумнаго монарха, и сей государь, строгъ и справедливъ до крайности, старался сколько можно лесть отгонять; яко случилось, какъ я слыхалъ, что одинъ изъ знаемыхъ ему офицеровъ, бывъ съ нимъ на ассамблеѣ, выхвалялъ свое усердіе къ государю, говоря, „что онъ во всякомъ случаѣ готовъ за него умереть". Услышавъ сіе, государь ему говорилъ, „что ни онъ не желаетъ, ни должность ему его не повелѣваетъ, чтобъ онъ хотѣлъ, не разбирая случая, для него умереть, но требуетъ токмо того, чтобъ въ случаѣ нужды или опасности его особы, что не можетъ быть не соединено съ пользою государственною, онъ расположенъ былъ пожертвовать своею жизнію". Офицеръ, хотя наиболѣе показать свое усердіе, зачалъ паки утверждать, „что онъ сіе готовъ учи-

нить всякій часъ, когда угодно будетъ государю“. Остроумный монархъ, ничего не отвѣчавъ, взявъ его руку, палецъ поднесъ къ горячей свѣчѣ и началъ его жечь; отъ боли офицеръ началъ силиться выдернуть руку. Тогда ее отпустя сказалъ ему государь, „что когда онъ малой боли обожженія пальца вытерпѣть не могъ, не по нуждѣ, но по волѣ государя, то какъ онъ толь щедро обѣщаетъ съ радостію и все тѣло свое безъ нужды пожертвовать?“ Другой случай, слышанный же мною, докажетъ, коль любилъ государь истину. Захаръ Данилычъ Мешуковъ, бывшій поручикомъ во флотѣ, прежде 1718 года, любимый государемъ, яко первый русскій, въ которомъ онъ довольно знанія въ мореплаваніи нашелъ, и первый, который командовалъ уже фрегатомъ, бывъ на единомъ пиршествѣ съ государемъ въ Кронштатѣ и напившися нѣсколько пьянъ, сталъ размышлять о лѣтахъ государя, о оказуемщемся слабомъ его здоровьи и о наслѣдникѣ, какого оставляетъ, вдругъ заплакалъ. Удивился государь, возлѣ котораго онъ сидѣлъ о текущихъ его слезахъ, любопытно спрашивалъ причину оныхъ. Мешуковъ отвѣтствовалъ, „что онъ размышлялъ, что мѣсто, гдѣ они сидятъ, градъ столичный, близъ построенный, флотъ заведенный, множество русскихъ, входящихъ въ мореплаватели, самый онъ, служившій во флотѣ и ощущающій его милости,— суть дѣянія рукъ его; то, взирая на сіе и примѣчая, что здоровье его государя и благодѣтеля ослабѣваетъ, не могъ отъ слезъ удержаться, прилагая притомъ простою рѣчью:—„на кого ты насъ оставишь?“ Отвѣтствовалъ государь: — „у меня есть наслѣдникъ“,—разумѣя царевича Алексѣя Петровича. На сіе Мешуковъ съ-пьяна и неосторожно сказалъ:— „охъ! вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ“.

При государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдящихъ! Что жъ сдѣлалъ государь? Почувствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину и удовольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову, съ приложеніемъ: — „дуракъ, сего въ бесѣдѣ не говорятъ“.

Но не взирая на таковое любленіе истины, ни на отвращеніе его отъ льсти, не могъ государь вкрадывающійся сей ядъ искоренить. Большая часть окружающихъ его ни въ чемъ не смѣли ему противорѣчить, но паче лестили, хваля все сдѣланное имъ и не противорѣча его изволеніямъ, а иные и угождая страстямъ его. Хотя онъ знатнымъ образомъ никогда обманутъ и не былъ, однако князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ никогда не нашелъ въ супротивленіяхъ своихъ государю въ сенатѣ себѣ помощниковъ. И тщетно онъ суровыми и справедливыми своими предложеніями два опредѣленія, подписанныя государемъ, отмѣнилъ,—о привозѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ провіанту въ Петербургъ на армію и о набраніи посохи на содержаніи народномъ для дѣланія Ладожскаго канала; въ обоихъ сихъ случаяхъ, ни въ другихъ, никто соучастникомъ его твердости и справедливости быть не хотѣлъ. Единый самъ государь терпѣлъ его грубыя, но справедливыя предложенія, и хотя съ стѣсненіемъ сердца, превозмогая себя, на оныя соглашался. Я слышалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей, и Василій Никитичъ Татищевъ въ исторіи своей сіе вмѣстилъ, что бывши государь въ Кронштатѣ, въ единомъ пиршествѣ, окружающіе его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что онъ болѣе отца своего. Между таковыхъ похвальныхъ воплей единый кн. Я. Ѳ. Долгоруковъ въ молчаніи пребы-

валъ. Примѣтя сіе, государь требовалъ его мнѣнія. Сей остроумный и твердый мужъ не могъ вдругъ отвѣтствовать на такой вопросъ, гдѣ состояло сужденіе между царствующаго государя и его отца, обоихъ отличныхъ ихъ качествами. Взявъ нѣсколько времени подумать, сказалъ слѣдующее: исчислилъ онъ все подробно, что Петръ Великій сдѣлалъ для пользы отечества, исчислилъ его труды и подвиги и наконецъ сказалъ, коль великъ онъ есть во владыкахъ земныхъ; но, продолжая, говорилъ: „всѣ сіи труды, всѣ сіи установленія не утверждаютъ еще внутренняго спокойствія государства и безопасность гражданскую въ жизни и въ имѣніяхъ; отецъ же твой, говорилъ, при тихости нравовъ, начиналъ многое, но паче всего, что онъ сдѣлалъ уложеніе, которое нынѣ, по перемѣнѣ обычаевъ, перемѣны требуетъ. Когда окончишь ты всѣ свои подвиги благими узаконеніями, тогда справедливо можно сказать, что весьма превзошелъ твоего отца“. Государь возчувствовалъ всю справедливость его глаголовъ и согласіемъ своимъ мнѣніе его утвердилъ.

Чего же ради никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ сенатѣ и нигдѣ и индѣ таковой правды не говорилъ, какъ сей, безсмертія достойный, князь Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали пріобрѣсти милость государскую, нежели, говоря правду, его почтеніе. Желали чиновъ, и имѣній, ибо въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его кн. Меншиковъ когда ему строгую правду представлялъ; чтобы Гаврила Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Гилембурхомъ, съ Герцомъ и съ аглинскими и шотланскими сообщниками претендента; но Остерманъ, бывшій тогда въ маломъ чину и написавшій требуемое письмо, несовмѣстность сего поступка представилъ; чтобы Иванъ Мусинъ-Пушкинъ его отъ какого дѣла удержалъ; чтобы адмиралъ Апраксинъ, имѣющій толикую повѣренность, что вопреки сказалъ государю, но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкорениться лести и рабству для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь, и князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ противоборствовали. А съ другой стороны духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ божіихъ его панегириками. Между сими Прокоповичъ, который изъ духовенства, хотя нелюбви къ государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выспренній сей гласъ на хвалы государевы вознесъ. Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно было бы, чтобы онѣ не отъ лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженнаго монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона, сего, иже не устыдился быть судьею Тайной Канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви божіей, были лестны, яко свидѣтельствуетъ его собственное сочиненіе „Правда воли монаршей“.

Сказалъ я, что сластолюбіе и роскошь могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другія причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искоренили. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости во дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая

государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная регулярная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопями ихъ писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялися начальниками господъ своихъ и бивали ихъ палками. Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ. То могли ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые инако, какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти, и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго?

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣріи въ законѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе; ибо приписывать Богу неприличныя ему дѣянія—сіе есть богохулить. Въ Россіи бороду образомъ божіимъ почитали и за грѣхъ считали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь антроморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе, и дѣлали доходы развратнымъ священнослужителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отвратить: указами повелѣлъ брить бороды, а духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненію рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословеніемъ отъ Сѵнода и отъ вселенскихъ патріарховъ учинилъ позволено ѣсть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди къ скорбутики подвержены, повелѣвая самохотно жертвующихъ жизнію своею таковымъ воздержаніемъ, во время приключившихся имъ болѣзнямъ, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

Но когда онъ сіе учинилъ? тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И можно сказать, что сіе дѣйствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви. Естли бы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево,—отнявъ ее, новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ сдѣлались дупла, грозящіе погибелью дереву. Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшилось суевѣріе, но уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его закону; а нравы, за недостаткомъ другого просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить.

Со всѣмъ почтеніемъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ человѣкахъ въ сердце своемъ сохраняю, со всѣмъ чувствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ, окромѣ царевича Алексѣя Петровича, законныхъ дѣтей преем-

никами его престола, — не могу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругою, рожденной Лопухиной, и второй бракъ, по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣевною; ибо примѣръ сей нарушеніе таинства супружества, ненарушимаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можно его нарушать. Пусть монархъ имѣлъ къ тому сильныя причины, которыхъ однако я не вижу, окромѣ склонности его къ Монсовымъ, и сопротивленіе жены его новымъ установленіямъ; но подражатели его имѣли ли государственныя причины подобное дѣлать? Павелъ Ивановичъ Егузинской, постригши первую свою жену и женясь на другой, рожденной Головкиной, имѣлъ ли государственныя причины стараться сохранять себѣ потомство, въ нарушеніе божественныхъ законовъ? Многіе и другіе сему подражали, и не токмо изъ вельможъ, но и изъ малочиновныхъ людей, яко князь Борисъ Солнцевъ-Засѣкинъ сіе учинилъ.

И тако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя, пріобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флота Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, поляковъ и шведовъ, пріобрѣли знатныя области и морскія пристанища, науки и художества и ремесла въ ней стали процвѣтать, торговля начала ея обогащать, и преобразовались россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ—въ короткополые, стали сообщительнѣе и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились, но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побуждено и корыстолюбіе, къ нарушенію законовъ и ко вреду гражданъ, начало проникать съ судебныя мѣста.

Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ) въ разсужденіи нравовъ остался Россія по смерти сего великаго государя.

XCI. Ассамблеи при Петрѣ Великомъ.

(Изъ соч. Карновича: „Историческіе разсказы и бытовые очерки“).

Указъ Петра Великаго объ „ассамблеяхъ“, на которыя, по повелѣнію царя, начали съѣзжаться и сходиться люди „всякихъ чиновъ“ обоего пола, произвелъ коренной переломъ и въ домашней, и въ общественной жизни нашихъ предковъ и послужилъ первымъ шагомъ къ тому, чтобы и у насъ женщины заняли въ обществѣ то положеніе, какое онѣ занимали въ западной Европѣ. Прежнія ихъ затворничество и отчужденность были уничтожены царскою безграничною властью, и нарушеніе въ этомъ отношеніи старинныхъ обычаевъ вызвало среди русскихъ сдержанный ропотъ, такъ какъ никто не смѣлъ явно ослушаться государева повелѣнія.

Ассамблеи, введенныя Петромъ Великимъ, принадлежали къ разряду зимнихъ увеселеній. Онѣ были учреждены на первый разъ въ Петер-

бургѣ, и о времени ихъ открытія объявлялось съ барабаннымъ боемъ на площадяхъ и перекресткахъ. Ассамблеи распредѣлялись между чиновными лицами, жившими въ Петербургѣ, безъ соблюденія, впрочемъ, какой-либо очереди. Самъ государь назначалъ, въ чьемъ домѣ должно было быть первой ассамблеѣ, а затѣмъ дальнѣйшее назначеніе ассамблей зависѣло въ Петербургѣ отъ генералъ-полицiймейстера, а когда онѣ были заведены въ Москвѣ, то тамъ назначались комендантомъ. Прежде, чѣмъ гости расходились на одной ассамблеѣ, имъ объявлялось, гдѣ будетъ слѣдующая. Несмотря на то, у кого бы ни происходила ассамблея, хотя бы у самого царя, входъ на нее былъ доступенъ каждому прилично одѣтому человѣку, за исключеніемъ слугъ и крестьянъ. Вслѣдствіе этого на ассамблеи собирались: чиновныя особы всѣхъ ранговъ, приказные, корабельные мастера и иностранные матросы. Каждый могъ являться съ женою и домочадцами. Петръ прглашалъ на ассамблеи и духовныхъ лицъ. Первымъ условіемъ ассамблеи государь постановилъ отсутствіе всякаго стѣсненія и принужденности. Такъ, ни хозяинъ, ни хозяйка не должны были встрѣчать никого изъ гостей, даже самого государя или государыню и членовъ ихъ семейства. Въ комнатѣ, назначенной для танцевъ, или въ сосѣдней съ нею, должны были быть приготовлены: табакъ, трубки и лучинки для ихъ закуриванія. Здѣсь же стояли столы для игры въ шахматы и шашки, но карточная игра на ассамблеяхъ не допускалась. Главнымъ увеселеніемъ на ассамблеяхъ полагались танцы; посредствомъ ихъ должны были сближаться молодые люди и дѣвицы, знакомиться дамы съ мужчинами, а потому въ глазахъ русскихъ стараго покроя танцы казались сперва увеселеніемъ крайне безнравственнымъ: мужья ревновали своихъ женъ къ кавалерамъ, а отцы и матери смотрѣли на танцы, какъ на явный соблазнъ для своихъ дочерей. Впрочемъ, и помимо этого дамы и кавалеры дичились другъ друга, не завязывали между собою разговоровъ и тотчасъ послѣ каждаго танца расходились въ разныя стороны. По словамъ одного изъ современниковъ, на ассамблеяхъ «всѣ сидѣли, какъ нѣмые, и только смотрѣли другъ на друга». Вообще, если бы на первыхъ порахъ самъ Петръ не присматривалъ за ассамблеями и не распоряжался на нихъ своею государскою властью, то онѣ, по всей вѣроятности, не вошли бы въ обычай.

На ассамблеѣ хозяинъ или хозяйка, или кто-нибудь изъ домашнихъ открывали танцы. Послѣ чего одна или двѣ пары могли танцовать менуэтъ, англезъ или польскій. При минуэтѣ соблюдалось, однако, правило, чтобы этотъ танецъ могъ начинать не каждый, а только тотъ кавалеръ и та дама, которые первые протанцовали его. Они сами выбирали, кого хотѣли, продолжать танцы. Если же они не желали продолжать менуэтъ, а желали послѣ него танцовать англезъ или польскій, то объявляли объ этомъ, и тогда кавалеры, желавшіе участвовать въ танцахъ, выбирали себѣ дамъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ дамы выбирали кавалеровъ. Такъ какъ на ассамблеяхъ царило полное равенство, то каждый могъ пригласить на танецъ не только самую знатную даму или дѣвицу, но государыню и ея дочерей. На ассамблеяхъ всякій воленъ былъ заниматься, чѣмъ ему хотѣлось: ни хозяинъ, ни хозяйка не могли, слѣдуя стариннымъ русскимъ обычаямъ, угощать его. Въ Петербургѣ ассамблеи начинались обыкновенно въ 5 часовъ вечера и оканчивались къ 10 часамъ. Иногда, впрочемъ, раз-

веселившійся государь приказывалъ дамамъ черезъ генералъ-полиціймейстера оставаться и долѣе положеннаго часа, и, разумѣется, никто не дерзалъ нарушать этого приказанія, и волей-неволей всѣ должны были танцовать до тѣхъ поръ, пока это было угодно государю. Въ этихъ случаяхъ Петръ, давъ гостямъ нѣкоторое время какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы они, поужинавъ, подкрѣпились, начиналъ самъ управлять танцами, и у великаго человѣка даже и это занятіе шло съ тою же энергіею, съ какою онъ умѣлъ руководить самыми важнѣйшими государственными дѣлами, не щадя при этомъ силъ и не разбирая ни возраста, ни знанія своихъ сотрудниковъ и сотрудницъ.

Принявшись распоряжаться танцами, Петръ начиналъ съ того, что становилъ въ ряды танцующихъ самыхъ дряхлыхъ стариковъ, и самъ становился въ первой парѣ. Такимъ образомъ составлялся танецъ въ восемь или девять паръ. Всѣ танцующіе кавалеры обязаны были въ точности выдѣлывать ногами то же самое, что выдѣлывалъ государь, а между тѣмъ онъ въ танцахъ оказывался большимъ затѣйникомъ и мастеромъ своего дѣла. Берхгольцъ разсказываетъ, что царь выдѣлывалъ такія «капріоли», которыя составили бы честь лучшимъ европейскимъ балетмейстерамъ того времени, а между тѣмъ набранные имъ старые и даже дряхлые танцоры насилу двигали ноги и кое какъ дрыгали ими. Царь съ свойственною ему настойчивостью принялся обучать сановныхъ танцоровъ и объявилъ имъ, что выучитъ ихъ очень скоро. Какъ ни бился однако государь, дѣло не шло на ладъ: ученики его съ подобранными къ нимъ молоденькими дамочками чуть держались на ногахъ, а неутомимый Петръ прискакивалъ и вертѣлся передъ ними безъ устали. Старики путались, задыхались, сопѣли и кряхтѣли, у однихъ изъ нихъ дѣлалась одышка, другіе чувствовали колику, потъ лилъ съ нихъ градомъ, головы кружились, а царь все-таки продолжалъ танцовальный урокъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ не выдержали и повалились на полъ, а другіе, опустившись, присѣли на корточки. Царь, видя это, отступился отъ неспособныхъ своихъ учениковъ и приказалъ каждому изъ нихъ выпить въ наказаніе по большому штрафному бокалу. Отпустивъ стариковъ, государь принялся танцовать съ молодыми и танцовалъ на славу изобрѣтенный имъ самимъ трудный и замысловатый «цѣпной» танецъ—«Kettentanz» какъ называетъ его Берхгольцъ. Петръ ввелъ также танецъ съ поцѣлуями. Въ этомъ танцѣ дамы цѣловали кавалеровъ въ губы, тогда какъ обыкновенно кабалеръ, окончивъ танецъ, отдавалъ почтительный реверансъ своей дамѣ и цѣловалъ у нея руку. Вообще у расходившагося Петра не бывало предѣловъ самой искренней, самой задушевной веселости.

Берхгольцъ передаетъ, что Петръ и Екатерина танцовали очень ловко и очень проворно, какъ самые молодые люди, и успѣвали сдѣлать три круга, тогда какъ другіе не успѣвали окончить еще и первый. Впрочемъ, Екатерина старательно танцовала только съ однимъ государемъ, который, какъ и она, тогда выдѣлывалъ каждое па. Съ другими же кавалерами Екатерина танцовала небрежно; она не вертѣлась, не подпрыгивала, но ходила обыкновеннымъ шагомъ.

Молоденькія дочери Петра танцовали очень охотно, а царевна Прасковья Ивановна танцовала неохотно и не иначе, какъ только по приказанію Петра.

На ассамблеяхъ танцы раздѣлялись на церемоніальные и англійскіе. Намъ не удалось встрѣтить указанія на первые, что же касается такъ называвшихся англійскихъ танцевъ, то они представляли собственно гроссфатеръ: дамы становились по одну сторону, а кавалеры по другую. Музыканты начинали играть нѣчто въ родѣ погребальнаго марша, и въ продолженіе этой музыки кавалеры и дамы первой пары дѣлали реверансы своимъ сосѣдямъ и другъ другу, потомъ брались за руки, дѣлали кругъ влѣво и становились на свое мѣсто. Послѣ первой пары дѣлали тоже самое одна за другою слѣдующія пары, и когда туры оканчивались, музыка начинала играть польскій, и тогда начинался оживленный танецъ,—вѣроятно, мазурка. На ассамблеяхъ исполняли еще и слѣдующій танецъ: десять или двѣнадцать паръ танцующихъ связывали себя носовыми платками, и каждый изъ танцоровъ долженъ былъ придумывать разныя фигуры. Танцующіе переходили изъ одной комнаты въ другую. Впереди ихъ шелъ одинъ изъ музыкантовъ, наигрывая на скрипкѣ.

Спустя три года по введеніи ассамблей въ Петербургѣ, онѣ были введены въ Москвѣ. Когда въ концѣ 1722 года государь и дворъ пріѣхали въ Москву праздновать Ништадскій миръ, то по домамъ всѣхъ тамошнихъ нѣмецкихъ купцовъ ходилъ посланный отъ князя Меншикова писецъ, который записывалъ имена и годы молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы пригласить ихъ на балъ. Русскихъ дамъ и дѣвицъ на первый разъ не тронули, боясь, что такое приглашеніе взбудоражитъ всю Москву, такъ крѣпко державшуюся еще праотеческихъ обычаевъ. Впрочемъ, и нѣмецкое купечество не очень хотѣло знакомиться съ русскою знатью, боясь не столько пренебреженія къ себѣ съ ея стороны, сколько опасаясь такого пира, какой по случаю Ништадскаго мира былъ заданъ въ Петербургѣ, гдѣ всѣхъ присутствовавшихъ на пиру дамъ опоили до полусмерти. Состоялся ли предположенный Меншиковымъ балъ — неизвѣстно. Но когда вскорѣ послѣ этого самъ государь назначилъ ассамблею въ селѣ Преображенскомъ, подъ Москвою, то туда по его повелѣнію должны были явиться всѣ молодыя московскія дамы и дѣвицы старѣе десяти лѣтъ. Всѣмъ, кто не явился на эту ассамблею, государь грозилъ «страшнымъ наказаніемъ». Особо назначенные чиновники записывали всѣхъ пріѣзжавшихъ, и на первую въ Москвѣ ассамблею набралось до 70 дамъ. Послѣ того ассамблеи въ Москвѣ повторялись нѣсколько разъ. Распоряжался на нихъ Ягужинскій, который, какъ превосходный танцоръ и неутомимый весельчакъ, первенствовалъ и на всѣхъ петербургскихъ танцовальныхъ собраніяхъ, оживляя ихъ своими шутками и управляя танцами. Въ Москвѣ онъ ввелъ «штирійскій» танецъ съ прыжками и разными затѣйливыми узорчатыми фигурами.

Независимо отъ обязательныхъ ассамблей, московскіе нѣмцы устраивали въ честь прибывшаго съ государемъ молодого герцога Голштинскаго танцовальные вечера, безъ участія русскихъ, и нельзя,—замѣчаетъ Берхгольцъ,—вообразить, до какой степени московскія нѣмки любили танцы. Собирались онѣ рано вечеромъ и оканчивали плясать только утромъ на другой день. Въ Москвѣ давалъ балы и голландскій резидентъ; на нихъ исключительно собирались иностранцы и иностранки.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы на воды въ Олонецъ, Петръ приказалъ, чтобы въ Москвѣ у знатныхъ лицъ были по очереди откры-

тыя собранія три раза въ недѣлю по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Собранія эти должны были быть точно такія же, какъ ассамблеи въ Петербургѣ. Наблюдать за исполненіемъ этого распоряженія императоръ поручилъ Ягужинскому, который, какъ исполнительный царскій слуга, да и самъ чрезвычайный любитель развлеченій, не преминулъ исполнить данное ему приказаніе безъ малѣйшаго послабленія. Ассамблеи шли своимъ чередомъ, но въ Москвѣ проявлялась при этомъ особенность, какой не существовало въ Петербургѣ, а именно: чванство ввело въ Москвѣ обычай пріѣзжать на ассамблеи тремя-четырьмя часами позже назначеннаго времени, и Ягужинскій долженъ былъ пустить въ ходъ угрозу отъ царскаго имени, чтобы отучить московскихъ барынь отъ такой неаккуратности.

Если въ каждомъ дѣлѣ бываетъ труденъ только первый шагъ, то эта справедливая поговорка примѣняется, какъ нельзя болѣе, къ введенію у насъ танцевъ при Петрѣ Великомъ. Съ перваго разу это нововведеніе было встрѣчено весьма непріязненно, но потомъ танцы полюбились русскимъ дамамъ, и охота къ этому увеселенію распространилась все болѣе и болѣе, такъ что уже въ царствованіе Екатерины I оказывалось ненужнымъ участіе верховной власти и мѣстныхъ начальствъ въ устройствѣ ассамблеи, а неумѣніе танцовать считалось уже въ эту пору недостаткомъ образованія. Танцовальное искусство распространяли у насъ плѣнные шведы и заѣзжіе поляки, въ особенности же первые. Само собою разумѣется, что являвшіеся впервые на ассамблеи наши боярыни и боярышни были смѣшны и неуклюжи. Затянутыя въ крѣпкіе корсеты, съ огромными фижмами, въ башмакахъ на высокихъ—въ полтора вершка—каблукахъ, съ пышно расчесанною и, большею частью, напудренною прическою, съ длинными «шлепами», или шлейфами, онѣ не умѣли не только легко и граціозно вертѣться въ танцахъ, но и не знали, какъ имъ стать и сѣсть. Кавалеры были также подъстать дамамъ, и ихъ, при чрезвычайной неловкости, крайне стѣсняла одежда: шитые кафтаны съ твердыми, какъ желѣзные листы, широкими фалдами, узкіе панталоны, плотно натянутые чулки съ подвязками, тяжелые башмаки, висѣвшія при боку шпаги, перчатки, вмѣсто дѣдовскихъ рукавицъ, и такъ называвшіеся аллонжевые парики съ длинными завитыми въ букли волосами. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ новымъ костюмамъ, казавшимся неудобными только на первыхъ порахъ, и слѣдующія затѣмъ поколѣнія уже совершенно освоились съ ними.

Что касается нарядовъ, то русскіе съ перваго же разу обнаружили прирожденную имъ любовь къ тяжелой роскоши, хотя бы и на европейскій ладъ. Дамы являлись на ассамблеи въ дорогихъ бархатныхъ, парчевыхъ и шелковыхъ робахъ, отдѣланныхъ дорогими заграничными кружевами, отягченныя жумчугомъ и бриллиантами, которые блистали у нихъ не только въ волосахъ и на корсажахъ, но и на юбкахъ ихъ платьевъ. Вообще петербургскія дамы чрезвычайно любили драгоцѣнные камни и старались перещеголять ими одна другую.

Главною заботою дамъ, ѣздившихъ на ассамблеи, была прическа; на нее не было тогда постоянной моды, и не только каждый годъ, но и каждое собраніе прическу то повышали, то понижали; то пудрились, то нѣтъ. Мужчины являлись на ассамблеи въ бархатныхъ и матерчатыхъ кафтанахъ, расшитыхъ по бортамъ и серебромъ и золотомъ. Императ-

рица пріѣзжала на ассамблеи роскошно разодѣтая, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ и пажей, одѣтыхъ въ суконные зеленые мундиры съ красными отворотами и золотыми галунами по всѣмъ швамъ. Одинъ только государь сохранялъ обычную простоту во всей обстановкѣ, пріѣзжалъ на ассамблеи въ простой одноколкѣ и въ сопровожденіи только дежурнаго денщика. Мы сказали, что Петръ былъ охотникъ и мастеръ танцовать, но въ танцы онъ пускался не всякій разъ: это зависѣло отъ расположенія его духа. Большею частью онъ только открывалъ съ государынею балъ «нѣмецкимъ танцемъ», и послѣ того удалялся къ мужчинамъ и пускался съ ними въ дѣловой разговоръ, или садился играть въ шахматы или шашки, покуривая коротенькую голландскую трубку съ крѣпкимъ кнастеромъ.

Съ учрежденіемъ ассамблей женщина стала являться у насъ въ положеніи, отличномъ отъ прежняго. Теперь она, вмѣсто смиренной и молчаливой хозяйки дома, подносившей гостю съ глубокими поклонами чарку водки, являлась царицею празднества. При Петрѣ было введено, чтобы хозяинъ, во время бала, подносилъ букетъ цвѣтовъ, живыхъ или искусственныхъ, той дамѣ, которую онъ хотѣлъ отличить. Дама эта распоряжалась танцами и въ концѣ бала торжественно отдавала букетъ тому изъ кавалеровъ, въ домѣ котораго она хотѣла танцовать слѣдующій разъ. Избранный такимъ образомъ кавалеръ, наканунѣ назначеннаго имъ бала, долженъ былъ послать почтившей его дамѣ вѣеръ, пару перчатокъ и букетъ цвѣтовъ.

Одной изъ главныхъ цѣлей Петра Великаго при учрежденіи ассамблей было—соединить все русское общество въ одинъ кружокъ, сблизить русскихъ съ иностранцами и уничтожить ту московскую разрозненность, одной изъ причинъ которой была боярская спѣсь. Послѣднее, однако, особенно не удалось Петру Великому, такъ какъ, съ самаго своего возникновенія, русское общество раздѣлилось на особые кружки, члены которыхъ примыкали одинъ къ другому сообразно ихъ знатности и богатству. Точно также не могъ одолѣть Петръ и отчужденности русскихъ отъ иностранныхъ, которая на ассамблеяхъ выражалась, между прочимъ, тѣмъ, что русскія дамы выбирали себѣ кавалеровъ только изъ русскихъ, обходя иностранцевъ, чѣмъ эти послѣдніе очень обижались. Нѣкоторыя, однако, изъ русскихъ дамъ были чрезвычайно любезны и съ иностранцами, и Берхгольцъ говоритъ о нихъ, что онѣ мало чѣмъ уступали француженкамъ и нѣмкамъ въ обращеніи и свѣткости, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣли даже надъ ними и преимущество.

Ошибочно было бы думать, что ассамблеи временъ Петра отличались тою утонченностію обстановки, которою вскорѣ послѣ него, напримѣръ, уже при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, отличались у насъ собранія высшаго круга. Въ первую пору дѣлалось все проще: въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали и ужинали, слуги, убравъ столы, подметали полъ вѣниками, раскрывали зимою окна, чтобы провѣтрить комнату, пропитанную запахомъ кушаньевъ и прокопченную кнастеромъ, и затѣмъ, въ той же самой комнатѣ, пышно разодѣтые кавалеры и дамы принимались за танцы, которые и длились иногда часовъ шесть или семь сряду. Это происходило отъ тѣсноты тогдашнихъ петербургскимъ помѣщеній, почему во время баловъ не было общаго для всѣхъ ужина, но гости дѣлились на двѣ группы, и въ то время, когда одна группа ужинала, другая танцовала.

Кромѣ этихъ неудобствъ, Петровскія ассамблеи отличались попойками, и спаиваніе не только мужчинъ, но и дамъ было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Берхгольцъ, камеръ-юнкеръ герцога Голштинскаго, описывая бывшія въ его время увеселенія въ Петербургѣ, безпрестанно по поводу ихъ замѣчаетъ: „сильно пили“, а въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что онъ, „послѣ вчерашняго опьяненія, былъ при смерти боленъ“.

На петровскихъ ассамблеяхъ пили лихо, и даже главный ихъ распорядитель, Ягужинскій, нагружался мертвецки, заводя, при своемъ задорномъ нравѣ, ссоры и даже драки. Князь Меншиковъ напился разъ до того, что упалъ замертво, такъ что пришлось подавать ему врачебную помощь. Грубость нравовъ начала, однако, исчезать мало-по-малу, чему въ особенности способствовало присутствіе дамъ въ мужскомъ обществѣ, и въ царствованіе императрицы Елизаветы ассамблеи переродились у насъ въ такіе балы, которые, по ихъ приличію и даже чопорности, мало чѣмъ уступали изящнымъ версальскимъ собраніямъ.

XCII. Ассамблеи при Петрѣ Великомъ.

(Изъ „Дневника“ камеръ-юнкера Берхгольца)

Послѣ обѣда его высочество герцогъ Голштинскій ѣздилъ къ князю Трубецкому, куда былъ приглашенъ вчера вечеромъ. Онъ былъ принятъ по обыкновенію при звукахъ трубъ маршаломъ (должность котораго исправлялъ опять князь Голицынъ). Ихъ величества императоръ и императрица были уже тамъ до насъ. Молодая новобрачная изъ первыхъ бросилась мнѣ въ глаза. На ней были великолѣпное, вышитое золотомъ и серебромъ, штофное платье бѣловатаго цвѣта и большой брилліантовый уборъ на головѣ и груди. Впрочемъ, лучшія изъ этихъ драгоцѣнностей, кажется, принадлежали ея падчерицѣ, княгинѣ Черкасской, которая на сей разъ была одѣта весьма просто и на головѣ имѣла только нѣсколько брилліантовъ. Новобрачная была въ этотъ день необыкновенно хороша. Молодой былъ одѣтъ просто; говорятъ, онъ большой брюзга, и я, какъ многіе, сердечно сожалѣю объ этой хорошенькой женщинѣ, которая должна проводить свои молодые годы такимъ страннымъ образомъ; да и бракъ этотъ, какъ разсказываютъ, состоялся совершенно противъ ея воли. У стараго князя, сколько я знаю, только трое дѣтей, именно: княгиня Черкасская, потомъ еще другая, очень милая, незамужная дочь и сынъ, который, говорятъ, женится въ Москвѣ на младшей Головкиной, какъ скоро пріѣдетъ туда царская фамилія. Этотъ молодой человѣкъ покамѣстъ только денщикомъ при императорѣ, но пользуется его расположеніемъ; онъ говоритъ по-нѣмецки и вообще довольно хорошо образованъ. Отецъ его имѣетъ польскій орденъ Бѣлаго Орла. Императоръ и здѣсь, какъ всегда, былъ посаженымъ отцомъ жениха, а императрица—посаженою матерью невѣсты. Въ этотъ второй свадебный день я не замѣтилъ ничего особеннаго противъ перваго дня, кромѣ развѣ того, что въ первый, при началѣ обѣда, было только два

выхода—обѣихъ подругъ невѣсты и дружки, а тутъ прибавился еще одинъ, по порядку первый—выходъ новобрачнаго. Онъ вошелъ, подобно тѣмъ, предшествуемый трубачами, шаферами и маршаломъ; до его появленія противъ его мѣста сняли нѣсколько блюдъ и поставили поперекъ стола рядъ опрокинутыхъ тарелокъ, а у стола стулъ, на который молодой потомъ сталъ и по тарелкамъ прошелъ на свое мѣсто. Подойдя подъ вѣнокъ, висѣвшій надъ невѣстою, онъ сорвалъ его и, сѣвъ на мѣсто, подержалъ нѣсколько надъ ея головою, потомъ поцѣловалъ молодую и снова держалъ его у нея передъ глазами и надъ головою (на все это она смотрѣла очень насмѣшливо); въ послѣдній разъ, держа вѣнокъ, онъ опустилъ его такъ низко, что стрѣлка, воткнутая въ косу новобрачной, запуталась въ немъ. Его съ трудомъ наконецъ отпутали и передали одному изъ шаферовъ. Тосты за здоровье были обыкновенные. За обѣдомъ много смѣялись, частью надъ тѣмъ поручикомъ гвардіи, который можетъ такъ страшно хохотать и о которомъ я уже упоминалъ какъ-то, частью надъ старымъ Иваномъ Михайловичемъ, отцомъ невѣсты, сидѣвшимъ противъ императора, который все съ нимъ шутилъ. Кто не видалъ, тотъ не можетъ представить себѣ, какое огромное количество желе съѣдаетъ этотъ старикъ съ величайшею поспѣшностью. Онъ взялъ себѣ (я не лгу) большое блюдо, уставленное стаканами и блюдечками. Императоръ, уже знавшій его слабость, тотчасъ замѣтилъ это и велѣлъ ему открыть ротъ, а самъ всталъ съ своего мѣста, взялъ стаканъ съ желе и, отдѣливъ его ножомъ, влилъ однимъ разомъ тому въ горло, что повторялъ нѣсколько разъ и даже своими руками открывалъ Иванъ Михайловичу ротъ, когда онъ разѣвалъ его недовольно широко. Бѣдный дружка (молодой князь Трубецкой) также терпѣлъ немало за столомъ императрицы: лишь только государыня подавала знакъ, сестра его, княгиня Черкасская, прислуживавшая за обѣдомъ и стоявшая позади брата, начинала щекотать ему подъ шеей, а онъ всякій разъ принимался ревѣть, какъ теленокъ, котораго рѣжутъ, что́ гостей очень потѣшало. Послѣ обѣда начались танцы, сперва церемоніальные, точь-въ-точь какъ въ первый свадебный день, безъ всякой перемѣны. По окончаніи ихъ его высочество пригласилъ императрицу на польскій, который продолжался довольно долго; потомъ его высочество танцовалъ съ новобрачною менуэтъ, а затѣмъ еще со многими дамами, потому что его часто выбирали. Ея величество императрица во все это время сидѣла подъ тѣмъ же балдахиномъ, подъ которымъ сидѣла и за обѣдомъ. Императоръ ходилъ взадъ и передъ, или сидѣлъ то съ своими министрами, то съ императрицею; онъ обыкновенно помѣщался возлѣ нея съ правой стороны, а его королевское высочество, когда не танцовалъ, постоянно съ лѣвой, и ея величество (какъ почти всегда) много съ нимъ разговаривала. Императоръ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа: когда танцовалъ какой-то графъ (дѣлавшій сильныя движенія руками и всѣмъ тѣломъ), онъ началъ сперва сидя подражать ему, чему императрица отъ души смѣялась; потомъ, когда тотъ сталъ танцовать во второй разъ, онъ всталъ, подошелъ къ его высочеству и, показывая пальцами на танцовавшаго, повторялъ всѣ его тѣлодвиженія. Его высочество много смѣялся этому. Послѣ нѣсколькихъ часовъ танцованья императоръ началъ со всѣми стариками одинъ танецъ, котораго я не могу назвать. Ихъ было 8 или 9 паръ, а именно императоръ съ

императрицею, великій адмиралъ, новобрачный, вице-канцлеръ, князь Валахскій, генералъ князь Голицынъ и другой князь Голицынъ, братъ его, который исправлялъ должность маршала. Всѣ они должны были танцовать съ молодыми дамами. Старый генералъ-майоръ Бутурлинъ и генералъ-майорша Балкъ составляли девятую пару. Императоръ, будучи очень веселъ, дѣлалъ одну за другою капріоли обѣими ногами. Такъ какъ старики сначала путались, и танецъ поэтому всякій разъ должно было начинать снова, то государь сказалъ наконецъ, что выучитъ ихъ весьма скоро, и затѣмъ, протанцовавъ имъ его, объявилъ, что если кто теперь собьется, тотъ выпьетъ большой штрафной бокалъ. Тогда дѣло пошло отлично на ладъ; но лишь только танецъ кончился и бѣдные старики, запыхавшіеся и едва стоявшіе на ногахъ отъ усталости, сѣли отдыхать, какъ императоръ снова началъ танцовать польскій, въ которомъ они, не успѣвъ даже порядочно усѣсться, опять должны были участвовать, чѣмъ наконецъ утомилъ ихъ до того, что они, навѣрно, не оправились и на другой день. Вслѣдъ затѣмъ его величество хотѣлъ начать минуэтъ съ императрицею, но такъ какъ она отказалась, боясь, можетъ быть, чтобы это ему не повредило и, вѣроятно, сама чувствуя усталость, то онъ взялъ ее подъ руку, пожелалъ всѣмъ спокойной ночи и уѣхалъ съ величайшею поспѣшностью. За ними, простясь съ новобрачными и дѣтьми князя, уѣхалъ и его высочество. Было около половины десятаго, когда онъ возвратился домой.

10-го начался большой маскарадъ, который долженъ былъ продолжаться цѣлую недѣлю, и въ этотъ же день праздновалась свадьба князя-папы со вдовою его предмѣстника, которая цѣлый годъ не соглашалась выйти за него, но теперь должна была повиноваться волѣ царя. Было приказано, чтобы сегодня, по сигнальному выстрѣлу изъ пушки, всѣ маски собрались по ту сторону рѣки на площади, которая вся была устлана досками, положенными на бревна, потому что мѣсто тамъ очень болотисто и не вымощено. Площадь эта находится передъ Сенатомъ и церковью Св. Троицы, имѣя съ одной стороны зданія художествъ, съ другой—крѣпость, съ третьей—зданія всѣхъ Коллегій, а съ четвертой—Неву. По срединѣ ея стоитъ упомянутая церковь Св. Троицы, а передъ Сенатомъ возвышается большая деревянная пирамида, воздвигнутая въ память отнятія у Шведовъ въ 1714 году четырехъ фрегатовъ, въ которомъ царь самъ участвовалъ, за что и былъ произведенъ княземъ-кесаремъ въ вице-адмиралы. Она украшена разнаго рода девизами. Въ 8 часовъ утра послѣдовалъ сказанный сигналъ, и его высочество съ своими кавалерами отправился на баркѣ къ сборному мѣсту, но покамѣстъ въ плащахъ. Въ этотъ день въ крѣпости не только подняли большой праздничный флагъ (изъ желтой матеріи съ изображеніемъ чернаго двуглаваго орла), но и палили, въ знакъ торжества, изъ пушекъ, какъ и на галерахъ, стоявшихъ по рѣкѣ. Между тѣмъ всѣ маски въ плащахъ съѣхались на сборное мѣсто, и пока особо-назначенные маршалы раздѣляли и разставляли ихъ по группамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны были слѣдовать другъ за другомъ, ихъ величества, его высочество и знатнѣйшіе изъ вельможъ находились у обѣдни въ Троицкой церкви, гдѣ совершилось и бракосочетаніе князя-папы, котораго вѣнчали въ полномъ его костюмѣ. Когда же, по окончаніи этой церемоніи, ихъ величества со всѣми прочими вышли изъ церкви, самъ

царь, какъ было условлено напередъ, ударилъ въ барабанъ (его величество представлялъ корабельнаго барабанщика, и ужъ конечно не жалѣлъ старой телячьей кожи инструмента, будучи мастеромъ своего дѣла и начавъ, какъ извѣстно, военную службу съ этой должности); всѣ маски разомъ сбросили плащи, и площадь запестрѣла разнообразнѣйшими костюмами. Открылось вдругъ около 1000 масокъ, раздѣленныхъ на большія группы и стоявшихъ на назначенныхъ для нихъ мѣстахъ. Онѣ начали медленно ходить на большой площади процессіей, по порядку нумеровъ, и гуляли такимъ образомъ часа два, чтобы лучше разсмотрѣть другъ друга. Царь, одѣтый, какъ сказано, голландскимъ матросомъ или французскимъ крестьяниномъ и въ то же время корабельнымъ барабанщикомъ, имѣлъ черезъ плечо черную бархатную, обшитую серебромъ, перевязь, на которой висѣлъ барабанъ, и исполнялъ свое дѣло превосходно. Передъ нимъ шли три трубача, одѣтые арабами, съ бѣлыми повязками на головахъ, въ бѣлыхъ фартукахъ и въ костюмахъ, обложенныхъ серебрянымъ галуномъ, а возлѣ него три другіе барабанщика, именно: генералъ-лейтенантъ Бутурлинъ, генералъ-майоръ Чернышевъ и гвардіи майоръ Мамоновъ, изъ которыхъ оба первые были одѣты, какъ его величество. За ними слѣдовалъ князь-кесарь въ костюмѣ древнихъ царей, т. е. въ бархатной мантіи, подбитой горностаемъ, въ золотой коронѣ и со скипетромъ въ рукѣ, окруженный толпою слугъ въ старинной русской одеждѣ. Царица, заключавшая со всѣми дамами процессію, была одѣта голландской или фризской крестьянкой—въ душегрѣйкѣ и юбкѣ изъ чернаго бархата, обложенныхъ красною тафтою, въ простомъ чепцѣ изъ голландскаго полотна, и держала подъ рукою небольшую корзинку. Этотъ костюмъ ей очень шелъ. Передъ нею шли ея гобоисты и три камеръ-юнкера, а по обѣимъ сторонамъ 8 арабовъ въ индѣйской одеждѣ изъ чернаго бархата и съ большими цвѣтами на головахъ. За государынею слѣдовали двѣ дѣвицы Нарышкины, одѣтыя точно такъ, какъ она, а за ними всѣ дамы; именно: сперва придворныя, также въ крестьянскихъ платьяхъ, но не изъ бархата, а изъ бѣлаго полотна и тафты, красиво обшитыхъ красными, зелеными и желтыми лентами, потомъ остальныя, переодѣтыя пастушками, нимфами, негритянками, монахинями, арлекинами, скарамушами; нѣкоторыя имѣли старинный русскій костюмъ, испанскій и другіе, и всѣ были очень милы. Все шествіе заключалъ большой толстый францисканецъ въ своемъ орденскомъ одѣяніи и съ странническимъ посохомъ въ рукѣ. За группою царицы, какъ за царемъ, шла княгиня-кесарша Ромодановская, въ костюмѣ древнихъ царицъ, т. е. въ длинной красной бархатной мантіи, отороченной золотомъ, и въ коронѣ изъ драгоцѣнныхъ камней и жемчуга. Женщины ея свиты имѣли также старинную русскую одежду. Его королевское высочество, нашъ герцогъ, былъ съ своею группою въ костюмѣ французскихъ виноградарей, въ шелковыхъ фуфайкахъ и панталонахъ разныхъ цвѣтовъ, красиво обложенныхъ лентами. Шляпы у нихъ были обтянуты тафтою и обвиты вокругъ тульи лозами съ виноградными кистями изъ воска. Его высочество, въ костюмѣ розоваго цвѣта, шелъ одинъ впереди, отличаясь отъ своей группы тѣмъ, что имѣлъ подъ тафтяной фуфайкой короткій парчевый камзолъ, входившій въ панталоны, и что, вмѣсто шнурковъ и лентъ, платье его было обшито серебрянымъ галуномъ. Кромѣ того, онъ держалъ въ рукѣ виноградный серпъ. За нимъ шла

его свита въ три ряда, по три человѣка въ каждомъ, именно: первый рядъ въ зеленыхъ костюмахъ, второй—въ желтыхъ, третій—въ голубыхъ. Ленты на тафтяныхъ фуфайкахъ были у нихъ разноцвѣтныя, но нашиты у всѣхъ одинаково, шляпы же одного цвѣта. Группу эту заключалъ г. фонъ-Альфельдъ, въ костюмѣ темнокраснаго цвѣта, обшитомъ, какъ и у герцога, галуномъ, но очень узкимъ. Первый рядъ составляли тайный совѣтникъ Клауссенгеймъ, Бонде и Ранцау, второй—тайный совѣтникъ Бассевичъ, Штенфлихтъ и Сальдернъ, третій—тайный совѣтникъ Геспенъ, Лорхъ и Штамке. Мы, прочіе, были на этотъ разъ только зрителями, потому что свита герцога не могла быть больше. Группа его высочества была одною изъ лучшихъ. Маски, слѣдовавшія за нею, отличались красивыми и самыми разнообразными костюмами. Одни были одѣты, какъ гамбургскіе бургомистры, въ ихъ полномъ нарядѣ изъ чернаго бархата (между ними находился и князь Меншиковъ), другіе, именно: гвардейскіе офицеры—какъ римскіе воины, въ размалеванныхъ латахъ, въ шлемахъ и съ цвѣтами на головахъ; третьи—какъ турки, индѣйцы, испанцы (въ числѣ ихъ былъ крещеный жидъ и шутъ царя — Ла-Коста), персіане, китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, доминиканцы, іезуиты; нѣкоторые, какъ государственные министры, въ шелковыхъ мантіяхъ и большихъ парикахъ, или какъ венеціанскіе nobili; наконецъ, многіе были наряжены жидами (здѣшніе купцы), корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками. Самыми странными были князь-папа изъ рода Бутурлиныхъ, и коллегія кардиналовъ въ ихъ полномъ нарядѣ. Всѣ они величайшіе и развратнѣйшіе пьяницы; но между ними есть нѣкоторые изъ хорошихъ фамилій. Коллегія эта и глава ея, такъ называемый князь-папа, имѣютъ свой особый уставъ и должны всякій день напиваться до-пьяна пивомъ, водкой и виномъ. Какъ скоро одинъ изъ ея членовъ умираетъ, на мѣсто его тотчасъ, со многими церемоніями, избирается другой отчаянный пьяница. Поводомъ къ учрежденію ея царемъ былъ, говорятъ, слишкомъ распространившійся между его подданными, особенно между знатными лицами, порокъ пьянства, который онъ хотѣлъ осмѣять и вмѣстѣ съ тѣмъ предостеречь послѣднихъ отъ позора. Многіе губернаторы и другіе сановники имѣли въ этомъ случаѣ одинаковую участь съ людьми, менѣе ихъ знатными, и не были избавлены отъ поступленія въ коллегію. Но другіе думаютъ, что царь насмѣхается надъ папою и его кардиналами, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ разсказываютъ, не щадитъ никого и у себя. По его приказанію, ежегодно, въ извѣстный день, князь-папа съ своими кардиналами ѣздитъ по всему городу и дѣлаетъ визиты верхомъ на волахъ или ослахъ, или въ саняхъ, въ которыя запрягаютъ свиней, медвѣдей, или козловъ. Я думаю скорѣе, что его величество имѣлъ въ виду первую причину. Конечно, онъ можетъ имѣть тутъ и еще другую, скрытую цѣль, потому что, какъ государь мудрый, всячести заботится о благѣ своего народа и всѣми мѣрами старается искоренять въ немъ старые грубые предразсудки. Я-было забылъ при этомъ случаѣ упомянуть, что князь папа для прислуги имѣетъ 10 или 12 человѣкъ, тщательно набираемытъ для него во всемъ государствѣ, которые не могутъ говорить, какъ слѣдуетъ, страшно заикаются и дѣлаютъ притомъ самыя разнообразныя тѣлодвиженія. Они обязаны прислуживать ему и всей коллегіи во время празднествъ и имѣютъ свой

особенный смѣшной костюмъ. Но возвращаюсь къ маскараду. Кромѣ названныхъ мною масокъ, были еще въ разныхъ уморительныхъ нарядахъ сотни другихъ, которыя бѣгали съ бичами, пузырями, наполненными горохомъ, погремушками и свистками, и дѣлали множество шалостей. Были нѣкоторыя и отдѣльныя смѣшныя маски, какъ, напримѣръ, турецкій муфти въ обыкновенномъ своемъ одѣяніи, Бахусъ въ тигровой кожѣ и увѣшанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлялъ человѣкъ приземистый, необыкновенно толстый и съ распухшимъ лицомъ. Говорятъ, его передъ тѣмъ цѣлые три дня постоянно поили, при чемъ ни на минуту не давали ему заснуть. Весьма недурны были Нептунъ и другіе боги; но особенно хорошъ и чрезвычайно натураленъ былъ Сатиръ (танцмейстеръ князя Меншикова), дѣлавшій на ходу искусные и трудные прыжки. Многіе очень искусно представляли журавлей. Огромный французъ царя и одинъ изъ самыхъ рослыхъ гайдуковъ были одѣты, какъ маленькія дѣти, и ихъ водили на помочахъ два крошечные карла, наряженные стариками съ длинными сѣдыми бородами. Нѣкоторые щеголяли въ костюмѣ прежнихъ бояръ, т. е. имѣли длинныя бороды, высокія собольи шапки и парчевые кафтаны подъ шелковыми охабнями и ѣздили верхомъ на живыхъ ручныхъ медвѣдяхъ. Такъ-называемый виташій или тайный кухмистеръ былъ весь зашитъ въ медвѣжью шкуру и превосходно представлялъ медвѣдя; сначала онъ нѣсколько времени вертѣлся въ какой-то машинѣ, похожей на клѣтки, въ которыхъ прыгаютъ бѣлки, но потомъ долженъ былъ ѣздить верхомъ на медвѣдѣ. Кто-то представлялъ индѣйскаго жреца, увѣшаннаго бубенчиками и въ шляпѣ съ огромными полями. Нѣсколько человѣкъ были наряжены, какъ индѣйскіе цари, въ перья всевозможныхъ цвѣтовъ и т. д. Погулявъ, при стеченіи тысячъ народа, часа два по площади и разсмотрѣвъ хорошенько другъ друга, всѣ маски, въ томъ же порядкѣ, отправились въ зданія сената и коллегій, гдѣ, за множествомъ приготовленныхъ столовъ, князь-папа долженъ былъ угощать ихъ свадебнымъ обѣдомъ. Новобрачный и его молодая, лѣтъ 60-ти, сидѣли за столомъ подъ прекрасными балдахинами: онъ—съ царемъ и господами кардиналами, а она—съ дамами. Надъ головою князя-папы висѣлъ серебряный Бахусъ, сидящій верхомъ на бочкѣ съ водкой, которую тотъ цѣдилъ въ свой стаканъ и пилъ. Въ продолженіе всего обѣда человѣкъ, представлявшій на маскарадѣ Бахуса, сидѣлъ у стола также верхомъ на винной бочкѣ и страшно принуждалъ папу и кардиналовъ пить; онъ вливалъ вино въ какой-то боченокъ, при чемъ они постоянно должны были отвѣчать ему. Послѣ обѣда сначала танцовали, потомъ царь и царица, въ сопровожденіи множества масокъ, отвели молодыхъ къ брачному ложу. Женихъ въ особенности былъ невообразимо пьянъ. Брачная комната находилась въ упомянутой широкой и большой деревянной пирамидѣ, стоящей передъ домомъ сената. Внутри ее нарочно освѣтили свѣчами, а ложе молодыхъ обложили хмелемъ и обставили кругомъ бочками, наполненными виномъ, пивомъ и водкою. Вечеромъ всѣ дома въ городѣ были иллюминованы, и царь приказалъ чтобъ это продолжалось во все время маскарада. Особенно красивы были со стороны рѣки царскіе дворецъ и садъ.

11-го, послѣ обѣда, всѣ маски, по данному сигналу, собрались опять на вчерашнее мѣсто, чтобы проводить новоброчныхъ черезъ рѣку въ

почтовый домъ, гдѣ положено было праздновать другой день свадьбы. Всѣ въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ, отправились въ особенный домъ князя-папы, гдѣ онъ стоялъ у дверей и по своему привѣтствовалъ каждаго гостя. Всякій, прежде чѣмъ проходилъ далѣе, выпивалъ при входѣ по деревянной ложкѣ водки изъ большой чаши, потомъ поздравлялъ папу и цѣловался съ нимъ. Послѣ того молодые присоединились къ процессіи масокъ, которыя, обойдя раза два вокругъ пирамиды, гдѣ тѣ ночевали, сѣли на суда и переѣхали, подъ разную музыку и при пушечной пальбѣ въ крѣпости и адмиралтействѣ, на другую сторону рѣки, въ почтовый домъ, назначенный для угощенія. Машина, на которой переѣхали черезъ рѣку князь-папа и кардиналы, была особеннаго страннаго изобрѣтенія. Сдѣланъ былъ плотъ изъ пустыхъ, но хорошо закупоренныхъ бочекъ, связанныхъ по двѣ вмѣстѣ. Всѣ онѣ, въ извѣстномъ разстояніи однѣ отъ другихъ, составляли шесть паръ. Сверху, на каждой парѣ большихъ бочекъ, были прикрѣплены по срединѣ еще бочки поменьше или ушаты, на которыхъ сидѣли верхомъ кардиналы, крѣпко привязанные, чтобъ не могли упасть въ воду. Въ этомъ видѣ они плыли одинъ за другимъ, какъ гуси. Передъ ними ѣхалъ большой пивной котелъ съ широкимъ досчатымъ бортомъ снаружи, поставленный также на пустыя бочки, чтобъ лучше держаться на водѣ, и привязанный канатами и веревками къ заднимъ бочкамъ, на которыхъ сидѣли кардиналы. Въ этомъ-то котлѣ, наполненномъ крѣпкимъ пивомъ, плавалъ князь-папа въ большой деревянной чашѣ, какъ въ лодкѣ, такъ что видна была почти одна только его голова. И онъ, и кардиналы дрожали отъ страха, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были всѣ мѣры для ихъ безопасности. Впереди всей машины красовалось большое, вырѣзанное изъ дерева, морское чудовище, и на немъ сидѣлъ верхомъ являвшійся на маскарадѣ Нептунъ съ своимъ трезубцемъ, которымъ онъ повертывалъ иногда князя-папу въ его котлѣ. Сзади на борту котла, на особой бочкѣ, сидѣлъ Бахусъ и безпрестанно черпалъ пиво, въ которомъ плавалъ папа, не мало сердившійся на обоихъ своихъ сосѣдей. Всѣ эти бочки, большія и малыя, влеклись нѣсколькими лодками, при чемъ кардиналы производили шумъ коровьими рогами, въ которыя должны были постоянно трубить. Когда князь-папа хотѣлъ выйти изъ своего котла на берегъ, нѣсколько человѣкъ, нарочно подосланныхъ царемъ, какъ бы желая помочь ему, окунули его совсѣмъ съ чашею въ пиво, за что онъ страшно сердился на его величество, очень хорошо понявъ, что былъ выкупанъ въ пивѣ по его приказанію. Послѣ того всѣ маски отправились въ почтовый домъ, гдѣ пили и пировали до поздняго вечера.

12-го, послѣ обѣда, маски опять собрались у почтоваго дома, откуда поѣхали кататься на разныхъ судахъ, изъ которыхъ многія могли вмѣстить до ста человѣкъ и были снабжены большими русскими качелями, такъ что во время плаванія всякій, кто имѣлъ охоту, могъ качаться. Его королевское высочество съ своею свитою, а царь и царица со многими дамами и кавалерами имѣли свои особыя суда съ качелями. Князь-папа и кардиналы ѣздили на той же машинѣ, на которой вчера переправлялись черезъ рѣку. Въ этомъ порядкѣ всѣ маски отправились къ князю Меншикову, который угощалъ ихъ съ своемъ саду. Тамъ оставались до вечера, когда, наконецъ, всякій могъ свободно ѣхать домой.

13-го былъ роздыхъ, и маски не собирались. Его высочество съ тремя тайными совѣтниками, также Штенфлихтомъ, Альфельдомъ, Ранцау и графомъ Бонде, обѣдалъ у полковника Кампенгаузена, жена котораго статсъ-дамою при царицѣ. Оттуда они ѣздили къ Нарышкину, у котораго нашли Ягужинскаго, только-что возвратившагося наканунѣ изъ Або, а потомъ къ г-жѣ Вильбоа, также статсъ-дамѣ, и къ княгинѣ Черкасской (мужъ которой былъ прежде Сибирскимъ вице-губернаторомъ), живущей по ту сторону рѣки, и наконецъ ужинали и Левольда.

14-го маски опять собирались послѣ обѣда на другой сторонѣ рѣки, но скоро разошлись, проѣхавъ только внизъ до дому Головкина. Послѣ того его высочество ѣздилъ къ майору гвардіи Румянцеву, къ оберъ-полицеймейстеру Девьеру и къ княгинѣ Валахской, гдѣ нашелъ общество дамъ и очень весело провелъ вечеръ.

15-го его королевское высочество, прогулявшись понапрасну на ту сторону рѣки, потому что маски не оставались вмѣстѣ, ѣздилъ къ князю-папѣ, а отъ него къ великому адмиралу Апраксину, гдѣ и пробылъ до вечера. Тамъ возникъ споръ между Альфельдомъ и Лорхомъ, но послѣдній на другое же утро пошелъ къ своему противнику, и они опять стали друзьями.

16-го его величество царь съ 50-ю или 60-ю масками пріѣхалъ обѣдать къ его королевскому высочеству. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, много пилъ, даже танцовалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни. Мы убѣдились изъ этого, что онъ иногда можетъ быть въ прекрасномъ расположеніи духа, особенно если окружающія его лица ему не противны. Его проближенные, въ томъ числѣ фавориты и шуты, умѣютъ пользоваться такими случаями и бываютъ съ нимъ свободны, какъ съ товарищемъ. Въ такомъ веселомъ расположеніи его величество пробылъ у насъ до 8-ми часовъ вечера. Въ этотъ день прибывшій сюда императорскій австрійскій посолъ, графъ Кинскій, присылалъ увѣдомить его королевское высочество о своемъ пріѣздѣ. Герцогъ зналъ его еще прежде въ Бреславлѣ; онъ человѣкъ чрезвычайно пріятный и привѣтливый.

17-го его королевское высочество и всѣ другія маски были послѣ обѣда въ Адмиралтействѣ, гдѣ закладывали киль для военнаго корабля. Главный строитель Головинъ, онъ же и генералъ-майоръ по арміи, учившійся кораблестроенію вмѣстѣ съ царемъ въ Голландіи (но знающій немного и получившій это званіе только въ качествѣ царскаго любимца), долженъ былъ вбить первый гвоздь и прежде всѣхъ помазать киль дегтемъ, послѣ чего прочіе корабельщики, въ томъ числѣ и самъ царь, послѣдовали его примѣру. Его величество трудился и работалъ усерднѣе всѣхъ. По этому случаю въ адмиралтействѣ палили изъ пушекъ. Ихъ величества со всѣми присутствовавшими прошли потомъ въ флаговой залъ, гдѣ приготовлена была закуска. Въ этомъ залѣ развѣшаны подъ потолкомъ всѣ флаги, знамена и штандарты, отнятые въ продолженіе послѣдней войны у Шведовъ. Побывъ тамъ нѣсколько времени, всѣ отправились въ новый домъ великаго адмирала (одинъ изъ лучшихъ во всемъ Петербургѣ, но еще не отдѣланный), гдѣ съ галерей смотрѣли на травлю льва съ огромнымъ медвѣдемъ, которые оба были крѣпко связаны и притянуты другъ къ другу веревками. Всѣ думали, что медвѣдю придется плохо, по вышло иначе: левъ оказался трусливымъ и почти вовсе не защищался, такъ что еслибъ медвѣдя во-время не отта-

щили, онъ непремѣнно одолѣлъ бы его и задушилъ. Травля продолжалась не долго, потому что царю не хотѣлось потерять льва. Отъ Апраксина ея величество царица со многими дамами и кавалерами поѣхала къ его королевскому высочеству гдѣ, послѣ закуски и кофе, нѣсколько часовъ танцовали. Часовъ въ восемь государыня уѣхала, но прочія дамы оставались еще съ часъ и продолжали танцовать. Когда всѣ посторонніе разъѣхались, его высочество съ нѣкоторыми изъ насъ отправился на рѣку и разсматривалъ иллюминацію, при чемъ съ нами были и наши волторнисты. Проѣзжая мимо царскаго дворца, мы видѣли у окна обѣихъ принцессъ, которыя, къ величайшему сожалѣнію его высочества, не участвовали въ маскарадѣ и оставались только зрительницами. Сегодня окончился маскарадъ, и хотя въ продолженіе 8-ми дней наряженные не постоянно собирались, однакожъ никто, подъ штрафомъ 50 рублей, не смѣлъ все это время ходить иначе, какъ въ маскѣ. Поэтому всѣ радовались, что удовольствія на первый разъ кончились.

XCIII. Описаніе большого маскарада по случаю потѣшной свадьбы Зотова.

(Изъ „Записокъ" Фридриха-Христіана Вебера, Брауншвейгъ-Люнебургскаго резидента въ Россіи, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Das veränderte Russland", „Русскій Архивъ" за 1872 г.).

Большой маскарадъ, къ которому весь Дворъ готовился уже три мѣсяца, праздновался, наконецъ, 27-го и 28-го января, и такъ какъ подобнаго маскарада, можетъ быть, никогда не бывало на свѣтѣ, то я не могу не коснуться здѣсь, хотя вкратцѣ, главнѣйшихъ его обстоятельствъ.

Въ дѣтствѣ у царя былъ учитель чистописанія, нѣкто Зотовъ, котораго онъ, семидесятилѣтняго уже старика, сдѣлалъ потѣшнымъ совѣтникомъ (lustiger Rath), произвелъ въ шутку въ патріархи, потомъ, въ такомъ же смыслѣ даровалъ ему княжеское достоинство и, наконецъ, объявилъ папою, въ каковомъ качествѣ царь и женилъ его, когда ему было уже 84 года, на здоровой и бодрой еще 34-лѣтней вдовѣ. По случаю этой-то свадьбы и назначенъ былъ маскарадъ изъ 400 человѣкъ обоего пола, въ которомъ каждыя 4 лица должны были имѣть свой костюмъ и особый музыкальный инструментъ, такимъ образомъ, что всѣ вмѣстѣ должны были представить 100 различныхъ костюмовъ и музыку всѣхъ, преимущественно азіатскихъ, націй. Тѣ четыре особы, которыя должны были приглашать на свадьбу, выбраны изъ самыхъ сильныхъ заикъ, какихъ только можно было отъискать въ Россіи. Свадебнымъ маршаломъ, шаферами, дружками и другими свадебными прислужниками выбраны окаменѣвшіе уже отъ лѣтъ старики, которые не могли ни стоять, ни видѣть что-либо; а въ скороходы назначены такія тучныя особы, которыхъ нужно было водить, по тяжести ихъ тѣла, и которыя почти всю жизнь свою возились съ подагрою.

Подставной царь Московскій по одеждѣ представлялъ собою царя Давида, но вмѣсто арфы ему дана была обтянутая медвѣжьей кожей лира, которою онъ долженъ былъ потрясать въ поѣздѣ. Какъ важнѣйшее лицо, его везли на особыхъ козлахъ, придѣланныхъ къ огромнымъ санямъ, и на 4-хъ концахъ этихъ козелъ посажено столько же огромныхъ дикихъ медвѣдей, которыхъ приставленные нарочно для того люди кололи острыми рогатинами и заставляли страшно ревѣть, какъ только царь Давидъ, а по его примѣру и все остальное общество, начинали свою дикую музыку, неистово заглушая другъ друга.

Самъ царь одѣтъ былъ фризскимъ крестьяниномъ и, вмѣстѣ съ тремя другими генералами, искусно выколачивалъ на барабанѣ. При такой обстановкѣ и подъ звонъ колоколовъ, маски сопроводили неровную брачную чету въ главную церковь и поставили ее передъ алтаремъ, гдѣ и обвѣнчалъ ее столѣтній священникъ. Передъ этимъ послѣднимъ, потерявшимъ уже зрѣніе и память и еле стоявшимъ съ очками на носу, держали двѣ свѣчи, и въ уши кричали ему, какія онъ долженъ былъ читать молитвы передъ брачною четою. Изъ церкви процессія отправилась въ царскій дворецъ, гдѣ веселое пированіе продолжалось нѣсколько дней и сопровождалось катаньемъ на саняхъ, во время котораго также продѣлывались разныя забавныя потѣхи. Но дальнѣйшій разсказъ о нихъ былъ бы утомителенъ: и описаннаго довольно, чтобы показать, что при всѣхъ тяжкихъ заботахъ своихъ по управленію царь можетъ думать и о забавахъ и обладаетъ богатою для того изобрѣтательностью.

XCIV. Домашняя жизнь Петра Великаго.

(Изъ соч. Водовозова: „Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка“).

Знакомство съ подробностями домашней жизни Петра Великаго важно для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ намъ возможность окончательно уяснить себѣ его личность. Тутъ намъ представится еще ярче всѣ рѣзко выдающіяся черты этой личности: неугомонная живость его характера, его дѣловой умъ и общительность, съ какою онъ совершенно забывалъ о своей власти. Въ Петербургѣ Петръ вставалъ вмѣстѣ съ зарею, отправлялся въ адмиралтейство смотрѣть за работами, или къ Меншикову, обѣдалъ обыкновенно въ полдень, иногда у себя, а чаще гдѣ случалось, у приближенныхъ, или у купцовъ и какихъ-нибудь мастеровъ, послѣ обѣда всегда отдыхалъ часъ, другой, а потомъ опять принимался за работу. Въ праздничные дни, отдохнувъ и занявшись дѣломъ послѣ обѣда, онъ возвращался къ гостямъ, которые въ этомъ случаѣ не смѣли расходиться, и пировалъ иногда далеко за полночь, выпивая не одну бутылку венгерскаго, а потомъ вдругъ встанетъ и тотчасъ же ѣдетъ въ Кронштадтъ или въ Шлиссельбургъ, или куда-нибудь подальше. Одѣвался онъ очень просто. Когда, ради праздника, ему случалось надѣвать свой кафтанъ на собольемъ мѣху, то замѣчали, что спинка и рукава этого кафтана подбиты простымъ мѣхомъ. Однажды, къ удивленію всѣхъ, онъ явился на свадьбу въ богатомъ экипажѣ шестернею, но ока-

залось, что экипажъ этотъ, для пущаго торжества, занялъ онъ у Ягужинскаго. Обыкновенно ѣздилъ онъ въ самомъ простомъ кабріолетѣ въ одну лошадь. На водѣ его всегда видѣли въ открытой шлюпкѣ, какое бы ни было ненастье, тогда какъ вельможи катались обыкновенно въ закрытыхъ баркахъ. Царь не любилъ ни картъ, ни охоты: любимымъ его развлеченіемъ было кататься по Невѣ, да фейерверки. Петръ устроилъ въ Петербургѣ особую вервь для постройки мелкихъ судовъ. Суда эти раздавались приближеннымъ, или раскупались жителями, и каждое воскресенье, по данному сигналу, всѣ должны были ѣхать на нихъ къ Троицкой площади, чтобы отсюда начать правильныя катанья. Петръ имѣлъ цѣлью этимъ заохотить жителей къ водѣ и научить искусству въ плаваніи. Надъ этимъ невскимъ флотомъ начальствовалъ особый адмиралъ; онъ ѣхалъ впереди и никто не смѣлъ обгонять его. На всѣхъ лодкахъ слѣдили за его движеніями: поворачивалъ онъ—и всѣ поварачивали, распускалъ паруса—и всѣ распускали. Эта ѣзда, напоминавшая морскія упражненія, была очень красива. До сотни и болѣе лодокъ, на всѣхъ парусахъ, какъ лебеди, стройно носились по Невѣ, пестрѣли разноцвѣтными флагами; съ нѣкоторыхъ стрѣляли изъ маленькихъ пушекъ, съ другихъ раздавались трубы и волторны. Царь съ приближенными заѣзжалъ иногда къ князю-кесарю—испить его крѣпкой перцовки, которая потомъ цѣлый день жгла горло; но отъ нея не могли отказываться и дамы. Иногда весь маленькій флотъ отправлялся къ Екатерингофу, а то царь пускался со всѣми и въ Кронштадтъ, и тутъ гуляющихъ порою разбрасывало бурею по взморью, и сидѣли они цѣлую ночь подъ дождемъ гдѣ-нибудь на болотѣ: забава выходила не очень пріятною. Петръ такъ любилъ кататься, что, когда оставалась какая-нибудь полынья передъ Лѣтнимъ садомъ, онъ и по ней разъѣзжалъ въ своей шлюпкѣ; катался даже зимою, на большомъ расчищенномъ каткѣ, по льду, поставивъ лодку на полозья, при чемъ очень ловко управлялъ парусами, лавируя, какъ на водѣ, по вѣтру и противъ вѣтра, который гналъ эти необычайныя сани. Фейерверки были другою любимою потѣхою царя: онъ самъ придумывалъ для нихъ разные храмы, пирамиды изъ разноцвѣтныхъ огней, девизы, фигуры съ горящими надписями, и проч., самъ все устраивалъ и даже зажигалъ эти фигуры своею рукою; тутъ иной разъ дѣйствовали очень затѣйливыя машины: напримѣръ, какой нибудь огненный мальчикъ съ крыльями и съ горящимъ факеломъ въ рукахъ подлетитъ къ храму, и вдругъ все вспыхиваетъ голубымъ свѣтомъ.

Дѣятельный умъ Петра высказывался и въ мелочахъ. Онъ искусно точилъ разные предметы изъ слоновой кости, довольно искуссно выдергивалъ зубы и дѣлалъ нѣкоторыя операціи: въ этомъ каждому онъ предлагалъ свои услуги, будь то лакей или прачка. Такихъ услугъ, конечно, многіе избѣгали; но разъ ему удалось уговорить жену одного нѣмецкаго купца, которая вся распухла отъ водяной, выпустить изъ нея воду. Петръ, дѣйствительно, сдѣлалъ операцію и выпустилъ воды чуть ли не съ ведро. Женщина все таки умерла: тогда онъ смотрѣлъ, какъ ее анатомировали, чтобы узнать не было ли воды внутри желудка. Иной разъ соберется народъ на площадь о масляной,— глядь: царь качается со своими пріятелями на качеляхъ. Однажды осенью, въ большомъ собраніи, всѣ стали жаловаться на духоту; царь велѣлъ принести топоръ и

началъ усердно выламывать оконную раму: рама была крѣпко заколочена снаружи: царь выходилъ на дворъ, со всѣхъ сторонъ ее осматривалъ, работалъ съ полчаса, страшно вспотѣлъ, и все-таки выставилъ раму. Въ дѣлахъ болѣе серьезныхъ, какъ, напримѣръ, при постройкѣ кораблей, не довѣряя никому, онъ пробовалъ каждый болтъ, осматривалъ каждый гвоздикъ. По складу своего живого ума, Петръ любилъ во всемъ странное, необычайное. Умеръ придворный поваръ,—такъ онъ устроилъ особое шествіе, гдѣ всѣ провожали умершаго въ бѣлыхъ колпакахъ и фартукахъ. Точно также на похоронахъ его любимаго карлика маленькій гробъ везли маленькія лошадки, позади шелъ самый маленькій попъ, какого можно было найти въ Петербургѣ, а потомъ попарно всѣ карлики, какихъ тогда можно было найти при дворѣ и вельможъ,—и по бокамъ выступали самые рослые гайдуки. Князь-кесарь по прежнему игралъ у него роль высшаго владыки. Когда Рамодановскій умеръ, это мѣсто занялъ сынъ его, и Петръ, мѣшая дѣло съ шуткой, ѣздилъ къ нему съ докладами о побѣдахъ, или принималъ изъ рукъ его чины и ордена. Когда выходила замужъ дочь кесаря за Головина, царь на свадьбѣ, то и дѣло, налагалъ штрафные бокалы за неуваженіе къ высокой особѣ, напримѣръ, за то, что подъѣзжали прямо ко крыльцу кесаря. Многіе, не желая пить, оправдывались, что на дворѣ у кесаря страшная грязь.—„А какъ же я прошелъ?“ возражалъ царь. Онъ, дѣйствительно, велѣлъ положить доски и прошелъ по нимъ, оставивъ экипажъ на улицѣ, какъ это водилось на пріѣздѣ къ прежнимъ русскимъ царямъ. Другое шутливое учрежденіе, всепьянѣйшій соборъ князя-папы, также осталось въ своей силѣ. Съ веселой, удалой братіей, въ кардинальскихъ мантіяхъ, царь по-прежнему ѣздилъ славить о святкахъ. По ночамъ вдругъ раздавались свистъ, гамъ, пѣсни: на извощичьихъ лошадяхъ, въ саняхъ съ длинными скамейками катила неспокойная братія изъ дома въ домъ; тутъ были и знатныя лица, и простые матросы. Послѣ какой-нибудь побѣды, послѣ удачно-оконченнаго дѣла, Петръ особенно предавался разгулу: тогда его удалая веселость равнялась прежде поднятымъ трудамъ. Когда былъ заключенъ Ништадтскій міръ, на одномъ изъ праздниковъ, у герцога голштинскаго, бывшаго женихомъ его старшей дочери. Петръ, внѣ себя отъ радости, безпрестанно цѣловался, пѣлъ русскія пѣсни, плясалъ по столамъ. Особенно шумны были угощенія при спускѣ кораблей. Первый тостъ, какъ и на всѣхъ пирахъ, возглашали во славу Божію, потомъ за семейство Ивана Михайловича. Иванъ Михайловичъ Головинъ надсматривалъ за постройкой кораблей, и его семействомъ называли не что иное, какъ весь русскій флотъ. Царь далъ слово своему шуту, что подаритъ ему 10,000 руб., если когда-нибудь забудетъ этотъ тостъ: но этого не могло случиться, потому что приближенные всегда напомнили бы о тостѣ. Когда корабль счастливо спускался въ воду, всѣ на немъ пировали, и тутъ каждый обязанъ былъ пить крѣпкое венгерское, какимъ потчивалъ царь. Герцогъ голштинскій думалъ отдѣлаться тѣмъ, что ставилъ передъ собою бутылку съ красною водою. Царь однажды попробовалъ изъ его стакана.—„Нѣтъ, твое вино не здорово,—сказалъ онъ,—вотъ выпей-ка отсюда“,—и налилъ ему изъ своей бутылки, гдѣ къ венгерскому потчасъ подмѣшивали и водку. Если не самъ царь, то его денщики или князь-папа поили до безчувствія, никого не выпуская изъ комнаты. Апра-

ксинъ, наконецъ, началъ рыдать, какъ ребенокъ; Меншиковъ лежалъ замертво, и его вспрыскивали водою. Другіе кричали и пѣли во все горло. Какой-нибудь нѣмецкій генералъ лѣзъ ко всѣмъ, хвастался и вызывалъ каждаго на дуэль; вотъ, онъ безъ разбора началъ всѣхъ колотить шпагою; его схватили и крѣпко держали, но чуть онъ вырвался, какъ уже далъ кому-то пощечину. Петръ нисколько не стѣснялся этою суматохой.

Въ этомъ крайнемъ разгулѣ, конечно, надо винить нравы вѣка: не лучше было и заграницею; но у русскихъ сохранялся еще обычай — безъ мѣры напиваться въ знакъ радости, или изъ уваженія къ хозяину. Такая невоздержность, вмѣстѣ съ непомѣрными трудами, рано разстроили здоровье Петра. Въ 1724 году онъ хворалъ чаще прежняго, но не думалъ отдыхать. Посѣтивъ Шлиссельбургъ, онъ отправился на Олонецкіе заводы, гдѣ выковалъ полосу желѣза въ 3 пуда. Оттуда поѣхалъ въ Новгородъ, въ Старую Русу и къ Ладожскому каналу, гдѣ осматривалъ работы Миниха и былъ очень доволенъ, что Минихъ сдѣлалъ втрое больше прежнихъ строителей и втрое дешевле. Больной, возвратился Петръ въ Петербургъ въ концѣ октября. Едва успѣвъ немного поправиться, онъ поѣхалъ въ Дубки (на Лахту); при возвращеніи, на взморьѣ его застигла буря. Одинъ ботъ погибъ; царь самъ спасалъ утопавшахъ, цѣлую ночь проработалъ, стоя по поясъ въ водѣ, и жестоко простудился. Послѣ того были у него нѣкоторыя домашнія непріятности: размолвки съ Екатериной, съ Меншиковымъ. Но, сохраняя прежнюю бодрость духа, Петръ еще тѣшился выборомъ новаго князя-папы. На тронѣ поставлена была бочка, а на ней сидѣлъ Бахусъ. Кардиналы были заперты въ особой комнатѣ, и дверь запечатана. Каждую четверть часа они должны были хлебать по большой ложкѣ водки, пока не выберутъ. Потомъ слѣдовало угощеніе изъ волчьяго, лисьяго, медвѣжьяго, кошачьяго и мышинаго мяса. Въ то же время царь усердно занимался дѣлами. Въ январѣ слѣдующаго года опять не поберегся онъ на обрядѣ водоосвященія, и уже слегъ совершенно въ постель. Къ другимъ недугамъ присоединялась еще жестокая каменная болѣзнь; ему дѣлали операцію, но безъ успѣха. Петръ умеръ 28 января 1725 года, на 53 году отъ рожденія.

XCV. Царевичъ Алексѣй Петровичъ и судъ надъ нимъ.

(Изъ соч. Костомарова: „Русская исторія въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ ея дѣятелей“).

Преобразовательныя намѣренія Петра Великаго возбуждали множество недовольныхъ, готовыхъ противодѣйствовать царю всѣми мѣрами внутри Россіи; но изъ всѣхъ противниковъ его духа первое мѣсто, по достоинству породы, занималъ его родной сынъ, царевичъ Алексѣй. Онъ былъ рожденъ отъ первой супруги Петра, Евдокіи Лопухиной, 18-го февраля 1600 года. Петръ никогда не любилъ вполнѣ своей жены. Это непріязненное чувство развивалось по мѣрѣ пристрастія государя къ иноземщинѣ, которая увлекала его къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ ста-

ринныхъ русскихъ порядковъ и обычаевъ. Евдокія не только не сочувствовала въ этомъ Петру, но, какъ бы на зло ему, была ревностною поклонницею старины, за одно съ своею близкою роднею—Лопухиными. Петръ пытался сначала убѣдить жену свою добровольно вступить въ монастырь, но всѣ старанія его достигнуть этой цѣли оказались безуспѣшными. Тогда Петръ приказалъ Евдокію противъ ея воли отправить въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь, и тамъ она была насильно пострижена подъ именемъ Елены. Восьмилѣтній сынъ ея Алексѣй былъ разлученъ съ матерью; воспитаніе его поручено было сначала Никифору Вяземскому, потомъ—нѣмцу Нейгебауеру, а когда этого нѣмца, за дерзость и высокомѣріе, царь удалилъ, учителемъ царевича сталъ другой нѣмецъ, Гюйсенъ. Онъ выучилъ царевича по французски и преподавалъ ему научные предметы на французскомъ языкѣ. Въ 1705 г. Петръ отозвалъ Гюйсена къ дипломатическимъ порученіямъ. Царевичъ остался безъ учителя, съ однимъ своимъ воспитателемъ Никифоромъ Вяземскимъ, а сверхъ того, наблюденіе надъ ходомъ ученія поручено было Меншикову, которому, однако, некогда было слѣдить за царевичемъ, постоянно жившемъ въ Москвѣ, тогда какъ Меншиковъ пребывалъ въ Петербургѣ и часто былъ отвлекаемъ разными военными морскими и административными предпріятіями.

Москва, старая столица Россіи, естественно стала тогда важнѣйшимъ средоточіемъ враговъ преобразованій, начатыхъ Петромъ. Царевичъ, по чувству сердечной памяти о матери, не питалъ нѣжныхъ чувствъ къ родителю, а суровое и грозное обращеніе отца съ сыномъ еще болѣе охладило Алексѣя къ Петру. Рѣдко онъ могъ видѣть родителя, постоянно занятаго военными дѣлами. Царевича окружали люди, недружелюбно относившіеся къ затѣямъ государя. Это были: четверо Нарышкиныхъ, пять князей Вяземскихъ, крутицкій архіерей Иларіонъ и нѣсколько протопоповъ, изъ которыхъ одинъ, Яковъ Игнатьевъ, былъ духовникомъ царевича и имѣлъ на него громадное нравственное вліяніе. Однажды въ Преображенскомъ селѣ, въ своей спальнѣ, предъ лежащимъ на стольцѣ Евангеліемъ, царевичъ далъ своему духовнику клятвенное обѣщаніе слушать его во всемъ, какъ ангела Божія и Христова апостола, считать его судьею всѣхъ своихъ дѣлъ и покоряться во всемъ его совѣтамъ. Царевичъ проводилъ время сообразно стариннымъ пріемамъ русской жизни: то—слушая богослуженіе и занимаясь душеспасительными бесѣдами, то—учреждая пиры, постояннымъ участникомъ которыхъ былъ и его духовникъ. Но забавы царевича не походили на забавы его родителя въ томъ, что царевичъ всегда относился съ сердечнымъ уваженіемъ ко всему церковному и не позволялъ себѣ дѣлать такихъ кощунскихъ выходокъ, какія замѣчаются въ чиноположеніи Петрова всепьянѣйшаго собора. За-то не менѣе родителя царевичъ, при случаѣ, показывалъ жестокость и грубость въ обращеніи со своими собесѣдниками; самого духовника своего, котораго называлъ своимъ первѣйшимъ другомъ, царевичъ не разъ пугалъ и за бороду升 дралъ, „и другіе,—писалъ ему этотъ духовникъ,—отъ милостиваго наказанія твоего и побой изувѣчены и хрычатъ кровію“. Своего наставника Вяземскаго царевичъ также дралъ за волосы и билъ палкой. Несмотря на такія грубыя вспышки, царевичъ Алексѣй, будучи по природѣ безхарактеренъ, находился подъ вліяніемъ своихъ друзей, и особенно Якова Игнатьева, ко-

торый служилъ ему тайнымъ посредникомъ по отношенію къ заточенной матери. При его посредствѣ, царевичъ однажды съѣздилъ къ ней въ Суздаль; но царевна Наталья, любимая сестра Петрова, провѣдала объ этомъ и донесла брату. Царь сильно разгнѣвался и потребовалъ сына къ себѣ въ Польшу, гдѣ самъ въ то время находился. Царевичъ обратился къ Екатеринѣ, и только ея ходатайству обязанъ былъ тѣмъ, что получилъ отъ родителя прощеніе.

Въ 1709 году царевичъ, по волѣ родителя, былъ оторванъ отъ московскаго круга друзей, отправленъ въ Дрезденъ учиться геометріи и фортификаціи, а черезъ два года женился на сестрѣ супруги нѣмецкаго императора Карла VI, вольфенбютельской принцессѣ Шарлоттѣ. Бракъ совершенъ былъ въ Торгау 14 октября 1711 года, въ присутствіи Петра. Алексѣй не чувствовалъ никакой любви къ этой особѣ и женился на ней единственно изъ угожденія волѣ родителя, не смѣя ему противиться по трусости и слабости характера. Супруга его была совсѣмъ не такая женщина, чтобы впослѣдствіи расположить къ себѣ сердце мужа и оказать на него доброе нравственное вліяніе. Это была нѣмка до мозга костей, до глубины души: она окружила себя исключительно единоземцами, не терпѣла Русскихъ и всей Россіи. Молодая чета поселилась въ Петербургѣ, въ особомъ дворцѣ, но жила не роскошно, и кронпринцесса, какъ титуловали въ то время жену царевича, безпрестанно жаловалась, что ей даютъ мало средствъ. Петръ пытался пріучить своего сына любить то, что самъ любилъ, и посылалъ его по разнымъ порученіямъ, напримѣръ, наблюдать за постройкою судовъ въ Ладогѣ; но царевичъ повиновался нехотя, изъ-подъ палки, и не показывалъ ни малѣйшаго расположенія слѣдовать туда, куда направлялъ его отецъ. Алексѣй боялся родителя: самъ родитель впослѣдствіи объявлялъ, что, желая пріучить сына къ дѣлу, не только бранилъ его, но и бивалъ палкою. Однажды Петръ хотѣлъ проэкзаменовать сына изъ геометріи и фортификаціи. Царевичъ боялся, что царь заставитъ его при себѣ чертить планы, и, чтобы избавиться отъ такого непріятнаго испытанія, выстрѣлилъ себѣ изъ пистолета въ ладонь; пуля не попала въ руку, но рука была обожжена, Отецъ увидѣлъ обожженную руку сына и допрашивалъ его, „что это значитъ?“ Алексѣй чѣмъ-то отолгался, но избавился отъ угрожавшаго ему испытанія. Все въ немъ составляло противоположность Петру; Петра занимало кораблестроеніе, военное искусство, всякаго рода ремесла и промыслы; царевичъ съ любовью углублялся въ чтеніе благочестныхъ книгъ, въ разсказы о чудесахъ и видѣніяхъ. Чѣмъ болѣе Петръ всматривался въ поведеніе сына, тѣмъ болѣе приходилъ къ убѣжденію, что онъ не годится быть его преемникомъ на престолѣ, къ чему готовило Алексѣя право рожденія. Петръ пересталъ имъ заниматься и въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ не говорилъ съ нимъ ни слова, но не рѣшился отстранить его отъ престолонаслѣдія, потому что некѣмъ было его замѣстить.

Въ 1714 году Екатерина стала беременною, но въ то же время была уже во второй разъ беременною и супруга Алексѣя—Шарлотта. Кронпринцесса разрѣшилась отъ бремени 12 октября сыномъ Петромъ а черезъ десять дней скончалась. Тогда Петръ въ самый день погребенія невѣстки вручилъ сыну письмо, въ которомъ укорялъ его за то, что онъ не показывалъ никакой охоты къ занятіямъ дѣлами правленія, а

наиболѣе за то, что царевичъ „ниже слышать хощетъ о воинскомъ дѣлѣ, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли“.

Царь убѣждалъ его исправиться, а въ случаѣ неисправленія грозилъ отрѣшить отъ наслѣдства. Письмо это подписано было заднимъ числомъ, за 16 дней до его отдачи, а на другой день послѣ отдачи Екатерина родила Петру сына—Петра. Царевичъ совѣтовался съ близкими лицами, Вяземскимъ и Александромъ Кикинымъ, обращался также къ людямъ сильнымъ: адмиралу Апраксину и князю Василію Владиміровичу Долгорукому. Кикинъ и Вяземскій прямо совѣтовали ему удалиться на покой, а князь Василій Долгорукій говорилъ ему двусмысленныя слова: „давай писемъ хоть тысячу, еще когда-то будетъ“; старая пословица: „улита ѣдетъ, когда-то будетъ“; „это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали“. Хитрый бояринъ далъ царевичу понять, что по его соображеніямъ, какъ онъ ни вывертывайся, а ему не сдобровать. Царевичъ, черезъ три дня послѣ полученія письма, послалъ царю отвѣтъ, въ которомъ сознавался, что „памяти весьма лишенъ и всѣми силами умными и тѣлесными отъ различныхъ болѣзней ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію». Онъ отрекался отъ наслѣдства, предоставляя его своему наворожденному брату и призывалъ во свидѣтели Бога, что не станетъ болѣе претендовать на корону.

Петръ послѣ того заболѣлъ такъ тяжело, что даже исповѣдывался и причащался въ чаяніи кончины. По выздоровленіи, уже въ 1716 году, царь написалъ царевичу письмо, служившее какъ бы отвѣтомъ на то, которое царевичъ писалъ до болѣзни родителя.

Петръ написалъ сыну, что не вѣритъ клятвѣ и привелъ изреченіе Давида: «всякъ человѣкъ ложь». «Да наконецъ,—выражался Петръ,—еслибы ты и истинно хотѣлъ хранить клятву, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло». Затѣмъ Петръ далъ ему на выборъ: или измѣнить свой нравъ и сдѣлаться достойнымъ наслѣдникомъ престола, или постричься въ монахи. «Иначе,—кончалъ свое письмо Петръ,—я съ тобою какъ съ злодѣемъ поступлю».

Испуганный царевичъ обратился опять за совѣтомъ къ Вяземскому и Кикину. Оба совѣтовали ему идти въ монастырь. Кикинъ прибавилъ при этомъ: «вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ, можно его и снять, а впередъ, что будетъ—кто знаетъ!» Сообразно этому совѣту, царевичъ написалъ Петру: «желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія».

Но Петръ черезъ недѣлю посѣтилъ сына и сказалъ ему: «это молодому человѣку не легко, одумайся, не спѣши, подожди полгода».

Вскорѣ Петръ уѣхалъ за границу, Алексѣй остался въ Петербургѣ въ томительной нерѣшительности. Его пріятель Кикинъ уѣхалъ за границу—высмотрѣть для царевича какое-нибудь убѣжище въ случаѣ крайней опасности. Въ августѣ 1717 года Петръ изъ-за границы прислалъ сыну письмо и требовалъ: или ѣхать къ нему, не мѣшкавши болѣе недѣли, или постричься и увѣдомить отца, въ какомъ монастырѣ и въ какое время онъ постриженъ. Это до того испугало царевича, что онъ рѣшился бѣжать. „Я вижу, — говорилъ онъ, — что мнѣ самъ Богъ путь правитъ. Мнѣ снилось, что я церкви строю».

Занявъ у Меншикова и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ нѣсколько тысячъ червонцевъ, Алексѣй какъ-будто поѣхалъ къ отцу, по его приказанію, а на самомъ дѣлѣ—съ намѣреніемъ укрыться отъ его гнѣва и найти защиту у кого-нибудь изъ иноземныхъ государей. На дорогѣ, въ Либавѣ, Алексѣй свидѣлся съ Кикинымъ, возвращавшимся въ отечество. Кикинъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Вѣну и отдаться подъ покровительство цесаря. Такъ царевичъ и поступилъ. Онъ поѣхалъ въ Вѣну подъ вымышленнымъ именемъ польскаго шляхтича Коханскаго. 21 ноября стараго стиля, въ 9 часовъ вечера, царевичъ, оставивъ свой багажъ и прислугу въ гостинницѣ, находившейся въ Леопольдштадтѣ, самъ поѣхалъ во «Внутренній городъ», остановился на площади въ трактирѣ „Bei Klapperer“ и отправилъ оттуда своего служителя къ вице-канцлеру Шенборну съ просьбою допустить его по важному дѣлу. Шенборнъ былъ уже раздѣтъ и объявилъ посланному, что онъ одѣнется и пойдетъ къ царевичу самъ; но не успѣлъ Шенборнъ одѣться, какъ царевичъ явился къ нему, и первымъ его дѣломъ было попросить удалиться всѣхъ и выслушать его наединѣ.

— Я пришелъ искать протекціи у императора, моего свояка; пусть онъ спасетъ жизнь мою; меня хотятъ погубить и моихъ бѣдныхъ дѣтей лишить короны.

— Успокойтесь,—сказалъ ему Шенборнъ,—вы здѣсь въ совершенной безопасности. Разскажите спокойно, въ чемъ ваше несчастіе и чего вы желаете.

Царевичъ продолжалъ:

— Отецъ хочетъ меня погубить, а я ничѣмъ не виноватъ. Я не раздражалъ его, я слабый человѣкъ. Меня Меншиковъ такъ нарочно воспиталъ; меня споили, умышленно разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ правленію, хочетъ меня постричь и засадить въ монастырь, чтобъ отнять наслѣдство... Я не хочу въ монастырь... Пусть императоръ охранитъ мою жизнь.

Шенборнъ сказалъ ему:

— Неудовольствіе между отцомъ и сыномъ—вопросъ щекотливый; я нахожу, что вы поступите благоразумнѣе, если, для избѣжанія толковъ въ свѣтѣ, не будете требовать свиданія съ ихъ величествами, а предоставите оказать вамъ явную или тайную помощь и найти средства примирить васъ съ отцомъ.

— Примирить меня съ отцомъ нѣтъ никакой надежды,—сказалъ царевичъ,—если отецъ будетъ ко мнѣ и добръ, то мачиха и Меншиковъ уморятъ меня оскорбленіями, или опоятъ ядомъ. Пусть императоръ дозволитъ мнѣ жить у него либо открыто, либо тайно.

Вице-канцлеръ уговорилъ его подождать отвѣта до завтрашняго дня, и царевичъ ушелъ на свою квартиру.

На другой день, послѣ секретнаго разговора съ императоромъ, вечеромъ вице-канцлеръ сообщилъ царевичу, что императоръ будетъ стараться примирить его съ родителемъ, а до того времени признаетъ за лучшее содержать его втайнѣ.

Царевичъ согласился и былъ отправленъ въ Тироль, подъ видомъ государственнаго преступника. Его помѣстили въ крѣпости Эренбергѣ, лежащей посреди горъ, на высокой скалѣ. Коменданту приказали содержать его прилично, на сумму отъ 250 до 300 гульденовъ въ мѣсяцъ.

и, чтобы сохранить тайно его пребываніе, запретили солдатамъ и ихъ женамъ выходить за ворота крѣпости, а караульнымъ—вести съ кѣмъ бы то ни было разговоры о томъ, кто привезенъ въ крѣпость; на всякіе вопросы приказано имъ отзываться незнаніемъ. Между тѣмъ Петръ, находившейся въ Амстердамѣ, не дождавшись сына, смекнулъ, что царевичъ убѣжалъ и сразу догадался, куда онъ направилъ свой путь. Петръ вызвалъ изъ Вѣны своего резидента Веселовскаго, далъ указъ развѣдывать о царевичѣ и написалъ Карлу VI письмо, въ которомъ просилъ императора: «если бы непослушный сынъ русскаго царя оказался явно или тайно въ его владѣніяхъ, выслать его подъ карауломъ для отеческаго исправленія». Веселовскій подалъ императору письмо Петра, но ни императоръ, ни его министры не объявили тайны Веселовскому. За то Веселовскій самъ напалъ на слѣдъ царевича и извѣстилъ Петра, что онъ находится въ Тиролѣ. Объ этомъ узналъ императоръ и послалъ къ царевичу совѣтъ переѣхать подалѣе—въ Неаполь. У царевича была любовница, уѣхавшая съ нимъ изъ Россіи, крѣпостная дѣвушка Вяземскаго, по имени Евфросинія. Оставивъ прислугу свою въ Эренбергѣ, царевичъ съ нею отправился въ Неаполь, и 17 мая н. с. 1717 года былъ помѣщенъ въ замкѣ Сентъ-Альмо, господствующемъ на холмѣ надъ городомъ.

Не долго пришлось ему проживать въ этомъ убѣжищѣ. Когда царевича везли туда, за нимъ слѣдомъ ѣхалъ капитанъ Румянцевъ и потомъ сообщилъ все царю. Петръ вмѣстѣ съ этимъ Румянцевымъ отправилъ въ Вѣну своего приближеннаго Петра Толстого домогаться у императора выдачи царевича, обѣщая отъ имени отца ему прощеніе; если же императоръ не согласится на выдачу, то, по крайней мѣрѣ, добиться свиданія съ царевичемъ и убѣдить послѣдняго воротиться въ отечество. Императоръ не согласился на выдачу, но дозволилъ Толстому и Румянцеву уговаривать Алексѣя вернуться на родину. Отпустивъ довѣренныхъ Петра въ Неаполь, императоръ поручилъ управлявшему его южно-италіанскими владѣніями въ званіи вице-короля Дауну содѣйствовать, чтобы царевичъ добровольно согласился воротиться къ отцу; но если царевичъ не поддастся никакимъ убѣжденіямъ, то увѣрить его, что онъ можетъ оставаться въ безопасности въ императорскихъ владѣніяхъ.

Толстой съ Румянцевымъ пріѣхали въ Неаполь 24 сентября 1717 года. Вице-король Даунъ тотчасъ пригласилъ царевича къ себѣ, чтобы доставить возможность посланцамъ Петра видѣть его.

Толстой передалъ царевичу письмо отца. Петръ писалъ: „обнадеживаю тебя и обѣщаю Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, если ты воли моей послушаешься и возвратишься“.

Царевичъ не поддавался ни на что. Черезъ два дня Даунъ опять устроилъ у себя свиданіе царевича съ присланными русскими. Толстой началъ пугать царевича. Трусливый Алексѣй обратился къ Дауну и спрашивалъ его, будетъ ли защищать его императоръ, если отецъ станетъ требовать его вооруженной рукой. Даунъ отвѣчалъ:

— Императоръ очень желаетъ, чтобы вы примирились съ родителемъ; но если вы считаете небезопаснымъ для себя возвращеніе на родину, то извольте оставаться: императоръ настолько силенъ, что можетъ охранить тѣхъ, которые отдаются подъ его протекцію.

Ободренный царевичъ опять не поддался на увѣщанія Толстого, но по своей слабохарактерности прибѣгнулъ къ уловкамъ: сказалъ, что повременитъ, подумаетъ, и послѣ того уже не поѣхалъ въ третій разъ на разговоръ съ Толстымъ и Румянцевымъ въ домѣ вице-короля.

Тогда Толстой подкупилъ за 60 червонцевъ секретаря Даунова, Вейнгардта, съ тѣмъ, чтобы тотъ лично отъ себя попугалъ царевича и тѣмъ убѣдилъ его къ возвращенію. Вейнгардтъ поѣхалъ къ Алексѣю въ замокъ и сталъ ему говорить: „императорская протекція не совсѣмъ для васъ надежна: царь объявляетъ, что прощаетъ сына, а сынъ не ѣдетъ; если царь вздумаетъ вести войну, то императоръ, нехотя, выдастъ сына отцу“.

Слова Вейнгардта такъ растревожили царевича, что онъ самъ написалъ записку къ Толстому и просилъ пріѣхать къ нему, только безъ Румянцева, котораго онъ особенно боялся. Толстой пріѣхалъ къ нему и сказалъ:

— Вотъ я получилъ отъ государя письмо; онъ собираетъ войско, хочетъ его вести въ Силезію и доставить оружіемъ своего сына, а самъ собирается ѣхать въ Италію. Не думай, что онъ тебя видѣть здѣсь не можетъ: кто ему запретитъ?

Царевичъ поколебался и сказалъ: „я бы поѣхалъ къ отцу, если бы у меня не отняли Евфросинію и дозволили жить съ нею въ деревнѣ“.

Затѣмъ онъ обѣщалъ еще подумать. Толстой приступилъ къ Дауну и началъ просить попугать царевича разлукою съ Евфросиніей. Даунъ на самомъ дѣлѣ не смѣлъ отнять Евфросиніи, но попугать его разлукою съ нею счелъ дозволительнымъ, потому что царевичу, отъ лица императора, было уже заявлено, что если отецъ сердится на него за то, что онъ возитъ съ собою какую-то женщину, то царевичъ долженъ знать, что императору неприличнымъ кажется заступаться за поступки, достойные порицанія. Вице-король велѣлъ сказать царевичу, что прикажетъ отлучить отъ него женщину, которая ѣздитъ съ нимъ въ мужской одеждѣ. Испуганный царевичъ посовѣтовался съ Евфросиніею, и она сказала ему, что лучше всего покориться отцовской волѣ и просить у отца прощенія. Это обстоятельство рѣшило все. Царевичъ на другой день объявилъ Толстому, что согласенъ ѣхать въ отечество, если ему позволятъ жениться на Евфросиніи и жить съ нею въ деревнѣ. Толстой, какъ царскій уполномоченный, далъ отъ имени царя согласіе. 14 октября царевичъ выѣхалъ изъ Неаполя, по дорогѣ на Римъ, со своими неразлучными дядьками. Толстой и Румянцевъ очень боялись, чтобы царевичъ подъ какими-нибудь впечатлѣніями не измѣнилъ своего рѣшенія, пока не выѣдетъ изъ императорскихъ владѣній, а потому не стали останавливаться въ Вѣнѣ, проѣхали ее ночью и спѣшили поскорѣе убраться за предѣлы императорскихъ владѣній. Въ это время Толстой сообщилъ царевичу новое письмо отца, въ которомъ Петръ изъявлялъ согласіе на бракъ Алексѣя съ Евфросиніею и проживаніе съ нею въ деревнѣ. Это обѣщаніе вполнѣ успокоило царевича. За нимъ медленно слѣдовала беременная Евфросинія другою дорогою, вмѣсто Вѣны, на Нюренбергъ и Берлинъ. Царевичъ со своими дядьками направлялся прямо въ Москву и во время проѣзда по Россіи видѣлъ въ народѣ знаки расположенія къ себѣ. „Благослови, Господи, будущаго государя нашего“,—кричалъ народъ. 31 января царевича привезли въ

Москву, а 3 февраля было первое свиданіе Алексѣя съ родителемъ. Царь приказалъ собраться въ отвѣтной палатѣ Кремлевскаго дворца духовнымъ сановникамъ, сенаторамъ, всякихъ чиновъ людямъ, „кромѣ подлаго народа“, и самъ стоялъ въ этомъ собраніи. Вошелъ царевичъ вмѣстѣ съ Толстымъ и, какъ только увидѣлъ государя, повалился къ нему въ ноги и съ плачемъ просилъ прощенія въ своей винѣ. „Встань, сказалъ царь,—объявляю тебѣ свою родительскую милость“. Петръ началъ припоминать, какъ онъ обучалъ его, готовя сдѣлать своимъ наслѣдникомъ, но сынъ презрѣлъ это и не хотѣлъ обучаться тому, что было нужно для его будущаго сана; потомъ выговаривалъ его послѣднее преступленіе—бѣгство изъ отечества и обращеніе къ иноземному государю.

Царевичъ не могъ привести никакого оправданія, просилъ только простить его и даровать жизнь, а отъ наслѣдства отказывался.

— Я покажу тебѣ милость, —сказалъ Петръ, но только съ тѣмъ, чтобы ты показалъ самую истину и объявилъ о своихъ согласникахъ, которые тебѣ присовѣтовали бѣжать къ цезарю.

Алексѣй Петровичъ хотѣлъ было что-то говорить, но царь перебилъ его и приказалъ стоявшему близъ него Думашеву во всеуслышаніе читать приготовленный печатный манифестъ. По окончаніи чтенія царь сказалъ: „прощаю, а наслѣдія лишаю“.—Послѣ этихъ словъ царь вышелъ, и за нимъ послѣдовали всѣ присутствовавшіе въ Успенскій соборъ. Здѣсь царевичъ Алексѣй произнесъ присягу предъ евангеліемъ въ томъ, что никогда, ни въ какое время не будетъ искать, желать и подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ принимать престола, а признаетъ своимъ истиннымъ наслѣдникомъ брата своего Петра Петровича. Царевичъ подписался на присяжномъ листѣ. За нимъ присягали и также подписались всѣ присутствовавшіе.

Изъ собора царь вмѣстѣ съ царевичемъ отправились въ Преображенское село на обѣдъ. Въ три часа пополудни туда съѣхались министры и сенаторы, пили и веселились. Въ этотъ же день былъ опубликованъ манифестъ, обращенный ко всему русскому народу, уже прежде прочитанный во дворцѣ Думашевымъ.

Въ этомъ манифестѣ объявлялось о давней и постоянной неохотѣ царевича къ воинскимъ и гражданскимъ дѣламъ и объ его безнравственности; потомъ излагалась исторія его побѣга, сообщалось, между прочимъ, что императорскій намѣстникъ въ Неаполѣ объявилъ царевичу, что цезарь не станетъ держать его въ своихъ владѣніяхъ, наконецъ, объявлялось, что царь, „отеческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя“, прощаетъ его и отъ всякаго наказанія освобождаетъ, но лишаетъ наслѣдства послѣ себя, „хотя бы ни единой персоны царской фамиліи не оставалось“, а вмѣсто отрѣшеннаго отъ наслѣдства, назначаетъ своимъ наслѣдникомъ другого своего сына, Петра, котораго всѣ подданные должны признать въ качествѣ наслѣдника престола посредствомъ цѣлованія креста. Затѣмъ всѣ, которые станутъ признавать Алексѣя наслѣдникомъ престола, объявлялись измѣнниками.

На другой день послѣ объявленія манифеста, царевичу задали вопросные пункты, требовали отъ него показаній не только о дѣйствіяхъ, но и о словахъ, какія онъ произносилъ самъ и какія слышалъ отъ другихъ въ разное время. Вопросные пункты оканчивались такими зло-

вѣщими словами: „ежели что укроешь, а потомъ явно будетъ, то на меня не пеняй, понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ“.

Мелкая, эгоистическая натура Алексѣя проявилась во всей силѣ. Царевичъ настрочилъ показаніе, въ которомъ прежде всего очернилъ Александра Кикина, какъ главнаго совѣтника къ побѣгу, показалъ, что говорилъ своему камердинеру Ивану Большому-Аѳанасьеву о своемъ намѣреніи бѣжать, но не получилъ одобренія; показалъ на Дубровскаго, которому передавалъ деньги для своей матери; показалъ на своего учителя Вяземскаго, на сибирскаго царевича, на Ивана Кикина, на Семена Нарышкина, на князя Василія Долгорукова и на свою тетку, царевну Марію Алексѣевну; оговорилъ Кейля, секретаря имперскаго канцлера Шенборна, будто онъ принуждалъ его писать письма сенаторамъ и архіереямъ, хотя эти письма и не были имъ посланы. Показаніе царевича, однако, не заключало полной искренности; онъ раскрывался только въ половину, такъ что его показанія могли притянуть другихъ въ бѣду, а о себѣ всего не сказалъ. Александра Кикина, вмѣстѣ съ Большимъ-Аѳанасьевымъ, схватили въ Петербургѣ, привезли въ Москву и подвергли страшнымъ истязаніямъ въ Преображенскомъ приказѣ. Его пытали четыре раза. Кикинъ упорно запирался, отрицалъ справедливость показаній царевича, наконецъ, послѣ новыхъ, невыносимыхъ мученій, сказалъ: „я побѣгъ царевичу дѣлалъ и мѣсто сыскалъ въ такую мѣру, когда бы царевичъ былъ на царствѣ, чтобъ былъ ко мнѣ милостивъ“. Его приговорили къ колесованію.

Камердинеръ Иванъ Большой-Аѳанасьевъ оговорилъ многихъ, но не спасъ себя: и его приговорили къ смерти, но приговоръ отложили. Тоже сдѣлали и съ Дубровскимъ, сообразно показаніямъ царевича.

Сенатора князя Василія Долгорукова привезли изъ Петербурга скованнымъ въ Москву. Этого человѣка никакъ не могли обвинить въ соучастіи съ царевичемъ, котораго онъ хорошо понималъ, но ему поставили въ вину нѣкоторыя остроты, произнесенныя имъ неосторожно. Василія Долгорукова отправили въ Петропавловскую крѣпость, а потомъ сослали въ Соликамскъ. Учитель Вяземскій отписался, показавъ, что ничего не зналъ объ умыслахъ царевича, который давно уже не любитъ его и теперь наговорилъ на него по злобѣ.

Вслѣдъ затѣмъ въ Петербургѣ арестовали человѣкъ двадцать и отправили въ ножныхъ кандалахъ въ Москву.

Въ тотъ же день Петръ послалъ Скорнякова-Писарева за бывшею своею женою Евдокіею. Скорняковъ-Писаревъ привезъ ее въ Москву и донесъ, что нашелъ ее не въ монашескомъ, а въ мірскомъ платьѣ. Этотъ человѣкъ, впослѣдствіи самъ испытавшій горькую участь отъ Петра, угождая царю, давалъ совѣты хватать того и другого, чтобы открывать „воровство“. По его совѣту, вслѣдъ за несчастною царицей, потащили въ Преображенскій приказъ цѣлую толпу мужчинъ и женщинъ духовнаго и мірского чина.

Тогда же колесованъ былъ ростовскій епископъ Досифей за то, что поминалъ Евдокію царицей, утѣшалъ ее разными вымышленными откровеніями, гласами отъ образовъ, чудесными видѣніями и тому подобными суевѣріями, пророчилъ ей, между прочимъ, что она станетъ снова царицею, и Петръ опять сойдется съ нею.

Казнили смертію и духовника Евдокіи. Самоё Евдокію царь сослалъ въ Староладожскій женскій монастырь, а сестру свою Марію Алексѣевну приказалъ заточить въ Шлиссельбургъ: спустя нѣсколько времени, она была переведена въ Петербургъ и оставлена въ особомъ домѣ подъ надзоромъ.

Въ изобиліи лилась человѣческая кровь за царевича, а онъ самъ тѣшился увѣренностью, что страданіями преданныхъ ему людей купитъ себѣ спокойствіе и безмятежную жизнь со своей дорогой Евфросиніей.

„Батюшка,—писалъ онъ къ Евфросиніи,—поступаетъ со мною милостиво; слава Богу, что отъ наслѣдства отлучили! Дай Богъ благополучно пожить съ тобою въ деревнѣ“.

18 марта Петръ уѣхалъ въ Петербургъ. Съ нимъ отправился и царевичъ. 12 апрѣля была Пасха. Царевичъ, явившись къ мачихѣ съ поздравленіемъ, валялся у нея въ ногахъ и умолялъ ее ходатайствовать о дозволеніи ему жениться на Евфросиніи. И это дѣлалось послѣ того, какъ его родная мать, публично опозоренная, была осуждена на увеличенное, тяжкое страданіе!

Давно-жданная Евфросинія наконецъ пріѣхала въ Петербургъ 20 апрѣля; но царевичъ не встрѣтилъ ее и не обнялъ при свиданіи. Ее, беременную, засадили въ Петропавловскую крѣпость и тамъ задали ей вопросные пункты: кто писалъ царевичу во время его пребыванія за границею, кого хвалилъ царевичъ, кого бранилъ, что о комъ говорилъ. Испуганная Евфросинія дала такое показаніе: „Царевичъ писалъ не разъ цезарю жалобы на отца, писалъ письма къ русскимъ архіереямъ, съ тѣмъ, чтобы эти письма подметывать въ народѣ, постоянно жаловался на родителя, очень прилежно желалъ наслѣдства, изъявлялъ радость, когда читалъ въ курантахъ, что братъ его Петръ Петровичъ боленъ и говорилъ такія слова: „хотя батюшка и дѣлаетъ то, что хочетъ, только, чаю, сенаты не сдѣлаютъ того, чего хочетъ батюшка“. Когда слыхалъ о видѣніяхъ и читалъ въ курантахъ, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, то говорилъ: „тишина не даромъ, можетъ-быть, отецъ мой умретъ, либо бунтъ будетъ“. Отецъ надѣется, что по смерти его, вмѣсто малолѣтняго Петра, будетъ управлять мачиха; тогда бабье царство будетъ и произойдетъ смятеніе: иные станутъ за брата, а иные за меня. Я, когда стану царемъ, то всѣхъ старыхъ переведу, а новыхъ наберу себѣ по своей волѣ. Буду жить зиму въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Ярославлѣ. Петербургъ будетъ простымъ городомъ; я кораблей держать не стану и войны ни съ кѣмъ вести не буду; буду довольствоваться старымъ владѣніемъ“. Когда услышалъ царевичъ, будто въ Мекленбургѣ бунтуетъ русское войско, то очень обрадовался“.

Евфросинія показала также, что царевичъ изъ Неаполя хотѣлъ бѣжать въ Римъ къ папѣ, но она его удержала.

Когда царевичу предъявлено было показаніе Евфросиніи, онъ запирался. Но отецъ подвергъ его тайной пыткѣ. Уже послѣ смерти царевича, осуждены были на казнь трое крестьянъ за то, что были свидѣтелями, какъ на мызѣ повели царевича подъ сарай и оттуда были слышны его стоны и крики. Послѣ такихъ мѣръ царевичъ написалъ показаніе, въ которомъ наговорилъ на себя столько, сколько даже не былъ вынужденъ говорить, напримѣръ: „когда я слышалъ о мекленбургскомъ бунтѣ русскаго войска, какъ писали въ иностранныхъ газетахъ,

то радовался и говоримъ, что Богъ не такъ дѣлаетъ, какъ отецъ мой хочетъ, и когда бы такъ было и бунтовщики прислали бы за мною, то я бы къ нимъ поѣхалъ". Онъ наговорилъ на многихъ государственныхъ людей, притянулъ къ дѣлу кіевскаго митрополита, заявивъ, что онъ ему другъ, что писалъ къ этому архипастырю и просилъ всѣмъ сказывать, что царевичъ убѣжалъ отъ принужденія вступить въ монастырь. Петръ, по этому показанію, отправилъ Скорнякова-Писарева въ Кіевъ, сдѣлать у митрополита обыскъ и самого его препроводить въ Петербургъ. Престарѣлый митрополитъ Іосифъ Кроковскій былъ отправленъ въ Петербургъ, но не доѣхалъ и умеръ на пути въ Твери.

Вынужденные пытками сознаніе царевича въ томъ, что онъ готовъ былъ пристать къ бунтовщикамъ, дало Петру поводъ не стѣсняться своимъ прежнимъ обѣщаніемъ помилованія, даннымъ виновному сыну. 13 іюня Петръ приказалъ нарядить судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и объявлялъ печатно, чтобы судьи вершили это дѣло не „флатируя и не похлѣбуя ему, государю: не разсуждайте того, что тотъ судъ нашъ надлежитъ вамъ учинить на сына вашего государя, но, не смотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей души, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно". 14 іюня, царевичъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, а 17-го потребованъ къ допросу. Царевичъ оговорилъ своего дядю Авраама Лопухина и своего духовника Якова Игнатьева, будто послѣдній, узнавъ отъ царевича на исповѣди, что царевичъ желаетъ отцу смерти, сказалъ: „Богъ тебѣ проститъ, и мы всѣ желаемъ ему смерти". Пытали Лопухина, разстригли и пытали три раза протопопа Якова. 19 іюня пытали самого царевича и дали ему 25 ударовъ кнутомъ.

22 іюня Толстой взялъ съ царевича показаніе, въ которомъ излагались причины его непослушанія отцу. Показаніе это явно было написано такъ, какъ отъ него требовали. Онъ приписывалъ все своему обращенію съ попами, чернецами и ханжами, а въ концѣ оговорилъ нѣмецкаго императора, будто тотъ обѣщалъ ему вооруженную помощь: и ежели бы то цесарь началъ производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, то я бы, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, далъ бы цесарю великія суммы денегъ, а министрамъ и генераламъ его великіе подарки. Войска его, которыя бы онъ мнѣ далъ въ помощь, чтобы доступать короны россійской, взялъ бы на свое иждивеніе и, однимъ словомъ сказать, ничего бы не пожалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю".

24 іюня царевича снова подвергли пыткѣ и дали ему 15 ударовъ кнутомъ. Въ этотъ самый день рѣшился судъ надъ нимъ. Духовенство дало уклончивый, но замѣчательно мудрый приговоръ. Выписавъ разныя мѣста изъ священнаго писанія объ обязанностяхъ дѣтей повиноваться родителямъ, оно предоставило на волю государя дѣйствовать или по ветхому, или по новому завѣту: хочетъ руководствоваться ветхимъ завѣтомъ—можетъ казнить сына, а если хочетъ предпочесть ученіе новаго завѣта—можетъ простить его по образцу, указанному въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ, и въ поступкѣ самого Спасителя съ женою прелюбодѣйцею. „Сердце царево въ руцѣ Божіей есть; да изберетъ

тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ!“ Такъ сказано было въ концѣ приговора духовныхъ.

Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, исполнила свое дѣло; она указала духъ, въ какомъ должна дѣйствовать мірская власть, признающая себя христіанскою; болѣе ничего не могла сдѣлать церковь, не имѣвшая никакого оружія, кромѣ слова, никакихъ побудительныхъ мѣръ, кромѣ указаній на слова и примѣръ Спасителя.

Свѣтскій судъ не сохранилъ своего достоинства въ равной степени, въ какой сохранило его духовенство. Свѣтскіе судьи могли бы напомнить государю, что онъ далъ свое царское обѣщаніе сыну черезъ Толстаго въ Неаполѣ: что ему наказанія не будетъ, если онъ возвратится. Сынъ повѣрилъ слову царя-родителя, и теперь его можно было судить только въ такомъ случаѣ, когда бы онъ сдѣлалъ что-либо преступное уже послѣ своего возвращенія въ отечество. Но свѣтскіе судьи такъ не сдѣлали, во-первыхъ, потому, что во главѣ ихъ находился Меншиковъ, личный врагъ царевича, а, во-вторыхъ, потому, что они желали угодить Петру и ясно видѣли, какого рѣшенія ему хочется. Царевичу былъ подписанъ смертный приговоръ 120 членами суда.

26 іюня, въ 6 часовъ по-полудни, царевичъ скончался. Царь опубликовалъ о его смерти, и онъ, выслушавъ смертный приговоръ, пришелъ въ ужасъ, заболѣлъ недугомъ въ родѣ апоплексіи, исповѣдался, причастился, потребовалъ къ себѣ отца, испросилъ у него прощенія и по-христіански скончался. Этому описанію не всѣ вѣрили; пошли слухи, что царевичъ умеръ насильственною смертію, но какою — неизвѣстно. Изъ книгъ „Гварнизона“, то-есть Петропавловской крѣпости, видно, что въ день смерти царевича, утромъ, Петръ съ девятью сановниками ѣздилъ въ крѣпость и тамъ „учиненъ былъ застѣнокъ“, т. е. производилась пытка, но надъ кѣмъ—о томъ не говорится. На другой день, 27 іюня, была годовщина полтавской битвы. Царь обѣдалъ на почтовомъ дворѣ, въ саду, и вечеромъ веселился. 29 іюня, государь праздновалъ свои именины, обѣдалъ въ лѣтнемъ дворцѣ, присутствовалъ на спускѣ корабля, а вечеромъ былъ фейерверкъ и веселый пиръ до глубокой ночи. Тѣло царевича, перенесенное изъ Петропавловской крѣпости, лежало въ церкви св. Троицы. 30 іюня, вечеромъ, въ присутствіи царя и царицы, оно было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, рядомъ съ гробомъ покойной кронпринцесы. Траура не было. Царевичъ гнилъ въ землѣ, а дѣло его все еще продолжалось, и 8 декабря были казнены обвиненные показаніями царевича: духовникъ его Яковъ Игнатьевъ, дядя его Авраамъ Лопухинъ, камердинеръ Иванъ Большой-Аѳанасьевъ, Дубровскій и Вороновъ. Другихъ били кнутомъ и вырѣзали имъ ноздри.

Безусловные почитатели Петра видѣли въ поступкѣ съ сыномъ великій подвигъ принесенія въ жертву отечеству своего родного сына и оправдывали царя крайнею необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, царевичъ Алексѣй былъ такою личностью, которая непремѣнно, по своей безхарактерности, сдѣлалась бы орудіемъ враговъ Петра и всѣхъ его преобразованій. Его отреченіе отъ наслѣдства ни въ какомъ случаѣ не имѣло бы силы послѣ смерти Петра, какъ бы государь ни распорядился престоломъ. Всегда бы нашлась могущественная партія, которая подвинула бы Алексѣя возвратить себѣ потерянныя права, и тогда погибель грозила бы всѣмъ Петровымъ сподвижникамъ и всему тому, что

Петръ готовилъ для русскаго государства. Но нельзя не видѣть, что Петромъ руководили не только государственные виды, но и семейныя побужденія. Онъ не любилъ Алексѣя, какъ сына ненавистной, отверженной имъ жены, и хотѣлъ доставить престолъ потомству Екатерины; отъ этого-то онъ сталъ налегать на Алексѣя настойчивѣе тогда, когда родился сынъ отъ Екатерины. Если бы у Петра не было такого побужденія, то, отрѣшивъ Алексѣя отъ наслѣдства, онъ могъ бы назначить, по праву первородства, своимъ наслѣдникомъ внука, сына Алексѣя, который былъ такъ же малъ, какъ и рожденный черезъ нѣсколько дней послѣ внука сынъ Петра. Петръ могъ воспитать себѣ достойнаго преемника и въ малолѣтнемъ внукѣ, какъ въ малолѣтнемъ сынѣ. Чтобы оправдать свой поступокъ и придать ему законный видъ, Петръ установилъ законъ, по которому царствующій государь межетъ отдавать послѣ себя престолъ, кому угодно, мимо всякаго права рожденія. Несостоятельность и неудобопримѣнимость такого порядка вещей показалась въ исторіи самого Петра: ему пришлось умереть, не воспользовавшись изданнымъ имъ же закономъ, не указавъ послѣ себя преемника престола.

XCVI. Переписка между Петромъ и царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ.

(Изъ соч. Устрялова: «Исторія царствованія Петра В.», т. VI).

Петръ I царевичу Алексѣю, 11 октября 1715 года.

Объявленіе сыну моему.

Понеже всѣмъ извѣстно есть, что предъ начинаніемъ сея войны, какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ Шведовъ, которые не толико ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули занавѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть), о коль великое гоненіе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискусства въ войнѣ, претерпѣли, и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени вышерѣченнаго руководца помощію дошли! И тако сподобился видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не вящшѣе отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ равноревностныхъ трудами достижено. Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюсь на линію наслѣдства, едва не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя, наслѣдника, весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ: ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать хочешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ

почитають. Я не научаю, чтобъ охочъ былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностію снабдѣвать и учить: ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равновѣрныхъ намъ Грековъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили, и единымъ миролюбіемъ побѣждены, и желая жить въ покоѣ, всегда уступали неприятелю, который ихъ покой въ некончаемую ихъ работу тиранамъ отдалъ? А еще кладешь въ умѣ своемъ, что могутъ то генералы по повелѣнію управлять; но сіе воистину не есть резонъ: ибо всякъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевидно есть: ибо во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей, и нынѣ оружіе? Хотя кому до обоихъ дѣла нѣтъ, и до чего охотникъ начальствуяй, до того и всѣ; а отъ чего отвращается, отъ того всѣ. И аще сіи легкія забавы, которыя только веселятъ человѣка, такъ скоро покидаютъ, кольми же паче сію зѣло тяжкую забаву (сирѣчь оружіе) оставятъ.

Къ тому же, не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. Аще же не знаешь, то како повелѣвать оными можеши и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостію ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и сіе не резонъ! Ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая отлучить не можетъ. Спроси всѣхъ, которые помнять вышепомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ ѣздить на досужихъ лошадяхъ; но имѣя великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очми имѣлъ; чего для нѣкогда бывала, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся? Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король Французскій, который не много на войнѣ самъ бывалъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли, и не точію къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ!

Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая: ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое возращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу Евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ)! еще же и сіе воспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ къ томужъ, сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобой; но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только бъ дома жить и имъ веселиться, „хотя отъ другой половины и все противно идетъ". Однакожъ всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бѣдою, не вѣдая, что можетъ отъ того слѣдовать (истину Павелъ святой пишетъ: како той можетъ церковью Божіею управить, иже о домѣ своемъ не радитъ?) пе точію тебѣ, но и всему государству.

Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебѣ склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ

тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный.

Петръ.

Въ 11 д. октября 1715.
При Санкпитербурхѣ.

Царевичъ Алексѣй Петру I, 31 октября 1715 года:

Милостивѣйшій Государь—батюшка!

Сего октября въ 27 день 1715 году, по погребеніи жены моей, отданное мнѣ отъ тебя, Государя, вычелъ; на что инаго донести не имѣю, только буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны Россійской, буди по волѣ вашей. О чемъ и я васъ, Государя, всенижайше прощу, понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, понеже памяти весьма лишенъ (безъ чего ничего возможно дѣлать), и всѣми силами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не такого гнилаго, какъ я. Того ради наслѣдія (дай Боже вамъ многолѣтное здравіе!) Россійскаго по васъ (хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу! братъ у меня есть, которому дай Боже здравіе) не претендую и впредь претендовать не буду; въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и ради истиннаго наслѣдства сіе пишу своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу; себѣ же прошу до смерти пропитанія. Сіе все предавъ въ ваше разсужденіе и волю милостивую,

всенижайшій рабъ и сынъ Алексѣй.

Въ Питербурхѣ
Въ 31 д. октября 1715 года.

Петръ I царевичу Алексѣю, 19 января 1716 года.

Послѣднее напоминаніе еще.

Понеже за своею болѣзнію, доселѣ не могъ резолюцію дать, нынѣ же на оное отвѣтствую: письмо твое на первое письмо мое я вычелъ, въ которомъ только о наслѣдствѣ вспоминаешь и кладешь на волю мою то, что всегда и безъ того у меня. А для чего того не изъявилъ отвѣту, какъ въ моемъ письмѣ? ибо тамъ о вольной негодности и неохотѣ къ дѣлу написано много болѣе, нежели о слабости тѣлесной, которую ты только одну вспоминаешь. Также, что я за то сколько лѣтъ недоволенъ тобою, то все тутъ пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради разсуждаю, что не зѣло смотришь на отцово прещеніе. Что подвигло меня сіе остатнѣе писать: ибо когда нынѣ не боишься, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить! Что же приносишь клятву, тому вѣрить невозможно для вышеписаннаго жестокосердія. Къ томужъ

и Давидово слово: всякъ человѣкъ ложь. Такожь хотябъ и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ не во авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло. Къ томужъ, чѣмъ воздаешь рожденіе отцу своему? Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печалѣхъ и трудахъ, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи! Что всѣмъ извѣстно есть, но паче ненавидишь дѣлъ моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради, такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ, невозможно; но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ или будь монахъ; ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что, по полученіи сего, дай немедленно отвѣтъ или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ, поступлю.

Петръ.

Въ 19 д. генваря 1716.

Царевичъ Алексѣй Петру I, 20 января 1716.

Милостивѣйшій Государь—батюшка!

Письмо ваше, писанное въ 19 день сего мѣсяца, я получилъ тогожъ дня поутру, на которое больше писать за болѣзнію своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія.

Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй.

Въ Питербурхѣ
Въ 20 д. генваря 1716.

Царевичъ Алексѣй царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, 9 марта 1716, изъ С.-Петербурга.

Милостивѣйшая государыня—матушка!

Милости вашей ваше, государыня, писаніе изъ Либоу въ 14 день февраля писанное, я здѣсь получилъ, за что всенижайше благодарствую и впредь нижайше прошу, дабы не оставленъ былъ въ милости вашей. Доношу, государыня: государь братецъ и государыни сестрицы въ добромъ здравіи

Всенижайшій рабъ и сынъ вашъ Алексѣй.

Петръ I царевичу Алексѣю, 26 августа 1716 года изъ Копенгагена:

Мой сынъ!

Письма твои, въ 29 день іюня, другое въ 30 день іюля писанныя, получилъ, въ которыхъ только о здоровьѣ пишешь; чего для симъ письмомъ вамъ напоминаю.

Понеже, когда прощался я съ тобою и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостію своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобы еще ты подумалъ о томъ гораздо и писалъ ко мнѣ, какую возмешь резолюцію, чего ждалъ 7 мѣсяцевъ; но по ся поры ничего о томъ не пишешь. Того для нынѣ (понеже время довольно на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми, или первое или другое. И буде первое возмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возмешь, то отпиши куды, и въ которое время и день (дабы я покой имѣлъ въ моей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу). А сего доносителя пришли съ окончаніемъ: буде по первому, то когда выѣдешь изъ Питербурха; буде же другое, то когда совершишь. О чемъ паки подтвеждаемъ, чтобы конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи.

Петръ.

Изъ Копенгагена.
Въ 26 д. августа 1716.

XCVII. Изъ писемъ и бумагъ императора Петра Великаго, томъ I.

(Въ изданіи академика Бычкова).

1. Отрывокъ изъ учебной тетради по артиллеріи (1688).

Гърадусы которые вънизу,

Когда сътрелять, отвѣдать перва такъ: сколько положишь пороху записать, также на столкихъ гърадусахъ мортиръ поставишь записать же, потомъ съмѣрять съколь далече бомба (на опыту) пала. Потомъ когда хочешь на уреченное мѣсто сътърелять, тогда възяѳъ дистанцію, потомъ възять цыркалемъ на таблице тѣ гърадусы, которыя при опыте на късвадрантѣ были, і тою мѣрою іскать на таблице (съ правой сътороны) таво числа съколко (на опыте) далече бомба легла, і когда найдешь, тогда по той линеі іскать той долины, куда брасать хочешь, і възяѳъ ту мѣру поставить на градусы, і колко укажетъ, сътолко і на късвадранте сътаѳъ. Порохъ числомъ і силою бъ былъ равенъ, какоѳъ былъ і при опыте.

2. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1688, іюля 5).

Желаю всегда здравія, а я за благословениемъ твоимъ живъ і паки благословения прошу.

3. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689).

Всегда желающего мнѣ здравия благословения прошу, а у насъ за молитвъ твоіхъ все здраво. По семъ всегда и присно желаю здравия и спасения. Недостойны Petros.

4. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689, апрѣля 20).

Вселюбезнейшей і паче живота телеснаго дражайщей моей матушке государыни царице і великой княгине Наталиі Кыриловнѣ, сынишька твой, въ работе пребывающей, Петрушъка благосъловенія прошу, а о твоемъ здравіи слышеть желаю. А у насъ молитвами твоіми здорово все; а озеро все вскрылось сего 20-го числа, і суды все кромѣ большого коробля в оддѣлъкѣ, тол(ко) за канатами станетъ, і о томъ милости прошу, чтопъ тѣ канат(ы) по семисотъ саженъ исъ Пушъкарскаго Приказу не мешкоѳъ присланы были; а за ними дѣло станетъ, і житье наше продолжитца. По семъ паки благословенія прошу.

5. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689, въ концѣ апрѣля).

Вселюбезнѣйшей и дражайше(й) моей матушки, государини царице Наталиі Кириловнѣ, недостойный сынишка твой Петрунка о зъдравіи тв(о)емъ присно (с)лышати желаю. А что изволила ко мнѣ приказавать, чтобъ мнѣ быть к Москъвѣ, и я быть готоѳъ, толко гей гей дѣла есть и то присланой самъ видѣлъ: извѣститъ явнѣе. А мы молитвами т(в)оіми во въсякой цѣлости пребываемъ. О бытиі моемъ прост(р)аннѣе писалъ я ко Лву Кириловичю, и онъ тѣбѣ, государыни, донесетъ. По семъ и наіпокорственнѣе предаются в волю вашу. Аминь.

6. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689, іюня 8).

Вседражайшей моей матушъкѣ недостойной Петрушка, благословенія прося, челомъ бью і за присылъку з дохтуромъ і з Гаврилою, яко Ной иногъда о масличномъ сукѣ, радуюся і паки челомъ бью. А у насъ все молитвами твоими здорово, и суды удались всѣ зѣло хороши. По семъ дай Господь здравія души і тѣлу, як(о) же азъ желаю. Аминь.

А масътеръ корабельной Кортъ іуня въ 2 д. умъре до нашего призору за двадцать за два часа.

7. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1689, въ іюнѣ).

Гей о здрави слышать желаю і благословения прошу. А у насъ все здорово; а о судахъ паки поттверждаю, что зѣло хороши всѣ, і о томъ Тиханъ Микитичь самъ извѣститъ. Недостойні Petrus.

8. Къ царю Іоанну Алексѣевичу (1689, сентября 8—21)

Братецъ государь царь Іоаннъ Алексѣевичъ съ невѣстушкою, а съ своею супругою, и съ рождениемъ своимъ в милости Божией здравствуйте. Извѣстно тебѣ, государю, чиню купно же и соізволения твоего прошу о семъ, что милостию Божиею врученъ намъ двумъ особамъ скипетръ правления прародительнаго нашего Росиіского царствия, якоже о семъ свидѣтелствуетъ матери нашие восточные церкви соборное дѣйство 190 году, также и братиемъ нашимъ, акреснымъ государемъ, о государствованиі нашемъ ізвѣстно, а о третьей особѣ, чтобъ с нами быть въ равенственномъ правлениі, отнюдь не воспоминалось. А какъ сестра наша царевна София Алексѣевна государствомъ нашимъ учела владѣть своею волею, и въ томъ владѣниі что явилось особамъ нашимъ противное и народу тягость и наше терпѣние, о томъ тебѣ, государю, ізвѣстно. А ныне злодѣі наши Ѳетка Шакловитой съ товарыщы, не удоволяся милостию нашею, преступя обещания свое, умышлялъ с ыными ворами о убивствѣ надъ нашимъ и матери нашей здоровиемъ, и въ томъ по розыску и с пытки винились. А топерь, государь братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствие править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей [ц. с. а.], с нашими двѣмя мужескими особоми въ титлахъ и въ росправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то бъ и твоя бъ государя моего брата воля склонилося, потому что учела она въ дѣла вступать і въ титлахъ писаться собою безъ нашего изволения, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ для конечной нашей обиды хотѣла вѣнчатца. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрасте тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ. Тебѣ же, государю братцу, объявляю и прошу: поволь, государь, мнѣ отеческимъ своімъ изволениемъ, для лутшие ползы нашей и для народнаго успокоения, не обсылаясь к тебѣ, государю, учинить по приказомъ правдивыхъ судей, а не приличныхъ перемѣнить, чтобъ тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскоре. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ и тогда поставимъ все на мѣре. А я тебя, государя брата, яко отца почитать готовъ. А о иномъ къ тебѣ, государю, приказано словесно донести вѣрному нашему боарину князю Петру Ивановичю Прозоровскому и противъ сего моего писания и словесного приказу учинить мнѣ отповѣдь.

Писавыі в печалехъ братъ вашъ царь Петръ здравия вашего желаю и челомъ бью.

9. Замѣтка для памяти (1689).

Черкасъкову сказать, чтобы перевест некоторие боіницы, чтобы нистолети взатъ.

10. Къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (1693, августа 14).

Гасударыне моей матушъкѣ царице Наталье Кириловнѣ. Зволила ты писать ко мнѣ с Васильемъ Соймоновымъ, что я тебя, государыню, опечалилъ тѣмъ, чт(о) о приезде своемъ не отписалъ. І о томъ і нынѣ подлинно отписать не могу, для того что дожидаюся кораблей; а какъ онѣ будутъ, о томъ нихто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскоре, потому чт(о) болше трехъ недѣль отпущены ізъ Амстеръдама; а какъ онѣ будутъ, і я іскупя, что надабетъ, поеду тотъ часъ день і ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для ізволишъ печалитца обо мнѣ? Ізволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божией; і такова пастыря імѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами і предстательствомъ, не точию я единъ, но і миръ сохраняетъ Господь. За семъ благословения прошу.

Недостойны́

Петрушка.

11. Къ Өедору Матфѣевичу Апраксину (1694, въ началѣ апрѣля).

Өеодоръ Матвѣевичь.

По указу великаго государя генералисимуса князя Өеодора Юрьевича, пороху 2000 пудъ, также и 1000 самопаловъ посланы; а ружье взялъ стрѣлецъ Ивашко Адамовъ. Порохъ на второй недѣлѣ, а ружье на шестой недѣлѣ отпущены до Вологды, а съ Вологды водою велѣно везть. А о ружьѣ, хотя и не задолго до насъ придетъ, не опасайся, для того что зѣло хорошо и цѣло, и переправки не хощетъ, развѣ дорогою испортитца; а я имянно наказалъ беречь. А блоки на карабль всѣ здѣланы и отпущены на четвертой недѣлѣ на Вологду. И о томъ, пожалуй, скажи нашимъ товарыщемъ Никласу да Яну, и великой поклонъ отъ всѣхъ насъ. Да пожалуй, о пивѣ не позабудь. Также и 24 пушки готовы. Посемъ въ обоихъ естествахъ купно здравствуй.

Piter.

12. Къ Андрею Андреевичу Виніусу (1694, іюля 12).

Min Her.

Писмо твое, і въ немъ переводъ с писма Витценова, мнѣ врученъ, іс которого начала восприемъ радости, что 6 недѣль на море, конъца ожидаемъ, дабы егоже слышаниемъ радуемся, руками могъли осезать. А новой корабъль 11 д. іюля савъсемъ отдѣланъ і окрешенъ во імя Павъла апостола і Марсовымъ ладономъ доволно куренъ; в томъ же курениі і Бахусъ припочътенъ былъ давольно. О, сколь нахальчиѳъ вашъ Вульканусъ: не довольствуется вами, на суше пребываюшими, но і здѣсь на Непътунусову державу дерзнулъ і едва не въсе суды, въ Кунъчукорье лежащия, къ ярмонъкѣ с товары въсе пожегъ; абаче чрезъ наши

труды весма разоренъ, точию едину барки кровълю і бортъ жѣгъ с (х) лебомъ, а возле была барка съ пенькою, і естлибъ та загорѣлась, тогда бъ отнюдь не возможно было отнять, і чаю, чтобъ сей пожаръ не меньши былъ всѣхъ Московъскихъ, і коробли старымъ бы пескомъ домой пошли.

Piter.

Дѣло твое готово, толко челобитная утерялась; пришли новою; Герасима Карсакова въ Кайгородокъ отпусьти; а челобитная ево в приказе.

13. **Къ царю Іоанну Алексѣевичу** (1694, іюля 21).

Превозлюбленной мой государь, батко и братецъ, царь Іоаннъ Алексѣевичь!

Здравствуй на многие лѣта со сажителницею своею, а моею государынею невѣстушкою, і съ рожденіемъ.

По премногу возблагодарствовалъ твою къ себѣ братцкую милость, что пожаловалъ чрезъ писмо мое о вѣдомости своего здоровья і всего нашего дому, о чемъ, яко о самомъ себѣ, вашего здоровья слышати желаю.

Да вѣстно тебѣ чиню: сего ѣюля 21-го числа, что чрезъ волю мою велѣно кораблю быть, пришелъ 1, і, ежели благоволитъ Богъ, возбравши поиду і тѣмъ же Богомъ і возвращениемъ не умедлю.

Потомъ же прошу милости, яко у батки і брата: пожалуй, донеси теткѣ и матери моей, государынѣ царевнѣ Татпянѣ Михайловнѣ, і поклонъ отдай; такъ-же невѣскѣ и сестрамъ. Слава Богу, живъ.

За симъ здравствуй, мой государь, батко і братецъ.

«Petros».

14. **Къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину** (въ концѣ 1694 года).

Min Her.

Письмо ваше выразумѣвъ, соотвѣтствую, что корабль какъ при мнѣ наряженъ былъ къ отпуску, и сары, хотя сперва и не хотѣли ѣхать, однакожъ послѣ обѣщалися. А о товарѣ, какой въ него класть, на то мнѣ здѣсь, въ такомъ будучи разстояніи, дѣлать не возможно; да и тамъ будучи, я говорилъ: съ чѣмъ лучше, съ тѣмъ и отпускай, потому что товаръ что класть, и иноземцы, кому то купить, всѣ тамъ, и тебѣ удобнѣе то здѣлать, о чемъ и я пространнѣе говорилъ. А пашпортъ присланъ будетъ вскорѣ, а корабль большой, въ тужъ пору положено, что зимовать, а тотъ отпустить, и дивлюся, что затѣмъ отповѣди другой требуете.

Piter.

15. **Къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину** (въ началѣ 1695 г.).

Min Her Guverneur Archangel.

О кораблѣ будетъ писать Францъ Тимерманъ. Яхту прикажи по прежнему для кораблей вывесть. Шутили подъ Кожуховымъ, а теперь

подъ Азовъ играть ѣдемъ. Генералисимусы оба остаются, а съ войскомъ посылаютъ генераловъ; а съ ними 31,000 ч., 60 полкартоунъ, 110 мартировъ, 20,000 бомбовъ. А о достальномъ впредь писать буду.

Piter.

Ѳедоръ Матвѣевичь, многолѣтно здравствуй, и на многія лѣта. А мы: Юрья Ивановичь, Василій Ивановичь, про твое здоровье пьемъ вотку и ренское, а паче пиво.

Преосвященной митрополитъ Кіевскій Гедеонъ благословеніе присылаю.

Преображенскаго полку капитанъ Васька Соймоновъ челомъ бьетъ.

Смиренный діаконъ Петръ, сержантъ Преображенскаго полку, Ѳетка Плещеевъ, Петрушка Гутманъ много челомъ бьютъ.

16. Къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину (1695, апрѣля 16).

Min Her Guverneur Archangel.

О замедленіи вѣдомости противъ вашего письма во истину больше суетами и непрестаннымъ педосужествомъ, нежели лѣностію, умедлено: понеже вѣдаетъ ваша милость, что какими трудами нынѣшней осени подъ Кожуховымъ чрезъ пять недѣль въ Марсовой потѣхѣ были, которая игра, хотя въ ту пору какъ она была, и ничего не было на разумѣ больше, однакожъ послѣ совершенія оной зачалось иное, и преднее дѣло явилось яко предвѣстникомъ дѣла, о которомъ самъ можешь разсудить, коликихъ трудовъ и тщанія оное требуетъ, о чемъ, есть-ли живы будемъ, впредь писать будемъ. Съ Москвы на службу подъ Азовъ, по ихъ пресвѣтлѣйшества указу, пойдемъ сего жъ мѣсяца 18 числа. Да посылаю я къ вашей милости книгу и чертежъ становъ и обозовъ и боевъ, которые были подъ Кожуховымъ. А присыльные новокрещеные сары здѣсь приняты на службу. Такожде по письму твоему отъ Володимера Лвутца все дошло. Такожде и о хлѣбѣ ихъ пресвѣтлѣйшества генералисимусовъ докладывалъ и объ томъ повелѣно. За симъ желаемъ вашей милости отъ Господа Бога всякаго блага.

Piter.

17. Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому (1695, мая 19).

«Min Her Kenich».

Писмо вашего пресвѣтлѣ(й)шества, государя моего милостиваго, въ стольномъ градѣ Пресшпурхѣ маія въ 14 день писанное, мнѣ въ 18 день отдано, за которую вашу государскую милость должны до послѣдней каплы крови своей пролить, для чего и нынѣ посланы; и чаемъ за вашеі многие и теплые къ Богу молитвы, нашимъ посланіемъ, а нашими трудами и кровъми, оное совершить. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что холопи ваши, генералы Авто(но)мъ Михайловичъ и Ѳранцъ Яковлевичъ, со всеми войски, далъ Богъ, здорово, и намѣрены завтрешнего дня итить въ путь, а мѣшкали для того, что иные суды въ три дни на силу пришли, и іс тѣхъ многіе небреженіемъ глупыхъ кормщиковъ, кото-

рыхъ была болшая половина въ караванѣ; также и суды, которые дѣлали гости, гораздо худы, иные на силу и пришли. А казну здѣсь перегрузили къ пауски; а изъ служивыхъ людей по се число умерло небольшое число, а ис того числа иные болные съ Москвы поѣхали. За симъ отдаюсь въ покровъ щедротъ вашихъ.

Всегдашный рабъ пресвѣтлѣйшаго нашего величества бомбардиръ

«Piter».

18. Къ Андрею Андреевичу Виніусу (1695, мая 19).

«Min Her».

Писмо твое, маия въ 14 день писанное, мнѣ въ 17 день вручено, и о вѣстямъ отъ Өранца Яковлевича также не почты увѣдомленъ. А что объ заплатѣ за мартиры и бомбы денегъ, и я чаю, яко еще отъ корабля денегъ доволно осталось; ис тѣхъ заплатить мошно, а буде нѣтъ, вели заплатить Бранту. Вѣтры насъ крѣпко держали въ Дѣдиновѣ два дни да въ Муромѣ три дни; а больше всѣхъ задершка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, каторые именемъ словутъ мастеры, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба. Аднако какъ-нибудь, слава Богу, собрались и казну перегрузили въ пауски, и сами перегрузились въ паузокъ, и намѣрены итить въ путь завтра.

«Bonbordir Piter».

19. Къ Андрею Юрьевичу Кревету (1695, мая 21 или 22).

«Min Her».

Послалъ я къ тебѣ обрасцы инструментовъ, и ты отпиши про нихъ. Которые на листу, тѣ вели придѣлать и положить въ тотъ же ящикъ, а каторые изъ розныхъ бумажакъ связаны, и тѣ вели въ асобую готовальню здѣлать, толко чтобъ тое готовалню мошно было на поесу носить, чтобы она была не тежела. Для того и про снасти напиши, чтобъ были суптелни. Да отпиши про нее не въ одно мѣсто, для того что она мнѣ нужна вскорѣ, и для того я чаю, что удобно абъ одной отписать въ Швецкую землю, буде тамъ дѣлаютъ, и объ томъ поговорить Книперу; и буде дѣлаютъ, чтобъ не мѣшкавъ здѣлать и ко мнѣ прислать, а о другой отпиши, куды хочешь. А о здѣшнемъ поведеніи вѣдомо буди: мая въ 16 день пришли въ Нижняе, а изъ Нижнего пошли въ путь маія въ 21 день, слава Богу, счастлива. Его пресвѣтлейшества генералисимуса князь Өедора Юрьевича бомбардиръ

«Piter».

20. Къ Андрею Андреевичу Виніусу (1695, іюля 4).

«Min Her».

Прошлого іюня въ 29 день, въ день святыхъ опостолъ Петра и Павла, пришли на рѣку Койсу, верстъ за десять отъ (А)зова, и на молитвахъ святыхъ опостолъ, яко на камени, утвердяся, несумѣнно вѣруемъ, яко

39*

сыны ацкіе не одалѣютъ насъ. И сего іюля въ 1 день генералъ Петръ Ивановичь пошелъ подъ Азовъ, придавъ ему полки Микиты Борисова, Головцына да Батурина. И на пути имѣлъ съ татарами бой; аднакожь, милостію Божію, дошелъ въ цѣлости, и два вала кругомъ посаду взялъ, и сталъ подъ городомъ меньше 100 саженъ. И черезъ день отпустилъ всѣ придатошные полки (съ) своими телѣгами къ намъ, потому что намъ было кромѣ тѣхъ телѣгъ поднятца нечимъ. И такъ тѣ полки пошли къ намъ, и ихъ отъ самаго Азова до нашего городка крѣпко провожали Татары, которыхъ было болши трехъ тысечь, и напуски были жестокіе; аднако, за милость Божію, отошли отъ непріятелей въ цѣлости въ наши таборы, и урону никакова не было, а только нашихъ убито человѣкъ шесть да нѣсколько раненыхъ, а непріятелей побито человѣкъ шездесятъ, а раненыхъ вѣдать не возможно. И сего іюля въ 4 день генералы Автамонъ Михайловичь и Өранцъ Яковлевичь съ пристани пошли въ обозъ и станутъ начевать, отошедъ версты съ три; а утрѣ, Богъ изволитъ, пойдемъ подъ самой Азовъ и будемъ промышлять, сколко Господь Богъ помощи подастъ. Почта, въ 11 день іюня писанна(я), черезъ Царицынъ пришла въ 29 день, а другая черезъ Валуйки въ 30 день.

«Piter».

21. Къ князю Өедору Юрьевичу Ромодановскому (1695, іюля 17).

«Min Her Centh».

Письма ваши государскія мнѣ здѣсь въ обозѣ отданы, въ которыхъ обрѣлъ нѣкоторую вашу государскую милость незаплатную. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что сего мѣсяца пятого дня пришли подъ Азовъ и, осадя, промыслъ чинимъ непрестанно. Непріятель имѣлъ жестокія вылоски, однако, слава Богу, ничего не учинилъ; да въ прошлыхъ въ 14 день и въ 15 день, милостію Божію и пресвятей Богородицы со всѣми святыми молитвами, а вашимъ государевымъ щастіемъ, каланчинскія башни одну приступомъ взяли, а изъ другой ушли; о чемъ писалъ пространнѣе генералъ нашъ въ своей отпискѣ.

«Piter».

22. Къ патріарху Адріану (1695, іюля 19).

Всесвятѣйшему киръ Адріану, Божіею милостію архіепископу Московскому и вся Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху, во Святѣмъ Дусѣ отцу нашему и богомольцу, глубокаго мира и твердаго стоянія во благочестіи Церкве Христовы восточныя, здравія же и благоденствія, вкупѣ и душевнаго спасенія отъ Господа Бога, въ Троицѣ славимаго, усердно сподобитися желаемъ.

По путешествіи нашемъ не безтрудномъ и по пришествіи въ поганскую землю махометанскія проклятыя мерзости, въ обозѣ нашемъ подъ городомъ Азовомъ донесенъ намъ вашего блаженства листъ, посланной съ Москвы іюля 2 дня, чрезъ который предпосылаешъ намъ свое архипастырское благословеніе и молитвы, къ тому привѣтствуя намъ въ день

тезоименитства нашего первоверховнаго святаго апостола Петра многолѣтнымъ здравіемъ и желая на проклятыя махометаны победы и одолѣнія и въ мирѣ возвращенія. Которое вашего святѣйшества благословеніе и молитвы благодарно и любезно приняли есмы, и впредъ таковыхъ же вашего святѣйшества, въ Дусѣ Святѣмъ отца нашего и богомольца, желая ко Господу Богу, въ Троицѣ Святѣй славимому, о насъ и о всемъ воинствѣ нашемъ моленія, дабы даровалъ намъ на враги Своя агаряны побѣду и одолѣніе и прославилъ имя Свое святое. А что вашего блаженства въ томъ же листу къ намъ доложено, дабы мы о бытности нашей письменно изъявили, и вашему блаженству о нашихъ съ помощію Божіею трудѣхъ да будетъ вкратцѣ извѣстно.

За милосердіемъ Господа Бога нашего и заступленіемъ пресвятыя Дѣвы Богородицы и молитвами всѣхъ святыхъ, пришли подъ вышепомянутую крѣпость Азовъ іюля 5 числа въ добромъ здравіи безъ всякаго непріятельскаго врежденія, и тотъ городъ воинствомъ нашимъ осадили, и ко взятію промыслъ воинской въ надеждѣ милосердія Божія чинимъ. А іюля въ 14 да въ 16 числѣхъ благословилъ Господь Богъ оружіе наше, предалъ намъ въ руки супостатовъ нашихъ двѣ крѣпости, на Дону стоящія, каменныя, именуемыя каланчи, со всѣми пушками и съ знаменами и съ воинскими припасы. Враги же всего христіанства, супостаты наши, въ тѣхъ крѣпостяхъ бывшіе, въ первое на приступѣ побиты, а иные въ полонъ взяты; изъ другой же крѣпости, не терпя осады и утѣсненія отъ войскъ нашихъ и видя свое изнеможеніе, покинувъ, ушли тайно дикими степьми ночью, тако Господу Богу въ трудѣхъ нашихъ поспѣшествующу, десница бо Его святая сотвори намъ силу. Сіе же изъявя, и паки вашего блаженства просимъ ко Господу Богу и ко пречистѣй Его Богоматери и всѣмъ святымъ о насъ и о состояніи воинства нашего прилѣжныхъ молитвъ и благословенія.

Писано въ обозѣ подъ Азовомъ.

23. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1695, августа 14).

«Min Her».

Писма твои мнѣ отданы, и за вѣдомость пребыванія вашего благодарствую. А здѣсь, далъ Богъ, всѣ здоровы, и нынѣ назадъ тому дней съ пять взяли наши Турецкую полукаторжи, которая долиною ручныхъ сажанъ з двацать; а иныхъ никакихъ вѣстей здѣсь нѣту.

Прежъ сего писалъ ты о инструментахъ, а нынѣче уже въ двухъ грамоткахъ объ нихъ не пишешь; присланы ли они къ Москвѣ или нѣтъ?

«Piter».

24. **Андрею Андреевичу Виніусу** (1695, августа 22).

«Min Her».

Писмо твое, августа 6 дня писанное, мнѣ въ 18 день отдано, въ которомъ о заморскихъ вѣдомостяхъ и о вашемъ пребываніи объявляешь, за которое увѣдомленіе благодарствую. А о здѣшнемъ возвѣщаю, что милостіею Божіею всѣ въ добромъ здоров(ь)и и въ Марсовѣ ярмѣ непрестанно труждаемся.

«Piter».

25. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1695, сентября 8).

«Min Her».

Писма твои, августа 13 дня, другое о инструментахъ, третьея 27 дня писанныя, мнѣ отданы, въ которыхъ выразумѣвъ, за увѣдомленія всякихъ вѣстей благодарствую. Въ тѣхъ же письмахъ пишешь ты, что не повѣрили они, что мнѣ носить, но въ коляскѣ возить; и то воистинну не вѣдаючи здѣлали, потому что они дорогъ нашихъ не видали, по которымъ мы ходимъ, въ каторыхъ не толко что въ каляскѣ, но и пѣши покланясь ходимъ, потому что подошли къ гнѣзду блиско и шершніе роздразнили, каторые за дасаду свою крѣпко кусаютца; аднако гнѣздо ихъ по маленку сыплетцо.

«Piter».

26. **Къ Андрею Андреевичу Виніусу** (1695, сентября 17).

«Min Her».

Писмо твое, сентября 4 дня писанное, мнѣ въ 14 день отдано, въ каторомъ о вѣдомостяхъ заморскихъ пишешь, также и о вашемъ пребываніи; о чемъ благодарствую и впредь онаго жъ желаю.

А здѣсь, слава Богу, все здорово, и въ городѣ Марсовымъ плугомъ все испахано и насѣено, и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ доброго рожденія, въ чемъ, Господи, помози намъ, въ славу имени Своего святого.

«Piter».

27. **Къ Тихону Никитичу Стрешневу** (1696, марта 6).

Min Her heilige Vader.

Письмо твое, отъ 2 дни писаннное, мнѣ въ 5 день отдано, въ которомъ пишешь, что бревенъ ясеневыхъ здѣсь нѣтъ, а есть въ засѣкѣ, и подводы по нихъ послать ли? И ты изволь подводы послать, не мѣшкавъ; а тѣ бревна зѣло нужны; да и кривули, которыя тамъ осталися, тожъ вели немедленно прислать. За симъ желаемъ вашей святынѣ всякого блага. А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой.

«Piter».

28. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1696, марта 23).

«Her Kreft».

Говорилъ ты мнѣ на Москвѣ, что хотѣлъ писать про новые инструменты, и естли не писалъ, не пиши, а я обрасцы гототовлю и опись на нихъ, и пришлю з будущею почтою. Доски по се поры суды не бывали

по палцу толщиною, о которыхъ я и на Москвѣ говорилъ, зело нужны; а на каторги болше посылать не для чево, потому что, чаю, и здѣшними пройдемся, да і адмиралитейцъ мнѣ о томъ писалъ же, что естли не нуж(н)а, чтобъ больши не посылать. А вышеписанныя доски пришли не мешкавъ, да тисокъ, чѣмъ печатаютъ; а тотъ, который я взялъ, испортился.

«Piter».

«Славу Богу, отъ ножьной болезни свободился».

29. **Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому** (1696, марта 29).

«Min Her Koninh».

Писмо ваше государское, марта 23 дня писанное, мнѣ въ 29 день отдано, въ каторомъ изволите гнѣвъ свой объевлять, бутто я, холопъ вашъ, къ вамъ, государю, не пишу. И я, государь, уже другое писмо нынѣ пишу; развѣ прежнее писмо какъ истерялось. А здѣсь, государь, милостію Божіею и вашимъ государскимъ щастіемъ, все строитца къ морскому каравану съ поспѣшеніемъ; а что впредь станетъ дѣлатца, писать буду.

«Холопъ вашъ Kaptein Piter».

30. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1696, марта 29).

«Min Her Kreft».

Послалъ я къ вамъ обрасцы инструментамъ, также и опись и обрасцовой цыркелъ, которые принявъ, изволте отписать за-моря противъ того.

Тонкія доски еще сюды не бывали, а здѣсь зело нужны, надобѣтъ.

«Piter».

31. **Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому** (1696, мая 13).

«Min Her Kenih».

15-го дня пришелъ нашъ караванъ въ Черкаской, и въ 18 день пришли въ Каланчю, въ 19 день пришли на устье моря, и за мелиною на море галерамъ вытить было невозможно. А непріятель на морѣ стаялъ въ 13 карабляхъ. И того же дня непріятель, нагрузясь з жалованьемъ и съ воинскими припасы, въ 13 тунбасахъ, съ каторыми для провожанья въ 11 ушкалахъ были яныченя, и какъ тѣ суды поровнялися противъ устья Каланчинского, и мы, холопи твои, въ малыхъ судахъ, а казаки въ лоткахъ, прося у Бога милости, ударили на того непріятеля и милостію Божіею и пресвятыя Богородицы со всѣми святыми молитвою, а вашимъ государскимъ счастьемъ, тѣ вышеписанныя суды разбили, изъ каторыхъ 9 сожгли, 1 взяли, а досталныя ушли къ караблямъ; и карабли, то видя, 11 ушли, а одинъ затопили сами, а другой наши сажгли. На тѣхъ тунбасахъ взято: 26 человѣкъ языковъ, пороху 85 бочекъ, 300 бомбовъ, 5000 гранатъ, 500 копей и все, что къ нимъ везено, взято, болши всего суконъ и иныхъ вещей.

А взятые языки сказывали, что прислано на тѣхъ карабляхъ 500 яныченъ, и многіе припасы, и мартиръ и людей де они высадили на берегъ, видя наши галеры, и для того сухимъ путемъ послали; а запасы-де, которые остались, ушли всѣ назадъ на карабляхъ. А третьего дни вѣтеръ былъ полуденной, и галеры вышли всѣ въ море въ цѣлости.

«Piter».

32. **Къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ** (1696, во второй половинѣ іюня).

Сестрица, здравствуй! А я, слава Богу, здоровъ. По письму твоему я къ ядрамъ и пулькамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо. Турки на помочь пришли, да къ намъ нейдутъ; а чаю, что желаютъ насъ къ себѣ.

«Piter».

33. **Къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому** (1696, іюля 20).

«Min Her Koninh».

Извѣстно вамъ, государю, буди что благословилъ Господь Богъ оружія ваша государское, понеже вчерашнего дня, молитвою и счастіемъ вашимъ государскимъ, Азовцы, видя конечную тѣсноту, здались; а какимъ поведеніемъ и что чево взято, буду писать въ будущей почтѣ.

Измѣнника Якушку отдали жива.

«Piter».

34. **Къ Тихону Никитичу Стрешневу** (1696, іюля 20).

Min Her heilige Vader.

Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся! Нынѣ же радость наша исполнися, понеже Господь Богъ двалѣтнія труды и крови наши милостію Своею наградилъ: вчерашнего дни Азовцы, видя конечную свою бѣду, здалися и измѣнника Якушку отдали жива въ руки наши. А какимъ поведеніемъ и что чего взято, буду писать въ будущей почтѣ.

Piter.

35. **Инструкція волонтерамъ, отправленнымъ въ чужіе края.** (1697, въ началѣ января).

Статьи послѣдующіи ученія морскаго флоту:

1) Знать чертежи или карты морскія, компасъ, также и прочая признаки морскія.

2) Владѣть судномъ какъ въ бою, такъ въ простомъ шествіи, и знать всѣ снасти, или инструменты къ тому надлежащія: парусы и веревки, а на катаргахъ и на иныхъ судахъ весла и прочія.

3) Сколко возможно искать того, что (бъ) быть на морѣ во время бою, а кому и не лучится, ино съ прилѣжаніемъ искати того, какъ въ тое время поступить, однакожде обоимъ, видѣвшимъ и не видѣвшимъ бой, отъ началниковъ морскихъ взять на тое свидѣтелствованные листы за руками ихъ и печатми, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своей.

4) Еслиже кто похочетъ впредь получить себѣ милость болшую по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеписаннымъ повелѣніямъ и ученіями научились знати, какъ дѣлати тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое пріимутъ.

5) Когда возвращаться будутъ къ Москвѣ, долженъ всякъ по два человѣка искусныхъ мастеровъ морскаго дѣла привесть съ собою до Москвы на своихъ проторяхъ, а тѣ протори, какъ они придутъ, будутъ имъ заплачены. Сверхъ того, отсюды изъ салдатъ даны будутъ для того ученія по одному человѣку. А кто изъ салдатъ взять не похочетъ, и тѣмъ или знакомца или человѣка своего тому жъ выучить, а салдатомъ будетъ прокормъ и проѣздъ изъ казны. А буде, кромѣ салдатъ, кто кого выучитъ, и за всякаго человѣка за прокормъ дано будетъ по сту рублевъ, и о томъ, салдатъ кто взять похочетъ или изъ своихъ кого учить, объявлять комисарій генералу немедленно.

6) Съ Москвы ѣхать имъ симъ зимнимъ временемъ, чтобъ къ послѣднимъ числамъ февраля никто здѣсь не остался.

7) Пасы и проѣзжіе даны вамъ будутъ изъ Посолскаго приказу, и о томъ роспись и указъ въ Посолскій приказъ пошлется вскорѣ.

36. Къ Андрею Юрьевичу Кревету (1697, мая 2).

Ракъ! Не забывай мелницы да ткачей, а мы поедемъ отсель сегодни въ Кюнигсбѳръгъ моремъ.

«Piter».

37. Отрывокъ изъ учебныхъ записокъ по кораблестроенію. (1697, августъ—декабрь).

Когда похочешъ дѣлать карабль, іли іное что, перво надобетъ, длину оверштевена възяѳъ, здѣлать по концамъ прямыя углы; потомъ киль ниже черты, потомъ размѣрять отъ прямыхъ угълоѳъ шъпангоутъ на 10 доль і прочертить въсякую доль поперекъ всего листа; потомъ прочертить [такуюжъ черту какова іcподънѣя] повыше бока корабля черту жъ в обѣіхъ канъцахъ равъно отъ угълоѳъ. Потомъ по широкомъ шпантъгоутъ възять ширину противъ шхерганта і поставить отъ черты выше, а назади половина шпигиля, а напереди на адтрокъ ѳорштевену; потомъ штевены, после штевеноѳъ ѳлакъ; после ѳлака [буссель дѣлается для выгиби шпантъгоутъ, толко чтобъ на гнутье не такъ трудно дѣлать была, а не галовъная штука] шъхерганъ, после шъхерганъ [буде о дву полубахъ селтъ] регоутъ; потомъ ѳлакъ, потомъ [а буде о двухполубной селтъ ѳлакъ, а на орлашхипъ такоѳъ на сереткѣ, какоѳъ гекъбалакъ длиною] регоутъ [которой на пинасахъ дѣлается равенъ какъ і поторегоутъ] і потомъ брать мѣры по тѣмъ [10] чертамъ ширину і вышину [ка (къ) в чертеже] і ставить на шъпантъгоутъ отъ шпигеля 6 і отъ ѳалштевена 3.

По мнѣнию жъ 'естьли новой хочешъ (д) ѳлать, перва здѣлай бокъ карабля по ізволению соѳъсемъ, потомъ большей шъпанъгоутъ [по ізволению жь во ѳълакѣ, въ шъхергане і пърочемъ, потомъ здѣлай половина карабля све(р)ху, потомъ шъпангоуте, также ѳлакъ, шхерганъ, регоутъ, і протчия, потомъ же шпангоуте ширину дѣлай; што же о концахъ тѣхъ линѣй належитъ, і то мошъно дѣлать такъ: назади брать отъ шпигеля ширину, гдѣ тѣхъ линѣі канцы пройдутъ, а напереди естьли шътевенъ прямъ, то въсе черты сводить на осътърю, а естьли косъ, то отъ винкелгаковой линеі брать цыркалемъ да конъцоѳъ тѣхъ линѣі на баковой ѳигуре у шътевена і ставить канцы тѣхъ линѣй по тому, какъ в обрасцѣ, і когъда бокъ і половина съверху готова, тогъда шъпанъгоуты дѣлай: бери вышину въ семъ мѣстамъ о(тъ) боковой ѳигуры, а ширину отъ половины, і такъ добро.

38. **ъ п атріарху Адріану** (1697, сентября 10).

Ваше архипастырства писмо, авъгуста 13 д. писанное, мънѣ отдано сентебря въ 9 д. 1697, іс которого выразумѣлъ вашея святости доброжелание і молитвы, за чъто мъногократно благодаримъ вашу персону. А насъ же аше соізволишь вѣдать, і мы въ Нидерлянъдахъ, въ городе Амстелдаме, благодатию Божиею і вашими молитвами, при добромъ состояніи живи, последуя слову Божию, бывъшему къ п(р)аотцу Адаму, (трудимся), что чинимъ не отъ нужъды, но доброго ради приабретения морскаго пути, дабы, іскусясь совершенно, могли возвъратися протиѳъ въраговъ імени Іісусъ Хъриста победителями, а християнъ, тамо будушъшихъ, свободителеми благодатию Его быть, чего до последнего іздыхания пожелаѳъ, Церкъви светой і вашимъ молитвамъ предая себя.

Piter.

39. **Наказныя статьи Григорію Григорьевичу Островскому.**
(1697, октября 2).

Статьи:

1.

Ѣватъ изъ Гаги, розвѣдавъ подлинно, на которые земли и мѣста ближе и податнѣе, до Славенской или до Словацкой и до Шклявонской земли. А на которые мѣста поѣдетъ, и чрезъ чьи земли и государства и вольные городы, и что отъ котораго города до которыхъ мѣстъ верстъ и миль, и какова дорога, и въ подводахъ и въ кормѣхъ довольство есть ли, о томъ о всемъ, розвѣдавъ и разсмотря подлинно, записать имянно.

2.

Приѣхавъ въ тое Шклавонскую землю, провѣдать: подъ которымъ она государемъ, и много ль въ ней городовъ и знатныхъ мѣстъ, и многолюдна ль она, и какіе въ ней люди; служилые ль, или купецкіе, или пахотные, и которыхъ чиновъ болше, и есть ли въ ней капитаны,

поручики, подпоручики, шиперы, боцманы, штирманы и матрозы, которые бъ служили или нынѣ служатъ на воинскихъ карабляхъ и каторгахъ, или на купецкихъ карабляхъ.

3.

Да и о томъ ему провѣдать: каковы тамъ люди къ морскому пути и бою, будутъ ли противъ Венетовъ и „на чемъ“ заобычнѣе, на какихъ судахъ больши употребленія къ бою имѣютъ, „на карабляхъ ли іли на каторгахъ“, и въ которыхъ мѣстахъ они той войны употребляютъ и въ чьихъ флотахъ? И о томъ, для подлинного увѣренія, разговоряся з знатными начальными людьми, взять у нихъ на письмѣ. При томъ провѣдать подлинно жъ: кто того морского дѣла и употребленія есть въ той же землѣ, или того жъ языку, изъ знатныхъ начальныхъ людей, вице-адмиралы и иныхъ вышнихъ и нижнихъ чиновъ, и имяна ихъ двухъ или трехъ, или и больши, записать.

4.

Да и о томъ провѣдать: тотъ вышеупомянутой Славенской народъ Славенской ли языкъ употребляетъ, и мочно ль съ ними Русскому человѣку о всемъ говорить и разумѣть? И изъ нихъ, какова ни есть чина, человѣка того Славенскаго народа и языка привесть съ собою въ Амстрадамъ, для познанія языка ихъ, уговоряся «съ нимъ», по чему давать на мѣсяцъ.

5.

Да и о томъ провѣдать: того вышеупомянутого народа много ли на морѣ служитъ, или больши на земли?

6.

Да ему же, будучи въ Славенской землѣ, о всемъ вышеписанномъ развѣдавъ и учиня, провѣдать: Венецыя далеко ль отъ той Славенской земли, и путь къ ней на которыя мѣста, и чрезъ чьи земли и городы, и сколько миль будетъ или дней ходу?

7.

А будетъ Словаки языкъ свой употребляютъ не противъ Русскаго языка, и узнать ево, что они говорятъ, Рускому чловѣку будетъ немочно и такихъ вышеписанныхъ начальныхъ людей нѣтъ, и ему ѣхать въ Венецыю. А пріѣхавъ въ Венецыю, провѣдать: есть ли въ Венецыи вышеписанные начальные люди: капитаны, поручики, подпоручики, шиперы, штюрманы, боцманы, которые бъ умѣли Словенского языка и морского искусства, и много ли тамъ того языка и иныхъ языковъ такихъ людей, и буде ихъ наймать въ государеву службу, и такіе люди въ Московское государство въ службу поѣдутъ ли, и по чему похотятъ? о томъ съ ними поговорить напримѣръ. Также и о томъ провѣдать:

того Словенского языка и иныхъ языковъ вышніе начальные люди есть ли и кто имяны, и какіе чины, и въ которыхъ флотахъ служатъ, и какое о себѣ имя и похвалу въ воинскихъ морскихъ дѣлехъ имѣютъ? И то все провѣдавъ подлинно, записать о всемъ имянно, и съ тою запискою ѣхать въ Амстрадамъ, не мѣшкая нигдѣ *).

40. **Къ Андрею Юрьевичу Кревету** (1699, мая 9).

«Min Her».

Писма всякія, которыя остались послѣ Яна Деня корабельного дѣла и нынѣ у васъ обрѣтаются, прошу, чтобъ на Русской языкъ переведены были, въ чемъ не сумнѣваюсь.

«Piter».

41. **Къ Александру Даниловичу Меншикову** (1700, февраля 13).

Меінъ герценкинъ.

Какъ тебѣ сие писмо въручитца, пожалуй, осмотри у меня на дворе і вели вычистить везде і починить; такъже вели въ съпалной здѣлать полъ липовой да і въ другихъ вели новыя полы переделать. Такъже вели пиво Сълобоцькое і другое Андреева въ ледъ засѣчъ; такъже вели здѣлать въновь погрепъ потъ тѣмъ мѣстомъ, гъдѣ ботъ сътоітъ іли гъдѣ сътарая баня. Такъже і во въсемъ осмотри і прикажи. А самъ, для Бога, не мешькай, а для чего—самъ знаешь.

За семъ предаю васъ въ сохранение въсехъ хъранителя Бога.

«Piter».

42. **Къ Өедору Алексѣевичу Головину** (1700, марта 2).

Min Her Admiral en erst Admiraliteic.

Писма ваши на почьте я принялъ, которая пришъла въ четвертой день, то есть въ съреду въ вечеру. Правъда, зело вѣсътовата і надлежала бы съкорого отвѣта: толко была въ тотъ день Василья, і мы сидѣли у іменинника; а се, коі были із насъ въ Риге, съ печали натселись, а паче Өилатъ, і оттого на заөътрея не могъ ничево дѣлать.

*) Островскій не исполнилъ порученія, но наказныя статьи остаются любопытнымъ свидѣтельствомъ, какъ уже въ это время Петра интересовало славянство, видимо извѣстное пока очень мало. Какую «Шклавонскую или Славацкую» землю Петръ подразумѣвалъ въ этомъ случаѣ, можно видѣть изъ того, что говорится въ особенности о морскомъ дѣлѣ и славянахъ морякахъ: эта земля была именно Далмація; но свѣдѣнія о ней были еще такъ неясны, что посланному лицу предписывалось собирать топографическія свѣдѣнія, какъ-будто шла рѣчь о совершенно неизвѣстныхъ странахъ. Впослѣдствіи этотъ предметъ для Петра Великаго выяснился: на его службѣ были люди изъ этой Шклованской земли, какъ адмиралъ Змаевичъ, Милорадовичъ, Савва Рагузинскій и пр. (Изъ статьи А. Н. Пыпина: «Обзоръ русскихъ изученій славянства», «Вѣстникъ Европы», 1889 г., май).

Жаль, жаль, да нечемъ пособить. Пришьло мънѣ на мысль: съказывалъ мънѣ Брантъ, чьто есть въ Ругодевѣ пушьки продажныя карабельныя въ 12, въ 18 і въ 6 ѳунтоѳъ ядромъ, і я съ нимъ говорилъ, чътобъ купить. І нынѣ для тѣхъ пушекъ пошьли ты Карчьмина, чьтобъ онъ іхъ пробовалъ і купилъ нѣсъколко; а межъ тѣмъ накажи ему, чьтобъ присмотрелъ города и мѣсъта къругомъ; такъже, естли возможъно ему дѣла сыскать, чътобъ побывалъ і в Орѣшекъ; а буде въ него нелзя, хоть возле ево. А мѣсъто тутъ зело нужно: протокъ ізъ Ладоского озера въ море (посмотри въ картахъ), і зело нужъно ради задержанія выручъки; а детина, кажетца, не глупъ и секъретъ можетъ сънесть. Зело нужно, чьтобъ Къниперъ того не вѣдалъ, потому чьто онъ знаетъ, чьто онъ ученъ.

Ізволь прислать котелъ мѣдной, въ которомъ съмолятъ вереѳъки, которой привезъ Кинциусъ; а сказывалъ мънѣ про то визъ-адмиралъ.

Полки, буде чаешь лутче, постаѳь по городамъ къ той съторонѣ. На расколшикоѳъ посылать ли? Много—знатно, мала—нѣтъ ничево. О томъ прошу совѣту.

Корабль чаю, при помощи Божией, отдѣлать, і хочетца съпустить (естьли не помѣшаетъ что), для того, что первой. Зѣло жаль мьнѣ воістинну, что хоромы безъ меня зъгорели.

Хъ курѳирсьту отпишу на будущую почьту, для того надабна подумать; а нынѣ, за многимъ писмомъ, не успѣлъ.

Хорошо бъ іли ты отписалъ къ Ѳъламингу, іли нарочного человѣка тамъ держать, для вѣдомости; зело нужно.

Азоѳъския і Янова отписки челъ; кажетца, въраки. І мы здѣсь видѣли 5 отписакъ еше новяи такихъ же, і послали къ вамъ.

Морозы зело великия, такъ чьто и работать нелзя, і дорога хороша.

Вашь въсегдашьни

Knecht Piter.

43. Къ Тихону Никитичу Стрешневу (1700, сентября 25).

Min Her.

Письмо ваше я принялъ, и зѣло радуемся, что гавань дѣлается не медленно, также и городъ; дай, Боже, доброе совершеніе. Мы третьяго дни пришли сюда въ полдни и, перешедъ рѣку Нарву, стали отъ моря. Города Ямы, Сыренецъ здалися добровольно; также и Копорцы прислали, чтобъ ихъ принять; и къ нимъ принять послано. Въ сихъ трехъ городахъ будетъ уѣзду съ 7000 дворовъ. А подлинно впредь отпишемъ.

Piter

О чемъ станетъ тебѣ говорить сестра моя, вели исправить.

44. Къ Борису Петровичу Шереметеву (1700, ноября 17).

Борисъ Петровичь. Приказалъ я вѣдать надъ войски и надъ вами арцуху фонъ Крою; изволь сіе вѣдать и по тому чинить, какъ написано въ статьяхъ у него, за моею рукою, и сему повѣрь.

45. **Росписка въ полученіи жалованья** (1701, января 29).

Въ нынѣшнемъ 1701 году, генваря въ 29 день, по указу великаго государя, велѣно выдать, его, великаго государя, жалованье, по разсмотрѣнію господъ адмиралтецкихъ, учиненнымъ чинамъ, изучившимся въ окресныхъ государствахъ карабелному художеству, на нынѣшней 1701 годъ генваря съ 1-го числа генваря жъ по 1 число 1702 году. А кому имяны, и то писано ниже сего.

Басу Петру Михайлову триста шездесятъ шесть рублевъ. «Piter Michailof денги принялъ».

46. **Къ Борису Петровичу Шереметеву** (1701, іюля 22).

Min Her.

Понеже мы получили нѣкоторую вѣсть нужную, и того для прикажи остаться въ Новѣгородѣ нашимъ двумъ полкамъ, да драгунскимъ коннымъ двумъ же, да одному пѣхотному, да одному драгунскому безлошадному (съ ружьемъ которой), а достальнымъ вели итить съ поспѣшеніемъ; а самъ, ваша милость, изволь стать въ сутки, какъ мы пріѣхали.

Piter.

47. **Къ Өедору Матвѣевичу Апраксину** (1701, сентября 17).

Min Her Admiraliteic Her.

Писмо ваше принявъ, отвѣтствую: войны съ Туркомъ не чаемъ, потому что миръ подтвердилъ салтанъ охотно. Карабли Строгонова Гатланскія передѣлать надобно такъ, какъ говорили на Воронежѣ; а италіанскія за своею сутпелностію Богъ знаетъ. Есть ли застанетъ сіе писмо, не изволте ходить по морю. Противъ Тускихъ словъ, что наши не ѣздятъ, зѣло бъ хорошо хотя съ малымъ послать на малыхъ суднахъ для увѣренія ихъ съ торгомъ. Мѣсто для строенія на Дону изволь подгодить пока на осередѣ увидимъ. На Таганърогѣ вели все здѣлать въ городовомъ строеніи, противъ Траузинова чертежа, а совершенно обо всемъ постановимъ, когда увидимся сами; а за позднымъ времянемъ, чаю, и сіе писмо васъ не застанетъ тамъ. Поздравляю вамъ виктеріею, недавно учиненною здѣсь надъ Шведскими двумя полки, драгунскимъ и салдацкимъ, отъ нашихъ драгунскихъ трехъ полковъ, которые ихъ, при помощи Божіей, такъ побили, что едва кто спасся; а пушки, знамена и все взято.

Piter.

XCVIII. Птенцы Петра Великаго.

(Изъ соч. Гельбига; „Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII в.“, въ переводѣ съ нѣмецкаго В. Б,. „Русская старина“, апрѣль 1886 г.).

1. Александръ Меншиковъ

Время Петра I было эпохой великихъ людей въ русскомъ государствѣ. Ни въ одно изъ послѣдующихъ царствованій не встрѣчается столько даровитыхъ людей, сколько дѣйствительный творецъ русскаго государства опредѣлилъ въ государственное управленіе, въ военную и морскую службу, въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ, въ вѣдомства финансовъ, юстиціи и полиціи. Иныхъ нашелъ онъ въ старыхъ фамиліяхъ своего государства, другихъ—среди знатныхъ иностранцевъ, появлявшихся при его дворѣ. Многіе вышли изъ чужеземной черни; многіе—изъ самыхъ низшихъ слоевъ русскаго народа. Еще прежде, чѣмъ Петръ I достигъ зрѣлаго возраста, когда его испытанный умъ могъ отыскивать наиболѣе подходящіе субъекты, случай благопріятствовалъ ему и наталкивалъ на юношей, сдѣлавшихся знаменитыми по своимъ высокимъ дарованіямъ. Онъ рѣдко ошибался въ нихъ; они же въ немъ—никогда. Большинство ихъ соотвѣтствовало его ожиданіямъ, и онъ возвышалъ ихъ и щедро награждалъ. Но немногіе изъ нихъ были счастливы до конца своей жизни.

Вершина земнаго счастія составляетъ самый опасный пунктъ для большей части выскочекъ. Рѣдко кто умѣетъ удержаться до конца своихъ дней на высокомъ посту, на который его вознесъ смѣлый геніальный полетъ и съ твердостью проведенная тенденція. Онъ колеблется на непривычной высотѣ, и падаетъ.

Александръ Меншиковъ родился 17 ноября 1674 года. Отецъ его былъ крестьянинъ изъ окрестностей Москвы и прозывался Данило Меншиковъ.

Въ Россіи многіе крестьяне отдаютъ своихъ сыновей въ большіе города ремесленникамъ на выучку; также точно и Александръ былъ отданъ пирожнику. Какъ ученикъ, онъ долженъ былъ на улицахъ Москвы выкрикивать для продажи пироги, лежавшіе на лоткѣ, который онъ носилъ на головѣ. Онъ дѣлалъ это такъ забавно, что обратилъ на себя вниманіе знаменитаго Лефорта. Этотъ государственный человѣкъ зазвалъ его къ себѣ, много разговаривалъ съ нимъ и, найдя его отвѣты смышлеными, а черты лица—умными и миловидными, взялъ его къ себѣ въ услуженіе. Здѣсь Александръ имѣлъ случай часто видѣть юнаго царя, который былъ всего лишь на два года старше его, разговаривать съ симъ и пріобрѣсти его благоволеніе. Лефортъ, основательный оцѣнщикъ духовныхъ способностей, съ удовольствіемъ замѣтилъ проницательный умъ своего слуги и рѣшилъ сдѣлать его пригоднымъ для государственной службы. Конечно, заслуживаетъ глубочайшей благодарности человѣкъ, который, будучи чуждъ всякой зависти, при-

готовилъ такого образованнаго воспитанника своему государю и государству; но заслуживаетъ не меньшаго удивленія и тотъ вспитанникъ, который выработался по идеямъ своего великаго предшественника и согласно съ намѣреніями своего государя.

Лефортъ опредѣлилъ Меншикова на царскую службу, взялъ его съ собою въ заграничное путешествіе 1697 года, обращалъ на все его вниманіе, научилъ его уничтожать злоупотребленія и заводить новыя учрежденія, преподалъ ему военное искусство и такъ старался привить ему свои собственные взгляды относительно государственнаго хозяйства и иностранныхъ дѣлъ, что умный и воспріимчивый Меншиковъ совершенно усвоилъ ихъ себѣ. Однако, можно полагать, что еслибъ Лефортъ остался въ живыхъ, онъ, прозрѣвавшій уже притязательный характеръ молодого человѣка, никогда не допустилъ бы его такъ возвыситься, какъ онъ впослѣдствіи дѣйствительно возвысился. Но Лефортъ умеръ, и личный составъ русскихъ государственныхъ учрежденій принялъ совершенно иной видъ.

Петръ I, хотя и былъ окруженъ придворными, чувствовалъ себя одинокимъ. Почти всѣ приближенные были противъ его мудрыхъ предначертаній, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока убѣжденіе не дѣлало ихъ лучшими. Только одинъ Меншиковъ безусловно раздѣлялъ высокіе принципы своего государя. Онъ сталъ преемникомъ умершаго любимца относительно милости своего государя и, мало-по-малу, но въ очень короткіе промежутки, получилъ всѣ тѣ же важныя мѣста, которыя имѣлъ Лефортъ. Теперь-то Меншиковъ высказалъ, что онъ принадлежитъ къ выдающимся личностямъ, умѣющимъ составить себѣ имя въ исторіи. Въ полной моральной и физической зрѣлости развилъ онъ свои высокія дарованія, во всѣмъ вѣрно поддерживалъ своего государя, какъ въ начертаніи благодѣтельныхъ реформъ, такъ и въ точномъ и покорномъ исполненіи приказаній императора. Изображеніе важныхъ заслугъ этого государственнаго человѣка и полководца принадлежитъ исторіи великаго монарха, котораго онъ, по крайней мѣрѣ отчасти, прославилъ своими талантами.

Уже въ самомъ началѣ въ Меншиковѣ были открыты зародыши государственнаго мужа, который въ состояніи удивить современниковъ и потомство своими подвигами; но въ послѣдующіе годы увидѣли также, съ сожалѣніемъ, что его многообѣщавшее вліяніе не всегда направлено на выгоднѣйшее для государства и наиболѣе полезное для подданныхъ. Петръ назначилъ его, между прочимъ, гофмейстеромъ къ своему, впослѣдствіи столь несчастному, сыну Алексѣю. Меншиковъ самымъ непростительнымъ образомъ пренебрегъ воспитаніемъ царевича. Ему было все равно, прилеженъ ли царевичъ во время уроковъ или лѣнивъ; онъ даже одобрялъ, замѣчая, какъ попы внушали принцу безполезныя церковныя обрядности, воспитывали его въ нелѣпыхъ предразсудкахъ и старались внушить ему отвращеніе ко всѣмъ повшествамъ его отца.

Можно думать, что уже тогда Меншиковъ имѣлъ намѣреніе отстранить царевича отъ престолонаслѣдія по волѣ самого же императора. Но этотъ проектъ оставался еще на заднемъ планѣ. Меншиковъ находился въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Екатериной, которую онъ уступилъ своему монарху. Изъ этого проистекали взаимныя обязательства. Онъ относился къ ней съ почтеніемъ и старался возвышать

ее; она поддерживала его, когда онъ шатался. Она должна даровать государству наслѣдника престола, и онъ хотѣлъ по смерти Петра управлять государствомъ и малолѣтнимъ государемъ. Но чтобъ привести все это въ исполненіе, необходимо было возбудить въ отцѣ подозрѣніе противъ сына и такимъ образомъ отстранить царевича отъ престола. Какъ извѣстно, все это и случилось, много лѣтъ позже, когда уже царевичъ былъ женатъ и имѣлъ отъ своей супругѣ сына и дочь. Петръ былъ окончательно возстановленъ противъ Алексѣя, который своимъ неблагоразумнымъ, ненадежнымъ, низкимъ, упрямымъ и возмутительнымъ противъ отца и государя поведеніемъ далъ поводъ къ той печальной участи, которая постигла его.

Обхожденіе Петра I съ его любимцемъ было оригинально. Императоръ ничего не дѣлалъ безъ совѣта Меншикова. Во всѣхъ событіяхъ своей правительственной дѣятельности и частной жизни, онъ выказывалъ ему такое довѣріе, выше котораго быть не можетъ. Можно было бы сказать, что монархъ и его любимецъ были сердечными друзьями, еслибы любимецъ, всегдашнее игралище своихъ страстей, не сдѣлался вслѣдствіе этого недостойнымъ высокой чести быть другомъ своего государя. Почти постоянно Меншиковъ долженъ былъ сопровождать императора, и если Петръ иногда оставлялъ его, то этотъ любимецъ, съ согласія императора, управлялъ всѣмъ государствомъ. Этотъ скипетръ можно было тогда назвать дѣйствительно желѣзнымъ. Вслѣдствіе этого расло число враговъ, которыхъ Меншиковъ создавалъ себѣ ежедневно своимъ своекорыстнымъ поведеніемъ. Враги слѣдили за каждымъ его шагомъ и извѣщали императора обо всемъ, что узнавали относительно корыстолюбивыхъ поступковъ перваго слуги государства. Вслѣдствіе этого Меншиковъ находился три раза въ царствованіе Петра I подъ строжайшими слѣдствіями, изъ которыхъ мы приведемъ одинъ только примѣръ, бывшій въ 1719 году. Князь Меншиковъ былъ обвиненъ въ томъ, что дурно управлялъ финансами имперіи, которые были поручены ему одному, и что многія суммы обратилъ въ свою пользу. Отъ него была взята шпага, ему было запрещено выходить изъ дому, и онъ долженъ былъ ожидать наказанія, которое наложитъ на него императоръ. Были причины полагать, что дѣло приметъ очень дурной оборотъ, и уже начали поговаривать, что Меншиковъ будетъ приговоренъ къ вѣчному заточенію. Однако радость его враговъ была слишкомъ поспѣшна. Монархъ позвалъ къ себѣ Меншикова. Едва онъ вошелъ, какъ бросился въ ноги императору, просилъ о помилованіи и обѣщалъ исправиться. Петръ тотчасъ же забылъ его преступленіе и думалъ уже только о заслугахъ своего слуги. Онъ опять почтилъ его своею милостію, и только возложилъ на него большой денежный штрафъ, который Меншиковъ долженъ былъ немедленно уплатить.

За небольшіе проступки были и штрафы небольшіе. Разсказываютъ слѣдующее: однажды вечеромъ императоръ завѣрное узналъ о многихъ обидахъ, панесенныхъ Меншиковымъ разнымъ лицамъ. На слѣдующее утро Петръ отправился на Васильевскій Островъ, къ Меншикову, который тогда жилъ въ своемъ дворцѣ, нынѣшнемъ кадетскомъ корпусѣ, вошелъ въ спальню, гдѣ Меншиковъ еще спалъ, выговорилъ всѣ его проступки и поколотилъ безъ шума, но весьма

чувствительно своего любимца, который былъ настолько низокъ, что выносилъ подобные побои. Послѣ этого императоръ отправился домой. На возвратномъ пути Петръ встрѣтилъ толпу людей, которая на его вопросъ заявила, что идетъ на Васильевскій Островъ поздравить Меншикова съ днемъ ангела. Императоръ тотчасъ же возвратился вмѣстѣ съ ними. Меншиковъ страшно испугался, думая, что Петръ вернулся, чтобы еще поколотить его. Но монархъ ободрилъ его, сказавъ при самомъ входѣ въ комнату: „я услышалъ, что сегодня твой праздникъ; я пришелъ съ этими добрыми людьми, чтобы поздравить тебя и откушать съ тобою". Такъ оканчивались почти всегда жалобы, приносившіяся на князя. Глубокая проницательность и обширная полезность этого человѣка доказывается тѣмъ, что Петръ, несмотря на многія обвиненія, держалъ его при себѣ и ничего не дѣлалъ безъ его совѣта и согласія.

Князь Меншиковъ былъ преступникомъ не только по тѣмъ чертамъ корыстолюбія и невѣрности, которыя доходили до свѣдѣній монарха. Были еще и другія, которыхъ императоръ не зналъ и за которыя онъ заслуживалъ бы строжайшаго наказанія и полнѣйшаго удаленія отъ государственныхъ дѣлъ. Петръ I, всегда мечтавшій стать нѣмецкимъ имперскимъ княземъ съ правомъ голоса въ имперскомъ сеймѣ, могъ, не знаемъ когда и по какому случаю, овладѣть шведскою Помераніею. Прусскій дворъ, вовсе не желавшій имѣть такого неудобнаго сосѣда, обратился къ Меншикову и подкупилъ его за 20,000 дукатовъ. Первый сановникъ императора, которому онъ вполнѣ довѣрялъ, представилъ какіе-то, вѣроятно, мнимые мотивы, по которымъ императоръ отказался отъ своего намѣренія овладѣть Помераніею. Короче, всѣ переговоры были прерваны. Если-бъ Петръ узналъ настоящій ходъ дѣла, любимецъ его едва-ли отдѣлался бы обычнымъ наказаніемъ.

Если Меншиковъ могъ всегда такъ счастливо избѣгать заслуженныхъ имъ послѣдствій своихъ проступковъ и не рѣдко побѣждать своихъ обвинителей, этимъ онъ былъ обязанъ, по большей части, Екатеринѣ. За то и онъ заботился объ интересахъ Екатерины. Съ этими заботами онъ соединялъ всегда и собственную выгоду. Такъ какъ ни одинъ изъ сыновей Петра и Екатерины не остался въ живыхъ, то Меншиковъ задумалъ возвести Екатерину, по смерти Петра, на престолъ ея супруга. Онъ сообщилъ эту идею Петру, который одобрилъ ее. Такимъ образомъ, она была объявлена наслѣдницей престола и коронована въ 1724 году. Легко было предвидѣть, что князь Меншиковъ, бывшій двигателемъ всего этого дѣла, станетъ кормчимъ въ государствѣ, если, по смерти Петра, Екатерина взойдетъ на тронъ.

У такого могучаго любимца, какимъ былъ Меншиковъ, съумѣвшій сдѣлаться равно необходимымъ какъ императору, такъ и императрицѣ, не могло быть недостатка въ знакахъ отличія со стороны иностранныхъ дворовъ, которые всѣ добивались его дружбы. Вѣнскій дворъ давно уже возвелъ его въ имперскіе графы и вскорѣ затѣмъ въ имперскіе князья; копенгагенскій, дрезденскій и берлинскій дворы слали ему свои ордена. Самъ Петръ I, желая дать своему любимцу публичное доказательство своего благоволенія, удостоилъ его титула герцога Ингерманландскаго; въ то время онъ былъ уже первымъ статсъ-министромъ и первымъ генералъ-фельдмаршаломъ арміи.

Но всѣ эти высокіе знаки милости монарха не могли удержать князя на пути справедливости. Его корыстолюбіе и вѣроломство подвергли его вновь немилости своего государя за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императора. Но такъ какъ именно въ это время Екатерина, благодаря своимъ критическимъ обстоятельствамъ, болѣе чѣмъ когда либо нуждалась въ совѣтникѣ, то графъ Ягужинскій долженъ былъ постараться отвлечь мысли Петра къ другимъ предметамъ. Это удалось ему; князь былъ такъ счастливъ, что вновь получилъ милость своего государя, и на этотъ разъ безъ всякаго съ его стороны пожертвованія.

Екатерина и Меншиковъ считали теперь необходимымъ рѣшиться на все ради самосохраненія, и вѣроятно съ самаго начала согласились принести для достиженія цѣли самыя дорогія жертвы. Петръ I былъ страшно недоволенъ обоими и грозилъ имъ жестокими наказаніями, еслибъ только поднялся съ своего болѣзненнаго ложа. Уже давно поведеніе Екатерины и Меншикова было прямо противоположно повелѣніямъ императора, и онъ часто предостерегалъ обоихъ. Кары, которыми угрожалъ имъ императоръ, были бы, слѣдовательно, весьма чувствительны и, вѣроятно, низвели бы обоихъ къ той же низменности, изъ которой они были вознесены милостію монарха. Было, слѣдовательно, сообразно съ мудростью Екатерины и князя въ ихъ личныхъ интересахъ вовсе не допустить выздоровленія императора. Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что они предупредили природу, и болѣзнь величайшаго изъ императоровъ, царившихъ тогда въ Европѣ, привела искусственными мѣрами къ печальной развязкѣ скорѣе, чѣмъ слѣдовало по крѣпкой его натурѣ *). Петръ умеръ и всѣ его планы относительно Екатерины и Меншикова, которые, конечно, были велики и спасительны, рухнули.

2. Петръ Шафировъ.

Если бы Петръ I и не сдѣлалъ всего того безконечно великаго, что имъ дѣйствительно совершено, онъ все-таки заслуживалъ бы удивленія современниковъ и потомства уже и потому, что обладалъ тонкимъ тактомъ отыскивать во всевозможныхъ слояхъ общества, даже въ самыхъ низшихъ классахъ народа, наиболѣе умныхъ и полезныхъ дѣятелей и давать имъ такія занятія, при которыхъ они могли бы приносить наиболѣе существенную пользу. Но, чтобъ представить вѣрное изображеніе этого необыкновеннаго монарха, біографы Петра не должны забывать и его слабостей. Къ числу такихъ слабостей принадлежитъ болѣе всего опрометчивость. Отъ нея происходила иногда неблагодарность—порокъ, слишкомъ часто встрѣчающійся у государей, поддающихся первому движенію гнѣва. Когда они находятся въ разгоряченномъ настроеніи, ими овладѣваютъ внимательные бездѣльники, находящіеся въ ихъ свитѣ и очень ловко умѣющіе превращать частную ссору

*) Едва ли надо опровергать эту лживую легенду: болѣзнь Петра I и его смерть извѣстны во всей подробности. Разсказъ Гельбига только повтореніе вымысла враговъ Меншикова и Екатерины. (Примѣчаніе переводчика Гельбига В. Б.).

въ государственное преступленіе. Такимъ-то образомъ случается, что лучшіе государи, поддаваясь минутной прихоти, забываютъ о благодарности, которою они обязаны своимъ вѣрнѣйшимъ слугамъ, и подрываютъ свою славу въ настоящемъ и будущемъ.

Петръ Шафировъ былъ родомъ еврей. Мы собственно не знаемъ его родины; но, вѣроятно, онъ былъ изъ Голландіи, гдѣ его встрѣтилъ Петръ и привезъ въ Россію. Здѣсь онъ былъ окрещенъ въ греческую вѣру; при этомъ торжественномъ обрядѣ самъ монархъ заступилъ мѣсто крестнаго отца и далъ ему свое крестное имя Петра. Вѣроятно, при этомъ же, хотя мы и не знаемъ по какому поводу, получилъ онъ фамилію Шафировъ.

Въ началѣ юный прозелитъ получилъ незначительное мѣсто въ имперской канцеляріи, куда монархъ опредѣлилъ его, чтобы видѣть, не ошибся ли онъ насчетъ его способностей. Успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ Петра. Шафировъ оставался не долго на этомъ мѣстѣ. Его вѣрный и проницательный взглядъ, его точное сужденіе и живость въ исполненіи даваемыхъ ему порученій помогли ему получить вскорѣ высшія почетныя мѣста. Въ 1711 году онъ завѣдывалъ въ русскомъ управленіи германскими дѣлами, которыми очень интересовался Петръ I, самъ желавшій стать нѣмецкимъ имперскимъ княземъ. Въ томъ же 1711 году Шафировъ находился, какъ вице-канцлеръ, съ императоромъ на Прутѣ. Послѣ того какъ Екатерина, Шафировъ и Остерманъ согласились относительно средства спасти императора и его армію, оба эти великіе сановники, Шафировъ и Остерманъ, отправились въ турецкій лагерь, къ великому визирю, поднесли ему несмѣтные подарки и своимъ краснорѣчіемъ окончательно спасли императора и армію. За возвращеніе туркамъ Азова русская армія могла удалиться. Шафировъ долженъ былъ отправиться, какъ заложникъ, въ Константинополь и оставаться тамъ до исполненія трактата. Такъ какъ онъ тамъ находился какъ бы въ плѣну, безъ дѣла, то воспользовался этимъ досугомъ, чтобы усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ. Потомъ онъ былъ еще русскимъ посломъ при турецкомъ дворѣ, который онъ покинулъ въ первые мѣсяцы 1714 года, чтобъ возвратиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ былъ принятъ съ радостью только однимъ императоромъ. Въ томъ же 1714 году этотъ монархъ сдѣлалъ его дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и пожаловалъ ему андреевскій орденъ. Съ этого времени ему стоило огромнаго труда сохранить милость императора. Враги его, которыхъ у него было много и въ числѣ которыхъ были люди съ большимъ вѣсомъ, не могли свергнуть его, пока императоръ былъ убѣжденъ въ его полезности. Этотъ монархъ продолжалъ еще долго относиться къ нему съ неизмѣннымъ довѣріемъ. Шафировъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые подписали въ 1718 году смертный приговоръ царевичу. Петръ поручалъ ему самыя важныя, сложныя и обширныя дѣла, Такъ напримѣръ, онъ назначилъ его генералъ-почтмейстеромъ Россійской имперіи — мѣсто, требовавшее большой и тяжелой работы, такъ какъ нужно было еще создавать почтовыя учрежденія въ главныхъ провинціяхъ Россіи.

Немногіе русскіе сановники оказали имперіи и лично государю столь великія услуги, какъ Шафировъ. Петръ лишь короткое время былъ еще убѣжденъ въ этомъ. Когда Петръ I долженъ бы былъ оказать наибольшее довѣріе барону Шафирову и защитить его отъ нападокъ враговъ,

онъ забылъ ту благодарность, которою онъ былъ обязанъ этому великому государственному мужу. Главною причиною опалы Шафирова были частыя ссоры его съ Меншиковымъ. Они съ самаго начала были отъявленными врагами и часто жестоко попрекали другъ друга въ присутствіи многихъ лицъ. При этихъ перебранкахъ Шафировъ былъ всегда болѣе ядовитъ, чѣмъ Меншиковъ. Вице-канцлеръ сказалъ однажды князю, что еслибъ зависть Меншикова была лихорадкой, которую онъ могъ бы передавать другимъ, ни одинъ богатый русскій не остался бы въ живыхъ. Такія сцены происходили почти ежедневно и въ высшей степени возбудили мстительность Меншикова. Скоро встрѣтился поводъ отомстить.

Во время похода Петра I въ Персію, въ 1722 году, между Шафировымъ и Меншиковымъ возникли препирательства изъ-за правительственныхъ дѣлъ. Зная убѣжденія барона Шафирова, можно догадываться, что въ этомъ спорѣ право было скорѣе на его сторонѣ, чѣмъ на сторонѣ Меншикова. Но Меншиковъ своими умными и злыми наговорами, которые императрица должна была поддерживать всѣмъ своимъ значеніемъ, съумѣлъ совершенно возбудить императора, по возвращеніи его въ 1723 году, противъ Шафирова. Впечатлѣніе наговоровъ было такъ сильно, что Петръ совершенно забылся. Рѣдко видѣли его такимъ взбѣшеннымъ, какъ при этомъ случаѣ. Несправедливые оговоры Екатерины и Меншикова такъ сбили съ толку императора, что онъ считалъ барона Шафирова вполнѣ виноватымъ. Онъ приказалъ арестовать этого великаго государственнаго мужа и взять у него орденъ и шпагу. Потомъ Шафировъ былъ преданъ суду, и послѣ краткаго слѣдствія, которое Меншиковъ съумѣлъ направить, приговоренъ къ смертной казни. Шафировъ, судя по обвиненію, утаивалъ деньги, поддѣлывалъ рукописи и нерадѣлъ о почтовомъ вѣдомствѣ. На дрянныхъ санкахъ привезли его на лобное мѣсто, чтобъ обезглавить. Лучшая голова въ государствѣ лежала уже на балкѣ, чтобы отдѣленіемъ отъ тѣла быть устраненною изъ ряда живыхъ, когда кабинетскій секретарь Макаровъ прокричалъ о помилованіи и объявилъ несчастному, что онъ долженъ отправиться въ ссылку. Шафировъ, который уже ожидалъ смертнаго удара, не порадовался этому помилованію и охотно предпочелъ бы смерть печальной жизни въ ссылкѣ.

Когда это несчастье постигло Шафирова, онъ былъ баронъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, имперскій вице-канцлеръ, генералъ-почтмейстеръ и кавалеръ ордена св. Андрея.

Онъ пользовался славою человѣка проницательнаго ума и обладавшаго большими познаніями по государственному хозяйству. Онъ былъ превосходный вице-канцлеръ и хотя не рѣдко изливалъ первые приступы своего гнѣва на своихъ подчиненныхъ и даже на лицъ себѣ равныхъ, но вслѣдъ за тѣмъ способенъ былъ выслушать основательныя представленія. Онъ никогда не нарушалъ даннаго слова и говорилъ всегда правду, почему и представители иностранныхъ державъ вели съ нимъ переговоры охотнѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ.

По смерти Петра I Меншиковъ не могъ воспрепятствовать Екатеринѣ I, по усиленной просьбѣ герцога Карла Фридриха голштинскаго, вновь призвать Шафирова изъ ссылки ко двору. Она возвратила ему баронское достоинство и подарила золотую шпагу Петра I, послѣ того,

какъ въ складѣ конфискованныхъ вещей не могли отыскать отобранной у него шпаги. Императрица предложила ему опять великолѣпный домъ на Петербургскомъ островѣ, постройка котораго начата была во время его отсутствія въ 1712 г., но онъ отклонилъ это предложеніе, потому, какъ онъ говорилъ, что его стѣсненныя матеріальныя средства не позволяютъ ему жить въ такомъ роскошномъ дворцѣ. Впослѣдствіи, однако, онъ принялъ этотъ домъ и жилъ въ немъ. Значеніе Меншикова было, однако, на столько еще велико, что Екатерина не рѣшилась возвратить барону Шафирову тѣ важныя мѣста, которыя онъ занималъ. Она учредила въ то время верховный тайный совѣтъ, въ которомъ онъ, конечно, былъ бы на своемъ мѣстѣ, но онъ не былъ назначенъ членомъ его. Она назначила его президентомъ комерцъ-коллегіи. Вскорѣ затѣмъ онъ долженъ былъ поѣхать въ Архангельскъ по торговымъ дѣламъ, именно для устройства на лучшихъ основаніяхъ китовой торговли,—порученіе, бывшее значительно ниже дарованій этого великаго человѣка. Изъ другихъ почетныхъ должностей, которыя онъ прежде занималъ, ни одна не была ему возвращена, равно какъ не былъ ему возвращенъ и орденъ, по крайней мѣрѣ, онъ не значится въ числѣ кавалеровъ въ спискѣ придворнаго штата при Петрѣ II.

Годъ смерти барона Шафирова намъ неизвѣстенъ; но, кажется, онъ умеръ въ царствовавіе императрицы Анны.

3. Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ I.

Польза возможно большаго просвѣщенія человѣка несомнѣнна и рѣшительна. Образованіе научаетъ наиболѣе удовлетворительному, для современнаго поколѣнія наиболѣе полезному и, вообще говоря, наиболѣе совершенному примѣненію человѣческихъ способностей: оно даетъ болѣе свѣтлое и болѣе высокое понятіе объ истинной религіи, которая не связывается ни съ какимъ толкомъ христіанства, мохаметанства, юдаизма и всѣхъ другихъ вѣрованій, признающихъ единаго Бога, какъ бы эти вѣрованія ни именовались; оно облагораживаетъ плоды учености; оно вселяетъ гордость въ исполненіе того высокаго назначенія, къ которому человѣкъ призванъ; оно поощряетъ исполнять всякое дѣло возможно достойнымъ образомъ; оно является наиболѣе совершеннымъ утѣшителемъ въ незаслуженныхъ страданіяхъ; оно облегчаетъ переходъ отъ жизни къ смерти. Значеніе высшаго образованія еще гораздо разнообразнѣе, но не всѣ образованные люди приносятъ ту пользу, которое оно вселяетъ.

Генрихъ Иванъ Фридрихъ Остерманъ былъ второй сынъ лютеранскаго пастора въ Боккумѣ, городѣ въ вестфальскомъ графствѣ Маркъ. Онъ штудировалъ въ Іенѣ и по рекомендаціи своего старшаго брата, бывшаго уже въ Россіи, поступилъ въ 1704 году въ службу къ рускому вице-адмиралу Крейсу, который, вслѣдствіе его ловкости и очень быстраго усвоенія русской рѣчи, представилъ его при удобномъ случаѣ Петру, какъ человѣка весьма полезнаго.

Съ этого момента онъ оказывалъ русскому двору чрезвычайно полезныя услуги какъ въ политическихъ, такъ и въ домашнихъ дѣлахъ.

Онѣ такъ важны и такъ разнообразны, что ихъ нельзя коснуться только слегка. Исторія исполненія возлагавшихся на него обязанностей такъ тѣсно входитъ въ лѣтописи русскихъ государей до конца 1741 года, что невозможно отдѣлить одну отъ другихъ. Всѣ государи Россіи, которымъ онъ служилъ, вполнѣ довѣряли ему и не упускали случая награждать его.

Подробно описывать жизнь этого великаго человѣка было бы слишкомъ пространно: мы разскажемъ лишь нѣсколько мало кому извѣстныхъ фактовъ о его службѣ и о послѣднихъ годахъ пребыванія его въ Петербургѣ.

Извѣстно, что Остерманъ, вмѣстѣ съ Екатериною I и Шафировымъ спасъ императора изъ очень опаснаго положенія при Прутѣ. Объ этомъ слѣдуетъ упомянуть потому, что съ этого времени Петръ сталъ оказывать ему неограниченное довѣріе. Въ 1721 году государь послалъ графа Брюса и барона Остермана въ Нюштадтъ для заключенія міра со Швеціею. Остерманъ взялъ съ собою вексель на большую сумму отъ купца Мейера, но не взялъ дукатовъ, потому что, какъ онъ говорилъ, тяжелыя денежныя шкатулки производятъ большой шумъ. Въ Ништадтѣ должны были съѣжаться всякій разъ всѣ комиссары вмѣстѣ, такъ какъ ничто не могло рѣшаться помимо этого собранія. Остерманъ всегда являлся на-веселѣ. Шведы уже полагали, что они выиграли по всѣмъ пунктамъ. Но Остерманъ проводилъ все свободное отъ собраній время у Цедеркрейца, самаго важнаго изъ шведскихъ комиссаровъ, сговорился съ нимъ обо всемъ, далъ ему 100,000 рублей и возвратилъ всѣ земли въ Лифляндіи, принадлежащія его фамиліи, взамѣнъ чего получилъ въ пользу императора герцогства Лифляндію и Эстляндію, которыя должны были впослѣдствіи быть куплены, для вида, за извѣстную сумму у шведскаго двора, чтобъ этою покупкою заставить молчать польскую корону, имѣвшую притязанія на эти земли. Въ моментъ, когда все уже было подписано, изъ Петербурга явился, въ качествѣ курьера, Ягужинскій съ приказаніемъ Брюсу и Остерману, что они должны согласиться на все безъ исключенія, чего будутъ требовать шведы, лишь бы заключить миръ, такъ какъ, по вполнѣ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, англійскій флотъ, подъ командой адмирала Нориса, уже распустилъ паруса и шелъ въ Балтійское море. По счастію, Ягужинскій прибылъ слишкомъ поздно. Остерманъ получилъ уже все, что желалъ, и привезъ обратно вексель на большую сумму, который ему не понадобился и который онъ вручилъ императору. Послѣ этого вполнѣ было естественно, что Петръ I весьма цѣнилъ его. Этотъ монархъ часто говаривалъ, что Остерманъ, имъ самимъ обученный, никогда не сдѣлалъ ни одной оплошности при исполненіи своихъ обязанностей. Его проекты на русскомъ языкѣ, которые онъ же потомъ переводилъ для иностранныхъ дворовъ на нѣмецкій, французскій или латинскій языкъ, всегда оставлялись безъ измѣненія. Даже на смертномъ одрѣ императоръ, при которомъ безотлучно находился Остерманъ, всегда повторялъ это, и извѣстно, что въ послѣдніе годы Петръ I довѣрялъ почти исключительно только Остерману. Этотъ государь пожаловалъ его въ тайные совѣтники и возвелъ въ дворянское достоинство.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I Остерманъ былъ вице-канцлеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Умирая, госуда-

рыня назначила его обергофмейстеромъ при дворѣ своего преемника Петра II и членомъ верховнаго тайнаго совѣта, которому ввѣрялось управленіе имперіею во время малолѣтства этого государя.

Остерманъ заботился о возможно лучшемъ воспитаніи юнаго императора и написалъ для него извѣстное прекрасное „Начертаніе ученія". Остерманъ получилъ отъ своего государя и воспитанника, умершаго почти ребенкомъ, титулъ россійскаго графа.

Императрица Анна, среди окружающихъ которую Остерманъ былъ самый остроумный и самый образованный человѣкъ, назначила его кабинетъ-министромъ. Въ тѣхъ вѣдомствахъ управленія, которыя были предоставлены исключительно ему, онъ правилъ твердою рукою. Благодаря его свѣтлому уму, государственной мудрости и знанію людей, императрица призывала его даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вовсе не хотѣла выслушивать его совѣта, и постановляла рѣшенія согласно съ его мнѣніемъ. Этотъ дальновидный человѣкъ старался мало-по-малу удаляться отъ двора и ограничиться кругомъ своихъ обязанностей, которыя онъ все старался уменьшить. Онъ замѣчалъ путаницу и духъ партій при дворѣ и въ императорской фамиліи; онъ пророческимъ взглядомъ предвидѣлъ, что изъ этого произойдутъ катострофы, исходъ которыхъ нельзя было и разсчитать. Вотъ почему онъ полагалъ, что его мудрости удастся уклониться отъ дѣйствія взрыва. Извиняясь болѣзненнымъ состояніемъ, онъ не являлся болѣе ко двору. Отчасти это былъ только предлогъ, такъ какъ, говорятъ, Остерманъ натиралъ лицо лимономъ, чтобъ имѣть видъ больного; отчасти же онъ былъ дѣйствительно боленъ. Онъ страдалъ уже тогда перемежающеюся болью въ ногахъ, которая вскорѣ совсѣмъ лишила его ногъ. Но все это не могло защитить его въ тѣхъ случаяхъ, когда нуждались въ его совѣтѣ. Съ большою заботливостью, осторожностью и со всѣми удобствами его переносили въ такихъ случаяхъ въ комнаты императрицы.

По смерти императрицы Анны онъ уже вовсе не выходилъ изъ дому, но всегда оставался главнымъ органомъ въ русскомъ государствѣ. Вслѣдъ за кончиною государыни, онъ хотѣлъ выйти въ отставку, но герцогъ курляндскій, бывшій тогда регентомъ, такъ настоятельно просилъ его, что онъ остался.

Регентша Анна, мать императора, только желая дать графу Остерману болѣе высокій рангъ, чѣмъ фельдмаршалъ, назначила его генералъ-адмираломъ,—мѣсто, для котораго онъ, собственно, не былъ приготовленъ, такъ какъ не разумѣлъ подробностей дѣла. Но, какъ человѣкъ большихъ способностей, онъ, конечно, послѣ нѣкотораго ознакомленія, имѣлъ и въ этомъ дѣлѣ вѣрный взглядъ главнаго начальника. Въ царствованіе этой государыни, австрійская партія при русскомъ дворѣ начала упрекать Остермана за его склонность къ Пруссіи. Упрекъ былъ довольно основательный, и надо думать, что если такой мудрый сановникъ, какимъ былъ Остерманъ, старался склонить свой дворъ на сторону Пруссіи, то, конечно, былъ убѣжденъ въ превосходствѣ системы и политики юнаго и предпріимчиваго прусскаго монарха Фридриха II. Между тѣмъ Остерманъ создалъ себѣ этимъ страшныхъ враговъ при русскомъ дворѣ, къ которымъ принадлежалъ особенно генералиссимусъ принцъ Антонъ Ульрихъ Брауншвейгскій, супругъ регентши и отецъ императора, всегда расположенный къ Австріи. Но все это не имѣло никакихъ послѣдствій,

тѣмъ болѣе, что графъ Остерманъ дошелъ вскорѣ до того, что присоединился къ тѣмъ, которые имѣли намѣреніе, въ видахъ укрѣпленія правительства, возвести на престолъ великую княгиню и регентшу Анну, а бывшаго до того времени императоромъ младенца нѣсколькихъ мѣсяцевъ объявить наслѣдникомъ престола,—проектъ, исполненіе котораго было предупреждено революціей, совершенной Елизаветою.

Во время опекунскаго управленія принцессы Анны, Остерманъ былъ опасно боленъ. Въ мартѣ 1741 года докторъ Кэмпфъ, очень искусный врачъ изъ Гамбурга, увѣрялъ, что, вслѣдствіе очень сильнаго истеченія крови, положеніе больного настолько тяжело, что можно опасаться внезапной смерти, хотя помощь или, скорѣе, отсрочка и не невозможна. Къ своему несчастію, Остерманъ долго жилъ еще.

Въ концѣ года послѣдовала революція, произведенная Елизаветой. Только такая слабая женщина, какъ Елизавета, могла не признать заслугъ великаго человѣка, котораго ея предки умѣли лучше цѣнить. Она дозволила своимъ министрамъ и придворнымъ убѣдить себя, что графъ Остерманъ, какъ величайшій преступникъ изъ тѣхъ людей, которые были жертвою придворной интриги, долженъ быть приговоренъ къ смерти.

По этому поводу мы хотимъ разсказать возможно короче исторію суда надъ тѣми несчастными, которые погибли вмѣстѣ съ Остерманомъ.

Еще въ ту ночь, когда новая императрица вышла изъ Зимняго дворца, гдѣ она приказала арестовать представителей династіи, по городу были разосланы войска для арестованія многихъ лицъ въ ихъ домахъ. Это были: графъ Остерманъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, великій канцлеръ графъ Головкинъ, обергофмаршалъ графъ Лёвенвольде, президентъ и тайный совѣтникъ баронъ Менгденъ, статскій совѣтникъ Демирезовъ (Демидовъ?) и секретарь Позняковъ. Всѣ арестованные были приведены въ государственную тюрьму, въ крѣпость, кромѣ Лёвенвольде, котораго сперва оставили подъ домашнимъ арестомъ, но потомъ перевели туда же. Впрочемъ, всѣхъ ихъ содержали довольно сносно.

Остерману было предложено до восьмидесяти вопросовъ. Этотъ великій человѣкъ представилъ подробную исторію своего управленія, ни о чемъ не умолчавъ. Онъ говорилъ, что пока онъ преданъ правительству по клятвѣ и по долгу, то обязанъ повиноваться ему. Изъ множества неосновательныхъ и безсмысленныхъ преступленій, въ которыхъ его обвиняли, слѣдующія были главными: что по смерти Петра II на престолъ была возведена герцогиня Анна курляндская, вмѣсто принцессы Елизаветы; что онъ привелъ флотъ въ упадокъ, для того, чтобы Россія была принуждена искать дружбы морскихъ державъ; что осужденіе князей Долгорукихъ, въ послѣдніе годы царствованіе императрицы Анны, было подготовлено имъ; что онъ совѣтовалъ заключить принцессу Елизавету въ монастырь, и что ему принадлежитъ проектъ устраненія юнаго принца Петра Голштинскаго. Изъ всѣхъ арестованныхъ Остерманъ былъ болѣе всѣхъ обвиняемъ. Какъ мы знаемъ, онъ всегда былъ хворый; теперь, въ темницѣ, онъ былъ такъ боленъ, что его исповѣдали и причастили, полагая, что онъ скоро умретъ. Послѣ этой болѣзни, въ немъ стали примѣчать несвойственныя ему боязливость и малодушіе. Онъ просилъ къ себѣ тайнаго совѣтника Лестока, который былъ у него

нѣсколько разъ, но по своему положенію не могъ ничѣмъ ему помочь. Когда Остерманъ, въ январѣ 1742 г., увидѣлъ въ числѣ комиссаровъ князя Голицына, онъ просилъ у него прощенія за преслѣдованіе фамиліи Голицыныхъ, въ чемъ онъ, конечно, былъ виноватъ.

Имущество Остермана, при его арестѣ, было весьма незначительно, въ сравненіи съ тѣмъ, что накопили другіе. Онъ имѣлъ незначительныя помѣстья и домъ. Сверхъ того, у него нашли 11,000 фунтовъ стерлинговъ и 130,000 гульденовъ, которые хранились въ банкахъ въ Лондонѣ и въ Амстердамѣ. Наличными деньгами и драгоцѣнностями онъ имѣлъ только 230 руб. и четыре или пять усыпанныхъ бриллiантами портретовъ государей.

Все было не болѣе, какъ придворная интрига. Этимъ хотѣли только удалить людей, которые превосходствомъ своихъ способностей, опытностью и познаніями были неудобны новымъ совѣтникамъ и придворнымъ. Ихъ сдѣлали государственными преступниками, чтобы имѣть возможность чувствительнѣе, ужаснѣе и вѣрнѣе наказать. Но названіе ихъ государственными преступниками было въ данномъ случаѣ неприложимо. Отчасти эти обвиненія были вымышлены и могли быть подтверждены самое большее лишь какимъ-либо случайнымъ, быть можетъ, легкомысленнымъ, словомъ, отчасти же Елизавета была тогда частнымъ лицомъ, какъ всякій подданный россійской имперіи, и противъ нея нельзя было совершить государственное преступленіе. 28 января 1742 года императрица переѣхала въ Царскую мызу, нынѣ Царское Село. Какъ только она выѣхала изъ Петербурга, по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ было объявлено—собираться поутру въ 10 часовъ на Васильевскій островъ, чтобы смотрѣть на казнь враговъ императрицы.

Тамъ, какъ разъ передъ военною коллегіею, былъ устроенъ простой эшафотъ, въ шесть ступеней, на которомъ стояла плаха. Астраханскій полкъ образовалъ карре, въ которомъ, кромѣ лицъ, необходимыхъ для исполненія казни, находился еще хирургъ, но не было священника. Государственные узники были приведены изъ крѣпости еще раннимъ утромъ. Ровно въ 10 часовъ они были введены въ кругъ; ихъ сопровождали гренадеры съ примкнутыми штыками.

Графъ Остерманъ былъ въ своемъ обычномъ утреннемъ платьѣ, именно—въ своемъ рыжеватомъ лисьемъ мѣху. На немъ былъ маленькій парикъ и дорожная черная бархатная шапка. Такъ какъ онъ былъ очень слабъ, то его привезли въ простыхъ извощичьихъ саняхъ въ одну лошадь.

Когда государственные узники собрались въ кругу, четыре солдата отнесли Остермана, котораго всегда считали главнымъ преступникомъ, на эшафотъ и посадили на желѣзное сѣдалище. Онъ обнажилъ голову. Сенатскій секретарь прочелъ приговоръ. Обвиненные узнали приговоръ только на лобномъ мѣстѣ. Остерманъ былъ приговоренъ къ обезглавленію и колесованію. Онъ хладнокровно выслушалъ приговоръ, казалось, былъ удивленъ и возвелъ глаза къ небу. Вслѣдъ за тѣмъ солдаты положили его лицомъ на землю. Палачъ растянулъ его шею на плахѣ, придерживая голову за волосы и взялъ сѣкиру въ руки. Остерманъ протянулъ обѣ руки впередъ: солдатъ закричалъ ему убрать руки; онъ подобралъ ихъ и вытянулъ по тѣлу. Когда уже всѣ ждали смертельнаго удара, сенатскій секретарь закричалъ графу: „Богъ и импера-

трица даруютъ тебѣ жизнь!“ Остермана подняли; онъ весь дрожалъ. Его опять посадили въ сани, и онъ долженъ былъ тутъ же ожидать, пока и другіе узнаютъ свой приговоръ.

Никого уже болѣе не возводили на эшафотъ. Всѣ были приговорены къ лишенію жизни, но Елизавета всѣмъ даровала ее, отсылая ихъ въ ссылку и, такимъ образомъ, дѣлая болѣе продолжительными муки несчастныхъ.

Въ тотъ же день всѣ были отправлены изъ Петербурга къ мѣстамъ своей ссылки: графъ Остерманъ—въ Березовъ, гдѣ умеръ князь Меншиковъ, графъ Минихъ—въ Пелымъ. Тамъ онъ попалъ въ тотъ самый домъ, который онъ по собственному чертежу приказалъ построить для герцога курляндскаго. Графъ Головкинъ—въ мѣсто ссылки генерала Карла Бирона, который только что возвратился тогда. Названіе мѣста намъ неизвѣстно. Графъ Левенвольде—въ Ярославль, куда прибылъ въ то время изъ Пелыма герцогъ курляндскій. Такъ какъ Ярославль есть небольшое ссылочное мѣстечко, то вѣроятно оба эти мужа встрѣчались тамъ. Баронъ Менгденъ быяъ сосланъ туда, гдѣ находился Густавъ Биронъ, тоже возвращенный.

Самая трогательная сцена произошла при отъѣздѣ государственныхъ узниковъ изъ Петербурга –свиданіе съ родственниками, со многими послѣднее прощаніе.

Графъ Остерманъ впервые увидѣлъ свою семью въ Ямской. Графиня увидала теперь своего мужа съ которымъ не разстовалась уже болѣе. Дочь и сыновья не сопутствовали отцу. Болѣе часа длились его увѣщанія дѣтямъ. Всѣ присутствовавшіе при этомъ, даже офицеры и солдаты, плакали. Наконецъ, онъ просилъ своихъ сыновей оказать ему послѣднюю въ этой жизни услугу—отнести его въ дорожныя сани.

Въ Березовѣ Остерманъ жилъ еще пять лѣтъ, слабый, тяжко больной, и умеръ 24 мая 1747 года, въ полномъ душевномъ спокойствіи.

Извѣстны уже важныя должности, которыя занималъ этотъ знаменитый человѣкъ, когда, съ началомъ царствованія Елизаветы, на него обрушились несчастія. Мы должны еще только прибавить, что онъ былъ генералъ-почтдиректоръ и кавалеръ обоихъ русскихъ и нѣсколькихъ иностранныхъ орденовъ.

Наконецъ, два слова о качествахъ графа Остермана, одного изъ выдающихся государственныхъ мужей Европы, и при этомъ — о сужденіяхъ знаменитаго современнаго писателя Манштейна, которыя онъ высказалъ о немъ. Остерманъ имѣлъ обширный, вполнѣ просвѣщенный умъ, обладалъ никогда не обманывавшимъ его сужденіемъ, знаніемъ людей, и проявлялъ крайнюю деликатность во всѣхъ своихъ, сколько-нибудь значительныхъ, рѣчахъ и поступкахъ. У него во всемъ, что онъ ни дѣлалъ (а онъ не занимался обыкновенными дѣлами), была цѣль, которую не могли задержать никакія препятствія. Онъ былъ безупреченъ въ своихъ дѣлахъ, трудолюбивъ, исполнителенъ, неподкупенъ и, насколько только можно, точенъ въ управленіи ввѣренными ему дѣлами и значительными суммами. Онъ обладалъ основательными познаніями въ различныхъ отрасляхъ наукъ и особою, рѣдко встрѣчающеюся, способностью къ изученію языковъ. Всѣмъ людямъ достойнымъ, особенно-же ученымъ, онъ оказывалъ полнѣйшее покровительство. Высокое достоинство его, какъ статсъ-министра, заключалось въ удивительномъ

знакомствѣ съ европейскими дворами, въ знаніи дѣйствительной или мнимой силы или слабости правительствъ и земель и ихъ отношеній другъ къ другу и въ точной оцѣнкѣ тогдашнихъ коронованныхъ или дѣйствительныхъ властителей Европы. Но графъ Остерманъ былъ также крайне недовѣрчивъ и не могъ терпѣть ни выше, ни около себя человѣка, котораго онъ не превосходилъ бы умомъ. По счастью, съ нимъ рѣдко кто могъ спорить въ дарованіяхъ. Онъ настолько владѣлъ своими страстями, что его искусство скрывать ихъ почти можно было назвать фальшивостью. Чтобъ произвести возможно большее впечатлѣніе своею рѣчью и тѣмъ достигнуть цѣли, ему ничего не стоило пролить слезы. Когда, въ критическихъ обстоятельствахъ, требовались мнѣнія министровъ, онъ сказывался больнымъ, чтобъ отклониться отъ отвѣтственности. Съ послами иностранныхъ дворовъ онъ говорилъ такъ загадочно, что, уходя отъ него, они рѣдко знали болѣе того, чѣмъ при входѣ къ нему. Опасаясь выдать себя, онъ никогда не смотрѣлъ прямо въ глаза тому, съ кѣмъ говорилъ. Въ своемъ образѣ жизни онъ былъ крайне нечистоплотенъ.

4. Павелъ Ягужинскій.

Человѣкъ, никогда не отрекающійся отъ своего мнѣнія, вѣчно говорящій правду, презирающій всякія сдѣлки съ совѣстью, высказывающій смѣло своимъ согражданамъ, своему начальству, даже своему государю только тотъ взглядъ, который кажется ему, по его убѣжденію, вѣрнѣйшимъ, такой человѣкъ заслуживаетъ, конечно, общаго уваженія. Небольшія пятна, отнимающія у картины высшую степень совершенства, исчезаютъ предъ великими ея достоинствами или же дѣлаютъ ихъ еще болѣе выдающимися.

Павелъ Ягужинскій родился въ Москвѣ въ 1683 году. Его отецъ, кистеръ лютеранско-нѣмецкой общины въ Москвѣ, былъ родомъ литвинъ.

На восемнадцатомъ году Павлу посчастливилось: его узналъ Петръ I, а нѣсколько удачныхъ отвѣтовъ пріобрѣли ему милость императора. Вскорѣ затѣмъ онъ принялъ греческую религію. Мы не можемъ указать причинъ, побудившихъ его къ такому шагу. Петръ I далъ ему первоначально мѣсто въ имперской канцеляріи, гдѣ онъ оставался нѣсколько лѣтъ и работалъ очень старательно. Петръ, казалось, совсѣмъ уже забылъ о немъ, когда Меншиковъ вновь рекомендовалъ его и Петръ вспомнилъ о немъ, какъ о человѣкѣ весьма пригодномъ, и назначилъ его въ гвардію, гдѣ онъ имѣлъ случаи быть узнаннымъ ближе государемъ. Изъ офицеровъ гвардіи былъ онъ сдѣланъ денщикомъ Петра I и сталъ самымъ довѣреннымъ любимцемъ. Ягужинскій былъ однимъ изъ тѣхъ, которые подписали въ 1718 году смертный приговоръ несчастному царевичу Алексѣю Петровичу. Онъ былъ тогда генералъ-майоромъ и начальникомъ гвардіи. Четыре года спустя, Петръ возвелъ его въ генералъ-лейтенанты и, наконецъ, назначилъ генералъ-прокуроромъ въ сенатъ.

По смерти Петра, онъ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, помогъ Екатеринѣ вступить на престолъ. Хотя эта государыня и возвела Ягужинскаго въ графское достоинство, но, вслѣдствіе распри съ княземъ Меншиковымъ,

которому онъ, вопреки убѣжденію, никакъ не хотѣлъ уступить, Ягужинскій въ царствованіе этой же императрицы потерялъ мѣсто генералъ-прокурора. Тѣмъ не менѣе, онъ всегда пользовался большимъ почетомъ въ русскомъ государствѣ. Дворъ боялся его; армія же выказывала ему общую любовь и уваженіе.

Въ царствованіе Петра II онъ продолжалъ только военную службу, но съ необыкновеннымъ усердіемъ. По смерти этого государя, онъ состоялъ членомъ высокаго собранія, рѣшившаго вопросъ о престолонаслѣдіи.

При восшествіи на престолъ императрицы Анны, это же собраніе арестовало Ягужинскаго за то, что онъ совѣтовалъ новой государынѣ разорвать представленную ей капитуляцію и, по примѣру ея предковъ, царствовать по собственной волѣ, безъ ограниченія. Быть можетъ, давая такой совѣтъ, Ягужинскій имѣлъ въ виду самого себя; но его намѣреніе не удалось. Ягужинскій могъ бы тогда-же погибнуть, еслибъ императрица изъ благодарности тотчасъ же не освободила его. Это былъ первый актъ, которымъ Анна обозначила свое самодержавіе. Ягужинскій сталъ опять генералъ-прокуроромъ, но поссорился, какъ генералъ-прокуроръ, съ Бирономъ, такъ что даже обнажилъ шпагу противъ любимца императрицы. Это былъ опять путь къ погибели; но Анна, всегда благодарная за добрую услугу, оказанную ей Ягужинскимъ, стараясь устранить послѣдствія этого спора, назначила его посломъ при Берлинскомъ дворѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ былъ вызванъ назадъ и назначенъ кабинетъ-министромъ.

Онъ умеръ въ 1736 году и былъ погребенъ со всѣми военными почестями въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ видна еще его надгробная надпись въ первой церкви, внизу на лѣвой рукѣ, при входѣ въ монастырь.

Графъ Ягужинскій былъ тогда генералъ-аншефъ, кабинетъ-министръ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго.

Ягужинскій былъ одинъ изъ тѣхъ, въ комъ Петръ I не ошибся, потому что онъ былъ дѣйствительно человѣкъ необыкновенныхъ способностей. Взглядъ Ягужинскаго былъ очень вѣренъ, такъ что тѣ изъ его подчиненныхъ, которыхъ онъ избралъ, были какъ извѣстно, люди дѣльные. Онъ обладалъ обширными военными познаніями и хорошо зналъ свою родину. Его присутствіе духа помогало ему въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ и часто даже въ тѣхъ, когда горячность ставила его въ довольно затруднительное положеніе. Онъ былъ очень смѣлъ и не смотрѣлъ на лица, когда ему приходилось высказывать свое мнѣніе, какъ честнаго человѣка. Ягужинскій былъ именно тотъ, который довольно часто говорилъ императору Петру I горькую истину, когда другіе не осмѣливались дѣлать возраженій противъ нелѣпыхъ иногда распоряженій этого монарха. При такихъ большихъ достоинствахъ, Ягужинскій былъ вспыльчивъ и горячъ, особенно когда бывалъ выпивши, что въ послѣдніе годы случалось почти ежедневно,—порокъ, который былъ необходимою составною частью нравовъ того вѣка и который, къ сожалѣнію, приводилъ этого великаго министра нерѣдко къ самому крайнему распутству.

XCIX. Слово похвальное

въ день рожденія Благороднѣйшаго Государя Царевича и Великаго Князя Петра Петровича (проповѣданное 28 октября 1716 года).

(Изъ сборника: «Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича архіепископа)».

Желаемыхъ вещей и ожиданіе весело, Слышателіе. Движетъ къ радости чистое и тихое утро, обѣщаваетъ бо день свѣтозарный. Пріятно видѣти первую ластовицу, извѣствуетъ бо приходящую весну. Еще плодовъ на древѣ не видимъ, а ряснымъ цвѣтомъ утѣшаемся: еще жатва къ дѣлу не позыветъ, а на зеленыя нивы смотряще радуемся. Но что странствуетъ слово по различіямъ вещей? о нашемъ нынѣшнемъ возгласимъ веселіи. Нашему Богомъ данному Царю дарова Богъ наслѣдіе. О дара великаго! о щедрой и независтной милости Господней! о благополучія твоего Россіе! Аще бо и Пресвѣтлѣйшему нашему Монарху есть здѣ о чемъ срадоватися, обаче вящше есть, чемъ достоитъ намъ самимъ взаимъ себе поздравляти: больше есть, о чемъ все отечество наше весело привѣтствовати имамы. Рожденіе бо Сына Царскаго есть великая всенародныхъ благъ надежда, общаго благополучія ожиданіе, блаженства Всеросссійскаго сѣмя корень, основаніе. Не предъ неизвѣстными глаголемъ сія, вѣсте сами, о благороднѣйшія здѣ присутствующіи великихъ дѣлъ управители, верховніи Россійстіи, различіемъ высокихъ тітлъ словущіи Вельможи! вѣсте сами, и совершенно вѣсте, что Сыны Царскіи не такъ родителемъ своимъ, яко всему народу, всему своему отечеству рождаются: на ихъ утверждаются надежды наша, отъ оныхъ ожидаемъ, еже не имѣемъ, отъ оныхъ, еже имамы, продолженія, умноженія и утвержденія падѣемся. День убо Рожденіе твоего, благороднѣйшій Государь нашъ Царевичь и Великій Князь Петръ Петровичь, не точію, яко Царскаго дому радость, но и паче яко нашъ всемірный праздникъ блажимъ и прославляемъ; нашихъ бо плодовъ цвѣтъ есть, нашихъ веселыхъ дней утро есть, нашего щастія обрученіе есть. Что самое пространнѣйшею бесѣдою проповѣдати велитъ мнѣ радость общая: се же не во извѣстіе и наученіе толикимъ слышателемъ, лучше о томъ, яко же рѣхъ, самимъ вѣдущимъ; но да тако послужу самой радости нынѣшней, радости бо свойственно есть и вѣдомыя и всѣмъ явственныя вины своя многократнѣ повторяти и велерѣчіемъ насыщатися.

Вся же сія бесѣда, всецѣлое сіе разсужденіе мнится имѣти двѣ части. Первая: увидѣти, коликое щастіе есть отъ Царскаго чадородія Государствамъ чина Монаршескаго, наипаче же тѣмъ, въ которыхъ по наслѣдію переходитъ скипетръ, а не по избранію предается, и сіе какъ Россіи, такъ и всѣмъ Монархіямъ подобнымъ есть общее. Другая же разсужденія часть: коликое благополучіе Монархіи, егда не коего-либо Царя, но Царя по сердцу Божію, Царя храбраго, премудраго, бодраго

и всякими государственными талантами украшеннаго получаетъ отъ Бога наслѣдіе, что кромѣ перваго наше есть собственное щастіе, якоже явственно показати имамы. Но первѣе о первомъ нѣчто разсудимъ.

Во первыхъ бо Сыны Царскіи отъ младыхъ ногтей, отъ того времени, когда ходити и прорицати нѣчто обучаются, обучаются купно и царствовати. Приходятъ имъ въ слухъ судебныя и совѣтныя, гражданскія и воинскія повѣсти такъ, какъ дѣтемъ купеческимъ въ слухъ часто приходятъ торги, товары, прибыли, убыли; съ возрастомъ же ихъ растетъ и властительская мудрость. Да и вѣнценосніи ихъ родители ни о чемже тако пекутся, яко дабы сыны ихъ умѣли по нихъ держати скипетръ. А кто съ нижайшихъ на престолъ праговъ восходитъ, управляти учится сѣдши уже на кормѣ, не безъ великаго многажды вреда Государства своего. Но и порфирородный Государь величіе и велелѣпіе Царское, яко природное и отъ пелень себѣ обыкновенное не въ диво себѣ ставитъ, и потому не имѣетъ оное за матерію высокоумія и презорства, а избраніемъ возведенный на сію высоту, удивляясь славѣ своей, многажды не точію подданныхъ своихъ, но и себѣ самаго забываетъ. Къ томужъ по избранію увѣнчанный [бываетъ то по злострастію человѣческому] что дѣла антецессора своего, будутъ ли вредная не исправляетъ, будутъ ли полезная отмѣняетъ; тѣмъ и симъ оному укоризну о себѣ славу стяжавая. Вопреки наслѣдникъ погрѣшенія родительская отлагаетъ, яко свой собственный порокъ, потребныя же родительскія уставы паче утверждаетъ, яко свою истую похвалу.

Да и въ наслѣдуемомъ Царствѣ печется Самодержецъ о добрѣ общемъ, яко о своемъ домашнемъ, видя яко наслѣдовати по немъ имутъ сыны и сыны сыновъ его, и имже все изобилное и цѣлое готовя. А избираемыя Государи [не вси, да не будетъ] однако такіи бываютъ, что какъ безчинніи на квартирахъ воини не щадятъ общаго, яко чуждаго, но и паче тщатся оттуду приватныя свои фамиліи обогащати. Явно то потому, что въ подобныхъ Государствахъ казна Государственная вельми скудна. И тожде добрѣ видяще мудріи Венети, многоочно оберегаютъ отъ того князей своихъ.

Но что паче всѣхъ памятно имать быти въ елекціональныхъ державахъ, великимъ и частымъ несогласіямъ и раздорамъ мѣсто. Санове великіи, смотряще на преимущества своя и престольныя высоты вожделѣвающе, како могутъ быти вѣрніи своему Монарху? которому скорѣйшей желаютъ смерти. Како другъ другу доброжелательныи быти могутъ? всякъ равняго себѣ не любя. Той мыслитъ, како бы оному запяти путь къ діадимѣ, а той сему тожде взаимъ творитъ, и единъ другаго боится. И всякъ туды намѣряетъ, туды совѣты, туды дѣла народныя, туды трактаты съ посторонними ведетъ, куды бы моглъ ему быти простѣйшій путь до короны. Когда же пріидетъ междоцарствованіе, кто исповѣсть, коликій возгарается пожаръ отъ онаго углія, въ пепелѣ прежде крыемаго? бываетъ, что вознесшійся тогда пламень уже и по избраніи Государя долго не гаснетъ; всякому бо желательно есть государствовати: ащо же ни, обаче всякъ негодуетъ служити тому, которому вчера другъ равный или и соперникъ былъ равносильный, чимъ дѣется, что многажды съ стороны позываютъ на престолъ свой, дабы по неравніи въ равенствѣ пребыли.

А сія вся являютъ доволно, како блажени суть народи наслѣдуемымъ

скипетромъ управляемыи, сія вся являютъ, какъ блаженна еси Россіе, Монаршескій таковый правителства чинъ получившая? Сія вся являютъ сіе, о немже намъ слове нынѣ сіе есть: колико торжествовати имаши, Россійскій народе! егда благословляетъ Богъ Царя твоего ложе, и подастъ тебѣ плодъ чрева его. Блаженъ бо и благополученъ еси за монаршескій въ тебѣ скипетръ, въ немже наслѣдная царствованія мудрость, въ немже попеченіе о тебѣ истое отеческое, въ немже единодушія внутренняго сила, и купно далече суть отъ него неискуство, нещадѣніе, хищеніе, зависти, ревнія, раздоры, несогласія. По сему воистинну блаженъ и благополученъ еси, но преблаженнаго, преблагополучнаго развѣ ехиднина злоба не наречетъ тебѣ, за Богомъ даннаго Монарху твоему сына. Яко-же бо на державѣ его основано есть все твое блаженство, тако на наслѣдіи его укрѣпляется сила таковаго твоего блаженства, еже бы не единаго человѣка житіемъ мѣриму ему быти, но въ долгая лѣта, въ поздныи вѣки единымъ тещи струемъ, до внукъ правнукъ, и праправнукъ твоихъ, и даже до послѣдняго рода міра скончаніемъ скончатися имущаго.

Во толикомъ бо народнѣмъ и отъ преждереченныхъ изъявленномъ благополучіи, ничто же такъ есть бѣдно и страшно, яко пресѣченіе его, еже наипаче бываетъ, наслѣдныя крове оскудѣніемъ. Како бо немощная была Россія отъ смерти великаго Владиміра, егда аще и не изсяклъ былъ родъ Самодержца онаго, обаче Самодержавный скипетръ на части разломанъ (что самое было Монархіи пресѣченіе), коихъ бѣдъ не претерпѣ отъ межоусобія, отъ варварскаго нахожденія! и не могла на ноги стати, даже паки единому скипетру, а его наслѣдію поддадеся. Пресѣче токъ крове царствующія Годуново властолюбіе, паки мятежъ, паки кроволитія, паки разоренія, и отъ кого, и каковымъ образомъ! срамно и воспамянути. Во-истину въ той часъ могли о россійстѣмъ родѣ супостати его гласити: Богъ отсавилъ есть его, пожените и имите его, яко нѣсть избавляяй. Но возврати паки милость свою Господь, воскреси умершее блаженство наше, воздвигну и вознесе на всероссійскій престолъ благороднѣйшее колѣно Романовыхъ, и дарова ему наслѣдуемый скипетръ, и скипетра наслѣдіемъ благослови. Се уже внукъ благополучнѣ царствуетъ, православный и Богомъ хранимый Монархъ нашъ Петръ первый. И кто не видитъ совершенно оздравѣвшую Россію, но и въ большую паче первыя силу и славу пришедшую? яко уже достоитъ намъ всерадостно восклицати: Помяну Господа милость свою Іакову, и истину свою дому Ісраилеву. Воста яко спя Господь, яко силенъ и шуменъ отъ віна; и порази враги своя вспять поношеніе вѣчное даде имъ. А таковаго своего веселія, таковаго здравія своего долголѣтія объемлетъ Россія надеждою въ царскомъ наслѣдіи. Родися Монарху сынъ, родися всенародному благополучію вѣчности своей надежда.

Но сіе еще счастіе не собственное намъ но съ прочіими таковагожде чина Государствами общее: аще же къ тому присовокупится другая часть благополучія, которая основана есть на особѣ царствующаго, сіесть: на его премудрости, храбрости и иныхъ изряднѣйшихъ талантахъ: то ежели таковому Богъ подаетъ наслѣдіе, и наслѣдіемъ тѣмъ даетъ всему народу надежду, еже толикому благополучію неувядаему быти: во-истинну Слышателіе, во-истинну болшаго блаженства и желати не требѣ. А кто же не видитъ, о Россіяне! насъ нынѣ такъ щастливыхъ,

такъ блаженныхъ, такъ благополучныхъ быти сподобляемыхъ всещедрыми къ намъ милостынями Вышняго. Коихъ бо благъ надежду намъ подаетъ нынѣ кровь Монарха нашего въ наслѣдіе прорастшая? Подаетъ надежду продолженія нашего блаженства. Но коего блаженства? того, которое получи отъ Бога Россія, тако премудрымъ, тако щастливымъ, храбрымъ, побѣдителнымъ, тако, словомъ рещи, благословеннымъ Царемъ своимъ, Его Царскимъ Величествомъ, Пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ всероссійскимъ Самодержцемъ Петромъ первымъ.

Россія сіе имѣетъ, свѣтъ весь удивляется и завидитъ, изрещи же или описати не достанетъ словъ, не достанетъ времени, великія бо книги історія сего наполнити можетъ. Мы же обаче да не весма то молчаніемъ прейдемъ, уподобимся въ словѣ нашемъ скорѣйшемъ его Царскаго Величества путешествіямъ, и скоро прелетимъ слѣдомъ славы его, поне нѣчто касающеся нѣкіимъ отъ многочисленныхъ великихъ дѣлъ его.

Но здѣ предлежитъ намъ сугубый путь гражданскаго и воинскаго правительства. Въ который первѣе устремимся? Поидемъ первѣе въ гражданскій, яко домашній; воинскій бо за предѣлы отечества ведетъ. А здѣ да предстанетъ намъ свидѣтельство памяти всенародныя, память же не престарѣлыхъ людей, но не далече за двадесять лѣтъ вспять заходящая. Что бо была Россія, прежде такъ не долгаго времени? и что есть нынѣ? посмотримъ ли на зданія? на мѣсто грубыхъ хижинъ наступили палаты свѣтлыя, на мѣсто худаго хврастія—дивныя вертограды. Посмотримъ ли на градскія крѣпости? имѣемъ таковыя вещію, каковыхъ и фигуръ на хартіяхъ прежде не видѣли и не видали. Воззримъ на сѣдалища правительская? новый Сенаторовъ и Губернаторовъ санъ, въ совѣтахъ высокій, въ правосудіи неумытный, желательный добродѣтелемъ, страшный злодѣяніямъ. Отверземъ статіи и книги судейскія? колико лишнихъ отставлено, колико здравыхъ и нужднѣйшихъ прибыло вновь. Уже и свободная ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже и надежды не имѣяху, уже ариѳметическія, геометрическія, и прочія философскія искусства, уже книги политическія, уже обоей архітектуры хитрости умножаются. Что же речемъ о флотѣ воинскомъ? Ниже бо на самомъ точію кораблей зданіи держати очи и мысли намъ довлѣетъ; аще и самое то зрѣти безъ удивленія не можемъ, но разсуждати подобаетъ, отъ коликихъ сіе добродѣтелей произыде. Не могли бы во истинну никіиже мастеры совершити сего, всуе бы было тевтонское искусство и труды, аще бы не предстала здѣ Монаршая мудрость, еже вся усмотрѣти къ таковому намѣренію потребная; аще бы не былъ здѣ быстрый промыслъ, откуду бы и како, каковымъ путемъ и способомъ подобающую собрати и свезти матерію; аще бы не явила себѣ здѣ велелѣпная щедрость, еще бы не жалѣти толикихъ иждивеній; аще бы не произошло здѣ незыблемое великодушіе, еже бы не устрашитися толикаго и толь труднаго, а еще новаго дѣла; аще бы не воспламенилося здѣ неусыпное славы ревнованіе, еже бы Государству Россійскому и въ семъ не попустити отъ иныхъ прочіихъ быти упослѣжденну. И, да многая минувше, едино главнѣйшее изречемъ, на таковой сей трудный, новый, преславный заводъ, недоволно было никое же имѣніе, ни лѣсы дубравныи, ни труды дѣлателей. Потребное было оруженоснымъ симъ ковчегамъ, симъ крылатымъ и бѣгъ пространный любящимъ палатамъ, потребное, глаголю, было мѣсто и поле теченію ихъ подобающее, инако бы все суетное

было. Здѣсь же кто не видитъ, что державѣ Россійской подобало простретися за предѣлы земныя, и на широкія моря пронести область свою? Купилъ намъ тое Самодержецъ нашъ не сребромъ купеческимъ, но Марсовымъ желѣзомъ. Показа, аки перстомъ самая правда на бреги Інгріи и Кareліи, хищеніемъ льва Свѣтскаго давно отъятыя; устремися убо тамо сила Монарха нашего побѣдительная, и прогна далече звѣря онаго полунощнаго, протеже владѣніе свое на моря, устраши громомъ славы сея и далечайшая поморія и островы; державную же Россію уподоби оному апокалиптическому видѣнію. Се уже единою ногою на земли, другою же стоитъ на морѣ, дивна всѣмъ, всѣмъ страшна и славна. Словомъ рещи: аще бы ничтоже было прочее, единъ флотъ былъ бы доволенъ къ безсмертной славѣ Его Царскаго Величества.

А ты, новый и новоцарствующій граде Петровъ, не высокая ли слава еси фундатора твоего? идеже ни помыслъ кому былъ жительства человѣческаго, достойное вскорѣ устроися мѣсто престолу Царскому. Кто бы отъ странныхъ здѣ пришедъ, и о самой истинѣ неувѣдавъ, кто бы, глаголю, узрѣвъ таковое града величество и велелѣпіе, не помыслилъ, яко сіе отъ двухъ или трехъ сотъ лѣтъ уже зиждется? сіе есть, тщательствомъ Монарха нашего изпразднися оная древняя пословица Сарматская: не разомъ Краковъ будовано. Или бо великое время къ таковому строенію пятьнадесятолѣтнее? И что много глаголати о сихъ? Августъ онъ Римскій Імператоръ, яко превеликую о себѣ похвалу умирая проглагола: кирпичный, рече, Римъ обрѣтохъ, а мраморный оставляю. Нашему же Пресвѣтлѣйшему Монарху тщета была бы, а не похвала сіе пригласити; исповѣсти бо во-истину подобаетъ, древяную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую: тако оную и внѣшнимъ и внутреннимъ видомъ украси, зданіи, крѣпостьми, правилами и правительми, и различныхъ ученій полезныхъ добротою.

Но еще побѣжимъ въ слѣдъ его воинскій [аще и тако уже того минути мы не возмогли], и здѣ точію имена вещей нѣкіихъ воспомянути можемъ: тако не возможно есть въ краткомъ времени предлагати повѣсть. Еще отроческою рукою разори Казикерменъ, разруши Азовъ, и дракона асійскаго устраши; возяренъ же неправеднымъ терзаніемъ льва Свѣйскаго, коль ему много наложи ранъ, коль много отсѣче градовъ и крѣпостей, здѣ въ Інгріи, въ Ливоніи, въ Помераніи, въ Кареліи, въ Финляндіи, и въ чужихъ гнѣздахъ крыющася обрѣте, въ Митавѣ Курляндской, и въ Ельбингѣ Прускомъ, и на мѣстахъ прочіихъ; дерзнувша же встрѣстися на полѣ ратномъ, преславно побѣди подъ Калишемъ, на черной Напѣ, подъ Пропойскомъ, подъ Полтавою. Единымъ ли сіе едино воспомяновеніемъ прейти довлѣетъ. Не довлѣютъ во-истину преславной оной викторіи тысяща устъ Риторскихъ, и не престанутъ славити вѣки многіа, донелѣже міръ стоитъ. Но и иныя побѣды прочія пространныхъ проповѣдей достойныя суть: обаче здѣ единымъ ихъ точію, яко же рѣхъ, воспоминаніемъ удоволяемся. Таковыя же, такъ далекія, такъ многія мѣста и страны побѣдами его прославленныя! Велико было абы, аще бы кто прошелъ легкимъ странствіемъ, то чтожъ есть викторіями исполнити.

А что во первыхъ воспомянути подобало, и что всей толикой славѣ основаніе есть регула воинская: то дѣло, то всѣхъ дѣлъ и корень и верхъ, чрезъ сіе дѣло, что либо и гдѣ либо Россійскимъ оружіемъ до-

стохвальное содѣвается, содѣвается Царемъ нашимъ, аще бы и не присутствовалъ тамо, за сіе едино и вся будущія по смерти его побѣды ему воспишутся.

И таковыхъ то Монарха нашего славныхъ дѣлъ, аще и не всѣхъ, аще и краткое именованіе есть свѣтлое и извѣстное россійскаго щастія свидѣтельство; минувше бо многія оттуду произшедшія ползы домашнія, да помыслитъ всякъ, коликую обрѣте Россія во всемъ мірѣ славу себѣ, не буди бо въ срамоту помянути, еже истинно есть, въ коемъ мнѣніи, въ коей цѣнѣ бѣхомъ мы прежде у иноземныхъ народовъ; бѣхомъ у политическихъ мнимін варвары, у гордыхъ и величавыхъ презрѣнніи, у мудрящихся невѣжи, у хищныхъ желателная ловля, у всѣхъ нерадими, отъ всѣхъ поруганы. Аще же и лживое было таковое многихъ мнѣніе, обаче мнѣніе было таковое, и изъобличила была то не единократно Россія своимъ оружіемъ, но не доволно и несовершенно, наипаче яко оружіемъ страхъ точію содѣвается въ народѣхъ; честь и любовь тѣмъ не купуется. Нынѣ же что храбростію, любомудріемъ, правдолюбіемъ, исправленіемъ и обученіемъ отечества не себѣ точію, но и всему Россійскому народу содѣла Пресвѣтлый нашъ Монархъ? то что которыи насъ гнушалися яко грубыхъ, ищетъ усердно братства нашего, которыи безчестили, славятъ, которыи грозили, боятся и трепещутъ, которыи презирали, служити намъ не стыдятся, многіи въ Европѣ коронованныи главы не точію въ союзъ съ Петромъ Монархомъ нашимъ идутъ доброхотно; но и десная его Величеству давати не имѣютъ за безчестіе: отмѣнили мнѣніе, отмѣнили прежнія свои о насъ повѣсти, затерли історійки своя древнія, инако и глаголати и писати начали: поднесла главу Россія свѣтлая, красная, силная, другомъ любимая, врагомъ страшная, и да заключимъ сильнымъ, по истиннымъ словомъ все сіе: Зависть славою Россійскою побѣжденна есть. Не можетъ безчестити насъ; ибо вѣра уже въ свѣтѣ не обращаетъ, точію имать грызти персты своя, и утробою снѣдатися.

Таковой убо славѣ Россійской, кто бы не желалъ, развѣ бы врагъ отечества своего, быти непремѣнной и вѣчной? А понеже она отъ толикаго Монарха рожденна и умноженна есть, и на немъ основана стоитъ, то во-истинну желати бы подобало его Величеству безсмертнаго на земли житія, и привѣтствіемъ онымъ у древнихъ Царей Персидскихъ обыкновенныхъ пригласити ему: Царю во, вѣки живи. Но чтожъ пользуетъ желаніе, которому не послѣдуетъ событіе? да многолѣтно царствуетъ и побѣждаетъ, да увидитъ Сыны Сыновъ своихъ, и на Сынахъ Сыновъ своихъ своихъ дѣлъ славные образы, желаемъ отъ усердія, вседушно, всеискренно желаемъ, обаче не благоволися праведному Господеви измѣряти житіе человѣческое мѣриломъ желанія нашего.

Что же прочее, которому народу хощетъ дати долговѣчную славу и блаженство, подаетъ къ содержанію оной Царскаго рода наслѣдіе, тѣмъ утверждаетъ наслѣдуемыя скиперты, тѣмъ садъ отъ родителей насажденный возращаетъ.

И се уже видимъ, Слышателіе, коликую получихомъ радость, получивше отъ Бога Сына Царскаго: управляется благополучнѣ Россія Монаршескимъ наслѣдуемымъ скипетромъ, а тое щастіе да будетъ долголѣтное, имѣетъ надежду въ наслѣдіи Монаршемъ, обогатися и обогащается Россія всемірною отъ великихъ дѣлъ Монарха своего происхо-

дящею славою, а сіе такъ великое блаженство да будетъ непреложно и вѣчно, имѣетъ упованіе въ сынѣ Царскомъ.

Истинно есть, о Слышателіе! истинно, еже изначала рѣхомъ, что Царскіе сыны не такъ родителямъ своимъ, яко своему всему отечеству рождаются. Якоже бо добріи Государи не такъ себѣ самымъ, яко своимъ подданнымъ живутъ, тако и ихъ наслѣдіе не такъ себѣ самому, яко народу своему жити начинаютъ: оныхъ неоскудѣваемое возращеніе есть щастія народнаго долгоденствіе: отъ сего плодородія имѣетъ отечество свое безсмертіе въ таковомъ Божіи на Царей изливаемомъ благословеніи: благонадежныя бываютъ царствія, еже жити, крѣпитися, и въ позднаа лѣта весело имъ процвѣтати.

Есть убо о чемъ тебѣ срадоватися имамы Богомъ данный нашъ Самодержче Россійскій! имаши чѣмъ увеселити сердце твое въ непрестающихъ печалѣхъ, и различныхъ забыти скорбей. Аще бо и всякому родителю сынъ свой вѣнецъ есть, по глаголу премудраго приточника, то кольми паче тебѣ сынъ твой отъ Бога данный, и порфиры, и діадимы, и всей твоей Царской утвари честнѣйшее и дражайшее украшеніе. И всегда тебѣ смерть не страшна, аки бы нарочно оной за наше житіе и здравіе ищущему, во огняхъ, въ мечахъ, въ путныхъ бѣдствіяхъ, въ морскихъ волненіяхъ; но наипаче уже имаши нерадѣти о ней, егда на лонѣ твоемъ видиши тебѣ другаго, твою мудрость, храбрость, благочестіе, твоя вся добродѣтели въ далечайшую жизнь простерети имущаго. А иже живую сію надежду дарова тебѣ Господь, той и благимъ событіемъ да исполнитъ въ сына твоего здравіи, долгоденствіи, и, что больше всего есть, во образѣ и подобіи твоемъ.

Есть чемъ поздравляти тебе, благороднѣйшая Государыня наша Царица, таковаго супруга подружіе и таковаго Сына матерь быти сподоблшуюся. Благополучна была еси, кто не исповѣсть во введеніи твоемъ въ Царскій чертогъ; усугубися тебѣ оное благополучіе въ рожденіи сына Царева, тогда была тебѣ весна веселая, нынѣ лѣто плодоносное, тогда утро было, нынѣ полудне, тогда новой, нынѣ же полной лунѣ подобна еси, свѣтъ толикій отъ Россійскаго солнца издавшая, тогда въ благородіе Царское воспріята была еси, нынѣ же и сама благородіе Царское умножаеши.

Есть о чемъ привѣтствовати имамы тебѣ, Благороднѣйшій Государь нашъ Царевичъ Алексій, вамъ, Благородныя Государыни Царевны, яко получившимъ отъ Бога толикое въ семъ братѣ вашемъ благословеніе; совокупныя утѣхи, взаимныя помощи, домашнія славы, надежду не ложную.

Торжествуй, весь доме Царскій, вся палата Монаршая; имаши утварь всѣхъ красотѣ лучшую, имаши богатство всѣхъ сокровищъ дражайше, но наипаче имаши крѣпость адаманта твердѣйшую, вѣчнаго твоего пребыванія силу. Паче всѣхъ же ликовати и благодушествовати должна еси вся Россіе, твоей славѣ, силѣ, блаженству, твоему долгоденствію родися сынъ Царскій. И аще кая либо жена, родивши отроча, къ тому не помнитъ, по глаголу Господню, скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ; то кольми паче тебѣ, о Россіе! таковая радость приличествуетъ, яко родися тебѣ толикій человѣкъ, человѣкъ, въ немже и съ нимже родися тебѣ состава твоего здравіе, мира, согласія, благостроенія твоего вина; полученныхъ тебѣ благъ вѣчности и множайшихъ

надежда: вопреки же всѣмъ врагомъ твоимъ, не весело на щастіе твое смотрящимъ, скудости и паденія твоего желающимъ, родися страхъ, скорби и отчаяніе. Сіе убо рожденіе, аки благословенное всего отечества нашего отрожденіе, радостно и торжественно празднуемъ, другъ друга поздравляюще, другъ другу срадующеся. Аще же хощемъ и желаемъ всякъ себѣ, и всякъ наслѣдію своему добрыхъ и долгихъ лѣтъ, сему Царскому наслѣдію желаемъ того всеусерднѣ. Аминь.

С. Слово на погребеніе

Всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго Петра Великаго, Імператора и Самодержца всероссійскаго, отца отечества, проповѣданное въ царствующемъ Санктпетербургѣ, въ церькви святыхъ первоверховныхъ Апостолъ Петра и Павла, марта 1 дня 1725 года.

(Изъ сборника: «Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича архіепископа»).

Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне? что видимъ? что дѣлаемъ? Петра великаго погребаемъ! не мечтаніе ли се? не сонное ли намъ привидѣніе? Ахъ, какъ истинная печаль! ахъ, какъ извѣстное наше злоключеніе! Виновникъ безчисленныхъ благополучій нашихъ и радостей, воскресившій аки отъ мертвыхъ Россію, и воздвигшій въ толикую силу и славу: или паче, рождшій и воспитавшій, прямый сый отечествія своего отецъ, которому по его достоинству добріи Россійстіи сынове безсмертну быти желали; по лѣтамъ же и составу крѣпости, многолѣтно еще жити имущаго вси надѣялись, противно и желанію и чаянію скончалъ жизнь, и, о лютой намъ язвы! тогда жизнь скончалъ, когда по трудахъ, безспокойствахъ, печалѣхъ, бѣдствіяхъ, по многихъ и многообразныхъ смертехъ, жити нѣчто начиналъ. Довольно же видимъ, коль прогнѣвили мы тебе, о Боже нашъ! и коль раздражили долготерпѣніе твое! О недостойныхъ и бѣдныхъ насъ! О грѣховъ нашихъ безмѣрія! Не видяй сего, слѣпъ есть, видяй же и не исповѣдуяй, въ жестокосердіи своемъ окаменен̀ъ есть. Но что намъ умножати жалости, и сердоболія, которыя утоляти, елико возможно подобаетъ. Какъ же то и возможно? понеже, есть ли великія его таланты, дѣйствіи и дѣла воспомянемъ, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаемъ. Сей во-истинну толь печальный траты развѣ бы летаргомъ нѣкіимъ, нѣкіимъ смертообразнымъ сномъ забыти намъ возможно. Кого бо мы, и каковаго, и коликаго лишилися?

Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый да бы въ тебѣ моглъ явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явлшемся весь миръ удивился. Засталъ онъ въ тебѣ силу слабую, и здѣлалъ по имени своему каменную, Адамантову: засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ не крѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, и ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищалъ, купно и возвращеніемъ отъятыхъ земель дополнилъ, и новыхъ провинцій пріобрѣтеніемъ умножилъ. Когда же востающые на насъ разрушалъ;

купно и зломыслящихъ намъ сломилъ и сокрушилъ духи: и заградивъ уста зависли, славная проповѣдати о себѣ всему міру повелѣлъ.

Се твой первый, о Россіе! Іафетъ, не слыханное въ тебѣ отъ вѣка дѣло совершившій, строеніе и плаваніе карабельное, новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ неуступающій, какъ надъ чаяніе, такъ выше удивленія всея вселенныя, и отверзе тебѣ путь во всѣ концы земли, и простре силу и славу твою до послѣднихъ Океана; до предѣлъ пользы твоея, до предѣлъ правдою полагаемыхъ, власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкую и постоянную сотворилъ.

Се Моисей твой, о Россіе! не суть ли законы его яко крѣпкая забрала правды, и яко не рѣшимыя оковы злодѣянія? не суть ли уставы его ясныя, свѣтъ стезямъ твоимъ, высокоправительствующій Сингклитъ, и подъ нимъ главныя и частныя правительства отъ него учрежденныя? не свѣтила ли суть тебѣ къ исканію пользы, и ко отраженію вреда, къ безопасію миролюбныхъ, и ко обличенію свирѣпыхъ? Во-истинну оставилъ намъ сомнѣніе о себѣ, въ чемъ онъ лучшій и паче достохвальный или яко отъ добрыхъ и простосердечныхъ любимъ и любизаемъ, или яко отъ нераскаянныхъ льстецовъ и злодѣевъ ненавидимъ былъ.

Се твой, Россіе, Соломонъ, пріемшій отъ Господа смыслъ и мудрость многу зѣло. И не довольно ли о семъ свидѣтельствуютъ многообразная философская искусства, и его дѣйствіемъ показанная, и многимъ подданнымъ вліянная, и заведенная различная, прежде намъ и не слыханная ученія, хитрости и мастерства: еще же и чины, и степени, и порядки гражданскія, и честныя образы житейскаго обхожденія, и благопріятныхъ обычаевъ и нравовъ правила: но и внѣшній видъ и наличіе краснопретворенное, яко уже отечество наше, и отъ внутрь и отъ внѣ, несравненно отъ прежнихъ лѣтъ лучшее, и весьма иное видимъ и удивляемся.

Се же твой, о и церкве Россійская! и Давидъ и Константинъ; его дѣло правительство Сѵнодальное, его попеченіе пишемая и глаголѣмая наставленія. О коликая произносило сердце сіе воздыханія о невѣжествѣ пути спасеннаго, коликія ревности на суевѣрія, и лестническія притворы, и расколъ гнѣздящійся въ насъ безумный, враждебный и пагубный! коликое же въ немъ и желаніе было и исканіе вящшаго въ чинѣ пастырскомъ искусства, прямѣйшаго въ народѣ богомудрія, изряднѣйшаго во всемъ исправленія.

Но о многоименитаго мужа! краткимъ ли словомъ объимемъ безчисленныя его славы, а простирати рѣчи не допускаетъ настоящая печаль и жалость, слезити токмо и стенати понуждающая. Негли со временемъ нѣчто притупится тернъ сей, сердца наша бодущій, и тогда пространнѣе о дѣлахъ и добродѣтелехъ его побесѣдуемъ. Хотя и никогда довольно, и по достоинству его возглаголати не можемъ; а и нынѣ кратко воспоминающе, и аки бы токмо воскрылій ризъ его касающеся, видимъ Слышателіе, видимъ бѣдніи мы и нещастливіи, кто насъ оставилъ, и кого мы лишилися.

Не весьма же, Россіяне! изнемогаимъ отъ печали и жалости, не весьма бо и оставилъ насъ сей великій Монархъ и отецъ нашъ: оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ: безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть.

Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ: сдѣлалъ добрымъ любимою, любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшную, страшная и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славную, славная и быти не престанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ.

Наипаче же въ своемъ въ вѣчная отшествіи, не оставилъ насъ сирыхъ. Како бо весьма осиротѣлыхъ насъ наречемъ, когда державное его наслѣдіе видимъ, прямаго по немъ помощника въ жизни его, и подобонравнаго владѣтеля по смерти его, Тебѣ милостивѣйшая, и самодержавнѣйшая Государыня наша, великая Героиня, и Монархиня, и матерь всероссійская. Міръ весь свидѣтель есть, что женская плоть не мѣшаетъ тебѣ быти подобной Петру Великому. Владѣтельское благоразуміе, и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому неизвѣстно? А когда обое то утвердилося въ тебѣ, и совершилося, не посто сожитіемъ толикаго Монарха; но и сообществомъ мудрости, и трудовъ, и разноличныхъ бѣдствій его, въ которыхъ чрезъ многая лѣта, аки злато въ горнилѣ искушенную, за малое судилъ онъ имѣти тебе ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наслѣдницу сотворилъ. Какъ намъ не надѣятися, что здѣланная отъ него утвердиши, недодѣланная совершиши, и все въ добромъ состояніи удержиши. Токмо о душе мужественная! потщися одолѣти нестерпимую сію болѣзнь твою: аще и усугубилася она въ тебѣ отъятіемъ любезнѣйшей дщери, и аки жестокая рана новымъ уязвленіеиъ безъ мѣры разъярилася. И якова ты отъ всѣхъ видима была въ присутствіи подвизающагося Петра, во всѣхъ его трудѣхъ и бѣдствіяхъ неотступная бывши сообщница, понудись таковоже быти и въ прегорькомъ семъ лишеніи.

Вы же благороднѣйшее сословіе, всякаго чина и сана, сынове Россійстіи, вѣрностію и повиновеніемъ утѣшайте Государыню и матерь вашу. Утѣшайте и самихъ себе, несумнѣннымъ познаніемъ Петрова духа въ Монархинѣ вашей видяще, яко не весь Петръ отошелъ отъ насъ, Прочее припадемъ вси Господеви нашему, тако посѣтившему насъ, да яко Богъ щедротъ, и отецъ всякія утѣхи, Ея Величеству самодержавнѣйшей Государынѣ нашей, и Ея дражайшей крови дщерямъ, внукамъ, племянницамъ, и всей высокой фамиліи, отретъ сія неутолимыя слезы, и усладитъ сердечную горесть благостынымъ своимъ призрѣніемъ, и всѣхъ насъ милостивнѣ да утѣшитъ.

Но о Россіе! видя кто и каковыи тебе оставилъ, виждь и какову оставилъ тебе. Аминь.

CI. Изъ записокъ Ивана Ивановича Неплюева.

(„Русскій Архивъ“ за 1871 годъ).

Родился я, Иванъ Неплюевъ, въ 1693 году, ноября 5-го числа, въ воскресенье поутру, по полуночи въ 7 часовъ, въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ усадницѣ Наволокѣ.

По неудачномъ подъ Нарву приступѣ, отецъ мой Иванъ Никитичъ, бывъ при ономъ случаѣ на службѣ и возвратясь въ домъ, занемогъ, отъ

которой болѣзни въ 1709, іюля 10-го, умеръ въ среду по утру, на 38-мъ году отъ рожденія своего, оставя по себѣ одного меня, сына 16-ти лѣтъ, и недвижимаго имѣнія 80 душъ.

Женился я по волѣ матери моей 1711 г., сентября 9-го дня въ воскресенье, на племянницѣ родной новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича Татищева, дѣвицѣ Ѳедосьѣ Татищевой, получа за нею въ приданое съ небольшимъ 20 душъ.

Въ 1712 году, августа мѣсяца 19-го дня, во вторникъ, родился мнѣ сынъ Адріанъ въ томъ-же Новгородскомъ уѣздѣ, въ селѣ Поддубьѣ.

Въ 1713, ноября мѣсяца, оставивъ жену мою, отшелъ я по обѣщанію въ монастырь. 1715, марта въ первыхъ числахъ, возвратился я въ домъ свой и въ томъ-же мартѣ мѣсяцѣ взятъ въ службу и, бывъ на смотрѣ марта въ 24 день у князя Меншикова, написанъ въ число назначенныхъ обучаться въ Новгородѣ начальныхъ основаній математики.

Тогожъ года, іюня въ 29 день, присланнымъ въ Новгородъ указомъ повелѣно: выбравъ 84 человѣка изъ тѣхъ начавшихъ обучаться, отправить въ Нарвскую школу, въ которомъ учителемъ былъ навигаторъ Митрофанъ Михайловъ, сынъ Кашинцовъ, а директорами надъ оной были: оберъ-комендантъ Кирила Алексѣевичъ Нарышкинъ, комендантъ Василій Григорьевичъ Титовъ.

Въ томъ-же году, мая 4-го дня, во вторникъ умерла, въ отсутствіе мое, мать моя Марѳа Петровна.

Того-же года, октября 1-го дня, по присланному указу, перевели насъ всѣхъ въ школу въ Санктпетербургъ. Въ той школѣ было насъ обучающихся 300 человѣкъ. 1716-го по указу царскаго величества, велѣно выбрать изъ той школы 20 человѣкъ и отослать въ Ревель ко флоту, въ числѣ коихъ былъ и я, Неплюевъ. На дорогу каждому изъ насъ дано по 30 рублей.

По прибытіи нашемъ въ Ревель, марта 31-го дня, опредѣлены мы адмираломъ во флотъ гардемаринами, при чемъ выданы намъ изъ казны порусинные бостроки, а жалованья опредѣлено на мѣсяцъ по 2 рубли по 40 копѣекъ; порція-же производилась намъ: сухарей—по 2 пуда по 10 фунтовъ каждому, гороху—по 15 фунтовъ, крупъ—по 15 фунтовъ, соли—2 фунта съ четвертью; муки ржаной на квасъ—одинъ четверикъ, вина—25 чарокъ, уксусу—полторы кружки, рыбы вялой—по 6 фунтовъ, ветчины—по 19 фунтовъ.

Апрѣля перваго дня опредѣленъ я на корабль *Архангела Михаила*, на коемъ капитанъ былъ англичанинъ Рю. Тотъ корабль *Архангела Михаила* былъ о 52-хъ пушкахъ, въ водѣ ходу 16½ футъ; матросовъ на немъ было 300, солдатъ 200 человѣкъ. Апрѣля 17-го дня выплыли мы изъ гавани. Въ маѣ 19-го числа выступили въ походъ подъ командою капитана-командора Сиверса къ Копенгагену. 29-го числа того-же мѣсяца отъ острова Борнгольма принуждены были поворотиться, потому что шведскій флотъ лежалъ у острова Ругена. Іюня 30-го дня присланъ отъ его царскаго величества капитанъ Румянцевъ съ указомъ, дабы флоту немедленно плыть въ Копенгагенъ, почему оный отъ Ревеля опять въ путь отбылъ. Іюля 18-го дня остановились мы въ виду Копенгагена и бросили якорь и того-же числа соизволилъ пріѣхать его царское величество къ намъ на флотъ и былъ нѣкоторое время у командора на кораблѣ *Екатерины*.

(Далѣе Неплюевымъ описывается пребываніе русскихъ въ Копенгагенѣ, Гамбургѣ, Амстердамѣ, Корфу, Венеціи, путешествіе въ Испанію, пребываніе въ Кадиксѣ и возвращеніе въ Россію).

Прибыли въ Санктпетербургъ 22-го числа (22-го мая 1720 г.). Во весь вышеписанный вояжъ издержалъ я собственныхъ 400 рублей, да государевыхъ 600 рублей. Каждый изъ насъ по пріѣздѣ въ Петербургъ пристали у нашихъ родственниковъ, а я у капитана гвардіи Семена Марковича Спицына.

На завтрѣ, собравшись вся наша компанія ко мнѣ на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу, а потомъ ко всѣмъ флагманамъ, находящимся въ Петербургѣ, и ко всѣмъ присутствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Всѣ насъ приняли весьма ласково, особливо Григорій Петровичъ Чернышевъ, который о вояжѣ и службѣ нашей внѣ государства подробно и милостиво разспрашивалъ и обнадежилъ насъ своимъ предстательствомъ у его величества, подавъ намъ, какъ отецъ, совѣтъ, чтобы просили генерала-адмирала быть представлены къ государю, и когда его величество изъ насъ съ кѣмъ говорить изволитъ, то чтобъ мы по истинѣ и безъ робости сказали, кто что знаетъ и сколько кто преуспѣлъ въ наукахъ. За таковую его милость мы всѣ, какъ неимущіе никакого покровительства, а по нашему отлученію отъ отечества не токмо отъ равныхъ намъ возненавидѣны, но и отъ свойственниковъ нашихъ при первомъ случаѣ насмѣшкою и ругательствомъ по европейскому обычаю, въ насъ примѣчанному, осмѣянные, благодарили Григорія Петровича со слезами.

На завтрѣ пошли мы въ адмиралтейскую коллегію и ожидали прибытія генералъ-адмирала, который, пріѣхавъ и насъ увидя, сказалъ, „что онъ объ насъ доложитъ, и когда приказано будетъ, чтобы явились въ коллегію, а нынѣбъ шли по домамъ“. 26-го числа была ассамблея на почтовомъ дворѣ, на которой генералъ-адмиралъ государю объ насъ докладывалъ, и отъ него получили повелѣніе, чтобъ намъ быть представленнымъ завтра въ адмиралтейской коллегіи, почему мы и получили отъ коллегіи приказъ явиться въ 5 часовъ въ коллегію. Не знаю, какъ мои товарищи оное приняли, а я всю ночь не спалъ, готовился какъ на страшный судъ. И по сему приказу собрались мы въ назначенное время въ коллегію, а между тѣмъ присутствующіе съѣжались, изъ коихъ генералъ-адмиралъ, идучи мимо, сказалъ намъ:—„Я васъ теперь государю представлю“. А черезъ малое время потомъ пріѣхалъ Григорій Петровичъ Чернышевъ и, остановясь съ нами, говорилъ тоже, что и въ своемъ домѣ, и ласковымъ, милостивымъ симъ разговоромъ убавилъ нашего страха. Накопецъ и его величество прибыть изволилъ, но не тѣмъ путемъ, которымъ мы его ждали; потому мы и не имѣли счастія путь его видѣть. Въ 7 часовъ впустили насъ въ присутственную палату. Мы его величеству поклонились въ ноги, а прочимъ —въ поясъ. Онъ, будучи или немощенъ или невеселъ, чего я не знаю, изволилъ спросить насъ только, имѣемъ ли-мы отъ командировъ тамошнихъ атестаты, и всѣль на галерахъ, или иные на корабляхъ служили. Получивъ на сіе отвѣтъ, оборотясь къ генералъ-адмиралу, изволилъ сказать слѣдующее: — „Я хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами“. Не успѣлъ послѣдней рѣчи государь еще окончить, какъ великодушный покровитель всѣхъ бѣдныхъ, Григорій Петровичъ, очень

громко сказалъ его величеству:—Грѣхъ тебѣ, государь, будетъ: люди по волѣ твоей бывши отлученные отъ своихъ родственниковъ въ чужихъ краяхъ, и по бѣдности ихъ сносили голодъ и холодъ и учились по возможности, желая угодить тебѣ и по достоинству своему и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а нынѣ, возвратясь по твоей-же волѣ и надѣясь за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ и идутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли". Его величество на сіе изволилъ ему отвѣтствовать:—„Я ихъ награжду; пусть только одну кампанію прослужатъ!"—„Но легколь, государь, гардемаринами служить,—сказалъ Григорій Петровичъ,—такимъ, кои изъ нихъ есть достойны управлять кораблемъ или галерою?" Государь спросилъ его:—„Ктожъ бы такіе были, ктобъ такъ достоинъ?" Онъ, ни мало не мѣшканъ:—„Кайсаровъ и Неплюевъ". Сіи слова наполнили меня благодарностію, радостію и страхомъ, и такъ меня заметало, что я уже послѣ примѣтилъ что государь, желая, чтобъ насъ двоихъ ему указали, и обоихъ изволилъ пристально осматривать и потомъ, помолчавъ немного, изволилъ приказать записать свой указъ, чтобъ въ коллегіи было въ будущемъ мѣсяцѣ полное собраніе, при которомъ насъ всѣхъ какъ въ навигаціи, такъ и въ прочихъ наукахъ и языкахъ экзаменовать, при чемъ и самъ быть желаетъ, а потомъ насъ вонъ выслали. Мое попеченіе было первое бѣжать въ домъ Григорія Петровича Чернышева и благодарить его за оказанную мнѣ милость, что я и исполнилъ; а сія милость тѣмъ больше ко мнѣ оказана, что я никакого свойства, ни знакомства съ нимъ не имѣю, и никакого такого у меня не было, ктобъ ему за меня слово замолвилъ. Все сіе значитъ великодушное его сердце и человѣколюбивую его душу. А съ нами разговаривалъ онъ, какъ съ ровными, не допуская насъ и поклониться себѣ. Сіе значитъ его великомудріе и что онъ, въ великомъ чинѣ будучи, тѣмъ не гордится, а употребляетъ оный въ пользу и къ показанію милостей къ безпомощнымъ. Пишучи сіе, я мѣшаю блародарныя мои слезы къ нему съ чернилами, да благословитъ его и весь домъ его Господь Богъ изобильными своими щедротами. Въ ожиданіи означеннаго экзамена упражненіе мое было въ пріуготовленіи себя къ оному.

30-го іюня присланъ къ намъ отъ коллегіи приказъ явиться 1-го іюля на экзаменъ. Мы, собравшись у коллегіи, дождались повелѣнія. Въ 8 часовъ государь пріѣхалъ въ одноколкѣ и, мимо идучи, сказалъ намъ:—„Здорово, ребята!" Потомъ, чрезъ нѣкоторое время, впустили насъ въ ассамблею, и генералъ-адмиралъ приказалъ флагману Зміевичу напредь распрашивать порознь, что кто знаетъ о навигаціи. Потомъ, какъ дошла и моя очередь, то государь изволилъ подойти ко мнѣ и, не давъ Зміевичу дѣлать задачи, спросилъ:—„Всему-ли ты научился, для чего былъ посланъ?" На что я отвѣтствовалъ:—„Всемилостивѣйшій государь! прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу хвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, вашея ко мнѣ щедроты". При сказываніи сихъ словъ я сталъ на колѣни, а государь, оборотивъ руку праву ладонью, далъ поцѣловать и при этомъ изволилъ молвить:—„Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все отъ того: показать вамъ примѣръ и хотябъ подъ старость видѣть

мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству". Я, стоя на колѣняхъ, взялъ самъ его руку и поцѣловалъ оную многократно, а онъ мнѣ сказалъ:—„Встань, братецъ, и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ; но не робѣй: буде что знаешь—сказывай, а чего не знаешь—такъ и скажи". И оборотясь къ Зміевичу, приказалъ разсросить меня; а какъ я давалъ отвѣты, то онъ изволилъ сказать Зміевичу:—„Разспрашивай о высшихъ знаніяхъ". И по окончаніи всѣхъ разспросовъ, тутъ-же пожаловалъ меня въ поручики въ морскіе галернаго флота и другаго—Кайсарова, а и другихъ также пожаловалъ, но ниже чинами. Чрезъ малое потомъ время указалъ государь опредѣлить меня, Неплюева, смотрителемъ и командиромъ надъ строющимися морскими судами, по каковому случаю видѣлъ я государя почти ежедневно. И всякій разъ благоволилъ со мною разговаривать о всякихъ вещахъ и случаяхъ. И отъ флагмановъ Григорія Петровича и Чернышева, къ которому я во всякое свободное время хаживалъ, и отъ Зміевича слыхалъ, что:—Государь-де тобою, господинъ поручикъ, является доволенъ и изволитъ говорить, что въ этомъ маломъ путь будетъ". Они-же мнѣ подавали совѣты, чтобъ я прилежалъ къ своему дѣлу, былъ-бы исправенъ: „То-де его величество тебя не оставитъ; только будь проворенъ и говори правду и ничего не солги, хотя-бы что и худо было; онъ-де больше разсердится, буде что солжешь".

1721 года, генваря въ первыхъ числахъ, былъ трактаментъ для всѣхъ бояръ и для морскихъ и гвардіи офицеровъ, почему и я тутъ былъ. Мы, отобѣдавъ прежде, изъ-за столовъ встали, и я и со мною нѣсколько человѣкъ вошли въ ту камору, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ; государь былъ очень веселъ, и по маломъ времени изволилъ начать разговоръ, что ему потребенъ человѣкъ съ итальянскимъ языкомъ—послать въ Царьградъ резидентомъ. Александръ Гавриловичъ Головкинъ отвѣчалъ, что онъ такого не знаетъ, а Ѳедоръ Матвѣевичъ говорилъ, что онъ такого знаетъ и очень достойнаго, но то бѣда, что очень бѣденъ. Государь отвѣчалъ, что бѣдность не бѣда.—„Этому помочь можно скоро, но кто тотъ такой?" Ѳедоръ Матвѣевичъ сказалъ:—„Вотъ онъ за тобою стоитъ".—„Да ихъ стоитъ за мною много", сказалъ государь. Ѳедоръ Матвѣевичъ отвѣчалъ:—„Твой хваленый, что у галернаго строенія". Онъ оборотился и, глядѣвъ на меня, изволилъ сказать:—«это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ добръ, но мнѣ хотѣлось его у себя имѣть». Я поклонился государю; а онъ, подумавъ, изволилъ приказать, чтобъ меня во оную посылку назначить; и при семъ изъ-за стола встали, а меня адмиралъ поздравилъ резидентомъ и, взявъ за руку, повелъ благодарить къ государю. Я упалъ ему, государю, въ ноги и, охватя оныя, цѣловалъ и плакалъ. Онъ изволилъ самъ меня поднять и, взявъ за руку говорилъ:—„Не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя—смотрѣть того, чтобы не достойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешъ, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ; ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать: служи вѣрою и правдою! Въ началѣ Богъ, а при немъ и я долженъ буду не оставить". Сіе говоря, оборотясь, изволилъ молвить:—„Когожъ я возьму на его мѣсто?" И съ тѣмъ словомъ опустилъ свою руку, а я при семъ цѣловалъ оную; и изволилъ отъ меня отдалиться. Благотворитель мой

Григорій Петровичъ меня обнялъ и цѣловалъ отъ радости; а я не могъ ему промолвить ни слова. 25 генваря изъ коллегіи иностранной присланъ именной указъ, дабы меня изъ адмиралтейской коллегіи прислать въ оную для посылки резидентомъ ко двору султана турскскаго въ Константинополь.

26 генваря въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ учиненъ мнѣ, Неплюеву, окладъ резидентскій на годъ по 3000 рублей; на подъемъ пожаловалъ государь 1000 рублей, а тѣ деньги велѣно принять въ Москвѣ, а инструкція дана изъ оной-же коллегіи февраля 26-го числа, котораго дня я имѣлъ отпускную аудіенцію, при коемъ случаѣ его величество изволилъ поступать со мною съ отмѣнною милостію, обнадеживалъ своею государскою милостію и, прощаясь со мною, поцѣловалъ меня въ лобъ и изволилъ сказать послѣднее таковое слово:—„Прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!" Потомъ былъ я для прощанья у господъ министровъ, которые меня всѣ обнадеживали своею помощію, а я просилъ ихъ о неоставленіи меня, потому что я сихъ министерскихъ дѣлъ не отправлялъ. Былъ я также у всѣхъ нашихъ морскихъ командировъ, кои меня также весьма ласково отпустили. Господина Зміевича просилъ я о неоставленіи въ случаяхъ нужныхъ жены моей и деревнюшекъ. Пришедъ къ генералу-адмиралу прощаться, донесъ ему, что я отъѣзжаю и просилъ его о неоставленіи меня по заочности; онъ мнѣ на сіе только сказалъ: „Дуракъ!" Я, поклонясь его сіятельству, докладывалъ, что не знаю, чѣмъ его прогнѣвалъ, а онъ мнѣ на то отвѣчалъ то-же слово: „Дуракъ!" На что я уже и не посмѣлъ ничего говорить, а онъ, помолчавъ, сказалъ:—„Съ чѣмъ ты жену да дѣтей оставляешь? Вѣдь имъ только что по міру ходить; для чего ты не просилъ государя, чтобъ давать въ твое отсутствіе по окладу твоего чина имъ отъ насъ жалованья?" Я ему на то докладывалъ, что того не посмѣлъ, да и не думалъ; а онъ, выслушавъ сіе, закричалъ на меня:—„Потому-то ты и дуракъ! Да, добро помиримся и простимся съ тобой! Коли будешь хорошо служить, такъ государь тебя не оставитъ и наградитъ; онъ и вчера со мною говорилъ; прикажи-же женѣ своей, что ежели ей въ чемъ нужда будетъ, чтобъ ко мнѣ за всѣмъ присылала, сколько ей будетъ надобно; я и деньгами ссужать буду". Я доложилъ на сіе его сіятельству, что жену я намѣренъ отправить въ деревню, ибо здѣсь себя содержать не можно. „Ну, такъ вели ей ко мнѣ писать,—сказалъ на то генералъ-адмиралъ,—я всякую ей помощь сдѣлаю". Простясь я съ нимъ, для тогожъ пошелъ къ Григорію Петровичу Чернышеву; сей добродѣтельный мужъ прощался со мною, какъ съ кровнымъ, и далъ мнѣ еще отеческое наставленіе, чтобъ я служилъ и отправлялъ дѣло мое съ подлежащею вѣрностію: „А прежде-де отъѣзда твоего сходи къ Остерману и съ нимъ ознакомься: онъ по вашимъ дѣламъ у государя въ отмѣнности; а я-де за тебя уже просилъ, чтобъ онъ тебя любилъ и чтобъ далъ тебѣ наставленіе, какъ тебѣ поступать". Простясь я съ моимъ благодѣтелемъ, былъ у Остермана, который меня принялъ также весьма ласково и далъ мнѣ на многіе случаи поученіе, о чемъ я прежде по-истинѣ и не думалъ.

(Далѣе Неплюевъ въ „Запискахъ" своихъ разсказываетъ о своемъ пребываніи въ Константинополѣ и объ отношеніяхъ къ Чернышеву и Остерману. Въ 1734 году онъ серьезно заболѣлъ, а въ слѣдующемъ вернулся въ Петербургъ и пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, съ тѣмъ,

чтобъ присутствовать въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Разсказывается и о всей его дальнѣйшей службѣ при правителяхъ, слѣдовавшихъ послѣ Петра Великаго. Нельзя не отмѣтить слѣдующаго мѣста въ „Запискахъ“, въ которомъ сказывается настолько же глубокій и вѣрный взглядъ Неплюева на значеніе царствованія Петра Великаго, насколько и теплое сердце, умѣющее быть признательнымъ и не очерствѣвшее среди улыбнувшихся человѣку успѣховъ):

„1725 году, въ февралѣ мѣсяцѣ, получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ I-й, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ ему ко мнѣ милостямъ, и ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ. Да иначе-бы и мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи не взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что-бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будетъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными“.

CII. Личность Петра и его характерныя особенности въ изображеніи Нартова.

(Изъ „Достопамятныхъ повѣствованій и рѣчей Петра В.“, Андрея Нартова).

Я собиралъ повѣствованія о Петрѣ Великомъ и рѣчи сего Монарха, слыша оныя либо устно отъ самого Государя, или отъ достовѣрныхъ особъ, въ то время жившихъ; находясь при Его Императорскомъ Величествѣ болѣе двадцати лѣтъ и нося милость Его, бывалъ я самовидцемъ упражненій и бесѣдъ Его, слѣдовательно о вѣроятіи сихъ сказаній никто да не усумнится.

Андрей Нартовъ

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Петра Великаго механикъ и токарнаго искусства учитель, Императорской Академіи Наукъ и Канцеляріи Главной Артиллеріи и Фортификаціи Членъ.

Писано мною сіе по кончинѣ Его Величества и кончено въ 1727 году

По дошедшимъ слухамъ къ Государю, что чужестранцы почитаютъ его немилосердымъ, говорилъ его Величество слѣдующую рѣчь, достойную блюсти въ вѣчной памяти: я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ Государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ незнающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, колико соболѣзнованія имѣю я о подданныхъ, и сколько блага желаю отечеству. Невѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда съ того самаго времени, когда полезность въ государство вводить и суровые нравы пре-

образовать намѣреніе принялъ. Сіи-то суть тираны, а не я. Честныхъ, трудолюбивыхъ, повинующихся, разумныхъ сыновъ отечества возвышаю и награждаю я, а непокорныхъ и зловредныхъ исправляю по необходимости. „Пускай злость клевещетъ, но совѣсть моя чиста. Богъ Судія мой. Неправое разглагольствіе въ свѣтѣ, аки вихрь „преходный“.

Читающій сіе примѣтить можетъ, съ какою порывистою обнаженностію и соболѣзнованіемъ говорилъ о себѣ сей великій Государь имѣвшимъ счастіе быть близъ лица Монарха сего. Извѣстна великая душа его, человѣколюбіе и милосердіе. Много было ему домашнихъ горестей и досадъ, на гнѣвъ преклоняющихъ и, хотя въ первомъ жару былъ вспылчивъ, однако скоро отходчивъ и непамятозлобенъ; ахъ, если-бъ знали многіе то, что извѣстно намъ, дивились бы снисхожденію его. Всѣ судятъ только по наружности. Если бы когда-нибудь случилось философу разбирать архивъ тайныхъ дѣлъ его, вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего Монарха.

О бунтахъ стрѣлецкихъ нѣкогда промолвилъ Государь:

„Отъ воспоминанія бунтовавшихъ стрѣльцовъ, гидръ отечества, всѣ уды во мнѣ трепещутъ: помысля о томъ, заснуть не могу. Такова та была сія кровожаждущая саранча“.

Государь по-истинѣ имѣлъ иногда въ нощное время такія конвульсіи въ тѣлѣ, что клалъ съ собою деньщика Мурзина, за плеча котораго держась, засыпалъ, что я самъ видѣлъ. Днемъ же нерѣдко вскидывалъ головою кверху. Сіе началось въ тѣлѣ его быть съ самаго того времени, когда одинъ изъ мятежныхъ стрѣльцовъ въ Троицкомъ монастырѣ предъ алтаремъ, куда его царица, мать его, ради безопасности привела, приставя ножъ къ шеѣ, умертвить его хотѣлъ,—а до того личныхъ ужимовъ и кривленія шеею не бывало.

По тому же слѣдствію Толстому Государь сказалъ: «едва-ль кто изъ Государей сносилъ столько бѣдъ и напастей, какъ я! отъ сестры былъ гонимъ де зѣла. Она была хитра и зла“. Монахинѣ не сносенъ: она глупа; сынъ меня ненавидитъ, онъ упрямъ. Все зло отъ подспускателей“.

По тому же дѣлу Государь говорилъ: «страдаю, а все за отечество! желаю ему полезное, но враги демонскія пакости дѣютъ. Труденъ разборъ невинности моей тому, кому дѣло сіе невѣдомо. Единъ Богъ зритъ правду“.

При опытахъ машиною пневматическою, показываемыхъ Императрицѣ, когда подъ хрустальный колоколъ посажена была ласточка, Государь видя, что воздуха вытянуто было столько, что птичка зашаталась и крыльями затрепетала, Аряшкину сказалъ: „полно, не отнимай жизни у твари безвредной: она не разбойникъ“. А Государыня къ нему примолвила: „я думаю, дѣти по ней въ гнѣздѣ плачутъ“. Потомъ, взявъ у Аряшкина ласточку, поднесла къ окну и выпустила.

Не изъявляетъ ли сіе мягкосердія Монаршаго даже до животной птички? кольми-жъ паче имѣлъ онъ сожалѣніе о человѣкахъ. Его Величество множество дѣлывалъ вспоможеній раненымъ и болящимъ, чиня своими руками операціи, перевязывая раны, пуская кровь, прикладывая корпіи и пластыри, посѣщая больницы, врачуя и покоя въ нихъ воиновъ; учреждая богадѣльни для больныхъ и увѣчныхъ, дряхлыхъ и престарѣлыхъ, повелѣвая здоровымъ и силы еще имѣющимъ работать и не быть въ праздности; для сиротъ и малолѣтнихъ заводя училища, а для зазорныхъ младенцевъ, или подкидышей, устроя при церквахъ госпитали для воспитанія. Все сіе не доказываетъ ли истиннаго Императорскаго и отеческаго сердоболія? Мы, бывшіе сего Великаго Государя слуги, вздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердія его, котораго въ немъ не было. Наказанія неминуемыя происходили по крайней уже необходимости, яко потребное врачеваніе зла и въ воздержаніе подданныхъ отъ пагубы. Когда бы многіе знали, что претерпѣвалъ, что сносилъ, и какими уязвляемъ былъ онъ горестями, то ужаснулись бы, колико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ, и хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ Монархѣ, умремъ вѣрными ему, и горячую любовь нашу къ земному Богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ для того, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него.

Петръ Великій, бесѣдуя въ токарной съ Брюсомъ и Остерманомъ, съ жаромъ говорилъ имъ:

„Говорятъ чужестранцы, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ. Сіи указы содержатъ въ себѣ добро, а не вредъ государству.—Англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять. Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ боязни. Свидѣтели тому вы. Полезное слушать радъ я и отъ послѣдняго подданнаго, руки, ноги и языкъ не скованы. Доступъ до меня свободенъ, лишь бы не отягощали меня только бездѣльствомъ и не отнимали бы времени напрасно, котораго всякой часъ мнѣ дорогъ. Недоброхоты и злодѣй мои и отечеству не могутъ быть довольны, узда имъ законъ. Тотъ свободенъ, кто не творитъ зла и послушенъ добру. Не сугублю рабство черезъ то, когда желаю добра, огурство упрямыхъ исправлю, дубовыя сердца хочу видѣть мягкими, когда переодѣваю подданныхъ въ иное платье, завожу въ войскахъ и въ гражданствѣ порядокъ и пріучаю къ людкости; не жестокосердствую, не тиранствую, когда правосудіе обвиняетъ злодѣя на смерть“.

Буде виноватый принесетъ чистую повинную Государю, прощалъ милосердо или умѣрялъ наказаніе по важности преступленія, и говаривалъ: „не дѣлай впередъ того: за признаніе прощеніе, за утайку нѣтъ помилованія. Лучше грѣхъ явный, нежели тайный“.

Императрица, узнавъ, что Государь нощію безпокоился и мало почивалъ, на другой день спрашивала его о причинѣ; на что онъ ей отвѣчалъ: „ахъ, Катинька! какой сонъ начальнику, когда судьи его спятъ"?

Когда о корыстолюбивыхъ преступленіяхъ К... М... представлено было Его Величеству докладомъ, домогаясь всячески при такомъ удобномъ случаѣ привесть его въ совершенную немилость и несчастіе, то сказалъ Государь: „вина немалая, да прежнія заслуги болѣе".

Правда, вина была уголовная, однако государь наказалъ его денежнымъ взысканіемъ, а въ токарной тайно при мнѣ одномъ выколотилъ его дубиной и потомъ сказалъ: „теперь въ послѣдній разъ дубина; ей! впредь берегись".

Неблагодарныхъ людей Государь ненавидѣлъ и объ нихъ говорилъ такъ: „неблагодарный есть человѣкъ безъ совѣсти, и ему вѣрить не должно. Лучше явный врагъ, нежели подлый льстецъ и лицемѣръ: такой безобразитъ человѣчество".

Заслуженныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества Петръ Великій награждалъ скоро чинами и деревнями, и за долговременную службу при отставкѣ давалъ полное жалованье. Мнѣ случилось слышать, что при отставкѣ одного полковника Карпова, мужа заслуженнаго, по малоимущаго, Государь говорилъ: „когда служить не можетъ, производить ему по смерть его жалованье, да сверхъ того дать изъ отписныхъ деревень пятьдесятъ дворовъ, чтобъ въ ней по трудахъ, которымъ свидѣтель я и генералитетъ, спокойно жилъ. Ужели за пролитую кровь и раны для отечества при старости и дряхлости съ голоду умереть? Кто будетъ о немъ печься, какъ не я? инако служить другимъ не охотно, когда за вѣрную службу нѣтъ награды. Вѣдь я для такихъ не скупъ".

Въ такомъ случаѣ Государь былъ щедръ и милостивъ; ходатаевъ имѣть не надлежало, понеже самъ зналъ онъ отлично служащихъ, а о незнакомыхъ приказывалъ себѣ обстоятельно доносить чрезъ Сенатъ, Военную и Адмиралтейскую Коллегіи.

Его Величество, возвратясь изъ Сената, о князѣ Яковѣ Ѳедоровичѣ Долгорукомъ, который былъ изъ первыхъ сенаторовъ, генералъ-прокурору графу Ягужинскому говорилъ: „князь Яковъ въ Сенатѣ прямой помощникъ; онъ судитъ дѣльно, и мнѣ не потакаетъ, безъ краснобайства рѣжетъ правду, не смотря на лицо".

Шествующему Императору въ Сенатъ, на дорогѣ палъ въ ноги юноша лѣтъ пятнадцати, и, подавая челобитную, просилъ въ ней о прощніи отца своего, за преступленіе къ смерти осужденнаго, возглашая со слезами такъ: „Всемилостивѣйшій Государь! помилуй несчастнаго отца моего, повели вмѣсто его наказать меня, готовъ умереть за него". Его Величество, развернувъ бумагу и посмотрѣвъ въ нее сказалъ: „онъ ви-

новатъ, а ты нѣтъ". Потомъ хотѣлъ идти далѣе, однако просящій юноша палъ паки лицемъ къ землѣ, схватилъ за ноги Монаршія и, рыдая, говорилъ: „помилуй отца и меня; я вину его Вашему Величеству заслужу и Богомъ исполнить сіе обѣщаюсь". Государь, сожалѣніемъ тронутый, спросилъ его: „кто тебя научилъ?"—Никто,—отвѣтилъ смѣло стоящій на колѣняхъ отрокъ,—сыновняя любовь; со смертію его—смерть моя". По семъ Петръ Великій, пристально посмотрѣвъ на лице юноши сего, коего черты обѣщавали быть въ немъ честнаго человѣка и добраго слуги государству, понеже Его Величество проницаніемъ своимъ въ избраніи подданныхъ не легко ошибался и имѣлъ дарованіе по наружности людей познавать, сказалъ: „убѣдительный примѣръ; счастливъ отецъ, имѣя такого сына".

Его величество вошелъ въ Сенатъ, пересказалъ сыновнюю къ отцу горячность, велѣлъ прошеніе сіе прочесть, и несчастному даровалъ жизнь. А сынъ его, записанный въ службу, самымъ дѣломъ, усердіемъ и вѣрностію своею увѣреніе сіе исполнилъ, достигнувъ заслугами до чина генеральскаго, который былъ мнѣ хорошій пріятель и по фамиліи прозывался Ж...

Нѣкогда отданъ былъ въ походѣ одинъ офицеръ гвардіи подъ военный судъ, который за неосторожный противъ военныхъ законовъ проступокъ, учиненный имъ противъ непріятеля, присудилъ его повѣсить. Сентенція объявлена была ему въ присутствіи его полковника Государя. Осужденный, поклоняясь Его Величеству, просилъ такъ: „виноватъ, но будь милостивъ, яко Богъ, избавь отъ висѣлицы и отъ позорной смерти". Петръ Великій на сіе отвѣчалъ: „добро, ради прежней службы, облегчить, и разстрѣлять". А офицеръ поклонясь, паки говорилъ: „я лучше бы желалъ быть застрѣленъ отъ непріятелей, нежели отъ своихъ солдатъ, съ которыми защищалъ отечество. Помилуй, Государь! вспомни прежнюю вѣрность мою, посмотри на раны и прости. Обѣщаюсь быть осторожнѣе и мою вину заслужить. Оплошность моя, а не измѣна". При чемъ вдругъ открылъ грудь свою, обнажилъ руку и показывалъ язвы и пластыри. Монархъ перемѣнился въ лицѣ, на глазахъ явились слезы; всталъ съ мѣста своего и къ судящимъ къ штабъ и оберъ-офицерамъ снисходительно сказалъ: „что теперь, господа, скажете?" А какъ они молчали и ожидали послѣдняго рѣшенія отъ Государя, то гласомъ милосердымъ сей судилъ такъ: „сіи свидѣтельства даруютъ тебѣ животъ; прощаемъ, только блюди обѣщаніе". Что сей офицеръ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ. Вскорѣ послѣ того выпросился онъ у Государя съ особымъ отрядомъ, напалъ съ такою храбростію на Шведовъ, что, разбивъ ихъ, одержалъ побѣду и, будучи при семъ случаѣ раненъ въ голову, умеръ. Однако, будучи нѣсколько часовъ до смерти живъ, при концѣ послѣдняго издыханія въ палаткѣ съ радостію говорилъ: „теперь-то, братцы, умираю я спокойно и честно, заслуживъ вину свою предъ Государемъ".

Петръ Великій на славной Полтавской баталіи, предводительствуя войскомъ и вездѣ въ опаснѣйшемъ огнѣ находясь, храбростію и мудрымъ распоряженіемъ съ одною первою линіею, изъ десяти тысячъ состоящею,

непріятельскую армію опрокинулъ и обратилъ въ бѣгъ, совершенно разбилъ. Причемъ фельдмаршала Рейншильда и прочихъ генераловъ въ полонъ взялъ. Тогда приказалъ паче всего щадить и спасать жизнь Карла XII, непримиримаго непріятеля своего. Но, получа извѣстіе, что найдена на полѣ королевская качалка, въ дребезги разбитая, въ которой раненаго Карла носили, сожалѣлъ чрезвычайно о судьбѣ его и безпокоился, полагая его убитымъ, повелѣлъ искать между убитыми.

Не явный ли сіе знакъ истиннаго человѣколюбія, а не тщетныя славы и гордости побѣдителя, ищущаго въ смерти непріятеля торжества?

Петръ Великій не любилъ никакой пышности, великолѣпія и многихъ прислужниковъ. Публичные столы отправлялъ у князя Меншикова, куда званы были и чужестранные министры. У себя же за обыкновеннымъ столомъ не приказано было служить придворнымъ лакеямъ. Кушанье его было: кислыя щи, студени, каша, жареное съ огурцами или лимонами солеными, солонина, ветчина, да отмѣнно жаловалъ Лимбургскій сыръ; все сіе подавалъ мундкохъ его Фельтенъ. Водку употреблялъ Государь анисовую, обыкновенное питье квасъ, во время обѣда пилъ вино эрмитажъ, а иногда венгерское, рыбы никогда не кушалъ; за стуломъ всегда стоялъ одинъ изъ дневальныхъ денщиковъ, о лакеяхъ же говаривалъ: „не должно имѣть рабовъ свидѣтелями того, когда хозяинъ ѣстъ и веселится съ друзьями. Они переносщики вѣстей, болтаютъ то, чего и не бывало“.

Его Величество, получивъ отъ прусскаго Короля письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за присланную, собственными руками Петра Великаго точеную табакерку, на которой изображенъ былъ портретъ его, сказалъ Нартову: „я зналъ, что работа наша Королю пріятнѣе золота. Онъ таковъ, какъ и я; роскоши и мотовства не любитъ“.

Въ бесѣдахъ Его Величество бывалъ веселъ, разговорчивъ, обходиленъ въ простотѣ безъ церемоній и вычуровъ, и любилъ около себя имѣть веселыхъ, но умныхъ людей; досадчиковъ въ бесѣдѣ не терпѣлъ, и въ наказаніе тому, кто кого оскорбилъ словомъ, давалъ пить бокала по три вина, или ковшъ съ виномъ, называемый орелъ, чтобъ лишняго не вралъ и не обижалъ; словомъ, онъ и гости его забавлялись равно; непримѣтно было въ немъ того, что онъ былъ самодержавный Государь, но казался быть простымъ гражданиномъ и пріятелемъ. Я многажды бывалъ съ Императоромъ въ такихъ бесѣдахъ, и такому обхожденію его былъ свидѣтелемъ. Обыкновенно вставалъ Его Величество утромъ часу въ пятомъ, съ полчаса прохаживался по комнатѣ, потомъ Макаровъ читалъ ему дѣла; послѣ, позавтракавъ, выѣзжалъ въ шесть часовъ въ одноколкѣ или верхомъ къ работамъ, или на строенія; оттуда въ Сенатъ или въ Адмиралтейство. Въ хорошую погоду хаживалъ пѣшкомъ. Обѣдалъ въ часъ пополудни. Въ десять часовъ пилъ одну чарку водки и заѣдалъ кренделемъ; послѣ того, спустя полчаса, ложился почивать часа на два; въ четыре часа послѣ обѣда отправлялъ паки разныя дѣла; по

окончанiи оныхъ тачивалъ; потомъ либо выѣзжалъ къ кому въ гости, или дома съ ближними веселился. Такая то жизнь была сего Государя. Голландскiя газеты читывалъ послѣ обѣда, на которыя дѣлывалъ свои примѣчанiя, и надобное означалъ въ нихъ карандашомъ, а иное въ записной книжкѣ, имѣя при себѣ готовальню съ потребными инструментами математическими и хирургическими. Допускъ по дѣламъ предъ Государя былъ особый кабинетъ подлѣ токарной или въ самую токарную. Обыкновенно допускаемы были съ доклада: Канцлеръ Графъ Головкинъ, Генералъ-Прокуроръ Графъ Ягужинскiй, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ Графъ Брюсъ, Вице-Канцлеръ Баронъ Шафировъ, Тайный Совѣтникъ Остерманъ, Графъ Толстой, Сенаторъ Князь Долгорукiй, Князь Меншиковъ, Генералъ-Полицмейстеръ Дивiеръ, флотскiе флагманы, корабельные и прочiе мастера. Безъ доклада: Князь Цесарь Ромодановскiй, Фельдмаршалъ Графъ Шереметевъ, которыхъ провожалъ до дверей кабинета своего; да ближнiе комнатные: механикъ Нартовъ, Секретарь Макаровъ, денщики, камердинеръ Полубояровъ. Чрезъ сихъ-то послѣднихъ докладываемо было Его Величеству о приходящихъ особахъ. Даже сама Императрица Екатерина Алексѣевна обсылалась напередъ, можетъ ли видѣть Государя для того, чтобъ не помѣшать супругу своему въ упражненiяхъ. Въ сихъ-то комнатахъ производились всѣ государственныя тайности, въ нихъ оказываемо было Монаршее милосердiе и скрытое хозяйское наказанiе, которое никогда не обнаруживалось и вѣчному забвенiю предаваемо было. Я часто видалъ, какъ Государь за вины знатныхъ чиновъ людей здѣсь дубиною подчивалъ; какъ они послѣ сего съ веселымъ видомъ въ другiя комнаты выходили и со стороны Государевой, чтобъ посторонние сего не примѣтили, въ тотъ же день къ столу удостоиваны были. Но все-таки исправленiе чинилось не какъ отъ Императора подданному, а какъ отъ отца сыну. Въ одинъ день наказанъ и пожалованъ. Сколь Монархъ былъ вспыльчивъ, столько и снисходителенъ; да иначе и быть ему почти не можно было по тѣмъ досадамъ, которыя противъ добра, устрояемаго имъ, чинились. При всемъ томъ былъ великодушенъ, и прощалъ вины великiя неоднократно, если раскаянiе принесено ему чистосердечное.

Петръ Великiй, употребляя марцiальныя воды на Истецкихъ желѣзныхъ заводахъ, разстоянiемъ отъ Москвы въ девяносто верстахъ по Калужской дорогѣ, отъ Баева колодезя вправо, принадлежавшихъ тогда заводчику Миллеру, куда привезенъ былъ и токарный станокъ, и мнѣ при томъ быть приказано было, во первыхъ для того, чтобъ обще съ Государемъ точить, а во вторыхъ, чтобъ разные дѣлать опыты надъ плавкою чугуна для литья пушекъ. Для тѣлодвиженiя, кромѣ точенiя, выковывалъ самъ Его Величество желѣзныя полосы; при плавкѣ изъ печей выпускалъ чугунъ; на верейкѣ бывалъ въ греблѣ и осматривалъ на ней укрѣпленiя плотинъ. Во время пребыванiя своего тамо болѣе четырехъ недѣль, выковывалъ нѣсколько пудъ желѣза, положивъ на немъ клейма съ означенiемъ года, мѣсяца и числа, которое и понынѣ въ память трудовъ сего Монарха хранится на тѣхъ заводахъ. Наконецъ, освѣдомясь, какую ковать мастеръ получаетъ за то плату, при отъѣздѣ своемъ у заводосодержателя Миллера требовалъ заработанныхъ денегъ, сказавъ

ему: «я выработалъ у тебя за осьмнадцать пудъ осьмнадцать алтынъ; заплати». И когда Миллеръ сіи деньги Государю вручилъ, тогда Его Величество говорилъ: «бродя по заводу, избилъ я подошвы; возвращаясь въ Москву, на эти деньги куплю въ рядахъ башмаки», которые подлинно купя и нося, показывалъ многимъ и разсказывалъ, что выработалъ онъ ихъ самъ своими руками. Чрезъ сіе подавалъ онъ подданнымъ образецъ, что воздаяніе пріобрѣтается трудами, и что онъ даже низкія работы не пренебрегалъ и всему учился самъ.

Петръ Великій, начавъ службу въ сухопутномъ войскѣ съ нижнихъ чиновъ, происходилъ въ вышнія степени существенными трудами, по заслугамъ и достоинству, за баталіи и осады, при которыхъ, присутствуя особою своею, бывалъ то подчиненнымъ, то храбрымъ предводителемъ. Въ сильнѣйшемъ огнѣ съ безстрашіемъ и съ присутствіемъ духа здраваго и рѣшительнаго разсужденія, въ опасныхъ случаяхъ противъ непріятелей къ подданнымъ говоря такъ: «побѣдить или умереть славно!» Наконецъ, достигнувъ до чиновъ—сухопутной арміи до Генералъ-Маіорскаго, а во флотѣ до Вице-Адмиральскаго, получалъ и обыкновенное жалованье. И когда Его Величеству оное приносили, то говаривалъ: «сіи деньги собственныя мои, я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно, объ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу».

Я самъ слышалъ сіи рѣчи изъ устъ Монаршихъ.

Петръ Великій былъ истинный Богопочитатель и блюститель вѣры Христіанскія и, подавая многіе собою примѣры того, говаривалъ о вольнодумцахъ и безбожникахъ такъ: «кто не вѣруетъ въ Бога, тотъ либо сумасшедшій или съ природы безумный. Зрячій Творца по твореніямъ познавать Его долженъ».

Генералъ- Полицмейстеру Девіеру, доносившему о явившихся кликушахъ, приказывалъ Его величество такъ: «кликушѣ за первый разъ плети, за второй кнутъ, а если и за симъ не уймется, то быть безъ языка, чтобъ впредь не кликали и народъ не обманывали».

О ложно-бѣснующихся говорилъ Государь: «надлежитъ попытаться изъ бѣснующагося выгонять бѣса кнутомъ: хвостъ кнута длиннѣе хвоста чертовскаго. Пора заблужденія искоренять изъ народа».

Колико Петръ Великій не терпѣлъ суевѣрія, толико, напротивъ, Божественные почиталъ законы и чтеніе священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта любилъ. О библіи говаривалъ Его Величество: «сія книга премудрѣе всѣхъ книгъ: она учитъ познавать Бога и творенія Его и

начертывать должности къ Богу и къ ближнему: разумѣть въ ней нѣкоторыя мѣста яснѣе потребно вдохновеніе свыше. Учиться небесному, отвергнуть должно земныя страсти». Въ 1716 году повелѣлъ онъ напечатать въ Амстердамѣ Библію въ листъ на Голландскомъ языкѣ, оставляя на каждомъ листу половину пустого мѣста, для припечатанія оныя на Россійскомъ языкѣ подъ смотрѣніемъ Сѵнода въ Санктпетербургѣ, дабы чтеніемъ на природномъ языкѣ Библіи пріучить охотниковъ и къ Голландскому, яко языку его любимому. Надобными языками для Россіи почиталъ онъ Голландскій и Нѣмецкій, а съ Французами,—говорилъ онъ,—не имѣемъ мы дѣла. Изъ духовныхъ особъ жаловалъ Государь Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, блюстителя Патріаршаго престола, да Ѳеофана Прокоповича, Архіепископа Новгородскаго, которыхъ сочиненія и предики читывалъ, и съ ними о духовныхъ дѣлахъ бесѣдовалъ.

Его Величество, бывъ въ Парижѣ на Астрономической обсерваторіи, съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ зрительную трубу на весь небесный сводъ и, обратясь къ бывшимъ съ нимъ Россіянамъ, съ восхищеніемъ говорилъ: «вотъ для глазъ отверзтая книга чудесъ Божіихъ, которая ясно показываетъ великую премудрость Творца! Бесѣдуя тѣломъ здѣсь, право, мыслю теперь тамъ! Я благодаренъ имъ, что зрѣніемъ и душою путешествовать въ безконечности съ Вѣчнымъ Существомъ. Совѣтовалъ бы я безбожникамъ и вольнодумцамъ учиться Астрономіи и почаще быть на обсерваторіи, когда земной шаръ недостаточенъ имъ для увѣренія и когда бродятъ по немъ слѣпо».

Государь любилъ читать лѣтописи и, собравъ ихъ довольно, нѣкогда Ѳеофану Прокоповичу говорилъ: „когда увидимъ мы полную Россіи исторію? Я велѣлъ перевесть многія полезныя книги“, а Нартову, механику своему, примолвилъ: „Плюміера любимое искусство мое точить уже переведено, Шитурмова механика“.

Я видѣлъ самъ переведенныя на Россійскій языкъ книги, въ кабинетѣ у Государя лежавшія, которыя напередъ изволилъ онъ читать, и послѣ указалъ напечатать: 1) Дѣянія Александра Великаго, 2) Гибнерова—географія, 3) Пуффендорфа—введеніе въ познаніе Европейскихъ государствъ, 4) Леклерка—архитектурное искусство, 5) Бринкена—искусство корабельнаго строенія, 6) Кугорна—новый образецъ укрѣпленія, 7) Боресдорфа—непобѣдимая крѣпость, 8) Бланделя и Вобана—искусство укрѣпленій и еще другія книги, принадлежащія до устроенія шлюзовъ, мельницъ, фабрикъ и горныхъ заводовъ.

Безмѣрная любовь и охота Петра Великаго къ флоту и къ мореплаванію привлекали его часто въ лѣтнее время, будучи въ Петергофѣ, ѣздить на шлюпкѣ или на ботѣ въ Кронштадтъ почти ежедневно; когда же за какими-либо дѣлами не могъ побывать тамо, то забавлялся зрѣніемъ съ берега на вооруженные корабли. Въ одинъ день Государь,

вышедъ изъ любимаго домика, именуемаго Монъ-Плезиръ, вынулъ изъ кармана зрительную трубку, смотрѣлъ въ море и, увидѣвъ идущіе Голландскіе корабли, Государынѣ съ восторгомъ говорилъ: «ахъ, Катинька, плывутъ къ намъ Голландскіе гости. Пусть смотрятъ учители мастерства ученика ихъ. Думаю—не похулятъ; я зѣло имъ благодаренъ». Потомъ отправилъ тотчасъ въ Кронштадтъ шлюпку, чтобъ прибывшихъ на сихъ корабляхъ шкиперовъ привесть къ себѣ. Между тѣмъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣливостію. Часу въ десятомъ въ вечеру пріѣхали шкипера въ Петергофъ, явились прямо къ Государю и по пріятельски ему говорили:

— Здравствуй, Императоръ Питеръ!

— Добро пожаловать, шкипера.

— Здорово ли ты живешь?

— Да, благодарю Бога.

— Это намъ пріятно.

— Слушай, Императоръ Петръ! сыръ для тебя, полотно наши жены прислали въ подарокъ супругѣ твоей, а пряники отдай молодому сыну.

— Я благодарю васъ, сынъ мой умеръ, такъ не будетъ болѣе ѣсть пряники.

— Пускай кушаетъ твоя супруга.

Его Величество приказалъ потомъ накрыть столъ, посадилъ шкиперовъ и самъ ихъ потчивалъ. Они пили здоровье Ихъ Величествъ.

— Да здравствуетъ много лѣтъ Императоръ Петръ и Императрица супруга его. Слава Богу, мы теперь какъ дома. Есть что попить и поѣсть.

— Пріѣзжай къ намъ, Государь Петръ! мы хорошо тебя попотчуемъ. Друзья и знакомцы твои охотно тебя видѣть хотятъ; они тебя помнятъ.

— Вѣрю, поклонитесь имъ. Я, можетъ быть, еще ихъ увижу, когда здоровье мнѣ позволитъ.

При семъ спрашивалъ Его Величество, сколько времени они въ морѣ были, не было ли противныхъ штурмовъ, какіе товары привезли, и что намѣрены изъ Петербурга обратно взять. И такъ пробывъ съ ними часа съ два, съ удовольствіемъ чрезвычайнымъ паки въ Кронштадтъ проводить указалъ, сказавъ при прощаніи: «завтре я вашъ гость».

Такимъ то образомъ Императоръ обходился съ Голландцами и тако пріохочивалъ чужестранцевъ ѣздить въ Петербургъ, чтобъ установить въ Россіи коммерцію моремъ.

Государь, прохаживаясь по картинной галлереѣ въ Монъ-Плезирѣ и любуясь на морскія картины, до которыхъ былъ великій охотникъ, остановился при одной, представляющей четыре соединенные флота: Россійскій, Англійскій, Датскій и Голладскій, которыми флотами Петръ Великій въ 1716 году командовалъ съ превеликою честію, дѣлая разныя эволюціи, яко искусный вождь и Адміралъ, съ восхищеніемъ Вильстеру и фонъ Бруинсу говорилъ: „едва ли кто въ свѣтѣ умѣлъ повелѣвать флотами чужестранныхъ народовъ и своимъ вмѣстѣ. Я съ удовольствіемъ воспоминаю довѣренность тѣхъ державъ“.

При такомъ изрѣченіи, отъ восторга видны были на очахъ его слезы. Толикое-то душа его чувствовала утѣшеніе. Сія картина сдѣлана была нарочно въ Голландіи искуснымъ живописцемъ Адамомъ Зилло, и пода-

рена была въ томъ же году бургомистромъ Витсеномъ. Его Величество приказалъ граверу Пикарду съ оной вырѣзать на мѣди.

Въ началѣ генваря 1725 года, въ самой тотъ мѣсяцъ, когда судьбою Всевышняго опредѣленъ былъ конецъ житія Петра Великаго, и когда уже Его Величество чувствовалъ въ тѣлѣ своемъ болѣзненные припадки, все еще неутомимый духъ его трудился о пользѣ и славѣ отечества своего. Ибо сочинилъ и написалъ собственною рукою наказъ Камчатской экспедиціи, которая долженствовала провѣдывать и отыскивать мореходствомъ того, не соединяется ли Азія къ сѣверовостоку съ Америкою, отдалъ оный наказъ Генералъ-Адмиралу Апраксину, назначивъ самъ къ сему испытанію флотскаго Капитана Витуса Беринга, а въ помощь къ нему Мартына Шпанберга и Алексѣя Чирикова.

Я, будучи тогда безпрестанно при Государѣ, видѣлъ самъ своими глазами то, какъ Его Величество спѣшилъ сочинять наставленіе такого важнаго предпріятія, и будто бы предвидѣлъ скорую кончину свою. И какъ онъ былъ спокоенъ и доволенъ, когда окончилъ. Призванному къ себѣ Генералъ-Адмиралу вручивъ, говорилъ слѣдующее: „худое здоровье заставило меня сидѣть дома, я вспомнилъ на сихъ дняхъ то, о чемъ мыслилъ давно, и что другія дѣла предпріять мѣшали, т. е. о дорогѣ черезъ Ледовитое море въ Китай и Индію. На сей морской картѣ проложенный путь, называемой Аніанъ, назначенъ не напрасно. Въ послѣднемъ путешествіи моемъ въ разговорахъ слышалъ я отъ ученыхъ людей, что такое обрѣтеніе возможно. Оградя отечество безопасностію отъ непріятеля, надлежитъ стараться находить славу государству чрезъ искусство и науки. Не будемъ ли мы въ изслѣдованіи такого пути счастливѣе Голландцевъ и Англичанъ, которые многократно покушались обыскивать береговъ Американскихъ? О семъ то написалъ инструкцію, распоряженіе же сего поручаю, Ѳедоръ Матвѣевичъ, за болѣзнію моею твоему попеченію, дабы точно по симъ пунктамъ, до кого сіе принадлежитъ, исполнено было».

CIII. Петръ Великій передъ судомъ исторіи.

(Изъ соч. Щербатова: „Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго“).

Не дерзну я слабымъ моимъ перомъ описывать великія дѣла и достойныя похвалы Петра Великаго. Величайшій къ сему надлежитъ имѣть разумъ и подвигъ бы мой сей былъ болѣе къ уменьшенію его славы, нежели ко умноженіе оной. Гласятъ его хвалы флотъ и воинства, имъ заведенные, грады построенные, крѣпости укрѣпленныя, многія области покоренныя, просвѣщенный народъ науками и искусствами, учрежденная торговля, по кратковременности введенные законы, гласятъ чужестранные народы, удивляющіеся, какъ въ столь краткое время трудами его самого и всѣянными сѣменами имъ могла Россія изъ слабости въ силу, изъ неустройства въ устройство и изъ невѣже

ства въ просвѣщеніе дойти. Звучныя побѣды, которыя увѣнчали лаврами главы его наслѣдниковъ, суть плоды его трудовъ, и славу его проповѣдаютъ, всегда имя его, яко основателя, съ именами тѣхъ соединяя. Гласятъ его хвалу сердца россійскаго народа; ибо хотя миновался тотъ родъ, который имѣлъ счастіе при толь великомъ государѣ жить, но и потомки того, вѣрные слуги отечества, съ восхищеніемъ воспоминаютъ его великія дѣла и къ мертвому толико любви и усердія являютъ, якобы дѣйствительно онъ живъ былъ и могли бы воздаянія отъ него за усердіе свое ожидать. Свидѣтели мнѣ суть невскіе берега, градъ имъ во имя его созданный, какія чувствія тогда судіи, воины, граждане и всѣ прочіе, стекшіеся на позорище открытія его изваяннаго образа, ощутили. Не славно ли сему ирою, когда всѣ потомки бывшихъ при немъ подданныхъ, по протеченіи полувѣка, узря его бездушное изваяніе, на славу его сооруженное, яко монарху, яко отцу, и яко просвѣтителю, ясныя оказанія своего усердія и благодарности принесли; и можно сказать, что слава есть Петра Великаго, яко нѣкоторая великая рѣка, которая что болѣе удаляется отъ своего начала, то пространнѣе становится. Тако уже память моя не застигнетъ, когда, излишно угождая ли или по какимъ другимъ причинамъ (ибо не можно подумать, чтобъ кто преемникъ Петра Великаго его не любилъ), монарха сего Петромъ Первымъ именовали; но само собою, безъ указу и безъ повелѣнія, имя Великаго превозмогло; и дѣти наши въ юности своей едва-ли и знаютъ, кто былъ Петръ Первый, но имя Петра Великаго купно съ благодарностію и съ удивленіемъ въ сердцахъ ихъ напечатлѣнно.

Могу ли я послѣ сего дерзнуть—какія хулы на сего монарха изречи? могу ли данное мнѣ имъ просвѣщеніе, яко нѣкоторый измѣнникъ похищенное оружіе, противу давшаго мнѣ во вредъ ему обратить? Однако прости мнѣ, великая душа! если не для охуленія твоего, но для защищенія твоего имени, осмѣлюся твои пороки изъяснить, дабы показать, коль ихъ добродѣтели превосходили; а самымъ тѣмъ поразить тѣ неблагодарныя сердца, которыя, забывъ твои благодѣянія, забывъ твои услуги къ отечеству, дерзаютъ многія хулы на тебя изблевывать. Колико ни есть мое почтеніе къ тебѣ, но не затмитъ оно во мнѣ справедливости, и я потщуся испросить отъ Кліи то златое перо, коимъ на наикрѣпчайшихъ мраморахъ, подъ надзираніемъ истины, она дѣла монарховъ изображаетъ. Утверждаюсь паче въ дерзкомъ моемъ предпріятіи; ибо душа твоя, бывъ одѣяна тлѣнною одеждою, часто жестокія истины отъ подданныхъ своихъ вкушала, то коль наипаче, когда сія между безплотными, изрѣченныя мною истины тебѣ не противны будутъ.

Глаголятъ противники сего великаго монарха: онъ былъ строгъ непомѣрно, любилъ казни и пролитіе крови и, не разбирая ни роду, ни чиновъ, уподлялъ себя біеніемъ окружающихъ его; онъ сына своего смерти предалъ; онъ въ любострастіе и въ роскошь ввергался; онъ самовластіе до крайности распростиралъ.

Се ваши хулы! Разсмотримъ же непристрастнымъ окомъ всѣ сіи пороки, о коихъ не могу отречись чтобъ много ли, иль мало ихъ въ немъ не было. Но разсмотримъ, сообразя съ обстоятельствами временъ, какъ въ разсужденіи тогдашнихъ умоначертанія россіянъ, въ разсужде-

ніи тогдашнихъ обстоятельствъ и нравовъ, такъ и въ разсужденіи намѣреній Петра Великаго; и, можетъ статься, мы увидимъ, что не всѣ сіи пороки въ немъ врожденные и вкорененные были, что ко многимъ являющимся нынѣ намъ порочнымъ поступкамъ былъ онъ побужденъ обстоятельствами, что нѣкоторые тогда и пороками не считались, что нѣкоторые отъ тогдашнихъ грубыхъ нравовъ и отъ воспитанія произошли, а наконецъ есть и такіе, коими сей великій государь платилъ дань человѣчеству. Пороки тѣмъ виднѣе въ немъ, что они, бывъ сопряжены съ великими добродѣтелями и дѣлами, яко на высотѣ поставленные, явнѣе становятся. Но какъ въ каждомъ порокъ есть порокъ, то и въ семъ благодѣтелѣ Россіи онъ свойства своего не перемѣняетъ, а токмо нѣсколько заглаживается великими его дѣлами.

Россія, не очень давно освободившаяся отъ раздоровъ и бунтовъ, сохраняла еще ту жестокость, которая отъ междоусобій рождается. Казни смертныя, пытки, убійства были обыкновенны въ Россіи. Петръ Великій при таковомъ умоначертаніи воспитанъ былъ и насилу началъ познавать самъ себя,—се новые бунты въ Россіи возгорѣлись. Самая жизнь юнаго государя къ опасности подвергнута была въ первый бунтъ стрѣлецкій, и младыя его очи, начинающія съ разсудкомъ вокругъ себя обозрѣвать, зрили ліющеюся кровь своихъ родственниковъ и вѣрныхъ слугъ Нарышкиныхъ, Матвѣева, Языкова и другихъ; остатокъ времени его младенчества въ таковыхъ же страхахъ и кровавыхъ позорищахъ было препровождено: то сіе и самому мягкосердному человѣку не вложитъ ли нѣкоторую суровость, и среди токовъ крови принужденный жити человѣкъ не пріучитъ ли себя безъ трепету на нихъ взирать? Увы! се есть судьба рода человѣческаго, что привычка многое надъ нимъ дѣйствіе имѣетъ. Въ Америкѣ безъ жалости жертвовали людей, въ Вавилонѣ и въ Дафнисѣ прелюбодѣяніе добродѣтелью почиталось; а въ Индіи и нынѣ суровство къ себѣ самому и отвратительное изнуреніе святостію считается. То не сумнительно есть, что таковыя обстоятельства вложили въ сердце младаго государя нѣкоторый духъ суровости, который, примѣшавшись къ твердому его желанію уставить правосудіе, къ горячему правосудію докончить имъ начатое полезное, иногда могъ изъ мѣры выходить.

Воззримъ на умоначертаніе и на состояніе Россіи. Вельможи и весь народъ погруженъ былъ въ суевѣріе и всѣ другіе народы толь погаными считалъ, что за грѣхъ почиталъ съ кѣмъ неединовѣрцомъ имѣть какое сообщеніе, не токмо, чтобы хотѣть что полезное для отечества отъ нихъ перенять. Бояре были горды, суевѣрны, не сообщительны; мѣстничество было хотя уничтожено, но въ сердцахъ ихъ пребывало въ своей силѣ, по коему непривязанные по древнему родству съ государями, или по знатности роду преимущество имѣли, но происшедшіе случаемъ не токмо сами надъ знатнѣйшими себя начальствовали, но предпочтеніе сіе и потомству своему прелагали купно съ наслѣдіемъ, превышать не токмо другіе роды, но и съ незнаніемъ дѣла государственныя исполнять. Лѣность, увалчивость, привязанность къ домамъ крѣпко вкоренились, а загрубѣлость и привязанность ко всѣмъ старымъ обычаямъ яко естественное положеніе въ нихъ учинилось. Не было порядочныхъ войскъ, но земскія собирались, худо вооруженныя, еще хуже устроенныя, да и тѣ никогда всѣ не собирались. Хотя и были

стрѣльцы, недавно заведенные: но сіи изъ земскихъ людей набранные и родами ведущіеся при началѣ своемъ имѣли всѣ пороки турецкихъ янычаръ, не имѣвъ ихъ храбрости. Такъ какъ и они были сварливы, безпокойны и неповиновенны начальникамъ своимъ, вступя въ торги и промыслы, такъ какъ и янычары не имѣли уже никакого попеченія о должности по званію своему: однимъ словомъ, неустроенныя сіи войска не были страшны непріятелямъ, но опасны были государямъ.

Не было въ Россіи наукъ и не токмо побужденія, но паче было отвращеніе что познать; ибо познаніе сіе надлежало почерпнуть отъ чужестранныхъ народовъ, а народъ нашъ ихъ и самихъ, ихъ языки и все, отъ нихъ происходящее, нечистымъ и богопротивнымъ почиталъ. Искусство и рукодѣлія не въ лучшемъ были состояніи; не было ни фабрикъ, ни ремеслъ, а что и было—и то находилось въ крайнемъ несовершенствѣ.

Не было ни внутренней, ни внѣшней торговли. Внутренней отъ того, что не было довольнаго истребленія вещей, ибо каждый отъ своихъ произведеній жилъ; и не было ремеслъ, ибо не знали и не могли хотѣть многихъ вещей, которыя Петромъ Великимъ введены и нужны учинились. А внѣшней отъ того, что никакихъ обстоятельствъ чужестранныхъ не знали и не было портовъ, окромѣ города Архангельскаго, которымъ, яко господа, равно какъ и торговлею, англичане владѣли.

Наконецъ доходы государственные толь были малы, что едва-ли восходили до милліона, да и прибавить ихъ, по малому обращенію денегъ и по недостатку торговли, не на кого было.

При такихъ обстоятельствахъ возможно ли было льстить себя, яко нѣкоторые нынѣ мудрствуютъ, чтобъ Россія, хотя не толь скоро, однако бы не весьма поздно и не претерпѣвъ ущерба, если бы Петръ Великій и не употребилъ самовластія, могла достигнуть не токмо до такого состоянія, въ какомъ нынѣ ее зримъ, но и въ вящшее добротою. Кто воззритъ на вышеписанное безпристрастное начертаніе, тотъ ясно увидитъ, чтобы надлежало многимъ вѣкамъ протечи прежде, нежели бы Россія могла отвергнуть свои предубѣжденія, получить надлежащее въ военныхъ дѣлахъ устройство, просвѣтиться науками и установить торговлю, да и то при такихъ обстоятельствахъ, если бы государи всегда тому способствовали, и сосѣди бы ея не воспрещали ея возвеличенію.

Сказавъ такимъ образомъ общія обстоятельства для вящшего испровержения большей части охуленій, возлагаемыхъ па Петра Великаго, и дабы показать, что самая истина перо мое направляетъ, забываю на сей часъ его ко мнѣ благодѣянія, которыя чрезъ просвѣщеніе, введенное имъ, я ощущаю, и вступаю къ подробному показанію его пороковъ. Дабы сохранить нѣкоимъ образомъ время-исчислительной порядокъ въ оныхъ, начну я съ бунта стрѣлецкаго. Когда по утишеніи онаго стрѣльцы уже были взяты подъ стражу, когда темницы наполнились сими преступниками, покушающимися на жизнь законнаго своего государя, тогда по сугубомъ прежнихъ ихъ бунтовъ прощеніи, младый, строгій въ суровствѣ и среди изліянія крови воспитанный самодержавный государь не употребилъ азіатскаго самовластія, чтобы безъ суда ихъ истребить, но опредѣлилъ вѣрныхъ бояръ изслѣдовать ихъ дѣла, а какъ всѣ они, кромѣ малаго числа, нашлись виновными, то и смерти безъ пощады

всѣхъ и осудилъ. Они были единые казнены на площади, и не токмо палачи, но и самъ государь и бояре многіе, государемъ бывъ принуждены, имъ головы рубили. Другіе были повѣшены на городскихъ зубцахъ, а нѣкоторые на зубцахъ стѣнъ Дѣвичья монастыря и въ самыхъ окошкахъ кельи, куда была заключена царевна Софія, сестра Петра Великаго, начальница всѣхъ сихъ возмущеній. Множество охулительныхъ жестокостей и многое похвалы достойное я въ семъ ужасномъ начертаніи обрѣтаю; но дабы не причли мнѣ въ мерзкую лесть, что въ оправданіе скажу, я потщуся, не закрывая все, что ужасное нахожу, изъяснить. Семь тысячъ человѣкъ вдругъ смерти предаются. Самъ монархъ обагряетъ недостойнымъ себя дѣяніемъ, священныя руки кровію подданныхъ своихъ, и среди палачей зрится *) знатнѣйшіе бояре, къ тому же принужденные, дрожащими руками тоже исполняютъ, огорчеваются, что толь мерзкую должность принуждены исполнять, а вкушающихъ смерть мученье усугубляется. Сестра хотя преступница, но есть сестра, дщерь царя Алексѣя Михайловича, не токмо строго заключена въ Дѣвичьемъ монастырѣ, но принуждена, можно сказать, жить среди мертвецовъ, ежечасно должна мучиться взираніемъ на нихъ, и обонять смрадъ, отъ тѣлъ ихъ происходящій.

Сіе, думаю, изображеніе не покажется никому лестнымъ. Но воззримъ, что въ казни сей стрѣлецкой было похвальное и простительное, и что отъ чего происходило. Сказалъ я, что могъ и единымъ своимъ приказаніемъ повелѣть безъ суда умертвить всѣхъ стрѣльцовъ; но и въ семъ случаѣ былъ произведенъ толь справедливый судъ, что хотя мало могущія оправдаться были отъ смертной казни освобождены; и не токмо освобождены, но нѣкоторые начальники ихъ, участвующіе въ семъ бунтѣ, когда начали изъявлять свою вѣрность государю, награжденія получили, яко то были два брата Толстыхъ, которые наконецъ загладили свое по младости преступленіе, и наконецъ подпорами отечеству и вѣрными подданными государя своего были. Взирая на состояніе стрѣльцовъ, на частые ихъ повторяемые бунты, не могъ младый государь никогда ожидать, чтобъ сіи люди могли спокойны остаться и чтобы ихъ бозпокойствами власть его не была поколеблема, а паче имѣя уже намѣреніе учинить во всѣхъ частяхъ въ государствѣ, а особливо въ военномъ расположеніи (чтобы ихъ чувствительнѣйше огорчило), великія перемѣны, не могъ надѣяться до сего достигнуть, пока хотя малое число сихъ безпокойныхъ людей въ живыхъ останется, чего ради и рѣшился на толь суровое дѣло. Признаюсь, что труднѣе оправдать дѣянія самого государя, бывшаго среди палачей, казнящаго своими руками своихъ подданныхъ, и знатныхъ бояръ къ тому принуждающаго. Но какую мы жестокость ни припишемъ сему монарху, разумъ у него отнять не можемъ; а если мы оставимъ ему сіе, то и не можемъ подумать, чтобы къ тому дѣянію онъ безъ политической какой причины приступилъ. Сокрыты отъ насъ и тогдашнимъ молчаніемъ, и временемъ сіи царскія тайны, но потщимся догадками до сего достигнуть.

---

*) Это показаніе Гваріента и Корба сомнительно; оно не подтверждается ни современными документами, ни другими достовѣрными писателями (См. Исторію царствованія Петра Великаго, соч. Устрялова, т. III, стр. 407).

Голицынъ, Толстые, Хованской были соучастники симъ бунтамъ, то не имѣлъ ли еще нѣкоего подозрѣнія государь и на другихъ бояръ, которыхъ симъ поступкомъ восхотѣлъ учинить собственно ихъ особами участниками сей казни, и руки ихъ обмочить въ крови сихъ преступниковъ, дабы остающимся невѣдомыхъ ихъ соучастниковъ живымъ на сихъ бояръ сумнѣніе подать. Не хотѣлъ ни по выбору къ сему жестокому дѣлу употребить, дабы тѣ явно не открыты были, что есть на нихъ сумѣніе; сего ради безъ разбору и другимъ тоже велѣлъ исполнять, а дабы самою жестокою сею должностію и никого не огорчить, самъ безчестное для себя отчасти дѣло пріялъ.

Все сіе оправданіе, я признаюся, что есть весьма слабо въ разсужденіи оказанной жестокости. Но отнесемъ притомъ сіе къ тѣмъ суровымъ временамъ, отнесемъ къ худому воспитанію, отнесемъ ко привычкѣ къ крови; и узримъ, что то, что теперь наижесточайшій тиранъ въ Европѣ постыдится учинить, то тогда въ Россіи могло простительно казаться, въ Россіи, гдѣ и должность палача не была безчестна и гдѣ и наказанный палачемъ могъ опять въ чины и въ должности выходить.

Не могу я никакимъ образомъ оправдать вышепоказанной поступокъ, учиненный имъ съ сестрою его царевною Софіею. Нельзя ее оправдать, чтобы она не была преступница противу высшей власти, чтобы она не была злодѣйка брату своему и государю, чтобы не она была причиною множества проліянной крови, какъ во время бунта, такъ и послѣ бунтовъ, въ наказаніе за оные. Но она была его сестра, ему однокровная, заключеніе ея отнимало у нея всѣ способы ухищренія свои къ возмущенію Россіи употреблять, но надлежало-ль жизнь ея тягостнѣе смерти сдѣлать? Надлежало-ль и видѣніемъ и обоняніемъ мертвыхъ тѣлъ, при засыпаніи, при возбужденіи и во все время ея пребыванія, ее тихимъ, но мучительнымъ образомъ терзать! Признаемся всѣмъ, что жестокъ былъ Петръ Великій, но возложимъ отчасти сію жестокость на время, въ которое онъ родился на обстоятельства и на образъ, коимъ онъ воспитанъ былъ. Говоря о оказанной жестокости имъ съ его сестрою, прилично здѣсь сказать о жестокости его съ его сыномъ. Сына, рожденнаго отъ крови своея, строгостями своими принудить къ бѣгству, возвратя повелѣть его судить, истязать его и, ежели то правда, яко послѣдняго подданнаго казнить. Се есть жестокость, имѣющая мало примѣровъ въ исторіи.

Но дабы судить о вещахъ съ тою справедливостію, каковую требуетъ исторія, каковую должны мы воздавать монархамъ, и монархамъ облагодѣтельствующимъ насъ, надлежитъ не по первому воззрѣнію суды свои располагать, но войти во всѣ обстоятельства дѣла. Царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ невеликаго разума, тайный противникъ всѣмъ изволеніямъ и учрежденіямъ своего родителя и привязанный твердо къ старымъ обычаямъ. Напротиву того, Петръ Великій, ощущая уже пользу своихъ установленій, видя, что уже успѣхи увѣнчиваютъ его труды, не словами, по дѣломъ любителей своего отечества и блаженства своего народа, для коего онъ толико разъ къ опасности подвергался, яко въ самомъ своемъ письмѣ къ сему сыну своему изъясняется,—зрилъ въ немъ наигоршаго непріятеля, каковаго онъ и отечество могутъ имѣть, зрилъ въ немъ разрушителя всѣхъ его учрежденій, подпертаго всѣми тѣми, которые еще любили древніе обычаи, а таковыхъ множество

было; долго старался онъ его къ мыслямъ своимъ обратить, вложить въ него чувствія, что подвиги его суть полезны, но не имѣя успѣху въ семъ, отрѣшилъ его отъ наслѣдія. Но самое сіе и показывало ему, что сей способъ нѣсть доволенъ для утвержденія его учрежденій и блага отечества, ибо имѣя и духовный чинъ, и множество бояръ единомышленниками себѣ, какое бы отреченіе могло послѣ смерти его воспретить на престолъ возвести? какая бы толь твердая могла его такъ удержать, чтобы врата его не разрушены были? а возведеніе его не токмо угрожало вверженіемъ Россіи въ прежнее ея непросвѣщеніе и слабость, но еще и междуусобною войною, рѣшился яко до крайности простирающій всѣ свои страсти, каковую онъ имѣлъ и къ отечеству своему непреоборимымъ образомъ, осужденіемъ его на смерть, а можетъ быть и казнію сію опасность прекратить. Страшный примѣръ, зримый токмо нами въ Іюніи Брутѣ, примѣръ, показующій жестокость обычая; но главности его не суть охулительны.

Сказалъ уже я выше о обвиненіи, что Петръ Великій, не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ приближающихъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно показаться, и многіе изъ насъ, конечно, восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ и плетей, хотя бы сіе наказаніе и священными руками и подъ очами Божія помазанника было учинено. Всякій вѣкъ имѣетъ свои нравы, а вѣкъ тотъ, который засталъ Петръ Великій и съ воспитанными въ коемъ людьми жилъ, былъ таковъ, что побои не инако, какъ по болѣзни, почитали, не считая ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы тѣ и кацкими*) руками были учинены. Колико находимъ мы въ разрядныхъ книгахъ, что иного высѣкши плетьми, отсылали къ тому головою, съ кѣмъ мѣстничался, или иного за какое неисполненіе приводили подъ висѣлицу и били чрезъ кацкія руки по щекамъ; именъ я ихъ не поминаю, дабы не сдѣлать огорченія потомкамъ ихъ, но всѣ, которые хотя малое знаніе имѣютъ въ россійскихъ древностяхъ, въ истинѣ сей согласятся. А однако сіи тогда наказанія не безчестили, и они по прежнему въ чины и должности употреблялись. То удивительно ли есть, что Петръ Великій, послѣдуя горячему своему обычаю, иногда съ таковаго воспитанія людьми, самъ воспитанію своему уступалъ? Они сами, претерпѣвшіе такія наказанія, свидѣтели мнѣ суть, ибо мнѣ еще удалось многихъ изъ нихъ знать: былъ ли хотя одинъ, который бы за сіи побои пожаловался на Петра Великаго, или бы устыдился объ оныхъ сказать, или бы имѣлъ какое озлобленіе на него? но всѣхъ паче видѣлъ исполненныхъ любовію къ нему и благодарностію; а сіе и доказуетъ, что сей поступокъ не въ порокъ особѣ Петра Великаго должно приписать, но въ порокъ умоначертанію тогдашняго времени. Не довольно сего; тѣ, которые толь въ укоризну Петру Великому сей поступокъ проглашаютъ, разсмотрѣли ли, кого онъ такимъ образомъ наказывалъ? Или тѣхъ, коихъ изъ праху возвелъ на великія степени, или младыхъ людей, часто исполненныхъ пороками, да и симъ обоимъ часто сіи наказанія замѣнялись вмѣсто жесточайшихъ наказаній, которыя бы они по закону заслуживали. Но вельможи сановитые, яко

---

*) Катъ—палачъ.

князь Яковъ Өедоровичъ Долгорукій, часто съ грубостію, ему противорѣчущій, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князь Михайло Михайловичъ и князь Дмитрій Михайловичъ Голицыны, многажды противящіеся его изволеніямъ, никогда такого наказанія не претерпѣли. И тако лучше удивитеся, охулители Петра Великаго, мужа нравомъ горячаго, воспитаннаго въ такомъ вѣкѣ, въ коемъ побои, учиненные вельможѣ, за безчестіе не считались, что онъ съ терпѣньемъ снесъ отъ князя Долгорукова разодраніе подписаннаго имъ протокола, что не наказалъ за не подписаніе Шереметевымъ суда царевича, и сказавшаго ему въ отвѣтъ: «служить своимъ государямъ, а не судить его кровь — моя есть должность»; не послушавшаго его при взятіи Шлюсельбурга князя Голицына, учинящаго отвѣтъ: «нѣсть въ твоей волѣ, но въ волѣ Божіей есть»; исправившаго мысли государевы князя Дмитрія Михайловича Голицына, принудившаго превосходныя доброты сочиненіемъ камеръ-колежскаго регламента уничтожить тотъ, что самъ Петръ Великій начерталъ. Яко человѣку, все сіе не могло ему прискорбія не нанести, но яко прой, уступая свою пользу пользѣ государства и видя искренность сердецъ изящныхъ сихъ своихъ услугъ, не токмо чѣмъ ихъ наказалъ, но паче милостями осыпалъ.

Крѣпость тѣлесная и горячая кровь чинила его любострастна. Колико сіе ни есть естественное побужденіе, колико ни есть монарховъ, которые оной не стыдятся; но я не могу ея не почесть порокомъ, отъ котораго желательно бы было, чтобы сей великій мужъ воздержался — тѣмъ наипаче, что ни обычаи, ни примѣръ его страны въ семъ его оправдать не могутъ; и можетъ быть, что онъ свершилъ расположеніе свое къ сей страсти путешествіями своими въ чужіе краи, примѣрами, которые онъ тамъ видѣлъ и слышалъ. Но со всѣмъ тѣмъ думаю, чтобъ любострастіе его не имѣло такой силы надъ нимъ, если бы въ первой своей супругѣ нашелъ себѣ сотоварища и достойную особу; но, не имѣя сего, неудивительно есть, что, возненавидя ее, самъ въ любострастіе ввергнулся. Но воззримъ и въ семъ случаѣ на его поступокъ, узримъ ли мы, чтобъ сія страсть, которая толь многими овладѣла, которая Геркулеса заставила прясть у Омфалы, которая Помпея и Антонія погубила, когда-нибудь отвлекла его отъ трудолюбія, должности, или правосудія. Онъ довольствовалъ свою плоть, но никогда душа его побѣждена не была. Карлъ XII толь боялся сей страсти, что даже видѣть женской полъ страшился; вмѣсто что Петръ Великій среди тѣлесныхъ удовольствій владычествовалъ надъ нею. На сіе, можетъ статься, могутъ мнѣ отвѣтствовать, что онъ Екатерину, изъ низкаго состоянія плѣнницу, учиняя сперва своею любимицею, возвелъ наконецъ быть своею супругою; и се есть знакъ, что по крайней мѣрѣ въ семъ случаѣ страсть его побѣдила. Остановитесь и размотрите; во-первыхъ, для сей Екатерины, яко любимицы, иль яко супруги, упустилъ ли что Петръ Великій, сдѣлалъ ли для нея какое неправосудіе? И думаю, что злодѣи его скажутъ: нѣтъ! Извѣстно каждому, что страсти въ насъ дѣйствуютъ сильнѣе тогда, когда хотѣнія наши неудовольствованы; сей причины Петру Великому не настояло, ибо онъ безпрепятственно ею владѣлъ, и Екатерина, кто ее зналъ, не толь была честолюбива, чтобы и могла хотѣть быть его супругою. Что-жъ его побудило къ такому великому ей награжденію? Первое, признаніе за всѣ ею понесенные съ нимъ тру-

ды и за благіе совѣты, которые она ему въ опасномъ случаѣ при Прутѣ подала, что и самъ онъ объявлялъ. Второе, мнѣ кажется, была и политическая причина. Петръ Великій отъ перваго брака имѣлъ единаго сына царевича Алексѣя, котораго уже усмотрѣлъ быть неудобна къ пріятію россійскаго престола и къ содержанію начатыхъ имъ дѣлъ; отъ сея-же Екатерины имѣлъ уже двухъ дочерей, видѣлъ уже себя начинающаго ослабѣвать, не зналъ, будетъ ли имѣть толь достойную и повиновенную супругу, какъ сія, а отъ сея зрилъ уже и потомство, то супружествомъ своимъ и признаніемъ законными рожденныхъ дѣтей хотѣлъ утвердить престолъ свой, а самымъ симъ и могущее междоусобіе случиться послѣ смерти его упредить. Если таковыя были намѣренія Петра Великаго, яко сіе есть весьма вѣроятно, то истинно и въ поступкѣ семъ ничего охулительнаго не нахожу. Ибо когда государь, его предки, на многихъ пезнатныхъ женивались, и не зная внутреннихъ ихъ расположеній, то чего ради Петру Великому не вступить было въ бракъ не токмо съ той, которой добродѣтели были ему извѣстны, къ которой имѣлъ причину благодарности, и чрезъ что могъ утвердить безопасность престола своего и спокойство Россіи?

Никто Петра Великаго въ неумѣренной склонности къ пьянству не обвиняетъ; но находятъ въ немъ достойно охуленія, какъ оно дѣйствительно и есть, что онъ иногда на пиршествахъ, снисходя въ равенство къ подданнымъ своимъ, самъ излишнее пивалъ и другихъ паивалъ. Первое показуетъ невоздержность, а другое охулительное самовластіе. Но не одиножды я предложилъ правило, что есть разныя времена и суть разные нравы и обычаи, взирая на которые и должно не только таковаго великаго мужа, но и приватнаго человѣка судить. А сіи самые нравы и были таковые не токмо въ Рссіи, но почти и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ сей государь для просвѣщенія своего народа путешествовалъ. Вездѣ во время веселій и пиршествъ лишнее пивали, чиня сіе, яко знакъ удовольствія. То можно ли, яко непростительное дѣло, охулить сіе въ семъ государѣ, когда подражалъ онъ въ томъ всей Европѣ тогдашнимъ обычаямъ, съ тою особенностію, что низлагалъ съ себя и пышность царскую, и снисходилъ къ подданнымъ своимъ, съ ними не яко ихъ монархъ, но яко равный веселился, подавая имъ способъ въ семъ случаѣ всѣ истины ему говорить и дружески съ нимъ обходиться. И конечно, если всякое упиваніе есть зло, но чинимое имъ снисхожденіе, можно сказать, нѣкоимъ образомъ сіе зло исправляетъ; а сверхъ того сіе не толь его занимало, чтобы хотя малую остановку въ дѣлахъ приключить могло, яко свидѣтельствуютъ то превыше, кажется, силъ человѣческихъ исполненныя имъ дѣла. Къ тому же, можетъ статься, что онъ въ семъ поступкѣ и сугубый имѣлъ предметъ; познавалъ въ пьянствѣ и враждующихъ между собою вельможей, а чрезъ самое сіе бралъ свои осторожности, чтобы не быть обмануту навѣтами единыхъ на другихъ, и небезъизвѣстно ему было, что много еще было такихъ, которые о старыхъ обычаяхъ сожалѣли, и многіе были ему недоброхоты, то симъ способомъ и мысли ихъ онъ тщился познавать, и остерегаться отъ поставляемыхъ ему мрежей. И се, можетъ статься, была причина, что не токмо знатнѣйшихъ бояръ нѣкоимъ родомъ самовластія упиваться принуждалъ, но иногда и женщинъ поилъ. Жестокое дѣло, но по обстоятельствамъ, можетъ быть, тогдашнимъ необходимо ему было.

Наконецъ, обвиненіе его въ неумѣренномъ самовластіи видъ истины имѣетъ. Онъ перемѣнилъ всѣ порядки; принудилъ одѣваться инако, нежель прежде былъ обычай; принудилъ выбрить бороды; наложилъ налоги, записалъ дворянъ въ службу не по срокамъ, но навсегда; взявъ дѣтей, послалъ учиться разнымъ наукамъ и мастерствамъ. Вотъ сильные знаки самовластія. Но да воззрятъ охуляющіе въ семъ Петра Великаго—тѣ, кои отъ самовластія сего получили и самое то довольное просвѣщеніе, чтобы самовластіе сіе охулять: возмогъ ли Петръ Великій достигнуть до намѣряемыхъ имъ поправленій безъ оказанія самовластія? Отмѣннымъ образцомъ сшитое платье хотя ничего не знаменуетъ, но оно отнимало различіе между россіянами и чужестранными, которые нужны ему были, а коихъ россійскій народъ ненавидѣлъ. Бритіе бородъ также чинило россіянъ сходственныхъ на другіе изученные европейскіе народы и отнимало у нихъ предубѣжденіе, якобы всѣ, неимѣющіе бородъ, поганы были; а къ тому же и истребляло родъ ереси антропомофритовъ, которая по незнанію вкоренена была. Не могъ онъ ввести въ порядокъ, не сдѣлавъ нѣкоторыя знатныя перемѣненія во всемъ правительствѣ. Не могъ онъ распространить торговли безъ пріобрѣтенія портовъ, а пріобрѣтеніе портовъ не могъ получить безъ войны, а потому порядочныя войска для защищенія государства и для пріобрѣтенія странъ необходимо нужны были, а порядочныя войска не могли завестися, если останется земская служба по малымъ срокамъ располагаемая, если бы дворяне не вступали съ нижнихъ чиновъ на службу, и тѣмъ чрезъ собственное свое испытаніе не пріобрѣтали въ ней нужное искусство, не имѣли бы порядочнаго на заслуги или по старшинству произвожденія, и не обязаны бы были служить всегда, а не посрочно. Произведеніе войны и сооруженіе флота требуютъ денегъ, ихъ весьма было мало: коммерція почти ничего не приносила, и не взирая на всю умѣренность въ собственномъ житьѣ сего государя, онъ почти всегда въ нихъ нужду ощущалъ; то умноженіе денежныхъ налоговъ совершенно нужно было, разумѣя чрезъ сіе сей великій государь, что хотя обстоятельства государства требовали сей тягости народа, тогда почти несносной для него, но предвидя, что размноженіе торговли, заведеніе мануфактуръ и ремеслъ и умноженіе обращенія денегъ наконецъ сіи налоги нетягостны учинятъ, что въ самомъ дѣлѣ и исполнилось. Надлежало ввести просвѣщеніе въ Россію, то чѣмъ лучше можно было ввести его, какъ посылкою благородныхъ юношей для наученія не токмо наукамъ, военному искусству, но и самымъ ремесламъ, показуя, что нѣсть ничего подлаго, что къ пользѣ отечества можетъ послужить; и простершій самъ монархъ къ скипетру рожденныя въ работу руки, не могъ ли требовать, чтобъ подданные его ему подражали? Все сіе онъ учинилъ самовластнымъ образомъ, не спрашивая совѣта ни отъ кого; да отъ кого ему было его и спрашивать? Предложить ли учинить перемѣны въ правленіи убѣжденнымъ людямъ въ его пользѣ и пользующимся непорядками онаго, а не чувствующимъ пользъ, которыя могутъ произойти? предложить ли ему сообщеніе съ чужестранными народами тѣмъ, которые за грѣхъ сіе считали? предложить ли наложеніе податей тѣмъ, которые тѣмъ лишались многихъ своихъ правъ, подвергались во многіе труды и лишались подданныхъ своихъ, которыхъ должны были въ рекруты отдавать? предложить ли посылку юношей въ чужіе краи, когда отцы и матери не токмо сему

противны были неумѣренною привязанностію къ дѣтямъ своимъ, и по самому суевѣрію, думая, якобы осквернятся пребываніемъ не съ единовѣрными, тому противны были. И тако не съ кѣмъ было Петру Великому совѣтовать, то имѣлъ онъ право, по великимъ своимъ расположеніямъ и по мудрому предвидѣнію, самовластно то повелѣвать.

Но воззримъ на Петра Великаго въ другихъ дѣлахъ, гдѣ не настояла такая нужда. Учинилъ ли онъ въ рѣшеніи дѣлъ, которыя самъ рѣшилъ, по какому пристрастію кому несправедливость? Не равно ли послѣдняго подданнаго съ наилюбимыми своими вельможами судилъ? Не вкушалъ ли онъ при рѣшеніи дѣлъ грубыя ему учиненныя противорѣчія, и не соглашался ли всегда на истину, не гнѣваяся за грубость? Когда учинилъ ощутительны полезныя свои установленія, не далъ ли сенату указу: не принимать самыхъ его повелѣній, когда противны государственной пользѣ онѣ будутъ, или противорѣчительны другимъ законамъ. Не совѣтовалъ ли онъ всегда со своимъ сенатомъ, и не побуждалъ ли ему самую истину говорить? Понеже никто всѣхъ сихъ справедливостей откинуть не можетъ, и потому и ясно есть, что нужда его заставляла быть деспотомъ, но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе и, можно сказать, вліянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ государя съ подданными.

Се слабое мое перо кратко начертало пороки и добродѣтели сего благодѣтеля Россіи; направляемо бывъ истиною по силѣ своей изобразило его пороки и проступки съ показаніемъ, колико онъ къ онымъ обстоятельствами, умоначертаніемъ, обычаями того времени и воспитаніемъ былъ побужденъ.

CIV. Оцѣнка реформъ Петра Великаго.

(Изъ „Записки о древней и новой Россіи", Карамзина).

Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексѣя, Өеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ правахъ, отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ: но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія: мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи напоминали Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ; но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и

мощною рукою схватилъ кормило государства. Онъ сквозь бури и волны устремился къ своей цѣли, достигъ,—и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и *совершенное* присвоеніе обычаевъ Европейскихъ... Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному государю и личнымъ его достоинствамъ, и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую. Исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни; завелъ мануфактуры, училища, Академію, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для самодержцевъ: дарованіе употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди, и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ Сенатѣ, въ Кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя предъ глазами свою Исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и, что не менѣе важно, учредили въ ней твердое правленіе единовластное? Петръ нашелъ средство дѣлать великое, князья Московскіе приготовляли оное, и, славя славное въ семъ монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія?

Умолчимъ о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть нечто иное, какъ привязанность къ нашему особенному, нечто иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искусства, науки не имѣютъ иной цѣны. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконое и для монарха самодержавнаго. Народъ, въ первоначальномъ завѣтѣ съ вѣнценосцами, сказалъ имъ: «Блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго», но не сказалъ: «противоборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ до-

машней жизни». Въ семъ отношеніи государь, по справедливости, можетъ дѣйствовать только примѣромъ, а не указомъ.

Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе дворянствомъ. Дотолѣ, отъ сохи до престола, Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ. Со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и Русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ Нѣмцевъ въ Русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго, народнаго единодушія государственныхъ состояній.

Въ теченіи вѣковъ народъ обыкъ чтить бояръ, какъ мужей, ознаменованныхъ величіемъ, поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они съ своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностію, при звукѣ бубновъ, являлись на стогнахъ, шествуя въ храмъ Божій, или на совѣтъ къ Государю. Петръ уничтожилъ достоинство бояръ,—ему надобны были министры, канцлеры, президенты! Вмѣсто древней славной Думы явился Сенатъ, вмѣсто Приказовъ—Коллегіи, вмѣсто дьяковъ—секретари и проч. Та же безсмысленная для Россіянъ перемѣна въ воинскомъ чиноначаліи: генералы, капитаны, лейтенанты изгнали изъ нашей рати воеводъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и проч. Честію и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе.

Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія царской дѣятельносли. Вельможи стали жить открытымъ домомъ; ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; Россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мужчинъ, и Европейская вольность заступила мѣсто азіатскаго принужденія. Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людкости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя: имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія.

Не говорю и не думаю, чтобы древніе Россіяне подъ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ были вообще лучше насъ; не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ мы превосходили, т. е. иногда стыдились, чего они не стыдились и что дѣйствительно порочно,—однакожъ должно согласиться, что мы, съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія. Имя Русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, и *святая Русь*—первое государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благопріятствовало любви отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ *невѣрными*, теперь называемъ *братьями*. Спрашиваю: кому бы легче было покорить Россію, *невѣрнымъ* или *братьямъ*, т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ, вельможа Россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣки

оставить его, чтобы въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи,—виною Петръ!

Онъ великъ безъ сомнѣнія, но еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей. Къ несчастію, сей государь, худо воспитанный, окруженный молодыми людьми, узналъ и полюбилъ Женевца Лефорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву, и весьма естественно, находя Русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все европейское возвышалъ до небесъ. Вольныя общества Нѣмецкой Слободы, пріятныя для необузданной молодости, довершили Лефортово дѣло, и пылкій монархъ, съ разгоряченнымъ воображеніемъ, увидѣвъ Европу, захотѣлъ Россію сдѣлать Голландіею.

Еще народныя склонности, привычки, мысли имѣли столь великую силу, что Петръ, любя въ воображеніи нѣкоторую свободу ума человѣческаго, долженствовалъ прибѣгнуть ко всѣмъ ужасамъ самовластія для обузданія своихъ, впрочемъ столь вѣрныхъ, подданныхъ. Тайная канцелярія день и ночь работала въ Преображенскомъ; пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразованія государственнаго. Многіе гибли за одну честь Русскихъ кафтановъ и бороды, ибо не хотѣли оставить ихъ и дерзали порицать монарха. Симъ бѣднымъ людямъ казалось, что онъ, вмѣстѣ съ древними привычками, отнимаетъ у нихъ самое отечество. Въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти самодержавной. Ничто не казалось ему страшнымъ. Церковь Россійская искони имѣла главу, сперва въ митрополитѣ, наконецъ въ патріархѣ. Петръ объявилъ себя главою церкви, уничтоживъ патріаршество, какъ опасное для самодержавія неограниченнаго. Но замѣтимъ, что наше духовенство никогда не противоборствовало мірской власти, ни княжеской, ни царской, служило ей полезнымъ орудіемъ въ дѣлахъ государственныхъ и совѣстью въ ея случайныхъ уклоненіяхъ отъ добродѣтели. Первосвятители имѣли у насъ одно право: вѣщать истину государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать—право, благословенное не только для народа, но и для монарха, коего счастіе состоитъ въ справедливости. Со времянъ Петровыхъ упало духовенство въ Россіи. Первосвятители наши уже только были угодниками царей и на каѳедрахъ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя. Для похвалъ мы имѣемъ стихотворцевъ и придворныхъ; главная обязанность духовенства есть учить народъ добродѣтели, а чтобы сіи наставленія были тѣмъ дѣйствительнѣе, надобно уважать оное. Если государь предсѣдательствуетъ тамъ, гдѣ засѣдаютъ главные сановники церкви, если онъ судитъ ихъ или награждаетъ мірскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мірской власти и теряетъ свой характеръ священный; усердіе къ ней слабѣетъ, а съ нимъ и вѣра; а съ ослабленіемъ вѣры, государь лишается способовъ владѣть сердцами народа въ случаяхъ чрезвычайныхъ, гдѣ нужно все забыть, все оставить для отечества и гдѣ пастырь душъ можетъ обѣщать въ награду одинъ вѣнецъ мученическій. Власть духовная должна имѣть особенный кругъ дѣйствія, внѣ гражданской власти, но дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ

съ нею: говорю о законѣ, о правѣ. Умный монархъ въ дѣлахъ государственной пользы всегда найдетъ способъ согласить волю митрополита или патріарха съ волею верховною; но лучше, если сіе согласіе имѣетъ видъ свободы и внутренняго убѣжденія, а не всеподданической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти отъ гражданской предполагаетъ мнѣніе, что первая безполезна или, по крайней мѣрѣ, не есть необходима для государственной твердости; примѣръ древней Россіи и нынѣшней Испаніи доказываетъ совсѣмъ иное.

Утаимъ ли отъ себя еще одну блестящую ошибку Великаго Петра? Разумѣю основаніе новой столицы на сѣверномъ краѣ государства, среди зыбей болотныхъ, въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ. Еще не имѣвъ ни Риги, ни Ревеля, онъ могъ заложить на берегахъ Невы купеческій городъ для ввоза и вывоза товаровъ; но мысль утвердить тамъ пребываніе нашихъ государей была, есть и *будетъ вредною*. Сколько людей погибло, сколько милліоновъ и трудовъ употреблено для приведенія въ дѣйствіе сего намѣренія. Можно сказать, что Петербургъ основанъ *на слезахъ и трупахъ*. Иноземный путешественникъ, въѣзжая въ государство, ищетъ столицы обыкновенно среди мѣстъ плодоноснѣйшихъ, благопріятнѣйшихъ для жизни и здравія. Въ Россіи онъ видитъ прекрасныя равнины, обогащенныя всѣми дарами природы, осѣненные липовыми, дубовыми рощами, пересѣкаемыя рѣками судоходными, коихъ берега живописны для зрѣнія и гдѣ, въ климатѣ умѣренномъ, благорастворенный воздухъ способствуетъ долголѣтію; видитъ и, съ сожалѣніемъ оставляя сіи пріятныя страны за собою, въѣзжаетъ въ пески, въ болота, въ песчаные лѣса сосновые, гдѣ царствуетъ бѣдность, уныніе, болѣзнь. Тамъ обитаютъ государи Россійскіе, съ величайшимъ усиліемъ домогаясь, чтобы ихъ царедворцы и стража *не умирали голодомъ* и чтобы *ежегодная убыль въ жителяхъ* наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человѣкъ не одолѣетъ натуры.

Но великій мужъ самыми ошибками доказываетъ свое величіе; ихъ трудно или невозможно изгладить; какъ хорошее, такъ и худое дѣлаетъ онъ навѣки; сильною рукою дано движеніе Россіи; мы ужъ не возвратимся къ старинѣ!

CV. Значеніе эпохи преобразованій Петра Великаго.

(Изъ статьи Кавелина: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“. Полное собраніе сочиненій Кавелина. Т. I).

Древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ. Она развила всѣ начала, которыя въ ней скрывались, всѣ типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію сперва черезъ общинный бытъ, потомъ черезъ родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену исторіи типы племеноначальника, начальника рода и вотчинника, и осуществляла ихъ въ большихъ размѣрахъ. Послѣднимъ ея усиліемъ, вѣнцомъ ея существованія были первыя зачатки государства и начало личности. Въ нихъ она превзошла себя, какъ бы вышла изъ своихъ предѣловъ, хотя и государство, и личность

долго созрѣвали и готовились къ дѣйствованію подъ формами, ею созданными и развитыми. Она сдѣлала все, что могла, и, окончивши свое призваніе, прекратилась. Ее порицать, пренебрегать ею, или сожалѣть объ ней, думать о ея возвращеніи, доискиваться въ ней, чего она не дала и не могла дать—равно ошибочно. И то и другое обнаруживаетъ взглядъ неисторическій, слѣдовательно—непремѣнно ложный. Лучшій критикъ, судья исторіи — сама исторія. Она высчитываетъ напередъ всѣ возможности, взвѣшиваетъ всѣ доводы и за и противъ съ неподражаемою подробностію и при томъ рѣшитъ—безъ апелляціи. Намъ остается только вглядѣться въ этотъ судъ, въ эту критику, понять ее. Иначе мы непремѣнно впадемъ въ односторонность.

Начало личности узаконилось въ нашей жизни. Теперь пришла его очередь дѣйствовать и развиваться. Но какъ? Лице было приготовлено древней русской исторіей, но только какъ форма, лишенная содержанія. Послѣдняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все назначеніе, конечная задача только въ томъ и состояла, чтобъ выработать начало личности, высвободить ее изъ-подъ ига природы и кровнаго быта. Сдѣлавшись независимой не черезъ себя, а какъ бы извнѣ, вслѣдствіе исторической неизбѣжности, личность сначала еще не сознавала значенія, которое она получила, а потому оставалась бездѣятельною, въ ладу съ окружающею и ей несоотвѣтствовавшею средою. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная личность должна была пробудиться къ дѣйствованію, почувствовать свои силы и себя поставить безусловнымъ мѣриломъ всего.

Впрочемъ, вдругъ она не могла сдѣлаться самостоятельною, начать дѣйствовать во имя самой себя. Она была совершенно неразвита, не имѣла никакого содержанія. Итакъ, оно должно было быть принято извнѣ; лице должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ.

Такое вліяніе было для него необходимо и благодѣтельно. Оно освободило его отъ всего непосредственнаго, даннаго, развязало ему руки, возбудило къ нравственному развитію и приготовляло къ совершенной, безусловной самостоятельности.

Вотъ характеръ и значеніе эпохи внутреннихъ преобразованій, которая наступила въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и окончилась недавно. Въ сферѣ политической и государственной личность ранѣе стала независимою; поэтому она впервые въ ней начала дѣйствовать неограниченно и подъ европейскимъ вліяніемъ. Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національныхъ опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи.

Какъ всякое историческое явленіе, эпоха преобразованій имѣетъ множество различныхъ сторонъ и потому можетъ быть разсматриваема съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Многіе обвиняютъ ее въ томъ, что она пришла слишкомъ внезапно, дѣйствовала круто, насильственно разорвала русскую исторію на двѣ половины, совершенно между собою несхожія, ничѣмъ не связанныя, и насъ сдѣлала безхарактерными, жалкими междоумками или недоумка-

ми; наконецъ, что она лишила Россію національности, подчинила ее исключительному господству европейскихъ элементовъ и апостазію отъ національнаго возвела на степень добродѣтели.

Эти обвиненія, окончательно формулированныя въ послѣднее время, вызваны состояніемъ, въ которое мы пришли, когда эпоха реформъ оканчивалась. Къ нему они и относятся, а не къ ней. Какъ историческое явленіе, они важны, характеризуя состояніе одной части общества послѣ реформы; какъ взглядъ на цѣлый отдѣлъ исторіи, они не имѣютъ никакой цѣны по своему совершенно субъективному смыслу.

Во-первыхъ, эпоха реформъ наступила у насъ не внезапно; она приготовлена всѣмъ предъидущимъ бытомъ. Кто несогласенъ съ нашимъ взглядомъ на русскую исторію, тому мы укажемъ на появленіе иностранныхъ обычаевъ еще до Петра; на умноженіе иностранцевъ въ московской Россіи; на всякаго рода отступничества отъ прежнихъ нравовъ; наконецъ, на упадокъ государственнаго устройства и управленія передъ реформой. Разложеніе быта выражалось въ страшныхъ, неслыханныхъ злоупотребленіяхъ. Въ доказательство ссылаемся не на общественное мнѣніе и литературу, которыхъ тогда въ Россіи не было, а на современные акты и законы.

Что реформа дѣйствовала круто, насильственно — это правда. Но чтобъ вывесть изъ этого какое-никудь заключеніе въ пользу или противъ нея, должно сперва рѣшить: что была современная ей Россія, и можно ли было дѣйствовать иначе?

Въ началѣ XVIII вѣка мы только-что начинали жить умственно и нравственно. Мы были несчастныя дѣти, окруженные самыми невыгодными условіями. Къ бѣдной внѣшней природѣ присоединились глубокое невѣжество, полу-восточныя привычки, которыя держали насъ въ черномъ тѣлѣ, въ самыхъ зачаткахъ убивали всякое нравственное развитіе, всякую общественность, всякую свободу и движеніе. Тогда—страшная недавняя старина! — дѣлались вещи, непостижимыя, невообразимыя теперь. Чудовищны были время и общественность, которыя могли пересоздать благородную натуру Іоанна IV и наперекоръ ей воспитать ее въ нравственнаго урода, изверга, незнавшаго границъ произволу. Только такая грубая, дикая, жалкая среда, въ которой не было и тѣни общественнаго мнѣнія, никакихъ общихъ, ни нравственныхъ, ни даже физическихъ интересовъ, сдѣлала возможнымъ преобразованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, со всѣми его крутыми мѣрами и и насиліями. Оправданіе эпохи реформъ—въ ея цѣляхъ: средства дала, навязала ей сама старая Русь. Петръ дѣйствовалъ какъ воспитатель, врачъ, хирургъ, которыхъ не обвиняютъ за крутыя и насильственныя мѣры. Нельзя было иначе дѣйствовать; невозможное теперь было тогда, по несчастію, необходимо, неизбѣжно.

Сверхъ того, не забудемъ, что реформа особенно сосредоточилась въ государственной сферѣ, въ управленіи; прочихъ сторонъ жизни она коснулась какъ-будто мимоходомъ, и то большею частью тамъ, гдѣ они соприкасались съ государствомъ. А мы знаемъ, каково было положеніе государства передъ реформой и при Петрѣ: со всѣхъ сторонъ враги, а войска, денегъ, средствъ имъ противостоять не было. Въ управленіи—безпорядокъ и отсутствіе централизаціи. Тутъ некогда было выжидать, дѣйствовать исподволь. Нужды были слишкомъ настоятель-

ны, чтобъ можно было вести реформу медленно, спокойно, разсчитывая на много лѣтъ впередъ.

Потомъ говорятъ, что эпоха преобразованій отдѣлила старую Русь отъ новой непроходимой бездной, ничѣмъ ненаполненной, изъ насъ сдѣлала ни то, ни се, что-то среднее между древней Россіей и Европой—амфибій человѣческаго рода. Но это не такъ. Внутренняя связь между древней и новой Россіей, какъ мы видѣли, есть. Есть и внѣшняя, въ событіяхъ. Петръ Великій ничего не зналъ о различіи древней и новой Россіи. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ; такое же убѣжденіе имѣли и его сподвижники. Татищевъ безпрестанно сравниваетъ указы Петра съ Уложеніемъ и законами Іоанна, и не такъ, какъ мы теперь сравниваемъ Русскую Правду съ варварскими законами германцевъ, а какъ постановленія, дополнявшія другъ друга въ практикѣ, относившіяся къ одной и той же жизни, разрѣшавшія одни и тѣ же вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія и законы Петра Великаго—лучшее доказательство, какъ въ его время обѣ Россіи, потомъ различенныя, были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Мы скажемъ больше: ни одинъ живой вопросъ, возникшій въ древней Руси, не оставленъ Петромъ Великимъ безъ разрѣшенія. Какъ онъ ихъ рѣшилъ—объ этомъ мы не будемъ теперь разсуждать: рѣшилъ онъ всѣ. Мнѣніе, будто Петръ не зналъ Россіи, не имѣетъ никакого основанія. Онъ зналъ ее отлично, въ мелочахъ, въ подробностяхъ; но онъ пренебрегалъ голословной казуистикой древней Россіи, которая гонялась за частностями и не развила ни одного юридическаго начала.

Непроходимая бездна между старымъ и новымъ создана послѣ воображеніемъ, совершенно отвлеченнымъ пониманіемъ исторіи. Новый міръ еще менѣе походитъ на древній, чѣмъ новая Русь на старую. Тамъ дѣйствуютъ и новые народы; однако мы знаемъ, что и древній міръ преобразовался мало-по-малу. Наполеонъ создалъ новый порядокъ вещей во Франціи, нисколько не похожій на тотъ, который имъ смѣнился; однако мы не говоримъ, что Франція до Наполеона и послѣ Наполеона—двѣ совсѣмъ разныя, ничѣмъ не связанныя между собою Франціи. Вглядываясь въ событія, мы видимъ, что прежнее естественнымъ порядкомъ выродилось въ новое, какъ они ни различны между собою. Такъ и у насъ было.

Междоумками мы точно стали, но не во время реформы и не вслѣдствіе реформы. Вспомните людей временъ Елизаветы, Екатерины: ихъ, право, нельзя упрекнуть въ безхарактерности, въ неопредѣленности. Всѣ они носятъ на себѣ такой рѣзкій типъ, что ихъ почти съ перваго взгляда можно узнать. Еслибъ эпоха реформъ сбила ихъ съ толку, они не могли-бъ быть такими. Да и смотрѣли на преобразованія предки наши XVIII вѣка совсѣмъ другими глазами, нежели мы теперь. Они понимали реформу совершенно практически, брали съ бытовой, живой стороны. Имъ и въ голову не приходила мысль, что она можетъ лишить насъ народности, оторвать отъ прошедшаго. Себя они считали Русскими, такими же, какими были ихъ предки XVII вѣка, и въ самомъ дѣлѣ, они были Русскіе, для которыхъ настало время здраваго смысла, не стѣсненнаго историческими преданіями. Недоумками мы сдѣлались уже послѣ, когда эпоха преобразованій начала приходить къ концу, стало слагаться общество и родилось безсознательное требованіе самостоятель-

ности мысли и дѣйствій. Тогда къ прошедшему, настоящему и будущему мы приступили съ вопросами. То, что прежде само собой разумѣлось, теперь представилось задачей, требующей еще разрѣшенія. Все стало предметомъ критики, сужденій, и пока результаты этой критики не обнаружились, не выработался какой-нибудь взглядъ, сомнѣніе и нерѣшительность поразили умъ и дѣятельность. Но это было явленіе новое въ Россіи, не слѣдствіе реформы, а необходимая прелюдія къ другому порядку вещей, который тогда зарождался.

Самое важное, капитальное обвиненіе эпохи преобразованій состоитъ въ томъ, что она, будто бы, лишила насъ народности и безусловно подчинила европейскому вліянію. Тутъ явное недоразумѣніе, частью отъ слова народность, частью отъ отвлеченнаго взгляда на русскую исторію.

Національность, народность въ разныя эпохи развитія имѣютъ у одного и того же народа разныя значенія. Сначала, когда народъ пребываетъ въ непосредственномъ, природномъ состояніи, народность въ его глазахъ неразрывно связана съ внѣшними формами его существованія; иначе и быть не можетъ, ибо другого существованія онъ не знаетъ и представить себѣ не въ силахъ. Для него перемѣна формъ есть и утрата народности; онъ не узнаетъ себя подъ другою внѣшностію. Иванъ Берсень говорилъ еще въ XVI вѣкѣ, что народу, у котораго измѣняется обычай, не долго стоять, и, по понятіямъ тогдашней Руси, онъ былъ правъ. Но когда народъ начинаетъ жить болѣе духовною жизнью, и слово—народность одухотворяется въ его устахъ. Онъ перестаетъ разумѣть подъ нимъ однѣ внѣшнія формы, но выражаетъ имъ особеннность народной физіономіи;—это нѣчто неуловимое, непередаваемое, на что нельзя указать пальцемъ, чего нельзя ощущать руками, чисто духовное, чѣмъ одинъ народъ отличается отъ другого, не смотря на видимое сходство и безразличіе. Словомъ, національность становится выраженіемъ особенности нравственнаго, а не внѣшняго, физическаго существованія народа. Съ большимъ сближеніемъ различныхъ народовъ она болѣе и болѣе одухотворяется, отрѣшается отъ внѣшняго, случайнаго, въ сущности безразличнаго: исчезнуть она не можетъ, пока не исчезнетъ самъ народъ.

Въ первомъ смыслѣ наша народность сильно тронулась; въ высшихъ классахъ общества она почти совсѣмъ исчезла. Но замѣтимъ: не съ реформы XVIII вѣка, а раньше, гораздо раньше, еще съ начала Московскаго государства. Оно внесло въ нашу народную жизнь первые зачатки нравственнаго существованія, развившіеся потомъ; оно впервое посягнуло и на нашу народность, въ тѣсномъ, непосредственномъ значеніи слова. Москва—первоначальница нашего ненаціональнаго развитія. Многимъ это покажется теперь страннымъ, но оно дѣйствительно такъ было.

Во второмъ смыслѣ мы никогда не теряли своей народности; нельзя указать ни на одну минуту въ нашей исторической жизни, начиная съ какого угодно времени, въ которую бы мы перестали быть Русскими и Славянами, потому что это совершенно, математически невозможно: *мы* всегда будемъ *мы*, и никогда *они*, кто-нибудь другой; иначе мы тотчасъ же исчезнемъ съ лица земли, перестанемъ существовать, какъ особенный народъ.

Мысль, что черезъ реформу мы потеряли или почти потеряли народность, есть не слѣдствіе изученія древней и новой исторіи Россіи,

а одинъ изъ тѣхъ безсвязныхъ воплей, которые вырвались изъ нашей груди, когда, вмѣстѣ съ реформой, одна фаза нашего развитія кончилась, а другая не наступила. Тогда мы почувствовали какую-то усталость, нравственное разслабленіе, изъ которыхъ, казалось, не было выхода. Допрашивая себя, откуда бы могла взяться эта преждевременная дряхлость, и думая, что за ней смерть, многіе обратились къ ближайшему прошедшему, придали ему страшный характеръ, освѣтили его траурнымъ свѣтомъ, обставили погребальными факелами. Имъ представилась, безспорно, одна изъ величайшихъ эпохъ нашей исторіи, время ея возрожденія, картиной упадка и разрушенія. Но эти краски ей чужды. Олицетвореніе древней и новой Россіи родило такое отвлеченное воззрѣніе. Многіе подумали, что за европейскимъ вліяніемъ Россіи XVIII и начала XIX вѣка ничего не было; что Европа со всѣми особенностями перешла къ намъ и водворилась у насъ на мѣсто прежняго. Еслибъ такъ было, Россія была бы теперь такъ-же похожа на остальныя европейскія государства, какъ Англія на Францію, Франція на Германію. А этого сходства совсѣмъ нѣтъ. Отчего же? оттого, что не Европа къ намъ перешла, а мы оевропеились, оставаясь Русскими по прежнему; ибо когда человѣкъ или народъ что-нибудь беретъ, заимствуетъ у другого, онъ не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Посмотрите на факты: Петръ и его преемники не имѣли никакого понятія о позднѣйшемъ противоположеніи Россіи и Европы. Они и не думали ввести у насъ иностранное вмѣсто русскаго. Они видѣли недостатки въ современной имъ Россіи, хотѣли ихъ исправить, улучшить ея бытъ, и съ этою цѣлью часто прибѣгали къ европейскимъ формамъ, почти никогда не вводя ихъ у насъ безъ существенныхъ измѣненій; что изъ нашего исключительно національнаго казалось имъ хорошо, удовлетворительно, то они оставляли. Такъ дѣйствовали и частныя лица: все, что имъ казалось хорошимъ, было хорошо, откуда бы ни пришло. Упрекъ Петру, что онъ будто бы предпочиталъ иностранцевъ Русскимъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; гдѣ могъ, онъ всегда замѣщалъ первыхъ послѣдними. Извѣстно, что иностранцы не всегда были имъ довольны. Наконецъ, въ гражданскихъ и военныхъ штатахъ, составленныхъ при Петрѣ, на одного иностранца вездѣ положено по два Русскихъ. Еслибъ онъ предпочиталъ первыхъ, онъ бы такъ не поступалъ. Просто, они были ему нужны, ибо знали то, чего не знали тогда Русскіе и что было необходимо для Россіи.

Вообще никогда не должно забывать, что эпоха преобразованій, какъ все живущее, имѣла внутреннее единство, цѣлость. Практическія пользы, улучшенія поглощали всю дѣятельность; объ именахъ и названіяхъ мало думали. Русское и иностранное—все сливалось въ одно, чтобъ вести Россію впередъ. Но когда эта эпоха стала клониться къ концу, а новые пути для такого цѣлостнаго, живого дѣйствованія еще не были найдены, мы почувствовали въ себѣ пустоту, скуку; дѣятельность смѣнило бездѣйствіе, необходимое, потому что прежніе источники дѣйствованія изсякали. Живой духъ эпохи исчезъ. Отъ нея оставался трупъ, который сталъ разлагаться на свои составныя стихіи, уже ничѣмъ не соединенныя. Тогда, тогда-то появилось у насъ противоположеніе русскаго европейскому, желаніе думать, дѣйствовать и чувствовать національно, народно, или во что бы то ни стало, по-европейски. Требова-

ніе самостоятельности и требованіе лучшаго, которыя нашли представителей въ этихъ двухъ крайностяхъ, прежде слитыя во едино, теперь распались и стали враждебны. Серединой между ними было уже безсмысліе и апатія. Такимъ образомъ, настоящій смыслъ эпохи реформъ былъ потерянъ и забытъ. Ее начали безусловно порицать или безусловно хвалить, но съ важными недоразумѣніями и натяжками съ обоихъ сторонъ, потому что ее подводили подъ извѣстныя, одностороннія точки зрѣнія, которымъ она никакъ не поддавалась. Въ наше время этотъ дуализмъ, признакъ едва зарождавшейся въ насъ умственной и нравственной жизни, начинаетъ исчезать и становится прошедшимъ. Его смѣняетъ мысль о *человѣкѣ* и его требованіяхъ. Что эпоха преобразованій сдѣлала въ практической жизни, то теперь происходитъ у насъ въ области мысли и науки. Непереступаемыя границы между прошедшимъ и настоящимъ, русскимъ и иностраннымъ, разрушаются; открывается широкое воззрѣніе, не стѣсняемое никакими предразсудками, прирожденными или выдуманными ненавистями. Можетъ быть, мы оттого и начинаемъ питать такія глубокія симпатіи къ Петру Великому. На другомъ поприщѣ онъ велъ насъ по той же дорогѣ.

Итакъ, внутренняя исторія Россіи—не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ несвязанныхъ фактовъ. Она, напротивъ, стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы. Исчерпавши всѣ свои исключительно національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ были и прежде—русскими Славянами. У насъ не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Оттого-то мы такъ тѣсно и сблизились съ Европой: ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени вышла къ одной цѣли съ нами. Развивши начало личности до нельзя, во всѣхъ его историческихъ тѣсныхъ, исключительныхъ опредѣленіяхъ, она стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ человѣку и пересоздавала это общество. Въ ней наступалъ тоже новый порядокъ вещей, противоположный прежнему, историческому, въ тѣсномъ смыслѣ національному. А у насъ вмѣстѣ съ началомъ личности человѣкъ прямо выступилъ на сцену историческаго дѣйствованія, потому что личность въ древней Россіи не существовала и, слѣдовательно, не имѣла никакихъ историческихъ опредѣленій. Того и другого не должно забывать, говоря о заимствованіи и реформахъ Россіи въ XVIII вѣкѣ: мы заимствовали у Европы не ея исключительно національные элементы; тогда они уже исчезли или исчезали. И у ней, и у насъ рѣчь шла тогда о человѣкѣ; сознательно или безсознательно—это все равно. Большая развитость, высшая степенъ образованія, большая сознательность были причиной, что мы стали учиться у ней, а не она у насъ. Но это не измѣняетъ ничего въ сущности. Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ и только-что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предъидущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь—одинъ.

Бояться, что Европа передастъ намъ свои отжившія формы, въ которыя она сама уже не вѣритъ, или надѣяться, что мы передадимъ ей свои— древне-русскія, въ которыя мы тоже извѣрились,—значитъ не понимать ни новой европейской, ни новой русской исторіи. Обновленныя и вѣчно юныя, онѣ сами творятъ свои формы, не стѣсняясь предъидущимъ, думая только о настоящемъ и будущемъ.

CVI. Значеніе Петра Великаго и совершеннаго имъ переворота.

(Изъ „Исторіи Россіи“, Соловьева).

«Въ одномъ государствѣ царственный ребенокъ, вслѣдствіе семейной вражды, гоненія отъ родственниковъ, подвергался страшнымъ опасностямъ, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи, среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды этихъ людей новую храбрую дружину, одолѣлъ съ нею противниковъ, и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни его благословляли, другіе проклинали».

— О комъ это идетъ рѣчь? что это хотятъ намъ повторять старую сказку о Кирѣ и Ромулѣ? кто ей теперь вѣритъ?

Сказывается не сказка, не о Кирѣ и Ромулѣ идетъ рѣчь, приводятся неоспоримыя извѣстія о русскомъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, который жилъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; пора оставить толки о сказкахъ и миѳахъ, и подмѣчать общіе законы историческихъ явленій.

Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка русскій народъ явственно тронулся на новый путь; послѣ многовѣкового движенія на востокъ, онъ началъ поворачивать на западъ,—поворотъ, который долженъ былъ необходимо вести къ страшному перевороту, болѣзненному перелому въ жизни народной, въ существѣ народа, ибо здѣсь было сближеніе съ народами цивилизованными, у которыхъ надобно было учиться, которымъ надобно было подражать. Вопросъ о томъ, могло ли сближеніе съ европейскими народами и воспринятіе ихъ цивилизаціи совершиться въ Россіи спокойно, постепенно, безъ увлеченій, рѣшается легко при внимательномъ наблюденіи общихъ законовъ историческихъ явленій. Когда мы говоримъ о просвѣщеніи, о цивилизаціи, то разумѣемъ громадную силу, которая безконечно возвышаетъ народъ, ею обладающій, надъ народомъ, у котораго ея нѣтъ: какъ же теперь съ понятіемъ о слабости соединить понятіе о силѣ? Какъ предположить, что широта и ясность взгляда, сдержанность, самостоятельность, плоды цивилизаціи давней и крѣпкой, должны быть достояніемъ народа нецивилизованнаго? Съ другой стороны, въ жизни народовъ мы замѣчаемъ извѣстные періоды, въ которые они проводятъ извѣстное начало, живутъ имъ, подчиняются ему вполнѣ; наступаетъ другое время, на очереди становится новое начало, и народъ предается ему; обнаруживается обыкновенно сильная вражда къ послѣднему, отрицаніе того, что было при его господствѣ, дурные

отзывы о времени этого господства; народы въ этомъ отношенiи не любятъ, не могутъ работать двумъ господамъ: если одного возлюбятъ, другого непремѣнно возненавидятъ. Здѣсь возможна только злая борьба между двумя началами, старымъ и новымъ,—борьба, необходимо раздражающая, ведущая къ увлеченiю, къ крайностямъ. Можно ли себѣ представить, чтобъ молодой, исполненный жизненныхъ силъ народъ, сблизившись съ другими, превосходящими его народами, понявши, чрезъ сравненiе, недостатки своего быта, не бросился вдругъ на все то, что казалось ему лучшимъ у другихъ? да и можно было бы медлить, когда несостоятельность во всемъ, несостоятельность матерiальная и нравственная были такъ явны? Когда было нельзя начать ни одного дѣла, не начавши вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ другихъ, этому дѣлу способствующихъ, для него необходимыхъ? Западные европейскiе народы въ описываемое время, относительно цивилизацiи своей, стояли высоко надъ Русскимъ, который долженъ былъ идти къ нимъ въ ученье; но для этихъ самыхъ западныхъ народовъ не прошло еще тогда время рабства чуждому, нерадѣнiя о своемъ, презрѣнiя къ нему; ослѣпленные блескомъ античной цивилизацiи, съ неодолимою силою потянулись они къ ней, доходя иногда въ началѣ до дикихъ увлеченiй, отдались въ науку Грекамъ, Римлянамъ, даже Италiанцамъ, прежде другихъ познакомившимся съ Греками и Римлянами; свое было въ опалѣ, къ своему относились какъ къ варварскому, значенiя, величiя своей исторiи, въ сравненiи съ исторiею Грековъ, не понимали. Очередь поработать чуждому началу и до Русскаго народа дошла, по извѣстнымъ условiямъ, позднѣе, чѣмъ до другихъ, и въ этомъ огромная невыгода, но причины этой невыгоды лежали въ условiяхъ хода всей предшествовавшей исторiи,—въ условiяхъ, при которыхъ явился нашъ народъ, основалось наше государство. Долговременное пребыванiе въ удаленiи отъ западной Европы и ея цивилизацiи, крайность, исключительность одного направленiя необходимо условливали крайность противоположнаго направленiя, необходимость удовлетворить вдругъ всему должна была неминуемо сообщить нашему такъ называемому преобразованiю характеръ революцiонный. Наша революцiя начала XVIII вѣка уяснится чрезъ сравненiе ея съ политическою революцiею, послѣдовавшею во Францiи въ концѣ этого вѣка. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, болѣзни накоплялись вслѣдствiе застоя, односторонности, исключительности одного извѣстнаго направленiя: новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ; необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработались они теоретически въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ приступлено было къ преобразованiямъ; разумѣется, слѣдствiемъ было страшное потрясенiе; во Францiи слабое правительство не устояло и произошли извѣстныя печальныя явленiя, которыя до сихъ поръ отзываются въ странѣ. Въ Россiи одинъ человѣкъ, одаренный небывалою силою, взялъ въ свои руки направленiе революцiоннаго движенiя, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства. Французскiе историки считаютъ себя въ правѣ плакаться на такой ходъ дѣла у себя и съ завистiю посматриваютъ на сосѣднiй островъ, гдѣ фундаментъ зданiя складывался издавна, постепенно и прочно; но пусть же они плачутся на весь предшествовавшiй ходъ французской исторiи, котораго революцiя была необходимымъ слѣдствiемъ; что не было сдѣлано исподволь, постепенно, и потому легко и

спокойно, то приходится дѣлать потомъ вдругъ, съ болѣзненными напряженіями, которыя мы называемъ революціями. И мы имѣемъ право плакаться на нашу революцію, но опять съ обязанностію плакаться также на всю предшествовавшую исторію, которая привела къ такой революціи, ибо условія здоровья не производятъ болѣзни.

Если таковъ общій законъ, если наша революція въ началѣ XVIII вѣка была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи, то изъ этого вполнѣ уясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ—Петра Великаго: онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру. Великій человѣкъ есть всегда и вездѣ представитель своего народа, удовлетворяющій своею дѣятельностію извѣстнымъ потребностямъ народа въ извѣстное время. Формы дѣятельности великаго человѣка условлены исторіею, бытомъ народа, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Чингисъ-ханъ и Александръ Македонскій оба завоеватели, но какая разница между ними! Эта разница происходитъ отъ различія народовъ, которыхъ они были представителями. Дѣятельность великаго человѣка есть всегда результатъ всей предшествовавшей исторіи народа; великій человѣкъ не насилуетъ своего народа, не создаетъ того, что непотребно и невозможно для народа. При настоящихъ успѣхахъ исторической науки великій человѣкъ теряетъ свое божественное значеніе, не является существомъ разрушающимъ и создающимъ по своему произволу, но онъ получаетъ великое значеніе, какъ представитель народа въ извѣстное время, какъ произведеніе и повѣрка народной жизни, народной исторіи. Великій человѣкъ не утрачиваетъ своего значенія; народъ не низводится до степени стада, безсознательно идущаго туда, куда его гонитъ чужая воля.

Но переворотъ сопровождался страшною борьбою, преобразователь встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ народѣ, слѣдовательно дѣло преобразованія было дѣломъ насилія со стороны верховной власти. Иностранцы не безъ нѣкотораго, понятнаго, впрочемъ, удовольствія, повторяли и повторяютъ, что Петръ насильно и преждевременно цивилизовалъ Русскихъ, что и не могло повести, и даже никогда не поведетъ ни къ какому толку. Вооружаются вообще противъ преобразованій, идущихъ сверху. Мы не знаемъ будущаго и потому не станемъ говорить о немъ, не будемъ преждевременно говорить того, что должны будемъ сказать въ послѣдствіи, прослѣдивъ судьбы дѣлъ Петровыхъ по его смерти. Но для устраненія безплодныхъ толковъ опять обратимся къ сравненіямъ изъ прошедшаго. Въ настоящее время ни одинъ изъ европейскихъ писателей, вѣрующій ли онъ или невѣрующій, не станетъ отрицать цивилизующаго значенія христіанства; каждый европеецъ гордится тѣмъ, что христіанство пустило глубокіе корни преимущественно въ Европѣ, что доказываетъ высшее развитіе, большую зрѣлость племенъ, населяющихъ эту часть свѣта. Но пусть же припомнятъ иторію принятія христіанства европейскими народами, пусть припомнятъ, что обыкновенно дѣло шло сверху, принимали христіанство князь и дружина его, ближніе люди, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, при чемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую; да и послѣ принятія крещенія масса въ про-

долженіе вѣковъ оставалась двувѣрною, не могла забыть старыхъ боговъ своихъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? то, что европейскіе народы были обращены въ христіанство насильно своими правительствами! Еще примѣръ ближайшій: въ Англіи король Генрихъ VIII вздумалъ отложиться отъ римской церкви: но извѣстно, какое сильное сопротивленіе встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя возстанія вельможъ и народа долженъ былъ онъ побороть; значитъ, англійскій народъ былъ насильственно отторгнутъ отъ папы, и реформа, которою такъ гордятся Англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII? Въ Римѣ будутъ очень довольны такимъ мнѣніемъ.

Петръ былъ представителемъ, вождемъ своего народа въ дѣлѣ народномъ: отсюда обязанность историка при описаніи великаго переворота не отрывать главнаго дѣятеля, вождя, отъ народа, отъ общества, съ самаго начала слѣдить, какъ образовывалось его существо подъ вліяніемъ условій, приготовленныхъ исторіею народа, ибо явленія, повидимому самыя случайныя, имѣвшіе вліяніе на характеръ историческаго дѣятеля, окрашиваются цвѣтами, господствующими въ обществѣ, и чрезъ это-то окрашиваніе общество и проводитъ свое вліяніе на историческаго дѣятеля.

Мы видѣли, какъ вслѣдствіе извѣстныхъ условій русское общество къ концу XVII вѣка выработало мало своихъ силъ, сдерживающихъ личную силу, которой было такъ много простору. Вотъ почему дѣвственная страна представляла такое обширное поприще для богатырей всякаго рода, для людей, которымъ, по выраженію пѣсни, было грузно отъ силъ, которые стремились разминать свое плечо богатырское и, когда расходятся, не знали удержу. Богатырскій, геройскій періодъ прекращается въ народѣ вмѣстѣ съ цивилизаціею, съ развитіемъ общественныхъ силъ; цивилизованное, развитое общество сжимаетъ личную силу, вгоняетъ ее въ извѣстные предѣлы, ограничиваетъ спеціализированіемъ занятій: отсюда понятно, что въ обществѣ цивилизованномъ сильные люди являются не въ такихъ богатырскихъ размѣрахъ, какъ въ обществахъ юныхъ. Мы очень хорошо знаемъ, какъ упражненіе развиваетъ всякаго рода силы, и потому нечего удивляться, что старинные сильные люди были сильнѣе нашихъ, ибо имѣли болѣе простору упражнять свои силы во всѣхъ направленіяхъ. Въ Россіи болѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ европейско-христіанскомъ государствѣ, общество вслѣдствіе своей исторіи предоставило простора для дѣятельности верховной власти, и потому неудивительно, что въ Россіи XVIII вѣка мы встрѣчаемъ двоихъ государей съ неимовѣрною дѣятельностію—Петра 1-го и Екатерину II-ю. Общество юное, неразвитое не допускаетъ раздѣленія занятій: отсюда сильному человѣку возможность и необходимость браться за все, упражнять свои силы въ многоразличныхъ родахъ занятій: отсюда многообразная дѣятельность Петра; вслѣдствіе тѣхъ же общественныхъ условій увидимъ впослѣдствіи на другомъ поприщѣ многообразную дѣятельность Ломоносова.

Петръ съ своими сподвижниками заканчиваетъ, собственно говоря, древній, богатырскій отдѣлъ русской исторіи. Это послѣдній и величайшій изъ богатырей; только христіанство и близость къ нашему времени избавили насъ (и то не совсѣмъ) отъ культа этому полубогу и отъ миѳическихъ представленій о подвигахъ этого Геркулеса.

Общество юное, кипящее неустроенными силами, произвело исполина, какъ юная земля въ допотопное время производила громадныя существа, скелеты которыхъ приводятъ въ изумленіе нашъ мелкій родъ. Но становится страшно: куда будутъ направлены эти силы при такомъ отсутствіи умѣряющихъ образовательныхъ началъ? Какія нравственныя пеленки приготовило общество для Петра, какъ оно воспитаетъ, образуетъ исполина?

Мы видѣли неудовлетворительность нравственнаго состоянія древняго русскаго общества; но видѣли также, что движеніе, начавшееся въ обществѣ во второй половинѣ XVII вѣка, и борьба, вслѣдствіе того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояніе. Какъ ни печально бываетъ нравственное состояніе въ извѣстномъ обществѣ, но если послѣднее живетъ, не рушится, значитъ—существуютъ извѣстныя нравственныя сдержки и связи, которыя не даютъ ему окончательно распасться. Но если это общество двинется, взволнуется въ сильномъ переворотѣ, то старыя связи необходимо ослабѣваютъ, иногда совершенно рушатся, и общество подвергается сильному нравственному колебанію, шаткости, смутѣ, пока нравственныя связи снова окрѣпнутъ или замѣнятся новыми. Поэтому справедливо говорятъ, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности. Прежде, до второй половины XVII вѣка, былъ неоспоримымъ авторитетъ отцовъ духовныхъ: теперь, съ одной стороны, раскольники, съ другой—новые учители, православные и неправославные, подкапываютъ этотъ авторитетъ, архіереи, священники оказываются несостоятельными, какъ учителя; молодое поколѣніе и вождь его воспитываются въ убѣжденіи, что этихъ учителей нечего слушать, говорятъ они Богъ знаетъ что, потому что невѣжды, учителей этихъ прежде всего надобно учить.

Древнее русское общество находило нравственныя сдержки въ родовомъ бытѣ; членъ рода чтилъ своего своего старшаго, находился подъ его надзоромъ и властію, которая, какъ знаемъ, была очень обширна и, при случаѣ, дабала себя тяжело чувствовать ослушнику; членъ рода уважалъ мнѣніе рода, боялся своимъ поведеніемъ нанесть безчестіе ему. Теперь и родовая связь ослабѣла, а другихъ сдержекъ на ея мѣсто еще не было выработано.

CVII. Отзывы потомства о Петрѣ Великомъ.

(Изъ сочиненія Брикнера: „Исторія Петра Великаго").

Со времени Петра и понынѣ встрѣчаются постоянно діаметрально противоположные одинъ другому отзывы о личности Петра, о его заслугахъ, о значеніи его царствованія въ исторіи Россіи. Раскольники ненавидѣли Петра; меньшинство, къ которому принадлежали патріоты, въ родѣ Посошкова, восхваляли его. Изъ иностранцевъ-современниковъ, между прочимъ, Фокеродтъ выразилъ сильныя сомнѣнія въ пользѣ его царствованія, въ цѣлесообразности его мѣръ для преобразованія Россіи, тогда какъ другіе наблюдатели, напр., Перри, Веберъ и пр., знавшіе Петра лично и слѣдившіе зорко за его реформою, восхищались гені-

альностью государя, благотворнымъ вліяніемъ его дѣятельности. Всѣ преемники Петра на престолѣ считали его образцомъ правителя. Въ самыя трудныя минуты своего царствованія Екатерина II вспоминала о Петрѣ, задавая себѣ вопросъ, какъ бы дѣйствовалъ онъ въ каждомъ данномъ случаѣ, между тѣмъ какъ въ то же самое время княгиня Дашкова однажды въ Вѣнѣ, за столомъ у князя Кауница, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицала и личность, и дѣятельность Петра. Не у однихъ только знавшихъ его лично встрѣчается нѣкоторая смѣсь уваженія съ боязнью и отвращеніемъ. Когда послѣ Чесменской битвы въ присутствіи двора митрополитъ Платонъ говорилъ краснорѣчивое слово и, внезапно сойдя съ амвона, подошелъ къ памятнику Петра и воскликнулъ: „Возстани теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! —возстани и воззри на любезное изобрѣтеніе твое“ и пр.,—то среди общаго восторга и умиленія, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій тихонько сказалъ: „чего онъ его кличетъ: если онъ встанетъ, намъ всѣмъ достанется“.

Уваженіе къ Петру, удивленіе его подвигамъ, заставило потомство сначала собирать отдѣльныя черты его жизни, являлись сочиненія, имѣвшія характеръ сборниковъ анекдотовъ; таковы труды Нартова, Крекшина, Штелина, Голикова, Вольтера. Нужно было идти дальше, заняться правильною, всестороннею, безпристрастною оцѣнкою значенія Петра въ исторіи, на основаніи изученія исторіи той эпохи вообще. Исторіографіею новѣйшаго времени многое было сдѣланно; много еще ей остается сдѣлать въ отношеніи къ этому предмету. Результаты нашего труда главнымъ образомъ совпадаютъ съ воззрѣніями на этотъ предметъ того достойнаго труженика, памяти котораго посвящено это сочиненіе *). Эти результаты относительно значенія Петра въ исторіи слѣдующіе:

Развитіе историческое происходитъ въ сущности независимо отъ отдѣльныхъ личностей. Россія и безъ Петра превратилась бы въ европейскую державу; онъ не создалъ новаго направленія въ историческомъ развитіи Россіи; но, благодаря геніальности и силѣ воли Петра-патріота, Россія особенно быстро и успѣшно подвинулась впередъ въ указанномъ ей уже прежде направленіи. Народъ, создавшій Петра, можетъ гордиться этимъ героемъ, бывшимъ какъ-бы продуктомъ соприкосновенія русскаго народнаго духа съ обще-человѣческую культурою. Глубокое пониманіе необходимости такого соединенія двухъ началъ, національнаго и космополитическаго, доставило Петру на вѣчное время одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества.

---

*) „Исторія Петра Великаго“, проф. Брикнера, посвящена С. М. Соловьеву.

CVIII. Причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русскомъ обществѣ.

(Рѣчь, читанная проф. Бестужевымъ-Рюминымъ въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго университета 31-го мая 1872 г. Изъ Ж. М. Н. Пр. за 1872 г., ч. CLXI).

Двѣсти лѣтъ прошло послѣ рожденія Петра Великаго, почти полтораста послѣ его смерти, имя его во всѣхъ устахъ, памятники ему стоятъ по городамъ русскимъ, а между тѣмъ и наука, и общество до сихъ поръ останавливаются въ недоумѣніи передъ колоссальнымъ образомъ Петра, передъ исполинскимъ подвигомъ, имъ совершеннымъ. До сихъ поръ, какъ и во время его дѣятельности, дѣятельность эта обсуждается съ разныхъ сторонъ: раздаются панегирики, иногда самые безотчетные, порицанія, нерѣдко самыя неосновательныя. Конечно, никто уже не повторитъ теперь слова Сумарокова: „Россійскій Виѳлеемъ—Коломенско село", какъ никто серьезно не повѣритъ въ то, что Петръ пропалъ во время поѣздки въ „стекольное государство", а образъ его принялъ на себя жидовинъ изъ колѣна Данова; но въ коренномъ различіи древней и новой Россіи твердо убѣждены еще многіе: именно съ этой точки зрѣнія слышатся и самыя сильныя похвалы, и самыя вѣскія осужденія. „Петръ уничтожилъ особенности старой русской жизни и сдѣлалъ очень хорошо: онъ приблизилъ насъ къ идеалу обще-человѣческой цивилизаціи, состоящей въ отрицаніи всего народнаго, всего частнаго", говорятъ одни. „Петръ уничтожилъ особенности древней Руси, и тѣмъ лишилъ насъ народности; оставилъ общеевропейцами посреди французовъ, нѣмцевъ, англичанъ, сохранившихъ и сохраняющихъ до сихъ поръ свою народную физіономію, не похожихъ и не желающихъ походить другъ на друга", говорятъ другіе. Извѣстно, что первое мнѣніе, идущее еще отъ Ломоносова, съ рѣзкостію высказываемое въ сороковыхъ годахъ, когда даже не разъ выражалась мысль, что Россію слѣдуетъ назвать Петровіею, имѣетъ за себя весьма значительную часть нашего литературнаго міра; за второе мнѣніе мы имѣемъ великій авторитетъ Карамзина. Оба эти мнѣнія сходятся, по вѣчному закону всѣхъ крайностей, въ одномъ—въ точкѣ исхода: оба отправляются отъ вѣры въ безграничную силу личной воли, могущей безпрепятственно создать то или другое положеніе вещей. Рѣзкости обоихъ направленій начинаютъ однако уже сглаживаться въ примирительномъ историческомъ взглядѣ, которымъ мы обязаны преимущественно С. М. Соловьеву, начавшему внимательно изучать XVII в. Въ результатѣ такого изученія оказалось, какъ несомнѣнно должно было оказаться, что дѣятельность Петра была наиболѣе энергическимъ выраженіемъ того, что составляло цѣль и завѣтныя стремленія его предшественниковъ, что геніальность Петра сказывается главнымъ образомъ въ умѣніи находить средства, нужныя для его цѣли, и идти неуклонно къ этой цѣли, и въ особенности—въ окончательномъ уясненіи, въ чемъ состоитъ эта цѣль. Словомъ, что пред-

ставлялось смутно и неясно людямъ XVII в., то ясно и опредѣленно явилось Петру Великому; но никакого перерыва, никакой пропасти между временемъ Алексѣя Михайловича и его геніальнаго сына не оказывается, да въ дѣйствительности и не было. Таковъ выводъ, до котораго дошла современная наука, но не таково наиболѣе распространенное мнѣніе; отчего же происходитъ эта разница, гдѣ источникъ разнорѣчій?

Всякое великое историческое дѣло, облекая плотію и кровію то, что неясно носилось въ умахъ, создаетъ нѣчто новое, какъ потому, что дѣйствительно привносится новый элементъ, такъ и потому, что старое получаетъ новый видъ, становится чѣмъ-то инымъ. Это новое вноситъ, по евангельскому слову, мечъ, оно раздѣляетъ все общество. Таковъ неотразимый законъ поступательнаго движенія: получившее образъ стремленіе требуетъ себѣ мѣста въ практической жизни, прилаживаетъ къ себѣ условія этой жизни, а потому и само прилаживается къ этимъ условіямъ. Пока идетъ этотъ процессъ претворенія, пока люди не свыклись съ новымъ, оно имъ кажется дикимъ и странныхъ, оно не согласуется съ ихъ обычными представленіями, будитъ ихъ и безпокоитъ; и люди всего медленнѣе и неохотнѣе свыкаются съ тѣмъ, что будитъ ихъ и тревожитъ, что затрагиваетъ ихъ привычки и матеріальные интересы. Къ тому же новое начало создаетъ новыя отношенія, новыя обязанности, жизнь усложняется, становится мудренѣе. Это опять законъ историческаго развитія, законъ неизбѣжный, но тѣмъ не менѣе тяжелый. Дѣло Петра именно такъ и подѣйствовало на русское общество. Правительство Московскаго государства понимало, что у него недостаетъ правильнаго войска, безъ котораго плохо приходилось ему въ борьбѣ съ сосѣдями, даже такими, какъ Польша и Крымъ, что у него не доставало промышленности, что внѣшняя его торговля вся въ рукахъ иностранцевъ-монополистовъ, что у него нѣтъ ни медиковъ, ни инженеровъ, нѣтъ даже образованныхъ пастырей церкви, понимало также, что мало можетъ оно положиться на своихъ чиновниковъ. Все это понимало оно и принимало мѣры, но мѣры частныя, нерѣшительныя: то выпишетъ иностранцевъ и поселитъ ихъ въ нѣмецкой слободѣ, то пробуетъ заводить фабрики, то введетъ въ часть войска новый строй, оставя другую при старомъ, то даже пошлетъ молодыхъ людей учиться за границу, но они оттуда не воротятся; съ ними повторится то же, что было съ Котошихинымъ, не нашедшимъ въ Россіи ничего, кромѣ предметовъ для осмѣянія, что было съ Хворостинымъ, который говорилъ, что въ „Москвѣ жить скучно, въ Москвѣ люди глупы". Правительство Московское то нѣмцевъ одѣнетъ въ русское платье, то русскихъ заставитъ ходить по польски, и все это безъ системы, безъ настойчивости: сегодня за табакъ рѣжутъ носы, завтра его позволятъ, а послѣзавтра опять запретятъ. Общество тоже смутно сознавало, что ему многаго недостаетъ: жаловались на страсть къ посуламъ приказныхъ людей, на монополію иностранцевъ; были и такіе, которые подумывали и о просвѣщеніи, въ „школахъ" заиконоспасскихъ находились ученики, въ домахъ появились гувернеры-поляки; еще въ началѣ XVII вѣка разсказываютъ объ одномъ Головинѣ, ходившемъ по вечерамъ, тайкомъ, учиться по латыни; и въ царскіе хоромы, и въ боярскіе стали заходить не только фряжскаго дѣла вещи, но и фряж-

скіе куншты (европейскія картины), стали заходить и кое-какія книжки въ переводѣ съ польскаго и латинскаго, появились и театральныя представленія, появились „куранты“, первыя наши вѣдомости; „цифирь“ и „землемѣрія“ не были такимъ страннымъ дѣломъ для нашихъ предковъ, какъ это иногда представляется. Послы наши за границей не только вникали во взаимныя отношенія европейскихъ государей, на что они были, надо признаться, первостатейными мастерами,—чѣмъ болѣе мы узнаемъ старыхъ нашихъ дипломатовъ, тѣмъ болѣе имѣемъ права гордиться ими,—но и вглядывались въ чуждые для нихъ нравы и обычаи. Все это было, повторяемъ, случайно, частно, служило знаменіемъ потребности въ новомъ, но къ новому не приводило. Кн. М. М. Щербатовъ дѣлаетъ любопытный разсчетъ, изъ котораго выходитъ, что если бы не было Петра, естественнымъ порядкомъ, не предполагая никакихъ колебаній, Россія только въ 1879 году была бы въ такомъ положеніи, въ какомъ была въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Какъ ни приблизителенъ его разсчетъ, но въ сущности онъ едва ли много отклоняется отъ правды. Мы шли бы медленно; постепенно; пословица: „семь разъ отмѣрь, одинъ разъ обрѣжь“—лучшій девизъ Московскаго государства, и подлѣ насъ усиливалась бы Швеція, которой предѣлъ положенъ былъ только на поляхъ Полтавы, и выросло бы другое государство, которому, если бы не было Петра, вѣроятно, досталась бы на долю вся Польша безъ раздѣла. Что бы было тогда? Но Петръ явился, и явился—великое историческое счастіе—именно въ ту минуту, когда все было готово и когда появленіе его было наиболѣе нужно. Воспитался онъ не въ Кремлевскихъ палатахъ, не посреди царскаго этикета чиннаго XVII вѣка, а на вольномъ воздухѣ своего Преображенскаго, въ сосѣдствѣ нѣмецкой слободы, рано сталъ царемъ, но царь онъ былъ опальный: льстецамъ было нечего дѣлать въ Преображенскомъ, ихъ мѣсто было въ Кремлѣ, тамъ они и вертѣлись; въ Преображенское же шли недовольные и указывали на недостатки существующаго. О воспитаніи Петра не заботились и потому не дали ему въ учителя многоученаго Симеона Полоцкаго, который познакомилъ бы его съ тонкостями богословія, научилъ бы немного по латыни и по польски, какъ выучилъ его братьевъ, и дубовыми стихами воспѣвалъ бы его добродѣтели въ панегирикахъ; дали же ему учителемъ добродушнаго и неглупаго дьяка, который, показывая картинки, пробудилъ въ немъ любознательность,—все, что онъ могъ сдѣлать; остальное сдѣлала геніальная русская натура, которая съумѣла всѣхъ обратить себѣ въ учителей и которой одного намека было достаточно для того, чтобы идти впередъ и самой все узнавать. Такое самообразованіе положило печать на всю жизнь: съ дѣтства привыкши отыскивать источникъ для удовлетворенія своей любознательности, Петръ сохранилъ эту привычку на всю жизнь и всю жизнь учился. Съ этой привычкой поѣхалъ онъ за границу: тамъ — источники знанія, но добиться до нихъ надо самому, и онъ привыкъ самъ до всего доходить, самъ все узнавать, и результаты его самообразованія были изумительны: онъ и корабли строилъ, и артиллерію изучилъ, и зубы дергалъ, и во всемъ онъ самъ могъ экзаменовать, и все онъ самъ могъ показывать. Такая обстановка дѣтства развила въ немъ врожденную способность узнавать людей помимо внѣшнихъ отличій, находить каждому занятіе, соотвѣтствующее его способностямъ: оттого

въ рѣдкую историческую эпоху мы встрѣчаемся съ такимъ количествомъ способныхъ людей, употребленныхъ именно на свое дѣло. Но воздавая каждому должное, Петръ съ каждаго требовалъ работы неустанной, онъ по своему опыту зналъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ, и требовалъ, чтобы каждый сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать. Подобное требованіе было тяжело для общества, привыкшаго быть въ „нѣтяхъ" и укрываться, при вызовѣ на службу, всевозможными способами. Петръ же требовалъ отъ людей своего времени другой службы, чѣмъ требовалось прежде; прежде требовали только явленія на службу, когда служба была нужна при «ратныхъ вѣстяхъ», по очереди въ Москву, что не было службою трудною, а воеводство считалось даже льготою: оно было средствомъ покормиться. Петръ же велъ войну 21 годъ; ему люди были нужны постоянно, и старое начало пожизненной службы онъ обратилъ въ дѣйствительность; служба стало тяжелѣе: раздался ропотъ. Къ тому же онъ потребовалъ и службы не дворянской: надо было ѣхать къ бусурманамъ, учиться строить корабли. Тяжело это было московскимъ баричамъ, и въ „нѣтяхъ" сказаться было нельзя: отыщутъ и строго накажутъ. Но всѣ понимали, что это совершалось во имя высокаго начала—государственнаго блага: «а о Петрѣ вѣдайте,—говорилъ онъ подъ Полтавою,—что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея», «если случится (что я впаду въ Турецкій плѣнъ),—пишетъ Петръ сенату изъ-подъ Прута, — то вы не должны почитать меня своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ васъ было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюсь между вами въ лицѣ моемъ». Такія чувства и мысли были немногимъ доступны и даже понятны въ ту эпоху, когда еще свѣжи были преданія вотчинныя, когда разница между государевымъ и государственнымъ была еще очень не ясна: ясно, отчетливо эту разницу первый поставилъ Петръ, посвятивъ всю жизнь свою на службу государству; такой же службы онъ требовалъ и отъ другихъ: много онъ прощалъ «дитѣ своего сердца» Данилычу, и прощалъ за то, что тотъ понималъ его намѣренія и умѣлъ исполнять ихъ; но къ тѣмъ, кто уклонялся отъ службы, кто былъ нерадивъ или своекорыстенъ, Петръ былъ неумолимъ. Несчастный царевичъ Алексѣй палъ жертвою своей неспособности понять законность требованій отца, своей созерцательной природы, которой противна была безустанная дѣятельность. Трагическая коллизія отца съ сыномъ только съ этой точки зрѣнія и можетъ быть объяснена. Съ этой же точки объясняются и мѣры Петра противъ монаховъ и вообще его отношенія къ духовенству: въ немъ онъ не видалъ себѣ подпоры, а видѣлъ сторонниковъ Алексѣя, которые «не въ авантажѣ обрѣтаются» и стремятся обрѣстись въ авантажѣ. Другой причины его отношеній къ духовенству нельзя подыскать. Становиться на точку зрѣнія XIX в. Петръ не могъ; требовать отъ него, чтобъ онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія своего отца, благоговѣвшаго передъ юродивыми, или сына, подыскивавшаго въ Бароніи мѣста о преимуществѣ духовной власти надъ свѣтскою, мы не имѣемъ права. Забота о могуществѣ государства, объ его политическомъ значеніи была первою заботою Петра, все остальное было средствомъ къ достиженію этой высшей цѣли: государству нужны техники—и создаются заведенія, способныя образовать этихъ техниковъ, моряковъ,

артиллеристовъ, инженеровъ, медиковъ; безъ собственной промышленности и торговли невозможно благосостояніе государства, процвѣтаніе его финансовъ: для этой цѣли дается самоуправленіе городскому сословію, льготы желающимъ заводить фабрики и заводы, русскимъ купцамъ, торгующимъ за границею и т. д.; водворяется та или другая форма промышленности, предписываются правила для того, какъ выдѣлывать юфть и т. п., назначаются строгія наказанія за несоблюденіе этихъ правилъ; государство принимаетъ въ свое полное вѣдѣніе промышленность, что соотвѣтствуетъ господствовавшей тогда въ Европѣ теоріи, представителемъ которой былъ знаменитый Кольберъ. Мѣры Петра находили сочувствіе и въ Россіи, напримѣръ, въ Посошковѣ, предлагавшемъ мѣры совершенно того же характера. Въ заботахъ своихъ о промышленности Петръ прежде всего имѣлъ въ виду, чтобы выгоды доставались русскимъ людямъ, чтобъ они выучивались разнымъ производствамъ, а иностранцевъ онъ призывалъ только какъ учителей. Та же мысль видна и въ учрежденіи Академіи Наукъ, которая заключала въ себѣ, кромѣ ученаго общества, и университетъ, и даже гимназію, имѣющія цѣлью готовить ученыхъ изъ русскихъ. Говорятъ, что Петръ предсказывалъ то время, когда центръ просвѣщенія, нѣкогда перешедшій изъ Греціи и Рима въ западную Европу, перейдетъ къ намъ. Онъ непремѣнно долженъ былъ вѣрить въ то, что его землѣ назначена высокая участь, и что его дѣла только заря этой блестящей будущности: лишь крѣпкая вѣра творитъ великія дѣла!

Дѣло Петра, требовавшее такого напряженія силъ, должно было непремѣнно возбудить многихъ противъ себя, и мы дѣйствительно знаемъ, что многихъ и возбудило. Когда же онъ умеръ, когда многое пошло не по его предначертаніямъ, когда иностранцы получили незаконное преобладаніе, когда русскіе люди, преимущественно высшихъ сословій, увлекаясь всѣмъ иностраннымъ, начали предпочитать нѣмецкое русскому и въ Парижѣ видѣть рай земной, когда, наконецъ, съ конца XVIII вѣка, кромѣ роскоши и моды, послѣдовалъ къ намъ наплывъ иностранныхъ гувернеровъ, и все общество окончательно заговорило по французски, — тогда поднялись мало-по-малу голоса противъ преобразованій Петра, и выступила, разумѣется, идеализація стараго быта. Въ ученіи славянофиловъ (въ его первобытномъ видѣ) эта идеализація получила окончательную форму. Есть въ ихъ возраженіяхъ стороны справедливыя, но онѣ по большей части касаются послѣдствій дѣятельности Петра, отъ него не зависѣвшихъ и имъ не предвидѣнныхъ: мало ли сколько постороннихъ элементовъ примѣшалось къ великому подвигу Петра уже тогда, когда дѣло его досталось продолжать другимъ, часто далеко уступавшимъ ему людямъ? Частью же эти возраженія касаются пріемовъ Петра и его средствъ. Его средства и пріемы заимствованы имъ изъ прошедшаго Московскаго государства или даже изъ примѣровъ тогдашней Европы, переживавшей эпоху Людовика XIV. Порицатели Петра не правы, стало быть, въ томъ, что они неясно различаютъ всѣ эти многообразные элементы въ его дѣлѣ и не останавливаются на вопросѣ о томъ, что̀ принадлежитъ ему самому, что̀ его времени и что̀, наконецъ, его преемникамъ. Появленіе безусловныхъ хвалителей Петра столько же понятно, какъ и появленіе порицателей: результаты подвига Петра были слишкомъ блистательны, сіяніе европейской цивилизаціи,

открывшейся для Россіи реформами Петра, слишкомъ ослѣпительно, и потому не мудрено, что преимущественно тѣ изъ людей ближайшихъ къ Петру поколѣній, которые пошли дорогою науки, какъ великій Ломоносовъ, наиболѣе увлекались его дѣломъ: для нихъ только съ Петра открылся новый міръ; къ нимъ присоединились тѣ, которые рабски подчинились Европѣ: такихъ много было въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Эти послѣдніе даже отчаялись въ Россіи и все хорошее видѣли въ Европѣ, оставляя намъ роль вѣчныхъ учениковъ, которымъ не суждено быть мастерами, незавидную роль Тредьяковскаго. Пока европеизмъ, въ смыслѣ западничества, т. е. поклоненіе всякому „послѣднему слову", господствовалъ у насъ, и это мнѣніе было господствующимъ; теперь мы однако начинаемъ выходить на другую дорогу, и, быть можетъ, исполнится завѣтная мысль Петра—видѣть насъ и въ области науки равноправными членами съ другими великими народами міра, и, быть можетъ, съ будущемъ законодатели, полководцы и поэты представятъ Русскую землю въ великомъ пантеонѣ всемірной исторіи. Тогда подвиги Петра получатъ свое завершеніе, и, быть можетъ, только тогда замолкнутъ разнорѣчивые о нихъ толки, и вся мыслящая Россія въ одинъ голосъ признаетъ важность реформы не въ одномъ лишь политическомъ отношеніи, хотя главнѣйшая ея цѣль и была, какъ я уже сказалъ, внѣшнее могущество Россіи. Время это, будемъ надѣяться, близко, заря уже стоитъ на нашемъ горизонтѣ. Тогда дождемся мы и полной исторіи Петра, которою мы все еще въ долгу передъ его великою памятью.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
9	1 сверху	симрики	силушки
184	3 снизу	осталось	остались
281	7 снизу	Славутинскаго-Романовскаго	Романовича-Славатинскаго
296	6 снизу	причихъ	прочихъ
368	25 сверху	ехантовъ	евхитовъ
618	14 сверху	ъ	къ
656	5 снизу	прощніи	прощеніи